

Россия и Китай

Четыре века
взаимодействия

ВЕСЬ
МИР



Россия и Китай

Четыре века
взаимодействия

ВЕСЬ
МИР

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИД РОССИИ

Россия и Китай

Четыре века взаимодействия

*История,
современное состояние
и перспективы развития
российско-китайских
отношений*

Под редакцией А.В. ЛУКИНА

Издательство «Весь Мир»
Москва
2013

УДК 327(091)
ББК 63.3(2)+63.3(5Кит)
66.4(2)+66.4(5Кит)
Р58

Научные рецензенты:

к.и.н. А.А. Волохова, д.и.н. В.И. Денисов, д.и.н. С.Г. Лузянин

Редактор: к.и.н. О.А. Зимарин

Допущено Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по образованию в области международных отношений в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности)

«Международные отношения»

Р58 Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. С. 704. Илл., врезки.

ISBN 978-5-7777-0548-8

Данная книга призвана решить две важные задачи: представить российской академической аудитории и экспертному сообществу глубокую научно-обоснованную картину российско-китайских отношений с момента их возникновения до настоящего времени и дать преподавателям и студентам в области международных отношений первоклассное учебное пособие. Авторский коллектив монографии составили ведущие российские ученые и дипломаты: А.И. Денисов (МИД), Е.П. Бажанов, А.В. Лукин (Дипломатическая академия), А.В. Иванов (МГИМО), В.Л. Ларин, Г.Н. Романова (ИИАЭ ДВО РАН), В.Г. Дацышен (СФУ), А.А. Писарев (Тайвань), Н.А. Самойлов (СПбГУ). В книге показано возникновение и развитие российско-китайских отношений, дана взвешенная характеристика важнейших двусторонних договоров, оцениваются различия в их трактовке в российской, китайской и мировой научной литературе, особо рассматривается сложный процесс развития культурных связей.

Книга снабжена иллюстрациями и научно-справочным аппаратом, в том числе на китайском языке, а также содержит тематические и биографические врезки, облегчающие восприятие и запоминание текста.

УДК 327(091)
ББК 63.3(2)+63.3(5Кит)
66.4(2)+66.4(5Кит)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0548-8

© Издательство «Весь Мир», 2013

Оглавление

Россия и Китай: от истории к современности (<i>А.И. Денисов</i>)	7
От редактора (<i>А.В. Лукин</i>)	9
Глава 1. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. (<i>Н.А. Самойлов</i>)	15
Глава 2. Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай (с 1917 до 1949 г.). (<i>А.А. Писарев</i>)	119
Глава 3. От дружбы через конфронтацию к нормализации. Советско-китайские отношения с 1949 и до 1991 г. (<i>Е.П. Бажанов</i>)	217
Глава 4. От нормализации к стратегическому партнерству. Россия и Китай после распада СССР (<i>А.В. Лукин</i>)	299
Глава 5. Замок с границы снят. Приграничные регионы в российско-китайских отношениях (<i>В.Г. Дацышен, В.Л. Ларин, Г.Н. Романова</i>)	409
Глава 6. Без политики. Отношения России с Тайванем, Гонконгом и Макао (<i>А.В. Иванов</i>)	513
Глава 7. Россия и Китай сегодня и завтра (<i>А.В. Лукин</i>)	611
Об авторах	691
Список биографических врезок	699

Россия и Китай: от истории к современности

*А.И. Денисов —
Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации
в Китайской Народной Республике*

Российско-китайские отношения вышли сегодня на уникальный в их истории уровень всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства и, без сомнения, имеют хорошую перспективу развития. Эта формула — не некая политологическая абстракция. За ней — осязаемая польза для наших стран и народов, живущих в мире и согласии, оказывающих друг другу поддержку по вопросам, затрагивающим их коренные интересы, активно развивающих взаимовыгодное практическое сотрудничество и гуманитарные контакты.

Взяв такую серьезную высоту в двусторонних отношениях, уместно в соответствии с китайской мудростью — «когда пьешь воду, помни об истоке» — оглянуться на пройденный путь.

Именно эта задача стояла перед авторами подготовленной в Дипломатической академии и Центре исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) МИД России монографии «Россия и Китай: четыре века взаимодействия». Книга является давно назревшей и, надо признать, удачной попыткой обобщения истории российско-китайских отношений, одним из немногих на сегодняшний день научных трудов, дающих панорамный взгляд на обозначенную в названии тему. Она будет полезна для всех, кто интересуется вопросами наших отношений с Китаем: и для ученых, и для студентов, и для тех, кто по долгу службы непосредственно занимается данной проблематикой.

Монография представляет собой коллективное исследование проблем истории, современного состояния и перспектив российско-китайских отношений в международном контексте. Она охватывает все периоды российско-китайских отношений с XVII века по настоящее время. В работе над монографией принимали участие ведущие российские специалисты-китаеведы Дипломатической академии и других учебных и научных учреждений. Одной из особенностей данного труда и, как представляется, его сильной стороной является то, что в нем нашли отражение не только взгляды авторов на затрагиваемые проблемы, но представлены и иные точки зрения, как российских, так и китайских и других зарубежных ученых. Это дает читателям более полную картину о характере дискуссий по излагаемым вопросам, возможность узнать и сопоставить различные трактовки исторических событий.

История никогда не бывает подобна скоростной автотрассе без ухабов и выбоин. В ней всегда хватает непростых моментов, которые по-разному оцениваются не только современниками, но и учеными-историками, живущими спустя десятилетия и даже столетия после тех или иных событий. Убежден в необходи-

мости избегать политизации исторической науки, превращения ее в инструмент идеологической борьбы, не имеющей ничего общего с научным исследованием. Именно поэтому мне кажется оправданным сам подход авторов монографии к проблемам российско-китайских отношений — не навязывающий читателю одномерных суждений, а предлагающий широкую палитру исторических материалов и взглядов различных исследователей на многие непростые моменты истории российско-китайских связей. В конце 80-х годов наши страны сумели добиться нормализации двусторонних отношений, основываясь на предложенной Дэн Сяопином формуле «закрыть прошлое и открыть будущее». К ней, исходя из современного опыта, можно добавить «...и оставить историю — историкам».

Знакомство с монографией позволяет обобщить некоторые главные уроки российско-китайских отношений. Во-первых, Россия и Китай — это редкий пример соседних великих держав, в истории взаимодействия которых не было полномасштабных вооруженных конфликтов, а пограничное размежевание, хотя порой и небезболезненное, осуществлялось в целом мирным путем (для сравнения полезно взглянуть на историю становления границ России с другими партнерами в Европе и Азии, да и формирования внешних границ Китая). Во-вторых, российско-китайские отношения — это отношения либо обоюдного выигрыша, либо обоюдного проигрыша, что особенно ярко проявилось в прошлом веке. Наши страны выигрывали, когда стояли плечом к плечу — как, например, во время Второй мировой войны и после нее, и проигрывали, когда отношения между ними ухудшались, как это, к сожалению, было в шестидесятые-семидесятые годы. Наконец, в-третьих, самый надежный фундамент межгосударственного взаимодействия — не та или иная идеология, не дружба против кого-либо, а совпадение коренных национальных интересов, близость подходов к основным процессам на международной арене.

Понятно, что и в России, и в Китае существуют разные взгляды на ряд проблем и событий в многовековой истории взаимодействия двух держав. Это естественно и нормально. Представляется, что предлагаемая вниманию читателя монография — весомая заявка на уважительный, заинтересованный диалог по линии научных сообществ двух стран, который имел бы целью лучшее понимание позиций друг друга и как результат на перспективу — сближение взглядов российского и китайского научного сообщества по вопросам истории наших отношений.

От редактора

А.В. Лукин

Предлагаемая читателю книга «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» представляет собой коллективное исследование проблем истории, современного состояния и перспектив развития российско-китайских отношений в международном контексте. Оно охватывает все периоды развития российско-китайских отношений со времени их зарождения до конца первого десятилетия XXI века.

Данная монография — первый в российской научной литературе анализ взаимодействия двух континентальных гигантов на протяжении всей их истории, сконцентрированный под одной обложкой. Возможно, для некоторых эта фраза прозвучит странно. Ведь книг и статей по истории и современному состоянию отношений между двумя великими соседями за без малого четыреста лет было написано великое множество, целые научные институты занимались их исследованиями. Все это так, но факт остается фактом: до сих пор ни в России, ни в СССР не было издано ни учебника, ни научной монографии, в которых бы последовательно рассматривались взаимоотношения России и Китая на всем протяжении их истории. Между тем, подобные исследования издавались на китайском и даже европейских языках.

Различные отечественные авторы в основном посвящали свои труды конкретным периодам, пусть даже и значительным, а также проблемам и аспектам российско-китайских связей (например, экономике, политике, культуре), взаимодействию в конкретных регионах мира, роли отдельных институтов или личностей. Пожалуй, последним исследованием всей истории отношений в их комплексе можно назвать труд академика XVIII века Г.Ф. Миллера, однако он, мягко говоря, несколько устарел¹. В XIX веке и в советское время таких всеохватывающих исследований издано не было. После распада СССР попытку комплексного исследования российско-китайских отношений предпринял А.Д. Воскресенский, но его работа, несмотря на всю свою ценность, состоящую в последовательном и логичном изложении, является слишком сжатой, чтобы рассмотреть основные проблемы российско-китайских отношений с необходимой полнотой. Страдает, на наш взгляд, этот труд и излишней склонностью к теоретизированию в ущерб анализу реальных проблем². Многие авторы настоящей монографии рассматривают взгляды А.Д. Воскресенского по-разному — иногда соглашаясь, а иногда полемизируя с ними. Грандиозный многотомный труд «Русско-китайские отношения» представляет собой прежде всего публикацию документов и, таким образом, является скорее источником по истории отношений наших двух стран, чем собственно исследованием. Конечно, в предисловиях к отдельным томам

¹ Миллер Г.Ф. О первых Российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. Июль 1751. С. 17–62.

² Воскресенский А.Д. От теории к истории российско-китайских отношений // Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей, 2004. С. 267–542.

их авторы дают анализ публикуемых документов и делают важные обобщающие выводы. Однако это все же лишь комментарий к источникам, к тому же вышедшие тома не охватывают все периоды истории российско-китайских связей.

В связи с этим публикация данного исследования представляется крайне актуальной, так как в российской научной литературе полно и последовательно проработанной истории российско-китайских отношений не выходило с XVIII века. Новизна этой работы состоит не только в полноте и последовательности изложения, но и в некоторых подходах к материалу.

Прежде всего, собственно, о полноте. Конечно, в одной книге трудно сказать обо всем, и в этом смысле любой критик легко найдет не описанное кем-то событие, которое представляется ему важным. Однако авторы, в целом придерживаясь хронологической последовательности, старались выделить основные, ключевые, по их мнению, моменты истории российско-китайских отношений, те из них, которые определяли долгосрочные тенденции, а также вызвали наибольшие дискуссии.

Авторы отдельных глав данной монографии, естественно, излагали собственные взгляды на описываемые события. В то же время, в отличие от многих других российских и особенно советских работ, перед ними не ставилась задача защитить те или иные позиции и тем более дать отпор «врагам» и «клеветникам». Напротив, не затушевывая собственных позиций, они старались объективно излагать взгляды и тех, с кем не согласны, причем как российских и советских, так и зарубежных, прежде всего китайских, исследователей. В задачу входило не сформировать у читателя определенный взгляд на события, а создать более полную картину о характере дискуссий по излагаемым вопросам, дать возможность ознакомиться с различными трактовками и подходами.

Подобрать авторский коллектив, способный решить такую задачу, было нелегко. Слишком многие российские китаеведы одной ногой стоят в советском прошлом и привыкли не анализировать, а нападать и защищать. Но нам кажется, участники нашего проекта, представляющие несколько крупных университетов и исследовательских центров, со своей задачей справились. Информированный читатель легко заметит, что среди авторов нет связанных с организациями, специально созданными для «борьбы с маоизмом», тех, кто в советские годы давал отпор «китайским ревизионистам» и «фальсификаторам истории». Хотя все авторы — россияне, многие из них в течение долгого времени работали в различных зарубежных университетах и научных центрах и хорошо знакомы с мнениями и позициями своих зарубежных коллег.

Исходя из поставленной цели, авторы излагают материал научным языком, объективно, без излишней эмоциональности. Отдельное внимание в каждой главе уделяется политическим, экономическим и культурным аспектам двустороннего взаимодействия, которые мы считали одинаково важными.

Теперь о форме подачи материала, в которой также есть ряд новых моментов. Считая труд в целом единой монографией, авторы понимали каждую из своих глав как законченное исследование. В связи с этим, а также для удобства читателей, многие из которых, как мы надеемся, будут студентами, изучающими внешнюю политику России, каждая глава завершается выводами по рассматриваемому в ней периоду. Кроме того, в конце каждой из них публикуется список литературы

и краткая хронология основных событий российско-китайских отношений по этому периоду.

Большое значение мы придаем и биографиям политических и общественных деятелей: политиков, дипломатов, военных, путешественников, исследователей, оставивших свой след в истории российско-китайских отношений, которыми перемежается текст каждой главы. Над биографиями работали А.В. Иванов, А.В. Лукин и Н.А. Самойлов. Роль упоминаемых деятелей могла быть различной: как позитивной, так и негативной, но в любом случае значительной. Снабженные портретами или фотографиями (кроме тех случаев, когда портретов найдено не было), их биографии призваны представить ход развития российско-китайских связей не как результат работы абстрактных сил и процессов, но как поле деятельности конкретных, часто ярких личностей с их собственными целями, трудностями, достижениями и страстями.

Наконец, немаловажное нововведение — запись имен китайских авторов и названий их произведений не в русской транскрипции, а китайскими иероглифами. Традиция записи транскрипцией сложилась в поздний советский период, когда в большинстве типографий (хотя и не во всех) не было китайского шрифта. Сегодня, в эпоху новых технологий, никаких технических препятствий для печати любых знаков не существует, однако многие по традиции продолжают записывать китайские слова русской транскрипцией. На наш взгляд, никакого смысла в этом нет. Тот, кто не знает китайского языка, все равно не сможет понять, что написано транскрипцией. Зато тот, кто с ним знаком, гораздо лучше поймет, что написано иероглифами. Да и вообще, зачем унижать великий китайский язык, записывая его, в отличие, например, от английского, чуждыми ему знаками? Впрочем, китайские имена, чтобы их могли узнать те, кто пока не владеет этим языком, снабжены транскрипцией, данной в скобках, а названия книг и статей — переводом.

Книга начинается четырьмя главами, которые делят историю двусторонних отношений на крупные исторические периоды. Первый из них описан в главе «От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г.», то есть ограничен временем распада Российской империи. Такое ограничение имеет смысл, так как подход к Китаю в нашей стране до и после 1917 г. коренным образом отличался. Автор главы, известный историк-китаевед, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н.А. Самойлов спокойно и обстоятельно описывает политику России и Цинской империи, не защищая и не осуждая ничьих подходов, но стараясь показать механизмы и причины тех или иных действий обеих сторон. Многие его оценки неожиданны для советской и российской историографии. Например, описывая Нерчинский договор как заключенный под давлением превосходящих сил Цинской империи и потому со стороны России не вполне добровольный (что, безусловно, соответствует действительности), он признает и его позитивную роль для создания стабильной обстановки на границе и развития торговых и других связей между двумя соседями. При этом приводятся как обычные советские оценки этого договора (признающие его невыгодным России и неправомерным), так и китайские (обычно подчеркивающие его законность). В то же время в главе подвергается сомнению само китайское деление договоров на «неправомерные» (которыми обычно при-

знаются невыгодные Китаю) и равноправные. Действительно, традиционной китайской идеологии вплоть до распада Цинской империи вообще была чужда концепция равноправия, да и собственно понятие международных отношений, так как «государством» (国) в собственном смысле считался один Китай, который в теории не имел границ или партнеров, а занимался лишь окультуриванием варварских народов.

Глава «Эпоха гражданских войн и революций», написанная профессором А.А. Писаревым, в настоящее время работающим в Даныцзянском университете на Тайване, посвящена сложным перипетиям советско-китайских отношений с 1917 по 1949 год. Это крайне интересный, богатый событиями и во многом еще недостаточно изученный период, когда Москва то поддерживала Гоминьдан, то резко критиковала его, а отношения с КПК также были не всегда безоблачными. Хорошо знакомый с оценками как российских исследователей, так и специалистов из КНР, США и Тайваня, автор подробно излагает и обсуждает их. Касается он и одного из наиболее остро дебатированных сегодня вопросов: была ли политика И.В. Сталина в отношении Китая основана на возрождении в новых, советских формах традиционного русского национализма и империализма конца XIX — начала XX в., либо основывалась на марксистской идеологии. Приводя оба мнения, автор склоняется к выводу о том, что марксистская доктрина играла в политике советского вождя не последнюю роль.

Глава «От дружбы через конфронтацию к нормализации» написана выдающимся российским китаеведом и специалистом по международным отношениям, Заслуженным деятелем науки России, ректором Дипломатической академии МИД России Е.П. Бажановым и посвящена сложному периоду от создания КНР до распада СССР. На это время приходится самая тесная дружба и самая жесткая вражда между двумя странами. Подробно описываются причины и неизбежность союза между двумя крупнейшими коммунистическими режимами, а также закономерность возникновения разногласий между ними. Автор анализирует китайские взгляды на российскую внешнюю политику времен правления Мао Цзэдуна и демонстрирует их несоответствие действительности. В то же время показана и необоснованность некоторых советских оценок внешней политики Китая после начала реформ Дэн Сяопина как «антисоциалистической» и «право-маоистской». Особый интерес представляет описание событий нормализации двусторонних отношений во второй половине 80-х годов XX века, во многих из них автор принимал непосредственное участие.

Следующая глава, написанная проректором Дипломатической академии МИД России и директором Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД России А.В. Лукиным, посвящена эволюции российско-китайских отношений после распада СССР. Автор подробно освещает изменения в подходе к Китаю, вызванные переменами в общем направлении российской внешней политики, и формирование разветвленной структуры стратегического партнерства двух стран.

Отдельная глава посвящена эволюции отношений между российскими и китайскими приграничными регионами на протяжении всей их истории. Этот аспект двусторонних отношений, пока недостаточно изученный и малоизвестный, по крайней мере в столицах двух государств, вполне заслуживает отдельного дополнительного внимания. Ее авторы — известные российские ученые

из восточной части нашей страны: заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета В.Г. Дацышен, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Ларин и старший научный сотрудник этого института Г.Н. Романова. Они вносят в монографию крайне важную региональную струю, подробно излагая историю и современное состояние связей между приграничными территориями, их правительствами, бизнесменами, учеными и простыми гражданами.

В шестой главе, написанной старшим научным сотрудником Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) А.В. Ивановым, анализируются история и сегодняшний день отношений между Россией/СССР и Тайванем, Гонконгом и Макао. Эти территории, являясь неотъемлемой частью Китая, имеют свою специфическую историю и особый статус, поэтому их отношения с Россией можно рассматривать отдельно.

Написанная А.В. Лукиным завершающая глава «Россия и Китай сегодня и завтра» представляет собой заключение к содержащемуся в монографии историческому исследованию. В ней в концентрированном виде излагаются основные проблемы и подходы к современному состоянию и перспективам развития отношений между двумя великими соседями, рассматриваются достижения, а также реальные и мнимые проблемы.

Представляемая монография рассчитана на самых разных читателей: от студентов, изучающих соответствующий курс, до специалистов, интересующихся подходами российских и зарубежных коллег к конкретным вопросам российско-китайского взаимодействия. Надеемся, что наш труд вызовет интерес специалистов по российско-китайским отношениям, международной ситуации в АТР, российской внешней политике в целом и будет способствовать созданию теоретической и исторической основы для выработки российского курса в отношении Китая.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю благодарность заместителю директора Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Карнееву, заместителю директора Первого департамента Азии МИД России Г.В. Зиновьеву и старшему научному сотруднику Отдела Китая Института востоковедения РАН В.Ц. Головачеву за ценные замечания, высказанные по отдельным частям данного исследования, а также младшим научным сотрудникам Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД России О.В. Пузановой и О.С. Смирновой и аспирантке Центра Синь Жань за техническую помощь при редактировании и обработке рукописи.

ГЛАВА 1

От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г.

Н.А. Самойлов

Первые контакты русских с Китаем

На сегодняшний день нет точных данных о том, когда и как самые первые сведения о Китае попали на Русь. Не исключено, что их появлению способствовала торговля, которую русские купцы вели со странами Востока, а информация о Китае могла проникнуть на Русь через сопредельные с ней земли. Подобным же образом сведения о русских, возможно, попадали в Китай. Некоторые авторы, например Л.Н. Гумилев, были склонны считать, что упоминания об этой стране могут быть обнаружены в памятнике древнерусской литературы «Слове о полку Игореве», где фигурируют некая страна «хинова», народ «хинови» и «хиновские стрелки»¹. Однако подобная гипотеза вызвала критические суждения некоторых видных отечественных ученых (академик Б.А. Рыбаков, востоковед Н.Ц. Мункуев² и др.). На спорность утверждения Л.Н. Гумилева указывают также филологи В.Г. Гузев и О.В. Творогов³.

Если все же согласиться с тем, что сведения о Китае в те отдаленные времена достигали Руси, то это могло произойти лишь при посредничестве других народов. В этом плане показательно появление в русском языке самого слова «Китай», которым мы сегодня именуем самое большое по численности населения государство в мире. Оно происходит от названия одного из кочевых народов — киданей, захвативших часть территории современного Китая и основавших там государство — Ляо (916—1125). После того как другие кочевники — чжурчжэни разгромили государство Ляо и создали свою империю Цзинь (1115—1234), часть киданей отступила на Запад — в Центральную Азию. В районе реки Чу было создано новое государственное образование, за обитателями которого закрепилось название «кара-китай», а слова «Китай», «китай», попав в тюркские и монгольские языки, стали использоваться применительно к собственно Китаю, перейдя затем с этим же значением и в русский язык.

Первые китайцы, очевидно, попали на Русь во время завоевательных походов монголов. Среди тех, кого привел с собой в Восточную Европу хан Батый,

¹ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 313—318. См. также: Чивилихин В.А. Память: Роман-эссе. Кн. 2 // Собр. соч.: В 4-х т. Т. 4. М., 1985. С. 186—188.

² Народы Азии и Африки. 1972. № 1. С. 185—189.

³ Гузев В.Г., Творогов О.В. Хин(ова) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». URL: <http://feb-web.ru/feb/sloven/es/es5/es5-1791/html>.

были и жители «Срединного государства». Самое раннее упоминание о России («Олосы») содержится в 120-м цзюане «Истории династии Юань» («Юань ши»), где говорится о походе монголов на Русь, осаде и взятии русских городов⁴.

Завоевание монголами Китая и русских княжеств происходило практически в одно и то же время. В 1231 г. монгольские войска во главе с великим ханом Угэдэем форсировали Хуанхэ и начали наступление на столицу империи Цзинь — город Кайфэн. В 1234 г. он был взят, а в следующем году монголы развернули наступательные действия против южнокитайской империи Сун. Тогда же на великом курултае было принято решение отправить Бату-хана (Батыя) на завоевание Восточной Европы. В 1237 г. войско Батыя подошло к Рязани, начав разорение русских земель. В итоге Русь и Китай практически одновременно вошли в состав Монгольской державы — гигантского территориального образования, охватывавшего значительную часть Евразии и коренным образом изменившего в ту эпоху геополитическую ситуацию в мире. Насильственное включение в состав этой державы самых различных народов объективно привело к активизации контактов между ними. Именно к этому периоду относится первое документированное упоминание о русских в Китае.

Монголы, подчинив большую часть русских земель власти Золотой Орды, начали угонять местных жителей в Монголию и покоренные ими страны. Внук Чингис-хана и основатель династии Юань — хан Хубилай в 1264 г. перенес столицу своих владений в современный Пекин, который тогда стал именоваться по-китайски — Даду («Великая столица»), а по-монгольски — Ханбалык (из тюрк. — «Обитель хана»). Из покоренных монголами стран туда направлялись большие группы рабов, среди которых были и русские пленники. У монгольских ханов существовала традиция набирать в подвластных им землях дружины и создавать из них особые формирования — своего рода «гвардию». Выдающийся русский китаевед архимандрит Палладий (П.И. Кафаров), проанализировав китайские источники периода династии Юань, пришел к выводу, что «таким образом составились в Пекине полки: кипчакский, асу (из азов) и русский»⁵.

В китайских источниках так называемый «русский полк» в составе столичной гвардии впервые упоминается в 1330 г. Этому воинскому формированию было дано название — «Сюань чжун улосы хувэй цинь цзюнь» («Охранное войско из русских, прославляющее преданность»), а к северу от столицы правительство специально приобрело участок земли для организации лагеря. Военнопоселенцы должны были заниматься земледелием, обеспечивая себя продовольствием. Их основной обязанностью стала охота, всю добычу они поставляли к императорскому столу. В 1331–1332 гг. численность «русского полка» увеличилась. Точные данные об этом отсутствуют, но на основе сведений о вновь приписываемых к нему воинах можно предположить, что «полк» насчитывал несколько тысяч человек.

Дальнейшая судьба этих русских людей неизвестна. Остается неясным, что произошло с ними после падения монгольской династии в Китае. Иеромонах Николай (П.С. Адоратский), историограф Российской духовной миссии в Китае,

⁴ 林军 (Линь Цзюнь) «中苏关系1689—1989年» (Китайско-советские отношения, 1689–1989), 哈尔滨, 黑龙江教育出版社, 1989年, 第7页.

⁵ Архимандрит Палладий. Китайские вести из Рима (отрывок из письма к редактору) // Духовная беседа. 1863. Т. 18. № 27. С. 368.

высказывал предположение, что «русский полк» переместился на запад Китая и что потомков этих русских, возможно, следует искать в провинции Сычуань⁶. Именно в связи с походами монголов первые сведения о Руси попали в китайские династийные истории⁷.

Освобождение Китая и России от монгольского ига также происходило практически в одно и то же время. Народное движение против монголов, во главе которого встал Чжу Юаньчжан, известное в истории Китая как восстание «красных войск», привело к власти китайскую династию Мин (1368–1644). На другом конце евразийского пространства в 1380 г. произошла Куликовская битва, положившая начало освобождению Руси от ордынского ига. Однако ликвидация монгольской державы и появление на пространствах Евразии новых территориально-государственных образований вновь отдалили Китай и Россию друг от друга и на столетия отодвинули начало прямого диалога. В китайских источниках раннего периода правления династии Мин отсутствуют какие-либо упоминания о России и русских.

В отечественном китаеведении, начиная с исследований П.Е. Скачкова, существовало убеждение в том, что в русских летописях упоминание о Китае как государстве, покоренном монголами, появилось в XIV в.⁸ Подобная точка зрения основывается на фрагменте из «Повести о Темир-Аксаке» (т.е. о Тамерлане), включенной в состав Второй Софийской летописи. В последнее время подобные утверждения были поставлены под сомнение новейшими исследованиями. А.В. Лукин обращает внимание на то, что Тамерлан умер в 1405 г., и сейчас большинство ученых датируют «Повесть о Темир-Аксаке» 70–80-ми годами XV в.⁹ А немецкий исследователь А. Каппелер утверждает, что в данном фрагменте слово «Китай» означает не Китай как таковой, а покоренных монголами киданей (кара-китаев)¹⁰.

Следует отметить, что в этот период сведения о Китае попадали в Россию лишь эпизодически, в основном через другие страны. Так, например, Афанасий Никитин, совершивший знаменитое путешествие в Индию и интересовавшийся возможностями торговли через эту страну с другими государствами, писал в своем «Хожении за три моря»: «а от Певгу¹¹ до Чини да до Мачина месяц итти, морем все то хождение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 месяц, а морем 4 дни итти...»¹².

В этом тексте обращает на себя внимание тот факт, что Афанасий Никитин различал, как это было принято в европейской и арабо-мусульманской традиции того времени, Северный и Южный Китай. Северную часть этой страны он называл «Китаа», а южную — «Чин» или «Мачин», указывая, что морской путь из Южного Китая в Северный значительно короче сухопутного. Афанасий Никитин

⁶ *Иеромонах Николай (Адоратский)*. Отец Иакинф. Исторический этюд // Православный собеседник. 1886. № 3. С. 260.

⁷ *Иванов А.И.* Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археографии императорского Российского военно-исторического общества. 1914. Т. 3. С. 15–22.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1863. С. 125. См.: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 15.

⁹ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 33.

¹⁰ *Kappeler A.* Die Anfänge eines russischen China-Bildes im 17. Jahrhundert // Saeculum. 1980. No 31. P. 28.

¹¹ Пегу — город на территории современной Мьянмы.

¹² Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 11.

не привел названий конкретных городов Китая, ограничившись лишь общим упоминанием: «А Чинское же да Мачинское пристанище велми велико, да делают в нем чини¹³, да продают же чини на вес, а дешево»¹⁴.

В XVI в. возрос интерес к Китаю в Европе. Наибольшую активность проявляли португальцы, основавшие на юге страны свою факторию в Макао (Аомэнь). В Китае появились миссионеры-иезуиты. Иностранцы пытались отыскать удобные пути в Китай, рассчитывая проникнуть туда через Московское государство. В нашей стране стремление к установлению контактов с Китаем появилось лишь с началом освоения Сибири. При царе Василии Шуйском в 1608 г. была предпринята попытка отправить послов в Монголию и «Китайское царство», завершившаяся неудачей.

Первое русское посольство, которое возглавил томский казак Иван Петлин, было направлено из Тобольска в Пекин в 1618 г. До Монголии русские доехали вместе с возвращавшимися из Москвы послами Алтын-хана. Затем, двигаясь вдоль Великой Китайской стены, фактически являвшейся северной границей империи Мин, добрались до прохода, доступного для всех, кто прибывал в Китай с севера, и направились в Пекин. На весь путь от Тобольска до китайской столицы И. Петлин затратил три месяца.

Пребывание русского посольства в Пекине оказалось кратким — всего четыре дня. К императорскому двору Иван Петлин не был допущен: китайские чиновники объяснили русскому послу, что у него не было достойных подарков для поднесения императору, а без подарков являться к Сыну Неба не положено. По всей видимости, при дворе минского императора Шэнь-цзуна не могли четко определить своего отношения к неожиданному посольству от неизвестных доселе «варваров».

Вместе с тем посольство И. Петлина все-таки имело важное значение для становления отношений России с Китаем. Во-первых, это был первый осознанный контакт представителя Русского государства с китайскими официальными лицами. Во-вторых, И. Петлин открыл сухопутный маршрут из Европы в Китай через Сибирь и Монголию. В-третьих, китайские чиновники вручили русскому послу грамоту от имени императора, в которой содержалось разрешение на установление торговых отношений и направление в Китай посольств из России (к сожалению, в то время на Руси не нашлось человека, который был бы способен перевести иероглифический текст, и общий смысл этого документа был понят лишь в конце XVII в.)¹⁵. И наконец, в-четвертых, И. Петлин составил подробный отчет о своем путешествии («Роспись»), в котором были изложены уникальные сведения о Китае и сопредельных странах, а также привез «чертеж Китайского государства».

Значение тех данных, которые содержались в «Росписи» И. Петлина, для накопления знаний о Китае было настолько велико, что ее текст был переведен на все основные европейские языки. В 1625 г. в Лондоне был опубликован английский перевод. В 1628 г. во Франкфурте-на-Майне появился перевод на немецкий язык. Затем «Роспись» была переведена на французский, шведский, датский, голландский и латынь. Эти публикации активно использовались в Европе теми, кто интересовался развитием связей с Китаем. В то же время в России «Роспись» считалась секретной и была доступна лишь ограниченному кругу лиц.

¹³ Фарфор.

¹⁴ Хожение за три моря Афанасия Никитина. С. 12.

¹⁵ Отсюда пошло русское крылатое выражение «китайская грамота».

Миссия Ивана Петлина не привела к установлению отношений с Китаем на постоянной основе, однако она стала первым и очень важным звеном в развитии прямых контактов между представителями двух государств и способствовала началу распространения знаний о странах Центральной и Восточной Азии в России.

Интересно, что в российской исторической науке сам факт поездки Ивана Петлина в Китай подвергался сомнению. Начало этой дискуссии положил Н.М. Карамзин, который, опираясь не на архивные документы XVII в., а на более поздние сомнительные хронографы, утверждал, что «...сей Петлин, вероятно, не бывал в Китае, а списал донесение атаманов Ивана Петрова и Ялычева»¹⁶. Таким образом, в историографию вошла версия о мнимом путешествии в Китай Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.

Долгое время российские историки, отталкиваясь от этого суждения, высказанного в сочинении Н.М. Карамзина, писали о том, что первое русское посольство побывало в Китае во времена Ивана Грозного. Некоторые, как например, А. Корсак, правда, допускали, что имели место обе поездки¹⁷. Только в 1914 г. историк Ф.И. Покровский аргументированно доказал, что никакого путешествия Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в Китай не было, а первое русское посольство в эту страну возглавлял Иван Петлин¹⁸. Окончательную точку в данной дискуссии поставил В.С. Мясников, который, основываясь на ценнейших архивных материалах, своими исследованиями убедительно доказал не только неоспоримость факта пребывания Ивана Петлина в Китае, но и отсутствие документальных данных о посольстве Петрова и Ялычева¹⁹. Он же указал и на то обстоятельство, что в официальной «Истории династии Мин» и других китайских источниках отсутствует какое бы то ни было упоминание о приезде русского посольства в Китай в 1567 г.²⁰, хотя в предшествующий период некоторые отечественные авторы утверждали подобное²¹.

Тем более удивительно, что и в настоящее время некоторые современные китайские авторы продолжают утверждать, что «в 1567 г. царь Иван IV направил в Китай послов Петрова и Ялычева»²², а отдельные российские историки идут дальше и даже предполагают, что «в XVI в. сведения о Кашгарии пришли в Россию от казачьих атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ямышева»²³, направленных в Китай Иваном Грозным в 1567 г.»²⁴, что, как было показано выше, не соответствует историческим фактам.

¹⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 374–375.

¹⁷ Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 8–9.

¹⁸ Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.) // Известия Императорской Академии Наук. Отделение русского языка и словесности. 1914. Т. 18. № 4. С. 257–304.

¹⁹ Мясников В.С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Мясников В.С. Квадратура китайского круга: Избранные статьи: В 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 241–247.

²⁰ Там же. С. 243.

²¹ Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. С. 8.

²² Мин дай чжунгожэнь дэ Оучжоу гуань. Тяньцзинь, 2006. С. 117. 庞乃明 (Пан Наймин) «明代中国人的欧洲观» (Представления китайцев о Европе в период правления минской династии), 天津人民出版社, 2006年, 第117页.

²³ Так в тексте.

²⁴ Попова И.Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008. С. 13.

Владимир Степанович МЯСНИКОВ
(род. 1931) — российский историк-китаевед

Родился 15 мая 1931 г. в Москве. В 1950 г. поступил на китайское отделение Московского института востоковедения. После окончания работал в бригаде китаеведов и маньчжуристов, которая под руководством Л.С. Переломова разбирала и готовила



для передачи властям КНР документы и материалы Маньчжурского архива, захваченного царскими войсками при подавлении восстания ихэтуаней. С 1956 г. — научный сотрудник Института китаеведения АН СССР. Под руководством П.Е. Скачкова работал над изданием сборника «Русско-китайские отношения 1689—1916 гг. Официальные документы» (1958). С 1960 — аспирант Института народов Азии АН СССР. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию по российско-китайским отношениям. В 1964—1966 гг. — научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. В 1966—2003 гг. — в Институте Дальнего Востока АН СССР (с 1991 — РАН). Ученый секретарь (1967—1969), старший научный сотрудник, заведующий сектором (1969—1985), заместитель директора (1985—2003). В 1992—2003 руководил центром «Россия-Китай» ИДВ РАН. В 1978 г.

защитил докторскую диссертацию по теме: «Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке». Профессор (1982), член-корреспондент РАН (1990), академик РАН (1997). С 2003 — советник РАН (с 01.07.2003). Награжден медалями СССР и орденом Дружбы (1999). Автор около 500 опубликованных научных трудов, книг, монографий. Основные труды — по российско-китайским отношениям, истории формирования российско-китайской границы, публикации документов по двусторонним отношениям.

Русское государство и Цинская империя во второй половине XVII века

В XVII в. произошли коренные изменения в геополитической ситуации на северо-востоке Евразии. Освоение русскими землепроходцами Сибири и Дальнего Востока, имевшее поистине историческое значение, по сути, открыло новый этап эпохи Великих географических открытий и способствовало превращению России в крупную азиатскую и тихоокеанскую державу.

В конце XVI в. к Русскому государству были присоединены обширные территории Западной Сибири. В XVII в. началось освоение просторов Восточной Сибири и Дальнего Востока. В 1628 г. на берегу Енисея был заложен Красноярск. В 1632 г. сотник П.И. Бекетов основал на реке Лена Якутский острог, ставший важнейшим центром многочисленных экспедиций русских землепроходцев. В 1639 г. отряд казаков под началом И.Ю. Москвитина вышел на побережье Охотского моря, положив начало освоению русскими просторов Тихого океана. Вес-

ной 1644 г. экспедиция В.Д. Пояркова достигла реки Амур и совершила плавание к Охотскому морю. Перезимовав в низовьях Амура, в селении нивхов, В.Д. Поярков привел в русское подданство часть приамурского населения.

Окончательное присоединение Приамурья к России осуществил со своим отрядом Ерофей Павлович Хабаров в 1649–1652 гг., получив перед отправлением наказ от якутского воеводы Д.А. Францбекова приводить местных жителей в подданство исключительно мирными средствами²⁵ («не боем, а ласкою»²⁶). После выполнения своей миссии Е.П. Хабаров в 1654 г. прибыл в Москву, где был удостоен звания сына боярского за присоединение амурских земель к Русскому государству. Царское правительство приняло решение создать в этом районе новое воеводство. В состав российских владений вошли все земли по течению Амура вплоть до Татарского пролива и территории от р. Аргунь до Большого Хингана.

Таким образом, Россия закрепила на Дальнем Востоке, присоединив обширные территории, богатые природными ресурсами: лесом, рыбой, пушным зверем, полезными ископаемыми. С 50-х годов XVII в. туда стали направляться первые группы русских поселенцев, которые занимались земледелием и различными промыслами, появились партии зверопромышленников. Одновременно росло население Забайкалья, административным центром которого с 1658 г. стал Нерчинский острог. В 1665 г. пришедший на Амур казачий отряд построил сильно укрепленный Албазинский острог, в районе которого к середине 80-х годов XVII в. проживало уже несколько сотен казаков и крестьян. В 1684 г. было учреждено Албазинское воеводство.

Одной из существенных особенностей освоения русскими Восточной Сибири и Дальнего Востока было отсутствие на тот момент на присоединяемых территориях какой-либо государственности. Отечественные историки подчеркивают, что «до появления русских жившие по Амуру племена дауров, эвенков, натков и гиляков (нивхов) ясака никому не платили и были независимы»²⁷. Это обеспечило практически мирный характер вхождения в состав Русского государства обширных областей Северо-Восточной Азии.

Освоение русскими землепроходцами территории Сибири и Дальнего Востока в российской историографии во все периоды изображалось как исключительно мирный по своему характеру процесс, объективно способствовавший развитию этого края²⁸. Иной точки зрения придерживаются китайские авторы. Е.П. Хабарова они называют исполнителем захватнических планов царской России, проводником колониальной экспансии, «ловчей птиц и гончим псом агрессии царской России против Китая»²⁹, а отряд В. Пояркова часто именуют

²⁵ *Беспрозванных Е.П.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983. С. 24.

²⁶ *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. С. 17.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 17–19; *Беспрозванных Е.П.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983. С. 22–33.

²⁹ «近代来华外国人名词典» (Словарь имен иностранцев, приезжавших в Китай в Новое время) 北京, 1981年, 第255页.

«шайкой разбойников» и даже обвиняют в людоедстве. В одной из книг, написанной китайскими историками, авторы утверждают, что с этого времени русских в тех краях стали называть «лоча»³⁰ — «злые демоны, питающиеся человеческой плотью и кровью»³¹.

В то же самое время в Китае произошли события, коренным образом изменившие внутривосточную ситуацию и оказавшие огромное влияние на характер внешней политики. В результате внутренних междоусобиц и под натиском массового крестьянского движения во главе с Ли Цзычэном, пала династия Мин. Кризис этой китайской династии по времени совпал с усилением на северо-восточных рубежах империи маньчжуров, уже имевших на тот момент собственную государственность.

В 1644 г. маньчжурские войска вступили в Пекин, объявив его своей столицей, и продолжили завоевание всего Китая. Начался период правления в Китае маньчжурской династии Цин (1644–1911). Закрепившись на территории, входившей до того в состав государства Мин, маньчжуры развернули активную внешнюю экспансию. Прежде всего, они расширили собственные владения на северо-востоке, распространив свою власть на Корею и Монголию, границы империи стали отодвигаться далеко на север от Великой стены.

Новые правители Китая взяли на вооружение и активно использовали традиционную китайскую внешнеполитическую доктрину, согласно которой китайский император, управлявший Поднебесной на основе мандата Неба, являлся всеобщим сюзереном, а все остальные народы считались его вассалами и были должны периодически направлять в столицу «Срединного государства» послов с «данью» для Сына Неба. При этом, как это было принято и при предшествующих династиях, любое посольство воспринималось в Пекине как признание тем или иным государством своей вассальной зависимости от Цинской империи. Об этом говорят многие факты.

Например, в 1656 г. в столицу Китая прибыл голландский посол. В связи с этим событием цинская Палата ритуалов представила следующий доклад: «Голландское государство прежде не вносило дани. Ныне посол прибыл ко двору. Поистине это результат [распространения] династией доблести и цивилизации. Озабоченные тем, что [путь посла] далекий и опасный, разрешаем вносить дань один раз в пять лет, доставляя ее через Гуандун»³².

Естественно, что в то время Голландия не посылала дань в Китай и не могла признать себя китайским вассалом, а ее послы привозили обычные в дипломатической практике подарки. Однако, исходя из стереотипов, принятых в цинском Китае, такие посольства могли рассматриваться исключительно как «даннические»³³.

Присоединение Приамурья к Русскому государству и продвижение маньчжуров на север и северо-восток от своих владений привело к тому, что Россия и Цин-

³⁰ Это китайское слово происходит от санскритского — «ракшас» («демон»).

³¹ 胡礼忠、金光耀、沈济时(Ху Личжун, Цзинь Гуаньяо, Чэнь Цзиши) 《从尼布楚条约到叶利钦访华——中俄中苏关系300年》(От Нерчинского договора до визита Ельцина в Китай: 300 лет китайско-российских и китайско-советских отношений) 福州, 1994年, 第9页.

³² Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. С. 53.

³³ Традиционные китайские представления о внешнем мире подробно описаны в книге под редакцией признанного главы гарвардской школы китаеведения Дж.К. Фэрбенка «Китайский миропорядок»: Fairbank J.K. (ed.). The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968.

ская империя вошли в территориальное соприкосновение. Стали возникать первые конфликтные ситуации. Так, в марте 1652 г. маньчжурский отряд совершил нападение на людей Е.П. Хабарова в Ачанском остроге, но был отбит. За этим последовали новые столкновения казаков с маньчжурами. В июне 1658 г. цинская флотилия, состоявшая из 47 судов, настигла отряд О. Степанова на Амуре ниже устья Сунгари и перебила большую часть казаков, покинув вскоре после этого территорию Приамурья.

Русских, оказавших активное сопротивление дальнейшему продвижению маньчжурских отрядов в Приамурье, в цинском Китае стали рассматривать как неизвестное «варварское» племя, а походы против них интерпретировались как «карательные».

К середине XVII в. в России и Китае сложилось прямо противоположное отношение к тому, как должны строиться двусторонние контакты. Русский царь Алексей Михайлович и его двор рассчитывали установить равноправные межгосударственные отношения, развивать торговые связи и урегулировать проблемы, связанные с территориальным размежеванием в приграничных районах. В целом такая линия в ту эпоху соответствовала общему курсу российской внешней политики на Востоке. Цинская администрация, в свою очередь, исходя из традиционных внешнеполитических установок, стремилась навязать русским статус «вассала» и отодвинуть границы Русского государства как можно дальше от Китая и собственно маньчжурских земель, расположенных на территории современного Северо-Восточного Китая.

В этом смысле очень показателен эпизод, связанный с приездом в Пекин торгового каравана Петра Ярыжкина и русского посольства во главе с Федором Байковым. П. Ярыжкин и его спутники прибыли в столицу Цинской империи в начале лета 1654 г. и провели там около года. У этого человека не было грамот, удостоверявших его дипломатические полномочия, однако цинские сановники приняли решение рассматривать его в качестве официального посланника русского царя и разрешили ему распродать свои товары только при условии выполнения всех требований посольского церемониала. Не исключено, что это даже могло польстить П. Ярыжкину, и он, назвавшись «у своего государя первым человеком», исполнил ритуал «*коу тоу*», символизировавший покорность и преданность вассалов императору Китая. Часть привезенных им казенных товаров была представлена ко двору в качестве «дани».

Таким образом, цинская дипломатия сумела создать выгодный для нее прецедент. В честь «посла русских варваров» был устроен пир, как это полагалось делать при приеме «вассалов» Сына Неба. Царю Алексею Михайловичу от имени цинского императора была передана грамота следующего содержания: «Ваша страна находится далеко на северо-западе; от Вас никто никогда не приходил в Китай. Теперь Вы обратились к нашей цивилизации и прислали посла, представившего в качестве дани произведения Вашей страны. Мы весьма одобряем это. Мы специально награждаем Вас милостивыми подарками и поручаем незамедлительно отпустить с ними Вашего посла... С благодарностью получив дары, навечно будьте преданы и послушны, чтобы ответить на милость и любовь, выраженные к Вам»³⁴. С точки зрения маньчжурских и китайских сановников тем

³⁴ Китай и соседи в новое и новейшее время / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1982. С. 39–40.

самым был признан факт вассальной зависимости Русского государства от Цинской империи.

Своеобразный итог поездки в Китай П. Ярыжкина оказал серьезное влияние на характер приема в Пекине официального русского посольства во главе с Федором Байковым. Правительство царя Алексея Михайловича, желая установить отношения с Китаем, относило это государство к категории таких стран, как Турция, Персия и Индия. Установление посольских связей с могущественным государством на Востоке, каковым, по поступавшей в Москву информации, представлялся Китай, могло поднять престиж русского государя в глазах европейских правителей. Развитие торговли с огромной восточно-азиатской страной сулило большие экономические выгоды. Русское правительство было готово установить с Китаем равноправные связи, тем самым признав его влиятельной восточной державой, в то время как маньчжурская дипломатия продолжала настаивать на отношениях по типу «сюзерен — вассал».

Поэтому вполне естественно, что цинские чиновники требовали от русского посольства, прибывшего в Пекин 3 марта 1656 г., подтверждения результатов, достигнутых во время пребывания там П. Ярыжкина, а Ф. Байков, который привез с собой грамоту от русского царя, всячески старался отказаться от исполнения церемоний, унижавших, по его мнению, достоинство представляемого им государства (например, отверг требование совершать поклоны перед кумирнями загородного монастыря). В конце концов последовало распоряжение цинского императора: «Поднесенную дань отвергнуть, а послу приказать вернуться в его страну»³⁵.

Неудача миссии Ф. Байкова свидетельствовала о невозможности установления на этом этапе нормальных дипломатических связей между Россией и Китаем в силу того, что обе стороны по-разному воспринимали их форму и содержание, руководствуясь принципиально различными внешнеполитическими и дипломатическими стереотипами.

В то же время поездка в Пекин Ф. Байкова, как и последующие российские посольства, способствовала расширению знаний о Китае. Ф. Байков составил достаточно точное по тем временам описание северных районов Цинской империи и попытался дать характеристику современного положения и перспектив торговых связей.

Дальнейшие попытки установления посольских отношений, предпринимавшиеся российской стороной, имели по сути аналогичные результаты. В начале июня 1660 г. в Пекин прибыла миссия, возглавлявшаяся И. Перфильевым и С. Аблиным. Переданные ими предложения об установлении равноправных посольских и торговых отношений были отвергнуты под формальным предлогом, что русские не знали китайского календаря, а это, по мнению цинских сановников, свидетельствовало об их «непочтительности» и «нецивилизованности». В то же время стремление русских к «просвещению» (т.е. к контактам с Китаем) было «по достоинству» оценено Палатой ритуалов, которая отдала распоряжение устроить в честь послов пир и принять от них «дань».

³⁵ «大清世祖章皇帝实录» (Хроника правления императора Шицзу великой династии Цин). Цит. по: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 102.

Все последующие российские посольства цинская дипломатия стремилась трактовать лишь как подтверждение уже сложившихся «даннических» отношений, а продвижение русских по Амуру и освоение ими этого района рассматривались как непослушание «вассалов», против которых следовало развернуть «карательный» поход.

Более жесткое отношение, проявленное цинским правительством к русским послам, отличается от весьма спокойного и даже дружелюбного приема, оказанного Ивану Петлину при дворе минского императора. Это объясняется тем, что для династии Мин русские оставались очень далекими «варварами», а между Россией и Китаем лежали обширные пространства, населенные «ближними варварами». Руководствуясь традиционной внешнеполитической доктриной, Мины были готовы привлечь «дальних варваров» с тем, чтобы проще было усмирять «ближних». В свою очередь, для Цинов, после соприкосновения территориальных владений двух держав, русские оказались уже «ближними варварами», к тому же не желавшими покориться воле Сына Неба. Согласно традиционным установкам, оставался один путь — «усмирение».

После вступления на престол в Пекине императора Канси (1662–1722) маньчжурская политика по отношению к русским ужесточилась. Император, лично разрабатывая важнейшие внешнеполитические и военные планы, поставил задачу усмирить «русских варваров» в Приамурье. При Канси отношение к посольствам из России стало еще более пренебрежительным, что было четко выражено во вновь утвержденном порядке приема послов в случае их одновременного прибытия с «данью»: «Сажать джунгарских посланцев на наиболее почетном месте, послам халхасцев — садиться вслед за ними, а представителям Русского государства — за халхаскими послами»³⁶.

Усиливая военное давление на русские поселения в Приамурье, цинское правительство продолжало требовать от прибывавших в Пекин дипломатов соблюдения всех атрибутов «даннических» церемоний. Приехавший в Пекин в 1676 г. во главе русского посольского каравана Н.Г. Спафарий выполнил почти весь ритуал «даннического посольства», но цинская сторона фактически уклонилась от обсуждения интересовавших его вопросов. Как это было принято в отношениях с государствами, признанными «вассалами» Китая, но на деле таковыми не являвшимися, грамота русского государя была переведена на китайский язык весьма вольно. «Белому царю» приписывались следующие слова: «Русское захолустье находится очень далеко, с древности никогда не имели связей с Китаем, не знаем китайского языка, не знаем, в какой форме подносить грамоты. Ныне специально обращаемся к цивилизации с искренним желанием иметь сношения, направляя посольства с данью»³⁷. Сведения, собранные посольством Н.Г. Спафария, расширили представления о Восточной Азии и обогатили знания о Китае в России. В то же время посольство так и не привело к установлению постоянных торговых и дипломатических связей.

Наши отечественные историки придерживаются мнения о том, что даже в 60-х годах XVII в. границы цинских владений пролегли значительно южнее Амура и русские землепроходцы заселяли территории, никогда не принадлежав-

³⁶ Цит. по: Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. С. 119.

³⁷ Китай и соседи в новое и новейшее время / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1982. С. 50.

шие империи Цин. Академик С.Л. Тихвинский пишет: «Как свидетельствуют маньчжурские и китайские источники, еще в 60-е годы XVII в. пределы маньчжурских владений находились далеко к югу от Амура, в районе Центральной и Южной Маньчжурии, и были ограничены линией так называемого «ивового палисада», строительство которого началось в 1687 г.»³⁸. Даже города-крепости Нингута и Гирин не входили в состав империи, а считались «внешними территориями»³⁹.

В начале 80-х годов XVII в. император Канси принял решение развернуть массированное наступление на русские поселения в Приамурье. Важнейшим источником, характеризующим цинскую политику по отношению к России и причины начала боевых действий в этом районе, является сборник документов «Стратегический план усмирения демонов» («Пиндин лоча фанлюэ»), название которого говорит само за себя. Издание «Стратегического плана» было высочайше утверждено императором Канси 8 октября 1685 г.⁴⁰ Академик В.С. Мясников отмечает, что император Канси постоянно заявлял о том, будто военные действия в Приамурье являлись ответом на преступления, совершавшиеся демонами-«лоча», таким образом, по версии цинского императора, «причиной войны было поведение русских, а целью — защита от них амурских племен»⁴¹.

Целью главного удара был избран Албазинский острог — хорошо укрепленная крепость, центр русских владений в этом районе. В июне 1685 г. маньчжурские войска осадили Албазин. После ожесточенной осады маньчжуры пообещали сохранить жизнь защитникам крепости и сдержали данное ими слово. 300 человек во главе с воеводой А. Толбузиным смогли уйти в Нерчинск, небольшая группа отправилась в Якутск, а 25 казаков, поддавшись на уговоры, двинулись вместе с маньчжурами вглубь Китая. Эти бывшие албазинцы вместе с еще несколькими нашими соотечественниками, попавшими в плен ранее, составили первую русскую общину в Китае периода Цин. По приказу императора Канси русские были поселены в северо-восточной части Пекина, у городской стены вблизи ворот Дунчжимэнь (район, где сейчас находится посольство Российской Федерации).

Осада Албазина по-разному оценивается историками. Если российские ученые в своих исследованиях стараются в отношении указанных событий избегать слова «война», чаще говоря о «конflikте» или о «столкновениях», то современный японский исследователь А. Ивасита называет противостояние в районе Албазина «первой русско-китайской войной за сферы влияния»⁴². Термин «Якэса чжаньчжэн» («яксайская война»)⁴³ часто используют в своих работах историки

³⁸ Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 9.

³⁹ Подробнее о положении Нингуты, «ивовом палисаде» и линии прохождения северной границы маньчжурских владений см. работы Мелихова: Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-е годы XVII в. // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 113–127; он же. Маньчжуры на Северо-Востоке в XVII в. М., 1974; он же. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания Китая (40–80-е годы XVII в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 18–70.

⁴⁰ Перевод на русский язык текста «Пиндин лоча фанлюэ» см.: Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М., 1972. Т. 2. С. 660–676.

⁴¹ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. С. 175.

⁴² Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / Пер. с яп. М., 2006. С. 214.

⁴³ Якса — маньчжурское название Албазина (кит. 雅克萨 — «Якэса»).

КНР⁴⁴ и Тайваня⁴⁵. Диаметрально противоположными выглядят и оценки причин конфликта вокруг Албазина.

В августе 1689 г. в Нерчинске состоялись переговоры между дипломатическими представителями Русского государства и империи Цин, завершившиеся подписанием первого в истории русско-китайского договора. Главой цинской делегации на переговорах был назначен князь Сонготу, дядя императора Канси. Русскую делегацию возглавлял ближний окольничий и наместник брянский Федор Алексеевич Головин (в дальнейшем — сподвижник Петра I, один из руководителей Великого посольства 1697—1698 гг. в Европу, глава Посольского приказа, первый кавалер ордена Святого Андрея Первозванного).

**Федор Алексеевич ГОЛОВИН (1650—1706) —
российский дипломат и государственный деятель.
Один из ближайших сподвижников Петра I**

Родился в 1650 г. В 1685 г. в период правления царевны Софьи был переведен из младших стольников в ближние и назначен великим и полномочным послом в Китай с присвоением титула наместника брянского. Головину было предписано провести переговоры по урегулированию спорных вопросов между Русским государством и Цинской империей. Ему была передана власть над обширной территорией Иркутского, Нерчинского и Албазинского уездов. После заключения Нерчинского договора вернулся в Москву, где был произведен в бояре и назначен наместником Сибири и генерал-комиссаром. Сделал головокружительную карьеру при Петре I, который высоко ценил его деловые качества. В 1696 г. участвовал во втором Азовском походе. В 1697 г. стал начальником Оружейной палаты, а затем и участником Великого посольства в Европу, где в качестве Второго посла (первым был Ф.Я. Лефорт), проводил основную дипломатическую работу. В 1698 г. возглавил Приказ воинского морского флота. В 1699 г. произведен в генерал-фельдмаршалы и генерал-адмиралы, был первым награжден орденом Св. Андрея Первозванного (главной государственной наградой России). В 1699—1700 гг. возглавлял Посольский приказ, а после его реформирования, в 1700—1706 гг. — Посольскую канцелярию. В 1701 г. за Ф.А. Головиным числились: Посольский приказ, к которому принадлежали приказы Малороссийский, княжества Смоленского, Новгородский, Галицкий и Устюжский; приказы Военных морских дел, Ямской и Оружейная палата, в которую влились палаты Золотых, Серебряных дел и Ствольный приказ. Основной областью деятельности Ф.А. Головина оставалась дипломатия. Он вел переговоры с различными странами и подписал ряд важнейших международных договоров. В 1702 г. возведен в графское достоинство. Скончался в 1706 г. Похоронен в фамильной усыпальнице в Симоновом монастыре в Москве (могила не сохранилась, на месте захоронения стоит Дворец культуры ЗИЛ).



⁴⁴ 林军:《中苏关系1689—1989年》,第14页.

⁴⁵ 明驥(Мин Цзи):《中俄關係史》(История китайско-российских отношений),臺北,2006年,第一冊,第115—132頁.

Поскольку русские представители не знали маньчжурского и китайского языка, первоначально стороны пришли к договоренности о том, что переговоры будут вестись на знакомом и тем, и другим монгольском языке. Однако уже в ходе переговоров основным дипломатическим языком стал латинский⁴⁶, что поставило в особые условия переводчиков, в роли которых выступили служившие при цинском дворе католические миссионеры — француз Жан Франсуа Жербийон и португалец Томаш Перейра. Роль западных миссионеров на этом этапе российско-китайских отношений пока еще недостаточно изучена, однако данный аспект представляет чрезвычайный интерес, поскольку он отражает наличие уже на ранней стадии этих отношений своеобразной «третьей силы», пытавшейся в своих интересах разыгрывать как «китайскую», так и «российскую» карты.

С российской стороны основным переводчиком с латинского языка был известный философ и мыслитель польского происхождения, выходец из Белоруссии Андрей (Ян) Белобоцкий, после конфликта с иезуитами перебравшийся из Европы в Россию и принятый на русскую службу в качестве толмача.

Западные исследователи отмечают, что Цины в то время уже имели возможность использовать в качестве переводчиков русских перебежчиков, однако не сделали этого. Также высокопоставленные цинские сановники исключали участие китайцев в переговорах о границе⁴⁷.

Условия переговоров были сложными: маньчжурские войска фактически окружили Нерчинск и угрожали физически уничтожить русскую делегацию. В этой ситуации Ф.А. Головин сумел проявить дипломатическое искусство, и уступки, на которые пошла российская сторона, оказались не столь велики, как рассчитывали Цины.

В соответствии со статьями Нерчинского договора Русское государство уступало Цинской империи верхнее и среднее течение Амура. Албазин подлежал скрытию при условии ухода его жителей на русскую сторону. Ф.А. Головину удалось отстоять право России на Забайкалье и побережье Охотского моря. Цинские представители были вынуждены дать «клятвенное обязательство» не заселять албазинские земли, что в дальнейшем в основном выполнялось.

Китайские историки считают Нерчинский договор абсолютно равноправным документом, положившим начало развитию договорных отношений между Китаем и Россией⁴⁸. Китайский исследователь Бу Пин утверждал, что Нерчинский договор следовал «традиционным разграничительным принципам» и мог определить границу в соответствии с «принципом справедливости»⁴⁹. Военные действия маньчжуров в отношении Албазинского острога он также считает оправданными, поскольку речь шла об отстаивании традиционных границ.

Такое отношение к Нерчинскому договору присуще практически всем китайским исследованиям по истории российско-китайских отношений. Например,

⁴⁶ Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 85.

⁴⁷ *Perdue Peter C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. P. 166–167.

⁴⁸ 戴逸 戴 И: «中俄尼布楚谈判» (Нерчинские переговоры между Китаем и Россией) // 《履霜集》 人民大学出版社, 北京, 1987年, 第124–219页.

⁴⁹ 《学习与探索》 1983年, 第六期, 第126页.

китайский историк Линь Цзюнь считает, что Нерчинский договор, установив линию прохождения границы между Россией и Цинской империей, «положил конец полувековому периоду конфронтации в Приамурье». Этот первый в истории русско-китайский договор «заложил фундамент мирных отношений в последующие полтора столетия»⁵⁰.

В свою очередь, большинство российских ученых считают, что Нерчинский договор носил неравноправный по отношению к России характер, а с правовой точки зрения он не отвечает не только современному международному праву, но и межгосударственным договорным актам своего времени⁵¹. Географические ориентиры, упоминаемые в тексте договора, очень неконкретны, между сторонами не состоялся обмен какими-либо картами, текст договора на маньчжурском, латинском и русском языках не были полностью идентичными и допускали их различное толкование.

К подобному мнению приходят и те зарубежные исследователи, которые стремятся подойти к изучению данного договора с юридической точки зрения. Один из западных авторов в статье, опубликованной в британском юридическом журнале 1-й половины XX века, указывал, что «Нерчинское соглашение — это не “договор”, а мандат китайского императора, который всех королей в мире считал своими подданными, или вассалами»⁵².

Г.В. Мелихов утверждал, что военную кампанию, начатую императором Канси против русских поселений в Приамурье, можно квалифицировать как «военные действия на чужой территории», при этом маньчжурские власти «предприняли грубое нарушение статус-кво, существовавшего в Приамурье более 40 лет»⁵³.

В свою очередь, академик В.С. Мясников считает, что «Нерчинский договор увенчал завершение стратагемы императора Сюань Е, рассчитанной на захват русских владений. Соглашение было заключено в ненормальной обстановке, когда цинские армии фактически оккупировали русские владения, а посольство во главе с Ф.А. Головиным и сопровождавший его отряд находились под угрозой физического уничтожения превосходящими силами маньчжуров, вторгшихся в русские пределы. Ввиду этого договор следует считать насильственным, т.е. заключенным под угрозой применения силы»⁵⁴. Вместе с тем В.С. Мясников подчеркивает важность данного договора для всей последующей истории русско-китайских отношений и указывает на «его значение как первого договора о мире и добрососедских отношениях между европейской державой и крупнейшим государством Восточной Азии»⁵⁵.

А.Д. Воскресенский, в свою очередь, отмечая, что с исторической точки зрения все эти моменты играют немаловажное значение, предлагает такое толко-

⁵⁰ 林军: 《中苏关系1689—1989年》, 第14页.

⁵¹ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. С. 259; Границы Китая: история формирования. С. 87.

⁵² S.Y.F. «The Treaty of Nerchinsk». Law Quarterly Review. 1928. No 4. P. 150—151.

⁵³ Мелихов Г.В. Как готовилась агрессия феодальных правителей цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х годах XVII в. // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 97—98.

⁵⁴ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. С. 259.

⁵⁵ Мясников В.С. Историческое значение Нерчинского договора // Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи. М., 2006. Кн. 1. С. 316.

вание исторического значения Нерчинского договора: «Однако, с точки зрения многофакторного равновесия, гораздо более важным представляется тот факт, что данный договор фактически зафиксировал возможность флуктуации границ в зависимости от конкретной эволюции других (главным образом военных и экономических) факторов в рамках многофакторного равновесия»⁵⁶.

На наш взгляд, хотя условия Нерчинского договора 1689 г. оказались весьма невыгодными для русской стороны, поскольку России пришлось пойти на существенные территориальные уступки Китаю, историческое значение этого документа может быть в полной мере оценено лишь с учетом последующей исторической перспективы. Этот дипломатический документ, долгое время рассматривавшийся лишь с внешнеполитических и юридических позиций, являет собой пример своеобразного исторического компромисса — компромисса двух мировосприятий, отражавших специфику столь различных культур.

Кроме того, стоит отметить и то обстоятельство, что впервые в истории династии Цин важные переговоры велись за пределами империи. Настояв на этом, Ф.А. Головин сумел добиться равенства в посольском церемониале, и цинские дипломаты ради достижения конечной цели согласились на подобный характер ведения переговоров. Казалось бы, Цины добились большего: они смогли отодвинуть границы русских владений от Амура. Но важно понять, для чего им это было необходимо. Маньчжуры не нуждались в хозяйственном освоении этих территорий, поэтому они с такой легкостью согласились не заселять албазинские земли. В дальнейшем цинская администрация долгое время не позволяла китайцам переселяться в эти районы. С политико-идеологической точки зрения маньчжурам гораздо важнее было создать между своей империей и «варварами — лоча» своеобразную «буферную зону», которая в дальнейшем практически не осваивалась.

Не сумев окончательно разгромить русских, цинские власти хотели убедить население Поднебесной, да и самих себя в том, что «русские варвары» приведены к покорности. Свидетельством тому должен был служить данный договор и вытекавшие из него положения о возможности для русской стороны направлять посольства в Китай и вести торговлю, так как их можно было интерпретировать в традиционном духе, т.е. как «даннические отношения». Для цинской дипломатии не имело ровно никакого значения, что все это не вытекало из текста договора буквально. Важно было другое: внушить своим подданным, что еще одни «варвары» покорились Сыну Неба.

С точки зрения российской дипломатии, все статьи договора выглядели вполне равноправно и только так и могли быть интерпретированы. В пункте о посольствах и торговле ничего не было сказано о поднесении «дани»: «Каким-либо ни есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет»⁵⁷.

Таким образом, Россия получила желаемый документ, знаменовавший установление договорных отношений с гигантским восточным соседом. Ничто

⁵⁶ *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004. С. 409.

⁵⁷ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004. С. 28.

больше не препятствовало хозяйственному освоению российской части Дальнего Востока. Лишившись на определенное время приамурских земель, Россия продолжала развиваться как азиатская и тихоокеанская держава. И самое главное, что отмечают и российские, и китайские ученые, договор почти на два столетия обеспечил мир на Дальнем Востоке и безопасность российской и китайской территорий в данном регионе, — выражаясь современным языком — заложил основы системы региональной безопасности.

В тексте Нерчинского договора было четко сказано: «А войны и кровопролития с обеих сторон... не всчинать»⁵⁸; любые конфликты должны разрешаться путем переговоров. В течение последующих двух веков России приходилось вести войны практически со всеми своими соседями, а на границе с Китаем не было серьезных конфликтов вплоть до конца XIX в. Цинская империя также объективно выиграла от установления мира в данном регионе. Этот факт можно считать главным результатом межкультурного компромисса, достигнутого в 1689 г.

Известный американский историк М. Мэнколл в своей монографии «Россия и Китай: Дипломатические отношения до 1728 г.» обращался к рассматриваемому нами раннему периоду истории контактов России и Китая. Подчеркивая добрососедский характер отношений между двумя странами после подписания Нерчинского договора, М. Мэнколл акцентировал внимание на том, что сложившаяся в указанный период договорная система позволяла двум абсолютно разным в культурном отношении государствам (конфуцианскому Китаю и православной России) преодолевать возникавшие разногласия мирным путем и избегать серьезных конфликтов. Автор высказал мнение о том, что оба государства пошли на своеобразный компромисс: Россия согласилась на подписание невыгодного Нерчинского договора ради перспективы развития торговли и сохранения мира, а Цинская империя дала согласие на развитие торговых отношений, санкционированных договорными обязательствами, хотя подобные действия не вписывались в традиции китайской внешней политики и дипломатии⁵⁹.

Один из современных китайских исследователей — научный сотрудник Института России Хэйлунцзянской академии общественных наук Су Фэнлинь в статье «От Нерчинского договора к Кяхтинскому — фрагменты истории культурного взаимодействия Китая и России»⁶⁰ отмечает, что в период между Нерчинским и Кяхтинским договорами расширились российско-китайские контакты и обмены в различных сферах (культура, язык, религия). По инициативе императора Канси в Пекине была создана первая школа русского языка. В России также началось изучение китайского языка. В Пекин направлялись русские торговые караваны. Цинское правительство разрешило деятельность русских православных священников. Имели место контакты в области медицины. Обмен товарами способствовал культурному обмену. Однако в 1720-х годах политические вопросы, в частности проблема границы, серьезно мешали нормальному развитию русско-китайских культурных связей⁶¹.

⁵⁸ Там же. С. 29.

⁵⁹ Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, 1971.

⁶⁰ 宿丰林 (Су Фэнлинь): «从《尼布楚条约》到《恰克图条约》——中俄文化交流的历史片断» (От Нерчинского договора к Кяхтинскому — фрагменты истории культурного взаимодействия Китая и России) // 《中俄关系的历史与现实》 (История и современное состояние китайско-российских отношений), 开封, 河南大学出版社, 2004年, 第17—26页.

⁶¹ Там же. С. 22—23.

Американский историк, профессор Йельского университета Питер Пердью предложил свое объяснение причин, которые позволили России и Цинской империи прийти к компромиссу на переговорах в Нерчинске и подписать первый в истории договор между Китаем и европейским государством. По его мнению, Россия продвигалась в Сибирь «не за славой, а за выгодой», поэтому территориальный вопрос и даже престиж империи оказались вторичными по сравнению с развитием пушной торговли. Что же касается Цинов, то они оказались готовы пожертвовать нормами этикета и церемониала для обеспечения нейтралитета России в приближающемся конфликте с Джунгарией⁶².

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что сложившиеся в XVII в. отношения между Россией и Китаем носили характер диалога двух различных культур, приобретавшего весьма своеобразные формы в силу принципиально разного подхода к оценкам содержания данных отношений. Специфическое восприятие взаимоотношений с другими странами и народами, заимствованное маньчжурской династией Цин из многовековой китайской традиции, накладывало отпечаток на все виды контактов между двумя странами. Вместе с тем в России шел процесс накопления знаний о Китае и наметился достаточно прагматичный подход к взаимоотношениям с дальневосточным соседом.

Русско-китайские межгосударственные отношения в XVIII — первой половине XIX вв.

В XVIII в. отношения между двумя странами развивались достаточно ровно, возникавшие осложнения не приводили к серьезным конфликтам. В этот период у России появились новые приоритетные направления внешней политики — на западных и южных границах, что обусловило ее стремление к миру и стабильности на востоке.

В 1706 г. Петр I издал специальный указ о неукоснительном соблюдении российскими подданными границы, установленной по Нерчинскому договору. Важной вехой в развитии дипломатических и торговых связей между двумя странами стало подписание в 1727 г. Кяхтинского договора. Посольство в Китай возглавил один из наиболее выдающихся дипломатов петровской эпохи Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, граф Иллирийский. Он с почетом был встречен в Пекине и получил аудиенцию у цинского императора.

Во время переговоров С.Л. Владиславич не только твердо отверг навязываемый России статус вассала и претензии на некоторые российские территории, но и сумел добиться признания основополагающего на тот момент принципа «каждый владеет тем, что у него есть». По его предложению переговоры были продолжены не в столице Китая, где постоянно ощущалось давление со стороны Цинов, а на реке Буре. В итоге 20 (31) августа 1727 г. был подписан Буринский трактат, установивший линию прохождения границы между двумя империями от р. Аргунь до перевала Шабин-Дабага⁶³.

⁶² *Perdue P. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia.* London, 2005. P. 173.

⁶³ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. С. 30—32.

**Савва Лукич ВЛАДИСЛАВИЧ-РАГУЗИНСКИЙ,
граф Иллирийский (1668—1738) —
российский государственный деятель, дипломат,
сподвижник Петра Великого**

По национальности — серб, родом из Рагузы (современный Дубровник). Образование получил в Венеции, Испании и Франции. Занимался торговлей в Стамбуле, где сблизился с русскими дипломатами, успешно выполняя их поручения.

В 1702 г. прибыл в Азов, а через год — в Москву, где Петр I принял его на государеву службу. С этого времени выполнял различные дипломатические поручения. В 1716 г. был направлен в Италию, где провел шесть лет: вел переговоры с римской курией, сенатами Венеции и Рагузы, присматривал за обучавшимися там молодыми людьми из России. Приобретал античные скульптуры для Летнего сада в Санкт-Петербурге. При его содействии в Россию был привезен темнокожий мальчик Ибрагим — будущий российский государственный деятель Абрам Петрович Ганнибал.



В 1725 г. Екатерина I пожаловала Владислава-Рагузинского графским титулом и направила во главе дипломатической миссии в Китай. Будучи опытным дипломатом, он сумел провести сложные переговоры с цинскими представителями и заключить 20 августа 1727 г. Буринский трактат, наметивший в общих чертах границы между Россией и Китаем. 21 октября был подписан исторический Кяхтинский договор, который положил начало экономическим отношениям между Китаем и Россией.

В июне 1728 г. Владиславич-Рагузинский заложил первый камень в основание торговой слободы Кяхты. Чуть раньше, на месте бывшего Барсуковского зимовья была заложена Троицкая крепость с церковью Троицы, один из приделов которой был посвящен св. Савве Сербскому. Крепость и слобода дали начало городу Троицкосавску (современная Кяхта).

После возвращения из Китая указом императора Петра II Владиславич-Рагузинский был награжден орденом Св. Александра Невского и произведен в действительные тайные советники. Однако вскоре он был отправлен в отставку. Скончался в 1738 г. в своем поместье Матокса (ныне деревня Матокса Всеволожского района Ленинградской области). Похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Позднее, 21 октября (1 ноября) 1727 г., стороны подписали Кяхтинский договор (обмен подписанными экземплярами которого состоялся на реке Кяхте 14 июня 1728 г.). Очень важным с точки зрения перспектив развития межгосударственных отношений оказался пункт договора, устанавливавший, что дипломатическая переписка должна вестись с китайской стороны — Палатой внешних сношений (Лифаньюань), а с российской — сенатом⁶⁴. Значение данной договоренности состояло в том, что таким образом снимались многие острые вопросы, возникавшие в ходе переписки, которая до того времени осуществлялась от имени императоров.

⁶⁴ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. С. 44.

К ним, прежде всего, относились проблемы, связанные с титулованием государей: цинская сторона в таких случаях исходила из вековых дипломатических стереотипов, претендуя на верховенство своего императора. Уничжительные формулировки и формы обращения к российскому государю вызывали неприятие российской дипломатии, что тормозило развитие дипломатической переписки. Цинскую сторону, в свою очередь, не устраивали формулировки и титулы, использовавшиеся в документах, исходивших из России. Кяхтинский договор фактически снял многие из этих проблем: был найден своеобразный компромисс при наличии у сторон диаметрально противоположных дипломатических стереотипов.

В соответствии с текстом договора, русские подданные, совершившие преступление на китайской территории, и подданные цинской империи, задержанные за преступные действия на русской земле, подлежали выдаче пограничным властям своего государства для суда и наказания, при этом за грабеж и убийство полагалась смертная казнь. Данное положение закрепляло равенство сторон в столь важном юридическом вопросе.

С подписанием Кяхтинского договора торговля между двумя странами была не только упорядочена, но и перешла на качественно новую стадию. Хотя, согласно тексту договора, разрешалось отправлять в Пекин лишь один русский торговый караван в год численностью не более двухсот человек, однако благодаря открытию беспопышной пограничной торговли в Кяхте и Цурухайту общий объем торговли значительно возрос по сравнению с предыдущим периодом.

Зарубежные авторы, изучавшие проблемы российско-китайских отношений в XVIII веке, оценивают значение Кяхтинского договора в целом весьма положительно. Так, американский историк К. Фоуст, посвятивший свою книгу русско-китайской торговле в период между 1727 г. (подписание Кяхтинского договора) и 1805 г. (прибытие в Гуанчжоу русских кораблей «Надежда» и «Нева»), пришел к выводу о дружественном характере отношений России и Китая в рассматриваемый период. Он отметил, что «регулярная и санкционированная договорами торговля между двумя странами предотвращала острую военную конфронтацию»⁶⁵. А. Ивасита, как и некоторые другие японские историки, также позитивно оценивает характер российско-китайских отношений в данный период и называет сложившийся в это время баланс сил между двумя государствами «нерчинско-кахтинской системой»⁶⁶.

Если раньше историки КНР рассматривали Кяхтинский договор лишь в качестве этапа в истории проникновения царской России в Китай, то в настоящее время подобная односторонняя оценка сменяется более объективным анализом. Су Фэнлинь в одной из своих работ дает высокую оценку содержанию и значению Кяхтинского договора. Он пишет о том, что договор «был заключен на основе равных переговоров двух государств». В результате Китай смог снять проблему северной границы, уменьшив свою озабоченность этим вопросом. Россия, в свою очередь, добилась серьезных успехов в деле расширения торговли и развития религиозной проповеди в Китае — в этом автор видит определенную уступку со стороны Китая. Автор полностью цитирует и подробно разбирает 4-ю и 5-ю статьи Кяхтинского договора, касающиеся вопросов развития торговли и деятельности Российской духовной миссии в Пекине, а также пребывания при ней учеников. Основное

⁶⁵ Foust Clifford M. *Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its Setting, 1727–1805*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969. P. 4.

⁶⁶ Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. С. 261.

значение Су Фэнлинь видит в расширении и развитии культурного взаимодействия между Россией и Китаем, указывая, что для развития культурных контактов двух государств и народов данный договор «сыграл стимулирующую роль», а Кяхта превратилась в своеобразное «культурное окно» между двумя странами⁶⁷. В другой статье Су Фэнлинь отмечает, что «договор сформировал согласованную правовую основу, которую обе стороны выражали намерение отстаивать»⁶⁸.

Важную роль в становлении отношений между государствами в ту эпоху играли поездки дипломатов и их наблюдения за жизнью чужих народов. Если российские посольства начали посещать Китай в XVII в., то послы Цинской империи впервые побывали в нашей стране лишь в XVIII столетии. В 1712 г. российское правительство дало разрешение на приезд посланника цинского императора — Тулишения — к хану волжских калмыков Аюке. В 1713 г. посольство достигло Тобольска, а в следующем году добралось до Саратова, откуда направилось в расположение калмыцких кочевий близ Царицына. Однако эти посланцы не посещали российскую столицу и не встречались с правительственными чиновниками.

Предлогом для направления следующего цинского посольства в Россию в 1729 г. послужило вступление на престол императора Петра II. Одна группа послов должна была направиться в Москву для поздравлений, второй предстояло достичь калмыцких кочевий на Волге и убедить калмыков ударить в тыл джунгарам, с которыми Цинская империя вела войну. На полпути послы узнали о кончине Петра II, но решили продолжить путешествие. Во всех крупных русских городах им был оказан пышный прием, встречи сопровождалась салютом из пушек, воинскими почестями и роскошным угощением.

Прибытие посольства в Москву в январе 1731 г. совпало с торжествами по случаю восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны. Послам была устроена торжественная встреча, их разместили в шести каменных палатах, специально приготовленных для гостей и обставленных с учетом их вкусов и обычаев. 26 января посольство было принято Анной Иоанновной. На аудиенцию послы ехали в восьми каретах, причем главе посольства Туши императрица предоставила свою собственную. Цинские послы старались добиться от России поддержки своих действий против Джунгарского ханства; внешнеполитическая доктрина Цинской династии практически не претерпела изменений, и в действие вновь вступил план привлечения «дальних варваров» (русских) для усмирения «ближних варваров» (джунгар). Однако русское правительство уклонилось от участия в военной акции.

Новое цинское посольство прибыло в Петербург в 1732 г. В его состав входили два члена Верховного совета: маньчжуры Десин и Бантай и секретарь Фолу. Первоначально предполагалось, как и в первом случае, направить две группы послов: одну — в Петербург для поздравления императрицы, другую — к калмыцкому хану, однако Коллегия иностранных дел дала разрешение лишь на въезд первой группы, мотивируя свой отказ тем, что калмыки были российскими подданными и все связанные с ними вопросы должны были решаться в столице. Императрица Анна Иоанновна приняла посольство в день годовщины своей коронации. На приеме послы объявили, что цинский император просил передать российской императрице благодарность за благосклонный прием первого посольства.

⁶⁷ 宿丰林: «从《尼布楚条约》到《恰克图条约》——中俄文化交流的历史片断», 第24页.

⁶⁸ Су Фэнлинь. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в. // Восток—Запад: Историко-литературный альманах: 2002 / Под ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2002. С. 85.

С большим интересом члены делегации осмотрели столицу Российской империи. Документы свидетельствуют, что 6 июня 1732 г. они посетили Петербургскую академию наук, где побывали в академической печатне и были поражены физическими опытами, которые демонстрировали для них академики. В стенах Петербургской академии наук произошло первое настоящее знакомство китайцев с достижениями европейской физической науки. Подобное зрелище, являвшееся обычным делом для университетских городов Европы того времени, вызвало искреннее восхищение цинских дипломатов. Следует отметить, что комплект физических приборов и инструментов Петербургской академии, благодаря усилиям академика Г.Ф. Крафта, был одним из самых лучших в Европе.

Состоялось посещение академической обсерватории. Большое впечатление на цинских послов произвел Готторпский глобус, подаренный Петру I герцогом Голштинским. В завершение визита гости получили в подарок по три экземпляра печатного органа Академии наук — журнала «*Commentarii*», издававшегося с 1728 г., и труда академика Г.З. Байера «Китайский музей, в котором объясняются особенности китайского языка и литературы» («*Museum Sinicum*»). Послы оставили на память свои росписи. В дальнейшем Академией наук был выпущен специальный плакат с автографами членов посольства на китайском и маньчжурском языках и переводом на русский и латынь. Сейчас отпечатанный экземпляр «Росписки послов и секретаря китайского посольства, посетившего Петербургскую Академию наук 6 июня 1732 года» хранится в Архиве Российской Академии наук⁶⁹. Цинское посольство также посетило Кронштадт, где интересовалось российским флотом, и Петергоф, где были осмотрены фонтаны.

Таким образом, Россия стала первой европейской страной, в которой побывали официальные посланцы из Китая. Прodelав большой путь по обширным пространствам России, члены этих дипломатических миссий имели возможность наблюдать за жизнью русских людей и предоставили своему правительству ценнейшие сведения о неизвестной стране. Пребывание китайской делегации в Петербурге и общение с образованными русскими людьми, в том числе с членами Академии наук, в свою очередь, стимулировали рост интереса к Китаю в России.

В XVIII в. российские читатели уже могли найти информацию о Китае на страницах первой русской газеты «Ведомости» (с 1728 г. она стала называться «Санкт-Петербургские ведомости»). Однако сведения об этой стране и даже сообщения о приезде в Пекин российских послов попадали в газету в основном через Западную Европу (из Лейдена, Парижа, Рима). При этом следует учесть, что заметок о внутренней жизни Цинской империи в газете было еще немного. В основном это были публикации об отношениях европейских государств с Китаем, статьи о деятельности западных миссионеров в этой стране и торговле китайцев с европейцами. Преобладание западных источников информации обусловило то, что у русских читателей создавалось явно преувеличенное представление об успехах европейцев в Китае. В газете также печатались краткие сообщения о русско-китайских отношениях и китайских товарах в России. В 1728–1729 гг. были опубликованы материалы о возвращении посольства С. Л. Владиславича и поездках в Китай российского представителя Лоренца Ланга, а в 1731–1732 гг. — о цинских посольствах в Россию.

⁶⁹ Радовский М.И. Посещение Петербургской Академии наук китайскими гостями в 1732 г. // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 85–87.

**Лоренц (Лаврентий) ЛАНГ (Lorenz Lange, 1690-е годы — 1752) —
дипломат, торговый агент, статский советник**

Выходец из Швеции, поступивший на русскую службу. Сыграл важную роль в становлении дипломатических и торговых связей России с Китаем. Посещал Китай шесть раз. Пользовался большим доверием Петра Великого.

В 1715 г. Ланг был впервые направлен в Китай для сопровождения английского врача Томаса Карвина, который ехал из Петербурга в Пекин по личной просьбе императора Канси, а также для изучения возможностей развития российско-китайской торговли. Выполнил поручение императора приобрести там предметы китайского искусства для дворцов Петергофа. В 1719 г. побывал в Китае в качестве секретаря посольства Л.В. Измайлова. В 1720—1722 гг. находился в Пекине, в том числе (с 12 февраля 1721 г.) в качестве первого российского агента (консула). Пользовался заслуженным уважением цинских должностных лиц. Впоследствии сопровождал Петра Великого в персидском походе.

В 1724 г., находясь в Селенгинске, работал в составе комиссии по разбору пограничных споров. В 1725 г. указом Коллегии иностранных дел был назначен секретарем посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского. В 1726 г. в Лейдене на французском языке было опубликовано написанное Л. Лангом описание его путешествия в Китай 1721—1722 гг., получившее большую известность и ставшее одним из важнейших источником знаний о современном Китае в Европе. На него, в частности, ссылался Ш. Монтескье в своем трактате «О духе законов».

После заключения Кяхтинского договора Л. Ланг был отправлен в Китай во главе торгового каравана. В феврале 1730 г. подал в Сенат проект организации российско-китайской торговли. Из своих поездок привез большое количество книг на китайском и маньчжурском языках, заложив тем самым основу китайской коллекции библиотеки Академии наук. В 1731 г. вновь отправлен в Китай с торговым караваном. При отъезде из Пекина был допущен на аудиенцию к императору Юнчжэну. Последнее свое путешествие в Китай во главе торгового каравана Ланг совершил в Китай в 1736—1737 гг. В 1739 г. назначен на должность вице-губернатора Иркутска, руководил караванной торговлей. Скончался в 1752 г. в Иркутске.

В Китае информация о России была доступна гораздо более узкому кругу лиц. Русская тема лишь эпизодически освещалась в официальной газете «Цзин бао» («Столичный вестник»), а также излагалась в «шилу» (хрониках деятельности императоров).

Отношения между Россией и Китаем в XVIII в. в целом оставались достаточно стабильными и сбалансированными, несмотря на то, что иногда в них возникала определенная напряженность. Некоторые деятели в России и Китае даже пытались подталкивать свои правительства на путь конфронтации. Так, например, в 1763 г. российский академик Г.Ф. Миллер выступил с «Рассуждениями»⁷⁰ о необходимости войны с Китаем в целях возвращения России земель по течению реки Амур. Однако в обеих странах возобладала реалистическая оценка ситуации, и напряженность в отношениях была снята.

⁷⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Составленное по документам, хранящимся в Московской Коллегии иностранных дел, в 1792—1803 гг. Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882. С. 378—393.

В начале XIX в. российское правительство решило активизировать дипломатические контакты с Китаем и под предлогом уведомления о восшествии на престол императора Александра I направило в Пекин посольство во главе с графом Ю.А. Головкиным. Ему была дана инструкция, предписывавшая добиться от цинского правительства открытия торговли по всей границе и разрешения на плавание по Амуру русских судов, везущих продовольствие, а также допуска русских кораблей в Гуанчжоу и другие порты Китая. Однако камнем преткновения вновь встал вопрос, связанный с дипломатическим этикетом.

В XVIII в. представления цинских властей о России несколько изменились. Она стала представляться им не мелким «варварским» государством, а достаточно крупной державой, с которой приходилось вести переговоры на равных, в некоторой степени поступаясь традиционными установками. Вместе с тем при всяком удобном случае цинские чиновники, стремясь угодить своему императору, пытались поставить русских послов «на свое место», т.е. добиться от них хотя бы внешних проявлений покорности Сыну Неба.

Поэтому, когда посольство Ю.А. Головкина 6 октября 1805 г. прибыло в Кяхту, ему пришлось больше месяца ждать от цинской администрации разрешения на въезд в Китай. Однако дальше Урги посольство так и не проехало, поскольку Ю.А. Головкин отказался совершить унижительную церемонию «*коу тоу*» перед табличкой с именем императора, поставленной на специальный жертвенник.

Помимо цивилизационно-психологических причин недопущения русского посольства в китайскую столицу, существовали также и факторы внешнеполитического и экономического порядка: цинское правительство стремилось оттянуть переговоры по вопросу о приамурских землях, китайские купцы в Кяхте опасались, что после начала торговли вдоль всей границы будет ликвидирована их торговая монополия, а западные державы не желали усиления позиций России в Китае и с помощью интриг старались затормозить развитие русско-китайских отношений.

В конце 1805 г., не имея сведений о неудаче миссии Ю.А. Головкина, в Гуанчжоу прибыли русские корабли «Надежда» и «Нева» под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. Получив разрешение начальника китайской морской таможни, представители российско-американской компании, организовавшей эту экспедицию, начали торговать привезенными товарами.

Прибытие двух русских кораблей вызвало смятение среди китайских чиновников в Гуанчжоу, и они произвели опрос находившихся там иностранных купцов с тем, чтобы выяснить, из какого государства прибыли чужестранцы. Мнение сторонников открытия порта Гуанчжоу для торговли с русскими было выражено в докладе главного управляющего морскими таможнями провинции Гуандун Янь Фэна императору Цзяцину, где говорилось: «А ныне два купеческих корабля чужеземцев-варваров Крузенштерна и Лисянского, презрев штормы и бури, переплыли океаны и в конце концов прибыли в Гуандун. Они, как и другие чужеземцы-варвары, просят со всякою учтивостью дать им позволение на торговлю. Хотя событие такое [ранее] и не имело места, но поскольку они преисполнены почтительности и покорности, то ежели отказать им в позволении открыть люки корабля, уплатить пошлины, разгрузить товары и повелеть вернуться восвояси

со всем своим грузом, то это будет означать нарушение великой монаршей идеи о мягком обращении с варварами-чужеземцами из дальних [стран]»⁷¹.

Хотя аргументы Янь Фэна были выдержаны в соответствии с установившимися в Китае представлениями об отношении к «варварам» со стороны императора и императорского двора, он был строго наказан за превышение полномочий и направлен «на строительные работы в священные погребения». В послании Военного совета наместнику провинций Гуандун и Гуанси У Сюнгуану говорилось об опасности того, что «русские варвары будут спекулировать, гнаться за выгодой, торговать контрабандными товарами. К тому же они прибыли явно для того, чтобы разузнать морские пути, а также состояние во Внутренних землях»⁷². Русским судам было запрещено в дальнейшем заходить в Гуанчжоу.

Несмотря на столь негативный результат, посещение экспедицией И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского крупнейшего порта Южного Китая имело большое значение для расширения представлений двух стран друг о друге. Отчеты, дневники и устные рассказы участников экспедиции познакомили русскую общественность с жизнью не известной до того времени в России части Китая. Их наблюдения оказались очень полезными для расширения знаний об этой стране и формирования планов дальнейшего развития отношений.

В то же время моряки с «Надежды» и «Невы» оказались первыми русскими, которых смогли увидеть жители юга Китая, имели место факты непосредственного общения. Тем самым было положено начало формированию представлений о русских в этой части «Срединного государства».

К началу XIX в. в Китае существовали достаточно смутные представления о России и ее народе. Архимандрит Иакинф (Бичурин) в одной из своих работ дал возможность познакомиться с некоторыми суждениями, содержащимися в сочинениях китайских авторов о России: «Страна холодна и влажна. Часто дожди и снега, ясной же и умеренной погоды мало. Горы, реки и глухие леса делают местоположение трудным. Живут в избах, на суше употребляют телеги, на воде — лодки... Носят суконное одеяние, любят пить вино; не употребляют чай. Из пшеницы делают хлеб... Россияне храбры и крепки, любят хвастаться и корыстолюбивы. Живут согласно между собой и ссор мало»⁷³.

К этому времени в Цинской империи уже были накоплены определенные знания о России благодаря сведениям, собранным первыми китайскими посольствами, и деятельности сотрудников Российской духовной миссии в Пекине. В XVIII в. в среде правящей элиты сформировался определенный государственный и дипломатический стереотип северного соседа. Однако информация о России (к тому же, не всегда соответствующая реальности) оставалась доступной лишь очень узкому кругу лиц, связанных с внешнеполитической деятельностью.

Лишь в первой половине XIX в. в Китае стали появляться специальные работы, посвященные России, в которых содержались описания ее географического положения, краткие сведения об истории и современной жизни ее населе-

⁷¹ Цит. по: *Воскресенский А.Д.* Китайские хроники о пребывании И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в Гуанчжоу // *И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: Сборник статей.* М., 1993. С. 153.

⁷² Там же. С. 154.

⁷³ *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960. С. 611.

ния. Информация о России попадала к китайским авторам в основном из западных источников (переводов европейских работ на китайский язык, выполненных миссионерами, или непосредственно из книг и статей на европейских языках), поэтому часто сведения о нашей стране оказывались искаженными или же препоносились весьма тенденциозно.

Крупный китайский политический деятель Линь Цзэсюй (1785–1850), прославившийся тем, что, будучи специальным императорским эмиссаром, активно боролся с торговлей опиумом в провинции Гуандун, с энтузиазмом собирал сведения о зарубежных странах. Он известен также тем, что одним из первых в Китае заговорил о необходимости учиться у «варваров», перенимать научные и технические достижения других стран. Россия, как самая крупная из соседних с Китаем держав, постоянно интересовала Линь Цзэсюя. Во время пребывания в Гуандуне в 1839–1841 гг. он написал сочинение «Элосы го цзияо» («Основные сведения о Российском государстве»)⁷⁴, которое в качестве специального раздела было включено им в работу «Сы чжоу чжи» («Описание четырех материков»), написанную Линь Цзэсюем на основе переводов из книг западных авторов. Этот труд о России не мог не вызвать интереса у других китайских авторов. Видный ученый Вэй Юань, внося некоторые исправления и дополнения, включил его в свой трактат «Хайго тучжи» («Описание заморских стран с картами»). Заслуга Линь Цзэсюя состояла в том, что в своей работе он сумел познакомить читателей с историей России (хотя и изложенной с большим количеством неточностей и ошибок) и административным делением Российской империи, приведя краткое описание основных губерний.

Важным источником сведений о России в Китае в этот период стали новые китайские географические сочинения. В 1848 г. увидел свет труд видного китайского политического деятеля, губернатора провинции Фуцзянь Сюй Цзия (1795–1873) «Инхуань чжилюэ» («Краткое описание морей и суши»). Автору удалось привлечь довольно большое количество западных работ и благодаря использованию этих материалов уточнить и исправить данные китайских источников.

Существенное место в «Инхуань чжилюэ» было уделено географии и истории России. Сюй Цзия поразил читателей тем, что Россия — это крупнейшее государство в мире, расположенное в Европе, Азии и Америке, перечислил отдельные города и местности и дал их описание. По силе и военной мощи Россия, по мнению Сюй Цзия, могла сравниться с Британией, однако ее мощь, как он утверждал, была сосредоточена на Западе, а не на Востоке.

Сведения о древней истории России в сочинении Сюй Цзия были представлены достаточно скудно и изобиловали неточностями и ошибками. Так, например, он утверждал, что во времена правления в Китае династии Тан (618–907) разрозненные русские племена были вассалами гуннов, но правитель русских сумел собрать все племена вместе и основать государство. Сведения о завоевании Руси монголами достаточно точны, но затем сказано, что русские изгнали монголов при помощи шведов. Об Иване Грозном говорилось, что он расширил границы Русского государства, однако «натура его была дикой, и он любил убивать»⁷⁵.

⁷⁴ Линь Цзэсюй. Основные сведения о Российском государстве / Пер. с кит., вступит. ст. и коммент. С.Ю. Врядия. Владивосток, 1996.

⁷⁵ 徐继畲 (Сюй Цзия): «瀛环志略» (Краткое описание морей и суши),福州, 1848年, 第八卷.

Из государственных деятелей России наибольшее внимание Сюй Цзюю привлек Петр Великий. Начало его правления было описано автором в традиционном конфуцианском духе: «Народ, пребывая в страхе из-за царившего в стране хаоса, лелеял надежду на появление добродетельного правителя, который сумел бы умиротворить страну»⁷⁶, и именно таким государем смог стать Петр. Сюй Цзюю подробно описывал, как царь лично учил солдат и занимался ремеслами, как он строил новую столицу. В заключение рассказа об этом русском царе автор делал вывод о том, что «нынешняя мощь России берет свое начало с Петра»⁷⁷.

Несмотря на имевшиеся в книге неточности и откровенные ошибки, появление в Китае подобного очерка российской истории имело весьма большое значение: китайцы практически впервые смогли на родном языке ознакомиться с историей своего северного соседа. К тому же одним из существенных достоинств труда Сюй Цзюю следует признать гораздо более точную передачу с помощью китайских иероглифов иностранных географических названий и имен. В дальнейшем китайские ученые XIX в. корректировали географические названия из сочинения Линь Цзэсюя по работе Сюй Цзюю. К тому же именно Сюй Цзюю заложил основу пристального интереса, проявленного впоследствии китайскими учеными и политическими деятелями к личности и деяниям Петра Великого, которому суждено было стать одним из самых популярных зарубежных исторических персонажей в Китае второй половины XIX в.

Так случилось, что для России первая половина XIX в. оказалась не столько важным периодом в развитии межгосударственных отношений с империей Цин, сколько временем интеллектуального осмысления характера этих взаимоотношений и места Китая в мире. К Китаю обратили свои взоры деятели русской науки и культуры. Истоки подобного внимания восходят еще к М.В. Ломоносову, который в XVIII в. проявлял большой интерес к великой азиатской державе и ее народу.

Российско-китайские политические отношения во второй половине XIX — начале XX в.

К середине XIX в. характер взаимоотношений Цинской империи с зарубежными странами изменился самым коренным образом. Попытки Великобритании в конце XVIII — начале XIX в. открыть китайские порты мирным путем, разрушив тем самым многолетнюю внешнеполитическую изоляцию Китая, потерпели неудачу, что обусловило стремление британского правительства достичь своих целей с помощью силы. В результате Первой «опиумной» войны (1840—1842), которую Великобритания развязала против Китая, Цинская империя потерпела сокрушительное поражение. Тем самым был поставлен под сомнение постулат о превосходстве Китая над «варварами», а попытки навязывать зарубежным странам статус вассала лишились какой-либо реальной основы. Все это не могло не сказаться и на характере российско-китайских отношений.

⁷⁶ 徐继畲 (Сюй Цзюю): «瀛环志略» (Краткое описание морей и суши), 福州, 1848年, 第八卷.

⁷⁷ Там же.

После того как Россия и Цинская империя вошли в территориальное соприкосновение не только на Дальнем Востоке, но и в Центральной Азии, остро встал вопрос об упорядочении линии границы между двумя государствами и урегулировании торговых отношений между ними. В 1851 г. был подписан Кульджинский договор, заложивший основы постоянной торговли в районе среднеазиатской границы.

В предшествующие годы русское правительство, заинтересованное в развитии торговли в этом районе, неоднократно обращалось к цинской администрации с предложениями о разрешении законного торгова в Кульдже и Чугучаке и ведении российско-китайской торговли в Кашгарии. Предварительные переговоры по этому вопросу было поручено вести начальнику 12-й Российской духовной миссии в Китае архимандриту Поликарпу (Тугаринову). Дело продвигалось достаточно медленно, однако в 1850 г. ситуация изменилась в связи с вступлением на престол нового императора с девизом правления Сяньфэн. Объявив, что одной из главных задач государства на данном этапе является приведение в порядок финансов, он повелел правительству уделять повышенное внимание вопросам торговли. Такой подход благоприятно сказался на завершении российско-китайских переговоров, которые проходили в 1851 г. в Кульдже. С российской стороны их вел дипломат и ученый-востоковед, будущий директор Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевский, с китайской — императорский наместник в Синьцзяне И Шань⁷⁸.

В середине 50-х годов XIX в. коренным образом изменилась обстановка на Дальнем Востоке. В 1853 г. разразилась Крымская война, в ходе которой России пришлось воевать с Англией, Францией и Турцией. Боевые действия велись не только на Черном море, но и в других районах, в том числе на Дальнем Востоке. Тихоокеанское побережье России подверглось нападениям англо-французского флота. В этих условиях генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев и архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов) поставили перед российским правительством вопрос об укреплении позиций России на Амуре. При этом Н.Н. Муравьев не исключал возможности развертывания боевых действий против англо-французских войск в не разграниченных с Китаем районах.

Вторая «опиумная» война (1856—1860), которую развязали Великобритания и Франция против Китая, создала новую угрозу стабильности на Дальнем Востоке. Изменение международного положения и военно-стратегической обстановки в данном регионе потребовали скорейшего решения вопроса о территориях в Приамурье и Приморье. Данные районы были безлюдными, китайское население там практически отсутствовало, а Цинская империя, терпевшая сокрушительные поражения от западных держав, оказалась не в состоянии их оборонять. Россия, в свою очередь, к тому времени осознала необходимость использования этого региона в целях повышения собственной безопасности, однако это было невозможно осуществить в силу тех условий, в которые она была поставлена статьями Нерчинского договора. Назрела объективная необходимость пересмотра этого договора и определения новой линии границы.

⁷⁸ Полный текст договора см.: Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М., 2004. С. 58—62.

**Николай Николаевич МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ (1809—1881) —
российский государственный деятель,
генерал-губернатор Восточной Сибири**

Родился 11 (23) августа 1809 г. в Санкт-Петербургской губернии. С отличием окончил Пажеский корпус. Выпущен из корпуса в 1827 г. прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. Принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и в подавлении польского восстания 1831 г. В 1838—1844 гг. участвовал в войне на Кавказе. В 1841 г. Н.Н. Муравьев был произведен в генерал-майоры. В 1844 г. оставил военную службу. С 1846 г. — губернатор Тульской губернии. В 1847 г. назначен губернатором Восточной Сибири. Императором Николаем I ему было предоставлено право вести все сношения с китайским правительством по разграничению восточной окраины. В этой должности Н.Н. Муравьев инициировал процесс возвращения России Приамурья, отданного Китаю в 1689 г. Несмотря на сильное противодействие ряда чиновников в Петербурге, опасавшихся ухудшения отношений с Китаем, Н.Н. Муравьев санкционировал занятие Г.И. Невельским устья Амура и о. Сахалин, где были основаны русские поселения. За значительный вклад в укрепление и расширение границ Российской империи, «за примерно-ревностные и неутомимые труды в развитии благосостояния обширного края и быстрые успехи по устройству казачьего сословия Восточной Сибири» Н.Н. Муравьев был отмечен многими высшими российскими наградами. В январе 1854 г. Н.Н. Муравьев начал переговоры с китайскими властями о разграничении территорий, завершившиеся в 1858 г. заключением Айгуньского трактата, за что получил титул графа Амурского. Предпринимал попытки заселить пустынные места по р. Амур и р. Мая, устроить пароходное сообщение по Амуру и почтовый тракт, но они оказались безуспешными. Добился освобождения нерчинских крестьян от обязательных работ на рудниках и сформировал из них 12-тысячный корпус казачьего войска, поселенного на берегах Амура. В феврале 1861 г. вышел в отставку после того, как в Петербурге отклонили его проект разделения Восточной Сибири и Амурского края на два генерал-губернаторства. Жил в Париже до смерти в 1881 г., лишь иногда приезжая в Россию на заседания Государственного Совета, в который был введен после отставки. Был похоронен на кладбище Монмартра, в 1990 г. перезахоронен в историческом центре Владивостока.

Н.Н. Муравьев особенно популярен на Дальнем Востоке России. В Благовещенске ему установлено два памятника как основателю города. Памятник работы А.М. Опекушина, первоначально установленный в Хабаровске в 1891 г., в 1992 г. был восстановлен, а в 2006 г. изображен на новой российской банкноте 5 тыс. рублей.



*Портрет работы К.Е. Маковского,
1863 г.*

В результате переговоров, начатых по инициативе России, в городке Айхунь (в русском написании — Айгунь), расположенном на правом берегу Амура, 16 (28) мая 1858 г. был подписан российско-китайский договор о переходе к России левобережья Амура и русско-китайской торговле в Приамурье. От имени России его подписал Н.Н. Муравьев, с цинской стороны — полномочный представитель пекинского правительства И Шань. Линия прохождения границы между двумя государствами была определена следующим образом: «Левый берег реки Амура, начиная с реки Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению, до р. Уссури, владением Дайцинского государства; от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств»⁷⁹. Таким образом, вопрос о принадлежности Уссурийского края на какое-то время оставался открытым.

В договоре присутствовала статья, в которой, фактически, формулировалась заинтересованность обеих сторон в обеспечении безопасности дальневосточных территорий, в частности, в недопущении в этот район иностранных кораблей. В ней было сказано, что по рекам Амур, Сунгари и Уссури допускается плавание лишь российских и китайских судов. Договор не содержал ярко выраженных неравноправных статей, а подданные Цинской империи, проживавшие на левом (российском) берегу Амура, оставались под юрисдикцией своего правительства. В тексте договора указывалось следующее: «Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали»⁸⁰.

Практически параллельно с заключением Айгуньского договора состоялось подписание российско-китайского Тяньцзиньского договора. Дело в том, что еще в 1857 г. правительство России приняло решение направить в Китай миссию адмирала Е.В. Путятина, заключившего незадолго до этого договор с Японией в Симода. Ему предстояло решить вопрос о возможности морской торговли с Китаем, который остро обозначился в начале века во время захода в Гуанчжоу кораблей «Надежда» и «Нева», а также провести переговоры о дальневосточных границах в том случае, если Н.Н. Муравьев не смог бы удачно завершить их в Айгуне. Российское правительство хотело также предложить Китаю помощь в виде поставок оружия и направления военных инструкторов с целью укрепления обороны страны в условиях англо-французской агрессии.

Впервые идея посылки в Китай русских офицеров для организации обороны китайской столицы возникла еще в 1856 г. Однако подобное предложение было встречено цинской администрацией очень настороженно и даже с недоверием. Один из членов Военного совета представил специально подготовленную историческую справку, доказывая, что подобные обращения к иноземцам в прошлом приводили к падению династии⁸¹. Поэтому, когда Е.В. Путятин вновь обратился к цинским властям с подобными предложениями, ему было объявлено, что, хотя

⁷⁹ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. С. 62.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Архимандрит Палладий — Муравьеву от 27 (15) октября 1857 г. // Русский архив. 1914. Т. 10. С. 190.

император благосклонно согласился принять винтовки и пушки, приезд русских офицеров в данное время не желателен.

Итогом проведенных Е.В. Путятиным переговоров стало подписание им с цинскими официальными уполномоченными Гуй Ляном и Хуашана Тяньцзиньского договора 1 (13) июня 1858 г. Договор, состоявший из 12 статей, подтверждал мир и дружбу, «с давних времен существовавшие между его величеством императором Всероссийским и его величеством богдоханом дайцинским и их подданными»⁸². Согласно его тексту, Россия получала возможность вести торговлю с Китаем не только сухопутным путем, но и морем. Цинская сторона дала согласие на заход русских кораблей в несколько портов Китая: Шанхай, Нинбо, Фучжоу, Сямэнь, Гуанчжоу, Тайваньфу (современный г. Тайнань на о. Тайвань) и Цюнчжоу на острове Хайнань, а также в другие места, открытые для иностранной торговли. Е.В. Путятин не пытался добиться открытия для русской торговли портов Северного Китая, так как опасался, что вслед за этим начнется усиление западных держав в данном районе, поскольку они активно ратовали за политику «открытых портов».

Договор гарантировал безопасность и неприкосновенность собственности подданных обоих государств: «Личная безопасность и неприкосновенность собственности русских, живущих в Китае, и китайцев, находящихся в России, будут всегда состоять под покровительством и защитой правительств обеих империй»⁸³.

Россия, в отличие от западных держав, не настаивала на предоставлении ее гражданам права экстерриториальности и консульской юрисдикции в одностороннем порядке. В этом отношении Тяньцзиньский трактат устанавливал равные права для подданных как Российской, так и Цинской империй. Статья 7-я гласила: «Разбирательство всякого дела между русскими и китайскими подданными в местах, открытых для торговли, не иначе должно производиться китайским начальством как сообща с русским консулом, или лицом, представляющим власть российского правительства в том месте. В случае обвинения русских в каком-либо проступке или преступлении, виновные судятся по русским законам. Равно и китайские подданные за всякую вину, или покушение на жизнь или собственность русских, будут судиться и наказываться по постановлениям своего государства»⁸⁴.

Тяньцзиньский договор не противоречил уже подписанному к тому времени Айгуньскому договору, намечая при этом широкую программу по уточнению линии границы между двумя государствами, предусматривавшую подробное ее описание и составление карт смежных районов. В договоре подтверждалось право России иметь в Пекине свою Духовную миссию. Очень важным также следует признать пункт, юридически уравнивавший права России в отношении с Китаем, что означало прекращение многолетних попыток цинской дипломатии навязать северному соседу статус вассала.

В марте 1859 г. в Китай была отправлена дипломатическая миссия во главе с графом Н.П. Игнатьевым. Его сопровождали несколько русских офицеров, направленных в Пекин с целью обучения китайских войск, и большой обоз с ружьями и пушками, изготовленными на ижевских заводах. Однако после победы, одержанной китайскими войсками над англичанами и французами

⁸² Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. С. 64.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 66.

в районе форта Дагу, амбиции цинских сановников и чувство превосходства всего китайского над «варварским» вновь выросли, и китайская сторона отказалась от предложенного русского оружия. Что касается самого Н.П. Игнатьева, то он продолжил свой путь в Пекин с целью ведения переговоров по вопросам, оставшимся нерешенными во время миссии Е.В. Путятина и при подписании Айгуньского договора (в частности, не разграниченными оставались земли Уссурийского края).

После победы при Дагу цинские дипломаты поставили под сомнение содержание Айгуньского и Тяньцзиньского договоров, однако последующие поражения китайских войск в сражениях Второй «опиумной» войны, наступление англо-французских войск на Пекин и бегство из столицы императора Сяньфэна заставили их искать в лице графа Н.П. Игнатьева посредника для переговоров с интервентами. Российский посланник согласился выступить в этой роли при условии, что великий князь Гун (брат императора) лично письменно обратится к нему с просьбой о посредничестве и даст обязательство признать Айгуньский договор и провести разграничение не разграниченных на тот момент территорий.

**Великий князь ГУН (恭親王),
Айсиньгиоро Исинь (愛新覺羅·奕訢), (1833—1898) —
видный государственный деятель периода Цин**

Родился 11 января 1833 г. в Пекине. Принадлежал к правившему в Китае маньчжурскому императорскому роду Айсинь Гиоро. Шестой сын императора Даогуана (1820—1850), брат императора Сяньфэна (1850—1861).



В 1860 г., в критический момент Второй «опиумной» войны, по распоряжению императора, покинувшего столицу, великий князь Гун остался в Пекине для ведения переговоров с представителями англо-французской армии. Предложил русскому посланнику Н.П. Игнатьеву выступить посредником на этих переговорах. В том же году подписал с Н.П. Игнатьевым Пекинский договор, подтверждавший содержание двух договоров 1858 г. и определявший линию границы с Россией на всем восточном участке.

В 1861 г. получил титул принца-регента при малолетнем императоре Тунцзи. В том же году он стал основателем Цзунли ямэня — учреждения, фактически выполнявшего функции министерства иностранных дел. В 1862 г. основал школу иностранных языков — Тунвэнь гуань. Великий князь Гун по праву считается инициатором начала проведения в Китае политики «самоусиления».

В середине 1880-х гг. он был отстранен от власти по инициативе усилившей свои позиции вдовствующей императрицы Цыси. В 1852 г. император Сяньфэн подарил великому князю Гуну большой дворец в Пекине, расположенный к западу от Запретного города, где он и жил после отставки. В настоящее время там размещается музей.

В результате дипломатических усилий Н.П. Игнатьева англо-французские войска были остановлены на подступах к китайской столице и Пекин был спасен от разграбления иностранными захватчиками, а для России появились перспективы окончательного решения вопросов пограничного урегулирования с Китаем.

2 (14) ноября 1860 г. Н.П. Игнатьев и великий князь Гун заключили Пекинский (дополнительный) договор, подтверждавший содержание двух договоров 1858 г. и определявший линию границы на всем восточном участке (по рекам Амур, Уссури, Сунгача, оз. Ханка и далее по горам до границы с Кореей). На западном участке было намечено общее направление прохождения российско-китайской границы относительно озер Зайсан и Иссык-Куль (впоследствии она была уточнена Чугучакским протоколом 1864 г.). Договор предусматривал также расширение взаимовыгодной торговли между двумя странами, отмену каких-либо ограничений на ее ведение и особое покровительство, которым должны пользоваться российские и китайские купцы со стороны правительств обеих стран⁸⁵.

**Николай Павлович ИГНАТЬЕВ (1832–1908) —
российский дипломат и государственный деятель**

Родился 17 (29) января 1832 г. в Санкт-Петербурге. Учился в пажемском корпусе, в 1849 г. поступил в лейб-гвардии гусарский Его Величества полк. В 1851 г. окончил Военную академию. В 1854 г. командирован в распоряжение командовавшего войсками в Эстляндии генерал-адъютанта Ф.Ф. Берга, в 1855 г. был обер-квартирмейстером Балтийского корпуса.

Дипломатическую деятельность начал в 1856 г. в составе российской делегации на Парижской мирной конференции. В 1858 г. возглавил военно-дипломатическую миссию в Хиву и Бухару. В марте 1859 г. назначен уполномоченным в Китай с поручением добиться от цинского правительства утверждения Айгуньского и Тяньцзиньского договоров. Прибыл в Пекин в самый разгар Второй «опиумной» войны, которую вели Англия и Франция против Китая. В это время англо-французские войска вплотную подошли к городу, а император покинул столицу. По просьбе китайского правительства И.П. Игнатьеву удалось убедить командование англо-французского экспедиционного корпуса отказаться от штурма, что спасло столицу от разрушений.



2 ноября 1860 г. подписал Пекинский договор с Китаем, за что был произведен в генерал-адъютанты. В 1861–1864 гг. служил директором Азиатского департамента министерства иностранных дел. В последующие годы активно занимался Балканским вопросом и сыграл важную роль в деле освобождения болгарского народа от османского ига. В 1878 г. составил и подписал Сан-Стефанский мирный договор с Турцией. В 1881–1882 гг. занимал посты министра государственных имуществ и министра внутренних дел. С 1877 г. был членом Государственного совета, возведен в графское достоинство. Именем Н.П. Игнатьева названы селения, улицы и площади в Болгарии, в городе Варна ему установлен памятник.

⁸⁵ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. С. 70–79.

Российско-китайский Пекинский договор принципиально отличался от аналогичных договоров, подписанных западными державами с цинским правительством, тем, что его статьи о сухопутной торговле, пограничной и консульской службах в основном строились на принципах взаимности и равенства. Во время Второй «опиумной» войны Россия не посылала свои войска в Китай и, в отличие от стран Запада, не участвовала в торговле опиумом.

Все рассмотренные выше российско-китайские договоры в условиях нарастающей экспансии стран Запада на Дальнем Востоке могли стать основой для складывания союзнических отношений между Россией и Цинской империей. Реальной основой успехов внешней политики России в этом регионе стало фактическое освоение приамурских земель представителями различных народов России. В 1860 г. в Приморском крае был основан город Владивосток.

Отечественные исследователи единодушны во мнении, что заключение российско-китайских договоров 1858–1860 гг. «явилось огромным шагом вперед к установлению точной и постоянной границы между Россией и Китаем. Положен был конец вековому спору о Приамурье и неразграниченных землях»⁸⁶.

А.Д. Воскресенский, оценивая значение Айгуньского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров, указывает, что «если подходить к ситуации с позиций многофакторного равновесия, то корректировка единиц, составляющих систему, в части, касающейся географических факторов (изменение границ), осуществлялась в буферной зоне между государствами и в этом смысле не могла нарушить общее равновесие»⁸⁷.

В то же время ученые КНР придерживаются в этом вопросе диаметрально противоположных оценок. Договоры между Россией и Цинской империей 1858–1860 гг. рассматриваются ими в контексте заключения неравноправных договоров между Китаем и западными державами. Бу Пин полагает, что как Айгуньский, так и Пекинский договоры являются «неравноправными, заключенными при таких условиях, когда сильная держава — Россия — в соответствии со своими экономическими потребностями, опираясь на свое политическое и военное превосходство, принудила к несправедливому разграничению слабую сторону — Китай, который оказался в условиях внутренних и внешних затруднений»⁸⁸. В целом практически во всех публикациях ученых КНР Айгуньский, Тяньцзиньский и Пекинский договоры представляются как неравноправные. В китайских исследованиях утверждается, что по Айгуньскому договору Россия «захватила территорию площадью более 600 000 кв. км»; по Тяньцзиньскому договору добилась тех же прав и привилегий, которыми обладали Англия и Франция, а по Пекинскому — «захватила 400 000 кв. км, включая остров Сахалин»⁸⁹.

В свою очередь, российские историки считают, что хотя Тяньцзиньский и Пекинский договоры включали отдельные неравноправные для Китая условия, в целом же положения Пекинского договора о границе «не могут считаться

⁸⁶ Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 95–104. См. также: Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 118.

⁸⁷ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. С. 416.

⁸⁸ 《学习与探索》1983年，第六期，第128页。

⁸⁹ 林军：《中苏关系1689—1989年》，第37—44页。胡礼忠、金光耀、沈济时：《从尼布楚条约到叶利钦访华——中俄中苏关系300年》，第40—62页。

неравноправными», поскольку «Россия добивалась... возвращения земель, захваченных у нее Цинской империей в XVII столетии»⁹⁰. Е.Л. Беспрозванных делает акцент на том обстоятельстве, что «Россия урегулировала пограничные вопросы с цинским Китаем, не прибегая к угрозам военной силы или иным методам давления, широко практиковавшимся западными колонизаторами при заключении неравноправных договоров с Китаем»⁹¹.

Правда, при этом некоторые российские историки, например А.А. Писарев, отмечают, что делимитация границы, проведенная вслед за подписанием Пекинского договора, не соответствовала сложившейся к тому времени практике территориального разграничения: граница была проведена не по середине фарватера, а обозначена по китайскому берегу реки. «Это давало аргументы российской дипломатии в будущем использовать эти документы для обоснований позиций, отвечавших в первую очередь ее интересам»⁹².

В целом включение Приамурья и Южно-Уссурийского края в состав России оценивается в отечественной историографии как успех российской внешней политики: «Оно упрочило положение России на Тихом океане, способствовало экономическому освоению богатейшего дальневосточного региона. Великодержавные интересы Цинской монархии пострадали, но не столько под давлением России, сколько в результате вооруженной агрессии Англии и Франции»⁹³.

При всей неоднозначности приведенных оценок, следует констатировать, что Пекинский договор стабилизировал ситуацию как на российско-китайской границе, так и на всем Дальнем Востоке. Подписание этого договора знаменовало собой установление постоянных дипломатических отношений между Россией и Китаем. С 1864 г. в Пекине начала действовать российская дипломатическая миссия.

С начала 60-х годов XIX в. в Китае стали проводиться мероприятия в рамках так называемой политики «самоусиления», направленные на ликвидацию отставания страны от передовых держав Запада. Характерной чертой данной политики явилась активизация внешних связей Китая, перестройка дипломатической деятельности, постепенный отказ от одиозных внешнеполитических доктрин. В январе 1861 г. для ведения дел со странами Европы и Америки было создано специальное ведомство по иностранным делам — Цзунли ямэнь (Цзунли гэ го шиу ямэнь — Управление по ведению дел со всеми странами) — во главе с великим князем Гуном, которое приняло решение начать отправку специальных миссий в страны Запада с целью знакомства с их жизнью и государственным устройством.

В 1866 г. китайский сановник Бинь Чунь получил указание Цзунли ямэня совершить подобную поездку и представить подробный отчет о своем путешествии. В ходе данной миссии Бинь Чунь посетил Петербург, куда он во главе делегации приехал 4 июля из Стокгольма через Гельсингфорс. Хотя его пребывание в столице России было очень кратким, оно произвело на китайского дипломата большое

⁹⁰ Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 103.

⁹¹ Беспрозванных Е.П. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. С. 180.

⁹² История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. 3-е изд. М., 2004. С. 328.

⁹³ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / Отв. ред. В.М. Хевролина. М., 1999. С. 144.

впечатление. 7 июля члены делегации были приняты вице-канцлером А.М. Горчаковым и директором Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоуховым. Во время встречи Бинь Чунь постоянно подчеркивал дружественный характер отношений, сложившихся между Россией и Китаем на протяжении более чем ста лет.

Китайская делегация посетила Исаакиевский собор и Эрмитаж, совершила поездку в Петергоф. В Красном Селе Бинь Чунь присутствовал на маневрах русских войск и беседовал с великим князем Николаем Николаевичем. Состоялась его встреча с наследником престола. Свои впечатления о пребывании в России Бинь Чунь изложил в дневнике и специальном отчете, представленном в Цзунли ямэнь⁹⁴. Этот визит знаменовал собой начало нового этапа в российско-китайских отношениях, когда взаимные визиты представителей обеих стран стали вполне естественным и обычным явлением.

Еще одна высокопоставленная китайская делегация побывала в столице России в 1870 г. Миссию возглавляли сразу три дипломата: цинские сановники Чжи Ган и Сунь Цзягу и бывший американский посланник в Пекине Ансон Бурлингэм, специально принятый на службу Цзунли ямэнем. Представительная китайская делегация побывала в США, Франции, Швеции, Дании, Нидерландах, Пруссии, после чего прибыла в Санкт-Петербург. В российской столице их принимали на более высоком уровне, чем Бинь Чуня. Состоялась аудиенция в Зимнем дворце, где китайские дипломаты были представлены императору Александру II. Именно в Петербурге произошла смена реального руководителя посольства, так как 11 (23) февраля 1870 г. А. Бурлингэм скончался в гостинице Клея от воспаления легких, и руководство миссией полностью взял в свои руки Чжи Ган. Члены делегации встречались со многими представителями петербургской знати, включая членов императорской фамилии. Китайские посланники ознакомились с достопримечательностями Санкт-Петербурга и пригородов, посетили музеи, которые, судя по дневнику Чжи Гана, произвели на них большое впечатление⁹⁵.

На следующем этапе развития отношений между двумя странами происходило территориальное размежевание в Центральной Азии, где постепенно была зафиксирована линия общей границы. Большое значение в этом плане имело подписание Ливадийского (1879) и Санкт-Петербургского (1881) договоров, а также соглашения 1894 г. о разграничении на Памире.

Российско-китайские отношения в Центральной Азии в данный период развивались параллельно с «Большой игрой» — масштабным англо-русским соперничеством в обширном регионе Ближнего и Среднего Востока. В 1860-х годах западные районы Цинской империи (Кашгария и бассейн реки Или) были охвачены восстанием мусульманских народностей. Во главе движения встал местный правитель — Якуб-бек, провозгласивший отделение этих территорий от империи Цин и создание самостоятельного государства. В отечественной историографии закрепилось мнение о том, что Великобритания стремилась создать в этом районе зависимое от себя мусульманское государство, а английские и турецкие агенты всячески пытались восстановить Якуб-бека против России⁹⁶.

⁹⁴ 斌椿 (Бинь Чунь): 《乘槎笔记》 (Путевые записи), 长沙, 1981年.

⁹⁵ 志刚 (Чжи Ган): 《初使泰西记》 (Записи о посольстве на Запад), 长沙, 1981年, 第90—93页.

⁹⁶ Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 140.

В 1871 г. российское правительство приняло решение ввести в Кульджу войска. Российские историки считают, что «целью оккупации Кульджинского (Илийского) края было стремление царского правительства подавить восстание и не допустить его распространения на русские владения в Средней Азии, восстановить выгодные торговые отношения с западными районами Китайской империи и предотвратить захват Кульджи Якуб-беком, которого Англия старалась использовать как орудие своих захватнических планов»⁹⁷.

А.Д. Воскресенский отмечает, что царское правительство с самого начала рассматривало занятие Илийского края как временную меру, «поскольку сохранение целостности Китая считало для себя значительно более выгодным, чем его распад»⁹⁸. Введение русских войск в этот район стабилизировало там ситуацию, затормозило усобицы и придало импульс хозяйственной деятельности населения. Кроме того, русские войска, по сути, оказали помощь и китайской армии Цзо Цзунтана, обезопасив ее фланги⁹⁹. При этом, говоря о рассматриваемых событиях, А.Д. Воскресенский использует такие термины, как «введение войск» или «занятие территории», в то время как В.А. Моисеев в своей книге «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 гг.)» пишет об «оккупации русскими войсками Илийского края»¹⁰⁰.

В 1879 г. цинское правительство направило своего представителя Чун Хоу для заключения соглашения с Россией по кульджинскому вопросу. В верительной грамоте от императора Гуансюя указывалось, что Чун Хоу был знатным и весьма уважаемым человеком и ему доверяли при дворе: «Мы специально выбрали награжденного двухочковым павлиньим пером и рубиновым шариком первого класса наставника наследника престола, нэйдачэня (старший помощник начальника императорских телохранителей), члена Цзунли ямэня, цзо шилана Либу (старший помощник начальника Министерства чинов) Чун Хоу и поручили ему отправиться в столицу Вашего государства...»¹⁰¹

Договор был подписан в Ливадии — летней резиденции российских императоров в Крыму. По нему к России отходили западная часть Илийского края и долина реки Текес «для поселения на них жителей Илийского края, которые пожелают принять русское подданство»¹⁰². Город Кульджа возвращался Китаю.

В Китае подписание Ливадийского договора было воспринято как факт национального унижения. Цинское правительство отказалось признавать договор, а Чун Хоу был снят со всех постов и приговорен к смертной казни, от которой его спасло лишь заступничество российского посольства. А.Д. Воскресенский считает, что Чун Хоу попросту сыграл роль «козла отпущения»: «Цинские

⁹⁷ Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 140.

⁹⁸ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. С. 82.

⁹⁹ Там же. С. 83.

¹⁰⁰ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 гг.). Барнаул, 2003. С. 116.

¹⁰¹ Верительная грамота посланника в Санкт-Петербурге Чун Хоу от китайского императора Гуансюя русскому императору Александру II // Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. С. 278.

¹⁰² Ливадийский договор // Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. С. 283.

дипломаты знали, что необходимо вернуть Илийский край, но никто не мог сформулировать конкретные уступки, на которые можно и нужно было пойти для его возвращения»¹⁰³.

В Китае резко активизировалась группировка сторонников войны с Россией. Ее лидер — генерал Цзо Цзунтан, возглавлявший оборону северо-западных рубежей Цинской империи, перенес свою ставку из Ланьчжоу в Хами и даже «захватил с собой гроб, как символ решимости бороться до конца»¹⁰⁴. Он предполагал двинуть к границам России 20-тысячный корпус, вооруженный скорострельным оружием и обученный английскими инструкторами, число которых составляло 200 человек.

ЦЗО Цзунтан (左宗棠, 1812–1885) — китайский государственный и военный деятель

Родился в уезде Сяньинь провинции Хунань. В 1850 г. стал помощником *сюньфу* (военного губернатора) провинции Хунань, затем служил в Военном министерстве. Сыграл значительную роль в модернизации китайской армии по европейскому



Портрет работы П.Я. Пясецкого

образцу и подавлении восстания тайпинов. В июле 1864 г. войска Цзо Цзунтана участвовали в штурме столицы тайпинов — Тяньцзина (Нанкина). В августе 1865 г. Цзо Цзунтан занял должность наместника Миньчжэ (территория современных провинций Фуцзянь и Чжэцзян), а в 1867 г. — наместника Шэньганя (современные провинции Шэньси и Ганьсу), став одновременно чрезвычайным императорским уполномоченным в провинции Шаньси. Подавил восстания наньцзюней и дунган (китайских мусульман). Затем двинул свои войска в Синьцзян, где разгромил повстанцев во главе с Якуб-беком. В период Илийского кризиса 1879–1881 гг. являлся сторонником проведения жесткой линии в отношении России и не раз высказывался за начало военных действий, резко выступая против примирительной

линии Ли Хунчжана. Прибытие к китайским берегам эскадры русских боевых кораблей под командованием адмирала С.С. Лесовского остановило цинское правительство, и оно отказалось принять план Цзо Цзунтана. В январе 1881 г. был отозван в Пекин и назначен главой Военного ведомства, однако в октябре того же года смещен с этого поста и назначен наместником Лянцзяна (современные провинции Цзянсу, Цзянси и Аньхой). В 1884 г. после начала войны с Францией вновь возглавил Военное ведомство, позднее назначен чрезвычайным уполномоченным императора по укреплению обороны провинции Фуцзянь. В сентябре 1885 г., вскоре после подписания мирного договора, скончался в Фучжоу. Его тело было перевезено в город Чанша в родной провинции Хунань.

¹⁰³ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. С. 111.

¹⁰⁴ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 гг.). С. 188.

В 1880 г. в Санкт-Петербург прибыл официальный китайский посланник Цзэн Цзицзэ (1839–1890). Ему было поручено вести переговоры о заключении нового договора между Китаем и Россией. Хорошее владение иностранными языками и знание ситуации в зарубежных странах послужили причиной назначения Цзэн Цзицзэ посланником цинского Китая в Англию и Францию. В 1880 г. он по совместительству был возведен в должность Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра при дворе Его Величества Императора Всероссийского. Цзэн Цзицзэ оказался талантливым дипломатом. Его твердый и в чем-то даже непреклонный характер идеально сочетался с умением пойти на компромисс. Он в достаточной мере ориентировался в тонкостях европейской политики того времени.

В Петербурге Цзэн Цзицзэ провел переговоры с русскими дипломатами и 12 (24) февраля 1881 г. от имени Цинской империи поставил свою подпись под Санкт-Петербургским договором. С российской стороны его подписали управляющий Министерством иностранных дел Н.К. Гирс и российский посланник при дворе китайского императора Е.К. Бюцов. После заключения договора китайский императорский двор продлил полномочия Цзэн Цзицзэ. В 1886 г. Цзэн Цзицзэ был отозван в Китай.

**ЦЗЭН Цзицзэ (曾紀澤, 1839–1890) —
китайский дипломат, ученый и литератор**

Родился в 1839 г. в провинции Хунань. Старший сын крупного государственного и военного деятеля Цзэн Гофаня. Получил классическое китайское образование, дополненное изучением западных языков и наук. В 1878 г. был назначен послом Цинской империи в Великобританию, Франции и России. Проработал в европейских странах 7 лет (1879–1885). Вел переговоры с Россией, занимая на них жесткую позицию, и подписал в 1881 г. Санкт-Петербургский договор. При этом он критиковал позицию Цзо Цзунтана, считавшего, что Россия была слаба и Китай мог одержать победу над ней. В последующие годы возглавлял военно-морское управление, Цзунли ямэнь и Школу иностранных языков — Тунвэнь гуань. Статьи Цзэн Цзицзэ публиковались в британской печати, переводились на различные европейские языки, в том числе и на русский.



Санкт-Петербургский договор в основном касался вопросов урегулирования ситуации в Илийском крае и торговли в западных районах Цинской империи. Российское правительство отказалось от претензий на Музартский перевал и долину Текеса, сохранив за собой лишь незначительную часть края. Документ предусматривал право беспошлинной торговли для русских купцов в Западном Китае, а 19-я его статья подтверждала действие всех прежних договоров, заключенных между Россией и Китаем¹⁰⁵. При передаче Кульджи и прилегающих

¹⁰⁵ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. С. 124.

районов Цинской администрации около 80 процентов уйгур, дунган и других местных жителей, опасаясь преследований со стороны цинских властей, переселились в русское Семиречье¹⁰⁶.

Историки КНР достаточно негативно оценивают последствия подписания Санкт-Петербургского договора, относя его к категории неравноправных, хотя и подчеркивают заслуги Цзэн Цзицзэ в деле изменения ряда его статей в более выгодную для Китая сторону по сравнению с Ливадийским договором 1879 г.¹⁰⁷ Говорится о том, что Россия в этот период навязала Китаю колониальную войну с целью захвата Илийского края и «открыто совершила военный захват этого района»¹⁰⁸, а Китай утратил свои исконные территории в Центральной Азии.

В 90-х годах XIX в. российско-китайские отношения вступили в новую фазу своего развития, когда российский капитал стал активно внедряться в Китай. В ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг., когда китайская армия и флот терпели сокрушительные поражения от японцев, один из наиболее влиятельных китайских сановников Ли Хунчжан (1823–1901) постарался убедить правительство опереться на помощь России. В июне 1894 г. он обратился к российскому посланнику в Пекине А.П. Кассини с просьбой о посредничестве. Министр финансов С.Ю. Витте, будучи сторонником активной российской политики на Дальнем Востоке, высказал мысль о необходимости поддерживать Китай, так как усиление там позиций Японии означало бы угрозу интересам России.

После подписания японо-китайского Симоносэцкого договора, ущемлявшего суверенитет Китая и упрочившего позиции Японии в этой стране, российское правительство инициировало демарш трех держав, направленный на ограничение тех преимуществ, которые могла извлечь Япония из этого договора. 23 марта 1895 г. посланники России, Франции и Германии в Токио предъявили Японии требование отказаться от Ляодунского полуострова, который она должна была получить согласно договору, подписанному в Симоносэки. Успех демарша был предопределен перевесом российского флота на Тихом океане: русская эскадра, стоявшая на рейде в Чифу, была готова к бою.

Поддержав Китай в этом вопросе, Россия встала на путь конфронтации с Японией. Царское правительство пошло на этот шаг в силу того, что на первый план в российской внешней политике на Дальнем Востоке постепенно выходили интересы русского капитала в Китае.

По мнению профессора Пекинского университета Сюй Ваньмина, демарш трех держав, осуществленный по инициативе С.Ю. Витте, стимулировал внешнеполитическую линию Ли Хунчжана, направленную на «союз с Россией и обуздание Японии»¹⁰⁹. Сюй Ваньмин полагает, что на том этапе политика С.Ю. Витте и Ли Хунчжана соответствовала интересам двух стран — Китая и России.

¹⁰⁶ Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 142–143.

¹⁰⁷ 胡礼忠、金光耀、沈济时：《从尼布楚条约到叶利钦访华——中俄中苏关系300年》，第67–73页。

¹⁰⁸ 薛衔天，李嘉谷（Сюе Сяньтянь. Ли Цзягу）关于近代中俄关系的性质问题一答纳罗奇尼茨基与齐赫文斯基（К вопросу о характере китайско-российских отношений в Новое время. Ответ Нарочницкому и Тихвинскому），《近代史研究》，1984年，第四期，第285页。

¹⁰⁹ 徐万民（Сюй Ваньмин）：《庚子中俄东北之战反思录》（Размышления о китайско-российской войне в Северо-Восточном Китае в 1900 году）//《中俄关系的历史与现实》（История и современное состояние китайско-российских отношений，第二册，北京，2009年，第245页。

**ЛИ Хунчжан (李鴻章, 1823—1901) —
китайский государственный деятель и дипломат
периода династии Цин**

Родился 15 февраля 1823 г. недалеко от города Хэфэй (современная провинция Аньхой) в семье крупного чиновника, получил традиционное конфуцианское образование. Принимал активное участие в подавлении восстания тайпинов (1850—1864). Был одним из инициаторов и проводников политики «самоусиления», положившей начало модернизации Китая, провел ряд мероприятий по реформированию китайской армии и военного производства. Занимал ответственные административные должности, в том числе был губернатором различных провинций Китая. С 1870 г. — наместник столичной провинции Чжили с резиденцией в Тяньцзине.

Ли Хунчжан принимал участие в организации работы Цзунли ямэня. В конце XIX в. являлся фактическим руководителем внешней политики, принимал участие во многих переговорах, представляя на них империю Цин. Во внешней политике был сторонником традиционного принципа *и и чжи и* («Использовать варваров, чтобы усмирять варваров»), пытался играть на противоречиях между иностранными державами.

От имени цинского Китая подписал ряд важнейших дипломатических документов: договор с Японией о статусе островов Люцю (Рюкю) в 1871 г., мирный договор с Францией по окончании франко-китайской войны 1884—1885 гг., Симоносэкий мирный договор с Японией (1895), секретный договор с Россией (1896), «Заключительный протокол» с 8 державами после подавления ими антииностранного восстания ихэтуаней (1901).

В российской печати Ли Хунчжана часто называли «китайским Бисмарком», однако в Китае в последние годы жизни и после смерти не пользовался популярностью, в связи с тем, что вынужден был подписывать договоры на невыгодных для страны условиях.



В 1895 г. в целях дальнейшего экономического продвижения России в Китай был образован Русско-Китайский банк, основной капитал которого составлял 6 млн рублей ($\frac{5}{8}$ этой суммы внесли французские банки, а $\frac{3}{8}$ — Санкт-Петербургский международный коммерческий банк). Банк был создан по личной инициативе министра финансов С.Ю. Витте для финансирования строительства будущей Китайско-Восточной железной дороги. В том же году Китаю был предоставлен кредит для уплаты контрибуции Японии в размере 100 млн рублей золотом, гарантом которого выступила Россия, а финансовое обеспечение взял на себя синдикат французских и русских банков.

**Сергей Юльевич ВИТТЕ (1849—1915) —
выдающийся российский государственный деятель
и реформатор конца XIX — начала XX в.,
граф. Министр финансов (1892—1903),
Председатель Совета министров Российской империи (1905—1906)**

В 1870 г. окончил физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе. В 1886 г. занял пост управляющего частного «Общества Юго-Западных железных дорог». 10 марта 1889 г. назначен начальником Департамента железнодорожных дел при Министерстве финансов.



В феврале-августе 1892 г. — министр путей сообщения. В конце 1892 г. назначен на должность министра финансов. Резко ускорил строительство Транссибирской магистрали. В 1896 г. провел успешные переговоры с Ли Хунчжаном, добившись согласия Китая на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), что позволило провести дорогу до Владивостока в гораздо более короткие сроки. Одновременно с Китаем был заключен союзный оборонительный договор.

В 1903 г. потерял должность министра финансов и был назначен Председателем комитета министров. В 1905 г. вел переговоры с Японией, завершившиеся заключением Портсмутского мирного договора, за что был пожалован

графским титулом. В октябре 1905 г. представил царю записку о необходимости политических реформ. По его инициативе был составлен Манифест 17 октября. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. — Председатель реформированного Совета министров. 22 апреля 1906 г. под давлением консерваторов был отправлен в отставку. Умер 28 февраля 1915 г. в Петрограде. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Находясь на высших государственных постах Российской империи, оказывал непосредственное влияние на российско-китайские отношения. Гораздо глубже, чем другие политики, понимал цели и задачи России на Дальнем Востоке, обладая, благодаря финансовым агентам, работавшим в зарубежных странах, обширной и точной информацией.

Будучи сторонником расширения сферы российских экономических интересов в Китае, С.Ю. Витте вместе с тем отстаивал принцип территориальной целостности Цинской империи и выступал против военных авантур. Был противником навязывания Китаю соглашения об аренде Ляодунского полуострова, а во время подавления иностранными войсками восстания ихэтуаней высказывался против ввода русских войск в Пекин. Стремился противодействовать японской политике на Дальнем Востоке, выступая за прочные и стабильные отношения с Китаем. При этом он полагал, что Россия не готова к серьезному военному конфликту с Японией, что в значительной мере предопределило его резкие расхождения с авантюристической линией «безобразовской клики» и внешнеполитическим курсом Николая II в целом, что в конечном итоге привело к его отставке с высших государственных должностей.

Россия стала рассматриваться в Пекине в качестве основного стратегического союзника, ее влияние на Китай начинало расти. Фактическим проводником «прорусской» политики Китая в эти годы становится Ли Хунчжан. В 1896 г. он прибыл в Россию на торжества по случаю коронации императора Николая II. 22 мая (3 июня) того же года Ли Хунчжан подписал в Москве с министром иностранных дел России А.Б. Лобановым-Ростовским и министром финансов С.Ю. Витте секретный договор о союзе против Японии и постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая, пройдя через Северо-Восточный Китай, должна была напрямую соединить Сибирскую железнодорожную магистраль (от города Чита) с Владивостоком. Договор фактически предусматривал создание оборонительного союза России и Китая, который должен был вступить в силу в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею, а также закреплял право строить и эксплуатировать КВЖД за Русско-Китайским банком. Академик С.Л.Тихвинский отмечает, что «это был оборонительный союз, целью которого было предотвращение нового вторжения Японии на континент»¹¹⁰.

В историографии закрепилось мнение, что в процессе переговоров с высокопоставленными российскими представителями Ли Хунчжану была предложена солидная взятка, что и стимулировало его пойти на серьезные уступки России. Один из первых отечественных исследователей данного вопроса Б.А. Романов высказывал предположение о том, что для этого даже потребовалась «частная и оставшаяся неоглашенной аудиенция» у государя-императора, чтобы царским авторитетом подтвердить обещание С.Ю. Витте о выплате 3 млн рублей для успешного решения вопроса о постройке КВЖД¹¹¹.

27 августа (8 сентября) 1896 г. посланник Цинской империи в России Сюй Цзинчэн подписал с правлением Русско-Китайского банка контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД со сроком действия в 80 лет. В декабре 1896 г. в Петербурге состоялись выборы правления Общества Китайско-Восточной железной дороги, в состав которого вошли С.И. Кербедз (вице-председатель), П.М. Романов, А.Ю. Ротштейн, Д.Д. Покотилов, Э.К. Циклер фон Шафгаузен, Э.Э. Ухтомский. В январе 1897 г., согласно двусторонним договоренностям, последовал указ императора Гуансюя о назначении бывшего посланника в Петербурге Сюй Цзинчэна председателем Общества КВЖД.

Вдоль линии КВЖД создавалась особая «полоса отчуждения». Согласно заключенному контракту, Общество КВЖД получало право «безусловного и исключительного управления своими землями», которые освобождались «от всяких поземельных налогов»¹¹².

В самом Китае возникла довольно серьезная оппозиция «прорусской линии» Ли Хунчжана, звучала критика подписанных им соглашений. Губернатор провинции Шаньдун Ли Бинхэн в докладе от 12 января 1897 г., хотя и признавал, что в «благодарность» за возвращение Ляодунского полуострова следует предоставить России некоторые выгоды, однако высказывал мнение, что соглашение о строительстве КВЖД превосходит все допустимые уступки и может привести к потере трех северо-восточных провинций: «Русские обманывают нас, а мы сами себя

¹¹⁰ Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 48.

¹¹¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1842–1906). Л., 1928. С. 49.

¹¹² Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. С. 213–214.

обманываем»¹¹³. Аналогичная критика ряда статей русско-китайских соглашений прозвучала и в докладе губернатора провинции Хэнань Лю Шутана. Особое беспокойство вызывали у него статьи о праве Общества КВЖД формировать собственную охрану железной дороги и разрабатывать рудники¹¹⁴.

После подписания союзного договора определенные финансовые и военные круги в России стали еще активнее стремиться к усилению своего влияния на Дальнем Востоке и к расширению экспансии в Китае. Сам император Николай II под влиянием группировки полковника (в дальнейшем — статс-секретаря) А.М. Безобразова стал деятельным сторонником и проводником идеи приобретения в этом районе незамерзающего порта в целях превращения Российской империи в сильную морскую державу на Тихом океане.

В 1897 г. Германия захватила бухту Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове. Российская дипломатия вначале вознамерилась противодействовать этому захвату, но затем было принято решение использовать его как прецедент. Министр иностранных дел М.Н. Муравьев, сторонник активной политики России на Дальнем Востоке, подал царю докладную записку, в которой аргументировал целесообразность, воспользовавшись удобным случаем, овладеть портом на Ляодунском полуострове.

Российский император, в последние годы XIX века все более склонявшийся к проведению наступательной политики в Корее и Китае, полностью поддержал эту идею. Не дождавшись завершения переговоров русского посланника в Пекине, царь отдал распоряжение о занятии гавани Порт-Артура. 2 (14) декабря 1897 г. русские военные корабли зашли в порт и встали на порт-артурском рейде.

Таким образом, курс на проведение «политики силы» взял верх над прежней линией российской внешней политики в отношении Китая, представленной, прежде всего, министром финансов С.Ю. Витте. На особом совещании 14 ноября, проходившем под председательством царя, С.Ю. Витте пытался доказать несвоевременность и нецелесообразность военного захвата китайского порта, убеждая всех, что России выгоднее сохранять добрососедские отношения с Китаем, осуществляя лишь экономическое проникновение в эту страну. Невзирая на неудачу, которую он потерпел в ходе совещания, С.Ю. Витте продолжал внимательно отслеживать ситуацию вокруг Порт-Артура. 14 (26) марта 1898 г., т.е. за день до подписания конвенции об аренде Ляодунского полуострова, он получил телеграмму от своего представителя в Пекине, члена Правления Общества КВЖД Д.Д. Покотилова, который информировал его об успешном завершении переговоров и прилагал текст конвенции, подписание которой было назначено на следующий день¹¹⁵. С этого момента С.Ю. Витте продолжал наблюдать за тем, как готовились все последующие документы, касавшиеся судьбы Порт-Артура и Дальнего.

Современные китайские историки обратили внимание на различия в подходах к развитию русско-китайских отношений, проявившиеся в рассматриваемый период в правящих кругах Российской империи. Профессор исторического факультета Пекинского университета Сюй Ваньминь признает наличие в конце XIX в. двух группировок в российском руководстве и отмечает серьезные

¹¹³ Цит. по: *Ефимов Г.В.* Внешняя политика Китая. 1894—1899 гг. М., 1958. С. 193.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 5. Л. 1—2.

противоречия между ними. Первая из них, руководимая императором Николаем II, по словам Сюй Ваньмина, «упивалась территориальной экспансией», «слепо верила в военную силу» и стремилась к аннексии Северо-Востока Китая. Другая группировка во главе с графом Витте, «представлявшая интересы формирувавшейся российской торгово-промышленной буржуазии», выступала за железнодорожное строительство и экономическое проникновение в Северо-Восточный Китай, «против легкомысленного применения военной силы»¹¹⁶.

Российские китаеведы в основном высоко оценивают значение подписания российско-китайского договора 1896 г. По мнению Ю.М. Галеновича, переговоры С.Ю. Витте и Ли Хунчжана продемонстрировали, что в России и Китае уже были государственные деятели, понимавшие совпадение интересов двух наций по международным вопросам. При этом Россия, считает Ю.М. Галенович, «понимала важность соблюдения принципа целостности и суверенитета Китая и невмешательства в его внутренние дела»¹¹⁷. Он также отмечает, что уже в те годы у России и Китая появились общие экономические интересы.

В то же время петербургский историк И.В. Лукоянов полагает, что, ведя переговоры в России, Ли Хунчжан пытался «столкнуть лбами империалистов», и «применительно к России даже сейчас трудно однозначно ответить на вопрос, кто кем манипулировал и кто кого переиграл в этих сложных комбинациях»¹¹⁸. Россия, по его мнению, «не только не преуспела в амбициозных планах, но и втянулась в агрессивную политику без четкой перспективы на успех»¹¹⁹.

Вслед за подписанием договора 1896 г. последовало заключение конвенции 1898 г. о предоставлении Цинской империей в аренду России портов Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний), расположенных на чрезвычайно важном в стратегическом отношении Ляодунском полуострове. Согласно тексту этой конвенции, подписанной 15 (27) марта 1898 г., Китай передавал Российской империи в аренду на 25 лет Порт-Артур для устройства там базы русского военноморского флота. Созданное незадолго до этого Общество Китайско-Восточной железной дороги получило право на строительство железнодорожной ветки, которая должна была соединить КВЖД с Ляодунским полуостровом.

В статье 6-й этой конвенции указывалось: «Оба правительства соглашались, что Порт-Артур как исключительно военный порт, будет предоставлен в пользование только русским и китайским судам. Для военных и коммерческих судов других государств он будет считаться закрытым портом»¹²⁰. Таким образом, Россия получила возможность единолично использовать данный стратегически важный порт, на который в 1895 г. после японо-китайской войны активно претендовала Япония, отказавшаяся от своих притязаний лишь под давлением России, Франции и Германии, а в дальнейшем им всерьез заинтересовалась Англия. Что касается Даляня (Дальнего), то этот порт, за исключением одной из внутренних бухт, объявлялся «открытым для иностранной торговли» и туда был предоставлен свободный доступ коммерческим судам всех стран.

¹¹⁶ 徐万民: 《庚子中俄东北之战反思录》 // 《中俄关系的历史与现实》, 第245页.

¹¹⁷ Галенович Ю.М. Россия — Китай: шесть договоров. М., 2003. С. 9.

¹¹⁸ Лукоянов И.В. Первый русско-китайский договор 1896 г. // Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов. СПб., 2006. С. 202.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. С. 223.

Архивные документы указывают на то, что в том же 1898 г. было принято решение о строительстве в Порт-Артуре храма во имя Святителю Николаю, Мирликийского Чудотворца, а в Дальнем — храма во имя мученицы Александры, «дни празднования которых совпадают с радостными для всей России днями тезоименитства Государя Императора и Государыни Императрицы»¹²¹. Все сказанное выше свидетельствует о том, что российские власти не только придавали Ляодунскому полуострову важнейшее военно-стратегическое и внешнеполитическое значение, но и отводили данной территории важную идейно-провиденциальную роль, а отсюда вытекала задача закрепления России в этой области и создания там эффективной системы управления, хозяйствования и контроля.

Николай II в своем стремлении развивать движение России к Тихому океану пытался осуществлять политику, сходную, по его мнению, с линией Петра Великого, добившегося прорыва России на Балтику. Это почти мессианское стремление императора нашло отражение и в его желании дать новое имя Порт-Артуру. «В июне 1898 г. в МИД была даже подготовлена справка по этому вопросу, где взамен названия «Порт-Артур» предлагались: Свято-Никольск, Николаяславск, Николаядар, Николодар, Мирославск, Порт Славомирный, Благомирск, Петроникольск, Петрозавет, Николаямирск»¹²². Некоторые из предложенных для переименования новых названий города-порта наводят на мысль о почти полном отождествлении Николаем II и его приближенными деятельности Николая по продвижению России к Тихому океану с ролью Петра I в «прорубании окна в Европу». В названии «Петроникольск» соединены воедино имена Николая II и Петра Великого, а название «Свято-Никольск» является русифицированным аналогом Санкт-Петербурга.

Вероятно, в правящих кругах России уже витала мысль о том, что приобретаемый незамерзающий порт в будущем может сыграть для России такую же роль в продвижении на Тихий океан, какую сыграл Санкт-Петербург в ее продвижении на Балтику, а затем — в Европу. Предлагавшиеся названия строящегося города-порта могли бы подчеркнуть, с точки зрения авторов проекта, особую роль и высокую миссию Николая II в политике на Дальнем Востоке. В России стали активно разрабатываться планы организации административного управления городами Порт-Артур и Дальний. Высочайшим императорским указом Дальнему были дарованы права порто-франко (т.е. «свободного порта»)¹²³.

Россия недолго распоряжалась Ляодунским полуостровом. После поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. по условиям Портсмутского мирного договора, подписанного 23 августа (5 сентября) 1905 г., она была вынуждена уступить Японии арендные права на полуостров с Порт-Артуром и Дальним («Квантунскую область») и южную ветку КВЖД. К тому же все последующее развитие событий в корне изменило характер отношений России и Китая в целом.

В 1898 г. в Китае вспыхнуло мощное антииностранное восстание ихэтуаней (известное в западной и российской литературе под названием «боксерское»).

¹²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 179. Д. 1277. Л. 1.

¹²² Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатъева, А.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. М., 1992. С. 310. (Авторы основываются на документах, хранящихся в Архиве внешней политики России.)

¹²³ Подробнее см.: *Самойлов Н.А.* Российские планы организации управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 144–150.

Основной причиной этого движения стало многолетнее угнетение Китая западными державами и присоединившейся к ним Японией. В ходе восстания на первый план выдвинулось характерное для традиционного китайского общества неприятие всего иностранного. В основе идеологии ихэтуаней лежал своеобразный синтез даосизма, буддизма, конфуцианства и народных верований, помноженных на крайнюю ксенофобию. Ихэтуани, поддержанные наиболее реакционными элементами при цинском дворе, боролись против всего иноземного, разрушали железные дороги и телеграфные линии, убивали иностранцев и китайцев-христиан. Западные державы, в том числе и Россия, стремились воспользоваться подавлением «боксерского» восстания в целях укрепления своих позиций в Китае. Поводом для вмешательства России в события, происходившие в Цинской империи, послужили инциденты на русско-китайской границе, спровоцированные участниками движения, а также блокада ихэтуанями и правительственными войсками посольского квартала в Пекине.

В июле 1900 г. участились нападения на Китайско-Восточную железную дорогу, осуществлявшиеся как повстанцами, так и китайскими регулярными войсками, что сопровождалось разрушением железнодорожного полотна, мостов и поселков строителей. В августе-сентябре 1900 г. русские войска заняли стратегические пункты вдоль КВЖД и ряд городов Северо-Восточного Китая. Россия приняла участие в интервенции восьми держав против Китая. Назначенный главнокомандующим союзными войсками германский фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее еще не успел прибыть в Китай, а объединенный экспедиционный корпус под руководством старшего по званию русского генерала Н.П. Линевича уже занял Пекин. 14 августа иностранные войска вошли в столицу Цинской империи.

Некоторые деятели в российском руководстве требовали не выводить русские войска из Северо-Восточного Китая. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Продеков утверждал, что «китайцы очень скоро войдут в силу» и «будут в состоянии с своего берега разгромить наши поселения»¹²⁴, и настаивал на присоединении к России части Маньчжурии по правому берегу Амура и левому берегу Уссури. С.Ю. Витте и его единомышленники всячески препятствовали экстремистским планам части военных, настаивая на сохранении экономического присутствия России в Китае.

7 сентября 1901 г. восемь держав, включая Россию, подписали с Китаем Заключительный протокол, окончательно закрепивший полуколониальный статус Китая. 8 апреля 1902 г. Россия и Китай подписали договор о выводе русских войск. Участие России в подавлении восстания ихэтуаней по-разному оценивалось в историографии. В царское время, сразу же после указанных событий доминировало представление о том, что русские войска совместно с войсками других держав защищали в Китае основы мировой цивилизации в борьбе со «средневековым безумием». Показательны в этом плане суждения известного военного писателя и журналиста, а в дальнейшем одного из лидеров Белого движения П.А. Краснова: «...Такая война святая... Китайцы получили от нас тяжелый урок, но во всех делах России они увидели, что урок уроком, а добрые соседские

¹²⁴ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте / Предисл. и ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С. 118.

отношения остаются по-старому. Царь наказал богдыхана, царь и помиловал... И добрая слава пошла о русских по всему Китаю»¹²⁵.

В советской историографии термин «война России и Китая» применительно к указанным событиям не использовался. Говорилось об «интервенции держав»¹²⁶ или о «войне Китая с державами»¹²⁷, при этом постоянно подчеркивалось, что в подавлении китайских повстанцев ведущая роль принадлежала немцам или японцам, а репрессии в отношении китайского населения усилились с конца сентября 1900 г., когда в Пекин прибыл немецкий фельдмаршал А. фон Вальдерзее¹²⁸. «Им было организовано 45 экспедиций, из которых в 35 участвовали только немецкие солдаты»¹²⁹, а русские войска не принимали участия в международных карательных экспедициях¹³⁰.

В западной исторической науке, напротив, господствует представление о том, что в этот период Россия активно воевала с Китаем. Наиболее показательна в этом смысле книга американского историка Г. Ленсена «Русско-китайская война», в которой он прямо указывал на то, что «когда русская армия вторглась в Маньчжурию, началась короткая, но настоящая война между Россией и Китаем»¹³¹. О движении ихэтуаней он писал следующее: «Это было не столько народное восстание, сколько антирусское, усиливаемое внешними факторами»¹³².

В последнее время, после появления работ красноярского историка В.Г. Дацышена, представление о событиях 1900 г. как о русско-китайской войне стало внедряться и в российскую историографию. В.Г. Дацышен, считающий их «самым значительным конфликтом за все время существования русско-китайских отношений» утверждает: «Фактически летом-осенью 1900 г. произошла настоящая русско-китайская война»¹³³.

Китайские историки в разные периоды практически одинаково оценивали участие России в подавлении восстания ихэтуаней, рассматривая эти события в качестве одного из показателей расширения российской колониальной экспансии в Китае¹³⁴. Сегодня в КНР продолжают появляться исследования, авторы которых объясняют охлаждение в российско-китайских отношениях в указанный период «усилением агрессии со стороны России по отношению к Китаю»¹³⁵.

¹²⁵ *Краснов П.Н.* Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 году. СПб., 1901. С. 121.

¹²⁶ *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 201.

¹²⁷ *Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1978. С. 192.

¹²⁸ Новая история Китая. М., 1972. С. 356.

¹²⁹ *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 207.

¹³⁰ Там же. С. 208.

¹³¹ *Lensen G.* The Russo-Chinese War. Tallahassee, 1967. P. 6.

¹³² *Ibid.* P.5.

¹³³ *Дацышен В.Г.* Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Часть 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996. С. 7.

¹³⁴ 杨绍震 (Ян Шаочжэнь): «庚子年中俄在东三省之冲突及其结束» (Русско-китайский конфликт на территории трех восточных провинций в 1900 г. и его последствия) // 《清华学报》第九册, 第一期, 1933年; 《义和团运动》(Движение ихэтуаней), 上海, 1972年; 胡礼忠、金光耀、沈济时: 《从尼布楚条约到叶利钦访华——中俄中苏关系300年》, 福州, 1994年, 第93–101页.

¹³⁵ См.: *Старовойтова Е.О.* Современные китайские авторы о российско-китайских отношениях конца XIX — начала XX в. // «Модернизация и традиции»: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20–22 апреля 2011 г. Тезисы докладов. СПб., 2011. С. 191.

Следует также вспомнить, что военные действия России в Маньчжурии и в районе Пекина, направленные на подавление восстания ихэтуаней, были в то время резко осуждены многими современниками. Так, например, В.И. Ленин в статье «Китайская война» (опубликована в № 1 большевистской газеты «Искра»), анализируя причины восстания и реакцию западных держав, назвал политику царского правительства в Китае «преступной»¹³⁶. С осуждением действий российских войск на территории Китая выступали видные деятели русской культуры (например, философ Н.Ф. Федоров¹³⁷).

Российский историк-китаевед академик С.Л. Тихвинский пишет в связи с этим: «Русские войска, введенные в Маньчжурию под предлогом защиты строительства КВЖД «от бандитов», грубо вмешивались во внутренние дела Маньчжурии и совершили возмутительный акт вандализма, насильно выселив со своей территории жителей существовавших еще с прошлого столетия в устье р. Зеи 64 военных поселений маньчжуров и китайцев»¹³⁸. В то же время он отмечает, что на проходивших после подавления восстания ихэтуаней переговорах позиция России существенно отличалась от позиции других держав, в частности российские представители выступали за минимальный размер контрибуции¹³⁹.

Действительно, участие русских войск в подавлении этого движения и их ввод в Маньчжурию негативно сказались на отношении китайцев к России. Положительные результаты, достигнутые в течение нескольких предыдущих лет нашей дипломатией, были полностью перечеркнуты участием в этой военной акции.

Напряженность в российско-китайских отношениях усугубилась тем, что определенные группировки в правящих кругах России старались использовать китайскую территорию для противодействия Японии. 24 сентября 1902 г. в Порт-Артур прибыл А.М. Безобразов, который высказался за усиление российского присутствия в Китае. Заручившись поддержкой министра внутренних дел В.К. Плеве и других влиятельных особ и невзирая на противодействие группы министров: С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткина и В.Н. Ламздорфа, он смог добиться приостановки вывода русских войск из Маньчжурии, где они находились после подавления восстания ихэтуаней и откуда должны были быть выведены в соответствии с российско-китайским соглашением от 8 апреля 1902 г. Вторым важным решением, принятым по инициативе А.М. Безобразова, явилось создание на Дальнем Востоке российского наместничества, наделенного самыми широкими полномочиями.

В ответ на присутствие русских войск в Маньчжурии начало разворачиваться антирусское движение, в котором активное участие принимала китайская молодежь, студенчество¹⁴⁰. Примером развертывания активной антирусской компании, которую вела в то время китайская пресса, может служить создание в 1903 г. печатного органа «Эши цзинвэнь» («Тревожные вести из России»). Редакция,

¹³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1959. Т. 4. С. 379.

¹³⁷ Россия и Восток. СПб., 2000. С. 285.

¹³⁸ Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 48.

¹³⁹ Там же. С. 49.

¹⁴⁰ 杨天石、王学庄(Ян Тяньши, Ван Сюэчжуан): «拒俄运动1901—1905年» (Движение за отпор России, 1901—1905), 北京, 1979年.

руководимая «Товариществом сопротивления России», в которое, в частности, входил Цай Юаньпэй (будущий министр просвещения в республиканском правительстве и ректор Пекинского университета), намеревалась вести активную антироссийскую пропаганду. В то же время деятельность этой газеты стала симптомом иного рода. Постепенно авторы статей перешли от критики политики России к пропаганде русского революционного опыта. Русско-японская война 1904–1905 гг., которая велась на территории Китая, также способствовала развитию негативных настроений в отношении России.

Канадский историк Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе, рассматривая неудачи России на Дальнем Востоке, обращает внимание на непоследовательную политику царя в отношении Восточной Азии, в которой «видны противоречивые элементы различных идеологий». Д. Схиммельпеннинк пишет: «Пренебрежительное мнение Николая о воинских навыках азиатов, его вера в превосходство русского оружия, его страстное желание построить империю на Востоке — все это черты конквистадорского империализма Пржевальского. Но при этом реакция царя на Боксерское восстание показывает, что он также разделял восторг Ухтомского по поводу Китая и восточной судьбы России. А в самом начале царствования, до того, как Николай потерял веру в своего министра финансов, он был увлечен экономическими перспективами, которые Сибирская железная дорога открывала для его империи»¹⁴¹.

В то же время межгосударственные отношения России и Китая продолжали развиваться: в Санкт-Петербурге и Пекине работали дипломатические миссии, происходили официальные визиты китайских дипломатов в Россию. Так, в мае 1906 г. в Санкт-Петербург прибыла китайская делегация, направленная цинским правительством в зарубежные страны с целью изучения их государственного устройства и конституций. Эту группу китайских представителей возглавляли видные сановники Дуань Фан и Дай Хунцы. Делегация прибыла в Санкт-Петербург 6 мая на поезде, проследовав из Вены до российской столицы через Варшаву и Гатчину. Ключевым пунктом визита был прием делегации императором Николаем II, состоявшийся в Большом Петергофском дворце. Дуань Фан и Дай Хунцы также имели встречи и беседы в Государственном Совете и Думе, встречались с графом С.Ю. Витте, осматривали столичные музеи и некоторые петербургские предприятия. Свои впечатления о поездке в Россию они изложили в специальных отчетах¹⁴².

Однако эпизодические визиты и переговоры высокопоставленных лиц и дипломатов не могли изменить наметившуюся тенденцию к ухудшению российско-китайских отношений. Россия все более и более утрачивала влияние в Китае, уступая свои позиции другим державам. Процесс восстановления этих позиций и поиска новых возможностей шел медленно. Прежде всего, требовалось урегулировать отношения с Японией, определив интересы сторон на территории Китая.

¹⁴¹ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 346. О «конквистадорском империализме» Н.М. Пржевальского подробнее см.: Там же. С. 39–69.

¹⁴² 戴鴻慈 (Дай Хунцы): 初使九国日记》(Дневник посольства в девять государств), 长沙, 1982年, 第220–228页.

**Николай Михайлович ПРЖЕВАЛЬСКИЙ (1839—1888) —
выдающийся российский военный путешественник и ученый,
генерал-майор**

Родился 12 апреля 1839 г. в деревне Кимборово Смоленской губернии, семья принадлежит к белорусскому шляхетскому роду. После окончания гимназии в Смоленске служил в армии, затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. С 1867 г. совершал многочисленные экспедиции по Уссурийскому краю, Центральной Азии, Китаю и Тибету. Результаты путешествий описаны в книгах и отчетах, которые имели огромное научное значение и переводились на многие языки мира. В 1888 г. он двинулся через Самарканд к русско-китайской границе, где (по официальной версии) во время охоты в долине реки Кара-Балта, выпив речной воды, заразился брюшным тифом и скончался. Похоронен в 12 км от города Каракол (в современной Киргизии, в 1889—1922 и 1939—1992 гг. носил название Пржевальск).



Крупнейшими заслугами Пржевальского является географическое и естественно-историческое исследование горной системы Куньлуня, хребтов Северного Тибета, бассейнов Лоб-Нора и Куку-Нора и истоков Хуанхэ. Кроме того, им был открыт целый ряд новых видов животных: дикий верблюд, лошадь Пржевальского, тибетский медведь, собраны богатые зоологические и ботанические коллекции. Ученые всего мира приветствовали открытия Н.М. Пржевальского, избрав его почетным членом 24 научных обществ и почетным доктором нескольких университетов. Он получил множество наград, в том числе Большую золотую Константиновскую медаль (высшая награда Императорского Русского географического общества), золотые медали Парижского, Берлинского и Итальянского географических обществ, Королевскую медаль Лондонского географического общества, Золотую именную медаль с надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии» Академии наук России. Был почетным гражданином Смоленска и Санкт-Петербурга.

В своих трудах крайне низко оценивал уровень развития культуры и цивилизации азиатских народов, считал, что европейская политическая власть над ними будет для них полезна. В связи с этим, а также с обвинениями в военном шпионаже в пользу России, в Китае и других государствах Азии популярностью не пользуется.

В 1907 г. было подписано русско-японское соглашение по общеполитическим вопросам. Обе стороны формально признали независимость и целостность Китая, а также принцип «равных возможностей» в отношении торговой и промышленной деятельности всех стран на его территории. В секретной же части соглашения говорилось о разделе Северо-Восточного Китая на русскую (северную) и японскую (южную) «сферы специальных интересов» и установлении точной демаркационной линии между ними. Япония также признавала наличие у России «особых интересов» во Внешней Монголии.

**ДАЙ Хунцы (戴鴻慈, 1853–1910) —
китайский сановник и дипломат**

Родился в 1853 г. в городе Наньхай провинции Гуандун. Учился в США и Европе. Служил секретарем китайского посольства в Великобритании. Хорошо владел иностранными языками и слыл специалистом по ведению дел с иностранцами. Сыграл важную роль в становлении регулярных политических контактов между Россией и Китаем.



В 1905 г. был включен в число пяти сановников (наряду с Цзай Цзэ, Дуань Фаном, Сюй Шичаном и Шао Ином), которым было поручено возглавить миссию, имевшую цель ознакомиться с положением дел в зарубежных странах и изучить вопрос о возможности введения в Китае конституции. После посещения США и столиц западноевропейских государств Дуань Фан и Дай Хунцы прибыли в Санкт-Петербург, где им был оказан торжественный прием. Дай Хунцы в своем дневнике особо подчеркнул, что Николай II на приеме в Большом Петергофском дворце заявил гостям, что «дружеские связи между Россией и Китаем углубляются». Все члены китайской делегации были награждены российским орденом Св. Анны.

В 1909 г., будучи министром юстиции, был направлен в Россию с посланием от имени нового императора Пу И к Николаю II, в котором содержалась благодарность за направление специальной российской миссии на похороны императора Цзай Тяня (Гуансюй). Для поездки в столицу России правление КВЖД выделило Дай Хунцы специальный вагон, а царская казна оплачивала все расходы китайской делегации.

После успешного завершения миссии и возвращения на родину Дай Хунцы приобрел еще больший авторитет и влияние при цинском дворе. После кончины Чжан Чжидуна в сентябре 1909 г. он был назначен вице-канцлером и членом Государственного совета. Умер в 1910 г.

В октябре-ноябре 1909 г. начались переговоры между Россией и Японией о согласовании действий в Маньчжурии. Переговоры проходили как в Токио, так и в Санкт-Петербурге и закончились 4 июля 1910 г. подписанием соответствующего соглашения¹⁴³, которое советские историки называли «новой империалистической сделкой за счет Китая»¹⁴⁴. Фактически данное соглашение явилось согласованным российско-японским ответом на выдвинутый государственным секретарем США Ф. Ноксом план «коммерческой нейтрализации» железных дорог в Северо-Восточном Китае и строительства там железнодорожной линии, альтернативной КВЖД и ЮМЖД. Наряду с договоренностью о поддержании статус-кво в Маньчжурии Россия и Япония обязались согласовывать свои действия в случае возникновения угрозы их интересам в этом районе Китая. Факти-

¹⁴³ *Гримм Э.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 176–177.

¹⁴⁴ *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. С. 258.

чески речь шла о совместном противостоянии империалистическим поползновениям США.

В июле 1912 г., уже после начала Синьхайской революции и провозглашения Китайской республики, в развитие соглашений 1907 и 1910 гг., в Петербурге была подписана секретная русско-японская конвенция о разграничении Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии на российскую и японскую сферы влияния.

Особый интерес у исследователей в последнее время вызывают вопросы политики России в отношении Тибета. В конце XIX в. этот регион стал привлекать внимание Великобритании и России. Сначала туда направлялись научные экспедиции, а в дальнейшем возникли контакты политического характера.

В 1893 г. известный и популярный в Петербурге бурятский врач Петр Александрович (Жамсаран) Бадмаев представил высшему руководству России проект присоединения к Российской империи «монголо-тибетско-китайского Востока»¹⁴⁵. Согласно плану П.А. Бадмаева, следовало построить ответвление от Сибирской железной дороги в целях соединения территории Бурятии с китайским городом Ланьчжоу и переселения туда бурятских подданных русского царя, которые смогли бы развернуть прорусскую агитацию среди своих единоверцев. Проект был с интересом воспринят императором Александром III (крестным отцом П.А. Бадмаева) и некоторыми из идеологов русской экспансии в Восточной Азии. С.Ю. Витте, который также внимательно изучил эти планы, вначале активно поддержал их, заявив о том, что Тибет представляет политический интерес для России, и поставил задачу противодействовать установлению английского протектората над Тибетом. Однако уже через некоторое время он совершенно потерял интерес к проектам П.А. Бадмаева. При этом С.Ю. Витте никогда не ставил под сомнение законность китайского управления в Тибете, поскольку всегда выступал за сохранение целостности Китая как государства, а принадлежность Тибета Китаю являлась одним из факторов сдерживания британской экспансии¹⁴⁶.

В 1895 г. столицу Тибета — город Лхасу — под видом паломников-буддистов посетили агенты П.А. Бадмаева. Они вступили в контакты с советником Далай-ламы бурятом Агваном Доржиевым, который стал проводить открыто пророссийскую политику, формируя в тибетских верхах «прорусскую партию». Он также сумел убедить Далай-ламу XIII в том, что только русский «белый царь» и его могущественная империя, в которой мирно проживают буддисты (буряты и калмыки), способны защитить Тибет от англичан. Благодаря усилиям А. Доржиева, посещавшего Санкт-Петербург в 1898, 1900 и 1901 гг., начался политический диалог между Россией и руководителями Тибета.

Российское Министерство иностранных дел приняло решение об открытии в китайском городе Кандин (в провинции Сычуань, вблизи границы с Тибетом) русского консульства. Официально было заявлено, что консульство создается «с целью установления непосредственных и постоянных сношений Императорского Правительства с высшими буддийскими властями Тибета»¹⁴⁷. Во главе консульства был поставлен бурят Б.Р. Рабданов. Завуалированная цель состояла в создании пункта наблюдения за действиями англичан в этом районе.

¹⁴⁵ За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева / Ред. В.П. Семенников. Л., 1925. С. 49–75; Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб., 1900.

¹⁴⁶ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 416.

¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 1449. Л. 1.

**Агван Лобсан ДОРЖИЕВ (1853–1938) —
ученый, дипломат, религиозный, государственный
и общественный деятель**

Родился в 1853 г. в селе Хара-Шибирь Хоринского ведомства (ныне Заиграевский район Республики Бурятия), по национальности — бурят. В 1872 г. отправился паломником в Монголию и Тибет. Учился в Урге (совр. Улан-Батор) и в Гоман-



дачане при монастыре Дрепунг в Лхасе. Получил высшую буддийскую философскую ученую степень лхарамба. В числе семи высших ученых лам состоял при Далай-ламе XIII, обучал его буддийской философии и литературе, затем стал одним из его ближайших советников. Был направлен правительством Тибета в Европу. Во время поездки в Санкт-Петербург в 1898 г. был представлен Э.Э. Ухтомским Николаю II. Пропагандировал буддизм в Париже, выступал с публичными лекциями в музее Гиме. После возвращения в Тибет стал фактически главой правительства Далай-ламы XIII. Посещал с дипломатическими миссиями Монголию, Китай, Россию, Индию, Цейлон, Японию, Германию, Италию, Великобританию.

Во время встречи с Николаем II получил разрешение на строительство буддийского храма в Санкт-Петербурге. Храм был построен в районе Черной Речки и освящен в 1915 г. (архитектор Г.В. Барановский). В 1906 г. основал буддийское духовное училище, академию и несколько дацанов в Калмыкии, открыл издательство в Санкт-Петербурге и типографию в Шолотском дацане в Бурятии. После 1917 г. занимался политической и религиозно-реформаторской деятельностью в Бурятии, пытался реформировать буддизм, сделав его приемлемым для советской власти. В 1922 г. при Ацатском дацане в Бурятии создал школу тибетской медицины. После запрещения буддизма в Бурятии в 1929 г. был в 1931 г. выслан в Ленинград, основал при буддийском храме Тибето-Монгольскую миссию. После того как храм был закрыт и большинство лам арестовано, вернулся в Бурятию. В 1937 г. арестован. Умер в 1938 г. в тюремной больнице Улан-Удэ.

Большой интерес к Тибету проявил и военный министр А.Н. Куропаткин. Он пообещал тибетцам военную помощь в противостоянии с Англией, а в январе 1904 г. направил в Лхасу группу калмыков-разведчиков под командой подьесаула Н. Уланова и рассматривал возможность организации военно-дипломатической экспедиции. Современный российский историк А.И. Андреев считает вполне вероятным утверждение одного японского монаха, проживавшего в Лхасе в 1901–1902 гг. и якобы видевшего два каравана, доставившие туда легкое огнестрельное оружие из России (американские берданки, заменявшиеся в то время в российской армии трехлинейными винтовками)¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 98–99.

В сентябре 1904 г. британский отряд вступил в Лхасу, и англичане оставались там два года. Россия, занятая событиями русско-японской войны и последующей революции, не могла этому противодействовать. Далай-лама бежал от англичан во Внешнюю Монголию, что вызвало обеспокоенность российского МИДа, опасавшегося обострения отношений с Великобританией. В то же время часть российских военных, ламаистское духовенство и некоторые влиятельные востоковеды во главе с С.Ф. Ольденбургом призывали правительство использовать «исторический момент» и предложить Далай-ламе переселиться в Забайкалье, чтобы там возник новый центр тибетского буддизма в противовес оказавшейся под контролем англичан Лхасе.

В конце концов верх взяла более умеренная линия Министерства иностранных дел, которое, с одной стороны, хотело мирно договориться с англичанами по тибетскому вопросу, а с другой — вернуть Тибет под сюзеренитет Китая, примирив Далай-ламу с Пекином. МИД также блокировал предложение П.К. Козлова о военном эскорте из казаков-буддистов для сопровождения Далай-ламы, возвращавшегося из Монголии в Тибет, поддержанное Генеральным штабом и лично государем-императором.

Переломным моментом в развитии отношений России и Тибета стало подписание англо-русской конвенции 1907 г.¹⁴⁹ Россия была вынуждена признать преимущественные интересы Лондона в Тибете и особые права, которыми уже обладала Великобритания в соответствии с Лхасской конвенцией. В то же время соглашение двух держав в какой-то мере связывало и ограничивало свободу действий англичан в этом районе. Существенно также то, что Россия и Англия взаимно признавали сюзеренитет Китая над Тибетом, обязывались «сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства»¹⁵⁰, а российские буддисты сохраняли право «входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-ламой и другими религиозными представителями буддизма в Тибете»¹⁵¹. При этом царское правительство в 1908 г. секретно выдало Далай-ламе денежную ссуду.

Соперничество России и Великобритании в Центральной Азии в большой степени определяло «тибетскую политику» России, направленную на сдерживание англичан. Вступив в противостояние с Лондоном в данном регионе, Петербург постоянно настаивал на сохранении статус-кво в Тибете и признании сюзеренитета империи Цин, поскольку это до некоторой степени позволяло умерить британские устремления. Российско-тибетские контакты прервались вследствие Синьхайской революции и начавшейся Первой мировой войны.

Политика царской России в отношении Тибета всегда была окутана ореолом тайны, вызывая споры среди исследователей и их диаметрально противоположные оценки.

В 1923 г. появилась статья референта Наркомата иностранных дел Л.Е. Берлина, содержащая обзор деятельности Агвана Доржиева в качестве дипломатического посредника между Россией и Тибетом. Его действия оценивались этим автором весьма позитивно, поскольку он «удерживал Англию от захвата Тибета,

¹⁴⁹ Конвенция, заключенная между Россией и Великобританией о Персии, Афганистане и Тибете и Приложение к ней // Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004. С. 539–541.

¹⁵⁰ Там же. С. 540.

¹⁵¹ Там же. С. 540.

сталкивая с ней конкурирующую Россию». В то же время, используя Англию против Китая, Доржиев способствовал «фактическому освобождению Тибета от многовекового китайского господства»¹⁵². Политика России рассматривалась Л.Е. Берлиным как стремление удержать Великобританию от захвата Тибета и дальнейшего проникновения вглубь Центральной Азии. Л.Е. Берлин также утверждал, что Тибет после 1913 г. являлся де-факто независимым государством.

В.П. Леонтьев в своей монографии, увидевшей свет после образования КНР, объяснял англо-русское соперничество в Тибете стремлением России «отбить Тибет у Англии для Цинского Китая», не объясняя при этом целей и побудительных мотивов подобных действий царского правительства¹⁵³. Т.Л. Шаумян также обратила свое внимание на англо-русское соперничество, а причиной установления русско-тибетских отношений, по ее мнению, явилась «активизация дальневосточной политики русского царизма». Географическое положение Тибета, его весьма протяженная граница с Британской Индией, активизация британской политики в Гималаях и Тибете на рубеже XIX–XX вв. «определили место Тибета в международных отношениях, зависимость его от соперничества между Россией и Англией в Центральной и Средней Азии»¹⁵⁴. По мнению Т.Л. Шаумян, тибетские посольства в Санкт-Петербург, возглавляемые А.Доржиевым, не только сыграли важную роль в становлении русско-тибетских связей, но и в значительной степени определили дальнейшую судьбу Тибета, став предлогом для организации по инициативе лорда Керзона вооруженного вторжения английских войск на его территорию. Т.Л. Шаумян считает, что «Англия, Китай и Россия практически “делили” Тибет, не считаясь с действительными интересами его народа, использовали его в качестве “разменной монеты” в “торге” за получение преимуществ в наиболее выгодном для каждой из них районе Азии»¹⁵⁵.

Принципиально иная трактовка политики России в Тибете содержится в исследованиях Н.С. Кулешова¹⁵⁶. Он попытался опровергнуть тезис об англо-русском соперничестве в Тибете и утверждал, что Россия никогда не стремилась к экспансии в этой части Центральной Азии, поскольку не имела там никаких политических, экономических и военных интересов: «Россия оставалась совершенно пассивна в сфере взаимоотношений как с Тибетом, так и с другими державами в связи с Тибетом»¹⁵⁷. Начало русско-тибетского диалога Н.С. Кулешов объяснял стремлением царского правительства поддерживать дружеские отношения с Далай-ламой лишь как религиозным лидером буддистов. Так, посольство А. Доржиева в Россию 1901 г. Н.С. Кулешов пытается представить как чисто религиозную миссию, хотя имеются свидетельства, прямо указывающие на то, что главной целью данной поездки являлось заключение договора с царским правительством и оказание военной помощи Тибету.

¹⁵² Берлин Л.Е. Хамбо-Агван-Доржиев: К борьбе Тибета за независимость // Новый Восток. 1927. № 18. С. 140.

¹⁵³ Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919 гг. М., 1956.

¹⁵⁴ Шаумян Т.Л. Тибет в международных отношениях начала XX в. М., 1977. С. 25.

¹⁵⁵ Там же. С. 194–195. См. также: *Shaumian T.L. Tibet: The Great Game and Tsarist Russia*. New Delhi, 2000.

¹⁵⁶ Кулешов Н.С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992; *Kuleshov N.S. Russia's Tibet File: The Unknown Pages in the History of Tibet's Independence*. Dharamsala, 1996.

¹⁵⁷ Кулешов Н.С. Указ. соч. С. 245.

Совершенно иной подход к рассматриваемому вопросу предложил в своих исследованиях Е.А. Белов, который считал, что Россия проводила очень осторожную политику в отношении Тибета. По его мнению, она защищала Тибет от английской агрессии, но не выступала за его отделение от Китая. Русофильская позиция Далай-ламы являлась важным политическим фактором, который помогал России ограничить и, в конечном счете, остановить английскую экспансию в Тибете. Прямо полемизируя с Н.С. Кулешовым, Е.А. Белов указывал, что, если бы Россия не имела своей собственной политики в данном регионе, она не стала бы заключать с Англией конвенцию по тибетским делам в 1907 г.¹⁵⁸

Английская и индийская историография обычно рассматривают русско-тибетские отношения как часть глобального англо-русского соперничества. Отмечается, что именно «русофил» Доржиев убедил юного Далай-ламу в том, что Россия является единственной державой, способной оказать помощь Тибету и защитить его от притязаний со стороны Великобритании. Английские дипломаты того времени (Ф. Янгхазбенд, Ч. Белл) полагали, что деятельность А. Доржиева (его посольства в Санкт-Петербург и секретные переговоры с царским правительством) представляла серьезнейшую угрозу для безопасности Британской Индии¹⁵⁹.

Индийский исследователь П. Мехра объяснял особый интерес России к Тибету двумя факторами: наличием традиционных связей российских буддистов (бурят и калмыков) с Лхасой и англофобией Николая II. Главная цель русских, по его мнению, заключалась в создании мнимой угрозы для англичан, и на эту уловку легко попался Дж. Керзон, известный своими русофобскими представлениями¹⁶⁰.

Тема «Большой игры», ставшая после распада СССР вновь популярной как на Западе, так и в России, вызвала к жизни новую волну исследований по данной проблематике. Этот всплеск коснулся и тибетского аспекта. Американский историк Дженифер Сигел в 2001 г. опубликовала монографию «Окончание Игры: Британия и Россия в последней схватке за Центральную Азию». В этом исследовании, посвященном возобновлению англо-русского соперничества после заключения конвенции 1907 г., автор приводит подробности и детали, относящиеся к тайным переговорам А.Д. Сазонова и Дж. Бьюкенена в Петербурге весной 1914 г., утверждая, что российский министр иностранных дел прилагал большие усилия, чтобы добиться выгодной сделки с англичанами по тибетскому и афганскому вопросам¹⁶¹.

Историки КНР в публикациях 1950-х гг. по данному вопросу в основном делали упор на агрессивных планах английских и американских империалистов в отношении Тибета, избегая употреблять термин «агрессия» применительно к политике России. В 1970–1980-х гг. их оценки стали меняться. Ван Фужэнь и Со Вэньцин в книге «Основные вехи истории Тибета» отмечали, что Великобритания, используя Индию в качестве плацдарма, попыталась включить Тибет

¹⁵⁸ Белов Е.А. Тибетская политика России (1900–1914 гг.) по русским архивным документам // Восток. 1994. № 3. С. 99, 101.

¹⁵⁹ Younghusband F. India and Tibet. London, 1910; Bell C. Tibet Past and Present. Oxford, 1924.

¹⁶⁰ Mehra P. Tibet and Russian Intrigue // Journal of the Royal Central Asian Society, 1958. Vol. 45 (1). P. 28–42; Idem. The Younghusband Expedition (to Lhasa): An Interpretation. New Delhi, 2005.

¹⁶¹ Sigel J. Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London, 2002. P. 189–190.

в сферу своего влияния, простиравшуюся на долину реки Янцзы. В свою очередь, Россия стремилась аннексировать Тибет и использовать его в качестве базы для расширения агрессии в Азии. В этой ситуации Англия добилась больших успехов, чем Россия¹⁶².

Из новейших работ следует отметить фундаментальное исследование А.И. Андреева «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России» и другие его работы. Данный автор пишет «о наличии у царской России вполне определенной «тибетской политики», которая по сути являлась *политикой сдерживания* Англии»¹⁶³. В статье «Царские генералы и Тибет» А.И. Андреев делает вывод о том, что военное руководство России играло более заметную роль в русско-тибетском диалоге, чем это было принято считать до сих пор, хотя оно и не вынашивало каких-либо агрессивных планов в отношении Тибета. Данное исследование также показывает, что военные пытались проводить свою собственную линию в тибетском вопросе, отличную от линии дипломатического ведомства¹⁶⁴.

Основной вывод А.И. Андреева состоит в том, что «Россия, по существу, не имела каких-либо агрессивных замыслов в отношении Тибета, равно как и планов использования тибетской территории в качестве плацдарма для нападения на Индию», а «главным «призом» Большой игры в Тибете являлся не сам Тибет, малопривлекательный с торгово-экономической или военной точек зрения, а его верховный правитель и буддийский иерарх, Далай-лама»¹⁶⁵.

После начала Синьхайской революции в Китае (1911–1913) Россия попыталась вернуть себе хотя бы часть утраченных позиций и постаралась закрепиться на бывших окраинах Цинской империи: в Монголии и Синьцзяне. Российское правительство поддержало провозглашение автономии Внешней Монголии 1 декабря 1911 г. На смену китайской администрации там пришло национальное правительство, а во главе государства встал богдо-гэгэн — глава буддийской церкви в Монголии. 3 ноября 1912 г. Россия заключила с этим правительством соглашение о признании автономии, был также подписан протокол, предоставлявший российским подданным права в торговле и предпринимательской деятельности. В том же году Россия и Япония договорились о разделе сфер влияния: Внешняя Монголия была признана зоной интересов России, а Внутренняя — Японии. Автономия Внешней Монголии была окончательно закреплена в Кяхтинском трехстороннем соглашении России, Китая и Монголии 25 мая (7 июня) 1915 г. Во 2-й статье соглашения говорилось: «Внешняя Монголия признает над собою сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории»¹⁶⁶.

Отечественный историк Е.А. Белов по этому поводу высказал следующее мнение: «Независимо от целей царского правительства Россия в 1911–1915 гг. сыграла объективно прогрессивную роль в судьбе Внешней Монголии. Без политической, военной и финансовой помощи России она не смогла бы получить

¹⁶² Wang Furen, *Suo Wenqing*. Highlights of Tibetan History. Beijing, 1984. P. 120.

¹⁶³ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 17.

¹⁶⁴ Andreyev A. The Tsar's Generals and Tibet // *Tibet and her Neighbours: A History*. London, 2003. P. 167–173.

¹⁶⁵ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 417.

¹⁶⁶ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. С. 421.

широчайшую автономию, которая стала предпосылкой для дальнейшей борьбы монголов за создание собственного самостоятельного государства»¹⁶⁷.

Особо следует остановиться еще на одном существенном факторе развития российско-китайских отношений конца XIX — начала XX в., порожденном миграционными процессами на Дальнем Востоке. В указанный период переселение китайцев на российскую территорию стало приобретать весьма устойчивый характер. В то же время наметилась тенденция оседания русского населения в некоторых городах и провинциях Китая, что было связано с расширением коммерческой деятельности России в дальневосточном регионе и статусом полосы отчуждения КВЖД. Как китайцы, так и русские приносили на территорию соседней страны свои традиции, обычаи, элементы национальной культуры и поведенческие стереотипы. Все это создавало условия для дальнейшего взаимодействия двух культур на самых различных уровнях, включая бытовую сферу и быденное сознание. В то же время сосуществование носителей двух различных историко-культурных и национально-психологических традиций не могло порой не вызывать взаимного непонимания и отчуждения. Возникшие в связи с этим сложности при определенных условиях, в частности при наличии проблем экономического характера, могли стать питательной средой для национальной неприязни и ксенофобии, породить трения и конфликты.

Первые китайцы начали появляться на территории Дальнего Востока еще в 30–50-х годах XIX в. Они в основном промышляли охотой. Затем в эти районы стали проникать китайские торговцы, золотоискатели, беглые люди, сборщики женьшеня и добытчики морепродуктов. Местные жители называли их «манзы» (маньцзы), и в дальнейшем данное слово стало использоваться как в различных российских публикациях, так и в официальных документах. По поводу этимологии этого наименования мнения ученых расходятся. Архимандрит Палладий (Кафаров) указывал, что «маньцзы» — это не маньчжуры, а китайцы или выходцы из Китая вообще: «Многие китайцы, говоря о своей национальности, тоже называют себя не хань жень, а маньцзы»¹⁶⁸. Л. Шренк отмечал, что слово «маньцзы» встречалось еще в донесениях Е.П. Хабарова¹⁶⁹. Современная исследовательница Е.И. Нестерова, ссылаясь на некоторых авторов (Дэвис, Васильев) приводит версию о том, что это слово восходит к периоду правления династии Юань, когда монголы называли так жителей Южного Китая¹⁷⁰. В свою очередь, американский историк Д. Стефан относит слово «манза» к местному русскому сленгу и считает его производным от слова «маньчжур»¹⁷¹.

К моменту подписания Пекинского договора в 1860 г. на территории Уссурийского края находилось 2–3 тысячи китайцев. Оседлых было выявлено

¹⁶⁷ Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997. С. 166.

¹⁶⁸ Палладий [Кафаров]. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г. СПб., 1872. С. 34. См. также: Палладий [Кафаров]. Уссурийские маньцзы // Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1871. № 8. 20 дек. Отдел 2. Географические известия. С. 369–377.

¹⁶⁹ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883. С. 197.

¹⁷⁰ Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 2004. С. 69.

¹⁷¹ Stephan J. The Russian Far East: A History. Stanford, 1994. P. 73.

872 человека, насчитывалась 341 фанза¹⁷². Посещавшие эти районы путешественники указывали, что это пришлые люди, «не имеющие родовых корней»¹⁷³. После подписания Пекинского договора, как отмечает А.В. Лукин, «поначалу китайская иммиграция стимулировалась крайне либеральным российским законодательством, принятым в 1861 г., которое поощряло как русских, так и иностранцев, селиться в Приамурье и Приморье путем раздачи земель и отмены налогов на 20 лет»¹⁷⁴. Таким образом, на начальном этапе отношение к китайцам со стороны российской администрации на Дальнем Востоке было терпимым и доброжелательным.

Ситуация стала меняться после событий 1868 г. на острове Аскольд, вошедших в историю под названием «манзовского восстания» или «манзовской войны»¹⁷⁵. После открытия летом 1867 г. на о. Аскольд месторождения золота туда устремились китайские старатели, и 500–600 китайцев занялись промывкой драгоценного металла. Русские власти запретили его добычу и послали туда шхуну «Алеут», команда которой встретила вооруженное сопротивление со стороны китайцев, но все-таки смогла вытеснить их на материк. В ответ на это изгнанные китайцы сожгли три русские деревни и два поста. Находившийся в то время в Приморском крае генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков отдал распоряжение разобраться в причинах конфликта, наказать виновных, освободить невинных и предусмотреть меры контроля над присутствием китайцев на Дальнем Востоке. Необходимым мероприятием была признана перепись¹⁷⁶.

После этих событий, несмотря на ужесточение контроля с российской стороны, численность китайского населения на Дальнем Востоке продолжала быстро расти. К 1885 г. только на юге Уссурийского края насчитывалось около 9,5 тыс. китайцев. В 1890 г. из общего числа населения Владивостока в 14 446 человек китайцев было 4193¹⁷⁷.

В начале XX в. китайские торговцы действовали уже не только на Дальнем Востоке: они проникали в Сибирь, на Урал, а затем и в Европейскую Россию. Конкуренция со стороны китайцев в различных сферах экономической жизни вызывала недовольство русского населения, служила причиной отдельных конфликтов и возмущений. Российские власти периодически предпринимали попытки высылки китайцев на родину. Особенно активно это делалось во время восстания ихэтуаней. Однако после русско-японской войны 1904–1905 гг. поток китайских эмигрантов хлынул в Россию с новой силой.

Трудолюбие китайских рабочих и согласие работать за мизерную плату были причиной того, что русские предприниматели часто отдавали им предпочтение и скрывали от официальных властей. Очень многие китайцы жили без регистрации, поэтому трудно установить их точное количество в России того времени. Согласно официальным данным, в начале 2-го десятилетия XX в. только в Приморской и Амурской областях трудились около 100 тыс. китай-

¹⁷² Надаров И.П. Материалы по изучению Уссурийского края. Владивосток, 1886. С. 3.

¹⁷³ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 14.

¹⁷⁴ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. . С. 140.

¹⁷⁵ Тихменев Н.М. Манзовская война // Военный сборник. 1908. № 3. С. 32–33; Кондратенко Р.В. Манзовская война. СПб., 2004.

¹⁷⁶ Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.). С. 78–80.

¹⁷⁷ Решетов А.М. Китайцы // Народы России: энциклопедия. М., 1994. С. 194.

цев¹⁷⁸. В дальневосточных городах России (Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский) появились китайские кварталы, где действовали китайские торговые общества и даже существовали китайские сыщики, подчинявшиеся русским полицмейстерам.

В годы Первой мировой войны, когда в России возникла острая нехватка рабочей силы, приток китайцев резко возрос. Например, в 1916 г., ввиду необходимости скорейшего завершения строительства Мурманской железной дороги, туда по контракту прибыли 10 тыс. китайцев.

Что касается русских, то процесс их активного оседания на территории собственно Китая приходится на рубеж XIX и XX столетий. В 60-х годах XIX в. русские чаоторговцы поселились в Ханькоу (пров. Хубэй). Постепенно от торговли чаем они перешли к созданию собственных чайных плантаций. Некоторые из них подолгу жили в крупнейшем китайском приморском городе — Шанхае, где, по некоторым сведениям, уже с 1865 г. существовало внештатное русское консульство. По мере расширения чайного дела русские стали появляться и в провинции Фуцзянь.

В конце XIX в. в связи с активизацией внешнеполитической деятельности России на Дальнем Востоке российское правительство стало проявлять большой интерес к Шанхаю как к крупнейшему порту и городу, где был расположен самый большой в Китае международный сэттлмент. В 1896 г. там было открыто российское генеральное консульство, которое возглавил П.А. Дмитриевский (выпускник Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета). Министерство финансов, имевшее собственные интересы в Китае, учредило должность своего представителя (агента) в Шанхае, которую занял Н.А. Распопов. Тогда же в этом китайском городе начала формироваться русская колония, насчитывавшая в последние годы XIX в. несколько десятков человек. Ее численность и значение выросли в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. Отсюда направлялось продовольствие в осажденный Порт-Артур, здесь же сфокусировалась деятельность русской военной разведки, сюда пришел поврежденный в сражении с японцами крейсер «Аскольд».

После поражения в русско-японской войне Шанхай стал играть для русского торгового флота ту роль, которую раньше выполнял порт Дальний. Все это привело к росту численности русских жителей Шанхая. К началу Первой мировой войны в этом городе было открыто большое количество представительств российских банков, предприятий и торговых фирм и постоянно проживали уже несколько сотен русских. Большую роль сыграл Шанхай в судьбе многих русских эмигрантов и после 1917 г.¹⁷⁹

Особое место в деле распространения русского влияния в Китае, безусловно, сыграл Харбин, который даже современные китайские историки называют «столицей русской эмиграции в Китае»¹⁸⁰. Официальным днем рождения Харбина следует считать 23 апреля (6 мая) 1898 г., когда инженер А.И. Шидловский от имени Управления Китайско-Восточной железной дороги заключил с китайскими властями

¹⁷⁸ Решетов А.М. Китайцы // Народы России: энциклопедия. М., 1994. С. 194.

¹⁷⁹ 汪之成 (Ван Чжичэн) 《上海俄侨史》 (История русских эмигрантов в Шанхае) 上海, 上海三联书店, 1993年, 第60页.

¹⁸⁰ 石方、刘爽、高凌 (Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин) 《哈尔滨俄侨史》 (История русских эмигрантов в Харбине) 哈尔滨, 黑龙江人民出版社, 2003年, 第1页.

договор на приобретение земельного участка под городское строительство¹⁸¹. Так на территории Китая возник не просто новый город, а своеобразный и уникальный социокультурный феномен, который в дальнейшем поэтически называли «Дальневосточным Петербургом», «Москвой Востока» или даже «Восточным Парижем»¹⁸².

Хотя в официальных документах железнодорожное начальство использовало для строящегося города название «город Сунгари» (по названию протекающей здесь реки), но в конце концов за ним все-таки закрепилось исконное название этой местности — Харбин.

В политико-административном отношении Харбин рассматривался прежде всего как центр Китайско-Восточной железной дороги. Уже в 1897 г. началось формирование специальных воинских подразделений для охраны КВЖД. Во главе Охранной стражи первоначально был поставлен полковник А.А. Гернгросс, в подчинении которого находились пять конных сотен. В первое время Охранная стража набиралась из отставных военных или из тех, кто формально считался вышедшим в отставку, поскольку на раннем этапе Россия не могла направлять на КВЖД и в полосу отчуждения кадровых военных. Но после событий 1900 г., когда во время восстания ихэтуаней повстанцы разрушили железнодорожное полотно, сломали телеграфные столбы и сожгли станционные постройки, количество русских войск в Харбине и на КВЖД возросло и Охранная стража уже насчитывала 8 рот и 9 сотен, 2000 штыков и 2500 шашек¹⁸³. С.Ю. Витте отмечал в связи с этим, что «мы начали действовать более открыто»¹⁸⁴. В дальнейшем был образован Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи.

Администрация КВЖД организовала в Харбине большое строительство. Были построены железнодорожная больница, школа, каменная церковь, здание Железнодорожного собрания. Начала торговую деятельность известная на Дальнем Востоке фирма купца И.Я. Чурина. За ней последовали и другие торговые дома. К 1899 г. в Харбине уже проживало около 14 тыс. выходцев из России. В октябре 1902 г. город посетил С.Ю. Витте, в своем докладе царю предсказавший Харбину блестящее будущее. После этого визита там развернулось интенсивное строительство, и к началу русско-японской войны Харбин уже превратился в крупный промышленный и торговый центр, выполнивший роль тыла русских армий в ходе маньчжурской кампании.

Движение по всей линии КВЖД было открыто в 1903 г. Ее прокладка и возникновение Харбина оказали огромное воздействие на экономическое развитие Северо-Восточного Китая, до этого времени представлявшего собой отсталый и практически пустынный регион. Строительство и эксплуатация КВЖД дали толчок развитию производительных сил данного района, стимулировали возникновение новых отраслей промышленности, расширили экспортные возможности.

В Харбине появились высшие и средние учебные заведения, созданные россиянами, в результате чего на территорию Китая была перенесена российская образовательная модель. Стали выходить газеты и другие печатные издания

¹⁸¹ Чугуевский Л.И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 116.

¹⁸² 常怀生 Чан Хуайшэн: 哈尔滨建筑艺术 (Архитектура Харбина), 哈尔滨, 黑龙江科学技术出版社, 1990年, 第2页.

¹⁸³ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005. С. 55.

¹⁸⁴ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849—1911 гг. М., 1991. С. 236.

на русском языке. Администрация КВЖД также инициировала выпуск газеты на китайском языке — «Юаньдун бао». В 1909 г. в Харбине было создано Общество русских ориенталистов (в том же году оно объединилось с Санкт-Петербургским обществом востоковедения и стало действовать как Харбинское отделение Общества русских ориенталистов). С июля 1909 г. началось издание его печатного органа «Вестник Азии», ставшего одним из ведущих востоковедных журналов и публиковавшего статьи как научно-теоретического, так и практического характера.

Харбин славился своей театральной и музыкальной жизнью. Там были открыты несколько театров, привлекавших большое количество зрителей. Особенной популярностью пользовался Летний театр в саду в районе Пристань, считавшийся главной сценической площадкой города. Часто организовывались гастроли драматических трупп, музыкантов и певцов из Петербурга, Москвы и других городов России. Таким образом русская театральная и музыкальная культура активно проникала на территорию Китая.

В архитектурном отношении Харбин походил на типичный российский город того времени. Вплоть до сегодняшнего дня застройка его центральной части сохраняет свой прежний облик и дух русской архитектуры начала XX в. В первой половине XX в. в Харбине и на линии КВЖД проживало как русское, так и китайское население, соседствовали культура и обычаи обоих народов. Город стал значительным промышленным, торговым и культурным центром, в котором происходило взаимодействие и взаимовлияние двух различных историко-культурных традиций. Воздействие экономики Харбина и русской культуры на социально-экономическую и духовную жизнь китайского общества по мере развития города становилось все более ощутимым. Харбину также было суждено сыграть очень большую роль в судьбах российской эмиграции после 1917 г., когда он стал одним из крупнейших центров русской культуры за пределами СССР.

В историографии существуют различные оценки роли и места Харбина в истории российско-китайских отношений. Западные историки традиционно рассматривают строительство русскими КВЖД как неотъемлемую часть российской колониальной экспансии в Китае, а Харбин — в качестве форпоста российского проникновения в страны Дальнего Востока¹⁸⁵. Вместе с тем, американский исследователь Д. Вольф отмечает, что порядки в городе были более либеральными, чем в России, и обращает внимание на распоряжение Николая II, подписанное им под давлением министерства финансов и гарантировавшее равные права представителям разных религиозных конфессий. В результате этого в Харбине возникли процветающие общины поляков и евреев, которые, в отличие от подобных общин на территории России, не подвергались дискриминации¹⁸⁶.

Некоторые китайские исследователи, признавая, что город был основан и на первом этапе строился исключительно русскими, утверждают, что при этом «Россия фактически колонизировала огромную территорию Китая, где и построила русский город Харбин»¹⁸⁷, который «был российской колонией не только в глазах русских офицеров, но и в глазах большевиков»¹⁸⁸. «Живя много лет в одном городе

¹⁸⁵ Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria: 1898–1914. Stanford, 1999.

¹⁸⁶ Ibid. P.114.

¹⁸⁷ Ли Мэн. Харбин — продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. № 1. 1999. С. 97.

¹⁸⁸ Там же. С. 98.

и не зная языка друг друга, россияне и китайцы не имели возможности взаимно обогатиться»¹⁸⁹. Подобная точка зрения вызвала резкие возражения в российской историографии¹⁹⁰.

Н.Е. Аблова, выражая точку зрения большинства современных отечественных исследователей, занимающихся историей Харбина и КВЖД, утверждает, что «в целом для китайской историографии характерно замалчивание положительного значения строительства КВЖД для развития экономики Северо-Восточного Китая; преувеличение агрессивности политики царской России на Дальнем Востоке... В то же время китайские авторы отмечают большое значение культуры дальневосточной эмиграции как в истории Харбина и Шанхая, так и российского зарубежья, а также важную роль белых русских в развитии отношений между народами России и Китая»¹⁹¹.

Уроженец Харбина — доктор исторических наук Г.В. Мелихов в своей монографии «Маньчжурия далекая и близкая», во многом основанной на личных наблюдениях и воспоминаниях, отмечал важную культурную и просветительскую роль, которую играл Харбин «в широком взаимообогащении и взаимовлиянии двух великих культур — русской и китайской»¹⁹². По его мнению, «не существовало никаких искусственных перегородок между русским и китайским населением», все достижения русской и европейской науки, техники, культуры становились достоянием как русского, так и китайского населения. Г.В. Мелихов приводит примеры взаимного заимствования опыта и приемов выращивания различных сельскохозяйственных культур, а КВЖД, по его мнению, «была построена и функционировала в интересах двух соседних народов»¹⁹³.

При этом следует отметить, что целый ряд китайских авторов положительно оценивает культурное влияние русской общины Харбина. Ли Шусяо отметил, что имена русских художников и архитекторов должны быть вписаны в историю города¹⁹⁴, а Чан Хуайшэн даже назвал Харбин «сплавом культуры человечества»¹⁹⁵.

В исследованиях последних лет историки КНР стремятся взвешенно и объективно подойти к анализу места и роли российского присутствия в Харбине и на КВЖД. Очень показательны в этом отношении коллективное исследование «История русской эмиграции в Харбине», авторы которого указывают на то, что «русская промышленность стимулировала социально-экономическое развитие Харбина», «культурная деятельность русской эмиграции способствовала развитию харбинской и мировой культуры», а «революционная агитация и революционная деятельность русских эмигрантов оказали воздействие на развитие рабочего движения в Китае». При этом авторы отмечают, что «некоторая часть русских эмигрантов под прикрытием неравноправных договоров силой

¹⁸⁹ Ли Мэн. Харбин — продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. № 1. 1999. С. 101.

¹⁹⁰ Таскина Е. Харбин — продукт контактов стран-соседей // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4. С. 132–137; Кирсанов И. Продолжая тему // Там же. С. 138–139.

¹⁹¹ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). С. 24.

¹⁹² Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 267.

¹⁹³ Там же. С. 268.

¹⁹⁴ Ли Шусяо. Деятельность Харбинской православной епархии // Дальний Восток России — Северо-Восток Китая. Исторический опыт и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 174.

¹⁹⁵ 常怀生: 哈尔滨建筑艺术, 哈尔滨, 黑龙江科学技术出版社, 1990年, 第2页.

и хитростью расхищала богатства Китая и нанесла ущерб интересам китайского народа»¹⁹⁶.

Подводя итог сказанному выше, можно сделать вывод о том, что политика Российской империи в Китае на рубеже XIX и XX вв. была весьма противоречивой. В ней присутствовали и стремление обеспечить объективные национальные интересы, и сиюминутные конъюнктурные политические соображения, и линии отдельных государственных деятелей, политиков и военных. Все это сказывалось как на формировании внешней политики государства, так и на развитии экономических и культурных связей между Россией и Китаем.

Торговля как фактор социокультурного взаимодействия России и Китая

Как было отмечено выше, одним из важнейших итогов долгих переговоров, завершившихся 21 октября 1727 г. подписанием Кяхтинского договора, явилось упорядочение русско-китайской торговли. Однако начало торговых связей двух стран относится к более раннему периоду. Еще в 1695 г. русское правительство приняло решение об организации казенной караванной торговли с Китаем. Первый караван отправился из Москвы в Пекин в 1697 г. и принес казне 15% прибыли. Начиная с этого времени по 1719 г. в Китай было направлено десять торговых караванов, так как в 1698 г. русским правительством было отдано распоряжение отправлять торговые караваны один раз в два года, «дабы русские товары в Китае не умножались и не удешевилась бы на них цена»¹⁹⁷.

В 1706 г. Петр I запретил посылать с казенными караванами товары, принадлежавшие частным лицам («купцам и служилым людям»). Тем самым правительство стремилось поставить под свой контроль столь выгодную в то время сферу внешней торговли. Однако регламент соблюдался не очень строго, и доля частных товаров была по-прежнему весьма велика. Русско-китайская торговля велась в основном на территории Монголии, и товары, принадлежавшие частным лицам, проникали в Пекин самыми разными путями.

Дореволюционные авторы, занимавшиеся исследованием вопросов торговли России с Китаем, считали караванную торговлю, контролируемую российским правительством, стержнем и основной доминантой русско-китайских торговых контактов того времени. Исходя из этого, а также учитывая, что начало караванной торговле было положено установлениями Нерчинского договора 1689 г., они закрепили за периодом, последовавшим после Нерчинского договора и продолжавшимся до указа Екатерины II от 1762 г., название «Нерчинский».

Основным товаром, ввозившимся в Китай казенными караванами, была традиционная для русского экспорта того времени пушнина. Ввоз пушнины в Китай создавал вполне определенное представление о России как о стране холодной, где для того, чтобы согреться, активно используются меха, и как о стране, в которой много лесов и диких зверей. Среди различных видов пушных зверей, шкурки которых казенные караваны везли в Китай, первое место в течение долгого

¹⁹⁶ 石方、刘爽、高凌:《哈尔滨俄侨史》,第605—606页.

¹⁹⁷ Зинченко Н.Е. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли. СПб., 1898. С. 2.

времени удерживал соболь. Это объяснялось красотой и прочностью его меха и предопределявшейся этими обстоятельствами высокой ценой на него. Согласно донесению российского торгового агента Лоренца Ланга, в 1717 г. за шкурку соболя в Пекине платили по 1 рублю¹⁹⁸. В 1760-х гг. цена на нее достигла уже 10–20 руб.

Второе место среди так называемой «мягкой рухляди» принадлежало шкурам лисы (особенно дорого ценились чернобурки). Далее следовали горностай и ласка. Кроме того, заметное место в российском пушном экспорте в Цинскую империю занимали меха бобра, зайца, куницы и, позднее, белки. Вывоз беличьих шкурок в Китай заметно вырос во второй четверти XVIII в., когда уменьшилось количество дорогих пушных зверей. Первые караваны, которые выступали в роли своеобразной витрины российской торговли в Китае, не привозили в столицу Цинской империи беличьих шкурок. Однако уже в 1728 г., сразу же после подписания Кяхтинского договора, караван под начальством первого ценовальника Дмитрия Молокова, назначенного приговором Сената от 11 января 1727 г. его комиссаром¹⁹⁹, доставил в Пекин 1,4 млн шкурок сибирской белки, продававшейся там в среднем по 3 коп. за штуку²⁰⁰.

В русско-китайской торговле в начале XVIII века гораздо большую активность проявляла Россия, что было обусловлено социально-экономическими изменениями, вызванными реформами Петра Великого. Российский социум вступал в новый фазис своего развития, что предопределяло активизацию внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности российского государства.

В 1711 г. Петр I пошел на отмену собственного указа, передав часть караванной торговли с Цинской империей в частные руки и поощряя при этом расширение ассортимента товаров. Выход на арену русско-китайской торговли частника-коммерсанта был призван придать новый импульс внешнеторговым контактам. Эти меры способствовали расширению русского экспорта и одновременно поощряли ввоз в страну драгоценных металлов и необходимых изделий²⁰¹.

При этом российское правительство, увеличивая долю частной торговли в общем объеме русско-китайских связей, всячески стремилось сохранить свою монополию на вывоз ценных сортов пушныны в Китай. Приговор Сената от 11 января 1727 г. гласил: «Торговым российским людям купечество в китайскую сторону рухлядью весьма запретить под штрафом взятъ в казну ея императорского величества всех их товаров, дабы никто отнюдь не дерзал мяхкой рухледи ни великим, ни малым числом возить за границу китайскую... чтоб оттого казенному каравану в продаже в Китаех мяхкой рухляди убытку не приключилось. А, кроме той мяхкой рухляди, протчими товары дать позволение подданным ея императорского величества российским купцам за границую китайскою торговать свободно с платежем надлежащих пошлин...»²⁰²

¹⁹⁸ Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 45.

¹⁹⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2. М., 1990. С. 495–496.

²⁰⁰ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 143.

²⁰¹ Foust C.M. Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its Setting. 1727–1805. Chapel Hill, 1969. P. 21.

²⁰² Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 495.

Ассортимент товаров, вывозившихся в то время в Цинскую империю, был еще невелик. В структуре российского экспорта в Китай помимо пушнины можно выделить кожи, часы, зеркала, а также такую экзотическую статью экспорта, как мамонтовую кость, использовавшуюся китайскими мастерами резьбы по кости. Поскольку эти товары не входили в сферу государственной монополии, торговлю ими вело в Кяхте частное купечество.

Среди товаров, привозимых русскими караванами из Китая, первое место занимали шелковые ткани, называвшиеся в то время «камка». С середины XVIII в. они стали доминировать и в купеческом импорте. Спрос на китайские шелковые ткани стимулировался в России действиями административного характера. В 1717 г. был обнародован правительственный указ, предписывавший «никакого золота и серебра пряденного и волоченого не носить, а носить только китайские из Сибири шелковые ткани»²⁰³.

Поощрение правительством ввоза китайских шелковых тканей вызывало в России процессы социокультурного порядка. Во-первых, все это повлекло за собой появление моды, а потом и привычки носить одежду из китайского шелка. Вслед за тем шелк стал использоваться не только в среде российской знати, но и купечества, а в Сибири — и зажиточного крестьянства. Во-вторых, под влиянием спроса на шелковые ткани в России стало быстро развиваться собственное шелковое производство. К 1761 г. в различных городах уже активно функционировало 40 фабрик по производству шелковых тканей с капиталом в 459 000 рублей²⁰⁴. В свою очередь развитие фабричного производства шелка в России привело к активизации закупок в Китае шелка-сырца.

Постепенно увеличивался ввоз в Россию легких китайских хлопчатобумажных тканей, получивших в нашей стране известность под названиями «китайка» и «даба» и находивших широкий спрос у населения России. Наименование «китайка» говорит само за себя. Это слово, обязанное своим происхождением русскому названию страны-производительницы, прочно вошло в то время в русский язык. Импорт китайских хлопчатобумажных тканей стал резко расти после открытия приграничной торговли в Кяхте.

Особую статью российской государственной торговли с Китаем составлял корень ревеня. В то время в России распространилось мнение об особых целебных свойствах этого растения, начались ажиотаж и спекуляция. Спекулянты, особенно в период «биноновщины», доводили продажную стоимость ревеня до 110 рублей за один пуд, в то время как в Китае он покупался по 12–15 рублей за пуд²⁰⁵. Официальный ввоз китайского ревеня вырос с 50 пудов в 1701–1703 гг. до 1136 пудов в 1738 г.²⁰⁶

В связи с возникновением конкуренции со стороны частной торговли и распространением контрабанды царское правительство издало в 1753 г. указ о суровом наказании нарушителей государственной монополии на торговлю ревенем из Китая и изъятии всего их имущества в пользу казны. В нем, в частности, говорилось: «...указали мы подтвердить ныне вновь во все государство крепкими

²⁰³ Трубевиц Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. С. 170.

²⁰⁴ Там же. С. 171.

²⁰⁵ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). С. 144.

²⁰⁶ Там же.

печатными указами, чтобы кроме казенного ревеню отнюдь у партикулярных людей никто не дерзал из Сибири вывозить ни единого фунта. Буде же у кого хотя фунт сыщется, что тайно вывезено, у того без пощады ни на какие оговорки или выкрутки не смотря, в конец все имение взять на нас»²⁰⁷.

Российские казенные караваны, помимо указанных выше товаров, вывозили из Китая приобретенные там золотые и серебряные изделия, дорогой фарфор (вазы, блюда, чашки, тарелки), который покупался в России по цене, сопоставимой с ценой золотых вещей, изделия из лака и «кантонской» расписной эмали, драгоценные камни, шелк, а также чай.

Поскольку караваны, направлявшиеся в Пекин, организовывались казной, первыми, в чьих руках оказывались «китайские диковинки», были члены императорской семьи. После того как лучшие вещи и изделия из золота передавались императорскому двору, а серебро поступало на монетный двор, все остальное продавалось в Петербурге с аукциона. Таким путем китайские изделия попадали в дома столичной знати, которую постепенно охватывала мода на все китайское. Непроданное в Санкт-Петербурге отправлялось на аукционы в Москву.

Цены на многие китайские товары были высокими, и, несмотря на большой интерес, они продавались с трудом. В то же время дешевая фарфоровая и фаянсовая посуда, которая использовалась сотрудниками караванов и купцами в качестве тары под сахарный песок и имбирь, попадала в свободную продажу, поскольку она в большом количестве поступала в Россию из Китая через Западную Европу и не представляла ценности для двора и знати. Постепенно такая посуда становилась вполне привычной для русского быта.

В Цинской империи также возрастал интерес к русско-китайской торговле. Помимо пушнины, появились и другие статьи импорта. Цинская верхушка оказалась заинтересованной в приобретении породистых лошадей, выращивавшихся бурятами и русскими в Забайкалье²⁰⁸. Китайские купцы стремились получать от русских долговременные заказы, в Китае создавались мастерские, производившие ткани и другие вещи, специально отвечавшие русскому вкусу. Появилась посуда, фарфоровые и стеклянные изделия с российской символикой. Образцы такого рода произведений по сей день хранятся в музеях Санкт-Петербурга. В связи с допускавшимися китайскими мастерами неточностями и ошибками при изображении российских государственных символов, граф П.И. Шувалов передал в Сибирский приказ распоряжение направить соответствующий документ, «в котором написать, дабы старались в Китай на те фабрики через купцов делать наставление, чтобы гербы один вверх, а другой вниз головами не были, а были бы вверх головами...»²⁰⁹. Таким образом, развитие русско-китайской торговли стимулировало процесс возникновения новых видов производства, не характерных для предшествующих периодов внутреннего развития, дало толчок к появлению новых веяний в культурной сфере.

В Кяхте начались работы по сооружению русской торговой слободы для пограничной торговли с китайскими купцами, появился типичный для всех русских городов гостинный двор. В 1730 г. напротив Кяхты на территории, находившейся под контролем Цинской империи, возникла китайская торговая слобода,

²⁰⁷ Трусевич Х. Указ. соч. С. 145.

²⁰⁸ Сладковский М.И. Указ. соч.. С. 153.

²⁰⁹ Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т. 3. Томск, 1887.

названная Маймайчэн («Торговый городок», или «Городок Купи-продай»)²¹⁰, в которой первоначально обосновывались уроженцы китайской провинции Шаньси, известные как умелые торговцы и ростовщики.

Монополизация караванной торговли в правительственных руках привела к снижению ежегодного торгового оборота. Екатерина II своим указом от 1762 г. отменила государственную монополию и допустила свободную деятельность частных предпринимателей в сфере торговых контактов с Китаем. 28 апреля 1763 г. в Пекин прибыл караван под началом И. Кропотова, известный в истории как «последний русский караван».

Период развития русско-китайской торговли с 1762 по 1858 г. в дореволюционной российской литературе получил название «Кяхтинский», так как почти весь оборот этой торговли в указанное время сосредоточился именно в Кяхте, ставшей центром менового русско-китайского торга. В кяхтинской торговле помимо сибирских купцов активное участие принимали их коллеги из Москвы, Тулы, Вологды, Архангельска, Казани.

Ценная пушнина поступала в Кяхту даже из русских владений в Америке. Компания Н.А. Трапезникова поставляла в этот центр русско-китайской торговли такие экзотические товары, как китовый ус и моржовая кость, а также мех морских котиков²¹¹. А возникшая в 1798 г. в результате слияния нескольких купеческих объединений Российско-американская компания стала не только поставщиком пушнины на китайский рынок, но и распространителем китайских товаров в северной части Американского материка. Таким образом, в торговлю с Китаем постепенно вовлекались самые разные регионы России, представлявшие ее азиатскую, европейскую и даже американскую части.

Главное место в русском экспорте по-прежнему занимала пушнина. Во второй половине XVIII в. на ее долю приходилось около 85% всех вывозимых в Китай товаров. Однако в этот период наибольшим спросом у китайских купцов стали пользоваться беличьи шкурки (продавалось от двух до четырех миллионов шкурок в год). Китайцы предпочитали обскую белку, продававшуюся по 30–35 рублей за 100 штук²¹². Далее следовали горностаи, соболи, хорьки, лисицы и песцы.

²¹⁰ В ряде отечественных работ, в том числе и в монографии М.И.Сладковского, этот городок, к сожалению, ошибочно именуется Маймачэн. В последнее время в некоторых научных изданиях появились ничем не обоснованные попытки утвердить подобное неверное написание и даже аргументировать его. Например, Ян Цзе настаивает на том, что название города звучало как «Маймачэн» и, соответственно, его следует переводить на русский язык как «Город по продаже лошадей» (Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. №2. С. 69). Исходя из этого, второй иероглиф в названии города должен был бы означать «лошадь» — *ма* (马), а не глагол «продавать» — *май* (卖), что не соответствует реалиям. На всех имеющихся картах, относящихся к XVIII — XIX вв., мы можем встретить только одно написание: 买卖城 (Маймайчэн). Если вариант «Маймачэн» представляется абсолютно необоснованным, то еще одно неверное написание названия города — «Маймачин» объяснимо, поскольку происходит от монгольского произношения этого названия. В одном из архивных документов 1770-х годов, обнаруженных московским китаеведом А.Н. Хохловым, сказано: «От сей [Кяхтинской] слободы в полверсте находятся китайские Наймачины (Наймаачин) представляется абсолютно необоснованным, то еще одно неверное написание названия города — «Маймачин» объяснимо, поскольку происходит от монгольского произношения этого названия. В одном из архивных документов 1770-х годов, обнаруженных московским китаеведом А.Н. Хохловым, сказано: «От сей [Кяхтинской] слободы в полверсте находятся китайские Наймачины (Наймаачин) или, точнее, Хиагт Наймаачин. — А.Х.». (Цит. по: Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. — 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1982. С. 106.), т.е. в данном случае речь идет о монгольском наименовании этого городка.

²¹¹ Трусевич Х. Указ. соч. С. 244.

²¹² Корсак А. Указ. соч. С. 75.

Помимо этого русские купцы обменивали на Кяхтинском торге овчину, сукно, выделанные кожи, листовое железо.

Серьезные изменения в Кяхтинский период происходят в структуре китайского импорта. Золото, серебро, изделия из драгоценных металлов, дорогие шелковые ткани и фарфор, составлявшие основу казенной караванной торговли уступают место более дешевым товарам, отвечавшим вкусам и финансовым возможностям жителей Сибири, а в дальнейшем — и других регионов России. На первое место выходят сравнительно дешевые хлопчатобумажные ткани «китайка» и «даба», пользовавшиеся спросом в России. Шелковые ткани, шелк-сырец, занавески, чай и сахар также приобретались на кяхтинском торге, но количественно уступали хлопчатобумажным тканям.

В первой половине XIX в. в силу причин, обусловленных факторами внутреннего социально-экономического характера, структура кяхтинской торговли изменилась. Удельный вес пушнины в общем объеме российского экспорта заметно сократился. В 1826 г. на долю пушнины уже приходилось не 85%, как в 1780-х гг., а всего лишь 47,5% русского вывоза — 2,9 млн из 6,1 млн рублей. При этом Россия стала активно вывозить в Китай сукно, производимое как в самой России, так и немецкое. В 1817 г. Пруссия заключила с российским правительством конвенцию, согласно которой она получала право транзита и продажи силезских сукон в Кяхте через русских купцов, что оказывалось для нее выгоднее, чем отправлять сукно в Китай морским путем через Гуанчжоу²¹³.

Русское сукно пользовалось в Китае большой популярностью, причем не только в северных провинциях, граничивших с Россией, но и на Юге. Российский исследователь русско-китайской торговли А. Корсак приводил в своей работе интересное свидетельство французских торговых представителей в Кантоне (Гуанчжоу): «К числу любопытнейших предметов изучения кантонской торговли принадлежит, конечно, продажа русских сукон в магазине кантонского купца Чан-Чинг, на улице Та-Чонг. В самом деле, странно встретить на самом юге Китая такое изделие, которое готовится в Москве, продается на Нижегородской ярмарке и променивается китайцами в Кяхте... Между кантонскими высшими сановниками отличаются в особенности: губернатор Гванг-чу-фу и помощник его Ван-фонг, которые имеют парадное церемониальное платье из русского сукна»²¹⁴.

Помимо сукон в 1820-х гг. получил распространение ввоз в Китай через Кяхту российских и западноевропейских хлопчатобумажных тканей. Так, только в 1826 г. было ввезено тканей на 667 тыс. рублей. Это говорит о том, что процесс торгово-экономического взаимодействия России и Китая стал меняться коренным образом, что отразилось и на его социокультурной составляющей. Если в XVIII в. хлопчатобумажные ткани ввозились в Россию из Китая и ассоциировались там (особенно в Сибири) в основном с этой страной, то в XIX в. ситуация полностью изменилась. Постепенно расширялся социогеографический ареал российско-китайской торговли, в которую вовлекались все новые территории, социальные и этнические группы населения.

²¹³ Материалы о прусско-китайской торговле через Кяхту хранятся в «Секретном государственном архиве прусского культурного наследия» (Das Geheime Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz) в Берлине.

²¹⁴ Корсак А. Указ. соч. С. 223.

В соответствии с Кульджинским договором, подписанным 25 июля (6 августа) 1851 г., русские купцы получали право вести торговлю в подведомственных цинской администрации городах Кульдже и Чугучаке, где для них были отведены специальные фактории. Торговля объявлялась меновой, отпуск товаров в кредит не допускался. Статья 3 данного договора гласила: «Торговля сия открывается ради взаимной дружбы двух держав, а потому с обеих сторон пошлины не брать никакой»²¹⁵. Договор предусматривал охрану торговых караванов от возможных грабителей и беспрепятственный проход русских купцов на китайскую сторону.

Кульджинский договор заложил основы для постоянной торговли между Россией и Китаем в Центральной Азии и положил начало сотрудничеству российской и китайской администраций в данном регионе. Благодаря этому в торгово-экономические связи с Китаем стали включаться новые группы русских купцов и представители местного населения Средней Азии. Заключение договора продемонстрировало, что в указанный период Россия не стремилась к завоеванию Синьцзяна и использовала торговлю в качестве средства стабилизации отношений.

Серьезные изменения в объемах и структуре торговли цинского Китая произошли после «опиумных» войн. Торговля с западными державами, и прежде всего с Великобританией, становится дефицитной для китайской стороны. Напротив, при общем росте российско-китайского торгового оборота в 2,4 раза за период между 1850 и 1893 гг. вывоз в Китай русских товаров сократился на 43%²¹⁶. Только за период с 1862 по 1869 г. Россия была вынуждена покрывать дефицит торгового баланса с Китаем золотом, серебром и валютой — в общей сложности на сумму 72 000 000 рублей²¹⁷. Таким образом, Россия оказывалась для Китая источником пополнения запасов золота, серебра и иностранной валюты, которые активно утекали из страны в западные государства. Китайские купцы, вследствие конкуренции английских шерстяных тканей, перестали приобретать русское сукно, которое к середине XIX в. становилось главной статьей русского экспорта. В 1854 г. кяхтинская администрация была вынуждена разрешить русским купцам расплачиваться за товары золотом и серебром, а в следующем году это было закреплено соответствующим правительственным указом. Для того чтобы хоть как-то преодолеть кризис кяхтинской торговли, русские власти установили пониженные пошлины на кяхтинский чай.

После того как в 1861 г. была возобновлена караванная торговля между двумя странами, русское правительство, заинтересованное в ее расширении, предприняло попытки введения строгого контроля за качеством товаров, поставлявшихся русскими купцами на китайские рынки. В связи с жалобами на качество российских товаров, выставленных на кяхтинском торге, сам император Александр II во время визита в Москву выразил свое неудовольствие деятельностью русских купцов²¹⁸.

²¹⁵ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. С. 59.

²¹⁶ Сладковский М.И. Указ.соч. С. 265.

²¹⁷ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых отношений с Китаем через Кяхту. М., 1896. С. 77.

²¹⁸ Хохлов А.Н. Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993. С. 203—204.

В силу того, что российские товары стали постепенно вытесняться с китайского рынка продукцией западных стран, в первую очередь — Великобритании, российские предприниматели начали искать новые статьи экспорта: в 1889 г. в Китай был впервые ввезен русский сахар, началась торговля керосином. Однако сахар русского производства из-за дороговизны не смог выдержать конкуренции как с ввозившимся из США, так и с местным китайским, производившимся из сахарного тростника. Местные жители русский сахар не покупали, а иностранцы отдавали должное тому, что он хорошо рафинирован и очень сладок, но приходили к выводу, что он «слишком тверд и долго не распускается в чае»²¹⁹, что, кстати, в полной мере отвечало требованиям российского потребителя и сложившимся в России традициям его употребления. Более перспективной для русских оказалась торговля керосином.

В условиях освоения русскими Приамурья и Приморья особое значение приобретало расширение торговых связей с Маньчжурией. Сельскохозяйственная продукция, завозившаяся оттуда в дальневосточные районы России, оказывалась значительно дешевле аналогичной, прибывавшей из европейской России. Из Маньчжурии в Благовещенск, ставший, наряду с Хабаровском и Николаевском-на-Амуре, одним из трех главных торговых центров на дальневосточных территориях, вошедших в середине XIX в. в состав Российской империи, ввозились мука, зерно, скот, овощи. Расширялись прямые торговые связи между сельским населением по обе стороны границы. Китайцы приобретали меха, посуду, серебро в слитках и изделиях²²⁰.

С конца XVIII в. среди товаров, приобретавшихся русскими у китайцев, значительно увеличивается доля чая, постепенно становившегося все более важной статьей китайского экспорта в целом. Чай впервые попал в Россию в XVII в. и первоначально употреблялся лишь при царском дворе в качестве лекарства. В XVIII в. он стал поступать через Сибирь все большими партиями и к концу века превратился в достаточно распространенный в России напиток. Сибиряки предпочитали употреблять черный, прессованный из чайной крошки плиточный («кирпичный») чай, который относился к дешевым сортам. Зеленый чай находил спрос у калмыков, казахов, киргизов и некоторых других народов Российской империи. В европейской части России стал пользоваться популярностью черный байховый чай.

К чаю постепенно привыкла не только русская знать, но и простое население. Поэтому, согласно наблюдениям А.Н. Радищева, во время семилетнего перерыва в кяхтинской торговле, когда Петербург восполнял нехватку китайского чая, поступавшего через Кяхту, закупками его в Европе, жители Сибири испытывали неудобство и вынуждены были временно перейти на «луговой чай»²²¹.

В первой половине XIX в. чай занял ключевое место среди китайских товаров, обменивавшихся в Кяхте и Маймайчэне. Из общей стоимости импортировавшихся китайских товаров в 1825 г. на долю чая приходилось 87,8%, а к середине XIX в. на него падало уже 95% стоимости русского ввоза через Кяхту²²².

²¹⁹ Хохлов А.Н. Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993. С. 214.

²²⁰ Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000. С. 172.

²²¹ Радищев А.Н. [Письмо о китайском торге] // Полн. собр. соч. В 3-х т. Т. 2. М.-Л., 1941. (http://www.rvb.ru/18vek/radishchev/01text/vol_2/01text/025.htm).

²²² Сладковский М.И. Указ. соч. С. 199, 209.

Постепенно возрастало количество более дорогих сортов. В 1840-х гг. около $\frac{2}{3}$ всего импортируемого чая стал составлять байховый чай, пользовавшийся все большей популярностью в Европейской России. Кирпичный чай (прессованная чайная крошка), более дешевый, находил себе сбыт среди сельского населения Сибири, а также в Средней Азии.

Развитие судостроения и мореплавания постепенно делало морские торговые пути значительно более выгодными, чем сухопутную торговлю через Сибирь, и это прежде всего сказалось на чаеоторговле. Так, например, перевозка чая морским путем от Гуанчжоу до Лондона в 1840-х гг. обходилась в 30–40 копеек серебром за один пуд, в то время как стоимость его доставки из Кяхты в Москву через Сибирь обходилась в 6 рублей серебром и более. В 1850-х гг. фунт байхового чая в Санкт-Петербурге продавался по 1 руб. 50 коп., а в Иркутске — по 1 руб. 70 коп. В целом чай оставался дорогим товаром. В столице вошло в моду давать прислуге в трактирах «на чай», в то время как в Москве продолжали давать «на водку».

Серьезные изменения в торговле чаем произошли в 60-х годах XIX в. К этому времени, в силу того что британская колониальная администрация занялась интенсивной организацией чайных плантаций в Индии и на Цейлоне с целью его экспорта из своих колоний, Россия, где популярность чая неуклонно росла, стала главным потребителем китайского чая, вывоз которого в Великобританию и некоторые другие страны Запада сократился. Российские власти систематически снижали ввозные пошлины на китайский чай. Соответствующие меры принимались в 1862 и в 1865 гг., а затем и по условиям Санкт-Петербургского договора 1881 г. Это позволило сортам чая, шедшим в Россию через Кяхту, успешно конкурировать с чаем, поступавшим морским путем через Одессу. Перевозка чая по Амуру началась с 1880 г. В том же году суда Добровольного флота стали совершать регулярные рейсы между Владивостоком и Одессой; они заходили в Шанхай и Гуанчжоу и брали на борт чай и некоторые другие товары.

Русские потребители по-прежнему отдавали предпочтение китайским сортам чая. Один из исследователей русско-китайской торговли Н.Е. Зинченко писал в конце XIX в. о том, что «в Европейской России употребляется чай исключительно китайского происхождения; если и привозятся к нам чаи индийские, цейлонские, японские, явские и бразильские — то в совершенно ничтожном количестве, так как не находят себе сбыта, как чаи низких сортов, к которым русские не привыкли»²²³.

Постепенно на территории Китая стали возникать русские чаеперерабатывающие предприятия. Процесс этот начался сразу после подписания Пекинского договора 1860 г. Первые подобные небольшие предприятия мануфактурного типа были организованы торговой фирмой «С.В. Литвинов и Ко» в 1863 г. в районе Ханькоу (провинция Хубэй). В 1873 г. С.В. Литвинов перевел эти предприятия непосредственно в сам город Ханькоу, создав на их основе фабрику «Шуньфэн», на которой применялись паровые машины. В 1866 г. торговая фирма «Токмаков, Молотков и Ко» организовала в том же городе свою фабрику аналогичного типа — «Синтай». На этих предприятиях изготавливался по преимуществу кирпичный чай, вырабатывавшийся из чайной пыли и низкосортного чайного листа, который запрессовывался в брикеты. Постепенно там стали производить также

²²³ Зинченко Н.Е. Указ. соч. С. 8.

зеленый и черный байховый чай. Начиная с 1865 г., производство байхового чая на предприятиях, принадлежавших русским предпринимателям, стало улучшаться²²⁴. К 1869 г. русскими было арендовано уже 15 фабрик.

В Фучжоу, административном центре провинции Фуцзянь, известной самыми уникальными сортами китайского чая, организованные русскими предпринимателями чаеперерабатывающие и чаепрессовочные производства появились в 1872 г., а к 1876 г. их было уже девять. Здесь вырабатывали более изысканные сорта чая. Русские предприятия по производству чая открылись и в городе Цзюцзян (провинция Цзянси). Весь персонал перечисленных выше предприятий состоял из китайцев. Роль русских сводилась к их финансированию и организации сбыта чая в России. Приводя в 1876 г. сведения о производстве русскими предпринимателями кирпичного и байхового чая во всех трех указанных центрах, российский генконсул К.А. Скачков в своем отчете указывал, что в деле переработки байхового чая российские предприниматели не могут конкурировать с китайцами и его производство не прекращается только потому, что из России на него постоянно приходят заказы, однако в деле производства качественного кирпичного чая наши фабрики имели заметное преимущество.

И в Кяхтинский период российско-китайской торговли, и в последующие годы XIX в. баланс этой торговли складывался не в пользу России. Н.Е. Зинченко пришел к следующему выводу: «Причина этого, главным образом, беспечность наших купцов в такого рода торговых предприятиях, а именно — привычка и стремление торговать при полном отсутствии конкуренции и с полной гарантией барышей «копеечка в копеечку», что, конечно, не осуществимо в международной торговле. А в особенности, при конкуренции с китайцами, которые довольствуются весьма небольшими, лишь бы верными барышами»²²⁵. Согласно этому автору, «наши купцы проявили полное нежелание приспособиться к своеобразным потребностям китайцев», сбывали им залежалые и просроченные товары. В итоге Россия, в отличие от европейских государств, покупала китайских продуктов в шесть раз больше, чем продавала своих товаров в Китай, при этом значительная часть русского экспорта сбывалась при посредничестве иностранцев. Таким образом, российский автор конца XIX в. пришел к выводу о том, что торговый баланс, объективно не выгодный для России, являлся в значительной мере результатом неразвитости культуры торговли русских предпринимателей, непонимания ими социокультурных аспектов китайского предпринимательства и перспектив российско-китайского торгово-экономического взаимодействия.

Петербургский востоковед С.М. Иванов, исследовавший проблемы российско-турецких торгово-экономических связей того же периода, пришел к ряду важных выводов, которые могут быть использованы при анализе характера торговли России со странами Востока в целом и ее торговли с Китаем в частности. С.М. Иванов привлек внимание к вопросу о том, почему русский промышленный экспорт в Османской империи в рассматриваемый период не смог достичь достаточной степени развития. В качестве причин он выделил особенности русской экономической культуры, обусловленной спецификой общественно-экономического развития России и тем, что формирование культуры рыночных отношений

²²⁴ О чае и его приготовлении в Китае / Сост. К.А. Попов, коммерции советник. М., 1870. С. 25.

²²⁵ Зинченко Н.Е. Указ. соч. С. 2.

началось в России только во второй половине XIX в. По мнению автора, культура внешнеэкономических связей в России была развита слабо в силу обширности внутренних рынков, а экономическая отсталость царской России выражалась не только в слабой организации русского экспорта, но и в отсутствии у русских купцов достаточного опыта торговли на внешних рынках и в их неспособности применять методы коммерческих операций, которые были характерны для развитой буржуазной культуры торговли²²⁶.

Выводы отечественных исследователей, писавших о проблемах российской внешней торговли, как в прошлом, так и в настоящем, могут быть подкреплены вполне конкретными наблюдениями русских путешественников в Китае. Посетивший эту страну в 1901 г. П.Н. Краснов писал: «Еще наши гиринские купцы Соловей и Ко везут только смирновку и консервы да бакалею, а уж торговый ум китайца задумывает завести правильную и дельную торговлю с Россией. За ситец, скобяной товар и за железо, в котором так нуждаются китайцы, он отдает шелка, медь, серебро и кропотливую китайскую вышивку. Дзянь-дзюнь, который несмотря на свой высокий сан такой же купец, как и прочие гиринские торгаши, хлопот об электричестве в Гирине и об железной дороге на Куан-чендзы. Русская торговая предприимчивость пока спит»²²⁷.

Российская духовная миссия в Китае и ее роль в развитии российско-китайских связей

Российская духовная миссия действовала в Китае более двух веков. Все эти годы ее сотрудники вели проповедь православия в Пекине и других районах Китая, осуществляли большую работу по переводу богослужебных книг на китайский и маньчжурский языки, переводили на русский язык сочинения по истории, культуре и современному положению Китая, выполняли различные дипломатические поручения, а начиная с 1917 г., приняли на себя труд по духовному окормлению и моральной поддержке многочисленной русской диаспоры, образовавшейся на территории Китая после революции и гражданской войны в России.

История православного миссионерства в Китае восходит к 1685 г., когда, согласно преданию и закрепившемуся в литературе мнению, после осады Албазина маньчжурскими войсками двадцать пять казаков были вынуждены покинуть родину и уйти в пределы империи Цин. Эти бывшие обитатели Албазинского острога, поселившиеся в Пекине, вместе с еще несколькими подданными Русского государства, попавшими в плен ранее, составили первую русскую общину в Китае периода Цин. По распоряжению императора Канси албазинцы были поселены в северо-восточной части Пекина, у городской стены вблизи ворот Дунчжимэнь. Они были приписаны к маньчжурскому знаменному войску, и из них была сформирована 17-я рота 4-го отряда «желтого с каймой знамени». Этим русским, оказавшимся на военной службе у императора Канси, было опре-

²²⁶ *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX в.). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2004. С. 32.

²²⁷ *Краснов П.Н.* По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. СПб., 1903. С. 236.

делено денежное довольствие, предоставлено жилье и наделы пахотной земли. Пожелавшим обзавестись семьей подыскивали жен.

Албазинцы и их потомки составили небольшую, но весьма своеобразную этноконфессиональную группу. Чисто внешне они очень быстро китаизировались: брили лбы и отращивали косы, как было принято в цинском Китае, носили китайскую одежду, питались по-китайски, осваивали китайский и маньчжурский языки. Единственным, что продолжало их тесно связывать с русской духовной традицией, оставалась Православная церковь. Наименование «албазинцы» надолго закрепилось за потомками первых русских переселенцев в Китай. Они продолжали так именовать себя и в XX в. И сегодня в Пекине и его окрестностях живут люди, причисляющие себя к «албазинцам» и духовно тяготеющие к православию. Уходя из Албазина, русские взяли с собой церковную утварь и икону Святого Николая Мирликийского (в дальнейшем она почиталась в китайской православной общине как великая святыня). С ними ушел в Пекин священник Максим Леонтьев, ставший первым православным священнослужителем и миссионером на территории Китая. По распоряжению императора Канси албазинцам для совершения богослужения передали кумирню, которую отец Максим обратил в часовню Св. Николая, а в 1696 г., по благословению Тобольского Митрополита Игнатия, преобразовал в храм, освятив его во имя Св. Софии — Премудрости Божией.

Таким образом, можно утверждать, что именно проникновение православия из России в Китай, связанное с появлением там албазинцев, ознаменовало начало духовного диалога двух культур на Дальнем Востоке: русской (православной) и китайской (конфуцианской). Китайцы и маньчжуры в то время впервые познакомились с элементами русской духовной и материальной культуры, а православный храм стал своеобразным «островком» России в столице империи Цин.

В начале XVIII в., после кончины священника Максима Леонтьева в 1712 г., албазинцы, служившие в Пекине в составе «Русской роты», обратились к российскому императору Петру Великому с просьбой прислать им нового православного пастыря. Петр ответил согласием, а через некоторое время было получено разрешение императора Канси на приезд Миссии. При этом китайский император сопроводил это решение условием о том, чтобы в составе Миссии обязательно был «доктор медицины, искусный в лечении наружных болезней».

Вопрос о создании Духовной миссии в Пекине ставился и ранее. Об этом говорилось в указе Петра I от 18 июня 1700 г.: «А для утверждения и приумножения в православную христианскую веру и проповеди св. Евангелия в тех идолопоклонных народах... великий государь, говоря о том со святейшим патриархом, указал писать к киевскому митрополиту, чтоб он... искал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученого и благаго непорочнаго жития человека, которому бы с божиею помощию исподволь в Китае и Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго бога и привел бы с собою добрых ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познав, могли твердыми св. Евангелия доводами многия души области темныя сатанинския привести во свет познания Христа, бога нашего, и тамо живущих и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отводить, и тамо могли б жити, и у той

построенной Божией церкви служить, чтоб своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу...»²²⁸ Данный указ российского царя принято считать также первым распоряжением о начале преподавания восточных языков в России.

Когда в 1712 г. последовало решение императора Канси, Петр I предписал митрополиту Тобольскому Иоанну найти достойных данной цели людей. Главой первой Духовной миссии был назначен архимандрит Илларион (Лежайский), помимо него в состав миссии входили еще семь священнослужителей. Все они отбыли в Пекин в 1715 г. вместе с направлявшимся в обратный путь цинским посланником Тулишенем. В январе 1716 г. члены миссии прибыли в столицу Китая. Император Канси повелел принять миссию с почетом, начальнику Миссии был пожалован чин мандарина пятой степени, иеромонаху и иеродиакону — седьмой степени, остальных причислили к знаменному войску²²⁹.

В связи с кончиной архимандрита Иллариона в 1717 г. встал вопрос о направлении в Пекин новой миссии и избрании ее главы. Учитывая важность для России отношений с Китаем, активное участие в этом деле принял сам царь. Петру Великому было передано содержание письма митрополита Филофея от 4 апреля 1719 г. к тобольскому губернатору князю М.П. Гагарину, в котором предлагалось «послать в царство китайское новую миссию во главе с православным епископом». Эта идея нашла поддержку у Российского государя. Пребывание в Пекине епископа Русской Православной Церкви повысило бы авторитет Миссии и Русского государства в глазах как цинского императорского двора, так и иезуитов, активизировавшихся в то время в Цинской империи. В этом случае можно было рассчитывать на более активное распространение православия в Китае и начать посвящение в священнослужители достойных лиц из числа китайцев (в силу многих причин это стало возможным лишь с 1882 г.).

На должность начальника второй Духовной миссии был предложен иеромонах Иннокентий (Кульчицкий), возведенный 5 марта 1721 г. в сан епископа Переяславского. 19 апреля того же года епископ Иннокентий выехал из Петербурга в Китай. Для того, чтобы исключить лишние вопросы со стороны Лифаньюаня и избежать противодействия иезуитов, Иннокентий в тексте грамоты, направленной Сенатом в Пекин, был назван не епископом, а «духовной особой господином Кульчицким». Однако сведения о нем все-таки дошли до иезуитов, и они приложили большие старания к тому, чтобы преосвященный Иннокентий был остановлен на русско-китайской границе. В итоге ему было отказано во въезде на территорию Цинской империи.

На отрицательное решение, принятое цинскими сановниками, вполне могли повлиять и новые обстоятельства. Преосвященный Иннокентий продолжал пребывать в Селенгинске, когда в начале 1723 г. до России долетело известие о кончине семидесятилетнего императора Канси и вступлении на престол его четвертого сына, избравшего для себя девиз правления Юнчжэн. Новый император с подозрением относился к миссионерам-иезуитам, которые окружали его отца и вмешивались в дворцовые дела. Он начал притеснять китайцев-хри-

²²⁸ Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. С. 50.

²²⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 81, 85.

стиан, усматривая в них агентов влияния западных миссионеров. Юнчжэну стало известно, что после смерти Канси католические миссионеры рассчитывали возвести на престол девятого сына покойного императора, что им, правда, так и не удалось. Подобные попытки оказания воздействия на внутрисполитические процессы обусловили негативное отношение нового императора как к самим иезуитам, так и к христианам вообще. В 1724 г. император Юнчжэн издал указ, согласно которому в Пекине было позволено остаться лишь небольшому числу иезуитов, при этом они оказывались там под строгим надзором властей. Остальные были отправлены в Гуанчжоу и Макао для последующей высылки на родину. Католические храмы разрешалось сохранить только в столице, в других местах они закрывались и передавались на общественные нужды.

В этих условиях преосвященный Иннокентий был вынужден в марте 1725 г. возвратиться в Иркутск. Екатерина I поручила отправлявшемуся в Китай для переговоров графу С.Л. Владиславичу-Рагузинскому вновь поставить вопрос о приезде епископа Иннокентия в Пекин, назвав его в своей грамоте по примеру Петра Великого «духовною особою господином Кульчицким». Однако граф Владиславич-Рагузинский не смог уговорить уполномоченных цинского двора пропустить в Китай православного епископа. В этой сложной ситуации графу пришлось просить разрешения Св. Синода о направлении в Пекин Миссии во главе с архимандритом, предоставив ему власть епископа, а для устранения подозрений со стороны цинской администрации назвать его «старшим священником».

На должность начальника 2-й миссии С.Л. Владиславич предложил архимандрита Антония (Платковского), который был весьма образованным человеком и создал при Вознесенском монастыре в Иркутске школу монгольского языка. Он взял с собой в Пекин трех наиболее способных учеников из этой школы, для того чтобы в Китае они обучились китайскому и маньчжурскому языкам.

Граф С.Л. Владиславич во время переговоров в Кяхте сумел добиться от цинской стороны официального разрешения на пребывание в Пекине Российской духовной миссии, что было зафиксировано в русско-китайском Кяхтинском договоре 1727 г. В его тексте также говорилось о возможности направлять в Пекин в составе Миссии нескольких молодых людей для изучения языка, чем было положено начало китаеведным занятиям в стенах Миссии.

Юридическое закрепление статуса Пекинской духовной миссии способствовало активизации ее деятельности и росту ее авторитета в Китае. Руководствуясь указанием, сделанным еще Петром Великим, сотрудники Миссии, в отличие от западных миссионеров, не вмешивались во внутренние дела Цинской империи и не пытались навязать императорскому двору свои внешнеполитические установки. Вместе с тем русские миссионеры часто выполняли ответственные дипломатические поручения своего правительства. Таким образом, Духовная миссия фактически стала неофициальным представительством Российского государства в Пекине.

16 июня 1729 г. 2-я Духовная миссия прибыла в китайскую столицу. Начальник Миссии и приехавшие с ним сотрудники поселились на расположенном в оживленной части города Посольском дворе, где в предшествующие годы останавливались русские посольства, гонцы и торговые караваны. Согласно Кяхтинскому договору, этот двор был полностью передан в распоряжение Российской духовной миссии. В Пекине его стали называть «Элосы гуань» («Русское подворье»). При архимандрите Антонии началось строительство новой право-

славной церкви в Пекине. Разрушенная в результате землетрясения 1730 г. старая Никольская церковь также была восстановлена. К православию стали обращаться не только албазинцы и их потомки, но и некоторые китайцы и маньчжуры.

С этого времени контакты между русскими людьми (духовными лицами и учениками) и подданными Цинской империи стали постоянными. С появлением при Российской духовной миссии учеников (решение об их постоянном пребывании при Духовной миссии было зафиксировано в соответствующей статье Кяхтинского договора), посвятивших себя делу изучения китайского и маньчжурского языков, начал преодолеваться языковой барьер, что позволило расширить сферу культурных контактов. Важно и то, что Пекинская духовная миссия стала единственным постоянным и наиболее объективным источником сведений о событиях в Цинской империи. Постепенно ей все более активно приходилось исполнять не только миссионерские, но и дипломатические функции, играя роль посредника в вопросах сношений России и Китая. Начиная с 4-й Миссии (1745), ее деятельность находилась в ведении Коллегии иностранных дел, а с 1819 г. ее делами занимался Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

Российская духовная миссия в Китае пользовалась особым положением. Русские миссионеры состояли на государственной службе и к ним относились как к подданным императора. На миссии лежала обязанность поддерживать православие прежде всего среди албазинцев и русских в Китае, не стремясь активно обращаться в христианскую веру подданных Китайской империи, что было отражено уже в самых первых инструкциях. Это вызывало лояльное отношение к ней цинских властей. Поэтому православная миссия избежала гонений, предпринятых цинами против христиан в XVIII в. Уникальность Российской духовной миссии состояла в том, что она на протяжении почти 150 лет оставалась единственным иностранным учреждением, постоянно действовавшим на территории Китая.

Российская духовная миссия внесла свой посильный вклад в дело знакомства китайцев с русским языком. В период правления Канси, 24 марта 1708 г., в Пекине открылась первая Школа русского языка, созданием которой занимались сотрудники императорской канцелярии. В то время нашлось «68 человек, имеющих намерение изучать русский язык»²³⁰. Однако вначале преподавание в этой школе велось весьма нерегулярно. Дело в том, что в первое время в роли учителей русского языка выступали купцы, прибывавшие в Пекин из России в составе торговых караванов. Когда наступало время отъезда каравана на родину, занятия прекращались. Затем в течение нескольких лет учащихся школы обучали русскому языку представители албазинской общины.

Совершенно новый этап в преподавании русского языка в Пекине начался с появлением там Российской духовной миссии. После вступления на престол императора Юнчжэна (1723–1735) произошла полная реорганизация Школы, которая еще в 1716 г. была переименована в Училище русского языка при Императорской канцелярии. По указанию самого императора два священнослужителя из состава Духовной миссии получили приглашение начать преподавание русского языка в училище. С этого момента русские священники и ученики Миссии активно занялись преподаванием, знакомя учащихся не только с азами русского языка, но и с отдельными сторонами русской культуры. Именно сотрудники

²³⁰ Су Фэнлинь. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в. // Восток–Запад: Историко-литературный альманах: 2002 / Под ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2002. С. 75.

Миссии стали теми людьми, которым было суждено открыть диалог русской и китайской культур непосредственно в столице Китая.

П.Е. Скачков полагал, что первыми преподавателями из числа сотрудников Миссии были причетник Осип (Иосиф) Дьяконов, скончавшийся в Пекине в 1736 г., и иеродиакон Филимон²³¹. Ученик Миссии Лука Воейков привез в Пекин хорошо известную в России «Грамматику русского языка» Мелетия Смотрицкого. В дальнейшем она была переведена на маньчжурский язык Илларионом Россохиным, совместно с маньчжуром Фулахэ, преподавателем этого училища²³². Впоследствии И.К. Россохин становится ведущим преподавателем в Училище русского языка.

Илларион Калинович РОССОХИН (1717–1761) — первый русский китаевед

По сведениям П.Е. Скаčkова, И.К. Россохин родился в 1717 г. (по другим данным — в 1707 г.) в селе Хилок близ Селенгинска. В 1725 г. поступил в школу монгольского языка, открытую при Иркутском Вознесенском монастыре, где он изучал монгольское письмо под руководством бурятского ламы Лапсана, впоследствии крещенного под именем Лаврентий Нерунов. В 1727 г. И.К. Россохин был отправлен в Пекин с торговым караваном под началом Л. Ланга для изучения китайского языка.



Находился в Китае в составе 2-й Российской духовной миссии в качестве ученика. В одной из бумаг архива Российской Академии наук от 1734 г. есть упоминание о том, что в Пекине живет русский студент, «который в сочинении китайского лексикона в Китайской земле трудится». Есть основания полагать, что речь идет именно о И.К. Россохине. В 1735 г. по просьбе чиновников Лифаньюаня и по рекомендации Л. Ланга был зачислен переводчиком в Лифаньюань и начал преподавать в Школе русского языка при Дворцовой канцелярии.

В 1737 г. И.К. Россохин покинул Китай вместе с караваном, везшим самоцветы, шелк, серебряную и золотую утварь и слитки, чай, финифть, а также книги и рукописи. По возвращении в Санкт-Петербург в 1738 г. И.К. Россохин был произведен в прапорщики «за сискание географической карты всего Китайского государства и за перевод ее», работал переводчиком и преподавателем китайского и маньчжурского языков при Академии наук. В 1739 г. начал работу над переводом «Обстоятельного описания происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осмии знаменах состоящего», которую продолжил в дальнейшем совместно с Алексеем Леонтьевым.

Позднее И.К. Россохин перевел с китайского языка напечатанный в 1712 г. в Пекине отчет о поездке из Пекина на Волгу китайского посольства, написанный китайским историком и толмачом Тулишенем, а также надписи к составленной китайцами карте. В 1764 г. опубликованы его «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие».

²³¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 42.

²³² Волкова М.П. Первый учебник русского языка для китайских учащихся // Краткие сообщения Института народов Азии. 1963. № 61. С. 154–157. Экземпляр перевода хранится в Институте восточных рукописей РАН.

Сотрудники Российской духовной миссии сумели внести существенный вклад и в дело ознакомления подданных Цинской империи с русской историей, а также создания у них реального образа России. Занимаясь преподавательской деятельностью в Училище русского языка в Пекине, они знакомили учеников с отдельными фактами из истории нашей страны и с жизнью России того времени.

В 20-е годы XIX в. З.Ф. Леонтьевский (1799—1874), находившийся в Пекине в составе 10-й Духовной миссии, во главе которой стоял выдающийся синолог и организатор подготовки китаеведов — архимандрит Петр (Каменский), перевел на китайский язык «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. По возвращении на родину четыре копии этого перевода З.Ф. Леонтьевский преподнес Санкт-Петербургскому университету (в настоящее время хранится в библиотеке Восточного факультета СПбГУ), Публичной библиотеке, Азиатскому департаменту МИД и Азиатскому музею. Имеющиеся данные позволяют предположить, что беловой экземпляр перевода был представлен императору Даогуану. Многие главы «Истории» были переведены З.Ф. Леонтьевским полностью, остальные давались в вольном пересказе; некоторые реалии были переданы так, чтобы облегчить их восприятие на китайском языке. За эту работу русский китаевед был удостоен в Китае титула государственного наставника («го ши»), его почитали как «цзошичжэ» (историограф). За экземпляр, преподнесенный российскому императору, он был награжден бриллиантовым перстнем. Чтобы продемонстрировать китайцам то, что русские также почтительно относятся к ритуалам, связанным с почитанием памяти предков, З.Ф. Леонтьевский перевел на китайский язык описание церемониала погребения российского императора Александра I.

Огромную роль в деле расширения представлений россиян о Китае и пробуждения у российской интеллектуальной элиты интереса к великому соседу, без чего культурный диалог не мог бы развиваться, сыграл выдающийся русский китаевед, начальник 9-й Российской духовной миссии в Китае архимандрит Иакинф (Бичурин). Под его влиянием начали появляться сочинения, авторы которых пытались осмыслить общее и особенное в развитии России и Китая, старались раскрыть общность исторической судьбы двух народов. Отец Иакинф был частым гостем литературных салонов Петербурга, многие представители российской культуры почитали за честь быть знакомыми и общаться с этим высокообразованным человеком, настоящим профессионалом-синологом.

Дело знакомства российской общественности с культурой Китая, успешно начатое о. Иакинфом (Бичуриным), продолжили его преемники на посту начальника Российской духовной миссии в Пекине — архимандриты Петр (Каменский) и Палладий (Кафаров).

Существенным элементом развития диалога культур России и Китая стало распространение естественнонаучных и, в первую очередь, медицинских знаний. В России заинтересовались китайской медициной еще в XVIII в. В Китай российские медицинские знания стали проникать с появлением при Российской духовной миссии русских врачей. Первым среди них был О.П. Войцеховский (1793—1850), отправившийся в Китай в составе 10-й Духовной миссии (1821—1830). Китайцы поначалу скептически относились к методам европейской медицины, применявшимся врачом Российской духовной миссии, но постепенно, видя эффективность лечения, они потянулись к русскому доктору. За помощью к нему обращались как знатные особы, так и пекинские бедняки, но особенно его авторитет повысился

после того, как он вылечил одного из родственников императора. Огромную работу проводил О.П. Войцеховский во время борьбы с эпидемией холеры, которая свирепствовала в Пекине в 1820–1821 гг.

14 ноября 1829 г., незадолго до отъезда О.П. Войцеховского из Пекина, благодарные пациенты преподнесли русскому доктору памятную доску со словами благодарности и признательности. Иеромонах Вениамин (Морачевич) писал в своем отчете о вкладе врача О.П. Войцеховского в дело повышения авторитета России и русской культуры и науки в Китае: «Одной почти его славе обязана тогдашняя миссия, что после семилетнего своего скромного уединения приведена она наконец в известность, что имя русское облагородилось китайцами до того, что значительные люди не только перестали бегать от русских, но начали искать знакомства с нами»²³³.

ИАКИНФ (Никита Яковлевич БИЧУРИН) (1777–1853) — российский ученый-китаевед, популяризатор китайской культуры

Родился 29 августа (9 сентября) 1777 г. в селе Акулево Казанской губернии. Окончил Казанскую духовную семинарию, затем преподавал в ней. Принял монашеский сан и исполнял должность настоятеля Казанского Иоанновского монастыря.



В 1802 г. был назначен архимандритом Воскресенского монастыря в Иркутске. В 1807–1822 гг. служил начальником Российской духовной миссии в Пекине. Во время пребывания в Пекине в совершенстве овладел китайским языком, занимался переводом китайских классических сочинений, писал научные труды по истории, философии, культуре, государственному устройству и социально-экономическому положению Китая.

По возвращении в Россию был обвинен в небрежении миссионерскими обязанностями, непосещении церкви и других проступках, лишен сана архимандрита и сослан в Валаамский монастырь. В 1826 г. освобожден и переведен на жительство в Александро-Невскую лавру в Санкт-Петербурге и на службу переводчиком в Азиатский департамент МИД. Был избран почетным библиотекарем Петербургской публичной библиотеки (1828).

Его публикации и личность вызвали к себе широкий общественный интерес и получили высокую оценку выдающихся деятелей русской культуры: В.Г. Белинского, Н.А. Бестужева, И.А. Крылова, В.Ф. Одоевского, И.И. Панаева, М.П. Погодина, Н.А. Полевого, А.С. Пушкина, которые узнавали от него о жизни Китая. Член-корреспондент Петербургской академии наук по разряду литературы и древностей Востока (1828) и Азиатского общества в Париже (1831). Шесть раз был удостоен Демидовских премий. Основал школу китайского языка в Кяхте. Автор первого в России учебника китайского языка и китайско-русского словаря, многочисленных книг о Китае и народах Центральной Азии. Похоронен в Санкт-Петербурге в Александро-Невской лавре.

²³³ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Вслед за О.П. Войцеховским в Пекине побывали врачи: П.Е. Кирилов (активно ратовавший за начало разведения чая на территории России), А.А. Татаринов (прославившийся также как ботаник, под его наблюдением неизвестный китайский художник изготовил 452 акварельных рисунка с изображениями растений флоры Пекина), С.И. Базилевский (активно занимавшийся изучением китайской медицины) и П.А. Корниевский (оставивший интересные записи о Китае периода восстания тайпинов).

Особую роль в развитии диалога культур России и Китая сыграли изобразительное искусство и деятельность художников Российской духовной миссии в Пекине. Первый профессиональный живописец появился в составе 11-й Духовной миссии (1830—1840). Им стал А.М. Легашов (1798—1865), окончивший Академию художеств по классу портрета. Его присутствие в составе Миссии было в значительной степени вызвано стремлением русского правительства добиться большего расположения со стороны цинских придворных и чиновников. Ему было поручено рисовать портреты знатных людей, преподносить их им и тем самым способствовать укреплению взаимных контактов двух стран²³⁴. Популярность А.М. Легашова в Пекине была очень большой, что отмечал иеромонах Аввакум (Честной)²³⁵.

В дальнейшем в составе Российских духовных миссий в Пекине побывали еще несколько русских художников: К.И. Корсагин (12-я Миссия), И.И. Чмутов (13-я Миссия), Л.С. Игорев (14-я Миссия). Все они активно продолжили дело, начатое А.М. Легашовым, способствуя распространению в Китае методов и приемов российской живописи, а шире — внося свой вклад в развитие культурного диалога России и Китая. Благодаря их зарисовкам можно наглядно представить картины китайской жизни того времени, пекинские здания, домашнюю утварь и предметы быта китайцев, увиденные глазами русского человека. Художники также занимались изучением производства китайской туши и красок, исследовали их состав. И.И. Чмутов зарисовал и привез в Россию множество видов Пекина. Л.С. Игорев писал портреты чиновников и представителей самых разных слоев китайского общества, вплоть до бедняков²³⁶.

Деятельность русских художников, прикомандированных к Российской духовной миссии, сыграла важную роль в деле знакомства россиян с реальной китайской действительностью того времени, при их участии был накоплен большой этнографический материал, ими были заложены основы изучения в России особенностей китайской живописи.

Начало создания библиотеки в самой Миссии положил иеромонах Софроний (Грибовский). Она постепенно пополнялась и располагала значительным фондом восточных книг. О составе и размерах библиотеки Пекинской духовной миссии можно судить по каталогу, составленному иеромонахом Алексием (Виноградовым)²³⁷, который писал, что в библиотеке были широко представлены книги по истории, философии, церковной организации и богословию.

²³⁴ Нестерова Е.В. Российская Духовная миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства (новые архивные материалы) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 127—133.

²³⁵ Наша китайская миссия полвека назад: Письмо А. Честного из Пекина // Русский архив. 1884. № 5. С. 155.

²³⁶ Краткая история Русской Православной миссии в Китае. Пекин, 1916. С. 110, 132, 142.

²³⁷ Китайская библиотека и ученые труды членов императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине (в Китае) с приложением каталога, чертежей и рисунков. Иеромонах Киево-Печерской лавры Алексий (Виноградов). СПб., 1889.

Российская духовная миссия и ее сотрудники сыграли важнейшую роль в деле развития диалога культур России и Китая. Благодаря их деятельности и трудам в России впервые узнали о китайской культуре, а в Китае начали осознавать, что такое православие и культура России. Каждодневная работа членов пекинской Миссии шаг за шагом расширяла круг этих взаимных представлений. На протяжении XVIII и в первой половине XIX вв. Российская духовная миссия оставалась важнейшим каналом взаимодействия культур двух соседних стран.

Во время пребывания в Пекине 12-й Духовной миссии (1840—1849), во главе которой стоял архимандрит Поликарп (Тугаринов), она получила в дар от цинского императора, царствовавшего под девизом Даогуан, собрание буддийских канонических текстов «Ганджур» и «Данджур». Иеромонах Гурий (Карпов), служивший в то время в Миссии, с радостью сообщил об этом в письме, отправленном в 1844 г. саратовскому епископу Иакову: «Китайский император подарил Русской миссии Гань-чонур и Дан-чонур (название собрания св. книг буддийских на тибетском языке). Мы просили позволения купить, а император — на докладе о нашей просьбе — приказал выдать нам эту важную вещь. В Европе ни в одной библиотеке нет подобного экземпляра. 600 огромнейших томов! И в Китае эта вещь стоит более 15.000 рублей серебром, а в Европе и цены нельзя назначить. Добиться этой вещи можно только в Китае, и то по особой милости императора!»²³⁸

Огромный вклад в изучение Китая и распространение в России знаний об этой стране внес выдающийся русский синолог, начальник 13-й (1850—1858) и 15-й (1865—1878) Российских духовных миссий архимандрит Палладий, в миру Петр Иванович Кафаров (1817—1878). Его перу принадлежат труды по различным проблемам жизни китайского общества. Архимандрит Палладий изучал религиозную ситуацию в Китае, историю и философию буддизма, историю проникновения христианства в Китай, интересовался китайскими мусульманами. Он вместе с дипломатом-китаеведом П.С. Поповым создал фундаментальный Китайско-русский словарь, ценность которого не утрачена и сегодня, унифицировал русскую транскрипцию китайской речи. Переводы, выполненные архимандритом Палладием, отличаются исключительной точностью и снабжены обширными примечаниями. В 1869—1870 гг. он по заданию Русского географического общества участвовал в этнографической экспедиции в Уссурийский край, где собрал важные научные материалы. Архимандрит Палладий настоятельно рекомендовал внимательно изучать складывавшуюся в Китае ситуацию, обусловленную последствиями развернувшейся колониальной экспансии стран Запада. Неоднократно приходилось ему проявлять и свой дипломатический талант.

Современный китайский историк Чэнь Кайкэ, автор капитальной монографии об архимандрите Палладии отмечает, что начальник Российской духовной миссии и выдающийся синолог Палладий (Кафаров) постоянно обеспечивал царское правительство очень важной информацией политического и экономического характера и неоднократно вносил ценные предложения в области дипломатии²³⁹.

²³⁸ Русские и Греко-Российская Церковь в Китае. Письмо от 14 августа 1844 г. // Русская старина. 1884. № 9. С. 661.

²³⁹ 陈开科 (Чэнь Кайкэ): 《巴拉第与晚清中俄关系》(Палладий и китайско-российские отношения периода поздней Цин), 上海, 2008年.

**ПАЛЛАДИЙ (Петр Иванович КАФАРОВ, 1817–1878) —
священник Русской православной церкви, архимандрит,
выдающийся китаевед**

Родился 17 (29) сентября 1817 г. в городе Чистополь Казанской губернии, учился в Казанской духовной семинарии, затем в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1840 г. принял монашество и был включен в состав 12-й духовной миссии и отправился в Китай, где и начал изучать китайский язык и литературу. Вернулся в Россию в 1847 г. В 1849 г. рукоположен в иеромонаха и назначен начальником 13-й миссии, во главе которой прибыл в Пекин и оставался там до 1859 г. После этого служил настоятелем церкви русского посольства в Риме. В 1864 г. вновь направлен в Пекин в качестве начальника 15-й духовной миссии; в 1870–1871 гг., по предложению Русского географического общества совершил экспедицию в Уссурийский край для этнографических и археологических исследований. Умер в Марселе на обратном пути в Россию. Опубликовал большое количество научных работ по истории и культуре Китая, китайскому языку, а также путевых заметок и описаний.



Создал основную русскую транскрипционную систему китайского языка, которая используется и сегодня. Автор фундаментального Китайско-русского словаря, именуемого отечественными китаеведами «Словарем Палладия», ценность которого не утрачена и поныне.

В 1856 г. начальником 14-й Российской духовной миссии (1858–1864) и настоятелем Пекинского ставропигиального Успенского монастыря был назначен архимандрит Гурий (Г.П. Карпов), уже побывавший в Пекине прежде — в составе 12-й Миссии.

В 1864 г. произошло окончательное разграничение сфер деятельности и служебных функций между российскими миссиями: дипломатической и духовной. С этого момента Пекинская духовная миссия утратила одну из своих важнейших функций — дипломатическую. Государственный совет утвердил положение о реорганизации Миссии, которая с этого момента стала концентрировать свое внимание на духовной деятельности, а ее сотрудники в основном занялись переводом богослужебных книг на китайский язык.

Несмотря на уменьшение штата и сокращение круга обязанностей во второй половине XIX в., Российская духовная миссия в Китае продолжала оставаться важным звеном в развитии российско-китайских духовных и культурных связей, способствовала распространению русской духовной культуры в Китае. Руководство Духовной миссией поручалось архимандриту Палладию (Кафарову), который уже возглавлял ее в 1850–1858 гг. В этих условиях Пекинская миссия смогла сосредоточить основное внимание на духовной деятельности. В документах, относящихся ко времени ее реформирования, говорилось о необходимости тщательного отбора и подготовки миссионеров, ибо исполнение их обязанностей

на территории Китая было сопряжено с большими трудностями, а порой и лишениями. От миссионеров требовалось хорошее знание страны, в которой они находились, обычаев и нравов китайского народа. Проповедь православия могла быть эффективной только при этих условиях.

В донесении министра-резидента в Пекине директору Азиатского департамента МИД утверждалось, что хорошо подготовленные миссионеры, досконально разбирающиеся в сложившейся в Китае обстановке, ориентирующиеся в текущей политической жизни и соблюдающие китайские законы, «не станут вмешиваться во внутренние дела страны, а будут иметь дело с учеными и высшими классами Китая и, действуя только убеждениями, сочинениями и философскими спорами, не возбудят против себя недоверие Правительства. Без этого успех всякой пропаганды будет тщетен»²⁴⁰. В связи с этим министр-резидент давал совет относительно предварительного отбора и обучения кандидатов в Миссию в Пекине или на территории России китайскому языку и философии и отмечал, что уважительное отношение к законам и обычаям Китая может гарантировать терпимое отношение к Миссии со стороны его правительства.

О необходимости внимательно изучать складывавшуюся в Китае ситуацию, с уважением относиться к чувствам китайского народа постоянно писал и говорил архимандрит Палладий. Он призывал своих сотрудников глубоко вникать в особенности быта и повседневной жизни китайцев, объясняться с ними на понятном им языке.

Архимандрит Палладий много размышлял о том, к каким последствиям может привести крупномасштабная экспансия Запада, как это отразится на самосознании китайского народа. Последствия творимого в то время унижения китайской нации иноземцами могли, по его мнению, оказаться поистине катастрофическими как для Китая, так и для Запада. Размышляя над этими вопросами, выдающийся синолог писал следующее: «Чего мы можем бояться на будущее время? Европа уже воздействовала на ветхую Поднебесную Империю; дух вражды и неприязни ко всему чужеземному, питаемый конфуцианским учением и поддерживаемый народным воспитанием мало-помалу ослабнет и исчезнет от постоянных дружественных сношений Китая с образованными нациями Запада и от влияния христианской веры, пока наконец не будет произнесен приговор: умер великий Бог Пан восточной Азии, бог особенности и застоя! Но если народные права, на каком самообольщении ни основывались бы они, будут презрены и священные для китайцев предания нарушены насильственным вторжением европеизма в сферу своеобразной жизни, то не легко будет ладить с вечным упорством и раздражением возмущенного тем племени»²⁴¹.

Тяжелые испытания выпали на долю Пекинской миссии в 1900 г. во время антиинострannого восстания ихэтуаней. Повстанцы разрушили многие здания Миссии и убили 222 православных китайца. После разгрома ихэтуаней погибшие были похоронены на территории Миссии. На месте их захоронения был воздвигнут Храм Всех Святых Мучеников²⁴². Однако начальник Миссии архимандрит

²⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 515. Л. 50б.

²⁴¹ Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. СПб., 1912. С. 35.

²⁴² Подробнее см.: *Кепинг К.Б.* Храм Всех Святых мучеников в Бэй-гуане // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 3. СПб., 2001. С. 113–124; *Спешнева К.Н.* Погибшие за веру // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2004. Вып. 4. С. 63–71.

Иннокентий не допустил разграбления иностранными войсками важного религиозного центра и культурно-исторического памятника Пекина — буддийского монастыря Юнхэгу, который он избрал местом своей временной резиденции.

В 1902 г. Святейший Синод учредил для Китая православную епископскую кафедру, и начальник 18-й Российской духовной миссии архимандрит Иннокентий (Фигуровский) был возведен в архиереи, получив титул епископа Переяславского. Епископ Иннокентий развернул активную деятельность по расширению проповеди православия в Китае и сбору средств для поддержки Миссии. В 1901 г. было основано подворье Пекинской духовной миссии в г. Дальнем (Далянь), в 1902 г. — подворье на пограничной станции Маньчжурия (Маньчжоули), а в 1903 г. — в Харбине и Санкт-Петербурге²⁴³.

Русско-китайские связи в сфере культуры и искусства

Расширение русско-китайской торговли и наполнение российского рынка китайскими товарами стимулировали развитие интереса к традиционным китайским изделиям и шире — к китайскому прикладному искусству, что также было обусловлено определенными эстетическими представлениями, сформировавшимися в XVIII веке, как в Западной Европе, так и в России.

Еще с 70-х годов XVII в. во Франции стала распространяться мода на китайское искусство. Французы, увлекаясь изысканностью и утонченностью изделий, привозимых из стран Дальнего Востока, и романтизируя возникавшие в связи с этим образы, даже не стремились разобраться в их истинном происхождении. Французской знати нравились изящные китайские вещи, появилось большое количество их ценителей и собирателей. Французы окрестили эти азиатские диковинки, а также их вольные повторения, выполненные европейскими мастерами, словом *chinoiserie* («шинуазри», «китайщина»).

²⁴³ После 1917 г. Российская духовная миссия оказывала духовную и материальную помощь многочисленным российским эмигрантам, оказавшимся в Китае. На территории Духовной миссии были погребены останки членов царской фамилии, убитых под Алапаевском в 1918 г.: здесь были похоронены великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра жены Николая II, великий князь Сергей Михайлович, сыновья великого князя Константина Константиновича и другие. Начальником последней 20-й Духовной миссии был архиепископ Виктор (Святин). При нем 27 декабря 1945 г. было восстановлено молитвенно-каноническое общение Российской духовной миссии в Китае с Русской православной церковью. Однако в 1954 г. Духовная миссия была официально упразднена, а ее территория передана Посольству СССР.

В 1957 г. Священный Синод Русской православной церкви принял решение о даровании статуса автономии Китайской православной церкви. Ее предстоятелем стал епископ Пекинский Василий (Шуан). Паства Православной церкви в Китае в то время насчитывала 20 000 человек (в Пекине, Шанхае, Харбине, Тяньцзине, Кульдже, Циндао, Урумчи и других районах страны). Однако в период «культурной революции» Православная церковь в Китае, как и другие конфессии, подверглась гонениям, многие священники и простые верующие были репрессированы и погибли. Православная церковь начала возрождаться лишь в 1980-х гг. В 1997 г. Архиерейский собор Русской православной церкви за свой деятельностью сохранил статус автономии Китайской православной церкви и неприкосновенность ее канонических границ.

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в приветственном адресе по случаю установления на территории Посольства Российской Федерации в Китайской Народной Республике Поклонного креста высоко оценил многовековые труды российских православных миссионеров в Китае.

В конце XVII—XVIII вв. уже по всей Западной Европе возникает своеобразное течение в искусстве, которое пыталось инкорпорировать элементы китайского (или шире — восточноазиатского) искусства в различные изделия, архитектуру и интерьеры. В Голландии началось производство фаянса, подражавшего китайскому фарфору, французский фаянс расписывался «на восточный манер». В Европе возникла мода на «китайские кабинеты», украшенные лаковыми панно и китайской живописью (как подлинной, так и подражаниями). Это течение в западноевропейском искусстве, также получившее наименование «шинуазри», в свою очередь, воздействовало на формирование у европейцев искаженно-романтизированного представления о Китае как о некоей экзотической стране, где жизнь народа была именно такой, как ее изображали на фарфоровых вазах. Интересно, что китайцы, учитывая подобные представления, часто сами изготавливали произведения декоративно-прикладного искусства таким образом, чтобы они соответствовали вкусам европейцев. По заказам из Европы в Китае производились не только фарфоровые изделия с традиционными вариантами росписи, но и украшенные копиями европейских гравюр, окруженными китайским орнаментом и портретами европейцев, весьма своеобразно изображавшимися китайскими мастерами. Восточное искусство оказало влияние и на развитие стиля рококо, а в XIX в. способствовало появлению «эклектики» в искусстве Запада.

В силу постоянных и интенсивных связей с Западной Европой русское искусство XVIII в., безусловно, не могло не испытать на себе воздействия «шинуазри». Увлечение «китайщиной» началось в России с Петра Великого. Находясь в Голландии, Петр видел большое количество китайских и японских фарфоровых изделий повсюду, даже в домах простых людей. Русские посещали фарфоровый кабинет замка Шарлоттенбург в Берлине, китайские комнаты во дворце Шенбрунн в Вене, а в 1716 г. русский царь любовался лаковыми комнатами замка Розенберг в Копенгагене. Именно после возвращения из Дании у Петра I появилась идея создания подобного лакового кабинета в России.

По его инициативе русские живописцы из адмиралтейского ведомства начали работы по созданию «китайского кабинета» во дворце Монплеизир в Петергофе. Ими были очень искусно выполнены стилизованные «китайские» панно, которые органично дополнили собранные в кабинете китайские вещи. Изделия, привезенные из Китая, были также выставлены в застекленных шкафах в Зеленом кабинете Летнего дворца Петра I в Петербурге. Петр Великий на протяжении всей жизни активно интересовался предметами китайского искусства. По его личному указанию специальный уполномоченный Лоренц Ланг несколько раз ездил в Китай и привозил оттуда подарки цинского императора, предметы быта и различные диковинки, — в дальнейшем они составили основу китайской коллекции первого русского музея — Кунсткамеры. Китайскими вещами увлекались и сподвижники царя: А.Д. Меншиков, Ф.А. Головин, П.П. Шафиров, Ф.М. Апраксин.

Таким образом, в петровскую эпоху «китайщина» стала заметным явлением в русском искусстве. С расширением русско-китайской торговли в Россию попадало все больше и больше произведений китайского декоративно-прикладного искусства, которые использовались для украшения дворцовых интерьеров. «Китайский стиль» становился неотъемлемой частью убранства дворцов и пар-

ков. И сегодня мы можем видеть оригинальные примеры подобного стиля, созданные в Петербурге и его знаменитых пригородах в XVIII в., восхищаться как творениями китайских мастеров, так и прекрасной стилизацией, исполненной их российскими коллегами.

Примером использования китайских мотивов при создании русских интерьеров XVIII в. могут служить восточный и западный Китайские кабинеты в Большом Петергофском дворце. Архитектор Ж.-Б.-М. Валлен-Деламот, декорируя эти помещения, использовал подлинные китайские ширмы, завезенные в Россию еще при Петре I, дополнив их различными декоративными элементами, навеянными китайскими образцами. Стены в каждом из кабинетов были закрыты панно из черного лака, расписанными композициями в духе китайской живописи, на фоне малинового шелка в восточном кабинете и золотистого — в западном.

Не меньший след стиль «шинуазри» оставил и в другой императорской резиденции — Царском Селе. В «китайском стиле» была выдержана Голубая гостиная в Екатерининском дворце. Появились своеобразные «китайские уголки» в Екатерининском и Александровском парках. В 1778—1779 гг. придворный архитектор В.И. Неелов построил причудливый Китайский театр. В 1778—1786 гг. среди живописных прудов по проекту Ю.М. Фельтена была сооружена Китайская, или Скрипучая, беседка с затейливо (по-китайски) загнутыми краями крыши, украшенной драконами, вызывающая воспоминания о романтических постройках в парках Китая. А в 1782—1796 гг. по проекту архитекторов Ч. Камерона и В.И. Неелова была выстроена декоративная Китайская деревня, предназначенная для приема знатных гостей.

Своего рода квинтэссенцией внедрения «китайского стиля» в русскую архитектуру стал Китайский дворец, воздвигнутый по проекту Антонио Ринальди в 1762—1768 гг. в Ораниенбауме. Зодчий сумел творчески подойти к использованию мотивов китайского искусства, не стремясь полностью подражать ему, но учтя при этом европейское и русское восприятие его своеобразного духа. В залах дворца собрана большая коллекция китайского фарфора.

Установление регулярной торговли между Россией и Китаем, а также ввоз китайских изделий через страны Западной Европы не только повысили интерес к Китаю в России, но и наложили отпечаток на русское художественно-ремесленное производство, в котором также стали появляться китайские мотивы. Такой интерес сохранился и в XIX в. В этом смысле показательна продукция Императорского фарфорового завода, а также фарфоровые изделия частных заводов Гарднера, Батенина и др. Русские мастера иногда даже специально направлялись в Китай в составе торговых караванов для обучения у китайских специалистов «финифтяного дела художествам».

Распространение предметов китайского искусства в России и увлечение «китайщиной» способствовали повышению интереса к Китаю в нашей стране. Можно с уверенностью утверждать, что именно в XVIII в. был сделан решающий шаг в деле начала диалога двух культур, и значительную роль в этом процессе сыграло китайское изобразительное и декоративное искусство.

Образ Китая, формировавшийся в России под воздействием как «китайщины», так и подлинного китайского искусства, оказался весьма далеким от реальной действительности. Идиллические картинки, изображенные на фарфоровых вазах, лаковых панно и шелковых обоях, имели мало общего с подлинной

жизнью тогдашнего китайского общества. Во второй половине XVIII в. в Россию из Европы пришла еще одна волна увлечения Китаем, связанная в первую очередь с влиянием французских просветителей. В некоторых западноевропейских кругах в XVIII в. утвердилось идеализированное представление о Китае — «синомания», как называют это явление некоторые современные исследователи, толчком к появлению которого послужили сочинения европейских миссионеров-иезуитов. Иезуиты, многие из которых фактически выполняли чиновничьи обязанности при цинском дворе, в своих книгах, статьях и письмах, ставших для Европы того времени главным источником сведений о Китае, сознательно идеализировали жизнь и государственное устройство Цинской империи. В сочинениях миссионеров Китай выглядел «страной мудрецов», где император был философом, а его министры — учеными, где основой для продвижения по службе служили исключительно способности и добродетели человека. Согласно утверждениям большинства из них, в этой стране существовала идеально функционирующая система государственного управления, царил единомыслие правителя и народа. Впрочем, не всегда оценки иезуитов были столь однозначными²⁴⁴.

Таким образом, европейцам открылось совершенно иное общество, якобы превосходившее Запад в социальном, политическом и нравственном отношениях (в то время мало кто задумывался о том, что это может быть всего лишь миф). Естественно, что подобный образ с воодушевлением был воспринят французскими просветителями и взят ими на вооружение. Франция XVIII в. стала своеобразным центром распространения «синомании». В условиях, когда французский абсолютизм и произвол властей достигли своего апогея, просветители всячески пропагандировали «пример» Китая, якобы представляющего собой «царство разума», где правят просвещенные монархи, а подданные занимают место на иерархической лестнице в соответствии со своими достоинствами. Они находили в учении Конфуция мысли, созвучные идеалам эпохи Просвещения.

Особенно большую роль в деле создания в среде просветителей идеального образа Китая сыграл Вольтер. Он утверждал, что в Китае существует деспотия лишь по форме, а на самом деле — это просвещенная монархия с императором-философом на троне. Идеал, который был необходим Вольтеру в его идейной полемике с оппонентами, заслонил от него китайскую действительность, о которой, справедливости ради надо сказать, в Европе знали еще очень мало. Вслед за Вольтером образ Китая использовали в своих трудах Руссо, Дидро, Гельвеций, Мабли и другие мыслители, трактуя его каждый по-своему.

Не нужно специально пояснять, почему подобный взгляд на Китай стал распространяться и в России. Начавшийся еще в петровское время процесс «вестернизации» общественной жизни нашей страны обусловил стремление определенной части российской интеллектуальной элиты к получению новых знаний исключительно из Западной Европы. Повсеместное увлечение французским языком в дворянской среде приводило к тому, что со второй половины XVIII в. французская литература стала настольной не только в обеих российских столицах, но и в провинции. Таким образом, неудивительно, что рожденная французским Просвещением «синомания» охватила и определенные круги

²⁴⁴ Подробнее см.: *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000; *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002; *Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003.

в России. Невзирая на то, что к этому времени уже появились отечественные ученые-синологи и переводчики, публика читала в основном французские сочинения о Китае, либо их переводы.

Современный российский исследователь А.В. Лукин приходит к выводу о том, что образ Китая в России с самого начала был менее идеализированным и гораздо более реалистичным, чем в Европе. Данное обстоятельство он объясняет тем, что «российскому правительству приходилось иметь дело не только с философией и религией этой страны, но и с такими практическими материалами, как торговые ограничения, пограничные конфликты... и дипломатические переговоры»²⁴⁵.

Во второй половине XVIII в. русские читатели познакомились с сочинениями Конфуция и других китайских философов. Появились своеобразные изложения их взглядов, основанные на западных источниках, такие, как «Житие Кунг-Тсеэа, или Конфуциуса, как именуют его европейцы, наиславнейшего философа китайского, восстановителя древней учености», составленное из записок миссионеров и переложенное на русский язык в 1789 г. Михаилом Веревкиным в сельце Михалева Клинской округи Московской губернии, а также изданная в 1773 г. Василием Рубаном книга «Китайский мудрец, или наука жить благополучно в обществе, состоящая в наиполезнейших нравоучительных наставлениях, сочиненных древним восточным брамином...».

В конце XVIII в. русский читатель получил возможность познакомиться с китайской художественной литературой, правда, также по переводам, сделанным с европейских языков. В качестве примера можно назвать выход в свет повести «Вознагражденная добродетель» (1788) и поэмы «Сад Сеэ-Ма-Куанга» (1787). Первый художественный перевод с китайского был напечатан в России в 1793 г.: в 10-й книжке альманаха «Чтение для вкуса, разума и чувствования», издававшегося при Московском университете, появилась публикация под заглавием «Китайская песня», включавшая китайский текст, приведенный в русской транскрипции, перевод на русский язык и краткие пояснения.

Таким образом, многолетнее воздействие западноевропейской и в особенности французской литературы на русскую общественную мысль затрудняло концентрацию внимания на собственном опыте изучения Китая, предпочтение отдавалось представлениям, приходившим с Запада. В то же время внутренние проблемы общественной жизни России во второй половине XVIII в. привели к тому, что китайская проблематика стала использоваться в идейной полемике, особенно в дискуссиях о «просвещенном абсолютизме».

Екатерина II, явно недовольная распространением образа Китая, создававшегося французскими просветителями, располагая более достоверными сведениями об этой стране, чем Вольтер, полемизировала с великим французским философом. Императрица писала Вольтеру: «Ах! Вы столько прекрасных вещей наговорили про Китай, что я не осмеливаюсь оспаривать достоинства стихов его императора. Однако, благодаря моим делам с этим правительством, я могла бы сообщить сведения, которые уничтожили бы мнение, составившееся об их умении жить, и заставили бы их считать за невежественных олухов»²⁴⁶.

²⁴⁵ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. С. 57.

²⁴⁶ Вольтер и Екатерина II. Переписка императрицы Екатерины II с Вольтером. Издание В.В. Чуйко. СПб., 1882. С. 102.

Представители российского Просвещения второй половины XVIII в., складывавшегося в значительной степени под влиянием западноевропейского Просвещения, ратуя за ликвидацию крепостничества и абсолютизма, также использовали в своих целях образ Китая. Наиболее видный деятель русского Просвещения Н.И. Новиков, протестовавший против деспотических порядков, царивших в России, и выступавший против злоупотреблений чиновничества, взяточничества и консерватизма, в 1770 г. опубликовал в издававшемся им журнале «Трутенъ» текст под названием «Чензья Китайского философа совет, данный его Государю» в переводе с китайского языка, сделанном А.Л. Леонтьевым. Многие фразы из этого перевода звучали очень актуально для России того времени, например, такое суждение: «Государи часто бывают легковерны и окружают себя льстецами: следовательно такие не могут знать истинного состояния своих подданных: по сему не могут они ни полезных делать учреждений, ни искоренять злоупотреблений, ни наказывать преступников, ни награждать добродетельных для того только, что чужими смотрят глазами»²⁴⁷.

Рисуя благодаря этому переводу идеальный образ «просвещенного государя», Н.И. Новиков завуалированно критиковал Екатерину II, представлявшуюся ему деспотичной правительницей. В другом своем журнале «Пустомеля» Н.И. Новиков с той же целью напечатал перевод «Завещания Юнджена, Китайского хана, к его сыну», также выполненный А.Л. Леонтьевым. Любопытно, что в журнальные публикации были добавлены целые абзацы, имевшие политический подтекст. Таким образом, Н.И. Новиков продолжил линию французских просветителей на использование идеализированного образа Китая в целях борьбы с абсолютизмом.

Д.И. Фонвизин, создатель знаменитого «Недоросля», также стоявший на позициях Просвещения, в 1779 г. опубликовал в журнале «Академические известия» свой перевод классического китайского сочинения «Да сюэ» («Великое учение»), сделанный им с французского перевода аббата Сибо и озаглавленный: «Та-гио или великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию». Своей публикацией Д.И. Фонвизин пытался натолкнуть читателей на сопоставление идеального образа государя, отраженного в древних конфуцианских трактатах, с реальным правлением Екатерины II.

Императрица, в свою очередь, стремилась использовать некоторые китайские реалии того времени в целях идеологического укрепления государственной власти. Особым указом Екатерина II повелела перевести Уголовное уложение Цинской империи, в котором прославлялось единоначалие правления и узаконивались привилегии маньчжурской знати²⁴⁸. Таким образом, как и в других европейских странах, образ Китая в России в XVIII в. стал постепенно превращаться в своеобразный символ, на основе которого складывались стереотипы, использовавшиеся в идеологической борьбе.

В свою очередь, первая половина XIX в. стала не столько важным периодом в развитии межгосударственных отношений с империей Цин, сколько временем интеллектуального осмысления характера этих взаимоотношений и места Китая в мире. К Китаю обратили свои взоры деятели русской науки и культуры. Истоки

²⁴⁷ Трутенъ. 1770, февраль 23. С. 58.

²⁴⁸ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 67.

подобного интереса восходят еще к М.В. Ломоносову, который в XVIII в. проявлял большой интерес к великой азиатской державе и ее народу.

В российской литературной среде начала XIX в. существовал достаточно устойчивый интерес к Кавказу и Ближнему Востоку. Однако с конца 1820-х гг. русские писатели, поэты и публицисты стали обращать пристальное внимание не только на ближайшие к России регионы Востока, но и на Китай. В таких изданиях, как «Азиатский вестник», «Московский телеграф», «Северная пчела», «Сибирский вестник» постоянно печатались статьи и заметки о дальневосточном соседе России.

Немалую роль в деле пробуждения у российской интеллектуальной элиты интереса к Китаю сыграл возвратившийся на родину архимандрит Иакинф (Бичурин). Под его влиянием начали появляться сочинения, авторы которых пытались осмыслить общее и особенное в развитии России и Китая, задумываясь об общности исторической судьбы двух великих народов. Отец Иакинф был частым гостем многих литературных салонов Петербурга, известные деятели российской культуры почитали за честь быть знакомыми и общаться с этим высокообразованным человеком, настоящим профессионалом-синологом. В 1829 г. директор Публичной библиотеки А.Н. Оленин обратился к министру народного просвещения с просьбой включить о. Иакинфа в число почетных библиотекарей для описания книг на китайском и маньчжурском языках. Именно в Публичной библиотеке происходили встречи о. Иакинфа с русским баснописцем И.А. Крыловым, академиком Х.Д. Френем, профессором Петербургского университета — ученым-востоковедом и писателем О.И. Сенковским, профессором Ф.Б. Шармуа из учебного отдела Азиатского департамента, которые также были почетными библиотекарями Публичной библиотеки.

Отец Иакинф часто бывал на «субботниках» у писателя В.Ф. Одоевского, где встречался со многими литераторами и деятелями культуры. Теплые отношения сложились у о. Иакинфа с А.С. Пушкиным. Он подарил поэту свою книгу «Описание Тибета» с дарственной надписью: «Милостивому государю Александру Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 26 1828 г.», а также «Саньзыцзин» («Троесловие») с надписью «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика».

А.С. Пушкин всегда высоко отзывался о научных трудах и глубоких познаниях отца Иакинфа, что, в частности, зафиксировано в тексте его «Истории Пугачева». Под влиянием Бичурина у поэта появился большой интерес к Китаю. В стихотворении 1829 г. он устремлял свои взоры к подножию «стены далекого Китая», а в черновиках «Евгения Онегина» упоминал «мудреца Китая» Конфуция, который «нас учит юность уважать...». 7 января 1830 г. А.С. Пушкин обратился с официальным прошением к А.Х. Бенкендорфу, в котором прямо писал о своем желании побывать в Китае: «...я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством»²⁴⁹ (имелась в виду 11-я Российская духовная миссия, направлявшаяся в Пекин, и научная экспедиция к границам Китая, в Кяхту, во главе которой собирались ехать отец Иакинф и П.Л. Шиллинг).

Исследователи отмечали, что интерес к Китаю и желание посетить эту страну и познакомиться с ее древней культурой, появлению которых А.С. Пушкин был

²⁴⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1941. С. 56.

обязан своим встречам и беседам с Бичуриным, в то же время были связаны и с некоторыми объективными обстоятельствами. В этот период великий поэт ощущал творческую необходимость осмысления и использования новых принципов изображения действительности. В российской, как и в европейской, литературе начался сложный период постепенного отказа от романтического изображения восточных реалий и перехода к попыткам более реалистического осмысления Востока. А.С. Пушкин, стремившийся в этот период как можно ближе подойти в своих произведениях к действительности, скорее всего, размышлял и о возможности представить читателям реальный Китай. О постепенно возраставшем интересе А.С. Пушкина к Востоку писала в своем дневнике его хорошая знакомая А.О. Смирнова: «Я много говорила с Пушкиным... затем в 1829 г. он отправился в кавказскую армию и, наконец, собирался в Китай. Я спросила его, неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и Великую стену? Что за идея ехать смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел “Китайскую сироту”, в котором нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера»²⁵⁰.

Из приведенной выше беседы можно сделать вывод о том, что на рубеже 1830-х гг. у А.С. Пушкина возникает желание написать произведение о реальной китайской жизни. Однако ввиду несостоявшейся поездки поэту, так и не увидевшему своими глазами подлинного Китая, пришлось, по-видимому, отказаться от этого намерения. Интересно, что в упомянутых воспоминаниях А.О. Смирновой присутствуют два образа-символа Китая: фарфоровая башня — символ романтического восприятия Китая в Европе и России и Великая стена — символ его вечности и незыблемости (хотя для кого-то это был также символ застоя и консерватизма).

Отношение А.С. Пушкина к вопросу о необходимости более адекватного осмысления и отображения китайских реалий очень показательно. Он как никто другой в России первой трети XIX века отражал умонастроения той части общества, которая наиболее остро и быстро реагировала на трансформационные процессы в социальной, политической и духовной сфере.

Под влиянием образа Китая, созданного Бичуриным, известный русский писатель-романтик В.Ф. Одоевский начал работу над романом-утопией «4338-й год», в центре которого должны были оказаться отношения между Россией и Китаем в далеком будущем, когда эти страны станут, по его мнению, самыми передовыми и высокоразвитыми государствами мира. В.Ф. Одоевский не без влияния отца Иакинфа отказался от бытовавшего в то время среди определенной части российских интеллектуалов представления о Китае как о застывшем в своем развитии обществе. В качестве главного героя своего романа В.Ф. Одоевский вывел образованного молодого китайца, «студента Главной Пекинской школы», приехавшего в Россию с научными целями. При этом, естественно, его герой мало походил на реальных китайцев первой половины XIX в.²⁵¹

Произведение проникнуто верой в колоссальные преобразующие возможности науки, приобщение к выдающимся достижениям которой позволит России и Китаю — государствам, наиболее адекватно воспринявшим эти достиже-

²⁵⁰ Смирнова А.О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Т. 1. М., 1929. С. 45.

²⁵¹ Одоевский В.Ф. 4338-й год // Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. М., 1959. С. 416–448.

ния в будущем, достичь колоссального прогресса как в сфере науки и техники, так и в культурном развитии. К сожалению, В.Ф. Одоевский так и не завершил работу над романом. Не исключено, что это произошло под воздействием сокрушительного поражения, которое Цинская империя потерпела от Великобритании в ходе первой «опиумной» войны 1840–1842 гг. После того, как Китай столь явно продемонстрировал свою слабость, было сложно предлагать русскому читателю произведение, в котором Китай предстал бы одним из центров цивилизации будущего.

В первой половине XIX в. Китай в русской литературе и публицистике приобретает символическое значение, а понимание его места в мировом социокультурном процессе становится все более диверсифицированным. А.С. Грибоедов, писатель, дипломат и знаток Востока, обличая в своей комедии «Горе от ума» преклонение перед всем иностранным, охватившее значительную часть российского великосветского общества, вложил в уста Чацкого такие слова:

*Ах! Если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев...*²⁵²

Писатель в данном случае указывает на самодостаточность, характерную для Китая того времени, которой, по его мнению, так не хватало русскому высшему свету, стремившемуся выступать от имени всего русского общества. Здесь образ Китая приобрел совершенно особое символическое звучание и должен был способствовать росту российского патриотизма, самоуважения и чувства национального достоинства.

В статьях В.Г. Белинского образ Китая появляется в явно негативном контексте. Слова «китаизм», «китайщина» стали для него синонимами понятий «косность», «консерватизм», «ханжество» и «лицемерие» и очень часто использовались для критики российской действительности и царивших в России порядков. На основе тщательного изучения работ В.Г. Белинского можно утверждать, что по своим идейно-политическим взглядам этот российский литературный критик и публицист являлся убежденным западником. Китай, как, впрочем, и другие страны Востока, был для него не только своеобразным мифологизированным образом и эталоном застоя, но, по его глубокому убеждению, китайское государство и в самом деле являлось застойным антиподом Запада и символом анти-прогресса. Подобное убеждение стало причиной того пафоса, с которым В.Г. Белинский вел полемику с о. Иакинфом (Бичуриным) и другими востоковедами (например, с тюркологом О.И. Сенковским).

Примером пародийно-саркастического отношения к Китаю и царившим там порядкам может служить «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами», написанная Н.А. Полевым в 1842 г. (после поражения Китая в первой «опиумной» войне), с успехом шедшая на сцене Александринского театра. Героиня пьесы Н.А. Полевого — Федосья Сидоровна — в сопровождении всего лишь двух казаков по ходу действия сумела разгромить огромную массу китайцев и освободить захваченного ими в плен своего мужа, заснувшего пьяным на берегу реки казац-

²⁵² Грибоедов А.С. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1971. С. 140.

кого атамана Филиппа Хренко. Китайцы в пьесе изображаются трусливыми, хвастливыми и не очень умными людьми; государство и власть в Китае слабы, чиновники необразованны. По мнению автора пьесы, эта страна во всем значительно уступала России.

Подобные сочинения, если рассматривать их появление в более широкой культурной перспективе, отражали усиливавшееся в России первой половины XIX века представление о странах Востока как слабых в военно-политическом плане и отсталых в культурной сфере обществах, с которыми Российская империя, подобно европейским державам, в случае необходимости могла развивать свои отношения с позиции силы и культурного превосходства. Источником подобного убеждения была пресса, постоянно писавшая об успехах Великобритании и других западных государств на Востоке.

События первой «опиумной» войны и сокрушительное поражение Цинской империи от Англии, безусловно, сыграли решающую роль в деле переосмысления отношения русской интеллектуальной элиты к Китаю. Постепенно стали преобладать негативные оценки состояния дел в этой стране и перспектив ее будущего развития.

Таким образом, в первой половине XIX в. в русской литературной и публицистической традиции Китай постепенно становится своеобразной метафорой, за которой часто могли стоять как особое восприятие дальневосточного соседа, так и специфика российской действительности. Исследование сочинений китайских авторов XIX в. убеждает, что основным источником представлений о России для многих из них по-прежнему оставались сочинения западных авторов. Сведения, которые черпались из этих публикаций, воспринимались китайскими интеллектуалами весьма некритично, что служило причиной большого количества неточностей и ошибок, которыми изобилуют китайские работы о России того времени. Личные впечатления цинских дипломатов и путешественников из Китая о пребывании в России, оформленные в виде дневников, оказывали гораздо меньшее влияние на накопление знаний и формирование представлений о соседней стране.

На рубеже XIX и XX вв. ситуация изменилась. В условиях, когда в России стали активно развиваться научные исследования по Китаю и увеличился объем поступающей информации, образ Китая начал диверсифицироваться. На него все больше влияли факторы политического и идеологического характера. А.В. Лукин в исследовании, посвященном изучению образа Китая в России, пишет, что в начале XX в. в общественных кругах России Китай мог восприниматься по-разному: как 1) «деспотическая империя, основанная на беззаконии», 2) уникальная цивилизация, отличная от западной, 3) слабое государство, 4) страна, стоящая на пороге перемен и способная в дальнейшем превзойти Запад, 5) страна, где зарождается народное движение против деспотизма, 6) потенциальный союзник России, 7) потенциальная угроза России, источник «желтой опасности», 8) «страна восточных мудрецов, мистиков и философов, познавших истину значительно глубже, чем рационалисты-европейцы»²⁵³.

В свою очередь, в официальных цинских документах и в ряде сочинений китайских авторов конца XIX — начала XX в. отчетливо прослеживается насто-

²⁵³ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. С. 161.

роженное и даже негативное отношение к России. Это было связано как с традиционным представлением об опасности, всегда грозившей Китаю с Севера, так и с наличием в использовавшихся западных публикациях откровенно антирусских материалов и тенденциозной информации о России. Некоторые китайские авторы утверждали, что русские более безжалостны, жестоки и кровожадны, чем кидани и монголы, и более тираничны, чем династия Цинь. Например, один из ранних китайских реформаторов XIX в. Ван Тао (1828–1897) даже пытался предостеречь Европу от опасности, грозящей со стороны России. Он сравнивал ситуацию в тогдашней Европе с эпохой «Сражающихся государств» в древнем Китае, а России предрекал роль «хищной империи Цинь, лишенной моральных принципов».

Напротив, Кан Ювэй (1858–1927), лидер реформаторского движения в Китае в 90-х годах XIX в., считал, что его стране необходимо заимствовать опыт России, поскольку государственный строй и общественная организация в этой стране гораздо ближе Китаю, чем опыт развития стран Запада. Наибольшее внимание Кан Ювэй уделял пропаганде реформ, проведенных в России Петром Великим. Обращаясь к императору Гуансюю, лидер реформаторов убеждал его брать пример с Петра I, смело порвавшего с вековыми традициями и использовавшего иностранный опыт, что было очень актуально для Китая на рубеже XIX и XX вв.

Особую роль в формировании представлений о России в Китае сыграли переводы русской художественной литературы на китайский язык. Многие представители китайской интеллигенции были увлечены гуманистическими идеями русских писателей (Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и других). Таким образом, в сознании части китайского общества начинает формироваться романтизированный образ русского народа, практически не отождествлявшийся со сложившимся стереотипом России как агрессивного соседа. Эти два образа сосуществовали параллельно и практически не соприкасались. Данное обстоятельство предопределило двойственное отношение, сложившееся у многих китайцев по отношению к России в начале XX в.

Первыми произведениями русской литературы, переведенными на китайский язык, были три басни И.А. Крылова («Щука», «Собачья дружба» и «Лисица и сурок»), изданные в 1900 г. в переводе с английского. Явления, осмеянные великим русским баснописцем, были характерны и для тогдашнего китайского общества (особенно это относится к всевластию бюрократии и коррупции). В 1903 г. Цзи Ихуэй перевел с японского повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Представляется, что этот выбор не был случайным: поведение героев пушкинской повести вполне соответствовало конфуцианским представлениям о долге и нормах поведения, о взаимоотношениях между старшими и младшими, между государем и подданными.

В 1907 г. отдельными книгами были выпущены «Бэла» М.Ю. Лермонтова и «Черный монах» А.П. Чехова. Стали переводиться сочинения Л.Н. Толстого, который воспринимался в Китае прежде всего как проповедник морально-нравственного учения и чем-то походил на конфуцианского или даосского мудреца. Известна переписка великого русского писателя с китайцем Гу Хунмином (в старом написании — Ку Хунмин)²⁵⁴. В первом десятилетии XX в. китайские читатели

²⁵⁴ Толстой Л.Н. Письмо к китайцу (окт. 1906 г.). М., 1907. Подробнее см.: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1960. С. 123; Соломин Г.С. К анализу взглядов Ку Хунмина // Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 153–167.

также смогли познакомиться с произведениями Л. Андреева, М. Горького, А. Толстого и других русских писателей.

Большое значение в деле знакомства китайского читателя с реалиями российской жизни имел выход в свет в 1905 г. романа Цзэн Пу «Цветы в море зла», действие которого частично происходило в России. В этом произведении звучали имена Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена. Цзэн Пу также описал деятельность русских революционеров. В начале XX в. в китайской печати стали активнее появляться статьи с негативными высказываниями о политике России в отношении Китая, что способствовало формированию весьма неблагоприятного образа нашей страны. Во многом это было связано с конкретными действиями царского правительства (участие русских войск в подавлении восстания ихэтуаней, ведение боевых действий на китайской территории в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. и т.д.). Поражение России в войне с Японией было многими в Китае воспринято как символ возможности победы азиатских народов над европейцами.

В оппозиционной цинскому режиму периодике («Минь бао», «Синьминь цунбао») возник более сложный образ России. Китайские революционеры (Сунь Ятсен, Сун Цзяожэнь, Чжу Чжисинь) и либеральные деятели (например, Лян Цичао) с большой симпатией относились к нараставшему в России революционному движению, осуждали политику самодержавия, высоко оценивали некоторые черты русского национального характера. В китайской революционной прессе проводились прямые параллели между общественно-политическим строем России и Китая, предлагалось учиться у русских революционной борьбе. Вместе с тем, круг читателей подобных изданий был весьма ограниченным, хотя они и представляли очень активную часть общества.

В официальных периодических изданиях, отражавших точку зрения цинского правительства, оценки внешней политики России были относительно сдержанными, хотя иногда появлялись и весьма критические публикации. Образ России (особенно в период русской революции 1905 — 1907 гг. и в последующие годы) часто использовался в качестве примера для проведения умеренных преобразований и введения разного рода политических ограничений.

Наиболее негативный образ России формировался в китайской прессе, зависимой от иностранных держав. Это объясняется предубежденным отношением к России со стороны Англии (давний соперник России, в том числе и на Дальнем Востоке), США (неприятие государственного и политического устройства России и ее внешней политики), Японии (соперничество в Восточной Азии) и других стран. Подобное негативное отношение накладывалось на традиционный достаточно устойчивый стереотип «угрозы с Севера», существовавший в сознании китайцев на протяжении тысячелетий.

Иностранные державы, прежде всего США, Англия и Япония, использовали печать в Китае для пропаганды собственных представлений, в том числе и для создания отрицательного образа своих противников на международной арене. Россия могла противопоставить этой массе периодики лишь газету «Юань Дун бао», издававшуюся в Харбине на китайском языке. Однако это издание не получило должной поддержки со стороны российских властей.

Таким образом, ко второму десятилетию XX в. в Китае сформировался сложный и противоречивый образ России — негативные представления о России как

государстве соседствовали с сочувственными публикациями о русском народе и тех политических силах, которые боролись с властями. Все это не могло не воздействовать как на процесс складывания стереотипов восприятия России в Китае в начале XX в., так и на специфику отношения китайцев к революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войне.

В китайской исторической науке в настоящее время намечается повышение интереса к изучению истории российско-китайских связей в области культуры. Китайские авторы стараются проанализировать и осмыслить не только отдельные факты и события, имевшие место в истории этих связей, но и объяснить их особенности и характерные черты.

Современный китайский ученый Ли Суйань обращает внимание на то, что в XVIII в. в России имел место своеобразный «китайский бум», выразившийся в постоянно растущем интересе к Китаю и его культуре, были достигнуты большие результаты во многих областях китаеведения. В то же время в самом Китае наблюдалось полное безразличие к России как в отношении ее государственного устройства, так и сферы культуры. «В этом веке для культурного взаимодействия двух стран характерен явно выраженный дисбаланс: китайская культура широким потоком устремилась в Россию, однако распространение русской культуры в Китае было ограниченным», — заключает Ли Суйань²⁵⁵.

Рассматривая ситуацию, сложившуюся в XIX в., Ли Суйань отмечает, что изучение Китая в России и знакомство с китайской культурой еще более активизировались по сравнению с предшествующим столетием. Количество китаеведов увеличилось, их научный уровень еще более вырос. Среди русских синологов, внесших свой вклад в изучение Китая, автор особо выделяет Н.Я. Бичурина и В.П. Васильева, подробно анализируя их научное наследие и их роль в деле ознакомления россиян с китайской культурой. Ли Суйань видит заслугу В.П. Васильева и в том, что он создал в Петербурге научную китаеведную школу и подготовил около 100 синологов и специалистов по Дальнему Востоку, среди них особенно выделяются П.С. Попов, С.М. Георгиевский и А.О. Ивановский.

Подводя итог указанному периоду, автор делает вывод о том, что в XIX в. китайская культура продолжала непрерывно проникать в Россию, росло число китаеведов, были достигнуты важные результаты в научных исследованиях, увидел свет множество публикаций. Однако он отмечает, что «к сожалению, в XIX веке, как и в предыдущем столетии в китайском обществе сохранялась полная индифферентность в отношении России. Дисбаланс во взаимодействии культур двух стран очевиден»²⁵⁶.

По мнению Ли Суйаня, все коренным образом изменилось в XX в.: вырос интерес к русской культуре в Китае, а в России этот процесс замедлился. Русская культура устремляется в Китай бурным потоком после 1917 г., когда в России происходит Октябрьская революция, и это продолжается вплоть до 1960-х гг.

Причины «дисбаланса», характерного для XVIII в., китайский ученый видит в различиях в уровне развития двух стран и в политической ситуации. По словам

²⁵⁵ 李随安(Ли Суйань): 《洪流与溪涧:中俄文化交流的不平衡问题》(Бурные реки и мелкие ручейки: проблема неравномерности китайско-российского культурного взаимодействия) // 《中俄关系的历史与现实》(История и современное состояние китайско-российских отношений), 开封, 2004 年, 第117—132页.

²⁵⁶ Там же.

Ли Суйяня, после реформ Петра Великого Россия вступила на капиталистический путь развития, начала развешивать внешнюю экспансию. Она расширяла территорию, захватывала рынки — все это повышало интерес к изучению других стран.

В XIX в., по мнению Ли Суйяня, Россия стала проводить агрессивную политику в отношении Китая. Для того чтобы конкурировать с другими державами за обладание позициями в Китае, необходимо было усилить изучение этой страны, что и было сделано. Китай в силу своего внутреннего общественного развития не проявлял подобного интереса к России. Однако уже появились сочинения Вэй Юаня, Хэ Цютао, Ван Чжичуня, которые дали возможность китайцам немного узнать о России. В Пекине действовала Школа русского языка. Таким образом, фактически единственной причиной, возбуждавшей в России интерес к Китаю, согласно выводам Ли Суйяня, оказывается капиталистическая экспансия, развернутая царской Россией. Столь категоричное суждение представляется нам весьма односторонним.

Безусловно, социально-политические условия оказывали влияние на степень взаимного интереса России и Китая друг к другу. Но не только этим объясняется тот дисбаланс в сфере культурного взаимодействия, на который обращают внимание китайские авторы. Причины следует искать также и в особенностях российской и китайской культур XVIII–XIX вв. Китайская культура в целом оставалась традиционной и функционировала в системе координат, принятой в конфуцианском обществе, где во главу угла была положена идея самодостаточности китайской цивилизации. Российская культура на рубеже XVIII в. постепенно открывается внешнему миру. Стремление к расширению геокультурного пространства, развившееся параллельно с расширением пространства геополитического, способствовало активному заимствованию достижений других культур (не только западной, но и частично культур восточных народов). Все это, естественно, сказывалось на особенностях восприятия в России культуры Китая²⁵⁷.

²⁵⁷ О стадиях и фазах социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г. подробнее см.: Самойлов Н.А. Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 1. Ч. 2. С. 209–214.

Основная литература

На русском языке:

- Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.
- Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997.
- Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.
- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004.
- Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001.
- История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. 3-е изд. М., 2004.
- Китай и соседи в новое и новейшее время / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1982.
- Кулешов Н.С.* Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992.
- Ларин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003.
- Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.
- Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX век. М., 1998.
- Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
- Мясников В.С.* Квадратура китайского круга: Избранные статьи: В 2 кн. Кн. 1. М., 2006.
- Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973.
- Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004.
- Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
- Сладковский М.И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957.
- Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
- Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М., 2008.
- Шаумян Т.Л.* Тибет в международных отношениях начала XX в. М., 1977.

На китайском языке:

- 林军 (Линь Цзюнь): 《中苏关系1689—1989年》 (Китайско-советские отношения, 1689–1989), 哈尔滨, 黑龙江教育出版社, 1989年.
- 庞乃明 (Пан Наймин): 《明代中国人的欧洲观》 (Представления о Европе китайцев в период правления минской династии), 天津人民出版社, 2006年.

胡礼忠、金光耀、沈济时 (Ху Личжун, Цзинь Гуанъяо, Чэнь Цзиши): 《从尼布楚条约到叶利钦访华—中俄中苏关系300年》，福州，1994年。

明驥 (Мин Цзи): 《中俄關係史》(История китайско-российских отношений)，臺北，2006年。

《中俄关系的历史与现实》(История и современное состояние китайско-российских отношений)，开封，河南大学出版社，2004年。

На английском языке:

Fairbank J.K. (ed.). *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge, Mass., 1968.

Foust C.M. *Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its Setting, 1727–1805*. Chapel Hill, 1969.

Lensen G. *The Russo-Chinese War*. Tallahassee, 1967.

Mancall M. *Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728*. Cambridge, 1971.

Perdue P. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. London, 2005.

Sigel J. *Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia*. London, 2002.

Stephan J. *The Russian Far East: A History*. Stanford, 1994.

Хронология основных событий

- 1237** Русь и Китай практически одновременно вошли в состав Монгольской державы.
- 1330** появление первого упоминания в китайских источниках о «русском полке» в составе столичной гвардии.
- 1368** приход к власти китайской династии Мин в результате антимонгольского восстания под руководством Чжу Юаньчжана.
- 1618** из Тобольска в Пекин было направлено первое русское посольство, которое возглавил казак Иван Петлин.
- 1649–1652** присоединение Приамурья к России Ерофеем Павловичем Хабаровым.
- 1654** прибытие в Пекин торгового каравана Петра Ярыжкина и русского посольства во главе с Федором Байковым.
- 1676** прибытие в Пекин русского посольского каравана Н.Г. Спафария.
- 1684** учреждено Албазинское воеводство.
- 1685** император Канси утвердил «Стратегический план усмирения демонов», санкционировав развернуть массированное наступление на русские поселения в Приамурье.
- 1685** осада китайскими войсками Албазинского острога.
- 1689** подписание в Нерчинске первого в истории русско-китайского договора.
- 1698** русское правительство отдало распоряжение отправлять торговые караваны в Китай один раз в два года, «дабы русские товары в Китае не умножались и не удешевилась бы на них цена».
- 1706** Петр I издал специальный указ о неукоснительном соблюдении российскими подданными границы, установленной по Нерчинскому договору.
- 1708** в Пекине открылась первая Школа русского языка.
- 1711** Петр I, отменив собственный указ, передал часть караванной торговли с Цинской империей в частные руки, поощряя при этом расширение ассортимента товаров.
- 1712** российское правительство дало разрешение на приезд посланника цинского императора Тулишена к хану волжских калмыков Аюке.
- 1716** прибытие в Пекин первой Российской духовной миссии во главе с архимандритом Илларионом Лежайским.
- 1727** подписание Буринского трактата, установившего линию прохождения границы между Россией и Китаем от р. Аргунь до перевала Шабин-Дабага.
- 1727** подписание Кяхтинского договора.
- 1805** прибытие в Гуанчжоу русских кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского.
- 1848** издание в Китае труда губернатора провинции Фуцзянь Сюй Цзюя (1795–1873) «Инхуань чжилюэ» («Краткое описание морей и суши»), содержащего уточненные и исправленные сведения о России.
- 1851** подписание Кульджинского договора, заложившего основы постоянной торговли в районе среднеазиатской границы.
- 1858** подписание российско-китайского Айгуньского договора о переходе к России левобережья Амура и русско-китайской торговле в Приамурье.
- 1858** подписание Тяньцзиньского договора.
- 1860** подписание Пекинского (дополнительного) договора, подтверждавшего содержание двух договоров 1858 г. и определявшего линию границы на всем восточном участке (по рекам Амур, Уссури, Сунгача, оз. Ханка и далее по горам до границы с Кореей). Договор предусматривал также расширение взаимовыгодной торговли между двумя странами, отмену

каких-либо ограничений на ее ведение и особое покровительство, которым должны пользоваться российские и китайские купцы со стороны правительств обеих стран.

- 1864** в Пекине начала действовать российская дипломатическая миссия.
- 1866** прибытие в Санкт-Петербург китайского посольства во главе с Бинь Чунем.
- 1879** подписание Ливадийского договора, по которому к России отходили западная часть Илийского края и долина реки Текес «для поселения на них жителей Илийского края, которые пожелают принять русское подданство», а город Кульджа возвращался Китаю.
- 1881** подписание Санкт-Петербургского договора, касавшегося вопросов урегулирования ситуации в Илийском крае и торговли в западных районах Цинской империи.
- 1894** подписание соглашения о разграничении на Памире.
- 1895** Россия, Франция и Германия потребовали от Японии отказаться от Ляодунского полуострова, который она должна была получить по Симоносэкскому договору, ущемлявшему суверенитет Китая и упрочившему позиции Японии в этой стране.
- 1895** образование Русско-Китайского банка.
- 1896** в Москве подписан секретный договор о союзе России и Китая против Японии и постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД); посланник Цинской империи в России Сюй Цзинчэн подписал с правлением Русско-Китайского банка контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД со сроком действия в 80 лет.
- 1898** конвенция о предоставлении Цинской империей в аренду России портов Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний) на Ляодунском полуострове; договор на приобретение земельного участка под строительство Харбина.
- 1900** русские войска, принявшие участие в подавлении «боксерского» восстания, заняли стратегические пункты вдоль КВЖД и ряд городов Северо-Восточного Китая.
- 1901** 8 держав, включая Россию, подписали с Китаем Заключительный протокол, окончательно закрепивший полуколонияльный статус Китая.
- 1902** Россия и Китай подписали договор о выводе русских войск, принимавших участие в подавлении «боксерского» восстания.
- 1903** открыто движение по всей линии КВЖД.
- 1905** подписание российско-японского Портсмутского мирного договора, по которому Россия уступила Японии арендные права на Ляодунский полуостров и южную ветку КВЖД.
- 1907** Россия и Япония подписали соглашение по общеполитическим вопросам, формально признававшее независимость и целостность Китая, но в секретной части соглашения говорилось о разделе Северо-Восточного Китая на русскую (северную) и японскую (южную) «сферы специальных интересов» и установлении точной демаркационной линии между ними. Япония также признавала наличие у России «особых интересов» во Внешней Монголии. Россия и Великобритания подписали конвенцию, по которой Россия признала преимущественные интересы Лондона в Тибете и суверенитет Китая над Тибетом.
- 1910** Россия и Япония заключили соглашение о согласовании действий в Маньчжурии, названное советскими историками «новой империалистической сделкой за счет Китая».
- 1912** секретная русско-японская конвенция о разграничении Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии на российскую и японскую сферы влияния.

ГЛАВА 2

Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай с 1917 до 1949 г.

А.А. Писарев

Советско-китайские связи в 1917–1924 гг.: от первых контактов к установлению дипломатических отношений

Первые контакты между Советской Россией и правительствами Северного и Южного Китая

Правительство, организованное большевиками после Октябрьской революции, помимо задач, связанных с укреплением власти внутри страны, было поставлено перед необходимостью определить свое отношение к такой сфере деятельности государства, как дипломатия. На протяжении первых месяцев после октябрьского переворота 1917 г. представители иностранных держав оставались в столице России, и с ними пришлось иметь дело внешнеполитическому ведомству, которое было создано новой властью.

Несмотря на то что надежды на революционный взрыв в развитых западных странах продолжали оставаться основой революционной стратегии большевиков, предсказать, насколько он близок, было невозможно. В связи с этим Советская Россия, провозгласившая новые, «пролетарские» принципы взаимоотношений между государствами, вынуждена была считаться с тем фактом, что в мире продолжали действовать прежние, «буржуазные» нормы дипломатии.

Одной из особенностей внешнеполитической концепции большевиков было разделение западных стран, где существовало развитое рабочее движение, и зависимых государств. Народы полуколониальных и колониальных стран планировалось привлечь к общей с мировым рабочим движением борьбе против «империализма», оказывая поддержку их усилиям, направленным на обретение национальной независимости и суверенитета. Теоретические вопросы взаимоотношений между советской властью в России и национально-освободительными движениями в странах Востока были сформулированы на Втором конгрессе созданного в 1919 г. Третьего (коммунистического) интернационала (Коминтерна). Решения Второго конгресса, созванного в 1920 г., давали ответ на вопрос, каково должно быть отношение коммунистов к национально-освободительным движениям, включавшим в свой состав явно непролетарские элементы. Хотя нельзя не признать при этом, что эти установки не были свободны от целого ряда серьезных противоречий¹.

¹ См.: *Pisarev Alexander. The Second Congress of the Communist International and Revolutionary Movement in China // Issues and Studies. May/June 2000. Vol. 36. No 3. P. 170.*

В соответствии с резолюциями Второго конгресса мировое коммунистическое движение выражало стремление к самому тесному сотрудничеству с «революционными демократами», а именно так были определены участники борьбы за национальное освобождение в колониальных и зависимых странах, и наряду с этим призывало к созданию коммунистических партий на Востоке. Поскольку революционные демократы, в сущности, являлись «буржуазными» демократами (более откровенное определение классовой принадлежности лидеров национальных движений, с точки зрения руководства Коминтерна), требовалось разрешить еще один вопрос, представлявший для марксистов известную теоретическую сложность. Это была проблема возможности сотрудничества между коммунистами и буржуазией. Некоторые элементы разрешения этого противоречия были сформулированы В.И. Лениным еще накануне Первой мировой войны в ряде статей, посвященных революционному движению в странах Востока. В них проводилось различие между «контрреволюционной» буржуазией в развитых капиталистических странах и «революционной» буржуазией в зависимых государствах. Последняя объявлялась способной к революционной борьбе за национальное освобождение против империализма, а следовательно, против буржуазии метрополий.

В связи с отмеченными обстоятельствами революция на Востоке, по мысли В.И. Ленина, которую он выразил в лично подготовленном проекте резолюции конгресса, посвященной стратегии и тактике Коминтерна в зависимых странах, должна была проходить в два этапа. На первой, «национальной» стадии решались задачи достижения независимости и проведения «антифеодалных» реформ (прежде всего, радикальной земельной реформы), на втором же этапе следовало проводить уже чисто коммунистические преобразования. Легко заметить, что эта стратегия весьма напоминала ленинский «двухэтапный» подход к революции в России с той разницей, что в России не требовалось решать задачи достижения национального суверенитета. Еще одно очевидное отличие состояло в том, что, если сотрудничество с российской буржуазией, которую большевики считали контрреволюционной, было для них неприемлемо, то коммунистическим партиям в странах Востока, находившимся еще только на стадии формирования, предлагалось вступать в отношения «единого фронта» с буржуазными демократами.

Тактика единого фронта, принятая конгрессом не без сопротивления со стороны тех, кто выступал за борьбу не только против империализма, но и национальной буржуазии на Востоке, изначально предполагала наличие некоторых не вполне проясненных вопросов. Главный из них состоял в том, в какой момент следовало отказаться от единого фронта и какова должна быть участь прежних союзников по антиимпериалистической борьбе после перехода революции на ее коммунистический этап. На это решения конгресса сколько-нибудь определенного ответа не давали.

Еще одно обстоятельство, в перспективе осложнявшее сотрудничество между коммунистами и националистами, о котором следует сказать особо, состояло в ленинской интерпретации содержания национально-демократического этапа революций на Востоке. В соответствии с опытом прихода большевиков к власти, В.И. Ленин полагал, что и на Востоке проведение радикальных аграрных преобразований должно составить основное содержание политики единого фронта и обеспечить ему массовую поддержку. При этом сторонники тактики единого фронта упускали из виду, что в странах Востока традиционные системы аграрных

отношений весьма сильно отличались как от европейского, так и от российского типов феодализма.

При практическом воплощении этого курса неизбежно возникал ряд других проблем, требовавших пояснения. Прежде всего, это вопрос о том, кого, так сказать, «назначить» революционными демократами в той или иной стране, иначе говоря, с какими политическими силами коммунистам следовало искать сотрудничества. Помимо этого, Москва, уже не как центр международного коммунистического движения, а государство, должна была сформулировать соотношение между усилиями по организации мировой революции и необходимостью установить и поддерживать связи с прочими государствами на международной арене. Понятно, что эти отношения не могли строиться на открытом признании того, что Советская Россия инициирует создание и поддерживает деятельность организаций, стремящихся к насильственному свержению существующих в других государствах правительств. Следствием этого могло быть только одно — фактический отход от новых норм международных отношений, провозглашенных большевиками сразу после их прихода к власти, и, прежде всего, от принципов открытости, равенства и отказа от тайной дипломатии.

Внутриполитическое положение в Китае после окончания Первой мировой войны характеризовалось острой междоусобной борьбой милитаристских группировок, ориентированных к тому же на разные западные страны. На Северо-Востоке Китая власть принадлежала правительству маршала Чжан Цзолина, который опирался на Японию, в то время как Северный Китай стал ареной борьбы между милитаристскими группировками Дуань Цижуя и Цао Куня. Центральный Китай в значительной мере находился под контролем генерала У Пэйфу, поддерживавшего тесные связи с США. В июле 1920 г. коалиции под руководством Цао Куня, в которую вошел и У Пэйфу, удалось свергнуть режим Дуаня и установить контроль над столицей Китая.

Отсутствие политического единства государства находило проявление и в существовании двух правительств Китая: на Севере — пекинского правительства, руководимого сменявшими друг друга предводителями милитаристских группировок, представленных деятелями консервативной ориентации, а на Юге — располагавшегося в Гуанчжоу (Кантоне) правительства, во главе которого стоял лидер антимонархической революции Сунь Ятсен. Ситуация усугублялась тем, что как первое, так и второе правительство не отличались стабильностью, что было результатом междоусобной борьбы стоявших за ними милитаристских группировок.

Между тем китайский посланник в Петрограде представлял именно пекинское правительство, а какие-либо каналы связи у большевиков с южным правительством отсутствовали. С точки зрения норм международного права именно северное правительство, признанное великими державами и прочими суверенными государствами, считалось легитимным представителем Китая на международной арене. В этой ситуации вполне естественным выглядело решение советского руководства предпринять попытку установить с ним связь через китайского посланника в России.

В январе 1918 г. заведующий Восточным отделом Комиссариата по иностранным делам (НКВД) А.Н. Вознесенский нанес визит китайскому посланнику Ли Шичжуану, во время которого пытался выяснить отношение китайской сто-

роны к революции в России и «мировому империализму». Через несколько дней на квартире А.Н. Вознесенского состоялась повторная встреча, в которой принял участие Уполномоченный Наркоминдела Е.Д. Поливанов. Основная идея, которую советские дипломаты пытались донести до своих коллег по переговорам, состояла в том, что главным общим врагом Советской России и Китая является буржуазия империалистических стран, угрожающая российской революции и препятствующая достижению Китаем независимости. В этом смысле народы и правительства двух государств вполне могли бы быть союзниками по общей борьбе, убеждал Е.Д. Поливанов ².

Однако планам по установлению «единого фронта» с Пекином не было суждено осуществиться. Причина этого состояла в том, что правительство Дуань Цижуя заняло враждебную позицию по отношению к большевикам и в начавшейся в 1918 г. гражданской войне в России сотрудничало с их противниками. В декабре 1917 г. китайские власти распорядились о ликвидации Харбинского совета, получавшего инструкции из Москвы, а весной 1918 г. китайские войска приняли участие в установлении контроля над российским Дальним Востоком вместе со странами Антанты. В этой ситуации советское руководство все больше склонялось к мысли о том, что союзников по «антиимпериалистической» борьбе надо искать не на Севере, а на Юге Китая. При этом, однако, осознавая необходимость ликвидации международной изоляции советской власти, оно не отказывалось от контактов с Пекином.

Об этом шла речь в Обращениях советского правительства к народу Китая 1919–1920 годов («Декларации Карахана»). В «Обращении Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая» (июль 1919 года) говорилось об отказе от российской доли «боксерской» контрибуции, особых привилегий российских предпринимателей в Китае, а также прав экстерриториальности российских подданных. Давалось обещание «раз и навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении Китая прежними российскими правительствами совместно с Японией и союзниками»³. В «Обращении Правительства РСФСР к Правительству Китайской Республики» от сентября 1920 г. был подтвержден отказ от российской доли «боксерской» контрибуции и прав экстерриториальности, содержалось предложение установить регулярные торгово-экономические отношения, принять меры для открытия дипломатических и консульских представительств⁴.

Несмотря на то что Советская Россия возлагала особые надежды на сотрудничество в антиимпериалистической борьбе именно с Сунь Ятсеном и его сподвижниками, большевики стремились добиться признания и установить дипломатические отношения прежде всего с международно признанным пекинским правительством. В России полыхала гражданская война, исход которой был далеко не предreshен, и в этой ситуации правители Северного Китая, поддерживавшие тесные связи с западными державами, не стремились ускорить этот процесс. Пекинское правительство продолжало считать официальным представителем России князя Н.А. Кудашева, который еще в ноябре 1917 г. отказался

² Крюков М.В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 124–125.

³ Документы по внешней политике СССР. М.: Международные отношения, 1958. Т. 2. С. 221.

⁴ Там же. Т. 3. С. 216.

сотрудничать с новой властью в России и распорядился оставлять без ответа все телеграммы за подписью народного комиссара по иностранным делам Советской России Л.Д. Троцкого⁵. Эта позиция не изменилась и после того, как в январе 1918 г. НКВД официально уведомил китайское посольство о том, что Н.А. Кудашев лишается своих прежних полномочий.

Пионером в практических попытках установить дипломатические отношения с пекинским правительством в этой непростой ситуации выступило не центральное большевистское руководство, а власти созданной весной 1920 г. Дальневосточной республики (ДВР). Несмотря на то, что это государственное образование объявило себя суверенным государством, оно, в сущности, являлось элементом в системе советской власти и получало инструкции по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики из Москвы. Уже в августе 1920 г. в Пекин была отправлена миссия первоначально во главе с дипломатическим представителем ДВР А.Ф. Агаревым, а затем И.Л. Юриным. Эти усилия не имели результатов, хотя и подготовили почву для дальнейших дипломатических контактов. В радикально изменившейся международной обстановке, что было связано с победой большевиков в гражданской войне в России, в сентябре 1920 г. пекинское правительство изменило свою позицию в отношении Н.А. Кудашева и перестало признавать бывшего царского посла и консулов, продолжавших ему подчиняться.

Новые попытки установить дипломатические отношения с Китаем были предприняты уже правительством РСФСР. В конце 1921 — первой половине 1922 г. в Пекине находилась советская дипломатическая миссия во главе с А.К. Пайкесом, чьи усилия по заключению советско-китайского договора и установлению дипломатических отношений были продолжены видным советским дипломатом А.А. Иоффе. Именно миссии А.А. Иоффе (август 1922 — январь 1923 гг.) удалось подготовить почву для подписания Советско-китайского договора 1924 г., совершенного во время визита в Китай следующей советской делегации под руководством заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана.

Пекинское правительство, предвидя скорое завершение гражданской войны в России не в пользу сил, боровшихся против большевиков, с весны 1920 г. также начинает предпринимать попытки установления контактов с Москвой. В марте 1920 г. Пекин направил в Россию миссию во главе с генералом Чжан Шилинем, которая с перерывами продолжалась до декабря того же года. Несмотря на то что добиться прорыва в установлении дипломатических отношений не удалось (прежде всего, в силу меняющейся политической ситуации в Китае и давления на Китай со стороны западных держав), Москва согласилась принять китайских консулов в столице советской России, а также в Омске и Иркутске. Китайское же правительство в тот период не сочло возможным пойти навстречу стремлению Москвы направить консульских представителей в Пекин, Шанхай и Гуанчжоу.

⁵ С 1917 г. центральные органы государственного управления в Советском государстве именовались «народными комиссариатами», а их руководители — «народными комиссарами». Зарубежные представительства назывались «полномочными представительствами» (сокращенно «полпредство»), а их главы — «полпредами». «Полпредства» были переименованы в «посольства» в 1941 г., а «народные комиссариаты» — в «министерства» в 1946 г.

**Адольф Абрамович ИОФФЕ (1883—1927) —
революционер, советский политик, дипломат**

Родился 22 октября 1883 г. в Симферополе в семье купца-караима. Окончив гимназию, в 1903—1904 гг. учился на медицинском факультете Берлинского университета. В 1906—1907 гг. учился на юридическом факультете Цюрихского университета.



В 1904 г. вступил в РСДРП, вел революционную работу в Баку и Москве. В 1906 г. выслан в Сибирь, бежал из ссылки и эмигрировал в Швейцарию, позже поселился в Вене. В 1912 г. был арестован в Одессе и сослан в Тобольскую губернию. В 1913 г. и 1916 г. вновь арестован и осужден на вечную ссылку в Сибирь. В октябре 1917 г. — член Петроградского военно-революционного комитета. В 1917—1919 гг. кандидат в члены ЦК РСДРП, РКП(б). Член советской делегации на переговорах о мире в Брест-Литовске. С апреля 1918 г. — полпред в Берлине, в этом качестве заключил «добавочный протокол» к *Брест-Литовскому трактату*. За активное участие в подготовке коммунистического восстания в Германии в ноябре 1918 г. вместе со всем полпредством был выслан из страны. Возглавлял советские делегации на переговорах с Эстонией, Латвией и Литвой, подписал со всеми тремя странами мирные договоры.

В 1921 г. был председателем советской делегации на переговорах с Польшей и после заключения советско-польского мира в 1921 г. был назначен заместителем председателя туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1922 г. входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции. В 1922—1924 гг. был полпредом в Китае, председателем делегации на переговорах с Японией в Чанчуне. В 1924—1925 гг. работал в составе советской делегации в Великобритании, затем был полпредом в Австрии. В 1925 г. примкнул к «Новой оппозиции», был убежденным сторонником Л.Д. Троцкого. Последние годы жизни тяжело болел. В 1927 г. покончил жизнь самоубийством. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Монгольский вопрос в советско-китайских отношениях

Быстро менявшаяся ситуация, сопутствовавшая перипетиям гражданской войны в России, имела одним из своих следствий возникновение новой сложной проблемы в советско-китайских отношениях. В результате действий, предпринятых китайской стороной по возвращению суверенитета над Внешней Монголией, а затем в связи с распространением гражданской войны в России на эту территорию, «монгольскому вопросу» было суждено стать фактором, омрачавшим двусторонние отношения на протяжении последующих десятилетий. Пользуясь ситуацией явного ослабления России, ставшей ареной гражданской войны, летом 1919 г. по указанию Дуань Цижуня, вопреки предшествующим соглашениям с Российской империей, была предпринята попытка ликвидировать автономию и вернуть Внешнюю Монголию под эффективный контроль центрального правительства Китая. Официально ликвидация автономии Внешней Монголии, а следовательно, и сбала-нсированной Кяхтинской системы, была оформлена в ноябре 1919 г.

**ДУАНЬ Цижуй 段祺瑞 (1864–1936) —
китайский военный и политический деятель,
лидер аньхуэйской группировки милитаристов**

Родился 6 марта 1864 г. в городе Хэфэй провинции Аньхуэй. В 1885–1889 гг. учился в военной академии в Тяньцзине. После окончания был отправлен в Люйшунь для наблюдения за строительством укреплений. Изучал военное дело в Германии, после возвращения в Китай преподавал в военной академии в Вэйхайвэе. В 1896 году был назначен Юань Шикаем начальником артиллерии сухопутных подразделений Бэйянской армии, стал его ближайшим помощником. С 1912 г. — военный министр в правительстве Юань Шикая, главнокомандующий сухопутными силами, и.о. премьера, губернатор Хэнани. После объявления Юань Шикаем об отказе от восстановления монархии стал начальником генерального штаба, позднее госсекретарем и главнокомандующим сухопутных сил, в 1916–1918 гг. — премьер-министр. Из-за конфликта по поводу вступления Китая в Первую мировую войну смещен с должности Президентом Ли Юаньхуном, но после мятежа генерала Чжан Сюня в июле 1917 г. возвратил себе должность премьера. 14 августа 1917 г. объявил о вступлении Китая в Первую мировую войну на стороне Антанты. В 1918 г. подписал с Японией ряд военных соглашений, направленных против Советской России, в том числе о посылке китайских войск в Сибирь. В конце 1918 г. был вынужден уйти в отставку под давлением западных держав, не желавших усиления японского влияния в Китае, а в 1920 г. изгнан из Пекина чжилийской кликой милитаристов. В 1920 г. в Чжили-Аньхуйской войне победу одержали милитаристы чжилийской клики и Дуань был вынужден уйти в отставку. В 1924–1926 гг. после поражения чжилийской клики в войне с фэнтяньцами Дуань Цижуй вновь находился у власти как Президент и премьер-министр китайского правительства. Вследствие неудач в борьбе за власть с другими северными милитаристами с лета 1926 г. отошел от политической деятельности. Умер в Шанхае.



Результатом этих событий стало возникновение неопределенной и постоянно менявшейся структуры международных отношений, в которую, кроме правительств Монголии и Китая, оказались вовлечены Советская Россия и боровшиеся против нее силы. К их числу принадлежали Омское и Читинское правительства, режим атамана Г.М. Семенова, имевшего собственные представления о будущем Монголии, а также Япония, которая стремилась использовать Г.М. Семенова и панмонголистские настроения в самой Монголии для распространения своего влияния на Дальнем Востоке.

Стремясь предотвратить превращение Внешней Монголии в базу антисоветского сопротивления, в июле 1919 г. Москва направила обращение к правительству Монголии, в котором провозглашалась отмена всех договоров и соглашений Российской империи в отношении этой провинции Китайской республики. В этом документе говорилось также о ликвидации концессий и передаче имущества царской России монгольскому народу, однако самым примечательным было

то, что в нем содержалось предложение установить равноправные и официальные отношения между Советской Россией и Монголией. Последнее, в сущности, означало признание независимости Монголии, что не могло не вызвать самой отрицательной реакции в Китае. Впрочем, это обращение стало известно правительству Монголии лишь в 1920 г. и не оказало существенного влияния в тот период на отношения между Россией и китайскими властями в Монголии. Тактически они даже сотрудничали друг с другом в борьбе против атамана Г.М. Семенова, являвшегося проводником японского влияния⁶.

**Семенов Григорий МИХАЙЛОВИЧ (1890–1946) —
казачий атаман, генерал, один из лидеров белого движения**

Родился 13 (25) сентября 1890 года в карауле Куранжа Дурулгуевской станицы Забайкальской области. После окончания в 1911 г. Оренбургского казачьего юнкерского училища в качестве хорунжего Верхнеудинского полка проходил службу в военно-



топографической команде в Монголии. Свободно владея монгольским и бурятским языками, близко сошелся с видными представителями монгольского общества, принимал участие в подготовке и осуществлении государственного переворота, в результате которого 11 декабря 1911 г. была провозглашена независимость Внешней Монголии от Китая. По настоянию российских дипломатов, опасавшихся нежелательных внешнеполитических осложнений, покинул Монголию и продолжил службу в Забайкалье. Отличился во время Первой мировой войны, воюя против Германии и Турции, в 1916 г. получил чин есаула. Во время Гражданской войны в России воевал против большевиков в Сибири и на Дальнем Востоке. После образования Дальневосточной республики в апреле 1920 г. получил власть на Дальнем Востоке, которую поддерживал с помощью японских интервентов.

В 1921 г. под напором Красной армии и партизан был вынужден эмигрировать. Живя в Корее, Северном Китае, Японии, Г.М. Семенов не прекращал борьбы с советским режимом. В 1925 г. в Мукдене встретился с Чжан Цзолинем и предложил ему создать монголо-казацкую конницу для борьбы против китайских коммунистов. Из-за протестов со стороны СССР эти планы не осуществились, однако Г.М. Семенов предпринял попытки сотрудничества с другими китайскими военачальниками: Сун Чуанфасу, Сун Чуанфаном и Чан Кайши. С образованием в 1932 г. государства Маньчжоу-Го японцы предоставили атаману дом в Дайрене (Далынь) и назначили ежемесячную пенсию. В августе 1945 г., после разгрома Японии, захвачен советскими войсками. Приговорен к высшей мере наказания как «враг советского народа и активный пособник японских агрессоров» и казнен в 1946 г. В 1994 г. дело было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда РФ. С Г.М. Семенова было снято обвинение в «антисоветской агитации и пропаганде», в остальной части приговор оставлен в силе, а подсудимый признан не подлежащим реабилитации.

⁶ Лузянин С.Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. С. 85.

С весны 1920 г. в политике Москвы по отношению к Внешней Монголии появляется новое направление, связанное со стремлением не ограничивать себя лишь контактами с монгольскими правительственными кругами, но обратить особое внимание на сотрудничество с «классово близким» революционным движением. Контакты с монгольскими революционерами осуществлялись через российских граждан, проживавших в Монголии и поддерживавших большевиков. Эти связи устанавливались как по линии советского, так и коминтерновского руководства, которые практически совпадали.

В конце лета того же года с визитом в Советскую Россию прибыла монгольская делегация, в состав которой, кроме представителей монгольского чиновничества, входили и революционеры, объединившиеся в Монгольскую народную партию, которая в марте следующего 1921 г. получила название Монгольской народно-революционной партии (МНРП). Монгольские делегаты донесли до советского руководства свои представления о будущем Монголии как широкой автономии в составе китайской федерации, которая будет опираться на связи с революционными силами в самом Китае, а также мировое революционное движение и, прежде всего, на Советскую Россию. Однако в тот период Москва стремилась избежать ухудшения советско-китайских отношений и по этой причине предпочла не быть непосредственно вовлеченной в монгольские дела.

В октябре 1920 г. ситуация вокруг Монголии кардинально изменилась — в ее пределы вошли войска под командованием активного участника анти-советской борьбы генерала Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга. Его целью было создание панмонгольского государства на основе объединения территорий, населенных монголами и входивших в состав как Китая, так и России. Себя же он видел в качестве фактического руководителя этого теократического государства. В марте следующего 1921 г. в условиях продолжавшейся интервенции барона Унгерна в Монголии было образовано Временное народно-революционное правительство, в котором ключевую роль играли руководители МНРП. При правительстве были сформированы вооруженные силы, получившие название Монгольской народно-революционной армии (МНРА). Новое правительство обратилось к руководству Советской России с просьбой об оказании помощи в борьбе против интервенции антибольшевистских сил.

В июне 1921 г. в ответ на угрозу вторжения со стороны Р.Ф. Унгерна на территорию ДВР советское руководство приняло решение об организации объединенной военной экспедиции против отрядов Р.Ф. Унгерна в составе войск РСФСР, ДВР и МНРА. Военные действия продолжались вплоть до сентября того же года, когда Р.Ф. Унгерн потерпел окончательное поражение, был захвачен в плен и расстрелян. 15 июня советская дипломатия уведомила Пекин, что единственной целью введения войск ДВР в пределы Внешней Монголии было устранение угрозы со стороны Р.Ф. Унгерна и что после окончания военной операции против него войска РСФСР будут удалены из Внешней Монголии.

В течение осени 1921 г. между представителями РСФСР и Народного правительства Монголии проходили переговоры о заключении межправительственного соглашения, которое было подписано 5 ноября 1921 г. Стремясь избежать обострения отношений с Китаем, Москва не затронула в договоре вопрос о международно-правовом статусе Внешней Монголии. Это давало советской стороне право во время будущих переговоров с Китаем утверждать, что договор не явля-

ется покушением на территориальную целостность Китайской Республики. В то же время факт признания монгольского государства Москвой предоставлял ему определенные гарантии существования и создавал условия для возможного достижения независимости в будущем. «Соглашение 1921 г., — заключает российский исследователь советско-монгольско-китайских отношений С.Г. Лузянин, — не положило начало международно-правовому оформлению Внешней Монголии, отложив решение этого вопроса на будущее в зависимости от хода советско-китайских как официальных межгосударственных отношений, так и революционно-идеологических отношений»⁷.

**Фон УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ Роберт-Николай-Максимилиан
(Роман Федорович) (1885—1921) —
барон, деятель белого движения на Дальнем Востоке**

Из старинного немецко-балтийского (остзейского) графского и баронского рода. Родился 29 декабря 1885 г. в Граце (Австрия), учился в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, но не закончил из-за болезни. Во время Русско-японской войны



был в армии, но в боевых действиях не участвовал. В 1908 г. окончил Павловское военное училище, зачислен в Забайкальское казачье войско. Воевал на фронтах Первой мировой войны, проявил героизм, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Летом 1917 г. направлен под руководство Г.М. Семёнова в Забайкалье для формирования национальных частей. После октября 1917 г. выступил против большевиков. В начале 1918 г. назначается комендантом ст. Хайлар, затем перебазировался в Даурию. 9 декабря 1918 г. Р.Ф. Унгерн был назначен командующим Туземным конным корпусом, позднее преобразованным в Азиатскую конную дивизию, с переменным успехом действовавшую против сил красных. Разрабатывал план восстановления монархий и борьбы с революциями в Евразии, начиная от Маньчжурии, Монголии и Китая и далее на запад. Для его реализации в 1919 г. ездил в Китай, где налаживал контакты с монархическими кругами. В июле 1919 г. в Харбине по православному обряду вступил в брак

с принцессой Цзи, представительницей свергнутой династии Цин, которая получила имя Елена Павловна фон Унгерн-Штернберг, так как рассчитывал на помощь ее родственника генерала Чжана Куйву, командира китайских войск западной части КВЖД и губернатора Хайлара. В августе 1920 г. под натиском красных дивизия Р.Ф. Унгерна покинула пределы России и ушла в Монголию, где с третьей попытки при содействии антикитайски настроенных монголов взяла столицу Северной Монголии Ургу (ныне Улан-Батор), которую защищали китайские республиканские войска. Возвел на трон Богдо-гэгэна VIII и фактически восстановил независимость Монголии от Китая. В мае 1921 г. Р.Ф. Унгерн начал поход в Советскую Россию. Как последовательный монархист, своей целью считал подавление революции путем возрождения империи Чингисхана, однако был разбит, пленен и расстрелян в Новониколаевске (Новосибирск).

⁷ Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 121.

В работах современных исследователей КНР политика Советской России во Внешней Монголии подвергается острой критике. Некоторые из них утверждают, что с самого начала оказания поддержки революционному движению в этой провинции Китая Москвой ставилась далеко идущая задача оторвать этот регион от Китая, а все обещания способствовать «сохранению суверенитета Китая, оказывать ему поддержку, полностью уйти из Внешней Монголии, вплоть до последнего солдата и т.д. — все это было намеренным обманом»⁸. Думается, что сама обстановка, складывавшаяся в эти годы вокруг Внутренней Монголии, да и известные на этот счет архивные документы вряд ли позволяют однозначно утверждать, что у советского руководства с самого начала существовал хорошо продуманный план аннексии этой территории. Политика Москвы была результатом стремления нанести окончательное поражение белогвардейским силам, обезопасить территорию РСФСР, а также поддержать «классово близкие» революционные силы во Внутренней Монголии, так же как, впрочем, и коммунистическое движение в самом Китае. И все это было помножено на неопределенность стремительно менявшейся ситуации как в самой России, так и в Китае, в том числе в его северных провинциях. Несомненно, однако, одно: «монгольский вопрос» в той форме, в которой он возник в самом начале 20-х годов XX в. и вплоть до завершения Второй мировой войны, являлся одним из главных препятствий в налаживании конструктивного сотрудничества между Советской Россией и Китайской Республикой.

Советско-китайский договор 1924 года и проблема КВЖД

В августе 1923 г. советское правительство направило в Китай очередную миссию во главе с заместителем наркома по иностранным делам Л.М. Караханом, отвечавшим за восточное направление советской внешней политики. Основная задача, поставленная перед миссией, состояла в установлении дипломатических отношений между двумя государствами и заключении договора, который устранил бы противоречия между Советской Россией и Китаем. К числу вопросов, требовавших обсуждения, относились такие проблемы, как пребывание советских войск на территории Внешней Монголии, будущее российской доли боксерской контрибуции, а также статус КВЖД.

Историки до сих пор продолжают оживленно обсуждать позицию советского правительства относительно статуса КВЖД⁹. В основном ведущиеся споры касаются содержания «двух деклараций Карахана», о которых упоминалось выше. Согласно советской историографии, Москва с самого начала стояла на позиции разделения права собственности на дорогу и права пользования ей. Иначе говоря, изначально советская сторона признавала права собственности и административного контроля над зоной отчуждения дороги со стороны

⁸ 薛衔天, 金东吉 (Сюе Сяньтянь, Цзинь Дунцзи): «1917—1949-民国时期中苏关系史 (История китайско-советских отношений в период Китайской республики (1917—1949)), 北京, 中共党史出版社, 第一册, 第57页.

⁹ Обзор этих дискуссий можно найти в следующей работе: Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы 20 века. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. С. 120—124.

китайского правительства, однако при этом настаивала на том, что имущество, принадлежавшее КВЖД, должно находиться в совместном советско-китайском управлении¹⁰.

**Лев Михайлович КАРАХАН (Караханян) (1889—1937) —
революционер, советский дипломат**

Родился 20 января 1889 г. в семье присяжного поверенного в Тифлисе. По национальности армянин. В 1910—1915 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета, но не окончил его, затем экстерном окончил Томский университет. В 1904 г. вступил в РСДРП, присоединился к меньшевикам. Вел партийную работу в Харбине, Санкт-Петербурге. Осенью 1915 г. арестован и сослан в Томск, где вел нелегальную работу. Освобожден после Февральской революции, вернулся в Петроград, избран членом Думы Петроградского района и Петроградского совета. В мае 1917 г. в числе «межрайонцев» принят в РСДРП(б). С августа 1917 г. член Президиума Петроградского совета. С ноября 1917 г. — секретарь советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске. С марта 1918 г. — заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР. С мая 1921 г. по октябрь 1922 г. — полпред РСФСР в Польше. В 1922—1923 гг. заведовал Восточным отделом НКВД. С сентября 1923 г. по август 1926 г. возглавлял советскую делегацию



на переговорах в Китае. В июне 1924 г. подписал в Пекине соглашение с Китаем, предусматривающее установление дипломатических и консульских отношений. Был назначен послом в Китае. В конце 1924 — начале 1925 гг. вел переговоры в Японии, которые завершились 10 января 1925 г. заключением конвенции об установлении дипломатических и консульских отношений. После завершения переговоров в Токио Л.М. Карахан вернулся к исполнению обязанностей руководителя советской дипломатической миссии в Пекине, но в сентябре 1926 г. был отозван в Москву и вновь занял пост заместителя наркома иностранных дел, курировавшего восточное направление внешней политики СССР. С 1934 г. — полпред СССР в Турции. Избирался членом ЦИК СССР. Член ЦК ВКП(б) до 1934 г. В 1937 г. отозван в Москву, арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

Сегодня некоторые российские ученые, освободившись от идеологического давления и опираясь на документальные свидетельства, ранее не доступные исследователям, склоняются к мысли, что если в «первой декларации Карахана» (июль 1919 г.) Советская Россия отказывалась от всех прав на КВЖД, то во втором обращении (сентябрь 1920 г.) этот пункт отсутствовал. По мнению М.В. Крюкова, это объяснялось естественной для того времени эволюцией внешней политики Советской России, в которой все в большей мере стало проявляться прагмати-

¹⁰ Этой точки зрения придерживается современная российская исследовательница истории КВЖД Н.Е. Аблова. См.: КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М.: Русская панорама, 2005. С. 106.

ческое начало, связанное с защитой государственных интересов¹¹. Как полагают историки КНР, подобное изменение позиции Москвы свидетельствовало о том, что она нарушила данные в недавнем прошлом обещания отказаться от всех прав и привилегий, которые имело в Китае царское правительство¹². Еще более жесткой оценки политики Советской России в Китае в этот период придерживается американский исследователь Б. Эллеман. Он выдвинул предположение о том, что она была изначально направлена на пропагандистский обман общественности в Китае с тем, чтобы заручиться ее поддержкой. Для этой цели были подготовлены две декларации, причем в первой из них Советская Россия давала обещания отказаться от всех привилегий Российской империи, а во второй брала свои обещания назад¹³. Думается, однако, что подход, основанный на учете сложности быстро менявшейся внутривосточной ситуации в России и ее международного окружения, сформулированный в работах М.В. Крюкова, является более взвешенным и объективным.

Между тем за годы Гражданской войны в России положение на КВЖД серьезно изменилось. После подавления попытки установления в зоне отчуждения советской власти, предпринятой осенью 1917 г., руководство администрации дороги солидаризировалось с антибольшевистскими силами. Во главе администрации вплоть до 1920 г. продолжал оставаться назначенный еще царским правительством генерал Д.Л. Хорват, который не только поддерживал белое движение, но и сам, наряду с А.В. Колчаком и атаманом Г.М. Семеновым, претендовал на роль его руководителя на востоке России. После отставки Д.Л. Хорвата осенью 1920 г., последовавшей в результате давления китайских властей, стремившихся к установлению собственного контроля над дорогой, по решению Правления КВЖД на должность управляющего был приглашен опытный администратор и инженер Б.В. Остроумов. Он успешно руководил дорогой вплоть до передачи ее Советской России в соответствии с советско-китайским договором 1924 г.

С осени 1920 г. китайские власти предприняли шаги к тому, чтобы поставить КВЖД под собственный контроль и включить полосу отчуждения в общую систему административного управления Китайской Республики. В октябре 1920 г. было объявлено о том, что в связи с неопределенностью политической ситуации в России верховный контроль над КВЖД временно переходит к китайскому правительству. Одновременно была реорганизована система администрации Маньчжурии, включавшая отныне Особый район восточных провинций (зона отчуждения КВЖД) с центром в Харбине, который подчинялся местному Правительству Трех восточных провинций (Маньчжурия) в Мукдене под руководством милитариста Чжан Цзолиня. Чжан Цзолинь, в свою очередь, номинально находился в подчинении у Центрального пекинского правительства. В результате этих мер уже осенью 1920 г. в зоне отчуждения, в сущности, были ликвидированы привилегии, которыми Россия ранее была наделена в районе КВЖД.

¹¹ Крюков М.В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. С. 212.

¹² 薛衔天, 金东吉: 《1917—1949-民国时期中苏关系史》, 第49页.

¹³ *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations. London: M.E. Sharp, 1997. P. 27.* Согласно Эллеману, во французском тексте декларации, направленном пекинскому правительству, содержалось обещание передать Китаю без какой-либо компенсации КВЖД и все концессии, однако позднее НКВД отказался от этого обещания, заявив, что текст телеграммы был неаутентичен, и предоставил официальный текст, в котором данный абзац отсутствовал.

**Дмитрий Леонидович ХОРВАТ (1858—1937) —
генерал-лейтенант, инженер-путеец, управляющий КВЖД,
один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке**

Родился 25 июля 1858 г. в городе Кременчуг Полтавской губернии в семье потомственных дворян. Окончил Николаевское инженерное училище, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В 1885 г. командирован на строительство Закаспийской военной железной дороги.



В 1895 г. получил назначение в Уссурийский край, на постройку Уссурийской железной дороги. В ноябре 1902 г. получил предложение занять пост управляющего строящейся Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), который занимал до апреля 1918 г. В 1904 г. произведен в чин генерал-майора, а в 1911 г. — генерал-лейтенанта. После Февральской революции 1917 г. стал комиссаром Временного правительства на КВЖД. Активно участвовал в Белом движении. С ноября 1918 г. по июнь 1919 г. был представителем Омского правительства адмирала А.В. Колчака в Маньчжурии. В августе 1919 г. вернулся в Харбин, откуда руководил полосой отчуждения КВЖД. В 1920 г. после «ноты Кар-

хана», по которой советское правительство передало права на КВЖД китайским властям, Д.Л. Хорват отошел от дел и уехал в Пекин, где занимался политической и общественной деятельностью. В 1921—1924 гг. был советником общества КВЖД в Пекине, а с 1924 г. — председателем отдела Русского общевоинского союза (РОВС). Оставался там до своей смерти, являясь официально признанным главой русской эмиграции на Дальнем Востоке. Похоронен у одной из стен Храма Всех Святых Мучеников на территории Русской духовной миссии в Пекине (ныне территория Посольства России в КНР).

Помимо китайского правительства, к установлению контроля над КВЖД проявляли интерес и другие державы, прежде всего США и Япония, выступавшие в этом смысле в качестве конкурентов самого китайского правительства. В самом начале 1919 г. для совместного надзора над ситуацией в районе КВЖД был создан Межсоюзный железнодорожный комитет (МЖК), в состав которого, кроме США и Японии, входили Великобритания, Франция, Италия, Китай и правительство, созданное А.В. Колчаком. В действительности, однако, основными соперниками выступали США и Япония, в то время как Китай всеми силами стремился отстоять собственные национальные интересы. В частности, осенью 1919 г. китайское военное командование предотвратило попытку атамана Г.М. Семенова, за которым стояли японцы, установить контроль над большей частью дороги. МЖК, в силу соперничества между его участниками, оказался недееспособным органом и был ликвидирован осенью 1922 г.

**Александр Васильевич КОЛЧАК (1874–1920) —
вице-адмирал, полярный исследователь,
лидер Белого движения**

Родился 4 (16) ноября 1874 г. в семье морского артиллерийского офицера. Получил хорошее образование — сначала в классической гимназии, затем в Морском кадетском корпусе. В 1895–1899 гг. служил на флоте во Владивостоке, совершил поход в Тихий океан. Во время плавания побывал в Китае, Корее, Японии и других странах, увлекся восточной философией, изучал китайский язык, самостоятельно занялся углубленным изучением океанографии и гидрологии. В 1900 г. был произведен в лейтенанты, участвовал в полярной экспедиции Э.В. Толля, и после ее окончания в 1902 г. был избран действительным членом Русского географического общества. Активно участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., во время обороны Порт-Артура попал в плен. В 1906 г. назначен начальником Отделения русской статистики Морского генерального штаба, однако вскоре, столкнувшись с сопротивлением своим планам возрождения российского флота, вернулся к научной работе, принял участие в экспедиции в Берингов пролив.



В 1910 г. вернулся к работе по реорганизации флота. Во время Первой мировой войны руководил действиями российского флота сначала на Балтийском, а затем, получив в 1916 г. чин вице-адмирала, на Черном море. В июле 1917 г., поддержав Февральскую революцию, был командирован в качестве начальника морской военной миссии в США. В ноябре 1917 г., находясь в Японии, узнал о намерении Советского правительства подписать с Германией мир и решил не возвращаться в Россию. Был принят на британскую службу и в 1918 г. приступил к формированию вооруженных сил для борьбы с «германо-большевиками». В ноябре 1918 г. приехал в Омск, где был назначен военным и морским министром правительства эсеровской Директории. В декабре 1918 г. совершил переворот, объявив себя «Верховным правителем России». Получил военную поддержку Англии, Франции, Японии, США, что позволило ему начать успешную борьбу с большевиками в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Однако курс А.В. Колчака на реставрацию дореволюционных порядков привел к массовому партизанскому движению. К лету 1919 г. главная группировка войск А.В. Колчака была разбита. 15 января 1920 г. он был арестован чехословацкими частями, которые передали его эсеров-меньшевистскому «Политическому центру». 21 января 1920 г. Политцентр передал власть в Иркутске большевистскому ревкому и А.В. Колчак оказался в руках большевиков. С 21 по 6 февраля 1920 г. допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией и в ночь с 6 на 7 февраля 1920 г. — расстрелян.

Прибывшая в Пекин в начале сентября 1924 г. миссия под руководством Л.М. Карахана оказалась в непростой ситуации, связанной с отсутствием явного стремления китайского МИДа к ведению предметных переговоров и установлению дипломатических отношений. С китайской стороны за ведение переговоров отвечали два дипломата: министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь

и высокопоставленный дипломатический чиновник Ван Чжэнтин. Если первый из них был карьерным дипломатом, который не придерживался определенных идеологических ориентаций, то второй был не только опытным дипломатом, но и политическим деятелем, близким Сунь Ятсену. Однако оба чиновника в ходе переговоров были готовы всеми силами отстаивать национальные интересы Китая.

Поворот в сторону конкретного обсуждения содержания будущего договора произошел в феврале следующего 1924 г. после признания СССР ведущими западными державами — Англией, Италией и Францией. К началу марта были подготовлены проекты соглашений, включая и договор по КВЖД. После обсуждения документов в китайском правительстве, 14 марта утром соглашения были подписаны Л.М. Караханом и главой китайской делегации Ван Чжэнтинем. Однако, к удивлению российской стороны пекинское правительство неожиданно выступило с заявлением, в котором указывалось на то, что Ван Чжэнтин не имел права подписывать документы. Новым главой делегации был назначен сам министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь, а китайская сторона выступила с целым рядом новых предложений. В их числе значились такие требования, как немедленное расторжение всех договоров, заключенных между СССР и Монголией, вывод оттуда советских войск, а также отказ передать СССР недвижимое имущество (в числе которого находились, например, православные церкви), принадлежавшее в прошлом России.

Изменение позиции Пекина объяснялось, прежде всего, давлением со стороны западных держав и Японии, которые хотели помешать передаче КВЖД в руки России, а также тем, что уступки, сделанные СССР, были сочтены чрезмерными. Между тем советская делегация отказывалась обсуждать внесение в соглашение каких-либо изменений, утверждая, что переговоры завершились и все необходимые документы уже подписаны. Переговоры возобновились лишь в самом конце мая и проходили по просьбе китайской стороны в конфиденциальной обстановке для того, чтобы не привлекать излишнего внимания иностранных держав. Никаких новых уступок по сравнению с документом, подписанным в марте, китайской стороне добиться не удалось, и 31 мая 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой».

В соответствии с соглашением, немедленно после его подписания стороны восстанавливали нормальные дипломатические и консульские отношения, для чего китайская сторона соглашалась вернуть помещения, принадлежавшие ранее дипломатическому ведомству царского правительства. В статье 3 подчеркивалось, что все соглашения, заключенные ранее между царской Россией и Китаем, аннулированы, и обе стороны в будущем заменят их новыми соглашениями на основе равенства, взаимности и справедливости. Обе стороны брали на себя обязательство не допускать на своей территории деятельности каких-либо организаций или групп, стремящихся к насильственному свержению существующей в обоих государствах власти. Статья 9 была специально посвящена обсуждению вопросов статуса КВЖД. В ней указывалось, что дорога является чисто коммерческим предприятием и что все вопросы, не связанные с деловыми операциями, должны находиться в ведении китайских властей. Наряду с этим СССР в принципе выражал согласие на выкуп дороги китайской

стороной, разумеется, после достижения соглашения об условиях выкупа. Этот и прочие конкретные вопросы, указывалось в документе, следовало обсудить на совместной конференции, которую предполагалось созвать через месяц после подписания соглашения. Эта конференция, однако, так и не была созвана. В документе указывалось, что советское правительство соглашалось отказаться от всех прав и привилегий царской России, включая права экстерриториальности и консульской юрисдикции, а также от российской части «боксерской» контрибуции. Помимо этого, СССР объявлял о признании суверенитета Китая над Внешней Монголией и обещал осуществить в кратчайшие сроки вывод советских войск с ее территории¹⁴.

Помимо основного договора, о котором шла речь выше, было подписано еще восемь документов, включая и особое соглашение о статусе КВЖД, в котором специально оговаривались принципы управления дорогой. В соответствии с достигнутыми договоренностями Председателем правления дороги должен был быть гражданин Китая, в то время как Управляющим дороги, то есть лицом, реально ответственным за ее функционирование как коммерческого предприятия, должен был стать гражданин СССР. Управляющим дороги советским правительством был назначен А.Н. Иванов, а его заместителем А.А. Эйсмонт. Для того чтобы закрепить достигнутые договоренности, в сентябре 1920 г. аналогичное по содержанию соглашение было заключено с правительством Чжан Цзолия.

Российские историки высоко оценивают соглашение 1924 г., называя его «своего рода революцией в отношениях с Китаем», приведшей к первому в истории китайской дипломатии равноправному договору с иностранной державой¹⁵. Современные китайские историки в основном согласны с этой оценкой, имея в виду, что Россия в одностороннем порядке отказалась от тех привилегий, которыми она, наряду с другими западными державами, до этого пользовалась в Китае¹⁶. В то же время некоторые западные авторы, прежде всего упоминавшийся выше Б. Эллеман, подвергают эти оценки сомнению, указывая на то, что некоторые привилегии, например режим экстерриториальности, Советской России удалось сохранить. В частности, для подтверждения своей точки зрения Б. Эллеман не совсем правомерно привел факт неподсудности китайским властям тех российских дипломатов («новые советские купцы»), которые занимались вопросами экономических связей с Китаем и которые в силу своего статуса пользовались дипломатическим иммунитетом¹⁷. Несмотря на наличие разноречивых оценок содержания советско-китайских соглашений 1924 г., их значение для нормализации взаимных отношений на основе равноправия несомненно. Нельзя также упускать из виду и тот факт, что советско-китайские договоренности стали прецедентом, к которому в будущем постоянно обращалась китайская дипломатия, требуя установления равноправных отношений и отмены привилегий, которыми продолжали пользоваться западные державы.

¹⁴ См: Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой. В кн.: Галенович Ю.М. Россия — Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003. С. 381–385.

¹⁵ Галенович Ю.М. Указ.соч. С. 63.

¹⁶ 薛衔天, 金东吉: 《1917—1949-民国时期中苏关系史》, 第91页.

¹⁷ Elleman B. Op. cit. P. 182.

Идеология и внешняя политика: советско-китайские отношения в 1924—1931 гг.

Советский Союз и революция в Китае

С 1920 г. Коминтерн, а следовательно, и Советская Россия, устанавливают связи с Гоминьданом, руководимым Сунь Ятсеном, и одновременно прилагают усилия для объединения радикально настроенных интеллектуалов в Китае на основе лозунгов коммунистической революции. На протяжении 1920—1921 гг. представители Коминтерна Г.Н. Войтинский, Г. Маринг, К.Н. Соколов-Стахов, К.А. Стоянович встречались с Сунь Ятсеном, а также с представителями китайской интеллигенции, сочувствовавшими русской революции, пытаясь объединить их на платформе коммунизма, что вполне соответствовало решениям Второго конгресса Коминтерна.

Григорий Наумович ВОЙТИНСКИЙ (Зархин) (1893—1953) — советский политический деятель, ученый-китаевед

Родился 5 (17) апреля 1893 г. в Невеле Витебской губернии. С 1913 г. жил в США и Канаде. Весной 1918 г. вернулся в Россию, вступил в РКП(б) и был направлен на работу в Красноярский совет. Вел подпольную работу против колчаковцев, уча-



ствовал в большевистском восстании в Омске, после подавления которого был направлен для партийной работы во Владивосток. В мае 1919 г. арестован, затем приговорен к бессрочной каторге и сослан на Сахалин, где в январе 1920 г. принял участие в установлении советской власти. В начале 1920 г. принят в Исполком Коминтерна (ИККИ) в качестве ответственного работника по китайскому направлению и сразу послан в Китай для организации там коммунистических кружков. В апреле 1920 г. в Шанхае Г.Н. Войтинский обсудил с марксистскими активистами Чэнь Дусю и Мао Цзэдуном возможность организации партийных кружков, а в мае непосредственно приступил к этой работе. Первая коммунистическая ячейка была создана в Шанхае 19 июля 1920 г., ее секретарем стал

Чэнь Дусю. В августе 1920 г. при участии Г.Н. Войтинского был образован Шанхайский социалистический союз молодежи и его отделение в Пекине и Тяньцзине. Г.Н. Войтинский в качестве представителя ИККИ принимал участие в работе 4-го и 5-го съездов Коммунистической партии Китая (КПК), майского (1924), октябрьского (1925) и июльского (1926) пленумов ЦК КПК. В 1926—1927 гг. был председателем Дальневосточного Бюро ИККИ в Шанхае. С 1932 г. работал секретарем Тихоокеанского секретариата Профинтерна. С 1934 г. находился на научно-исследовательской и преподавательской работе в Москве. В 1935 г. стал профессором. 22 июня 1941 г. ушел добровольцем на фронт, но вскоре был отозван и вернулся к научной и преподавательской работе. Опубликовал свыше 80 работ по экономике, политике и международному положению Китая, китайской революции. Умер в 1953 г. в Москве, похоронен на немецком кладбище в Лефортово.

В 1920 г. был учрежден Дальневосточный секретариат Коминтерна (с местопребыванием в Иркутске) для руководства революционным движением в странах Дальнего Востока, прежде всего в Китае. Дальневосточный секретариат отвечал за связи с двумя основными политическими силами, претендовавшими на руководство китайской революцией, партией Гоминьдан и Коммунистической партией Китая (КПК), образованной в 1921 г.

**СУНЬ ЯТСЕН 孫中山 (1866—1925) —
китайский революционер, основатель партии Гоминьдан**

Родился 12 ноября 1866 г. в деревне Цуйхэн уезда Сяншань (ныне Чжуншань, провинция Гуандун). При рождении получил имя Вэнь. В дальнейшем был известен под именами Сунь Вэнь и Сунь Чжуншань («Срединная Гора» — данное имя является аналогом его японского псевдонима «Накаяма», Ятсен — имя, данное ему во время учебы в Гонконге). Несколько лет ходил в местную школу, затем уехал на Гавайи, куда раньше переселился его старший брат. Учился в медицинском колледже в Гонолулу, в 1883 г. вернулся в Китай. В 1892 г. окончил медицинскую школу в Гонконге, занимался медицинской практикой в Макао. В 1894 г. совершил поездку в Северный Китай, написал письмо с изложением своей программы преобразований могущественному сановнику Ли Хунчжану, однако ответа не получил. В ноябре того же года основал «Союз возрождения Китая». В 1895 г. предпринял попытку организации восстания в Гуанчжоу, но после его подавления эмигрировал в Японию, позднее переехал в Лондон. В 1905 г. в Токио организовал революционную «Объединенную лигу» (Тунмэхуэй), сыгравшую важную роль в организации Синьхайской революции (1911). После революции избран временным президентом Китайской Республики, однако вскоре отказался от своего поста в пользу Юань Шикая. В 1912 г. в Пекине объявил о создании национальной партии (Гоминьдан) для борьбы со сторонниками Юань Шикая. В 1913 г. провозгласил начало второй революции, но потерпел неудачу и бежал в Японию. В 1914 г. основал там Китайскую революционную партию (Чжунхуа гэминьдан), в 1919 г. название было изменено на Китайскую национальную партию (Чжунго гоминьдан). В 1917 г. учредил собственное правительство в Гуанчжоу, но вскоре вынужден был бежать. В 1920 г. вновь возглавил правительство в Гуанчжоу. На политические взгляды Сунь Ятсена большое влияние оказал революционный процесс в России. В 1918 г. направил В.И. Ленину и советскому правительству телеграмму, в которой писал о своем глубоком восхищении тяжелой борьбой революционных масс России и выражал надежду на то, что в будущем революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы. В 1923 г. в Гуанчжоу для поддержки правительства Сунь Ятсена была направлена группа советских советников, Гоминьдан был реорганизован по образцу РКП(б). В конце 1924 г. Сунь Ятсен отправился в поездку по Северному Китаю в надежде провести переговоры с военными лидерами провинций, однако в ходе поездки серьезно заболел. Умер в Пекине 12 марта 1925 г. В предсмертном письме в ЦИК СССР выразил надежду на то, что «скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».



Уже к своему Третьему конгрессу (июнь-июль 1921 г.) Коминтерн рассматривал Гоминьдан в качестве наиболее вероятного союзника в Китае как Советской России, так и КПК. Хотя и после этого некоторые работники Коминтерна высказывали мнение о том, что более предпочтительными фигурами были такие региональные лидеры, как У Пэйфу или Чэнь Цзюньминь. В начале 1923 г., когда была принята «Резолюция Исполкома Коминтерна по вопросу об отношении Компартии Китая к партии Гоминьдан», этим колебаниям был положен конец. Именно Гоминьдан был объявлен «единственной серьезной национально-революционной группировкой в Китае»¹⁸.

Несмотря на то, что Советская Россия определенно сделала ставку на Сунь Ятсена, это не внесло ясности в целый ряд вопросов, являвшихся следствием этого решения. Как стало понятно вскоре после установления практического сотрудничества между Коминтерном и Гоминьданом, потенциально, пожалуй, три основные проблемы были способны вызвать наиболее острые разногласия между двумя сторонами. Первая состояла в характере стратегической линии борьбы за объединение Китая. Для советской стороны представлялось очевидным, что, несмотря на поддержку России, Сунь Ятсен и возглавляемый им Гоминьдан не обладают необходимыми ресурсами для объединения Китая, опираясь лишь на свои силы. В связи с этим Гоминьдану рекомендовалось взять курс на создание широкой коалиции, а проще говоря, сотрудничать с региональными милитаристскими режимами, стремившимися к свержению пекинского правительства. Сунь Ятсен же явно стремился к тому, чтобы добиться объединения Китая, опираясь на собственные силы, так как не предполагал в будущем делить власть с кем-либо.

Наряду с этим раздражение руководства Гоминьдана могла вызвать скрытая от него политика сотрудничества между Коминтерном и КПК, которая только под давлением Коминтерна согласилась играть роль союзника Гоминьдана в национальной революции. Наконец, третье обстоятельство состояло в том, что, начиная с Четвертого конгресса (ноябрь-декабрь 1922 г.), Коминтерн все более настойчиво ставил перед революционерами стран Востока, в том числе и Китая, задачу организации «аграрной революции», в которой он усматривал главный залог успеха национальных демократов. Именно последнее обстоятельство, как полагают некоторые авторы, «сыграло свою роковую роль в национальной революции в Китае»¹⁹.

Решение обратиться за помощью к Москве пришло к Сунь Ятсену не сразу. В начале 1920-х годов он серьезно рассчитывал на сотрудничество с Германией, с которой поддерживал контакты еще в годы Первой мировой войны. План Сунь Ятсена состоял в том, чтобы создать коалицию «отверженных»: Германии, России и Китая и, опираясь на иностранную военную помощь, добиться объединения Китая под эгидой Гоминьдана, а затем отменить все неравноправные договоры. Однако в 1922 г. Сунь Ятсен пришел к выводу, что реально можно рассчитывать на помощь только со стороны Советской России²⁰.

¹⁸ Коммунистический Интернационал и китайская революция. М.: Политиздат, 1986. С. 37.

¹⁹ Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39.

²⁰ Крюков М.С. Указ. соч. С. 54.

**Михаил Маркович БОРОДИН (Грузенберг) (1884–1951) —
русский революционер, советский государственный
и общественный деятель**

Родился 9 июля 1884 г. в селе Яновичи Витебской губернии. В 1903 г. вступил в РСДРП, член фракции большевиков. В 1904–1905 гг. жил в эмиграции в Берне. С начала революции 1905 г. находился на подпольной работе в Риге. В конце 1906 г. эмигрировал в Великобританию. В 1907–1918 гг. жил в США, где организовал школу для политических эмигрантов, стал видным деятелем русской политической эмиграции. В 1918 г. по указанию В.И. Ленина М.М. Бородин был направлен в Швецию, откуда в январе 1919 г. был выслан вместе с группой видных большевиков. В 1919 г. стал первым советским консулом в Мексике, где способствовал созданию Латиноамериканского бюро III Интернационала. Работал в Турции и Шотландии. В 1922 г. как агент Коминтерна был арестован в Глазго (Великобритания) и после полугодового заключения выслан из страны. С сентября 1923 по июль 1927 г. был политическим советником ЦИК Гоминьдана. Будучи советником Сунь Ятсена, М.М. Бородин много сделал для организации союза между партией Гоминьдан и китайскими коммунистами. После разрыва Чан Кайши с КПК в 1927 г. был отозван в СССР, назначен заместителем наркома труда. В 1932–1934 гг. был заместителем директора ТАСС, с 1932 г. — главным редактором англоязычной газеты «Московские новости» (Moscow News). В 1941–1949 гг. — главный редактор Совинформбюро. В 1949 г. арестован в ходе кампании по борьбе с «космополитами». 29 мая 1951 г. умер (по другим данным, был расстрелян) в исправительно-трудовом лагере в Сибири.



Во второй половине января 1923 г. состоялась встреча между советским полпредом в Китае А.А. Иоффе и Сунь Ятсеном, во время которой стороны согласовали основные черты будущего сотрудничества. По результатам встречи было принято известное «Коммюнике Сунь Ятсен — Иоффе». Давая согласие на оказание помощи национальным революционерам, А.А. Иоффе одновременно соглашался с тем, что коммунистическая система не может быть немедленно введена в Китае, так как для этого отсутствуют необходимые условия. По рекомендации А.А. Иоффе 8 марта того же года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об оказании денежной поддержки Сунь Ятсену и направлении в Китай военных и политических советников²¹. Об этом же речь шла в телеграмме, направленной правительством СССР правительству Сунь Ятсена в начале мая. Вскоре главным политическим советником Сунь Ятсена был назначен М.М. Бородин, старый большевик, имевший большой опыт международной работы. Он приехал в Гуанчжоу в октябре 1923 г. Уже летом того же года в Южный Китай стали прибывать

²¹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. М.: Буклет, 1994. Т. 1. С. 206.

первые советские военные советники, а с октября 1924 г. в Гуанчжоу их работу возглавил В.К. Блюхер, видный советский военачальник, отличившийся в годы Гражданской войны в России.

**Василий Константинович БЛЮХЕР (1889—1938) —
советский военный, государственный и партийный деятель,
Маршал Советского Союза**

Родился 19 ноября (1 декабря) 1889 г. в деревне Барщинка под Ярославлем в семье крестьянина. Фамилию Блюхер унаследовал от своего прадеда, участвовавшего в Отечественной войне 1812 г. рядовым и в шутку прозванного в честь популярного



тогда в России прусского фельдмаршала Гебхарта Леберехта Блюхера, командовавшего союзными русско-прусскими армиями во время войн с Наполеоном. Трудовую деятельность начал в 1909 г. слесарем на Мытищинском вагоностроительном заводе. За участие в рабочей забастовке в Москве в 1910 г. был арестован и заключен в тюрьму. Во время Первой мировой войны В.К. Блюхер был награжден двумя Георгиевскими крестами и двумя медалями. В 1917 г. — член Военно-революционного комитета в Самаре. В годы Гражданской войны сражался против атамана А.И. Дутова. В 1918 г. первым был награжден только что учрежденным орденом Красного Знамени за 1500-километровый рейд армии южноуральских партизан. Сражался против А.В. Колчака и П.Н. Врангеля. В 1921 г. В.К. Блюхер стал военным министром и главнокомандующим народно-революционной

армией Дальневосточной республики. С 1924 по 1927 г. работал в Китае в качестве главного военного советника при правительстве Чан Кайши. Участвовал в планировании Северного похода Народно-революционной армии (под псевдонимом «Зой Галин» в честь дочери Зои и жены Галины). В 1929 г. командовал Особой Дальневосточной армией, которая вошла на территорию Китая во время так называемого «конфликта на КВЖД». В 1935 г. В.К. Блюхер стал Маршалом Советского Союза. Летом 1938 г. командовал Дальневосточным фронтом во время боев с японцами у озера Хасан. В октябре того же года был репрессирован и вскоре умер в Лефортовской тюрьме (Москва).

Осенью 1923 г. с целью изучения опыта военного строительства в СССР в Москве находилась делегация Гоминьдана под руководством близкого сподвижника Сунь Ятсена, начальника Генерального штаба армии Южно-китайского правительства Чан Кайши. Китайская делегация была принята советским руководством на высоком уровне и провела переговоры по широкому кругу вопросов военно-политического сотрудничества. В ходе переговоров Чан Кайши обратился к советскому руководству с рядом предложений. Среди них были просьбы отправить в Китай как можно большее количество военных специалистов для обучения войск Южного правительства современным методам ведения военных действий, дать возможность членам делегации ознакомиться с опытом военного

строительства в СССР и обсудить планы возможной совместной военной кампании против северных милитаристов. Если два первых предложения вызвали в целом положительную реакцию, то обсуждать планы совместной военной операции на территории Китая советская сторона не сочла возможным.

ЧАН Кайши 蔣介石 (Цзян Цзешаи) (1887–1975) — Президент Китайской Республики

Родился 31 октября 1887 г. в городе Фэнхуа провинции Чжэцзян в семье торговца. Получил военное образование в академии в Баодине и в Японии, где вступил в организованную Сунь Ятсеном «Объединенную лигу». В 1911 г. вернулся в Китай, воевал на стороне революционеров в районе Шанхая. В 1918 г. прибыл в Гуанчжоу, где был назначен Сунь Ятсеном начальником оперативного управления. Принимал участие в боях с фуцзяньскими войсками. Однако в 1919 г. вынужден был уйти с командных постов. В феврале 1923 г. назначен Сунь Ятсеном начальником Генерального штаба и членом военного комитета партии Гоминьдан. В том же году посетил СССР для изучения советской военной доктрины и методов политической работы. В 1924 г. назначен комендантом военной школы Вампу (Хуанпу). В 1926 г. стал главнокомандующим Национально-революционной армией и возглавил Северный поход.



В 1927 г. войска Чан Кайши взяли Нанкин, где было создано новое Национальное правительство. Начал открытую борьбу против коммунистов. В августе объявил о своей отставке и об отходе от политической деятельности. 4 января 1928 г. вернулся на пост главнокомандующего Национальной революционной армией. 10 октября 1928 г. стал председателем Национального правительства Китайской Республики. Руководил страной во время войны с Японией. С 1937 г. налаживает отношения с СССР. Присоединяется к антигитлеровской коалиции. В ноябре 1943 г. принимает участие в Каирской конференции, вместе с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем подписывает Каирскую декларацию. В апреле 1948 г. в соответствии с новой конституцией Китайской Республики избран Президентом Китайской Республики. После поражения в гражданской войне с КПК в 1949 г. с остатками войск Гоминьдана перебазировался на Тайвань, где установил авторитарный режим. Переизбирался на пост президента Тайваня в 1954, 1960, 1966 и 1972 гг. Умер в Тайбэе 5 апреля 1975 г., передав власть сыну — Цзян Цзинго.

В начале 1924 г. в окрестностях Гуанчжоу в соответствии с указанием Сунь Ятсена была образована военная школа Гоминьдана по подготовке офицерского состава во главе с Чан Кайши, получившая название Вампу (Хуанпу). В ее работе весьма заметную роль играли советские военные и политические советники. В соответствии с достигнутыми договоренностями Советский Союз не только направил советников, но и оказывал Гоминьдану весьма серьезную военно-техническую и экономическую помощь. Уже в октябре 1924 г. в Гуанчжоу прибыло

советское судно, на борту которого находилось столь необходимое для снабжения Национально-революционной армии Сунь Ятсена оружие. На протяжении ближайших двух лет на юг Китая были посланы десятки самолетов, сотни артиллерийских орудий и пулеметов, десятки тысяч винтовок и сотни миллионов патронов. Кроме того, из Владивостока и Батуми пароходами доставлялись бензин, керосин, мазут, уголь и лес. Немалые средства советское правительство выделяло на подготовку военных и политических кадров для КПК и Гоминьдана как в Китае, так и в СССР. По подсчетам некоторых ученых, только на протяжении 1924–1925 гг. общие затраты советской стороны на эти цели составили около 30 млн рублей²². В 1926 г., в связи с усилением военной активности Национально-революционной армии, военная помощь со стороны СССР еще более возросла.

В январе 1924 г. в Гуанчжоу состоялся Первый конгресс «реорганизованного» Гоминьдана, в подготовке которого принимали участие как советские советники, так и члены КПК, которые полугодом ранее на своем Третьем съезде приняли решение о присоединении к партии Сунь Ятсена. Условием этого являлось вступление на индивидуальной основе с возможностью одновременного сохранения членства в компартии. В основу идеологии Гоминьдана, по совету представителей Советской России, были положены «три народных принципа» Сунь Ятсена в обновленной трактовке, что означало усиление их антиимпериалистической и антикапиталистической направленности. Одновременно Сунь Ятсен принял ленинский вариант партийного строительства, взяв курс на превращение Гоминьдана в партию «авангардного» типа с разветвленной системой партийных комитетов, основанной на жесткой дисциплине и иерархии.

Цель Сунь Ятсена состояла в том, чтобы первоначально укрепить позиции Гоминьдана на юге, создать боеспособную и дисциплинированную армию, поддерживавшую лозунги национальной революции, после чего предпринять поход с целью подчинения Гоминьдану Центрального и Северного Китая. Однако осенью 1924 г. общая военно-политическая обстановка в Китае претерпела серьезные изменения. В октябре генерал Фэн Юйсян, принадлежавший к чжилийской группировке, занял столицу Китая и выступил с объявлением о том, что он выражает солидарность с лозунгами национальной революции, провозглашенными Гоминьданом. Неожиданно Сунь Ятсен получил на севере сильного союзника. Это привело к тому, что военно-политическое руководство Севера — Чжан Цзолинь, Фэн Юйсян и Дуань Цижуй — обратилось к Суню с предложением принять участие в общенациональной конференции, на которой следовало обсудить политическое будущее Китая.

По мнению некоторых ученых, Сунь Ятсен «без колебаний» принял это предложение и уже в ноябре 1924 г. отбыл в Пекин, где всячески отстаивал принципы национальной революции, стремясь укрепить идейное влияние Гоминьдана²³. По другой версии, участие в национальной конференции, в успех которой он не верил, противоречило стратегии Суня на военное подчинение Севера и формирование общекитайского правительства под эгидой Гоминьдана. По этой версии, в этом проявились различия в позициях руководителя Гоминьдана и его советников из СССР, которые полагали, что без создания коалиции с частью

²² *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М.: Памятники исторической мысли, 1990. С. 61.

²³ *История Китая.* М.: Московский университет, 2004. С. 451.

милитаристов Севера не обойтись. Тем не менее, Сунь Ятсен внял увещаниям М.М. Бородина и Л.М. Карахана и согласился участвовать в Национальной конференции²⁴. Сунь прибыл в Пекин уже будучи тяжелобольным и скончался здесь в марте 1925 г. Впоследствии разногласия по вопросу о том, каким образом должно создаваться единое китайское правительство, стали одной из наиболее важных причин сначала охлаждения, а затем и разрыва отношений между Советским Союзом и Гоминьданом.

Смерть Сунь Ятсена, который ушел из жизни в момент, когда китайское общество, казалось, было готово к тому, чтобы объединиться на основе лозунгов национальной революции («движение 30 мая» 1925 г.), отрицательно сказалась на положении в Гоминьдане и ухудшила атмосферу в отношениях между участниками единого фронта. Если харизматическому руководителю Гоминьдана удавалось сдерживать противоречия между консервативным крылом партии, недовольным результатами сотрудничества с коммунистами, и более радикальным, которое пока не разочаровалось в едином фронте, то после его ухода из жизни междоусобная борьба в Гоминьдане обострилась. Проявились и противоречия, связанные с претензиями на верховную власть, что в конечном счете вылилось в противостояние между Председателем правительства Ван Цзинвэем и одним из наиболее влиятельных военных лидеров партии — генералом Чан Кайши. Тем не менее, 1 июля 1925 г. руководство Гоминьдана объявило о преобразовании гуанчжоуского правительства в Национальное правительство Китая, а в июле 1926 г. было принято окончательное решение о начале Северного похода с целью подчинения Центрального и Северного Китая и объединения всей страны под эгидой Гоминьдана.

По мере быстрого и успешного продвижения армий Гоминьдана на север осенью 1926 г. отмеченные выше противоречия обострялись, что усугублялось непоследовательной политикой Москвы. Это, собственно говоря, не было удивительным, поскольку непоследовательность была заложена в самой концепции единого фронта, сформулированной еще на Втором конгрессе Коминтерна. Происходящее в Китае из далекой Москвы виделось как близкое завершение демократического этапа революции, за которым в соответствии с логикой и недавней историей русской революции должен был последовать социалистический этап. В этой ситуации русским коммунистам и Коминтерну следовало дать ответ на следующий вопрос: какой фракции революционного движения в Китае следует прежде всего оказать поддержку? Нужно ли стремиться к укреплению внутреннего единства Гоминьдана, поддержать ли более радикальную группировку в самой партии, выступавшую за сохранение сотрудничества с СССР и китайскими коммунистами, или же сделать ставку на фракционную борьбу коммунистов и превращение Гоминьдана «изнутри» в еще один аналог КПК? Существовал и другой вариант, который рассматривался в Москве. Он состоял в выходе коммунистов из Гоминьдана с тем, чтобы они могли вступить в борьбу за объединение Китая на основе собственной политической программы.

На протяжении 1926 — первой половины 1927 гг. на эти вопросы в Москве давались разные ответы, что имело своим следствием противоречивые указания, которые получали как советские политические и военные советники, так и сами

²⁴ *Мамаева Н.Л.* Указ.соч. С. 128.

китайские коммунисты. В качестве иллюстрации того, какой представлялась ситуация в Китае, глядя из Москвы, можно привести характеристику, данную в феврале 1926 г. руководителем Коминтерна Г.Е.Зиновьевым: «Кантон (Гуанчжоу. — А.П.) — это маленькая китайская Москва, где распоряжается в первую очередь товарищ из Коминтерна М.М. Бородин, а почти все руководство осуществляет КПК»²⁵.

Подобное видение ситуации, разумеется, ощущало и руководство Гоминьдана, которое совершенно не собиралось отказываться от лидирующей роли в национальной революции и своих претензий на формирование правительства объединенного Китая. Его непонимание и раздражение вызывали требования Москвы поддержать массовое рабочее и крестьянское движение, руководимое преимущественно коммунистами, а также командный тон в отношении гоминьдановских лидеров, к которому все чаще прибегали советники из России. К этому надо добавить отсутствие ясности в главном вопросе: чего же, в конце концов, хочет Москва, которая, с одной стороны, активно поддерживала Гоминьдан, а с другой — явственно сопротивлялась планам организации Северного похода и подчинения националистам всего Китая. Эти противоречия в политике Москвы объяснялись, скорее всего, нежеланием отдавать Китай политической партии, которая не хотела полностью встать на платформу коммунизма²⁶.

Первым явственным сигналом того, что в Гоминьдане назревает недовольство политикой Москвы, стали события марта 1926 г., когда Чан Кайши неожиданно блокировал штаб и квартиры советских советников и произвел аресты среди коммунистов. После этого он упразднил Военный совет как высший орган управления войсками и объявил себя главнокомандующим Национально-революционной армией²⁷. В литературе советского периода эти события оценивались как столкновение буржуазного и демократического крыльев в Гоминьдане. Последние исследования российских ученых убеждают, что действия Чана объяснялись не столько идеологическими разногласиями, сколько опасением полностью утратить политическое влияние в собственной партии и армии²⁸. Таким образом, как полагают некоторые тайваньские историки, сами советские советники провоцировали острое чувство разочарования в искренности их намерений среди гоминьдановских деятелей, подобных Чан Кайши, который до этого был убежденным сторонником сотрудничества с СССР и даже заслужил имя «красного

²⁵ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 2. С. 54.

²⁶ Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М.: ИДВ РАН, 2000. С. 148.

²⁷ Сам Чан Кайши следующим образом объяснял мотивы своего поведения: до него якобы дошли сведения о том, что советские советники вместе с коммунистами планировали совершить государственный переворот, взять Чана под арест, а затем отправить его во Владивосток в качестве узника. По его версии, именно этими обстоятельствами были продиктованы действия, предпринятые им и направленные против союзников по единому фронту. (См: *Chiang Chung-Cheng. Soviet Russia in China. A Summing-up at Seventy*. New York: Farrar, Straus and Cudahy, 1958. P. 42–43.) Впрочем, опубликованные на протяжении последних двух десятилетий документы из российских архивов не подтверждают версию о советским заговоре с целью устранения Чана.

²⁸ Вот как о причинах этих событий пишет А.В. Панцов: «Реализация коминтерновских установок, направленных на коммунизацию Гоминьдана, оборачивалась почти откровенным стремлением советских советников и китайских коммунистов овладеть аппаратом Центрального исполнительного комитета ГМД и Национального правительства. Это закономерно привело к так называемому «перевороту» Чан Кайши в Гуанчжоу 20 марта 1926 г., через пять дней после закрытия 6 пленума ИККИ». См.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 135.

генерала»²⁹. Весьма взвешенную оценку «мартовского инцидента» можно найти в фундаментальном исследовании истории КПК известного тайваньского историка Чэнь Юнфа, который писал: «Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши) не имел в виду отказаться от политики Сунь Ятсена, предусматривавшей союз с СССР и КПК. Его цель состояла лишь в том, чтобы предотвратить полное подчинение Гоминьдана Коминтерну и компартии, ограничив их влияние. Он не стремился также к изгнанию коммунистов, а в отношении Коминтерна его требование состояло всего лишь в том, чтобы получить поддержку в проведении Северного похода»³⁰.

К концу 1926 г. под властью Национального правительства находилось семь провинций Юга Китая, включая и такой ключевой город, как Ухань, куда вскоре и переехало само правительство. В начале следующего 1927 г. гоминьдановские армии предприняли военные операции, направленные на захват Шанхая, крупнейшего экономического центра Китая, а также подчинение Нанкина, традиционно считавшегося южной столицей Китая. Войскам северных милитаристов У Пэйфу и Сунь Чуаньфана было нанесено тяжелейшее поражение. Далеко не последнюю роль в этом триумфе Гоминьдана сыграла военная и материальная поддержка со стороны СССР, а также работа советских военных советников во главе с В.К. Блюхером, которые не только планировали все важнейшие военные операции Гоминьдана, но и зачастую находились в войсках во время ведения военных действий.

Успехи Гоминьдана в военной области сопровождалась усилением противоречий и противостояния между уханьским правительством во главе с Ван Цзинвэем и Главкомом Чан Кайши. Само же уханьское правительство испытывало сильное давление со стороны советских политических советников и коммунистов, которые требовали активизации рабочей и особенно крестьянской политики. Между тем реальным результатом поддержки забастовочного рабочего движения в Ухане стал глубокий экономический кризис, а деревня была ввергнута в борьбу между верхами и низами, причем низы были представлены преимущественно паупер-люмпенскими элементами. В результате вместо консолидации общества на основе платформы Гоминьдана партия столкнулась с ситуацией нарастающего политического напряжения и дестабилизации обстановки в тылу воюющих армий³¹.

В марте 1927 г. с целью ослабить рост влияния Чан Кайши ЦИК Гоминьдана принял решение освободить его от всех партийных и государственных постов, за исключением Главкома, а в конце марта, судя по всему, был отдан секретный приказ об его аресте³². В ответ Главком в захваченных им Шанхае и Нанкине

²⁹ Yu Min-ling. A Reassessment of Chiang Kaishek and the Policy of Alliance with the Soviet Union // Mechthild Leutner, Roland Felber, Mikhail L. Titarenko, and Alexander M. Grigoriev (eds). *The Chinese Revolution in the 1920s: between Triumph and Disaster*. London and New York: Routledge Curzon, 2002. P. 99.

³⁰ 陳永發 (Чэнь Юнфа): 《中國共產黨革命七十年》(70 лет истории революции КПК), 臺北, 聯經出版社, 1998年, 第一冊, 第102頁.

³¹ Накануне разрыва единого фронта не только лидеры Гоминьдана понимали, что развертывание «аграрной» революции отдалит их от победы, но и сами советские политические советники склонялись к мысли, что переход к этому курсу является, по крайней мере, преждевременным. См: Pisarev Alexander A. Two Versions of the "Peasant-Agrarian Question" in China: Comintern vs. Guomindang // Mechthild Leutner et al (eds.). *The Chinese revolution in the 1920s: between triumph and disaster*. London: RoutledgeCurzon, 2002. P. 269–271.

³² Мамаева Н.Л. Указ. соч. С. 321.

установил, в сущности, собственный политический режим, распорядился распустить профсоюзы, подверг арестам и репрессиям коммунистов. 18 апреля 1927 г. Чан Кайши провозгласил образование собственного Национального правительства, что означало раскол в национально-революционном движении. Отныне существовали два Гоминьдана и два правительства, одно с центром в Ухане, другое — в Нанкине. При этом оба правительства провозглашали верность «трем народным принципам» Сунь Ятсена, конечным целям национальной революции и подтверждали приверженность сотрудничеству с СССР. Подобная ситуация не могла сохраняться в течение сколько-нибудь длительного времени. В конце июля 1927 г. руководство уханьского Гоминьдана предложило коммунистам, желавшим продолжать участвовать в его работе и в правительстве, отмежеваться от КПК. Это решение стало прологом «мирного» изгнания коммунистов из Гоминьдана, поскольку в Ухане, в отличие от Шанхая, они первоначально не подвергались репрессиям. Советские советники еще в течение некоторого времени сохраняли свои посты, а затем часть из них вернулась на родину или ушла в подполье, сосредоточившись на помощи китайским коммунистам.

Раскол внутри Гоминьдана был преодолен только в начале следующего 1928 г., когда в феврале в соответствии с решениями пленума ЦИК Гоминьдана было образовано новое Национальное правительство со столицей в Нанкине. Во главе стал Чан Кайши, сохранивший за собой и высшее военное руководство. К концу этого же года нанкинскому правительству удалось добиться признания со стороны основных политических сил Китая. Начался новый этап истории Китая XX века, который принято называть «нанкинским» десятилетием.

Это десятилетие, помимо консолидации гоминьдановского режима, было ознаменовано началом нового этапа гражданской войны. На этот раз ее основными участниками стали недавние товарищи по единому фронту: Гоминьдан и КПК. 1 августа в городе Учан части Национально-революционной армии, находившиеся под влиянием коммунистов, подняли восстание, а осенью КПК выдвинула лозунги непосредственной борьбы за советы в Китае, что означало призыв к вооруженному свержению власти Гоминьдана.

Несмотря на то что на протяжении последних двадцати лет в изучении такой своеобразной страницы в истории советско-китайских отношений, как сотрудничество между СССР и Южным правительством Китая, в России был достигнут большой прогресс, тем не менее существовавшие в советской историографии фундаментальные оценки не были пересмотрены. Современные российские исследователи единодушны в том, что без советской военной, политической и экономической поддержки Гоминьдану вряд ли удалось бы добиться главной цели, поставленной перед партией Сунь Ятсеном: объединить Китай под лозунгами национальной революции³³. При этом они подчеркивают особую роль, которую сыграли советские военные советники, много сделавшие не только для создания современных вооруженных сил Гоминьдана, но и принимавшие непосредственное участие в планировании и проведении военных операций. Разумеется, без массированных поставок вооружений Москвой, в особенности на решающем этапе Северного похода, его исход мог быть иным³⁴. Наряду с этим,

³³ *Мамаева Н.Л.* Указ. соч. С. 346.

³⁴ *Картунова А.И.* Указ. соч. С. 282–283.

российские исследователи отмечают, что политика ВКП(б) и Коминтерна была непоследовательной и в целом страдала «левизной». Это следует понимать как стремление превратить национальную революцию в социалистическую тогда, когда для этого не было необходимых условий. Впрочем, это обстоятельство вряд ли может вызывать удивление, поскольку исторический опыт XX столетия убеждает в том, что идеи мировой социалистической революции были щедрой данью не чему иному, как исконному утопическому идеалу.

Советско-китайский конфликт 1929 года

Вмешательство Москвы во внутрисполитическую борьбу в Китае и прямая поддержка, начиная с осени 1927 г., коммунистического движения привели к ухудшению советско-китайских отношений. Уже в начале апреля 1927 г. полиция северного правительства в сопровождении военных вторглась на территорию советского полпредства в Пекине и произвела обыск в помещении, которое занимал военный атташе, а также в квартирах дипломатов. 15 советских сотрудников и 60 китайских граждан, среди которых были члены КПК, включая и такого видного руководителя партии, как Ли Дачжао, были арестованы. Некоторые из арестованных были жестоко избиты. В качестве предлога для подобных действий пекинского правительства были названы поддержка китайских граждан (т.е. коммунистов), которые занимались антиправительственной деятельностью, а также организация шпионской сети, центр которой находился на территории посольства³⁵. Советская сторона выступила с резким протестом, отвергла обвинения в шпионаже, потребовала извинений, освобождения арестованных и возвращения изъятых документов и вещей. Вплоть до удовлетворения этих требований советский посол вместе с дипломатическими сотрудниками отзывался на родину, а для выполнения необходимых функций был оставлен лишь персонал консульства. В декабре того же года было совершено нападение на советское консульство в Гуанчжоу, в результате которого ряд советских служащих был подвергнут аресту, а некоторые расстреляны.

После объединения Китая под эгидой Гоминьдана межгосударственные отношения между СССР и Китаем продолжали непрерывно ухудшаться, что в конечном итоге привело к советско-китайскому вооруженному конфликту осенью 1929 г., получившему название «конфликт на КВЖД». Эти события были во многом проигнорированы в последующей историографии, что, видимо, следует объяснять тем, что для советских историков, как впоследствии и для ученых КНР, военное вторжение СССР на территорию Китая с целью удержания контроля над КВЖД было не вполне «удобной» темой. Действительно, следовало найти приемлемые объяснения тому, что СССР, провозгласивший отказ от всех прав и привилегий царского правительства и в принципе давший согласие на выкуп дороги китайским правительством (что было зафиксировано в договоре 1924 г.), вступил в войну с Китаем для того, чтобы удержать КВЖД под своим контролем. Эта тема была не совсем удобна и для гоминьдановской историографии в связи

³⁵ Российские историки косвенно признают, что эти обвинения не были полностью беспочвенными. Например, В.Н. Усов, отзываясь о документах, которые были захвачены в советском посольстве в Пекине, пишет: «Это доказывает, что все-таки советские секретные службы неплохо работали в Китае» (Усов В.Н. Указ. соч. С. 264).

с тем, что в военном противостоянии с СССР мукденские власти и стоявшее за ними нанкинское правительство потерпели в итоге сокрушительное поражение.

Оценки, которые можно обнаружить в историографии этой темы, в сущности, являлись продолжением идеологизированных обвинений, которыми обе стороны обменивались накануне и в ходе конфликта. Советская дипломатия, а вслед за ней и некоторые историки не только подчеркивали то обстоятельство, что китайские власти нарушили существовавшие договоренности, но и утверждали, что они готовили почву для военного вторжения на территорию СССР с целью отторжения советского Дальнего Востока³⁶. Китайская же сторона указывала, что линия отчуждения КВЖД стала базой советской агрессии в Китае, направленной на свержение легитимного правительства. Таким образом, как Россия, так и Китай накануне и в ходе конфликта оправдывали свои действия не столько стремлением к сохранению или установлению контроля над КВЖД, сколько опасениями, связанными с государственным суверенитетом и национальной безопасностью, что в действительности являлось лишь одной из причин произошедшего.

Более взвешенную оценку этих событий можно найти в работе американского историка Э. Клабба, который однозначно возложил ответственность за эскалацию конфликта на китайскую сторону, сознательно пошедшую на нарушение существующих международных соглашений. По его мнению, решение о захвате КВЖД и устранении советского персонала дороги было принято самим Чан Кайши, который стремился воспользоваться тем, что Россия в тот период была слабейшей из иностранных держав и вряд ли осмелилась бы на вооруженное вторжение в Китай³⁷. Думается, однако, что «стратагема», которой следовал Чан Кайши, была шире и включала также целый ряд других элементов. Если бы СССР уступил китайскому давлению, то это могло бы стать хорошим предлогом для решения средствами «революционной дипломатии» главной внешнеполитической проблемы Китая — ликвидации полуколониальных прав и привилегий, которыми продолжали пользоваться остальные великие державы. Очевидно также, что Чан Кайши рассчитывал усилить свое влияние в Маньчжурии, поскольку мукденское правительство не было способно в одиночку противостоять СССР и нуждалось в поддержке центральных властей. Наряду с этим глава Правительства Трех восточных провинций Чжан Сюэлян (сын прежнего хозяина Маньчжурии маршала Чжан Цолиня, погибшего в 1928 г. в результате террористического акта, который устроили японские агенты) имел свои собственные виды. Устранение СССР из Маньчжурии подняло бы его авторитет в качестве общекитайского лидера и, таким образом, укрепило бы его позиции в противостоянии с нанкинским правительством.

Прологом к переходу конфликта в острую фазу стали события, связанные с захватом мукденскими властями в декабре 1928 г. телефонной станции в Харбине, в соответствии с существовавшими соглашениями принадлежавшей администрации КВЖД. Это, естественно, вызвало резкие протесты советской стороны. В конце мая следующего 1929 г. под предлогом того, что в советском консульстве в Харбине проходило собрание «сторонников Третьего Интернационала», китайская полиция вторглась на его территорию, арестовала 39 находившихся там советских граждан и конфисковала большое количество документов. Дипломати-

³⁶ Душенькин В. В. От солдата до маршала. М.: Воениздат, 1966. С. 185.

³⁷ Clubb Edward O. China and Russia: The «Great Game». New York: (Columbia): Columbia University Press, 1971. P. 255.

ческий персонал при этом подвергнут аресту не был. Часть из конфискованных документов, якобы содержащих данные о подрывной деятельности советских агентов в Китае, впоследствии была опубликована в китайской печати³⁸.

Таким образом, предлог, выбранный китайскими властями для усиления давления на СССР, был сформулирован достаточно определенно: помощь антиправительственному коммунистическому движению в Китае, центром которого являлась КВЖД. Между тем с точки зрения логики и соответствия реальностям этот предлог выглядел весьма сомнительным. Действительным центром коммунистического движения в Китае в этот период являлись южные провинции страны, прежде всего провинции Фуцзянь и Цзянси, куда действительно из Владивостока доставлялось оружие, предназначенное для партизанских отрядов. В Маньчжурии же в этот период, как следует из документов Коминтерна, китайское коммунистическое движение практически отсутствовало, поскольку только в сентябре 1929 г., когда конфликт приближался к военной фазе, Коминтерн поставил задачу широкой организации ячеек КПК в Северо-Восточном Китае³⁹.

Тем не менее китайская сторона была твердо намерена добиться поставленных целей. В середине июля 1929 г. в Пекине состоялось совещание, в котором приняли участие Чан Кайши, Чжан Сюэлян и министр иностранных дел нанкинского правительства Ван Чжэнтин. Принятое решение гласило, что установление полного контроля над КВЖД со стороны китайских властей является необходимым условием подавления коммунистического движения в стране в целом. За этим последовали конфискация телеграфной станции КВЖД, закрытие представительства советских внешнеторговых организаций, роспуск профсоюзов, смещение советского руководства администрацией дороги. Помимо этого, китайскими властями были произведены аресты среди советских граждан, являвшихся служащими КВЖД. Всего было арестовано и посажено в тюрьмы более 200 человек. К октябрю количество интернированных граждан СССР, по сообщениям советской печати, возросло до 2000 человек. На предложение советской стороны созвать конференцию для обсуждения спорных вопросов положительного ответа получено не было. В ноте от 17 июля 1929 г., направленной правительству СССР, китайский МИД отверг обвинения в нарушении международных соглашений и объявил о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом.

Несмотря на то что китайская сторона последовательно шла к достижению поставленной цели, Чан Кайши не только не планировал военное вторжение на советскую территорию, но и всеми силами стремился избежать военного конфликта с СССР, понимая, что его результаты могут быть не в пользу Китая. Летом 1929 г. он неоднократно обращался к Чжан Сюэляну с предостережениями и рекомендациями всеми силами избегать действий на границе, способных вызвать вооруженный ответ со стороны России. Между тем положение на советско-китайской границе было весьма беспокойным. Советская сторона обвиняла китайских военных в обстрелах российских приграничных поселений и в поддержке белогвардейских отрядов, которые регулярно переходили границу, вступали в столкновения с советскими пограничниками и совершали рейды вглубь территории СССР. Китайские власти отвечали тем же, утверждая, что границу

³⁸ Некоторые современные российские историки, как и советские дипломаты того времени, указывают, что опубликованные материалы были подделкой. См: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 201.

³⁹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 3. Ч. 1. С. 597.

нарушали и вооруженные отряды, приходившие со стороны СССР, которые устраивали массовые расправы среди антикоммунистически настроенного населения в русских станицах на китайской территории.

В этой ситуации в начале августа советское руководство приняло решение о формировании Особой краснзнаменной дальневосточной армии (ОКДВА), командующим которой был назначен недавний главный военный советник при ставке Чан Кайши В.К. Блюхер. 20 августа в советской печати было опубликовано заявление НКВД, в котором вся ответственность за обострение советско-китайских отношений возлагалась на китайскую сторону, повинную, как говорилось в документе, в многочисленных нарушениях границы, вооруженных провокациях, нападениях на советских гражданских и военных лиц. В заявлении также содержалось требование о немедленном разоружении всех белогвардейских отрядов, наказании лиц, участвовавших в нападениях на советскую территорию, а также освобождении подвергнутых аресту советских граждан.

Решимость, с которой СССР готовился к войне, не могла не быть замечена китайским правительством, стремившимся удержать КВЖД под своим контролем и одновременно избежать вооруженной эскалации конфликта. Чан Кайши вновь обратился с призывом к Чжан Сюэяну сделать все возможное для предотвращения столкновений в приграничных районах. 28 августа через германского посла в Москве министру иностранных дел М.М. Литвинову было вручено послание китайского правительства. В нем Нанкин гарантировал освобождение арестованных граждан СССР, однако отказывался восстановить на своих постах прежних советских руководителей администрации КВЖД. Таким образом, китайское правительство вновь заявляло о своей решимости удержать дорогу под своим полным контролем, что было явно неприемлемо для России.

Военные действия были начаты в ноябре советской стороной и продолжались всего лишь десять дней. Этого времени хватило для нанесения поражения воинским формированиям китайской армии, дислоцированным в приграничных районах. Разгромив противника, Красная армия не стала продвигаться вглубь территории Китая, поскольку цель военной операции была достигнута: уже в конце ноября и Мукден, и Нанкин выразили готовность к началу переговоров на советских условиях. 22 декабря был подписан Хабаровский протокол, в соответствии с которым СССР и Китай соглашались восстановить статус КВЖД на основе положений договора 1924 г. Советские граждане, арестованные китайскими властями, подлежали освобождению, а захваченные в плен китайские военнослужащие передавались китайской стороне⁴⁰. Несмотря на то что вопрос о восстановлении дипломатических отношений на переговорах не обсуждался, на всей территории восточных провинций возобновили работу советские консульства так же, как и китайские консульские учреждения на территории советского Дальнего Востока. Впрочем, уже 8 февраля 1930 г. нанкинское правительство объявило о непризнании Хабаровского протокола. Нанкин предложил обсудить проблемы, связанные со статусом КВЖД, на совместной конференции, что было предусмотрено текстом Хабаровского протокола. В мае 1930 г. для ведения переговоров в Москву прибыл китайский представитель Мо Дэхуй, однако переговоры начались только в октябре 1930 г. и затянулись на два года, на протяжении

⁴⁰ В Хабаровске подписан советско-китайский протокол // Правда. 1929. 23 дек.

которых международное положение Китая изменилось кардинальным образом. Между тем, как и ранее, ситуация на дороге была крайне нестабильной, а отношения между двумя государствами продолжали оставаться враждебными.

Советский Союз не воспользовался плодами военной победы для того, что добиться от Китая каких-либо новых уступок. Одержав победу в конфликте, СССР, однако, потерпел поражение в борьбе за общественное мнение в Китае, которое было целиком на стороне нанкинского правительства. Нанкин же в этом конфликте столкнулся не только с военным, но и дипломатическим поражением — ни одна из западных держав не выступила однозначно на стороне Китая, они предпочли «империалистическую солидарность» и, в сущности, поддержали возвращение к статусу КВЖД, оговоренному соглашением 1924 г. Легкость, с которой ОКДВА нанесла поражение противнику, свидетельствовала о слабости Китая и о его неспособности заставить великие державы отказаться от их прав и привилегий, что отодвигало в будущее восстановление полного суверенитета Китая. Поражение Китая в «конфликте на КВЖД» стало и личным поражением Чан Кайши, поскольку не удалось добиться осуществления ни одного из элементов тщательно подготовленной им «стратегемы» по возвращению дороги под суверенитет Китая. Япония не принимала участия в конфликте, однако позднее именно ей удалось воспользоваться его результатами. Уже вскоре после описанных событий не только КВЖД, но и вся территория Трех восточных провинций перешла под ее контроль.

Японское вторжение и советско-китайские межгосударственные отношения в 1931–1937 гг.

СССР и нарастание угрозы японской агрессии против Китая

Еще летом 1927 г. в Токио прошли совещания представителей политических элит Японии под руководством премьер-министра Г. Танака, на которых обсуждались вопросы внешнеполитической стратегии страны. Основным итогом этих совещаний стало определение направлений японской экспансии, имевшей своей целью установление господства в Азии. Условием ее успеха были названы установление непосредственного контроля над Северо-Восточным Китаем и подчинение Внутренней Монголии. Китаю в этой стратегии была уготована роль сателлита, который планировалось втянуть в орбиту внешнеполитического влияния Японии. Продолжение японской экспансии в Азии, естественно, должно было иметь своим конечным результатом вытеснение западных держав и захват советского Дальнего Востока.

К осуществлению этого плана японское правительство приступило несколькими годами позднее, когда в сентябре 1931 г. под предлогом незначительного инцидента японские войска, не встречая серьезного сопротивления, начали устанавливать военный контроль в Маньчжурии. К началу следующего 1932 г. вся территория Трех восточных провинций была захвачена японской армией. Попытки Китая остановить японскую агрессию при помощи Лиги Наций и западных держав ни к чему не привели. В ответ на просьбу Китая Лига Наций сформировала специальную комиссию под руководством британского представителя

В. Бульвер-Литтона, перед которой была поставлена задача, прежде всего, разобраться в происходящих событиях. Прибывшая в Китай комиссия Лиги Наций была поставлена японскими властями перед свершившимся фактом существования в Маньчжурии якобы национального китайского правительства, сформированного на основе «свободного» волеизъявления народа Маньчжурии, а на самом деле находившегося под полным японским контролем. В марте 1932 г. было объявлено о создании государства Маньчжоу-го, ставшего двумя годами позже «Маньчжурской империей», а в 1937 г. — наследственной монархией. Первым и единственным императором этого марионеточного государства стал последний правитель цинского Китая Пу И, тайно перевезенный японскими агентами из Тяньцзиня, где находилась его резиденция. Несмотря на то что смысл доклада «комиссии Литтона» сводился к тому, что Маньчжоу-го — это марионеточное государственное образование под японским контролем, он не мог отменить свершившегося факта: Китай утратил весьма значительную часть своей территории, ставшей, в сущности, японской колонией. При этом великие державы не сделали ничего для того, чтобы удержать Японию от вторжения. Китай остался один на один с гораздо более сильным и агрессивным противником.

Уже с самого начала японской агрессии Советский Союз, несмотря на объявленную им политику нейтралитета, оказался косвенно вовлеченным в события, происходившие в Северо-Восточном Китае. Японское командование требовало предоставить КВЖД для транспортировки своих войск, что вызывало протесты со стороны советской администрации дороги, которая, в соответствии с общей позицией СССР, также объявила о нейтралитете. Это означало отказ от перевозки войск и военных грузов обеих воюющих сторон. Весной 1932 года, однако, стало ясно, что, несмотря на многочисленные протесты советской стороны, подлинными хозяевами дороги стали японские военные власти, которые диктовали свои условия. В этой ситуации отстоять свои интересы СССР мог только, пойдя на военный конфликт с Японией, к чему Москва в этот период была не готова, тем более в условиях, когда само нанкинское правительство не было намерено оказать серьезное сопротивление японскому вторжению. Еще в самом начале вторжения Нанкин отдал распоряжение Чжан Сюэляну отвести свои армии из Маньчжурии в пределы Северного Китая, а в мае 1933 г. в Тангу было заключено японо-китайское соглашение, которое фактически зафиксировало отказ китайского правительства от Маньчжурии. В то же время, несмотря на нажим Японии, Нанкин отказался признать Маньчжоу-го и установить с ним дипломатические отношения. В этих условиях единственное, что могла сделать Москва, — это продемонстрировать китайскому и мировому общественному мнению, что СССР ни в коей мере не желал способствовать японской агрессии.

Стремясь обеспечить международное признание, уже в марте 1932 г. министр иностранных дел Маньчжоу-го обратился к советскому правительству с предложением об установлении дипломатических отношений. Тогда советская дипломатия не пошла на это, как, впрочем, и годом позднее, когда на очередное предложение Маньчжоу-го обменяться послами с советской стороны был получен отказ. Однако это не означало полного отсутствия каналов связи между двумя сторонами по дипломатической линии. Советской дипломатией это было объяснено тем, что в Северо-Восточном Китае существует значительная российская собственность, проживают тысячи граждан СССР и есть практическая необхо-

димось поддерживать отношения с той властью, которая реально контролирует эту территорию. СССР согласился на открытие 5 консульств Маньчжоу-го (в том числе в Москве), столько же консульских учреждений СССР продолжало действовать на территории Северо-Восточного Китая.

Имея общую границу с оккупированной японцами Маньчжурией, несмотря на объявленную позицию нейтралитета и невмешательства, Россия была поставлена перед необходимостью в ряде случаев принимать сложные решения, вызванные развитием военно-политической ситуации на территории соседа. Когда в начале декабря 1932 г. японцам удалось подавить выступление патриотически настроенного китайского генерала Су Бинвэня, остатки его армии перешли советско-китайскую границу. На территории СССР оказалось около 3000 китайских военнослужащих и более тысячи гражданских лиц. В начале января 1933 г. границу пересекли еще более 5000 китайских военных и гражданских лиц. В ответ на просьбу японских властей выдать китайских граждан советский МИД ответил твердым отказом. Стремясь подчеркнуть свою симпатию к патриотически настроенным китайским военным, руководство СССР пригласило их в Москву для встречи с советскими лидерами, а весной 1933 г. все интернированные военные и гражданские лица были разными путями репатриированы в Китай⁴¹.

В складывавшейся крайне неблагоприятной для Китая международной ситуации нанкинское правительство стремилось прощупать позицию СССР в отношении японо-китайского конфликта. 23 сентября 1931 г. китайский представитель в Москве на переговорах по КВЖД Мо Дэхуй в соответствии с инструкциями из Нанкина встретился с заместителем наркома по иностранным делам СССР Л.М. Караханом и задал ему вопрос о позиции СССР в отношении японо-китайского конфликта. Л.М. Карахан заверил китайского дипломата в том, что симпатии СССР целиком на стороне китайского народа и советское правительство обеспокоено ситуацией, складывающейся в Северо-Восточном Китае. Причина этой обеспокоенности, продолжил Л.М. Карахан, состоит в том, что события развиваются вблизи советских границ, а по территории, охваченной военными действиями, проходит КВЖД, представляющая значительный интерес для СССР. Буквально через несколько дней, во время следующей встречи между Л.М. Караханом и Мо Дэхуем, последний высказал «личное мнение» о желательности восстановления дипломатических отношений между двумя странами. Это заявление отражало явное изменение позиции правительства Чан Кайши⁴².

Тем не менее Нанкин продолжал размышлять о целесообразности восстановления дипломатических отношений с государством, которое оказывало моральную и иную поддержку китайским коммунистам, продолжавшим вести вооруженную борьбу против центрального правительства с целью его свержения. Однако военно-стратегические соображения, связанные со стремлением если не найти союзников, то хотя бы обрести невраждебное международное окружение, в конечном счете возобладали. В июне 1932 г. руководитель китайской делегации на переговорах в Женеве Янь Хуэйцин обратился к главе советской делегации наркому М.М. Литвинову с предложением приступить к переговорам о восстановлении дипломатических отношений. О возобновлении

⁴¹ Документы внешней политики СССР. Указ. соч. Т. 15. С. 798.

⁴² *Tikhvinski S.L. Soviet-Chinese Diplomatic Relations (1932–1950)*. Taipei: Tamkang University Press, 1995. P. 7.

полных дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой было объявлено 12 декабря 1932 г., однако, в силу отмеченных выше причин, двусторонние отношения были далеки от дружественных.

**Янь Хуэйцин 顏惠庆 (1877–1950) —
китайский политический деятель, дипломат и литератор-переводчик**

Родился 2 апреля 1877 в Шанхае в семье англиканского священника. Закончил школу в США, затем учился в Вирджинском университете, во время учебы преподавал в религиозной школе и работал в китайской миссии в США. После окончания учебы



в 1900 г. вернулся в Китай, преподавал в англиканском Университете Св. Иоанна в Шанхае. В 1905 г. стал редактором шанхайской газеты на английском языке «South China Journal», работал в издательстве «Шанъу иньшугуань», составил «Большой англо-китайский словарь». В 1906 г. принял участие в экзаменах, проведенных правительством среди учившихся за границей, занял второе место, получив степень цзиньши. В 1907 г. назначен советником второго класса в миссию в США. Во время работы стажировался в Университете Дж. Вашингтона, вступил в Американское общество международного права. В 1910 г. вернулся в Китай, работал во внешнеполитическом ведомстве. После начала Синхайской революции вел переговоры с представителями других стран от имени Юань Шикая, добившись их поддержки,

стал помощником Юань Шикая по внешней политике. В 1912 г. — заместитель министра иностранных дел в кабинете Тан Шаои. В 1913 г. — посланник в Германии, Швеции и Дании. В 1919 г. — советник китайской делегации на Парижской мирной конференции. В 1920–1922 гг. — министр иностранных дел в кабинете Сюй Шичана. В 1922–1926 гг. в различных сменявших друг друга кабинетах пять раз занимал должность премьера, один раз был президентом (с 13 мая по 22 июня 1926 г.), а также по несколько раз занимал посты министра иностранных дел, министра внутренних дел и другие. В 1926–1931 гг. занимался финансовой и благотворительной деятельностью в английской концессии в Тяньцзине. В 1931 г. направлен правительством Гоминьдана посланником в США. В 1932 г. — глава китайской делегации в Лиге Наций и на Международной конференции по разоружению в Женеве. Вел секретные переговоры с СССР, в результате которых между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения. В 1933 г. назначен послом в СССР, в 1936 г. ушел в отставку по состоянию здоровья. В 1937 г., после начала войны с Японией, стал руководителем китайского отделения Международного Красного Креста, помогал беженцам и раненым в Шанхае. В 1939 г. направлен посланником в США, дважды встречался с Ф.Д. Рузвельтом. В 1940 г., возвращаясь в Китай, остановился в Гонконге. После захвата Гонконга японцами отказался сотрудничать с прояпонскими силами, посажен под домашний арест, затем переправлен в Шанхай, где содержался в заключении. После 1945 г. сотрудничал с органами ООН в Шанхае. На выборах 1947 г. избран депутатом Законодательного юаня Китайской Республики. В феврале 1949 г. направлен президентом Ли Цзунжэнем в Сибайпо на переговоры с КПК, после провала которых вернулся в Шанхай. Остался в Шанхае после отступления гоминьдановских войск, избран членом ВК НПКСК. В 1950 г. умер в Шанхае от сердечного приступа.

Особое беспокойство Москвы вызывало положение, складывавшееся вокруг КВЖД, которая в силу препятствий, чинимых японскими военными, и многочисленных провокаций уже не могла успешно функционировать. Намерения Японии были совершенно очевидны: парализовать функционирование дороги и принудить тем самым Советский Союз передать права на нее правительству Маньчжоу-го, а следовательно, японским оккупационным властям. Стремясь избежать обострения обстановки на своих дальневосточных границах, советское руководство приняло решение урегулировать существовавшие противоречия путем продажи дороги. В апреле 1933 г. в ходе встречи Л.М. Карахана с японским послом в Москве Т. Ота последний выразил заинтересованность японской стороны в приобретении прав на КВЖД. Впоследствии переговоры с японским послом о будущем КВЖД в связи с важностью этого вопроса проводил непосредственно нарком по иностранным делам М.М. Литвинов.

Сведения о том, что СССР намерен продать КВЖД Японии, вызвали возражения со стороны китайского правительства, заявившего, что подобное действие противоречит соглашениям 1924 г., поскольку в соответствии с ними вопрос о продаже дороги подлежит компетенции только правительств России и Китая. Возражения китайской стороны были вполне справедливы, однако не отвечали реальности ситуации в Маньчжурии, в которой полными хозяевами уже были японцы, а администрация нанкинского правительства отсутствовала. Именно это обстоятельство стало одним из наиболее убедительных доводов советской стороны. Такая аргументация не была принята китайской дипломатией, и в мае 1933 г. китайский посол в Москве Ян Хуйцин вновь выступил с нотой, в которой содержался протест против продажи дороги. В июльском заявлении правительству Китая в связи с продажей КВЖД советская сторона предложила более развернутую аргументацию. Она сводилась к тому, что, если в будущем Северо-Восток вновь станет частью Китая, то КВЖД, выкупленная правительством Маньчжурии, перейдет в собственность китайского правительства, если же этого не произойдет, то Китай все равно не сможет использовать дорогу⁴³.

Тройственная конференция по продаже КВЖД Россией правительству Маньчжоу-го, в которой приняли участие представители советского, японского и маньчжурского правительств, открылась в Токио в июне 1933 г. и проходила весьма трудно. Представители Маньчжоу-го, за которыми стояли японские правительственные и военные круги, проявляли крайнюю неуступчивость, стремясь приобрести дорогу за бесценок. В сентябре переговоры в связи с различиями в позициях сторон были прерваны и возобновились лишь в начале следующего 1934 г. Одновременно на самой линии КВЖД в отношении советских подданных устраивались бесконечные провокации, что было одним из главных средств давления, избранных японцами и властями Маньчжоу-го. В октябре 1934 г. общее число арестованных советских граждан в Северной Маньчжурии превысило 150 человек, при этом значительное число среди них составляли старшие и средние служащие дороги, что, вполне естественно, крайне отрицательно сказалось на ее работе. Договор о продаже КВЖД Маньчжоу-го был подписан лишь в марте 1935 г. на условиях, явно невыгодных для СССР. Вот как характеризует это соглашение Н.Е. Аблова, посвятившая специальное исследование истории КВЖД:

⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 354.

«В целом можно оценить настоящее соглашение как крайне невыгодное ни для Советского Союза, ни для служащих дороги. Цена, полученная СССР, была смехотворно низкой по сравнению с реальными затратами России на строительство дороги»⁴⁴.

Произошедшее с КВЖД в определенном смысле стало результатом столкновения идеологии мировой революции, которой руководствовался СССР, и «революционной» дипломатии, которую пытались использовать китайские националисты. В конечном итоге пострадали национальные интересы обоих государств. Противоречиями между ними воспользовалась Япония, создавшая в Маньчжурии плацдарм для продолжения агрессии в Китае и подготовки возможного вторжения в пределы СССР.

Советский Союз и прекращение гражданской войны в Китае

Захват Северо-Восточного Китая и отсутствие поддержки со стороны великих держав, занявших позицию «умиротворения» Японии, побудили правительство Чан Кайши искать более тесных контактов с Москвой. Летом 1934 г. в обстановке большой секретности состоялся визит в СССР профессора пекинского университета Цинхуа Цян Динфу, известного специалиста по международным отношениям. Визит носил неофициальный характер, а обстановка секретности объяснялась тем, что часть руководства Китая выступала против улучшения отношений с СССР, рассматривая возможность перехода Китая к прояпонской ориентации. За такой курс высказывался прежде всего Ван Цзинвэй, в прошлом лидер левого Гоминьдана, сторонник сотрудничества с СССР и главный оппонент Чан Кайши весной 1927 г. После 1927 г. состоялось примирение этих лидеров, и Ван занял пост Председателя китайского правительства, в то время как верховная власть в государстве продолжала оставаться в руках Чан Кайши. Во время беседы с Цяном заместитель наркома по иностранным делам Б.С. Стомоныков подчеркнул, что позиция СССР в отношении Китайской Республики и персонально ее руководителя Чан Кайши определяется прежде всего тем, насколько совпадают национальные интересы двух стран, и что она свободна от воспоминаний о разногласиях, которые имели место в прошлом⁴⁵. Очевидно, что смысл этого высказывания заключался в том, что национальные интересы двух стран совпадали в главном — необходимости сдерживания агрессивности Японии и, исходя из этого, СССР был готов рассмотреть возможность улучшения двусторонних отношений.

Впрочем, на пути улучшения двусторонних связей продолжало оставаться главное препятствие — поддержка, которую СССР оказывал китайским коммунистам, боровшимся за свержение нанкинского правительства. Иначе говоря, реальные изменения в советско-китайских отношениях были возможны лишь при условии прекращения гражданской войны в Китае. Предпосылки для перехода КПК от конфронтации с Гоминьданом к политике сотрудничества с ним на платформе национального единения для отражения японской агрессии были

⁴⁴ Аблова Н.Е. Указ. соч. С. 275.

⁴⁵ Tikhvinski S.L. Op. cit. P. 12.

созданы решениями VII Конгресса Коминтерна, который состоялся в августе 1935 г. По сути дела, эти решения содержали признание того факта, что развернутое Коминтерном на Востоке коммунистическое движение под лозунгами установления советской власти потерпело поражение. В то же время политические силы, подобные Гоминьдану, которые после разрыва единого фронта в Китае во второй половине 1920-х гг. было принято именовать «контрреволюционной буржуазией», не отказались от программы национального освобождения. Еще одним фактором, отмеченным в решениях VII Конгресса, было серьезное изменение международной обстановки, связанное с угрозой фашизма на Западе и усилением агрессивности Японии на Востоке. В связи с этим анализ Коминтерн рекомендовал коммунистическим партиям на Западе перейти от борьбы с социал-демократами к политике сотрудничества с ними на основе создания единого антифашистского фронта. На Востоке же коммунистам следовало пойти на восстановление сотрудничества с националистами (которым, таким образом, как бы возвращали статус «национальных демократов») на основе платформы совместной антиимпериалистической борьбы. Доклад о состоянии революционного движения в колониальных и полуколониальных странах на одном из заседаний Конгресса сделал руководитель китайской секции Коминтерна Ван Мин, который высказался за возвращение к тактике единого фронта на Востоке в целом и в Китае в частности.

Само коммунистическое движение в Китае в это время находилось в состоянии глубокого кризиса. К началу 30-х годов в результате репрессий со стороны Гоминьдана коммунисты были фактически вытеснены из городов и вынуждены были действовать в сельской местности, где они перешли к партизанской борьбе и созданию освобожденных советских районов. Их главные надежды были связаны с инициированием массового крестьянского движения под лозунгами «аграрной революции», что означало проведение радикальной реформы, в ходе которой земельные владения так называемых «помещиков» подлежали конфискации и перераспределению среди низов деревни. В силу отмеченных выше различий аграрных отношений в Китае по сравнению с пореформенной Россией вскоре стало очевидным, что обрести массовую поддержку крестьянства и, опираясь на нее, свергнуть гоминьдановское правительство вряд ли удастся. Переход КПК к политике перераспределения земель зажиточного крестьянства (так называемых «кулаков») дал скорее обратный результат, поскольку вызвал сопротивление в крестьянской среде. В сочетании с постоянным военным давлением со стороны Гоминьдана, располагавшего неизмеримо большими материальными и военными ресурсами, это привело к тому, что в результате очередного карательного похода против «коммунистических бандитов» и их главной базы — Центрального советского района в провинции Цзянси коммунисты потерпели военное поражение. Прорвав блокаду войск противника осенью 1934 г., отряды КПК во главе с руководством партии были вынуждены отправиться в Великий поход, что означало исход коммунистического движения из Южного Китая (хотя отдельные мелкие партизанские формирования продолжали действовать на Юге и в дальнейшем).

Потерпев военное, а во многом и «социальное» поражение в борьбе за власть в Южном Китае, КПК в то же время приобрела важный опыт военного и государственного строительства, ей также удалось сохранить костяк партийного и воен-

ного руководства. Именно во время Великого похода в результате ожесточенной внутривластной борьбы к верховному руководству КПК пришел Мао Цзэдун, и все более важную роль стали играть такие лидеры партии, как Чжоу Эньлай, Пэн Дэхуай, Чжу Дэ и др. Осенью 1935 г., сильно сократившись численно, остатки коммунистической армии достигли северо-западной провинции Шэньси, где и была создана новая база КПК, получившая название Центрального освобожденного района, с центром в небольшом городке Яньань.

Уже 1 августа 1935 г., когда коммунистические отряды с тяжелыми боями пробивались на север, руководство КПК обратилось через Москву ко всем политическим и общественным силам Китая с призывом объединиться на платформе борьбы против японского вторжения. Правда, из числа тех, с кем КПК стремилась сотрудничать, была исключена политическая сила, обладавшая наибольшими ресурсами для отражения японской агрессии — Гоминьдан. Однако после того, как руководству партии стали известны решения VII Конгресса Коминтерна, КПК изменила свою позицию. 28 ноября 1935 г. за подписью Мао Цзэдуна и Чжу Дэ был опубликован новый манифест, в котором к сотрудничеству приглашались уже все политические партии Китая. Переориентация политики КПК совпала с подъемом национального движения в Китае, участники которого выдвигали требование, обращенное к обеим соперничающим группировкам, КПК и Гоминьдану, прекратить братоубийственную войну и объединить усилия для защиты национальной независимости Китая.

Отмеченные выше обстоятельства способствовали началу сближения между Советским Союзом и Китайской Республикой. В октябре-декабре 1935 и январе 1936 г. состоялись встречи между советским послом в Китае Д.В. Богомоловым и Чан Кайши. Китайский лидер предложил обсудить возможности заключения пакта о ненападении и подписании торгового соглашения между двумя странами. В это же время в Москве прошли переговоры между руководителем делегации КПК в Коминтерне Ван Мином и доверенным лицом Чан Кайши, военным атташе в китайском посольстве в Москве Дэн Вэньи. Во время встреч обсуждались пути для смягчения противоречий между двумя основными политическими силами в Китае и перехода от противоборства к сотрудничеству. Предложения, сформулированные Ван Мином, состояли том, чтобы КПК и Гоминьдан пошли на установление прямых контактов. Дальнейшие переговоры были перенесены в Китай, и обе стороны обсудили возможность возвращения к политике единого фронта. Уже в мае 1936 г. в Шанхае произошла первая встреча между делегацией КПК во главе с Чжоу Эньлаем и представителями Гоминьдана.

Стремление СССР способствовать прекращению гражданской войны в Китае объяснялось не только озабоченностью политической ситуацией, складывавшейся в этой стране, но и интересами собственной национальной безопасности. Становилось все очевиднее, что целью Японии является не только подчинение Китая, но и дружественной СССР МНР, а в перспективе и восточных регионов самого Советского Союза. Об этом свидетельствовали многочисленные провокации, которые устраивали японские войска на границе между Маньчжоу-го и Монголией. В результате в марте 1936 г. был подписан Протокол о взаимопомощи между СССР и Монголией, в соответствии с которым СССР объявлял себя обязанным оказать Монголии военную помощь в случае агрессии с третьей стороны, иначе говоря, Японии.

**ВАН Мин 王明 (Чэнь Шаоюй 陈绍禹, 1904—1974) —
китайский революционер, руководитель китайской секции
Коминтерна, один из руководителей КПК**

Родился 23 мая 1904 г. в уезде Цзиньчжай провинции Аньхуэй в бедной крестьянской семье. После окончания школы в 1924 г. поступил в Уханьский университет, где написал несколько статей о революции и коммунизме. В том же году вступил в «Движение 30 мая», участники которого протестовали против политики западных держав в Китае, и вступил в КПК. В ноябре 1925 г. направлен в Москву для учебы в Коммунистическом университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. В апреле 1926 г. избран председателем студенческой ячейки КПК. В 1929 г. вместе с другими членами созданной им в Москве группы «28 большевиков» был направлен в Китай для борьбы с линией Ли Лисаня. С января по сентябрь 1931 г. исполнял обязанности генерального секретаря ЦК КПК. С 1932 по 1937 г. находился в Москве в качестве руководителя делегации КПК при Коминтерне, был избран членом Президиума Исполкома Коминтерна. В годы антияпонской борьбы был твердым сторонником единого антияпонского фронта КПК и Гоминьдана. В период антияпонской войны (1937—1945) возглавлял отдел единого фронта ЦК КПК, был секретарем Чанцзянского бюро ЦК КПК, однако реальную власть в партии потерял, уступив ее Мао Цзэдуну. В 1941 г. выступил с самокритикой. Во время кампании по «упорядочению стиля работы» (чжэнфэн) он и его сторонники подверглись критике и были отстранены от реальной власти в партии. На 7-м (1945) и 8-м (1956) съездах КПК избирался членом ЦК КПК. В 1956 г. уехал на лечение в Москву и больше в Китай не возвращался. Умер в Москве в 1974 г. в возрасте 69 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище.



Между тем Япония продолжала оказывать давление на Китай с целью принудить его войти в сферу японского влияния и не допустить китайско-советского сближения. В феврале 1936 г. японский посол в Китае К. Сигеру обратился к китайскому правительству с новыми предложениями, которые были сформулированы в виде «трех принципов»: сотрудничество в борьбе против коммунизма, экономическое сотрудничество, установление дружеских и добрососедских отношений. Смысл этих демаршей Японии для правительства Китая был очевиден, Китаю предлагали стать сателлитом Японии и формально признать независимость отторгнутых к этому времени пяти провинций Китая. Позднее Япония еще более ужесточила свои требования, предложив Китаю согласиться на приглашение японских советников для работы в китайской гражданской и военной администрации и создание единого военного командования. Тактика Японии заключалась в том, чтобы принудить Китай вступить в члены Антикоминтерновского пакта, заключенного Берлином и Токио в ноябре 1936 г., и использовать его ресурсы для грядущего противоборства с СССР. Наряду с этим в Японии не отказывались и от планов дальнейшего расчленения Китая. Осенью 1936 г. в руки

китайских властей попали секретные японские документы, из которых следовало, что готовится отторжение от Китая провинций Чахар, Суйюань, Нинся и Синьцзян и создание на их основе Великой империи Юань, разумеется, под полным японским контролем. Таким образом, для любого непредубежденного наблюдателя было очевидно, что национальные интересы Советской России и Китайской Республики в области безопасности по мере роста агрессивности Японии неуклонно сближаются: остановить Японию они могли только совместными усилиями, поскольку Запад продолжал придерживаться позиции невмешательства в события на Дальнем Востоке.

Несмотря на начавшиеся между КПК и Гоминьданом переговоры, гражданская война в Китае все продолжалась. Цель Чан Кайши заключалась в том, чтобы добиться завершения гражданской войны путем окончательного разгрома ослабленных коммунистических сил. Полным ходом шла подготовка к проведению шестой по счету военной кампании «по подавлению коммунистических бандитов», которая, по расчетам Чан Кайши, должна была стать последней. Его не остановило и обращение руководства КПК в начале декабря 1936 г., адресованное ему лично, с предложениями немедленно остановить гражданскую войну и предпринять меры для создания единого антияпонского фронта. 4 декабря Чан Кайши отправился в Сиань, где находился штаб армий, предназначенных для участия в военных действиях против Центрального освобожденного района. Он собирался лично руководить ими.

Чан Кайши не учел, однако, что не только военная, но и общеполитическая ситуация в Китае неожиданно кардинально изменилась. Прибыв в Сиань, он вместо торжественной встречи подвергся аресту, приказ о котором был отдан его же собственными генералами. Путч возглавили два высших военных чина, на которых была возложена задача подготовки военной операции против коммунистов. Во главе стоял Чжан Сюэлян, бывший «хозяин» Маньчжурии, войска которого были вытеснены японцами в Шэньси, занимавший в это время пост заместителя Чан Кайши как руководителя карательного похода. Чжана поддерживал командующий зоной «подавления бандитизма» в Шэньси генерал Ян Хучэн. Цели, которые преследовали мятежные генералы, были сформулированы ими в обращении к нации, содержащем ряд условий освобождения Чан Кайши. Главными из них были реорганизация нанкинского правительства на основе включения в него представителей различных политических партий и общественных групп, немедленное прекращение гражданской войны и созыв общеитайской конференции для обсуждения вопросов национального спасения. Таким образом, стало ясно, что мятежники вдохновлялись прежде всего патриотическими чувствами и имели своей целью принудить колеблющееся нанкинское правительство предпринять более активные шаги для защиты национального суверенитета Китая.

Происшедшие события, судя по всему, застали врасплох руководство КПК и стали полной неожиданностью для Москвы, в которой понимали, что устранение Чан Кайши, скорее всего, приведет к углублению политического кризиса в Китае, чем не преминет воспользоваться Япония. Уже 15 декабря в Сиань прибыла делегация коммунистов во главе с Чжоу Эньлаем, которая приняла участие в разрешении конфликта. Был велик соблазн воспользоваться создавшейся ситуацией для устранения основного политического соперника КПК, подвергнув его

суду как врага китайского народа. На заседании Политбюро ЦК КПК 13 декабря было единодушно принято решение судить Чан Кайши и приговорить его к смертной казни⁴⁶. Эта позиция первоначально получила поддержку и руководства Коминтерна, включая и его руководителя Г. Димитрова⁴⁷. Однако в события вмешался лично И.В. Сталин, выступивший против расправы с Чаном. В Сиане делегация КПК заняла, скорее, позицию умиротворения сторон и стремилась охладить те горячие головы среди путчистов, которые призывали к немедленной расправе с Чан Кайши⁴⁸. Реакция в Нанкине на происшедшие события заставляла полагать, что устранение Чан Кайши может привести к усилению про-японских сил в гоминьдановском правительстве, что, в свою очередь, возможно, приведет Китай к союзу с Японией и вступлению в Антикоминтерновский пакт. Премьер-министр Кун Сянси объявил, что не намерен вступать в переговоры с путчистами, что означало, в сущности, устранение от участия в судьбе Чан Кайши, а министр обороны нанкинского правительства Хэ Инцинъ послал телеграмму Ван Цзинвэю, находившемуся в это время на лечении в Германии, с призывом вернуться в Китай.

В ходе переговоров с заговорщиками Чан Кайши согласился с их основными требованиями, включая прекращение гражданской войны и созыв конференции для выработки программы национального спасения. Он принял и еще одно, новое условие: укрепление сотрудничества с теми государствами, которые выражают симпатию к освободительной борьбе китайского народа, что с очевидностью подразумевало налаживание взаимодействия с СССР. 25 декабря Чан Кайши был освобожден и вернулся в Нанкин, где сразу же объявил о том, что сианьские соглашения с путчистами не имеют силы. Ян Хучэн был отправлен в отставку, Чжан Сюэлян посажен под арест, а его армия расформирована. Тем не менее, гражданская война, в сущности, завершилась — шестой карательный поход так и не был начат, а КПК на территории своего Центрального района получила долгожданную передышку.

23 сентября 1937 г. в условиях кардинально изменившейся военно-политической обстановки в Китае Чан Кайши все же выступил с официальным заявлением, из которого следовало, что КПК получала статус легальной политической организации, а гоминьдановское правительство изъявляло готовность сотрудничать с ней в антияпонской борьбе. Планам Японии по вовлечению Китая в Антикоминтерновский пакт не было суждено осуществиться, а вместо этого нанкинское правительство было вынуждено готовиться к отражению неизбежно грядущего нового этапа японской агрессии⁴⁹. В этой обстановке Советский Союз был готов поддержать Китай в его усилиях по защите национальной независимости.

После сианьского инцидента к советскому руководству с просьбой позволить ему вернуться в Китай обратился Цзян Цзинго, старший сын Чан Кайши, который еще в 1925 г. в числе прочих детей китайских революционеров был при-

⁴⁶ 陳永發：《中國共產黨革命七十年》，第307頁。

⁴⁷ Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 424. А.В. Панцов ссылается на изданный в 1997 г. в Болгарии дневник Г. Димитрова.

⁴⁸ Clubb O. Op. cit. P. 302.

⁴⁹ Wang Young-tsu. The Xi'an Incident and the Coming of the War of Resistance // Ed. D. Barrett, L. Shyu. China in the Anti-Japanese War, 1937–1945, New York: Peter Lang, 2001. P. 22.

нят на учебу в СССР. После разрыва единого фронта в 1927 г. и начала в России пропагандистской кампании, направленной против руководителя нанкинского правительства, Цзян Цзинго объявил о разрыве отношений с отцом, вступил в компартию и находился на партийной и хозяйственной работе в СССР. После второго обращения, направленного лично Сталину, весной 1937 г. ему было разрешено вернуться в Китай. Москва, таким образом, давала понять китайскому руководству, что заинтересована в преодолении былой враждебности и, конечно, рассчитывала, что ей удастся воспользоваться симпатиями, которые, как казалось, испытывал к СССР младший Чжан, для налаживания отношений с Китаем. Впоследствии Цзян Цзинго неоднократно привлекался отцом для переговоров с СССР, во время которых он, впрочем, неизменно отстаивал интересы Китайской Республики.

В апреле 1937 г. советский посол в Китае Д.В. Богомолов ознакомил Чан Кайши с предложениями советского правительства, которые включали подписание Договора о дружбе и заключение военно-технического соглашения, в соответствии с которым СССР предлагал поставить Китаю такую современную военную технику, как боевые самолеты, танки, артиллерию и другие военные материалы. Для закупки этого военного оборудования Россия была готова предоставить Китаю заем в размере 50 млн долл. США. Помимо этого, правительство СССР соглашалось принять в летные и танковые школы для обучения китайских военных и направить в Китай в качестве волонтеров советских военных специалистов.

В дипломатической практике того времени использовались несколько видов соглашений, предназначенных для регулирования отношений между государствами. «Пакт о нейтралитете» предусматривал, что в случае нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон другая договаривающаяся сторона обязана придерживаться политики нейтралитета, т.е. не вступать в военные действия на стороне агрессора. «Договор о ненападении», помимо позиции нейтралитета, предполагал отказ от предоставления в той или иной форме любой помощи нападающей стороне. Напротив, «договор о дружбе и взаимопомощи» обязывал его участников прийти на помощь друг другу в случае, если одна из договаривающихся сторон станет жертвой агрессии со стороны одного или группы государств.

Несмотря на нерешительность китайской стороны, 21 августа 1937 г. был подписан «Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой». Он состоял из четырех статей и заключался на срок пять лет. В статье второй договора говорилось о том, что в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению одной или нескольких третьих держав, то договаривающиеся стороны берут на себя обязательство не оказывать нападающим ни прямо, ни косвенно никакой помощи⁵⁰. Основной причиной того, что нанкинское правительство смогло наконец-то преодолеть колебания и пойти на заключение этого соглашения, стало начало нового этапа японской агрессии 7 июля 1937 г. На этот раз целью Японии явно было завоевание всего Китая⁵¹.

⁵⁰ Текст договора см.: *Галенович Ю.М.* Указ. соч. Приложение. С. 386–387.

⁵¹ Современные российские и китайские авторы высоко оценивают значение советско-китайского договора 1937 года (см., например: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 283). Исследователи из КНР Сюе Сяньтянь и Цзинь Дунцзе так охарактеризовали значение договора: «Заключение договора означало

Эволюция советско-китайских отношений накануне и в годы Второй мировой войны (1937–1945)

Помощь СССР Китаю в отражении японской агрессии

Как и в предшествующих случаях, вторжение началось с незначительного инцидента, устроенного японцами в окрестностях Пекина в ночь с 7 на 8 июля 1937 г. Несмотря на то что в некоторых районах Китая японской армии пришлось преодолевать упорное сопротивление китайских войск, она быстро продвигалась вглубь страны. В конце июля были захвачены Пекин и Тяньцзинь, в ноябре крупнейший экономический и торговый центр не только Китая, но и всей Восточной Азии — Шанхай, а в конце декабря пала столица Китайской Республики — Нанкин. Центральное правительство было вынуждено переехать вглубь страны в город Ухань. Следующий 1938 год был отмечен продолжением ожесточенных военных действий и новыми японскими захватами. В октябре японская армия установила контроль над крупнейшим центром Южного Китая Гуанчжоу, а следом за ним пала Ухань. Правительству Гоминьдана пришлось в очередной раз перебираться вглубь страны. На этот раз в качестве временной столицы был выбран город Чунцин — административный центр провинции Сычуань. В руках японцев оказались наиболее развитые в экономическом отношении регионы Китая, они установили контроль практически над всей железнодорожной сетью страны и отрезали Китай от связей с внешним миром, поскольку японский флот блокировал китайское побережье. С конца 1938 г. на японо-китайском фронте наступило относительное затишье, продолжавшееся до марта 1944 г., стороны перешли к позиционным военным действиям. Вплоть до конца Второй мировой войны китайская армия не предпринимала наступательных военных действий для освобождения собственной территории, предпочитая накапливать ресурсы в ожидании завершения войны и возможного столкновения со своим основным соратником по единому фронту — КПК. Впрочем, нельзя не признать, что и сами китайские коммунисты, начиная с 1940 г., придерживались примерно такой же тактики.

В связи с весьма успешным для Японии развитием военной ситуации, японское правительство не оставило планов добиться политической капитуляции Китая и его перехода в состав фашистской коалиции, к которой в 1937 г. присоединилась Италия. В декабре 1938 г. глава японского правительства Ф. Коноэ сформулировал новые «три принципа» урегулирования японо-китайских отношений, которые в действительности являлись редакцией прежних японских предложений. «Три принципа» расшифровывались как «добрососедские отношения, совместная борьба против коммунизма и экономическое сотрудничество». За этими формулировками скрывался, в сущности, очередной ультиматум о полной капитуляции Китая: Япония требовала признания маньчжурского пра-

осуждение японской агрессии в Китае, заложило международно-правовую основу для советско-китайских отношений на базе создания стратегического альянса, нанесло удар по планам Японии разбить СССР и Китай и в целом имело весьма важное значение как для Китая, так и Советского Союза». 薛衔天, 金东吉: 《1917–1949-民国时期中苏关系史》, 第二册, 第77页.

вительства, превращения Внутренней Монголии в плацдарм для борьбы с коммунизмом, присоединения к Антикоминтерновскому пакту, права на размещение японских войск в основных пунктах Китая и особых прав для японских граждан в проведении торгово-экономических операций в Китае. Гоминьдановское правительство не приняло эти требования и продолжало сопротивление, хотя и не решалось открыто объявить войну захватчику. После нападения Германии на СССР в июне 1941 г. правительство Чан Кайши разорвало дипломатические отношения с Германией и Италией, заявило о присоединении к антифашистской коалиции, однако и на этот раз объявления войны не последовало. Лишь после атаки 7 декабря 1941 г. Японии на американскую военно-морскую базу на Гавайях Перл-Харбор и начала войны на Тихом океане в Чунцине пришли к заключению, что примирение с Японией не имеет смысла, и Китайская Республика объявила войну членам бывшего Антикоминтерновского пакта, преобразованного в 1940 г. в Тройственный пакт.

В ходе войны в стане Гоминьдана произошел раскол — в конце 1938 г. на сторону Японии открыто перешел Ван Цзинвэй, один из старейших и наиболее влиятельных членов партии, занимавший пост зампреда ЦИК Гоминьдана и руководителя правительства. Ван призывал Чан Кайши принять ультиматум Коноэ и примкнуть к членам профашистской коалиции, но лидер Гоминьдана отверг эти предложения. В марте 1940 г. в Нанкине под контролем японцев было образовано правительство, главой которого согласился стать Ван Цзинвэй. Впрочем, оно было официально признано японскими властями лишь в ноябре того же года, поскольку в Токио все еще рассчитывали добиться прекращения войны с Чунцином на японских условиях и лишь к концу года стало очевидно, что склонить Чан Кайши к капитуляции не удастся⁵². Прояпонское нанкинское правительство приняло требования, безуспешно предъявленные до этого Японией Чан Кайши, включая и «совместную оборону от коммунизма».

На протяжении первых четырех лет войны единственной страной, оказывавшей Китаю моральную, материальную и военную поддержку, был Советский Союз. Прочие великие державы продолжали поддерживать нормальные экономические отношения с Японией, в сущности, снабжая ее стратегическими материалами, необходимыми для военных действий⁵³. Через несколько дней после начала японского вторжения китайское правительство объявило Японию агрессором и обратилось за помощью к Лиге Наций. 21 сентября 1937 г. на заседании Лиги Наций нарком по иностранным делам СССР М.М. Литвинов произнес речь, в которой выразил солидарность с Китайской Республикой, ставшей жертвой агрессии: «На азиатском материке, — заявил он, — без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — на Китай — наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся,

⁵² Huang Meizhen, *Yang Hanqing*. Nationalist's China Negotiating Position During the Stalemate, 1938–1945 // D. Barrett, L. Shyu (ed.). *Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945*. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 64.

⁵³ Американский исследователь Клабб писал: «В то время, как Британия и Соединенные Штаты продолжали выгодную торговлю с японцами, советская помощь Китаю была существенна и критически важна». См.: *Clubb O. Op. cit.* P. 310.

по-видимому, еще в начале этих действий, продолжение и конец которых не под-
даются еще учету»⁵⁴.

По решению Лиги для рассмотрения ситуации в Китае в ноябре того же года в Брюсселе проходила конференция стран-подписантов Вашингтонских соглашений 1920–1921 гг. Советский Союз, не являвшийся ее участником, тем не менее принял решение направить своих представителей на брюссельский форум. По рекомендации России, Китай выдвинул требование организации международной торговой блокады Японии, которая зависела от поставок из стран Запада и их колоний на Востоке таких стратегических материалов, как нефть, металлы, цинк, магний и др. Из участников брюссельской конференции лишь первый заместитель наркома по иностранным делам СССР В.П. Потемкин потребовал введения коллективных экономических санкций против Японии, в то время как делегаты западных стран отказались к ней присоединиться, ограничившись лишь декларативным осуждением агрессора.

СССР не только морально поддержал Китай на международной арене, но и уже осенью 1937 г. начал оказывать ему помощь, в которой тот так остро нуждался. В октябре Китай получил первый кредит на 50 млн долл. США, затем немедленно начались поставки военных материалов из Советского Союза. Россия была согласна на оплату поставок не в конвертируемой валюте или золоте, а товарами, являвшимися традиционными статьями китайского экспорта. Среди них значились продукты сельского хозяйства: чай, кожа, шерсть, хлопок, шелк, тунговое масло, лекарственные растения. Наряду с этим, Китай был готов оплачивать поставки военных материалов из СССР такими стратегическими материалами, необходимыми для военной промышленности, как сурьма, олово, цинк, никель, вольфрам и красная медь⁵⁵.

В 1938 г. СССР предоставил Китаю очередной заем в размере 50 млн долл. США, затем в 1939 г. последовал заем в количестве 150 млн долл. США. В июне 1939 г. стороны подписали торговое соглашение, в котором оговаривались условия торговых операций и возвращения советских кредитов, хотя, разумеется, ни слова не говорилось об истинном назначении «товаров и оборудования», которое Китай получал из СССР. За годы антияпонской войны СССР снабдил китайскую армию 1235 боевыми самолетами, включая истребители и бомбардировщики, передал более 300 танков и 1600 единиц артиллерийской техники, 14 000 различных типов пулеметов, 50 000 винтовок и миллионы боеприпасов к поставленному вооружению⁵⁶. Уже в ноябре 1937 г. было открыто шоссе сообщение между двумя государствами — их соединила дорога протяженностью почти в 3000 км, начинавшаяся от среднеазиатской границы СССР, затем пересекавшая Синьцзян

⁵⁴ Сотрудничество с нарушителями мира невозможно. Известия. 1937, 22 сент.

⁵⁵ Некоторые авторы КНР справедливо отмечают, что не только снабжение военными материалами из СССР сыграло ключевую роль в поддержании военной машины Гоминьдана в критический для него период войны с Японией, но и поставки стратегического сырья из Китая, особенно после вступления СССР в войну с Германией, были весьма важны для военной промышленности России. 王真 (Ван Чжэнь): «动荡中的同盟—抗战时期的中苏关系» (Неустойчивый союз. Советско-китайские отношения в годы антияпонской войны), 广西, 广西师范大学出版社, 1992年, 第141页.

⁵⁶ Tikhvinski S.L. Op.cit. P. 19. См. также данные, приведенные в монографии Р.А. Мировицкой (Мировицкая Р.А. Указ. соч. С. 51). Китайские авторы приводят несколько меньшие цифры. См.: 薛衔天, 金东吉: «1917–1949-民国时期中苏关系史», 第二册, 第106页.

и выходившая в провинцию Ганьсу. По этой линии снабжения воюющего Китая военные грузы перевозили более 5000 грузовых машин. Некоторые военные материалы Советский Союз в начале антияпонской войны доставлял в Китай морем через Бирму и Вьетнам, однако впоследствии эти маршруты стали недоступны в связи с тем, что английские и французские власти под нажимом Японии закрыли транспортное сообщение с Китаем. Начиная с июля 1940 г. все военные поставки в Китай стали осуществляться только через Синьцзян.

Первая группа советских военных специалистов и советников прибыла в Китай в декабре 1937 г. В начале 1939 г. в Китае находилось около 5000 советских военных «специалистов-добровольцев», которые не только обучали китайских военных владению современной авиационной и танковой техникой, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях, в особенности во время обороны Уханя, а затем новой временной столицы Китайской Республики Чунцина⁵⁷. Военными советниками в Китае работали А.И. Черепанов и А.А. Власов, ставшие впоследствии генералами и видными военачальниками, а герой Сталинградской битвы В.И. Чуйков с 1940 по 1942 г. был советским военным атташе в Чунцине, изучал китайский язык и фактически также оказывал содействие китайской армии⁵⁸. Более 200 советских добровольцев пали, сражаясь за независимость Китая. Лишь летом 1941 года после начала германской агрессии против СССР, в результате тяжелых поражений, которые на первом этапе войны потерпела Красная армия, Советский Союз был поставлен перед необходимостью сосредоточить все военные и материальные ресурсы для продолжения войны против Германии. В связи с этим он был вынужден сократить оказание помощи Китаю, который во все большей степени и в политическом, и в военном отношении искал поддержки западных союзников по антифашистской коалиции. Тем не менее помощь Китаю продолжалась и в годы Великой Отечественной войны, последние военные специалисты были отозваны в СССР только в середине 1943 года⁵⁹.

Цель Чан Кайши состояла в том, чтобы побудить советское правительство вступить в войну с Японией, которой в этом случае пришлось бы воевать на два фронта. Именно об этом шла речь на переговорах в Москве весной 1938 г. между китайской делегацией во главе с сыном Сунь Ятсена Сунь Фо и советским руководством, которое представляли И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. Во время встреч с советскими лидерами Сунь Фо несколько раз возвращался к этой теме, подчеркивая, что Чан Кайши хотел бы объявления войны Японии со стороны СССР. Позиция советской стороны, как она была объяснена И.В. Сталиным, состояла в том, что у СССР не было должного предлога для начала войны против Японии. Наряду с этим он подчеркивал, что уже сам факт присутствия на дальневосточных границах весьма внушительных советских вооруженных сил был важным условием, сдерживавшим 400-тысячную группировку японских войск в Маньчжурии⁶⁰. Конечно, позиция советской стороны диктовалась не только заботой о международном имидже СССР, но и более общими стратегическими

⁵⁷ 薛衔天, 金东吉: 《1917—1949-民国时期中苏关系史》, 第二册, 第107页.

⁵⁸ См.: Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983.

⁵⁹ Мировицкая Р.А. Указ. соч. С. 70.

⁶⁰ Русско-китайские отношения в XX веке, 1937—1945. М.: Памятники исторической мысли. Т. 4. Кн. 1. С. 249.

соображениями, прежде всего связанными с развитием международной ситуации в Европе. У Советского Союза были основания опасаться того, что западные державы хотят направить острие будущей агрессии Германии на восток. Эти опасения особенно обострились после Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. Разумеется, в этой ситуации Советский Союз всеми силами стремился избежать войны на два фронта.

В то время как цели России и Китая далеко не во всем совпадали, а руководители двух государств, по выражению Ю.М. Галеновича, отличались «подозрительностью характеров» и не слишком доверяли друг другу, в их личной переписке, несмотря на неприкрытую лесть, временами все же можно обнаружить ноты искренней благодарности СССР за помощь, оказанную Китаю⁶¹. Так, в послании, направленном Чан Кайши И.В. Сталину 26 августа 1938 г., говорилось: «Господин Сталин. Получил Ваше личное (собственноручное) письмо от 19 июня, выражаю Вам неограниченную благодарность за высокую дружбу. В отношении нашей изолированной армии, ведущей оборонительную войну в тяжелых условиях, СССР — единственная страна, борющаяся за освобождение угнетенных народов... В будущей победе за национальное освобождение народы всего Китая никогда не забудут искренней помощи Вашей страны и Ваше высокое руководство в борьбе за справедливость»⁶². К сожалению, в недалеком будущем реальность и межгосударственные отношения СССР и Китайской Республики оказались гораздо более сложными.

Если на протяжении 1938–1939 гг. советское руководство всеми силами стремилось избежать обострения ситуации на своих западных и восточных границах, а тем более возникновения военных действий, то Япония в это время рвалась к войне, полагая, что Советский Союз ослаблен и может стать легкой добычей. В немалой степени эти расчеты основывались на учете внутривнутриполитической ситуации в Советском Союзе. «Чистка» советского политического руководства 1937–1938 гг., затронувшая высшее военное командование (в числе прочих в 1938 г. был репрессирован и расстрелян командующий советскими войсками на Дальнем Востоке В.К. Блюхер), делала этот анализ небезосновательным. В особенности в случае, если бы Германия и Япония смогли объединить усилия и нанести в то время скоординированный удар по СССР. Отчасти эти соображения получили отражение в статье, опубликованной в японской печати генерал-лейтенантом Х. Масахару после того, как он посетил Советский Союз, возвращаясь на родину из Европы. В статье говорилось о том, что в результате репрессий, которым подверглось военное руководство Красной армии, она больше не представляет угрозы для Японии⁶³.

В июле 1938 г. произошло новое обострение советско-японских отношений. Японское командование потребовало от советских властей отвести войска с некоторых высот в районе озера Хасан на дальневосточном участке границы между СССР и Маньчжурией. В конце июля японские войска без предупреждения вторглись на территорию СССР, за чем последовали ожесточенные вооруженные столкновения. В начале августа, однако, Красная армия предприняла

⁶¹ Галенович Ю.М. Указ. соч. С. 79.

⁶² Русско-китайские отношения в XX веке, 1937–1945. Т. 4. Кн. 1. С. 291. Текст письма Чан Кайши И.В. Сталину от 26 августа 1938 г. на китайском языке см. в приложении к: *Tikhvinski. Op. cit.* P. 67.

⁶³ *Clubb O. Op.cit.* P. 317.

контрнаступление, в результате которого советская территория была очищена от японских войск, и впоследствии Япония признала суверенитет России над участками приграничья, которые она оспаривала ранее. В мае 1939 г. произошло очередное резкое обострение ситуации, на этот раз на границе МНР в районе реки Халхин-Гол, вылившееся в военные действия, в которых приняли участие советско-монгольские и японо-маньчжурские вооруженные силы. В соответствии с положениями советско-монгольского договора 1936 г., СССР начал подготовку к проведению широкомасштабной военной операции, направленной на разгром японской группировки войск. Во главе советско-монгольского командования был поставлен генерал Г.К. Жуков, в будущем один из виднейших советских военачальников эпохи Второй мировой войны. Обеспечив себе преимущество в живой силе и технике, советско-монгольская группировка во второй половине августа того же года перешла в контрнаступление. На протяжении недели упорных боев японо-маньчжурские войска были разгромлены и понесли тяжелые потери, составившие более 50 тыс. человек. Потери советско-монгольских соединений были примерно в пять раз меньше. В середине сентября военные действия были полностью прекращены по просьбе японской стороны. Поражение в ходе конфликта на Халхин-Голе стало серьезным уроком для Японии, показавшим, что, несмотря на внутрисполитические проблемы, СССР оставался весьма серьезным противником. Как полагают многие исследователи, именно это обстоятельство, а также то, что союзник Японии Германия настаивала на первоочередности начала военных действий против США, стали причиной переориентации военной стратегии Японии⁶⁴.

В то время как на монгольской границе советские войска развивали наступление против противника, ситуация в Европе претерпела серьезные изменения. Стремясь выиграть время для подготовки к приближающейся войне в Европе, руководство СССР приняло решение о заключении Договора о ненападении с Германией, который был подписан 23 августа 1939 г., а 1 сентября 1939 г. после нападения Германии на Польшу в Европе началась Вторая мировая война⁶⁵. На протяжении 1940 г. Советский Союз продолжал маневры, целью которых было найти точки сближения с Германией и ее союзниками. Во время визита руководителя советской дипломатии В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. германская сторона предложила советскому руководству обдумать возможности вступления в Тройственный пакт, что было воспринято им весьма серьезно. Поскольку расширение числа участников пакта за счет СССР затрагивало интересы как Японии, так и Китая, в Москве были готовы обсуждать ситуацию, которая складывалась на китайском фронте, за спиной китайского руководства. В указаниях, полученных В.М. Молотовым от И.В. Сталина, германской стороне предлагалось обсудить следующие условия прекращения состояния войны между Японией и Китаем: «почетный мир» для Китая и сохранение за Японией ее традиционной

⁶⁴ Аблова Н.Е. Указ. соч. С. 279.

⁶⁵ Оценка Договора о ненападении с Германией продолжает вызывать ожесточенные споры среди историков. В то время как одни согласны с традиционной советской трактовкой договора как маневра советской дипломатии, имевшего цель оттянуть начало войны с Германией, другие — обвиняют СССР в том, что договор развязал Германии руки для начала Второй мировой войны. Некоторые современные российские авторы признают, что заключение договора «фактически означало для Берлина установление полусоюзнических отношений с Советским Союзом». См: Системная история международных отношений. В 4-х т. 1918–2000. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 1. С. 368.

сферы влияния в Китае — Маньчжоу-го, т.е. речь явно шла о разделе Китая. Это можно оценить, по крайней мере, как отход от духа советско-китайского договора 1937 года⁶⁶.

Действия германской дипломатии вызвали немалое раздражение в Токио, которому пришлось в этой ситуации пересмотреть свои планы о нанесении удара по СССР и задуматься о некоторой разрядке отношений с Советским Союзом. В июне 1940 г. было подписано соглашение о пограничной линии в районе реки Халхин-Гол, в конце года была заключена советско-японская конвенция о рыболовстве, после чего стороны приступили к переговорам о подписании торгового договора. Весной 1941 г. обе стороны пошли еще дальше, чтобы стабилизировать двусторонние отношения. СССР отделяли всего несколько месяцев от начала германской агрессии, а Япония в это время была занята приготовлениями к открытию военных действий против США. На переговорах с СССР Япония настаивала на заключении Договора о ненападении, однако Москва на это не пошла. 13 апреля в Москве был подписан советско-японский Пакт о нейтралитете. Он предусматривал, что в случае нападения на одну из держав вторая договаривающаяся сторона будет сохранять позицию нейтралитета.

Отказ СССР заключить Договор о ненападении с Японией, подобный тому, который до этого Советский Союз подписал с Китаем, свидетельствовал о том, что советская сторона стремилась подчеркнуть разный статус советско-китайских и советско-японских отношений. Наряду с этим руководство СССР пыталось убедить лидеров Китая в том, что заключение договора о нейтралитете с Японией не приведет к изменению характера советско-китайских отношений. В апреле состоялся ряд встреч в Москве между представителями советского руководства, включая В.М. Молотова, с китайским послом Шао Лицзы, во время которых были даны соответствующие разъяснения. 19 апреля имела место беседа между советским полпредом в Китае А.С. Панюшкиным и Чан Кайши, в ходе которой глава советской миссии сделал следующее заявление: «В свою очередь позволю себе заметить, что пакт о нейтралитете, заключенный СССР с Японией, не вносит каких-либо изменений в советско-китайские отношения. Это подтверждается, с одной стороны, тем, что при заключении пакта Китай совершенно не упоминается и не затрагивается, с другой — нашей непрекращающейся помощью Китаю»⁶⁷. В телеграмме И.В. Сталина, отправленной на имя Чан Кайши 15 мая 1941 г., говорилось о том, что СССР будет и далее продолжать оказывать поддержку Китаю в антияпонской борьбе⁶⁸. Смягчение напряженности в советско-японских отношениях не могло укрыться от внимания китайской стороны, которая продолжала попытки склонить СССР к объявлению войны Японии. Так, в декабре 1941 г., уже после начала войны на Тихом океане, Чан Кайши в письме И.В. Сталину в очередной раз рекомендовал ему объявить войну Японии. Однако в ответном письме советский лидер просил своего китайского корреспондента не настаивать на этом⁶⁹.

⁶⁶ Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио. М.: Вече, 2004. С. 318.

⁶⁷ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения, 1937—1945 гг. Кн. 1: 1937—1944. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 647.

⁶⁸ Мировицкая Р.А. Указ. соч. С. 69.

⁶⁹ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения, 1937—1945 гг. Кн. 1: 1937—1944. С. 673.

**Александр Семенович ПАНЮШКИН (1905—1974) —
советский государственный и партийный деятель,
разведчик, дипломат**

Родился 15 августа 1905 г. в Самаре в семье рабочего. В 1921 г. А.С. Панюшкин ушел добровольцем в Красную армию, воевал на фронтах Гражданской войны. В 1922 г. после перенесенной малярии был демобилизован и поступил на работу ремонтным



рабочим на железную дорогу станции Самара. В октябре 1924 г. по путевке губкома комсомола направлен на учебу в Ленинградскую кавалерийскую школу РККА, после окончания которой служил на Дальнем Востоке на командных должностях в пограничных отрядах ОГПУ. В мае 1935 г. поступил на основной курс Военной академии РККА им. Фрунзе, по окончании которой в 1938 г. стал помощником начальника отделения, а в декабре 1938 г. — начальником 3 спецотдела 1-го Управления НКВД. В июле 1939 г. был направлен в Китай уполномоченным по реализации торгового соглашения и в том же месяце назначен полпредом СССР в Китае. По ходатайству А.С. Панюшкина при советском посольстве в Чунцине были созданы курсы китайского языка. Установил доверитель-

ные отношения с рядом лиц из окружения Чан Кайши, выступавших за укрепление дружбы с СССР и продолжение сопротивления японской агрессии. Принимал участие в разработке и осуществлении плана обороны г. Чаньша, в районе которого китайские войска сумели нанести японцам крупное поражение. За работу в Китае А.С. Панюшкин был награжден орденом Ленина. По возвращении в Москву в 1944 г. был назначен на пост заместителя заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б). В мае 1947 г. был назначен главным секретарем Комитета информации при Совете Министров СССР. В 1947—1952 гг. — посол СССР в США, с 1952 г. — посол в КНР. В мае 1953 г. назначен начальником Второго главного управления МВД СССР, затем Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). В июне 1955 г. переведен на работу в ЦК КПСС, где занимался заграничными делами. В 1962 г. вышел на пенсию в звании генерал-майора. Умер 11 ноября 1974 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Вопрос о вступлении СССР в войну с Японией был не единственной спорной темой в двусторонних связях: озабоченность советского руководства вызывало состояние отношений между партнерами по единому антияпонскому фронту в Китае. СССР, как и прежде, в качестве своего основного идеологического и политического союзника в Китае продолжал рассматривать КПК. Несмотря на то что гражданская война в Китае была остановлена, отношения между КПК и Гоминьданом продолжали оставаться напряженными. С 1939 г. вооруженные столкновения между отрядами КПК и войсками Гоминьдана возобновились. Очередным обострением этих отношений ознаменовался конец 1940 года, когда произошла вспышка военных действий между подразделениями руководимой коммунистами Новой четвертой армии и воинскими формированиями Гоминьдана. В сложившейся ситуации разобраться было непросто, поскольку обе стороны обвиняли друг друга в начале военных действий. Во время беседы, состоявшейся

в конце октября 1940 г. между советским полпредом А.С. Панюшкиным и заместителем начальника генштаба китайской армии Бай Чунси, последний обвинил руководство коммунистов в том, что оно отказывалось выполнять распоряжения Центрального правительства об изменении дислокации войск и совершило нападение на части Центрального правительства. В результате гоминьдановские войска понесли серьезные потери, погибли командир корпуса и комбриг, а часть офицерского состава была взята в плен⁷⁰. В январе 1941 г. по штабной колонне Новой четвертой армии, находившейся в это время в южной части провинции Аньхуэй, был нанесен ответный удар, в результате которого было убито несколько тысяч человек, а командующий Е Тин, обвиненный центральными властями в неподчинении воинской дисциплине, был взят в плен и заключен в тюрьму, где он пробыл до конца антияпонской войны.

В связи с этими событиями А.С. Панюшкин во время встречи с Чан Кайши поинтересовался, означает ли происшедшее, что в Китае возобновлена гражданская война. В этом случае, заявил он, СССР будет вынужден приостановить оказание военной помощи Китаю. Одновременно советские дипломаты, пытаясь разобраться в происшедшем, провели 15 января встречу с представителями КПК Чжоу Эньлаем и Е Цзяньнином. Разумеется, коммунисты возлагали всю ответственность за происшедшее на Гоминьдан и обвиняли его в попытке развязать гражданскую войну. Советский полпред во время встречи настоятельно рекомендовал представителям компартии отказаться от идеи начала гражданской войны против Центрального правительства и согласиться с тем, что основным противником Китая по-прежнему является Япония, а следовательно, в интересах войны сопротивления «нужно во что бы то ни стало сохранить сотрудничество» с Гоминьданом⁷¹. Впрочем, при посредничестве СССР тогда этот инцидент удалось разрешить. Тем не менее и в последующие годы отношения между союзниками по единому фронту продолжали оставаться напряженными, между воинскими формированиями сторон нередко вспыхивали вооруженные столкновения, что, конечно же, отражалось на атмосфере советско-китайских отношений.

Современные российские исследователи отмечают, что далеко не всегда в осложнении отношений между двумя основными политическими силами Китая были виновны гоминьдановские власти, как нередко утверждалось в советской историографии. КПК несла свою долю ответственности за то, что вместо объединения усилий в борьбе против Японии союзники растрачивали свои силы на междоусобную борьбу⁷².

Синьцзян в советско-китайских связях накануне и во время антияпонской войны

Другой проблемой, потенциально способной вызвать усиление противоречий между СССР и Китайской Республикой, было положение в Синьцзяне, который во все большей мере оказывался в сфере советского влияния. Подобно территории Внешней Монголии, Синьцзян также оказался вовлеченным в события Граждан-

⁷⁰ Русско-китайские отношения, 1937–1945. Т. 4. Кн. 1. С. 625.

⁷¹ Там же. С. 628.

⁷² *Мировицкая Р.А.* Указ. соч. С. 161.

ской войны в России. Весной 1920 г. под натиском наступавшей Красной армии китайскую границу перешли части колчаковских войск генерала А.С. Бакича, атамана Б.В. Анненкова, позднее к ним присоединились отряды белогвардейцев под командованием атамана А.И. Дутова и П.А. Новикова. Всего в первой половине 1921 г. на территории Синьцзяна оказалось около 50 тыс. русских солдат, офицеров и беженцев. Часть этих военных формирований отказалась пойти на интернирование и сдать имевшиеся значительные запасы оружия, рассчитывая превратить Синьцзян в базу продолжения борьбы против советской власти.

Местная китайская администрация оказалась в весьма сложной ситуации, поскольку не обладала собственными военными возможностями для того, чтобы принудить пришельцев, хорошо вооруженных и опытных бойцов, к повиновению. В мае 1921 г. по соглашению с властями Синьцзяна на его территорию были введены части Туркестанского фронта, которым удалось нанести поражение объединенным отрядам Бакича и Новикова и добиться их окончательного разгрома в сентябре того же года уже без всякого дополнительного соглашения с китайской стороной, что можно было бы считать открытой военной интервенцией. Убедившись в военных возможностях Советской России и стремясь к возобновлению нормальных экономических связей с Россией, власти Синьцзяна предприняли шаги для стабилизации двусторонних отношений и ситуации в районе границы.

В советском политическом руководстве в начале 1920-х годов существовали две точки зрения на то, каким образом строить отношения с соседом. Одна из них, поддержанная Коминтерном, состояла в том, чтобы «экспортировать» революцию из советской Средней Азии на сопредельную территорию, имея в виду образование в будущем советских Кашгарской и Джунгарской республик. Против этого плана резко выступил НКВД, указывавший, что распространение революции на территорию Синьцзяна неизбежно вызовет обострение отношений с Китаем, в то время как Советская Россия заинтересована в обратном. В конечном итоге точка зрения НКВД победила и, несмотря на то, что идея перенесения на Синьцзян «мировой революции» продолжала жить среди части советского руководства, возобладали подход на поддержание отношений сотрудничества с существующей китайской администрацией провинции⁷³.

Впоследствии он был закреплён специальным решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1927 года, в котором говорилось: «Считать совершенно вредным и недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции»⁷⁴. Благодаря курсу на уважение территориальной целостности Китая, после заключения советско-китайского договора 1924 г. были нормализованы связи по дипломатической линии между СССР и этой китайской провинцией. В октябре 1924 г. сторонам удалось договориться об открытии советских консульских учреждений в столице провинции Урумчи, а также в Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и на Алтае. Китай учредил консульства в Алма-Ате, Семипалатинске, Зайсане, Ташкенте и Андижане. При этом Советскому Союзу было полностью возвращено консульское и прочее имущество, ранее принадлежавшее Российской империи.

⁷³ Красильников В.Д. Синьцзянское притяжение. М.: Дипакадемия, 2007. С. 145–146.

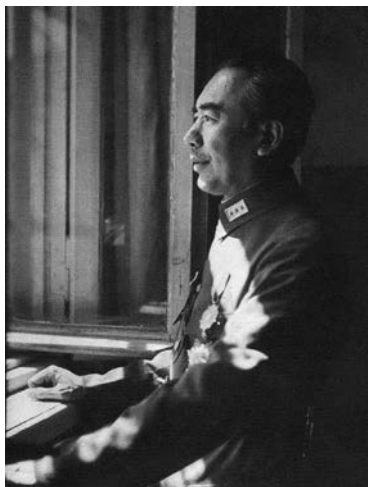
⁷⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Указ. соч. Т. 2. С. 2. С. 619.

В начале 1930-х годов внутривосточная ситуация в Синьцзяне резко обострилась в связи с ростом национально-освободительного движения под лозунгами создания в Синьцзяне независимого исламского государства. Восстание, продолжавшееся с 1931 по 1934 г., получило поддержку дунганского милитариста генерала Ма Чжунина, который стремился возглавить его. В этой ситуации вновь остро встал вопрос о позиции СССР по отношению к восставшим. Однако и в этот раз, несмотря на возражения работников Восточного секретариата Коминтерна, возобладал подход, направленный на поддержание отношений сотрудничества с официальными властями Синьцзяна. Этому способствовало и то, что руководство Советского Союза располагало сведениями о поддержке восставших Японией и Англией, стремившихся использовать их в собственных интересах.

Именно в это время, в самый разгар гражданской войны в провинции, на первые роли здесь выдвинулся Шэн Шицай, командовавший китайскими войсками, направленными на подавление восстания. Он пришел к власти в результате военного переворота в апреле 1933 г., в результате которого прежний губернатор Синьцзяна Цзинь Шужэнь был смещен со своего поста и был вынужден покинуть пределы провинции.

**ШЭН Шицай 盛世才 (Цзинь Юн) (1892–1970) —
китайский политический и военный деятель**

Родился в уезде Кайюань провинции Ляонин в семье помещика. В 1915 г. получил политико-экономическое образование в Шанхае, затем уехал для продолжения обучения в Японию. В 1919 г. вернулся в Китай и поступил на военные курсы в Гуандуне. В 1928 г. учился в Японии в университете сухопутных войск, по окончании которого поступил офицером в армию Гоминьдана. В 1928–1929 гг. исполнял обязанности начальника отдела полевого штаба в Нанкине. В 1931 г. прибыл в провинцию Синьцзян, где занял должности офицера управления надзора (душу) и инструктора при военном училище. После начала восстания уйгуров в июле 1931 г. Шэн Шицай стал главнокомандующим провинциальных войск на восточном направлении, где вел военные действия против одного из руководителей антикитайского восстания Ходжи Нияза. В апреле 1933 г. стал фактическим главой Синьцзяна. Первоначально ориентировался на СССР и даже тайно вступил в ВКП(б) во время тайного визита в СССР. Однако после нападения на СССР Германии, видя тяжелое положение СССР, начал проводить антисоветский курс, удалил советских советников и развязал репрессии против коммунистов. В августе 1944 г. был смещен со своего поста Центральным правительством Гоминьдана, получил должность министра сельского и лесного хозяйства. В 1949 г. уехал на Тайвань, занимался бизнесом, написал несколько мемуарных книг.



На протяжении нескольких лет этой противоречивой фигуре Шэн Шицая было суждено сыграть особую роль и в политической борьбе в Синьцзяне, а также в отношениях между этой провинцией Китая и СССР. Как показали дальнейшие события, основными чертами характера этого кадрового китайского офицера были неразборчивость в средствах, отсутствие каких-либо определенных политических убеждений, коварство, безграничные амбиции и непреодолимая жажда власти⁷⁵.

Понимая, что Нанкин далеко и занят событиями, происходящими в Северном Китае, Шэн Шицай попытался освободиться от опеки Центрального правительства и сделал ставку на принятие «левой» программы. В политическом манифесте, опубликованном после переворота, он обещал обеспечить демократизацию политической системы Синьцзяна, равноправие проживающих здесь национальностей, оказание помощи крестьянству и т.д. Свою внешнеполитическую линию он определил как борьбу с империализмом и установление дружеских отношений с СССР. Впрочем, как показали дальнейшие события, новый губернатор Синьцзяна стремился, прежде всего, к укреплению режима личной власти, в результате чего в провинции была установлена неприкрытая военная диктатура.

Призывы нового губернатора Синьцзяна к «антиимпериалистической» борьбе и обещания укреплять дружбу с СССР не могли не привлечь внимания советского руководства, в связи с чем в Москве выработали новый политический курс на синьцзянском направлении: поддержать урумчийские власти, но в то же время не предпринимать шагов, которые способствовали бы отторжению Синьцзяна от Китая. Такая линия вполне соответствовала общеполитической ситуации в отношениях между СССР и Китаем в свете только что возобновленных дипломатических отношений между странами и роста угрозы японской агрессии в отношении как Китайской Республики, так и Советского Союза.

Уже в первой половине 1933 г. СССР предпринял ряд конкретных шагов по оказанию помощи осажденной повстанцами столице Синьцзяна Урумчи. Интернированные в декабре 1932 — январе 1933 гг. на территории советского Дальнего Востока китайские армии, вытесненные из Маньчжурии японскими войсками, по решению Москвы подлежали возвращению в Китай не через Владивосток, как предполагалось ранее, а через Синьцзян. Здесь эти опытные бойцы под командованием генералов Су Бинвэня и Ли Ду немедленно приняли участие в боевых действиях на стороне урумчийского правительства, что привело к перелому ситуации.

Когда в конце 1933 г. положение губернатора Синьцзяна вновь стало критическим в связи с очередным наступлением дунганского генерала Ма Чжунина, Советский Союз опять пришел на помощь осажденному Урумчи. На этот раз в Синьцзян были посланы кадровые советские войска: полк РККА и 13-й алма-тинский полк НКВД общей численностью 7 тыс. человек с бронетехникой, авиацией и артиллерией. Для соблюдения секретности подразделения Красной армии, которые получили название некоей «Алтайской добровольческой армии», были экипированы в белогвардейскую форму, включая и погоны. К проведению операции были привлечены вооруженные отряды из числа бывших белогвардейцев, поступившие на службу провинциального правительства, а в качестве награды за сотрудничество им были обещаны амнистия и предо-

⁷⁵ Крaсильников В.Д. Указ. соч. С. 167.

ставление советского гражданства. Таким образом, на территории Синьцзяна бывшие непримиримые враги стали товарищами по оружию. Впрочем, многие из бывших белогвардейцев впоследствии все равно были репрессированы НКВД и расстреляны. Уже в начале 1934 г. в результате боевых действий «алтайцев» блокада Урумчи была прорвана. На протяжении последующих лет СССР еще не раз приходил на помощь урумчийскому правительству, используя советские вооруженные формирования, дислоцированные на территории Синьцзяна. Характерно, что в этой ситуации нанкинское правительство предпочло закрыть глаза на непосредственное участие Красной армии в событиях в Синьцзяне, поскольку прекрасно понимало, что без ее помощи сохранение Синьцзяна в составе Китайской Республики было проблематичным.

Сам Шэн Шицай в этих обстоятельствах все дальше шел «влево»: провинцию наводнили чиновники, присланные из Советской России и являвшиеся советскими гражданами китайской, узбекской, казахской, дунганской национальностей. Штаб синьцзянской армии, по существу, возглавили советский разведчик А.К. Маликов и в будущем видный советский военачальник и маршал Великой Отечественной войны П.С. Рыбалко⁷⁶. Губернатор поддержал установление связей с китайскими коммунистами, согласился с открытием представительства руководимой КПК 8-й армии и включение в административный аппарат коммунистов, присланных из столицы Центрального района Яньани. Более того, в августе 1938 г. он решился на еще более экстравагантный шаг. Находясь с конфиденциальным визитом в Москве, Шэн Шицай подал заявление о вступлении в ВКП(б). Его просьба была удовлетворена, и он получил партбилет за № 1859118, который вручил В.М. Молотов.

После начала нового этапа японского вторжения летом 1937 г. позиции Москвы в Синьцзяне еще более укрепились, поскольку по территории провинции проходил основной транспортный коридор, по которому Китай получал помощь из СССР. Начатое в октябре строительство трассы по территории Синьцзяна протяженностью около 3000 км, связывающей СССР и Китай, было завершено к концу ноября 1937 г. На строительстве работало несколько тысяч советских специалистов, руководивших китайскими рабочими. Для ее охраны из Советского Союза была переброшена специально сформированная бригада, в составе которой, помимо пехотных подразделений, были танкисты, артиллерия и кавалерийский полк. На аэродроме в городе Хами была налажена сборка и облет самолетов, доставлявшихся из СССР, после чего они своим ходом перегонялись на китайско-японский фронт. В соответствии с соглашением между правительствами двух стран в начале 1940 г. началось строительство авиасборочного завода неподалеку от столицы провинции Урумчи, который начал давать продукцию в конце того же года. Для охраны этого предприятия, получившего кодовое название «завод сельскохозяйственных орудий и техники», занятых на нем советских рабочих и служащих, а также геологов, занимавшихся разведкой полезных ископаемых на территории провинции, были направлены дополнительные подразделения советских войск, правда, для секретности переодетых в китайскую военную форму.

Летом 1940 г. первую продукцию стал давать нефтеперерабатывающий завод, сырье на который поступало с месторождений, открытых советскими геологами, что помогло смягчить острый энергетический кризис в провинции. В это время

⁷⁶ Красильников В.Д. Указ. соч. С. 167.

в Синьцзяне трудились многочисленные советские гражданские специалисты: инженеры, преподаватели, медики, специалисты в области сельского хозяйства, геологи. Нельзя недооценивать значения помощи, которую в этот период времени СССР оказал борющемуся против японского вторжения Китаю, да и самому Синьцзяну. Однако ее продолжением стало фактическое превращение этой провинции Китая в протекторат СССР, зависевший от него в политическом, военном и экономическом отношениях, что не могло не вызывать подозрительности и раздражения Центрального правительства Китая. Кроме того, политический режим, установленный Шэном, представлял из себя худшую форму диктатуры, которая смогла выжить, лишь опираясь на советские штыки⁷⁷.

Ухудшение советско-китайских отношений, а также связей между СССР и Синьцзяном началось после нападения Германии на Советский Союз. Первые неудачи СССР в войне были восприняты как центральным руководством Китая, так и властями Синьцзяна как пролог к скорому поражению СССР. Уже осенью 1941 г. руководство провинции начало поворот от ориентации на СССР и «левую» программу к установлению более тесных контактов с чунцинским правительством. Первый удар был нанесен по членам КПК, работавшим на разных должностях в провинциальной администрации. Их сначала отстранили от работы, а весной 1942 г. в провинции был раскрыт «коммунистический заговор», в связи с чем члены КПК подверглись аресту, а многие из них впоследствии были уничтожены. Среди погибших коммунистов был и Мао Цзэминь, брат руководителя КПК Мао Цзэдуна. В общей сложности в тюрьмы было посажено более 600 так называемых «заговорщиков».

Летом 1942 г., когда положение СССР в войне с Германией все еще продолжало оставаться угрожающим, в Урумчи прибыла делегация Центрального правительства, которой удалось окончательно склонить Шэна к смене ориентации на Чунцин. Вскоре губернатор провинции объявил о своем разочаровании в «марксизме-ленинизме-сталинизме» и переходе на позиции «трех народных принципов» Сунь Ятсена. В октябре 1942 г. Шэн Шицай потребовал отзыва из провинции всего военного и технического персонала СССР, что и было выполнено на протяжении последующих месяцев Советским Союзом. Вместе с советскими специалистами из провинции было вывезено все многочисленное промышленное оборудование, поставленное до этого в Синьцзян как по соглашениям с центральным, так и с региональным правительствами⁷⁸.

Впрочем, решение о переориентации на Чунцин стало серьезным просчетом мятежного губернатора Синьцзяна, поскольку после поражения немецких армий под Сталинградом в январе 1943 г. начался перелом в ходе Второй мировой

⁷⁷ А.Д. Воскресенский следующим образом характеризует политику СССР в Синьцзяне в период антияпонской войны: «В то же время, руководствуясь своими государственными (и частично общественными) интересами, СССР извлекал существенные выгоды из ситуации и, естественно, старался занять прочные экономические и политические позиции в регионе и усилить свой контроль над этой буферной зоной» (*Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений*. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. С. 214). Впрочем, нельзя забывать о том, что «буферная зона» — это часть суверенной территории Китая, что на словах СССР не подвергал сомнению.

⁷⁸ По мнению Р.А. Мировицкой, то, что Чан Кайши, воспользовавшись ситуацией, предпринял шаги к укреплению влияния Центрального правительства в Синьцзяне, «было справедливо, ибо провинция была частью Китайской Республики. См.: *Мировицкая Р.А. Указ. соч.*, С. 91.

войны на европейском театре. Между тем Шэн Шицай продолжал делать все возможное для того, чтобы дальнейшее пребывание в Синьцзяне советских специалистов было «невыносимым», о чем было заявлено 15 июля советским послом А.С. Панюшкиным в беседе с главой внешнеполитического ведомства Китая У Гочжэнем⁷⁹. 2 октября 1943 г. посольством СССР в Китайской Республике было сделано заявление, в котором перечислялись многочисленные факты провокационных действий против советских специалистов и граждан, постоянно проживавших в Синьцзяне⁸⁰. В октябре 1943 г. последние советские части были выведены из Синьцзяна, а в апреле 1944 г. Япония открыла действия против китайских войск по всему фронту, в очередной раз поставив Китай на грань полной военной катастрофы. Ответом Шэн Шицай на события на японо-китайском фронте стало раскрытие очередного «заговора», на этот раз якобы организованного гоминьдановскими кадрами, появившимися в провинции после разрыва с СССР, что привело к аресту нескольких сот гоминьдановских кадровых работников. Попытки Шэн Шицай в очередной раз призвать на помощь Советский Союз и даже просьба, обращенная к Сталину, принять Синьцзян в состав СССР на правах союзной республики, при условии, что он сам станет ее руководителем, ни к чему не привели. В августе 1944 г. он был смещен со своего поста, а вся местная административная и военная власть возвращена под контроль Центрального правительства в Чунцине. Американский исследователь Э. Клубб следующим образом охарактеризовал результаты стремления Чан Кайши «выдавить» СССР из Синьцзяна, воспользовавшись трудностями, с которыми Москва столкнулась в ходе войны с Германией: «Налицо было глубокое неприятие Москвой действий Китая в Синьцзяне, в частности, и в двусторонних отношениях в целом. Естественно, что этот опыт повлиял на дальнейшее развитие советско-китайских связей»⁸¹.

В разыгрывавшемся «синьцзянском гамбите» следующий ход был за Сталиным, который решил кардинально изменить тактику. Если ранее Советская Россия стремилась к установлению отношений сотрудничества с властями Синьцзяна, оказывая им помощь в борьбе с национальным движением в провинции, то теперь советское руководство решило поддержать, а во многом и инициировать повстанческую борьбу в Синьцзяне под лозунгами национального освобождения с целью свержения власти Гоминьдана. Уже весной 1943 г. советское руководство приняло решение о помощи синьцзянским националистам, а для ее координации была образована межправительственная комиссия, в которую вошли представители ЦК РКП(Б), Совета народных комиссаров, НКВД, ВЦСПС и Верховного Совета СССР. На территории советской Средней Азии была организована подготовка членов антиправительственных организаций Синьцзяна и участников партизанского движения, а в саму провинцию были заброшены десятки кадровых советских разведчиков. Из лагерей были освобождены сотни ранее репрессированных советских кадровых работников и военнослужащих уйгурской национальности, которые, после прохождения краткосрочной подготовки, также были направлены в Синьцзян. Более того, для вооруженной борьбы на китайской территории была образована «Дикая конная

⁷⁹ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения, 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944. С. 776.

⁸⁰ Там же. С. 794–796.

⁸¹ *Clubb O. Op. cit.* P. 330.

дивизия», укомплектованная советскими военными служащими, имевшими боевой опыт, полученный на советско-германском фронте.

В 1943 г. с помощью советских тайных агентов была образована Организация освобождения Восточного Туркестана, которая после начала открытого восстания в провинции в начале 1945 г. провозгласила образование Восточно-Туркестанской республики (ВТР) и создание собственных вооруженных сил. Главным военным советником при правительстве ВТР стал генерал-майор НКВД В.С. Егноров. Участие СССР в синьцзянских событиях было настолько хорошо законспирировано, что у китайской стороны, безуспешно пытавшейся подавить национальное движение, отсутствовали прямые доказательства вовлеченности Советского Союза в эти события. К моменту завершения Второй мировой войны регулярные войска повстанцев насчитывали более 20 тыс. хорошо вооруженных бойцов, которых поддерживали примерно 10 тыс. партизан. Казалось, что дни китайской администрации в провинции сочтены.

Новое изменение в позиции Москвы в «синьцзянском гамбите» произошло только после завершения военных действий на европейском театре и капитуляции Германии. Будучи поставленным перед необходимостью определить свое отношение к вопросу о суверенитете Китая, являвшегося союзником СССР по антифашистской коалиции, в преддверии вступления в войну с Японией и в связи с переговорами о заключении советско-китайского договора летом 1945 г., советское руководство приняло решение о прекращении оказания поддержки синьцзянским националистам. Им было рекомендовано пойти на прекращение военных действий и мирные переговоры с Центральным правительством, которые начались сразу же после капитуляции Японии. В результате переговоров было достигнуто соглашение о создании в провинции коалиционного правительства, а 28 июля 1946 г. было официально объявлено о прекращении существования ВТР.

Довольно точную оценку происходившим тогда в Синьцзяне событиям дал российский исследователь этой темы В.Д. Красильников: «Несомненный элемент субъективизма, привносимый в организацию «революции трех округов» советскими руководителями, а также прямая зависимость повстанческого движения от позиции Москвы, от степени и размеров помощи со стороны Советского Союза играют роковую роль в исходе борьбы. Народы Синьцзяна оказываются, по существу, разменной картой в большой политической игре, которую ведет руководство СССР с Китаем»⁸².

Советско-китайские отношения и гражданская война в Китае (1945–1949)

Советская дипломатия и проблемы послевоенного урегулирования в Китае. Советско-китайский договор 1945 года

Вопросы послевоенного устройства мира и проблемы взаимных отношений в годы Второй мировой войны неоднократно обсуждались союзниками по анти-

⁸² Красильников В.Д. Указ. соч. С. 310.

фашистской коалиции. В октябре 1943 г. в Москве представителями четырех держав — СССР, США, Англии и Китая — была подписана совместная декларация, в которой они брали на себя обязательство объединить усилия в войне против противника, не заключать сепаратного мира и сотрудничать в создании новой международной организации, которая возьмет на себя ответственность за устройство послевоенного мира. В ноябре того же года состоялось совещание в верхах в Каире, в котором приняли участие президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Англии У. Черчилль, президент Китайской Республики Чан Кайши. И.В. Сталин принял решение воздержаться от участия в Каирской конференции. Одной из причин этого было нежелание лично встречаться с руководителем Китая, поскольку отношения между двумя государствами к этому времени оставляли желать лучшего. В Каире Чан Кайши получил от союзников заверения в том, что после разгрома японская империя будет расчленена и Китаю будут возвращены захваченные ею территории. Буквально через несколько дней лидеры стран — участниц антифашистской коалиции, исключая Чан Кайши, вновь встретились в Тегеране. Здесь советский лидер подтвердил обязательство СССР через два-три месяца после завершения войны на европейском фронте объявить войну Японии с целью оказания помощи союзникам и скорейшего завершения мировой войны.

Особое значение для урегулирования вопросов территориального и политического положения в Китае имели решения, принятые на Ялтинской конференции в феврале 1945 года. Несмотря на то что этим проблемам было уделено значительное внимание, руководство Китайской Республики на конференцию приглашено не было. Советская сторона, которая воспротивилась участию в конференции Чан Кайши, аргументировала свою позицию тем, что китайское правительство отличалось неумением хранить секреты и по этой причине решения конференции могут стать известны Японии.

В Ялте И.В. Сталин фактически определил цену вступления СССР в войну на дальневосточном фронте военных действий. В числе выдвинутых им требований значились: передача после окончания войны Советскому Союзу контролируемых Японией Южного Сахалина и Курильских островов; сдача китайским правительством СССР в долгосрочную аренду Даляня (коммерческий порт) и Порт-Артура в качестве военно-морской базы; возвращение России права на совместное с Китаем коммерческое использование КВЖД, включая и ветку, соединявшую КВЖД с южной частью Маньчжурии, а также признание независимости Внешней Монголии. Очевидно, что некоторые условия, выдвинутые советским руководителем, могут быть охарактеризованы как неравноправные и явно ущемлявшие суверенитет Китая. Однако они были приняты Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, полагавшими, что без поддержки СССР война на дальневосточном фронте может затянуться как минимум на полтора года, что приведет к дополнительным потерям союзных войск. И.В. Сталин обратился к Ф. Рузвельту с просьбой быть посредником в доведении до сведения Чан Кайши советских условий, на что тот согласился.

В соответствии со своими союзническими обязательствами СССР начал подготовку к войне с Японией, однако объявлению войны препятствовало одно обстоятельство — советско-японский Пакт о нейтралитете от апреля 1941 г. Впрочем, СССР мог начать военные действия и без предварительного уведомления противной стороны о прекращении действия договора. Так сделала,

например, Германия, напав в 1941 г. на СССР, с которым за два года до начала войны подписала Договор о ненападении. Москва решила избрать иной путь — 5 апреля 1945 г. руководитель советского внешнеполитического ведомства В.М. Молотов уведомил японского посла в Москве Н. Сато о том, что советское правительство не предполагает продлить договор по истечении срока его действия в апреле 1946 г. Советская дипломатия аргументировала это тем, что Япония нарушила дух договора, сотрудничая с противниками СССР, а также тем, что изменились международные условия действия Пакта: Россия была союзником государств, с которыми в состоянии войны находилась Япония. Оставался самый главный вопрос: будет ли Советский Союз соблюдать условия Пакта до истечения срока его действия или же считает себя свободным от накладываемых им ограничений немедленно. Советская дипломатия на протяжении последующих месяцев уклонялась от прямого ответа на этот вопрос, что позволяет некоторым историкам полагать, что СССР, в сущности, нарушил условия Пакта о нейтралитете с Японией⁸³.

7 мая 1945 г. был подписан Акт о капитуляции Германии и СССР, в соответствии с данными союзникам обещаниями, смог непосредственно приступить к подготовке к вступлению в войну против Японии. Однако до этого Москве было необходимо поставить отношения с Китаем на новую договорную базу в связи с тем, что военные действия должны были развиваться на китайской территории. На заключительном этапе мировой войны оба государства выступали как непосредственные военные союзники, но в то же время существовали определенные условия участия СССР в военных действиях на дальневосточном фронте, которые, как рассчитывала Москва, предварительно должен был принять Китай. Об этих условиях в общих чертах новый Президент США Г. Трумэн уведомил руководителя правительства Китая Сун Цзывэня в июне 1945 г., когда Сун находился с визитом в США. Уже в конце июня для переговоров с советским руководством о заключении нового договора в Москву прибыла многочисленная китайская делегация, главой которой был назначен Сун Цзывэнь. В ее составе находился Цзян Цзинго — сын Чан Кайши, многие годы проведенный в СССР и, как надеялся его отец, хорошо понимавший психологию советских лидеров.

Когда советская сторона посвятила партнеров по переговорам в детали своих требований, это вызвало замешательство китайской делегации, которая настаивала на прямо противоположных условиях. Вот как вспоминал об этом Чэнь Дайчу, профессиональный тайваньский дипломат, в тот период занимавший пост советника в китайском посольстве в Москве: «Когда были оглашены советские предложения, мы оторопели. Почему Китай, боровшийся на стороне союзников против японской агрессии и понесший колоссальные человеческие и материальные жертвы, должен идти на подобные унижительные уступки?»⁸⁴

Уже во время первой встречи И.В. Сталин уведомил Сун Цзывэня о том, что переговоры могут вестись только на основе ялтинских договоренностей. Особое сопротивление китайской делегации вызвало требование о признании независимости Внешней Монголии, необходимость которой советская сторона аргументировала соображениями военно-стратегического характера. В июле переговоры

⁸³ Молодяков В.Э. Указ. соч. С. 389.

⁸⁴ Chen Tai Chu. A Reminiscence // Tai Wan-chin (ed.). The 1945 Sino-Soviet Treaty of Friendship and Alliance. Taipei: Haidi gongsi, 1995. P. 57.

были временно прерваны в связи с участием советского руководства в Потсдамской конференции и консультациями, которые китайская делегация считала необходимым провести в Чунцине. В Потсдаме И.В. Сталин уверил Г. Трумэна о том, что контроль СССР над железнодорожным сообщением в Маньчжурии не означает, что транспортная система в этом регионе Китая будет закрыта для использования других иностранных держав. Если это обещание отчасти и успокоило руководство США, то оно было явно недостаточно для того, чтобы удовлетворить китайскую сторону. Сун Цзывэнь в качестве протеста и не желая нести ответственность за уступки СССР, сложил с себя обязанности министра иностранных дел и вновь прибыл в Москву уже в качестве заместителя нового руководителя внешнеполитического ведомства Китайской Республики.

**СУН Цзывэнь 宋子文 (1894–1971) —
китайский бизнесмен и политический деятель**

Родился 4 декабря 1894 г. в Шанхае в семье миссионера, друга Сунь Ятсена Сун Цзяшу (Чарльз Сун). Учился в миссионерской школе святого Иоанна в Шанхае, продолжил образование в США, где окончил Гарвардский университет со специализацией по экономике. Получил докторскую степень в Колумбийском университете. По возвращении в Китай благодаря родственным связям с высшим руководством Гоминьдана (его сестра Сун Мэйлин стала женой Чан Кайши, другая сестра Сун Цинлин — Сунь Ятсена, а третья Сун Айлин — банкира и политического деятеля Кун Сянси) Сун Цзывэнь занял пост в уханьском правительстве Гоминьдана. В сентябре 1925 г. назначен министром финансов кантонского правительства, в 1928 г. занял этот же пост в нанкинском правительстве. На постах президента Центрального банка Китая и министра финансов (1928–1931 и 1932–1933) проводил реформы по упорядочению денежной системы, установлению единой денежной единицы, упорядочению налогов и таможенных сборов. В 1936 г. во время Сианьского инцидента участвовал в переговорах об освобождении Чан Кайши. В 1942–1945 гг. — министр иностранных дел. В декабре 1944 г. назначен исполняющим обязанности председателя Исполнительного юаня (премьером) с сохранением поста министра иностранных дел, а 31 мая 1945 г. возглавил кабинет министров в качестве председателя. В 1945 г. вел переговоры в Москве с И.В. Сталиным. Попытался сохранить Монголию в составе Китая. 14 августа 1945 г. подписал «Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем». 1 марта 1947 г. в связи с внутренней борьбой в Гоминьдане ушел в отставку с поста главы правительства. Назначен губернатором провинции Гуандун. После победы коммунистов в октябре 1949 г. уехал в Сан-Франциско, занимался бизнесом, умер в США.



Дальнейшие переговоры проходили в кардинально изменившейся международной обстановке в связи с тем, что 8 августа СССР объявил войну Японии. 10 августа И.В. Сталин заявил, что рассчитывает на скорейшее достижение договоренностей, поскольку существует возможность того, что после оккупации Северо-Восточного Китая советскими войсками и до прихода войск Центрального правительства Маньчжурия может быть занята вооруженными формированиями китайских коммунистов. Именно этого более всего опасались в Чунцине. Там рассчитывали, что уступки Москве в ответ на ее требования станут своеобразной гарантией того, что в грядущем противостоянии между основными соперничающими политическими группировками в Китае СССР займет, по крайней мере, позицию нейтралитета.

14 августа 1945 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой⁸⁵. В соответствии с договором СССР и Китай брали на себя обязательство оказывать друг другу всю необходимую военную помощь и поддержку в войне с Японией и не заключать с ней сепаратного мирного договора (статья 1). Статья 4 устанавливала, что обе договаривающиеся стороны обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в коалиции, направленной против другой договаривающейся стороны. Особое значение имела статья 5, в которой речь шла о послевоенном периоде двусторонних отношений. В ней говорилось, что Россия и Китай берут на себя обязательство «после наступления мира действовать в соответствии с принципами взаимного уважения их суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой договаривающейся стороны». Применительно к ситуации, существовавшей в тот период в советско-китайских отношениях, это означало обязательство СССР вывести свои войска из Маньчжурии после завершения войны против Японии и воздерживаться от действий, которые могли бы поставить под сомнение принадлежность Синьцзяна Китаю.

Детальный перечень уступок, на которые была вынуждена пойти китайская сторона, не был включен в текст основного договора, а был отражен в дополнительных соглашениях. Советский Союз, как и предусматривали ялтинские договоренности, получил на правах совместного управления с Китаем Китайско-Чанчуньскую железную дорогу (КВЖД) и южная ветка, соединявшая ее с Чанчунем), Дальний как коммерческий порт также в совместном управлении, и Порт-Артур, который превращался в военно-морскую базу СССР. Наиболее острые разногласия, как отмечалось выше, вызвал вопрос о независимости Монголии. Требование Чунцина об организации в Монголии плебисцита о независимости от Китая было принято советскими переговорщиками, и по результатам референдума, проведенного 20 октября 1945 г., МНР получила независимость в ее существовавших границах. Независимость Монголии была официально признана правительством Китайской Республики 5 января 1946 г. Наряду с этим, по настоянию китайской стороны, СССР брал на себя обязательство предоставлять моральную, военную и материальную поддержку лишь Центральному правительству Китая. Последнее означало не что иное, как обещание не оказывать прямой помощи КПК в случае возникновения ситуации противоборства между главными политическими силами страны. Договор заключался на срок в 30 лет, однако ему суждено было

⁸⁵ Текст договора см.: *Галенович Ю.М.* Указ. соч. С. 388–390.

действовать всего лишь около четырех лет, поскольку, по выражению российского историка Ю.М. Галеновича, подписывая договор о дружбе и союзе, обе стороны ясно понимали, что речь не идет ни о том, ни о другом⁸⁶.

Характерно, что впоследствии советская сторона конфиденциально признавала неравноправный характер некоторых статей советско-китайского договора 1945 г. Во время встреч с руководством китайской компартии в феврале 1949 г. представителя советского правительства А.И. Микояна, последний заявил: «Мы считаем советско-китайский договор о Порт-Артурском районе неравным договором, заключенным для того, чтобы помешать сговору Гоминьдана с Японией и США против СССР и освободительного движения в Китае». Это признание вызвало откровенное удивление присутствовавших на встрече Мао Цзэдуна и членов Политбюро ЦК КПК⁸⁷. Тем не менее оно достаточно точно отражало стратегическое видение ситуации в Китае, как она представлялась Кремлю: в тот момент было трудно предположить, что буквально в течение нескольких дней Вторая мировая война на Тихоокеанском фронте завершится и Чан Кайши не представится возможность вступить в сепаратные переговоры с Японией.

В Москве также определенно опасались, что США при поддержке Чан Кайши попытаются установить свой контроль над Северо-Восточным Китаем, что могло создать непосредственную угрозу дальневосточным границам СССР. Как показали дальнейшие события, в планы советского руководства, помимо этого, определенно входило и оказание всесторонней помощи КПК. Для выполнения последней задачи сохранение советского военного и политического присутствия в Маньчжурии представлялось необходимым.

СССР и Маньжурская революционная база

Для нанесения удара по Японии СССР сосредоточил полуторамилионную группировку войск, в составе которой было более 5,5 тыс. танков, 26 тыс. артиллерийских орудий и 3,8 тыс. боевых самолетов различных типов. Военные действия начались 9 августа после перехода советскими войсками границы Маньчжурии. Несмотря на упорное сопротивление японских войск на некоторых участках фронта, советские войска быстрыми темпами продвигались вглубь китайской территории. Отступление японских войск в Северо-Восточном Китае, ядерные бомбардировки, которым японскую территорию подвергли США, а также неблагоприятное положение японской армии на Тихоокеанском фронте в целом заставили японское правительство 14 августа заявить о принятии условий союзников о безоговорочной капитуляции.

2 сентября представителями японского правительства и союзников был подписан Акт о капитуляции Японии. Военные действия на Маньжурском фронте были завершены ранее, к 20 августа, когда японские войска приступили к сдаче в плен. Общие потери Квантунской армии составили более 700 тыс. солдат и офицеров, причем в плен сдалось около 600 тыс. военнослужащих. Советская армия в качестве трофеев захватила тысячи артиллерийских орудий,

⁸⁶ Текст договора см.: *Галенович Ю.М.* Указ. соч. С. 86.

⁸⁷ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5: Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 2: 1949 — февраль 1950. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 82.

сотни танков и боевых самолетов. Эти потери превысили все те, которые японская армия понесла за предшествующие четыре года войны⁸⁸.

В соответствии с условиями, предварительно согласованными союзниками, капитуляцию японских войск на островных территориях и в самой Японии принимали вооруженные силы США, в Маньчжурии, на Сахалине и в северной части Кореи (севернее 38 параллели) — советские войска, в Малайе и Юго-Восточной Азии южнее 16 параллели — вооруженные силы Британии, а на всей остальной территории Китая и в ЮВА севернее 16 параллели — войска Китайской Республики. В основном эти условия были соблюдены, за исключением некоторых районов Китая, где капитуляцию японских войск принимали вооруженные соединения КПК, мотивируя это тем, что коммунисты самым энергичным образом боролись с Японией.

Последнее, впрочем, было справедливым лишь отчасти, поскольку в годы Второй мировой войны КПК стремилась всеми силами сохранить свой военный потенциал, имея в виду неизбежную в будущем конфронтацию с Гоминьданом. Вооруженные силы КПК не проявили активности и в наиболее сложный для СССР период войны, когда не было ясно, сохранится ли вообще СССР на карте мира. Китайские коммунисты и историки КНР не были склонны признавать этот факт, утверждая, что КПК являлась основной силой антияпонской борьбы, и упрекая Гоминьдан в пассивности.

В китайской литературе периода конфронтации с СССР сформировалась теория, согласно которой в период антияпонской войны Мао Цзедун и его сторонники боролись за «независимость и самостоятельность» КПК. Утверждалось, что руководство китайской компартии сознательно игнорировало указания Коминтерна и И.В. Сталина, поскольку они вмешивались в дела китайских коммунистов, руководствуясь исключительно интересами Москвы. Советские же критики КПК, напротив, обвиняли Мао в том, что он, воспользовавшись трудным положением СССР, развернул кампанию по исправлению стиля («чжэнфэн»). Ее целью было устранение с руководящих постов «наиболее видных коммунистов-интернационалистов» (то есть сторонников Москвы). Все это сопровождалось навязыванием партии теории «новой демократии», которая «ориентировала КПК на полный отход от основных принципов марксистско-ленинского учения, на разрыв связей с Советским Союзом»⁸⁹.

Обе эти точки зрения были односторонним подходом и игнорировали неудобные их авторам исторические факты. Нельзя не отметить, что современные китайские историки занимают более объективную позицию. Так, например, в статье, опубликованной в фундаментальном сборнике «История и современное состояние китайско-российских отношений», сотрудник Института новой истории Цзэн Цзинчжун утверждает, что «в период антияпонской войны КПК как отделение Коминтерна и составная часть международного коммунистического движения принимала указания Москвы и И.В. Сталина даже в тех случаях, когда ее лидеры сомневались в них». Далее он пишет: «Инструкции Коминтерна КПК (давать отпор Японии и оттягивать ее силы на себя), естественно, отвечали национальным интересам СССР. При этом в период антияпонской войны Коминтерн

⁸⁸ Борисов О. (Рахманин О.Б.). Советский Союз и Маньчжурская революционная база. М.: Мысль, 1975. С. 72.

⁸⁹ Сладковский М.И. Китай. Основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1978. С. 92.

указывал КПК на необходимость сохранения единого фронта с Гоминьданом в борьбе с Японией, а оказание сопротивления Японии было в интересах как Китая, так и СССР. Сохранение сотрудничества Гоминьдана и КПК, совместная борьба с Японией, предотвращение раскола единого антияпонского национального фронта — все это нисколько не ущемляло национальные интересы Китая. Поэтому вряд ли уместно упрекать СССР в том, что он исходил лишь из собственных эгоистических побуждений»⁹⁰.

Что касается утверждений, выдвигавшихся советскими авторами, критиковавшими политику КПК, то они игнорировали ныне документально подтвержденный факт, что И.В. Сталин одобрял курс на «новую демократию» и, в сущности, являлся ее соавтором наряду с Мао Цзэдуном.

Курс китайских коммунистов вызывал отрицательную реакцию со стороны советского руководства, рассчитывавшего на то, что более активные военные действия китайской Красной армии помогут связать как можно большее количество японских войск и отдалить тем самым нападение Японии на СССР. В декабре 1943 г. бывший руководитель уже распущенного к этому времени Коминтерна Г. Димитров обратился со специальным письмом к Мао Цзэдуну. В послании болгарский революционер призывал Мао активизировать военные действия против японцев и не провоцировать союзников по единому фронту. «На основании всего того, что мне известно, — писал Г. Димитров, — я считаю политически ошибочным курс на свертывание борьбы с иноземными оккупантами Китая, а также замечающееся отклонение от политики единого фронта»⁹¹. Справедливости ради следует отметить, что, исходя из схожих соображений, политику сбережения военных сил проводило и правительство Чан Кайши. Э. Клубб, в годы Второй мировой войны находившийся на дипломатической службе в Китае и имевший возможность лично наблюдать за происходящим, в связи с этим писал следующее: «В этот критический период (войны на Тихоокеанском фронте. — А.П.) чунцинский режим маневрировал, стремясь обеспечить свои интересы в решении внутрикитайских проблем и перед лицом Советского Союза, при этом постоянно игнорируя вооруженное сопротивление Японии»⁹².

В разрешение вопросов послевоенного урегулирования в Китае, кроме официально признанного союзниками Центрального правительства Китая, оказались естественным образом вовлечены китайские коммунисты, а также СССР и США. Эти «четырёхсторонние» отношения характеризовались и попытками найти общие точки соприкосновения, и одновременно глубоким взаимным недоверием. Главной целью Чан Кайши было укрепление собственной власти и распространение ее на весь Китай. Однако для достижения этого ему было необходимо заручиться поддержкой Советского Союза, прежде всего в решении вопроса о передаче оккупированных советской армией китайских территорий именно властям Центрального правительства. Второй задачей, с которой столкнулся Чунцин, было ограничение влияния КПК, которая стремилась восполь-

⁹⁰ 曾景忠 (Цзэн Цзинчжун): «有关中日战争时期共产国际和斯大林对中共指导的研讨» (Обсуждение инструкций Коминтерна и Сталина КПК периода китайско-японской войны) // 《中俄关系的历史与现实》 (История и современное состояние китайско-российских отношений), 开封, 河南大学出版社, 2004年, 第313页.

⁹¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 5. С. 686.

⁹² Clubb O. Op. cit. P. 331.

зоваться плодами общей победы над Японией в собственных целях. Тот факт, что руководство КПК оспорило приказ Чан Кайши о сдаче японских войск армии Гоминьдана и всеми силами старалось расширить территории освобожденных районов, ясно свидетельствовал о том, что послевоенное урегулирование в Китае будет сложным. С точки зрения КПК, неизбежное приближение конца Тихоокеанской войны с не меньшей неизбежностью ставило в повестку дня вопрос о том, какая политическая сила возглавит Китай в послевоенный период.

Вряд ли можно сомневаться в том, что при всей тонкости и коварстве сталинской стратагемы определения политического будущего Китая он прежде всего исходил из стремления создать благоприятные условия для усиления своего основного политического союзника — КПК. Это отвечало главной стратегической цели И.В. Сталина в его политике как в Европе, так и на Востоке, состоявшей в расширении лагеря социалистических государств. Помимо отнюдь не забытой идеи продвижения «мировой революции», за этим легко просматривались и интересы СССР как национального государства. В случае установления власти КПК в одной из частей Китая, а тем более ее превращения в общенациональную силу СССР получал на своих дальневосточных границах идеологически близкий политический режим, лидеры которого вдохновлялись теми же идеями, что и советские коммунисты.

При этом, однако, Москва не могла игнорировать целый ряд важных обстоятельств: открытая поддержка КПК в ущерб отношениям с Центральным правительством Китая, в сущности, являлась нарушением духа советско-китайского договора 1945 г. Наряду с этим, советское руководство отдавало себе отчет и в том, что военно-политический баланс, сложившийся в Китае ко времени завершения Второй мировой войны, был явно не в пользу китайских коммунистов, контролировавших главным образом отдаленные и отсталые районы страны. В связи с этим вряд ли можно было рассчитывать на скорый успех КПК в противостоянии с Гоминьданом. Помимо этого, И.В. Сталин был вынужден принимать во внимание позицию Вашингтона, который явно не только не хотел перехода Китая под контроль Москвы, но, напротив, с точки зрения советского руководства, преследовал цель усиления собственного влияния, в том числе и в оккупированной Советской армией Маньчжурии.

Наличие у США атомного оружия, мощность которого была продемонстрирована во время бомбардировок Японии, в этой ситуации являлось важным сдерживающим фактором. Таким образом, советское руководство не желало немедленного обострения политической ситуации в Китае, а тем более ее перерастания в полномасштабную гражданскую войну. Последнее можно отнести и к позиции США, которые, стремясь обеспечить будущее своих интересов в Китае, наряду с этим, опасались быть втянутыми в гражданскую войну в этой стране и, как следствие, в прямую конфронтацию с СССР. Тем более что основное внимание США было сосредоточено на проблемах послевоенного урегулирования в Европе⁹³.

⁹³ С точки зрения некоторых авторов, сразу же после окончания Тихоокеанской войны США взяли курс на вооружение и материальную поддержку Чан Кайши, не останавливаясь перед «прямым вооруженным вмешательством во внутренние дела Китая», что, как можно понимать, и стало важнейшим фактором начала гражданской войны (см.: *Рахманин О.Б.* К истории отношений России—СССР с Китаем в XX веке. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 12). Однако подобная оценка не подтверждается имеющимися в распоряжении исследователей документами.

В то же время в Москве и Вашингтоне отчетливо осознавали, что КПК и Гоминьдан в назревавшей междоусобной борьбе будут стремиться искать поддержки со стороны соответственно как СССР, так и США.

Тем не менее после освобождения Маньчжурии советскими войсками, уже осенью 1945 г. Москва предприняла ряд шагов, направленных на то, чтобы помочь КПК в создании нового плацдарма, который можно было бы использовать для противостояния Гоминьдану. Как показали дальнейшие события, именно это обстоятельство сыграло важнейшую роль в противоборстве между двумя основными политическими силами в Китае и, таким образом, создало предпосылки для возобновления гражданской войны. Советское военное командование в Маньчжурии оказало китайским коммунистам всемерное содействие в образовании на Северо-Востоке Китая органов власти, руководимых КПК, а также в формировании коммунистических вооруженных сил, получивших название Объединенной демократической армии (ОДА). По просьбе КПК на советском самолете из Яньани в Маньчжурию была переброшена первая группа руководящих партийно-политических, военных и хозяйственных кадровых работников партии, на основе которой было образовано Северо-Восточное региональное Бюро ЦК КПК. Позднее здесь было создано Народное правительство Северо-Восточного Китая во главе с видным деятелем КПК Гао Ганом. К началу 1946 г. при содействии советских оккупационных властей в Маньчжурию были введены подконтрольные КПК регулярные войска численностью около 100 тыс. человек, сюда же были переведены около 50 тыс. кадровых работников. Если в начале ноября войска коммунистов здесь насчитывали лишь около 20 тыс. человек, то в конце декабря, в результате последовавшей мобилизации, их численность была доведена до более чем 300 тыс., а осенью 1947 г. КПК располагала в Маньчжурии почти полумиллионной армией⁹⁴. Более того, Советский Союз не только «прикрывал» фактический захват Маньчжурии КПК, но и сделал все возможное для того, чтобы она не нуждалась в современном оружии — военным формированиям коммунистов было передано вооружение японской армии, захваченное советскими войсками. Только на первом этапе образования ОДА она получила 3700 орудий, минометов, гранатометов, 600 танков, 861 самолет, 12 тыс. пулеметов и около 680 складов с военным снаряжением⁹⁵. В связи с этим недостаточно обоснованными выглядят утверждения некоторых историков о том, что в Маньчжурии СССР якобы оказал КПК весьма ограниченную поддержку. Например, американский исследователь внешней политики КПК М. Хант утверждает: «Единственным исключением являлись северо-восточные провинции, куда подразделения КПК проникли, рассчитывая на выполнение советских обещаний предоставить доступ к японским арсеналам. И даже здесь советская сторона вскоре изменила свою позицию и в результате только небольшая часть вооружений попала в руки КПК»⁹⁶.

⁹⁴ Борисов О. (Рахманин О.Б.). Советский Союз и Маньчжурская революционная база. С. 134.

⁹⁵ Там же. С. 181.

⁹⁶ Hunt Michael H. The Genesis of Chinese Communist Foreign Policy, New York, Columbia University Press, 1966. P. 161. Утверждая, что СССР передал КПК весьма скромную часть захваченных в Маньчжурии военных трофеев, Хант ссылается на документы КПК, относящиеся к сентябрю 1945 г. Однако основная часть вооружения была передана войскам коммунистов накануне эвакуации советских войск из Маньчжурии, что произошло весной следующего года.

В известной книге «Советская Россия в Китае», весьма далекой от объективного и полного освещения истории отношений между двумя государствами, Чан Кайши, тем не менее, точно охарактеризовал политику СССР в Северо-Восточном Китае после завершения Второй мировой войны. Вот что он писал: «Воспользовавшись капитуляцией Японии, советские вооруженные силы в больших количествах наводнили северо-восточные провинции, они разоружали и интернировали всех японцев в качестве военнопленных. Они не только не способствовали, но и прямо препятствовали введению правительственных войск в этот регион, стремясь выиграть время для того, чтобы этот район смогли занять китайские коммунисты. Позднее они передали китайским коммунистам оружие, которое сложили в северо-восточных провинциях более миллиона японских и марионеточных войск»⁹⁷.

В период острого идеологического конфликта между СССР и КНР в 1960–1970-е гг. Мао Цзэдун, а за ним и китайские историки выступали с обвинениями Москвы в том, что она якобы не оказывала достаточной поддержки КПК в гражданской войне и даже сдерживала коммунистов, не веря в их победу. Однако сегодня наиболее объективные китайские авторы не поддерживают эту позицию. Так, Сюе Сяньтянь и Цзинь Дунцзе признают: «Помощь Советского Союза осуществлялась по двум направлениям: советские войска не только пропустили в Дунбэй отряды коммунистов, дав им возможность овладеть 57 стратегическими пунктами, которые впоследствии и стали основой освобожденного района, но, помимо этого, предоставили им значительное количество вооружения и военного оборудования, принадлежавшего Квантунской армии. Только благодаря наличию этого военного снаряжения войскам КПК удалось отразить наступление лучших гоминьдановских армий»⁹⁸. Излишне говорить, что все эти действия осуществлялись в глубокой тайне, поскольку, в сущности, являлись нарушением буквы и духа советско-китайского договора 1945 г.

Впрочем, в Чунцине догадывались о происходящем в Маньчжурии, поскольку действия советской военной администрации оставляли мало сомнений в этом. Китайское правительство полагало, что СССР как союзник Китая в войне после ее окончания окажет содействие в решении ключевого вопроса, связанного с определением будущего Маньчжурии — установлении контроля администрации Центрального правительства. Чан Кайши обратился с просьбой к Москве помочь в «реоккупации» Северо-Восточного Китая, предоставив корабли, необходимые для переброски войск к границам Маньчжурии, на что получил твердый отказ, мотивированный тем, что советская сторона не располагает подобными транспортными средствами. В этой ситуации готовность оказать помощь войскам Центрального правительства, предоставив свой военно-морской флот и транспортную авиацию, выразили США. Однако проблема состояла в том, что единственным крупным портом на побережье Маньчжурии, способным принять большое количество войск и военной техники, был Далянь, находившийся под контролем советской оккупационной администрации. Цель Чан Кайши состояла в том, чтобы, осуществив высадку с транспортных судов, воспользоваться железнодорожной системой Китайско-Чаньчуньской железной дороги для дальнейшей

⁹⁷ *Chiang Chung-cheng*. Op. cit. P. 151.

⁹⁸ 薛衔天, 金东吉: 《1917–1949-民国时期中苏关系史》, 第三册, 第210页.

переброски войск вглубь Маньчжурии. Однако и на этот раз он получил отказ в связи с тем, что, как было заявлено представителями советской стороны, в соответствии с договором 1945 г., Далянь является гражданским объектом и по этой причине не может использоваться в военных целях.

Тем не менее в начале октября американские корабли с китайскими войсками на борту появились на рейде даляньского порта. Впрочем, и в этом случае советское командование Дальнего осталось непреклонным, и, простояв на рейде некоторое время, американцы были вынуждены использовать для разгрузки более мелкие порты Маньчжурии, что, естественно, замедлило ход проведения этой операции. Очевидно, что советские власти хотели сделать все возможное для того, чтобы отдалить момент установления власти Центрального правительства в Маньчжурии, и давали, таким образом, коммунистам возможность укрепить свое влияние здесь.

Излишне говорить, что не менее непреклонный отказ был получен Чан Кайши и в ответ на его просьбу обеспечить прикрытие гоминьдановских войск в связи с враждебными действиями со стороны «неправительственных вооруженных формирований», иными словами, ОДА. Естественно, что советское командование не собиралось воевать с ОДА, в формировании и вооружении которой оно принимало непосредственное участие. Впрочем, ответ советской стороны был мотивирован весьма дипломатично — нежеланием вмешиваться во внутренние дела Китая⁹⁹.

Для того чтобы склонить советское руководство к сотрудничеству с Центральным правительством, Чан Кайши направил в Москву своего сына Цзян Цзинго. Главной целью последнего было убедить советское руководство принять участие, наряду с США, в посреднической миссии для урегулирования противоречий между КПК и Гоминьданом. Последнее означало просьбу побудить КПК отказаться от вооруженной борьбы против законной власти. И.В. Сталин же в беседе с посланником Чан Кайши заявил, что Москва не имеет инструментов влияния на политику китайских коммунистов, объяснив, таким образом, отказ СССР от участия в усилиях по предотвращению грядущей гражданской войны. Вот как описывает обстоятельства, связанные с визитом Цзян Цзинго в Москву, А.М. Ледовский, находившийся в тот период времени на дипломатической работе: «Тогда Чан Кайши в целях давления на СССР направил в декабре 1945 г. в Москву своего сына Цзян Цзинго для встречи с руководителями Советского правительства и обсуждения “основных вопросов” советско-китайских отношений. В Москве его вежливо приняли, выслушали, но на просьбу о помощи в овладении Маньчжурией ответили, что СССР не может брать на себя такую миссию»¹⁰⁰.

Примерно такую же аргументацию позиции Советского Союза в отношении событий, происходящих в Китае, И.В. Сталин предложил во время встречи с послом США в СССР У.А. Гарриманом в январе 1946 г. В беседе с американским дипломатом советский лидер был как минимум не слишком искренним, когда заявил о том, что его правительство имеет «слабые контакты с коммунистами» и его представители отозваны в СССР. Наряду с этим И.В. Сталин подчеркнул,

⁹⁹ Ледовский А.М. СССР, США и народная революция в Китае. М.: Наука, 1979. С. 125.

¹⁰⁰ Там же

что, по его мнению, примирение между главными политическими силами Китая возможно, поскольку и та и другая сторона стремятся к демократии¹⁰¹. Как было отмечено выше, советские оккупационные власти в Маньчжурии имели весьма тесные контакты с местными коммунистами, а со столицей коммунистического движения Яньанью Москва имела постоянную радиосвязь, осуществляемую секретными агентами И.В. Сталина¹⁰². В сущности, официальные заявления советского лидера представляли из себя дезинформацию, направленную на то, чтобы скрыть истинное участие Советского Союза в событиях, происходящих в Китае, и истинные цели, к которым стремились китайские коммунисты, пользовавшиеся поддержкой СССР¹⁰³.

В завязавшейся внешнеполитической игре стороны стремились всеми силами ослабить позиции друг друга, апеллируя при этом к необходимости обеспечить мирное будущее единого и независимого Китая. Развитие ситуации в Китае по предложению советской стороны было обсуждено на совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, собравшихся в Москве в декабре 1945 г. В то время американскую дипломатию больше всего волновал вопрос о времени вывода из Маньчжурии советских оккупационных войск, а Москва была озабочена переброской в Китай сотысячной американской армии под предлогом помощи правительству Чан Кайши в разоружении японских частей. В резолюции, принятой в результате совещания, говорилось о необходимости обеспечить объединение и демократизацию Китая и предотвратить назревавшую гражданскую войну. Стороны высказались также в пользу вывода из Китая как советских, так и американских войск в кратчайшие сроки¹⁰⁴.

Вскоре после оккупации советскими войсками Маньчжурии стало очевидно, что завершить в течение трех месяцев вывод армии, как было договорено ранее, не удастся. Советская сторона была занята оказанием поддержки коммунистам и эвакуацией части промышленного потенциала региона в качестве репараций. Китайское правительство, все еще рассчитывавшее на сотрудничество с Советским Союзом в «реоккупации» Северо-Востока, само обращалось к советским партнерам с просьбой не спешить с отзывом войск, в связи с чем дата их вывода неоднократно сдвигалась. По согласию сторон вывод был перенесен первоначально на январь 1946 г., затем сдвинут на февраль, а в реальности последние подразделения Советской армии покинули территорию Китая лишь 3 мая 1946 г. К концу 1946 г. из страны были фактически выведены и основные соединения американской армии, хотя оставался значительный корпус военных советников, которые сыграли немаловажную роль в обучении и подготовке гоминьдановских войск.

¹⁰¹ Русско-китайские отношения в XX веке. 1946–1948. М.: Памятники исторической мысли, 2005. Т. 5. Кн. 1. С. 46–47.

¹⁰² Связь между Яньанью и Москвой осуществлялась через представителя ЦК ВКП(б) А. Орлова (псевдоним — Теребин), генерал-майора медицинской службы, который являлся личным врачом Мао Цзэдуна и находился в Китае с 1942 года. За организацию связи отвечала военная разведка СССР. См.: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5: Советско-китайские отношения, 1946-февраль 1950. Кн. 1: 1946–1948. Примечание на с. 333.

¹⁰³ Тот факт, что у советского руководства имеется надежная линия связи с Мао Цзэдуном, И.В. Сталин держал в секрете даже от собственного МИД, тем более об этом ничего не знали в советском посольстве в Китае (Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. С. 214).

¹⁰⁴ Внешняя политика Советского Союза. 1945. М.: Политиздат, 1948. С. 161–162.

Ясно сознавая, что во внутрикитайском политическом конфликте СССР, как и прежде, остается прежде всего союзником КПК, власти Центрального правительства пошли на меры, жертвой которых стали служащие советских учреждений в Маньчжурии и советские граждане, проживавшие на китайской территории, оставляемой Красной армией. Не имея возможности «наказать» И.В. Сталина за поддержку КПК, Чан Кайши решил таким образом «наказать» русское население Маньчжурии. Весной 1946 г. гоминьдановской администрацией, армией и полицией против него были развернуты репрессии, жертвой которых стали сотни человек. Более 60 из них погибло при различных обстоятельствах, около 200 семей было ограблено, а военные приступили к захвату имущества Китайско-Чаньчуньской железной дороги¹⁰⁵.

В ответ на ноты протеста Посольства СССР китайские власти отвечали, что нападения на советских граждан были организованы криминальными элементами, сумевшими воспользоваться ситуацией безвластия, поскольку советские войска оставляли контролировавшиеся ими районы без предварительного уведомления китайской стороны. Например, в ноте китайского МИД от 4 июля 1946 г. выражалось сожаление по поводу происшедших инцидентов, утверждалось, что военные и полицейские власти Центрального правительства не имеют к этому никакого отношения, и было дано обещание тщательно расследовать происшедшее. Наряду с этим, в ноте говорилось следующее: «Однако китайское Правительство не может не испытывать чувства досады в связи с тем, что советские войска до эвакуации из Мукдена не сообщили китайским властям даты отхода, в результате чего китайские правительственные войска не смогли своевременно принять охранную службу. В Мукдене не оказалось людей, ответственных за безопасность, чем и воспользовались бандиты для совершения беспорядков»¹⁰⁶. Это «чувство досады» было вполне понятным, поскольку вряд ли можно сомневаться в том, что советское военное командование отнюдь не держало в неведении о своих планах коммунистические власти Маньчжурии¹⁰⁷.

Между тем внутривнутриполитическая ситуация в Китае отличалась крайней нестабильностью из-за претензий как со стороны Гоминьдана, так и КПК на верховную власть в стране. Уже летом-осенью 1945 г. были отмечены вооруженные столкновения между воинскими соединениями противоборствующих сторон. Главная цель как коммунистов, так и националистов состояла в расширении территории, находившейся под их управлением, а также в установлении контроля над железнодорожным сообщением, что было критически важно для быстрой переброски войск. Наряду с этим, как было отмечено выше, и СССР, и США, будучи не заин-

¹⁰⁵ Общее название объединенных в августе 1945 г. Китайско-восточной (КВЖД) и Южно-китайской (ЮМЖД) железных дорог.

¹⁰⁶ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 1: 1946—1948. М., Памятники исторической мысли, 2005. С. 129—130.

¹⁰⁷ Справедливости ради, нужно отметить, что враждебное отношение к русским, несмотря на всю помощь, которую советские коммунисты оказывали китайским, проявляло и командование ОДА. В частности, в информационной записке консульства СССР в Харбине, посланной в Москву в марте 1947 г., подчеркивалось: «В последнее время наблюдается резкое ухудшение отношений к местным советским гражданам со стороны командования ОДА и городских властей. Проявляются недопустимые нарушения прав и интересов граждан СССР, проживающих в Харбине. Производятся незаконные аресты и избиения. Под угрозой оружия советские граждане выселяются из собственных домов и занимаемых квартир». Несмотря на протесты консульских работников, власти отказывались предпринимать какие-либо меры (Там же. С. 283).

тересованными в обострении ситуации на Дальнем Востоке, пытались побудить обе стороны к решению вопроса о будущем Китая на основе достижения политического компромисса, понимая, впрочем, что этот компромисс, скорее всего, окажется временным.

Уже в конце августа 1945 г. в Чунцин по приглашению Чан Кайши и в результате давления, оказанного Москвой, для ведения переговоров прибыл руководитель КПК Мао Цзэдун. Переговоры с перерывами продолжались до марта 1947 г., когда они были окончательно прерваны в связи с гражданской войной. В отличие от советской, американская дипломатия принимала в них активное участие в качестве посредников — первоначально эту роль принял на себя посол США в Китае П. Хэрли, а затем специальный посланник Президента США Дж. Маршалл.

Наибольшего, хотя и временного, успеха удалось добиться Дж. Маршаллу, который смог побудить Гоминьдан и КПК в конце декабря 1945 г. вновь приступить к переговорам. В результате этого в январе следующего года были подписаны соглашения, в соответствии с которыми предстояло созвать Политическую консультативную конференцию (ПКК) с участием делегатов от двух основных политических партий Китая, а также более мелких политических группировок и ряда независимых общественных деятелей. 31 января в результате продолжительных обсуждений на ПКК удалось принять резолюции, которые определяли переход от однопартийной диктатуры Гоминьдана к демократическому правлению. Однако этим планам не было суждено осуществиться, поскольку в июне того же года гоминьдановские армии предприняли общее наступление против освобожденных районов, контролировавшихся КПК, что повлекло за собой переход к полномасштабной гражданской войне.

Начальный этап гражданской войны был проигран коммунистами, части ОДА отступали под ударами гоминьдановских войск, что стало явной неожиданностью как для руководства КПК, так и Москвы. Ситуация была настолько серьезной, что партия рассматривала возможность утраты основных освобожденных районов, включая и Маньчжурию, и возвращение к партизанской войне против Центрального правительства. В октябре 1946 г. в районе поселка Графская (Приморский край) границу СССР пересекла военная делегация КПК, которая по поручению командующего войсками коммунистов в Маньчжурии Линь Бяо обратилась к советским властям с просьбой об оказании помощи боеприпасами, радиоаппаратурой и горючим. При этом советская сторона была проинформирована о планах перебазирования регионального военно-политического руководства КПК вглубь Маньчжурии в связи с продолжающимся наступлением гоминьдановских войск.

В беседе, состоявшейся в ноябре 1946 г. между советским послом в Китае А.А. Петровым и Чжоу Энлаем, последний не исключал возможности того, что при наименее благоприятном для КПК развитии событий ей придется вновь перейти к затяжной партизанской борьбе, которая может затянуться на много лет, «вплоть до кануна новой мировой войны»¹⁰⁸. В этой ситуации Москва приняла решение вновь оказать КПК помощь оружием, военно-техническими средствами, стратегическими материалами, а также промышленными товарами

¹⁰⁸ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 1: 1946–1948. С. 209.

двойного назначения, которые были предназначены для армии и гражданского населения Маньчжурии — основной базы коммунистов. Поставки, начавшиеся в декабре 1946 г., осуществлялись при помощи представительств Внешторга СССР в Северо-Восточном Китае, их контрагентами выступали внешнеторговые организации, созданные коммунистическими властями Маньчжурии. Существенную роль в помощи, оказывавшейся Советским Союзом, сыграли и советские железнодорожники, сумевшие в короткие сроки восстановить железнодорожное сообщение, что имело большое значение для снабжения и мобильной переброски войск ОДА. Советские поставки осуществлялись безвозмездно и, по сути, являлись даром советских коммунистов китайским.

Положение, в котором весной 1947 г. оказалась КПК, было настолько критическим, что в Москве рассматривалась возможность эвакуации в Советский Союз ее руководства, прежде всего Мао Цзэдуна. В марте 1947 г. началось наступление правительственных войск против центра Особого района Китая Яньани, который был захвачен во второй половине апреля. ОДА, которая в марте получила новое название — Народно-революционная армия Китая (НОАК), отступала на всех фронтах. 15 июня И.В. Сталин через своего связного А.Я. Орлова направил в Китай телеграмму, в которой говорилось следующее: «Передайте Мао Цзэдуну, что ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без какого-либо разглашения об этом. Если Мао Цзедун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пошлем самолет»¹⁰⁹. Однако буквально через две недели в очередной телеграмме И.В. Сталин попросил Мао Цзэдуна отложить поездку в Москву в связи с тем, что его отсутствие в Китае могло «плохо отразиться» на военных операциях, которые планировало командование коммунистов¹¹⁰. Очевидно, что Москву беспокоило не только возможное негативное влияние отсутствия лидера китайских коммунистов в стране на военную обстановку, но и возможный международный резонанс, который мог последовать в случае раскрытия этого факта. Ведь на протяжении двух лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, советское руководство делало все возможное для того, чтобы скрыть масштабы своей вовлеченности во внутренний конфликт в Китае и всестороннюю поддержку, оказываемую КПК.

Вопрос о поездке Мао Цзэдуна в СССР, которую он явно был намерен осуществить, стал одним из серьезных раздражающих факторов в отношениях руководства двух компартий. В апреле следующего 1948 г. он возник вновь. На этот раз, как и ранее, И.В. Сталин первоначально выразил согласие с планами руководителя китайских коммунистов, однако уже через несколько дней попросил Мао отложить свой приезд в Советский Союз. 14 июля 1948 г. за подписью Сталина для передачи Мао Цзэдуну поступила телеграмма следующего содержания: «Ввиду начавшихся хлебозаготовок руководящие товарищи с августа месяца разъезжаются на места, где они пробудут до ноября месяца. Поэтому ЦК ВКП(б) просит тов. Мао Цзэдуна приурочить свой приезд в Москву к концу ноября, чтобы иметь возможность повидаться со всеми руководящими товарищами»¹¹¹. Вряд ли совет-

¹⁰⁹ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 1: 1946—1948. С. 327.

¹¹⁰ Там же. С. 333.

¹¹¹ Там же. С. 447.

ский руководитель мог придумать худший предлог для того, чтобы в очередной раз отложить приезд лидера китайских коммунистов в Москву, к чему тот так стремился. По сообщению связного ЦК ВКП(б) с КПК А.Я. Орлова, хорошо разбиравшегося в оттенках настроения Мао Цзэдуна, тот был явно разочарован и обижен реакцией Москвы. Орлов сообщал своему руководству о том, что, готовясь к визиту в СССР, Мао Цзэдун даже решил сменить свои вечные матерчатые тапочки на кожаные туфли, специально для этого случая для него было сшито драповое пальто, а его чемоданы были упакованы. Сроки поездки были согласованы и оставалось лишь определить наиболее безопасный маршрут путешествия¹¹². Впрочем, осенью 1948 г. КПК приступила к осуществлению своего стратегического плана по разгрому войск противника и в этой ситуации вопрос о приезде руководителя китайских коммунистов в Москву отпал сам собой¹¹³.

Еще одной темой, потенциально способной вызвать трения между двумя компартиями, были выявившиеся различия во взглядах на будущее Китая после завершения гражданской войны. В телеграмме, направленной Мао Цзэдуну в апреле 1948 г., И.В. Сталин в вежливой форме не оставил камня на камне от теории Мао о быстром переходе к социалистическим преобразованиям по типу СССР сразу же после завершения гражданского конфликта в Китае. По мнению советского лидера, после прихода КПК к власти установленное под ее руководством правительство должно быть не чисто коммунистическим, а переходным «национальным революционно-демократическим». Причем, как писал он, длительность этого переходного периода «сейчас определить трудно». В переводе на более понятный язык это означало не что иное, как совет повременить на неопределенный срок с установлением однопартийной системы и такими радикальными реформами, как национализация и ликвидация частной собственности, включая и частную собственность на землю¹¹⁴.

На первый взгляд может показаться странным, что лидер первого в мире социалистического государства определенно стремился затормозить приход социализма в одну из крупнейших стран мира, которая могла стать верным союзником СССР. Ведь такое развитие событий в корне изменило бы баланс сил на международной арене в пользу борцов за установление мирового коммунизма. Возможно, И.В. Сталин опасался того, что, в случае стремительной «коммунизации» Китая, его будущее руководство столкнется с серьезным общественным сопротивлением и возвращением к гражданской войне, что было явно не в интересах СССР. Выдвигалось и теоретическое обоснование: в отличие от Советской России, «И.В. Сталин, в полном соответствии с марксистской традицией, продолжал считать Китай отсталой страной, в которой пришедшие к власти коммунисты должны сначала завершить задачи буржуазно-демократической революции, а уже затем переходить к социалистическим преобразованиям»¹¹⁵. Но более вероятным объяснением выглядит точка зрения, высказывавшаяся некоторыми

¹¹² Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 1: 1946—1948. С. 448.

¹¹³ По мнению биографа Мао Цзэдуна А.В. Панцова, И.В. Сталин постоянно отодвигал приезд руководителя китайских коммунистов в Москву, потому что «он просто не хотел приглашать партизанского лидера и тем давать Западу и Чан Кайши лишний повод объявить Мао «советским агентом» (Панцов А.В. Указ. соч. С. 507).

¹¹⁴ Там же. С. 412.

¹¹⁵ Лукин А.В. Указ. соч. С. 218.

исследователями, о том, что советский лидер боялся не столько продолжения внутренней смуты в Китае, сколько превращения его в новый центр международного коммунистического движения, превосходящий по своему политическому влиянию Советский Союз¹¹⁶.

Впрочем, несмотря на некоторые шероховатости в отношениях между двумя коммунистическими лидерами, СССР оставался верен своему курсу на всемерную поддержку коммунистической революции в Китае. В связи с этим недостаточно обоснованной представляется точка зрения, высказывавшаяся некоторыми западными авторами, о том, что И.В. Сталин якобы не слишком желал увидеть Китай единым и находящимся под властью компартии. Например, Дж. Дэвис, являвшийся в годы Тихоокеанской войны политическим советником по Китаю американского генерала Дж. Стилуэлла и участником международных переговоров представителей держав победительниц, писал следующее: «Для того чтобы Чан Кайши ощущал свою уязвимость, Сталин позволил китайским коммунистам заполучить оружие японских войск в Маньчжурии, которое не представляло особого интереса для Советской армии. Однако этим и ограничился его вклад в создание военной мощи коммунистов. Это объяснялось тем, что он не хотел, чтобы верх одержали маоисты и создали независимый, единый и сильный Китай»¹¹⁷.

То, что Советский Союз был намерен и далее оказывать китайским коммунистам всемерную поддержку, ярко проявилось, в частности, во время советско-китайских переговоров о допущении администрации и войск Центрального правительства в Дальний, который по условиям советско-китайского договора должен был находиться под совместным контролем СССР и Китая. К этому времени в Даляне, как и Порт-Артуре, наряду с советским управлением действовала администрация, созданная под контролем коммунистов.

Летом 1946 г. в районе Порт-Артур — Дальний насчитывалось около 1300 комитетов КПК различного уровня, которые первоначально сосуществовали с гоминьдановскими партийными организациями. Комитет Гоминьдана в Даляне был образован в сентябре 1945 г., однако уже в октябре его деятельность была запрещена советской администрацией, поскольку он проводил враждебную политику по отношению к советским властям. После этого посланцами Центрального правительства местный комитет Гоминьдана был восстановлен и начал активную работу по противодействию как советским оккупационным властям, так и органам власти, созданным под руководством КПК. Однако он действовал уже в подполье. Под его руководством был создан «4-й отдельный военный отряд», вставший на путь вооруженной борьбы против КПК в этом районе, который вскоре был разгромлен органами безопасности руководимого коммунистами правительства города¹¹⁸.

В составе органов местного самоуправления Даляня, которые должны были строиться на основе представительства различных социальных и политических

¹¹⁶ Подобную точку зрения высказал А.В. Панцов: «В конце концов московский вождь сам не был умеренным политиком. Его волновало лишь то, насколько закамуфлированной будет власть коммунистов в будущем объединенном Китае. Беспокоили Сталина и возможные быстрые темпы китайской модернизации» (Панцов А.В. Указ. соч. С. 513).

¹¹⁷ *Davis Jr. John Paton. Dragon by the Tail. American, British, Japanese and Russian Encounters with China and the Other*, New York: Norton & Company, 1972. P. 425.

¹¹⁸ 薛衔天, 金东吉: 《1917—1949-民国时期中苏关系史》, 第三册, 第119页.

сил, ведущие позиции определенно принадлежали коммунистам. Так, в Порт-Артуре в 1946 г. из 17 человек, входивших в аппарат городского самоуправления, только 6 были коммунистами, но они занимали все основные позиции, позволявшие держать под контролем политическую ситуацию в городе. Им принадлежали посты мэра, начальника полиции, начальника административного отдела, редактора городской газеты. В Даляне существовала похожая ситуация. Здесь из 63 членов городской администрации коммунистов было 28 человек, однако они также держали под контролем все основные административные структуры города¹¹⁹. В военном отношении Ляодунский полуостров находился под полным контролем коммунистов. В 1945–1948 гг. путем мобилизации местного населения здесь были созданы вооруженные силы, насчитывавшие около 30 тыс. человек, причем более 14 тыс. военнослужащих были заняты обеспечением безопасности в этом районе¹²⁰.

Разумеется, советские дипломаты объясняли факт сотрудничества с антиправительственными силами тем, что это были демократические органы власти, образованные местным населением, и подчеркивали, что именно по вине китайской стороны установление контроля нанкинского правительства в районе Даляня затянулось на два года. В ответ китайская дипломатия справедливо указывала на то, что основным препятствием для создания в Даляне административных структур Центрального правительства являлось наличие здесь «неправительственных войск», т.е. вооруженных отрядов КПК. Однако это руководители советского посольства в Китае объявляли досужими домыслами.

Понятно, что подчинить Далянь своему контролю Нанкин мог, лишь «выдавлив» из этого района КПК, что было невозможно без введения сюда существенных контингентов гоминьдановских войск, с чем Москва не желала соглашаться. Предлогом для отказа стала своеобразная интерпретация советской стороной содержания Соглашения о Порт-Артуре, сопровождавшего подписание советско-китайского договора 1945 г. В соответствии с ним, настаивали советские дипломаты, войска Центрального правительства могли быть введены в этот район только после завершения войны с Японией, поскольку в период войны Дальний являлся частью военно-морской зоны, ответственность за военный режим в которой несли советские вооруженные силы. Посол СССР в Китае А.А. Петров в беседе с министром иностранных дел Китая Ван Шицзе так сформулировал эту позицию: «Что же касается порта Дальний, то по Советско-Китайскому Соглашению, Дальний в период войны с Японией подпадает под установленный в военно-морской зоне военный режим. Поскольку состояние войны с Японией еще не закончилось, ибо нет еще мирного договора с Японией, на Дальний распространяется режим военно-морской базы. Исходя из вышеизложенного, Советское правительство не может согласиться на посылку китайских войск в район военно-морской базы Порт-Артур и Дальний, поскольку это противоречило бы Советско-Китайским соглашениям»¹²¹. Попытки китайской стороны поставить под сомнение эту логику, ссылаясь на то, что фактически Вторая мировая война завершилась два года назад и в самом соглашении прекращение военного режима

¹¹⁹ Борисов О. Указ. соч. С. 172.

¹²⁰ 薛衔天, 金东吉: 《1917—1949-民国时期中苏关系史》, 第三册, 第123页.

¹²¹ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5: Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 1: 1946—1948. С. 294.

в районе Порт-Артур и Дальний не обусловлено заключением мирного договора с Японией, были отвергнуты советскими переговорщиками.

Опираясь на помощь Москвы, к концу 1947 г. КПК удалось остановить наступление противника и стабилизировать ситуацию в освобожденных районах. Компартия контролировала в это время уже 30% территории страны, а военные силы противоборствующих сторон почти сравнялись — воинские формирования КПК превысили 2 млн человек, а армии Гоминьдана сократились примерно до 2,5 млн. К этому времени в районах, находившихся под контролем Центрального правительства, в городах развернулось массовое антивоенное движение, а в деревнях Южного Китая под руководством компартии вновь активизировалась партизанская борьба. Как отмечал А.В. Меликсетов, на протяжении двух лет гражданской войны Гоминьдану так и не удалось нанести окончательное военное поражение КПК, найти стратегию, способную облегчить глубокий экономический кризис, в котором находился Китай, ограничить коррупцию, поразившую все звенья государственного аппарата, и справиться с ростом протестных настроений в обществе¹²².

**Арлен Ваагович МЕЛИКСЕТОВ (1930–2006) —
советский и российский китаевед**

Родился 1 января 1930 г. в г. Москве. В 1953 г. окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Вызывался на допросы по так называемому «делу молодых историков», но осужден не был. В 1956–1960 гг. — научный сотрудник Института китаеведения АН СССР. С 1960 г. — преподаватель, с 1969 г. — заведующий кафедрой истории и культуры стран Азии и Африки (с 1975 г. — кафедра истории и внешней политики Азии и Африки, с 1986 г. — кафедра востоковедения) МГИМО МИД СССР. В 1989 г. избран директором Института стран Азии и Африки при МГУ, оставался им до 1994 г. С 1994 г. — заведующий, с 2004 г. — профессор кафедры истории Китая ИСАА. Стажировался в ООН (1972–1973), вел научную работу в Колумбийском, Гарвардском, Мичиганском и Гавайском университетах США (1979–1980). Автор многочисленных трудов по социально-экономической истории Китая, истории китайской революции, истории и политике Гоминьдана, проблемам АТР. Издал первую в СССР работу о тайваньской экономической модели (раздел «Эволюция гоминьдановской экономической политики после поражения на континенте в 1949 г.» в монографии «Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949)» (1977). Лауреат премии имени М.В. Ломоносова за педагогическую деятельность (2000). Почетный профессор Университета г. Кунминь (КНР); награжден орденом Дружбы Народов. Доктор исторических наук, профессор.



¹²² О причинах поражения Гоминьдана в гражданской войне см.: Меликсетов А.В. Победа китайской революции. М.: Наука, 1989.

Последней надеждой Чан Кайши оставалась интернационализация внутри-китайского конфликта путем вовлечения в него США. Однако Вашингтон не решился на открытую военную интервенцию в Китае из-за сомнения в возможностях своего китайского союзника вывести страну из кризиса даже при всесторонней помощи со стороны Запада. США также еще опасались непоправимого ухудшения отношений с социалистическим блоком.

Летом-осенью 1948 г. КПК провела три крупные военные операции, в ходе которых был обеспечен радикальный поворот в ходе гражданской войны. В результате Лаошэньского сражения (сентябрь-ноябрь 1948 г.) была захвачена территория Северо-Восточного Китая и созданы условия для завоевания Северного Китая, включая такие важнейшие города, как Пекин и Тяньцзинь. Победы коммунистов привели к тому, что начался массовый переход войск противника на их сторону. Сдавшихся в плен военнослужащих подвергали идеологической обработке, после чего их вновь направляли на фронт. В ходе Хуайхайской операции (ноябрь 1948 — январь 1949 гг.) были подчинены территории Восточного Китая и Центральная равнина. Наконец, в результате Пинцзиньской военной операции (декабрь 1948 года) был установлен контроль над Тяньцзинем и исторической столицей Китая Пекином (тогда — Бэйпин), после чего армии КПК, не встречая существенного сопротивления, продолжили продвижение на юг и в начале 1949 г. вышли на северный берег Янцзы. Под угрозой оказалась столица Китайской Республики Нанкин и крупнейший экономический центр Китая, его экономическая столица Шанхай.

Постоянная всесторонняя помощь Москвы стала одним из главных условий этих побед. Осенью 1948 г. в соответствии с решением советского правительства в Маньчжурию были направлены специалисты различного профиля, перед которыми поставили задачу оказания помощи в восстановлении промышленности Северо-Востока, включая и отрасли, связанные с производством вооружений. Нехватка необходимого оборудования и сырья была восполнена за счет поставок из СССР. Для восстановления железнодорожного сообщения, поврежденного во время военных действий, также была командирована значительная группа специалистов-железнодорожников и предоставлено все необходимое оборудование. В конце декабря 1948 г. властям Маньчжурии были переданы десятки паровозов и около 1000 вагонов, вывезенных ранее в СССР в качестве репараций.

В условиях непрекращавшихся военных неудач Чан Кайши пытался маневрировать, чтобы отдалить ставшее уже неизбежным поражение. В октябре 1948 г. он обратился к КПК с предложением о прекращении военных действий и начале мирных переговоров, а затем передал полномочия вице-президенту Ли Цзунжэню и покинул Нанкин. В новогоднем обращении к нации 1 января 1949 г. он вновь призвал политических оппонентов прекратить гражданскую войну и приступить к переговорам о мире, что было встречено коммунистами, предвидевшими скорый и полный разгром Гоминьдана, скептически.

В создавшейся военно-политической ситуации нанкинское правительство рассматривало планы о перебазировании основных государственных органов в южные провинции страны. Уведомление о переезде МИД Китайской Республики в Гуанчжоу было получено и советским посольством. В связи с этим в начале декабря 1948 г. состоялась любопытная беседа между новым послом СССР в Китае Н.В. Роциным и послом Великобритании Р. Стивенсоном.

Советский дипломат поинтересовался возможностью отправки через Гонконг автомобилей в Гуанчжоу для нужд посольства СССР. Это вызвало недоуменный вопрос Р. Стивенсона о том, действительно ли советский посол собирается покинуть Нанкин и следовать за эвакуирующимися органами Центрального правительства. Со своей стороны, британский дипломат заявил, что английское посольство останется в Нанкине, поскольку его захват коммунистами будет означать конец режима Чан Кайши, а вопрос о признании будущей власти будет проще решать на месте¹²³. Содержание этой беседы двух дипломатов свидетельствовало о том, что в условиях приближавшегося падения гоминьдановского режима Москва была намерена довести свою игру до конца: поддерживать видимость лояльности по отношению к международно признанному правительству Китая, одновременно делая все возможное для того, чтобы ускорить победу антиправительственных сил.

Политика СССР на завершающем этапе гражданской войны в Китае

В начале января 1949 г. правительство Чан Кайши выступило с обращением к великим державам с просьбой о посредничестве в урегулировании внутреннего конфликта в Китае. Послы США, Англии и Франции в Нанкине начали консультации с целью выработки общей позиции по этому вопросу. Они завершились решением о том, что подобное посредничество, скорее всего, не принесет успеха, и поэтому более разумной позицией будет предоставить политическим силам Китая самим решать вопрос о его будущем. Советский Союз, также получивший приглашение принять участие в посреднической миссии, был поставлен перед необходимостью сформулировать свое отношение к инициативе нанкинского правительства. В связи с этим в первой половине января между И.В. Сталиным и Мао Цзэдуном завязалась интенсивная переписка. Было очевидно, что если СССР положительно ответит на просьбу Нанкина, то это будет означать участие в затягивании гражданской войны в ситуации, которая явно складывалась в пользу КПК. Отлично понимая это, в письме к Мао Цзэдуну от 10 января И.В. Сталин обратился к нему за советом, подчеркнув, что прежде, чем Москва ответит на предложение китайского правительства, она хотела бы знать позицию по этому вопросу руководства КПК.

Наряду с этим, стремясь поддержать свой образ миротворца, Советский Союз не мог не ответить на обращение правительства Чан Кайши. И.В. Сталин был также озабочен и международным имиджем КПК, которой он советовал в письме не отвергать предложение о мирных переговорах полностью, однако сопроводить свое согласие на них выдвижением условий, явно неприемлемых для Гоминьдана, включая и несогласие на участие в мирных переговорах международных посредников¹²⁴. В ответном письме от 12 января Мао Цзэдун сформулировал позицию коммунистического руководства Китая по этому вопросу, предложив

¹²³ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5: Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 1: 1946—1948. С. 488.

¹²⁴ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 2: 1949 — февраль 1950. М., Памятники исторической мысли, 2005. С. 15.

возможный вариант ответа советской стороны на предложения Нанкина. Смысл его должен был заключаться в том, что позиция СССР всегда состояла в соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела других государств, и по этой причине он полагает неприемлемым свое участие в посредничестве между сторонами в гражданской войне в Китае¹²⁵. Именно в этом духе и был дан ответ правительства СССР правительству Китайской Республики 17 января того же года. Несмотря на активную вовлеченность в гражданский конфликт в Китае, которую Москве удавалось держать в тайне, в нем говорилось следующее: «Рассмотрев обращение Китайского правительства, Правительство СССР считает необходимым заявить, что оно неизменно придерживалось и продолжает придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела других стран и в соответствии с этим не считает целесообразным принять на себя посредничество, о котором говорится в обращении Китайского правительства»¹²⁶.

Очевидно, что на завершающем этапе гражданской войны в Китае Москва, как и ранее, продолжала полностью поддерживать КПК и делала все возможное для того, чтобы приблизить ее победу. Эта оценка согласуется как с характером январской переписки между И.В. Сталиным и Мао Цзэдуном по вопросу о международном посредничестве в прекращении гражданской войны, так и с результатами переговоров, проведенных в Китае в конце января — начале февраля того же года лидерами китайской компартии и представителем ВКП(б), видным советским руководителем А.И. Микояном¹²⁷.

Содержание ставших в последнее время достоянием гласности документов из архивов российского МИД, касающихся визита А.И. Микояна, не подтверждает позицию, высказывавшуюся некоторыми авторами, о том, что Москва в это время якобы с безразличным скептицизмом относилась к событиям, происходившим в Китае, и даже выступала против форсирования войсками КПК Янцзы, стремясь воспрепятствовать приходу коммунистов к власти. Эта точка зрения родилась в официальной историографии периода разрыва между двумя компартиями и основывалась на высказываниях самого Мао Цзэдуна и других китайских лидеров. Все эти утверждения относились, однако, к периоду ухудшения двусторонних отношений и не противоречили истинным настроениям китайского руководства в 1940-е годы.

Идея о том, что И.В. Сталин пытался помирить коммунистов и Гоминьдан или даже разделить Китай на северную (коммунистическую) и южную (националистическую) части, высказывается рядом российских исследователей и сегодня. Так, основываясь исключительно на материалах официальных переговоров советского руководства с делегациями правительства Чан Кайши, А.Д. Воскресенский сделал вывод о том, что, подписывая в августе 1945 г. договор с Китаем, «СССР предполагал, что единый Китай будет создан на путях национального примирения и согласия»¹²⁸. Автор сформулировал две возможные версии сталинской стратегии в этот период: Москва нацеливалась на создание двух Китаев (по типу

¹²⁵ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 2: 1949 — февраль 1950. М., Памятники исторической мысли, 2005. С. 19.

¹²⁶ Там же. С. 28.

¹²⁷ В то время занимал должности члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета Министров и министра внешней торговли СССР.

¹²⁸ *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны, 1941–1945. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 241.

разделенных Германии и Кореи) для того, чтобы наилучшим образом гарантировать безопасность СССР, или же советская дипломатия допустила просчет в оценке соотношения сил в Китае, не слишком веря в скорую победу КПК¹²⁹. А.В. Панцов делит политику Москвы на два периода: «Несмотря на то, что Сталин дал «добро» на вход КПК в Маньчжурию, он первое время придерживался осторожной линии в китайском конфликте — вплоть до успешного испытания советской атомной бомбы в 1949 году». В то же время А.В. Панцов признает, что И.В. Сталин, тем не менее, «отнюдь не желал спасти Гоминьдан»¹³⁰.

**Анастас Иванович МИКОЯН (1895–1978) —
советский партийный и государственный деятель,
Председатель Президиума Верховного Совета СССР**

Родился 13 (25) ноября 1895 г. в селе Санаин Тифлисской губернии в семье неграмотного плотника. После окончания сельской школы в 9-летнем возрасте был отправлен отцом в духовную семинарию в Тифлисе. В конце 1914 г. записался в армянскую добровольческую дружину, воевал на Турецком фронте до весны 1915 г., демобилизовался из-за заболевания малярией. После возвращения в Тифлис вступил там в РСДРП(б). В 1916 г. поступил в духовную академию в Эчмиадзине. В 1917 г. начал вести партийную работу в Тифлисе и в Баку. Работал секретарем партийных организаций Нижегородской губернии и Северного Кавказа, был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б) (1922–1923), а затем членом ЦК (1923–1976).

В 1926 г. стал народным комиссаром торговли. С 1930 г. был наркомом снабжения, а с 1934 г. — наркомом пищевой промышленности. С 1929 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 1935 г. — член Политбюро, с 1937 г. — заместитель председателя СНК, в 1938–1949 гг. — народный комиссар (министр) внешней торговли. В январе-начале февраля 1949 г. направлен в Китай, где провел конфиденциальные переговоры с руководством КПК о будущем устройстве Китая. С октября 1952 по март 1966 г. — член Президиума ЦК КПСС, занимал посты заместителя



Председателя Совета Министров СССР (апрель 1954 — февраль 1955) и Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР (февраль 1955 — июль 1964). С середины 1950-х годов. выполнял различные дипломатические поручения Н.С. Хрущева. 15 июля 1964 г. избран на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В отстранении Н.С. Хрущева от власти не участвовал и на Октябрьском (1964) пленуме ЦК КПСС пытался осторожно его защищать, в результате чего в декабре 1965 г. был отправлен в отставку, формально — в связи с достижением 70-летнего возраста. При этом сохранил посты члена ЦК КПСС (до 1976 г.) и члена Президиума Верховного Совета СССР (до 1974 г.). Умер в 1978 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

¹²⁹ Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 221.

¹³⁰ Панцов А.В. Указ. соч. С. 505.

В действительности же Москва в это время не только верила в возможность объединения Китая под главенством китайских коммунистов, но и поощряла их в активном продолжении гражданской войны. Она также была готова оказать им в этом всю необходимую военную и экономическую поддержку.

В этой связи уместно привести замечание А.В. Лукина: «Делать выводы о реальных намерениях И.В. Сталина на основе записей его официальных переговоров с представителями Чан Кайши столь же необоснованно, как и говорить, что И.В. Сталин боролся за демократию в Восточной Европе, основываясь на его беседах с западными политиками и дипломатами. Документы, в которых советское руководство излагает свои истинные мысли, и его реальные действия по созданию военно-экономической базы для наступления КПК говорят о совершенно другой политике в Китае»¹³¹. Возможно, Мао и хотел действовать более решительно, но в тот период он был вынужден принимать позицию Москвы, которой приходилось учитывать множество различных факторов.

Во время пребывания во временной коммунистической столице, которая все еще находилась в глухой шэньсийской деревне Сибайпо, А.И. Микоян обсудил с руководством КПК самый широкий круг вопросов: оценку военно-политической ситуации в Китае и ближайшие планы руководства партии, проблемы экономической и социальной политики, отношение к различным социальным группам китайского общества, характер и состав будущей политической власти после объединения коммунистами всего Китая, а также вопросы советско-китайских отношений после завершения гражданской войны. Затронув тему военно-политической ситуации в Китае и планов КПК приостановить наступление на 2–3 месяца для перегруппировки сил, Микоян поинтересовался не приведет ли это к тому, что Гоминьдан сможет преодолеть панику и использовать это время для подготовки к дальнейшему сопротивлению¹³². Таким образом, советский представитель не только не хотел умерить наступательный порыв КПК, но, напротив, выражал беспокойство по поводу того, что пауза в военных действиях может отдалить победу китайских коммунистов.

В ходе переговоров были также затронуты вопросы советско-китайских отношений после завершения гражданской войны и содержание будущего советско-китайского договора. А.И. Микоян высказал мнение, что советско-китайский договор 1945 г. является неравноправным и советская сторона готова к его пересмотру. Это вызвало некоторое замешательство Мао Цзэдуна. Далее советский представитель заявил, что Москва могла бы вывести свои войска с Ляодунского полуострова после заключения мирного договора с Японией, но, «если китайская компартия... сочтет целесообразным немедленный вывод войск, то СССР готов пойти на это»¹³³. Напротив, договор о Китайско-Чаньчуньской железной дороге, как подчеркнул советский представитель, является равноправным, однако если в нем принцип равноправия был недостаточно последовательно проведен, то СССР будет готов обсудить предложения китайских товарищей. Присутствовавшие на переговорах руководители КПК, как писал в своем отчете А.И. Микоян, единодушно высказались против вывода

¹³¹ Лукин А.В. Указ. соч. С. 215.

¹³² Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5: Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 2: 1949 — февраль 1950. С. 35.

¹³³ Там же. С. 82.

войск и ликвидации военной базы в Порт-Артуре, поскольку Китай вряд ли будет способен в ближайшие после победы революции годы самостоятельно защищать свой суверенитет.

Если обсуждение вопросов о будущих советско-китайских договоренностях прошло гладко, то, когда была затронута проблема Монголии, возникло некоторое напряжение. Мао Цзэдун первый поднял эту тему, задав вопрос о том, как бы Советский Союз отнесся к объединению Внешней и Внутренней Монголии. Ответ А.И. Микояна был, скорее всего, неожиданным для руководителя КПК, поскольку советский представитель заявил, что в результате объединения Китай утратил бы значительные территории. Это означало, что, с точки зрения советского руководства, объединение Монголии могло состояться только в форме вхождения Внутренней Монголии в состав Внешней. На это Мао возразил, что после того, как у власти в Китае окажется КПК, единая Монголия могла бы стать частью Китая. Ответ Микояна был недвусмысленным: «...Это невозможно потому, что Внешняя Монголия давно пользуется независимостью. После победы над Японией китайское государство так же, как и советское государство, признало независимость Внешней Монголии. Внешняя Монголия имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути хозяйственного и культурного процветания, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется. Если она когда-нибудь объединится с Внутренней Монголией, то она наверняка будет независимой Монголией»¹³⁴.

После этого заявления один из руководителей делегации КПК Жэнь Биши подал реплику о том, что во Внутренней Монголии население составляло 3 млн человек, а во Внешней — лишь около 1 млн. Надо полагать, из нее следовало, что объединение двух Монголий, по мысли руководства КПК, следовало провести таким образом, чтобы это привело к возвращению Внешней Монголии в состав Китая. Кончилось тем, что, согласно А.И. Микояну, Мао Цзэдун рассмеялся и перестал защищать свое мнение¹³⁵. Впрочем, то, что Мао перестал настаивать на своей позиции, совсем не означало, что он был полностью согласен с мнением советского представителя. В то же время заверение А.И. Микояна, что Советский Союз не поддерживает движение синьцзянских националистов и не имеет никаких притязаний на территорию Синьцзяна, не могло не вызвать чувства удовлетворения у руководителей китайской компартии.

Воспользовавшись пребыванием в Сибайпо высокого советского гостя, Чжоу Эньлай поднял вопрос о расширении военной помощи КПК со стороны Советского Союза. Он просил предоставить противотанковые орудия, танки, взрывчатые вещества для производства боеприпасов, а также направить специалистов по производству вооружений и военных советников. На эти просьбы он получил от А.И. Микояна в принципе положительный ответ. Современные китайские историки следующим образом оценивают результаты визита А.И. Микояна в Китай: «На все поднятые им вопросы Мао Цзэдун получил от Сталина ответы, вполне удовлетворившие его, за исключением вопроса о Внешней Монголии»¹³⁶.

¹³⁴ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5: Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 2: 1949 — февраль 1950. С. 67.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ 薛衔天, 金东吉: 《1917—1949-民国时期中苏关系史》, 第三册, 第235页.

Давая в секретном порядке заверения КПК об оказании всесторонней поддержки, Советский Союз в то же время всеми силами пытался создать впечатление о проведении дружественной политики в отношении правительства Китайской Республики. 25 января 1949 г. советское посольство получило уведомление китайского МИД о том, что с 5 февраля местом законного пребывания Центрального правительства станет Гуанчжоу, в связи с чем советским дипломатам было предложено покинуть Нанкин, уже находившийся в зоне военных действий, и проследовать в столицу провинции Гуандун. В ответ на это руководство СССР дало указание советскому послу Н.В. Рошину следовать за органами Центрального правительства. СССР стал единственной из великих держав, чье посольство переместилось в Гуанчжоу.

Это, разумеется, совсем не означало, что СССР склонялся к поддержке Чан Кайши, как это пытались представить некоторые китайские историки в период советско-китайской вражды. С.Л. Тихвинский, занимавший в то время должность генерального консула СССР в Бэйпине, так объясняет переезд посольства в Гуанчжоу: «У нашей страны были дипломатические отношения с Китайской Республикой, с правительством Чан Кайши. Соответственно было и посольство, которое действовало до последнего момента, и консульства. Силы компартии, ее Народно-освободительная армия Китая (НОАК) в 1949 г. явно выигрывали гражданскую войну, но наше посольство и посол Н.В. Рошин, как и положено, оставались при правительстве и к октябрю 1949 г. были в Нанкине, а потом и в Гуанчжоу (Кантоне)»¹³⁷. Очевидно, это был очередной ход в большой игре, затеянной И.В. Сталиным и Мао Цзэдуном, целью которой было ввести в заблуждение как Центральное правительство Китая, так и международное общественное мнение.

Элементом этой игры, предварительно согласованным с руководством КПК, стало и отданное в середине февраля указание Москвы консульским учреждениям СССР на территориях, находившихся под контролем коммунистов, прекратить всякую официальную консульскую деятельность. Это было связано с тем, что коммунистические власти потребовали от всех иностранных консульств приостановить свою деятельность. Сношения с новыми властями советским консульским работникам все-таки дозволялось осуществлять, однако на строго конфиденциальной основе. Это распоряжение касалось и средств массовой информации, издававшихся советскими организациями в Харбине, Тяньцзине и других городах Китая. Во главе предписывалось поставить китайских граждан, которых следовало отобрать в соответствии с решением соответствующего консульского учреждения. Советские журналисты должны были перестать функционировать официально, но при этом им предоставлялась возможность публиковать материалы в местных органах информации по согласованию с Москвой и коммунистическими властями¹³⁸. Отдавая это распоряжение, советское руководство, надо думать, стремилось создать впечатление, что представители СССР на территории, контролируемой КПК, подвергаются тем же ограничениям, что и дипломатические работники и журналисты западных государств.

¹³⁷ *Меринов С.* Генеральное дело генерального консула. Сергей Тихвинский вспоминает, как КНР и СССР установили дипломатические отношения // Российская газета. 2009, 1 окт.

¹³⁸ Там же. С. 99.

**Сергей Леонидович ТИХВИНСКИЙ (род. 1918) —
советский и российский дипломат, общественный деятель,
ученый-китаевед**

Родился 1 сентября 1918 г. в Петрограде. Учился на китайском отделении Ленинградского института философии, литературы и истории, который затем был преобразован в филологический факультет Ленинградского государственного университета, изучал китайский язык под руководством академика В.М. Алексеева. После окончания четвертого курса в 1938 г. направлен на работу в Народный комиссариат иностранных дел СССР. В 1939—1940 гг. — вице-консул Генерального консульства СССР в Урумчи. В 1940—1943 гг. — в аппарате НКВД СССР. Участвовал в работе секретариата советской делегации на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В 1941 г. окончил экстерном китайское отделение Московского института востоковедения. В 1943—1946 гг. — 2-й секретарь Посольства СССР в Китае (Чунцин). В 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию о внешнеполитических взглядах Сунь Ятсена. С 1946 г. — вице-консул, с 1948 г. — генеральный консул СССР в Бэйпине. В качестве официального представителя СССР участвовал в церемонии провозглашения КНР на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949 г. В 1949—1950 гг. — советник Посольства СССР в КНР. В 1950—1953 гг. — в центральном аппарате МИД СССР. В 1953 г. присуждена ученая степень доктора исторических наук (тема диссертации — идеология Кан Ювэя). С 1953 по 1956 г. — советник Посольства СССР в Великобритании. В 1956—1957 гг. — советник-посланник Посольства СССР в Японии. В 1957—1960 гг. — заведующий отделом стран Азии Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР. С 1957 по 1980 г. читал курс лекций в МГИМО МИД СССР, где в 1959—1963 гг. заведовал кафедрой истории стран Востока. В 1960—1961 гг. — директор Института китаеведения АН СССР. В 1961—1963 гг. — заместитель директора Института народов Азии АН СССР. В 1965—1975 гг. — заведующий Отделом Азии Управления планирования внешнеполитических мероприятий МИД СССР. В 1967 г. присвоен дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посла. В 1968 г. избран членом корреспондентом АН СССР. В 1975—1980 гг. — начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР. В 1981 г. избран действительным членом АН СССР. В 1980—1986 гг. — ректор Дипломатической академии МИД СССР. В 1981—1988 гг. — академик-секретарь Отделения истории Академии наук СССР. С 1984 г. — председатель Центрального правления общества советско-китайской дружбы. С 2003 г. — почетный председатель Общества российско-китайской дружбы. Советник Президиума РАН, председатель Национального комитета российских историков, почетный президент Ассоциации китаеведов РАН, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Почетный член нескольких иностранных академий. Опубликовано свыше 500 научных трудов, награжден орденами и медалями СССР и РФ.



Как было договорено между Москвой и руководством китайской компартии, КПК согласилась на переговоры с Гоминьданом о прекращении гражданской войны, которые начались в Пекине 1 апреля 1949 г. Делегацию КПК возглавлял Чжоу Эньлай, а правительство Китайской Республики — генерал Чжан Чжичжун. Заседания продолжались в течение двух недель и завершились передачей 15 апреля делегацией КПК партнерам по переговорам проекта Соглашения об установлении мира, который фактически представлял из себя акт о полной капитуляции Гоминьдана. 20 апреля нанкинское правительство отвергло этот ультиматум. На следующий же день Председатель Народно-революционного военного совета Мао Цзэдун и Чжу Дэ, командующий НОАК, отдали указание о форсировании Янцзы и начале наступления на всех фронтах. На протяжении считанных дней была захвачена столица гоминьдановского Китая Нанкин, Шанхай был блокирован коммунистическими войсками, а армии Гоминьдана были отброшены на юг.

В этой ситуации весной 1949 г. часть руководства КПК предприняла шаги, которые не могли не насторожить Москву. В мае состоялись секретные переговоры между начальником отдела внешних сношений регионального Военно-контрольного комитета КПК Хуан Хуа и американским послом Дж. Стюартом, который не последовал за эвакуировавшимся Центральным правительством, а предпочел остаться в Нанкине. В ходе переговоров Хуан Хуа предложил установить нормальные политические отношения с США при условии, что те откажутся от дальнейшей поддержки Чан Кайши и выведут свои войска из Китая. Стремление нормализовать отношения с США представитель КПК мотивировал тем, что Советский Союз, понесший огромные потери в войне, вряд ли будет способен оказать достаточно широкую экономическую поддержку Китаю, пребывавшему в состоянии глубочайшего экономического кризиса. Эту помощь коммунисты надеялись получить от США, которые в это время через посредство представителей американского бизнеса выступили с предложением предоставить правительству КПК кредит на весьма крупную сумму в 100–300 млн долл. Примерно о том же говорилось в секретном послании Чжоу Эньлая, полученном американскими дипломатами в том же месяце. По мнению американского биографа Чжоу Эньлая Д. Уилсона, эта детективная история была разыграна Чжоу без согласования с прочими руководителями КПК и стала известной им после того, как агенты Лю Шаоци, другого видного лидера КПК и твердого сторонника просоветской ориентации, докопались до нее ¹³⁹.

Означало ли происшедшее, что в руководстве КПК, помимо сторонников ориентации на СССР, существовала группировка, стремившаяся к более сбалансированной внешней политике, остается не проясненным до конца.

По мнению публикаторов документов из российского Архива внешней политики МИД, «демарш» Чжоу Эньлая был не чем иным, как операцией, проведенной спецслужбами КПК¹⁴⁰. Согласно воспоминаниям А.М. Ледовского, находившегося в это время на дипломатической работе в Нанкине, он получил от своего руководства указание провести встречу с Хуан Хуа и разъяснить ему истинные интересы США в Китае. Советский дипломат в ходе состоявшихся встреч

¹³⁹ *Wilson Dick. Zhou Enlai. A Biography. New-York: Viking, 1984. P. 177–178.*

¹⁴⁰ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950. Кн. 2: 1949 — февраль 1950. С. 546.

подчеркивал, что Вашингтон стремится лишь к тому, чтобы прошупать позицию КПК, США не изменят своего отношения к коммунистам и не откажутся от поддержки гоминьдановского режима¹⁴¹. Впрочем, возможно, эта встреча была одним из элементов интриги, затеянной руководством КПК по «усыплению бдительности» США и ослаблению их поддержки Гоминьдана. Она вполне могла быть даже согласована с Москвой, так как известно, что МИД СССР намеренно держали в неведении о тайных каналах связи между Кремлем и высшим руководством КПК.

Надо отметить, что китайские коммунисты активно контактировали с США начиная еще с 1944 г., и американские представители несколько раз посещали Яньань и другие «освобожденные районы». Только в 1944 г. в Яньане находилось 32 сотрудника так называемой «информационной службы» США¹⁴². Впоследствии контакты продолжились, так что встреча Хуан Хуа не была чем-то экстраординарным. Отличием было лишь то, что в 1949 г. США уже рассматривались не как союзник, а как враг.

Многие американские представители сообщали руководству, что, судя по словам руководителей компартии, китайские коммунисты — вовсе не коммунисты, а, скорее, демократы американского типа, которые не ориентируются на СССР, а мечтают вступить в союз с США и получать от них помощь. Например, в 1945 г. одному из посетителей Мао Цзэдун якобы говорил: «Мы не стремимся к принятию социальной и политической модели по образцу коммунистического строя в Советской России. Скорее, мы полагаем, что боремся за то же, за что сражался Линкольн во время гражданской войны в США, — за освобождение рабов. В Китае мы имеем миллионы рабов, закованных в кандалы феодализма»¹⁴³.

Современные российские авторы чаще всего считают подобные слова руководителей КПК пропагандистской ширмой, направленной на ослабление американской помощи Гоминьдану и отказ Вашингтона от более серьезного втягивания в гражданскую войну в Китае, а вовсе не принципиальными разногласиями с Москвой. Как отмечалось выше, Москва и руководство КПК находились в постоянном контакте и консультировались по важнейшим политическим вопросам, а советские лидеры и сами часто прибегали к подобной дезинформации во время общения с представителями западных стран. Например, в беседе с послом США в СССР П. Хэрли в сентябре 1944 г. И.В. Сталин говорил: «Так называемые китайские коммунисты на самом деле совсем не коммунисты... Советское правительство не поддерживает китайских коммунистов»¹⁴⁴.

На основании этих и других подобных высказываний в период охлаждения отношений с Китаем официальные советские китаеведы начали обвинять Мао в проамериканских симпатиях, в том, что лишь «здоровые силы» в КПК не дали ему «переметнуться» на сторону Вашингтона еще в 1940-е годы. В качестве подтверждения этой теории обычно приводят содержание так называемого «дневника»

¹⁴¹ Ледовский А.М. Нанкинские записки. Год 1949 // *Восток — Россия — Запад: исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика В.С. Мясникова*. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 595.

¹⁴² Панцов А.В. Указ. соч. С. 496.

¹⁴³ Harrison Forman, *Report from Red China* (New York: H. Holt and Co., 1945), p. 178.

¹⁴⁴ Цит. по А.В.Панцов. Цит. соч., с. 497.

советского представителя в Яньане П.П. Владимирова, аутентичность всех записей которого вызывает сомнения¹⁴⁵.

В 70–80-е годы XX в., после потепления отношений с Вашингтоном, китайские исследователи начали утверждать, что негибкость политики Вашингтона в 1940-е годы сама привела к односторонней ориентации КПК на СССР. По их мнению, события могли разворачиваться иначе, «китайско-американская конфронтация возникла не из-за союза Китая с СССР, а наоборот, именно китайско-американская конфронтация вызвала к жизни союз Китая и СССР»¹⁴⁶.

Известный специалист по американско-китайским отношениям Е.П. Бажанов приводит более глубокие причины поддержания КПК тесных контактов с американскими представителями: «Во-первых, нормальные отношения с Вашингтоном были необходимы КПК: китайские коммунисты видели в Соединенных Штатах силу, от позиции которой в значительной степени зависел исход борьбы с Гоминьданом, послевоенное урегулирование в Азии, роль и место Китая в международных отношениях, перспективы его экономического развития. Контакты с США должны были способствовать победе над Чан Кайши и нейтрализовать оппозицию Вашингтона послевоенным планам коммунистической партии, укрепить международное положение страны. Во-вторых, Сталин поддерживал курс Мао Цзэдуна на развитие диалога с Вашингтоном... В-третьих, контакты КПК с американцами завязались, когда США были союзниками и Китая, и Советского Союза. В-четвертых, несомненно также то, что на заключительном этапе гражданской войны (1945–1949) руководство компартии однозначно сделало ставку на сотрудничество с СССР». Не случайно, еще в 1947 г. Мао Цзэдун впервые применил понятия «лагерь борьбы всего мира против империализма» и «лагерь социализма», причем «силы китайской революции характеризовались в качестве составной части антиимпериалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом»¹⁴⁷.

Первая половина 1949 г. стала временем дальнейших успехов КПК в ходе гражданской войны — под контроль коммунистов перешли новые регионы Китая и такие крупнейшие городские центры страны, как Пекин, Шанхай, Нанкин и др. В то время как НОАК продолжала вести успешные боевые действия, преследуя отступающего противника и продвигаясь в направлении Синьцзяна и южных провинций, в Москву прибыла первая делегация руководства КПК во главе с членом Политбюро ЦК КПК Лю Шаоци. Визит проходил в конце июня — начале августа 1949 г. Одной из главных целей приезда делегации, помимо обсуждения самого широкого круга вопросов положения в Китае и советско-китайских

¹⁴⁵ *Владимиров П.П.* Особый район Китая. 1942–1945. М.: Издательство АПН, 1973. «По имеющимся данным, так называемые “дневниковые записи” П.П. Владимирова не являются подлинными. Согласно Л.П. Делюсину, дневников П.П. Владимирова вообще не существовало, они были составлены по заданию ЦК КПСС его сыном, известным спортсменом Ю.П. Власовым, на основе донесений П.П. Владимирова и некоторых других советских разведчиков, работавших в Китае, т.е. все же в определенной степени отражают мнение советских представителей в Яньане» (Лукин А.В. Указ. соч. С. 525, сн. 112).

¹⁴⁶ 袁明 (Юань Мин): «新中国成立前后的美国对华政策观» (Взгляд на политику США в отношении Китая до и после образования Нового Китая) // «历史研究», 1987 г.,第三期, 第33页. 章百家 (Чжан Байцзя): «1945–1955年中美关系史学术研讨会述评» (Комментарии к научному симпозиуму по истории китайско-американских отношений в 1945–1955 гг.); 何迪 (Хэ Ди): «1945–1949年中国共产党对美政策的演变» (Эволюция политики КПК в отношении США в 1945–1949 гг.) «历史研究», 1987年, 第三期.

¹⁴⁷ *Бажанов Е.П.* Советско-китайские отношения: уроки прошлого и современность // Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 2. М.: Научная книга, 2002. С. 146–148.

отношений после создания официального правительства под руководством КПК, было заключение соглашения о предоставлении Советским Союзом кредита в размере 300 млн долл. США

**ЛЮ Шаоци 刘少奇 (1898–1969) —
государственный деятель КНР, один из руководителей КПК,
Председатель КНР (1959–1968)**

Родился 24 ноября 1898 г. в крестьянской семье в деревне Хуамэнлоу уезда Нинсян провинции Хунань. В 1919 г. включился в патриотическое движение «4 мая». В 1920 г. вступил в Социалистический союз молодежи Китая (ССМК) в Шанхае, а в 1921 г. — в Коммунистическую партию Китая (КПК). В Шанхае начал изучать русский язык. В 1921 г. был приглашен в Москву в составе восьми наиболее одаренных выпускников школы иностранных языков, вместе с группой членов ССМК учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В Москве вступил в коммунистическую партию Китая. После возвращения в Китай принимал активное участие в организации рабочего движения. В 1930 г. приехал в Москву для участия в V конгрессе Красного Профинтерна, избран членом Исполнительного бюро Профинтерна. В 1931 г. Лю Шаоци вернулся в Шанхай, где на IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва, состоявшемся в январе 1931 г., был избран членом ЦК и Политбюро ЦК КПК. Работал в Маньчжурии, затем в Цзянси. Руководил партизанским движением КПК в северной и центральной частях страны. В 1944 г. был комиссаром Новой 4-й армии. После образования КНР в 1949 г. — заместитель председателя и секретарь ЦК КПК.



В октябре 1952 г. ездил в Москву для участия в XIX съезде КПСС. С 1954 по 1959 г. — Председатель ПК ВСНП. В 1959 г. назначен Председателем КНР после ухода с этого поста Мао Цзэдуна. В августе 1966 г. подвергся жесткой критике на пленуме ЦК КПК, затем нападкам хунвейбинов и прессы. В 1968 г. КПК объявил Лю Шаоци виновным в «контрреволюционной деятельности», его исключили из партии, сместили со всех партийных и государственных постов. В 1974 г. китайская пресса официально объявила о смерти Лю Шаоци, не обнародовав дату смерти. Позднее выяснилось, что он умер в тюрьме города Кайфын в ноябре 1969 г. В 1980 г. посмертно реабилитирован.

Уже на второй день после прибытия делегации с ее членами встретился И.В. Сталин. Свое выступление он начал с замечания о том, что решение советской стороны предоставить кредит в 300 млн долл. КПК было принято впервые в истории СССР, поскольку до этого соглашения о предоставлении кредитов заключались только на межгосударственном уровне. Он подчеркнул также, что кредит будет предоставлен под 1% годовых, а это меньше, чем процент, под который были предоставлены кредиты «странам народной демократии» в Европе. Советский лидер объяснил это тем, что Китай был менее развитым государством

и продолжал нести большие потери в ходе еще не завершившейся войны. Он выразил согласие с просьбой китайских коммунистов направить в страну специалистов и пообещал, что первая группа выедет в Китай уже в ближайшее время. И.В. Сталин дал обещание удовлетворить и другие просьбы КПК о помощи: продать несколько тральщиков и обучить специалистов по обезвреживанию морских мин, помочь в создании военно-морского флота, которого китайские коммунисты практически не имели, способствовать обороне Циндао, а также установить воздушное сообщение между Москвой и Пекином, который предполагалось сделать новой столицей Китая.

Касаясь положения на фронтах гражданской войны в Китае, советский лидер призвал китайское коммунистическое руководство не откладывать надолго решение вопроса об установлении новой власти в Синьцзяне, поскольку военные силы Гоминьдана в этой провинции были не слишком значительны, а СССР мог бы оказать военную помощь КПК, предоставив боевую авиацию для борьбы с кавалерией местного милитариста генерала Ма Буфана. Он также предложил не скрывать пребывание китайской делегации в Москве, но назвать ее официальной торговой делегацией Северо-Восточного Китая. При этом, однако, подписание соглашения о кредите держалось в строгом секрете¹⁴⁸.

В докладе китайской делегации о современном этапе китайской революции и советско-китайских отношениях, представленном китайскими коммунистами, определенно прослеживалось стремление сгладить возможные противоречия и подчеркнуть близость между двумя компартиями. Потенциально болезненные темы в двусторонних отношениях в докладе были сформулированы как: нахождение советских войск в Порт-Артуре, независимость Монголии и вывоз промышленного оборудования из Маньчжурии в СССР в качестве репараций после окончания Тихоокеанской войны. Позиция КПК по этим вопросам состояла в следующем: нахождение войск СССР на территории Китая необходимо для укрепления обороноспособности страны в ситуации, когда новая власть еще не способна обеспечить безопасность собственных морских рубежей. По вопросу о Монголии, КПК брала на себя обязательство разъяснять, что она исходит из уважения принципа самоопределения наций, однако, если Внешняя Монголия пожелает воссоединиться с Внутренней и вновь войти, таким образом, в состав Китая, то КПК лишь приветствовала бы это. Наконец, по вопросу о вывозе из Северо-Восточного Китая промышленного оборудования китайские коммунисты разъяснили: они говорили своему народу, «что эти машины принадлежали японцам и Советский Союз вывез оборудование в качестве трофейного имущества для использования в своем социалистическом строительстве и из соображений, чтобы это оборудование не попало в руки китайской реакционной партии, которая использовала бы его в борьбе против китайского народа. СССР действовал совершенно правильно»¹⁴⁹. Таким образом, по деликатным вопросам советско-китайских отношений позиция авторов доклада полностью совпадала с аргументацией, ранее сформулированной Москвой. Наконец, в завершающей части доклада КПК было подчеркнуто: несмотря на то что Коминтерн более не существует, для китайских коммунистов главным штабом мирового коммунисти-

¹⁴⁸ Бажанов Е.П. Советско-китайские отношения: уроки прошлого и современность // Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 2. М.: Научная книга, 2002. С. 149–150.

¹⁴⁹ Там же. С. 161.

ческого движения продолжает оставаться СССР и они готовы и в будущем подчиняться решениям ВКП(б).

Тот факт, что в Москве открыто с официальным визитом находилась делегация КПК, не мог остаться незамеченным властями Китайской Республики. 6 августа исполняющий обязанности министра иностранных дел Е Гунчао вызвал Поверенного в делах СССР в Китае В.В. Васькова (посол Н.В. Рошин в это время находился в Москве) и заявил протест против нарушения Москвой советско-китайского договора 1945 г. и установления официальных отношений с «мятежной организацией, пытающейся силой оружия свергнуть Национальное правительство Китая»¹⁵⁰. Советское правительство оставило эту ноту без ответа: оспорить очевидные вещи было возможно, но не просто, да в этом и не было особой нужды, поскольку дни Национального правительства уже были сочтены.

В сентябре того же года Совет Министров СССР принял специальное постановление о направлении в НОАК военных специалистов и о поставках авиации и зенитной артиллерии, в чем так нуждалась армия коммунистов. В общей сложности было решено отправить в Китай около 900 военных советников различного профиля, 334 самолета, 360 зенитных орудий с боеприпасами и такое же количество зенитных пулеметов с 1 млн патронов к ним¹⁵¹. Направление советников и военные поставки на последнем этапе гражданской войны сыграли немаловажную роль в укреплении боевого потенциала НОАК и в ее превращении в армию современного типа.

После переезда в марте 1949 г. в Пекин ЦК КПК начал подготовку к созыву Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), который должен был сыграть роль своеобразного учредительного собрания и обеспечить таким образом легитимность новой власти, при этом создав видимость ее поддержки широким спектром политических групп и слоев населения. 1 октября 1949 г. было объявлено о создании в Китае нового государства — Китайской Народной Республики со столицей в Пекине. Учрежденное НПКСК Центральное народное правительство (ЦНП), находившееся под полным контролем коммунистов, в тот же день обратилось к иностранным державам с предложением о взаимном признании и установлении дипломатических отношений. Уже 2 октября, став первым из иностранных держав, Советский Союз объявил о признании ЦНП в качестве законного представителя китайского народа. В телеграмме, направленной заместителем министра иностранных дел СССР А.А. Громыко министру иностранных дел КНР Чжоу Энляю, говорилось: «Рассмотрев предложение Центрального народного правительства Китая, Советское правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение — установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Китай и обменяться послами»¹⁵².

¹⁵⁰ Бажанов Е.П. Советско-китайские отношения: уроки прошлого и современность // Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 2. М.: Научная книга, 2002. С. 178.

¹⁵¹ Там же. С. 181–182.

¹⁵² Там же. С. 188. По мнению С.Л. Тихвинского, принимавшего непосредственное участие в этих событиях, то, что на торжественной церемонии провозглашения КНР из СССР приехали только писатели А.А. Фадеев и К.М. Симонов, а телеграмму о признании подписал не руководитель СССР или

Таким образом, была дописана и перевернута одна из самых драматических страниц новейшей истории Китая и советско-китайских отношений. Руководителям двух компартий, И.В. Сталину и Мао Цзэдуну, несмотря на существовавшие между ними трения, удалось совместными усилиями переиграть своих политических оппонентов как в рядах китайских националистов, так и в лагере западных демократий. При этом нельзя не признать, что СССР, не считаясь ни с какими затратами, буквально делясь последним, всеми силами поддерживал своих идеологических союзников в Китае. Без этой материальной и политической помощи приход КПК к власти вряд ли был бы возможен, во всяком случае в те исторические сроки, в течение которых это стало достижимым. Руководимый И.В. Сталиным Советский Союз оказался заботливым и лояльным «старшим» братом, однако главный вопрос состоял в том, как долго КПК была готова играть роль брата «младшего».

хотя бы министр, но всего лишь заместитель министра, свидетельствует о том, что «на государственном уровне советское руководство проявляло вполне объяснимую осторожность и до самого конца не давало формальных поводов упрекнуть себя во вмешательстве во внутренние дела Китая». С.Л. Тихвинский поясняет: «Тому были веские причины. Советское руководство поддерживало компартию и ее борьбу, но при этом шло на серьезный риск столкновения с американцами: уже набрала обороты «холодная война», явно назревал военный конфликт на Корейском полуострове, а Советский Союз только-только провел первое успешное ядерное испытание» (Меринов С. Указ..соч).

Основная литература

На русском языке:

- Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М.: Русская панорама, 2005.
- Бажанов Е.П.* Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990.
- Бажанов Е.П.* Советско-китайские отношения: уроки прошлого и современность // Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 2. М.: Научная книга, 2002.
- ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. М.: Буклет, 1994.
- Владимиров П.П.* Особый район Китая. 1942–1945. М.: Издательство АПН, 1973.
- Галенович Ю.М.* Россия — Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003.
- История Китая. М.: Московский университет, 2004.
- Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М.: ИДВ РАН, 2000.
- Красильников В.Д.* Синьцзянское притяжение. М.: Дипакадемия, 2007.
- Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999.
- Ледовский А.М.* СССР, США и народная революция в Китае. М.: Наука, 1979.
- Лузянин С.Г.* Россия—Монголия—Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003.
- Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999.
- Меликсетов А.В.* Победа китайской революции. М.: Наука, 1989.
- Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны, 1941–1945. М.: Памятники исторической мысли, 1999.
- Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М.: Памятники исторической мысли, 1990.
- Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М.: Вече, 2004.
- Борисов О. (Рахманин О.Б.).* Советский Союз и Маньчжурская революционная база. М.: Мысль, 1975.
- Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Сладковский М.И.* Китай. Основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1978.

На китайском языке:

- 薛衔天、金东吉 (Сюе Сяньтянь, Цзинь Дунцзе) : 《民国时期中苏关系历史》(История китайско-советских отношений в период Китайской республики), 北京, 中共党史出版社, 2009年.
- 陳永發 (Чэнь Юнфа): 《中國共產黨革命七十年》(70 лет истории революции КПК), 臺北, 聯經出版社, 1998年.

На английском языке:

- Barrett David P and Shyu Larry N.* (eds.). *Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945*, (Stanford: Stanford University Press, 2001).
- Clubb Edward O.* *China and Russia: The «Great Game»* (New York: Columbia University Press, 1971).
- Davis John Paton Jr.* *Dragon by the Tail. American, British, Japanese and Russian Encounters with China and the Other*. New York: Norton & Company, 1972.
- Elleman Bruce.* *Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations*. London: M.E. Sharp, 1997.
- Hunt Michael H.* *The Genesis of Chinese Communist Foreign Policy*. New York: Columbia University Press, 1966.
- Leutner Mechthild, Felber Roland, Titarenko Mikhail L., Grigoriev Alexander M.* (eds.). *The Chinese Revolution in the 1920s: between Triumph and Disaster*. London and New York: Routledge Curson, 2002.
- Tai Wan-chin* (ed.). *The 1945 Sino-Soviet Treaty of Friendship and Alliance*. Taipei: Haidi gongsi, 1995.
- Tikhvinski Sergei L.* *Soviet-Chinese Diplomatic Relations (1932–1950)*. Taipei: Tamkang University Press, 1995.

Хронология основных событий

1919

25 июля обнародовано «Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая».

1922 (август) —

1923 (январь) переговоры в Китае миссии под руководством А.А. Иоффе.

1923

12 января принята «Резолюция Исполкома Коминтерна по вопросу об отношении Компартии Китая к партии Гоминьдан», Гоминьдан объявлен «единственной серьезной национально-революционной группировкой в Китае».

8 марта решение Политбюро ЦК РКП(б) об оказании денежной поддержки Сунь Ятсену и направлении в Китай советских военных и политических советников.

1924

Январь Первый конгресс Гоминьдана в Гуанчжоу, в подготовке которого принимали участие как советские советники, так и члены КПК.

31 мая «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой».

1925

12 марта скончался Сунь Ятсен.

1 июля Руководство Гоминьдана объявило о преобразовании гуанчжоуского правительства в Национальное правительство Китая.

1926 Чан Кайши блокировал штаб и квартиры советских советников, произвел аресты среди коммунистов, упразднил Военный совет и объявил себя главнокомандующим Национально-революционной армией.

1927 Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение о недопустимости какой-либо деятельности или агитации в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции.

1928

Февраль IV Пленум ЦИК Гоминьдана учредил в Нанкине возглавленное Чан Кайши Национальное правительство Китая. Официальной столицей Китая стал Нанкин.

1929 МИД Китая объявил о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом.

Конфликт на КВЖД.

Подписание Хабаровского протокола, в соответствии с которым СССР и Китай соглашались восстановить статус КВЖД на основе положений договора 1924 года.

1931

японские войска начали устанавливать военный контроль в Маньчжурии.

1932

1 марта объявлено о создании государства Маньчжоу-го, просуществовавшего до 19 августа 1945.

12 декабря	возобновление полных дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой.
1933	заключено японо-китайское соглашение, которое фактически зафиксировало отказ китайского правительства от Маньчжурии.
1935	
28 ноября	обнародован манифест Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, приглашавшего к сотрудничеству все политические партии Китая.
Декабрь	«Сианьский инцидент» — арест Чан Кайши группой генералов, выступивших против активизации борьбы с вооруженными силами КПК.
1937	
7 июля	начало широкомасштабной агрессии Японии против Китая. 21 августа подписан «Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой».
21 сентября	на заседании Лиги наций нарком по иностранным делам СССР М.М. Литвинов произнес речь, в которой выразил солидарность с Китайской Республикой, ставшей жертвой агрессии.
23 сентября	Чан Кайши объявил о придании КПК статуса легальной политической организации и готовности Гоминьдана сотрудничать с ней в антияпонской борьбе.
Декабрь	прибытие в Китай первой группы советских военных специалистов и советников.
1939	возобновление вооруженных столкновений между отрядами КПК и войсками Гоминьдана.
1943	образована Организация освобождения Восточного Туркестана, действовавшая до 28 июля 1946 г.
30 октября	представители СССР, США, Англии и Китая подписали в Москве «Декларацию четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», предусматривавшую борьбу с Германией, Японией и их союзниками до их полной капитуляции.
1945	
11–14 февраля	состоялась Ялтинская конференция, рассмотревшая, в частности, урегулирование территориальных и политических вопросов в Китае.
5 апреля	глава МИД СССР В.М. Молотов уведомил японского посла в Москве Н. Сато о том, что советское правительство не предполагает продлить советско-японский договор о нейтралитете 1941 г. по истечении срока его действия в апреле 1946 г.
14 августа	в Москве подписан Договор о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой.
2 сентября	подписан Акт о капитуляции Японии.
1949	
1 апреля	в Пекине начались переговоры КПК и Гоминьдана о прекращении гражданской войны, завершившиеся провалом.
21 апреля	Председатель Народно-революционного военного совета Мао Цзэдун и командующий НОАК Чжу Дэ отдали приказ о форсировании Янцзы и начале наступления против Гоминьдана на всех фронтах.
1 октября	объявлено о создании в Китае нового государства — Китайской Народной Республики со столицей в Пекине, сформировано Центральное народное правительство.
2 октября	СССР объявил о признании Центрального народного правительства в качестве законного представителя китайского народа.

ГЛАВА 3

От дружбы через конфронтацию к нормализации. Советско-китайские отношения с 1949 и до 1991 года

Е.П. Бажанов

Союз

В 1949 г. в Китае победила революция. 1 октября была провозглашена Китайская Народная Республика. Правительство КНР заявило о своем стремлении установить хорошие отношения со всеми странами, включая капиталистические, на основе равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения суверенитета. Подчеркивался миролюбивый характер внешнеполитического курса республики. Вместе с тем китайские руководители выдвинули установку «держаться одной стороны», т.е. находиться в союзе с СССР. Сделано это было, несмотря на возражения, особенно в среде буржуазии, опасавшейся изоляции Китая со стороны Запада. Такое решение Мао Цзэдуна было вызвано враждебной политикой США.

Союз с СССР был закреплен в Конституции КНР, принятой на Первой сессии ВСНП 20 сентября 1954 г. В Конституции говорилось: «Наша страна уже установила отношения нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик и со всеми странами народной демократии...»¹. Сделав сознательный выбор, КНР стала искренним союзником Москвы. Взаимные обиды и претензии отошли на задний план. Руководство КПК ощущало острую потребность в помощи СССР. В стране царил революционный подъем, идеи социализма, дружбы с советским народом охватывали все слои многомиллионного населения. Вспыхнувшая в 1950 г. война в Корее еще больше обострила американо-китайские отношения, усилив необходимость опоры КНР на СССР. Китайский дипломат Лю Сяо рассказал в мемуарах об инструкциях, полученных от Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая перед его отбытием в Москву на пост посла своей страны. Мао подчеркнул в частности следующее: «СССР играет важную роль в мировом революционном процессе и занимает важное положение в международных отношениях. Для нас важно развивать китайско-советские отношения и укреплять китайско-советскую дружбу; Китаю необходимо вести строительство, мы нуждаемся во всесторонней помощи Советского Союза»².

¹ Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М.: Иностранная литература, 1955. С. 30–31.

² 刘晓 (Лю Сяо): «出使苏联». (Лю Сяо. На посту посла в СССР). «世界知识» 1987年第03期 第15页.

**МАО Цзэдун 毛泽东 (1893–1976) —
лидер китайских коммунистов,
Председатель КНР, Председатель КПК**

Мао Цзэдун родился 26 декабря 1893 г. в селе Шаошань провинции Хунань в семье мелкого землевладельца. В начале 1920-х гг. принял участие в создании Коммунистической партии Китая (КПК). Присутствовал на ее первом съезде, организованном



Коминтерном в 1921 г. в Шанхае. В начале 1930-х гг. стал руководителем Советской республики в провинции Цзянси. В середине 1930-х гг. возглавил «Великий поход», позволивший коммунистам уклониться от прямого столкновения с войсками Гоминьдана и избежать полного разгрома. В 1937 г. перенес центр контролируемых КПК районов в Яньань провинции Шэньси, где оставался до 1947 г. Все это время поддерживал прямую связь с руководством СССР, осуществляемой через советских агентов в Яньане. В яньаньский период укрепил свои позиции в КПК и занял в ней лидирующие позиции. В 1943 г. стал председателем КПК. В 1949 г. после победы коммунистов над войсками Гоминьдана Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики и начал проводить реформы по советскому образцу. С декабря 1949 по февраль

1950 г. находился в СССР, где вел переговоры с советским руководством о поддержке Москвой коммунистических властей Пекина. В первой половине 1950-х гг. высказывался весьма позитивно о поддержке СССР китайских коммунистов, однако затем, разойдясь с Москвой идеологически, начал резко критиковать ее политику. В 1956 г. провозгласил лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», который обернулся волной критики в адрес КПСС. В 1957 г. вновь посетил СССР для участия в праздновании 40-й годовщины революции 1917 г. и совещании коммунистических и рабочих партий. В 1958 г., сосредоточив всю полноту власти в своих руках, провозгласил курс «трех красных знамен» с целью ускоренного строительства социализма: «большой скачок», создание народных коммун. Этот курс вызвал кризис в экономике КНР. Дистанцировался от власти, позволив начать в КНР курс на стабилизацию. Однако в середине 1960-х гг. Мао инициировал «культурную революцию», в ходе которой разгромил сторонников умеренного курса, используя отряды молодежи — «хунвэйбинов». Перешел к резкому антисоветскому курсу, что привело к столкновениям на советско-китайской границе. В начале 1970-х годов Мао Цзэдуна начало ухудшаться. 9 сентября 1976 г. скончался от последствий двух тяжелых инфарктов.

Чжоу Эньлай высказался примерно в том же духе: «После образования в 1949 г. КНР и установления дипломатических отношений с СССР связи между нашими партиями и государствами стали хорошими. СССР помогает в сооружении 143 промышленных объектов, включая совместные предприятия в Синьцзяне, что очень полезно для нас. Советский Союз направил также большую группу советников и специалистов, которые помогают нашему строительству, он обучает наших технических кадровых работников, принимает на учебу студентов и стажеров. Такое возможно только между социалистическими государствами

нового типа. Со времени создания КНР прошло немного времени, у нас еще мало опыта социалистического строительства, поэтому надо учиться у СССР. Пятилетний план нуждается в советской помощи, работу посольства КНР в СССР надо вести в духе дружбы и сотрудничества, укреплять китайско-советскую дружбу, развивать китайско-советские отношения»³.

**ЧЖОУ Эньлай 周恩来 (1898–1976) —
Председатель Госсовета КНР (1949–1976)**

Родился в уездном городе Шаньян округа Хуайань провинции Цзянсу. Учился в средней школе в Тяньцзине. В 1917 г. поехал в Японию для учебы, однако в университет поступить не смог. С 1919 г. участвовал в антияпонском движении в Тяньцзине. В 1920–1924 гг. жил в Европе (в основном в Париже и Берлине), где присоединился к коммунистическим активистам. В 1924–1926 гг. — начальник политотдела Военной академии Вампу. В 1926–1927 гг. — секретарь военного отдела ЦИК КПК. Член ЦК и кандидат в члены ЦК КПК с 1927 г. Член Политбюро и его Постоянного комитета с 1928 г. В 1928–1930 гг. — заведующий организационным отделом и секретарь военной комиссии ЦК. В 1930 г. — глава делегации КПК в ИККИ, затем занимал различные должности в ЦК КПК. С 1949 г. — премьер Госсовета КНР. В январе-феврале 1950 г. в составе китайской делегации находился в Москве, где участвовал в подписании советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. В августе-сентябре 1952 г. совершил новый визит в Москву, в ходе которого было подписано коммюнике о передаче китайскому правительству КЧЖД. В январе 1957 г. во время визита в Москву Чжоу Эньлай, следуя указаниям Мао Цзэдуна, подверг советское руководство резкой



критике за великодержавный шовинизм, жажду власти, слабость в вопросах стратегии и тактики. В октябре 1961 г., находясь в Москве в качестве гостя XXII съезда КПСС, вступил в полемику с Н.С. Хрущевым по вопросам оценки империализма, войны и мира, мирного существования и роли И.В. Сталина. Последнюю поездку в СССР совершил в ноябре 1964 г., чтобы выяснить перспективы изменений курса Москвы в отношении КНР после отставки Н.С. Хрущева. 17 августа 1967 г. личное вмешательство Чжоу Эньлая помогло остановить разгром посольства СССР в Пекине толпой хунвэйбинов. 11 сентября 1969 г. Чжоу Эньлай провел в пекинском аэропорту длившиеся три с половиной часа переговоры с председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным, позволившие снизить риск возникновения военного столкновения между СССР и КНР из-за пограничных проблем. В августе 1973 г. в докладе X съезду КПК подверг резкой критике «советский ревизионизм», обвинив советское руководство в реставрации капитализма, осуществлении фашистской диктатуры и порабощении народов всех национальностей. Умер в Пекине 8 января 1976 г. от рака. 5 апреля 1976 г. в день поминаения усопших на площади Тяньаньмэнь состоялся стихийный массовый митинг в поддержку Чжоу Эньлая, который считался противником крайностей «культурной революции». Митинг был разогнан властями, однако показал непопулярность «левого» курса.

³ 刘晓 (Лю Сяо): «出使苏联»。(Лю Сяо. На посту посла в СССР).《世界知识》1987年第03期 第15页。

14 февраля 1950 г. министры иностранных дел двух стран Чжоу Эньлай и А.Я. Вышинский подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (сроком на 30 лет с возможностью пролонгации). Было заключено также соглашение, предусматривавшее возвращение правительству КНР всех прав на Китайско-Чанчуньскую железную дорогу (КЧЖД), военно-морские базы в Люйшуне (Порт-Артур) и Даляне (Дальнем) не позднее конца 1952 г. Согласно дополнительному протоколу, в случае угрозы войны на Дальнем Востоке против СССР он получал право переброски войск по КЧЖД и морем через Дальний в Порт-Артур по внутренним китайским расценкам. По отдельному соглашению Китай получил льготный кредит на сумму 300 млн американских долларов. Были организованы четыре смешанных общества: гражданской авиации, по добыче нефти, цветных металлов (в Синьцзяне), по строительству и ремонту судов (в Даляне). Одновременно стороны обменялись нотами о том, что заключенный Советским Союзом с Китаем 14 августа 1945 г. договор и соответствующие соглашения утрачивают силу. Стороны констатировали полную обеспеченность независимого положения МНР⁴.

В узком смысле условия соглашений 1950 г. были менее выгодны СССР, чем условия договора 1945 г. с правительством Гоминьдана. Г.В. Зиновьев отмечает: «Соглашения 1950 г. лишили СССР многих преимуществ, которые он получил по документам 1945 г. Москва пошла на такие большие односторонние уступки, причем сделанные с позиции силы, а не слабости (крайне редкий случай в истории дипломатии) потому, что стратегическая выгода от союза с Китаем перевешивала в глазах советского руководства все тактические неудобства от изменения ялтинских договоренностей и отказа от привилегий в Маньчжурии. В Советском Союзе исходили из изменившихся после прихода к власти КПК реалий на Дальнем Востоке. Если ранее имелись основания опасаться, что Маньчжурия может стать форпостом недружественного СССР американского влияния в регионе, которое уже распространялось на побежденную Японию, то победа КПК в гражданской войне во многом снимала эти опасения. К тому же она открывала перспективы расширения влияния социалистического лагеря в АТР с опорой на такого нового ценного союзника, каким казалась КНР. Безусловно, «приобретение» Китая стало крупным, хотя, как потом выяснилось, временным успехом социалистического лагеря во главе с СССР, тогда как его «потеря», особенно рассматриваемая в рамках доктрины сдерживания, означала серьезный удар по американским позициям, прежде всего в АТР. Исходя из этого, И.В. Сталин хотел заложить по возможности прочную базу союзнических отношений, ответить на заверения в нерушимой преданности, на которые не скупились лидеры КПК. Он пошел навстречу китайской стороне, когда она определила свою позицию в пользу изменения договора, причем даже дальше, чем она рассчитывала (согласившись изменить не только договор, но и соглашения о КЧЖД, Дальнем и Порт-Артуре)»⁵.

⁴ Советско-китайские отношения. 1949–1951. Сборник документов. Чебоксары, 2009. С. 107–117.

⁵ Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 53–54.

**Иосиф Виссарионович СТАЛИН (Джугашвили) (1879—1953) —
советский государственный и партийный лидер**

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович родился в 1879 г. (по другим данным — в 1878 г.) в г. Гори Тифлисской губернии в семье сапожника. Грузин. После окончания в 1894 г. Духовного училища в Гори поступил в Тифлисскую духовную семинарию. В 1898 г. вошел в первую грузинскую социал-демократическую организацию «Месамедаси» («Третья группа»). В 1899 г. был исключен из семинарии «за неявку на экзамен». С 1901 г. был членом Тифлиссского и, затем, Батумского комитетов РСДРП. В 1903 г. примкнул к большевикам. Участвовал в революции 1905—1907 гг. В 1907—1908 гг. — член Бакинского комитета РСДРП. На пленуме ЦК после 6-й (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912) заочно кооптирован в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. В октябре 1917 г. стал членом Политбюро (Президиума) ЦК, работал в редакции газеты «Правда», член Петроградского Военно-революционного комитета, нарком по делам национальностей РСФСР (до 1923 г.). С 25.03.1919 г. — член Оргбюро ЦК. С 1919 г. нарком государственного контроля РСФСР. С 03.04.1922 г. — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б). С 1941 г. был председателем СНК (Совета министров) СССР. В 1941—1945 гг. — председатель Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий, в 1941—1947 гг. нарком обороны СССР, министр Вооруженных Сил СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1—3 созывов), Герой Социалистического Труда (1939), Почетный член Академии наук СССР (с 1939 г.), Герой Советского Союза (1945), Маршал Советского Союза (с 1943 г.), Генералиссимус Советского Союза (с 1945 г.). Умер 05.03.1953 г. Будучи верховным лидером СССР и международного коммунистического движения, поддерживал революционные силы в Китае: сначала союз партии Гоминьдана и КПК (до 1927 г.), затем КПК против Гоминьдана. В период его правления СССР оказывал значительную помощь Китаю в антияпонской войне, затем КПК в период гражданской войны с Гоминьданом и коммунистическому правительству в начальный период после образования КНР. Под его руководством были заключены советско-китайские договоры о ненападении 1937 г., о дружбе и союзе 1945 г. (с гоминьдановским руководством) и о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. с правительством КПК.



Таким образом, советское руководство взяло курс на полную поддержку коммунистического Китая, исходя не из геополитических или имперских интересов России, а по идеологическим причинам, точнее, из интересов СССР, как они виделись через призму идеологии. Как отмечает А.Д. Воскресенский, в то время «идеологическая близость двух правящих партий заставила забыть о геополитических сложностях и сделать вид, что государственные интересы двух стран полностью совпадают. Для обеих стран такая позиция определялась враждебным окружением, «холодной войной» и военной напряженностью, кроме того, коммунистическому

Китаю приходилось учитывать потенциальную угрозу вторжения армии Чан Кайши, которое могло бы быть поддержано военной помощью со стороны США, а также возможностью установления экономической блокады и политической изоляции КНР. Поэтому на определенном этапе в советском подходе к отношениям с КНР возобладали скорее идеологические, чем геополитические факторы. Или, что будет точнее, идеологические факторы стали определять геополитический подход. В этом состояло еще одно различие между отношениями Китая с царской и Советской Россией. В данном случае также очевидно, что «новые» отношения не были в равной степени благоприятными для обеих сторон»⁶. А.В. Лукин также считает, что политику всесторонней помощи Китаю, а также передачу ему значительных прав и привилегий, за несколько лет до этого «вырванных у «классово чуждого» режима Чан Кайши», можно объяснить только марксистской идеологией И.В. Сталина, его видением китайского коммунистического движения в качестве классово близкого, так как, с точки зрения Кремля, если «уменьшение власти, контролируемой территории и имущества гоминьдановского режима имело смысл, ибо уменьшало силы контрреволюции, то в отношении коммунистического режима в Китае необходимо было проводить обратную политику»⁷.

В годы ухудшения советско-китайских отношений Мао Цзэдун, а за ним и китайские исследователи, выражали претензии в адрес договора 1950 г. и сопутствующих документов. Мао Цзэдун заявлял, что И.В. Сталин навязал Китаю «два горьких плода» — соглашения о смешанных обществах, а также дополнительное соглашение о запрещении деятельности иностранного капитала в Маньчжурии и Синьцзяне. Мао сравнивал эти соглашения с практикой неравноправных договоров, навязанных Китаю империалистическими державами в прошлом⁸. Китайские, а вслед за ними и некоторые западные исследователи, вторя этим обвинениям, утверждали, что «Советы добились пирровой победы — вынудили китайцев пойти на уступки, но упустили возможность создать прочный союз», и отмечали, что китайская сторона была обижена жесткой торговлей со стороны советских переговорщиков⁹.

В Китае же до последнего времени открыто объявляют договор 1950 г. «неравноправным» и говорят о том, что Москва пыталась навязать Пекину некоторые позиции, однако, в отличие от времен советско-китайских разногласий, признают его позитивную роль и необходимость на тот период. Такое мнение, например, в год 60-летия договора высказал известный китайский специалист по России, бывший посол КНР в РФ Ли Фэнлинь. Согласно этому автору, хотя «китайско-советский союз имел ключевое значение для укрепления власти в новом Китае и экономического развития страны, однако, если говорить с точки зрения положения опекаемого, в котором находился Китай, китайско-советские отношения были неравноправными, и китайско-советский договор тоже был неравноправным»¹⁰.

⁶ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимоотношений. М.: Муравей, 2004. С. 466.

⁷ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. С. 219–220.

⁸ Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 14.

⁹ Зиновьев Г.В. Указ. соч. С. 54–55. Сн. 84.

¹⁰ 李凤林 (Ли Фэнлинь): 中苏关系的历史与中俄关系的未来 (История китайско-советских отношений и будущее китайско-российских отношений // 沈志华主编: 《中苏关系史纲》 (1917–1991) (Основные моменты китайско-советских отношений, 1917–1991) / Под ред. Шэнь Чжихуа. 北京, 新华出版社, 2008, 第二页.

В одном из интервью он заявил: «В 1950 году из-за большой разницы в государственной мощи СССР относился к Китаю как к младшему брату. В этой связи я считаю, что по сути Договор о дружественном союзе и взаимной помощи между КНР и СССР является неравноправным договором». Он вновь сослался на смешанные общества, Далянь и Порт-Артур. Однако китайский специалист признает: «То, что в тогдашней международной обстановке Китай склонялся в сторону СССР, было неизбежным историческим выбором». «Вспоминая историю, нам необходимо осознавать, что в то время заключение Китаем и СССР Договора о военно-политическом союзе ... сыграло ключевую роль в сфере безопасности и государственного строительства Нового Китая», — считает Ли Фэн-линь¹¹. В опубликованной в 2009 г. статье сотрудника Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР Цзэн Цзинчжуна «Некоторые соображения о неравноправных подходах в дипломатии КПК в отношении СССР до и после образования Нового Китая» объясняется, что неравноправная позиция Коммунистической партии Китая (КПК), ее положение ученика по отношению к советским товарищам фактически были вызваны объективными обстоятельствами и желанием самих лидеров КПК¹². Это значительный отход от прошлых оценок, когда советские коммунисты обвинялись в намеренном неуважении к китайским коллегам и навязывании им своей точки зрения.

Большинство советских и российских исследователей выражает несогласие с подобной трактовкой. Так, согласно Г.В. Зиновьеву, «тезис о том, что СССР вынудил китайцев пойти на уступки, представляется весьма спорным», т.к. «простое сравнение соглашений 1945 и 1950 гг. совершенно ясно показывает, какая сторона сделала уступки». В целом, по мнению Г.В. Зиновьева, «корректнее было бы говорить не о неравноправном, а об асимметричном характере советско-китайских отношений, который объяснялся тем объективным обстоятельством, что Советский Союз намного превосходил КНР по государственной мощи и был основным и единственным на тот момент источником существенной экономической и политической поддержки Китая на международной арене. Вместе с тем, эта асимметричность не означала, что советско-китайское партнерство не отвечало интересам обеих сторон»¹³.

В 1956 и 1958 гг. были подписаны документы о строительстве в КНР 102 промышленных объектов. СССР согласился участвовать в становлении ядерной физики в Китае. Китайская сторона, в свою очередь, оказывала Советскому Союзу помощь в развитии ряда отраслей экономики, науки и техники. На долю советско-китайской торговли приходилось 20% внешнеторгового оборота СССР и около 50% — внешней торговли КНР¹⁴.

¹¹ От дружественного союза Китая и СССР до китайско-российского партнерства стратегического взаимодействия. 08.04.2009. http://russian.china.org.cn/international/archive/china-russian/txt/2009-04/08/content_17571995.htm.

¹² 曾景忠 (Цзэн Цзинчжун): «试论新中国成立前后中共对苏外交中的非对等关系» (Некоторые соображения о неравноправных подходах дипломатии КПК в отношении СССР до и после образования Нового Китая), 关贵海, 栾景河主编: 《中俄关系的历史与现实》 (第二辑) (История и современное состояние китайско-российских отношений. Ч. 2 / Под ред. Гуань Гуйхая и Луань Цзинхэ). 中国中俄关系史研究会编: 北京, 社会科学文献出版社, 2009, 第400页.

¹³ Зиновьев Г.В. Указ. соч. С. 54–55, 77–78.

¹⁴ Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики. М.: Политиздат, 1979. С. 89–95.

**ЛИ Фэнлинь 李凤林 (р. 1935) —
китайский дипломат,
специалист по российско-китайским отношениям**

Родился 11 ноября 1935 г. в административном центре провинции Цзилинь городе Чанчунь. В 1953 г. окончил Харбинский институт иностранных языков, два года преподавал в нем, затем был направлен в аспирантуру МГУ имени М.В. Ломоносова. Защитил диссертацию на тему:



«Отыменные глаголы в русском литературном языке XVII века», научный руководитель — выдающийся лингвист П.С. Кузнецов. С 1958 г. — на дипломатической работе. В 1958–1963 гг. — переводчик в посольстве КНР в СССР. С 1964 г. в качестве переводчика участвовал в первом раунде российско-китайских переговоров о границе в Пекине. В 1967 г. направлен на работу в посольство КНР в СССР. В 1969–1974 гг. участвовал в пограничных переговорах в Москве в качестве члена китайской делегации. В 1974–1975 гг. — работал

бригадиром овощеводческой бригады в школе кадров на северной окраине Пекина. В 1975 г. вновь направлен на работу в посольство в Москву в ранге второго секретаря, работал секретарем и переводчиком посла. В 1979 г. был советником китайской делегации на советско-китайских политических консультациях. В 1981–1984 гг. — директор канцелярии по китайско-советским переговорам, в 1985–1988 гг. — советник, советник-посланник посольства КНР в СССР в ранге посла. В 1988–1991 гг. — посол КНР в Болгарии, в 1991–1995 гг. — посол в Румынии (и по совместительству — в Молдавии). В 1995–1998 гг. — посол КНР в России. В 1998–2003 гг. — член НПКСК 9-го созыва. С 2003 г. — директор Института социального развития Евразии Центра изучения развития при Госсовете КНР. С 2008 г. — член комиссии МИД КНР по выработке внешнеполитического курса. Почетный член Союза писателей России. Блестяще владеет русским языком, является ведущим китайским экспертом по России и Центральной Азии. Проводя по должности официальную линию КНР, всегда проявлял искренний интерес к России, ее жизни и культуре и уважение к ним.

В целом в 1950-х годах Советский Союз помог КНР в сооружении свыше 250 крупных промышленных предприятий и других объектов, предоставил льготные кредиты почти на 2 млрд руб. СССР внес вклад в создание авиационной, радиоэлектронной, автомобильной и других ключевых отраслей промышленности. В Китае работало свыше 10 тыс. советских специалистов в различных областях экономики, образования и культуры (не считая военных), в СССР получили дипломы о высшем образовании более 11 тыс. китайцев и еще около трех тысяч специалистов и ученых прошли производственную практику. СССР предоставил Китаю 11 льготных долгосрочных кредитов на сумму около 2 млрд инвалютных рублей¹⁵.

В Пекине поддерживали все внешнеполитические шаги Кремля, выражали солидарность с советским руководством в критические моменты, в частности,

¹⁵ Рахманин О.Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. С. 65–67.

во время венгерских и польских событий 1956 г. Обе стороны выступали с одинаковых позиций по основным проблемам современности, региональным конфликтам, заявляли о своей решимости совместно противостоять «провокациям империалистических сил»¹⁶. В 1954 г. Китай, Индия и Бирма выдвинули пять принципов мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами.

Состоявшийся в сентябре 1956 г. VIII съезд КПК подтвердил незыблемость внешнеполитического курса страны. Принятые на нем решения шли в том же направлении, что и решения XX съезда КПСС. В резолюции китайского съезда подчеркивалось, что ввиду роста сил социалистических стран и социалистического движения, движения за национальную независимость и сил, борющихся за мир, а также углубления внутренних противоречий капитализма «международная обстановка развивается в сторону смягчения и появляется возможность установления прочного мира во всем мире». В качестве основной внешнеполитической задачи провозглашалась необходимость «продолжать укреплять и усиливать вечную нерушимую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии»¹⁷. Также из устава партии была изъята формулировка об идейно-теоретических основах партии, принятая в 1945 г. VII съездом КПК, в материалах которого говорилось, что КПК руководствуется во всей своей работе идеями Мао Цзэдуна.¹⁸

В 1957 г., в условиях идеологической либерализации в КНР, проходившей в рамках кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», правые элементы выступили с нападками на Советский Союз, выдвинули территориальные претензии. Но антисоветские акции были подавлены, китайское руководство осудило их как контрреволюционные. Вновь и вновь подчеркивалось, что КНР всегда будет идти в едином строю с Советским Союзом.

Сотрудничество между СССР и КНР в 1950-е годы отличалось динамизмом, масштабностью, глубиной. Китайские руководители не раз публично говорили о положительной роли Советского Союза в деле социалистического строительства в КНР. Позднее, во время советско-китайских разногласий в 1960–1970-е годы советская помощь или не упоминалась, или интерпретировалась предвзято. Но по мере улучшения отношений в 1980-х годах в КНР вернулись к первоначальным позитивным оценкам сотрудничества двух стран. Так, в мемуарах политических деятелей и дипломатов, причастных к отношениям КНР с СССР в 1950-х годах, неизменно подчеркивалось, что в целом советское руководство относилось к Мао Цзэду и другим китайским товарищам «уважительно и любезно», «забота о Китае и его поддержка были искренними», «точки зрения обеих сторон по важнейшим вопросам в основном были едиными, самые различные политические установки Сталина всегда встречали согласие и отнюдь не возникали какие-либо принципиальные разногласия»¹⁹.

Вместе с тем в советско-китайских отношениях сохранялось немало проблем, многие из которых уходили своими корнями в коминтерновский период. К ним добавлялись новые, возникшие уже после образования КНР. Непросто прошел визит Мао Цзэдуна в СССР в декабре 1949 — феврале 1950 г. По свидетельству очевидцев,

¹⁶ Совместная советско-китайская декларация. 18.01.1957. «Правда». 19 января 1957 г.

¹⁷ Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. М.: Политиздат, 1956. С. 482.

¹⁸ См. Усов В.Н. История КНР (1949–1965). М.: Восток-запад, 2006. С.141–142.

¹⁹ 伍修权 (У Сюцюань): «外交部的八年» (Восемь лет в министерстве иностранных дел). «世界知识» 1983第17期, 第11–12页.

Мао ехал в Москву с волнением и некоторой опаской. Он не был уверен, что прием будет достаточно почетным, а главное, что удастся подписать крупные и нужные КНР политические и экономические документы. Документы в конце концов были подписаны, и поездка в целом прошла для Мао успешно. Тем не менее не все в ходе приема могло понравиться китайскому лидеру. И.В. Сталин с подозрением относился к Мао Цзэдуну, не считая его настоящим марксистом. Он долгое время не принимал гостя и не подпускал к нему других членов руководства. Расстроенный Мао пришел в отчаяние и заявил, что немедленно уезжает домой²⁰. И.В. Сталин согласился на встречи, но они оказались краткими и сухими. Как отмечал видный советский дипломат А.А. Громыко, два лидера не смогли установить между собой необходимый контакт, чувствовалось, что они «не притерлись», им «не хватало сердечности»²¹.

**Николай Трофимович ФЕДОРЕНКО (1912–2000) —
советский дипломат, востоковед, литератор**

Родился в 1912 г. в Пятигорске в семье рабочего. В 1937 г. окончил китайское отделение Московского института востоковедения имени Н.Н. Нариманова. В 1937–



1939 гг. — аспирант того же института. В 30-е годы арестовывался по подозрению в антисоветской агитации и пропаганде, но был освобожден. Защитил кандидатскую диссертацию по творчеству писателя Лу Синя. В 1939–1946 гг. — сотрудник НКВД (МИД) СССР. В 1943 г. защитил докторскую диссертацию (тема: «Историческая достоверность Цюй Юаня и его творчества»). В 1946–1948 гг. — советник посольства СССР в Китае. В 1948–1949 гг. — заведующий 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР. В 1949–1952 гг. — советник посольства СССР в КНР по культуре. В 1952–1953 гг. — заведующий 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР. В 1953–1955 гг. — заведующий Отделом стран Дальнего Востока МИД СССР. В 1955–1958 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. В 1958 г. — 13 июля 1962 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Японии. В 1962–1968 гг. — постоян-

ный представитель СССР при ООН, с 1963 по 1968 г. — представитель СССР в Совете Безопасности ООН. В 1968–1988 гг. — на научной работе в Институте востоковедения Академии наук СССР. В 1970–1988 гг. — главный редактор журнала «Иностранная литература». В 1971 г. избран секретарем правления Союза писателей СССР. В 1988–2000 гг. — советник при дирекции Института востоковедения Академии наук СССР (с 1991 г. — РАН). Чрезвычайный и Полномочный посол СССР (1954). Член Центральной ревизионной комиссии КПСС в 1966–1971. Член-корреспондент АН СССР (1958). Профессор (1953). Почетный член Института китаеведения (Токио) (1961). Почетный член Academia del Arti Diseno (Флорентийской академии искусств) (Италия) (1975). Профессор Иллинойского университета (США) (1972). Член Американской академии политических и социальных наук. Автор многих работ по культуре и литературе Китая.

²⁰ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.) М.: Московские новости, 1999. Кн. 3. С. 32–33.

²¹ Громыко А.А. Памятное. М.: Политиздат, 1988. Кн. 2. С. 128–129.

Атмосферу ухудшали инциденты, обусловленные культурными различиями двух народов. Гостей, например, пригласили на балет «Красный мак», в котором, с их точки зрения, Китай и китайцы были показаны в извращенном, оскорбительном виде²². Обиды возникали и в дальнейшем, причем прежде всего из-за пресловутого типа отношений «старший-младший», который сложился не без участия самого Мао Цзэдуна, ведь это он стал первым называть СССР «старшим братом» КНР.

Нельзя сказать, что Кремлю полностью изменило чувство такта. Издавались даже инструкции, в которых говорилось о необходимости уважать национальные чувства китайцев, не командовать, учитывать исторический опыт (агрессивную политику царской России в отношении цинского Китая) и т.д. Да и И.В. Сталин подчеркивал, что китайские коммунисты должны быть полностью самостоятельными, что ни о каком управлении Пекином из Москвы не может идти и речи. Он постоянно говорил о великом значении революции в Китае, о широчайших перспективах КПК, об огромной роли КНР в мировых делах. Восхвалял Сталин и самого Мао Цзэдуна, и других китайских руководителей.

На практике, однако, не все получалось гладко. Отдельные советские советники пытались осуществлять в Китае диктат, настаивали на выполнении своих указаний и жаловались И.В. Сталину на случаи «непослушания» с китайской стороны. Они требовали ускорить аграрную реформу, надавить на буржуазию, прекратить уравниловку, очистить партию от «дурных» элементов, подвергали критике даже членов руководства КНР. Из китайцев постоянно вытягивали выражения благодарности за помощь, признание решающей роли СССР в становлении мирового социализма, в победе во Второй мировой войне. Заслуги же самих китайцев в войне принижались.

Во второй половине 1950-х годов в руководстве КПК в тот период шла серьезная борьба по вопросу дальнейшего развития страны. Курс на «новодемократическую революцию», то есть на сохранение некоторых элементов демократии и частной собственности на довольно длительный переходный период к социализму, в 1940-е годы был принят КПК не просто в пропагандистских целях. У него было много искренних сторонников. Такие лидеры КПК, как Лю Шаоци, Бо Ибо, Дэн Сяопин выступали за сохранение значительного частного сектора в течение длительного времени, однако они проиграли борьбу своим левацки настроенным оппонентам — Мао Цзэдуну, Гао Гану и другим выступавшим за немедленное огосударствление всей политической и экономической жизни для осуществления рывка в светлое будущее²³. Рекомендации советских специалистов, выступавших против поспешности, за соблюдение экономических законов и производственных норм, естественно, рассматривались как поддержка позиции «умеренных» в китайском руководстве.

Были в КПК и сторонники политической составляющей курса на «новую демократию», то есть на большую, чем при Гоминьдане, политическую свободу. Так же как и в сфере экономики, они получили неожиданную поддержку со стороны советского руководства и самого И.В. Сталина. Известно, что советский

²² Федоренко Н.Т. Ночные беседы (Переговоры о советско-китайском договоре) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В. Попов. М.: Политиздат, 1989. С. 135–148.

²³ Меликсетов А.В. «Новая демократия» и выбор Китая путей социально-экономического развития (1949–1953) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.

лидер, считая Китай слишком отсталым для быстрого перехода к социализму, еще в 1948 г. советовал правительству КПК считать «в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим». Он даже рекомендовал сохранить мелкое частное производство, не запрещать ни забастовок, чтобы не потерять доверия рабочих, ни некоммунистические партии, лишь объединив их в рамки единого фронта под руководством коммунистов, а некоторых их представителей ввести в правительство, объявив его коалиционным. После победы КПК И.В. Сталин не изменил своего мнения. Его собственноручные пометки на письменном докладе делегации ЦК КПК во главе с Лю Шаоци говорят о том, что советский лидер одобрял определение китайского режима как «народно-демократической диктатуры», которая, в отличие от «диктатуры пролетариата», должна включать в себя, кроме рабочих, также и крестьян, мелкую буржуазию и даже представителей организаций «либеральной буржуазии», желающих бороться против империализма, феодализма и бюрократического капитала²⁴. Поражение сторонников «Новой демократии» нанесло ущерб советско-китайским отношениям, так как поставило под вопрос рекомендации советских идеологов-марксистов и экономических советников.

**ГАО Ган 高岗(1905—1954) —
видный деятель Коммунистической партии Китая,
председатель Госплана КНР (1952—1954)**

Родился в уезде Хэншань провинции Шэньси. В 30-е годы — один из организаторов и руководителей советского движения в Северо-Западном Китае. В период анти-японской войны 1937—1945 гг. секретарь Северо-Западного Бюро ЦК КПК, председатель Политического консультативного комитета освобожденного района Шэньси — Ганьсу — Нинся. С 1941 г. участвовал в кампании по исправлению стиля (чжэнфэна). На VII съезде КПК (1945) был избран членом ЦК КПК, а на пленуме ЦК — членом Политбюро ЦК КПК. С 1945 г. на руководящей военной и партийной работе в Северо-Восточном Китае: политкомиссар и командующий Северо-Восточным военным округом, секретарь Северо-Восточного Бюро ЦК КПК, председатель народного правительства Северо-Восточного Китая. Летом 1949 г. прибыл в СССР в составе руководимой Лю Шаоци китайской делегации. Предлагал СССР увеличить численность советских войск в Даляне, ввести советский военно-морской флот в Циндао и сделать Маньчжурию семнадцатой республикой Советского Союза. В 1952 г. Гао Ган поддержал



планы Мао Цзэдуна по ускоренному переходу к социализму. В 1954 г. был обвинен в «антипартийной деятельности» и исключен из КПК. Признать обвинение отказался и, по официальной китайской версии, «покончил жизнь самоубийством».

²⁴ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937—1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 233—234. С. 56, 76 и 92—94.

Разногласия между Москвой и Пекином возникали и постепенно обострялись по целому ряду хозяйственных и других вопросов в двусторонних отношениях, в частности, вокруг соглашения о совместной эксплуатации КЧЖД вплоть до конца 1952 г. Китайские авторы позднее согласились, что в то время у КНР не было еще возможностей для самостоятельного управления этой дорогой, так что сотрудничество с СССР в данной области «приносило пользу». Тем не менее, как считают в Китае, Советский Союз должен был «безоговорочно передать свое суверенное право на железную дорогу», ибо Япония ранее уже выплатила стоимость дороги и выкупила права на нее²⁵.

В период советско-китайской полемики утверждалось, что СССР навязал Китаю свои военно-морские базы в Порт-Артуре и Дальнем. В 1980-е годы китайские исследователи стали признавать, что договор о базах был заключен, а затем продлен по просьбе китайского правительства из-за сложной международной обстановки: войны в Корее, отсутствия мирного договора с Японией и пр.

Советский Союз упрекали и в том, что в нарушение договоренности с руководством КПК из Маньчжурии было вывезено большое количество оборудования, машин, инвентаря, материальных ресурсов, даже предметов домашней обстановки из квартир японцев. Китайским же властям передавались лишь пустые помещения. Эти действия были квалифицированы в КНР как «проявление национального эгоизма»²⁶. Трения вызвало создание на китайской территории четырех смешанных предприятий. А.А. Громыко в мемуарах отмечал, что в переговорах о создании этих предприятий «появилась брешь»: китайская сторона внесла коррективы в свою первоначальную позицию, и дело выглядело так, что она «не желает сотрудничества». У советского руководства эта ситуация оставила неприятный осадок²⁷. По мнению Н.С. Хрущева, китайцев очень обидело предложение И.В. Сталина о создании компаний, как представлявшее собой посягательство на территорию КНР и ее независимость. Именно такая политика, считает Н.С. Хрущев, китайцев «обижала, оскорбляла и сеяла семена враждебности в отношениях с СССР», действия, направленные на создание смешанных обществ «вообще порождали антисоветские и антирусские настроения в новом Китае». Эти и другие случаи убедили Мао в том, что сталинская политика в отношении Китая имела много общего с империалистической политикой капиталистических стран²⁸.

Китайские авторы неоднократно называли упомянутые компании «советскими полуколониями» в КНР, сетовали, что партнеры из СССР не соблюдали принципа взаимной выгоды²⁹. Подчеркивалось, что Китаю пришлось «в полной мере ощутить великодержавный шовинизм и национальный эгоизм, существовавшие в СССР», во время переговоров в 1950 г. о соотношении курсов валют двух стран. Советская сторона, по мнению китайских авторов, «опираясь на свою силу, оказала давление... и фактически соотношение валют... было определено в условиях относительного неравноправия»³⁰.

²⁵ 伍修权 (У Сюцюань) «外交部的八年», 第11 页..

²⁶ 伍修权 (У Сюцюань) «外交部的八年», 第13页.

²⁷ Громыко А.А. Указ. соч. С. 130.

²⁸ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 33–34.

²⁹ 伍修权 (У Сюцюань) «外交部的八年», 第13页.

³⁰ 伍修权 (У Сюцюань) «外交部的八年», 第12页.

**Никита Сергеевич ХРУЩЕВ (1894–1971) —
советский государственный и партийный лидер**

Родился 15 апреля 1894 г. в селе Калиновка Курской губернии в семье шахтера. В 1908 г. стал учеником слесаря на машиностроительном и чугунолитейном заводе Э.Т. Боссе в Юзовке. С 1912 г. начал работать на шахте. В 1914 г. был взят на фронт.



В 1918 г. Н.С. Хрущев вступил в партию большевиков. Участвовал в Гражданской войне. В 1922 г. вернулся в Юзовку и стал работать на шахте и учиться на рабфаке Донецкого техникума. С 1924 г. на партийной работе в Донбассе и Киеве. С 1931 г. секретарь Бауманского, Краснопресненского райкомов партии в Москве. В 1932–1934 гг. второй секретарь МГК партии, в 1934–1935 гг. первый секретарь МГК и второй секретарь МК партии, в 1935–1938 гг. первый секретарь МК и МГК партии. В 1938 — марте 1947 гг. и декабре 1947–1949 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины, Киевского обкома и горкома партии, одновременно в 1944–1947 гг. Председатель СНК (Совета министров) Украинской ССР. Во время Великой Отечественной войны член военных советов ряда фронтов, генерал-лейтенант (1943). С 1949 г. секретарь ЦК ВКП(б) (КПСС), одновременно в 1949–1953 гг. первый

секретарь МК партии. В 1953–1964 гг. Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. Председатель Совмина СССР и с 1956 г. председатель Бюро ЦК КПСС по РСФСР. После смерти И.В. Сталина выдвинул широкую программу сотрудничества с КНР, выступал за всемерное расширение помощи и содействия социалистическому строительству. Посещал Китай в 1954 и 1958 гг., вел переговоры с китайским руководством о сотрудничестве. В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС выступил с докладом о культе личности И.В. Сталина, которого обвинил в организации репрессий. Критика И.В. Сталина и политика «мирного сосуществования» с «капиталистическими» странами вызвали несогласие в Пекине, в результате чего началась острая идеологическая полемика. В 1958 г. Н.С. Хрущев стал Председателем Совета Министров СССР. Провел ряд реформ, которые привели к ухудшению экономического положения СССР. В октябре 1964 г. пленум ЦК освободил Н.С. Хрущева от партийных и государственных должностей «по состоянию здоровья». Н.С. Хрущев умер в Москве 11 сентября 1971 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Советские кредиты Китаю в связи с войной в Корее позднее квалифицировались как обычная «торговля оружием», да и вся советская помощь расценивалась как «своекорыстная». В связи с этим в китайском руководстве возникло недовольство качеством той помощи, которую предоставлял Советский Союз. Разумеется, помощь не являлась идеальной — в СССР не было ни лучшей в мире техники, ни совершенных методов управления народным хозяйством. Изъяны сталинской модели социализма переносились с советской почвы на китайскую. Но помощь была большой, нелегкой для истерзанного войной советского народа, и, кроме того, никто другой не предлагал тогда Китаю чего-то более существенного.

Возник в те годы и вопрос о Монголии. Китайские руководители заговорили об «объединении Внешней и Внутренней Монголии в составе КНР». Из Москвы отвечали: судьба монгольского народа должна определяться не в Пекине и не в Москве, а в Улан-Баторе³¹. Сказывались и проблемы личного порядка. Некоторые из членов китайского руководства высказывали большее почтение И.В. Сталину, чем Мао Цзэду, что не могло не задевать последнего. И.В. Сталин, кстати, сам подливал масла в огонь, предоставляя Мао «компромат» на этих лиц. Как позднее вспоминал Н.С. Хрущев, в знак дружбы советский вождь передал материалы на Гао Гана, возглавлявшего революционную базу в Маньчжурии, а затем Северо-Восточное бюро ЦК КПК. Гао Ган пользовался полным доверием представителя ВКП(б) в Китае И.В. Ковалева и в беседах с советскими представителями критиковал Мао Цзэдуна и Лю Шаоци. Мао избавился от него сразу после смерти И.В. Сталина (так называемое «дело Гао Гана и Жао Шуши»)³².

**Иван Владимирович КОВАЛЕВ (1901–1993) —
государственный и военный деятель СССР,
главный советник при ЦК КПК (1948–1950)**

Родился в крестьянской семье, до 18 лет работал в хозяйстве отца. С 1919 по 1921 г. — в Красной Армии. В 1921–1922 гг. — курсант Воронежской военно-железнодорожной школы техников. После окончания служил в железнодорожных войсках. В 1930–1935 гг. — слушатель Военно-транспортной академии РККА. В 1935–1939 гг. — на различных должностях в железнодорожном хозяйстве. В 1939–1941 гг. — начальник Центрального военного отдела, член коллегии НКПС СССР. В 1941–1944 гг. — начальник Центрального управления военных сообщений РККА. В 1944–1948 гг. — нарком (министр) путей сообщения СССР. В 1948–1950 гг. — главный советник при ЦК КПК — руководитель советских военных специалистов в Китае. В 1950–1951 гг. — начальник Донецкого округа железных дорог. В 1951–1957 гг. — заместитель министра угольной промышленности СССР. В 1957–1960 гг. — старший научный сотрудник Военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. В 1960–1969 гг. — старший преподаватель Военной академии Генерального штаба. В 1969–1985 гг. — в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР. С 1985 г. — пенсионер Министерства обороны СССР. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.



³¹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 87.

³² Там же. С. 33–34. По официальной версии, Гао Ган покончил жизнь самоубийством.

Оценивая в целом сталинский период в советско-китайских отношениях, следует признать, что семена раздора были посеяны уже тогда. Равноправия в отношениях не было, и если Китай терпел подобную ситуацию, то только из-за своей слабости и изоляции со стороны Запада.

После ниспровержения Н.С. Хрущевым культа личности И.В. Сталина китайское правительство опубликовало 1 ноября 1956 г. заявление, в котором отмечалось, что политика СССР в области взаимоотношений между социалистическими странами отнюдь не была лишена ошибок. В Пекине с удовлетворением восприняли признание этого факта новым советским руководством³³. Мао Цзэдун заявил, что критика И.В. Сталина сняла с КПК большой груз, который мешал правильно понимать многие вопросы, и что теперь между СССР и КНР установились нормальные взаимоотношения доверия и откровенный обмен мнениями. Одобрил десталинизацию VIII съезд КПК (1956). Известны слова Мао о том, что он хотел бы написать книгу о преступлениях И.В. Сталина по отношению к китайской революции, но позволит опубликовать ее только через 10 тыс. лет после своей смерти.

Н.С. Хрущев сразу же попытался сделать отношения между двумя странами действительно равноправными. Он предложил ликвидировать базы в Порт-Артуре и Дальнем. Мао в ответ просил повременить, ссылаясь на американскую угрозу³⁴, но к середине 1955 г. это было сделано. Кроме того, КЧЖД перешла к КНР, смешанные компании были упразднены.

Почему Н.С. Хрущев передал Китаю фактически все права и привилегии, сохраненные И.В. Сталиным, даже несмотря на то, что, по словам самого Н.С. Хрущева, китайцы поначалу вовсе не настаивали на возвратах? Основываясь на воспоминаниях Н.С. Хрущева, А.В. Лукин отмечает, что новый советский лидер еще в большей степени, чем И.В. Сталин, был интернационалистом, а не сторонником имперской политики. Считая сталинский путь к коммунизму слишком медленным и бюрократическим, он верил, что совершенное общество будет построено к 1980 г., и даже включил это обещание в программу КПСС. Поэтому сталинская политика сдерживания слишком поспешной всеобщей национализации в Китае была отменена, забыто на первых порах было и недоверие. Новое советское руководство полностью поддержало китайскую политику ускоренных социалистических реформ³⁵.

Объясняя причины советской массовой помощи Китаю, а также передачи Пекину советской собственности, Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях в полном соответствии с коммунистическим подходом к миру говорит: «Я считал, что это полезно и нам, и Китаю. Мы рассматривали укрепление Китая как упрочение социалистического лагеря и обеспечение наших восточных границ. Тут интересы у нас с Китаем были общими, и мы относились к его просьбам, как к собственным нуждам, и шли навстречу настолько, насколько имели материальные возможности удовлетворить все просьбы...»³⁶ Мы затратили много сил и средств для приведения в надлежащий вид крепости Порт-Артур, заново вооружили ее и держали там довольно солидный гарнизон. Все это позднее мы передали Китаю. Кроме того, отказались от своих прав на Китайскую Восточную железную

³³ Заявление правительства Китайской Народной Республики о Декларации правительства Союза ССР от 30 октября 1956 г. // Правда. 2 ноября 1956 г.

³⁴ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 40.

³⁵ Лукин А.В. Указ. соч. С. 222.

³⁶ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 36.

дорогу в Маньчжурии. По-моему, такое решение было правильным: мы не хотели порождать конфликт, не хотели иметь собственности на территории другого социалистического государства. И мы покончили с этим вопросом, передав ее Китаю»³⁷.

Однако спустя некоторое время разоблачение культа личности И.В. Сталина было отвергнуто Мао Цзэдуном. Вскоре после VIII съезда КПК орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» выступила с двумя статьями — «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» и «Вновь об историческом опыте диктатуры пролетариата», в которых оценки КПСС в отношении И.В. Сталина были подвергнуты критике. Тон газеты стал приобретать все более жесткий характер. Китайского руководителя не устраивало то, что с ним предварительно не посоветовались, а главное — удар по И.В. Сталину ставил под угрозу складывавшийся культ самого Мао в КНР. В дальнейшем Мао Цзэдун не раз критиковал Н.С. Хрущева за десталинизацию.

Особое отношение к И.В. Сталину сохранялось в КНР и в дальнейшем. В Пекине подчеркивали, что «Сталин занимает свое место в истории» и что в Китае к нему подходят «принципиально, исторически, диалектически, объективно»³⁸. Китайские пропагандисты разъясняли, что сохраняет свою силу оценка И.В. Сталина, данная в свое время Мао Цзэдуном: в его деятельности 70% положительного, а 30% — ошибочного. Предлагалось не очернять деятельность И.В. Сталина, не обходить молчанием его вклад в дело социалистического строительства. Такая позиция включала многое — и дань традиции, и демонстрацию независимости и самостоятельности китайской политики, и опасение, что тотальная критика личности И.В. Сталина могла перекинуться на Мао Цзэдуна.

И все же в сложившихся стереотипах были пробиты бреши, которых постепенно становилось все больше. В китайском научном мире все чаще говорилось, что реформы Дэн Сяопина по сути представляют собой попытку отойти от сталинской концепции социализма. Она называлась причиной трудностей, с которыми столкнулся Китай на пути построения нового общества, превратившей марксизм в «метафизическую, застывшую модель». Сталинизм характеризовался как главный идеологический барьер при реализации реформенного курса. В прессе появлялись статьи, в которых содержались призывы принять новые советские оценки И.В. Сталина, с намеком на то, что настала пора по-настоящему разобраться и в деятельности Мао Цзэдуна.

И тем не менее еще до низвержения культа И.В. Сталина появились расхождения сторон по стратегическим вопросам. Занимавший в те годы должность посла КНР в Советском Союзе Лю Сяо неоднократно упоминал в мемуарах о таких расхождениях между министрами обороны Пэн Дэхуаем и Г.К. Жуковым. Они обозначались и в ходе переговоров Пэн Дэхуа с Н.С. Хрущевым в Москве в 1957 г. В Пекине считали, что существует серьезная опасность агрессии со стороны США, и просили увеличения военной помощи. Н.С. Хрущев настаивал на том, что империалисты не посмеют ее развязать из-за возросшей мощи СССР и всего Варшавского Договора, и ратовал за сокращение вооружений, в частности и Китаем³⁹. Дело здесь, как представляется, заключалось не только в неодинаковых оценках стратегической ситуации в мире, но и в нежелании КНР полностью зависеть в области обороны от советского потенциала, в стремлении создать собственный.

³⁷ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 40.

³⁸ Бюллетень Агентства «Синьхуа». 11 мая 1988 г.

³⁹ 刘晓: “出使苏联”. 第17页.

**ПЭН Дэхуай 彭德怀 (1898–1974) —
государственный и военный деятель КНР**

Пэн Дэхуай родился 24 октября 1898 г. в большой крестьянской семье в деревне Шисян уезда Сяньтань провинции Хунань. В 1923 г. закончил годичные офицерские курсы в Хунани, после чего в 1927 г. дослужился до командира полка. Принимал



участие в Северном походе, но после утверждения у власти Чан Кайши в 1928 г. разочаровался в Гоминьдане и вступил в КПК. Руководил важными операциями в ходе «Великого похода» сил КПК. В годы войны с Японией был заместителем командующего 8-й армией и исполняющим обязанности секретаря Северокитайского бюро ЦК КПК. После образования КНР в 1949 г. стал членом Центрального народного правительства, заместителем председателя Народно-революционного военного совета, первым секретарем Северо-Западного бюро ЦК КПК, председателем Военно-административного совета Северо-Западного Китая, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК. Во время Корейской войны командовал частями «китайских народных добровольцев», сражавшихся на корейском фронте. В 1954 г. назначен министром обороны КНР и заместителем премьера Госсовета КНР. В 1955 г. присвоено звание мар-

шала КНР. Провел реформу НОАК. В 1959 г. Пэн Дэхуай подал Мао Цзэду письмо с критикой политики «трех красных знамен», но она была признана неконструктивной. Был снят с поста министра обороны. Просил отправить его в деревню простым крестьянином, но в сентябре 1965 г. принял предложение Мао Цзэдуна возглавить строительство военных сооружений на юго-западе КНР. В декабре 1967 г. был схвачен в своем доме хунвэйбинами и посажен в тюрьму. Неоднократно подвергался издевательствам и пыткам. В 1974 г. с диагнозом рак лег в тюремный госпиталь, где умер 29 ноября 1975 г. Посмертно реабилитирован в 1978 г.

Конфликт

Сегодня специалисты придерживаются различных мнений относительно причин российско-китайского раскола и того, был ли он неизбежным. Группа китайских историков, близких к руководству страны, во главе с тогдашним президентом Академии общественных наук Ху Шэном сформулировала свою позицию в начале 90-х годов XX в.: «Конфликты и противоречия между Китаем и СССР затрагивают два аспекта. Одним из них были идейные разногласия. Наметились острые расхождения в позициях двух партий по вопросам международной обстановки, стратегии и тактики международного коммунистического движения, внешней и внутренней политики каждой из сторон. Другой аспект состоял в том, что тогдашнее руководство КПСС по-прежнему стремилось диктовать свою волю и требовало

от КПК подчинения его указаниям, пытались поставить Китай под свой контроль и привязать его в военном и дипломатическом отношении к собственной стратегии “советско-американского сотрудничества в целях достижения мирового господства”⁴⁰. По сути, здесь сказано о двух реальных причинах: нежелании Пекина подчиняться идеологическому диктату и в значительной степени геополитическим опасениям советско-американского сближения за счет интересов КНР.

**Олег Борисович РАХМАНИН (1924–2010) —
советский дипломат и партийный деятель**

О.Б. Рахманин родился в 1924 г. в городе Дмитров Московской области. В 1939–1943 гг. был курсантом 1-й Московской специальной артиллерийской школы, затем 1-го Томского артиллерийского училища. В 1943–1944 гг. воевал на фронтах Великой отечественной войны. Демобилизован после ранения и направлен на работу в Министерство иностранных дел СССР. После учебы и прохождения дипломатической практики в 1946–1949 гг. работал в Генеральных консульствах СССР в китайских городах Чанчуне и Харбине. В 1951–1958 гг. работал в Посольстве СССР в КНР, одновременно обучаясь в специальной школе китаеведения и на факультете истории международных отношений Народного университета в Пекине. Участвовал в переговорах на высшем уровне, в том числе с партийными и государственными руководителями КНР — Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и другими. В 1958–1960 гг. учился в Высшей дипломатической школе МИД СССР, затем работал советником советского посольства в Китае. В 1968–1986 гг. — Первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, в эти годы оказывал значительное влияние на выработку советской политики в отношении КНР. Занимал должности Председателя Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР и Заместителя председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР. Доктор исторических наук (1975), профессор (1977). В 1985 г. О.Б. Рахманину был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. После советско-китайского раскола принимал активное участие в кампании «критики маоизма». С начала реформ Дэн Сяопина осуждал их как «правамаоистские», ведущие к реставрации капитализма. Из-за разногласий с руководством М.С. Горбачева в оценках реформ в Китае и Восточной Европе потерял должность. С 1987 г. на научной работе в Институте военной истории Министерства обороны СССР. После распада СССР поменял свое мнение относительно китайских реформ, положительно оценивал роль Дэн Сяопина и его политики как обеспечившей экономическое и политическое развитие Китая в рамках социализма. Автор многих книг и статей о Китае и российско-китайских отношениях. В советское время публиковался под псевдонимами О.Б. Борисов, О. Владимиров, О. Иванов.



⁴⁰ Ху Шэн. Краткая история КПК (1921–1991). Пекин, 1993. С. 1043. Китайское издание: 胡绳：“中国共产党的七十年”，北京，中共党史出版社，1991年 第402页。

В российском Китаеведении высказывались самые различные мнения. Исследователи, сохранившие симпатии к коммунистической идеологии, чаще всего говорят о роли отдельных лидеров, которые из-за качеств характера и личных амбиций не смогли договориться, и отмечают несговорчивость советской стороны. Так, О.Б. Рахманин, по сути, сводит все к субъективным и случайным факторам. По его мнению, «возникновение советско-китайских разногласий не было фатально неизбежным. Они приобрели драматический характер из-за того, что вопросы и проблемы, действительно появляющиеся в двусторонних отношениях, не находили своевременного и умелого решения, для чего имелись необходимые предпосылки. Большую роль сыграл субъективный фактор»⁴¹. Подобные мысли высказывал и М.С. Капица⁴².

**Михаил Степанович КАПИЦА (1921–1995) —
советский дипломат и китаевед**

М.С. Капица родился в 1921 г. в селе Юрковцы Хмельницкой области УССР. В 1941 г. окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков. В 1943–1947 гг. работал 3-м, 2-м, 1-м секретарем посольства СССР в Китае. В 1947 г. вступил в ВКП(б). В 1948 г. окончил Высшую дипломатическую школу МИД СССР. В 1947–1950 гг. работал в центральном аппарате МИД СССР. В 1950–1952 гг. — советник посольства СССР в Китае. В 1954–1956 гг. — советник-эксперт Дальневосточного отдела МИД СССР. В 1956–1960 гг. — заместитель заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР. Одновременно преподавал, затем заведовал кафедрой в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР. В 1960–1961 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Пакистане. В 1966–1970 гг. — заведующий Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР. В 1970–1982 гг. — заведующий I Дальневосточным



отделом МИД СССР. Одновременно с 1962 по 1987 г. заведовал кафедрой Истории Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1982–1987 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. В 1986–1987 гг. — председатель Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. С 1987 г. — на научной работе. В 1987–1994 гг. — директор Института востоковедения Академии наук СССР, затем Российской академии наук. В 1989–1995 гг. — главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня». Народный депутат СССР в 1989–1991 гг. Доктор исторических наук (1958), профессор (1960), член-корреспондент Академии наук СССР (1987). Автор многочисленных трудов о Китае и советско-китайских отношениях. Писал под собственным именем и псевдонимами. В работах отражал официальную линию советского руководства, однако во второй половине 80-х годов продолжал критиковать реформы Дэн Сяопина как антисоциалистические.

⁴¹ Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 26.

⁴² Федотов В.П. Советско-китайские отношения: взгляд со стороны // Проблемы национальной стратегии. 2009. № 1. С. 193.

Согласно другому популярному объяснению, до сих пор широко распространенному в работах зарубежных, в основном американских, исследователей, конфликт считается чисто идеологическим. Так, в вышедшем в 2008 г. обширном труде Л. Люти он рассматривается как идеологическая борьба между «революционным сталинизмом» Мао Цзэдуна и «бюрократическим сталинизмом» самого И.В. Сталина⁴³. Согласен с мнением об основной роли идеологии в нарастании конфликта и современный китайский автор Шэнь Чжихуа. Он пишет: «Если смотреть в корень, Китай и СССР находились в то время на разных этапах общественного развития. СССР уже подключился к послевоенной международной системе, и даже участвовал в ее создании, а Китай только что был из нее исключен. Советская партия была уже зрелой правящей партией, а китайская — только пробовала политическую власть и еще не освободилась от сознания революционной партии. Из-за этой временной разницы Мао Цзэдун и Хрушев совершенно по-разному понимали международную обстановку и тенденции ее развития, и определенные ими пути и направления развития были в корне противоположными. СССР требовал смягчения, а Китай создавал напряженность, СССР желал мирного окружения, а Китай возбуждал революционные настроения, и эти различия прямо влияли на понимание того, как строить социализм и как вести социалистический лагерь на борьбу с миром капитализма. Кроме того, важнейшее воплощение права руководить международным коммунистическим движением — истинность идеологии, потому что согласно коммунистическим принципам, только партия, высоко несущая знамя марксизма-ленинизма и вооруженная истинной идеологией, достойна этого права. Поэтому китайско-советские разногласия по конкретным вопросам внутренней и внешней политики возвышались до уровня идейно-политической борьбы. В борьбе за обычные интересы можно пойти на уступки, на компромисс, потому что есть еще большие, коренные интересы. Но борьба за право лидерства заключается не в выяснении того, кто сильнее или какие интересы выше, а в том, чей идейно-политический курс является более верным, поэтому здесь в принципе невозможно взаимное сближение позиций. По сути, дело заключалось не в том, что Китай и СССР не понимали единства своих коренных интересов, на уровне намерений никто из братьев не хотел расставаться, но вопрос заключался в том, кто будет хозяином в семье. Марксизм и ревизионизм несовместимы, ленинизм и догматизм противоположны, как вода и огонь, поэтому китайско-российский союз не мог не закончиться разрывом»⁴⁴.

Подобные объяснения в последнее время в России подвергаются критике. Большинство авторов пытаются увидеть за идеологией национальные интересы двух стран и внутрисполитические факторы. Так, по мнению известного советского дипломата-китаевода Б.Н. Верещагина, «вряд ли можно объяснять причины трагического двадцатипятилетнего разрыва отношений между двумя великими соседними государствами, никогда в истории не воевавшими, исключительно идеологическими аргументами. Суть дела скорее в том, что лидеры СССР и КНР начали по-разному подходить к пониманию национальных интересов своей

⁴³ Lüthi Lorenz M. The Sino-Soviet Split. Cold War in the Communist World. Princeton: Princeton University Press, 2008.

⁴⁴ 沈志华 主编:《中苏关系史纲》(1917—1991)(Основные моменты китайско-советских отношений, 1917-1991). Под ред. Шэнь Чжихуа. 北京, 新华出版社, 2008, 第475页.

страны и страны-партнера, что в конечном счете приводило к выдвиганию друг против друга обвинений в национализме и гегемонизме»⁴⁵.

В фундаментальной работе «Советско-китайский раскол: причины и последствия» Б.Т. Кулик последовательно отвергает ряд популярных объяснений как малообоснованные: 1) отсутствие реальной дружбы между СССР и КНР, за которую якобы выдавалась пустая риторика; 2) претензии Мао Цзэдуна на главенство в социалистическом содружестве и международном коммунистическом движении; 3) стремление Мао Цзэдуна добиться более независимой позиции в двусторонних отношениях с СССР, поменяться местами с Советским Союзом, заняв место «старшего брата»; 4) стремление Хрущева к командным высотам в социалистическом лагере и международном коммунистическом движении. Не поддерживает он и теорию об идеологической основе конфликта. Считая маоцзэдуновский Китай моделью истинного социализма, Б.Т. Кулик приходит к выводу, что «советско-китайский раздор представляет собой порождение и отражение двух внутренних процессов, получивших развитие в наших странах, — процесса борьбы с опасностью капиталистической реставрации в КНР и процесса нарастания и углубления антисоциалистических тенденций в СССР»⁴⁶.

Политологи, работающие в более современной традиции, не отрицая субъективного фактора, говорят о комплексе причин объективного характера. Согласно Г.В. Зиновьеву, «именно “большой скачок” стал глубинным фактором, обусловившим советско-китайский раскол. Конечно, есть целый комплекс причин и конкретных обстоятельств, приведших к расколу. Вместе с тем, решение Мао Цзэдуна выбрать собственный путь социалистического строительства без оглядки на СССР предопределяло, что расхождения с СССР не удастся избежать. Успех новой политики означал бы претензию Мао на роль следующего за Сталиным лидера социалистического лагеря, попытку разжаловать Москву из «старших» в «младшие братья» (весь жизненный опыт китайского лидера утверждал, что он может победить любого соперника, каким бы сильным он ни казался). Однако и неудача «большого скачка» не могла благотворно повлиять на советско-китайские отношения, поскольку китайский лидер решил компенсировать собственный просчет обострением противоречий с Москвой»⁴⁷.

А.Д. Воскресенский, ссылаясь на ряд американских авторов, заключает, что «в обеих странах общественные и государственные интересы опять вступили в конфликт, но на этот раз ситуацию усугубляли не только различные (в основном геополитические) факторы, но и ядерный фактор и идеологические разногласия»⁴⁸. Он также подчеркивает роль отхода руководства Н.С. Хрущева от сталинской идеологической модели и отмечает личностный фактор: «Развивая советско-китайские отношения, Хрущев и Мао руководствовались рядом сходных идеологических установок. В то же время Хрущев стал отступать от многих идей, разделяемых коммунистическими лидерами, — это отступление объяснялось внутренними факторами СССР, которые в свою очередь оказывали косвенное влияние на внутренние факторы (например, на политическую борьбу) в КНР. Все это не могло игнорироваться китайским руководством. Хрущев лично

⁴⁵ *Верещагин Б.Н.* В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999. С. 144.

⁴⁶ *Кулик Б.Т.* Указ. соч. С. 23–51, 607.

⁴⁷ *Зиновьев Г.В.* Указ. соч. С. 5–6.

⁴⁸ *Воскресенский А.Д.* Указ. соч. С. 475

способствовал ревизии советской официальной концепции «соотношения между войной и миром» — было признано возможным избежать войны между СССР и Западом, и концепция «мирного сосуществования» возобладала над идеями о неизбежности войны между социализмом и капитализмом»⁴⁹.

По нашему мнению, советско-китайский конфликт возник по целому ряду причин. Начавшись как личная неприязнь, постепенно разногласия между Н.С. Хрущевым и Мао Цзэдуном, СССР и КНР распространялись на все новые сферы, вызывая трения и столкновения. Можно выделить шесть крупных конфликтных сфер советско-китайских отношений.

1) Оценки современной эпохи.

После смерти И.В. Сталина остро встали многие важные вопросы. Как понимать нашу эпоху? Как относиться к империалистическим странам? Как рассматривать проблему войны и мира? Как подходить к национально-освободительному движению? Каковы пути перехода к социализму в развитых капиталистических странах?

Советское руководство дало свое понимание ситуации на XX съезде КПСС. Основные теоретические изменения, принятые съездом, сводились к следующему. Во-первых, в Москве посчитали, что новой мировой войны, о неизбежности которой ранее писали все коммунистические теоретики, теперь можно избежать. По этому поводу в резолюции съезда содержалась следующая аргументация: «В современных международных условиях создались реальные возможности для того, чтобы не дать агрессивным силам империализма бросить народы в новые войны, которые при нынешнем уровне военной техники принесли бы народам неисчислимые бедствия и разрушения. Ныне на земном шаре существует не только капиталистическая система. Имеется могучий миролюбивый социалистический лагерь, в лице которого миролюбивые силы имеют не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии. Кроме того, имеется большая группа других государств с населением, насчитывающим сотни миллионов человек, государств, активно выступающих против войны. Есть мощное всенародное движение сторонников мира. Огромной силой стало рабочее движение в капиталистических странах. В этих условиях, конечно, остается в силе ленинское положение, что, поскольку существует империализм, сохраняется и экономическая основа для возникновения войн. Вот почему нам нужно соблюдать величайшую бдительность. Пока на земном шаре остается капитализм, реакционные силы, представляющие интересы капиталистических монополий, будут и впредь стремиться к военным авантюрам и агрессии, могут пытаться развязать войну. Но фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать, — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы. Для этого надо, чтобы все силы, выступающие против войны, были бдительными и мобилизованными, чтобы они действовали единым фронтом и не ослабляли

⁴⁹ Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 474—475

своей борьбы за сохранение и упрочение мира»⁵⁰. Во-вторых, съезд решил, что «в связи с глубокими историческими изменениями на международной арене в пользу социализма открываются новые перспективы в деле перехода стран от капитализма к социализму», то есть для социалистического государства власть Советов провозглашалась лишь одной из возможных форм, и, что было особенно важно для Пекина, признавалось, что переход к социализму может быть мирным и не обязательно должен быть связан с гражданской войной. В резолюции отмечалось: «Ныне наряду с советской формой переустройства общества на социалистических началах имеется форма народной демократии. <...> Много своеобразие в формы социалистического строительства вносит Китайская Народная Республика, экономика которой до победы революции была крайне отсталой и носила полуфеодальный и полуколониальный характер. <...> Вполне закономерно, что формы перехода стран к социализму в дальнейшем будут все более разнообразными. При этом не обязательно, что осуществление форм перехода к социализму при всех условиях будет связано с гражданской войной. <...> В ряде капиталистических стран рабочий класс, возглавляемый его передовой частью, имеет в современных условиях реальную возможность объединить под своим руководством подавляющее большинство народа и обеспечить переход основных средств производства в руки народа. <...> В этих условиях рабочий класс, объединяя вокруг себя трудящееся крестьянство, широкие круги интеллигенции, все патриотические силы <...> имеет возможность завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли»⁵¹. Кроме того, в знаменитом секретном докладе Н.С. Хрущева на съезде был подвергнут критике «культ личности» И.В. Сталина, впервые было официально рассказано о жестоких репрессиях и терроре, царивших в годы его правления.

Первоначально в Китае одобрили советские оценки. Это было, в частности, сделано на VIII съезде КПК. Однако на самом деле Мао Цзэдун не принял советский анализ современной эпохи. По мнению некоторых китайских историков, решения XX съезда явились «прямой причиной» полемики между КПСС и КПК. Как отмечал А.А. Громыко, уже в 1957–1959 гг. «большая дистанция» разделяла взгляды советских и китайских руководителей. Разногласия проявлялись в подходе к опасности ядерного конфликта, к линии поведения социалистических стран в отношении империалистического лагеря⁵². Москва ратовала за мирное сосуществование, устранение угрозы термоядерного конфликта, Пекин предлагал ориентироваться на революционную войну, «попробовать силы, а потом вернуться к строительству». При этом Мао Цзэдун уверял, что не следует бояться больших жертв. Выступая на Первом международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г., он заявил: «Можно ли предположить, какое количество жертв может вызвать будущая война? Возможно, это будет одна

⁵⁰ Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу Центрального комитета КПСС // Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза 14–25 февраля 1956 года. М.: Госполитиздат, 1956. С. 9–10.

⁵¹ Там же. С. 10–11.

⁵² Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 133–134.

треть из 2700 миллионов населения всего мира, то есть лишь 900 миллионов человек. Я считаю, еще мало, если действительно будут сброшены атомные бомбы... если половина человечества будет полностью уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен и во всем мире будет только социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше чем наполовину»⁵³.

Н.С. Хрущев упоминал в мемуарах, что Мао был против его идеи об одновременном роспуске НАТО и Варшавского Договора, предлагая в случае агрессии против СССР отступить до Уральских гор, после чего к войне подключились бы китайцы. Согласно советскому лидеру, Мао говорил ему, что «если состоится нападение на Советский Союз, то я рекомендовал бы вам не давать отпора... вы постепенно отходите, отступайте год, два, три, растягивайте коммуникации противника и тем самым будете ослаблять его. Потом мы общими силами набросимся на него и разобьем»⁵⁴.

Представления Мао о войне, стратегии казались Н.С. Хрущеву «детским лепетом», и он спорил с китайским лидером. В ходе визита в КНР в 1959 г. советско-китайские разногласия по вопросам мирного сосуществования приняли весьма острый характер⁵⁵.

По мере ухудшения двусторонних отношений Мао Цзэдун все более открыто и настойчиво выступал против принципа мирного сосуществования, утверждал, что мировая война неотвратима. В апреле 1960 г. в центральной китайской печати была опубликована серия статей, в которых давалась развернутая критика советских позиций. Основным противоречием эпохи называлось противоречие между национально-освободительным движением и империализмом (а не между социалистической и капиталистической системами, как считало руководство КПСС). Борьба за предотвращение войны интерпретировалась как помеха революционному движению народов. Подчеркивалось, что пока существует империализм, мировая война неизбежна⁵⁶. В Пекине начали провозглашать особое значение идей Мао Цзэдуна, ведущую роль КНР в мировом революционном и освободительном процессе. Был выдвинут лозунг «ветер с Востока дует над ветром с Запада» и положение о том, что центр мировой революции сдвигается в восточном направлении.

2) Подход к США.

Руководство Н.С. Хрущева активно добивалось разрядки напряженности в отношениях с США. В Китае негативно реагировали на эти усилия, любое потепление советско-американских отношений воспринималось Пекином как возобновление «раздела мира», обозначившегося якобы еще на Ялтинской конференции. Китайские руководители неформально выразили недовольство поездкой Н.С. Хрущева в США в 1959 г. (хотя публично и одобрили ее)⁵⁷. Они настаивали на том, что напряженность на международной

⁵³ Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. М., 1975. С. 94.

⁵⁴ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 79.

⁵⁵ Там же. С. 76–77.

⁵⁶ Да здравствует ленинизм! Пекин, 1960. С. 23.

⁵⁷ *Капица М.С.* Указ. соч. С. 172.

арене выгодна социализму и невыгодна империализму, что народ надо готовить к войне.

С этих позиций в 1958 г. Мао Цзэдун спровоцировал обострение ситуации в Тайваньском проливе⁵⁸. Действия КНР вызвали яростную критику со стороны Н.С. Хрущева⁵⁹. Г.В. Зиновьев считает: «Кризис в Тайваньском проливе имел серьезные последствия для взаимодействия в треугольнике США—КНР—СССР. Он углубил опасения Н.С. Хрущева, что Пекин, которому он обещал предоставить атомную бомбу, хочет подорвать его политику мирного сосуществования и втянуть СССР в ядерный конфликт с США. В Москве осознали, что Мао Цзэдун, открыто высмеивавший страх перед атомной войной, способен ее спровоцировать нападением на Тайвань, который имел союзнический договор с США, как и Китай с СССР»⁶⁰.

3) Взаимоотношения в рамках международного коммунистического движения.

В Пекине проявляли все меньшую склонность оставаться в роли «младшего брата». Так, возражая против выводов XX съезда КПСС относительно современной эпохи, китайские руководители критиковали не только суть советской позиции. Недовольство высказывалось и в связи с тем, что Москва выдала свои взгляды за «общую программу» коммунистических и рабочих партий, за «ленинский курс международного коммунистического движения нашего времени», не проконсультировавшись с коммунистическими партиями других стран. В Пекине выступили против «деспотичного и безапелляционного диктата Хрущева». Речь здесь шла не просто об утверждении независимых позиций КПК, а фактически о том, чтобы Коммунистическая партия Китая сменила КПСС в роли лидера мировой революции.

4) Подход к региональным конфликтам.

Советский Союз занял нейтральную позицию по отношению к китайско-индийским конфликтам 1959 и 1962 гг. Советская сторона убеждала КНР проявить сдержанность по отношению к тому, что Индия остается на позициях неприсоединения. В Китае эта линия вызвала резкое недовольство. Советский Союз был обвинен в провоцировании войны между КНР и Индией. Н.С. Хрущев высказывал непонимание мотивов Китая, считая, что Мао Цзэдун может втянуть СССР в конфликт и навязать ему таким образом свою волю⁶¹.

В КНР, в отличие от Советского Союза, не были встревожены американско-британской интервенцией на Ближнем Востоке в 1958 г. Причина — все тот же подход, согласно которому чем хуже обстановка в мире, тем лучше. Очевидно было и то, что Мао Цзэдуну не нравилась активность КПСС в Азии, он считал этот регион сферой влияния КПК.

⁵⁸ Катица М.С. Указ. соч. С. 205.

⁵⁹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 61.

⁶⁰ Зиновьев Г.В. Указ. соч. С. 98.

⁶¹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 85.

5) Вопросы социалистического строительства.

Мао Цзэдун уже в 1956 г. ставил под сомнение ценность советского опыта, указывая на ошибки и недостатки СССР⁶². Во второй половине 1950-х годов установки КПСС и КПК в этой области стали все заметнее расходиться. Выводы XX съезда КПСС в области внутреннего строительства (и не только в связи с культом личности И.В. Сталина) были встречены в Пекине негативно. Мао Цзэдун искал особую модель построения социализма в КНР, ссылаясь на то, что ни Маркс, ни Ленин не думали о социализме в такой большой стране, как Китай⁶³.

В КНР, как уже говорилось, в 1957 г. провозглашается кампания «пусть расцветают сто цветов», а год спустя — политика «трех красных знамен» (генеральной линии, большого скачка, народных коммун). Суть нововведений сводилась к тому, чтобы в рекордно короткие сроки КНР вошла в число самых развитых стран мира и при этом превратилась в коммунистическое общество. Политика «трех красных знамен», составной частью которой был т.н. «большой скачок», быстро привела к негативным последствиям и породила недовольство в китайском народе. Эти эксперименты вызвали критическую реакцию в СССР. Относительно «ста цветов» Н.С. Хрущев заявил, «что такой лозунг нам непонятен, поэтому нам трудно применить его у себя, у нас его могут неправильно истолковать, и он не принесет пользы». Отношение к «большому скачку» было ясно без разъяснений: «Китайцы присутствовали на XXI съезде КПСС. И когда они услышали мои слова и прочли текст доклада, им уже не надо было дополнительно разъяснять, что мы относимся отрицательно к “большому скачку”». По свидетельству самого Н.С. Хрущева, реакция Москвы обидела Мао, еще больше испортила двусторонние отношения⁶⁴.

Мао Цзэдун в свою очередь ужесточал нападки на внутривластный курс ЦК КПСС. И чем хуже шли дела в китайской экономике, тем острее становилась критика СССР. Н.С. Хрущев вел речь о повышении благосостояния народа, а Мао говорил, что бедность Китая плоха только на первый взгляд, а фактически она очень хороша: «Бедность побуждает к переменам, к действиям, к революции. На чистом, без всяких помарок листе бумаги можно писать самые новые, самые красивые иероглифы, можно создавать самые новые, самые красивые рисунки»⁶⁵. Пекин обвинял Москву в реставрации капитализма, разгуле капиталистических сил в СССР, в том, что в Советском Союзе «ленинизм уже в основном отброшен», заявлял, что СССР задержался в своем развитии, что советские люди — консерваторы и обыватели⁶⁶.

⁶² *Мао Цзэдун*. Выступление на 2-м пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 8-го созыва (15 ноября 1956 года) // *Мао Цзэдун. Избранные произведения*. Пекин, 1977. Т. 5. С. 398-419.

⁶³ Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. М., 1975. Вып. 1. С. 154.

⁶⁴ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 69–70.

⁶⁵ *Мао Цзэдун*. Об одном кооперативе. 15 апреля 1958 г. (http://library.maoism.ru/on_a_cooperative.htm).

⁶⁶ *Мао Цзэдун*. Выступление на 2-м пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 8-го созыва.

6) Проблемы двусторонних отношений.

Н.С. Хрущев отмечал в мемуарах, что напряженность в отношениях росла по мере того, как Китай обращался к СССР все с новыми просьбами о помощи, не все из которых могли быть удовлетворены, — безвозмездная передача береговых оружейных батарей в Порт-Артуре и Дальнем, строительство железной дороги на китайской территории и т.п.⁶⁷ Одновременно Мао Цзэдун якобы с особой яростью реагировал на предложения Кремля о строительстве радиостанции в КНР для связи с советскими подводными лодками на Тихом океане, о доступе советского подводного флота к китайским портам, о размещении в Китае самолетов-перехватчиков. Согласно Н.С. Хрущеву, он заявил: «Ваше предложение оскорбляет и задевает нас, мы не можем с ним согласиться»⁶⁸.

Трения возникли также из-за вопроса об использовании миллиона китайских рабочих в Сибири. Н.С. Хрущев сделал такое предложение Мао Цзэдуну. Китайский руководитель нашел его весьма унижительным, свидетельствующим о том, что в СССР относятся к Китаю так же, как на капиталистическом Западе (т.е. как к источнику дешевой рабочей силы). Позднее, однако, Пекин согласился послать рабочих в Сибирь, но теперь Москва отказалась от своей же инициативы, опасаясь, по словам Н.С. Хрущева, что Мао «хочет заселить Сибирь китайцами, тут и воевать не надо... Мы можем потерять Сибирь, Владивосток...»⁶⁹.

Постепенно стала выплывать на поверхность пограничная проблема — «неравноправность» договоров царской России с цинским Китаем. Мао Цзэдун вновь поднял вопрос о Монголии. У Москвы спрашивали: а не была ли позиция И.В. Сталина ошибочна? Ответ оставался прежним⁷⁰.

Н.С. Хрущева обвиняли и в том, что он оскорбительно высказывался о китайской нации, принижал ее и т.п.⁷¹ Н.С. Хрущеву, напротив, казалось, что Мао слишком превозносил китайскую нацию как величайшую в мире, говорил о превосходстве китайцев над всеми другими народами⁷². В мемуарах Н.С. Хрущев постоянно сетует, что китайцы вели себя все более странно, не были искренни с советскими представителями, что портило атмосферу взаимоотношений⁷³.

В условиях возраставшей напряженности в советско-китайских отношениях СССР в 1959 г. разорвал соглашение о сотрудничестве в ядерной области, а в 1960 г. весьма неожиданно для китайской стороны из КНР были отозваны все советские советники, прекращена помощь этой стране.

⁶⁷ Мао Цзэдун. Выступление на 2-м пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 8-го созыва. С. 47—48.

⁶⁸ Там же. С. 75.

⁶⁹ 师哲, 师秋朗 (Ши Чжэ, Ши Чуньлян): «我的一生: 师哲自述» (Вся моя жизнь. Воспоминания Ши Чжэ). 北京人民出版社, 2002. 第. 447—448页. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Кн. 3. С. 469.

⁷⁰ Катица М.С. КНР: три десятилетия — три политики. С. 100.

⁷¹ «毛泽东外交文选» (Избранные труды Мао Цзэдуна по дипломатии, 北京, 中央文献出版社, 1994. 第322—333页.

⁷² Хрущев Н.С. Воспоминания. Кн. 3. С. 43.

⁷³ Там же. С. 64.

Если проанализировать факторы, которые привели к разрыву между СССР и КНР в конце 50-х годов, то следует, видимо, обратить первостепенное внимание на неравноправный характер отношений, заложенный в сталинский период. Сохранились они в силу соответствующих традиций в международном коммунистическом движении и в социалистическом мире, а также в результате сознательного выбора китайского руководства. Это вызывало обиды, и чем крепче Китай становился на ноги, тем меньше был склонен их терпеть. Если при И.В. Сталине китайское руководство еще готово было подчиняться бесспорному лидеру, то после его смерти негативная реакция на любые проявления командования со стороны Москвы усилилась. Н.С. Хрущеву не прощалось то, что прощали И.В. Сталину.

Недовольству Пекина способствовало своеобразное положение Китая в рамках коммунистического лагеря. С одной стороны, по размерам территории, природным ресурсам и численности населения КНР являлась великой державой. Но с другой стороны, по уровню экономического развития, по степени готовности к сотрудничеству на основе взаимной выгоды она далеко отставала от европейских коммунистических стран. В течение первых лет существования КНР ей требовалась значительная экономическая и научно-техническая помощь других стран с коммунистическим режимом.

Следует также добавить роль таких факторов, как идеологические разногласия между КПК и КПСС; объективные различия в интересах и потребностях, внутренних условиях двух стран; борьба за влияние в международном коммунистическом движении; несовпадение внешнеполитических приоритетов; личная неприязнь друг к другу Н.С. Хрущева и Мао Цзэдуна.

Когда в 1960 г. из Китая правительством СССР были отозваны советские специалисты, официальной причиной было объявлено их третирование китайской стороной⁷⁴. Однако беседы с людьми, которые работали в те годы в Китае, свидетельствовали, что далеко не все они ощущали на себе такое отношение. Многие подчеркивали, что атмосфера была исключительно дружественной или, по крайней мере, просто нормальной. От дипломатов можно было услышать, что им приходилось «высасывать из пальца» факты грубого обращения с советниками для доклада в Москву. Эти «факты» и использовались при принятии решения. Поверил ли Н.С. Хрущев подобной информации или он сам ее добивался? Очевидно, что советский лидер был к тому времени резко настроен против Мао Цзэдуна и китайского руководства в целом из-за усилившихся разногласий, и отзыв специалистов был своеобразной местью.

С этого времени двусторонние отношения стали ухудшаться. Произошел спад в торгово-экономическом сотрудничестве. Объем торговли в 1962 г. составил лишь около 5% от уровня 1959 г. К 1965 г. товарооборот упал в 4 раза по сравнению с 1960 г. и опустился ниже уровня 1950 года. В 1966 г. на СССР пришлось всего лишь 7% всего внешнеторгового оборота КНР (менее 300 млн руб), в то время как в 1959 г. доля СССР составляла около 50%⁷⁵. Начали сокращаться

⁷⁴ Н.С. Хрущев вспоминал: «Внутри Китая тоже велась большая работа по дискредитации политики СССР в целом, советских специалистов в частности. В результате возникли условия, в которых наши специалисты не могли уже нормально там работать. Им не доверяли, над ними буквально издевались» (Хрущев Н.С. Воспоминания. Кн. 3. С. 94).

⁷⁵ Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. С. 358; Каница М.С. КНР: три десятилетия — три политики. С. 229. См. также: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974 гг.). М., 1977.

связи в области науки, культуры и спорта, свертывались политические контакты.

Мао Цзедун сразу же возложил на Москву вину за катастрофическую ситуацию в экономике страны, хотя главным образом она была вызвана «большим скачком» и другими левацкими экспериментами. Обострились идеологические противоречия. Лидеры КПК возражали против тезиса о решающей роли рабочего класса и мировой системы социализма в революционном процессе, заявляя, что пока социализм не победил в международном масштабе, невозможно предотвратить глобальный конфликт. Они утверждали также, что империализм определяет характер мирового развития. Такие взгляды высказывались в печати, на встречах с представителями коммунистических партий различных стран, распространялись китайскими дипломатами среди советского населения. Тем самым ставилось под сомнение международное значение XX и XXI съездов КПСС.

В Москве эти действия воспринимались как угроза раскола в коммунистическом движении. Для нажима на Пекин Н.С. Хрущев пытался использовать Совещание коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 г. В письме ЦК КПСС, направленном накануне совещания другим коммунистическим партиям, отвергалось предложение Пекина предоставить решение теоретического спора суду истории. КПК обвинялась в авантюризме, сектантстве, путчизме, защите культа личности. В заявлении Совещания говорилось о недопустимости фракционной и групповой деятельности в рядах коммунистического движения⁷⁶.

Ужесточению позиций КПК способствовал и доклад секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова на пленуме ЦК в феврале 1964 г., в котором политика КПК оценивалась как «особый курс», для которого характерны позиции «великодержавного шовинизма и мелкобуржуазного авантюризма»⁷⁷. Эти обвинения еще больше возмутили китайское руководство. Критика «диктаторских замашек Кремля» нарастала, приобретая все более грубые формы.

Развернулось соперничество двух стран в развивающемся мире, усилились разногласия в подходе к ряду международных конфликтов. Китай всячески препятствовал участию Советского Союза в различных форумах стран Азии, Африки и Латинской Америки, обвинял Москву в сговоре с Западом. В свою очередь Кремль применял политические, дипломатические и пропагандистские рычаги для дискредитации КНР.

Все более открытый характер приобретала взаимная критика внутреннего положения в обеих странах. В китайской печати СССР обвинялся в реставрации капитализма, утверждалось, что его народ «обуржуазился, зажил, предал забвению пролетарский интернационализм». Одновременно раздавались призывы к советским трудящимся бороться против «ревизионистских властей».

В этой и без того накаленной обстановке на передний план вышел территориальный вопрос. С 1960 г. стали возникать пограничные инциденты. Весной 1962 г. в Советский Союз из Синьцзяна мигрировали более 60 тыс. китайских граждан. Китайское правительство обвинило советские власти

⁷⁶ Владимир О. (Рахманин О.Б.). Советско-китайские отношения в сороковых-восемидесятых годах. М.: Международные отношения, 1984. С. 105–107.

⁷⁷ Суслов М.А. О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 г. М.: Госполитиздат, 1964. С. 5.

в «подготовке и организации массового перехода», в «серьезной подрывной деятельности». Действительной причиной были условия жизни и национальные противоречия в Синьцзяне, а также ухудшение советско-китайских отношений, в условиях которого часть жителей региона предпочла искать защиту в СССР.

В Китае появились материалы о том, что в прошлом в состав Синьцзяна входил ряд принадлежащих Советскому Союзу территорий. В работах историков превозносилась деятельность Чингисхана⁷⁸. Был выдвинут тезис о том, что царская Россия захватила более 1,5 млн кв. км «исконно китайских земель». 10 июля 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с японской делегацией заявил: «Они отрезали все, что можно было отрезать. Некоторые говорят, что в придачу они хотят отрезать еще китайские Синьцзян и Хэйлунцзян. Они нарастили военную мощь на границе с нами. Я считаю, что все это не нужно было отрезать. У Советского Союза и без того территория уже слишком большая, более 20 миллионов квадратных километров. Население же составляет лишь 200 миллионов... Более 100 лет назад они отрезали земли к востоку от Байкала, включая и Боли, и Хайшэньюэй⁷⁹, и полуостров Камчатка. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету»⁸⁰.

В учебниках истории Россия характеризовалась как извечно «агрессивное государство», которое с конца XVI века захватило Сибирь, вторглось в Китай, враждебно относилось к китайцам, жестоко подавляя их сопротивление. Проводилась мысль, что в XIX в. Россия была главным участником раздела Китая и что «экспансионистская политика России постепенно превращалась в агрессию мирового масштаба, а конечной целью царской России стала мировая гегемония»⁸¹. В связи с ухудшением ситуации — в приграничных районах и в советско-китайских отношениях в целом — руководство СССР стало закрывать одно за другим наши представительства на китайской территории: консульства, отделения торгпредства, коммерческие агентства.

После снятия Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. советское руководство приняло шаги в направлении нормализации отношений с КНР, предложив установить контакты на высоком уровне. В Пекине проявили к ним интерес, на время полемика поутихла. Однако противоречия зашли настолько далеко, что ни Москва, ни Пекин не были готовы к изменению своих позиций. По свидетельству Ф.М. Бурлацкого и Г.А. Арбатова, работавших в то время в аппарате ЦК КПСС, в Кремле раздавались в тот период голоса в пользу восстановления дружбы с Мао Цзэдуном за счет полных уступок в вопросах критики культа личности и стратегии коммунистического движения. А.Н. Шелепин якобы предлагал вернуться к линии на мировую революцию и к отказу от принципов

⁷⁸ 刘大年 (Лю Даянь): «帝国主义对中国的侵略与中国人民反对帝国主义的战争» (Империалистическая агрессия в Китае и война китайского народа с империализмом). «历史研究», 1964, 第4期.

⁷⁹ Исторические китайские названия Хабаровска и Владивостока.

⁸⁰ Цит. по: Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях. Мифы и реальность // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 119. Запись этой беседы до сих пор не опубликована в КНР.

⁸¹ 张历历 (Чжан Лили): «试论1894—1905年的日俄关系» (Некоторые соображения о японо-русских отношениях в 1894—1905 гг.). «历史教学», 1986, 第5期, 第22页. 刘培华, 刘培华, 程道德, 饶戈平 (Лю Пэйхуа, Чэнь Даодэ, Шао Гэпин), «帝国主义侵华简史合肥 黄山书社» (Краткая история агрессии империализма против Китая) 合肥: 黄山书社, 1985.

мирного сосуществования, а А.Н. Косыгин считал целесообразным уйти от «крайностей» XX съезда КПСС и т.д.⁸² Так ли это было на самом деле, сказать трудно, ясно одно — Москва на уступки не пошла, более того, потребовала от Пекина отбросить маоистские установки. В свою очередь руководство КПК хотело, чтобы КПСС изменила свою политику, основанную на решениях XX–XXII съездов.

Для зондажа ситуации в ноябре 1964 г. Мао Цзэдун направил в СССР представительную делегацию во главе с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, воспользовавшись празднованием годовщины октябрьской революции в СССР. Однако визит не принес результата. Китайской делегации было заявлено, что «по идеологическим вопросам, касающимся наших отношений с КПК, у нас в ЦК не было расхождений с т. Хрущевым, или даже оттенков во мнениях по этому вопросу». В ответ китайские представители заявили, что «в таком случае не ожидают улучшения отношений с КПСС и не видят основы для дальнейших переговоров»⁸³. В официальных выступлениях новые советские руководители подчеркивали преемственность в вопросах внешней политики.

Еще более осложнил общение инцидент, когда во время банкета министр обороны СССР маршал Р.Я. Малиновский подошел к заместителю руководителя китайской делегации маршалу Хэ Луну и посоветовал ему для налаживания хороших отношений сместить Мао Цзэдуна так же, как в СССР только что сместили Н.С. Хрущева. Советское руководство высказало сожаление по поводу слов маршала, но Чжоу Эньлай, видимо, опасаясь реакции Мао Цзэдуна, решил продемонстрировать максимальное возмущение⁸⁴.

В феврале 1965 г. Пекин по пути во Вьетнам посетил председатель советского правительства А.Н. Косыгин. Он попытался в конструктивном ключе обсудить вопросы двусторонних отношений, а также договориться о совместных действиях в связи с обострением конфликта во Вьетнаме. Однако Мао Цзэдун, принявший А.Н. Косыгина, повел себя высокомерно, отверг сотрудничество по вьетнамскому вопросу и заявил, что для преодоления советско-китайских противоречий понадобится десять тысяч лет, оговорившись, что тысячу лет он может «скинуть»⁸⁵.

Думается, Мао в любом случае не хотел идти на сближение с СССР — сказывались накопившиеся обиды, явное несогласие с политикой Кремля, обострение политической ситуации в китайском обществе. Мао Цзэдун готовился сдвинуть страну «влево», и нормализация отношений с Советским Союзом, проповедовавшим «правые» идеи, помешала бы этому. Примирение не удалось, и напряженность в советско-китайских отношениях еще больше возросла. СССР теперь рассматривали как страну, стремящуюся изолировать Китай, поставить его под

⁸² Бурлацкий Ф.М. Брежнев и крушение оттепели // Литературная газета. 14 сентября 1988 г.; Арбатова Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991. С. 114.

⁸³ Из проекта выступления первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева на заседании пленума ЦК КПСС «О переговорах и консультациях с некоторыми братскими партиями». 14 ноября 1964 г. // Исторический архив. 2006. № 5. С. 22.

⁸⁴ Там же. С. 22–23.

⁸⁵ Киреев Г.В. Россия-Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006. С. 86–88.

свой контроль. В октябре 1964 г. КНР провела первое испытание атомной бомбы, подчеркнув, что это сделано «во имя... защиты суверенитета, против угроз США и великодержавности СССР»⁸⁶.

Советский Союз предпринял попытки сближения с Китаем в оказании помощи Вьетнаму в его войне с США. Но на фоне обострявшейся конфронтации между СССР и КНР они больше походили на дискредитацию Китая в глазах зарубежных коммунистических партий, ведь, с одной стороны, Л.И. Брежнев призывал довести борьбу с маоизмом до конца, а с другой — уговаривал Мао Цзэдуна сплотить ряды в борьбе с империализмом.

Пекин отвечал собственными призывами вести непримиримую борьбу против идейных позиций КПСС, не прекращать полемику «ни на день, ни на месяц, ни на год, ни на 100, 1000 и даже 10 тысяч лет»⁸⁷. В 1966 г. КПК отказалась направить делегацию на XXIII съезд КПСС, и межпартийные отношения прервались. Вслед за ними были прерваны связи по линии комсомола, обществ дружбы, органов информации, участились инциденты на границе. В Китае бурно отреагировали на консультативную встречу 19 коммунистических и рабочих партий в 1965 г. в Москве, назвав ее раскольнической, на критику по поводу нежелания КНР «по-настоящему» помогать Вьетнаму, на «личные выпады» Л.И. Брежнева против Мао Цзэдуна.

В условиях обострения советско-китайских отношений Пекин стал искать пути развития связей с Японией, Соединенными Штатами, западноевропейскими государствами. Запад, однако, вяло реагировал на заигрывания Китая, США не прекращали давление и угрозы в отношении КНР. В сложившихся обстоятельствах Мао Цзэдун решил сделать главную ставку во внешней политике на развивающиеся страны. В 1965 г. эта стратегия нашла свое выражение в теории «народных войн» «мировой деревни» (государств Азии, Африки и Латинской Америки) против «мирового города» (государств Северной Америки и Европы, включая Советский Союз).

Разразившаяся в 1966 г. в КНР «культурная революция» довела до полного хаоса как внутреннюю жизнь страны, так и ее внешнюю политику. Пагубно сказалась «культурная революция» и на отношениях Китая с Советским Союзом. Одним из ее лозунгов было «четкое отмежевание» от КПСС и доведение борьбы против нее «до конца». В КНР критике и репрессиям подверглись все те, кто был как-то связан в прошлом с СССР или выступал за использование советского опыта. Хунвэйбины штурмовали посольство СССР в Пекине, грозясь «содрать шкуру» с советских дипломатов, а улица, ведущая к зданию посольства, была переименована в улицу «Борьбы против ревизионизма»⁸⁸.

На официальном уровне говорилось об «угрозе с Севера», о том, что «русские ракеты могут полететь из Москвы в Пекин». Представители китайского руководства заявляли: «Пограничная война между Китаем и СССР начнется раньше,

⁸⁶ «加强国防力量的重大成就 保卫世界和平的重大贡献 我国第一颗原子弹爆炸成功» (Наша страна успешно взорвала первую атомную бомбу, что стало важнейшим успехом в деле укрепления оборонной мощи и огромным вкладом в защиту мира во всем мире). «人民日报», 1964年10月17日 第一版.

⁸⁷ 中国共产党中央委员会: “中共中央不能派代表团参加苏共二十三次代表大会”(ЦК КПК не может послать делегацию для участия в XXIII съезде КПСС)“人民日报” 24.03.1966, 第一版.

⁸⁸ Борисов (Рахманин) О.Б., Колосков (Кулик) Б.Т. Советско-китайские отношения. М.: Мысль, 1980. С. 364.

чем война с США», «возможен разрыв отношений, возможна война»⁸⁹. Тема нападения с Севера звучала еще громче после советской интервенции в Чехословакии в 1968 г., которую в Китае назвали «варварской агрессией» и «неприкрытой изменой марксизму-ленинизму», ставшей возможной благодаря сговору «американских империалистов и советских ревизионистов»⁹⁰. Народ призывали «готовиться к войне, готовиться к голоду».

Весной 1969 г. на пограничной реке Уссури, в районе острова Даманский (Чжэньбао дао), произошли крупные кровопролитные столкновения вооруженных сил двух стран. Документальных данных о том, кто и зачем это устроил, пока не появлялось. Но один факт очевиден — советско-китайские отношения дошли до крайне опасной точки, и с этого момента начался процесс постепенного сближения Пекина с Вашингтоном. Он ускорялся под воздействием жестких мер со стороны СССР: массовой переброски войск к границам КНР, намеков на возможность принятия соответствующих мер против Китая, апелляции к США и другим западным странам по китайскому вопросу, мобилизации международного коммунистического движения на «непримиримую борьбу против антиленинских идейных установок нынешних руководителей Китая, против их раскольнической политики и великодержавного внешнеполитического курса»⁹¹.

IX съезд КПК, состоявшийся в апреле 1969 г., закрепил курс на противодействие СССР. Пресса призывала «подготовиться вести с советским ревизионизмом как обычную, так и большую ядерную войну»⁹². Подготовка к войне была объявлена «коренной целью экономического строительства в Китае»⁹³. Началось массовое перемещение промышленных объектов в глубинные районы страны, создавались запасы продовольствия и медикаментов. На случай «осадного положения» население было мобилизовано на строительство бомбоубежищ и укрытий.

В сентябре 1969 г. в Пекине состоялась встреча глав правительств СССР и КНР А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая, которые договорились возобновить переговоры по пограничным вопросам. Старт им был дан в октябре того же года. Острота в отношениях несколько спала. Этому способствовало и то, что «культурная революция» в Китае пошла на убыль и китайское руководство приняло меры к переводу всей своей дипломатии в более спокойное русло.

Улучшилась обстановка на советско-китайской границе, оживилась торговля. Но в целом отношения оставались напряженными. Пограничные переговоры топтались на месте из-за крупных разногласий. Китай требовал признать наличие спорных районов в пограничной зоне, вывести оттуда войска. Советский Союз исходил из того, что граница между двумя странами определена договорными документами и следует лишь уточнить линию ее прохождения.

⁸⁹ Борисов (Рахманин) О.Б., Колосков (Кулик) Б.Т. Советско-китайские отношения. М.: Мысль, 1980. С. 367, 395–396, 405.

⁹⁰ Зиновьев Г.В. Указ. соч. С. 149.

⁹¹ Об итогах международного совещания коммунистических и рабочих партий. Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС. Принято 26 июня 1969 года // Коммунист. Июль 1969. № 10. С. 5–6.

⁹² «莫斯科修正主义丑剧即将开场。阿尔巴尼亚五月二十八日社论” (В Москве скоро начнется ревизионистский фарс. Редакционная статья в албанской газете «Зерри и популлит» от 18 мая) «人民之声报», “人民日报”, 06.06.1969, 第三版.

⁹³ “进一步巩固无产阶级专政而斗争 — 庆祝中华人民共和国成立二十年” (Продолжить борьбу за укрепление диктатуры пролетариата — отпраздновать 20-ю годовщину создания КНР). “红旗”, 1969, 第10期, 第5页.

**Алексей Николаевич КОСЫГИН (1904–1980) —
советский государственный и партийный деятель**

А.Н. Косыгин родился 21 февраля 1904 г. в Санкт-Петербурге в семье рабочего-токаря. Служил добровольцем в Красной Армии, после учебы в Ленинградском кооперативном техникуме направлен на работу в Сибирь. В 1927 г. вступил в ВКП(б). В 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт, работал мастером, а затем директором фабрики. В 1938–1939 гг. — заведующий промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б) и председатель Ленинградского горисполкома. В 1939–1940 гг. — член ЦК ВКП(б), народный комиссар текстильной промышленности СССР. С апреля 1940 г. — заместитель председателя Совнаркома СССР. 24 июня 1941 г. А.Н. Косыгин был назначен заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР. В 1943 г. назначен председателем СНК РСФСР. 27 марта 1946 г. он был освобожден от этих обязанностей в связи с назначением заместителем Председателя Совета Министров СССР. В марте 1946 г. избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В феврале 1948 г. А.Н. Косыгин был избран членом Политбюро ЦК ВКП(б). Занимал ряд крупных постов в руководстве народным хозяйством СССР.



4 мая 1960 г. А.Н. Косыгин избран членом Президиума ЦК КПСС и на последующих съездах и пленумах ЦК избирался членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПСС. На заседании Президиума ЦК КПСС 13–14 октября 1964 г. поддержал смещение Н.С. Хрущева, а 15 октября назначен председателем Совета Министров СССР. На этом посту провел ряд экономических реформ. 10 ноября 1966 г. назначен Председателем Президиума Совета Министров СССР. После отставки Н.С. Хрущева пытался нормализовать отношения с КНР, однако натолкнулся на противодействие Пекина. Посетил Китай в феврале 1965 г., на встречах с Мао Цзэдуном и другими китайскими лидерами пытался наладить взаимодействие по ряду вопросов, в частности по вьетнамскому, но получил отказ. В 1969 г., после вооруженных столкновений на границе вновь посетил КНР, где на «встрече в аэропорту» с Чжоу Эньлаем предложил план нормализации отношений, однако добился только согласия на возобновление пограничных переговоров. В октябре 1980 г. освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с ухудшением состояния здоровья. Умер 18 декабря 1980 г.

В то же время резкое обострение отношений с СССР привело к коренному изменению внешнеполитического курса Пекина. После столкновений весной 1969 г. между советскими и китайскими пограничниками Мао Цзэдун решил сделать резкий маневр и перейти от архиреволюционности к партнерству с США, чтобы успешнее сдерживать «русского белого медведя». США к тому времени глубоко завязли в трясине вьетнамской войны, и избранный в 1968 г. президент Р. Никсон также решил искать выход из тупика в сближении с Китаем. В США полагали, что именно маоистский Китай стоял за вьетнамскими коммунистами,

и, помирившись с Пекином, можно будет заставить вьетнамцев согласиться на почетные для США условия мира.

Сближение с Китаем преследовало еще одну, даже более глобальную и долгосрочную цель. Реагируя на усиливающуюся советско-китайскую конфронтацию, Р. Никсон и его окружение (прежде всего советник по национальной безопасности Г. Киссинджер) решили использовать Пекин для давления на Москву, получения от СССР уступок. Р. Никсон заявлял в то время: «Я считаю, что страх, который Советский Союз испытывает к коммунистическому Китаю, может заставить его пойти на коалицию с Западом, на вынужденный брак с Западом»⁹⁴. По замыслу новой администрации, Соединенные Штаты должны были, играя на противоречиях, добиться лучших отношений с двумя коммунистическими гигантами, чем те имели между собой. В Вашингтоне шутили: пусть советский и китайский женихи соперничают, добиваясь руки американской невесты.

Таким образом, общие интересы подтолкнули США и Китай к сближению. Сначала в 1971 г. Г. Киссинджер, а затем, в 1972 г., и сам Р. Никсон осуществили сенсационные визиты в Китай. Стороны условились развивать неофициальные контакты в области торговли, науки, технологий, культуры и журналистики. США обещали снизить уровень военного присутствия на Тайване, а в перспективе, по мере улучшения ситуации, вывести оттуда войска. И все же, несмотря на увлеченность Пекином в начале 70-х годов, американская элита отнюдь не желала рвать связи с Тайванем.

В 1974 г. для обоснования новой внешней политики китайское руководство выдвинуло теорию «трех миров», согласно которой мир делился на «сверхдержавы» (СССР и США), ведущие схватку за гегемонию и угрожающие миру во всем мире, «второй мир» (развитые страны) и «третий мир» (развивающиеся страны). «Второй» и «третий» миры объединялись интересами противодействия «гегемонизму сверхдержав». Постепенно СССР стал восприниматься в китайской столице в качестве главного противника, врага № 1. Пекин подвергал резкой критике разрядку и призывал Запад быть с СССР начеку, вооружаться, а не разоружаться. Проводилась мысль об угрозе со стороны советского режима, который определялся как «социал-империалистический», капиталистическому миру.

В 1976 г., вскоре после смерти Мао Цзэдуна, в китайском руководстве разразился политический кризис, была арестована четверка лидеров во главе с женой Мао Цзэдуна Цзян Цин. К власти в Пекине пришли реформаторы, взявшие курс на модернизацию страны. Из-за продолжавшейся конфронтации с СССР реформаторы сделали ставку на Запад в вопросах модернизации, обеспечения безопасности страны, реализации политических целей на мировой арене. В США стали быстро меняться настроения по китайскому вопросу, и президент-демократ Дж. Картер в условиях ухудшения советско-американских отношений пошел в 1978 г. на разрыв официальных уз с гоминьдановским режимом и признал коммунистическое правительство единственным законным в Китае. Осенью 1978 г. Китай и США достигли компромисса по Тайваню. Соединенные Штаты обязались приостановить политические и официальные военные связи с Тайбэем. Китай, со своей стороны, пообещал стремиться к мирному урегулированию тайваньской проблемы (хотя и не взял обязательств

⁹⁴ *Earl Maza and Stephen Hess. Nixon: A Political Portrait. New York: Harper & Row, 1968. P. 312.*

на этот счет), согласился на сохранение неофициальных контактов США с Тайванем. 15–16 декабря в Пекине и Вашингтоне было опубликовано совместное коммюнике, в котором объявлялось об установлении полных дипломатических отношений с 1 января 1979 г. В январе-феврале 1979 г. состоялся визит Дэн Сяопина в США.

В августе 1978 г. был подписан договор о мире и дружбе между КНР и Японией. Японцы в конце концов согласились включить в него положение о противодействии гегемонии.

Начавшиеся перемены во внутренней политике на первых порах не сказывались на внешнеполитической линии КНР. На XI съезде КПК, прошедшем в августе 1977 г., китайский лидер Хуа Гофэн заявил: «Обе сверхдержавы, Советский Союз и Соединенные Штаты, пытаются установить свою гегемонию над всем миром, везде и всюду ведут между собой схватку и делают наш мир весьма беспокойным. Дальнейшее продолжение этой схватки рано или поздно приведет к войне... До тех пор, пока империализм и социал-империализм как общественные системы не изменятся, война неизбежна... Советский Союз и Соединенные Штаты — очаги новой мировой войны, в особенности советский социал-империализм, который и представляет собой наибольшую опасность»⁹⁵. Тезис о том, что Советский Союз является главным врагом Китая, был внесен в Конституцию КНР. В 1978 г. была провозглашена идея создания широчайшего единого фронта в мировом масштабе против СССР, «зачинщика войны»⁹⁶.

Резко негативную реакцию вызвали в Пекине события начала 1979 г. в Кампучии, где с помощью Вьетнама был свергнут союзный КНР режим «красных кхмеров» во главе с Пол Потом. Они подтолкнули Китай на скорейшее завершение нормализации отношений с США, а затем на вторжение во Вьетнам при молчаливом одобрении Вашингтона и его союзников. Китайские войска вторглись на территорию СРВ в феврале 1979 г. Пекин собирался «проучить» своего бывшего союзника, преподать ему урок за стремление стать «региональным гегемоном». Эта акция была осуждена Советским Союзом и широким кругом государств. Эффективное сопротивление со стороны вьетнамских войск и негативная международная реакция способствовали прекращению военных действий. «Урок» не удался.

Что касается СССР, то его линия на китайском направлении по-прежнему отличалась двойственностью. С одной стороны, в СССР предпринимались попытки улучшить отношения. Так, 9 января 1979 г. в интервью американскому журналу «Тайм» советский лидер Л.И. Брежнев заявил: «Что касается отношений Советского Союза с Китайской Народной Республикой, то мы к этой стране не имеем ни территориальных, ни иных претензий и не видим никаких объективных препятствий к восстановлению не просто хороших, но и дружественных отношений, конечно, если позиция КНР станет более разумной и миролюбивой». Говоря о перспективах Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г., Л.И. Брежнев отметил: «Никогда мы по своей воле не порвем документа, который олицетворяет дружбу народов СССР и Китая.

⁹⁵ 华国锋：在中国共产党第十一次全国代表大会上的政治报告（Политический доклад на XI всекитайском съезде КПК），“人民日报”，23.08.1977. 第1版。

⁹⁶ “红旗”杂志评论员：“从越南当局反华看苏联的战略意图”（Стратегические замыслы СССР в свете антикитайской политики Вьетнама），“人民日报”，01.08.1978，第6版。

Если же пекинские руководители пойдут на такой шаг, то они возьмут на себя всю тяжесть ответственности перед народом своей страны, перед силами мира и прогресса во всем мире»⁹⁷.

24 февраля 1978 г., незадолго до истечения срока действия союзного договора 1950 г., Президиум Верховного Совета СССР направил специальное обращение ПК ВСНП, в котором предложил выступить с совместным заявлением о принципах взаимоотношений. В ответ Китай ограничился нотой МИД, которая фактически дословно повторяла слова выступления председателя КНР Хуа Гофэна на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва 26 февраля того же года. «Принципиальная дискуссия должна продолжиться. В то же время мы всегда считали, что принципиальная дискуссия не должна препятствовать поддержанию нормальных отношений между двумя государствами, основанных на пяти принципах мирного сосуществования. Советская правящая группировка на словах говорит о желании улучшить китайско-советские отношения, но на практике упрямо придерживается враждебного отношения к нашему курсу, вплоть до того, что самонадеянно требует, чтобы мы изменили революционный курс Председателя Мао. Это все равно, что видеть сны ясным днем. Если советская правящая группировка действительно хочет улучшить китайско-советские отношения, необходимо осуществить конкретные действия»⁹⁸. Фактически Пекин демонстрировал незаинтересованность в компромиссе и выдвигал предварительные условия для переговоров: вывод советских войск из Монголии и сокращение их количества на российско-китайской границе до уровня начала 60-х годов.

Что же касается Москвы, то на фоне заверений в желании нормализовать отношения предпринимались всевозможные усилия по дальнейшей изоляции КНР в международном коммунистическом движении, социалистическом содружестве. Оценивая нормализацию американо-китайских отношений, Л.И. Брежнев в том же интервью журналу «Тайм» 9 января 1979 г. заявил, что Соединенным Штатам и другим странам не следует забывать «уроков Мюнхена»⁹⁹. 24 января заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л.М. Замятин, отвечая на вопросы телезрителей, подчеркнул, что успех модернизации КНР «будет означать усиление нашего серьезного политического противника».

Тем не менее, в Пекине имелось понимание важности диалога с Советским Союзом, снижения напряженности. В апреле 1979 г. правительство КНР объявило, что не будет продлевать договор 1950 г. В объяснение китайской позиции приводились следующие доводы: «Этот Договор сыграл свою историческую роль в обеспечении безопасности Китая и Советского Союза, в содействии дружбе между двумя народами и делу строительства двух стран, а также в деле отстаивания мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Однако за последние почти 30 лет в международной обстановке произошли большие изменения, например, была осуществлена нормализация отношений сначала между СССР и Японией, а затем между Китаем и Японией... Положения китайско-советского договора относительно Японии явно уже устарели. Вместе с тем предусмотренные этим договором

⁹⁷ Песков Ю.С. СССР—КНР: от конфронтации к партнерству. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 33–34.

⁹⁸ 华国锋(Хуа Гофэн): «政府工作报告» (Доклад о работе правительства). «人民日报», 1978年3月7日 第1版.

⁹⁹ America and Russia: Where We Stand. Brezhnev: An Exclusive Interview // Time Magazine/ January 9, 1979.

обязательства были попорчены не по вине китайской стороны, и Договор давно уже существует номинально»¹⁰⁰.

В то же время китайская сторона предложила провести переговоры об улучшении отношений. Переговоры начались осенью 1979 г. На них Китай вновь потребовал уступок по пограничной проблеме и вывода наших войск из районов, прилегающих к китайской границе. Прогресса на первом раунде переговоров достичь не удалось. А второй раунд в связи с вводом советских войск в Афганистан так и не состоялся.

Объясняя политику Пекина того времени, китайские историки писали, что «в 70-е годы центральной проблемой в китайско-российских отношениях являлась угроза безопасности Китая со стороны СССР. Наряду с постоянным нагнетанием антикитайских политических настроений, руководители СССР сосредоточили значительные группировки войск на советско-китайской границе, ввели свои войска в МНР, провоцировали вооруженные пограничные инциденты. В этой ситуации Китай был вынужден, с одной стороны, усиливать военные приготовления, а с другой — пытаться, как и прежде, путем переговоров решать пограничные споры и смягчать напряженные отношения между двумя государствами»¹⁰¹.

В целом можно сказать, что попытки начать процесс нормализации в конце 1970-х годов результатов не дали. Это произошло по ряду причин. С одной стороны, в китайской внешнеполитической стратегии еще не произошло кардинальных перемен. С другой стороны, как отмечает Ю.С. Песков, «в Москве все еще в какой-то степени продолжали надеяться на возможность возврата к дружественным отношениям 50-х годов. Исходя из прежних представлений о “вечной и нерушимой дружбе”, советское руководство стремилось к восстановлению именно таких форм взаимоотношений с Китаем. Однако сама жизнь заставляла по-новому, с учетом реалий современности, думать о необходимости пересмотра старых договорных принципов, установленных в 50-х годах, и построении отношений на новой основе. Процесс переосмысления устоявшихся позиций давался нелегко»¹⁰².

Тем не менее российские исследователи признают роль контактов конца 1970-х гг. По мнению А.Д. Воскресенского, «переговоры явились крупным позитивным шагом к налаживанию обмена мнениями по принципиальным вопросам межгосударственных отношений по дипломатическим каналам и помогли изучить пути к созданию условий для стабильного равновесия, которое установилось после нормализации отношений. Сам факт переговоров явно изменил атмосферу в двусторонних отношениях, ибо стороны стали уделять первостепенное внимание урегулированию межгосударственных отношений и выводу их из тупика. Кроме того, идеологические и межпартийные, а также пограничные отношения были отделены от государственных отношений, т.е. ослабла роль этих факторов в общем равновесии. Одновременно пограничный вопрос был разделен на такие аспекты, как история двусторонних отношений, историческая принад-

¹⁰⁰ «人大常委会第七次会议举行全体会决定不延长中苏友好同盟条约» (Седьмое заседание ПК ВСНП в полном составе решило не продлевать китайско-советский договор о дружбе и союзе). «人民日报» 1979 г. 4月4日 第1版.

¹⁰¹ Ху Шэн. Краткая история КПК (1921—1991). Пекин, 1993. С. 854—855.

¹⁰² Песков Ю.С. Указ. соч. С. 33.

лежность территорий и конкретная демаркация границы. Таким образом, вопрос о «неравном характере» прежних русско-китайских договоров и границе уже не увязывался с пограничной демаркацией»¹⁰³.

Ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. привел к серьезному ухудшению советско-китайских отношений. Советский посол был сразу же вызван в министерство иностранных дел КНР, где ему вручили ноту с требованием «немедленного прекращения агрессии и вмешательства в Афганистане, вывода всех советских войск». 20 января 1980 г. представитель министерства иностранных дел КНР объявил, что, «поскольку советское вторжение в Афганистан угрожает миру во всем мире, угрожает также и безопасности Китая, оно создает новое препятствие для нормализации отношений между двумя странами. В этой обстановке продолжение китайско-советских переговоров явно неуместно»¹⁰⁴.

В 1980–1981 гг. в китайской политике вновь усилился крен в сторону взаимодействия с Западом против СССР. Как указывали в Пекине, передняя линия борьбы с гегемонизмом должна пройти в Афганистане и Кампучии. Вместе с тем подспудно начинали действовать факторы, которые привели к пересмотру внешнеполитической линии КНР, в том числе на советском направлении.

Пересмотр позиций

В конце 1981 — начале 1982 г. во внешнеполитических позициях Китая стали появляться новые нюансы. Из выступлений руководителей КНР и печати исчезли тезисы об «общих стратегических интересах, стратегическом сотрудничестве, едином фронте» Китая с Западом. Ужесточилась реакция на американо-тайваньские контакты, особенно по военной линии, некоторые другие аспекты политики Вашингтона на китайском направлении. Более острый характер приобрело осуждение деятельности Соединенных Штатов в различных районах земного шара, увеличился объем выступлений прессы, вскрывающих недостатки капиталистической системы.

Одновременно в Китае несколько спокойнее стали оценивать советскую внешнюю политику, газеты практически перестали публиковать негативные материалы о внутреннем положении в СССР. Китайское руководство все в большей степени подстраивалось под позиции развивающихся государств, демонстрировало общность с ними по многим вопросам. Делались примирительные жесты (по политическим каналам, в пропаганде) в адрес некоторых зарубежных компартий, государств советского блока, с которыми Пекин до этого находился в состоянии конфронтации.

На этом фоне появлялись сообщения, свидетельствовавшие о том, что в КНР идут интенсивные дискуссии по вопросам внешней политики. Были учреждены специальные группы по уточнению внешнеполитического курса страны при центральных партийных органах. К этой работе подключились научно-иссле-

¹⁰³ Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 480.

¹⁰⁴ «苏联霸权主义对全世界的威胁» (Угроза советского гегемонизма всему миру). «人民日报», 1980年1月21 第1版.

довательские институты, укрепившиеся в кадровом и финансовом отношениях, получившие более широкие полномочия.

Ключевое значение имело совещание в первой декаде февраля 1982 г. В нем участвовали ответственные работники Отдела международных связей ЦК КПК, МИД, других ведомств, руководители ряда дипломатических представительств за рубежом. На совещании было всесторонне обсуждено состояние внешней политики Китая, в особенности положительные и отрицательные моменты американо-китайских отношений, дан прогноз изменений международной обстановки. Некоторые участники совещания подвергли критике США. Они отмечали, что администрация Р. Рейгана, упорствуя в вопросе продажи оружия Тайваню, переходит все границы, и Китай должен это учесть. Подчеркивалось, что в Советском Союзе и странах Восточной Европы в экономике преобладает общенародная собственность, что соответствует марксистско-ленинской теории. Поэтому эти государства нельзя называть ревизионистскими.

На совещании выступил Дэн Сяопин, занимавший в то время должности Председателя Центрального Военного Совета, заместителя премьера Госсовета и председателя НПКСК и являвшийся в реальности наиболее влиятельным лидером страны. Он признал, что проблемы, с которыми столкнулся Китай, довольно трудные, что Китай не должен уступать США по тайваньскому вопросу. В итоге дискуссий внешнеполитические концепции были пересмотрены. Впервые видоизмененную позицию публично сформулировал занимавший в то время должность премьера Госсовета Чжао Цзянь. В беседе с главой государства Гвинея-Бисау 19 апреля 1982 г. он изложил три основополагающих принципа новой, «независимой и самостоятельной» внешней политики:

1. Китай навсегда принадлежит к «третьему миру», настойчиво укрепляет сплоченность и сотрудничество со странами «третьего мира», стоит на их стороне, поддерживает их в развитии экономики, в справедливом деле укрепления политической независимости за счет упрочения экономической независимости. В соответствии со своими силами и возможностями Китай будет активно развивать со странами «третьего мира» экономическое и техническое сотрудничество. Китай решительно стоит на стороне развивающихся стран в совместной борьбе за установление нового международного экономического порядка. Китай поддерживает борьбу народов мира против империализма, колониализма и гегемонизма, против расовой дискриминации и любую другую справедливую борьбу.

2. Китай осуществляет независимую и самостоятельную внешнюю политику, решительно выступает против гегемонизма, считает, что коренной причиной напряженности и нестабильности в современном мире является схватка двух сверхдержав.

3. КНР желает мира во всем мире. Подобно многим другим странам «третьего мира», Китай решает важные задачи строительства собственного государства. В целях повышения культурного и материального уровня жизни китайского народа КНР нуждается в долгосрочном мирном внешнем окружении¹⁰⁵.

¹⁰⁵ «我国政府举行仪式欢迎维埃拉主席. 赵紫阳设宴招待几内亚比绍贵宾» (Правительство нашей страны провело церемонию приветствия Председателя Виейры. Чжао Цзянь дал прием в честь гвинейских гостей) «人民日报», 1982年4月19日, 第一版.

Положения, выдвинутые Чжао Цзыяном, впоследствии были дополнены. Новые внешнеполитические установки были объявлены на XII съезде КПК, состоявшемся в сентябре 1982 г. Их суть свелась к следующему:

1. Был снят тезис о том, что Советский Союз является «главным источником опасности новой мировой войны» и угрозой второму и третьему мирам, а также второй сверхдержаве — США. Главным источником опасности мировой войны, нестабильности и беспорядков стали провозглашаться «обе сверхдержавы» (т.е. СССР и США), их «схватка» между собой за мировую «гегемонию».

2. Исчезло положение о необходимости создания единого фронта во всемирном масштабе (включая Соединенные Штаты) для противодействия «советскому гегемонизму». Вместо этого провозглашалось, что КНР проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику, не примыкает ни к какой крупной державе или группе государств, не вступает с ними в союз, не поддается нажиму с их стороны. Декларировалось, что Китай выступает против «гегемонизма обеих сверхдержав». В первую очередь он борется против той «сверхдержавы», которая практикует гегемонизм в большей степени и более агрессивно, стремится срывать стратегические планы такой «сверхдержавы» по установлению гегемонии. Одновременно Китай возражает против любого гегемонизма, откуда бы он ни исходил, решительно выступает против агрессии и экспансии, кто бы и где бы к ним ни прибегал. В качестве примеров таких действий назывались политика СССР в Афганистане и в Кампучии, действия США на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, на Юге Африки.

3. Было заявлено, что Китай будет стремиться к нормальным отношениям со всеми странами на основе принципов мирного сосуществования, в том числе и с обеими «сверхдержавами», т.е. с СССР и США.

4. Подчеркивалась особая роль развивающихся стран в китайской внешней политике.

5. Впервые за многие годы была выражена готовность налаживать отношения с зарубежными коммунистическими партиями на основе четырех принципов: независимости и самостоятельности, полного равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела друг друга;

6. Была выдвинута задача направить внешнюю политику страны «на создание международного окружения, способствующего установлению прочного мира во всем мире, в условиях которого Китай мог бы приложить все свои усилия к социалистическому строительству». Отмечено, что КНР объективно заинтересована в разоружении и разрядке напряженности и считает возможным сохранение мира, предотвращение всеобщего конфликта, новая война не является неизбежной.

7. Хотя и выражалась уверенность в конечной победе коммунизма во всем мире, заявлялось о недопустимости экспорта революции. Подчеркивалось, что КПК «неуклонно придерживается пяти принципов мирного сосуществования»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ «人大常委会第二十六次会议开始举行, 彭真主持会议, 听取赵紫阳报告非洲之行 中非友好事业要代代相传» (На начавшемся 26-м заседании ПК ВСНП, проходящем под председательством Пэн Чжэня, был заслушан доклад Чжао Цзыяна о поездке в Африку «Дело китайско-африканской дружбы нужно передавать из поколения в поколение»). «人民日报», 1983年3月1日, 新华社, 第一版.

Дэн Сяопин, выступая на XII съезде КПК, подчеркнул: «Китайский народ высоко ценит дружбу и сотрудничество с другими государствами и народами, но еще больше ценит свое право независимости и самостоятельности, завоеванное в результате долгой борьбы»¹⁰⁷. Объясняя эту позицию КНР, Ху Яобан, в то время занимавший пост Генерального секретаря ЦК КПК, сослался на тяжелое положение страны, на протяжении ста с лишним лет подвергавшейся «агрессии и угнетению», и сделал акцент на том, что китайский народ не желает снова оказаться в «унизительном положении»¹⁰⁸.

В развитие данного тезиса «Жэньминь жибао» писала, что «смысл политики КНР — в независимости от любых государств и группировок, в самостоятельном определении... курса в международных делах в соответствии с развитием обстановки... в неприятии чьего-либо влияния и распоряжений». Такая линия называлась «краеугольным камнем внешней политики Китая, обобщением опыта более чем столетней революционной борьбы китайского народа и опыта внешних связей на протяжении 33 лет после образования КНР»¹⁰⁹.

Несколько позднее китайское руководство еще более конкретно объяснило, почему оно пришло к выводу о нежелательности союзнических отношений с великими державами. Указывалось, что подобная политика имеет два недостатка. Во-первых, это может воспрепятствовать нормальным контактам с другими странами мира. Во-вторых, союзнические узы могут ослабить волю КНР сопротивляться негативным действиям партнера, более того, союзник может использовать Китай в ущерб его интересам.

В подтверждение независимости китайской внешней политики стала провозглашаться готовность КНР к развитию отношений со всеми странами на основе принципов мирного сосуществования, в том числе с обеими «сверхдержавами». Китайские руководители публично заговорили о стремлении разрешать спорные вопросы с СССР путем переговоров, всемерно отстаивать дружбу с народом Советского Союза независимо от состояния межгосударственных отношений. В то же время от СССР требовали «конкретных шагов», а по сути — односторонних уступок. В докладе съезду Ху Яобан в деталях разъяснил позицию Пекина: «Отношения между Китаем и Советским Союзом были дружественными на протяжении довольно длительного времени. Они эволюционировали до их нынешнего состояния потому, что Советский Союз проводил гегемонистскую политику. Последние 20 лет Советский Союз постоянно держит крупные контингенты войск на китайско-советской и китайско-монгольской границах. Он поддерживает Вьетнам в его оккупации Кампучии, его экспансию в Индокитае и Юго-Восточной Азии, а также в непрерывном устройстве провокаций на нашей границе. К тому же он с помощью вооруженной силы оккупировал соседний с Китаем Афганистан. Все это создало серьезную угрозу миру в Азии и безопасности Китая. Мы обратили внимание на неоднократные заяв-

¹⁰⁷ 邓小平(Дэн Сяопин):《中国共产党第十二次全国代表大会 开幕词》(Выступление на открытии XXII всекитайского съезда КПК),《人民日报》,1982年9月2日,第二版.

¹⁰⁸ 《胡耀邦谈我国对外政策和中日中美中苏关系 坚持独立自主决不屈服于大国压力》(Ху Яобан о внешней политике нашей страны и китайско-японских, китайско-американских и китайско-советских отношениях: «Придерживаться независимости и самостоятельности, не уступать давлению великих держав»).《人民日报》1982年9月5日,新华社,第一版.

¹⁰⁹ 《人民日报》,1982年9月8日,第四版.

ления советских руководителей об их желании улучшить отношения с Китаем. Однако важны не слова, а дела. Если советские власти действительно имеют искреннее желание улучшить отношения с Китаем и предпримут практические шаги по устранению угрозы безопасности нашей страны, то возникнет возможность развития китайско-советских отношений в сторону нормализации. Между народами Китая и Советского Союза существует давняя дружба. Мы будем всемерно отстаивать и развивать эту дружбу независимо от того, какими будут китайско-советские межгосударственные отношения»¹¹⁰.

Таким образом, в позициях китайского руководства сохранялись и прежние черты. Борьба за мир неразрывно связывалась с противодействием «гегемонизму двух сверхдержав», причем подход Китая к СССР и США был различен. Москва обвинялась в создании «серьезной угрозы» безопасности КНР, без устранения которой советско-китайские отношения не могли быть нормализованы. Речь шла о «трех препятствиях» — о поддержке Советским Союзом вьетнамской политики в Кампучии, советском военном присутствии в Афганистане, дислокации войск на границе с КНР и в Монголии.

И тем не менее, несмотря на упомянутые моменты, изменения в китайской политике были разительными. Произошел переход от конфронтации к ослаблению разногласий и сотрудничеству на мировой арене. Чем он был вызван?

Основной причиной, приведшей к пересмотру стратегии КНР, являлась несовместимость прежнего курса с задачами модернизации экономики, всемерного развития производительных сил и в целом строительства социализма в Китае, поставленными на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. Практика последующих лет показала: для решения внутренних проблем нужны соответствующие внешние условия, в частности, преодоление или приглушение споров с зарубежными странами, обеспечение спокойной обстановки на границах КНР. Модернизация вызывала необходимость диверсификации внешнеэкономических связей, сориентированных тогда в основном на капиталистический мир. Новыми партнерами могли стать СССР и его союзники.

Можно согласиться с мнением Г.В. Зиновьева, что по сути «термин «независимая и самостоятельная внешняя политика», вошедший в широкий обиход после XII съезда КПК, подразумевал не намерение Пекина освободиться от какого-то внешнего влияния — это было сделано более двадцати лет назад — а то, что Китай будет вести дела на мировой арене более реалистично, исходя из собственных прагматических интересов и стараясь проводить более сбалансированную линию в отношениях с двумя сверхдержавами»¹¹¹.

Сегодня российские исследователи в целом высоко оценивают поворот Пекина к «независимой и самостоятельной» внешней политике. По мнению С.Н. Гончарова и О.А. Виноградова, новый курс КНР означал в целом переход от конфронтационного стиля к нормальной дипломатической практике. Более же раннюю внешнюю политику КНР эти авторы связывают с личными чертами Мао Цзэдуна и политическим опытом КПК как партии, завоевавшей власть

¹¹⁰ 胡耀邦 (Ху Яобан): «全面开创社会主义现代化建设的新局面—在中国共产党第十二次全国代表大会上的报告 五、坚持独立自主的对外政策» (Всесторонне создавать новую ситуацию социалистической модернизации. Доклад на XII всекитайском съезде КПК. Часть 5. Придерживаться внешнеполитического курса на независимость и самостоятельность), 第四版.

¹¹¹ Зиновьев Г.В. Указ. соч. С. 256.

в упорной и жестокой борьбе с превосходившими по силам противниками. В связи с этим она продолжала по инерции действовать на международной арене в духе конфронтации¹¹².

Г.В. Зиновьев отмечает роль нового курса в последующей истории КНР: «Интересы развития Китая требовали снижения напряженности в отношениях с соседями, прежде всего с Советским Союзом. “Независимая самостоятельная внешняя политика”, утвержденная съездом, стала внешнеполитическим обеспечением для проведения курса реформ и открытости. В конце восьмидесятых годов она привела к нормализации отношений с СССР, затем позволила Китаю сманеврировать и избежать глубокой изоляции после тяньаньмэньских событий, найти ответ на новые вызовы, которые принес распад социалистического лагеря и окончание холодной войны, а затем и развал СССР. По сути, вектор всех последующих решений, которые принимала китайская дипломатия, был определен 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва и XII съездом партии. В свою очередь, принятая съездом новая внешнеполитическая линия стала отражением внутривнутриполитических процессов, происходивших в стране»¹¹³.

Потребность в сотрудничестве с коммунистическим миром усиливалась по мере того, как все отчетливее стали проявляться негативные последствия контактов с Западом. Китай сталкивался с неготовностью контрагентов удовлетворять некоторые его законные требования. Нарастали и затруднения идеологического и социального свойства.

В китайской печати ставилась под сомнение верность курса на тотальное сотрудничество с Западом в деле модернизации¹¹⁴. Некоторые высокопоставленные лица аппарата министерства иностранных дел КНР, представители военного командования ратовали за более сбалансированную позицию, определенное улучшение межправительственных, экономических, культурных и других контактов между КНР и СССР. Раздавались голоса о несовместимости строительства социалистического общества и сохранения военной конфронтации с Москвой. Приводились доводы в пользу развития торговли с СССР, которая могла осуществляться на безвалютной основе. Высказывалось мнение, что реконструкция предприятий, построенных в 1950-х годах, под силу лишь СССР, что для КНР многие советские технологии подходят больше, чем западные образцы. Пресса отмечала возросший поток писем читателей с призывами добиваться улучшения советско-китайских отношений¹¹⁵. В Институте по изучению Советского Союза и Восточной Европы Академии общественных наук КНР был подготовлен специальный документ, предлагавший возобновить серьезное изучение СССР, снять идеологические, политические и административные преграды на этом пути.

Китайское руководство стало уделять все большее внимание изучению практики экономического, политического и идеологического строительства в СССР

¹¹² Гончаров С.Н., Виноградов О.А. К вопросу об эволюция внешнеполитической концепции в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 4(70). С. 27–28.

¹¹³ Зиновьев Г.В. Указ. соч. С. 8–9.

¹¹⁴ 高放(Гао Фан): 《社会主义的现在、过去和未来》(Настоящее, прошлое и будущее социализма), 北京出版社, 1982年, 第258页.

¹¹⁵ 钟敏(Чжун Минь): 《怎样看当前的中苏关系?》(Как относиться к современным китайско-советским отношениям), 《半月谈》, 1983年, 第五期.

и других коммунистических странах. Советская тема в специализированных журналах получила широкое освещение. Так, журнал «Говай шэхуэй кэсюе», издаваемый информационным центром АОН КНР, в 1982–1983 гг. много места уделял Советскому Союзу. Публиковались материалы о его политике в области капиталовложений, об экономическом образовании в СССР, перепечатывались статьи советских авторов, аннотации изданных в СССР книг и т.п. В феврале 1982 г. Москву в качестве гостей посла КНР посетила группа известных экономистов, которые провели встречи с советскими экспертами¹¹⁶.

В области идеологии часть китайских руководителей была тревогу по поводу распространения среди членов партии «буржуазного либерализма», преклонения части интеллигенции и молодежи перед Западом, его философскими течениями и политической системой. В связи с этим в Пекине стали усматривать пользу в привлечении внимания молодежи к примерам революционного и военного прошлого СССР, лучшим образцам советской литературы и искусства. Газеты напоминали о подвигах Павла Корчагина, Зои Космодемьянской, по телевидению транслировались фильмы о В.И. Ленине и Октябрьской революции, о Великой Отечественной войне. Рассказывалось о положительных аспектах жизни в современном СССР, которые в Пекине хотели перенести на китайскую почву (культура поведения людей, любовь к чтению, социальная активность молодежи и т.д.)¹¹⁷.

Если курс на «социалистическую модернизацию» создавал объективные предпосылки для постепенного отказа КНР от прежней политики, то ряд внешнеполитических обстоятельств послужил, видимо, непосредственной причиной ее пересмотра, ускорил процесс, который являлся неизбежным. В этом плане, прежде всего, следует выделить нарастание разногласий в китайско-американских отношениях. В Пекине отмечали, что с приходом к власти Р. Рейгана Вашингтон вел себя все более вызывающе, пытался навязать КНР роль «младшего, подчиненного партнера», стремился разыграть китайскую «карту» в стратегии сдерживания СССР. Обострились противоречия из-за Тайваня, а также в торгово-экономической и идеологической сферах.

Китайскую сторону не устраивало игнорирование США ее призывов к созданию единого антигегемонистского фронта. В КНР пришли к выводу, что американская линия в рамках «большого треугольника» (СССР–США–КНР) является непоследовательной и, более того, двуличной: подталкивая Китай к конфронтации с Советским Союзом, Белый дом сам в то же время шел на контакты с СССР. На протяжении 1982 г. «Жэньминь жибао» несколько раз печатала подробные аналитические обзоры по этой теме. Газета, в частности, писала: «Общеизвестно, что после прихода к власти администрация Рейгана неоднократно подчеркивала необходимость связывать переговоры с Советским Союзом с его действиями на международной арене. Рейган заявлял, что, если Советский Союз не изменит... поведения, садиться за стол переговоров совершенно бесполезно. Однако, хотя экспансионистская политика СССР несколько не изменилась, Вашингтон и Москва провели... встречу министров иностранных дел. Это были первые переговоры на столь высоком уровне... с момента советского вторжения в Афга-

¹¹⁶ Верещагин Б.Н. Указ. соч. С. 188.

¹¹⁷ «工业化与发展» (Индустриализация и развитие), «世界知识», 1982年, 第八期, 第11页.

нистан... Так называемый принцип «увязки» был отброшен администрацией Рейгана»¹¹⁸. «Белый дом, — отмечалось в другой статье «Жэньминь жибао», — призывает других к жесткости в отношении СССР, препятствует экономическим контактам своих союзников с Москвой, а сам согласился на поставки зерна в Советский Союз. Такая позиция США не может не вызывать недовольства и противодействия»¹¹⁹.

К пересмотру стратегии Пекин подталкивали и некоторые изменения в международном положении СССР. Во-первых, в КНР решили, что Советский Союз в начале 1980-х годов оказался в трудных условиях, и посчитали целесообразным воспользоваться этим для получения от него уступок. «Жэньминь жибао» отмечала: «Советский Союз по-прежнему осуществляет наступательную стратегию, экспансию... Но ноша, которую он взвалил себе на плечи, давит все сильнее. Ухудшается экономическое положение, возрастает изоляция на международной арене... СССР завяз в Афганистане. К этому следует добавить глубокие потрясения в Польше, вызов Североатлантического блока, наращивающего военные приготовления, что делает ситуацию для Советского Союза весьма неблагоприятной... Поэтому СССР несколько смягчил внешнеполитическую линию. Рейган же, напротив, ужесточил ее»¹²⁰. «Советский Союз, — утверждал журнал отдела пропаганды ЦК КПК «Баньюэтань», — все еще вынашивает честолюбивые планы, однако пока не предпринимает крупных акций из-за того, что его засасывает трясина Афганистана, он тащит на своих плечах бремя Вьетнама, Кубы; эту картину дополняют собственные экономические трудности, а также коллизии со всеми странами Запада»¹²¹.

Во-вторых, в Пекине пришли к выводу, что в военно-стратегическом плане диалог с Москвой выгоднее, чем блок с Вашингтоном, который лишь обострял советско-китайские отношения, отвлекал силы от модернизации. Реальной же помощи (как моральной, так и, тем более, материальной) Китай от США не получал. Кроме того, сдвиг в отношениях с СССР мог стать своеобразным рычагом для давления на Соединенные Штаты и для демонстрации стратегической независимости КНР, получения уступок с американской стороны. Благодаря размораживанию советско-китайских отношений Китай мог добиться гораздо большей свободы маневра в рамках «большого треугольника», активнее играть на противоречиях «сверхдержав».

На внешнюю политику Пекина повлияло осознание им и того факта, что из-за своей близости к Вашингтону он несет крупные потери на других направлениях: в развивающемся мире, в международном коммунистическом движении, в коммунистических странах. Сказались и изменения в международной обстановке. Как уже отмечалось, в период разрядки Китай всячески поощрял жесткий подход США к СССР, в том числе и их военные приготовления. В начале 1980-х годов руководство КНР решило, что в этом больше нет необходимости —

¹¹⁸ 张也白 (Чжан Ебай): «评里根政府对外政策的矛盾» (О противоречиях во внешней политике администрации Рейгана), «人民日报», 1982年, 7月31日, 第七版.

¹¹⁹ 袁先禄 (Юань Сяньлюй): «自相矛盾的立场» (Позиция, противоречащая сама себе), «人民日报» 1982年8月6日 第七版.

¹²⁰ «动乱不安错综复杂-1981年国际形势的几个特点» (Нестабильность и запутанность: некоторые особенности международной обстановки в 1981 году), «人民日报», 1982年1月7日, 第六版 专论.

¹²¹ 杨力 (Ян Ли): «尴尬的角色» (Странная роль), «半月谈» 1982年, 第54页.

отношения между СССР и США перешли тогда в стадию острой конфронтации. В печати подчеркивалось, что «сверхдержавы» никогда не смогут объединиться для руководства миром; их противоборство постоянно¹²²; отношения между ними будут двигаться по «наклонной плоскости»¹²³. Осознав всю остроту обстановки, в Пекине забеспокоились, что Китай против своей воли может оказаться втянутым в крупный конфликт. Зазвучал тезис о том, что Китай добивается смягчения напряженности в отношениях между Востоком и Западом.

Таким образом, в 1982 г. в КНР начали пересмотр внешней политики. В военно-стратегической области Китай взял курс на диалог с СССР, демонстрируя независимость от США. При этом имелось в виду, что улучшение отношений с Москвой будет происходить в определенных рамках, с тем, чтобы не оттолкнуть от КНР Соединенные Штаты, которые по-прежнему рассматривались в качестве противовеса советскому влиянию в мире. Политическая цель китайского руководства состояла в обеспечении возможностей для развития отношений с СССР и его союзниками, зарубежными коммунистическими партиями, максимально широким кругом развивающихся государств. В экономической области ставилась задача диверсифицировать зарубежные источники передовых технологий и финансовых средств, рынки сбыта китайских товаров. Идеологические интересы КПК требовали ограждения китайского народа от интенсивного западного влияния, воспитания его в коммунистическом духе, в частности, на опыте других стран социализма.

В то же время в Китае считали, что СССР реально угрожает его безопасности, и требовали изменений в политике Москвы. Оценивая ситуацию в начале 1980-х годов, известный китайский дипломат Цянь Цичэнь писал: «Тогда Китай и Советский Союз находились в состоянии серьезного противостояния: Советский Союз размещал миллионные армии в Монгольской Народной Республике и в приграничных районах на протяжении китайско-советской границы; в конце 70-х годов он поддерживал Вьетнам в его нападении на Кампучию; одновременно сам отправил войска в Афганистан. В результате всего этого сложилась ситуация прямой угрозы безопасности нашей страны... Однако в начале 1982 г. появились тонкие признаки некоторых изменений в китайско-советских отношениях»¹²⁴.

Со своей стороны СССР более активно стремился наладить контакты с КНР. Выступая в Ташкенте 24 марта 1982 г., советский лидер Л.И. Брежнев впервые после долгого перерыва заявил: «Мы не отрицали и не отрицаем наличия в Китае социалистического общественного строя». В устах руководителя КПСС это делало Китай страной «социально близкой», с которой можно иметь хорошие отношения, причем на принципиально иной основе, чем с капиталистическим миром Запада. В то же время Л.И. Брежнев уточнил, что «смычка Пекина с политикой империалистов на мировой арене противоречит, конечно, интересам социализма», и высказал намерение в дальнейшем критиковать

¹²² 虞家复(Юй Цзяфу): «政治家要象雄狮一样刚毅» ((Политик должен быть стойким как тигр), «瞭望», 1982年, 第1期, 第38页.

¹²³ 姚达添, 周维胜 (Яо Датянь, Чжоу Вэйшэн): «你们的事业一定成功 — 记邓副主席与哈默博士的会见 (Ваше дело обязательно победит. О встрече заместителя председателя Дэна с доктором Хаммером)», «瞭望», 1982年, 第5期, 第8页.

¹²⁴ Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий. Пекин, 2005. С. 9.

не соответствующие «социализму» элементы его политики. Далее советский лидер подчеркнул, что «со стороны Советского Союза не было и нет никакой угрозы Китайской Народной Республике». Л.И. Брежнев подтвердил советскую позицию о том, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Он также заявил об отсутствии территориальных претензий к Китаю и провозгласил готовность «в любое время продолжить переговоры по имеющимся пограничным вопросам в целях достижения взаимоприемлемых решений» и «обсуждать вопрос о возможных мерах по укреплению взаимного доверия в районе советско-китайской границы»¹²⁵.

**ЦЯНЬ Цичэнь 钱其琛 (р. 1928) —
государственный деятель и дипломат КНР**

Родился в 1928 г. недалеко от Шанхая. Будучи учеником средней школы в Шанхае, в 1942 г. вступил в КПК. В 1942—1954 гг. — на партийной работе, занимался работой с молодежью и учащимися. В 1954—1955 гг. учился в Москве в Центральной комсомольской школе. В 1955—1963 гг. работал в Посольстве КНР в СССР. В 1963—1966 гг. — в Министерстве высшего образования КНР. В годы культурной революции подвергался нападкам, отправлен на перевоспитание в «Школу кадров седьмого мая». С 1972 по 1982 г. работал советником китайского посольства в Москве, послом в Гвинее, начальником управления информации МИД.

С 1982 г. — заместитель министра, с 1988 по 1998 г. — министр иностранных дел, с 1991 г. — член Госсовета КНР. В 1992 г. избран членом Политбюро ЦК КПК. В 1993—2003 гг. — вице-премьер Госсовета КНР, курирующий внешнюю политику. С 2000 г. директор, затем — почетный директор Школы международных отношений Пекинского университета. С 2004 г. — почетный председатель китайской части Китайско-российского комитета дружбы, мира и развития. Сыграл ключевую роль на последнем этапе нормализации советско-китайских отношений и в период их перехода к российско-китайским. Внес значительный вклад в развитие двусторонних отношений, расширение и укрепление научного и культурного сотрудничества между двумя странами. Награжден высшей наградой МГУ — Орденом «Служение и Честь» I степени. В 2003 г. вышла книга Цянь Цичэня «Десять очерков по проблемам внешней политики», два очерка посвящены теме отношений Китая с СССР и Россией: «Нормализация советско-китайских отношений» и «От СССР к России» (русский перевод опубликован в 2005 г.).



¹²⁵ Речь товарища Л.И. Брежнева на торжественном заседании в Ташкенте, посвященном вручению Узбекской ССР ордена Ленина // Правда. 25 марта 1982 г.

В Китае сразу же заметили новую интонацию в словах советского лидера и решили, что момент для движения в сторону нормализации назрел. Цянь Цичэнь, в то время занимавший должность заведующего отделом информации МИД КНР, вспоминает: «Товарищ Дэн Сяопин сразу обратил внимание на информацию, прозвучавшую в выступлении Брежнева в Ташкенте. В то время наметился прогресс на китайско-американских переговорах по вопросу о продаже США Тайваню оружия. Ожидалось подписание коммюнике от 17 августа, третьего из трех китайско-американских коммюнике. Можно сказать, что новые рамки китайско-американских отношений в основном были обозначены, и созревали возможности для начала деятельности по улучшению китайско-советских отношений. Проанализировав тогдашнюю ситуацию, мы отметили, что в связи с введением своих войск в Афганистан СССР несет на себе тяжкий груз. День ото дня становится все более напряженной борьба между Советским Союзом и США во всех сферах по земному шару. Советский Союз почувствовал, что руки у него коротки и что ему придется провести стратегическое урегулирование в политике. А смягчение отношений с Китаем — один из важных актов. Благодаря всему этому для нас объективно предоставлялась возможность урегулирования политических установок в отношении Советского Союза»¹²⁶.

В результате Дэн Сяопин дал личное указание отреагировать на выступление советского лидера. 26 марта представитель МИД КНР Цянь Цичэнь заявил: «Нами принята во внимание речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева, произнесенная им в Ташкенте 24 марта, в которой он коснулся китайско-советских отношений. Мы решительно отвергаем нападки на Китай, содержащиеся в его речи. В китайско-советских отношениях и международных делах мы придаем значение практическим действиям Советского Союза»¹²⁷.

Летом 1982 г. в резиденции Дэн Сяопина состоялось совещание по вопросу дальнейшего развития отношений с СССР, на котором присутствовал ряд старейших руководителей КПК, в том числе Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, а также представители МИД. На совещании было поддержано предложение Дэн Сяопина высказать заинтересованность Китая в нормализации двусторонних отношений, но обусловить ее предварительным устранением Советским Союзом «трех препятствий», а именно, СССР должен отвести войска из приграничных регионов и МНР, вывести вооруженные силы из Афганистана и способствовать выводу вьетнамских войск из Кампучии. Для передачи этого послания в августе в Москву был специально направлен заведующий отделом СССР и стран Восточной Европы МИД Юй Хунлян. В ответном меморандуме Москва предложила начать переговоры для поиска путей преодоления препятствий. Такой ответ в Пекине восприняли как позитивный и согласились начать новый раунд консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел, которые начались в октябре 1982 г.¹²⁸

Между тем, Москва не прекратила выступать с новыми призывами. Так, в Баку 26 сентября 1982 г. Л.И. Брежнев заявил о необходимости нормализации двусторонних отношений: «Если говорить об Азии, то здесь мы считали бы очень важным делом нормализацию, постепенное оздоровление отношений между СССР

¹²⁶ Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий. Пекин, 2005. С. 9—10 (пер. с кит. отредактирован).

¹²⁷ «就勃列日涅夫在塔什干的讲话我国外交部发言人发表谈话» (Выступление пресс-секретаря МИД нашей страны по поводу речи Брежнева в Ташкенте), «人民日报», 1982年3月27日, 第一版.

¹²⁸ Цянь Цичэнь. Указ. соч. С. 11—15.

и Китайской Народной Республикой на основе, я бы сказал, здравого смысла, взаимного уважения и взаимной выгоды»¹²⁹. За две недели до смерти, 27 октября 1982 г., выступая на совещании руководящего состава Советской Армии, Л.И. Брежнев вновь вернулся к отношениям с Китаем. Он сказал: «Мы искренне хотим нормализации отношений с этой страной и делаем все зависящее от нас в этом направлении. В Пекине теперь тоже говорят, что желательна нормализация. Пока не видно принципиальных перемен во внешнеполитическом курсе КНР. Однако новые моменты, которые появляются, мы не должны игнорировать»¹³⁰.

**Дэн Сяопин (1904–1997) —
выдающийся китайский политик и реформатор,
видный деятель КПК**

Родился 22 августа 1904 г. в деревне Пайфан уезда Гуанъань провинции Сычуань в семье сельского интеллигента. В 1919 г. уехал учиться во Францию, где в свободное от учебы время подрабатывал на железных рудниках, на автозаводе «Рено», пожарным и официантом. Во Франции проникся идеями марксизма. В 1921 г. вступил в Коммунистический союз молодежи Китая, а в 1923 г. — в КПК. В 1926 г. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока и Университете им. Сунь Ятсена в Москве. В сентябре 1926 г. вернулся в Китай, где стал подпольщиком. В 1928 г. руководил восстанием против гоминьдановского правительства в Гуанси. После образования КНР в 1949 г. был направлен для работы в юго-западные районы страны. С 1952 г. — вице-премьер. В конце 1950-х гг. после провала политики «Большого скачка» стал одним из разработчиков политики урегулирования. С 1956 г. — Генеральный секретарь ЦК КПК. С 1956 по 1963 г. неоднократно бывал в СССР для ведения переговоров и идеологической полемики с КПСС. Во время «культурной революции» снят со всех постов и направлен простым рабочим на тракторный завод. В 1973 г. Мао Цзэдун по настоянию Чжоу Эньля вернулся Дэн Сяопина на должность вице-премьера Госсовета. С января 1975 г. — заместитель председателя ЦК КПК, Центрального военного совета ЦК КПК, начальник Генштаба НОАК. После смерти Чжоу Эньля в 1976 г. вновь попал в опалу, смещен со всех постов, однако после смерти Мао Цзэдуна (формально занимая различные должности) стал фактическим лидером Китая и начал политику реформ. С 1976 по 1981 г. был Генеральным секретарем ЦК КПК. В 1981 г. стал Председателем Центрального военного совета КНР. На встрече с М.С. Горбачевым в Пекине в мае 1989 г. предложил СССР и Китаю «поставить точку на прошлом, открыть двери в будущее». В том же году выступил инициатором подавления студенческого движения, требовавшего политических реформ. Вскоре после этого отказался от всех постов, хотя и продолжал оказывать решающее влияние на китайскую политику. В начале 1992 г. совершил поездку по южным провинциям Китая, где выступил с речами в поддержку продолжения и углубления экономических реформ. Умер 19 февраля 1997 г.



¹²⁹ Речь товарища Л.И. Брежнева на торжественном заседании а Баку, посвященном вручению Азербайджанской ССР ордена Ленина // Правда. 27 сентября 1982 г.

¹³⁰ Совещание военачальников в Кремле. Речь товарища Л.И. Брежнева // Правда. 28 октября 1982 г.

Изменения диктовались нарастанием внешнеполитических и внутренних трудностей, с которыми столкнулся Советский Союз, а также реакцией на сдвиги в самом Китае. Сыграло роль и то обстоятельство, что в кругах, причастных к принятию внешнеполитических решений, усилилось влияние людей, выступавших за более взвешенный внешнеполитический курс.

От теории к практике

Установки XII съезда КПК открыли путь к осуществлению новой внешнеполитической линии, но она закреплялась постепенно, в борьбе мнений, через мучительное преодоление стереотипов, трудное урегулирование конфликтов.

На американском направлении перемены выразились вначале в ужесточении китайских позиций по спорным вопросам, дистанцировании КНР от США на международной арене. Пекин игнорировал американские предложения стратегического характера и все настойчивее подчеркивал независимость и самостоятельность своего внешнеполитического курса. Уже не говорилось, как прежде, о понимании позиций Вашингтона в вопросах разоружения и международной безопасности. США критиковались за политику на Ближнем Востоке, Юге Африки, Корейском полуострове, в Западной Европе и Центральной Америке, за ущемление экономических интересов вновь образовавшихся государств. В КНР начали осуждать рост милитаризма и реваншизма в Японии, негативные, с точки зрения китайских интересов, последствия политики ряда западноевропейских государств.

Изменения в стратегии КНР на международной арене отчетливо проявились в ходе визита в Пекин в мае 1982 г. вице-президента США Дж. Буша-старшего. Перед этой поездкой Р. Рейган обратился к китайским руководителям с серией посланий, в которых призывал КНР отложить споры и совместно бороться против СССР. В том же духе высказывался на переговорах и Дж. Буш: «То, что объединяет Китай и США в стратегической области, гораздо важнее любых разногласий; огромные проблемы — это те, что стоят перед нами, а не между нами»¹³¹. Китайская сторона, однако, не отреагировала на это заявление и сделала акцент на тайваньской проблеме¹³². О положении в мире руководители КНР говорили в самых общих чертах, воздерживаясь при этом от какой-либо официальной критики в адрес СССР. В аналогичном ключе велись и все беседы с представителями Белого дома, конгресса, а также неправительственных кругов США, которые посещали в этот период КНР.

Одновременно китайские руководители выражали свою заинтересованность в том, чтобы совместными усилиями добиваться постепенной нормализации и установления добрососедских связей с СССР. При этом в Пекине указывали, что на пути нормализации остаются «три препятствия».

Советский Союз в свою очередь постоянно подтверждал готовность развивать контакты с Китаем, невзирая на противоречия, а пропаганда в этих вопросах стала сдержаннее. Вместе с тем в СССР настороженно следили за расширением сотрудничества КНР с западными странами, усматривая в этом антисоветский

¹³¹ US Embassy in Beijing, Press Release. 10.09.1982.

¹³² «解铃还须系铃人» (Решать проблему должен тот, кто ее создал), «人民日报», 1982 г. 5月2日, 第六版; «赵紫阳总理会见布什副总统» (Премьер Чжао Цзыян принял вице-президента Буша), «人民日报», 1982 г. 9月5日, 第一版.

подтекст (тем более что отношения СССР с Западом с каждым днем ухудшались). Неоднозначную реакцию вызывали в СССР социально-экономические реформы в Китае: для многих они выглядели как отрицание устоев социализма, сползание к капитализму, усиление зависимости от империализма.

Трудно было смириться с осуждением со стороны КНР советской политики в Афганистане и Индокитае, с обвинениями Советского Союза в «гегемонизме», с тезисом о «двух сверхдержавках», ведущих борьбу за «мировое господство». Анти-советский настрой усматривался в выступлениях КПК против «руководящего центра в мировом коммунистическом движении», в ее призывах к независимости и самостоятельности партий, к созданию любой социалистической страной собственной модели социализма.

И все же стороны, хотя и медленно, но двинулись навстречу друг другу. КНР предложила возобновить прерванные из-за афганских событий политические консультации, и их первый раунд состоялся в октябре 1982 г. в Пекине. Несколько оживились торгово-экономические, научно-технические, культурные и спортивные связи между двумя странами. В 1983 г. состоялось еще два раунда политических консультаций, которые прошли в спокойной и откровенной атмосфере. Имели место другие встречи политического характера. Вырос товарооборот, расширились деловые связи между приграничными районами, был подписан ряд важных документов по сотрудничеству в различных областях.

При этом Китай не отказывался от связей с Западом, в том числе с Соединенными Штатами. В Пекине не скрывали, что заинтересованы в них как по экономическим, так и по политическим мотивам. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в военно-стратегической области Китай оставался ближе к Западу. В китайской печати отмечалось, что опасность Китая и другим азиатским государствам представляет гегемонизм СССР и что ключевым звеном в борьбе с ним является требование к СССР и его союзнику Вьетнаму вывести войска соответственно из Афганистана и Кампучии¹³³.

Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1983 г., министр иностранных дел КНР У Сюэцян назвал афганский и кампучийский вопросы двумя главными источниками напряженности в мире¹³⁴. На встрече со своим японским коллегой С. Абэ он заявил, что советские ракеты в Азии создают «общую угрозу» Китаю и Японии.

В Пекине отмечали «много общих» моментов в позициях КНР и США по проблемам Индокитая, Афганистана, Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, высказывали идею о налаживании сотрудничества на Тихом океане с участием Китая, Японии, Соединенных Штатов и других стран (Советский Союз среди них не упоминался). Выражалась поддержка военным приготовлениям Японии, ее территориальным претензиям к СССР¹³⁵. Пекин поощрял американцев и их союзников к более энергичным действиям в Кампучии и Афганистане¹³⁶.

¹³³ «世界知识» 1983年第一期.

¹³⁴ «促进国家发展需要和平国际环境» (Чтобы стимулировать развития государства необходимо мирное международное окружение), «人民日报», 1983年11月1日, 第三版.

¹³⁵ «胡耀邦在东京举行记者招待会» (Пресс-конференция Ху Яобана в Токио) «人民日报», 1983年11月27日, 第6版.

¹³⁶ «评所谓柬埔寨问题的“国际方面”» (О «международном аспекте» так называемой кампучийской проблемы), «人民日报» 1983年8月11日 第六版; «民柬联合政府呼吁各国维护民柬席位» (Коалиционное правительство Демократической Кампучии призывает все государства сохранить ее место). «人民日报» 1983年9月30日, 第六版.

В 1982—1983 гг. китайское руководство предприняло меры по преодолению осложнений с США и Японией. Состоялся обмен визитами на высоком политическом и военном уровне, стороны пошли на ряд взаимных уступок. США, по существу, вынуждены были согласиться с независимой и самостоятельной линией КНР в международных делах, с ее правом занимать несовпадающие, даже противоречащие американским интересам позиции на мировой арене. Был сделан выбор в пользу нейтрализации негативных для США тенденций в китайской политике путем углубления сотрудничества с КНР в ряде областей.

На приеме в честь У Сюецяня 11 октября 1983 г. государственный секретарь Дж. Шульц подчеркнул: «Порой нас беспокоили ваши позиции, а вас — наши, но различия в точках зрения и подходах — нормальное явление в любых отношениях и особенно в столь быстро развивающихся и сложных, как американо-китайские... Мы — две дружественные, но гордые и независимые нации... которые постепенно учатся по-настоящему понимать друг друга... Мы учимся тому, как окончательно и справедливо разрешить наши споры»¹³⁷.

«Обеспечив надежный тыл» на Западе, Пекин активизировал связи с коммунистическим миром. В июне 1983 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) прозвучало заявление, что восточноевропейские страны строят социализм, а 1 октября эти государства были названы социалистическими уже официально. Торгово-экономические контакты КНР с Восточной Европой стали переводиться на договорную основу.

Китай решил продвинуться дальше и в отношениях с СССР. Дэн Сяопин в беседе с З. Бжезинским 22 февраля 1984 г. заявил, что впредь наличие «трех препятствий» не будет мешать развитию связей между КНР и СССР во всех областях, кроме политической. Он подчеркнул, что КНР больше не является стратегическим партнером США. Китайская печать стала призывать «сверхдержавы» перейти от конфронтации к диалогу. В КНР пригласили сначала Р. Рейгана, а затем первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И.В. Архипова. В ходе приема главы американской администрации хозяева проявили максимальный интерес к стабилизации отношений с США и углублению делового сотрудничества. Вместе с тем гостю разъяснили, что ему не удастся использовать КНР в качестве «пешки» в противоборстве «двух сверхдержав».

И.В. Архипову, прибывшему в Пекин в декабре 1984 г., устроили теплую встречу. Была выражена благодарность за помощь, которую СССР оказал Китаю в 1950-е годы, высказана заинтересованность в налаживании между соседними государствами тесных контактов. Были подписаны соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. Стороны условились подготовить долгосрочное торговое соглашение, значительно расширить обмены в сфере науки, образования, культуры.

¹³⁷ «吴学谦外长抵美访问同舒尔茨 国务卿举行第一轮会谈» (Прибывший с визитом в США министр иностранных дел У Сюецянь провел первый раунд переговоров с госсекретарем Шульцем), «人民日报», 1983 г. 10 октября, 6-я стр.

**Иван Васильевич АРХИПОВ (1907–1998) —
советский государственный деятель, руководитель группы
советских специалистов в Китае (1950–1958)**

И.В. Архипов родился в 1907 г. в Калуге. В 1921–1929 гг. — токарь железнодорожных мастерских в Калуге. В 1932–1938 гг. — работает на металлургических заводах в различных городах страны. В 1939 г. — 1-й секретарь Криворожского горкома КП(б)У. В 1939–1943 гг. — заведующий отделом цветной металлургии Управления кадров ЦК ВКП(б). В 1943–1948 гг. — заместитель наркома (министра) цветной металлургии СССР. В 1948–1950 гг. — заместитель министра металлургической промышленности СССР. В 1950–1958 гг. три раза назначался советником посольства СССР в КНР. В 1950–1953 гг. — 1-й заместитель министра цветной металлургии СССР. В 1953–1954 гг. — заместитель министра металлургической промышленности СССР. В 1954–1957 гг. — заместитель министра цветной металлургии СССР. Одновременно руководил советскими советниками в Китае. В 1958–1974 гг. — заместитель, 1-й заместитель Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям. В 1974–1980 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1980–1986 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Депутат Верховного Совета СССР 9–11 созывов. Член ЦК КПСС (1976–1989). Герой Социалистического Труда (1977). С 1986 г. — на пенсии. Умер в 1998 г. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.



Выбор кандидатуры И.В. Архипова, возглавлявшего в 1950-е годы советских специалистов в КНР и лично знавшего многих китайских руководителей старшего поколения, был крайне удачным, в Китае его приняли очень тепло. Согласно Цянь Цичэню, этот визит имел особое значение: «Это была первая со времени серьезного ухудшения китайско-советских отношений в конце 60-х годов делегация на высшем уровне, направленная Советским Союзом в Китай. В 50-х годах XX в. Архипов работал начальником группы советских специалистов, оказывавших помощь Китаю. Он внес вклад в дело строительства нашей страны в период выполнения первого пятилетнего плана. Он дружески относился к Китаю и никогда не злословил по поводу Китая во времена ухудшения отношений между двумя странами. Китайская сторона оказала высокое уважение Архипову, встречая его. Его принял Дэн Сяопин. С ним встретились Чэнь Юнь, Пэн Чжэнь, Бо Ибо и другие старые друзья, в свое время работавшие вместе с ним. Какая же была горячая и трогательная атмосфера, когда вновь встречаются старые друзья!»¹³⁸

¹³⁸ Цянь Цичэнь. Указ. соч. С. 24.

В том же году впервые после длительного перерыва состоялась встреча министров иностранных дел СССР и КНР в Нью-Йорке, на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В целом советско-китайские отношения получили весьма существенный импульс. Тем не менее в Китае подчеркивали, что эти отношения по-прежнему не являются нормальными, что в политической области сдвигов нет, китайско-советское противоборство в Азии, прежде всего в Индокитае, фактически сохраняется. Руководство КНР, как и ранее, отказывалось от заключения каких-либо документов с СССР вместо аннулированного договора от 14 февраля 1950 г., от восстановления в полном объеме политических и межпартийных связей, а также от возобновления пограничных переговоров и взаимодействия в международных делах.

Что касается Советского Союза, то он проявлял в этот период большую активность. Но не все в советской политике способствовало подлинному улучшению отношений с Китаем. Не было перемен в подходе к проблемам Афганистана и Кампучии, оставался в силе курс на их военное решение, и советская дипломатия даже отказывалась говорить на эти темы с Пекином. Не прекращалось совершенствование военного потенциала, в частности ракетно-ядерного на Дальнем Востоке. Неоправданно болезненную реакцию продолжали вызывать в Москве связи Китая с Западом, особенно с США. Это лишь подогревало интерес Вашингтона к тому, чтобы разыграть «китайскую карту», и усиливало аргументы тех в Пекине, кто заявлял, что Советский Союз не желает признать независимость и самостоятельность Китая, его право иметь собственную политику. Аналогичные чувства вызывало в КНР и настороженное отношение СССР к развитию контактов между Пекином и советскими союзниками в Восточной Европе, радикальными режимами развивающегося мира (которые в СССР называли государствами «социалистической ориентации»), а также к разворачивающимся в Китае реформам.

В практических делах тормозом нормализации также подчас выступала советская сторона. Так, например, совершенно неожиданно в последний момент был перенесен упомянутый выше визит И.В. Архипова, который первоначально намечался на май, а состоялся лишь в декабре 1984 г. Советский Союз не поощрял контактов по линии народной дипломатии, туризма, имели еще место рецидивы «борьбы с маоизмом». Трудно, конечно, было ожидать гибкости, широкого взгляда советской дипломатии в тот период, который теперь называют периодом «застоя»¹³⁹. В Китае подчеркивали, что Советский Союз ужесточил линию на всех внешнеполитических направлениях¹⁴⁰ и вынудил США к наращиванию военных приготовлений, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁴¹.

¹³⁹ Подробнее о противоречиях в советской политике на китайском направлении на том этапе см.: *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007. С. 147–208; *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. С. 266–270.

¹⁴⁰ 李静杰 (Ли Цзинцзе): «当前苏联对外政策中的若干问题» (Некоторые вопросы современной внешней политики СССР), «世界知识», 1984年, 第三期, <http://euroasia.cass.cn/news/61746.htm>.

¹⁴¹ 王保勤、阎玉梅、顾关福 (Ван Баоцин, Янь Юймэй, Гу Гуаньфу): «美苏在第三世界的争夺» (Американо-советское противоборство в третьем мире), «世界知识» 1984年, 第十七期, 第2–5页.

Фактор перестройки

В 1982–1984 гг. в развитии советско-китайских отношений был достигнут некоторый прогресс. Однако напряженность не исчезла. Такая ситуация сохранялась бы и дальше, если бы не перестройка, начатая в СССР в апреле 1985 г. Именно она открыла возможности для перелома в международных отношениях. Каково же было ее воздействие на советско-китайские отношения и в чем оно выражалось?

Пекин отреагировал на избрание в марте 1985 г. М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС признанием (после более чем 20-летнего перерыва) Советского Союза социалистической страной, а также заявлением, что с ним могут развиваться и политические контакты. Однако первостепенное значение имели новые советские инициативы в отношениях с КНР. М.С. Горбачев призвал устранить все наслоения прошлого, пригласил представителей КПК принять участие в XXVII съезде КПСС.

Михаил Сергеевич ГОРБАЧЕВ (р. 1931) — советский государственный и партийный лидер

Родился 2 марта 1931 г. в селе Привольное Северо-Кавказского края (ныне Ставропольский край) в крестьянской семье. С 13 лет периодически совмещал учебу в школе с работой в МТС и в колхозе. С 15 лет работал помощником комбайнера машинно-тракторной станции. В 1948 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1950 г. поступил без экзаменов в МГУ имени М.В. Ломоносова. После окончания юридического факультета в 1955 г. направлен в Ставрополь. Работал заместителем заведующего Отделом агитации и пропаганды Ставропольского крайкома ВЛКСМ, Первым секретарем Ставропольского горкома комсомола, затем Вторым и Первым секретарем крайкома ВЛКСМ (1955–1962). В 1952 г. вступил в КПСС. С 1963 г. — заведующий отделом партийных органов Ставропольского крайкома КПСС. С сентября 1966 г. — Первый секретарь Ставропольского горкома КПСС. С 1968 г. — Второй, а с 1970 г. — Первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. В 1971–1992 гг. член ЦК КПСС. В 1978 г. назначен секретарем ЦК КПСС. С 1979 по 1980 г. — кандидат, с 1980 г. — член Политбюро ЦК КПСС. В 1985–1991 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПСС. В 1988–1989 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В мае 1989 г. посетил Китай, где встретился в Дэн Сяопином и другими китайскими руководителями. Этот первый после разрыва КПСС с КПК визит советского лидера означал формальное завершение процесса нормализации двусторонних отношений. В 1989–1990 гг. — Председатель Верховного Совета СССР. С марта 1990 г. — Президент СССР. В декабре 1991 г. ушел с этого поста в связи с прекращением существования СССР. Лауреат Нобелевской премии мира 1990 г. После отставки возглавляет основанный им Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), ведет общественную деятельность.



Большой резонанс в КНР имело выступление М.С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г. В нем была публично подтверждена готовность к советско-китайской встрече на любом уровне, выдвинуто предложение обсудить конкретные меры по пропорциональному снижению численности сухопутных сил, выражено стремление к сотрудничеству в социально-экономической области, к обмену опытом, подчеркнута заинтересованность СССР в объединении усилий по использованию ресурсов реки Амур, отмечена возможность расширения экономических связей в приграничных районах, подтверждено, что пограничной линией является главный фарватер реки Амур. Во владивостокской речи были также обозначены подходы к устранению так называемых «трех препятствий»: объявлено о значительном сокращении военного присутствия СССР в Монголии, о частичном выводе советских войск из Афганистана, выражена заинтересованность СССР в нормализации китайско-вьетнамских отношений¹⁴².

Особый интерес в КНР вызвали высказывания о пограничной линии, о пребывании советских войск в Монголии и Афганистане, а также относительно двустороннего экономического сотрудничества. Оценивая новые позиции советского руководства, Цянь Цичэнь, в то время — заместитель министра иностранных дел, замечает: «Следует обратить внимание на то, что он занял позицию, которой придерживался Китай в переговорах о китайско-советской границе, соглашаясь на установление пограничной линии на реке Амур (Хэйлунцзян) посередине главного фарватера... Это выступление Горбачева по сравнению с его выступлениями, сделанными после его вступления в должность, показало, что в позиции советской стороны произошли важные изменения. По вопросу «трех препятствий» он на этот раз не пропел старую песню типа «неустановление предварительных условий», «непричинение ущерба интересам третьей страны», «никогда не было угрозы Китаю». Больше не было уклонений от вопроса вывода вооруженных сил из Афганистана, Монголии и китайско-советских пограничных районов. Позиция его в определенной степени смягчилась. О Вьетнаме и Кампучии он говорил сравнительно спокойным тоном, заявляя, что сейчас имеются благоприятные шансы для разрешения вопроса». В результате, по словам Цянь Цичэня, ЦК КПК принял решение: «используя этот шанс и предприняв соответствующие ответные меры, выразить осторожное приветствие выступлению М.С. Горбачева. Однако в вопросе «трех препятствий» мы, непоколебимо настаивая на своем, продолжаем оказывать давление. Одновременно проявляя активное отношение и принимая формулировку о разграничении границы по главному фарватеру, мы дали согласие на возобновление переговоров о границе»¹⁴³.

Официальный комментарий владивостокской инициативы в КНР был следующим: «Мы со всей серьезностью оцениваем и придаем большое значение высказываниям Генерального секретаря Горбачева по поводу Китая и китайско-советских отношений... Китайская сторона принимает во внимание то, что в них содержатся некоторые новые моменты, о которых раньше не говорилось. Мы приветствуем это». В то же время отмечался недостаточный прогресс в решении вопроса «препятствий»¹⁴⁴.

¹⁴² Горбачев М.С. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостока Ордена Ленина // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат, 1987. С. 26, 31–33.

¹⁴³ Цянь Цичэнь. Указ. соч. С. 27–28.

¹⁴⁴ «人民日报», 1986年8月14日 第六版.

Практическим результатом речи М.С. Горбачева во Владивостоке стало возобновление пограничных переговоров. Договоренность об этом была достигнута в ходе девятого раунда политических консультаций в октябре 1986 г. Продолжалось и развитие торгово-экономического сотрудничества: с 1986 г. ежегодно проходили заседания межправительственной комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству, которую возглавляли заместители глав правительств СССР и КНР. Росли объемы двусторонней торговли. Если в 1981 г. ее объем составлял всего 180 млн руб., то в 1986 г. превысил 1,8 млрд руб.

Наибольшее значение для дальнейшего переосмысления в Китае подхода к СССР, для нового восприятия нашей страны и продвижения вперед советско-китайских отношений имели планы и действия Советского Союза, обозначенные, в частности, в интервью М.С. Горбачева индонезийской газете «Мердека» (июль 1987 г.), в речи в Красноярске (сентябрь 1988 г.) и ряде других выступлений и документов. Среди них подписание женеvских соглашений по Афганистану и реализация их на практике; согласие СССР на ликвидацию всех РСМД в Азии; реалистические шаги, направленные на скорейшее урегулирование кампучийского вопроса; сокращение советской военной группировки в Монголии на 75%; уменьшение численности вооруженных сил в восточных районах СССР на 200 тыс. человек; предложение отказаться от пункта материально-технического снабжения ВМС во вьетнамской бухте Камрань в обмен на ликвидацию американских баз на Филиппинах; инициативы по мерам доверия в районе границы; выражение уважения независимой и самостоятельной политики КНР, ее интересам на Западе; признание за Китаем роли великой державы, участвующей в решении крупных международных проблем. Большое значение также имели позитивный подход к развитию связей Китая со странами коммунистического блока, зарубежными коммунистическими партиями, благожелательное освещение китайской тематики в советских средствах массовой информации, публикация основополагающих документов КПК, некоторых трудов китайских лидеров, активная позиция по развитию торгово-экономических, научно-технических, культурных и других связей с КНР.

Итак, в СССР не просто заговорили о своем желании преодолеть полосу отчуждения в отношениях с Китаем, но и подтверждали это делами. Большую роль сыграл тот факт, что обе страны стали решать схожие внутренние задачи по проведению глубоких реформ. Появилась общность целей — солидная основа для сотрудничества, изучения опыта друг друга. Очевидно и то, что преобразования в СССР обнадеживали силы, выступающие в КНР за «обновление социализма». По существу, создалась принципиально новая ситуация, когда на смену попыткам ослабить партнера пришла потребность в совместных достижениях.

В Пекине стали подчеркивать, что перестройка в обеих странах «сходна по многим направлениям», поэтому «будет полезен взаимный учет опыта, разумеется, без механического копирования». Китайские руководители неоднократно давали позитивную оценку советским реформам, желали СССР успехов. Со страниц китайской печати зазвучала мысль о том, что реформы — это общая тенденция для всего социалистического мира, только так социализм сможет доказать превосходство над капитализмом. Подчеркивалось, что от советской перестройки зависят судьбы мирового социализма.

С удовлетворением воспринимали в Пекине общий поворот во внешнеполитической стратегии СССР. На первом Всекитайском симпозиуме по теории международных отношений, прошедшем в августе 1987 г. в Шанхае, было выделено несколько новых аспектов во внешнеполитической концепции Советского Союза: изменение оценки характера нынешнего этапа, вместо «эпохи краха империализма» — «эпоха мирного соревнования двух систем»; вывод о возможности дальнейшего роста капиталистической экономики; признание многополюсности мира; осознание недопустимости ядерного конфликта; констатация того, что безопасность государств должна быть взаимной и всеобщей; деидеологизация внешней политики; отказ от навязывания развивающимся странам своей модели; подчинение внешней политики государства внутренним интересам¹⁴⁵.

В разных вариациях эти тезисы присутствовали в других источниках. Подчеркивалось, что в СССР осознали длительный характер перехода к социализму, необходимость использования мирных средств для его завершения; поняли, что мирное сосуществование не форма классовой борьбы, а единственно возможная политика в ядерную эпоху, что вопрос заключается в совместном существовании и развитии двух систем¹⁴⁶. По мнению китайских экспертов, советское руководство «пришло к выводу, что милитаризм не является неизбежным итогом развития всех капиталистических стран, что у них следует многому поучиться, убедилось в несостоятельности попыток экспортировать революцию и в необходимости только своими достижениями доказывать «третьему миру» превосходство социализма над капитализмом»¹⁴⁷. Говорилось о том, что в СССР перестали делить развивающиеся страны на «реакционные» и «передовые»¹⁴⁸.

Китайские военные специалисты обращали особое внимание на то, что советская военная доктрина перестала быть наступательной, что ранее было для нее крайне характерно. Они отмечали, что в СССР признана невозможность победы в ядерной войне, выдвинута концепция «разумной достаточности» в области обороны. Указывалось, что Советский Союз стал преодолевать косность и шаблонное мышление при решении международных проблем, избавляться от привычки считать все свои действия непогрешимыми¹⁴⁹. В комментариях по поводу XIX Всесоюзной конференции КПСС, проходившей летом 1988 г., говорилось, что впервые за многие десятилетия международная деятельность КПСС стала зоной, доступной для критики.

Большой интерес вызывал новый подход КПСС к взаимоотношениям между социалистическими странами, а также коммунистическими партиями. Китайские исследователи отмечали, что советское руководство, обобщив уроки прошлого, «осознало, что грубое вмешательство во внутреннюю политику других стран может встретить лишь обратную реакцию и обострить противоречия, а ее уважение, а также уважение равноправия партнеров будет вести к смягчению

¹⁴⁵ 《政治学研究》1987年第6期.

¹⁴⁶ Rong Zhi and Zhang Wuzhuan. Gorbachev's «New Thinking» and Foreign Policy Adjustments // Beijing Review. 1988. No 33. P. 19.

¹⁴⁷ 谢翔 (Се Сян): «苏联外交战略的再思考» (Переосмысляя советскую внешнеполитическую стратегию), 《世界经济导报》1987年8月10日, 第五版.

¹⁴⁸ 王崇杰 (Ван Чунцзе): «苏联调整亚太地区政策» (СССР изменяет курс в АТР). 1988年第20期 1988年10月25日出版 第55页.

¹⁴⁹ См., например: 徐葵 (Сюй Куй): «这次缓和与战后前两级大不相同», 《世界知识》1988年第19期, 第2页.

противоречий и улучшению отношений»; «благодаря новому мышлению в отношении СССР с восточноевропейскими странами был внесен ряд коррективов... и сделан большой шаг вперед»; «правильное отношение к вопросам истории получило высокую оценку в восточноевропейских государствах»¹⁵⁰. Наиболее важными изменениями в этом смысле в Китае называли: признание в СССР прежних ошибок в Албании, Югославии и Польше; положение о том, что «никто не имеет монополии на истину»; согласие с тезисом о многообразии путей построения социализма; осознание права социалистических стран на собственные национальные интересы; реформа структуры СЭВ и перестройка отношений в рамках этой организации с учетом интересов восточноевропейских стран¹⁵¹.

В Пекине все чаще стали отмечать, что новая концепция внешней политики СССР реализуется на практике. В июне 1986 г. один из лидеров КНР, Ху Яобан, подчеркивал: «Я считаю, что с приходом к власти нового руководства появились новые моменты в политике СССР... Советский Союз... внес немало инициатив. Мы надеемся, что США искренне отнесутся к ним и продолжат конструктивный диалог с Советским Союзом»¹⁵². В ходе встречи министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера с заместителем премьера Госсовета КНР Яо Илинем в октябре 1988 г. обе стороны высказали мнение, что курс на проведение реформ в Советском Союзе «влияет не только на его внутривнутриполитическое развитие, но и на мышление советской дипломатии; это проявилось в заключении договора по РСМД, в готовности СССР пойти на асимметричное сокращение вооружений, на меры по проверке соблюдения соглашений, а также в выводе советских войск из Афганистана»¹⁵³.

В еженедельнике «Бэйцзин ревью» отмечалось, что «в соответствии с теорией нового мышления М.С. Горбачев внес коррективы в советскую внешнюю политику, придерживаясь принципов и одновременно проявляя определенную гибкость». В результате СССР удалось добиться разрядки в отношениях с Вашингтоном, прогресса в области разоружения и повсеместно упрочить свои позиции на Европейском континенте, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и т.д. Возросло единство членов Варшавского Договора и СЭВ¹⁵⁴.

«Жэньминь жибао» писала 27 сентября 1988 г.: «В советской внешней политике уже произошли и происходят существенные изменения... СССР последовательно стремится к углублению диалога с США, к уменьшению противостояния при немалых уступках в некоторых важных областях». В китайской печати можно было встретить высказывания о том, что целями Москвы на мировой арене являются развитие диалога, уменьшение конфронтации, достижение стабильности и разрядки. Высказывалась мысль, что в советской внешней политике имеет

¹⁵⁰ 董拜南 (Дун Байнань): «戈尔巴乔夫的“新思维”与苏联对东欧政策的调整» («Новое мышление Горбачева и изменения в советском курсе в отношении Восточной Европы»), «国际展望», 1988 г.,第十期, 第五页.

¹⁵¹ См., например: 文有仁 (Вэнь Южэнь): «波苏着手解决两国关系史上的问题» (Польша и СССР протягивают руки, чтобы разрешить исторические проблемы двусторонних отношений), «瞭望», 1988年第15期, 第34页.

¹⁵² «胡耀邦总书记在西欧的四次记者招待会» (Четыре пресс-конференции генерального секретаря Ху Яобана в Западной Европе), «世界知识», 1986年, 第15期, 第11页.

¹⁵³ Сообщение Министерства иностранных дел ФРГ. 04.10.1988.

¹⁵⁴ Rong Zhi and Zhang Wuzhuan. Op. cit. P. 19.

место «новая революция», что «СССР находится на переломном историческом этапе».

На научном симпозиуме в Пекинском университете, проходившем 5–6 мая 1988 г. и посвященном книге М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», подчеркивалось, что «новое мышление можно назвать революцией в советском подходе ко внешнему миру, так же как перестройку — революцией во внешней политике», что в СССР «совершен ряд прорывов в теории и осуществлена корректировка политического курса». Прозвучали и призывы пойти СССР навстречу и даже завуалированные предложения использовать некоторые советские новшества в Китае. Так, доцент, а в будущем — известный китайский политолог-международник Ван Цзисы рекомендовал внести изменения в официальную китайскую концепцию «двух сверхдержав», а именно, различать «империализм» (то есть политику США и Запада) и «гегемонизм» (то есть политику СССР). В Китае отказались от определения советского общества как «социал-империалистического», так следует ли ныне, в условиях выдвижения Москвой «нового политического мышления», говорить о его «гегемонизме», задавался вопросом ученый. Заведующий кафедрой мирового коммунистического движения Пекинского университета Хуан Цзунлян отметил, что М.С. Горбачев, являясь смелым реформатором, в некоторых вопросах пошел дальше, чем китайские теоретики. К этим вопросам он отнес выдвижение идеи борьбы с «механизмом торможения» реформ, признание существования прослойки бюрократов, мешающих преобразованиям, глубокую разработку концепций гласности и демократизации. В то же время ряд выступавших призывал к сдержанности и требовал от СССР развивать новое мышление еще дальше «в направлении отказа от гегемонизма», то есть, по сути, еще больших уступок¹⁵⁵.

Журнал «Хунци» писал, что перестройка в СССР приняла необратимый характер, ее глубина и широта «превосходят ожидания»¹⁵⁶. Военные специалисты обратили внимание на то, что в 1987–1988 гг. заметно (на 15%) сократились советские военно-морские силы, уменьшены масштабы строительства ядерных подводных лодок¹⁵⁷. Некоторые китайские исследователи усматривали корни нового мышления в «реалистическом восприятии современного мира, переосмыслении исторических судеб социализма и капитализма в современных условиях», а также в «пересмотре проблем войны и мира» с учетом наличия ядерного оружия. Перестройка, по их мнению, была призвана исправить положение, когда «капитализм по-прежнему демонстрирует энергию и способность к развитию, а социализм в целом так и не проявил своей привлекательности»¹⁵⁸.

Изменения в политике СССР привели к сближению приоритетов двух стран на мировой арене. Советский Союз и Китай заняли идентичные или близкие позиции по проблемам обуздания гонки вооружений и разоружения, по урегулированию конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке, в Персидском заливе,

¹⁵⁵ Лукин А.В. Китайские политологи о книге М.С. Горбачева // Народы Азии и Африки. 1989. № 3. С. 134, 135, 138.

¹⁵⁶ 金君晖 (Цзинь Цзюньхуэй): «1987年国际关系的新变化» (Новые изменения в международных отношениях в 1987 г.), 《红旗》, 1988年第2期第34页.

¹⁵⁷ 钟乐 (Чжун Лэ): «苏共党代表大会和代表会议» (Съезды и конференции КПСС), 《世界知识》, 1988年, 第12期, 第16页.

¹⁵⁸ 谢翔 (Се Сян): «苏联外交战略的再思考» (Переосмысливая советскую внешнеполитическую стратегию), 《世界经济导报》1987年8月10日, 第五版.

на Юге Африки, в Центральной Америке, на Корейском полуострове, по установлению нового экономического порядка и т.д. Схожими стали оценки основных тенденций международного развития, положительное отношение к диалогу и взаимовыгодному сотрудничеству с Западом, к развитию связей с максимально широким кругом государств. В ООН Москва и Пекин стали одинаково голосовать по 80% вопросов повестки дня¹⁵⁹.

В Китае усилилось критическое отношение к прежним внешнеполитическим установкам. Правда, в научном мире продолжали упоминать о «бесценном, выдающемся» вкладе Мао Цзэдуна в эту область, о том, что действия Китая по «отставанию» в 1960–1970-е годы чистоты марксизма-ленинизма были «абсолютно правильными». Вместе с тем зазвучали заявления о том, что многие сложившиеся в прошлом представления о капитализме, пролетарских революциях, возможности возникновения мирового конфликта пришли в несоответствие с объективной реальностью и не выдержали испытания на практике. Бытовавшая ранее точка зрения, будто империализм быстро движется к краху, а социализм — к победе во всемирном масштабе, была пересмотрена.

Признавалось, что тезис Мао Цзэдуна «ветер с Востока довлеет над ветром с Запада» «не имел и не имеет под собой реальной почвы», империализм «и по сей день занимает преимущественные позиции». Была осуждена прежняя линия на широкомасштабную подготовку к войне, а маоистская стратегия «окружения города деревней в мировом масштабе» названа «не более чем утопией»¹⁶⁰. Директор Института мировой экономики и политики АОН КНР Пу Шань охарактеризовал установки о неизбежности и желательности войны как «ошибочные оценки эпохи», которые «серьезно сказались на практической работе, принесли большой вред»¹⁶¹.

Заместитель директора Центра исследований международных проблем при Госсовете КНР Гао Э предложил «отбросить старые шаблоны периода крупной полемики в международном коммунистическом движении», содержащиеся в теоретических статьях китайских авторов, поскольку они «до сих пор негативно влияют на осмысление крупных современных международных проблем»¹⁶². Вице-президент АОН КНР, директор Института США АОН КНР Ли Шэньчжи поставил под сомнение правильность «теории трех миров», которая была разработана Мао Цзэдуном и многие годы являлась краеугольным камнем внешнеполитической платформы китайского руководства¹⁶³.

Говорилось о необходимости «отдавать себе отчет в огромных трудностях перехода от капитализма к социализму». Директор института современных

¹⁵⁹ Подробнее см.: Бажанов Е.П. Курс на «спокойствие в Поднебесной» // Новое время. 1988. № 17, 18.

¹⁶⁰ 何方 (Хэ Фан): «重视和加强国际问题研究, 正确认识我们所处的时代» (Обращать большое внимание на исследования международных проблем и усиливать их, правильно понимать нашу нынешнюю эпоху), 《世界知识》 1988年第3期第28–30页.

¹⁶¹ 浦山(Пу Шань): «当今时代的任务是争取和平和发展, 但不能认为已经是和平与发展的时代» (Задача нынешней эпохи — достижение мира и развития, но нельзя считать, что эпоха мира и развития уже наступила) 《世界知识》 1988年第3期第7–9页.

¹⁶² 高锷 (Гао Э): «宣传群众, 引导群众, 改变旧观念» (Пропагандировать массы, вести массы за собой, менять старые концепции), 《世界知识》 1988年第3期第31页.

¹⁶³ 李慎之 (Ли Шэньчжи). «扩大报道面提高理论性» (Расширять информационное поле, повышать теоретическую базу), 《世界知识》 1988年第3期第六页.

международных отношений Лю Сэцин отмечал, что социалистические страны еще должны доказать преимущества своего общественного строя путем развития экономики, науки и техники, культуры. «Такая проба сил, — писал ученый, — станет основной формой борьбы, в этом отношении мы должны придерживаться теории Ленина о мирном сосуществовании и развивать ее»¹⁶⁴.

Был выдвинут тезис о том, что «не существует мировой революционной ситуации, есть один мир, в котором еще долго будут сосуществовать две системы; принцип мирного сосуществования между ними рассчитан на долгую (несколько столетий) перспективу». Отсюда делался вывод, что на данном этапе главным является не антиимпериалистическая мировая революция, а защита всеобщего мира и стимулирование экономического развития¹⁶⁵.

В Китае подчеркивали, что во внешней политике КНР и СССР имеют место схожие процессы, решается идентичная задача по освобождению от сталинских теоретических моделей. В частности, отмечал директор Института СССР и стран Восточной Европы АОН Шанхая Ван Чжипин, сталинские теории построения социализма и перехода к коммунизму, общего кризиса капитализма и другие «содержат немало ошибок, состоящих в метафизической однобокости и абсолютизации»; эти теории — «тормоз на пути реформ, ... крайне важно полностью разрушить их»¹⁶⁶.

Повлияла на внешнеполитические позиции КНР и разрядка, наметившаяся в отношениях между СССР и США. Китай не захотел быть в стороне от этого процесса и, по выражению известного политолога Хуань Сяна, стремился использовать ситуацию «для переговоров с обеими сторонами по целому ряду проблем»¹⁶⁷.

Отсутствие нормальных отношений с Советским Союзом в изменившихся условиях существенно ограничивало возможности китайской дипломатии. Ведь на фоне сдвигов в советско-американских отношениях у Вашингтона притупился интерес к розыгрышу «китайской карты». Более того, Китай, стремящийся утвердить себя в роли великой державы, мог оказаться на втором плане мировой политики.

Что касается Вашингтона, то ему стало сложнее противиться улучшению советско-китайских отношений. В Пекине констатировали, что абсолютное большинство западных государств приветствует нормализацию отношений между КНР и СССР¹⁶⁸. Был сделан вывод, что нормализация не подорвет сложившуюся структуру внешних связей Китая.

Общее оздоровление международной обстановки все более устраняло дух противоборства. В Пекине пришли к заключению, что опасности развязывания мирового конфликта до конца столетия не существует, начинается разрядка, которая отличается от той, что была в 1960—1970-е годы, по глубине воздействия на международные отношения. Делался прогноз, что она будет носить сравни-

¹⁶⁴ 徐葵 (Сюй Цзян): «社会主义处于历史转折时期» (Социализм переживает период исторического поворота), «世界知识», 1988年, 第3期, 第12页.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ «文摘周报» 1988, 8月12日.

¹⁶⁷ Los Angeles Times, 10.12.1987.

¹⁶⁸ 吴晋 (У Пу): «中苏关系正常化乃大势所趋» (Нормализация китайско-советских отношений — веление времени), «瞭望» 1988年第41期, 第6页.

тельно длительный характер, соперничество государств начнет перемещаться из военной в другие сферы, острота региональных конфликтов ослабнет.

На китайских позициях продолжала сказываться начавшаяся модернизация экономики. Трудности с ресурсами, нехватка конвертируемой валюты, потребности в рынках сбыта, в получении дешевых товаров — все это также стимулировало нормализацию советско-китайских отношений. Нельзя, видимо, сбрасывать со счетов и роль субъективного фактора. Дэн Сяопин и другие китайские руководители прониклись осознанием важности примирения с СССР в кратчайшие сроки.

Перечисленные факторы и способствовали дальнейшему прогрессу в советско-китайских отношениях. Вместо конфронтации преобладающей тенденцией стало расширение и углубление двусторонних связей в различных областях. Регулярный характер приняли встречи министров иностранных дел на сессиях Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке. Продолжались политические консультации специальных представителей правительств СССР и КНР (поочередно в Москве и Пекине). В 1987 г. возобновились пограничные переговоры, которые успешно продвигались. Более интенсивным стал обмен мнениями по различным международным проблемам. В 1988 г. была проведена специальная рабочая встреча по Кампучии. Развивались контакты по межпарламентской, профсоюзной, молодежной, общественной линиям, в области культуры, образования и спорта. Формировался механизм взаимодействия между министерствами и ведомствами, приграничными районами. Была подписана консульская конвенция.

В 1987 г. делегация Общества китайско-советской дружбы приняла участие в праздновании 70-летия Октябрьской революции. В январе 1988 г. издаваемый официальным информационным агентством «Синьхуа» журнал «Ляован» опубликовал интервью с М.С. Горбачевым, вызвавшее в КНР широкий резонанс. Одновременно в Советском Союзе был выпущен в свет сборник произведений Дэн Сяопина «Основные вопросы современного Китая». Позднее в Китае издали массовым тиражом книгу М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», ряд документов КПСС и Советского правительства. В СССР опубликовали материалы XIII съезда КПК.

Развивалось торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. В 1987 г. товарооборот между СССР и КНР составил 1,8 млрд руб., а в соответствии с договоренностью сторон к 1990 г. он должен был возрасти до 3 млрд руб., т.е. увеличиться за пятилетку почти вдвое. Советский Союз обязался содействовать строительству 7 и реконструкции 17 промышленных объектов в Китае. Рассматривались другие предложения. Были заключены соглашения о сотрудничестве между Госпланами двух стран, о принципах создания и деятельности совместных предприятий, об установлении и развитии хозяйственных связей между провинциями, автономными районами, городами КНР и союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР.

В китайской печати говорилось о возможности развития сотрудничества в Северо-Восточной Азии с участием СССР, Китая, Японии, Кореи, о широких перспективах деловых связей между Европой и Азией через советскую и китайскую территории. Подчеркивалось, что железная дорога Ляньюнган—Урумчи—Аксу должна стать в перспективе «важнейшей транспортной артерией», «вторым шелковым путем», связывающим Китай и другие страны Восточной Азии через территорию СССР с Европой.

Сложный путь к «прорыву»

Несмотря на несомненные достижения в развитии советско-китайских отношений, повышении их уровня, вопросы политической нормализации оставались нерешенными. И после апреля 1985 г. китайская сторона подчеркивала, что пока Москва не устранил «трех препятствий», нормализации не произойдет. Ссылаясь на них, Пекин отказывался от восстановления межпартийных связей, проведения встречи руководителей, визита в СССР министра иностранных дел КНР, заключения договора о ненападении и т.д. Выступая с докладом на заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 16 января 1986 г., министр иностранных дел У Сюецянь заявил: «Поскольку не были устранены существующие... преграды, в политических отношениях между СССР и КНР пока не произошло коренного улучшения. Если советская сторона действительно искренна в своем желании, она должна предпринять практические меры для устранения трех больших препятствий, а не закрывать на них глаза. Прежде всего, необходимы практические шаги, чтобы прекратить поддержку агрессии Вьетнама в Кампучии и заставить его вывести оттуда войска»¹⁶⁹.

Заместитель министра иностранных дел КНР Цянь Цичэнь в интервью журналу «Бэйцзин ревью» заявил: «Китайско-советские политические отношения не улучшились и до сих пор не нормализованы из-за сохраняющихся трех препятствий. Недопустимо то, что Советский Союз, неоднократно выражая стремление улучшить отношения с Китаем, уклоняется от обсуждения путей устранения существующих препятствий. Соглашаясь обсуждать вопросы ослабления международной напряженности и ликвидации региональных конфликтов, он в то же время проявляет нежелание вести разговор об Афганистане и Кампучии. Видимо, советская сторона ошибочно полагает, что она сможет обойти эти препятствия, или что они исчезнут сами собой. Эти расчеты нереальны и неразумны»¹⁷⁰.

По поводу афганской ситуации заведующий отделом печати Министерства иностранных дел КНР 8 января 1986 г. отмечал: «Советский Союз должен не говорить о желательности политического решения афганского вопроса, а принять действенные меры для вывода всех войск из Афганистана в ближайшее время»¹⁷¹. Подчеркивалось, что в Индокитае «продолжается противостояние между КНР и СССР»¹⁷².

На проходившем в конце февраля — начале марта 1986 г. XXVII съезде КПСС М.С. Горбачев говорил о Китае в примирительном ключе, предлагая расширить

¹⁶⁹ «吴学谦向人大常委会全体会议做外交工作报告时指出：我国成为维护和平促进发展的重要力量 美苏应采取实际行动真正缓和国际局势» (Выступая с докладом о внешнеполитической работе на пленарном заседании ПК ВСНП, У Сюецянь подчеркнул, что наша страна стала важнейшей силой по защите мира и стимулированию развития, а США и СССР должны принять практические меры по смягчению международной обстановки), «人民日报», 1986 г. 1月17日, 新华社 第一版.

¹⁷⁰ «BR Exclusive: Qian Qichen Reviews China's Foreign Policy // Beijing Review. 1986. No 1. P. 14.

¹⁷¹ «我外交部新闻发言人谴责恐怖分子袭击意奥机场 反对美以借机进行军事威胁» (Официальный представитель МИД нашей страны осудил атаки террористов в аэропортах Италии и Австрии и выступил против использования США этих случаев для создания военной угрозы) «人民日报» 1986 г. 1月9日, 新华社, 第一版.

¹⁷² Бюллетень агентства «Синьхуа». 6 сентября 1986 г.

сотрудничество. В отчетном докладе съезду он подчеркнул, что «можно с удовлетворением говорить об определенном улучшении взаимоотношений Советского Союза с великим соседом — социалистическим Китаем. Различия в подходах, в частности, к ряду международных проблем сохраняются. Но мы отмечаем и другое — возможность во многих случаях работать совместно, взаимодействовать на равноправной и принципиальной основе, не в ущерб третьим странам». «Думая о будущем, — заявил советский лидер, — можно сказать, что резервы сотрудничества СССР и Китая огромны. Они велики потому, что такое сотрудничество отвечает интересам обеих стран; потому, что неразделимо самое дорогое для наших народов — социализм и мир»¹⁷³.

В Китае сдержанно отреагировали на позицию СССР по вопросу советско-китайских отношений, изложенную на XXVII съезде КПСС. Представитель министерства иностранных дел КНР заявил: «Мы примем во внимание и изучим внешнюю политику Советского Союза, которую подробно осветил... М.С. Горбачев в Политическом докладе на XXVII съезде КПСС. Он вновь изложил советскую политическую линию в отношении Китая, содержание которой нам знакомо»¹⁷⁴. Китайские средства информации указали, что «Горбачев обошел молчанием три известных препятствия и вновь предостерег от так называемого нанесения ущерба третьим странам»¹⁷⁵.

Китайская сторона не поддержала внешнеполитических инициатив СССР о комплексном подходе к проблемам обеспечения безопасности в Азии от 21 мая 1985 г., о моратории на ядерные испытания от 6 августа 1985 г., о полной ликвидации ядерного оружия от 15 января 1986 г., о предотвращении гонки ядерных вооружений в космосе и др. При этом давалось понять, что позиции двух стран по проблемам мира и безопасности расходятся. В частности, на советское предложение о комплексном подходе к обеспечению мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе представитель отдела печати МИД КНР отреагировал следующим образом: «Ключ к разрешению вопроса заключается в прекращении сверхдержавами борьбы за гегемонию в этом районе, в сокращении числа их ракет и ядерного оружия и устранении таких горячих точек, как Кампучия, Афганистан и др.»¹⁷⁶.

В то же время в Пекине приглушили критику внешней политики Вашингтона, усилили тезис о «традиционности и глубине» связей Китая с США, о большой американской помощи китайскому народу в антияпонской войне, об «успешном, ровном, прогрессирующем» развитии китайско-американских отношений. Проводилась мысль, что Москве не удастся подорвать сотрудничество КНР с Западом. В выступлениях представителей Пекина участились напоминания о том, что Китай не собирается руководствоваться в своей внешней политике идеологическими соображениями. Так, в интервью Цянь Цичэня

¹⁷³ Горбачев М.С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1986 г. М., 1986. С. 134.

¹⁷⁴ «外交部新闻发言人谈戈尔巴乔夫苏共二十七次大的报告» (Официальный представитель МИД о докладе Горбачева на XXVII съезде КПСС) «人民日报», 1986年3月6日第三版.

¹⁷⁵ «戈尔巴乔夫在苏共二十七次大谈对外政策» (Горбачев на XXVII съезде КПСС о внешнеполитическом курсе), «人民日报», 1986年2月27日第六版.

¹⁷⁶ «外交部新闻发言人答记者问时指出, 中苏互访日期并未确定» (Официальный представитель МИД, отвечая на вопросы журналистов, заявил, что сроки взаимных китайско-советских визитов еще не определены), «人民日报», 1986年1月16日 第一版.

журналу «Бэйцзин ревью» было сказано: «Некоторые критикуют китайский подход, утверждая, что в любом случае необходимо учитывать классовые интересы. Мы не согласны с этой точкой зрения... Мы выступаем против любого государства... если оно под каким-либо предлогом вмешивается во внутренние дела других стран, направляет войска для их захвата, ведет там длительные войны и подавляет сопротивление слабых»¹⁷⁷.

Тем не менее дальнейшие изменения в советской внешней политике и другие факторы, о которых речь шла выше, продолжали оказывать воздействие на китайские позиции. Через некоторое время после владивостокской речи М.С. Горбачева фактически был снят тезис о «советской угрозе», стало отмечаться, что занятый перестройкой Советский Союз заинтересован в мире и экономическом сотрудничестве с Китаем, а не в конфликте. Ориентация на подготовку большой войны с СССР исчезла. Вооруженные силы были сокращены на 1 млн человек, существенно уменьшены военные расходы. Наместились сдвиги в позициях КНР на международной арене, которые особенно отчетливо проявились в ходе поездок ее руководителей в мае-июне 1986 г. по 18 европейским странам. Если раньше заявлялось об угрозе со стороны СССР западноевропейским государствам, то теперь — о гибком подходе Москвы к проблемам мира и безопасности на континенте. Прекратилась поддержка укрепления НАТО и сохранения американского «ядерного зонтика» в Европе.

Углубились перемены в подходе КНР к коммунистическим режимам Восточной Европы. Еще в 1985 г. китайская печать называла СЭВ и ОВД «рычагами советского контроля» над членами этих организаций, ратовала за «объединение немецкой нации». Но уже летом 1986 г. в прессе разъяснялось, что Китай уважает отношения восточноевропейских стран с СССР, не будет «вбивать клинья» между ними. Появились статьи, в которых положительно оценивалась деятельность СЭВ. КПК вновь стала рассматриваться как часть международного коммунистического движения, которому «необходимо оздоровление», все более откровенно признавались допущенные в прошлом собственные ошибки в отношении некоторых зарубежных коммунистических партий. Китайская сторона изъявила желание восстановить межпартийные связи с восточноевропейскими правящими компартиями.

Сохраняющиеся препятствия рассматривались уже не как угроза безопасности Китая, а как обстоятельство, сдерживающее полную нормализацию советско-китайских отношений. Постепенно из «трех препятствий» стало упоминаться в основном одно — кампучийский вопрос. Встреча в верхах ставилась в зависимость от его решения, но уже не в ультимативной форме, как раньше, а в качестве предложения Москве оказать содействие в урегулировании кампучийской проблемы.

Одновременно в Китае все громче зазвучали голоса в пользу скорейшей нормализации отношений с СССР. Целый ряд ученых высказывал мнение, что нынешние китайско-советские отношения являются продуктом специфической обстановки, существовавшей в 1960–е гг. («постоянного роста советской угрозы»), а поэтому по мере постепенной реализации нового мышления М.С. Горбачева они обязательно должны улучшаться и в конце концов вернуться к нормальному

¹⁷⁷ “Qian Qichen Reviews China’s Foreign Policy // Beijing Review. January 6, 1986. No 1. P. 14.

состоянию. Обращалось внимание и на то, что СССР предпринял по своей инициативе ряд крупных шагов. Делались предложения выработать «ответ» на концепцию нового мышления советского руководства.

«Прорыв» в отношениях двух стран назревал и к осени 1988 г. начал принимать отчетливые очертания. После окончания советско-китайской рабочей встречи по Кампучии Пекин согласился на визит в СССР министра иностранных дел Цянь Цичэня. В беседе с бывшим канцлером ФРГ Г. Шмидтом 4 октября 1988 г. Дэн Сяопин впервые заявил, что приближается момент политической нормализации между СССР и КНР и что осталось лишь «пройти небольшой отрезок пути»¹⁷⁸. На встрече с Н. Чаушеску в середине октября Дэн Сяопин упомянул о возможности китайско-советской встречи на высшем уровне в следующем году¹⁷⁹. Чжао Цзыян разъяснил Н. Чаушеску, что если на предстоящих переговорах между советским и китайским министрами иностранных дел будет достигнут прогресс в деле политического урегулирования кампучийской проблемы, то китайско-советская встреча на высшем уровне может состояться в ближайшем будущем¹⁸⁰. Председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ли Сяньнянь сказал в те же дни японским представителям: «Китай и Советский Союз являются двумя крупными соседними государствами, и нехорошо для них оставаться в состоянии отчужденности, это не согласуется с тенденцией времени»¹⁸¹.

В печати обосновывались необходимость и важность нормализации советско-китайских отношений, установления тесных связей между «тремя важнейшими странами» — СССР, США, КНР. Подчеркивалось, что советско-китайская встреча на высшем уровне не за горами, так как СССР согласился устранить «три препятствия»¹⁸². В декабре 1988 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь провел переговоры в Москве, в феврале 1989 г. его советский коллега Э.А. Шеварднадзе нанес ответный визит в Пекин. Путь к встрече в верхах был открыт.

Венцом усилий обеих сторон явились переговоры М.С. Горбачева с китайскими лидерами в Пекине в мае 1989 г. М.С. Горбачев был в то время Председателем Президиума Верховного Совета СССР и Генеральным Секретарем ЦК КПСС, то есть лидером и государства и правящей партии. В Китай он прибыл по приглашению Председателя КНР Ян Шанкуня, то есть как государственный лидер. Встреча с тогдашним Генеральным Секретарем ЦК КПК Чжао Цзыяном (кстати, состоявшаяся 16 мая 1989 г., то есть буквально за два дня до его снятия с поста в связи с внутренними событиями в КНР), положила начало восстановлению официальных отношений между КПСС и КПК.

¹⁷⁸ ДПА, 05.10.1988.

¹⁷⁹ «Дэн Сяопин会见齐奥塞斯库时说, 中苏高层会晤明年可能实现» (На встрече с Чаушеску Дэн Сяопин сказал, что китайско-советская встреча на высшем уровне может состояться в будущем году), «人民日报», 1988年10月18日, 第一版.

¹⁸⁰ «赵紫阳同齐奥塞斯库会谈双方一致表示: 中罗两党两国关系很好将不断发展» (Во время переговоров Чжао Цзыян с Чаушеску стороны единодушно заявили, что отношения между китайскими и румынскими партиями и государствами хорошие и будут непрерывно развиваться), «人民日报», 1988年10月16日第一版.

¹⁸¹ «李先念会见古井喜实时谈中苏关系, 老死不相往来不符合时代潮流» (Обсуждая китайско-российские отношения на встрече с Есими Фуруи, Ли Сяньнянь заявил, что ситуация отсутствия связей не соответствует основным тенденциям эпохи), «人民日报», 1988年10月20日第一版.

¹⁸² 吴晋: «中苏关系正常化乃大势所趋», 第6页.

Главным событием визита, безусловно, была встреча М.С. Горбачева с реальным лидером КНР Дэн Сяопином. На встрече больше говорил китайский руководитель. Сказав свою знаменитую фразу «Закрывать прошлое, открывать будущее», он тем не менее начал пространно излагать свои взгляды на российско-китайские отношения и сразу же фактически заявил, что не особо интересуется реакцией М.С. Горбачева: «Делясь с Вами нашими взглядами, я не настаиваю на Вашем ответе, и, тем более, не рассчитываю вступать в дискуссию». Далее он рассказал о том, что исторически Китай постоянно страдал от других государств, причем «наибольшие выгоды в Китае приобрели две страны: Япония и царская Россия, а в определенный период времени и в определенных отношениях — и Советский Союз». Он повторил утверждение Мао Цзэдуна о том, что Россия захватила более 1,5 млн кв. км китайской территории, а СССР — китайские острова Хэйсянцзяо (Тарабаров и Большой Уссурийский). Но главная вина Советского Союза, с его точки зрения, заключалась в Ялтинском соглашении с США и Великобританией, которые поделили между собой сферы влияния в ущерб интересам Китая.

Более того, по словам Дэна, хотя на первом этапе Китаю угрожали США, СССР с начала 1960-х годов превратился в источник главной угрозы для КНР, начав «усиленно форсировать строительство военных сооружений на всем протяжении китайско-советской и китайско-монгольской границ, наращивать там количество ракет, достигшее трети всей ракетной мощи СССР, а также численность личного состава своих вооруженных сил, в том числе войск, размещенных в Монголии, доведя общее их количество до одного миллиона человек». Он воздал должное советской помощи СССР в пятидесятые годы, но подчеркнул, что Советский Союз «неправильно определял место Китая в мире» и Москва якобы «презирала и оскорбляла» Пекин. Говоря о советско-китайской идеологической полемике, он, как ее участник, заявил, что «обе стороны отдали немалую дань пустословию». В целом, по мнению Дэна, главная причина разрыва заключалась не в идеологии. «Подлинная суть проблемы состоит в неравноправии: китайцы почувствовали себя оскорбленными»¹⁸³.

М.С. Горбачев, который, согласно воспоминаниям тогдашнего советского посла в Китае О.А. Трояновского, из уважения к китайскому лидеру готов был говорить как младший по возрасту со старшим, не стал спорить с ним по каждому пункту¹⁸⁴. Как М.С. Горбачев позже писал в своих воспоминаниях, он дипломатично заметил: «Наверное, ваши высказывания все-таки не бесспорны относительно того, как складывались отношения царской России и Советского Союза, с одной стороны, Китая — с другой. Они нам видятся иначе». Но, соглашаясь со словами китайского лидера «пусть ветер сдует то, что было, давайте смотреть вперед», он сказал: «Хорошо. Давайте поставим на этом точку»¹⁸⁵. Дэн Сяопин согласился: «Исторические счета предъявлены, и все проблемы канули в небытие. И в этом заключается один из результатов нашей нынешней встречи. Об этом было сказано, и с этим покончено — на прошлом поставлена точка»¹⁸⁶.

¹⁸³ 邓小平 (Дэн Сяопин): «结束过去, 开辟未来» (Поставить точку на прошлом, открыть двери в будущее), 1989年5月16日 邓小平文选 (1982—1989) 北京, 1994年, 第三卷, 第291, 294-295页.

¹⁸⁴ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М.: Вагриус, 1997. С. 373.

¹⁸⁵ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 2. С. 440.

¹⁸⁶ 邓小平: «结束过去, 开辟未来», 第295页.

**Олег Александрович ТРОЯНОВСКИЙ (1919–2003) —
советский дипломат, посол СССР в КНР (1986–1990)**

О.А. Трояновский родился в 1919 г. в семье революционера, затем — советского дипломата А.А. Трояновского. Начальное образование получил в США, где отец был полпредом. Затем учился на литературном факультете Московского института философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского. В 1941 г. призван на действительную военную службу и направлен в Военный институт иностранных языков. С 1942 г. — редактор-переводчик в Совинформбюро. С октября 1944 г. — работал в Лондоне в союзническом комитете по ведению психологической войны против Германии. С 1944 г. — атташе Посольства СССР в Великобритании. В 1945 г. — секретарь советского обвинителя на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко. В 1946 г. — переводчик на Парижской мирной конференции. С 1947 г. — сотрудник секретариата Министра иностранных дел СССР В.М.Молотова. С 1951 г. — работал в редакции журнала на английском языке «Новости». С апреля 1953 г. — помощник Министра иностранных дел СССР. В 1956 г. — окончил 1-й Московский государственный пединститут иностранных языков. В 1958–1967 гг. — помощник Председателя Совета Министров СССР (Н.А. Булганина, Н.С. Хрущева и А.Н. Косыгина). С 1967 г. — в МИД СССР. В 1967–1976 гг. — посол СССР в Японии. В 1976–1986 гг. — постоянный представитель СССР при ООН. В 1986–1990 гг. — посол СССР в КНР. Сыграл важную роль на завершающем этапе нормализации советско-китайских отношений, готовил визит М.С. Горбачева 1989 г. С 1990 г. в отставке. С 1996 г. — президент Ассоциации содействия ООН.



В принятом по результатам визита коммюнике провозглашалось: «Обе стороны высказали единое мнение, что советско-китайская встреча на высшем уровне знаменует собой нормализацию межгосударственных отношений между Советским Союзом и Китаем». Не возвращаясь к особым отношениям прошлого, стороны выразили готовность развивать отношения на основе универсальных принципов международного общения, решать все спорные вопросы путем переговоров, принимать меры по сокращению вооруженных сил в районе границы¹⁸⁷.

Таким образом, в результате визита М.С. Горбачева в Китае была зафиксирована полная нормализация отношений между СССР и КНР на новой основе. Суть новизны состояла в том, что Москва и Пекин условились строить взаимные связи в соответствии с принципами мирного сосуществования, не вступая в какие-либо союзы и не допуская вместе с тем повторения конфронтации по типу недавнего прошлого. Стороны согласились, что они независимы друг от друга в принятии решений, у каждой есть свои приоритеты, их точки зрения могут отличаться, но все это не должно препятствовать советско-китайским контактам и сотрудничеству в различных областях.

¹⁸⁷ Совместное советско-китайское коммюнике. Пекин. 18 мая 1989 года // Вестник МИД СССР. 1989. № 11(45). С. 25–27.

Преодоление длительной конфронтации между двумя великими соседними державами явилось важнейшим событием в мировой политике, открывшим новые, более благоприятные перспективы для человечества. Что касается Китая, то для него встреча в верхах ознаменовала завершение многолетних усилий по упорядочению китайской внешней политики, приведению ее в полное соответствие с потребностями модернизации страны. Провозгласив идею нового международного политического порядка, предусматривающую деидеологизацию отношений между государствами, перевод их на базу пяти принципов мирного сосуществования, КНР успешно сотрудничала с большинством правительств земного шара. Китаю удавалось не просто уживаться, но и взаимодействовать с самыми различными по идеологической и политической окраске государствами, движениями, партиями. Хорошие контакты Пекина с иностранными партнерами в совокупности с его конструктивными позициями по вопросам войны и мира, другим глобальным проблемам, по урегулированию многих региональных конфликтов способствовали поддержанию в целом высокого престижа КНР в мировом сообществе.

Эхо Тяньаньмэня

Летом 1989 г. ситуация чуть ли не в мгновение ока изменилась. 4 июня на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь в результате столкновений войск с участниками массовых выступлений молодежи погибло большое число людей. ЦК КПК и Госсовет КНР разъяснили, что был подавлен «чудовищный контрреволюционный мятеж», организованный противниками социализма внутри и вне пределов Китая.

Далеко не все за рубежом согласились с данной интерпретацией событий. Происшедшее было воспринято как расправа властей с демократическим движением. Из пионера реформ КНР в глазах многих, особенно на Западе, превратилась по меньшей мере в «непредсказуемое» государство. Послышались панические голоса, что Китай возвращается к мрачной эпохе «культурной революции». США и их союзники притормозили развитие связей с Пекином. В летаргическое состояние погрузились отношения КНР с целым рядом коммунистических партий, ослабили симпатии к лидерам Китая со стороны общественности и правительств самых различных стран — от Восточной Европы до Юго-Восточной Азии.

В результате под вопросом оказалась вся внешнеполитическая система, тщательно вырабатывавшаяся китайским руководством на протяжении 1980-х годов. Разумеется, это не могло не повлиять на подходы Пекина к международным делам. Ситуация усугублялась тем, что кризис привел к устранению от власти Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяяна и других сторонников форсирования реформ, в том числе в политической области. На передний план выдвинулись деятели, придерживавшиеся более традиционных взглядов. Они и прежде били тревогу по поводу проникновения в страну «буржуазного либерализма», призывали оградить китайский народ от «духовного загрязнения». Теперь же дело выглядело так, будто их наихудшие опасения подтвердились: Запад спровоцировал мятеж да еще ввел санкции в попытке заставить КНР сойти с социалистических рельсов. В Пекине увидели в капиталистическом мире источник реальной

идеологической угрозы. На повестку дня встал вопрос о такой корректировке внешнеполитического курса, которая способствовала бы эффективному пресечению подрывного влияния с западного направления.

Еще один фактор, воздействовавший на китайскую политику, — драматические перемены в Восточной Европе и советская перестройка. Возможно, не случись июньского кризиса, в Пекине по-другому воспринимали бы такие новости. Ведь еще незадолго до этого китайское руководство аплодировало процессам реформ в восточной части Европейского континента. Правда, никто не ожидал тогда, что они приведут к крушению правящих режимов. Дело, однако, было не только в этом, но и в изменениях в самом Китае. Китайские лидеры стали опасаться, как бы снежный ком политических катаклизмов, сотрясающих восточно-европейские страны и СССР, не докатился до КНР. Иначе говоря, идеологическая угроза замаячила для Пекина и с этой стороны.

В итоге в политике китайского руководства, в его подходе к контактам с зарубежными партнерами явно усилился крен в сторону идеологии. Ранее в Пекине избегали разговоров о наличии на нашей планете двух социально-экономических систем. А если и вспоминали данную тему, то лишь для того, чтобы подчеркнуть: отношения между государствами не зависят от их общественного устройства и идеологии; страны, принадлежащие к разным системам, способны успешно сотрудничать; напротив, однотипные государства зачастую спорят и даже воюют друг с другом.

После тяньаньмэньских событий в КНР вернулись к давно, казалось, сданному в архив выводу о продолжении классовой борьбы на международной арене. Там стали заявлять, что империализм никогда не отказывался от враждебности к социалистической системе, его стратегическая линия на реставрацию капитализма всегда оставалась неизменной. Кто выйдет победителем в этой борьбе? Китайский ответ на этот вопрос звучал оптимистично: мир вступает в решающий этап перехода человечества к царству свободы, можно быть уверенным в победе социализма над капитализмом, в коммунистическом будущем человечества. Вместе с тем классово-идеологические взгляды не перечеркнули устоявшиеся геополитические концепции Пекина. Руководители КНР продолжали делить страны мира на две группы: сверхдержавы (СССР и США) и остальные. При этом, с точки зрения китайских политиков, борьба против гегемонизма оставалась долгосрочной задачей.

В целом китайская стратегия на мировой арене, несмотря на нарастание в ней идеологических мотивов, не претерпела фундаментальных изменений. Ее суть сохранилась прежней: обеспечение национальной безопасности, превращение Китая в великую высокоразвитую державу, недопущение подрыва извне государственно-идеологического строя КНР. Действовали и основополагающие установки, направленные на реализацию этих целей:

1. Китай подтверждал, что будет продолжать «независимую и самостоятельную политику, ни в коем случае не станет полагаться на какую-либо державу или группировку держав, не установит союзнические или стратегические связи с какой-либо сверхдержавой».

2. Пекин предлагал всем государствам, независимо от их общественного строя и идеологии, строить взаимоотношения на основе пяти принципов мирного сосуществования.

3. Фиксировалась неизменность курса на модернизацию КНР, реформы и открытость, на тесное сотрудничество со всеми государствами, включая СССР и США. Звучала мысль, что стратегия открытости все настойчивее будет претворяться в жизнь, ей нет альтернативы, что без содействия из-за рубежа Китай не сможет подняться на уровень высокоразвитых держав.

Сохранялись и известные по предыдущему периоду подходы Пекина ко многим актуальным международным проблемам. Китай заявлял, что мир и развитие — две главные цели его внешней политики. Возлагая основную ответственность в области разоружения на СССР и США, Пекин, в свою очередь, предпринимал определенные шаги: уменьшил вооруженные силы на один миллион человек, осуществлял конверсию оборонной промышленности, вступил в переговоры с Москвой о снижении уровня военного противостояния на общей границе.

Подчеркивалась готовность КНР присоединиться к ядерному разоружению после того, как «сверхдержавы» прекратят испытания, производство и размещение всех видов ядерного оружия, покажут пример другим в крупномасштабном сокращении обычного оружия. Как и прежде, китайское руководство выступало за мирное урегулирование конфликтных ситуаций, повышение внимания к проблемам экологии, здравоохранения, народонаселения, питания. Позиции КНР и СССР во многом совпадали — с середины 1980-х гг. делегаты двух стран в ООН неизменно голосовали одинаково по 80–90 процентам вопросов повестки дня.

В центре внимания китайских лидеров по-прежнему оставались отношения в рамках «большого треугольника» СССР–США–КНР. Правда, среди политологов в СССР и на Западе появилось тогда мнение, что говорить о подобном «треугольнике» уже не было смысла — слишком преобразился современный мир в «революционном» 1989 г. Но в Китае с этим выводом не были согласны. «Треугольная» тема разрабатывалась там с неменьшей активностью, чем в недалеком прошлом. Отчетливо звучал тезис о важной роли КНР в рамках взаимоотношений великих держав.

При этом конфигурация этого гипотетического «треугольника» для КНР ухудшилась. Китайский идеал заключался в поддержании более близких контактов с США и СССР, чем они имели между собой. В таком случае КНР получала возможность играть на противоречиях «сверхдержав», заставляя их бороться за ее расположение. В первой половине 1980-х гг. ситуация развивалась именно по такому сценарию. Но затем началось советско-американское сближение, и в КНР забеспокоились. Чтобы не допустить «затухания» интереса к себе, Пекин форсировал завершение нормализации отношений с Москвой при одновременной активизации связей с Вашингтоном. Случилось, однако, непредвиденное. Июньские события на площади Тяньаньмэнь привели к ослаблению китайско-американского сотрудничества. Американская «вершина» «большого треугольника» сдвинулась ближе к СССР и удалилась от Китая.

Как же реагировали на ход событий в Пекине? С одной стороны, разрядка между «сверхдержавами» отвечала китайским потребностям. Она способствовала укреплению мира, разоружению, улучшала климат для международного сотрудничества. С другой стороны, сближение между Москвой и Вашингтоном возбуждало в китайской столице определенную ревность, опасения, как бы великие державы не оттеснили КНР на обочину мировой политики, не стали принимать решения, неприемлемые для Китая.

В то же время в Пекине преобладало мнение, что стратегические установки сверхдержав остаются различными, они по-прежнему противостоят друг другу. Утверждалось, что Соединенные Штаты наступают, выходят на лидирующие позиции в мире, а Советский Союз главным образом обороняется. Эта тенденция, как считали в Китае, не может сохраняться долго, СССР не станет бесконечно идти на уступки, ибо превратится во второразрядную державу. Борьба между «сверхдержавами» будет продолжаться, а временами и усиливаться. Еще один и самый, пожалуй, существенный элемент китайского курса в рамках «большого треугольника» заключался в улучшении и углублении отношений с обеими великими державами.

Отношения нового типа

Визит М.С. Горбачева в КНР ознаменовал вступление советско-китайских отношений в качественно новый этап. Уже во второй половине 1989 г. состоялся обмен первыми партийными делегациями, началось формирование механизма связей по военной линии. В целом, несмотря на протесты представителей советского демократического движения¹⁸⁸, успешно прошел визит в СССР китайского премьера Ли Пэна в марте 1990 г. Главами правительств двух стран (советское правительство тогда возглавлял Н.И. Рыжков) была подписана программа экономического и научно-технического сотрудничества до 2000 г. и соглашение в области использования космического пространства в мирных целях. Во время визита были также подписаны межправительственные соглашения о государственном кредите для поставок китайских товаров народного потребления в СССР и меморандум о сотрудничестве в сооружении в КНР атомной электростанции и предоставлении СССР КНР государственного кредита.

Весьма интенсивным стал весь делегационный поток — в июне-декабре 1989 г. состоялось более ста поездок групп на уровне заместителя министра и выше в обе стороны. Продолжались пограничные переговоры, и был дан старт переговорам по сокращению вооруженных сил в районах, прилегающих к границе. На новые сферы (авиационное, включая военное, космос) распространились научно-технические обмены. Торговый оборот в 1989 г. вырос на 18% по сравнению с предыдущим годом и составил 3,2 млрд долл. США. С 1981 по 1989 г. Китай закупил в СССР 7,8 млн тонн стального проката и чугуна, 17 млн кубометров пиломатериалов и древесины, 3,7 млн тонн мочевины, цветные и редкие металлы стоимостью 1,19 млн швейцарских франков, 119 тыс. автомобилей, 57 самолетов. СССР получил из КНР около 600 тыс. тонн мяса и мясных консервов, 630 тыс. тонн фруктов, 8 тыс. тонн волокна, цветные металлы и минеральное сырье на сумму 970 млн швейцарских франков, соевые бобы, зерно и арахис стоимостью 3 млрд швейцарских франков, значительное количество товаров легкой и текстильной промышленности. К концу 1989 г. СССР и КНР подписали 95 контрактов об использовании китайской рабочей силы и 44 контракта о совместных инвестициях на сумму 240 млн долл. США¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. С. 286.

¹⁸⁹ Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 57.

**ЛИ Пэн 李鹏 (р. 1928) —
политический деятель КНР**

Ли Пэн родился в 1928 г. в Шанхае. Отец Ли Пэна — Ли Шосюнь, писатель-коммунист был расстрелян в 1931 г. Ли Пэн был взят под опеку одним из лидеров КПК Чжоу Эньлаем, который отправил его в Яньань, где он учился в различных учебных заве-



дениях до 1945 г. В 1945 г. вступил в КПК. В 1948 г. направлен на учебу в СССР. В 1954 г. окончил Московский энергетический институт. Во время учебы был председателем Ассоциации китайских студентов в СССР. После возвращения в КНР работал в энергетической отрасли, был начальником управления и секретарем парткома энергетического управления Пекина. С 1979 г. — заместитель, а с 1981 г. — министр энергетики КНР. С 1982 г. — член ЦК, с 1985 г. — Секретариата, с 1987 г. — Политбюро ЦК КПК. С 1983 г. — вице-премьер, с 1988 по 1998 г. — премьер Госсовета КНР. С 1998 по 2003 г. — Председатель ПК ВСНП. Жена Чжу Линь окончила Харбинский институт иностранных языков по специальности «русский язык». Многократно посещал СССР и Россию с официальными визитами. В декабре 1996 г. во время рабочего

визита в Москву была достигнута договоренность о создании механизма регулярных встреч глав правительств двух стран, действующего по настоящее время.

Контакты проходили в дружеской, благожелательной атмосфере, никаких существенных разногласий и трений между представителями двух стран не возникало. Вместе с тем появились определенные моменты, которые если и не омрачали атмосферу советско-китайских отношений, то, по крайней мере, устанавливали пределы взаимопониманию сторон. Идеологические позиции КПСС и КПК, сблизившиеся в 1987—1988 гг., вновь разошлись. И по мере того как советское общество продолжало отдаляться от прежней модели, расхождения углублялись.

В руководящих кругах КНР усиливалось мнение, что КПСС спешит с политическими реформами, дает послабление антисоциалистическим и националистическим элементам, теряет контроль над ситуацией. Опасаясь негативного влияния советского примера на собственное население, китайские власти ограничили поток информации из СССР, стали подавать ее выборочно, делая акцент только на тех позициях КПСС, которые были созвучны линии КПК. В КНР теперь предпочитали воздерживаться от публичной поддержки перестроечных процессов в Советском Союзе. С подозрением воспринимали в КНР советское новое мышление, в значительной степени разделявшееся китайской дипломатией еще весной 1989 г. Угадывалось скептическое отношение китайцев к идеям примата общечеловеческих интересов над классовыми, построения общеевропейского дома и так далее.

Таким образом, восприятие СССР в целом и советской внешней политики в частности в официальных китайских кругах вновь изменилось в худшую сторону. Но это отнюдь не означало, что советско-китайские отношения, только-только нормализовавшись, опять подвергались опасности. Китай не желал ссоры.

Она нанесла бы ущерб безопасности КНР, ослабила китайские позиции в отношениях с капиталистическим миром. Размолвка с Москвой негативно сказалась бы и на экономических планах Пекина. Кроме того, в китайской столице прекрасно понимали, что эпоха большой полемики безвозвратно ушла в прошлое. Уже не было резона ломать догматические копыя. В марте 1990 г. на встрече с ответственными работниками ЦК, говоря о международном положении, Дэн Сяопин отметил: «Как бы ни изменялся СССР, мы должны спокойно развивать с ним отношения, в том числе и политические, на основе пяти принципов мирного сосуществования, и не вести идеологические дискуссии»¹⁹⁰.

В Пекине указывали, что от сплоченности стран, остающихся приверженными социалистическому пути, от их совместных успехов зависит судьба строя. Немаловажный «задел прочности» советско-китайских отношений состоял еще и в том весьма позитивном подходе к советской перестройке, который по-прежнему существовал в широких слоях населения КНР. Что же касается СССР, то, несмотря на несогласие части советской общественности с действиями китайских военных на площади Тяньаньмэнь¹⁹¹, он был в высшей степени заинтересован в поддержании дружественных связей с великим соседом.

В мае 1991 г. состоялся визит в СССР генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя. В составе китайской делегации был ряд руководителей правительственных ведомств (министр обороны Цинь Цзивэй, министр коммерции Ли Ланьцин), а также отделов ЦК КПК, которые провели переговоры со своими советскими коллегами. В Москве состоялись его переговоры с президентом М.С. Горбачевым, председателем Верховного Совета СССР А.И. Лукьяновым и премьер-министром СССР В.С. Павловым. Стороны положительно оценили развитие советско-китайских отношений за два года, прошедших после их нормализации, и подчеркнули заинтересованность в широком развитии дальнейшего взаимодействия. 19 мая по итогам переговоров было подписано двустороннее коммюнике, в котором содержались планы развития двустороннего сотрудничества в политической и экономической областях. Более развернутым был и международный раздел документа¹⁹². В целом коммюнике от 18 мая 1991 г. отражало устойчивый прогресс, достигнутый в двусторонних отношениях за период после их нормализации.

Наиболее важным событием во время визита Цзян Цзэминя стало подписание в его ходе министрами иностранных дел двух государств А.А. Бессмертных и Цянь Цичэнем 15 мая 1991 г. Соглашения о советско-китайской государственной границе на ее восточной части, в котором подтверждалось прохождение границ на судоходных реках по середине главного фарватера, а на несудоходных — по середине реки или середине ее главного рукава. Стороны также условились создать комиссию по демаркации границы и продолжить обсуждение оставшихся спорных вопросов (в частности, прохождения линии границы в районе острова Большой на реке Аргунь и двух островов у Хабаровска)¹⁹³.

Прокоммунистический путч в СССР в августе 1991 г. вновь всколыхнул эмоции в китайском руководстве. В официальном заявлении, распространенном

¹⁹⁰ 邓小平 (Дэн Сяопин): «国际形势和经济问题» (Международная ситуация и вопросы экономики), 《邓小平文选》第三卷, 第353页.

¹⁹¹ Лукин А.В. Указ. соч. С. 279–286.

¹⁹² Совместное советско-китайское коммюнике // Правда. 20 мая 1991 г.

¹⁹³ Киреев Г.В. Россия-Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006. С. 188–193.

агентством «Синьхуа», говорилось, что правительство КНР занимает «неизменную позицию невмешательства во внутренние дела других государств и уважения выбора народа каждой страны» и выражалась надежда на то, что советско-китайские отношения не претерпят изменений и будут развиваться и в будущем¹⁹⁴. Но в закрытых источниках выражалось сочувствие действиям Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП)¹⁹⁵. Китайское руководство надеялось, что путчистам удастся навести порядок в СССР, восстановить и укрепить власть КПСС. Не случайно посол КНР Юй Хунлян успел нанести визит главе ГКЧП Г.И. Янаеву и от имени руководства КНР выразил надежду на то, что теперь Советский Союз вернется на путь отстаивания социалистических идеалов, и Пекин и Москва смогут сотрудничать еще более плодотворно.

Поражение путчистов, а затем и демонтаж коммунистического режима в нашей стране, наконец, развал самого СССР вызвали в КНР не только глубокое разочарование, но и настоящий шок. Во-первых, происшедшее воспринималось как мощнейший удар по международному коммунистическому движению. Во-вторых, Пекин беспокоился по поводу последствий распада СССР для стабильности в Евразии и в мире в целом. В-третьих, Китай с тревогой следил за стратегическим сближением России с Западом, воспринимая эту тенденцию как изменяющую баланс сил в мире в ущерб интересам КНР и китайского социализма. И наконец, в-четвертых, китайское руководство опасалось, что события в соседней России окажут тлетворное влияние на идеологическую обстановку внутри КНР. В Китае не исключали даже, что Москва начнет поддерживать китайских диссидентов, встанет на сторону Тайбэя в его споре с Пекином.

Как следствие, начался процесс дистанцирования двух соседних держав друг от друга. Тем не менее и после августа официальные отношения между Москвой и Пекином не приостановились, хотя в обстановке неразберихи в СССР китайское руководство предпочитало развивать связи с приграничными регионами. В сентябре 1991 г. Пекин, вслед за Москвой, признал независимость прибалтийских государств. В то же время в Пекине следили за тем, чтобы не забегать вперед с признанием независимости других республик, и делали это только после того, как ее признавала Россия и международное сообщество. Так, в Заявлении МИД КНР 4 декабря 1991 г. по поводу объявления независимости Украиной по результатам референдума осторожно отмечалось, что позиция Китая заключается в «невмешательстве во внутренние дела других стран», и что КНР «уважает волеизъявление народа каждой страны» и выражает надежду на продолжение «традиционной дружбы между китайским и украинским народами»¹⁹⁶.

Тем не менее озабоченность в Пекине по поводу развития ситуации в СССР возрастала. 16 декабря министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь в статье в «Жэньминь жибао» подчеркнул, что «внутриполитическая ситуация в Советском Союзе приобрела небывало тревожный характер»¹⁹⁷. Но беспокойство Пекина уже не могло повлиять на судьбу бывшего «старшего брата».

¹⁹⁴ «人民日报», 1991年8月21日.

¹⁹⁵ Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 79.

¹⁹⁶ Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 81.

¹⁹⁷ 钱其琛 (Цянь Цичэнь): «独立自主, 努力开拓» (Независимость, самостоятельность и упорное движение вперед), «人民日报», 1991年12月16日, 第七版.

25 декабря М.С. Горбачев выступил с обращением о прекращении деятельности в качестве президента СССР. Советский Союз исчез с карты мира. 27 декабря 1991 г. Китай признал правительство Российской Федерации и независимость 11 республик бывшего СССР. Выступая в тот же день на заседании постоянного комитета ВСНП, Цянь Цичэн сконцентрировался на позитивных последствиях распада СССР, который впоследствии назвал «одним из самых потрясающих и волнующих событий XX века». Он заявил, что распад соседней страны «знаменует собой окончательное завершение американско-советского противостояния, холодной войны между Востоком и Западом, биполярной системы мирового сообщества, существовавших более полувека после Второй мировой войны»¹⁹⁸. Прибывшая в Москву китайская делегация во главе с министром внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР Ли Ланьцином в тот же день начала переговоры с правительством России о двусторонних межгосударственных и торгово-экономических отношениях.

**ЛИ ЛАНЬЦИН (р. 1932) —
китайский государственный и партийный деятель**

Ли Ланьцин родился в мае 1932 г. в городе Чжэньцзян провинции Цзянсу. В 1952 г. окончил факультет управления предприятиями Фуданьского университета. В том же году вступил в КПК. С 1952 по 1956 г. работал в отделе планирования Первого автомобильного завода в Чанчуне. В 1956—1957 гг. стажировался в СССР на ЗИЛе и ГАЗе. В 1961—1969 гг. — на работе в Госкомитете по экономике и торговле. В 1969—1972 гг. отправлен работать в «Школу кадров 7-го мая». В 1972—1981 — на работе во Втором и Третьем автомобильном заводах. В 1983—1986 гг. — вице-мэр Тяньцзиня. С 1986 г. — заместитель министра, а с 1990 г. — министр внешней торговли и внешнеэкономических связей КНР. В январе 1992 г. возглавлял китайскую правительственную делегацию, которая подписала серию договоров об установлении дипломатических отношений, а также торгово-экономические межправительственные соглашения с рядом государств бывшего СССР. В октябре 1992 г. избран членом Политбюро ЦК КПК, в 1993—2003 гг. — вице-премьер Госсовета. В качестве вице-премьера курировал торгово-экономическое сотрудничество с Россией, был первым председателем китайских частей российско-китайских комиссий по подготовке регулярных встреч глав правительств и по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Почетный профессор МГУ (2000). С 2003 г. — на пенсии. Написал две книги, полученные средства пожертвовал Фуданьскому университету.



По мнению большинства экспертов, нормализация советско-китайских отношений была важнейшим позитивным событием международной жизни

¹⁹⁸ Цянь Цичэн. Указ. соч. 183 и 186 (кит. пер. отредактирован).

и сыграла значительную роль в дальнейшем развитии отношений Китая с Россией. Характеризуя последние годы советско-китайских отношений, Г.В. Зиновьев отмечает: «Особенностью советско-китайских отношений 1989–1991 гг. было то обстоятельство, что на них не оказывала прямого влияния усиливавшаяся разница в подходах к идеологическим вопросам. В то время, как в СССР набирали силы процессы демократизации, что сопровождалось открытым вызовом коммунистической идеологии, в КНР наблюдалась прямо противоположная тенденция. На идеологическом фронте шла жесткая борьба против «мирной эволюции» социализма, за усиление руководства КПК. Стержнем идеологической кампании было указание Дэн Сяопина, что КНР в процессе реформ придерживается четырех принципов — социалистического выбора, диктатуры пролетариата, руководящей роли КПК, а также марксистской теории и идей Мао Цзэдуна. Идеологические разногласия между Советским Союзом и Китаем были в тот период объективно намного серьезнее, чем на рубеже шестидесятых годов. Тем не менее, Москва и Пекин строили отношения на новой основе, твердо придерживались принципа невмешательства во внутренние дела друг друга и не позволили идеологии испортить налаживающееся взаимодействие. Это обстоятельство сыграло очень существенную стабилизирующую роль в последние месяцы существования СССР и при переходе от советско-китайских к российско-китайским отношениям на рубеже 1991 и 1992 гг.»¹⁹⁹.

Схожих оценок придерживаются и на Западе, и в Китае. Как отмечает американский исследователь Э. Вишник, к 1991 г. «после трех десятилетий вражды Советский Союз и КНР сумели найти стабильную основу для двусторонних отношений, которая оказалась невосприимчивой к внутренним беспорядкам в Пекине, все более резким дебатам по поводу реформ в Москве и даже к краху коммунистического строя в СССР»²⁰⁰. Э. Цянь Цичэнь подводит следующий итог развитию советско-китайских отношений: «Обозрев всю эту историю, мы осознаем, что, используя в свое время исторический шанс, мы осуществили нормализацию китайско-советских отношений. Это имеет огромное значение. Впоследствии произошли колоссальные перемены в мировой ситуации. Появились резкие изменения в Восточной Европе. Распался Советский Союз. В результате мир вступил в чрезвычайный период потрясений и изменений. Установленные в свое время рамки нормализации китайско-советских отношений послужили основой быстрого создания китайско-российских отношений добрососедства и дружбы, которые стоят над идеологией, что привело к дальнейшему развитию конструктивных отношений партнерства, вплоть до отношений стратегического партнерства и взаимодействия, обращенных в XXI век, на основе равноправия и взаимного доверия. Если бы тогда мы упустили благоприятный случай, то развитие межгосударственных отношений двух стран пошло бы, возможно, совершенно в другом направлении»²⁰¹.

С этими оценками можно согласиться. Нормализация двусторонних отношений, отличавшихся сложностью и нестабильностью почти весь XX век, выдержала испытание временем.

¹⁹⁹ Зиновьев Г.В. Указ. соч. С. 307–308.

²⁰⁰ Вишник Э. Горбачевская революция и политика в отношении Китая // Общество и государство в Китае. Специальный выпуск. К 80-летию Л.П. Делюсина. М.: Восточная литература, 2004. С. 93.

²⁰¹ Цянь Цичэнь. Указ. соч. С. 39 (кит. пер. отредактирован).

Основная литература

На русском языке

- Бажанов Е.П.* Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990.
- Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007.
- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимодействий. М.: Муравей, 2004.
- Гончаров С.Н.* О Китае средневековом и современном. Записки разных лет. Новосибирск, 2006.
- Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010.
- Киреев Г.В.* Россия-Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.2006.
- Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000.
- Рахманин О.Б.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М.: Памятники исторической мысли, 2002.
- Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999.
- Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ/Восток-Запад, 2007.
- Советско-китайские отношения. 1949–1951. Сборник документов. Чебоксары, 2009.
- Усов В.Н.* История КНР (1949–1965). М.: Восток-Запад, 2006.
- Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий. Пекин, 2005.

На китайском языке

- 巴扎诺夫 (Бажанов Е.П.): 俄罗斯 - 中国: 走向战略协作伙伴关系的曲折之路 (Россия-Китай: тернистый путь к стратегическому партнерству). 哈尔滨, 黑龙江大学出版社, 2010.
- 关贵海, 栾景河主编: 《中俄关系的历史与现实》(第二辑) (История и современное состояние китайско-российских отношений. Ч.2. Под ред. Гуань Гуйхая и Луань Цзинхэ). 中国中俄关系史研究会编: 北京, 社会科学文献出版社, 2009.
- 沈志华 主编: 《中苏关系史纲》(1917–1991) (Основные моменты китайско-советских отношений, 1917–1991). Под ред. Шэнь Чжихуа. 北京, 新华出版社, 2008.

На английском языке.

- Dittmer Lowell.* Sino-Soviet Normalization and its International Implications, 1945–1990. Seattle & London: University of Washington Press, 1992.
- Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004.
- Lüthi Lorenz M.* The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Westad Odd A. (ed.).* Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963. Washington: Stanford University Press, 1998.
- Wishnick Elisabeth, Mending Fences: The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin.* Seattle: University of Washington Press, 2001.

Хронология основных событий

1949

1 октября провозглашение Китайской Народной Республики.

декабрь —
февраль **1950**

визит Мао Цзэдуна в СССР.

1950

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи.

1954

Принята Конституция КНР, в которой закреплён союз с СССР.

1955

закрытие советских военных баз в Порт-Артуре и Дальнем, передача КЧЖД КНР.

1960

отзыв советских специалистов.

1964

25 февраля

начались советско-китайские пограничные переговоры.

10 июля

Мао Цзэдун в беседе с японской делегацией заявил, что царская Россия захватила китайские земли к востоку от Байкала и «мы ещё не рассчитались с ними по этому счёту».

1966

в Китае началась «Великая пролетарская культурная революция».

1969

март

вооружённые столкновения между советскими и китайскими пограничниками на реке Уссури в районе острова Даманский (Чжэньбао дао).

сентябрь

встреча глав правительств СССР и КНР А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в пекинском аэропорту

1976

смерть Мао Цзэдуна и арест «банды четырёх».

1978

КНР провозгласила курс на создание широкого единого фронта против СССР.

1979

апрель

КНР объявила об отказе продлевать советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 года.

декабрь

резкая реакция Пекина на ввод советских войск в Афганистан.

1982

февраль

в Пекине состоялось совещание представителей Отдела международных связей ЦК КПК, МИД, руководители ряда дипломатических представительств за рубежом, на котором была подвергнута критике политика США и поставлен вопрос о том, что СССР нельзя считать ревизионистским государством.

март

выступая в Ташкенте, советский лидер Л.И. Брежнев заявил о готовности СССР наладить отношения с КНР.

1986

выступая во Владивостоке, советский лидер М.С. Горбачёв публично подтвердил готовность к советско-китайской встрече на любом уровне и выдвинул ряд важных предложений по развитию советско-китайских отношений.

1989

визит в Пекин М.С. Горбачёва.

1990

визит в СССР премьера Госсовета КНР Ли Пэна.

1991

май

визит в СССР Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя. Соглашение о советско-китайской государственной границе на её восточной части. признание КНР Российской Федерации и независимости 11 республик бывшего СССР.

27 декабря

ГЛАВА 4

От нормализации к стратегическому партнерству. Россия и Китай после распада СССР

А.В. Лукин

Эволюция российского подхода к Китаю в 1990-е годы

Независимая Россия унаследовала от СССР хорошие рабочие отношения с КНР. Однако, несмотря на значительное влияние горбачевского «нового мышления» на внешнюю политику ельцинского руководства, его внешнеполитические взгляды поначалу строились на решительном отрицании советского наследства. Сразу же после распада СССР российская внешняя политика интересовалась в основном отношениями с Западом и, увлекшись вхождением в «общий европейский дом», на первых порах практически позабыла о восточном направлении. Хотя, естественно, представители МИДа не умаляли важности Китая для России, но они постоянно подчеркивали приоритет Запада и свое желание сделать Россию равноправным членом западного сообщества. Уже в августе 1991 г. на митинге в Москве по случаю победы над путчистами российский министр иностранных дел А.В. Козырев провозгласил новую официальную позицию России: для демократической России США и другие западные демократии являются естественными друзьями и союзниками точно так же, как они были естественными врагами тоталитарного СССР¹. Практическую политику, обусловленную этими представлениями, российский министр определил как «курс от осторожного партнерства к дружественным, а в перспективе и к союзническим отношениям с цивилизованным миром, его структурами, включая НАТО, ООН и другие организации»².

По свидетельству Е.П. Бажанова, «несмотря на значительное воздействие горбачевского наследия на внешнюю политику новой России, ее лидеры решительно открещивались от недавнего прошлого. Государственный секретарь первого демократического правительства России Г.Э. Бурбулис и его коллега, министр иностранных дел А.В. Козырев, на ознакомительной встрече с коллективом бывшего МИД СССР в декабре 1991 г. разъяснили принципиальное различие между установками эпохи М.С. Горбачева и задачами текущего момента. По словам Г.Э. Бурбулиса, прежние власти продолжали делить мир на два лагеря — социалистический и капиталистический, все еще верили в возможность построения коммунистического общества, и такие воззрения способствовали сохранению почвы для конфронтации и соперничества. А.В. Козырев подчеркнул, что впредь Москва будет осуществлять курс на полнокровное партнерство с Западом, интеграцию с ним»³.

¹ Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995. С. 211.

² Преображенная Россия в новом мире. Научно-практическая конференция МИД РФ // Международная жизнь. 1992. № 3—4. С. 92.

³ Бажанов Е.П. Эволюция внешней политики России // Современные международные отношения / Под ред. А.В.Торкунова. М.: РОССПЭН, 1999. Разд. 3. Гл. 2. С. 485—486.

**Андрей Владимирович КОЗЫРЕВ (р. 27 марта 1951 г.) —
российский дипломат,
министр иностранных дел России (1990—1996)**

Родился 27 марта 1951 г. в Брюсселе, где отец находился в командировке. В 1968—1969 гг. работал слесарем-сборщиком на машиностроительном заводе «Коммунар». В 1974 г. окончил МГИМО МИД СССР. Член КПСС с 1975 г.



В 1974—1990 гг. — в МИД СССР, прошел путь от референта до начальника Управления международных организаций. В 1990—1996 гг. — министр иностранных дел РСФСР, затем — РФ. С 1993 г. по 1999 г. — депутат Государственной Думы РФ по 116-му одномандатному округу (Мурманская область). До 11 декабря 1994 г. был членом фракции «Выбор России», после этого во фракции не входил. В 1998—2001 гг. — член совета директоров американской корпорации «ICN Pharmaceuticals», руководил деятельностью корпорации в Восточной Европе. С января 2002 г. — вице-президент фармацевтической компании ICN International (дочернее предприятие ICN Pharmaceuticals). С 2007 г. — председатель совета директоров АКБ «Инвестторгбанк». Владеет английским, французским, португальским языками.

Автор ряда книг по проблематике разоружения и многочисленных публикаций по вопросам ООН, актуальным международным проблемам.

Такая политика была обусловлена как идеологией российского перестроечного демократического движения, считавшего «демократический Запад» совершенным обществом, к созданию которого Россия должна стремиться⁴, так и внутриполитической ситуацией: развитые государства Запада поддерживали, хотя по большей части лишь морально, руководство Б.Н. Ельцина в его борьбе с внутренними противниками. Эта поддержка проявилась, в частности, во время путча августа 1991 года, а позднее — во время октябрьских событий 1993 г. Кроме того, «демократическое» руководство считало, что построение современного общества в России невозможно без материального содействия развитых государств Запада, тесного экономического сотрудничества с ними. «Пришедшие к власти демократические силы горели желанием в сжатые сроки построить в России свободное, правовое общество и процветающую рыночную экономику. В этом грандиозном деле Запад представлялся главным политическим и идеологическим союзником. Как подчеркивали члены российского руководства, “богатые, развитые, цивилизованные страны жизненно необходимы для экономического, духовного, политического возрождения России”. Отчуждение от Запада, настаивали в Кремле, приведет к тому, что будет упущен уникальный шанс преобразования России»⁵.

⁴ См.: Лукин А.В. Невежество против несправедливости. Полит. культура рос. «демократов» (1985—1991). М.: Научная книга, 2005. Гл. 7 («Биполярный мир: представления российских “демократов” о внешнем мире и принципах внешней политики»).

⁵ Бажанов Е.П. Эволюция внешней политики России. С. 486.

**Борис Николаевич ЕЛЬЦИН (1931–2007) —
советский и российский политик,
первый Президент Российской Федерации**

Родился 1 февраля 1931 г. в селе Бутка Талицкого района Свердловской области. После окончания в 1955 г. строительного факультета Уральского политехнического института работал в трестах «Уралтяжтрубстрой» и «Южгорстрой». С 1968 г. — начальник отдела строительства, с 1975 г. — секретарь, с 1976 г. — первый секретарь Свердловского обкома КПСС. С апреля 1985 г. — заведующий отделом строительства, с июня 1985 г. — секретарь ЦК КПСС по строительству, с декабря 1985 г. — Первый секретарь Московского городского комитета КПСС. С февраля 1986 по февраль 1988 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. В ноябре 1987 г. снят с поста секретаря МГК КПСС в связи с разногласиями с руководством КПСС. В январе 1988 г. назначен заместителем председателя Государственного комитета по делам строительства (в ранге министра). В мае 1990 г. избран народным депутатом РСФСР, затем членом и Председателем Верховного Совета РСФСР. В июле 1990 г. вышел из КПСС. 12 июня 1991 г. на всеобщих выборах избран Президентом РСФСР (с 25 декабря 1991 г. — Российская Федерация). 8 декабря 1991 г. в Вискулях (Белоруссия) подписал с Президентом Украины Л.М. Кравчуком и Председателем Верховного Совета Белоруссии С.С. Шушкевичем так называемое «Беловежское соглашение», положившее конец существованию СССР.



Б.Н. Ельцин неоднократно посещал Китай. В декабре 1992 г. во время официального визита в КНР подписал с Председателем КНР Ян Шанкунем «Совместную декларацию об основах взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией», создавшую основу для отношений независимой России с КНР. В 1996 г. переизбран Президентом России. 31 декабря 1999 г. Б.Н. Ельцин объявил о досрочной отставке с поста Президента России и о назначении временно исполняющим обязанности главы государства премьер-министра В.В. Путина.

Российский президент постоянно говорил о том, что у России и США есть общие интересы, что они должны поддерживать стабильные, партнерские отношения. Выступая на сессии Совета Безопасности ООН 31 января 1992 г., Б.Н. Ельцин заявил: «Россия видит в Соединенных Штатах Америки, в Западе, в странах Востока не просто партнеров, но и союзников. Это важнейшая предпосылка, я бы сказал, революция в мирном сотрудничестве между государствами цивилизованного мира». Президент разъяснял, что Москва теперь разделяет с Западом основополагающие внешнеполитические принципы. Он говорил: «Наши принципы просты и понятны: главенство демократии, прав и свобод человека, законности и нравственности»⁶.

⁶ Выступление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина на заседании Совета Безопасности ООН. 31 января 1992 г. (<http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/60837?app=2&lang=ru>).

С другой стороны, руководства коммунистических государств — Северной Кореи, Кубы, Китая, Вьетнама — «не выражали позитивных эмоций по поводу событий в России. Их шокировал антикоммунизм нового российского руководства и смертельно напугала перспектива, что смена формации на родине Ленина не только эхом отзовется за рубежом, но и спровоцирует российских демократов на прямое вмешательство в дела других стран. Москва, в свою очередь, порвала все идеологические узы с коммунистическими режимами, предвкусывая при этом их скорый крах. Кремль присоединился к хору западных стран, осуждающему нарушения прав человека на Кубе и в КНДР, попробовал поучать Пекин на тот же счет»⁷.

Пекин не могло не насторожить постоянное подчеркивание Москвой основополагающей роли прав человека во внешней политике и провозглашение приоритета международных обязательств в этой области. Выступая в ООН, Б.Н. Ельцин заявил: «Наш безусловный приоритет: обеспечение всей совокупности прав и свобод человека, включая политические и гражданские права, достойные социально-экономические и экологические условия жизни людей. Считаю, что эти вопросы — не внутреннее дело государства, а их обязательства по Уставу ООН, международным пактам и конвенциям. Мы за то, чтобы такой подход стал универсальной нормой. Совет Безопасности призван подчеркнуть солидарную ответственность цивилизованного мира в деле защиты прав и свобод личности»⁸.

Китайские власти относились к новому российскому государству с некоторой опаской, что было вполне естественно. Крах коммунистического режима в СССР вызвал у китайских коммунистов глубокое разочарование. Конечно, в Китае критиковали различные аспекты внешней и внутренней политики СССР, но там и думать не могли, что первое и самое мощное в мире коммунистическое государство вместе со своими союзниками, вместо того чтобы исправить отдельные недостатки, вовсе исчезнет с лица земли. Это подрывало идеологические основы коммунистической теории в целом, согласно которой весь мир должен двигаться к социализму, а вовсе не в обратном направлении.

Существовали и геополитические соображения. По мнению Г.В. Зиновьева, с распадом СССР «исчезали не столько опасения насчет “северного соседа”, сколько надежды на использование Москвы в качестве противовеса Западу... Хотя о возрождении единства социалистического лагеря речи не шло, но сам факт существования другого мощного государства, придерживавшегося в целом сходной с КНР политической, социально-экономической и идеологической системы, придавал китайским лидерам уверенности как на международной арене, так и во внутренней политике. Судьба соцстран Восточной Европы и Советского Союза не могла не породить вопросов о жизнеспособности социализма и о правильности идеологических концепций, на которых во многом основывалась легитимность власти КПК»⁹. Кроме того, распад СССР произошел в трудное для Пекина время осложнения отношений с Западом, вызванного подавлением антиправительственных выступлений в 1989 г.

Сотрудники Центральной партийной школы КПК и Пекинского университета Лю Дэси и Сунь Янь так оценили влияние распада СССР на международную обстановку и Китай: «В отношении международной ситуации, Китай считал: распад СССР и вступление России в лагерь Запада означает конец биполярной

⁷ Бажанов Е.П. Эволюция внешней политики России. С. 490.

⁸ Там же.

⁹ Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). С. 311.

модели, превращение США в единственную мировую сверхдержаву, и США могут начать решать международные проблемы, исходя из этой концепции. Народы мира столкнутся с серьезной задачей борьбы с гегемонизмом и силовой политикой. Распад второй мировой ядерной державы поставит и вопрос контроля над ядерным оружием... Коренные перемены в Восточной Европе и распад СССР нанесли сильнейший удар по делу мирового социализма и международному коммунистическому движению и привели к их серьезному отступлению. Это несомненно создало неблагоприятную ситуацию для идущего социалистическим путем Китая, где у власти находится коммунистическая партия, и поставило его перед необходимостью суровых размышлений». Среди других опасностей авторы отмечали также возможность нестабильности на границах Китая, вызванных конфликтами между вновь образовавшимися независимыми государствами¹⁰.

Несмотря на естественное идеологическое недоверие к новым российским властям, китайские коммунисты, столкнувшись с реальной жизнью, проявили прагматизм. Они решили укреплять социализм в собственной стране путем ее экономического развития, а для этого были необходимы хорошие отношения со всеми странами, в особенности с соседями. Видя в России перспективного торгово-экономического и, отчасти, политического партнера, в Пекине решили применить к ней курс, который уже с начала реформ проводился в отношении других несоциалистических стран: вести дела с тем правительством, которое существует, несмотря на идеологические разногласия, и стараясь извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации. Немалую роль сыграли и опасения относительно полного развала России и хаоса на ее территории, которые для Пекина, после подавления антиправительственных выступлений 1989 г. особенно опасавшегося «беспорядка», представлялись еще худшим вариантом.

В результате в Пекине на самом высоком уровне было принято решение о развитии отношений с Москвой. Еще в марте 1990 г., выступая перед членами ЦК КПК, Дэн Сяопин говорил: «Какие бы изменения ни произошли в СССР, мы должны спокойно развивать с ним отношения, в том числе и политические, на основе пяти принципов мирного сосуществования, и не вступать в идеологическую полемику»¹¹. «Исходя из этого рассуждения, — писал позднее Цянь Цичэнь, занимавший в то время пост министра иностранных дел, — китайская дипломатия выработала курс на взаимоотношения с Россией в политической, экономической и других областях и другими странами СНГ на основе равенства, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела друг друга, не обращая внимание на виды идеологии и разновидность социального строя»¹².

Выступая на заседании ПК ВСНП 25 декабря 1991 г., Цянь Цичэнь объяснял: «Распад Советского Союза знаменует собой окончательное завершение американо-советского противостояния, холодной войны между Востоком и Западом, биполярной структуры мирового сообщества, существовавших почти полвека после Второй мировой войны. Между китайским народом и народами республик бывшего Советского Союза существуют отношения традиционной дружбы.

¹⁰ 刘德喜、孙岩 (Лю Дэси, Сунь Янь) : 苏联解体后的中俄关系 (Китайско-российские отношения после распада СССР). 哈尔滨, 黑龙江教育出版社, 1996, 第64—65页.

¹¹ «国际形势和经济问题» (Проблемы мировой ситуации и экономики), «邓小平文选» (Собрание сочинений Дэн Сяопина) 第3卷, 北京, 人民出版社, 1993第53页.

¹² Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий. Пекин, 2005. С. 189.

Китайское правительство, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других стран, уважает выбор народов других государств и будет и впредь развивать отношения дружбы и сотрудничества с этими республиками»¹³.

27 декабря 1991 г. заместители министров иностранных дел КНР и Российской Федерации Тянь Цзэнпэй и Г.Ф. Кунадзе провели в Москве переговоры о принципах новых отношений Пекина с Москвой. По их результатам был подписан протокол, в котором Китай признал Россию в качестве правопреемницы СССР. В протоколе указывалось, что «руководящими принципами развития российско-китайских отношений остаются основные принципы, определенные в двух советско-китайских коммюнике 1989 и 1991 годов», а правительства двух стран будут пользоваться правами и выполнять обязанности, предусмотренные договорами и соглашениями между бывшим СССР и КНР. Россия поддержала китайскую позицию, которой всегда придерживалась Москва, о том, что правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью территории КНР. Пекин заявил о поддержке продолжения Россией членства бывшего СССР в ООН и ее Совете Безопасности, а также в других международных организациях. Стороны подтвердили позитивные результаты пограничных переговоров, высказались в пользу скорейшей ратификации подписанного в мае 1991 г. Соглашения о советско-китайской государственной границе на ее восточной части, а также согласились провести дальнейшие переговоры «для справедливого и рационального решения пограничных вопросов, оставшихся между нами от истории». Была достигнута договоренность и о продолжении переговоров по взаимному сокращению вооруженных сил и укреплению доверия в военной области в районе границы, а также заявлено желание развивать обмены во всех областях и на различных уровнях, включая высший. Российская сторона согласилась с тем, что китайский посол в СССР Ван Цзиньпин будет переназначен послом в России¹⁴. Назначенный в 1990 г. советским послом в КНР Н.Н. Соловьев также сохранил свой пост.

По свидетельству китайского дипломата Чжоу Сяопэя, принимавшего участие в переговорах, они прошли довольно гладко и на китайскую сторону прием в России произвел гораздо более благоприятное впечатление, чем в других государствах бывшего СССР, где в руководстве еще царила неразбериха. После первой встречи текст документа с китайской стороной согласовал С.С. Разов, занимавший в то время пост начальника Управления стран Дальнего Востока и Индокитая МИД. Российская сторона почти целиком приняла китайский проект из шести пунктов. Некоторые разногласия вызвал лишь тайваньский вопрос, так как российская сторона предложила внести в текст дополнение о том, что российские предприниматели и организации могут осуществлять экономические, научно-технические и культурные контакты с Тайванем на неправительственной основе. Однако китайская сторона, опасавшаяся изменений в позиции новых властей в Кремле после визита на Тайвань в октябре 1990 г. идейно близкого к ним председателя Моссовета Г.Х. Попова, настояла на принятии формулировки советско-китайской декларации, в которой подобное положение отсутствовало¹⁵.

¹³ *Цянь Цичэнь*. Десять дипломатических событий. Пекин, 2005. С. 189. (перевод отредактирован).

¹⁴ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М., 1999. С. 132–133.

¹⁵ 周晓沛 (Чжоу Сяопэй): «中苏中俄关系亲历记» (Китайско-советские и китайско-российские отношения глазами участника). 北京, 世界知识出版社, 2010, 第78–79页.

**Георгий Фридрихович КУНАДЗЕ (р. 1948) —
русский ученый и дипломат**

Родился 21 декабря 1948 г. в Москве. В 1971 г. окончил Институт восточных языков при МГУ имени М.В. Ломоносова, а в 1983 г. — аспирантуру Института востоковедения АН СССР (ИВАН), получил степень кандидата исторических наук. В 1983—1987 гг. работал сотрудником посольства СССР в Японии. В 1987—1991 гг. — заведующий сектором, затем — отделом Института мировой экономики и международных отношений РАН. В 1991—1994 гг. — заместитель министра иностранных дел РФ. 27 декабря 1991 г. провел в Москве с заместителем министра иностранных дел КНР Тянь Цзэнпэем переговоры о принципах новых отношений между КНР и независимой Россией. По результатам переговоров был подписан протокол, в котором Китай признал Россию в качестве правопреемницы СССР. В 1994—1997 гг. — Посол России в Республике Корея, в 1997—1999 гг. — заместитель директора Института США и Канады РАН. С 1999 г. — ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. С 2004 г. — заместитель руководителя аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Основные направления научной деятельности: международные отношения на Дальнем Востоке, внутренняя и внешняя политика Японии и Кореи. Автор более 50 опубликованных научных работ, владеет японским и английским языками, имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посла.



31 января 1992 г. Президент России Б.Н. Ельцин и Премьер Госсовета КНР Ли Пэн, присутствовавшие на заседании Совета Безопасности ООН на высоком уровне, встретились в Нью-Йорке и подтвердили стремление развивать дружественные, добрососедские отношения на основе принципов мирного сосуществования¹⁶. В то же время российский президент не преминул отметить различия двух общественных систем и идеологий, предложив дружбу, невзирая на эти различия. Он отметил, что «идеология различает нас с Китаем, но мы соседи и должны взаимодействовать»¹⁷.

В марте того же года в Пекине побывал министр внешнеэкономических связей П.О. Авен, было заключено рамочное межправительственное соглашение о торгово-экономических отношениях¹⁸. В Москве с удовлетворением отметили, что на фоне ухудшения экономического положения страны торговля с Китаем, особенно приграничная, начала бурно развиваться, удовлетворяя потребности населения восточной части страны. В том же месяце Пекин посетил министр иностранных дел России А.В. Козырев. По свидетельству Цянь Цичэня, российский

¹⁶ Бородавкин А. Россия и Китай: по пути добрососедства и сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5.

¹⁷ Российская газета. 2 февраля 1992 г. С. 1.

¹⁸ Сборник российско-китайских договоров. С. 134—135.

министр подчеркнул желание России не только развивать дружбу с Западом, но и наладить добрососедские отношения со странами Азии, прежде всего — с Китаем. Он также был весьма заинтересован в развитии торгово-экономического сотрудничества, о чем свидетельствует тот факт, что в состав российской делегации входили главы пяти приграничных российских регионов. Цянь Цичэнь проинформировал коллегу о китайском решении открыть ряд приграничных городов для ведения прямой торговли с соседними российскими регионами и согласился с тем, что Б.Н. Ельцин, как российский лидер, должен посетить Китай.

Началось и военное сотрудничество. Так, в 1992 г. Китаю была передана первая партия российских истребителей. По официальным российским данным, направленным в ООН, она насчитывала 26 единиц, в том числе 20 Су-27СК и 6 Су-27УБК¹⁹.

Постепенно внешнеполитические акценты в Москве начали несколько смещаться. Так, выступая на заседании Верховного Совета 22 октября 1992 г., А.В. Козырев говорил: «Россия не должна сужать рамки партнерства, выбирая между Востоком и Западом. Спектр ее интересов значительно шире, необходимо учитывать максимум возможных взаимодействий»²⁰.

Характер новых отношений между Москвой и Пекином был определен во время визита Б.Н. Ельцина в Пекин в декабре 1992 г. Это был первый визит президента России, возглавлявшего силы, пришедшие к власти под антикоммунистическими лозунгами и провозгласившими программу сближения с Западом и быстрой ликвидации государственной собственности в экономике. Естественно, что к визиту в Пекине относились с некоторыми сомнениями, опасаясь, не станет ли харизматичный российский лидер агитировать за демократию в Китае. Но все обошлось, в России решили развивать отношения с Китаем на прагматической основе, не начиная новую идеологическую дискуссию, на этот раз с других позиций.

Немаловажную роль сыграли здесь впечатления самого Б.Н. Ельцина, который перед поездкой не верил в реальность успехов китайской экономики. «Я думал, что реформы в КНР существуют только на бумаге», — говорил он. Однако в ходе визита он пришел к выводу, что «КПК очень отличается от своих коммунистических товарищей в России», и даже в шутку предложил послать некоторых из них в Китай изучать, «как способствовать реформам»²¹.

По оценке О.Л. Остроухова, хотя особых кардинальных дипломатических прорывов в двусторонних отношениях еще не было, не будет преувеличением сказать, «что в течение 1992 г. Москве и Пекину удалось преодолеть взаимное недоверие и неприязнь, обуславливавшиеся идеологическими причинами. Перспективы получения конкретных выгод от налаживания сотрудничества, прежде всего в военно-технической сфере, на основе достигнутых соглашений с представителями еще советского истеблишмента, привели к тому, что прагматический подход взял верх, и к визиту Б.Н. Ельцина в Пекин (декабрь 1992 г.) были созданы все условия для их дальнейшей интенсификации»²².

¹⁹ Макиенко К. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 гг.: достижения, тенденции, перспективы. Москва-Гендальф. Доклад № 2 Российского представительства Центра обогранной информации. Октябрь 2002. С. 10 (http://www.cast.ru/files/book/d429_2.pdf).

²⁰ Российская газета. 23 октября 1992 г. Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Вопросы непростые. Обстановка деловая. С. 1.

²¹ Независимая газета. 18 декабря 1992 г. С. 2.

²² Остроухов О.Л. Внешняя политика Китая в эпоху реформ (<http://cu-4.narod.ru/index.files/Economika/chine7.htm>).

Находившийся в Китае с 17 по 19 декабря, российский президент встретился с официальными лидерами Китая — Председателем КНР Ян Шанкунем и Премьером Госсовета Ли Пэнгом. Несмотря на настойчиво высказываемые пожелания, он не смог встретиться с Дэн Сяопином, так как пожилой лидер формально ушел из политики и не встречался с главами иностранных государств²³. Кроме того, из-за ситуации в России Б.Н. Ельцин вынужден был сократить время визита и уехать из Китая раньше запланированного срока.

**ЯН Шанкунь 杨尚昆 (1907—1998) —
партийный и государственный деятель КНР,
Председатель КНР (1988—1993)**

Родился в 1907 г. в уезде Суйнин провинции Сычуань. В 1925 г. закончил школу при высшем педагогическом училище в Сычуани, где познакомился с марксизмом. По окончании начал заниматься революционной работой, вступил в Коммунистический союз молодежи, затем — в КПК. В 1926 г. поступил в Шанхайский университет, участвовал в подготовке вооруженных восстаний. В ноябре 1926 г. был направлен КПК на обучение в СССР, учился в Коммунистическом университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве, затем был аспирантом в НИИ по Китаю при Университете. Одновременно работал переводчиком китайской делегации в Красном интернационале профсоюзов. Русский псевдоним: Салтыков. В 1929 г. в Москве женился на Ли Бочжао — также студентке, а затем переводчице с русского языка в Университете Сунь Ятсена. В 1931 г. вернулся в Китай, работал заведующим отделом пропаганды ЦК КПК, участвовал на различных должностях в рабочем движении и антияпонской войне. С 1945 г. — на работе в ЦК КПК, занимал должности заведующего канцелярией ЦК, заместителя заведующего секретариатом, заведующего секретариатом Центрального военного совета ЦК КПК. С 1956 г. член ЦК, кандидат в члены секретариата ЦК КПК. В 1964—1965 гг. отправлен на работу в «народную коммуну» в провинции Шэньси на перевоспитание. В годы «культурной революции» объявлен членом антипартийной группы, лишен всех постов, провел в заключении 12 лет. Реабилитирован в 1978 г. В 1978—1980 гг. — на руководящей работе в провинции Гуандун, активно поддержал реформы Дэн Сяопина. В 1982—1987 гг. — член Политбюро, заместитель председателя Центрального военного совета ЦК КПК. В 1988—1993 гг. — Председатель КНР. В мае 1989 г. Ян Шанкунь в качестве формального руководителя КНР участвовал в переговорах с прибывшим с визитом в Пекин М.С. Горбачевым. В конце 1992 — начале 1993 гг. ушел со всех руководящих постов в связи с преклонным возрастом. Умер в сентябре 1998 г. в Пекине.



²³ 陈锦华 (Чэнь Цзиньхуа): «1991年叶利钦第一次访华要求见邓小平表达敬意» (Во время визита в Китай в 1992 г. Ельцин просил о встрече с Дэн Сяопином, чтобы выразить ему свое уважение.) (http://news.china.com/zh_cn/history/all/11025807/20050822/12588888.html).

Новые принципы двусторонних отношений были закреплены в подписанной Б.Н. Ельциным и Ян Шанкунем декларации об основах взаимоотношений. В декларации провозглашалось, что Россия и Китай рассматривают друг друга как «дружественные государства» и «будут развивать отношения добрососедства, дружбы, взаимовыгодного сотрудничества в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, исходя из принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования и других общепризнанных норм международного права»²⁴.

Соглашаясь оставить в прошлом идеологические споры, стороны подчеркнули «необходимость уважения права народа любой страны на свободный выбор путей своего внутреннего развития. Различия в социальных системах и идеологии не будут препятствовать нормальному развитию межгосударственных отношений»²⁵. В этих формулировках фактически содержится признание сложившейся после распада СССР реальности: Россия и Китай теперь принадлежат к разным общественным системам и в то же время желают развивать нормальные добрососедские отношения на основе принципов международного права, несмотря на эти различия. Россия, невзирая на свой демократический порыв, отказалась от навязывания новых ценностей Китаю, а Китай обещал, что его сожаления о крахе социалистического старшего брата не отразятся на межгосударственных отношениях.

В декларации также был зафиксирован ряд других важных положений, составивших основу дальнейших взаимоотношений. Многие из них впоследствии переходили из документа в документ. Стороны взяли на себя обязательства решать все двусторонние проблемы мирными средствами, не прибегая к силе или угрозе силой, не участвовать в военно-политических союзах и не заключать с третьими странами соглашений, направленных против другой стороны, не допускать использования своей территории третьими странами в ущерб государственному суверенитету и безопасности другой стороны. Россия еще раз признала Тайвань неотъемлемой частью КНР и обязалась развивать связи с островом исключительно на неофициальной основе. Россия и Китай выступили за повышение роли и авторитета ООН и договорились осуществлять активные консультации в ее рамках, а также вне ООН, поддерживать регулярный политический диалог на различных уровнях, включая высший. Стороны договорились продолжить пограничные переговоры по еще не согласованным участкам, а также укреплять меры доверия в районе границы и развивать связи по военной линии, в торгово-экономической, научно-технической, культурной и других сферах²⁶.

Значение достигнутых в Пекине договоренностей трудно переоценить. По мнению Г.В. Зиновьева, то, «что между Россией и Китаем в 1992 г. не произошло резкого охлаждения отношений, можно рассматривать как важную победу прагматизма и здравого смысла во внешней политике обеих стран. Она свидетельствовала об отходе и в Москве, и в Пекине от идеологических шаблонов и твердом понимании того подтвержденного историей факта, что развитие

²⁴ Сборник российско-китайских договоров. С. 150.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 151–152.

сотрудничества полностью отвечает их интересам, тогда как за конфронтацию приходится платить непомерно высокую цену»²⁷.

Как в Китае, так и в России выработка оптимальной политики в отношении соседа заняла несколько лет. По мнению В.Л. Ларина, основой этого подхода стал реализм в анализе сложившейся ситуации и привлечение российского потенциала (политического, экономического, социального) для решения задач экономического развития Китая, причем активизация северной политики КНР «в определенной степени была связана также с опасениями руководства страны относительно возможной “стыковки РФ и НАТО”»²⁸. Китайский автор Си Лайван так сформулировал китайские принципы взаимоотношений с Москвой: «три не» и «три хорошо»: «не вступать в союз, не противостоять друг другу, не выступать против третьей стороны», и при этом «быть хорошими соседями, хорошими партнерами и хорошими друзьями»²⁹.

Анализируя причины перехода к конструктивному сотрудничеству, посол России в КНР И.А. Рогачев заключал, что «два с лишним десятилетия бессмысленного и опасного советско-китайского противостояния помогли народам, общественности и руководителям наших двух стран выработать своего рода “антиконфронтационный иммунитет”, который в немалой степени гарантирует неповторение случившегося и настраивает нас на принципиально иные, нежели в прошлом, подходы»³⁰.

Решение всемерно развивать отношения с новой Россией на прагматической основе было связано и с внутренними событиями в КНР. Поднявшие было голову в пекинском руководстве после событий 1989 г. сторонники более традиционного, идеологического подхода к внешнему миру, выступавшие и против многих аспектов рыночных экономических реформ внутри страны, в 1992 г. вновь потеряли свои позиции. Дэн Сяопин в очередной раз настоял на своей линии: политический контроль КПК не означает остановки экономических реформ. Весной 1992 г. престарелый лидер, не занимавший официальных постов, посетил юг Китая, где, находясь во флагмане перемен — специальной экономической зоне Шэньчжэнь, — выступил против призывов консерваторов затормозить реформы. Несмотря на некоторое сопротивление (выступления Дэна в Пекине долго не печатали), его рекомендации были приняты. Прошедший в октябре 1992 г. XIV съезд КПК подтвердил курс Дэн Сяопина на ускоренный экономический рост и углубление рыночных преобразований. А этот курс требовал нормальных отношений с внешним миром и развития взаимовыгодного сотрудничества с соседними государствами, среди которых одним из крупнейших была Россия.

Изменился и механизм принятия внешнеполитических решений в КНР. «Большой заслугой Дэн Сяопина и его единомышленников, — отмечает И.А. Рогачев, — стала институционализация как внутренней, так и внешней политики Китая, резкое уменьшение зависимости политического курса от воли и субъективных прихотей верховного руководителя, создание четко работающего механизма осмысления истинных национальных интересов и выработка на их основе политической линии. Такой механизм действует и в сфере российско-китай-

²⁷ Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. С. 312.

²⁸ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 45.

²⁹ 席来旺 (Си Лайван): 《外交谋略》 (Дипломатическая стратегия), 北京, 红旗出版社, 1996年, 第435页.

³⁰ Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. М.: Известия, 2005. С. 47.

ских отношений. Их поступательное развитие уже не зависит от воли одного или нескольких лидеров, а выражает общее стремление широких и влиятельных групп, формулирующих и реализующих внешнюю политику Китая»³¹.

В России последовательная линия в отношении Китая также сложилась не сразу. Поначалу не все выступали за тесные отношения с Китаем. «Реформаторы», концентрировавшиеся вокруг и.о. премьер-министра Е.Т. Гайдара, не скрывали своего отношения к Китаю как опасному и никчемному соседу³². Познания новых российских лидеров об азиатском гиганте были весьма слабыми, российские министры недооценивали уровень развития Китая. Так, например, министр внешнеэкономических связей П.О. Авен во время своего визита в Китай в 1992 г. всерьез предложил поставлять туда российскую бытовую электронику, которая не пользовалась спросом даже в России³³. Однако очень скоро российское руководство вынуждено было изменить подход. Этому в немалой степени способствовал рост двусторонних связей.

В целом российско-китайские отношения развивались в 1990-е годы поступательно. Правда, в связи с внутривнутриполитическими неурядицами в России 1993 год стал единственным в этом десятилетии, в котором не встречались лидеры двух стран. Обжегшись в августе 1991 года, Китай занял выжидательную позицию, наблюдая за тем, кто возьмет верх в противостоянии между представительной и исполнительной ветвями власти в России, да и российские лидеры были заняты внутренней борьбой. Но интенсивность обменов, тем не менее, росла, причем в Китае принимали делегации обеих российских ветвей власти. В 1993 г. Китай посетило более 30 российских делегаций уровня заместителя министра и выше. Наиболее значительными были визиты делегации Верховного Совета РФ во главе с его заместителем председателя Ю.М. Ворониным (январь) и вице-премьера правительства РФ С.М. Шахрая (июль).

1994 год оказался особо богатым на обмены на высоком уровне. В мае Китай впервые посетили сначала Председатель Государственной Думы И.П. Рыбкин, а затем — глава российского правительства В.С. Черномырдин. В течение года в Китай дважды съездил вице-премьер А.Н. Шохин, обменялись визитами министры иностранных дел А.В. Козырев и Цянь Цичэнь, министр обороны КНР Чи Хаотянь и начальник Генерального штаба ВС России М.П. Колесников.

27 января 1994 г., выступая в Китайской ассоциации народной дипломатии во время визита в Пекин, А.В.Козырев заявил: «Реализация интересов России не через конфронтацию, а сотрудничество с внешним миром, позволила нам во многом заново открыть для себя целый ряд азиатских государств. Это относится к Китаю — нашему великому восточному соседу. После мучительных шараханий от идеологической дружбы взмах к столь же малооправданной и безоглядной враждебности два “материка” цивилизации — Россия и Китай — прочно вступили на путь добрососедства и сотрудничества. Мы исходим из стратегического характера добрососедства с КНР при формировании внешней политики России»³⁴.

³¹ *Рогачев И.А.* Указ. соч. С. 47–48.

³² См.: *Гайдар Е.* Россия XXI века: не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии // Известия. 18 мая 1995 г. С. 4.

³³ *Савенков Ю.* Китай и Россия создают новый механизм торговых отношений // Известия. 7 марта 1992 г. С. 4.

³⁴ *Козырев А.В.* «Азиатским» путем — к системе безопасности в Азии // Сегодня. 4 февраля 1994 г. С. 3.

Эти слова сильно контрастировали с его более ранними, односторонне прозападными высказываниями.

Основным событием 1994 г. стал сентябрьский визит в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя. Был подписан ряд документов: двусторонняя декларация, совместное заявление о неприменении ядерного оружия друг против друга первыми и взаимном ненацеливании стратегических ядерных ракет. Министры иностранных дел двух стран подписали соглашение о российско-китайской границе в ее западной части. Совместная декларация определяла двусторонние отношения как «подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования»³⁵.

**ЦЗЯН Цзэминь 江泽民 (р. 1926) —
партийный и государственный деятель КНР,
Председатель КНР (1993—2003)**

Родился 17 августа 1926 г. в городе Янчжоу провинции Цзянсу в семье потомственных интеллигентов. С 1943 г. участвовал в подпольном студенческом движении под руководством КПК, в 1946 г. вступил в КПК, в 1947 г. окончил факультет электронного машиностроения Шанхайского университета транспорта. После перехода Шанхая в руки КПК работал на различных предприятиях города. В 1955 г. направлен на стажировку в СССР на московский автомобильный Завод имени Сталина (ЗИС). Овладел русским языком, который затем нередко применял во время официальных встреч с российскими руководителями. После возвращения в КНР в 1956 г. работал на заводах в Чанчуне, Шанхае, Ухане, возглавляя различные их подразделения. В 1980 г. назначен заместителем председателя Государственного комитета по экспорту и импорту и Государственного комитета по иностранным инвестициям, в 1982 г. — заместителем, затем — министром электронной промышленности. С 1985 г. — мэр Шанхая, затем — первый секретарь городского комитета КПК.



С 1982 г. — член ЦК, с 1987 г. — член Политбюро ЦК КПК. С 1989 г. — Генеральный секретарь, Председатель Центрального военного совета ЦК КПК. С 1993 г. — Председатель КНР и Центрального военного совета КНР. В рамках передачи власти лидерам «четвертого поколения» в 2002 г. ушел с поста Генерального секретаря ЦК, в 2003 г. — Председателя КНР, а в 2004—2005 гг. — Председателя центральных военных советов ЦК КПК и КНР. Многократно посещал Россию с официальными визитами, подписал ряд важнейших российско-китайских документов, в частности, «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» (2001). В ноябре 1998 г. по предложению Цзян Цзэминя во время его визита в Россию состоялась первая в китайской дипломатии «встреча без галстуков» с Президентом России Б.Н. Ельциным. Встречался с коллегами, с которыми в 1955 г. работал на ЗИСе. Во время протокольных мероприятий использовал русские пословицы и пел советские песни 1950-х годов. Кроме русского, владеет румынским и английским языками.

³⁵ Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. С. 271.

3 сентября китайский лидер выступил в Московском государственном институте международных отношений МИД России с программной речью, в которой обозначил свое видение двусторонних отношений. Назвав их отношениями «нового типа», он сформулировал шесть принципов, которых необходимо придерживаться при их развитии: 1) укреплять взаимопонимание и взаимное доверие, решать все проблемы взаимоотношений в духе долгосрочной дружбы и добрососедства; 2) взаимно уважать пути развития, избранные каждой из сторон, неуклонно развивать нормальные отношения между двумя странами; 3) независимо от того, как будет развиваться общая ситуация, не менять основополагающего курса на развитие дружбы и сотрудничества между двумя странами; 4) полностью использовать благоприятные условия двух стран, активно развивать взаимовыгодные и взаимодополняющие экономические отношения, способствовать совместному процветанию; 5) укреплять законность и порядок, в здоровом и упорядоченном ключе развивать контакты на персональном уровне, превратить китайско-российскую границу в мост мира, дружбы и процветания; 6) расширять взаимные консультации и сотрудничество, разворачивать совместную конструктивную и активную деятельность на благо мира, стабильности и развития во всем мире³⁶.

Важным стимулом углубления двусторонних политических связей стал рост торгово-экономического сотрудничества, которое постепенно становилось существенным фактором экономической жизни обеих стран. Китай получал из России ряд товаров, которые не мог получить в других странах либо вовсе (например, вооружения из-за санкций Запада), либо в достаточном количестве, а также развивал свои северо-восточные регионы за счет приграничной торговли. В Пекине положительно оценили, что Россия приняла на себя долги по кредитам СССР. Россия же в условиях спада производства и экономического кризиса решала проблемы выживаемости своего военно-промышленного комплекса и некоторых отраслей тяжелой промышленности, а также нехватки рабочих рук и снабжения жителей восточной части страны, что было важно, несмотря на различные проблемы, связанные с поставкой некачественных товаров, контрабандой и увеличением китайской миграции. Росту торговли во многом способствовало возобновление в августе 1992 г. работы бывшей советско-китайской, а ныне — российско-китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, возглавлявшейся вице-премьерами (А.Н. Шохин — Тянь Цзюнь). Тогда же было подписано соглашение о принципах направления и приема китайских граждан для работы в России. В декабре того же года во время визита А.Н. Шохина в Пекин было заключено соглашение о строительстве Россией АЭС на территории Китая. В целом в 1992 г. двусторонний товарооборот вырос на 50%, превысив 5,8 млрд долл., а в 1993 г. возрос еще на 30%, составив примерно 7,7 млрд долл. Правда, к 1994 г. он вновь снизился более чем на 30% и к 1995 г. составлял около 5,5 млрд долл. США (см. табл. 4.1).

В мае 1995 г. китайский лидер Цзян Цзэминь вновь посетил Москву с кратким, но необычайно символичным визитом: для участия в праздничных мероприятиях по случаю 50-летия победы над фашистской Германией. 25–28 июня Россию

³⁶ 中俄关系六点原则主张 (Шесть принципов китайско-российских отношений) (<http://gb.cri.cn/3821/2004/06/23/107@206778.htm>).

посетил премьер Госсовета КНР Ли Пэн. Однако запланированный на октябрь визит российского президента в Пекин был отменен в связи с его болезнью.

С середины 1990-х годов российское руководство все более склонялось к активизации восточного направления внешней политики, чтобы использовать его как противовес не всегда гладким отношениям с Западом. И российский президент, и руководители внешнеполитического ведомства в официальных документах и заявлениях стали уделять все больше внимания роли АТР и Китая для России. Если в 1993 г. АТР был поставлен на шестое место среди внешнеполитических приоритетов России (после отношений с СНГ, контролем за вооружениями и международной безопасностью, экономической реформой, отношениями с США и Европой)³⁷, то в феврале 1996 г. министр иностранных дел Е.М. Примаков повысил этот регион до третьего места (после СНГ и Восточной Европы)³⁸.

Приблизительно с середины 1990-х гг. официальную российскую позицию по вопросу отношений с Китаем и Азией в целом можно было охарактеризовать как линию «баланса» и «равноудаленности» от центров силы. Выступая на совещании в Кремле в июле 1995 г., президент Б.Н. Ельцин сформулировал новый подход: «Китай является для нас важнейшим государством. Это наш сосед, с которым мы имеем самую длинную границу в мире и с которым нам навечно суждено жить и работать бок о бок. От успеха сотрудничества с Китаем зависит будущее России. Отношения с Китаем чрезвычайно важны для нас и с точки зрения глобальной политики. Мы можем опереться на плечо Китая в отношениях с Западом. Тогда Запад станет относиться к России с большим уважением»³⁹.

После ухода А.В. Козырева с поста министра иностранных дел изменился и подход России к правам человека. Хотя с 1992 г. официальные лица России публично не критиковали Китай за их нарушения, российский посол в Китае И.А. Рогачев еще в октябре 1995 г., выступая на конференции в Лондоне, говорил о различных подходах в Китае и России к этим вопросам и утверждал, что Москва ставит их перед китайским руководством: «Россия здесь по многим параметрам придерживается иных, нежели Китай, взглядов. Однако мы ведем регулярный диалог по правозащитной тематике, и его нельзя назвать бесполезным. Ширится перечень обсуждаемых вопросов, углубляется степень их проработки. Мы стараемся убедить наших китайских партнеров в том, что необходимо более терпимо и цивилизованно относиться к дискуссиям о положении с правами человека в различных странах, включая КНР, на международных форумах и не пытаться блокировать их». И.А. Рогачев отметил прогресс в Китае в области соблюдения прав человека и высказался лишь против использования карательных санкций, и то только там, где налицо стремление и «реальный прогресс к улучшению ситуации». А через несколько лет он уже отчитывался о том, что российские представители противодействуют попыткам некоторых государств «ошельмовать» позицию КНР в тибетском или синьцзянском вопросах и заблокировали включение обсуждения китайской тематики в повестку дня сессии Комитета ООН по правам человека⁴⁰.

³⁷ Дипломатический вестник. 1993. Специальный выпуск. Январь 1993. С. 15–16.

³⁸ *Sergounin Alexander A., Subbotin Sergey V.* Sino-Russian Military Co-operation: Russian Perspective // *Regional Studies*. 1997. Vol. 15. No. 4. P. 26.

³⁹ Цит. по: *Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений. М.: Научная книга, 2002. Т. 2. С. 419.

⁴⁰ *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. С. 31–32, 130.

Российские представители в Комитете, первоначально солидаризировавшиеся с Западом, стали сначала воздерживаться, а затем — голосовать против западной позиции, поддерживая Китай. Большую роль здесь сыграла поддержка Пекином Москвы в чеченском вопросе, а также общая смена атмосферы в России.

В апреле 1996 г., во время визита в Китай, президент Б.Н. Ельцин, выступая в Шанхае, призвал обе страны развивать «равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие двух стран в XXI веке»⁴¹. Это положение было закреплено в совместной декларации. Интересно, что, хотя уровень отношений требовал новых определений, сами формулировки декларации 1996 года, судя по всему, возникли спонтанно. Согласно Чжоу Сяопэю, участвовавшему в переговорах, российский президент Б.Н. Ельцин, находясь уже в самолете на пути в Пекин, просмотрел подготовленный проект декларации и остался им недоволен, так как не нашел в нем ничего принципиально нового, отражающего направление будущего развития двусторонних отношений. Он собственноручно исправил формулировку проекта «развивать долгосрочное стабильное добрососедское, дружественное, взаимовыгодное сотрудничество и конструктивные партнерские отношения, обращенное в XXI век» на «равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие двух стран в XXI веке». Ключевым нововведением здесь была формулировка «стратегическое взаимодействие». По данным Чжоу Сяопэя, некоторые российские дипломаты сомневались, одобрит ли китайская сторона столь смелые не по протоколу внесенные изменения. На встрече с Б.Н. Ельциным китайский лидер сообщил, что для него эти исправления были неожиданными, ему их передали во время проводимого им совещания, но он оперативно их рассмотрел и принял⁴². С того времени курс на стратегическое взаимодействие стал официальной политикой, признанной обеими сторонами.

В декларации стороны согласились «и впредь укреплять сотрудничество в тех областях, где подходы близки или совпадают, и искать пути взаимодействия там, где позиции различаются». Россия и Китай подтвердили готовность развивать контакты на всех уровнях, особо отметив значение регулярного взаимодействия на высоком и высшем уровнях, между руководителями двух стран, и объявили об организации «горячей линии» между правительствами⁴³.

В то же время это российско-китайское согласие было весьма далеко от антиамериканского фронта, о котором по идеологическим причинам мечтали жесткие антизападники в России. Официальные российские представители, соглашаясь с Пекином по многим вопросам, не переставали разъяснять, что «развитие российско-китайского конструктивного партнерства не направлено против интересов

⁴¹ Михеев В. Борис Ельцин выполнит в Китае особое задание «семерки» // Известия. 26 апреля 1996 г. С. 1.

⁴² 周晓沛:《中苏中俄关系亲历记》,第100—101页。О стиле российского лидера говорит и такой запомнившийся Чжоу Сяопэю эпизод этого визита: «Вечером 24 апреля в Большом зале народных собраний состоялся прием в честь гостей, на котором не было подано водки. Президент Ельцин намеревался Председателю Цзян Цзэминю: “Помню, во время прошлого визита в Китай я пил какую-то водку”. Председатель Цзян Цзэминь спросил: “Хотите выпить?” Ельцин ответил: “Ну, конечно!” Официант быстро подал “Маотай” двадцатилетней выдержки. Ельцин с энтузиазмом выпил три рюмки подряд. Супруга президента разубеждала его, не разрешая пить еще. Ельцин сказал: “Не вмешивайся в мои дела! А то в следующий раз не возьму с собой”» (Там же).

⁴³ Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. С. 333, 335.

какой-либо страны или группы стран, оно не означает и не может означать создания какого-то блока или альянса»⁴⁴. В совместном коммюнике, подписанном в ходе саммита в ноябре 1998 г., обе стороны, заинтересованные в сотрудничестве с другими странами мира, включая Запад и США, снова подчеркнули: «Формирующееся российско-китайское стратегическое взаимодействие не является союзом и не направлено против какой-либо из третьих стран»⁴⁵.

Поясняя этот подход, заместитель министра иностранных дел Г.Б. Карасин в многочисленных статьях и интервью постоянно проводил мысль о том, что российский двуглавый орел должен смотреть и на Запад, и на Восток⁴⁶. Подчиненные Г.Б. Карасина — директор Первого департамента Азии Е.В. Афанасьев и заведующий отделом того же департамента Г.С. Логвинов — в пространной статье, посвященной российско-китайским отношениям, — в свою очередь разъясняли, что «у России нет альтернативы установлению долговременных дружественных партнерских отношений со странами и Запада, и Востока... Западное и восточное направления российской внешней политики не противоречат друг другу, они находятся в органическом единстве, адекватном уникальному географическому положению России»⁴⁷.

Согласно Г.Б. Карасину, «линия на стратегическое партнерство с Китаем объективно обусловлена национальными интересами России, потребностями мирового развития»⁴⁸. Г.Б. Карасин отмечал, что «Россия и Китай — две крупнейшие державы, полюсы формирующегося многополярного мира»⁴⁹. Российские власти считали, что Китай «уверенно превращается в глобальный центр силы» и что сильный и стабильный Китай отвечает интересам безопасности России и является полезным экономическим партнером⁵⁰. Согласно И.А. Рогачеву, политике сближения с Китаем просто не было альтернативы, и «единственный путь строительства взаимоотношений с самым многонаселенным государством на земле — это поиск путей сопряжения интересов и областей сотрудничества: все иные методы контрпродуктивны»⁵¹. Развивая сотрудничество с Китаем, Москва, таким образом, стремилась решать как стратегические, так и экономические задачи. Исходя из этого, она всемерно старалась расширить торговлю и экономическое сотрудничество, завершить пограничные переговоры, наладить взаимодействие по международным вопросам, сотрудничать в ООН и международных организациях и т.п.

Концепция многополярного мира, получившая официальное признание в Москве, выражала очевидное, хотя и не зафиксированное буквально, желание избежать мировой гегемонии США, влияние которых в мире после распада СССР значительно усилилось. Концепция многополярности была принята и Пекином,

⁴⁴ Афанасьев Е.В., Логвинов Г.С. Россия и Китай: на пороге третьего тысячелетия // Международная жизнь. 1995. № 11–12. С. 60.

⁴⁵ Российско-китайские отношения на пороге XXI века. Совместное заявление по итогам встречи на высшем уровне // Независимая газета. 5 декабря 1998 г. С. 6.

⁴⁶ Карасин Г. Взгляд двуглавого орла и на Запад, и на Восток // Российские вести. 19 декабря 1996 г. С. 7; Цехмистеренко С. Двуглавый орел открыл глаза на Восток // Деловые люди. Январь 1997. № 73. С. 17.

⁴⁷ Афанасьев Е.В., Логвинов Г.С. Указ. соч. С. 53.

⁴⁸ Цехмистеренко С. Указ. соч.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ России нужен сильный Китай (интервью с Г. Карасиным) // Россия. Март 1997. № 3. С. 13.

⁵¹ Партнерство в общих интересах (интервью с И. Рогачевым) // Независимая газета. 19 апреля 1997 г. С. 1.

что выразилось в подписании китайским лидером Цзян Цзэмином и президентом Б.Н. Ельциным в апреле 1997 г. в Москве российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Декларация, не накладывавшая на стороны формальные обязательства, тем не менее была важна как выражение целей, которые преследуют оба государства, развивая сотрудничество. Цель создания «многополярного мира» свидетельствовала об общем представлении обеих стран о том, какой мировой порядок им следует поддерживать. В ее основе лежала серьезная озабоченность усилением США, угрожающим подорвать мировой порядок, возникший в результате Второй мировой войны. Декларация выразила возраставшее в конце 1990-х годов беспокойство обеих сторон по поводу явного желания США установить «однополярность», гегемонистской (как выражались в Китае) политикой Вашингтона, ослаблением роли ООН и ее Совета Безопасности и отстранением тех его членов, которые не входят в возглавляемые США союзы (а именно — России и Китая), от принятия решений по важным международным вопросам. С российской точки зрения, смысл многополярности состоял в том, что при ней, по словам И.А. Рогачева, «не должно быть места диктату одной или нескольких держав»⁵². Как писал Г.Б. Карасин, поддержка двумя великими державами тенденции к многополярности «особенно актуальна сейчас, когда мировое сообщество все еще сталкивается с инерцией старого мышления, характерной для времен холодной войны, претензиями на единоличное лидерство, попытками свернуть развитие международных отношений в сторону однополярности»⁵³. Естественно, эти и подобные формулировки — весьма прозрачный намек на США, так как в мире больше не было государства, способного на «единоличное лидерство».

Сдвиг к более тесному сотрудничеству с Китаем был совершен российским руководством под воздействием давления с разных сторон, оказанного силами, отношение которых к прежней китайской политике Москвы, как и к ее внешнеполитическому курсу в целом, было резко отрицательным. Значительную заинтересованность в связях с Китаем высказывали представители российской военной индустрии, серьезно пострадавшей от экономической политики правительства Е.Т. Гайдара. Влияние военно-промышленного лобби, крайне заинтересованного в тесных отношениях с Китаем, постепенно увеличивалось по мере роста понимания российским руководством, что продажи оружия Китаю действительно могут сыграть важную роль в пополнении бюджета и в решении части социальных проблем. Растущую роль ВПК можно проследить в том, что его представители входили в каждое российское правительство после отставки Е.Т. Гайдара с поста и.о. главы правительства в декабре 1992 г. Более того, одним из важнейших свидетельств влияния ВПК на политику в отношении Китая явилось назначение одного из известных его лоббистов и активного пропагандиста опыта китайских экономических реформ А.И. Вольского председателем российской части российско-китайского Комитета мира, дружбы и развития XXI в. Этому формально неправительственному органу, созданному на встрече Цзян Цзэминя и Б.Н. Ельцина в Москве в апреле 1997 г., была поставлена задача «активно подключить к укреплению связей между Россией и Китаем широкие круги общественности и деловых кругов двух стран»⁵⁴.

⁵² Партнерство в общих интересах (интервью с И. Рогачевым) // Независимая газета. 19 апреля 1997 г. С. 1.

⁵³ Карасин Г.Б. Россия и Китай на пороге тысячелетия // Международная жизнь. 1997. С. 14.

⁵⁴ Там же. С. 16.

**Аркадий Иванович ВОЛЬСКИЙ (1932–2006) —
общественный и политический деятель СССР и России**

Родился в селе Добруж Гомельской области Белорусской ССР в семье учителей. В 1955 г. окончил Московский институт стали и сплавов, после чего долгое время работал на автомобильном Заводе имени И.В. Сталина (с 1956 г. — Завод имени И.А. Лихачева) помощником мастера, мастером, начальником участка, начальником литейного цеха и затем секретарем парткома завода. Руководил практикой будущего китайского лидера Цзян Цзэминя (позднее многократно встречался с ним). Член КПСС с 1959 г. С 1969 г. — в аппарате ЦК КПСС — работал заведующим сектором, заместителем заведующего, первым заместителем заведующего отделом машиностроения. С 1983 г. — помощник по экономике Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова, а с 1984 г. — К.У. Черненко. С 1985 г. — заведующий отделом машиностроения ЦК, с 1986 г. — член ЦК КПСС. В 1988 г. направлен представителем ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) Азербайджанской ССР, а с января 1989 г. — председателем Комитета особого управления НКАО, заменившего упраздненные органы местного самоуправления. Весной 1989 г. избран народным депутатом СССР по Степанакертскому территориальному избирательному округу (НКАО). Был членом Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности. В июне 1991 г. на I съезде Научно-промышленного союза (НПС) СССР был единогласно избран его президентом. С января 1992 г. НПС был преобразован в Российский союз промышленников и предпринимателей. После августовских событий 1991 г. А.И. Вольский стал заместителем руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР. В сентябре — декабре 1991 г. — член Политико-консультативного совета при Президенте СССР. Вошел в руководство Российского движения демократических реформ. В мае 1992 г. по его инициативе был создан Всероссийский союз «Обновление». В июне 1992 г. стал одним из основателей «Гражданского союза». В мае 1995 г. участвовал в создании и вошел в руководство «Российской объединенной промышленной партии». В 1997—2002 гг. — председатель российской части российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития XXI века. Активно выступал за углубление российско-китайских отношений, расширение торгово-экономического сотрудничества. В 2001–2005 гг. — президент, с 2005 г. — почетный президент РСПП. Умер в Москве 9 сентября 2006 г.



Другой источник влияния на руководство, действовавший в сторону улучшения отношений с Китаем, — политические силы, представленные в Государственной Думе. Здесь, особенно в 1995–1999 гг., значительным влиянием пользовались КПРФ и ее союзники, а также (в вопросах международной политики) Комитет по международным делам, активно выступавший за укрепление связей с Китаем. Хотя Дума и не имела прямого отношения к практической внешней политике, она оказывала давление по различным каналам: через встречи своего председателя,

члена руководства КПРФ Г.Н. Селезнева с президентом, проведение слушаний по вопросам, связанным с Китаем, мнениями, высказываемыми депутатами в процессе обсуждения подлежащих ратификации международных договоров, выступлениями в СМИ и т.д. Наконец, простая критика лидером КПРФ Г.А. Зюгановым МИДа за недостаточную активность на китайском направлении подталкивала последний к более решительным действиям с целью перехватить инициативу.

**Игорь Владимирович МОРГУЛОВ (род. 1961) —
российский дипломат**

Родился 4 мая 1961 г. в Москве. В 1984 г. окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1983—1984 гг. находился на стажировке в Пекинском лингвистическом институте. В 1984—1987 гг. — старший экономист Торгового представительства СССР в КНР. В 1987—1989 гг. — эксперт Министерства внешнеэкономических связей СССР. В 1989—1991 гг. — старший референт Международного отдела ЦК КПСС. В 1991—1993 гг. — второй секретарь Департамента АТР МИД России, первый секретарь секретариата заместителя министра. В 1993—1997 гг. — консул-советник Генерального консульства России в Сан-Франциско. В 1997—2001 гг. — начальник отдела АТР Второго департамента Азии МИД России. В 2001—2004 гг. — советник посольства России в Японии. В 2005—2006 гг. —



главный советник Первого департамента Азии МИД России. В 2006—2009 гг. — советник-посланник Посольства России в КНР. В 2009—2011 гг. — директор Первого департамента Азии МИД России. С 2011 г. — заместитель министра иностранных дел России.

По мнению участника событий, российского дипломата И.В. Моргулова, в самом российском МИДе «были силы, которые постоянно не давали покоя руководству». Особенно активны эти силы были в российском посольстве в Китае, которое тогда возглавлял И.А. Рогачев: «Да, был “kozyревский” период, когда министр в розовых очках смотрел на отношения с США и Западом. Но уже с начала 1994 г. наступило быстрое отрезвление, появились здравые оценки Китая. То есть мы достаточно быстро вышли на верный путь, и к чести наших китайских партнеров, у них хватило мудрости не пойти на сворачивание отношений с нами в тот период. Мы совместно преодолели сложное время, и начиная с 1994 г. наши отношения развиваются поступательно. В этом во многом заслуга И.А. Рогачева, которого я бы назвал нашим патриархом-идеологом развития связей с Китаем... Кто был связан с дипломатическими делами, знает, сколь велика роль посольства. Депеши, которые присылают из посольства, играют огромную роль в формировании политики в том или ином направлении, и наше посольство в Китае всегда

было на передовых позициях». И.В. Моргулов отмечает, что «этот процесс движения навстречу Китаю с конца 1993 — начала 1994 г., конечно, шел параллельно с охлаждением в наших отношениях с Западом. Это охлаждение прослеживалось все эти годы. Впоследствии оно привело к идее многополярности»⁵⁵.

Влияние научного сообщества на китайскую политику руководства страны также не следует преуменьшать, хотя оно выражалось, скорее, не прямо, а путем создания определенной общественной атмосферы в результате публикаций в прессе, выступлений по телевидению и т.п. Впрочем, прямое влияние также имело место. Во-первых, благодаря свободным выборам, ряд ученых-международников активно вошел в политическую элиту. Например, давний сторонник китайских реформ академик О.Т. Богомолов в 1993 г. был избран в Государственную Думу, где занимал пост заместителя председателя Комитета по международным делам; специалист-международник А.Г. Арбатов стал одним из наиболее заметных депутатов, выступающих по вопросам безопасности; эксперт по китайской экономике С.С. Цыплаков работал начальником Департамента международного сотрудничества аппарата правительства, а затем стал торговым представителем России в Китае. Во-вторых, при Б.Н. Ельцине время от времени создавались различные совещательные органы с участием международных. Наконец, научные институты продолжали писать информационные записки, направляя их в администрацию президента, парламентские комитеты и правительство, проводить «круглые столы» и «ситуационные анализы» с участием представителей министерств и ведомств. Некоторые научные институты наладили неофициальные связи с политическими партиями. Так, многие сотрудники Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН — ведущего научного центра Российской академии наук, занимающегося Китаем, — были тесно связаны с КПРФ, а их выводы и предложения почти буквально совпадали с выводами и предложениями лидера этой партии Г.А. Зюганова⁵⁶. Еще теснее в течение ряда лет с КПРФ был связан Фонд «Духовное наследие» и его научно-исследовательский центр «РАУ-Корпорация», руководителя которого А.И. Подберезкина называли «духовным наставником» лидера коммунистов Г.А. Зюганова⁵⁷. Лидеры «Яблока» прямо возглавляли два исследовательских института, свой институт основал и один из лидеров «правых» Е.Т. Гайдар.

Влиятельную группу давления, занимавшую настороженную позицию по отношению к Китаю, в 1990-е годы составляли лидеры некоторых приграничных регионов, прежде всего Приморского и Хабаровского краев. Они настаивали на строгом пограничном контроле и жестких мерах против китайской иммиграции. Их влияние в основном осуществлялось посредством личных встреч с представителями московского правительства, финансирования кампаний в СМИ и через Совет Федерации. Именно их влияние на руководство привело к отмене в 1994 г. безвизового режима пересечения границы и к частичному изменению подхода Москвы к демаркации российско-китайской границы. При Б.Н. Ельцине влияние региональных властей было настолько велико, что они имели возможность принимать некоторые меры в отношении пограничного режима. Например,

⁵⁵ Актуальные проблемы российско-китайских отношений и пути их решения. Аналитические доклады НКСМИ МГИМО(У) МИД России. Вып. 1(16). Март 2006. С. 25–26.

⁵⁶ См.: *Зюганов Г.* География победы. Основы российской геополитики. М., 1997. С. 211–226.

⁵⁷ *Подберезкин А.И.* Русский путь. М.: Духовное наследие, 1996. С. 50.

хабаровский губернатор В.И. Ишаев собственным решением ввел разрешительный порядок плавания китайских судов в прилегающей к Хабаровску зоне Амура (не предусмотренный двусторонним соглашением), приморские и хабаровские власти неоднократно вводили местные правила приглашения китайских туристов и т.п. Власти некоторых сибирских и дальневосточных регионов с целью повышения популярности среди местного населения активно использовали и даже поощряли антикитайские настроения, связанные с китайской миграцией, говорили о якобы существующих скрытых планах КНР по заселению российского Дальнего Востока, китайской «демографической экспансии» и т.п. В 1996 г. во Владивостоке была даже издана книга с показательным названием «Желтая опасность», в которой статьи авторов XIX и начала XX вв. соседствовали с фотографиями ареста современных китайских рыночных торговцев приморской милицией. В целом влияние и энергичная антииммиграционная пропаганда властей ряда дальневосточных регионов часто чинили препятствия на пути развития российско-китайского сотрудничества, и в сочетании с конвульсивными действиями Москвы создавали в пограничных вопросах полную неразбериху⁵⁸.

В Москве антикитайские настроения находили лишь ограниченную поддержку. Время от времени тот или иной московский лидер проникался идеей о «желтой угрозе». Так, министр строительства Е.В. Басин в официальной газете в 1995 г. в статье об Амурской области утверждал: «Край здесь благодатнейший, плодородный, с мягким климатом. И земли сколько угодно... Освоив же эту землю, можно сделать край богатым. Это очень быстро поняли китайцы и корейцы, буквально оккупировавшие наш Дальний Восток. Того и гляди объявят его суверенной узкоглазой республикой»⁵⁹. Российский министр обороны И.Н. Родионов однажды назвал Китай среди государств Азии, вызывающих серьезную озабоченность России наращиванием наступательных возможностей своих вооруженных сил (хотя в то же время пытался активизировать продажи вооружений Пекину)⁶⁰. В июне 2000 г. Комитет Госдумы по делам Федерации и региональной политике распространил информацию о положении в Амурской области, где упоминалась мнимая «скрытая экспансия» китайцев на территорию РФ, в частности, в Амурскую область и Дальневосточные регионы⁶¹. Однако такие настроения на федеральном уровне встречались довольно редко и не представляли основного направления российской политики.

В целом можно согласиться с мнением И.А. Рогачева о том, что «провозглашенный российским руководством курс на развитие с КНР отношений равноправного доверительного партнерства, нацеленного на стратегическое взаимодействие в XXI в.», отражал сложившееся во второй половине 90-х годов XX в. в российском обществе «консенсусное понимание безальтернативности широкого добрососедского сотрудничества с великим соседом»⁶².

⁵⁸ Подробнее о роли региональных властей в двусторонних отношениях см. гл. 5 настоящего издания.

⁵⁹ *Валентинов А.* Единая Россия в пространстве и во времени (беседа с Е. Басиным) // Российская газета. 1 января 1995 г. С. 16.

⁶⁰ См.: *Коротченко И.* Игорь Родионов выступил за создание оборонного союза в СНГ // Независимая газета. 26 декабря 1996 г. С. 1.

⁶¹ О ситуации в сфере приграничных связей с Китаем. 30.06.2000 (<http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f4325699c003b5f6c?OpenDocument>).

⁶² *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. С. 48.

**Игорь Алексеевич РОГАЧЕВ (1932–2012) —
русский китаевед,
дипломат и политический деятель**

Родился 1 марта 1932 г. в Москве в семье известного китаеведа А.П.Рогачева. В 1955 г. окончил МГИМО МИД СССР. Работал переводчиком советско-китайской экспедиции по комплексному исследованию реки Амур Академии наук СССР в городе Благовещенске. В 1956 г. — переводчик при Госсовете КНР. В 1957–1958 гг. — переводчик в редакции газеты и журнала «Дружба» (выходила в Китае на китайском языке). В 1958–1961 гг. — драгоман, затем — атташе Посольства СССР в КНР. В 1961–1965 гг. — секретарь Первого дальневосточного отдела МИД СССР. В 1965 г. — первый секретарь секретариата первого заместителя министра иностранных дел СССР. В 1965–1969 гг. — первый секретарь Посольства СССР в США. В 1969–1972 гг. — советник Посольства СССР в КНР. В 1972–1975 гг. — заместитель заведующего Первым ДВО МИД СССР. В 1975–1978 гг. — старший советник, затем начальник отдела Азии Управления планирования внешнеполитических мероприятий. В 1978–1983 гг. — заведующий Отделом стран Юго-Восточной Азии. В 1983–1986 гг. — заведующий Первым ДВО МИД СССР. В 1986–1987 гг. — начальник Управления социалистических стран Азии. В 1986–1991 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. В 1987–1991 гг. глава правительственной делегации СССР на советско-китайских переговорах по пограничным вопросам. В 1992–2005 гг. — Посол России в КНР. С 2005 г. — член Совета Федерации ФС РФ (от Амурской области). Внес значительный вклад в развитие российско-китайских отношений. Свободно владея китайским языком, легко общался с китайскими журналистами, многократно выступал по китайскому телевидению, получил значительную популярность в Китае. Б.Н. Ельцин писал о нем: «Человек, влюбленный в Китай, который буквально живет этой страной, знает ее досконально. Быть может, это единственный посол в Пекине, которого китайцы узнают на улицах, здороваются с ним». Умер в апреле 2012 г. в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище.



В Китае также все более ценили отношения с северным соседом. В конце 1996 г. китайский лидер Цзян Цзэминь выступил с новыми принципами, которых необходимо придерживаться в отношениях с Россией: «хорошие соседи, равенство и доверие, взаимная выгода и сотрудничество, совместное развитие»⁶³. Через два года в интервью «Российской газете» он вновь назвал российско-китайские связи «международными отношениями нового типа», основанными на пяти

⁶³ «人民日报》(Жэньминь жибао), 1996年12月19日.

принципах мирного сосуществования, общепринятых нормах международного права и сознательном выборе, сделанном руководителями двух стран на основе «обобщения накопленного сторонами позитивного и негативного опыта на всем протяжении истории отношений между двумя странами». Он отметил, что эти отношения «не являются ни союзническими, ни конфронтационными, они не направлены против третьих стран»⁶⁴.

В Китае с удовлетворением отмечали сдвиг в России от идеологизированной внешней политики к прагматизму, объясняя его разочарованием в политике Запада. Известный китайский эксперт по России Ли Цзинцзе писал: «Распад СССР привел к устранению идеологического противостояния между США и Россией. Чтобы предотвратить реставрацию власти компартии, Соединенные Штаты всемерно поддерживали проведение российскими “демократами” радикальных реформ. Российские “демократы” были исполнены иллюзий в отношении Запада во главе с США. Ради скорейшего вступления в “большую семью мира западной цивилизации” и создания “великого европейско-атлантического сообщества, простирающегося от Ванкувера до Владивостока”, они, добиваясь западной помощи России по типу “плана Маршалла”, проводили внешнюю политику односторонней ориентации на Запад... Как видно, среди приоритетов российской внешней политики абсолютно не нашлось места для Китая. Однако следование России в фарватере США в международных делах и проведение радикальных реформ в стране по сценарию международных финансовых организаций и американских экспертов привели к серьезным последствиям. Пренебрежительное отношение США к интересам России, а также их повсеместное “имперское поведение” в качестве самозванной “единственной сверхдержавы” вызвали недовольство российских властей. Руководство России начало сознавать, что политика односторонней ориентации на Запад является неприемлемой и что лишь поддержание баланса между Востоком и Западом отвечает национальным интересам России... Визит президента Ельцина в Китай в декабре 1992 г. проходил именно на таком фоне. Установление и развитие добрососедских, дружественных отношений России с Китаем как раз отвечало его потребностям. Укрепление добрососедских дружественных отношений между такими великими державами, как Китай и Россия, без сомнения, благоприятствовало ликвидации изоляции КНР, возникшей в результате антикитайской политики США»⁶⁵.

Из десятков документов, подписанных сторонами во второй половине 1990-х годов, которые значительно расширяли двустороннее сотрудничество по всем направлениям, несколько имели особо важное значение. Благодаря упоминавшейся совместной декларации, подписанной в Пекине главами двух государств во время визита Б.Н. Ельцина в апреле 1996 г., определение двусторонних отношений как «равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке», стало официальным до подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

⁶⁴ Ответы Председателя КНР Цзян Цзэминя на вопросы ИТАР-ТАСС и «Российской газеты», 19 ноября 1998 (http://pressa.viperson.ru/main.php?G=199&ID=171345&id_ext=494024).

⁶⁵ Ли Цзинцзе. Китайско-российские отношения и американский фактор // Азия и Африка сегодня. 2002. № 3 (<http://gkaf.narod.ru/kirillov/ref-liter/aa2002-3-china.html>).

**ЛИ Цзинцзе 李静杰 (р. 1941) —
ведущий китайский специалист по СССР и России**

Родился 19 октября 1941 г. в городе Пичжоу провинции Цзянсу. В 1965 г. окончил Нанкинский университет по специальности «русский язык». В 1965—1966 гг. проходил стажировку в Иркутском государственном университете. С сентября 1965 г. — на работе в Отделе внешних связей ЦК КПК. В 1981—2004 гг. — на научной работе в Институте СССР и стран Восточной Европы АОН КНР (с 1992 г. — Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии). В 1988—2004 гг. — заместитель директора, затем — директор Института. В 1985—1986 гг. находился в научной командировке в Калифорнийском университете в Беркли (США). В 1995—1996 гг. вел научную работу в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо. В 2001 г. присвоено



звание почетного доктора РАН «за вклад в изучение истории российско-китайских отношений, за активное участие в восстановлении и развитии дружественных связей и отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем, большой личный вклад в расширение контактов между учеными Академии общественных наук Китая и Российской академии наук». Член Всекитайского комитета НПКСК (с 2002 г.). Член Научного совета (академик) АОН КНР (с 2006 г.), председатель Китайского общества изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии, председатель Китайского общества по изучению китайско-российских отношений. Автор и редактор нескольких монографий, в том числе «Россия и современность» (1998), «Россия в эпоху Ельцина» (2001), и более 120 статей по международной политике, истории России, российско-китайским отношениям, российской политике и дипломатии.

Огромную роль сыграли Шанхайское (апрель 1996) и Московское (апрель 1997) соглашения об укреплении мер доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанные Китаем с одной стороны и бывшими советскими республиками, имевшими с ним общую границу, с другой. Соглашение о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР, заключенное в ноябре 1997 г. в ходе визита Б.Н. Ельцина в Китай и подписанное вице-премьерами Б.Е. Немцовым и Ли Ланьцином, создало правовые рамки для дальнейшего углубления сотрудничества на уровне регионов.

Межправительственное соглашение о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств (июнь 1997) и четыре протокола к нему образовали постоянную структуру экономического сотрудничества,

договоренность о которой была достигнута еще в декабре 1996 г. С этого времени ежегодные встречи глав правительств двух стран, на которых в основном рассматриваются коренные вопросы экономического взаимодействия, готовит двусторонняя Комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств, работающая под руководством вице-премьеров. Новый механизм пришел на смену существовавшей с 1984 г. Советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. Более десятка ее подкомиссий (на 2010: по торгово-экономическому, научно-техническому, межбанковскому и таможенному сотрудничеству, а также по взаимодействию в области энергетики, транспорта, ядерных вопросов, космоса, связи и информационных технологий, гражданской авиации и защиты окружающей среды) под руководством министров и глав соответствующих ведомств проводят ежегодные заседания, на которых подводятся итоги за предшествующий период и принимаются планы на будущий год.

Между лидерами двух стран Б.Н. Ельциным и Цзян Цзэмином установились хорошие личные отношения. В ноябре 1998 г. в Москве прошла их первая неформальная встреча. На ней два руководителя в доверительной обстановке обсудили достижения и проблемы двусторонних отношений. В декабре 1999 г., незадолго до своей отставки, Б.Н. Ельцин в третий и последний раз посетил Пекин в качестве президента России. К этому времени были заключены и начали практически реализовываться соглашения о сотрудничестве между парламентами, министерствами и ведомствами, вооруженными силами, судами, прокуратурами, научно-исследовательскими институтами, вузами, регионами и городами (ок. 50) двух стран. Заработали «горячие линии» телефонной связи между главами государств и правительств. Лидеры двух стран начали вести регулярный обмен мнениями по телефону. Всего, по данным И.А. Рогачева, к 1999 г. между ними было подписано около 120 межгосударственных и межправительственных и десятки межведомственных соглашений⁶⁶.

Излагая официальную позицию Москвы по отношению к Китаю в эпоху Б.Н. Ельцина, необходимо сделать важное замечание, связанное с политической системой ельцинской России в целом. В связи с тем, что во внешней политике России, так же как и в большинстве других областей, координация была серьезно нарушена, общий курс МИДа в отношении Китая довольно часто не соблюдался или даже игнорировался другими ведомствами и региональными властями, не говоря о независимых и частных институтах. Даже в области стратегии высказывания различных руководителей часто противоречили друг другу. Иногда сам президент Б.Н.Ельцин делал заявления, которые можно было истолковать как попытку создать союз с Китаем и перейти к открыто антизападной политике. Достаточно вспомнить его высказывание во время визита в КНР в декабре 1999 г.: «...Клинтон, видимо, на несколько секунд забыл, что такое Россия. Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия, но Клинтон решил поиграть мускулами. Я хочу сказать Клинтону: пусть он не забывается, в каком мире живет. Не было и не будет так, чтобы он диктовал людям, как жить, отдыхать... Мы будем диктовать, а не он...»⁶⁷ Принимая во внимание, что, согласно официальным

⁶⁶ Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. С. 56–57.

⁶⁷ Суховерхов В. Дружили два товарища... // Московский комсомолец. 10 декабря 1999 г. С. 1.

заявлениям, во время этого визита Россия и Китай выступили «единой силой в обеспечении безопасности и стабильности в мире», естественно, что данное высказывание вызвало шок на Западе⁶⁸. Однако вскоре выяснилось, что оно было лишь следствием всплеска эмоций и не означало коренного пересмотра внешне-политического курса Москвы.

«Неординарными» высказываниями часто отличались министры обороны П.С. Грачев и И.Н. Родионов. Во время визита в КНР весной 1995 г. тогдашний министр обороны П.С. Грачев, очевидно без согласования с МИДом и без предварительных консультаций с китайской стороной, предложил создать систему коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии с участием России, Китая, США, Японии и двух Корей. Пекин, никогда не вступающий в многосторонние отношения в области военной безопасности, ответил вежливым отказом⁶⁹. И тот же П.С. Грачев в том же году выступил с предупреждением, что китайцы пытаются мирным путем завоевать российский Дальний Восток⁷⁰. Сменивший П.С. Грачева И.Н. Родионов долго смущал Пекин, то называя Китай в числе государств, «которые стремятся расширить зоны своего влияния и уменьшить политическую значимость стран СНГ в решении ключевых региональных проблем», то призывая к «долговременному стратегическому партнерству» с Пекином, то выступая с планами военного сотрудничества с США и Японией на Дальнем Востоке, наращивание военных потенциалов которых в Пекине считали источником угрозы своей безопасности⁷¹. В сфере практического сотрудничества заинтересованные ведомства и отдельные чиновники часто просто ставили свои интересы выше государственной линии. Пример тому — скандал 1992 г. вокруг установления неофициальных отношений с Тайванем⁷².

В целом для российской политики в отношении Китая в 90-е годы XX в. (как и для многих других областей российской жизни) была характерна одна общая проблема — отсутствие стабильности. Причина здесь в том, что в Москве, столице государства, две трети территории которого лежат в Азии, несмотря на многочисленные декларации о важности Востока, продолжали рассматривать США и Запад как центр мира, на который и должны быть сориентированы основные интересы и действия. Поэтому, налаживая отношения с Западом, в Москве порой забывали о Китае, а разойдясь в чем-то с западными столицами, начинали искать поддержку в других частях света, в том числе и Пекине.

Можно лишь согласиться с оценкой Г.И. Чуфрина, который, указывая на то, что «для Москвы отношения с Пекином должны быть сопоставимы с российско-американскими, а по ряду параметров, возможно, и важнее», сделал следующий вывод: «Пока же Китай используется у нас лишь как средство заработать политические “очки” дома. Кто-то пытается сразить оппонентов апелляцией

⁶⁸ Суховерхов В. Дружили два товарища... // Московский комсомолец. 10 декабря 1999 г. С. 1.

⁶⁹ См.: Чуфрин Г. Как перелезть через Великую китайскую стену? // Московские новости. 21–28 мая 1995 г. № 36. С. 5.

⁷⁰ Цит. по: Vitkovskaya Galina, Zayonchkovskaya Zhanna, and Newland Kathleen. Chinese Migration into Russia // Sherman W. Garnett (ed.). *Rapprochement of Rivalry? Russia-China Relations in Changing Asia*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000. P. 348–349.

⁷¹ См.: Коротченко И. Игорь Родионов выступил за создание оборонного союза в СНГ // Независимая газета. 26 декабря 1996 г. С. 1; Платковский А. Генералы в Пекине раскусили игру Москвы // Известия. 29 мая 1997 г. С. 3; Шомов И. Партнерство с прищуром на Запад // Сегодня. 25 апреля 1997 г. С. 4.

⁷² См. гл. 6 настоящего издания.

к “китайской модели”, кто-то, напротив, пугает “угрозой с Востока”, кто-то стремится опередить других новой сногшибательной инициативой и сфотографироваться рядом с Цзян Цзэмином в военной форме или дипломатическом фраке. В результате огромный китайский материк остается лежать в стороне от маршрутов новой политики — за Великой китайской стеной»⁷³.

Такой подход «от противного», несмотря на очевидные достижения в двусторонних отношениях, не мог быть основой для прочного сотрудничества с великим восточным соседом. Вредил он и российским позициям на переговорах с Западом. В то время как российские руководители постоянно заявляли, что российский двуглавый орел должен смотреть как на Восток, так и на Запад, реальная политика постоянно давала крен то в одну, то в другую сторону.

Гораздо разумнее была политика самого Пекина, четко определившего как необходимость широкого сотрудничества с Западом, так и границу уступок, на которые ради этого сотрудничества можно было пойти. Не случайно китайские представители, настроенные крайне антиамерикански, в беседах с российскими коллегами и в переговорах с самими американцами вели себя гораздо мягче, если это не касалось самых принципиальных для Китая проблем (к ним, прежде всего, относили вопросы единства страны). Порой складывалось впечатление, что в Пекине были не прочь бороться с американским «гегемонизмом» чужими руками, а самим ограничиваться словами, не влияющими на приток инвестиций. За этим курсом с интересом наблюдали российские эксперты и рекомендовали собственному руководству действовать таким же образом, однако их рекомендации были приняты во внимание лишь гораздо позже. Суть этих рекомендаций заключалась в следующем: не обниматься и не ссориться ни с кем, брать у каждого то, что необходимо, и четко определить узкую сферу коренных национальных интересов, только ради которых стоит идти на обострение с внешним миром, сотрудничество с которым нужно для подъема российской экономики. Такой прагматический курс был крайне необходим России.

Двусторонние отношения в первое десятилетие XXI века

Упорядочение системы управления, осуществленное новым российским президентом В.В. Путиным, благоприятно отразилось на российско-китайских отношениях. В Китае, в особенности после «культурной революции», ценят порядок, кроме того, в 1990-е годы там серьезно опасались непредсказуемости северного соседа. Придя к власти, В.В. Путин продолжил линию на развитие отношений с Азией. В ноябре 2000 г. в статье «Россия: новые восточные перспективы» он отметил: «Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии». Однако российский президент признал, что ранее Россия не всегда использовала это преимущество, и призвал к наращиванию политического и экономического сотрудничества со странами АТР⁷⁴.

⁷³ Чуфрин Г. Указ. соч.

⁷⁴ Статья Президента России Владимира Путина «Россия: новые восточные перспективы» 9 ноября 2000 года (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/11/28426.shtml>).

**Владимир Владимирович ПУТИН (р. 1952) —
российский политик,
Президент Российской Федерации (2000–2008, 2012–)**

Родился 7 октября 1952 г. в Ленинграде. В 1975 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. По распределению был направлен на работу в органы государственной безопасности. В 1985–1990 гг. работал в ГДР. С 1990 г. — помощник ректора Ленинградского государственного университета по международным вопросам, затем — советник председателя Ленинградского городского совета. С июня 1991 г. — председатель Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, одновременно — с 1994 г. — первый заместитель председателя правительства Санкт-Петербурга. С августа 1996 г. — заместитель управляющего делами Президента Российской Федерации. С марта 1997 г. — заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, начальник Главного контрольного управления Президента Российской Федерации. С мая 1998 г. — первый заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации. В июле 1998 г. назначен директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации, одновременно — с марта 1999 г. — секретарь Совета Безопасности Российской Федерации. С августа 1999 г. — Председатель Правительства Российской Федерации. С 31 декабря 1999 г. — исполняющий обязанности Президента Российской Федерации. В 2000–2008 гг. — Президент Российской Федерации. С 2008 г. — Председатель Правительства Российской Федерации. Кандидат экономических наук. Владеет немецким и английским языками. В марте 2012 г. вновь избран Президентом России.



Китай стал рассматриваться в Москве как наиболее важный из азиатских партнеров. В интервью «Жэньминь жибао», агентству «Синьхуа» и телекомпании РТР во время визита в Пекин в июле 2000 г. В.В. Путин заявил, что Россия должна «опираться как бы на два крыла — на европейское и азиатское» и пояснил: «Мы знаем, что Россия — это и европейское, и азиатское государство. Мы отдаем должное и европейскому прагматизму, и восточной мудрости. Поэтому внешняя политика России будет сбалансирована. В этом смысле отношения с Китайской Народной Республикой, безусловно, будут являться одним из наших основных приоритетов». Российский президент вновь подтвердил, что Китай является стратегическим партнером России, и среди полностью разделяемых позиций на международной арене отметил «наше стремление к поддержанию и укреплению многополярного мира, наши совместные усилия в области сохранения стратегического равновесия и баланса в мире, а также создания условий для мирного, поступательного и эффективного развития обоих наших государств»⁷⁵.

⁷⁵ Путин В.В. Интервью китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР. 16 июля 2000 г. (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/125060.shtml>).

По итогам визита российского президента была подписана Пекинская декларация и совместное заявление по вопросам противоракетной обороны, ряд документов о сотрудничестве в конкретных областях, а также достигнута договоренность о подготовке и подписании базового двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве⁷⁶. В том же году была достигнута договоренность о создании другой межправительственной комиссии: по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Сформированная в рамках механизма регулярных встреч глав правительств, она со своими подкомиссиями занимается вопросами углубления сотрудничества по широкому кругу вопросов гуманитарной сферы.

Руководство В.В. Путина признавало, что практическим связям с Азией ранее уделялось мало внимания, в результате чего Россия перестала восприниматься как глобальная держава. Поэтому поначалу был сделан акцент на ускоренное развитие отношений с азиатскими странами, чему придавалось не меньшее значение, чем традиционным связям с Западом. Выступая в МИДе в январе 2001 г., В.В. Путин снова подчеркнул значение азиатской политики и сравнил ее с отношениями России с Западом, снова призвав придерживаться сбалансированного подхода: «Скажу сразу, было бы неправильно измерять, где у нас больше приоритетов — в Европе или в Азии. У нас не может быть ни западного, ни восточного крена. Реальность в том, что у державы с таким геополитическим положением, как Россия, национальные интересы есть везде. Такую линию надо последовательно продолжать»⁷⁷.

В июле 2000 г. в Душанбе на встрече Шанхайского форума, региональной организации, которая в то время включала Россию, Китай, Таджикистан, Казахстан и Киргизию, президент В.В. Путин подтвердил, что «Китай для нас действительно стратегический партнер во всех сферах деятельности: с точки зрения обеспечения международной безопасности, с точки зрения нормальных добрососедских отношений и развития наших контактов в области культуры, экономики, во всех сферах государственной деятельности»⁷⁸. В том же году министр иностранных дел И.С. Иванов, признавая существование некоторых проблем в экономическом сотрудничестве с Китаем, сказал, что «в стратегическом смысле у нас сегодня нет проблем, и в ближайшие годы их появления мы не прогнозируем». Он также подчеркнул, что в целом «отношения между Россией и Китаем устойчиво развиваются по восходящей»⁷⁹. В апреле 2001 г. на встрече с китайским министром иностранных дел Тан Цзясюанем В.В. Путин отметил, что между РФ и Китаем «практически нет проблем, раздражающих наши отношения», российско-китайские отношения развиваются «положительно и в позитивном ключе» и «имеют очень хорошую динамику»⁸⁰.

Очевидно, что сближение России и Китая, вполне естественное после многих лет враждебности, которая противоречила коренным интересам обеих стран, было

⁷⁶ Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. С. 144.

⁷⁷ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина в Министерстве иностранных дел РФ. 26 января 2001 г. (<http://2002.kremlin.ru/events/145.html>).

⁷⁸ Путин В.В. Ответы на вопросы российских журналистов перед началом встречи с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым. 5 июля 2000 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/05/0001_type63377type63380_125103.shtml).

⁷⁹ Иванов И.С. Наши взаимоотношения свободны от эмоций // Российская Федерация. Июль 2000. № 10 (155). С. 3.

⁸⁰ Путин и Цзясюань обменялись любезностями. 29 апреля 2001 г. (<http://www.pravda.ru/politics/29-04-2001/802628-0/>).

в большой степени связано с озабоченностью международной ситуацией, которую разделяли как в Москве, так и в Пекине. Этой озабоченностью обусловлены и основные сферы взаимных интересов. Так, согласно И.С. Иванову: «особое значение имеет российско-китайское взаимодействие в таких ключевых областях, как повышение авторитета и роли ООН, отстаивание примата международного права в мировых делах, поддержание стратегической стабильности и, в первую очередь, сохранение договора по ПРО, создание справедливого равноправного мирового экономического порядка»⁸¹. Разделяемые обеими сторонами цели, выделенные И.С. Ивановым, очевидно вытекали из общего беспокойства по поводу тенденции на подрыв существующей системы международного права и создание центра международной политики вне ООН и без участия Москвы и Пекина. Бомбардировки Югославии, осуществлявшиеся НАТО в 1999 г. без одобрения Совета Безопасности, стали и для России, и для Китая наиболее опасным проявлением этой тенденции. Общую озабоченность России и Китая вызывал исламский терроризм и сепаратизм. Указывая на эти проблемы накануне своего визита в Пекин в июле 2000 г., президент В.В. Путин подчеркнул: «Основная задача России в сфере международной политики — сохранение баланса сил и интересов на международной арене. Как мы знаем, сегодня мы время от времени сталкиваемся с новыми угрозами, с новыми, на наш взгляд, очень опасными концепциями, такими, например, как вмешательство, исходя из так называемых гуманитарных соображений, во внутренние дела других государств. Мы сталкиваемся с такими угрозами, как международный терроризм, такими проблемами, как религиозный экстремизм и сепаратизм... В этом смысле Китай является одним из самых основных партнеров России в преодолении этих проблем, в устранении их возможных негативных последствий»⁸². Во время переговоров в Пекине в июле 2000 г. президент В.В. Путин и китайский лидер Цзян Цзэминь подтвердили свое желание трудиться ради многополярного мира⁸³.

Договор 2001 года

Показателем нового уровня двусторонних отношений стал подписанный Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином во время очередной встречи на высшем уровне в Москве в июле 2001 г. российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Этот договор вызвал большой интерес и самые противоречивые комментарии в России и в мире. Одни утверждали, что два бывших коммунистических гиганта идут к новому союзу, направленному против США и Запада. Другие же, напротив, заявляли, что документ чисто декларативен и не имеет практического значения.

Оба эти мнения были поверхностными. Анализируя причины, по которым возникла необходимость подписания этого документа, И.А. Рогачев писал:

⁸¹ Иванов И.С. Указ. соч.

⁸² Путин В.В. Интервью китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР. 16 июля 2000 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/16/0000_type63379_125060.shtml).

⁸³ Россия и Китай: дальний путь, да ближний друг // Российская Федерация. Июль 2000. № 10 (155). С. 2.

«Идея разработки нового договора родилась не спонтанно, она подсказана самой логикой жизни, ходом развития российско-китайских взаимоотношений. Всестороннее наращивание и углубление сотрудничества по всем направлениям в 1990-е годы привело к осознанию в Москве и Пекине необходимости выстраивать стратегическое партнерство на фундаментальной и правовой основе. Конкретная же договоренность о разработке нового базового Договора была достигнута во время государственного визита президента В.В. Путина в Китай 17–19 июля 2000 г.» Российский дипломат признавал, что у каждой из сторон «было свое первоначальное видение концепции его содержания», но в ходе подготовки документа разногласия были преодолены⁸⁴.

Выступая в 2006 г. по случаю пятилетней годовщины подписания договора, китайский посол в Москве Лю Гучан высказался еще более откровенно: «Весной 2000 года, в контексте подготовки первого визита Владимира Путина в Китай в качестве российского президента, китайская сторона провела всестороннюю оценку китайско-российских отношений 90-х годов прошлого века. Мы видели, что на протяжении примерно десяти лет с момента осуществления плавного перехода от китайско-советских к китайско-российским отношениям в 1991 г., Китай и Россия как две крупные державы непрерывно сближались друг с другом, связи между ними стремительно развивались... В то же время мы чувствовали, что, поскольку Китай и Россия являются двумя крупными соседними государствами, уровень развития наших взаимоотношений еще очень далек от наших колоссальных потенциальных возможностей и ожиданий наших народов, что существуют значительные резервы их развития. Урегулирование ряда пограничных вопросов между двумя странами хотя и явилось серьезным прогрессом, но переговоры по оставшимся участкам продвигались очень трудно; двустороннее сотрудничество в конкретных областях продвигалось медленно, товарооборот колебался в районе 5–7 млрд долларов в год; общественная атмосфера развития двусторонних отношений оставляла желать лучшего. В России по-прежнему имела влияние идея о так называемой «китайской угрозе»; в Китае довольно часто звучала предубежденность и озабоченность перспективами российского курса. Дискуссии между двумя сторонами по ряду чувствительных вопросов не были подлинно откровенными. Китайская сторона внимательно изучила ситуацию и пришла к выводу, что корень появления этих проблем — недостаток взаимного доверия. У нас появилась идея: согласовать и подписать правовой документ, который приведет в порядок цели и принципы более чем десятка политических документов, совместно принятых двумя сторонами в 90-е годы прошлого века, и закрепит их в юридической форме. Это устраним подозрения, укрепит взаимное доверие и даст ориентир развитию отношений между двумя странами»⁸⁵.

Новый российско-китайский договор не создал союза, тем более военного. В его тексте нет обязательств по совместной обороне от агрессии, которые, например, содержались в подписанном Москвой с руководством Чан Кайши в 1945 г. советско-китайском договоре о дружбе и союзе или в договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенном Москвой в 1950 г. с коммунистическим правительством Китая и положившем начало знаменитому «братству навек».

⁸⁴ *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. С. 117–118.

⁸⁵ *Лю Гучан.* «Договор века» и создание новой реальности китайско-российских отношений // Россия-Китай. XXI век. Май-июль 2006. С. 5.

В то же время новый договор предусматривал механизм консультаций относительно совместных действий в случае возникновения реальной угрозы. В статье 9 говорилось следующее: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения реальной угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон, Договаривающиеся Стороны немедленно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»⁸⁶.

**ЛЮ Гучан 刘古昌 (р. 1946 г) —
китайский дипломат, Посол КНР в России (2003–2008)**

Родился в июле 1946 г. в городе Яньчэн провинции Цзянсу. В 1973 г. окончил Пекинский институт иностранных языков. С 1973 г. на работе в системе МИД КНР. В 1973–1980 гг. — атташе Посольства в Румынии. В 1980–1986 гг. — атташе, третий секретарь, заместитель начальника отдела Управления СССР и стран Восточной Европы. В 1986–1990 гг. — второй, первый секретарь Посольства в Румынии. В 1990–1992 г. — первый секретарь, начальник отдела Управления СССР и стран Восточной Европы. В 1992–1996 г. — советник, заместитель начальника, начальник Управления стран Восточной Европы и Центральной Азии. В 1996–1999 гг. — Посол КНР в Румынии. В 1999–2002 гг. — помощник министра иностранных дел. В 2002–2003 гг. — заместитель министра иностранных дел. В 2003–2008 гг. — Посол КНР в России. С 2008 г. — член Всекитайского комитета и Комитета по международным делам НПКСК 11-го созыва. На посту посла в России Лю Гучан принимал непосредственное участие в разработке российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, активно способствовал развитию двусторонних связей, оказывал значительную поддержку деятельности Общества российско-китайской дружбы. В период работы послом самостоятельно выучил русский язык. Почетный доктор Института Дальнего Востока РАН.



Осторожный текст договора 2001 г., старательное стремление избежать в нем каких-либо идеологических утверждений или заведомо невыполнимых обязательств указывали на то, что лидеры двух стран сознательно работали на перспективу и стремились избежать ошибок пятидесятилетней давности. Ведь предыдущие договоры о союзе 1945 и 1950 гг. перестали действовать на практике задолго до официального истечения их срока действия. Так, договор 1950 г. формально действовал в период, когда Москва и Пекин считали друг друга врагами, а на границе происходили вооруженные столкновения.

⁸⁶ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (<http://archive.kremlin.ru/text/docs/2001/07/30565.shtml>).

Это не означает, что договор 2001 г. не имел реального значения. Он закрепил важнейшую тенденцию в современных международных отношениях: стремление двух крупных мировых держав, членов ядерного клуба и Совета Безопасности ООН к более тесному сотрудничеству.

Договор, как и российско-китайское сотрудничество в целом, имеет два аспекта: международный и двусторонний. Практически полное совпадение взглядов двух стран на международные проблемы — важнейший двигатель улучшения двусторонних отношений. Лидеры в Пекине и Москве неоднократно заявляли, что российско-китайское сближение не направлено против третьих стран, в том числе и против США, и это совершенно верно в том смысле, что США и Запад в целом не рассматриваются ни Китаем, ни Россией в качестве врага. Напротив, обе страны крайне заинтересованы в экономическом и политическом сотрудничестве с Западом, оно является важнейшим фактором развития обеих стран и, следовательно, полностью соответствует их стратегическим целям. Однако верно и то, что российско-китайское сближение в определенной степени стимулируется рядом негативных (с точки зрения Москвы и Пекина) тенденций международного развития, которые, в особенности в тот период, активно поощрялись Вашингтоном.

Это, прежде всего, стремление принизить роль ООН и ее органов, попытки НАТО взять на себя функции Совета Безопасности, вмешательство в дела суверенных государств под гуманитарными предлогами, поддержка сепаратистских движений, расширение НАТО, стремление США выйти из договора по ПРО и их нежелание присоединяться к ряду других международных соглашений. В целом речь шла о двух тенденциях международного развития в мире после завершения холодной войны. США, выйдя из холодной войны значительно окрепшими и претендуя на роль единственного мирового лидера, чувствовали себя скованными рамками существующего международного права, основа которого — принцип суверенитета государств. Ослабшая Россия и еще не набравший достаточной мощи Китай (как и ряд других крупных, но недостаточно сильных для того, чтобы противостоять нажиму США государств, таких как Индия, Бразилия, Иран и др.) стремились к координации усилий, чтобы отстоять выгодный им мир суверенных наций и его органы, прежде всего ООН. Российско-китайский договор с его обязательствами сохранить роль ООН, поддержкой основополагающих договоренностей, на которых зиждется стратегическая стабильность (таких, как договор по ПРО), отрицанием попыток вмешательства во внутренние дела суверенных государств, стал развернутой программой сохранения послевоенной системы международного права. В этом же заключался и смысл концепции «многополярного мира».

В то же время и Китай, и Россия были крайне не заинтересованы в ухудшении отношений с США и создании антиамериканского союза. Создание такого довольно неестественного союза стало бы возможным лишь в случае, если бы угроза со стороны США стала бы восприниматься Москвой и Пекином как более опасная, чем угроза, вызванная отказом от сотрудничества с Западом.

Что касается двусторонних отношений, то и здесь значение договора было велико. Для Китая было важно выраженное в нем уважение выбора пути развития, что свидетельствовало об отказе России поучать Китай относительно предпочтительности той или иной политической системы или «прав человека». Такие попытки делались в начале 90-х годов, но выглядели они странно в условиях, когда сама Россия в этих вопросах отнюдь не являлась образцом.

Интересна статья 8, запрещающая использование территории России и Китая третьими государствами в ущерб государственному суверенитету, безопасности и территориальной целостности друг друга, а также деятельность организаций и групп, наносящих такой ущерб. Ясно, что речь здесь шла о важнейшем взаимном интересе обоих государств: борьбе с сепаратистскими движениями, поддерживаемыми международными террористическими организациями или третьими странами. Однако формулировка эта может трактоваться слишком расширительно. Может ли, например, в России действовать российская организация или отделение международной организации, выступающие за независимость Тибета? Российская конституция этого не запрещает, но по договору (имеющему приоритет перед внутренним законодательством) Китай получал право требовать ее запрета. Верно, что Россия крайне не заинтересована в распаде или дестабилизации Китая, но, как суверенное и демократическое государство, она вряд ли может допустить, чтобы программы ее неправительственных организаций регулировались из-за рубежа.

Для России большое значение имела статья 6, признающая существующую государственную границу и необходимость сохранять статус-кво на несогласованных участках. Это положение сняло все спекуляции «борцов за российские земли» о том, что Китай якобы намеревается заявить о претензиях на российские территории или даже проводит планомерную политику по заселению российского Дальнего Востока.

Это, конечно, не означает, что демаркация российско-китайской границы была проведена идеально. Однако проблемы Дальнего Востока, связанные с Китаем, никоим образом не были спровоцированы Пекином. Это были российские проблемы — пренебрежение национальными интересами российской дипломатией в конце 1980-х — начале 1990-х годов, а также местными органами власти, которые (в особенности, в Приморском крае) под знаменем псевдопатриотизма в действительности довели свое хозяйство до полной разрухи; коррупция в правоохранительных органах, которые допускают нелегальную миграцию; неразбериха в федеративных отношениях, когда местные власти могли без особых последствий для себя изменить режим государственной границы вразрез с межправительственным соглашением.

Оценивая договор 2001 года, важно иметь в виду, что Пекин вообще неохотно подписывает подобные базовые документы, поэтому его заключение свидетельствует о том значении, которое придается здесь отношениям с Москвой. До 2001 г. Китай был связан подобными договорами общего характера лишь с тремя странами — Японией (о мире и дружбе 1978 г.), КНДР (о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1961 г.) и Монголией (договор о дружбе и сотрудничестве с МНР 1962 г., пролонгированный в новой редакции в 1994 г.). В целом следует согласиться с мнением И.А. Рогачева: «Договор отражает национальные приоритеты обеих стран, учитывает исторический опыт взаимоотношений, их преемственность. Можно сказать, что это своего рода квинтэссенция многолетней договорной практики наших двух стран. По единодушной оценке сторон, он носит сбалансированный характер, с его заключением получили прочную гарантию около двухсот соглашений между бывшим СССР и Китаем, между Россией и Китаем, действующих в настоящее время. По оценке председателя Цзян Цзэмина, новый Договор кладет конец менталитету “холодной войны”, когда отношения между

государствами были либо союзническими, либо антагонистическими. Договор подчеркивает новый тип межгосударственных отношений. Эти отношения — “не союз или конфронтация”, и они не направлены против какой-либо третьей страны»⁸⁷. Согласно оценке министра иностранных дел России С.В. Лаврова, подписанием договора «был заложен надежный политико-юридический фундамент стабильных, предсказуемых, многогранных отношений между двумя странами. Договор вобрал в себя многовековой опыт развития связей между Россией и Китаем, органично соединив его с общепризнанными принципами и нормами международного права. Этот основополагающий международно-правовой акт, регулирующий российско-китайские отношения на современном этапе и на обозримую перспективу, в полной мере отражает глубокие исторические традиции добрососедства и дружбы между российским и китайским народами, миролюбивую внешнюю политику двух государств»⁸⁸.

Влияние событий 11 сентября 2001 года

Жестокая атака террористов на США 11 сентября 2001 г. оказала значительное влияние на международные отношения. С одной стороны, она показала неподготовленность мировой цивилизации к реальным угрозам XXI в., с другой — создала возможность для широкого международного сотрудничества в борьбе с главным злом современного мира — международным терроризмом. Однако сотрудничество это могло быть успешным только в случае понимания серьезности стоящих перед человечеством опасностей во всем мире, прежде всего, в столицах крупных государств, в том числе в Москве и Пекине.

В долгосрочном плане события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и последовавшая за ними антитеррористическая операция серьезно не повлияли на характер двусторонних отношений между Россией и Китаем. Москве и Пекину не нужно было с новыми силами спланировать в борьбе с международным терроризмом — они уже давно сделали это. Российско-китайское сотрудничество в области безопасности лишь стало более конкретным и эффективным.

В то же время первоначально реакция на них Москвы и Пекина была неодинакова. Китай занял довольно осторожную позицию. Если с Россией у Китая не было противоречий, то в отношении США в Пекине были сильны опасения, что под предлогом борьбы с террором американцы надолго останутся в Афганистане и Центральной Азии, вплотную приблизившись к границам КНР. Хотя на официальном уровне в Пекине много говорили о необходимости совместной борьбы с терроризмом, неофициально китайские наблюдатели довольно резко критиковали США за большое количество жертв среди мирного населения во время операции в Афганистане, недооценку роли ООН. Размещение войск международной коалиции в государствах Центральной Азии многие в Пекине рассматривали как проявление «гегемонизма», стремление окружить Китай, поближе подобраться к беспокойным районам Синьцзяна и Тибета.

⁸⁷ *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века С. 118.

⁸⁸ Статья министра иностранных дел России С.В. Лаврова в газете «Жэньминь Жибао». 15 июля 2011 г. (<http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586c32578ce0022e15a!OpenDocument>).

Причина такого подхода в том, что хотя в Китае, так же как и в России, существуют разные мнения относительно американской политики, многие здесь не считают угрозу со стороны США меньшей, чем со стороны мусульманского терроризма. Опасались в Пекине и того, что стремление США к международному сотрудничеству исчезнет, как только их задачи в Афганистане будут решены и оставшиеся там американские войска будут не стабилизировать обстановку в соседних мусульманских регионах (против чего в Пекине не возражали бы), но угрожать китайским интересам.

В связи с этими опасениями резкий поворот российской политики к безусловной поддержке США и Запада после 11 сентября в Пекине был воспринят неоднозначно. В Пекине опасались ее перекося в сторону Запада. Многие в Китае посчитали, что, безоговорочно поддержав США в антитеррористической операции, Россия ничего не получила взамен. В Китае были серьезно обеспокоены тем, что Москва вернется к «козыревщине», то есть политике односторонних уступок или даже присоединению России к «гегемонистскому» курсу США. В этом случае Китай неизбежно остался бы с США один на один, чего в Пекине совершенно не хотели бы.

Опасения Пекина были вольно или невольно усилены российской дипломатией, которая после событий 11 сентября, проявив необычайную активность на западном направлении, как-то позабыла о Пекине. И не то чтобы контактов и консультаций не было, но их интенсивность и оперативность явно не соответствовали постоянно провозглашаемой политике «двух голов российского орла». Как известно, президент В.В. Путин первым позвонил Дж. Бушу для выражения соболезнования и поддержки. Разговор же с Цзян Цзэмином о ситуации, связанной с терактами, состоялся лишь 18 сентября, причем инициатива исходила от китайского лидера. Согласно китайской информации, разговор имел формальный характер. Руководители двух стран согласились, что терроризм становится серьезной угрозой международному миру и стабильности, является злом для всей планеты, а также, что в области антитеррористической борьбы стоят большие задачи и следует осознать актуальность международного сотрудничества. Они признали, что Китай и Россия должны усилить координацию и контакты по этому вопросу⁸⁹. Правда, на следующий день уже В.В. Путин позвонил Цзян Цзэминю и проинформировал его о своем визите в США. Стороны также обменялись мнениями по ПРО, ситуации в Афганистане и усилению сотрудничества в антитеррористической области.

Российский и китайский лидеры встречались 20 октября 2001 г. во время саммита АТЭС в Шанхае, однако встреча носила протокольный характер, к тому же в Шанхае китайская сторона всячески пыталась перевести внимание участников с вопросов борьбы с терроризмом на региональное экономическое сотрудничество. В связи с тем, что внимание мира в это время было приковано к борьбе с терроризмом, сделать это не вполне удалось. В частности, в беседе В.В. Путина и Цзян Цзэмина все же затрагивались вопросы двусторонних отношений, борьбы с терроризмом и договора по ПРО.

Вопросы, связанные с международной ситуацией, возникшей в результате терактов в США, и с договором по ПРО обсуждались также 9 октября в телефон-

⁸⁹ Китай — Россия, год 2001: хроника двусторонних отношений (http://russian.china.org.cn/archive2006/txt/2002-07/15/content_2036391.htm).

ной беседе министров иностранных дел КНР Тан Цзясюаня и России И.С. Иванова и в ходе их встречи 17 октября в Шанхае во время заседания министров иностранных дел членов АТЭС, а также во время рабочего визита в Россию будущего китайского лидера, а в то время — заместителя Председателя КНР Ху Цзиньтао 27 и 28 октября. 11 ноября в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел Тан Цзясюань вновь встретился с российским коллегой И.С.Ивановым и обменялся с ним мнениями по двусторонним отношениям, ситуации в Афганистане и борьбе с терроризмом. Лидеры двух стран также беседовали по телефону 19 ноября и 13 декабря. Однако все эти мероприятия и телефонные переговоры с частотой приблизительно один раз в месяц проводились и до 11 сентября. Таким образом, на фоне резкой интенсификации российских контактов с США, НАТО и Западной Европой, связи с Китаем фактически остались на прежнем уровне.

В результате, с китайской точки зрения, возникла угроза российско-американской сделки по ПРО и расширению НАТО без учета интересов Пекина. Кстати, подобные сомнения по поводу нового курса Москвы существовали и в некоторых кругах российского общества. В Пекине приветствовали бы более активную российскую позицию, давление на Вашингтон в сторону формального американского отказа от развертывания новых систем ПРО или их ограничения, от расширения НАТО, за подписание формальных договоренностей о сокращении стратегических вооружений. Кроме того, по всем этим вопросам можно было бы активнее согласовывать позиции с КНР, тем более что подходы Москвы и Пекина к этим вопросам были практически идентичны.

Известный аналитик агентства «Синьхуа» Вань Чэнцай в 2003 г. так оценивал изменения в российской политике: «После “событий 11 сентября” президент Путин отказался от курса на жесткое противостояние США позднелейцинского периода (противодействие выходу США из договора по ПРО, противодействие расширению НАТО) и заключил с США “отношения стратегического партнерства”, позволил войскам США войти в соседние с нами государства Центральной Азии и создал сложную ситуацию для нашей безопасности. Намерение России и США вместе разрабатывать системы ПРО делают бессмысленным китайско-российский план по совместному противостоянию созданию США системы ПРО. Наша компания не смогла купить российскую компанию “Славнефть”. Российская сторона некоторое время колебалась относительно вопроса о нефтепроводе Ангарск—Дацин, по которому уже была достигнута принципиальная договоренность. Все эти инциденты не могут в определенной степени не нанести удара по китайско-российским отношениям стратегического партнерства и взаимодействия и не могут не вызвать у нас беспокойства относительно того, смогут ли эти отношения получить дальнейшее развитие, как это предусмотрено российско-китайским договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»⁹⁰.

С начала 2002 г. российская дипломатия несколько активизировалась. В январе при активном российском участии в Пекине была проведена внеочередная встреча министров иностранных дел государств — участников Шанхайской организации сотрудничества. В совместном заявлении министры особо подчеркнули, что хотели бы видеть будущий Афганистан «мирным и нейтральным

⁹⁰ 万成才(Вань Чэнцай): «新俄罗斯观察» (Обзор новой России). 北京, 新华出版社, 2010年, 第262页.

государством» и что деятельность международных сил содействия безопасности в этой стране «должна осуществляться в соответствии с мандатом СБ ООН и при согласии законных властей Афганистана». Они также высказали убеждение, что глобальная система противодействия терроризму должна опираться на региональные, субрегиональные и национальные структуры⁹¹.

Последнее положение явно противоречило планам Вашингтонского руководства, предпочитавшего действовать, не особо советуясь даже с ближайшими союзниками. Однако в более умеренных кругах США, в частности, среди деятелей, связанных с предыдущей администрацией, существовало понимание того, что США вряд ли удастся в одиночку справиться с международным терроризмом, и идея сотрудничества с региональными организациями находила понимание⁹².

Эта корректировка российской позиции была в интересах как Китая, так и самой России. Не противоречила она и интересам США. Во-первых, после 11 сентября 2001 г. все больше американских политиков начинало понимать, что отказ Вашингтона от ряда дорогих и малоэффективных военных программ способствовал бы концентрации больших сил на борьбе с терроризмом и укреплению антитеррористической коалиции и, таким образом, соответствовал бы американским интересам. Во-вторых, этого настоятельно требовали стратегические задачи России и внутривластные интересы ее властей, которые пытались продемонстрировать критикам, что не просто во всем уступают Западу, но и хотят получать что-то взамен. Наконец, более активная российская позиция развеяла беспокойство Китая, показала, что Москва дорожит дружественными отношениями с Пекином.

В результате двусторонние отношения продолжили поступательное развитие. С 21 по 23 августа 2002 г. по приглашению Премьера Госсовета Чжу Жунцзи в Китае побывал Председатель Правительства России М.М. Касьянов. В ходе визита он был принят Председателем КНР Цзян Цзэмином. В Пекине прошла Седьмая регулярная встреча глав правительств, по результатам которой стороны подписали совместное коммюнике, протокол шестого заседания Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств и ряд других документов о сотрудничестве.

Тем временем в Китае произошли политические перемены. На состоявшемся в ноябре 2002 г. XVI съезде КПК, в соответствии с рекомендациями, данными еще Дэн Сяопином, произошла передача власти «четвертому поколению руководителей». Генеральным секретарем ЦК КПК, как и предполагалось, был избран 59-летний Ху Цзиньтао. 76-летний Цзян Цзэминь сохранил пост Председателя КНР (формальный глава государства) до очередной сессии ВСНП, состоявшейся в марте 2003 г., и гораздо более влиятельную должность Председателя военного совета до 2005 г. Все эти должности занял Ху Цзиньтао. Уже на съезде фактически было определено, что должность Премьера Госсовета займет Вэнь Цзябао, что и произошло на той же сессии ВСНП.

С 1 по 3 декабря 2002 г. в Китае с государственным визитом находился В.В. Путин. По результатам переговоров стороны подписали совместную декла-

⁹¹ Совместное заявление министров иностранных дел государств — участников Шанхайской организации сотрудничества (Пекин, 7 января 2002 г.) (<http://www.mid.ru/website/ns-rassia.nsf>).

⁹² См., например: *Dalpino Catharin and Steinberg David*. Let the Locals Combat Terrorism // *International Herald Tribune*. March 28, 2002.

рацию. С российским президентом встретились Цзян Цзэминь, который пока оставался Председателем КНР, вновь избранный Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, Председатель ПК ВСНП Ли Пэн и Премьер Госсовета Чжу Жунцзи. В ходе визита В.В. Путин выступил в Пекинском университете.

В России существовали некоторые опасения по поводу того, что новое поколение китайских лидеров будет более холодно относиться к России, чем поколения Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, многие представители которых часто бывали в СССР в годы юности, а иногда и жили там годами, либо учась в вузах, либо работая на предприятиях. В отличие от них, Ху Цзиньтао побывал в России в первый раз лишь в 2001 г. Однако эти опасения оказались напрасными. И дело не в том, что новый китайский лидер в одном из интервью продемонстрировал знание советской литературы, назвав одной из своих любимых книг всеми забытую в России «Повесть о Зое и Шуре». Он совершенно не случайно совершил свой первый официальный зарубежный визит именно в Россию. Значение России для китайской внешней политики определялось не личными пристрастиями китайских лидеров, а национальными интересами страны, логикой развития международной обстановки.

Государственный визит нового китайского лидера в Россию состоялся с 26 по 28 мая 2003 года. В ходе визита он принял участие в третьем саммите глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Москве и торжественных мероприятиях, посвященных 300-летию юбилею Санкт-Петербурга. Лидеры двух стран подписали Совместную декларацию. Кроме того, Ху Цзиньтао провел встречу с Председателем Правительства России М.М. Касьяновым, Председателем Совета Федерации С.М. Мироновым и Председателем Госдумы РФ Г.Н. Селезневым. В своем выступлении в Московском государственном институте международных отношений МИД России 28 мая Ху Цзиньтао выразил удовлетворение курсом В.В. Путина. Он заявил: китайский народ радуется тому, что «в последние годы Россия твердо защищает государственный суверенитет и территориальную целостность, поддерживает социально-политическую стабильность и довольно быстрый экономический рост», а на международной арене «активно выступает за многополюсный мир и демократизацию международных отношений, и ее место в мире неуклонно повышается». Китайский лидер также поспешил развеять российские опасения относительно намерений нового руководства, заявив о преемственности прежнего курса в области двусторонних отношений: «Китайско-российские отношения занимают особенно важное место во внешней политике Китая. Новый коллектив центрального руководства Китая придает очень большое значение укреплению двусторонних отношений добрососедства, дружбы, взаимовыгодного сотрудничества, и вместе с российскими друзьями желает полностью реализовать китайско-российский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, осуществлять всеобъемлющее стратегическое взаимодействие в таких областях, как политика, экономика, наука и техника, гуманитарная сфера, международные дела и т.д., постоянно укреплять основу китайско-российских отношений, стимулировать многовековую дружбу между двумя странами, совместное развитие и процветание»⁹³.

⁹³ 胡锦涛在莫斯科国际关系学院演讲 (Выступление Ху Цзиньтао в МГИМО) (<http://news.sohu.com/20060308/n242188760.shtml>).

**ХУ Цзиньтао 胡锦涛 (р. 1942 г) —
китайский политический деятель,
Председатель КНР в 2003—2013 гг.**

Родился 21 декабря 1942 г. в городе Тайчжоу провинции Цзянсу. В 1965 г. окончил гидротехнический факультет престижного Университета Цинхуа в Пекине по специальности строительство речных гидроузлов и гидроэлектростанций. В последний год учебы вступил в КПК и был политинструктором на факультете. В 1965—1968 гг. занимался научной работой на факультете. В 1968—1969 гг. работал на строительстве гидроэлектростанции Люцзяся в провинции Ганьсу. В 1969—1974 гг. — на различных должностях в одном из подразделений Министерства гидроэнергетики в провинции. В 1974—1982 гг. — в строительном комитете провинции Ганьсу: с 1974 г. — секретарь, с 1975 г. — заместитель начальника проектного отдела, с 1980 г. — заместитель председателя. С 1982 г. — заместитель секретаря, затем — секретарь провинциального комитета Коммунистического союза молодежи (КСМ). В 1982—1984 гг. — секретарь ЦК КСМ и председатель Всекитайской федерации молодежи. В 1984—1985 гг. — первый секретарь ЦК КСМ. В 1985—1988 гг. — секретарь комитета КПК провинции Гуйчжоу. В 1988—1992 гг. — секретарь комитета КПК Тибетского автономного района. С 1992 г. — секретарь, член постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. С 1993 г. — ректор Центральной партийной школы. С 1998 г. — заместитель Председателя КНР. С 1999 г. также заместитель Председателя центральных военных советов КНР и ЦК КПК. С 2002 г. — Генеральный секретарь ЦК КПК. С 2003 г. — Председатель КНР. С 2004 г. — Председатель Центрального военного совета ЦК КПК. С 2005 г. — Председатель Центрального военного совета КНР. В ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК ушел с поста Генерального секретаря ЦК, а в марте 2013 г. на сессии ВСНП — с поста Председателя КНР в порядке ротации.



20 марта 2003 г. США начали военную операцию в Ираке с целью свержения режима С. Хуссейна. На стадии подготовки к операции США пытались добиться ее одобрения Советом Безопасности ООН, что придало бы ей законный характер, однако достичь им этого не удалось. Этому во многом способствовала согласованная позиция России и Китая. Не поддерживали США и некоторые их союзники, в частности, Франция и Германия. На этот раз Пекин был удовлетворен позицией Москвы, которая была гораздо более сбалансирована и последовательна по сравнению с ее подходом к кризису в Югославии и с позднейшей безоговорочной поддержкой американских методов борьбы с терроризмом.

До последнего момента Россия и Китай пытались найти мирное решение кризиса, настаивая на строгом выполнении обеими сторонами резолюции 1441 СБ ООН, которая давала широкие полномочия МАГАТЭ и Комиссии по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК), обязывала Ирак сотру-

ничать с международными инспекторами, но не давала санкции на вооруженную интервенцию. Эта позиция была согласована во время телефонного разговора между лидерами двух стран 19 февраля 2003 года. Было «с удовлетворением отмечено, что позиция в пользу продолжения инспекций в Ираке в целях выполнения резолюции 1441 СБ ООН и обеспечения политико-дипломатического решения иракской проблемы находит поддержку как на официальном, так и на общественном уровнях во многих странах мира». В.В. Путин и Цзян Цзэминь подчеркнули значение координации действий России и Китая на иракском, а также на других важнейших направлениях международной политики⁹⁴.

В совместном коммюнике, принятом во время визита российского министра иностранных дел И.С. Иванова в Пекин в конце февраля 2003 г., стороны подтвердили «свою твердую решимость и дальше всемерно содействовать политическому урегулированию иракского вопроса», отметив, что «исходят из того, что войны можно и нужно избежать». Они подчеркнули, «что Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и должен, руководствуясь целями и принципами Устава ООН, и дальше играть центральную роль в разрешении иракской проблемы. Все государства — члены ООН должны уважать и защищать авторитет и полномочия Совета Безопасности ООН»⁹⁵. 23 марта во время телефонного разговора главы МИД России И.С. Иванова и министра иностранных дел КНР Ли Чжаосина было подчеркнуто, что Россия и Китай «решительно выступают за немедленное прекращение военных действий против Ирака, которые были предприняты в обход СБ ООН и не имеют никакой правовой основы». «Россия и Китай твердо выступают за то, что только Совет Безопасности ООН может принимать решения по восстановлению Ирака и урегулированию иракской проблемы в соответствии с резолюциями СБ ООН, и будут активно добиваться этого», — заявили министры⁹⁶.

Новый уровень российско-китайского взаимопонимания оформлялся на фоне усиления разногласий с США. Китайские эксперты связывали изменения в российской политике скорее не с желанием сохранить баланс между США и Китаем, но с вынужденной реакцией на курс Вашингтона. Так, согласно Вань Чэньцаю, Россия, «вступив в “отношения стратегического партнерства” с США, много потеряла и мало приобрела. США не посчитались с тем, что Россия выступала против развязывания войны в Ираке, еще более сжали российское стратегическое пространство. Поэтому после войны Россия хотя и продолжала сохранять с США “отношения стратегического партнерства”, но не захотела стать “младшим партнером” Вашингтона. Чтобы увеличить свой вес в контактах с США и из-за внутренних факторов, России необходимо укрепление отношений с Китаем»⁹⁷.

⁹⁴ О телефонном разговоре Президента России В.В. Путина с Председателем КНР Цзян Цзэминем. 19.02.2002 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256cd3002c2cf4!OpenDocument>).

⁹⁵ Совместное коммюнике министров иностранных дел РФ и КНР по иракскому вопросу. 27.02.2003 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256cf3002e745d!OpenDocument>).

⁹⁶ О телефонном разговоре министра иностранных дел России И.С. Иванова с министром иностранных дел КНР Ли Чжаосином. 23.03.2003 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256cf3002e745d!OpenDocument>).

⁹⁷ 万成才: «新俄罗斯观察» (Обзор новой России), 第263页.

Другой международной проблемой, для решения которой Москва и Пекин выработали единую позицию, стало обострение ситуации на Корейском полуострове. В конце 2002 г., обвинив Пхеньян в тайном обогащении урана, США приостановили поставки топлива для северокорейских электростанций, которые они осуществляли по двустороннему Рамочному соглашению 1994 г. В ответ КНДР 12 декабря 2002 г. официально объявила о возобновлении ядерной программы и выслала инспекторов МАГАТЭ, а 10 января 2003 г. Пхеньян официально вышел из ДНЯО. Возникла возможность возникновения новой горячей точки.

Москва и Пекин сразу же начали поиск мирного разрешения конфликта. В специальном совместном коммюнике, подписанном 27 февраля 2003 г., министры иностранных дел двух стран выразили глубокую озабоченность в связи с ситуацией на Корейском полуострове. В документе отмечалось: «Руководствуясь искренним стремлением содействовать укреплению мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Россия и Китай призывают все заинтересованные стороны приложить необходимые усилия для мирного и справедливого урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Стороны подчеркивают, что обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, соблюдение там режима нераспространения оружия массового уничтожения и сохранение в этом регионе мира, безопасности и стабильности отвечает общим чаяниям международного сообщества. Стороны отмечают, что конструктивный равноправный диалог между США и КНДР имеет важное значение для урегулирования ситуации вокруг “северокорейской ядерной проблемы” и нормализации американско-северокорейских отношений. Стороны полагают необходимым продолжение активного диалога и дальнейшее развитие сотрудничества между Севером и Югом Кореи. Этот процесс является существенным вкладом в оздоровление ситуации на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом. Стороны принимают во внимание выраженную КНДР позицию об отсутствии намерения создавать ядерное оружие и обозначенное США и КНДР стремление мирным путем разрешить соответствующие проблемы. Стороны подтверждают, что Россия и Китай готовы приложить все усилия для содействия американско-северокорейскому диалогу, а также в двустороннем и многостороннем формате активно способствовать политическому решению корейской ядерной проблемы, сохранению мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия и Китай намерены и далее развивать добрососедские, дружественные связи и сотрудничество с КНДР и Республикой Корея»⁹⁸.

23 мая 2003 г. пресс-секретарь МИД России А.В. Яковенко подтвердил, что вопросам сохранения мира и стабильности на Корейском полуострове в двустороннем российско-китайском диалоге отводится существенное место, причем «Россия и Китай исходят из того, что любой силовой сценарий решения проблем Корейского полуострова является неприемлемым»⁹⁹.

Корейскому вопросу было уделено существенное место в российско-китайской декларации, подписанной лидерами двух стран во время визита Ху Цзиньтао

⁹⁸ Совместное коммюнике министров иностранных дел РФ и КНР о ситуации на Корейском полуострове. 27.02.2003 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/31235f84bd5abd2b43256cde00218120!OpenDocument>).

⁹⁹ Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы российских СМИ по российско-китайским отношениям. 23.05.2003 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256d3200284acf!OpenDocument>).

в Россию 26–28 мая 2003 г. В декларации отмечалось: «Стороны заявляют, что сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове отвечает интересам безопасности двух стран, а также общим чаяниям международного сообщества. Неприемлемы сценарии силового давления либо применения силы для решения существующих там проблем.

Стороны выступают за обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова и соблюдение там режима нераспространения оружия массового уничтожения. Одновременно должна быть гарантирована безопасность КНДР и созданы благоприятные условия для ее социально-экономического развития.

Стороны считают, что ключом к решению проблем Корейского полуострова является политическая воля вовлеченных сторон и решение кризиса политико-дипломатическими методами. Стороны продолжают тесное сотрудничество в интересах мира, стабильности и развития на Корейском полуострове»¹⁰⁰.

27 августа 2003 г., во многом благодаря поддержке Китая и России, в Пекине начались шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР, в которых кроме КНДР, США и КНР приняли участие Россия, Япония и Республика Корея. Наиболее активную посредническую роль сыграл Китай, который еще в апреле провел на своей территории предварительные переговоры в трехстороннем формате (КНР, КНДР, США). На этот раз шестисторонний формат предложила Япония. Россия, еще в середине 1990-х годов предлагавшая начать шестисторонние переговоры, активно поддержала японские предложения, но координировала свою позицию в основном с КНР и Южной Кореей. В интервью по завершении первого раунда переговоров в Пекине глава российской делегации А.П. Лосюков отметил, что Россия рассматривает «сам факт проведения пекинских переговоров как наш общий успех, который стал возможен не в последнюю очередь благодаря скоординированным шагам России и Китая». Он пояснил, что эта координация началась еще в январе 2003 г., когда спецпредставитель президента России побывал в Пхеньяне, продолжилась в апреле во время трехсторонних переговоров в Пекине. «Все это время мы плотно координировали наши действия по корейским делам и намерены делать это и впредь», — уточнил российский заместитель министра иностранных дел¹⁰¹. Впоследствии Москва и Пекин продолжили тесное сотрудничество и консультации по корейскому вопросу. Они всегда совместно выступали за продолжение шестисторонних переговоров в периоды их приостановки и за мирное решение ядерной проблемы Корейского полуострова дипломатическим путем.

2004 г. начался с объявления его Годом дружбы молодежи России и Китая. Эта договоренность была достигнута во время визита министра иностранных дел КНР Ли Чжаосина в Москву в середине января. 22 января на церемонии вручения верительных грамот послом КНР в РФ Лю Гучаном В.В. Путин отметил, что «отношения с Китайской Народной Республикой — один из ключевых приоритетов российской внешней политики». Российский президент сказал, что «никогда ранее наши отношения не характеризовались столь глубоким уровнем взаимного

¹⁰⁰ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 27 мая 2003 (<http://www.rg.ru/oficial/doc/ros-kit.shtm>).

¹⁰¹ Интервью заместителя министра иностранных дел России А.П. Лосюкова агентству «Интерфакс» по вопросам российско-китайских отношений. 12.09.2003 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256d9f0046e2bf!OpenDocument>).

доверия и взаимопонимания»¹⁰². На своей первой пресс-конференции в качестве министра иностранных дел С.В. Лавров, сменивший на этом посту И.С. Иванова, затронул китайскую тему. Он сказал, что отношения между Россией и КНР «складываются хорошо и развиваются по восходящей». «Китай — наш сосед, наш друг. У нас с КНР практически идентичные позиции по подавляющему большинству международных вопросов», — подчеркнул он¹⁰³. В мае Россию посетил Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго. Состоялись встречи и переговоры военных руководителей двух стран, причем была достигнута договоренность о проведении в следующем году первых совместных военных учений. В сентябре очередной визит в Москву совершил Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Развивались межпартийные связи: КПК активно контактировала как с «Единой Россией», так и с КПРФ.

Главным событием года, безусловно, стал третий визит в КНР (и первый после переизбрания на новый срок) президента В.В. Путина 14–16 октября. В ходе визита состоялось подписание совместной декларации и ряда документов. В декларации, в частности, была зафиксирована договоренность об объявлении 2006 г. Годом России в Китае, а 2007 г. — Годом Китая в России. Стороны утвердили План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией на 2005–2008 гг. По оценке заместителя министра иностранных дел России А.Ю. Алексеева, план «стал первым в истории отношений наших стран документом комплексного характера, задавшим на среднесрочную перспективу программу нашего взаимодействия по всем направлениям — от экономического и гуманитарного сотрудничества до таких деликатных сфер, как оборона и безопасность»¹⁰⁴.

Важнейшим из документов, безусловно, стало подписанное министрами иностранных дел двух стран Дополнительное соглашение о российско-китайской границе на ее Восточной части. По словам китайского лидера Ху Цзиньтао, это соглашение «обозначает окончательное урегулирование пограничных вопросов между двумя странами»¹⁰⁵. В.В. Путин так прокомментировал достигнутые договоренности: «Сделан важнейший политический шаг: поставлена точка в пограничном вопросе между нашими государствами. Мы шли к решению этого вопроса 40 лет. Россия и Китай проявили государственную мудрость и вышли на сбалансированное, отвечающее взаимным интересам решение. Впервые в истории российско-китайских отношений граница на всем ее протяжении будет юридически оформлена и установлена на местности»¹⁰⁶.

В соглашении была определена линия прохождения российско-китайской границы на двух остававшихся спорными участках: в районе острова Большой

¹⁰² Китай-Россия, 2004 год: хроника двусторонних отношений (http://russian.china.org.cn/international/txt/2005-08/02/content_2187543.htm).

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Выступление заместителя министра иностранных дел России А.Ю. Алексеева на торжественном собрании, посвященном 5-й годовщине подписания договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. МГИМО(У) МИД России, 30 июня 2006 г. // Россия-Китай. XXI век. Май—июль 2006. С. 1.

¹⁰⁵ Заявления для прессы после подписания российско-китайских документов. 14 октября 2004 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2004/10/14/2120_type63377type63380_77989.shtml).

¹⁰⁶ Там же.

в верховьях реки Аргунь (Читинская область) и в районе островов Тарабаров и Большой Уссурийский при слиянии рек Амур и Уссури (вблизи г. Хабаровска), причем территории обоих участков (ок. 375 квадратных километров) распределялись примерно пополам¹⁰⁷. С советских времен эти участки контролировались СССР, а потом — Россией. Однако юридические основания этого контроля, особенно после подписания основного договора о восточной части границы в 1991 г., в соответствии с международным правом признавшим принцип ее прохождения по середине главного фарватера, были довольно зыбкими.

Китай, естественно, первоначально требовал передать под его контроль всю спорную территорию. Поэтому окончательное решение стало реальным компромиссом, причем, по оценке руководителя российской делегации В.Я. Воробьева, «за Россией остались наиболее освоенные части острова Большой Уссурийский — те, где находятся дачи хабаровчан, российские предприятия. На нашей стороне остается церковь, построенная в том районе несколько лет назад... Ничто не будет ущемлять интересы тех людей, которые там живут, занимаются хозяйственной деятельностью, посещают храм»¹⁰⁸.

Несмотря на официальную информацию, и в России, и в Китае появились критики договора, утверждавшие, что власти их страны уступили давлению и «продали» национальные интересы. В России они выступали в открытой региональной, но иногда и в центральной печати, в Китае — в Интернете. Однако подобные оценки не привели к массовым движениям против соглашения, и их сторонники остались в меньшинстве. Большинство серьезных экспертов позитивно оценивало устранение последней территориальной проблемы в двусторонних отношениях. Соглашение было ратифицировано Государственной Думой 20 мая 2005 г., а через 6 дней — Советом Федерации РФ. 27 мая его ратифицировала сессия ВСНП.

В 2005 г. руководитель КНР побывал в России дважды. Весьма символичным было его участие в празднованиях 60-летия победы в Великой Отечественной войне 8–9 мая. Во время визита Ху Цзиньтао пригласил советских ветеранов на прием в китайское посольство в Москве и выступил перед ними, отдав должное советской помощи Китаю в годы войны. Это признание было важным, так как в годы раскола в Китае было принято упрекать СССР в недостаточной помощи и в направлении ее основной части Гоминьдану, а не коммунистам, в сдерживании КПК. «В этой жестокой войне китайский и советский народы сражались плечом к плечу, крепили боевую дружбу. В самый ответственный момент Советская Армия оказала китайскому народу бесценную помощь в окончании антияпонской войны. Многие из ветеранов, находящихся сегодня в посольстве, приняли участие в боях на северо-востоке Китая. Пользуясь случаем, я выражаю сердечную благодарность. Китайский народ будет вечно благодарен российскому народу за эту помощь»¹⁰⁹.

С 30 июня по 3 июля Ху Цзиньтао вновь находился в России, на этот раз с государственным визитом. Он провел переговоры с В.В. Путиным и встретился

¹⁰⁷ Путин утвердил ратификацию Допсоглашения о границе России и Китая. Известия, 01.06.05 (<http://www.izvestia.ru/russia/article1844497/>).

¹⁰⁸ Россия и Китай поделят спорные острова (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3762000/3762766.stm).

¹⁰⁹ Лукин А.В. Ху Цзиньтао — загадочный лидер? // Россия-Китай. XXI век. Июнь 2005. С. 17.

с Председателем правительства РФ М.Е. Фрадковым, Председателем Совета Федерации РФ С.М. Мироновым и Председателем Государственной Думы РФ Б.В. Грызловым. Стороны подписали декларацию о международном порядке в XXI в. и опубликовали коммюнике.

Важнейшим событием 2005 г. стало проведение с 18 по 25 августа первых совместных военных учений «Мирная миссия-2005». Первый командно-штабной этап прошел на территории Дальневосточного военного округа, а активная фаза — на территории Китая на полуострове Шаньдун и в прилегающей акватории Желтого моря. В учениях приняло участие около 10 тысяч военнослужащих военно-воздушных, военно-морских сил, воздушно-десантных и сухопутных войск обеих стран, в том числе 1800 российских военнослужащих. Командовали учениями начальники российского и китайского генеральных штабов генерал армии Ю.Н. Балуевский и генерал-полковник Лян Гуанле. В качестве целей учений были провозглашены углубление взаимного доверия и дружбы между Китаем и Россией, укрепление сотрудничества и координации между вооруженными силами двух стран в сфере обороны и безопасности, отработка действий против международного терроризма, сепаратизма и экстремизма, организованного реагирования на кризисы, повышение способности к ответу на новые вызовы и угрозы.

Конец 2005 г. был омрачен экологической катастрофой, произошедшей в КНР на территории, непосредственно прилегающей к России. 13 ноября в провинции Цзилинь на химическом заводе, принадлежащем крупнейшей государственной Китайской национальной нефтяной корпорации, произошел взрыв. В результате в реку Сунгари (Сунхуацзян) попало более 100 тонн токсичных бензолосодержащих веществ. Протяженность загрязненного пятна составила 80 км, уровень загрязнения превысил норму в 30 раз. В расположенном ниже по течению многомиллионном Харбине возникла паника, на несколько дней была закрыта система водоснабжения, люди по большим ценам скупали все, что можно пить. Так как Сунгари — приток Амура, на котором расположено несколько крупных российских городов, в России ожидали прихода токсичного пятна.

По оценкам российских экспертов, китайская сторона, видимо, недооценив последствия взрыва, в этой ситуации проявила медлительность. 18 ноября В.В. Путин и Ху Цзиньтао встретились в корейском городе Пусане в ходе 13-го саммита АТЭС. Хотя в беседе была подчеркнута необходимость поддержания контактов с соседними регионами, взаимной координации стратегии регионального развития обеих сторон и проведения широких обменов между соседними районами двух стран, речи об инциденте на Сунгари не шло. Китай официально проинформировал Россию о загрязнении лишь 22 ноября, то есть спустя 9 дней после взрыва. Далее взаимодействие пошло более конструктивно. 26 ноября министр иностранных дел Ли Чжаосин принял российского посла С.С. Разова и более подробно проинформировал его о последствиях инцидента. Китайский министр в присутствии представителей СМИ принес официальные извинения Правительства Китая за экологический ущерб и за задержку с предоставлением данных. Стороны условились о создании «горячих» линий связи между природоохранными ведомствами России и Китая.

**Сергей Сергеевич РАЗОВ (р. 1953 г.) —
советский и российский дипломат**

Родился 28 января 1953 г. В 1975 г. окончил МГИМО МИД СССР, изучал китайский язык. В 1975—1979 гг. — старший экономист в Торговом представительстве СССР в КНР. В 1979—1988 гг. — руководитель группы, заведующий сектором отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, с 1988 г. —



Международного отдела ЦК КПСС. В 1990—1992 гг. — начальник Управления стран Дальнего Востока и Индокитая МИД СССР. В 1992—1996 гг. — Посол России в Монголии. В 1996—1999 гг. — директор Третьего департамента стран СНГ МИД России. В 1999—2002 гг. — посол России в Республике Польша. В 2002—2005 гг. — заместитель министра иностранных дел России. В 2005—2013 гг. — посол России в КНР. Кандидат экономических наук. Владеет китайским, английским и польским языками. Имеет государственные награды.

29 ноября ситуацию разъяснил официальный представитель МИД России М.Л. Камынин. Он сказал: «Нами налажена постоянная связь с китайской стороной по вопросу о распространении по реке Сунгари токсичного пятна, возникшего в результате аварии на химическом комбинате в китайском городе Цзилинь. Начиная с прошлой недели, соответствующие ведомства КНР по дипломатическим каналам ежедневно передают российской стороне информацию о скорости и параметрах движения токсичного пятна, содержании в воде ядовитых веществ, а также о предпринимаемых китайской стороной мерах по их обезвреживанию. Эти данные незамедлительно направляются в заинтересованные российские ведомства (Минприроды, МЧС, Росгидромет). Исходя из складывающейся на сегодняшний день ситуации, мы удовлетворены уровнем взаимодействия с китайской стороной по данной проблеме. Действительно, информация к нам начала поступать с опозданием (лишь через 9 дней после аварии). Возможно, нашим партнерам потребовалось время, чтобы определить масштабы загрязнения реки Сунгари и степень угрозы попадания токсичных веществ в Амур. Однако эта заминка была исправлена, и российские компетентные органы заблаговременно получили необходимую информацию». Российский дипломат отметил также, что «данное происшествие вновь выявило актуальность активизации российско-китайского сотрудничества в области охраны окружающей среды, включая мониторинг состояния вод пограничных рек и их охраны», о чем специалисты двух стран начали готовить соответствующее соглашение¹¹⁰. 4 декабря письмо

¹¹⁰ Ответы официального представителя МИД России М.Л. Камынина на вопросы ИТАР-ТАСС относительно российско-китайского взаимодействия в преодолении последствий аварии на химкомбинате в г.Цзилинь (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32570c8003fc98c!OpenDocument>).

с официальными извинениями направил своему коллеге М.Е. Фрадкову китайский премьер Вэнь Цзябао.

Благодаря совместным мерам российской и китайской стороны, в частности, строительству дамбы близ Хабаровска и поставкам 150 тонн китайского активированного угля для очистных сооружений Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, серьезных последствий на российской территории удалось избежать. Однако эта катастрофа отрицательно сказалась на отношении россиян к китайскому подходу к решению проблем окружающей среды. В России вспомнили, что китайская сторона долго отказывалась обсуждать давно подготовленный российский проект соглашения о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных вод, который, начиная с 1997 года, многократно предлагался Москвой. Лишь серьезная экологическая катастрофа сдвинула этот вопрос с мертвой точки. Кроме того, была достигнута договоренность о создании в рамках Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств Подкомиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды.

Российские СМИ также писали о двойственных последствиях аварии. Так, корреспондент газеты «Время новостей» М. Воробьев заключал: авария «напомнила россиянам о том, что одна из важнейших проблем современного Китая — проблема загрязнения окружающей среды — напрямую затрагивает и всех соседей этой страны, в том числе и Россию... Естественно, взрыв и вызванные им трудности не способствовали улучшению и без того довольно негативного имиджа Китая в приграничных российских регионах. В то же время конструктивный подход китайских властей к ликвидации последствий аварии несколько сгладил первоначальную реакцию россиян, а тесная совместная работа аварийных и экологических служб дала ценный опыт сотрудничества на самом низком уровне»¹¹¹.

2006 и 2007 годы были объявлены соответственно Годом России в Китае и Годом Китая в России. Стороны серьезно подошли к организации их проведения. В России председателем оргкомитета был назначен первый вице-премьер Д.А. Медведев, его заместителем стал вице-премьер, ответственный за сотрудничество с Китаем, А.Д. Жуков. В состав оргкомитета вошли представители российских федеральных органов исполнительной власти, Федерального Собрания, региональных администраций, научных и деловых кругов, средств массовой информации и общественности — всего более тридцати человек. На прошедшем 29 ноября 2005 г. заседании оргкомитета был утвержден план возможных мероприятий по проведению Года России в Китае, предусматривавший более двухсот шестидесяти мероприятий — он был сформирован на основе предложений, поступивших в течение 2005 г. от заинтересованных российских организаций. В Китае оргкомитет Национальных Годов возглавила вице-премьер Госсовета и председатель китайской части российско-китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая У И, а ее заместителем стали член Государственного совета КНР, председатель китайской части российско-китайской Комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта Чэнь Чжили, а также курирующий внешнюю политику член Госсовета Тан Цзясюань. В декабре 2005 г. Д.А. Медведев по приглашению У И посетил Китай для обсуждения деталей проведения Года России.

¹¹¹ Воробьев М. У бензольных берегов Амура // Россия-Китай. XXI век. Февраль 2006. С. 19.

**У И 吴仪 (р. 1938) —
китайский политический деятель,
в 2003—2008 гг. — вице-премьер Госсовета КНР**

Родилась в ноябре 1938 г. в городе Ухань провинции Хубэй. В 1956—1962 гг. училась на оборонном факультете Северо-западного политехнического института (г. Сиань), затем — на факультете нефтеочистки Пекинского нефтяного



института, который окончила с квалификацией «инженер высшей категории по нефтеочистке». В 1962 г. вступила в КПК. В 1962—1965 гг. работала на Ланьчжоуском нефтеочистительном заводе, а в 1965—1967 гг. — в производственно-технической компании при Министерстве нефтяной промышленности. В 1967—1983 гг. — на различных должностях на пекинском нефтеочистительном заводе «Алеет Восток», прошла путь от техника до заместителя директора завода. В 1983—1988 гг. — заместитель генерального директора, секретарь парткома пекинской нефтехимической компании «Яньшань». В 1988—1999 гг. — вице-мэр Пекина. С 1991 г. — заместитель, а с 1993 г. — министр внешнеэкономических связей и внешней торговли. С 1997 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК КПК. С 1998 г. — член Госсовета. В 2002—2007 гг. — член Политбюро ЦК КПК. В 2003—2008 гг. — вице-

премьер Госсовета КНР. Возглавляла китайский оргкомитет по проведению Года России в Китае (2006) и Года Китая в России (2007). В 2003—2005 гг. — министр здравоохранения (по совместительству). Как вице-премьер, курирующий внешнюю торговлю, У И руководила работой китайской части Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств Китая и России. Активно способствовала развитию двусторонних торгово-экономических связей, росту товарооборота между двумя странами.

Оба Года открывались высшими руководителями, а закрывались премьерами двух стран. Официальная церемония открытия Года России состоялась в ходе визита В.В. Путина в Китай 21—22 марта 2006 г. По итогам переговоров В.В. Путин и Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию, в которой стороны подвели итоги первого десятилетия российско-китайских отношений стратегического партнерства. Оценивая итоги Года России на церемонии его закрытия 9 ноября 2006 г., российский премьер М.Е. Фрадков сказал: «Прежде всего у нас есть все основания говорить об успехе российского национального Года. И здесь огромную роль сыграла беспрецедентная интенсивность политических контактов. В этом году уже состоялось пять встреч глав государств. Китай посетило практически все высшее руководство России. На сегодня проведено около 250 мероприятий¹¹², охвативших практически все стороны российско-китайского сотрудничества. По самым приблизительным подсчетам, в Китае

¹¹² Так как официальное закрытие проводилось в ноябре, реальное количество мероприятий составило более 300.

в них непосредственно участвовало примерно полмиллиона человек. Количество же тех, кто регулярно знакомился с ходом Года России через средства массовой информации, исчисляется сотнями миллионов. Десятки тысяч россиян посетили Китай для проведения мероприятий, а еще больше участвовало в их подготовке в России. В общем, Год России в Китае явился подлинно массовым проектом, вовлекшим в свою орбиту широкие слои китайской и российской общественности»¹¹³. Среди мероприятий Года важнейшее значение имели Первый российско-китайский экономический форум на высшем уровне, Фестиваль российской культуры, Инвестиционная неделя, Российская национальная выставка в Пекине и др.

**Александр Дмитриевич ЖУКОВ (р. 1956) —
российский политический деятель**

Родился 1 июня 1956 г. в Москве. В 1978 г. окончил экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1978—1980 гг. работал научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований АН СССР и Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР. В 1980—1991 гг. — научный сотрудник Главного валютно-экономического управления Министерства финансов СССР. Учился на Высших экономических курсах при Госплане СССР. С января по май 1991 г. проходил обучение в Школе бизнеса Гарвардского университета. В 1991—1993 гг. — вице-президент внешнеэкономического АО «Автотракторэкспорт». В 1990—1993 гг. — депутат Бауманского районного Совета народных депутатов Москвы. В 1993 г. избран депутатом Государственной Думы РФ от Преображенского округа (Москва). В январе 1994 — декабре 1995 гг. — член Комитета ГД по бюджету, налогам, банкам и финансам. С июня 1994 г. по 1999 г. — член совета директоров Инвестиционного банка «Восток—Запад».



В 1995 г. вновь избран в Государственную Думу по тому же округу (от блока «Вперед, Россия!»). В 1996—1997 гг. — заместитель, с 1997 г. — председатель Комитета по бюджету, налогам, банкам и финансам. С мая 1998 г. — член Наблюдательного совета Сбербанка РФ. В 1999 г. избран депутатом Государственной Думы ФС РФ третьего созыва по Преображенскому одномандатному избирательному округу, возглавлял Комитет по бюджету и налогам. В 2003 г. вновь избран в Госдуму по тому же округу, стал первым заместителем Председателя Государственной Думы (от партии «Единая Россия»). С 2004 г. — заместитель Председателя Правительства РФ, член Высшего совета партии «Единая Россия». С 2011 г. — первый заместитель Председателя Государственной Думы РФ. В годы работы вице-премьером возглавлял российские части российско-китайских межправительственных комиссий по подготовке регулярных встреч глав правительств и по гуманитарному сотрудничеству, внес значительный вклад в развитие двусторонних отношений.

¹¹³ Речь Председателя Правительства Российской Федерации М.Е. Фрадкова на церемонии официального закрытия Года России в Китае // Россия-Китай. XXI век. Январь 2007. С. 5.

Год Китая в России был официально открыт 26 марта 2007 г. главами двух государств во время визита Ху Цзиньтао в Россию, а закрыт премьерами двух стран В.А. Зубковым и Вэнь Цзябао на торжественной церемонии в Москве 6 ноября 2007 г. Итоги Года Китая также были высоко оценены в Пекине. Выступая на Втором российско-китайском экономическом форуме на высшем уровне 6 ноября, Вэнь Цзябао отметил: «Успешное проведение Года России в Китае и Года Китая в России позволило народам двух стран еще глубже ощутить чувство дружбы и желание сотрудничества, расширило пространство будущего двустороннего сотрудничества на основе взаимной выгоды»¹¹⁴. На пресс-конференции, посвященной итогам Года Китая, посол Лю Гучан обратил особое внимание на рост товарооборота и повышение уровня и интенсивности контактов на высшем уровне. Он также с удовлетворением отметил большую популярность китайских художественных спектаклей и представлений, проводившихся в рамках Года, тот факт, что в российских СМИ оперативно и последовательно освещали его мероприятия, а также то, что по опросам общественного мнения Китай в глазах россиян стал самой дружественной страной¹¹⁵.

Проведение национальных Годов России в Китае и Китая в России стало беспрецедентным проектом в истории двусторонних отношений. Всего в рамках национальных Годов прошло около 600 различных мероприятий в политической, торгово-экономической, военной, научно-технической и гуманитарной сферах. Успех национальных Годов привел стороны к мысли сделать важнейшие мероприятия, проведенные в их рамках, регулярными. Было решено с начала 2008 г. проводить поочередно в России и Китае фестивали культуры, недели по сотрудничеству в области образования, недели молодежи, студенческие фестивали, недели кино. Кроме того, 2009 и 2010 гг. были объявлены соответственно Годом русского языка в Китае и китайского языка в России.

Избрание в марте 2008 г. президентом России Д.А. Медведева, успевшего хорошо познакомиться с Китаем за два предыдущих года, не привело к изменению российской политики в отношении КНР. 17 марта российский МИД выступил со специальным комментарием по поводу беспорядков в Тибете. В нем подтверждалось, что Россия «рассматривает Тибет в качестве неотъемлемой части Китая, считая урегулирование взаимоотношений с Далай-ламой внутренним делом КНР», и выражалась надежда на то, что «власти КНР предпримут все необходимые меры по пресечению противоправных действий и обеспечат скорейшую нормализацию ситуации в этом автономном районе». В ответ на призывы некоторых общественных организаций бойкотировать Пекинскую олимпиаду Россия высказалась против политизации игр¹¹⁶.

В 2008 г. новый российский президент и Председатель КНР Ху Цзиньтао провели пять встреч. Их первая личная встреча состоялась во время официального визита российского лидера в КНР 23–24 мая 2008 г. КНР стала первой страной дальнего зарубежья, которую новый российский лидер посетил после вступления

¹¹⁴ Выступление Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао // Россия-Китай. XXI век. Ноябрь 2007. С. 12.

¹¹⁵ Взаимное проведение национальных годов Китаем и Россией дало плодотворные результаты (<http://russian.people.com.cn/31519/6298187.html>).

¹¹⁶ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с событиями в Тибетском автономном районе КНР. 17.03.2008 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325740f0038a79b?OpenDocument>).

7 мая в должность в качестве главы государства. По итогам переговоров лидеры двух стран подписали совместную декларацию, в которой была изложена общая позиция стран по главным проблемам мирового развития. Высоко оценив политический диалог между двумя странами, Д.А. Медведев отметил, что этот документ «отражает достигнутый уровень взаимодействия в рамках международных, региональных организаций и закрепляет наши позиции по наиболее острым вопросам, в том числе таким, как вопросы распространения ПРО, блоковые вопросы и ряд других»¹¹⁷. В ходе визита между российской и китайской сторонами было заключено 8 соглашений, затрагивавших различные сферы сотрудничества, в частности, в области энергетики, туризма, авиации, лесного хозяйства. Д.А. Медведев и Ху Цзиньтао встречались также 9 июля во время саммита «Группы восьми» на острове Хоккайдо, в ходе заседания Совета глав государств ШОС в Душанбе 27–28 августа, саммита «двадцатки» в Вашингтоне 15 ноября и на саммите АТЭС в Лиме 23 ноября. Летом 2008 г. в российских оздоровительных центрах по приглашению президента Д.А. Медведева отдыхали около тысячи китайских детей из пострадавшей от землетрясения провинции Сычуань. 30 июля 2008 г. российский президент встретился с группой китайских детей, проходивших реабилитацию во Всероссийском оздоровительном центре «Орленок» в Краснодарском крае. Все мероприятия, проведенные в рамках этой беспрецедентной акции, были высоко оценены руководством КНР.

8 июля 2009 г. МИД России отреагировал на серьезные беспорядки в административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР Урумчи, в результате которых погибли и получили ранения десятки людей, фактически поддержав официальную китайскую версию событий. Согласно комментарию российского МИД, «инициаторы беспорядков, используя сепаратистские лозунги и провоцируя межэтническую нетерпимость, нападали на мирных жителей, избивали их, переворачивали и поджигали автомобили, громили магазины и общественные здания». В комментарии выражалось «искреннее сочувствие родным и близким невинно погибших, а также пострадавшим от действий зачинщиков столкновений» и подчеркивалось, что «российская сторона рассматривает Синьцзян в качестве неотъемлемой части Китая и считает, что происходящее там является исключительно внутренним делом КНР»¹¹⁸.

Свидетельством тесной координации международных позиций двух стран стало двойное вето России и Китая, наложенное 11 июля на предложенную США и поддержанную их союзниками резолюцию СБ ООН о введении санкций против режима Р. Мугабе в Зимбабве, который подозревался в фальсификации результатов президентских выборов. По сообщению агентства «Синьхуа», после голосования постоянные представители двух стран в своих выступлениях отметили, что введение санкций против Зимбабве не благоприятствует прилагаемым Африканским союзом и Сообществом развития Юга Африки усилиям по урегулированию и процессу переговоров между правительством Зимбабве и оппозицией¹¹⁹.

¹¹⁷ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 23 мая 2008 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2008/05/23/1933_type63377type63380_201233.shtml).

¹¹⁸ Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно ситуации в Синьцзяне. 08.07.2009 (<http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575ed0025e0cf?OpenDocument>).

¹¹⁹ Россия и Китай наложили вето на проект резолюции СБ ООН о введении санкций против Зимбабве (<http://russian.people.com.cn/31520/6448959.html>).

27–29 октября 2008 г. состоялся официальный визит в Российскую Федерацию Премьера Государственного Совета КНР Вэнь Цзябао, в рамках которого прошла тринадцатая регулярная встреча глав правительств России и Китая. Переговоры премьеров подтвердили высокий уровень российско-китайского партнерства, наличие широкого взаимопонимания по ключевым международным проблемам, включая мировой финансовый кризис.

7–9 августа 2008 г. в Пекине для участия в церемонии открытия Олимпийских игр находился российский премьер В.В. Путин. В рамках данного визита прошли содержательные встречи с Председателем КНР Ху Цзиньтао, Премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао. В Олимпийских играх в Пекине 8–24 августа 2008 г. приняла участие российская делегация в составе 467 спортсменов и 382 официальных лиц, на Олимпиаде присутствовало более десяти тысяч болельщиков из России. Во всех официальных мероприятиях Олимпийских игр по приглашению МОК принимал участие заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А.Д. Жуков. Всего в период Олимпиады Китай посетили более 20 российских руководителей федерального и регионального уровня, которые провели встречи с китайскими партнерами и обсудили актуальные вопросы двустороннего сотрудничества.

Совпавший с открытием Олимпиады российско-грузинский военный конфликт в Южной Осетии и, особенно, последующее российское признание независимости этой республики и Абхазии поставило Пекин в сложное положение. С одной стороны, в Китае не могли не одобрять срыв дальнейшего продвижения НАТО на Восток и перехода все больших территорий в сферу влияния США. С другой, там не могли отказаться от поддержки принципа территориальной целостности членов ООН, так как в самом Китае остро стояла проблема сепаратизма. В результате Китай не только не признал Абхазию и Южную Осетию, но и выступил с довольно расплывчатым заявлением. Комментируя российское решение, официальный представитель МИД КНР Цинь Ган выразил озабоченность в связи с «последними изменениями ситуации» в Южной Осетии и Абхазии. «Оставаясь на неизменной принципиальной позиции китайской стороны по подобным проблемам, мы надеемся на надлежащее решение этой проблемы путем диалога и консультаций между заинтересованными сторонами», — отметил он¹²⁰. Китайские СМИ подчеркнуто объективно и нейтрально, без особых комментариев, излагали позиции сторон конфликта и других государств и международных организаций. В то же время Китай предоставил гуманитарную помощь пострадавшим жителям Южной Осетии, что было высоко оценено российской стороной.

В 2008 г. было завершено юридическое оформление последних двух участков российско-китайской границы в ее восточной части. 21 июля 2008 г. в Пекине в ходе официального визита министра иностранных дел России С.В. Лаврова был подписан Дополнительный протокол-описание российско-китайской границы. По завершении сторонами внутригосударственных процедур он вступил в силу 14 октября 2008 г.

В 2009 г. Д.А. Медведев и Ху Цзиньтао встречались шесть раз. На этот год пришлось важные юбилеи — 60-летие образования КНР и 60-летняя годовщина

¹²⁰ МИД КНР о признании РФ независимости Южной Осетии и Абхазии (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-08/27/content_705759.htm).

установления дипломатических отношений между странами. 2009 год был также Годом русского языка в Китае. С 14 по 18 июня 2009 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао посетил Россию. Перед официальной встречей в Москве лидеры двух стран 15–16 июня приняли участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества и первой официальной встрече лидеров стран группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) в Екатеринбурге. В ходе переговоров в Москве обсуждались меры, направленные на совершенствование торгово-экономического сотрудничества, в частности, увеличение удельного веса машино-технической и высокотехнологичной продукции в структуре взаимной торговли. Были рассмотрены также вопросы расширения сотрудничества в нефтегазовой и угольной областях, в электроэнергетике и возможности использования во взаимных расчетах национальных валют России и Китая.

Особое внимание лидеры двух стран уделили обсуждению актуальных международных проблем, в том числе ситуации вокруг ядерной проблемы КНДР, положению в Афганистане. Стороны высказались против односторонних попыток решения вопросов международной безопасности, в том числе путем расширения военных блоков и создания региональных и глобальных систем ПРО. По итогам переговоров глав России и Китая было принято совместное заявление, подписан ряд соглашений между ведомствами и компаниями двух стран, в том числе три меморандума о взаимопонимании — по сотрудничеству в сфере природного газа; по сотрудничеству в угольной сфере; а также о взаимопонимании между Министерством экономического развития РФ и Министерством коммерции КНР по стимулированию двусторонней торговли машино-технической и инновационной продукцией.

В 2009 г. Д.А. Медведев и Ху Цзиньтао провели еще несколько встреч: 1 апреля — в Лондоне в рамках саммита лидеров «Группы 20», 23 сентября — в Нью-Йорке, где они участвовали в общеполитической дискуссии в ГА ООН и заседании СБ ООН, 14 ноября — в Сингапуре в рамках саммита АТЭС.

Основным событием двусторонних отношений в 2010 г. стал официальный визит в Китай Д.А. Медведева, проходивший с 26 по 28 сентября. В ходе второго визита в Китай он посетил города Далянь, Пекин и Шанхай. По итогам переговоров был подписан пакет документов, в том числе два совместных заявления: в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны, а также о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. Было также заключено двустороннее соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Важной вехой энергетического сотрудничества стало подписание контракта на поставку в Китай нефти по нефтепроводу Сковородино — Дацин, а также документа под названием «Расширенные основные условия поставок природного газа из России в Китай». Были подписаны и другие документы о сотрудничестве в энергетической сфере, в том числе в области атомной энергетики — Соглашение о стратегическом взаимодействии в области мирного использования атомной энергии, а также контракт на технический проект сооружения третьего и четвертого блоков Тяньваньской атомной электростанции.

27 сентября 2010 г. в Пекине главы двух государств приняли участие в церемонии завершения строительства нефтепровода Россия — Китай (Сковородино — Дацин), коммерческие поставки российской нефти по которому начались

с 1 января 2011 г. 28 сентября в Шанхае президент России имел беседу с заместителем Председателя КНР Си Цзиньпином, а затем принял участие в церемонии открытия Дня России на Всемирной выставке «ЭКСПО-2010».

Кроме переговоров во время государственного визита, в 2010 г. высшие руководители России и Китая провели еще пять встреч во время различных международных форумов и юбилейных торжеств: 15 апреля — в Бразилии в рамках 2-го саммита БРИК; 9 мая в Москве — в ходе торжественных мероприятий в связи с 65-летием Победы; 10 июня — на саммите ШОС в Ташкенте; 26 июня и 11 ноября — во время саммита «Группы 20» в Торонто и в Сеуле.

13–17 апреля 2011 г. состоялся рабочий визит Д.А. Медведева в КНР для участия в саммите БРИКС в городе Санья в провинции Хайнань. 13 апреля в Санья состоялась двусторонняя встреча российского лидера с Председателем КНР Ху Цзиньтао. Руководители России и Китая обменялись мнениями о дальнейшем развитии сотрудничества в формате БРИКС, а также обсудили текущие международные проблемы, в частности, события на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кроме того, были обсуждены актуальные вопросы двусторонних отношений и взаимодействия в рамках ШОС. 15 апреля Д.А. Медведев выступил на заседании Азиатского форума в Боао, также расположенного в провинции Хайнань, а затем посетил Специальный административный район Гонконг.

Арабские революции

Прокатившаяся с начала 2011 г. волна революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока вызвала беспокойство как в России, так и в Китае. Если в России в основном опасались международных последствий этих кризисов и потери позиций в этих регионах мира, то в Китае — еще и распространения волны на Синьцзян и другие районы страны. Достаточно сказать, что после успеха «жасминовой» революции в Тунисе китайские власти ввели запрет на слово «жасмин» в Интернете.

Ситуация в этих регионах мира была обсуждена во время встречи министров иностранных дел двух стран в Пекине в мае 2011 г. «Конечно, мы не обошли вниманием и ту ситуацию, которая разворачивается на Ближнем Востоке, на Севере Африки. Эта ситуация нас — и Россию, и Китай — весьма беспокоит. Она чревата серьезнейшими глобальными потрясениями. Мы договорились, используя возможности двух государств, координировать наши действия с тем, чтобы содействовать скорейшей стабилизации обстановки, недопущению продолжения негативных, непредсказуемых последствий. В основе нашей совместной позиции лежит принцип, согласно которому каждый народ должен сам, без вмешательства извне, определять свою судьбу. Это, собственно, принцип, который применим к любому району мира и который закреплён, между прочим, в Уставе ООН», — заявил С.В. Лавров в ходе совместной пресс-конференции по итогам встречи¹²¹.

¹²¹ Стенограмма выступления и ответа на вопрос СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам встречи с министром иностранных дел Китая Ян Цзечи, Москва, 6 мая 2011 г. 06.05.2011 г. (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586c325788b002079b5!OpenDocument>).

**ЛИ Хуэй 李辉 (р. 1953) —
китайский дипломат, Посол КНР в России с 2009 г.**

Родился в феврале 1953 г. в провинции Хэйлунцзян. В 1975 г. окончил Пекинский институт иностранных языков по специальности «русский язык». В 1975—1981 гг. — референт Управления СССР и стран Восточной Европы МИД КНР. В 1981—1985 гг. работал в Посольстве КНР в СССР в качестве атташе, третьего секретаря, второго секретаря. В 1985—1990 гг. занимал должности второго секретаря, заместителя заведующего отделом, первого секретаря Управления Советского Союза и стран Восточной Европы МИД КНР. В 1990—1992 гг. — первый секретарь Посольства КНР в СССР (с 1992 г. — в России). В 1992—1995 гг. был первым секретарем, затем советником Посольства КНР в Республике Казахстан. В 1995—1997 гг. — советник, заместитель директора Управления стран Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР. В 1997—1999 гг. — Посол КНР в Казахстане. В 1999—2003 гг. — директор Департамента стран Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР. С 2003 г. — помощник, а с 2008 г. — заместитель министра иностранных дел КНР. В 2009 г. назначен Чрезвычайным и Полномочным послом КНР в России.



Постепенно Россия и Китай выработали схожий подход к революционным событиям на арабском Востоке и попыткам вмешательства в них внешних сил. Об этом С.В. Лавров заявил в статье, опубликованной в газете «Жэньминь жибао» 15 июля 2011 г.¹²² Обсуждалось положение на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в особенности ситуация в Ливии, Сирии и ближневосточное урегулирование и на специальной встрече заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова с послом Китая в Москве Ли Хуэем 29 июля. Согласно официальному сообщению, «собеседники отметили совпадение российско-китайских подходов к региональной проблематике и подтвердили неизменный настрой на дальнейшую координацию позиций двух стран, в том числе в рамках ООН»¹²³.

Результатом этой координации стал целый ряд совместных голосований в СБ ООН. Так, 26 февраля 2011 г. Россия и Китай поддержали резолюцию 1970, вводящую санкции против Ливии, 17 марта воздержались при голосовании по резолюции 1973, установившей бесполетную зону над этой страной, и осудили

¹²² Статья министра иностранных дел России С.В. Лаврова в газете «Жэньминь Жибао», 15 июля 2011 г. (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586c32578ce0022e15a!OpenDocument>).

¹²³ О беседе заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова с Послом Китая в Москве Ли Хуэем. 29.07.2011 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586c32578dc004e44a1!OpenDocument>).

действия авиации НАТО как выходящие за ее рамки, в июле-августе выступили за смягчение резолюции в отношении Сирии и в дальнейшем выступали с единых позиций в отношении Дамаска.

Россия и Китай в Центральной Азии и ШОС

Шанхайская организация сотрудничества выросла из так называемого «шанхайского процесса», в котором первоначально участвовали пять государств — Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Истоки «процесса» — переговоры о границе, проходившие еще между СССР и КНР. Ядро ШОС составили государства — члены так называемой «Шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Таджикистан, Казахстан, Киргизстан), которые после распада СССР унаследовали нерешенные проблемы бывшей советско-китайской границы.

«Шанхайский процесс» стал продолжением советско-китайских переговоров, проводившихся по двум направлениям. Во-первых, были продолжены переговоры о конкретизации мер доверия и практическом сокращении вооружений вдоль границы, которые теперь уже велись совместно Россией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан, с одной стороны, и КНР — с другой. Во-вторых, продолжились переговоры и собственно о границе, прежде всего в ее западной части, которую унаследовали все четыре бывшие советские республики.

Переговоры по мерам доверия привели к двум соглашениям между членами «пятерки»: об укреплении доверия в военной области в районе границы 1996 г. и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы 1997 г. В этих документах стороны соглашались принять широкий круг мер в районе границы, в частности, обмениваться информацией о согласованных компонентах вооруженных сил и пограничных войск; не проводить учений, направленных против другой стороны, и ограничить учения в целом; сократить вооруженные силы в 100-километровой зоне по обе стороны границы до оговоренных предельных уровней; не размещать в ней речные корабли ВМФ; взаимно приглашать наблюдателей на войсковые учения и т.д.¹²⁴ Именно в апреле 1996 г. на встрече в верхах в Шанхае и появился сам термин «Шанхайская пятерка». Параллельно шло рассмотрение нерешенных вопросов пограничного разграничения, доставшихся в наследство от прошлого. К началу XXI в. вопросы прохождения государственной границы между бывшими республиками СССР и Китаем были в целом разрешены.

Решив проблемы, непосредственно продолжавшие тенденции, сложившиеся еще при существовании СССР, члены «Шанхайской пятерки» пошли дальше. Осознав необходимость расширения сотрудничества, они сформировали новую региональную организацию — Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Оказалось, что государства региона имеют и другие общие интересы. Постепенно члены новой международной организации перешли от решения пограничных проблем к совместному рассмотрению широкого круга проблем безопасности, экономического и культурного сотрудничества, то есть нашли сферу общих интересов, выходящих далеко за рамки первоначальных задач «пятерки».

¹²⁴ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. С. 365–372 и 385–392.

Декларация о создании ШОС была подписана на встрече глав шести государств в Шанхае 15 июня 2001 г. В нее вошли члены бывшей «Шанхайской пятерки» и Узбекистан. Присоединение Узбекистана означало формальный выход шанхайского процесса за рамки вопросов, связанных с бывшей советско-китайской границей: Узбекистан не граничит с КНР, со странами «пятерки» его сближают совсем другие интересы.

На саммите ШОС в Санкт-Петербурге 7 июня 2002 г. была принята Хартия — базовый уставный документ, фиксирующий цели, задачи и принципы организации, ее структуру и основные направления деятельности. Согласно Хартии, к основным задачам ШОС относятся укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка; совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях; борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией; поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес; содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе; координация подходов при интеграции в мировую экономику; содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальными законодательствами; поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями; взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании; совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке¹²⁵.

Основными принципами ШОС являются взаимное уважение суверенитета, равноправие всех государств-членов, открытость и ненаправленность против других государств и международных организаций. Все решения в ШОС принимаются консенсусом, за исключением вопросов приостановления или прекращения членства в организации. На заседании глав государств — членов ШОС 29 мая 2003 г. в Москве фактически завершилось организационное формирование ШОС: были приняты документы, регламентирующие деятельность уставных органов ШОС, ее символика (эмблема и флаг), утверждена кандидатура первого Исполнительного секретаря ШОС (с 2007 г. — Генеральный секретарь); подписано Соглашение о порядке формирования и исполнения бюджета ШОС.

С созданием нормативно-правовой базы и приведением в действие рабочих механизмов ШОС начала функционировать как полноценная международная организация. Полностью формализовалась организационно-структурная вертикаль. Высшим органом ШОС стал Совет глав государств (СГГ), который определяет приоритеты и вырабатывает основные направления деятельности организации, решает принципиальные вопросы ее внутреннего устройства

¹²⁵ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (<http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=86>).

и функционирования, взаимодействия с другими государствами и международными организациями, а также рассматривает наиболее актуальные международные проблемы. Совет глав правительств (СГП) принимает бюджет организации, рассматривает и решает основные вопросы взаимодействия, особенно в экономической сфере. Совет министров иностранных дел (СМИД) отвечает за подготовку заседаний СГГ, принимает решения о проведении консультаций в рамках организации по международным проблемам. Периодические совещания руководителей министерств и ведомств государств — членов ШОС обсуждают вопросы сотрудничества в конкретных областях. Действуют также координационные механизмы по линии министров, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, транспорт, образование, культуру, оборону, чрезвычайные ситуации, а также комиссии старших должностных лиц и экспертные рабочие группы. Кроме того, регулярно проходят встречи генеральных прокуроров, руководителей антинаркотических ведомств, таможенных служб, верховных и арбитражных судов. В 2006 г. в Москве состоялась первая встреча руководителей парламентов государств — членов ШОС. В задачу Совета национальных координаторов (СНК) входит координация текущей деятельности организации, взаимодействия министерств и ведомств государств — членов ШОС. Под руководством Исполнительного секретаря, который назначается решением СГГ сроком на три года на ротационной основе, с января 2004 г. начал работать Секретариат ШОС в Пекине.

Хартия ШОС была зарегистрирована в Секретариате ООН, а сама организация — в качестве наблюдателя на Генеральной Ассамблее. 16 августа 2007 г. на заседании СГГ в Бишкеке был подписан Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, ставший важным шагом в укреплении правовой базы объединения. 5 апреля 2010 г. в Ташкенте Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества М.С. Иманалиев и Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун подписали Совместную декларацию о сотрудничестве между секретариатами ООН и ШОС. После заседания Совета глав государств 17 июня 2004 г. в Ташкенте, на котором были обсуждены вопросы углубления многостороннего сотрудничества в рамках организации, состоялась церемония открытия второго постоянного органа ШОС — Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Таким образом, было завершено формирование исполнительных органов этой международной организации.

Сотрудничество в области безопасности и, прежде всего, в борьбе с международным терроризмом — одно из основных направлений деятельности ШОС. С исламским экстремизмом и терроризмом, часто связанными с сепаратистскими движениями и международными фундаменталистскими организациями, в конце XX — начале XXI вв. в той или иной мере столкнулись все члены шестерки. Россия и Китай не являются исключениями. Россия уже долгие годы ведет войну с терроризмом на Северном Кавказе. В Китае, по официальным китайским данным, только с 1990 по 2001 гг. экстремисты, выступающие за отделение Синьцзяна, совершили свыше 200 террористических актов, в результате которых погибло более 600 гражданских лиц и сотрудников правоохранительных органов¹²⁶. За два года до террористических атак на США началась работа над Конвенцией о борьбе

¹²⁶ Чжоу Ган. Сотрудничество в области борьбы с терроризмом между Китаем, Индией и Россией // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке. М.: ИДВ РАН, 2004. Т. 2. С. 156.

с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая была подписана в июне 2001 г. на саммите «пятерки» в Шанхае.

Создание ШОС в целом было позитивно оценено в государствах-членах. Согласно оценке директора Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко, создание «по инициативе КНР и РФ Шанхайской организации сотрудничества — ШОС — явилось значительным достижением российско-китайского сотрудничества в Азии». По его мнению, сотрудничество России с Китаем и другими государствами — членами и наблюдателями ШОС является особым, самоценным механизмом интеграции России в АТР¹²⁷. Сходные оценки характерны и для большинства китайских экспертов. Так, специалист по внешней политике России Цзян И считает: «Можно сказать, что создание под руководством Китая и России Шанхайской организации сотрудничества стало логичным продолжением двусторонних отношений и отвечает стратегическим интересам обеих стран»¹²⁸.

На Западе, особенно в Вашингтоне, по поводу ШОС первоначально высказывали два мнения — враждебное и скептически-безразличное. Одни утверждали, что в форме ШОС Китай и Россия пытаются реализовать свою мечту о противовесе американской внешней политике, формируя враждебный США союз. Другие считали, что ШОС безвредна, но в ней мало смысла, все это лишь пустые пропагандистские попытки Пекина и Москвы поднять свой международный авторитет, которые вряд ли смогут что-либо добавить к усилиям возглавляемой США антитеррористической коалиции.

**Михаил Леонтьевич ТИТАРЕНКО (р. 1934) —
ведущий российский китаевед,
директор Института Дальнего Востока РАН**

Родился 27 февраля 1934 г. в селе Лакомая Буда Брянской области. В 1957 г. окончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1957–1959 гг. проходил стажировку в Пекинском университете. Окончил спецфакультет китайского языка, затем обучался на философском факультете. В 1961 г. окончил философский факультет Фуданьского университета (Шанхай). В 1961–1962 гг. — на работе в Генеральном консульстве СССР в Шанхае, в 1963–1965 гг. — в Посольстве СССР в КНР (Пекин). В 1965–1985 гг. — в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. С 1985 г. — директор Института Дальнего Востока РАН. С 1997 г. — член-корреспондент, с 2003 г. — действительный член РАН. С 1998 г. — председатель Общества российско-китайской дружбы. Почетный профессор ряда зарубежных (в том числе китайских) университетов. Автор многочисленных работ по истории и философии Китая, международным отношениям в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, российской политике в Азии и российско-китайским отношениям.



¹²⁷ Титаренко М.Л. ШОС — проблемы и перспективы // Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 444.

¹²⁸ 姜毅 (Цзян И): «新世纪的中俄关系» (Китайско-российские отношения в новом веке), 北京, 世界知识出版社, 2007年, 第143页.

Оба эти взгляда на ШОС были мало обоснованы. С одной стороны, ШОС никогда не ставила задачи превратиться в антиамериканский альянс. Создание такого альянса противоречило бы всем официальным документам организации, но главное — интересам ее членов, каждый из которых крайне заинтересован в сотрудничестве с США и Западом в целом для осуществления задач собственного экономического развития. Это мнение является доминирующим и в России, и в Китае, и в государствах Центральной Азии, которые не хотели бы превратиться в разменную монету в спорах крупных держав.

С другой стороны, страны ШОС осознали опасность международного терроризма задолго до событий 11 сентября 2001 г. На сегодня основное направление деятельности ШОС — сотрудничество в области безопасности. Подход ШОС к проблемам международной безопасности, прежде всего к борьбе с терроризмом, гораздо шире, чем подход США и их союзников. Если в Вашингтоне на первое место ставят военные удары по международным террористическим центрам и наступление на государства, поддерживающие терроризм (на роль которых порой избираются любые неугодные Вашингтону режимы), то государства ШОС видят непосредственную связь международного терроризма с сепаратизмом и религиозным экстремизмом. Четкие определения всех трех понятий содержатся в подписанной в июне 2001 г. на саммите в Шанхае Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом, и это в то время, когда общепринятого международного определения терроризма все еще не существует.

Именно в связи с более широким пониманием ШОС борьбы с терроризмом государства-члены сформулировали свою позицию по вопросу пребывания воинских контингентов США и других государств так называемой «антитеррористической коалиции», размещенных в Центральной Азии. Военное присутствие иностранных войск в регионе члены ШОС склонны рассматривать прагматически. Выражая это мнение, заместитель министра иностранных дел России А.П. Лосюков в интервью газете «Время новостей» 24 июля 2003 г. говорил о борьбе с террористической угрозой в Центральной Азии: «Ни Китай, ни мы не испытываем радости от того, что в Центральной Азии появилось американское военное присутствие. Это новый и очень серьезный элемент в раскладе сил в регионе... С этой угрозой справиться ни в одиночку, ни с помощью Китая... мы не смогли. Афганистан грозил стать полностью талибским. И тогда бы нестабильность хлынула через границу... А американское присутствие возникло как результат борьбы с этой угрозой, в этом мы были заинтересованы. С помощью американского вмешательства эту угрозу удалось снять, хотя и не полностью, и это значительное достижение. Мы рассматриваем США не как противника, а как партнера в этой борьбе, с которым у нас во многом совпадают интересы. Китайцы это тоже понимают»¹²⁹.

В то же время в государствах ШОС существует и обеспокоенность тем, что США могут использовать свое военное присутствие в Центральной Азии не только для борьбы с международным терроризмом, но и в собственных эгоистических интересах в ущерб государствам региона. «Нет никаких гарантий, — отмечал директор казахстанского Центра внешней политики и анализа Б. Султанов, — что

¹²⁹ Интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации А.П. Лосюкова, опубликованное в газете «Время новостей» 24 июля 2003 г. под заголовком «Речь не о том, кого Россия предпочтет — Японию или Китай». (<http://www.ln.mid.ru/Bl.nsf/arh/A41EFAEC752D1A1043256D6D00363E51?OpenDocument>).

США под флагом искоренения международного терроризма не воспользуются сложившейся ситуацией для реализации собственных геополитических интересов в Центральной Азии:

- закрепление своего военного присутствия;
- взятие под контроль реальных и потенциальных маршрутов углеводородного сырья». Особенно опасается казахстанский исследователь проведения в жизнь США подобного осуществлявшемуся ранее в отношении СССР развернутого плана по дестабилизации КНР, которая, с его точки зрения, крайне не выгодна Казахстану¹³⁰.

Основываясь на подобных опасениях, уже в январе 2002 г. в совместном заявлении министры иностранных дел стран — членов ШОС отметили, что деятельность созданных решением СБ ООН Международных сил содействия безопасности в Афганистане (МССБ), в которых основную роль играют военные США, «должна осуществляться в соответствии с мандатом СБ ООН и при согласии законных властей Афганистана»¹³¹. В декларацию Совета глав государств ШОС, принятую на заседании в Астане в 2005 г., был включен призыв определиться с конечными сроками пребывания МССБ (командование которыми с 2003 г. осуществляется НАТО) в Афганистане.

После прихода к власти в Вашингтоне Б. Обамы тенденция к сотрудничеству ШОС с Западом по афганской проблеме усилилась. В то время как республиканское руководство Дж. Буша-младшего игнорировало любые советы извне и отказывалось от сотрудничества с ШОС, администрация Б. Обамы пришла к выводу, что ей крайне необходимо сотрудничество со всеми, кого только можно привлечь к решению афганской проблемы. И в ШОС, и в США существует понимание, что поражение Запада в Афганистане станет болезненным, возможно, непоправимым ударом по всей системе международных отношений. И страны ШОС, на которых непосредственно направлены террористическая и наркотическая угрозы, исходящие из Афганистана, крайне заинтересованы в стабилизации ситуации в этой стране. Активное подключение к решению афганской проблемы стало серьезнейшим успехом организации. Важным этапом как в развитии этой организации, так и в эволюции подхода международного сообщества к региональным проблемам стало проведение 27 марта 2009 г. в Москве под эгидой ШОС специальной конференции по Афганистану, в которой приняли участие Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, генеральный секретарь ОБСЕ М. Перрин де Бришамбо, заместитель генерального секретаря НАТО М. Говард, а также представители государств — наблюдателей ШОС, стран «Группы восьми» и таких международных организаций, как ОДКБ, ЕС, СНГ, ОИК, СВМДА. Участие НАТО, а также представителей США и их основных союзников — свидетельство изменившегося настроения, желания реально сотрудничать с ШОС и ее членами по Афганистану.

После проведения Московской конференции ШОС продолжает заниматься ситуацией вокруг Афганистана. Так, 25 января 2010 г. в Москве состоялись

¹³⁰ Султанов Б. Казахстан и Шанхайская организация сотрудничества в современных геополитических реалиях // Ситуация в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. Сборник материалов конференций. Шанхай, 2003. С. 292 и 297.

¹³¹ Совместное заявление министров иностранных дел государств — участников Шанхайской организации сотрудничества (Пекин, 7 января 2002 г.) (<http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985f43256b3b0032d9af?OpenDocument>).

региональные консультации по Афганистану под эгидой ШОС на уровне заместителей министров иностранных дел, в которых приняли участие представители Афганистана, Индии, Ирана, Казахстана, Киргизии, Китая, Пакистана, России, Таджикистана, Узбекистана и Секретариата ШОС.

Активно развивается военное сотрудничество государств-членов. К борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в рамках ШОС подключились оборонные ведомства государств-членов. В августе 2003 г. в сопредельных районах Казахстана и Китая были проведены антитеррористические учения «Взаимодействие-2003», в которых приняли участие свыше 1 тыс. военнослужащих Казахстана, Китая, Киргизии, России и Таджикистана; была задействована авиация, тяжелая техника и артиллерия. В августе 2005 г. на первых российско-китайских учениях «Мирная миссия-2005» в качестве наблюдателей присутствовали министры обороны государств-членов и представители стран-наблюдателей ШОС. А в августе 2007 г. в учениях «Мирная миссия-2007» участвовали уже контингенты всех государств-членов. Первый этап учений прошел 9 августа в столице Синьцзян-Уйгурского автономного района Урумчи. А 17 августа на полигоне 255 под Чебаркулем (Челябинская область) прошла их завершающая фаза. В сценарий учений вошли 46 эпизодов антитеррористических действий, в том числе отражение нападения банд террористов, освобождение заложников и другие. В них приняли участие 6 тыс. военнослужащих, причем самыми крупными контингентами были российский (около 2 тыс.) и китайский (1,7 тыс.). Всего из Китая в Чебаркуль прибыло шесть Ил-76, восемь штурмовиков, парашютно-десантная рота, входящая в состав ВВС, и 32 вертолета. На совещании глав военных ведомств государств-членов в апреле 2009 г. был утвержден План сотрудничества министерств обороны государств — членов ШОС на 2010–2011 гг., предусматривавший проведение целого ряда многосторонних и двусторонних учений, в основном антитеррористической направленности.

Большой шаг вперед в сотрудничестве в области безопасности был сделан в период председательства России в ШОС в 2008–2009 гг. За это время в РАТС были подготовлены, а на заседании СГГ в Екатеринбурге в июне 2009 г. приняты: Конвенция ШОС по борьбе с терроризмом, Программа сотрудничества государств — членов ШОС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2010–2012 гг., а также подписано Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств — членов ШОС. Все эти документы перевели планы сотрудничества по борьбе с террористической угрозой в практическую плоскость.

Другое направление, по которому у государств — членов ШОС имеется собственный подход, — борьба с производством и сбытом наркотиков. В этих государствах сложилось устойчивое мнение, что ситуация с производством наркотиков в Афганистане с приходом туда войск антитеррористической коалиции значительно ухудшилась. Новые власти Афганистана и поддерживающие их зарубежные воинские формирования не желают либо не способны исправить ситуацию. В то же время наплыв афганских наркотиков в соседние страны усилился и представляет серьезную угрозу их безопасности. Большое значение в этом плане приобретает подписанное главами государств-членов в июне 2004 г. в Ташкенте Соглашение между государствами — членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их

прекурсоров. В соответствии с этим документом спецслужбы государств ШОС обмениваются информацией и проводят совместные операции по ликвидации каналов наркотрафика.

Экономическое сотрудничество признается странами-членами одним из приоритетных направлений в деятельности ШОС. На первой встрече глав правительств государств — членов ШОС 14 сентября 2001 г. в Алма-Ате был подписан Меморандум между правительствами государств — членов ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. В сентябре 2003 г. на заседании Совета глав правительств в Пекине утверждена Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС, которая определяет основные ориентиры и этапы экономической интеграции в рамках ШОС на период до 2020 г. Конечной целью провозглашалось создание благоприятных условий для свободного движения товаров, капиталов, технологий и услуг на пространстве ШОС. В 2004 г. — в марте в Москве и в начале мая в Ташкенте — прошли встречи экспертов шести стран по подготовке плана мероприятий по реализации Программы. Были сформированы четыре совместные рабочие группы — по электронной торговле, по таможенному делу, по товарной инспекции и унификации стандартов, по содействию инвестициям.

В октябре 2002 г. в Пекине прошел Первый форум ШОС по инвестициям и развитию в области энергетики, в котором приняли участие представители государственных ведомств и коммерческих структур государств-членов, а также транснациональных корпораций. В дальнейшем подобные форумы проводились на регулярной основе. На заседании Совета глав правительств в Бишкеке в сентябре 2004 г. был утвержден План мероприятий по реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов. Однако, приняв ряд важных документов, в которых изложены планы развития многостороннего экономического сотрудничества и механизмы их реализации, государства — члены ШОС не пошли дальше. Через десять лет после создания организации фактически ни один проект многостороннего экономического сотрудничества так и не был запущен, за исключением строительства двух автодорог, которое началось еще до создания ШОС и было записано в планы организации задним числом. В основном все отчеты заинтересованных ведомств содержат данные о росте двустороннего сотрудничества. То же можно сказать и о кредитах, выдаваемых государствам ШОС в одностороннем порядке Китаем, не дождавшимся поддержки со стороны других членов. На конец первого десятилетия XXI в., по китайским данным, таких кредитов выдано уже на сумму около 2 млрд долл.

Из сложившейся ситуации делаются различные выводы. Согласно одной точке зрения, которая в большой степени разделяется российскими ведомствами, ответственными за экономическое сотрудничество, ШОС и не должна заниматься активной реализацией многосторонних проектов. Главной целью организации должны стать разработка правовой базы сотрудничества между отдельными государствами-членами, унификация таможенного, банковского и другого законодательства и принятие иных мер, способствующих общему росту экономической активности на пространстве ШОС. Что касается ранее принятых докумен-

тов о многочисленных объектах сотрудничества, то говорится, что при создании ШОС царил слишком оптимистическая атмосфера, не учитывались сложности реальной экономической ситуации в разных государствах-членах, различия в уровне их развития, и что сегодня надо выработать более прагматичную линию. Другая точка зрения, которой придерживаются в Китае, заключается в необходимости ускоренного развития многосторонних проектов, создания системы их финансирования, движения в сторону создания зоны свободной торговли.

Основная причина торможения экономического сотрудничества — отсутствие механизма финансирования многосторонних проектов. Бюджет аппарата ШОС (около 4 млн долл. США) слишком скромнен, да и не предназначен для этих целей. Давно выдвигаются предложения о создании Фонда или Банка развития ШОС, однако на конец первого десятилетия XXI в. он так и не был создан. Китай фактически настаивает на создании банка, в котором голоса распределялись бы в зависимости от размера взноса. В России опасаются, что взнос Китая будет наибольшим и Пекин будет контролировать банк и использовать его средства в своих интересах.

Россия предлагает специальный счет как механизм финансирования предпроектных работ, прежде всего в таких областях, как энергетика, транспорт, высокие технологии. При этом предполагается, что реализация самих проектов будет финансироваться Межбанковским объединением ШОС. Такой подход обусловлен позицией ряда российских министерств, полагающих, что в случае создания банка обладающий большими финансовыми возможностями Китай будет в нем доминировать, а российским интересам больше отвечает активное использование созданного в рамках ЕврАзЭС Евразийского банка развития, в котором российская доля значительно превышает доли других участников. Принятое в 2009 г. Китаем решение выделить 10 млрд долларов государствам ШОС «для преодоления последствий финансового кризиса», по сути, означает, что в Пекине устали ждать российского финансового участия в Фонде развития ШОС и решили действовать в одиночку.

В отличие от ситуации с экономикой, перспективы сотрудничества государств ШОС в области образования, науки и здравоохранения можно охарактеризовать как хорошие. То же касается и культуры. Государства Центральной Азии, Китай и Россия — страны древних и уникальных цивилизаций. Становясь все более открытыми и превращая лучшие достижения мировой культуры в неотъемлемую часть своей собственной, все эти страны стоят перед проблемой сохранения национальных традиций в связи с наплывом низкопробной массовой культуры извне.

Не секрет, что советская система образования когда-то послужила основой для образовательных систем всех стран — членов ШОС, в связи с чем в них до сих пор сохраняется много общего. Сегодня Россия подключилась к так называемому «болонскому процессу» и активно стремится унифицировать свои образовательные стандарты с европейскими. Согласовать образование с международными стандартами, не растеряв преимуществ старой системы, — задача всех государств — членов ШОС.

Основным проектом ШОС в области образования, к тому же перешедшим в практическую плоскость, является создание Университета ШОС. Предполагается, что этот университет будет иметь форму сетевого, то есть состоять из совокупности отдельных специальных программ разного уровня (бакалаврских,

магистерских и аспирантских), расположенных в одном или нескольких специально отобранных вузах каждой из стран. Первоначально обучение будет проводиться по пяти направлениям — регионоведение, информационные технологии, экология, нанотехнологии и энергетика. Способ отбора каждая страна определяет сама. В России в 2009 г. Министерство образования и науки провело открытый конкурс, победителем которого оказались 16 известных вузов страны. На первом этапе под руководством образовательных ведомств государств-членов вузы — участники Университета согласовали программы обучения и другие технические детали. Обучение будет вестись по программам ШОС, направленным на подготовку специалистов как для структур самой организации, так и для ведомств и компаний, заинтересованных в сотрудничестве на пространстве ШОС. Обязательным условием обучения будет изучение обоих официальных языков организации — русского и китайского, причем студент сможет часть программы проходить в вузе, например, собственной страны, а часть — в другой стране — участнице проекта. В 2010 г. в ряде вузов в пилотном режиме началось обучение первых студентов-магистрантов.

Четкая позиция ШОС, выступающей за многополярный мир, за сохранение решающей роли в международных делах ООН и ее Совета Безопасности, вызывает интерес и уважение во многих частях света. Международные контакты ШОС осуществляются на основе «Временной схемы взаимоотношений Шанхайской организации сотрудничества с другими международными организациями и государствами», принятой министрами иностранных дел государств-членов в ноябре 2002 года.

В целом, несмотря на проблемы роста, ШОС медленно, но верно превращается в реально действующую авторитетную международную организацию, с существованием которой, нравится это кому-то или не нравится, многим приходится считаться. Основа для ее существования проста. Все страны-члены дорожат сотрудничеством с Западом и понимают, что задачи экономического развития без такого сотрудничества не решить. Но всем им комфортнее в мире, где существуют альтернативные центры силы и действуют организации, в которых их коренные проблемы понимаются лучше, более глубоко, чем на Западе. Те же соображения и даже само существование серьезной международной организации, среди рабочих языков которой есть русский и китайский, но нет английского, притягивают к ШОС все больше и больше новых заинтересованных партнеров из других регионов мира. В сегодняшнем мире, где сильно стремление к единообразию во всем, в том числе и в политике, голос стран, выступающих за многополярный мир, плюрализм и толерантность во внешней политике, не может не быть услышан. В послании Чжан Дэгуану президент В.В. Путин отметил: «Убежден, что ШОС исторически призвана стать своего рода трансконтинентальным мостом, органически связующим европейский и азиатский континенты. Такое предназначение обусловлено уникальным геополитическим положением государств — членов Организации, исповедуемой ШОС философией уважения многообразия культур, верований и традиций, открытостью и нацеленностью на широкое международное сотрудничество»¹³².

¹³² О послании Президента России В.В. Путина Исполнительному секретарю ШОС Чжан Дэгуану. 15.01.2004 (<http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc3256e1d00261f68?OpenDocument>).

**ЧЖАН Дэгуан 张德广 (р. 1941) —
китайский дипломат и общественный деятель.**

Родился в феврале 1941 г. в городе Цзинин провинции Шаньдун. В 1965 г. окончил факультет русского языка и литературы Пекинского института иностранных языков. В 1965—1973 гг. работал в бюро переводов МИД КНР. В 1973—1977 гг. — атташе



Посольства КНР в СССР. В 1977—1987 гг. работал в Отделе СССР и стран Восточной Европы МИД КНР. Был вторым, первым секретарем, заместителем директора канцелярии китайской делегации по вопросам переговоров с СССР при Отделе СССР и стран Восточной Европы МИД КНР. В 1987—1992 гг. — советник Посольства КНР в США. В 1992—1993 гг. — Посол КНР в Казахстане. В 1993—1995 гг. возглавлял Отдел Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР. В 1995—2001 гг. — заместитель министра иностранных дел КНР. В 2001—2003 гг. — Посол КНР в России. В 2004—2006 гг. — Исполнительный секретарь Шанхайской организации сотрудничества. С 2006 г. — председатель правления Китайского фонда международных исследований, исполнительный секретарь Евразийского экономического форума (г. Сиань), председатель Общества

дружбы Китая со странами Центральной Азии. Награжден российским орденом Дружбы (1999), казахстанским орденом Дружбы (Достык) первой степени (2001), орденом Дружбы Республики Узбекистан (2011), медалью первой степени Общества российско-китайской дружбы, памятной медалью по случаю 300-летия Санкт-Петербурга, памятным дипломом за особый вклад в укрепление российско-китайской дружбы. Почетный доктор Института Дальнего Востока РАН (2003).

В первые годы существования организации все государства ШОС и большинство экспертов придерживались мнения, что увеличивать количество членов организации до поры до времени не стоит, так как первоначально необходимо укрепить ее в существующем составе, наладить механизмы работы, набраться опыта. Именно поэтому в мае 2006 г. на заседании Совета министров иностранных дел ШОС (СМИД) была достигнута негласная договоренность о моратории на прием новых членов. Негласной она была потому, что, по сути, противоречила Хартии ШОС, провозглашавшей организацию открытой. Этот мораторий подтверждался на заседаниях Совета глав государств ШОС (СГГ) в июне 2006 г. в Шанхае, в августе 2007 г. в Бишкеке и в июне 2010 г. в Ташкенте.

Между тем, интерес к ШОС в мире рос. Еще в 2006 г. с просьбой о предоставлении статуса полноправного члена обратился Пакистан, имевший статус наблюдателя, а в 2007 и 2008 гг. — другой наблюдатель — Иран. В 2010 г. о своем желании стать полноправным членом заявил еще один наблюдатель — Индия. Правда, вероятно, опасаясь отказа, что было бы для такой крупной страны сильнейшим ударом по самолюбию, сделала она это не в форме, зафиксированной в документах организации, а направив официальные письма министрам иностранных дел

государств-членов. В 2009 г. на встрече в Екатеринбурге главы государств — членов ШОС ввели новый статус — «партнера по диалогу», — который был предоставлен Шри-Ланке и Белоруссии. Интерес к установлению контактов с ШОС проявляют Египет, Непал, Сербия, Катар, Азербайджан, Турция и другие страны. Уже в 2011 г. Турция обратилась к Генеральному секретарю ШОС с просьбой предоставить ей статус партнера по диалогу, официальный интерес к этому статусу проявили и США. Оба эти государства — члены НАТО, что свидетельствует: теперь и в этом альянсе к ШОС относятся крайне серьезно. На саммите в Астане в июне 2012 г. Турция получила статус партнера по диалогу, а Афганистан стал пятым наблюдателем.

Нежелание принимать новых членов в ШОС официально объясняли техническими причинами — отсутствием механизмов присоединения к организации. Однако к концу первого десятилетия существования организации такой механизм был создан, приняты соответствующие документы, разработана четкая процедура. На заседании СГГ в Ташкенте в июне 2010 г. было одобрено Положение о порядке приема новых членов. В этом документе были четко сформулированы критерии, которым новый член должен соответствовать. Согласно Положению, государство, желающее стать полным членом ШОС, должно принадлежать к евроазиатскому региону, иметь дипломатические отношения со всеми государствами-членами, обладать статусом наблюдателя или партнера по диалогу, поддерживать активные (субстантивные) торгово-экономические связи с государствами-членами, не находиться под санкциями СБ ООН. Последний критерий отсекает на неопределенное время возможность членства одного из активных заявителей — Ирана. В сфере безопасности международные обязательства государства, претендующего на полное членство, не должны противоречить международным договорам и иным документам, принятым ШОС. Кроме того, оно не должно находиться в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами. На саммите ШОС в Астане в июне 2011 г. был принят типовой «Меморандум об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса государства — члена ШОС», что стало последним шагом в создании формальной базы для приема новых членов. После этого не осталось никаких формальных оснований отказывать в приеме желающим, ссылаясь на отсутствие соответствующих процедурных документов.

После отсека Ирана основным сторонником расширения стала выступать Россия. На саммите в Душанбе в 2008 г. она инициировала создание специальной группы экспертов ШОС по вопросам расширения организации, которая и подготовила проекты документов о вступлении. Российская позиция связана с ее активной поддержкой кандидатуры Индии. Поддержка Москвой стремления Индии стать полноправным членом ШОС зафиксирована в тексте совместной российско-индийской декларации об углублении стратегического партнерства, подписанной главами двух государств во время официального визита в Россию премьер-министра Республики Индии М. Сингха по приглашению президента Д.А. Медведева в декабре 2009 года¹³³.

КНР пока выступает главным оппонентом идеи приема Индии в ШОС, и здесь подходы Пекина и Москвы расходятся. Официально Пекин не возражает

¹³³ Совместная декларация между Российской Федерацией и Республикой Индией об углублении стратегического партнерства с целью противодействия глобальным вызовам 7 декабря 2009 г. (http://www.rusembassy.in/index.php?option=com_content&view=article&id=1761:-----7--2009-&catid=6:2010-01-21-11-02-17&directory=1&lang=ru).

в принципе, но говорит о том, что для расширения организации еще «не созрели условия». При этом выдвигается ряд аргументов. Первый из них сводится к тому, что в сравнительно молодой ШОС в результате приема такой крупной страны возникнет много организационных проблем, которые трудно будет решать, полностью изменится ее лицо и будет еще более затруднен и так непростой процесс принятия решений. С этим аргументом, между прочим, ранее соглашалась и Россия, впоследствии изменившая свою позицию. Реальная причина сомнений Китая — сложные двусторонние отношения с Дели, нежелание терять часть влияния, к чему неизбежно приведет участие в ШОС такой крупной державы, как Индия.

Россия и Китай в РИК и БРИКС

Идея трехстороннего взаимодействия в формате России, Индии и Китая (РИК) была впервые высказана в декабре 1998 г. Председателем Правительства РФ Е.М. Примаковым в ходе официального визита в Индию. Тогда он заявил о желательности формирования «стратегического треугольника Москва—Дели—Пекин». Поначалу эта инициатива была довольно сдержанно воспринята в Пекине и Нью-Дели. Тем не менее, по мере нормализации отношений Китая с Индией, углубления российско-китайского и российско-индийского сотрудничества, а также ввиду геополитических изменений в мире Индия и Китай постепенно начали проявлять интерес к трехсторонним контактам с Россией по широкому кругу политических и экономических вопросов.

Первые встречи министров иностранных дел в трехстороннем формате прошли «на полях» сессий Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в 2003—2005 гг., а также в Алма-Ате в рамках министерского Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в октябре 2004 г. Первая же самостоятельная встреча руководителей МИДов РИК, собравшихся без участия в каком-либо другом мероприятии, состоялась в июне 2005 г. во Владивостоке. С тех пор такие встречи проводились регулярно.

17 июля 2006 г. «на полях» саммита «Группы восьми» в Санкт-Петербурге прошла первая встреча в формате РИК на высшем уровне. В ней участвовали Президент России В.В. Путин, Премьер-министр Индии М. Сингх и Председатель КНР Ху Цзиньтао. На встрече в Харбине в октябре 2007 г. министры иностранных дел трех стран решили оформить взаимодействие по ряду направлений и назначить их кураторов. В качестве наиболее перспективных областей они выделили сельское хозяйство (курирует КНР), предупреждение стихийных бедствий и ликвидация их последствий (Россия), здравоохранение (Индия). По этим трем направлениям проводятся различные мероприятия: контакты между соответствующими ведомствами, трехсторонние встречи экспертов. Начал функционировать механизм консультаций руководителей территориальных департаментов МИД, первая встреча в его рамках проведена в Москве 29 февраля 2008 г. Кроме официальной части, развиваются контакты и на неправительственном уровне. Проводятся деловые форумы трех стран, встречи ученых и экспертов. В целом можно сказать, что сотрудничество в рамках РИК для России и Китая является полезным, но ведется оно в ограниченном количестве областей, которое, вероятно, не будет расширяться во избежание дублирования мероприятий БРИКС.

**Евгений Максимович ПРИМАКОВ (род. 1929) —
советский и российский ученый и политический деятель**

Родился 29 октября 1929 г. в Киеве. Окончил мужскую среднюю школу в Тбилиси (1948), арабское отделение Московского института востоковедения (1953) и аспирантуру экономического факультета МГУ (1956). В 1956 г. — старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО). В 1956—1962 гг. работал в Гостелерадио СССР корреспондентом, ответственным редактором, заместителем главного редактора, главным редактором вещания на арабские страны. В 1959 г. вступил в КПСС и защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экспорт капитала в некоторые арабские страны — средство обеспечения монопольно высоких прибылей». С 1962 г. работал в газете «Правда» литературным сотрудником, обозревателем отдела стран Азии и Африки, с 1965 г. — собственный корреспондент «Правды» на Ближнем Востоке с пребыванием в Каире, заместитель редактора отдела стран Азии и Африки. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Социальное и экономическое развитие Египта». В 1970—1977 гг. — заместитель директора ИМЭМО, в 1977—1985 гг. — директор Института Востоковедения АН СССР. В 1985—1989 гг. — директор ИМЭМО АН СССР. Член-корреспондент АН СССР (1974), академик АН СССР (1979). С 1988 г. — член Верховного Совета СССР, академик — секретарь отделения проблем мировой экономики и международных отношений, член Президиума АН СССР. В 1989 г. избран народным депутатом СССР, в 1989—1990 гг. — Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, в 1991 г. — руководитель Центральной службы разведки СССР, в 1991—1996 гг. — директор Службы внешней разведки, в 1996—1998 гг. — министр иностранных дел, в 1998—1999 гг. — Председатель Правительства Российской Федерации. В 2001—2011 гг. — президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. На посту министра иностранных дел и председателя правительства уделял особое внимание развитию отношений с государствами Азии, прежде всего — с Китаем и Индией.



Группа БРИКС — пример идеи, ставшей реальностью. Термин «БРИК» был предложен экономистом «Голдман Сакс» Дж. О'Нилом для обозначения четырех основных быстрорастущих экономик — Бразилии, России, Индии и Китая, — совокупная экономическая мощь которых в скором времени может превзойти западную. По данным МВФ, совокупная доля стран БРИК в мировом ВВП быстро растет: если в 2000 г. она составляла 8%, то в 2007 г. — уже 12%. Согласно докладу «Мечтая вместе с БРИК: путь до 2050 г.», подготовленному «Голдман Сакс», в экономическом плане четыре страны очень хорошо дополняют друг друга: Китай и Индия сильны в легкой промышленности, а Россия и Бразилия могут стать главными поставщиками сырья для них. Однако все эти рассуждения поначалу имели чисто теоретический характер.

Неожиданно для многих четыре страны приняли аббревиатуру Дж. О'Нила и решили, что у них действительно есть общие интересы и причины для координации усилий. В мае 2008 г. в Екатеринбурге состоялась первая встреча министров иностранных дел государств БРИК, а в ноябре того же в Сан-Паулу — министров финансов. На встречах обсуждался ряд международных вопросов, в том числе совместные усилия в борьбе с мировым финансовым кризисом. В июле 2008 г. состоялась первая встреча лидеров четверки «на полях» встречи «Группы восьми» в Тояко (Япония). А уже в конце ноября 2008 г. российский президент Д.А. Медведев, находясь в Рио-де-Жанейро, впервые заявил о намерении руководителей стран БРИК провести отдельный саммит в России. Он прошел в июле 2009 г. в Екатеринбурге на следующий день после ежегодного заседания СГГ ШОС. В декабре 2010 г. к группе присоединилась Южная Африка и группа БРИК превратилась в БРИКС. Первый саммит БРИКС в новом составе прошел 14 апреля 2011 г. в китайском городе Санья (провинция Хайнань).

БРИКС — не союз и даже не организация. У группы нет ни постоянно действующих органов, ни аппарата чиновников, ни учредительных документов. Так как консолидация БРИК совпала по времени с мировым финансовым кризисом и усилением роли «Группы 20», группа БРИК стала позиционировать себя как центр выработки решений для «двадцатки», которые были бы альтернативными по отношению к тому, что предлагает для «двадцатки» «Группа восьми» (G-8). В рамках созданной для решения проблем мировой экономики «двадцатки» до этого активно действовала лишь одна группа государств — G-8, отражавшая интересы развитых стран. Естественно, все прочие государства, имевшие порой другие взгляды, были заинтересованы в центре выработки предложений, которые бы отражали и их интересы. Именно таким центром и пытается стать сегодня БРИКС.

После распада СССР в мире наступил период одностороннего доминирования США. Это вызвало недовольство во многих столицах крупных государств различных континентов, которые имели некоторые интересы, отличные от Запада, но не обладали достаточными ресурсами, чтобы отстоять их в одиночку. В мире заговорили о многополярности, однако один из полюсов оставался наиболее мощным. Естественно, более слабые полюса начали искать возможность координации усилий.

Все это, однако, не означает, что БРИКС пытается занять место СССР. Мир изменился, и интересы государств БРИКС и тех, кого они представляют, не противоположны западным. В стремительно глобализирующемся мире все взаимосвязано: чье-либо развитие невозможно без сотрудничества с другими, прежде всего, наиболее передовыми экономиками. Все государства БРИКС тесно сотрудничают с Западом. Но по ряду общемировых, глобальных проблем интересы государств БРИКС и Запада различаются. Именно по этому довольно ограниченному кругу проблем они и координируют свои усилия.

Это, прежде всего, проблемы, связанные с мировой финансово-экономической системой — развитие мировых рынков, посткризисное регулирование, реформа мировой банковской и валютной систем и институтов (здесь координация между государствами БРИК уже принесла свои плоды). Но не только они. Государства БРИКС начинают координировать позиции и по другим глобальным вопросам: изменению климата, проблемам безопасности и борьбы с терроризмом, борьбе с наркотрафиком, «горячим точкам». БРИКС постепенно

выходит за рамки экономики и становится центром выработки предложений по целому спектру острых проблем современности, отражающих интересы западного мира.

И в этом смысле участия в БРИКС России и Китая, интересы которых здесь близки или совпадают. Есть у России и Китая и специфика: как постоянные члены СБ ООН они осторожно относятся к попыткам других членов группы использовать БРИКС как средство реформы СБ и мост для вступления в него. Москва и Пекин считают, что группа БРИКС должна заниматься другими вопросами, а вопрос реформы СБ — обсуждаться в рамках соответствующих процедур в самой ООН.

Есть в российском и китайском подходе к БРИКС и некоторые различия. Китай стремится направить деятельность группы в основном в экономическое русло. Так, оценивая итоги саммита в Санья, помощник министра иностранных дел КНР У Хайлун выстроил его достижения в следующей последовательности: 1) консенсус по развитию международной обстановки, разработка совместных целей по реальной демократизации международных отношений, усилению управления глобальной экономикой, признанию возросшей роли стран с нарождающимися рынками и развивающихся государств в международных делах; 2) укрепление диалога, координации и сотрудничества стран БРИКС по важным вопросам в международной экономической и финансовой сфере; 3) углубление и расширение практического сотрудничества между странами БРИКС в различных областях¹³⁴. Таким образом, расширение взаимодействия государств БРИКС на международной арене Китай видит прежде всего в большей координации действий в развитии мировой экономики и расширении экономического сотрудничества между государствами-членами.

Россия, придавая большое значение взаимодействию в области реформирования системы мировой экономики, не возражает против расширения повестки дня с целью обсуждения широкого спектра глобальных проблем, в том числе и вопросов безопасности. Не случайно, говоря о перспективах БРИКС в апреле 2011 г., С.В. Лавров, наряду с необходимостью дальнейшего продвижения взаимодействия в сфере международных экономических отношений, экономического и научно-технического сотрудничества, выделил взаимодействие стран в международно-политической сфере, которому посвятил подробный комментарий. По мнению российского министра, это взаимодействие «уже становится все более важным фактором укрепления всеобщей безопасности. Участники объединения исходят из принципиального подхода о том, что международное сообщество должно опираться на политические и дипломатические, а не на военно-силовые методы решения конфликтов. Мы убеждены в необходимости укрепления тенденции к формированию полицентричного, более справедливого и демократического мироустройства, опирающегося на методы сетевой дипломатии». «Считаем, — отметил российский министр, — что следует подумать о развитии внешних связей БРИКС с ведущими развивающимися странами (Индонезией, Египтом, Мексикой и т.д.) и международными организациями, такими как ООН, ШОС, АСЕАН, ЕвразЭС. Было бы полезно, например, приглашать на отдельные

¹³⁴ Помощник главы МИД КНР У Хайлун провел пресс-конференцию по итогам Третьей встречи руководителей стран БРИКС. 14.04.2011 г. (<http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/zgxw/t816592.htm>).

встречи экспертов и отраслевых министров государств БРИКС представителей третьих стран в качестве наблюдателей»¹³⁵.

Отношения в экономической области

Стабильные межгосударственные отношения всегда основаны на реальном взаимном интересе. Такой интерес и в России, и в Китае существует не только в политической, но и в экономической области. Экономическое сотрудничество занимает важное место в российско-китайских отношениях. Обе стороны понимают, что оно способно стать важным стимулом российского экономического роста, в том числе и развития Дальневосточного региона, а также китайских приграничных провинций. И в Москве, и в Пекине отдают себе отчет в том, что именно экономическое сотрудничество должно стать предметом главного внимания, так как без опоры на реальные общие интересы в этой сфере «стратегическое взаимодействие» может оказаться недолговечным. Однако экономика в двусторонних отношениях пока несколько отстает от политики.

В 90-е годы XX в. развитию экономических связей мешали общее бедственное состояние российского хозяйства и неразбериха в стране. С начала XXI в. ситуация начала несколько исправляться, и в экономической области двусторонних отношений наблюдались стабилизация и тенденция к росту. Это, однако, не означает, что проблем нет вовсе. Прежде всего, масштабы экономического сотрудничества не соответствовали возможностям двух соседних великих держав, которые разделяет одна из самых протяженных в мире сухопутных границ. Хотя при Б.Н. Ельцине была поставлена задача довести объем двусторонней торговли к 2000 г. до 20 млрд долл. США, в реальности на протяжении 1990-х годов этот показатель ни разу не достигал 8 млрд, причем в конце десятилетия, из-за кризиса 1998 г., еще и снижался. Это на порядок меньше объемов торговли Китая с США, да и среди российских торговых партнеров Китай был в то время отнюдь не на первых местах.

Во многом здесь была повинна российская сторона: в условиях царившей в России неразберихи с законами, коррупции, да и общего кризисного состояния экономики трудно было рассчитывать на серьезное сотрудничество с зарубежными партнерами. Китайские представители критиковали необязательность российских поставщиков, которые часто не соблюдают положенные сроки, сетовали на трудности работы в России, где китайские бизнесмены страдали от произвола мафии и правоохранительных органов. Но и российская сторона часто выражала недовольство китайскими партнерами. Крупные российские компании жаловались, что тендеры в Китае проводились формально и к российским фирмам относились с пренебрежением, фактически не допуская их до многих контрактов, даже несмотря на более выгодные предложения по сравнению с западными конкурентами. Наиболее наглядный пример — проведенный в 1997 г. тендер на поставки генераторов и турбин для гидроузла «Санься», оцениваемый в сумму от 3 до 5 млрд долл., который Россия проиграла консорциуму западноевропейских компаний. Кроме того, в России существовало беспокойство относительно

¹³⁵ Интервью министра иностранных дел России С.В.Лаврова китайскому информационному агентству «Синьхуа», 13-04-2011 (<http://www.mid.ru/bdcomp/nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32578710034f1c0!OpenDocument>).

Таблица 4.1

Товарооборот России с КНР в 1992–2001 гг.*
(сумма — в млн долл., темп прироста — в%)

Годы	Оборот		Экспорт		Импорт		Сальдо
	Сумма	Прирост	Сумма	Прирост	Сумма	Прирост	Сумма
1992**	5 862	+50,2	3 526	+69,4	2 336	+28,1	+1 190
1993	7 679	+30,9	4 987	+41,4	2 692	+15,2	+2 295
1994	5 077	-33,9	3 496	-29,9	1 581	-41,3	+1 915
1995	5 463	+7,6	3 799	+8,7	1 664	+5,2	+2 135
1996	6 845	+25,3	5 153	+35,6	1 692	+1,7	+3 461
1997	6 118	-10,6	4 086	-20,6	2 032	+20,0	+2 054
1998	5 481	-10,5	3 641	-10,9	1 840	-9,7	+1 801
1999	5 720	+4,3	4 223	+15,9	1 497	-18,7	+2 726
2000	8 003	+39,9	5 770	+36,6	2 233	+49,1	+3 537
2001	10 670	+33,3	7 959	+37,9	2 711	+21,4	+5 248
Всего за 1992–2001 гг.	66 918		46 640		20 278		+26 362

Источник: Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество (справочная информация). <http://mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256c28002de6a7!OpenDocument>

Примечания:

* По данным китайской таможенной статистики.

** Прирост за 1992 г. подсчитан путем сопоставления с показателями торговли за 1991 г. между бывшим СССР и КНР.

склонности некоторых работающих на российском рынке китайских компаний и отдельных бизнесменов к незаконной деятельности, уходу от налогов и т.п., а также по поводу слишком суровых правил для российских инвесторов в Китае.

В то же время российским компаниям удалось закрепиться на китайском рынке ядерной энергетики. На рубеже 1997–1998 гг. был подписан генеральный контракт о российско-китайском сотрудничестве в сооружении Лянюньганской АЭС в провинции Цзянсу. Стоимость первоначального проекта составила 3 млрд долл. США.

В 2000 г. товарооборот России и Китая достиг цифры 8 млрд долл., что было почти на 40% больше по сравнению с 1999 г. Развивались и торговля технологиями, предоставление трудовых услуг и подрядное строительство, взаимное инвестирование (хотя здесь масштабы еще крайне малы). На конец 2000 г. в России работало 400 предприятий с китайским капиталом, объем контрактных инвестиций сторон превысил 250 млн долл. Эти предприятия действовали в основном в таких сферах, как микроэлектроника, связь, сельское хозяйство, глубокая переработка леса, общественное питание, сборка бытовых электроприборов, торговля. Однако крупных предприятий с китайским капиталом было немного. Наиболее успешно в России действовали такие китайские кампании, как

Таблица 4.2

**Удельный вес основных товарных групп
в экспорте России в КНР (в %)**

	1993 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Экспорт — всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Машины и оборудование	35,2	8,3	25,3	14,9	4,5	28,7
Черные металлы	41,4	20,7	16,4	18,5	15,3	15,1
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	4,2	10,4	3,2	7,8	13,5	10,2
Химические товары	3,2	7,7	6,7	10,0	11,2	8,9
Удобрения	7,6	23,5	17,5	15,2	9,1	7,4
Древесина, изделия из нее	0,9	2,3	3,7	6,7	6,8	7,5
Рыба, моллюски, ракообразные	1,5	3,9	7,6	6,1	6,0	6,1
Цветные металлы	2,8	6,5	7,2	10,3	16,0	5,5
Бумажная масса, целлюлоза	0,2	1,8	2,8	5,0	6,1	4,4
Прочие товары	3,0	14,9	9,6	5,5	11,5	6,3

Источник: Российско-китайские торгово-экономические отношения (справочная информация). <http://mid.ru/BDOMP/bl-raz.nsf/7b27b40957ce8e5743256a2c00350999/769ae909c81233f243256c7d006971df!OpenDocument>

«Хуавэй Текнолоджиз» (базируется в специальной экономической зоне Шэньчжэнь), и корпорация «Чуньлань», производящие телекоммуникационное оборудование и бытовую технику. Тем не менее были здесь и явные неудачи. Например, китайская государственная компания, которой было поручено развитие сети универмагов в Москве, из-за неумелого управления и незнания российских условий понесла большие убытки. Проект создания китайского бизнес-центра в российской столице застопорился на долгие годы и на 2010 г. так и не был реализован. В Китае в 2000 г. насчитывалось 1160 предприятий с российским участием, причем несмотря на их большое число, объем инвестиций составлял всего 230 млн долл. США, которые были сосредоточены в атомной энергетике, сборке и ремонте автомобилей и сельхозмашин, химической промышленности и строительстве. Выросла и приграничная торговля, в 2000 г. составившая 3,14 млрд долл. США, что на 65% больше уровня предыдущего года.

В первое десятилетие XXI в. ситуация в области торгово-экономического сотрудничества оставалась неоднозначной. На рубеже веков в объемах двусторонней торговли произошел перелом. Объемы товарооборота стали резко расти. Но этот рост сопровождался столь же резким падением доли машин и оборудования и вообще продукции с высокой добавленной стоимостью в российском экспорте, а также снижением относительной доли российского экспорта по отношению к импорту. Таким образом, если в 90-е годы торговля была мала, но достаточно сбалансирована, причем в российском экспорте значительную

долю занимали промышленные товары, то в первую декаду XXI в. произошла их замена на энергоресурсы. Хотя российский экспорт в Китай был по инерции еще более диверсифицированным, по сравнению с экспортом, например, в страны Европы, что было связано с его исторически сложившейся структурой, диверсификация неуклонно снижалась и происходило замещение машин и оборудования товарами низкой степени обработки¹³⁶.

Причины этих тенденций заключались в следующем. Стабилизация политической и экономической ситуации в России в период президентства В.В. Путина способствовала росту объемов торговли России с большинством государств мира. Однако упор на развитие энергетических отраслей за счет всех прочих приводил к тому, что России просто стало нечего продавать Китаю, кроме нефти и других полезных ископаемых. Между тем, в Китае постепенно освоили выпуск большинства обычных видов машин и оборудования, которые российские производители традиционно предлагали для экспорта, причем китайские аналоги часто были дешевле и стали более конкурентоспособными сначала на китайском рынке, а затем и на рынках третьих стран, включая российский. Кроме того, усилилась конкуренция со стороны компаний США, Японии, государств ЕС, Республики Корея и других стран, которые, кроме предоставления более выгодных финансовых условий (господдержка, льготные кредиты, рассрочка платежей и т.д.), активно участвовали в создании в Китае совместных предприятий.

Все это поставило перед российскими экспортерами машинотехнической продукции задачу перехода к современным, гибким формам работы, активизации маркетинговых исследований, более активному участию в тендерах, рекламной деятельности, осуществлению послепродажного сервиса. Большинство из них с ее решением не справлялось.

Китай часто умело использовал различные ограничительные меры по защите собственного рынка, такие как введение пошлин и проведение антидемпинговых расследований. Так, в сентябре 2000 г. Пекином были введены антидемпинговые пошлины на российскую электротехническую сталь. В декабре 2001 г. китайская сторона начала антидемпинговое расследование в отношении поставок из России эпсилон-капролактама, в марте 2002 г. — холоднокатаного стального проката, бутадиен-стирольного каучука и поливинилхлорида. В мае 2002 г. Пекин начал расследование по определению возможности применения защитных мер в отношении импорта металлопродукции. На время проведения расследования (180 дней) были объявлены временные защитные меры в форме тарифного квотирования по девяти видам металлопродукции. В октябре 2002 г. была введена дополнительная пошлина в размере от 7 до 26%.

Китайская сторона периодически выражала недовольство конфискациями товаров мелких и средних китайских предпринимателей, которые ввозились в Россию контрабандным путем и реализовывались на рынках. Так, в начале февраля 2004 г. сотрудники Следственного комитета МВД РФ по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений конфисковали и вывезли с московского рынка «Эмерал» большое количество товаров, принадлежащих китайским бизнесменам, причинив им серьезный экономический ущерб. 17 февраля представитель

¹³⁶ Новиков А.В. Состояние и перспективы развития российско-китайской торговли и инвестиций в 2006–2010 годы // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 51–52.

МИД КНР Чжан Циюэ на пресс-конференции сообщила, что после инцидента «посольство КНР в РФ и Консульский отдел МИД КНР по различным каналам многократно вели переговоры с российской стороной, выдвигая требование к России: исходя из общей обстановки китайско-российских дружественных отношений отказаться от крайних мер, немедленно вернуть конфискованные товары и обеспечить эффективную защиту справедливых прав и интересов проживающих в России китайских граждан»¹³⁷. По сути, Пекин, ссылаясь на дружественный характер российско-китайских отношений, потребовал закрыть глаза на незаконную деятельность китайских торговцев, которые не могли предъявить таможенных деклараций и других необходимых документов.

Сходная ситуация, но еще в большем масштабе, возникла летом 2009 г. в связи с решением московских властей закрыть рынок «Черкизовский». По некоторым оценкам, при его закрытии понесли убытки от 70 до 100 тысяч работавших там китайских граждан (многие из которых находились в России незаконно) и было конфисковано значительное количество контрабандного товара на сумму в несколько миллиардов долларов США. В Китае действия российской стороны вызвали бурную реакцию. В газетах начали писать об огромных убытках китайских торговцев и о том, что они стали заложниками борьбы между российскими ведомствами, причем контрабандный характер товаров обычно обходился стороной. В России, наоборот, сообщали о многочисленных нелегальных мигрантах из КНР и «серых схемах» таможенного декларирования. В конце июля правительство КНР отправило в Москву делегацию во главе с заместителем министра коммерции Гао Хучэном, в состав которой вошли представители Главного таможенного управления и МИД КНР, а также внешнеэкономических органов провинций Хэйлунцзян, Чжэцзян, Фуцзянь и Хэбэй, откуда происходило большинство пострадавших торговцев. В работе делегации участвовала президент Ассоциации китайских предпринимателей в России Цай Гуйжу. В результате встреч с заместителем министра иностранных дел А.Н. Бородавкиным, заместителем министра экономического развития А.А. Слепневым, заместителем Директора ФМС России Ю.Н. Буяком, а также бесед в Следственном комитете, ФТС и префектуре Восточного округа Москвы острота ситуации была снята. Китайской стороне было разъяснено: Черкизовский рынок был закрыт потому, что на нем «были выявлены многочисленные факты торговли товарами, в том числе китайского происхождения, ввезенными в Россию по так называемым “серым схемам”». В то же время, в связи «с имеющейся в Китае озабоченностью относительно защиты законных прав и интересов китайских бизнесменов, работавших на Черкизовском рынке, китайская делегация была подробно информирована о мероприятиях в отношении этого рынка и о ходе их реализации». С российской стороны было подчеркнуто, что «в случае обращений китайских бизнесменов по поводу нарушения их законных прав и интересов каждое такое обращение будет надлежащим образом рассмотрено и по нему будут приняты меры в соответствии с российским законодательством». Стороны согласились, что «события вокруг Черкизовского рынка не должны оказать негативное влияние на развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем». Была выражена «готовность совместными усилиями преодолевать возникшее под влиянием

¹³⁷ Китай надеется, что МВД России вернет товары, конфискованные на рынке «Эмерал». 18.02.2004 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1077075540>).

глобального финансово-экономического кризиса сокращение объема двусторонней торговли, а также совершенствовать формы и методы ее ведения, изживая имеющиеся в ней негативные явления», и достигнута договоренность о скорейшем начале работы созданной в июне 2009 г. российско-китайской подкомиссии по таможенному сотрудничеству¹³⁸.

Проблема нелегальной торговли контрабандными товарами возникла еще в 1990-е годы в основном из-за коррупции на российской таможне и в правоохранительных органах и общей управленческой неразберихи. Однако многие китайские торговцы с большим желанием включались в коррупционные схемы. Вместо того чтобы в соответствии с легальной процедурой платить таможенные пошлины (что, впрочем, было крайне затруднительно из-за действий коррупционеров, тормозивших работу тех, кто не платил взятки), они добровольно прибегали к услугам посреднических фирм, предлагавших оплатить доставку одновременно с пошлинами за меньшие деньги и ни о чем не беспокоиться. При этом дешевизна обеспечивалась «серой схемой», когда товар декларировался как более дешевый: компьютеры превращались в калькуляторы, одежда в ткань и т.п. Кроме того, товар оформлялся не на реальных владельцев, а на российских посредников, и отдавался реальным китайским владельцам в Москве. В случае проверки, естественно, никаких документов у таких владельцев не оказывалось.

Годами вопросы «решались» и схема жила, но иногда давала сбои, и тогда китайские торговцы, в обычное время получавшие крупные прибыли, несли убытки из-за конфискации нелегальных товаров. Закрытие Черкизовского рынка было крупнейшим из таких сбоев. Благодаря высокому уровню политических отношений подобные проблемы чаще всего быстро решались, однако, даже если российские меры в конце концов смягчались, китайская сторона все равно несла убытки. Одним из следствий «серых схем» (хотя и не единственной его причиной) стал разрыв между китайскими и российскими данными об объемах двусторонней торговли. В 2006 г. он составлял более 5 млрд долл. США. Китайская таможенная статистика неизменно давала большие цифры. При этом дошло до того, что, считая их более реальными, именно ими пользовались даже официальные российские организации.

Кроме того, неучет нелегальной и «неорганизованной» («челночной») торговли создавал превратное впечатление относительно реального соотношения импорта и экспорта. Так, по официальным китайским данным, суммарная величина отрицательного сальдо Китая в торговле с Россией за период 1992–2001 гг. превысила 26 млрд долл. США, что вывело Россию по этому показателю на первое место во всей внешней торговле КНР. Вместе с тем, согласно некоторым китайским оценкам (в частности, приведенной Премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи в ходе его официального визита в Россию в начале сентября 2001 г.), объем «неорганизованной» торговли между двумя странами достигал 10 млрд долл. в год. Поставки по линии подобной торговли, представленные преимущественно китайской продукцией, лишь частично отражались в таможенной статистике, в связи с чем как реальный объем российско-китайской торговли, так и состояние ее баланса представлялись совсем в другом свете.

¹³⁸ Сообщение для СМИ. О визите в Россию делегации во главе с заместителем министра коммерции КНР Гао Хучэном. 25.07.2009 (<http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575fe0032d01a!OpenDocument>).

Официально китайская сторона всегда поддерживала стремление российских властей навести порядок в торговле. Так, согласно сообщению российского МИД, во время переговоров в Москве по поводу ситуации с Черкизовским рынком с китайской стороны «были выражены понимание и поддержка мер, в том числе применительно к Черкизовскому рынку, предпринимаемых в России по наведению порядка во внешнеторговой деятельности, борьбе с контрабандой и коррупцией в этой сфере, пресечению импорта в Россию низкокачественной, опасной для здоровья и контрафактной продукции. Подчеркивалось, что китайская сторона намерена продолжать активные усилия по работе с китайскими бизнесменами в плане неукоснительного соблюдения ими норм российского законодательства. Будет также усилен контроль за качеством поставляемых в Россию товаров»¹³⁹.

Все эти проблемы решали различные межправительственные органы по экономическому сотрудничеству, вершина которых — регулярные встречи глав правительств. Встречи эти приносили конкретные положительные результаты. Во многом это было связано с общей политической и экономической стабилизацией в России, но также и с тем, что обе стороны набрались опыта и научились уходить от пустых деклараций и лучше решать конкретные вопросы сотрудничества. О позитивных тенденциях свидетельствует хотя бы то, что разрыв в цифрах, отражающих двусторонний товарооборот, к концу первого десятилетия XXI в. значительно сократился, а в 2010 г. российские данные впервые даже превысили китайские (см. табл. 4.3 и 4.4). Активно сотрудничали таможенные и правоохранительные органы двух стран. Однако до окончательного решения вопроса еще далеко.

Таблица 4.3

**Динамика и объемы товарооборота России с КНР в 2002–2010 гг.
по данным китайской таможенной статистики (млрд долл. США)**

Годы	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
2002	11,928	8,407	3,521	+4,886
2003	15,758	9,728	6,030	+3,698
2004	21,23	12,13	9,1	+3,03
2005	29,10	15,89	13,21	+2,68
2006	33,4	17,6	15,8	+1,8
2007	48,2	19,7	28,5	–8,8
2008	56,8	23,8	33,1	–9,3
2009	38,7	21,2	17,5	+3,7
2010	55,45	25,94	29,61	–3,67

¹³⁹ Сообщение для СМИ. О визите в Россию делегации во главе с заместителем министра коммерции КНР Гао Хучэном. 25.07.2009 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575fe0032d01a!OpenDocument>).

Таблица 4.4

**Динамика и объемы товарооборота России с КНР в 2006–2010 гг.
по данным ФТС России (млрд долл. США)**

	2006	2007	2008	2009	2010
ОБОРОТ	28,7	40,3	55,9	39,5	59,3
темпы роста в %	141,2	140,6	138,7	70,6	150,3
ЭКСПОРТ	15,8	15,9	21,1	16,7	20,3
темпы роста в %	120,8	100,9	133,0	78,8	121,8
ИМПОРТ	12,9	24,4	34,8	22,8	39,0
темпы роста в %	177,8	189,1	142,4	65,7	171,2
САЛДО	2,8	–8,5	–13,6	–6,2	–18,7

Тем не менее, объем торговли до начала мирового финансово-экономического кризиса быстро рос. Ежегодный прирост с 2000 по 2008 гг. составил примерно 30%. В пиковом докризисном 2008 г. товарооборот (по китайским данным) составил 56,8 млрд долл. США. В 2009 г., в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, объем торговли значительно упал, но уже в следующем, 2010 г., фактически вышел на докризисный уровень (см. табл. 4.3). По данным китайской таможенной статистики, он составил 55,45 млрд долл. США. При этом российский экспорт в Китай достиг 25,94 млрд долл. США, увеличившись за год на 21,7%. В то же время импорт из Китая вырос на 69% и составил 29,61 млрд долл. США. В результате сальдо вновь стало отрицательным для России и составило 3,78 млрд долл. США. Несмотря на рост, поставленная лидерами двух стран цель — достичь объема товарооборота в 2010 г. в 60–80 млрд долл. США — достигнута не была, хотя объем товарооборота и вплотную приблизился к ней.

Впрочем, задержка была только на один год — в 2011 г. объем товарооборота, по китайским данным, вырос на 42,7% и достиг 79,25 млрд долл. США, причем китайский экспорт вырос на 31,4% и составил 38,9 млрд, а импорт — на 55,6% и составил 40,35 млрд. Таким образом, баланс для России вновь стал положительным (+1,45 млрд). Россия стала десятым торговым партнером Китая. Впрочем, по российским данным, товарооборот составил 83,5 млрд долл., экспорт — 35,2, импорт — 48,3, то есть дефицит примерно в 13 млрд долл. США имеет Россия. Китай уверенно сохранил первое место как торговый партнер России, обойдя ближайшего соперника — Германию — более чем на 11 млрд долл. Доля Китая в российском внешнеторговом обороте составила 10,2%, а России в китайском — чуть более 2%.

В последние годы первого десятилетия XXI в. в двусторонней торговле наблюдались и другие неблагоприятные для России тенденции. До 2007 г. Россия была одной из немногих стран мира, сохранявшая в торговле с Китаем положительный баланс. Однако с 2007 г. ситуация резко изменилась, у России возник торговый дефицит (см. табл. 4.3). Снижение объемов торговли в 2009 г. вновь привело к профициту. Это показывает, что высокие темпы роста товарооборота

обеспечивались в основном за счет ускоренного увеличения китайского экспорта в Россию. И это несмотря на значительное повышение цен на нефть, за счет чего в основном и растут объемы российского экспорта.

Номенклатура российского экспорта в Китай также неуклонно сокращалась. Было время, когда более 40% китайского импорта из СССР составляли машины и оборудование. К концу первого десятилетия XXI в. их доля упала до нескольких процентов, и теперь Россия по большей части поставляет в Китай сырье (главным образом, нефть и лес). Так, если в 2004 г. в структуре российского экспорта такие товарные группы, как «минеральное топливо», «древесина», «удобрения», «рыба и морепродукты», «черные и цветные металлы», «целлюлоза», «руды», составляли 84,2%, то в 2005 г. этот показатель вырос до 88,7%, а в 2006 г. — до 90,5%. Доля машин и оборудования упала до 1–2% (см. табл. 4.5).

К 2010 г. структура российско-китайской торговли существенно не изменилась: в российском экспорте в Китай преобладали сырьевые товары, а в китайском экспорте в Россию — потребительские товары¹⁴⁰. По данным российского Министерства экономики, в структуре российского экспорта в Китай основная доля поставок приходилась на следующие товарные группы: минеральные продукты (в основном продукция ТЭК) — 55,6% объема экспорта, древесину и целлюлозно-бумажные изделия — 14,2%, продукцию химической промышленности (в основном удобрения) — 14,0%. В результате совместных усилий долю машин, оборудования и транспортных средств удалось довести до 7,9%. Удельный вес металлов и изделий из них составил 3,4%, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья — 4,7%.

Некоторое увеличение доли машин и оборудования в российском экспорте связано с обоюдными усилиями сторон, причем Китай играл здесь не менее активную роль. Решению этой задачи способствовала деятельность созданной в 2007 г. Российско-китайской палаты по содействию торговле машинно-технической и инновационной продукцией. В июне 2009 г. при содействии палаты был организован визит в Россию китайской закупочной делегации для проработки вопросов возможного импорта, в том числе машинно-технической продукции, в ходе которого китайской стороне был передан для изучения перечень российской машинно-технической продукции для возможных поставок в КНР. В том же году в Китае был создан Фонд поддержки импорта российской машинно-технической продукции в размере 100 млн юаней. В то же время основными экспортными товарами в 2010 г. (свыше 84% всех поставок) по-прежнему оставались: продукция ТЭК (нефть и нефтепродукты, уголь каменный); лесоматериалы необработанные, пиломатериалы и целлюлоза древесная; сырье и полуфабрикаты для металлургии (руды и концентраты железные); рыба мороженая; минеральные удобрения; авиационная техника и ее части; никель необработанный; каучук синтетический; оборудование для АЭС; лактамы, полимеры этилена.

Интересно, что китайские статистические данные вообще не показывают никакого увеличения доли машин и оборудования в российском экспорте (см. табл. 4.5). Они, напротив, говорят о ее ежегодном снижении (за исключением 2009 г.) до критического уровня в 0,7% в 2011 г.

¹⁴⁰ Товарооборот между Россией и Китаем в 2010 г. вышел на докризисный уровень (<http://rus.ruvr.ru/2011/01/17/39968052.html>).

Таблица 4.5

Удельный вес основных товарных групп в экспорте России в КНР (в %)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Экспорт — всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	15,3	21,5	34,5	41,3	53,9	47,5	50,11	44,11	49,45	56,76
Древесина и изделия из нее	12,6	10,8	11,8	11,3	12,3	15,17	12,49	11,10	10,67	8,65
Цветные металлы	4,4	6,5	5,2	3,8	3,8	4,9	5,19	10,10	8,38	7,60
Черные металлы	12,0	18,5	11,7	10,9	2,6	1,8	1,74	7,63	1,24	0,53
Химические товары	8,4	8,2	9,1	6,8	6,2	6,82	6,18	6,50	8,37	6,40
Рыба, моллюски	7,4	6,8	6,4	6,9	6,9	6,80	5,12	5,57	4,88	3,94
Руды, шлаки, зола	0,5	0,4	2,1	3,4	2,1	4,0	5,21	4,98	4,69	8,31
Удобрения	10,3	6,9	8,0	8,2	5,9	5,8	6,39	3,33	3,90	2,82
Бумажная масса, целлюлоза	4,3	3,8	3,6	2,9	3,0	3,5	3,28	2,27	2,54	2,26
Машины и оборудование	20,1	12,9	4,8	2,1	1,2	1,3	1,70	2,04	1,44	0,70
Драгоценные камни		0,45	0,27	0,36	0,18	0,23	0,33	0,68	2,00	0,80
Бумага, картон	1,3	1,1	0,9	0,7	0,6	0,4	0,43	0,45	0,34	0,31
Минеральные продукты	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2	0,7	0,78	0,25	0,36	0,48
Прочие товары	3,7	2,35	1,33	1,14	1,12	1,07	1,05	0,99	1,74	0,31

Источник: Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. По данным китайской таможенной статистики. http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/ru_ch_trade_2011.pdf

В структуре импорта из Китая в 2010 г. 49,6% составили машины, оборудование и транспортные средства, а текстиль, изделия из него, обувь — всего 18,5%. Доля металлов и изделий из них составила 8,6%, продукции химической промышленности — 7,3%, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья — 3,4%, кожевенного сырья, пушнины и изделий из них — 1,8%, древесины и целлюлозно-бумажных изделий — 1,3%. Основными импортными товарами (свыше 67% всего объема импорта) были товары легкой промышленности (трикотажно-текстильные и кожгалантерейные изделия, обувь и ее части), бытовая электроника (вычислительная техника, телефонная аппаратура, телевизоры и др.), части и компоненты электронной аппаратуры, продукция общего машиностроения (строительная техника, части и компоненты автотранспортных средств, насосно-компрессорное оборудование), электробытовые приборы (стиральные машины, холодильная техника, кондиционеры и др.), электросиловое оборудование, продукция металлургии (металлоконструкции, трубы, прокат плоский, метизы из нелегированной стали и пр.), мебель и ее части, игры и спортивный инвентарь, продовольственные товары (плодоовощная продукция, рыба

и морепродукты)¹⁴¹ (см. табл. 4.6). Таким образом, по сравнению с советским периодом, Россия и Китай полностью поменялись местами: Россия стала поставщиком сырья для китайской промышленности, а Китай — поставщиком готовой продукции для российского потребителя.

Таблица 4.6

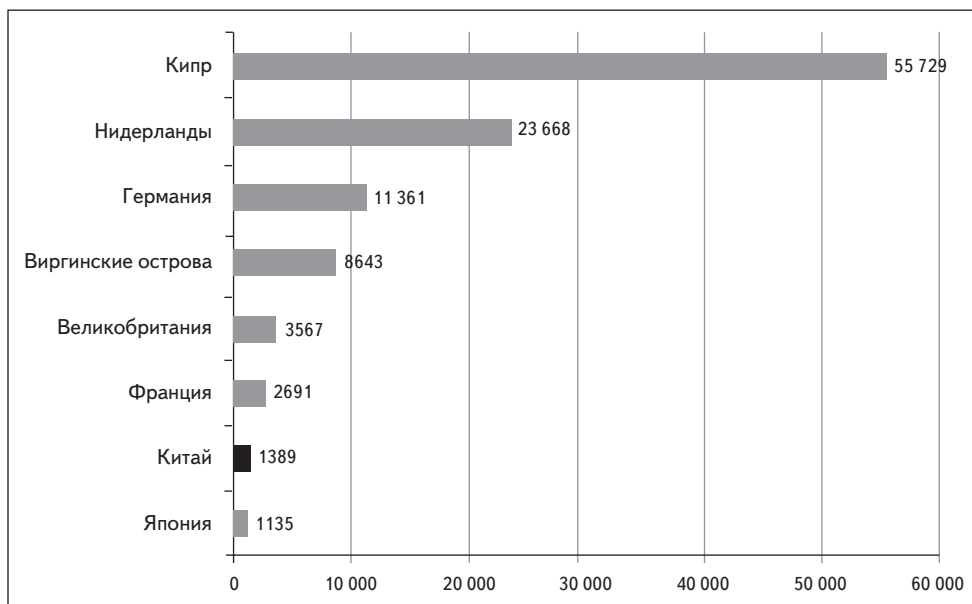
Удельный вес основных товарных групп в импорте России из КНР (в %)

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Импорт — всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Машины и оборудование	7,2	8,2	11,0	15,8	17,6	17,2	20,1	29,0	30,6	36,71	33,44	38,43	40,91
Химические товары	5,0	4,8	4,9	4,9	4,9	5,4	5,8	7,2	6,2	7,46	8,20	8,01	9,28
Обувь	11,9	15,4	14,1	13,7	9,0	8,8	8,6	8,6	6,39	5,18	7,70	7,91	6,34
Одежда текстильная	13,0	16,0	16,6	12,7	13,1	11,3	12,0	9,4	6,45	4,91	7,08	6,12	5,41
Одежда из трикотажа	15,0	11,0	6,6	7,9	8,3	8,6	7,9	11,3	23,1	11,18	6,63	6,00	5,20
Изделия из кожи	20,5	20,3	18,8	14,4	15,8	12,3	8,9	5,3	2,4	2,32	2,98	2,48	2,69
Мебель, матрасы	0,3	0,5	0,5	1,0	1,2	1,2	1,4	2,0	1,7	4,85	2,62	2,94	2,12
Готовые изделия из текстиля	1,6	1,9	2,9	И	3,2	3,2	4,2	2,8	2,0	2,06	2,37	1,85	1,80
Пушнина	1,3	1,8	2,4	2,3	5,8	13,1	12,6	1,6	0,5	0,16	2,20	2,93	3,00
Игрушки, спортивный инвентарь	0,9	1,4	1,8	2,4	1,8	1,7	1,7	1,9	1,5	1,64	1,83	1,49	1,85
Продукты из овощей и фруктов	0,2	0,6	1,5	1,6	1,4	1,1	1,1	1,5	1,3	1,01	1,35	1,02	1,01
Фрукты	1,3	1,0	0,9	1,2	0,9	0,7	0,7	0,7	0,6	0,69	1,19	0,79	0,65
Изделия из черных металлов	—	—	—	—				1,6		2,40	1,16	3,43	3,30
Овощи, горох, фасоль	1,3	0,7	0,7	1,0	1,0	0,8	0,7	0,7	0,5	0,51	0,97	0,85	0,80
Керамические изделия	1,0	1,0	1,1	1,2	1,0	1,3	1,2	1,4	0,9	1,07	0,91	0,70	0,75
Мясные продукты	0,6	0,6	1,1	1,1	0,8	0,7	0,7	0,8	0,9	0,88	0,80	1,02	0,72
Минеральное топливо	4,1	2,2	1,9	1,2	1,0	0,8	0,9	0,9	0,7	0,81	0,51	0,75	0,90
Трикотажное полотно	0,3	0,6	1,1	1,0	0,9	0,7	0,4	0,3	0,2	0,25	0,39	0,72	0,35
Зерновые	3,8	2,6	0,7	1,5	1,2	0,4	0,3	0,3	0,03	0,04	0,08	0,0	0,04
Мясо	1,4	0,2	1,6	3,7	1,9	1,3	0,6	0,1	0,03	0,02	0,08	0,0	0,0
Прочие товары	8,9	8,7	9,3	9,0	8,5	5,7	8,7	10,0	8,5	11,58	13,66	12,56	11,49

Источник: Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. По данным китайской таможенной статистики. http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/ru_ch_trade_2011.pdf

¹⁴¹ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Китаем (http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20110318_7?presentationtemplate=docHTMLTemplate1&presentationtemplateid=2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e&WCM_Page.ResetAll=TRUE&CACHE=NONE&CONTENTCACHE=NONE&CONNECTORCACHE=NONE).

Рис. 4.1 Прямые иностранные инвестиции в Россию крупнейших стран-инвесторов (накопленная сумма на конец 2011 г., млн долл. США)



Источник: К. Идэ. Прямые иностранные инвестиции Японии в экономическое развитие России // Россия в АТР. 2012 (сент.). №3 (24). С. 61. По данным Росстата.

Таблица 4.7

Географическая структура оборота внешней торговли России с основными партнерами (1992–2010)*

Страны и территории	1992 млрд долл. США / %	1995 млрд долл. США / %	2003 млрд долл. США / %	2007 млрд долл. США / %	2008 млрд долл. США / %	2009 млрд долл. США / %	2010 млрд долл. США / %
Общий оборот	54,24	79,87	191,132	551,684	734,681	469,023	625,4
Китай	2,86/5,3	3,43/4,3	11,68/6,1	40,32/7,3	55,92/7,6	39,51/8,4	59,3/9,4
Нидерланды	2,69/5,0	4,85/6,1	10,02/5,2	46,74/8,5	61,79/8,4	39,87/8,5	58,4/9,3
Германия	5,95/11,0	6,05/7,6	18,49/9,7	52,88/9,6	67,28/9,2	39,94/8,5	51,8/8,3
Италия	2,96/5,5	3,40/4,3	10,90/5,7	36,07/6,5	53,00/7,2	32,94/7,0	37,3/6,0
Украина	4,74/8,7	6,98/8,7	12,05/6,3	29,75/5,4	39,82/5,4	22,90/4,9	37,2/6,0
Белоруссия	1,71/3,2	2,94/3,7	12,46/6,5	26,08/4,7	34,06/4,6	23,43/5,0	27,87/4,5

* По данным ФТС России.

Еще одним важным изменением в двусторонней торговле стало постепенное повышение роли КНР во внешней торговле России при одновременном снижении относительной роли России во внешней торговле Китая. Если в 90-е годы Китай по доле в общем российском внешнеторговом обороте занимал места не выше пятого (например, в 1995 г. его доля была 4,3% и он уступал по этому

показателю таким странам, как Германия, США, Япония и Украина), то к 2007–2008 гг. он вышел на третье место, а в 2010 г. впервые стал первым торговым партнером России, повысив долю в ее общем внешнеторговом обороте до почти 10% (см. табл. 4.8). За тот же период Россия превратилась из седьмого-восьмого торгового партнера КНР в тринадцатого (в 2010 г.), уступая по этому показателю уже не только таким традиционным конкурентам, как Япония, США, Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Германия, Сингапур, но и обошедший ее в последнее время Австралии, Индии, Бразилии и Малайзии (см. табл. 4.8).

Таблица 4.8

**Географическая структура оборота внешней торговли КНР
с основными партнерами (1986–2010)**

Страны и территории	1986–1990 гг. млрд долл. США/ %	1995 млрд долл. США/ %	2003 млрд долл. США/ %	2007 млрд долл. США/ %	2008 млрд долл. США/ %	2009 млрд долл. США/ %	2010 млрд долл. США/ %
Общий оборот	486,4/100	280,9/100	851,0/100	2173,7/100	2561,6/100	2207,3/100	2972,8/100
Гонконг	143,2/29,45	44,6/15,9	87,4/10,3	197,2/9,1	203,7/8,0	166,2/7,5	230,6/7,76
Япония	88,2/18,12	57,5/20,5	133,5/15,7	236,0/10,9	266,8/10,4	228,8/10,4	297,8/10,02
США	49,3/10,13	40,8/14,5	126,4/14,9	302,1/13,9	333,7/13,0	298,2/13,5	385,3/12,96
Тайвань	5,1/1,06	17,9/6,4	58,4/6,9	124,5/5,7	129,2/5,0	106,2/4,8	145,4/4,89
Германия (до 1990 г. — ФРГ)	26,2/5,38	13,7/4,9	41,7/4,9	94,1/4,3	115,0/4,49	105,7/4,8	142,4/4,79
Республика Корея	2,8/0,58	17,0/6,0	63,2/7,4	159,9/7,4	186,1/7,3	156,3/7,1	207,2/6,97
Россия (до 1990 г. — СССР)	16,8/3,45	5,5/2,0	15,7/1,8	48,2/2,2	56,8/2,2	38,4/1,7	55,4/1,86
Сингапур	12,2/2,51	6,9/2,5	19,4/2,3	47,1/2,17	52,4/2,05	47,9/2,2	57,1/1,92
Италия	10,0/2,07	5,2/1,9	11,8/1,4	31,4/1,44	38,3/1,5	31,3/1,4	45,2/1,52
Великобритания	9,2/1,89	4,8/1,7	14,4/1,7	39,4/1,8	45,6/1,78	39,2/1,8	50,0/1,68
Франция	8,1/1,67	4,5/1,6	13,4/1,6	33,7/1,55	38,9/1,52	34,5/1,6	44,8/1,51
Нидерланды	5,2/1,07	4,0/1,4	15,4/1,8	46,3/2,1	51,2/2	41,8/1,9	56,2/1,89
Австралия	8,4/1,73	4,2/1,5	13,6/1,6	43,8/2,0	59,7/2,33	60,0/2,7	88,1/2,96
Канада	8,8/1,80	4,21/1,5	10,0/1,2	30,3/1,4	34,5/1,3	29,7/1,3	37,1/1,25
Индонезия	4,2/0,85	3,5/1,2	10,2/1,2	25,0/1,15	31,5/1,23	28,4/1,28	42,8/1,44
Таиланд		3,4/1,2	12,6/1,5	34,6/1,59	41,2/1,61	38,2/1,7	52,9/1,78
Малайзия		3,3/1,17	20,1/2,4	46,4/2,13	53,5/2,09	52,0/2,4	74,2/2,5
Бразилия			8,0/0,94	29,7/1,37	48,5/1,9	42,4/1,9	62,5/2,1
Индия			7,6/0,89	38,6/1,77	51,8/2,0	43,4/1,97	61,8/2,08
ЮАР			3,9/0,45	14,0/0,64	17,8/0,69	16,1/0,72	25,6/0,86
Страны ЕС			125,0/14,7	356,1/16,4	425,6/16,6	364,1/16,5	479,7/16,14
Страны АСЕАН			78,2/9,2	202,5/9,3	231,1/9,0	213,0/9,6	292,8/9,85

* По данным таможенной службы КНР.

Несмотря на существующие проблемы, двусторонняя торговля развивается. Во время государственного визита Ху Цзиньтао в Москву в середине июня 2011 г. была достигнута договоренность довести ее объем до 100 млрд долл. к 2015 г. и до 200 млрд долл. США — к 2020 г. «Причем сделано это должно быть не только за счет наращивания кооперации в области энергетики, которая выступает сегодня в качестве главной несущей конструкции сотрудничества, но и благодаря повышению удельного веса инновационных отраслей, включая ядерную энергетику, гражданское авиастроение, мирное освоение космоса, нано- и биотехнологии, производство новых материалов» — отметил министр иностранных дел России С.В. Лавров¹⁴².

Инвестиционное сотрудничество

Взаимные инвестиции двух стран пока невелики, причем китайские инвестиции в российскую экономику значительно превышают российские в китайскую. В 1990-е годы и те и другие были крайне незначительны. Это было обусловлено общим состоянием российской экономики. Ситуация несколько улучшилась с созданием в 2004 г. межправительственной Постоянной рабочей группы по инвестиционному сотрудничеству. Китай стал проявлять большую заинтересованность в увеличении инвестиций в Россию. В Пекине был принят план доведения их объема до 12 млрд долл. США к 2020 г.

Российские и китайские власти понимают существующие проблемы и пытаются их решить. Правительства обоих государств постоянно поощряют своих предпринимателей сотрудничать с другой стороной. Развиваются систематические контакты между пограничными и таможенными службами обеих стран. Министерство экономического развития России и Государственный комитет КНР по развитию и реформе начали проводить регулярные российско-китайские инвестиционные форумы. На пяти таких форумах, состоявшихся в 2004–2009 гг., были подписаны соглашения о намерениях по сотрудничеству по 37 «пилотным» проектам на общую сумму 4,5 млрд долл. США. Значительное большинство из них (35) — это проекты на российской территории, в основном относящиеся к освоению месторождений полезных ископаемых, заготовке и переработке древесины, строительству объектов недвижимости, освоению сельскохозяйственных угодий и переработке сельскохозяйственной продукции. Суммарный объем китайских накопленных инвестиций в российские проекты первых пяти форумов к началу 2010 г. составил около 820 млн долл. США. В ноябре 2006 г. правительства РФ и КНР было подписано Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, а в июне 2009 г. главы двух стран утвердили План российско-китайского инвестиционного сотрудничества.

13 октября 2009 г. премьер В.В. Путин провел переговоры со своим китайским коллегой Вэнь Цзябао в Пекине. Во время этого визита было подписано более 20 соглашений по конкретным проектам двустороннего сотрудничества, в том числе совместное коммюнике, межправительственные соглашения о взаимном

¹⁴² Статья министра иностранных дел России С.В. Лаврова в газете «Жэньминь Жибао», 15 июля 2011 г. (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-razia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586c32578ce0022e15a!OpenDocument>).

уведомлении о пусках баллистических ракет и ракет-носителей и об учреждении культурных центров, меморандумы о сотрудничестве в сфере совершенствования процедур таможенного контроля, о взаимопонимании в области организации и развития скоростного и высокоскоростного железнодорожного сообщения на территории РФ, соглашения о сотрудничестве между соответствующими особыми экономическими зонами РФ и зонами технико-экономического освоения Китая, ряд соглашений между финансовыми организациями по финансированию различных проектов в России. Визит стал значительным шагом в деле продвижения инвестиционного сотрудничества.

По данным Министерства коммерции КНР, объем привлеченных в российскую экономику китайских прямых инвестиций в 2009 г. увеличился почти в два раза по сравнению с 2008 г. Прямые инвестиции китайских компаний составили 410 млн долл. США (в 2008 г. — 240 млн долл. США). Общий объем накопленных инвестиций увеличился на 25,4% и достиг 2 млрд 24 млн долл. США.

Таблица 4.9

**Прямые инвестиции КНР за рубежом
(10 основных стран, млн долл. США)**

Страна/Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	2 854	5 498	12 261	17 634	26 506	55 910	54 955	68 811
Гонконг	1 149	2 628	3 420	6 931	13 732	38 640	35 600	38 505
Виргинские острова	210	386	1 226	538	1 876	2 104	1 612	6 119
Каймановы острова	807	1 286	5 162	7 833	2 602	1 524	5 366	3 496
Люксембург	—	—	—	—	4	42	2 270	3 207
Австралия	30,39	124,95	193,07	87,60	532	1892	2 436	1 702
США	65	120	232	198,34	196	462	909	1 308
Канада		5	32	35	1 033	7	613	1 142
Сингапур	—3	48	20	132	398	1 551	1 414	1 119
Мьянма	—	4	12	13	92	233	377	876
Таиланд	57	23	5	16	76	45	50	700
Россия	30	77	203	452	478	395	348	568
Иран	8	18	12	65	11	—35	125	511
Бразилия	7	6	15	10	51	22	116	487
Туркменистан	—	—	—	0	1	87	120	450
Германия	25	28	129	77	239	13	179	412

Источник: 2010 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment (<http://hzs.mofcom.gov.cn/accessory/201109/1316069658609.pdf>).

Главными приоритетами инвестиционной деятельности КНР в России являются разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, легкая и текстильная промышленность, бытовая электротехника, связь, строительство и сфера услуг. Российские контрактные инвестиции в Китае в 2009 г. увеличились на 5,88% — до 180 млн долл. США. При этом сумма практически использованных инвестиций снизилась на 47,03% и составила 31,77 млн долл. США. Количество новых зарегистрированных проектов с российскими прямыми инвестициями — 94 (в 2008 г. — 95 проектов). Основная часть проектов сосредоточена в сферах производства, строительства и транспортных перевозок. К началу 2010 г. суммарный объем российских контрактных инвестиций в КНР составил 2,19 млрд долл. США. (+9,5%), накопленные прямые инвестиции — 751,77 млн долл. США. (+4,41%), общее количество проектов с российскими прямыми инвестициями составило 2269 (+4,32%)¹⁴³.

Таблица 4.10

**Накопленные прямые инвестиции КНР за рубежом
(15 основных стран, млн долл. США)**

Страна (регион)	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	33 222	44 777	57 206	75 026	117 911	183 971	245 755	317 211
Гонконг	24 632	30 393	36 507	42 270	68 781	115 845	164 499	199 055
Виргинские острова	532	1 089	1 983	4 750	6 630	10 477	15 061	23 243
Каймановы острова	3 691	6 660	8 936	14 209	16 810	20 327	13 577	17 256
Австралия	416	495	587	794	1 444	3 355	5 863,10	7 868
Сингапур	165	233	325	468	1444	3 335	4 857	6 069
Люксембург	—	—	—	—	67	123	2 484	5 787
США	502	665	823	1 238	1 881	2 390	3 338	4 874
ЮАР	45	59	112	702	14	3 048	2 307	4 152
Россия	61	123	466	930	1422	1 839	2 220	2 788
Канада	46	59	103	141	1 255	1 268	1 670	2 603
Макао	447	625	599	612	911	1 560	1 837	2 229
Мьянма	10	20	24	163	262	450	930	1 947
Пакистан	27	36	189	148	1068	1328	1458	1828
Казахстан	20	25	245	276	610	1 402	1 516	1 591
ФРГ	84	129	268	472	845	845	1 082	1 502

Источник: 2010 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment (<http://hzs.mofcom.gov.cn/accessory/201109/1316069658609.pdf>).

¹⁴³ Российско-китайское инвестиционное сотрудничество (<http://www.russchinate.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>).

В 2010 г., по китайским данным, китайские прямые инвестиции в России увеличились на 43,8%. Общий объем накопленных прямых инвестиций достиг 2 млрд 788 млн долл. США. Главными приоритетами инвестиционной деятельности КНР в России оставались энергетика, разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, торговля, легкая и текстильная промышленность, бытовая электротехника, связь, строительство и сфера услуг. Российские прямые инвестиции в Китае в 2010 г. увеличились на 10,0% до 34,97 млн долл. США против 31,77 млн долл. США в 2009 г. Контрактные инвестиции уменьшились на 33,4% — до 120 млн долл. США. Количество новых зарегистрированных проектов с российскими прямыми инвестициями — 59 (в 2009 г. — 94 проекта).

По данным российского Министерства экономического развития, к концу 2010 г. суммарный объем российских прямых инвестиций в КНР достиг 786,77 млн долл. США (+4,6%), а контрактные инвестиции — 2,31 млрд долл. США (+5,4%). Общее количество российских проектов с прямыми инвестициями в КНР составило 2328 (+2,6%)¹⁴⁴.

Таблица 4.11

**Поступление иностранных инвестиций в экономику России
в 2010 г. по основным странам-инвесторам**

	Млн долл. США	В % к итогу
Все инвестиции	114 746	100,0
из них из стран:		
Великобритания	40 770	35,5
Нидерланды	10 696	9,3
Германия	10 435	9,1
Кипр	9 003	7,8
Китай	7 631	6,7
Люксембург	5 374	4,7
Швейцария	4 679	4,1
Франция	3 702	3,2
Ирландия	2 557	2,2
Виргинские острова (Брит.)	2 383	2,1

Источник: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/lssWWW.exe/Stg/d2/24-11.htm

¹⁴⁴ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Китаем (http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20110318_7?presentationtemplate=docHTMLTemplate1&presentationtemplateid=2dd).

Оценивая данные о динамике китайских инвестиций в Россию (табл. 4.8–4.9), можно сделать следующие выводы. Инвестиционный поток из КНР в нашу страну растет, однако в последние годы его прирост значительно уступает другим направлениям китайских капиталовложений. Так, в 2005 г. Россия занимала седьмое место по количеству китайских инвестиций, а без учета таких экзотических направлений, как Виргинские и Каймановы острова, а также частей Китая, каковыми являются Гонконг и Макао, фактически занимала третье место после США и Австралии. В 2010 же году она опустилась на девятое место, пропустив вперед такие отнюдь не крупные и далекие от Китая страны, как Люксембург, ЮАР и Сингапур. Данные по ежегодному притоку прямых инвестиций (табл. 4.8) не предполагают улучшения ситуации. В 2010 г. Китай вложил больше капиталов в экономику не только Люксембурга, ЮАР и Сингапура, но и Таиланда, Мьянмы и Канады. Быстро растут китайские капиталовложения в Пакистан, Бразилию, Туркменистан, Казахстан, Иран. Все эти страны с разными политическими режимами и внутренней ситуацией, но все они, видимо, считаются китайскими инвесторами более предпочтительными, чем Россия, с точки зрения эффективности инвестиций, или, во всяком случае, не уступающими ей. Если эта тенденция продолжится и Россия всерьез не займется улучшением инвестиционного климата, она, как и в торговле, опустится во второй десяток инвестиционных партнеров Китая.

В качестве основных объектов китайских инвестиций в России (за исключением энергетической сферы), можно выделить строительство консорциумом шанхайских компаний микрорайона «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге, сооружение бизнес-центра «Парк Хуамин» в Москве и международного торгового центра «Гринвуд» в Подмосковье.

История реализации этих проектов свидетельствует как о достижениях, так и о трудностях двустороннего сотрудничества. Хороший пример — строительство жилого массива «Балтийская жемчужина» на юго-западном побережье Финского залива. Соответствующее соглашение было подписано властями Санкт-Петербурга и Шанхайской индустриально-инвестиционной компанией в декабре 2004 г. Для реализации проекта была создана Шанхайская заграничная объединенная инвестиционная компания, в которую вошли пять крупных шанхайских корпораций. Большое значение сыграла поддержка как на высшем уровне, так и администрациями городов-побратимов Шанхая и Санкт-Петербурга. Проект предусматривал возведение многофункционального комплекса, рассчитанного на более чем 35 тыс. жителей на территории площадью 205 га. Помимо 1 млн кв. м жилья различного класса и собственной инфраструктуры, включающей образовательные, медицинские и спортивные учреждения, на территории микрорайона планировалось расположить торгово-развлекательные и деловые комплексы как городского, так и международного уровня, апартамент-отели, выставочные и туристические центры, рестораны, концертные и конференц-залы. Значительную территорию микрорайона должны занять объекты социальной инфраструктуры — образовательные, спортивные, медицинские учреждения, а также парки и прогулочные зоны. Запланированный объем китайских инвестиций был установлен 1,3 млрд долл. США, китайские накопленные инвестиции в проект к началу 2010 г. составили 650 млн долл. США. Завершение работ планировалось на 2013 г. На берегу Финского залива 9 июня 2005 г. был заложен символический

первый камень. Это крупнейший китайский инвестиционный проект в России. 25 сентября 2008 г. начались продажи жилой и коммерческой недвижимости в первом жилом квартале «Жемчужная премьера». Несмотря на возникшие трудности, вызванные мировым финансовым кризисом, отразившемся на российском рынке недвижимости, в целом проект, хотя и с некоторыми задержками, продвигается. В сентябре 2010 г. состоялась церемония закладки фундамента международного центра «Жемчужная Плаза» — части проекта, осуществляемого с участием финского капитала.

Судьба «Парка Хуамин» гораздо более неопределенна. Идея строительства китайского бизнес-центра в Москве обсуждалась еще в 2001 г. на встрече Президента России В.В. Путина и Премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи. В сентябре 2002 г. постановлением Госсовета КНР специально для осуществления проекта была учреждена Китайская международная инвестиционная корпорация «Хуамин», акционером которой стали крупнейшие китайские государственные компании. Первоначально планировался объем капиталовложений в 300 млн долл. США., а в 2007 г. было решено увеличить сумму до 450 млн. долл. США. На территории Северо-Восточного округа Москвы рядом с метро «Ботанический сад» на площади 8,2 гектара должны были разместиться два современных офисных здания в 20 и 40 этажей с пятизвездочной гостиницей, залами для выставок и симпозиумов, культурно-развлекательные и спортивные центры. В 2007 г. в присутствии вице-премьеров А.Д. Жукова и У И, а также мэра Москвы Ю.М. Лужкова состоялась торжественная церемония закладки первого камня. Завершение проекта планировалось на 2010 г. Однако из-за возникших разногласий с московской мэрией до конца 2010 г. строительство так и не было начато.

В то же время гораздо быстрее в Красногорском районе Московской области был построен международный торговый центр «Гринвуд», инвестором которого выступила китайская корпорация «Чэнтун», вложившая в проект 350 млн долл. Центр был сдан в пробную эксплуатацию в мае 2011 г. Объект занимает площадь в 20 гектаров, имеет 15 отдельных зданий, площадь использования составляет 132,6 тыс. кв. метров. Строительство «Гринвуда» во многом подстегнула история с Черкизовским рынком. Согласно официальной информации китайского инвестора, здесь для китайских бизнесменов в России будет предоставлено «безопасное, законное, отвечающее нормам место для ведения бизнеса, которое в дальнейшем станет платформой для предприятий Китая в развитии инвестиций, переработки, производства, торговли и других видов деятельности, а также осуществит переход китайских бизнесменов на порядок ведения торговли в России и будет содействовать благоприятному развитию неправительственной торговли между Китаем и Россией»¹⁴⁵.

В то же время роль Китая как иностранного инвестора в российскую экономику невозможно сравнить с ролью России как инвестора в Китае. Российские инвестиции в Китае крайне незначительны и по общему объему, и по доле в общих российских инвестициях за рубежом, и по доле, которую они занимают в общем объеме иностранных инвестиций в китайскую экономику (см. табл. 4.11–4.12).

¹⁴⁵ <http://www.greenwoodpark.ru/about/invest/>.

**Прямые инвестиции КНР и России в 2006–2010 гг.
(по данным Министерства коммерции КНР, млн долл. США)**

	2006	2007	2008	2009	2010
Инвестиции КНР в Россию	452	478	395	348	568
Инвестиции России в КНР	67	52	60	32	35

Крупнейшим проектом с использованием российских инвестиций в Китае (кроме энергетики) является совместное строительство завода по производству титановой продукции в городе Цзямусы провинции Хэйлунцзян. Разработанный в 2010 г. проект осуществляют дальневосточная компания ООО «Ариком» и крупнейший в Китае производитель цветных металлов Китайская государственная алюминиевая компания (Chinalco). Строительство разделено на два этапа: на первом планируемая производительность должна достичь 15 тысяч тонн в год, а на втором — 30 тысяч тонн¹⁴⁶. Запланированный объем российских инвестиций составляет 207 млн долл. Строительные работы были начаты в сентябре 2008 г., объем накопленных инвестиций к началу 2010 г. составил 32,5 млн долл. США.

Отдельным направлением двустороннего сотрудничества является привлечение китайских рабочих в Россию по подряду. Китайских граждан для работы по контракту начали приглашать в Россию с начала 90-х годов. Так как они участвовали, в основном, в сельскохозяйственных, строительных и лесозаготовительных работах на Дальнем Востоке и в Сибири, этот вопрос более подробно рассматривается в 5-й главе. Однако с начала XXI в. китайских рабочих стали все более часто приглашать для работы в европейские регионы России. Например, они участвовали в строительстве Башни Федерации в Москве, комплекса «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге. Только в 2009 г. китайскими компаниями были выполнены работы на территории России на сумму один млрд долл. и подписаны новые контракты на сумму 1,21 млрд долл., а в 2010 г. соответственно на 1,5 млрд долл. и 1,19 млрд долл. США.

К началу 2010 г. суммарный объем контрактов на китайские подрядные строительные работы в России дошел до 11,99 млрд долл. Общий объем завершенных работ составил 6,86 млрд долл. Для выполнения трудовых услуг в декабре 2009 г. в России находились 21 457 китайских рабочих и ИТР. К началу 2011 г. суммарный объем завершенных работ достиг 8,36 млрд долл., а общий объем заключенных контрактов — 13,18 млрд долл. США.

Энергетика

В области энергетики между Россией и Китаем действует механизм диалога, в рамках которого проводятся регулярные встречи с российской стороны вице-премьера И.И. Сечина (с 2012 г. — А.В. Дворковича), а с китайской — вице-премьера Госсовета КНР Ван Цишаня. Именно в рамках энергодиалога удалось

¹⁴⁶ Рынок титана в Китае (<http://rcutp.ru/news/1160811/>).

добиться серьезного прорыва в энергетическом сотрудничестве, включая конкретные договоренности об условиях строительства нефтепровода из России в Китай.

Как часть энергетического диалога работает подкомиссия по энергетике российско-китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. Руководителями российской и китайской частей подкомиссии являются, соответственно, министр энергетики России и начальник Управления по энергетике Государственного комитета по реформе и развитию КНР. В итоговых документах проводимых ежегодно заседаний подкомиссии фиксируются основные итоги сотрудничества на текущий момент. Центральное место в энергетическом сотрудничестве двух стран занимают поставки российской нефти в КНР.

Российско-китайское энергетическое сотрудничество шло непросто. Значительный ущерб двусторонним экономическим отношениям нанесла история с приватизацией российской части российско-белорусской компании «Славнефть». Согласно сообщениям прессы, китайская сторона обратилась к российской по поводу предстоящего аукциона во время визита президента В.В. Путина в Пекин в начале декабря 2002 г. и, очевидно, получила поощрение, воспринятое как официальное (иначе бы осторожные китайцы не продолжали это дело) или, по меньшей мере, как намек на возможность участвовать в аукционе на общих основаниях. Однако, когда дошло до дела, организаторы аукциона (российское правительство) приложили все усилия, чтобы не допустить к нему китайскую компанию. И это несмотря на то, что, по общему мнению экспертов, Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) могла заплатить за «Славнефть» на 1–1,5 млрд долл. США больше, чем предложили победители. Предлоги, которые высказывались представителями правительства и некоторыми депутатами Государственной Думы, явно не выдерживают критики. Например, говорили, что в приватизации не могут участвовать иностранные государственные компании. Однако на практике для российского государства не имеет никакого значения, от государственной или частной иностранной компании поступят деньги в российский бюджет и кто будет в дальнейшем платить налоги (а уж можно быть уверенным, что китайская государственная компания делала бы это гораздо более аккуратно, чем некоторые российские частные компании). В результате аукцион выиграли российские ОАО «Сибнефть» совместно с ТНК, российский бюджет лишился крупной суммы, а российская нефтяная отрасль — значительных инвестиций. Китайские партнеры сделали для себя вывод, что российское государство слишком слабо, чтобы отстоять собственные интересы перед мощными нефтяными корпорациями. Противники прихода Китая на российский нефтяной рынок тогда вновь подняли тему «китайской угрозы». Некоторые СМИ и политические деятели говорили о том, что не следует пускать иностранные компании в российский ТЭК. Однако через несколько недель после неудачи КННК значительную часть российского нефтяного рынка в результате соглашения с ТНК получила «Бритиш петролеум».

В июле 2001 г. во время визита в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя была достигнута принципиальная договоренность о строительстве нефтепровода из России в Китай и разработке ТЭО проекта. В сентябре того же года в ходе шестой регулярной встречи глав правительств в Санкт-Петербурге российские компании ЮКОС и ОАО АК «Транснефть» подписали с КННК соответствующее генеральное соглашение.

Нефтепровод был крайне необходим Китаю как в связи с увеличением потребностей в энергоносителях по мере роста его экономики, так и в связи с истощением собственных запасов нефти в районе Дацина, что ставило под угрозу множество рабочих мест на предприятиях нефтяной отрасли. Но этот проект был выгоден и России, стремившейся диверсифицировать свой экспорт, уйти от тотальной зависимости от западных рынков. В то же время в России высказывались и опасения относительно возможной зависимости от одного потребителя и говорили о том, что строительство нефтепровода до российского порта позволит в будущем выбирать страну-потребителя в зависимости от предложенной цены.

В результате в 2002 г. в России начали обсуждать возможность строительства нефтепровода до побережья Тихого океана. В апреле 2002 «Транснефть» представила альтернативный проект нефтепровода из Ангарска в Находку. Во время визита Премьер-министра Японии Д. Коидзуми в Россию в январе 2003 г. была достигнута договоренность о разработке ТЭО и на нефтепровод, который активно лоббировала Япония. Намерение японского бизнеса получать нефть из России было обусловлено сложной военно-политической ситуацией в бассейне Персидского залива, откуда Япония получала более 55% нефти. В мае 2003 г. «китайский» и «японский» проекты объединили под общим названием «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО): было предложено направить основную нитку из Ангарска на Находку с ответвлением «Сковородино—Мохэ—Дацин» (протяженность 1030 км). Однако в июле 2003 г. экологическая комиссия российского Министерства природных ресурсов и экологии дала отрицательное заключение по проекту. В феврале 2004 г. «Транснефть» изменила маршрут трубопровода с Ангарск—Находка на Тайшет — бухта Козьмина (также находящаяся недалеко от Находки).

В конце сентября 2004 г. Посол России в КНР И.А. Рогачев сообщил, что в экологических и других структурах России на экспертизе находится третий по счету план строительства нефтепровода из Сибири на Дальний Восток, так как два предыдущих проекта были отвергнуты в силу очень серьезных несоответствий требованиям защиты окружающей среды и ряда технических причин. По словам И.А. Рогачева, пропускная способность нефтепровода будет 80 млн тонн в год, протяженность — до 4 тыс. км, проектная стоимость (включая инфраструктуру) — от 14 млрд до 15 млрд долл. США., что открывает широкие возможности для иностранного, в том числе китайского, инвестиционного участия в реализации проекта¹⁴⁷.

Во время визита в Китай в октябре 2004 г. российский президент В.В. Путин заявил: «Я думаю, вы меня поймете, я скажу совершенно откровенно и честно: прежде всего мы должны исходить из наших национальных интересов, мы должны развивать восточные территории Российской Федерации, территории Дальнего Востока, поэтому мы должны планировать и осуществлять там крупные инфраструктурные проекты. Поэтому окончательное решение будет принято исходя из этих соображений, но мы учитываем и интересы наших партнеров»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Интервью Посла РФ в КНР И.А. Рогачева агентству «Интерфакс-Китай» 28 сентября 2004 г. (<http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/3bf3241a3af45b70c3256f1d003fc2d?OpenDocument>).

¹⁴⁸ Интервью Президента России В.В. Путина китайским газетам «Жэньминь Жибао», «Юньйи корреспондент Китая» и телекомпаниям «Центральное телевидение Китая» 13 октября 2004 г. (<http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc3256f2c002ba754?OpenDocument>).

В Китае российские колебания и неспособность оперативно решить вопрос с нефтепроводом вызвали непонимание и сомнения в серьезности российских намерений. Там стали активно разрабатывать альтернативные источники экспортной нефти, в частности, в Казахстане и ряде государств Африки, экспорт из которых постоянно рос (см. табл. 4.13).

Таблица 4.13

Импорт нефти КНР. % основных стран, млн тонн (2006–2010)

	2006	Доля, %	Прирост, %	2007	Доля, %	Прирост, %	2008	Доля	Прирост, %	2009	Доля	Прирост, %	2010	Доля, %	Прирост, %
Всего	145	100	14,2	163	100	12,3	179	100	10	204	100	13,9	240	100	17,5
Саудовская Аравия	23,87	16,4	7,6	26,33	16,1	10,3	36,37	20,3	38,1	41,86	20,5	15,1	44,64	7,0	18,7
Ангола	23,45	16,2	34,3	25,0	15,3	6,6	29,89	16,7	19,6	32,17	15,8	7,6	39,38	22,4	16,5
Иран	16,77	11,6	17,5	20,54	12,6	22,4	21,32	11,9	3,8	23,15	11,3	8,6	2132	-7,9	8,9
Оман	13,18	9,1	21,7	13,7	8,4	1,03	14,58	8,1	6,6	11,7	5,7	-19,5	15,87	35,2	6,6
Россия	15,97	11	24,9	14,53	8,9	-9,1	11,64	6,5	-19,9	15,3	7,5	31,5	15,23	-0,4	6,4

В марте-апреле 2006 г. в Иркутске, Томске, Москве, Екатеринбурге и других городах прошли митинги протеста против ущерба, который может нанести нефтепровод в случае его прокладки в непосредственной близости от озера Байкал. Позицию экологов поддержали губернатор Иркутской области А.Г. Тишанин и представитель президента в Сибирском федеральном округе А.В. Квашнин. 26 апреля 2006 г. на совещании по вопросам социально-экономического развития субъектов Федерации Сибирского федерального округа в Томске президент В.В. Путин заявил о необходимости пересмотреть проект с целью провести нефтепровод на расстоянии не ближе 40 км от северного побережья Байкала. Таким образом, окончательное решение было принято и строительство началось.

В октябре 2008 г. КННК и «Транснефть» подписали «Принципиальное соглашение о строительстве и функционировании нефтепровода на участке Сковородино до российско-китайской границы». 17 февраля 2009 г. в Пекине было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве, по которому ОАО НК «Роснефть» и ОАО АК «Транснефть» должны были получить кредиты в размере 25 млрд долл. США. (Китайский банк развития предоставил «Роснефти» и «Транснефти» кредиты на 15 и 10 млрд долл. соответственно) в обмен на поставки 15 млн тонн нефти в течение 20 лет по мировым ценам. Ставка по кредиту привязана к уровню Libor и является льготной.

После окончания первой части ВСТО в апреле 2009 г. началось строительство ответвления до КНР на территории России. Во время торжественной церемонии сварки первого шва был подписан акт о начале производства работ.

28 декабря 2009 г. Председатель Правительства РФ В.В. Путин запустил первую очередь ВСТО. 27 сентября 2010 г. после завершения российско-китайских переговоров на высшем уровне лидеры двух стран Д.А. Медведев и Ху Цзиньтао приняли участие в церемонии завершения строительства нефтепровода Россия — Китай. Поставки российской нефти по нефтепроводу «Сковородино—Дацин» на постоянной основе начались с 1 января 2011 г. и должны составить 15 млн тонн в год.

В октябре 2009 г. «Роснефть» и КННК договорились о начале совместного строительства НПЗ в Тяньцзине в 2010 г. (окончание строительства намечено на 2012 г.). Мощность НПЗ будет составлять 10 млн тонн, стоимость строительства — 3 млрд долл. В рамках этого проекта предполагается создание сети автозаправочных станций в Китае (по некоторым данным, от 300 до 500 АЗС).

К концу первого десятилетия XXI в. в России отношение к приходу китайских компаний на российский энергетический рынок изменилось. Если раньше он был для них почти полностью закрыт, то в 2005–2010 гг. появились различные формы партнерств, вплоть до реализации китайскими компаниями прямых инвестиций в российскую отрасль добычи энергоресурсов. Однако это лишь первые пробные шаги, и присутствие китайских компаний никак нельзя сравнивать с долей западных. Как сообщает портал ChinaPro¹⁴⁹, 19 октября 2009 г. Китайская инвестиционная корпорация (CIC) приобрела 45% акций российской компании НК «Нобель Ойл», стоимость которой в сырьевом активе составляет 300 млн долл. Компания занимается разработкой нефтяных и газовых месторождений, при этом контрольный пакет акций российская сторона оставила за собой.

Статистические данные о китайском импорте нефти (табл. 4.13) говорят о том, что Россия занимает на нем четвертое-пятое место, что делает ее одним из важнейших партнеров Пекина в этой ключевой для него отрасли. В то же время российский экспорт не отличается стабильностью, то падая на 10–20%, то вновь возрастая. Активно диверсифицируя импорт нефти, Китай в последние годы пытается уйти от излишней зависимости от поставок с Ближнего Востока. При этом развиваются новые направления импорта: из Казахстана, Судана. В несколько раз в год возрастает и импорт из Ирака. В этой ситуации Россия может потерять свои позиции в пятерке основных китайских экспортеров. В то же время выход на проектную мощность ответвления на Китай нефтепровода ВСТО способен значительно увеличить экспорт российской нефти.

Уже около пяти лет идут переговоры между ОАО «Газпром» и Китайской нефтяной и химической корпорацией («Синопек») о поставках российского газа в КНР, однако стороны все еще не достигли договоренности о цене. Во время визита В.В. Путина в Китай в марте 2006 г. был подписан меморандум о взаимопонимании, в соответствии с ним Китай соглашался закупить 80 млрд кубометров газа, который будет поставляться по двум новым газопроводам. Протяженность первого газопровода «Алтай» составляет почти 2,7 тыс. км. Его строительство планировалось начать в 2009 г. из Западной Сибири в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Он должен был пройти по Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому округам, Томской и Новосибирской областям, Алтайскому краю и Республике Алтай. Данный маршрут должен был заработать в 2011–2012 гг.

¹⁴⁹ Китайская корпорация купила долю в нефтегазовой российской компании (<http://www.chinapro.ru/rubrics/1/2867/>).

Общая стоимость проекта — около 14 млрд долл. США. К 2010 г. все эти проекты еще не вступили в стадию практической реализации из-за отсутствия договоренности о цене российского газа, поставки российского газа в КНР осуществлялись только по спотовым контрактам.

Основным российско-китайским проектом в области атомной энергетики является Тяньваньская АЭС в 30 км от города Ляньюнган в провинции Цзянсу. Тяньваньская АЭС — самая крупная по единичной мощности энергоблоков среди всех в Китае, ее генеральный план предусматривает строительство восьми энергоблоков мощностью 1000 МВт каждый. В проекте участвует целый ряд российских компаний и научных центров, в том числе ЗАО «Атомстройэкспорт» (генеральный подрядчик), Санкт-Петербургский институт «Атомэнергопроект» (генеральный проектировщик), ОКБ «Гидропресс» (разработчик реакторной установки), РНЦ «Курчатовский институт» (научное руководство проектом), ОАО «Ижорские заводы» и ОАО «Силовые машины». Контракт на строительство был подписан в декабре 1997 г. Несмотря на претензии китайской стороны по поводу качества и затягивания некоторых работ, 20 декабря 2005 г. состоялся физический пуск первого энергоблока, а в июне 2007 г. он был сдан заказчику. 16 августа 2007 г. был сдан и второй энергоблок станции, одновременно станция была полностью запущена в гарантийную эксплуатацию. С 2009 г. станция работает в обычном режиме. 23 марта 2010 г. Цзянсуская ядерная энергетическая корпорация (JNPC) и ЗАО «Атомстройэкспорт» подписали рамочный контракт на строительство второй очереди Тяньваньской АЭС (3-го и 4-го энергоблоков). Стоимость строительства каждого энергоблока оценивается в 2–2,5 млрд долл.¹⁵⁰

Отдельным направлением сотрудничества в области атомной энергетики является производство на территории Китая обогащенного урана для его АЭС, которое осуществляется в соответствии с заключенным в 1992 г. межправительственным соглашением о сотрудничестве в сооружении на территории КНР газодиффузионного завода по обогащению урана и дополнительного протокола к нему от 1996 г. Строительство завода на основе российской газодиффузионной технологии осуществляется в рамках контрактов между ОАО «Техснабэкспорт» и Китайской компанией атомно-энергетической промышленности (CNEIC) в городе Ханьчжун провинции Шэньси. В 1996 г. сооружена первая очередь производительностью 200 тыс. ЕРР/год в городе Ханьчжуне, в 1998 г. — вторая очередь производительностью 300 тыс. ЕРР/год на той же площадке, в 2001 г. — третья очередь производительностью 500 тыс. ЕРР/год в городе Ланьчжоу (провинция Ганьсу). КНР взяла обязательство использовать получаемый на всех очередях обогащенный уран только для нужд атомной энергетики страны. Первые две очереди завода на площадке в Ханьчжуне поставлены под гарантии МАГАТЭ. В середине марта 2011 г. CNEIC приступила к вводу в эксплуатацию мощностей 4-й очереди завода в Ханьчжуне¹⁵¹.

Параллельно с сотрудничеством по развитию атомной энергетики Китай непосредственно закупает в России электроэнергию. Причем здесь существуют возможности увеличения российского экспорта. В 2006 г. Китайская государ-

¹⁵⁰ Кудряшов Д. В Китай без конкурса (<http://www.rbcdaily.ru/2007/09/28/industry/295531>).

¹⁵¹ На четвертой очереди газодиффузионного завода в Китае получена первая продукция (http://new.po-mayak.ru/main/v_mire/na_chetvertoj_ocheredi_gazodifuzionnogo_zavoda_v_kitae_poluchena_pervaya_produkcija/).

ственная электросетевая корпорация запросила у России 60 млрд кВт·ч в год к 2020 г. Однако Россия пока экспортирует лишь немногим более 1 млрд кВт·ч. Главным российским экспортером является ОАО «Восточная энергетическая компания». С марта 2009 г. осуществляется передача электроэнергии из Амурской области по ЛЭП 220 кВ «Благовещенская» на подстанцию «Айгунь» в городе Хэйхэ провинции Хэйлунцзян, до конца 2010 г. было поставлено 2058,1 млн кВт·ч электроэнергии¹⁵². Ряд других российских компаний также заявил о своих планах начать экспорт электроэнергии в Китай, однако здесь, как и в случае с газом, остро стоит вопрос цены.

Военно-техническое сотрудничество

В 90-е годы XX в. вооружение составляло значительную часть российского экспорта (15–20%, хотя он не учитывается в цифрах товарооборота). Это не случайно, ведь в этой области Китай мог приобрести у России товары такого уровня, доступ к которому на Западе для него закрыт из-за санкций, введенных после событий 1989 г. Значительная заинтересованность в сотрудничестве в продаже вооружений Китаю существовала и в России. Российская военная индустрия серьезно пострадала в результате экономической политики первой половины 1990-х годов. Сократив военный бюджет, российское правительство оказалось не в состоянии оплачивать военные заказы, что грозило оставить без средств к существованию сотни тысяч рабочих, занятых в военной промышленности. Экспорт стал единственным надежным источником финансирования российского ВПК, а Китай проявил большую заинтересованность в закупках российского оружия. По данным специалистов, уже в 1992 г. «Китай стал одним из основных объектов кампании по продвижению российского оружия на новые, “нетрадиционные” внешние рынки»¹⁵³. Как сообщал бывший глава основного российского экспортера оружия «Росвооружение» А.И. Котелкин, доходами от экспорта оружия финансировалось более 50% российского военного производства. Значительную часть этих доходов давали продажи оружия Китаю¹⁵⁴.

В период ельцинской неразберихи программа российских производителей вооружений была проста — «продавать кому угодно практически все, что угодно»¹⁵⁵. Формально в России действовала система контроля за экспортом вооружений¹⁵⁶ и МИД уверял, что «военно-техническое сотрудничество с Китаем развивается на основе полного соблюдения международных обязательств, взятых на себя Россией, и интересов собственной безопасности»¹⁵⁷. На практике, однако, по оценкам экспертов, «Министерство обороны и спецслужбы России не в состо-

¹⁵² Шибанов Д. Для России экономически привлекательными являются поставки электроэнергии в Китай (<http://www.vestsnab.ru/articles/20516.html>).

¹⁵³ Фельгенгауэр П. Оружие для Китая и национальная безопасность России // Россия в мировой торговле оружием: стратегия, политика, экономика. М.: Московский центр Карнеги, 1996. С. 128.

¹⁵⁴ Sergounin Alexander A., Subbotin Sergey V. Sino-Russian Military Co-operation: Russian Perspective // Regional Studies. 1997. Vol. 15. No. 4. P. 24.

¹⁵⁵ Фельгенгауэр П. Указ. соч. С. 135.

¹⁵⁶ Sergounin Alexander A., Subbotin Sergey V. Russian Arms Transfers to East Asia in the 1990s. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 44–70.

¹⁵⁷ России нужен сильный Китай (интервью с Г. Карасиным.) // Россия. 03.1997. № 3. С. 14.

янии точно установить, что было вывезено, а что нет, особенно в 1992 г., когда, по общему мнению, контроля практически не было»¹⁵⁸.

Для России эта торговля была крайне важна тем, что решала основные социальные проблемы (давала работу и зарплату десяткам тысяч рабочих оборонных предприятий) и позволяла развивать сконцентрированный в оборонном секторе технологический потенциал в условиях, когда средств собственного государства было явно недостаточно. По некоторым оценкам, в 90-е годы прошлого века 90% всего объема ВТС приходилось на две страны — Китай и Индию¹⁵⁹. Согласно оценке ведущего российского эксперта К.В. Макиенко, за 15 лет (1992–2007) Китай «совокупно потребил от 40% до половины всех российских военных поставок за рубеж», а «российская оборонная промышленность сохранилась, главным образом, если не исключительно, благодаря китайским и индийским закупкам». По мнению этого эксперта, внутренний российский государственный оборонный заказ по обычным вооружениям «начинает оказывать влияние на ситуацию в ОПК только где-то с 2004 года»¹⁶⁰. Наиболее активно Китай закупал российские боевые самолеты, корабли и средства ПВО.

В течение всего этого периода некоторые российские наблюдатели высказывали опасения относительно того, что продаваемое Китаю российское оружие может изменить стратегический баланс сил в Восточной Азии, привести к гонке вооружений и даже, в случае ухудшения отношений, быть обращено против самой России. Сторонники же развития ВТС с Китаем указывали на то, что китайская армия слишком отстала, чтобы в обозримом будущем представлять угрозу России, и ее основные усилия направлены на решение проблемы Тайваня, а это решение может затянуться на десятилетия, и в этой ситуации отказываться от выгодных контрактов было бы недальновидно.

Оценивая результаты российско-китайского ВТС в десятилетие 1992–2002 гг., К.В. Макиенко писал: «В результате закупок российских вооружений НОАК добила впечатляющего технологического прогресса, перейдя от эксплуатации систем вооружений второго послевоенного поколения к освоению и производству ВВТ четвертого и “четвертого с плюсом” поколений. Именно этот рывок является главным результатом десяти лет военно-технического сотрудничества с Россией. В силу того, что КНР закупала вооружения относительно небольшими партиями, этот шаг вперед не сделал КНР первоклассной военной державой глобального и даже регионального уровня, но создал предпосылки для достижения данного статуса к середине-концу второго десятилетия XXI в. Повторим: основной задачей военно-технической политики КНР в 1992–2002 гг. являлось не достижение военного превосходства над каким-либо государством или группой государств, а ликвидация технологического отставания НОАК. Весьма важным обстоятельством является ускорение количественного и качественного военно-технического роста, которое обозначилось после 1999 г.»¹⁶¹

¹⁵⁸ *Фельгенгауэр П.* Указ. соч. С. 136.

¹⁵⁹ *Сафронов С.* Главные партнеры РФ по ВТС — Индия, Китай, Алжир, Венесуэла и Вьетнам (http://ria.ru/defense_safety/20100302/211809823.html).

¹⁶⁰ К. Макиенко: За 15 лет Китай потребил до половины всех российских военных поставок за рубеж (http://vpk.name/news/2890_konstantin_makienko_za_15_let_kitai_potrebil_do_polovinyi_vseh_rossiiskih_voennyih_postavok_za_rubezh.html).

¹⁶¹ *Макиенко К.* Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. Доклад № 2 Российского представительства Центра оборонной информации. М.: Гендальф. Октябрь 2002. С. 38 (http://www.cast.ru/files/book/d429_2.pdf).

Официальная позиция Пекина заключается в том, что, модернизируя свои вооруженные силы, Китай не стремится с кем-то состязаться или кому-либо угрожать, но лишь сокращает технологическое отставание от других стран. Так, министр обороны Лян Гуанле разъяснял: «Военное и военно-техническое сотрудничество между двумя странами является важным содержанием китайско-российских отношений и стратегического партнерства. Оно в полной мере воплощает собой высокий уровень взаимного доверия и отношений стратегического партнерства, играет важную роль в деле поддержания международного стратегического равновесия, процесса установления многополярности в мире, содействия миру и стабильности на планете. Развитие военно-технического сотрудничества между Китаем и Россией отвечает соответствующим международным договорам и нормативным актам, является обычной международной практикой. Китайско-российское военное сотрудничество взаимовыгодно и не направлено против любой третьей стороны. Мы хотим на ныне существующей основе действительно и основательно реализовывать достигнутые между двумя сторонами соглашения, постоянно развивать и углублять военно-техническое сотрудничество, расширять практическое содержание отношений стратегического партнерства между двумя странами»¹⁶².

Официальный российский подход сформулировал заместитель министра иностранных дел А.П. Лосюков: «Что касается нашего военно-технического сотрудничества с Китаем, то должен сказать, что в течение двух последних десятилетий Китай двигался вперед, используя так называемый курс “четырёх модернизаций”. В Китае уделяли приоритетное внимание модернизации своей экономики. Все эти годы модернизация вооруженных сил Китая не была первым приоритетом. В общем-то она и сейчас не является главным приоритетом китайского руководства. За эти годы, конечно, шел научно-технический прогресс. Вооруженные силы Китая несколько отстали. Они не соответствуют уровню современного Китая. Поэтому сейчас Китай уделяет больше внимания развитию своих вооруженных сил. Естественно, в такой ситуации требуется и обновление научно-технической базы вооруженных сил, и закупка каких-то видов вооружений. И Китай будет, видимо, это делать в предстоящие годы и делает сейчас. Вопрос в том, как Китай это будет делать и где он будет закупать эти современные виды вооружений. Мы считаем, что в этой ситуации продажа Китаю определенных видов современных вооружений соответствует нашим интересам, потому что наш военно-промышленный комплекс сейчас испытывает трудности. Для того чтобы поддержать нашу промышленную базу, и не только, кстати, в военной области, обновить производство, модернизировать наши предприятия, мы нуждаемся в средствах. Один из путей получения этих средств — это торговля военно-технической продукцией. В том числе, учитывая дружественный характер наших отношений с Китаем, мы заинтересованы в продаже ему современных вооружений. В то же время это делается так, чтобы не нарушать сложившийся в регионе баланс военных потенциалов, не подрывать стабильность. Мы исходим из того, что современный рынок вооружений позволяет приобретать оружие не только в России, но и в других странах, и другие страны тоже заинтересованы в таком рынке, как Китай. На мировом рынке можно найти не только российские воору-

¹⁶² Министр обороны Китая о перспективах в области военного и военно-технического сотрудничества России и Китая. 28.05.2009 (<http://www.rodon.org/polit-090528100842>).

жения. Если бы мы не продавали Китаю современные вооружения, то он купил бы эти вооружения где-то в другом месте»¹⁶³.

С середины первого десятилетия нового века в китайских закупках российских вооружений наступил спад. Вызван он был целым рядом причин. С одной стороны, Россия диверсифицировала продажи вооружений, лидерами его закупок, кроме Китая и Индии, стали другие страны — Алжир, Венесуэла, Вьетнам, Сирия. С другой, российские производители вооружений стали сталкиваться с серьезной конкуренцией быстро развивающегося китайского ВПК. По сообщениям СМИ, «российские специалисты, имевшие возможность ознакомиться с китайскими авиационными, двигателестроительными и судовыми производствами, неизменно отмечают их первоклассный уровень. Кроме того, получая наше оружие, китайцы сразу же пытаются его копировать». Согласно комментарию автора сообщения, ссылающегося на мнение К.В. Макиенко, «пока эти усилия имеют ограниченный успех. Но опыт воспроизводства и последующего бесконечного совершенствования советских систем второго поколения (особенно истребителей МиГ-21) показывает, что рано или поздно китайцы решат эту задачу. Поэтому сейчас Китай стал добиваться резкого повышения технологического уровня предлагаемых Россией вооружений. Причем китайцы настаивают на закупках крайне ограниченных партий. При этом, в отличие от Индии, КНР не проявляет интереса к реализации совместных проектов по разработке и производству систем нового поколения»¹⁶⁴.

Несмотря на все эти трудности, ВТС остается важной частью двустороннего сотрудничества, а Китай — среди пяти важнейших импортеров российских вооружений. Центр анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО) оценивает общий объем российского военного экспорта в Китай в 14,055 млрд долл., а объем существующих российских контрактных обязательств с поставкой в 2010—2013 гг. — в 1,3 млрд долл. США. На состоявшемся 9 ноября 2010 г. в Пекине 15-м заседании российско-китайской межправительственной Комиссии по военно-техническому сотрудничеству был подписан ряд новых соглашений. По итогам переговоров в Пекине российский министр обороны А.Э. Сердюков сообщил российским журналистам: «Сегодня у нас есть динамика в развитии военно-технического сотрудничества, был некий период спада, но сейчас мы нашли новые темы для обсуждения, развития совместных разработок и, соответственно, поставок вооружения». Он уточнил, что это касается ПВО, военно-морских сил и ряда других сфер, в том числе авиации¹⁶⁵. По мнению директора ЦАМТО И.Ю. Коротченко, несмотря на имеющуюся практику копирования Китаем отдельных систем вооружения и военной техники российского производства, ВТС между Москвой и Пекином имеет хорошую перспективу. В то же время, согласно рекомендациям экспертов ЦАМТО, «при планировании дальнейшего ВТС с КНР Россия должна осуществлять поставки современных систем вооружения Пекину лишь крупными партиями, чтобы снизить негативный

¹⁶³ Военное и военно-техническое сотрудничество. Из интервью заместителя министра иностранных дел России А.П. Лосюкова агентству «Киодо цусин» 28 июня 2001 г. (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256a7f00505443!OpenDocument/>)

¹⁶⁴ Прощай, китайское оружие! (http://news.students.ru/2009/05/21/proshhaj_kitajskoe_oruzhie.html).

¹⁶⁵ Чаплыгина М. Министр обороны России Анатолий Сердюков отмечает положительную динамику в военно-техническом сотрудничестве РФ с Китаем (http://ria.ru/defense_safety/20101109/294183890.html).

эффект в случае, если китайский оборонно-промышленный комплекс попытается их клонировать». Кроме того, «следует полностью прекратить практику выполнения по китайским заказам научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, целью которых является доступ к передовым разработкам РФ в области бортовой радиолокации, двигателестроения, антенных систем с активными фазированными решетками, противовоздушной и противоракетной обороны, а также военной радиоэлектроники»¹⁶⁶.

Сотрудничество в гуманитарной сфере

Сотрудничество в гуманитарной сфере — важная часть двусторонних отношений, имеющая особое значение для углубления взаимопонимания между двумя народами. В 90-е годы XX века оно развивалось в рамках подписанного 18 декабря 1992 г. Соглашения о культурном сотрудничестве, создавшего договорно-правовую базу для развития связей в этой сфере. В первое десятилетие XXI в. основной движущей силой стала созданная в 2000 г. в рамках механизма регулярных встреч глав правительств Российско-китайская комиссия по сотрудничеству между Россией и Китаем в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. На 2010 г. в ее состав входили пять подкомиссий (по образованию, культуре, здравоохранению, спорту и туризму) и три рабочие группы (по СМИ, кинематографии и архивному делу). Председателями российской и китайской частей назначаются должностные лица на уровне заместителей главы правительства (в Китае — члена Госсовета).

Гуманитарные обмены между Россией и Китаем с самого начала развивались на всех уровнях, включая государственный, межведомственный, региональный и коммерческий. Особое внимание в Москве и Пекине уделяют таким ключевым аспектам гуманитарного сотрудничества, как расширение обмена между студентами, совместная подготовка бакалавров, регулярное проведение выставок в области образования, популяризация изучения русского языка в Китае и, соответственно, китайского языка в России, создание культурных центров, постоянное проведение фестивалей культуры и кино; профилактика инфекционных заболеваний, традиционная медицина, усиление контроля над обращением фармацевтических препаратов; содействие туристическому обмену, повышение качества услуг туристической индустрии; активизация контактов между СМИ.

Договорно-правовая база современного российско-китайского сотрудничества в области образования включает в себя межправительственные соглашения: о культурном сотрудничестве (от 18 декабря 1992 г.); о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях (от 26 июня 1995 г.); об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации (от 3 ноября 2005 г.); Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (от 9 ноября 2006 г.); протоколы заседаний российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования.

¹⁶⁶ За три года Россия поставит в Китай оружие на \$1,3 млрд (<http://www.newsland.ru/news/detail/id/590445/>).

В области образования одним из приоритетных направлений обе стороны считают активизацию студенческих обменов. Уже на рубеже веков российской стороной выражалась готовность в несколько раз увеличить число китайских студентов, обучающихся на контрактной основе в вузах России (на рубеже веков их было около 10 тыс. человек). В этих целях в Китае в мае 2001 г. и феврале 2002 г. были проведены выставки образовательных услуг российских вузов. В мае 2002 г. в Москве прошла выставка «Китайские вузы XXI века». В результате этих и подобных мер число китайских студентов в российских вузах удалось довести до 20 тысяч. В то же время, по информации российского посольства, на январь 2009 г. в китайских вузах обучался 7261 российский студент. В России принимают меры и по предоставлению китайским студентам различных стипендий. Так, в 2008/09 учебном году в вузы РФ было принято на различные формы обучения за счет средств федерального бюджета свыше 500 граждан Китая (в том числе за счет дополнительных стипендий, предоставляемых по линии общественных организаций или вузов, а также за счет расширения обменов по линии межвузовского сотрудничества).

При поддержке министерств образования обеих стран в России были созданы центры по изучению китайского языка, которые успешно функционировали при Московском государственном горном университете (с сентября 1993 г.), Санкт-Петербургском государственном университете (с февраля 1994 г.) и Дальневосточном государственном университете (с октября 2001 г.). По данным Министерства образования, за 10 лет с 1999 г. количество китайских вузов, в которых русский язык изучается в качестве основной специальности, увеличилось с 31 до 61, а общее число китайских студентов, обучающихся по специальности «русский язык», составило около 6500 человек, в числе которых свыше 400 учились в магистратуре и около 60 — в докторантуре. Кроме того, в 2009 г. русский язык как иностранный изучали в 98 китайских вузах 30 тысяч студентов (преподавание ведут почти 600 китайских преподавателей), а также больше 70 тысяч китайских школьников в 100 средних школах, расположенных, в основном, в северо-восточной части страны.

В 2001 г. в Китае были открыты три центра по изучению русского языка — на базе Пекинского университета иностранных языков, Шанхайского университета иностранных языков и Хэйлунцзянского университета (г. Харбин). Они занимаются совершенствованием методической подготовки преподавательского состава, разработкой методик в области преподавания русского языка, организацией семинаров, конференций и иных мероприятий, посвященных вопросам русского языка и культуры народов России, а также обеспечением литературой на русском языке, видео- и аудиоматериалами преподавателей и студентов, изучающих русский язык.

В первое десятилетие XXI в. в 13 российских вузах были открыты институты Конфуция, в которых для всех желающих преподают китайский язык и основы китайской культуры. За тот же период в Китае Фондом «Русский мир» было открыто шесть русских центров, в том числе один в Макао. В отличие от институтов Конфуция, в русских центрах из-за недостаточного финансирования чаще всего не преподают русский язык, а лишь предоставляют книги и другие материалы на русском языке. На восьмом заседании российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования в марте 2008 г. в Пекине было решено

придерживаться принципа равенства и взаимности при открытии центров русского языка в Китае и институтов Конфуция в России.

Многие российские и китайские вузы развивают прямые партнерские отношения, организуют обмены учебной, учебно-методической и научно-исследовательской литературой, взаимные обмены студентами, аспирантами, стажерами и научно-педагогическими работниками, совместную подготовку бакалавров и магистров. Для поощрения этой деятельности министерства образования двух стран принимают и реализуют рабочие планы двустороннего сотрудничества в области образования. Регулярно проводились выставки образовательных услуг российских и китайских образовательных учреждений, обмены группами студентов и школьников, студенческие фестивали. В 2008 г. было объявлено о создании Университета ШОС, в который вошли 53 ведущих вуза из государств-членов, в том числе 16 российских и 10 китайских.

Таблица 4.14

Обучение иностранных студентов в России

Страны	Число иностранных граждан, обучавшихся по очной форме в российских вузах, по странам происхождения, человек	
	2005/2006 год	2007/2008 год
1. Китай (включая Тайвань)	13 496	15 758
2. Казахстан	12 856	13 540
3. Индия	4 318	5 548
4. Украина	4 182	4 426
5. Вьетнам	4 917	4 556
6. Узбекистан	2 740	3 521
7. Малайзия	1 803	3 000
8. Белоруссия	2 083	2 595
9. Республика Корея	2 320	2 508
10. Азербайджан	2 052	2 450

Источник: Арефьев А. Российское образование на экспорт (http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/demoscope441_442.pdf).

Китай остается лидером по количеству иностранных студентов, обучающихся в вузах России (см. табл. 4.14). В то же время Россия занимает лишь 10-е место среди стран, привлекающих наибольшее количество китайских студентов (после США, Австралии, Японии, Великобритании, Южной Кореи, Канады, Сингапура, Франции и Германии)¹⁶⁷. В свою очередь, Россия по состоянию на 2011 г.

¹⁶⁷ Данные 2010 г. China sends large numbers of students abroad but succeeds in wooing them back. (<http://www.ibtimes.com/articles/124860/20110321/china-students-overseas-education-study-abroad-chinese.htm>).

занимала шестое место по числу студентов, обучающихся в Китае. Из более чем 290 тысяч иностранных студентов в Китае 62 442 были представителями Южной Кореи, 23 292 — США, 17 961 — Японии, 14 145 — Таиланда, 13 549 — Вьетнама, 13 340 — России, 10 957 — Индонезии, 9370 — Индии, 8516 — Пакистана, 8287 — Казахстана¹⁶⁸.

В 2001 г. впервые был подписан российско-китайский план спортивных обменов. В том же году китайское правительство включило Россию в список стран, в которые разрешено выезжать с туристическими целями гражданам КНР. Это значительно увеличило число китайских туристов в России. В то же время число российских туристов, посещающих Китай, в несколько раз больше. Китай, наряду с Финляндией и Турцией, вошел в число трех самых посещаемых россиянами стран. В сотрудничестве в сфере здравоохранения в последнее время заметное место занимает распространение в России лечебных методов традиционной китайской медицины, пользующихся все большей популярностью. Активно развивается туризм. В ноябре 1993 г. было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в области туризма. К началу нового века Китай прочно вошел в число самых любимых россиянами туристических направлений. Его ежегодно посещает 1,5–2 млн российских туристов. По этому показателю с Китаем соперничают только Турция и Египет. Китайских туристов приезжает в Россию гораздо меньше — менее 200 тыс. в год, но и здесь в количественном отношении они уступают только туристам из Германии¹⁶⁹.

Значительный вклад в развитие гуманитарных связей между двумя странами внесли многочисленные мероприятия, проведенные в рамках Года России в Китае (2006) и Года Китая в России (2007), а также Годов русского языка в Китае (2009) и китайского языка в России (2010). Они содействовали расширению знаний о культуре соседа в широких слоях населения, особенно среди молодежи.

Во время визита в Пекин в декабре 2008 г. министра культуры Российской Федерации А.А. Авдеева была подписана Программа сотрудничества на 2009–2010 гг. между министерствами культуры двух стран. В эту программу были включены крупномасштабные культурные акции, разработанные с учетом опыта проведения культурных мероприятий в рамках национальных Годов России и Китая, которые проводились поочередно в двух странах: дни и недели культуры, кинонедели, взаимное участие в международных фестивалях искусств, кинофестивалях, проводимых в обеих странах. В рамках празднования 60-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя странами в 2009 г. китайские коллективы провели в России Фестиваль китайской культуры. В 2009 г. в Пекине был открыт Российский культурный центр, в Москве создан Центр китайской культуры. В 2010 г. российские художественные коллективы приняли участие в культурных мероприятиях в рамках ЭКСПО-2010 в г. Шанхае.

В то же время и в России, и в Китае часто говорят о недостаточном развитии связей в гуманитарной области, о слабом знакомстве молодежи двух стран с культурой и современной жизнью друг друга, об уходе поколения, испытывающего

¹⁶⁸ 2011年全国来华留学生数据统计 (Статистические данные по количеству иностранных студентов в Китае за 2011 г.) (<http://www.cafsa.org.cn/index.php?mid=6>).

¹⁶⁹ Статистика выезда из России и въезда в Россию, 2002–2010 гг. (<http://profi.travel.ru/stats/inout.html>).

теплые чувства к соседу. Так, И.А. Рогачев писал: «Когда мы перечисляем события, свидетельствующие о положительной динамике роста российско-китайских гуманитарных связей, и намечаем перспективы их дальнейшего развития, следует, вместе с тем, объективно признать, что в настоящее время объем гуманитарного сотрудничества двух стран все еще отстает от общего уровня их стратегического партнерства и взаимодействия, достигнутого в политической сфере. Не анализируя здесь существующие проблемы, выскажем пожелание, чтобы средства массовой информации шире освещали главные события, происходящие в соседней стране. Недостаток такого рода знаний особенно ощущается при контактах с представителями молодого поколения. О современной культуре друг друга мы знаем пока еще очень мало. На общем фоне укрепления связей по линии учебных ведомств в течение ряда лет наблюдалось снижение интереса китайских граждан к российскому образованию. Китайская молодежь проявляла меньше интереса к изучению русского языка, и параллельно с этим значительно возросло число изучающих английский язык»¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Рогачев И.А. И снова о российско-китайских отношениях. // Китай. 2009. № 12 (http://www.kitaichina.com/se/txt/2009-12/09/content_233699.htm).

Основная литература

На русском языке

- Бажанов Е.П.* Эволюция внешней политики России // Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 1999.
- Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений, М.: Научная книга, 2002. Т. 2.
- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимоотношений. М.: Муравей, 2004.
- Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010.
- Киреев Г.В.* Россия-Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006.
- Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Владивосток: Дальнаука, 2006.
- Лукин А.В.* (ред.) Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения. М.: МГИМО-Университет, 2007.
- Рахманин О.Б.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М.: Памятники исторической мысли, 2002.
- Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. М.: Известия, 2005.
- Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М., 1999.
- Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
- Цянь Цичэнь.* Десять дипломатических событий. Пекин, 2005.

На китайском языке:

- 威文海 (Вэй Вэньхай): 中俄科技合作战略与对策 (Стратегия и политика сторон в китайско-российском научно-техническом сотрудничестве). 哈尔滨, 黑龙江大学出版社, 2007.
- 刘德喜、孙岩 (Лю Дэси, Сунь Янь): 苏联解体后的中俄关系 (Китайско-российские отношения после распада СССР). 哈尔滨, 黑龙江教育出版社, 1996.
- 薛君度、陆忠伟主编 (Под редакцией Сюэ Цзюньду и Лу Чжунвэя) 《面向二十一世纪的中国周边形势》 (Ситуация в приграничных регионах Китая на пороге XXI века). 北京, 时事出版社, 1995年.
- 姜毅 (Цзян И): 《新世纪的中俄关系》 (Китайско-российские отношения в новом веке). 北京, 世界知识出版社, 2007年.
- 周晓沛 (Чжоу Сяопэй) 《中苏中俄关系亲历记》 (Китайско-советские и китайско-российские отношения глазами участника). 北京, 世界知识出版社, 2010.

На английском языке

Garnett Sherman W. (ed.). *Rapprochement of Rivalry? Russia-China Relations in Changing Asia*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000.

Wishnick Elisabeth, *Mending Fences. The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin*. Seattle: University of Washington Press, 2001.

Хронология основных событий

1991

27 декабря переговоры в Москве о принципах новых отношений Пекина с Москвой.

1992

17–19 декабря визит в Пекин Президента РФ Б.Н. Ельцина, Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР.

1994

сентябрь визит в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя.

1996

во время визита в КНР Б.Н. Ельцина в Шанхае подписано соглашение об укреплении доверия в военной области.

1997

Цзян Цзэминь и Б.Н. Ельцин подписали в Москве российско-китайскую совместную Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка и соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

2001

15 июня в Шанхае подписана Декларация о создании ШОС.

июль

Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Цзян Цзэминь подписали в Москве российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

2002

на саммите ШОС в Санкт-Петербурге принята Хартия ШОС.

2004

Год дружбы молодежи России и Китая.

октябрь

в ходе визита В.В. Путина в Китай подписано Дополнительное соглашение о российско-китайской границе на ее восточной части.

2005

первые совместные учения «Мирная миссия-2005».

2006

Год Российской Федерации в Китайской Народной Республике.

2007

Год Китайской Народной Республики в Российской Федерации.

2009

Год русского языка в Китае.

2010

Год китайского языка в России.

сентябрь

визит в КНР Президента РФ Д.А. Медведева, подписано соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в Пекине прошла церемонии завершения строительства нефтепровода Россия–Китай (Сковородино–Дацин).

2011

саммит БРИКС в г. Санья (пров. Хайнань).

ГЛАВА 5

Замок с границы снят.

Приграничные регионы в российско-китайских отношениях

В.Г. Дацышен, В.Л. Ларин, Г.Н. Романова

В силу комплекса причин отношения между Россией и Китаем развивались не только на общегосударственном, но и на региональных уровнях. В истории отношений между двумя странами существенную роль всегда играли региональные связи¹. Преимущественно эти связи складывались вдоль протяженной (сегодня это 4250 км) линии государственной границы. Будучи окраинами, приграничные регионы России и Китая более, чем другие районы, зависели от отношений с соседями и развивались в сложном взаимодействии с сопредельными районами. Приграничные территории двух стран не только являлись инициаторами и основными участниками этих связей, но и посредниками в формировании отношений между внутренними территориями двух государств². Более того, региональный аспект русско-китайских отношений зачастую доминировал, определял развитие общих проблем отношений между двумя народами и государствами. Значительная часть важнейших политических мероприятий, направленных на развитие и изменение русско-китайских отношений, была инициирована и организована на уровне российских регионов.

Региональные политические связи до 1917 года

Уже первая экспедиция в Китай — положившее начало истории прямых и непосредственных русско-китайских отношений «посольство» во главе с томским казаком И. Петлиным в 1618 г. — была организована и отправлена в Китай тобольским воеводой. Присоединение Амура и в середине XVII в., и в середине XIX в. также было организовано и обеспечено местной сибирской администрацией и обществом. Региональный аспект двусторонних отношений ярко проявлялся при пограничном размежевании и решении территориальных споров. Например, одним из самых сложных в русско-китайских отношениях второй половины XVII в. был так называемый «Гантимуровый вопрос», связанный с подданством эвенкийского рода, жившего в верховьях Амура и возглавляемого

¹ В контексте данной главы мы рассматриваем региональные связи сутобо как отношения на уровне территорий России и Китая, а также расположенных в их пределах политических, экономических и иных организационных структур.

² Прямые отношения между такими внутренними территориями были достаточно разнообразными, но не отличались масштабом и стабильностью, а крайне разрозненная и ограниченная информация об их состоянии и характере не дает возможности представить их полную картину.

местным князьком Гантимуром. В 1656 г. Гантимур, плативший до этого ясак русским, пожег остроги и откочевал в Маньчжурию, получив от цинов высокий чин. Однако затем этот бывший хозяин спорных между русским и китайским государствами территорий вернулся в русское подданство. Китайские власти до 1689 г. требовали передачи Гантимура и его рода в руки маньчжуров, и этот конфликт носил принципиальный характер, так как давал победившей стороне решающие аргументы в территориальном споре³. Тем же был обусловлен вопрос вокруг предполагаемой в начале XVIII в. китайской экспедиции к Байкалу и на Ангару якобы для поиска каких-то «святынь». Русские власти не допустили экспедиции, согласившись с аргументом одного иезуитского миссионера, утверждавшего, что китайские чиновники планировали тайно поставить пограничные знаки, чтобы в дальнейшем, во время размежевания, сослаться на них⁴.

**ГАНТИМУР (? — ум. 1686) —
тунгусский (даурский) князь, родоначальник
русского княжеского рода Гантимуровых**

Впервые упоминается в показаниях даурских «языков» в 1649 г. В 1651 г. Гантимур заплатил ясак енисейскому казачьему атаману В. Колесникову. В 1654 г. разграбил Нерчинский острог П. Бекетова, после чего скрылся на территории Китая. Стремясь воспрепятствовать окончательному присоединению Амура к России, в 1653—1654 гг. маньчжуры силой переселили обьясаченное русскими первопроходцами население на свою территорию, и Гантимур был вынужден откочевать вслед за своими людьми в район р. Нонни (Нуньцзян). Цинские власти пожаловали ему высокий чин цзо-лина, четвертый по значимости в маньчжурских войсках. В 1667 г. Гантимур был послан уничтожить Камарский острог на Амуре, но не выполнил этого поручения, а с 40 родовыми старшинами пошел к Нерчинску и перешел на сторону России, о чем нерчинский воевода Д.Д. Аршинский немедленно сообщил в Москву. Вместе с Гантимуром из Китая ушли князья Зайсан и Бакай с родами Дулигарским, Баягирским и частью Дулигатского (более 500 человек), которые стали казаками пятисотенного тунгусского казачьего полка. Попытки китайского императора вернуть Гантимура в Китай не увенчались успехом. В 1685 г. Гантимур был крещен в Нерчинске под именем Петра. По грамоте царей Ивана V и Петра I Алексеевичей в 1686 г. Гантимур был пожалован княжеским достоинством и записан в дворяне по московскому списку. В том же году Гантимур был вызван в Москву, но по дороге умер в Нарыме, где и был похоронен. Княжеский род Гантимуровых в первой половине XVIII в. славился по всей Сибири своим богатством.

В результате пограничного размежевания и дипломатического оформления русско-китайских отношений в конце XVII — начале XVIII в. оформилась граница между двумя государствами. Нерчинским договором 1689 г. установленная граница закрывалась для свободного перехода. После вступления в силу «Кяхтинского трактата» 1727 г. вся граница, кроме двух переходов, была закрыта,

³ См. подробнее: *Артемьев А.Р.* России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. История Дальнего Востока России в лицах. Вып. I. Владивосток, 1995.

⁴ Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. I. М., 1978; *Дацышен В.Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616—1911 гг. Томск, 2005. С. 56—57.

русско-китайские отношения выводились на уровень правительств двух стран. Тем не менее в XVIII — первой половине XIX вв. двусторонние отношения на уровне регионов частично сохранялись, китайские официальные лица, часто и по собственной инициативе, посещали российские регионы, проводя встречи и переговоры с местными властями. Огромную роль в отношениях играли личные связи между кяхтинскими пограничными комиссарами и маймаченскими дзаргучеями⁵ (пограничными чиновниками), которые посещали друг друга со своим окружением не только с официальными целями, но и по разным торжественным случаям. Например, в августе 1807 г. большая китайская делегация принимала участие в устроенном в Троицкосавске торжестве по поводу «тезоименитства его императорского высочества». Администрация Восточной Сибири регулярно контактировала по различным проблемам с цинскими чиновниками в Урге (Кулунь). Так, в 1831 г. решался вопрос о возвращении двух пленных китайцев, привезенных в Западную Сибирь кокандским посольством⁶. Местные русские власти периодически встречались с китайскими чиновниками для решения двусторонних пограничных споров и проблем в районах отсутствия установленной границы, что видно, например, из рапорта «Пристава при казахах» А.Е. Врангеля генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову от 14 сентября 1849 г.⁷

И Шань 奕山 (1790—1878) — государственный деятель цинской империи

Родился в 1790 г. Принадлежал к высшей маньчжурской знати, племянник императора Даогуана. Маньчжурское имя Айсинь Гиоро. Принадлежал также к синему знамени с каймой восьмизнаменной маньчжурской армии. Занимал различные военные должности. В 1838 г. назначен военным губернатором (цзянцзюнем) Или (Кульджа). В 1841 г. во разгар Первой опиумной войны назначен военным губернатором Гуандуна. Пытался дать отпор англичанам, стянул из соседних провинций армейские силы и начал неудачное наступление на англичан, кончившееся поражением китайского флота. Вынужден был запросить перемирия и подписал «Соглашение о выкупе Гуанчжоу», которое предусматривало отвод войск от Гуанчжоу, выплату англичанам контрибуции и возврат китайцам фортов. В 1851 г. вновь назначен цзянцзюнем Или. Вел переговоры и подписал с китайской стороны (вместе с другим чиновником Бу Яньтаем) Кульджинский торговый договор с Россией, который открыл для русской торговли рынки Синьцзяна. В 1855 г. назначен новым императором Сяньфэном Хэйлунцзянским цзянцзюнем. Вел переговоры с Н.Н. Муравьевым и в 1858 г. подписал Айгунский договор, установивший границу с Россией по реке Амур. В 1860 г. подписал Пекинский договор, окончательно установивший границу на всем ее протяжении, причем вынужден был пойти на российские условия в связи с тяжелой ситуацией, сложившейся в результате Второй опиумной войны. Был обвинен императором в излишних уступках России, впал в немилость и был отозван в Пекин, где и умер в 1878 г.

⁵ Маймайчэн (кит. 買賣城, *Māimàichéng*); букв. торговый городок — название китайского торгового поселения близ русско-монгольской границы, так называемый *Маймайчэн-Кяхтинский*, «Монгольская Кяхта» (нынешний Алтан-Булак). *Дзаргучей* (заргучей) — маньчжурский чиновник, совмещающий судебные и административные функции.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 161. Оп. 10. Д. 2.

⁷ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1848, 1849, 1850 годы. Т. 7. Ташкент, 1915. С. 36–40.

Развитие Российской империи на востоке привело к активизации регионов на китайском направлении в середине XIX в. Одним из самых ярких примеров развития двусторонних отношений на региональном уровне стало решение «Амурского вопроса». В 1848 г. особый комитет под председательством канцлера К.В. Нессельроде принял решение навсегда отдать Китаю Приамурье, но генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев организовал и, опираясь на региональные ресурсы, обеспечил присоединение Приамурья к России. В мае 1858 г., после шестидневных переговоров между генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым и хэйлунцзянским цзянцзюнем (генерал-губернатором) И Шанем, в пограничном областном центре Айгуне был подписан «Договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле». Сразу же после подписания планировалось провести в Благовещенске специальный съезд глав пограничных территорий — военных губернаторов Амурской и Приморской областей и цзянцзюней Хэйлунцзянской и Гиринской провинций для «обсуждения и составления правил для плаванья и торговли по рекам Амурского бассейна»⁸. Отправленная Н.Н. Муравьевым экспедиция под руководством К.Ф. Будогосского прошла по линии намеченной границы и, при саботаже Пекина, в одностороннем порядке начала демаркацию границы. На западном участке российско-китайской границы общая политическая ситуация накануне пограничного размежевания во многом определялась «народной колонизацией свободных земель» с обеих сторон. За русско-китайское пограничное размежевание отвечали военный губернатор Семиреченской области, назначенный «Полномочным Комиссаром для постановки граничных знаков», и илийский хэбэй-амбань (баньши дачэнь).

**Константин Фаддеевич БУДОГОССКИЙ (1822–1875) —
генерал-майор, картограф и военный статист**

Получил военное образование в Дворянском полку в Санкт-Петербурге. По его окончании в августе 1842 г. в чине прапорщика поступил в 5-ю артиллерийскую бригаду, а в 1844 г. — в Военную академию, по окончании которой в 1846 г. был переведен на службу в Генеральный штаб. Отличился во время Крымской кампании: участвовал в сражении на Черной речке и находился на южной стороне Севастополя в последние дни его осады. За боевые отличия в 1855 г. был награжден орденами св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и св. Станислава 2-й степени с мечами. В 1857 г. в чине подполковника был назначен на должность обер-квартирмейстера штаба войск Восточной Сибири. В мае 1859 г. основал пост Турий Рог на озере Ханка. Принимал участие в работе по разграничению Уссурийского края с Китаем, руководил экспедицией, исследовавшей территории между морем и рекой Уссури. Результаты исследований представил Н.Н. Муравьеву и был послан с ними в Пекин, где они использовались при определении восточной части русско-китайской границы при заключении Пекинского договора 2 ноября 1860 г. В 1861 г. участвовал в комиссии по разграничению Амурского края с Китаем, составил первую карту Приамурья и Приморья, за что был награжден орденом св. Владимира 4-й степени и св. Анны

⁸ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 124. Л. 45.

2-й степени с короною и получил пожизненную пенсию. По возвращении из Сибири назначен обер-квартирмейстером Одесского военного округа. В 1864 г. он принял в командование 55-й пехотный Подольский полк. В 1865 г. был награжден орденом св. Владимира 3-й степени, произведен в генерал-майоры с назначением командиром 1-й бригады 12-й пехотной дивизии. В 1870 г. получил орден св. Станислава 1-й степени с мечами. Принимал участие в создании «Записок Императорского Русского Географического Общества». В честь К.Ф. Будогосского было названо казачье селение в нижнем течении р. Уссури (село Будогосское, ныне — Забайкальское).

Российская экспансия в направлении Китайской империи на всех исторических этапах была успешной только в ситуации заинтересованности в этом русских пограничных территорий, обеспечивавших расширение русского государства за счет региональных ресурсов. Если регионы были против экспансии, не имели возможности или потребности ее материально обеспечивать, политика России терпела неудачи. Так было в начале XVIII в., когда енисейские казаки отказались занимать Засаянский край. Хорошо известны неудачи российской экспансии в Маньчжурии на рубеже XIX–XX вв., которая с самого начала не была поддержана властями и обществом приграничных территорий.

С 1860-х гг. установилась новая система русско-китайских отношений. В это время были ликвидированы многие буферные зоны, разделявшие территории двух государств, граница была открыта, двусторонние отношения на уровне регионов приобрели массовый характер и стали важнейшей составляющей общей системы русско-китайских отношений. Главной проблемой политических отношений между двумя странами на уровне регионов являлось обеспечение контроля над границей и приграничными территориями — не только собственными, но и сопредельными. Активность проявляли как российские, так и китайские региональные власти. Например, в 1863 г. российский поверенный в делах в Пекине заявил главе Цзунлиямыня, что по причине непрекращающихся недоразумений, вызванных самовольным переходом китайскими чиновниками границы в районе Хуньчуня и около Хабаровки, вынужден дать генерал-губернатору Восточной Сибири новую инструкцию — применять силу⁹. В 1881 г. военный губернатор Приморья сообщал, что бессилён навести порядок, «настолько сильно парализующее влияние китайской пограничной администрации на китайское население края»¹⁰. Пытались китайские власти установить властные функции и на западных приграничных районах, например, в 1895 г. командировали в Зайсан чиновника, который был арестован и передан китайской стороне на ближайшем пограничном пикете Май-Капчагае¹¹. Россия во второй половине XIX в. активно действовала в этом направлении на границе с Синьцзяном, а с 1900 г. боролась за Приамурье.

Пекинским договором 1860 г. было закреплено право России и Китая назначать своих консулов в различные города. Первые российские консульства в приграничных регионах были открыты в Монголии и Синьцзяне. В 1911 г. в Китае работало 19 российских консульств. Китайское правительство впервые попыта-

⁹ РГИА ДВ.Ф. 87. Оп. 1. Д. 1076. Л. 9.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 124. Л. 21.

¹¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 552.

лось получить у России разрешение на учреждение своего консульства в середине 1880-х гг. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской выразил согласие на учреждение консульских агентов во Владивостоке и Благовещенске в сентябре 1896 г. Учреждение консульства в крепости, каковой статус имел Владивосток, по существующим тогда правилам не разрешалось, и представители различных уровней российской власти в Петербурге и Хабаровске поддержали идею учреждения поста китайского коммерческого агента. На эту должность был назначен бывший сотрудник китайской дипломатической миссии в Петербурге Ли Цзяо, прибывший в августе 1897 г. с секретарем и шестью служащими во Владивосток. Он приобрел известность во Владивостоке благодаря своей деятельности и в 1905 г. стал единственным китайцем, выбранным действительным членом Общества изучения Амурского края. Позднее, в 1922 г., он стал одним из учредителей Общества изучения Маньчжурского края в Харбине. Ли Цзяо почти десять лет работал во Владивостоке, в 1906 г. на его должность был назначен Гуй Фан, утвержденный в марте 1909 г. первым консулом Китая на Дальнем Востоке России. После образования Китайской Республики (КР) Пекин вновь поднял вопрос об открытии китайских консульств в российских регионах. В 1915 г. китайский консул был назначен в Иркутске. Им стал Гуань Шанпин¹².

**ЛИ Цзяо 李家鏊 (1863–1926) — китайский дипломат,
первый официальный представитель Цинской империи в Приамурье,
первый представитель Китая в СССР**

Родился в 1863 г. в Шанхае. В конце XIX в. начал карьеру в дипломатической миссии Цинской империи в Санкт-Петербурге. В 1894 по протекции Ли Хунчжана получил должность на Желтугинских (Мохэ) золотых приисках на Амуре. Служил чиновником на российско-китайской границе, занимался делами России в канцелярии Ли Хунчжана в Тяньцзине, был его личным секретарем, работал в организованном им Тяньцзинском училище русского языка. В 1897 г. направлен во Владивосток в качестве коммерческого агента, так как учреждение консульства не предусматривалось в «крепости» (статус Владивостока на тот период). В конце XIX в. был одним из самых известных политических и общественных деятелей Владивостока. Развернул активную деятельность, организовал учет китайского населения, собирал секретные сведения для Пекина, со своими сотрудниками активно защищал интересы китайских подданных, в частности, ходатайствовал против их высылки в случае задержания без паспорта. Во время подавления восстания ихэтуаней в 1900 г. во многом благодаря его деятельности во Владивостоке удалось избежать китайских погромов. Активно сотрудничал с местными русскими властями и общественностью. Осенью 1899 г. выступил с речью в качестве официального китайского представителя на открытии Восточного института, в дальнейшем принимал участие в ежегодных конференциях института. В 1905 г. стал единственным китайцем, выбранным действительным членом Общества изучения Амурского края. По ходатайству Ли Цзяо в начале 1906 г. на средства китайского купечества в помощь полиции была организована китайская милиция в подчинении Владивостокского полицейского управления.

¹² См. подробнее: *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

После отъезда из Владивостока, где пробыл почти 10 лет, вскоре вновь получил назначение на работу в Россию. В июне 1909 г. выехал в Петербург в качестве советника посольства Дай Хунцы. После возвращения из Петербурга занимал ряд высоких постов в Маньчжурии, отвечал за переговоры о судьбе КВЖД. В сентябре 1917 г. назначен генеральным консулом во Владивостоке. С сентября 1919 по май 1920 г. занимал должность китайского дипломатического представителя в Сибири, затем работал в министерстве иностранных дел в Пекине. В августе 1921 г. назначен судебной палаты Специального района Трех восточных провинций. В 1922 г. вошел в число учредителей организованного русскими эмигрантами в Харбине Общества изучения Маньчжурского края. В октябре 1923 г. направлен с дипломатической миссией в Москву, стал первым полномочным дипломатическим представителем (в ранге посланника) Китайской Республики в СССР. Свободно владея русским языком, проделал большую работу по налаживанию советско-китайских отношений. В 1925 г. получил пост посланника в Финляндии. Умер в сентябре 1926 г. в Москве.

Россия и Китай, будучи в XIX в. традиционными империями, имели сложную систему государственного и территориально-административного устройства. Вопросы двусторонних отношений находились в ведении как центральных органов власти, так и генерал-губернаторов, губернаторов и других местных руководителей. Данная ситуация была закреплена и двусторонними соглашениями, например, в Пекинском договоре 1860 г. говорилось, что кроме сношений, производившихся между кяхтинским градоначальником и ургинскими правителями и между генерал-губернатором Западной Сибири и Илийским управлением, пограничные сношения будут еще осуществляться между военными губернаторами Амурской и Приморской областей и хэйлунцзянским и гиринским цзянцзюнями, между кяхтинским пограничным комиссаром и цзаргучеем (бу-юань). В случае дел особой важности, генерал-губернатору Восточной Сибири предоставлялось право иметь письменные сношения с Цзюньцзичу (верховным советом) или Лифаньюанем (внешнеполитическим ведомством) в Пекине. К середине XIX в. в пограничных с Китаем регионах России существовала территориально-административная система, созданная Сибирской реформой 1822 г. Российские земли входили в состав Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств. Затем, в начале 80-х гг. XIX в. произошла реорганизация, по инициативе министра внутренних дел, полагавшего «целесообразным представить ведение Западно-Китайскими делами в одне руки»¹³, в 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было ликвидировано, приграничные с Синьцзяном две российские области вошли в состав вновь образованного Степного генерал-губернаторства. В 1884 г. из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства выделилось Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого и вошли пограничные Забайкальская, Амурская и Приморская области. Местные органы власти имели специальный штат чиновников, отвечающих за отношения с Китаем. При генерал-губернаторах имелись должности «заведующих дипломатической частью» и «чиновников по дипломатической части», в канцеляриях военных губернаторов приграничных областей имелась дипломатическая часть. На границах с Китаем создавались и специальные административные единицы, такие как отдельные градоначальства или пограничные округа, например,

¹³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

Усинский пограничный округ¹⁴. До середины XIX в. китайской пограничной линией заведовал троицкосавский пограничный начальник, назначаемый министром иностранных дел по согласованию с генерал-губернатором Восточной Сибири. В 1851 г. при Кяхтинском градоначальнике для сношений с китайским начальником Маймачена была создана должность пограничного комиссара. Позднее она была введена в Южно-Уссурийском крае и в Амурской области, наряду с должностями, совмещающими полномочия пограничных и окружных (уездных) начальников.

**Сергей Михайлович ДУХОВСКОЙ (1838–1901) —
русский государственный и военный деятель,
приамурский генерал-губернатор (1893–1898)**

Родился в Санкт-Петербурге в аристократической семье. Окончил Санкт-Петербургский кадетский корпус, Николаевскую инженерную академию и Академию Генерального штаба. 17 лет прослужил на Кавказе, пройдя путь от порученца при Главном штабе



Кавказской армии до начальника штаба Действующего корпуса на кавказско-турецкой границе. За храбрость, проявленную в боях на Кавказе, был награжден Георгиевским крестом. В 1873 г. произведен в генерал-майоры. За войну 1877–1878 гг. был награжден орденами св. Анны 1-й степени с мечами (17 декабря 1878 г.) и св. Владимира 2-й степени с мечами (15 июля 1879 г.). 14 лет возглавлял штаб Московского военного округа. 30 августа 1886 г. произведен в генерал-лейтенанты. С 9 марта 1893 по март 1898 г. занимал пост Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками приамурского военного округа. Его стараниями были заведены регулярные пароходные рейсы между Европейской Россией и Дальним Востоком, оборудован Владивостокский порт, построена железная дорога, соединившая Хабаровск с Владивостоком, начата

колонизация северных областей края и урегулировано сообщение с этими окраинами по берегу Охотского моря и Камчатки, создана газета «Приамурские ведомости». Принимал активное участие в организации Приамурского отдела Императорского географического общества, естественно-исторического музея и общедоступной библиотеки при нем. Внес большой вклад в развитие учебных и лечебных заведений в крае, строительстве помещений для войск, улучшение быта офицеров, учреждение военных собраний и библиотек при них. Предложил название города Хабаровска, заложил основы местного самоуправления: в 1894 г. в Хабаровске состоялись первые выборы в Хабаровскую городскую думу, создана городская управа. Покровительствовал местным народам Амура, старался не нарушать их самобытность, поощрял национальные праздники. В 1898 г. переведен на должность генерал-губернатора в Туркестан. В 1899 г. ему и его жене Ташкентская городская дума присвоила звание «почетный гражданин Ташкента». 6 декабря 1900 г. произведен в генералы от инфантерии и 1 января 1901 г. назначен членом Государственного совета. Умер 1 марта 1901 г. от сердечного приступа, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

¹⁴ См. подробнее: Дацышен В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005.

В пограничных с Россией районах Цинской империи также существовала сложная военно-административная система, отношениями с Россией ведали различные местные должностные лица. Цзянцзюни и фудутуны (областные военные губернаторы) имели право внешних сношений с равными по статусу представителями русской местной власти. В областных администрациях имелись должности дипломатических чиновников (цзяошэюань), назначаемых самими фудутунами. В 1913 г. расположенные на Амуре два округа были объединены в отдельный пограничный округ с центром в Хэйхэ, вскоре преобразованный в даоиньство¹⁵, глава которого лично ведал дипломатическими сношениями с приграничными российскими территориями. Серьезной проблемой в двусторонних отношениях было то, что китайская сторона приравнивала цзянцзюня к российскому генерал-губернатору, а русская, как это и было закреплено двусторонними соглашениями, — к военному губернатору. Китайская сторона приравнивала фудутуна к военному губернатору (по российским законоположениям равным фудутуну в двусторонних отношениях считался пограничный комиссар). Реформы территориально-административного устройства приграничных с Россией территорий Китая в начале XX в. не привели к изъятию из ведения местных властей дипломатических функций.

В разрешение ряда проблем двусторонних отношений центральные власти вообще не вмешивались. Например, Пекин оставил без внимания события так называемой «Манзовской войны», когда летом 1868 г. русские воинские отряды силой подавили первое и единственное значительное выступление китайцев против русских в Приморье. Петербург не стал вмешиваться в «решение» китайцами так называемого «Желтугинского вопроса», когда в 1886 г. маньчжурскими войсками была уничтожена «золотопромышленная республика» на китайском берегу Амура, созданная по большей части российскими подданными¹⁶. Участие местных русских властей было ограничено «пожеланием» китайскому начальству «по возможности не применять к русским мер физического воздействия». В очередной раз Пекин не стал формально вмешиваться в события на границе, когда в 1908 г. тувинский нойон Хайдуб поставил свои военные пикеты в устье р. Ус и двух других местах на русской территории, а казачий отряд и местные дружинники пикеты ликвидировали силой¹⁷.

Были в истории русско-китайских отношений примеры, когда центральные власти поступали вопреки рекомендациям местных властей или вообще отменяли их решения. Наиболее показательными в этом отношении стали события конца XIX — начала XX в. на Дальнем Востоке. Петербург не прислушался к мнению приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, выступавшего против строительства КВЖД. Летом 1900 г. приамурский генерал-губернатор Н.И. Продеков вел борьбу за аннексию северо-маньчжурских земель, захваченных при отражении китайского нападения на Благовещенск. На основании его предписаний военный губернатор Амурской области объявил об изъятии захваченных земель из всякого ведения китайских властей, а управление ими было возложено на пограничного комиссара с резиденцией в Айгуне. Дальневосточные власти и дальше надеялись на поддержку своих планов в столице, уже после правительственного сообщения об отказе от тер-

¹⁵ Округ. От 道臺 (даоинь) — начальник округа.

¹⁶ См. подробнее: Дацышен В.Г., Гурулев В.А. «Амурская Калифорния». История Желтугинских золотых приисков // Сибирь. 2001. № 5.

¹⁷ См. подробнее: Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг.

риториальных приобретений, на месте уничтоженного Сахалына¹⁸ состоялось освящение российского поста «Ильинский», где было торжественно объявлено о присоединении к России правого берега Амура¹⁹. Однако Петербург не поддержал этой инициативы, заявив о признании территориальной целостности Китая.

**Николай Иванович ГРОДЕКОВ (1843—1913) —
государственный и военный деятель России,
приамурский генерал-губернатор (1898—1906)**

Родился в семье офицера в городе Елизаветграде (ныне Кировоград). Образование получил в Александровском сиротском кадетском корпусе и Константиновском военном училище, после окончания которого в 1862 г. начал военную службу в стрелковом батальоне. В 1868 г. окончил академию. Служил в Генеральном штабе, на Кубани и штабе Кавказского военного округа. В 1876 г. переведен в Туркестанский военный округ, которым командовал М.Д. Скобелев, в 30 лет был произведен в полковники. За проявленные в боях героизм и отвагу был награжден высшим военным орденом России — св. Георгия IV степени. В свободное от службы время Н.И. Гродеков занимался этнографическими изысканиями, собирал восточную библиотеку, коллекцию предметов культа. В ноябре 1889 г. избран действительным членом Российского географического общества. В 1893 г. назначен помощником Амурского губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа. Организовал



отдел Императорского географического общества в Хабаровске, открыл там же публичную библиотеку и музей с богатейшими коллекциями по археологии, этнографии и фауне края. В 1898 г. назначен Приамурским генерал-губернатором и командующим войсками округа. С именем Н.И. Гродекова связано строительство здания для естественно-исторического музея и создание художественного музея в Хабаровске. В октябре 1899 г. участвовал в открытии Восточного института во Владивостоке. При нем был открыт кадетский корпус (главный корпус штаба КДВО), реальное училище (в его здании размещается теперь 3-я городская клиническая больница им. С.К. Нечепаяева), начальные школы и др. Основал краеведческий музей, который сегодня носит его имя. Во время «боксерского» восстания 1900 г. Н.И. Гродекову была поручена оборона Приамурья и усмирение китайских волнений в Северной Маньчжурии, при этом он требовал от подчиненных применять оружие «только ввиду действительной надобности». За успешное освобождение от восставших Амура и возобновление свободного плавания судов, восстановление спокойствия в районе строительства КВЖД получил украшенную бриллиантами золотую шашку с надписью: «За победы в Северной Маньчжурии 1900 г.» и произведен в генералы от инфантерии. В 1902 г. Н.И. Гродеков назначен членом Государственного Совета, переехал в Санкт-Петербург. Уезжая из Хабаровска, передал музею в Хабаровске все свои коллекции. Во время русско-японской войны был членом Совета государственной обороны. В 1906 г. назначен командующий войсками на Дальнем Востоке. В 1906—1908 гг. — Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. Умер в Петербурге в декабре 1913 г. Автор многочисленных научных работ и мемуаров. Его имя носит населенный пункт Гродеково — ныне поселок городского типа на юго-западе Приморского края, административный центр Пограничного района.

¹⁸ Китайское название Хэйхэ.

¹⁹ См. подробнее: *Дацышен В.Г.* Русско-китайская война. Маньчжурия, 1900. СПб., 1996.

Решение проблем в отношениях между жителями двух стран часто передавалось на уровень местного самоуправления, под наблюдением местных чиновников. Самой распространенной формой были так называемые «международные съезды». Для решения проблемы преступности на западном участке границы Особое совещание в 1883 г. предусмотрело устройство «международных киргизских съездов», а в 1884 г. по этому поводу в Чугучаке было заключено специальное соглашение, «съезды» собирались раз в три года и решали спорные вопросы между российскими и китайскими казахами. Подобные институты были оформлены и на других участках российско-китайской границы. На местном уровне решались и многочисленные территориально-пограничные «недоразумения» между Россией и Китаем. Например, в десяти верстах от линии русско-китайской границы на российской территории оказался китайский пограничный караул Юстыд²⁰, после долгих разбирательств китайцы согласились с тем, что находятся на русской территории, но «с согласия» русских властей там же и остались²¹.

Общая этнополитическая обстановка в регионах определяла ситуацию вокруг беженцев в пограничных районах. Десятки тысяч беженцев из Синьцзяна, спасавшихся от мусульманских фанатиков в 60-х гг. XIX в., не были приняты местным обществом. Даже семиреченские казаки не стали терпимо относиться к принявшим православие и зачисленным в казачье сословие представителям цинского населения Синьцзяна. По-иному сложилась судьба следующей волны беженцев, мусульманских переселенцев 1870—1880-х гг. Большинство политических вопросов, касавшихся русско-китайских отношений в регионе, решались или на месте, на переговорах между военными губернаторами и Илийским цзянцзюнем, либо с подачи и даже «под давлением» местных властей.

Переговорами на уровне регионов во второй половине XIX в. решались многие сложнейшие проблемы в двусторонних отношениях, носившие комплексный характер. Пример тому — «Савеловский вопрос», вызванный в 1880-х гг. не столько спорами о линии границы, сколько общей ситуацией в Южно-Уссурийском крае, когда цинские власти и местное приграничное население не могли или не хотели адекватно воспринять факт суверенитета России над данной территорией. Особое совещание по вопросам разграничения в Южно-Уссурийском крае работало в Иркутске, смета расходов на разграничительные работы утверждалась генерал-губернатором. Окончательные работы по демаркации линии границы были проведены в 1886 г., главой пограничной комиссии был военный губернатор Приморской области, с китайской стороны комиссию возглавляли гиринский цзянцзюнь и хуньчуньский фудутун²². Во время обострившегося в начале XX в. еще одного погранично-территориального спора иркутским генерал-губернатором была направлена специальная комиссия во главе с подполковником Н.А. Ждановым для исследования оспариваемого китайцами участка границы в районе станции Маньчжурия. В начале 1911 г. главой русской

²⁰ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее — ЦХАФ АК). Ф. 170. Оп. 1. Д. 81.

²¹ См. подробнее: *Дацышен В.Г.* Пограничный караул Юстыд. Из истории русско-китайских «недоразумений» на Алтае в конце XIX в. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур / Материалы III международной научно-практической конференции.* Барнаул, 2001.

²² См. подробнее: *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX в. Кызыл, 2000.

делегации на переговорах был назначен генерал-майор Н.П.Путилов, главой китайской делегации стал хэйлунцзянский губернатор Чжоу Шимо, и с подписанием Цицикарского протокола проблема была урегулирована²³.

Важным вопросом в российско-китайских отношениях была проблема режима пограничных рек. Петербургский договор 1881 г. обозначил ее решение через заключение в будущем специального двустороннего соглашения по данному вопросу. Но запланированный съезд в Приамурье не состоялся, все попытки прийти к взаимоприемлемым условиям успеха не имели. Вследствие этого китайские власти не пускали русские суда на Сунгари, а русские ограничивали возможности развития китайского судоходства по Амуру. Формально не признавая право выхода китайских судов по Тумангану в море, русские власти не создавали им препятствий в этом. В 1909 г. Китай установил «Временные правила о судоходстве на Сунгари», вводившие пошлины для русских судов, но Россия выразила протест, и для урегулирования конфликта в регионе была создана специальная комиссия. В 1910 г. на Амуре появились китайские паровые суда, что не соответствовало ни интересам России, ни двусторонним договоренностям, и в 1914 г. Приамурский генерал-губернатор предложил запретить всякое китайское судоходство на Амуре. Летом 1915 г. генерал-губернатор не разрешил приехать в Хабаровск на китайском пароходе даже хэйлунцзянскому губернатору, получившему на то разрешение из Петербурга.

Региональные власти и общественность постоянно инициировали рассмотрение различных вопросов в русско-китайских отношениях на самом высоком уровне. Например, летом 1879 г. глава МИД сообщал генерал-губернатору Восточной Сибири, что граждане города Минусинска обратились в МИД с докладной запиской, предлагая решить в пользу России во время переговоров с китайским посланником вопрос «о необходимости исправления границы»²⁴. Они просили перенести границу с Саян на Танну-Ола или присоединить к России хотя бы все правобережье верховьев Енисея. Из Петербурга предписали известить граждан Минусинска, что просьба не может быть удовлетворена²⁵. По инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина весной 1882 г. в Петербурге был принят для рассмотрения «Китайский вопрос», включавший в себя следующие проблемы: регулирование торговли китайцев внутри Сибири; положение китайцев Амурской области; положение их же в Приморской области; нужды российской золотопромышленности и торговли в верховьях Енисея²⁶. В это же время степной генерал-губернатор и военный губернатор Семиреченской области занимались решением так называемого «Барлыкского вопроса», пытаясь договориться о переносе линии русско-китайской границы в Тарбагатае²⁷.

Активность двусторонних отношений на уровне регионов во многом объяснялась специфической ситуацией на русско-китайской границе. Но собственно региональный уровень русско-китайских отношений был обусловлен имперским устройством российского и китайского государств.

²³ Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 8.

²⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 20.

²⁵ Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 301.

²⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4237.

²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 35.

Культурные контакты

Отношения между Россией и Китаем в сфере образования, науки, культуры и религии на уровне регионов в XVII — начале XX в. развивались слабо, особенно в части взаимодействия между собственно русским и китайским (хань) населением двух империй. Обусловлено это было спецификой ориентированной на Европу русской и «замкнутой на себя» китайской культур. Русское общество черпало знания о Китае, испытывало влияние китайской культуры в основном не напрямую, а через западных соседей. Китайцы воспринимали русских не как европейцев — «заморских чертей», а как «северных варваров». Тем не менее региональный аспект русско-китайских отношений в сфере культуры являлся важным фактором не только двусторонних связей, но развития обеих стран в целом.

На протяжении целого века русско-китайские отношения развивались в условиях, когда ни в России, ни в Китае не было переводчиков, знатоков языка и культуры соседней страны. Отношения по большей части строились благодаря интегрированности в русское и китайское культурно-политическое пространство азиатских «регионов-посредников», переговоры велись посредством алтайских языков, носители которых жили в обеих странах или поддерживали связи в торгово-экономической сфере между Центральной Азией, Сибирью, Восточной Европой и Дальним Востоком. Типичным примером использования языков-посредников явились переговоры в Пекине первого русского официального посольства во главе с Ф.И. Байковым в 1655 г. Сказанное цинскими чиновниками переводил на монгольский язык бухарец, а уже с монгольского на русский переводил тобольский конный казак. Затем с начала XVIII в. посреднические функции в значительной части взяла на себя Сибирь. Для межнационального общения торговцев в Кяхте появился своеобразный язык, представляющий собой сильно испорченный русский, которым овладевали китайские купцы.

Федор Исакович БАЙКОВ (1612–1663?) — русский государственный деятель

Родился в семье стрелецкого головы, который в 1629 г. был пожалован в дворяне московские и впоследствии занимал место воеводы в Таре и Валуйках. Впервые упоминается в числе стольников патриарха Филарета (1627). В 1654 г. направлен царем Алексеем Михайловичем в Цинскую империю во главе русского посольства для «присматривания в торгах и товарах и в прочих тамошних поведениях» — то есть для установления регулярных дипломатических и торговых отношений с Китаем. Миссия Ф.И. Байкова прибыла в Пекин 3 марта 1656 г. Должен был добиваться аудиенции у маньчжурского императора для вручения грамоты и подарков от Алексея Михайловича, но отказался исполнить унижительные придворные обряды. Был со всей своей свитой изолирован на полгода, в течение которого цинские власти, угрожая ему смертной казнью, пытались заставить исполнить церемонию «коу-тоу»: трижды опуститься на колени и каждый раз по три раза бить челом об пол, что по китайским понятиям означало бы признание Русским государством верховенства империи Цин. Не добившись требуемого, 4 сентября 1656 г. цинские власти выслали Ф.И. Байкова из Пекина. По возвращении в Москву Ф.И. Байков составил «Статейный список» — подробный и обстоятельный отчет о своей поездке, в котором содержались важные сведения о Китае.

Первая Русская духовная миссия в Пекин была снаряжена Тобольским митрополитом и Сибирским губернатором. В основе российского китаеведческого образования²⁸ была открытая в 1725 г. в Иркутске школа подготовки переводчиков китайского и монгольского языков. Первым русским китаеведом стал И.К. Рассохин, родившийся в семье священника в селе Хилок близ Селенгинска. Он предложил первую русскую транскрипцию китайских иероглифов. В Пекине и позднее училось и работало немало сибиряков. Например, в состав 6-й духовной миссии в качестве учеников были назначены трое учащихся Тобольской духовной семинарии.

Развитие двусторонних связей, в том числе и на уровне регионов, вызывало потребность подготовки в Сибири переводчиков и просто образованных людей, знакомых с языками народов Цинской империи. В 1773 г. Екатериной II был утвержден доклад Правительствующего Сената «Об определении в Иркутской губернской канцелярии для китайского и монгольского языков одного переводчика...»²⁹, который обучал бы этим языкам учеников. В 1789 г. в Сибири было создано специальное учебное заведение — Азиатская школа в Омске для детей казачьего сословия, татар и казахов, которые изучали тюркский, маньчжурский и монгольский языки. В это же время в Сибири было открыто Главное народное училище в Иркутске с преподаванием монгольского, китайского, маньчжурского и японского языков. Правда, спустя четыре года преподавание этих языков в училище было прекращено в первую очередь из-за отсутствия учителей. В 1806 г. Коллегия иностранных дел выработала проект учреждения классов восточных языков при некоторых гимназиях, в Иркутске предполагалось ввести изучение китайского и маньчжурского языков, и «для предполагаемого в Иркутске заведения Азиатских языков»³⁰ были в 1821 г. из Пекина доставлены учебные пособия и словари. В конечном итоге из всех проектов введения преподавания китайского языка в Сибири успехом увенчалась только работа по созданию школы переводчиков в Кяхте.

В начале 1830 г., по инициативе архимандрита Иакинфа (Н.Я. Бичурин) и члена-корреспондента Академии наук П.Л. Шиллинга было открыто Кяхтинское училище китайского языка. Оно явилось качественно новым этапом синологического образования, в нем впервые была составлена учебная программа. Специально для Кяхтинского училища Н.Я. Бичурин написал грамматику китайского языка, а также несколько специальных учебных пособий. Кяхтинское китаеведение явилось важным фактором успешного для России решения «амурского вопроса»: в середине XIX в., в 1854 г., директор училища К.Г. Крымский был назначен переводчиком Азиатского департамента МИД, принимал участие в экспедиции на Амур и в российско-китайских переговорах³¹. Однако училище китайского языка в Кяхте не смогло пережить как своих основателей, так и той исторической эпохи, в которой оно возникло. С начала 1860-х гг. все, кто имел интерес и потребность в изучении Китая, получили возможность выехать в Цинскую империю. После смерти К.Г. Крымского в 1861 г. училище практически прекратило свое существование.

²⁸ Об истории китаеведческого образования см. подробнее: *Дацышен В.Г.* История изучения китайского языка в Российской империи. 2-е изд., испр. и дополн. Благовещенск, 2006.

²⁹ *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 95.

³⁰ *Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию. Ч. II. СПб., 1824. С. 394.

³¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 39.

Павел Львович ШИЛЛИНГ
(Пауль Шиллинг фон Конштадт) (1786—1837) —
всемирно известный ученый-электротехник,
востоковед

Родился в Ревеле (Таллинн) в семье барона Л.Ф. Шиллинга — командира пехотного полка. В 1802 г. окончил Первый кадетский корпус в Санкт-Петербурге, год служил в Генштабе русской армии. В 1810—1812 гг. работал переводчиком в русском посольстве в Мюнхене, где познакомился с изобретателем электролитического телеграфа С.Т. Земмерингом. Занимался разработкой первых подводных и подземных кабелей связи, которые были использованы в опытах по электрическому взрыванию мин на расстоянии, после чего такие мины поступили на вооружение русской армии. В 1812 г. добровольцем воевал против Наполеона в составе 3-го Сумского драгунского полка. После вступления русской армии в Париж в 1814 г. награжден боевым орденом Св. Владимира с бантом и саблей с надписью «За храбрость». Вскоре оставил военную службу и посвятил себя науке. В 1813—1816 гг. освоил технику литографирования, в 1817 г. возглавил первую в России литографию Министерства иностранных дел, изготавливавшую топографические карты для армии и китайские рукописи. Был ценителем и собирателем китайских и тибетских рукописей. Проводил исследования по истории и языкам народов Азии. В 1822 г. избран членом-корреспондентом французского Азиатского общества, в 1824 г. — членом британской Востоковедческой ассоциации, в 1828 г. — членом-корреспондентом Петербургской академии наук по разряду литературы и древностей Востока. Был постоянным участником литературных собраний и кружков Петербурга, где общался с А.С. Пушкиным, И.А. Крыловым, В.А. Жуковским, И.С. Тургеневым. В 1828 г. разработал первый в мире электромагнитный телеграф, однако до публичной демонстрации прибора дело не дошло: по поручению русского правительства П.Л. Шиллинг на два года отправился с научной экспедицией в Бурятию и Монголию, где изучал жизнь и культуру местного населения и собирал памятники тибетско-монгольской литературы. По возвращении в Петербург продолжил работы по созданию электрического телеграфа. Умер в Петербурге 25 июля (6 августа) 1837 г.



В 1854 г. на высшем уровне вновь рассматривался проект введения преподавания китайского и маньчжурского языков в Иркутске. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев предложил учредить при гимназии кафедру китайского и маньчжурского языков (окончившие четырехлетний курс обучения на ней получали все права выпускников университета³²). Данный проект нашел поддержку у кяхтинского купечества, выделившего под него средства, однако

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 135.

Министерство народного просвещения предложило направлять выпускников Иркутской гимназии на открывающийся Факультет восточных языков Петербургского университета.

Несмотря на провал всех попыток организации китаеведческого образования во второй половине XIX в. в отдельных областях, региональная составляющая русско-китайского образования сохранила свое значение. В 1864–1865 гг. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова и консула Я.П. Шишмарева в административном центре Внешней Монголии Цинского Китая — Урге — была открыта школа переводчиков и толмачей, существовавшая на положении нештатного учебного заведения. Затем, в связи с вопросом о ликвидации Ургинской школы, по инициативе также генерал-губернатора Восточной Сибири и ургинского консула было принято решение об открытии школы переводчиков в административном центре еще одного приграничного региона — в Кульдже. В ноябре 1884 г. Государственный Совет утвердил «Положение об Ургинской и Кульджинской школах для приготовления переводчиков и толмачей»³³. Школы находились в ведении русских консулов, преподавали там китайские чиновники, а слушатели зачислялись приказами российских генерал-губернаторов. В конце XIX в. началось становление китаеведческого образования на Дальнем Востоке России, и в 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт. В пункте 1-м «Положения о Восточном институте»³⁴ закреплялось, что институт есть высшее учебное заведение, имеющее целью подготовку учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих к ней государств. В первые же годы в Восточном институте была создана уникальная архивно-библиотечная база, уже в 1901 г. в библиотеке были собраны тысячи томов книг на русском, европейских и азиатских языках. Только китайских книг за два года было куплено и получено в дар почти 9 тыс. томов. Основу архива составляли около 20 тыс. рукописных фолиантов, вывезенных из Маньчжурии во Владивосток после подавления восстания ихэтуаней в 1900–1901 гг. Восточный институт открыл и собственную типографию, в 1901 г. его директор подготовил проект русской газеты на китайском языке. Практические занятия по китайскому языку вели специальные лекторы, приглашенные из Цинской империи. До 1917 г. в приграничных регионах России и Китая больше не появилось специальных учебных заведений, где бы изучался язык. Однако курсы китайского открывались при различных школах и учреждениях. В частности, его изучали в Ташкенте и Хабаровске, при штабах Приамурского и Туркестанского военных округов учреждались школы восточных языков, где будущие офицеры-переводчики должны были проходить 8-месячный курс теоретической подготовки, после которого предполагалась двухлетняя стажировка³⁵.

³³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 772.

³⁴ Известия Восточного института. Т. I. Владивосток, 1900. С. 81.

³⁵ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 338.

**Яков Парфеньевич ШИШМАРЕВ (1833–1915) —
российский дипломат, консул в Монголии**

Родился в 1833 г. в г. Троицкосавске Забайкальской области. Дед был монголом, женившимся на русской казачке. В 1849 г. закончил русско-монгольскую войсковую школу. Одновременно со службой изучал восточные языки, в том числе в Кяхтинском училище К.Г. Крымского, который предполагал назначить Я.П. Шишмарева в число светских членов Пекинской духовной миссии. В качестве переводчика принял участие в первом сплаве Н.Н. Муравьева по Амуру и по возвращении в Иркутск в 1856 г. получил место переводчика с китайского и маньчжурского языков при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Сопровождал Н.Н. Муравьева в поездках и участвовал в переговорах о границе с Китаем. В конце 1858 — начале 1859 г. участвовал в переговорах в Пекине. В 1859 г. состоял переводчиком при миссии в Китай Н.П. Игнатьева на переговорах о пограничном разграничении. В 1861 г. секретарь и переводчик консула К.Н. Боборыкина в Урге, позже управляющий консульством, и.о. консула, консул, генеральный консул России в Монголии.



Способствовал развитию русско-монгольской торговли. По поручению Русского географического общества участвовал в составлении одной из первых карт Восточной Монголии, занимался историей, переводами книг с санскрита и тибетского языка на монгольский, сбором этнографических коллекций, публикацией научных статей. В 1864 г. создал в Урге школу переводчиков. Принимал активное участие в передаче Илийского края Китаю в соответствии со статьями Санкт-Петербургского договора 1881 г., обеспечил вывод на российскую территорию части населения, не желавшей остаться под властью маньчжурского Китая. В 1904 г. оставил пост генерального консула, но продолжал служить до 1911 г. После выхода в отставку ему была установлена пожизненная пенсия. Умер в Санкт-Петербурге в 1915 г.

Изучение Китая, особенно сопредельных с Сибирью его территорий, стало одним из основных направлений научной и культурно-общественной деятельности сибирской интеллигенции. Получила известность научно-собираТЕЛЬская деятельность долгое время служившего в Сибири Г.И. Спасского³⁶. Значительный вклад в российское Китаеведение внесли сибирские купцы. Одним из крупнейших знатоков Китая был иркутский купец Ф.П. Щегорин, подаривший Иркутскому народному училищу более тысячи китайских и маньчжурских книг. В конце XVIII — начале XIX в. он подал в Петербург несколько докладных, в том числе «Записку о китайской коммерции», «Записку о системе китайского правления», предлагая использовать китайский опыт при реформировании страны. Известный во всем мире знаток Китая купец А.Д. Старцев, работавший в Китае и на Дальнем Востоке, прославился как собиратель крупнейшей «восточной коллекции», погибшей во время восстания ихэтуаней.

³⁶ См. подробнее: *Смирнов Б.* Григорий Иванович Спасский (Материалы к биографии) // Сибирские огни. 1927. № 1; *Будылина М.* Григорий Иванович Спасский (К 75-летию со дня смерти) // Известия государственного географического общества. Т. 71. Вып. 8. М.-Л., 1939; *Шафрановская Т.К.* Г.И. Спасский — издатель «Сибирского вестника» и «Азиатского вестника» // Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.

**Алексей Дмитриевич СТАРЦЕВ (1838–1900) —
русский купец и промышленник**

Родился в Селенгинске (ныне — Бурятия), незаконнорожденный сын декабриста Н.А. Бестужева, после смерти которого воспитывался у своего крестного отца — селенгинского купца Д.Д. Старцева. Начиная работать приказчиком у приемного отца, затем у купца Лушникова. В 1861 г.



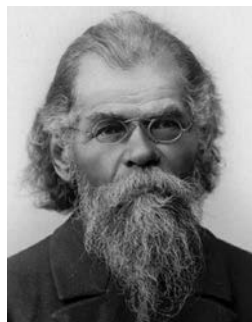
А.Д. Старцев ушел в Китай с торговым караваном, разбогател на торговле чаем. К концу XIX в. стал миллионером, построил дом русского посланника в Пекине, а в г. Тяньцзине — 40 каменных домов, типографию и, в своем парке в Тяньцзине, — первую в Китае демонстрационную железную дорогу, а также телеграф. Собрал коллекцию предметов буддийского культа и библиотеку рукописей и книг по востоковедению. Хорошо знал бурятский, монгольский, китайский и несколько европейских языков. За успешную организацию китайско-французских переговоров получил орден Почетного легиона. Оказывал помощь российским дипломатам. Был одним из инициаторов создания и членом правления Русско-Китайского банка. Состоял в дружеских отношениях с Ли Хунчжаном, что помогало А.Д. Старцеву не только реализовывать его коммерческие проекты, но и отстаивать российские интересы и укреплять российско-китайские отношения. За эту деятельность в 1886 г.

А.Д. Старцеву присвоили звание советника коммерции Его Императорского Величества. В 1891 г. приобрел у казны 998 десятин земли острова Путятин в заливе Петра Великого. В 1892 г. купил пароход «Чайка», который выполнял грузопассажирские рейсы на линии Владивосток—Путятин. На острове построил кирпичный (1894) и фарфоровый (1895) заводы, развел племенное стадо крупного рогатого скота, стадо пятнистых оленей, открыл конный завод. Занимался шелководством и пчеловодством, построил 4-этажный дом в центре Владивостока. В 1894 г. пожертвовал свой двухэтажный каменный дом в городе Кяхта для размещения в нем Кяхтинского краеведческого музея. Избран почетным членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, собирал исторические документы и материалы о Забайкалье. Финансировал деятельность общества изучения Амурского края, жертвовал на строительство зданий музеев во Владивостоке и Хабаровске. Умер в 1900 г. и был похоронен на острове Путятин.

Во второй половине XIX — начале XX в. сибирская интеллигенция, по большей части стоявшая на позициях сибирского областничества, вела изучение Китая в рамках мероприятий, организованных или поддержанных региональными отделениями Императорского Русского географического общества. Огромный вклад в изучение истории, географии, культуры Китая внес лидер областников, путешественник, ученый-гуманист Г.Н. Потанин. Сложнейшие обязанности исследователей приграничных районов Китая в начале XX в. выполняли студенты и слушатели Восточного института, а также офицеры штабов приграничных военных округов.

**Григорий Николаевич ПОТАНИН (1835—1920) —
географ, этнограф, публицист,
один из основателей сибирского областничества**

Родился в станице Ямышевская около Павлодара. В 1852 г. окончил Омский кадетский корпус. С 1853 по 1858 г. был на военной службе в Семипалатинске и Омске, принимал участие в походе в Заилийский край. В 1859—1862 гг. учился в Петербургском университете. В 1863—1864 гг. он участвовал в экспедиции в область озера Зайсан, где исследовал рыболовство и собрал ботаническую коллекцию. В 1865 г. Г.Н. Потанин был назначен секретарем губернского статистического комитета в Томске. Вскоре был привлечен к суду по обвинению в стремлении отделить Сибирь от России и приговорен к каторжной работе, которую отбывал в Свеаборге, затем был отправлен на поселение в город Никольск Вологодской губернии. В 1874 г. по ходатайству Императорского Русского географического общества был помилован. В 1876—1878 гг. по поручению географического общества провел экспедицию в северо-западную Монголию. В 1879 г. отправился с экспедицией в центральную Монголию. Собранные в двух экспедициях данные вошли в написанные Г.Н. Потаниным «Очерки северо-западной Монголии», вышедшие в 1883 г. В 1884 г. отправился с экспедицией в Китай, где исследовал северные провинции и восточные окраины Тибета. Собранный материал вошел в изданный в 1893 г. географическим обществом труд «Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия». В 1892—1893 гг. Г.Н. Потанин продолжил изучение восточного Тибета и посетил провинцию Сычуань. В своих трудах проводил идеи, выработанные областниками: развитие мировой культуры будет осуществляться путем синтеза азиатских и европейских форм и возрождения на этой основе народов Востока, просвещенная же Сибирь и ее народы должны сыграть в этом процессе посредническую роль. В начале XX в. Г.Н. Потанин вернулся к общественной деятельности, выступал за создание Сибирской областной думы. В 1915 г. ему было присвоено звание почетного гражданина Омска, а в 1918 г. Временное Сибирское правительство присвоило ему звание почетного гражданина Сибири. Умер в июне 1920 г. в Томске.



В конце XIX — начале XX в. китайцы в приграничных регионах изучали русский язык, хотя и прежде китайские власти не раз обязывали своих торговцев, работающих на границе, овладевать основами русской речи. В 1899 г. с инициативой привлечения китайцев, маньчжуров, монголов и представителей народностей пограничной с Россией полосы Цинской империи в российские учебные заведения выступил генерал-губернатор Н.И. Гродеков³⁷. Он писал, что чем сильнее будет русское культурное влияние среди китайского населения в этой пограничной полосе, тем лучше будут обеспечены сношения между подданными обоих соседних государств и мирное развитие торговли и промышленности. Генерал-губернатор планировал принимать знающих русский язык в кадетский

³⁷ См. подробнее: *Дацышен Г.В.* Китайские студенты в Российской империи // Вестник Международного Центра Азиатских Исследований. М.-Иркутск, 2002. № 1.

корпус, гимназии и училища, а не владевших языком — готовить в специальных школах на Квантуне и КВЖД. В 1901 г. в Гирине, а позднее в Харбине, были созданы «китайско-русские школы», с открытием в Полосе отчуждения КВЖД русских учебных заведений там также стали учиться китайцы. Выходцы из Китая обучались во Владивостокской гимназии, в 1903 г. несколько китайских подданных из Синьцзяна впервые отправились учиться в Верный (Алма-Ату). В начале XX в. учеников из Китая можно было встретить и в других российских городах, в первую очередь, в Восточной Сибири и в Приамурье.

Русско-китайское взаимодействие на уровне регионов не ограничивалось приграничьем. Восточная Сибирь была напрямую связана с Ханькоу (Ухань), куда в середине XIX в. перенесли свой бизнес сибирские купцы, и с Тибетом. В Ханькоу функционировали русский клуб, православная церковь, русско-китайская школа. Забайкалье и Тибет сближали религиозные связи, буряты ездили учиться в Лхасу, а тибетцы — в русские учебные заведения, например, тибетец Тугден-Намхай был принят в Иркутское горное училище³⁸.

Русско-китайское межконфессиональное взаимодействие в приграничных районах также было развито слабо. Первые факты крещения китайцев в Сибири связаны с установлением русско-китайских связей. Так, в XVII в. китаец Тимофей Иванов служил переводчиком в Енисейске³⁹, а в первой половине XVIII в. перешедший на русскую службу крещеный китаец работал переводчиком в Сибири⁴⁰. В 60-е годы XIX в. часть беженцев из Синьцзяна⁴¹, в том числе китайцы и маньчжуры, приняли российское подданство и православие. На Дальнем Востоке и в Сибири во 2-й половине XIX — начале XX в. были случаи принятия китайцами православия, но это чаще делали те, кто принимал русский образ жизни и вступал в браки с русскими женщинами. С вхождением Приамурья в состав России в середине XIX в. появились планы организации миссионерской православной деятельности на территории соседней Маньчжурии, для этого были предприняты попытки организации преподавания китайского языка в Благовещенской духовной семинарии. Имели место случаи обучения китайцев в разных духовных учебных заведениях, например, в 1912 г. китаец Василий Лохэ закончил Иркутскую духовную семинарию⁴². Однако церковь в конечном итоге не предпринимала попыток целенаправленной работы среди китайского населения в России, а российское общество в целом равнодушно относилось к фактам принятия китайцами православия. Распространение православия среди последних в приграничных районах как Цинской империи, так и России не стало сколько-нибудь заметным явлением.

В начале XX в. обычным явлением стало заимствование элементов русской культуры в районах совместного проживания двух народов. В Китае среди нехристиан был популярен культ святого Николая Мирликийского, отмечались также факты, когда буддисты, миряне и монахи обращались к православным священникам с просьбой о проведении служб, молились совместно с православными. Китайцы очень быстро и с выгодой для себя освоили православные ритуалы,

³⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2752.

³⁹ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. I. М., 1969. С. 236.

⁴⁰ Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. I. М., 1978. С. 340.

⁴¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 105.

⁴² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 881.

например, на Рождество вырезали из льда крест пред иорданью, откуда пошла знаменитая китайская ледяная скульптура. Тем не менее, за время соседства Российской и Цинской империй в приграничных регионах, где осуществлялись интенсивные русско-китайские контакты, активных связей и заимствований между двумя культурами не происходило.

Региональные политические связи после 1917 года

Революционный кризис 1917 г. в России негативно сказался на различных сферах взаимоотношения между двумя странами. Китай активизировал наступательную политику по спорным вопросам. Например, в 1917 г. илийский даоинь добился смены русского консула в Кульдже. Китайская Республика с весны 1917 г. активно стала добиваться отмены автономии Внешней Монголии и российского протектората над Урянхаем (Тувой), уже летом 1917 г. на Кемчик приехали китайские чиновники. Вскоре двусторонние отношения оказались разорванными, официальный Пекин не признал Советской России. В декабре 1917 г. Китай запретил вывоз в Россию продовольствия, включая чай, а в январе 1918 г. русско-китайская граница на Дальнем Востоке формально была закрыта. В приграничных районах власти Китая попытались распространить свою юрисдикцию на китайские кварталы в российских городах. Губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь также закрыл границу, заявив о нейтралитете в отношении событий в России.

Несмотря на отзыв дипломатического посланника, Пекин сохранил свое представительство в России. Сам бывший посланник Лю Цзинжэнь в течение года занимал пост «высшего чиновника Сибирского комитета» (*Xiboliya gaodenwei*), а затем на этой должности был известный дипломат Ли Цзяо. Защиту интересов китайских граждан в России, и колчаковской, и советской, осуществляли консульства в Омске, Семипалатинске, Иркутске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Николаевске, Никольске-Уссурийском, Владивостоке, а также в приграничных с Синьцзяном городах. Кроме того, в течение 1919 г. интересы Китая в колчаковской Сибири представлял и защищал военный представитель Китая при Омском правительстве Чжан Сылинь. В России значительная часть китайцев сочувствовали советской власти, в 1918 г. иркутский вице-консул, вопреки официальному курсу Пекина, помогал большевикам. В 1919 г. глава Илийского округа отказался принять орден, который ему по поручению А.В. Колчака пытался вручить представитель Омского правительства, он также запретил продавать оружие казакам, для того чтобы не восстанавливать Советы против Китая.

В условиях революционного кризиса китайские граждане при поддержке российских властей стали создавать органы самоуправления, отчасти заменившие официальные представительства Китайской Республики. В апреле 1917 г. в Петрограде был создан Союз китайских граждан в России, преобразованный в 1918 г. в Союз китайских рабочих, а в конце 1919 г. Сибирской миссией Наркоминдела в Омске был утвержден «Союз китайских рабочих в Сибири», открывший свои отделения во всех городах региона⁴³. На Дальнем Востоке также были

⁴³ См. подробнее: *Ларин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003; *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

китайские «рабочие» организации: например, в 1921 г. в Благовещенске был создан «Амурский областной союз китайских рабочих по защите труда». Кроме того, в приграничных регионах продолжали функционировать старые органы китайского самоуправления и взаимопомощи. В декабре 1918 г. официальное поздравление новому главе Амурской области направило Правление Общества граждан Китайской Республики в Амурской области⁴⁴. Наиболее влиятельным в Сибири было Иркутское китайское национальное общество, тесно связанное с консульством и признаваемое российской властью.

Китай, вступивший летом 1917 г. в союзный военный блок Антанта, принял участие в иностранной военной интервенции на востоке России. Уже в декабре 1917 г. китайские войска стали занимать КВЖД, выходить на линию границы. В январе 1918 г. правитель округа Хэйхэ выступил с угрозой оккупации Благовещенска. После подписания Брестского мира китайское «Управление по делам вступления в войну» занялось вопросами интервенции в России. В «Декларации китайского правительства 30 августа 1918 года» говорилось: «...Китайское правительство не может относиться индифферентно к русскому народу, с которым Китай связан сердечными добрососедскими чувствами, также не может относиться безразлично к судьбе доблестных чехословацких войск, которые томятся тем, что их стремление к освобождению задерживается. По этим соображениям китайское правительство с радостью последовало примеру правительства Соединенных штатов Северной Америки и послало свои войска в Россию для соединения с союзниками и для совместных действий. Уважая территориальную целостность и суверенитет России, китайское правительство не намерено вмешиваться во внутренние политические дела. Когда намеченные цели будут осуществлены, все китайские войска будут немедленно уведены с территории России»⁴⁵.

Весной 1918 г. во Владивосток пришел китайский крейсер, вскоре китайские войска приняли участие в международной военной интервенции на Дальнем Востоке. Они участвовали в боях против Красной Армии в двух районах восточного Забайкалья и на Уссурийском фронте, гарнизонами были размещены во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и других местах. Но китайские части были плохо обеспечены, интервенция не одобрялась общественностью, и в 1919 г. Дуань Цижуй отказался от участия в интервенции. На последнем этапе гражданской войны в Сибири возникли сложные проблемы в связи с китайской оккупацией Троицкосавска, ликвидированной силами красных партизан. Дольше всего китайский военный отряд активно действовал в Туве, с февраля 1919 г. по март 1921 г., и был изгнан лишь в результате активных действий русско-тувинских партизанских отрядов.

В приграничных с Китаем регионах в годы гражданской войны отношения с соседним государством были в ведении различных местных правительств и администраций. Продолжали функционировать институты, оставшиеся от Российской империи, Москва также назначала своих специальных представителей, таких как комиссар пограничных сношений во Владивостоке или комиссар по иностранным делам Восточной Сибири. Уже в самом начале 1918 г.

⁴⁴ См. подробнее: *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009.

⁴⁵ Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. М.–Л.: Госизд., 1925. С. 75–76.

при Далькрайисполкоме был создан международный отдел пограничных сношений. В конце 1918 г. А.В. Колчак назначил Верховного уполномоченного Российского правительства в Дальневосточном крае, в ведение которого были переданы и отношения с зарубежными соседями. Отношениями с Китаем на востоке России после окончания гражданской войны занимались специальные партийные и государственные региональные структуры. При Сиббюро ЦК РКП(б) был образован Китайско-корейский отдел, работавший в Омске, затем — в Иркутске. В январе 1921 г. было принято решение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) о создании в Иркутске Дальневосточного секретариата ИККИ⁴⁶. Отношениями с Китаем в Сибири и на Дальнем Востоке занималась Сибирская Миссия Народного комиссариата по иностранным делам. Для партийно-политической работы среди китайцев весной 1922 г. в Чите начали издавать на китайском языке газету «Пробуждение китайских рабочих», а с 1923 г. она стала печататься во Владивостоке под названием «Рабочий путь».

В годы гражданской войны в регионах обострились многие проблемы, связанные с русско-китайскими отношениями. Отмечались случаи уничтожения пограничных знаков, оспариваемых китайской стороной, обострился вопрос о китайском судоходстве на Амуре. Китайский пароход впервые дошел до Николаевска-на-Амуре, а затем туда пришла китайская эскадра из Шанхая. Атаман И.П. Калмыков не пропустил китайские суда мимо Хабаровска, за что получил благодарность от А.В. Колчака и угрозы от Чжан Цзолина. Под охраной японцев китайские канонерки в 1920 г. прошли в Сунгари, а И.П. Калмыков был убит в Маньчжурии. Летом 1921 г. русские пограничники обстреляли китайский пароход с солдатами, вышедший, несмотря на запрет, из Сунгари вниз по Амуру, но Пекин добился от правительства ДВР денежной компенсации за этот инцидент. В 1923 г. китайские власти не решились нарушить запрет Дальревкома на проход своего военного судна из Сунгари в Хэйхэ. Сложной политической проблемой в русско-китайских отношениях в регионах стали реквизиции и обязательная трудовая повинность. Правда, за реквизированное имущество китайцы получали денежную компенсацию, но не вовремя и не в тех размерах, которые устраивали китайскую сторону. С другой стороны, китайские власти не возвращали деньги и материальные ценности, вывезенные из российских регионов. Китайские власти не реагировали на российские протесты по поводу закабаления в Китае русских беженцев как в Маньчжурии, так и в Синьцзяне. Большим вопросом для русского Дальнего Востока в начале 1920-х гг. стала деятельность отрядов хунхузов, регулярно совершавших нападения на русские селения и прииски из-за границы.

Различные китайские политические силы планировали использовать Восток России в качестве базы для новой революции в Китае. Весной 1920 г. в Благовещенске появилась «Китайская коммунистическая партия Амурской области». В 1921 г. возникла идея создания Кашгарской и Джунгарской республик, которая не была реализована, так как ее отвергла Москва. В 1923 г. Средне-Азиатское бюро ЦК ВКП(б) даже готовило «Съезд революционеров Синьцзянской провинции Китая». Летом 1922 г. по решению Отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) в Иркутске было открыто отделение Коммунистического университета трудя-

⁴⁶ См. подробнее: Пак Б.Д. Возникновение корейского социалистического и коммунистического движения в России // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск, 2000. № 3.

щихся Востока, в котором стали обучаться китайцы. С другой стороны, практически все китайские приграничные регионы использовались в качестве тыловой базы различными российскими политическими силами. Например, Барга была центром «государства» атамана Г.И. Семенова, в Синьцзян, Монголию, Маньчжурию отступали антисоветские формирования со всей России. Ярким примером регионализма в этот период была борьба вокруг Урянхайского края (Тувы). По планам руководства РСФСР и Советской Сибири край должен был стать частью Китая или автономной Монголии, но местный деятель И.Г. Сафьянов организовал провозглашение Тувинской республики под протекторатом Советской России⁴⁷.

Поскольку Пекин официально отказался пойти на сотрудничество с Советской Россией, а восточные регионы нередко были изолированы от Москвы, русско-китайские отношения в регионах некоторое время развивались «автономно». В марте 1918 г. председатели Далькрайисполкома и Амурского облисполкома провели в Благовещенске переговоры с хэйхэским даоинем. В феврале 1920 г. представители Амурского областного Совета вступили в переговоры с пограничным комиссаром в Хэйхэ и китайским вице-консулом в Благовещенске. Летом 1918 г. даоинь Илийского округа вступил в переговоры с большевиками и подписал соглашение о сотрудничестве, в августе 1918 г. Семиреченский облисполком учредил свою «консульскую коллегия» в Кульдже. В декабре 1918 г. командующий войсками Кашгарского округа направил своего представителя в Ташкент. В мае 1920 г. вновь был подписан «Протокол заседания представителей Советской республики с представителями Синьцзянской провинции Китая в гор. Кульджа», предусматривающий учреждение в Кульдже и в Верном советского и китайского агентств для решения дипломатических и торговых вопросов. Пекин, не признавая РСФСР, признал документ, объясняя это особенностями и потребностями приграничных регионов. В сентябре 1920 г. по предписанию Сибревкома была создана «Комиссия по переговорам с китайскими представителями Алтайского округа Синьцзяна о выдаче бандитов, перешедших границу», подписавшая с китайской стороной протокол о согласованной позиции сторон по вопросу русских беженцев в Синьцзяне. В мае 1921 г. был подписан «Договор командования Туркфронта с властями Синьцзяна о вводе Красной Армии на китайскую территорию для совместной ликвидации белых армий»⁴⁸. По приглашению Синьцзянского правительства в первой половине 1922 г. официальная делегация из РСФСР посещала Урумчи.

Показательным примером регионального фактора в развитии русско-китайских отношений является история созданной в 1920 г. Дальневосточной Республики. ДВР, где в отличие от РСФСР не проводилось политики «военного коммунизма» и была установлена максимально облегченная процедура перехода границы, выполняла роль «буфера» в русско-китайских отношениях в сложное время их трансформации. Следует отметить, что в «Обращении Учредительного

⁴⁷ См. подробнее: *Дацышен В.Г.* Сафьянов И.Г. — «Свободный гражданин свободной Сибири» // Енисейская провинция: альманах. Вып. 1. Красноярск, 2004; *Дацышен В.Г., Ондар Г.А.* Проблема государственной принадлежности Тувы в переходный период 1921–1925 гг. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений / Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Барнаул, 2007.

⁴⁸ См. подробнее: *Бармин В.А.* СССР и Синьцзян 1918–1941. Барнаул, 1999.

съезда Забайкалья» к правительствам других стран от 6 апреля 1920 г. в состав вновь образованной Дальневосточной республики включалась полоса отчуждения КВЖД, которую РСФСР признавала территорией Китая. В «Обращении к народу и правительству Китая» Учредительного собрания ДВР от 24 марта 1921 г. предлагалось пересмотреть заключенные в прошлом русско-китайские договоры, в том числе и относящиеся к КВЖД. При формировании МИД ДВР в феврале 1921 г. в составе дипломатического (политического) отдела был создан китайский подраздел, а сам председатель Правительства ДВР вступал в переписку с МИД Китайской Республики по вопросам пограничных отношений. В апреле 1920 г. делегация из Харбина прибыла на переговоры в Верхнеудинск, в июне 1920 г. в Китай была направлена первая миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным (Дзевалтовским). Пекин отказался установить дипломатические и консульские отношения с ДВР, так как республика не получила международного признания, но в городах Хэйхэ, Далянь и др. появились ее полуофициальные представители. На местах многие считали установление официальных отношений между «буферной» республикой и Китаем свершившимся фактом, например, в начале 1921 г. китайский консул в Хабаровске, ссылаясь на якобы уже достигнутые соглашения в переговорах между Китаем и ДВР, потребовал немедленного увольнения всех китайцев из вооруженных сил республики. По настоянию Пекина представитель ДВР продолжил переговоры в Мукдене. Наиболее сложной проблемой стала борьба за Внешнюю Монголию, куда вошли войска из ДВР, но Чжан Цзолин принял решение о прекращении любых переговоров с ДВР. В конце 1921 г. вместо И.Л. Юрина главой миссии ДВР на переговорах с Китаем был назначен А.Ф. Агарев, но инициатива в это время перешла к Москве. Делегация РСФСР во главе с первым полпредом А.К. Пайкесом впервые выехала в Пекин лишь в декабре 1921 г., и вскоре обозначились противоречия политики ДВР и РСФСР на китайском направлении. А.К. Пайкес докладывал в Москву, что дипломаты ДВР вели переговоры в Китае, исходя из интересов ДВР, а не РСФСР. После упразднения ДВР в 1922 г. все ее представительства стали российскими учреждениями.

После подписания в 1924 г. в Пекине «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и КР»⁴⁹ в приграничных регионах России возобновили нормальную деятельность консульские учреждения КР. На территории России консульства работали в Новосибирске, Иркутске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке. Соглашение с Пекином позволило подписать с правительством Синьцзяна соглашение о немедленном открытии китайских консульств в Зайсане, Семипалатинске, Алма-Ате, Ташкенте, Андижане. Советские консульства начали свою деятельность во всех приграничных районах Китая. В октябре 1925 г. Циркуляром НКВД был установлен «порядок сношения с консульскими представительствами»⁵⁰, определявший местные органы власти, полномочные решать вопросы двусторонних отношений с китайскими консульствами. Китайские консулы некоторое время не только успешно работали, но и принимали участие в общественной жизни регионов. Советско-китайская граница фактически была открыта, в августе 1924 г. в Благовещенске были приняты временные правила для перехода границы тем, кто жил в 10-верстной пограничной полосе.

⁴⁹ Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сб. док. М., 1959.

⁵⁰ ГАИО. Ф.Р-504. Оп. 5. Д. 216.

Игнатий Леонидович ЮРИН (Дзевалтовский)
(Ignacy Gintowt-Dziewałtowski) (1888 – 1925) —
польский революционер, участник Октябрьского переворота

Родился в 1888 г. в Виленской губернии. Окончил Виленское реальное училище. С 1908 г. член Польской социалистической партии. Учился в Львовском политехническом институте и Петербургском психоневрологическом институте,



но учебы не окончил. В апреле-августе 1915 курсант Павловского военного училища. Служил в гвардейском гренадерском полку. В октябре 1917 г. — член Петроградского Военно-революционного комитета. С 26 октября (8 ноября) 1917 г. — комиссар Зимнего дворца. С 27 октября (9 ноября) 1917 г. — заместитель командующего войсками Петроградского военного округа. В 1918 г. — главный комиссар Управления военно-учебных заведений Всероссийского главного штаба РВС. С октября 1918 г. — комиссар Всероссийского главного штаба. В июне-октябре 1919 г. — заместитель народного комиссара, народный комиссар по военным и морским делам Украинской ССР. С октября 1919 по март 1920 г. — помощник командующего Восточным фронтом, член

реввоенсовета 5-й армии. В 1920 г. член Дальбюро ЦК РКП(б), военный министр Дальневосточной Республики (ДВР), министр иностранных дел ДВР. С августа 1920 по май 1921 г. — дипломатический представитель ДВР в Китае. Предложил установить консульские отношения между Китаем и ДВР, заключить торговый договор и решить проблему КВЖД, однако миссия в Пекине была принята только в качестве торговой делегации. С января 1922 г. — уполномоченный Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР на Юго-Востоке. С апреля 1922 по март 1923 г. — член Экономического Совета Юго-Востока РСФСР. С марта 1923 по май 1924 г. — заместитель председателя Правления Российского общества добровольного воздушного флота. В 1924 г. — представитель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала при Болгарской коммунистической партии. С марта по ноябрь 1925 г. — резидент Разведывательного управления Штаба РККА в Прибалтике. В ноябре 1925 г. перешел в Польшу, захватив 300 000 червонцев. Был советником маршала Ю. Пилсудского. Умер в 1925 г., предположительно отравлен советскими агентами.

Наиболее сложными в отношениях между Москвой и Пекином, как до их формального урегулирования, так и после 1924 г., стали проблемы, связанные с Маньчжурией и Внешней Монголией. Например, китайская сторона откладывала переговоры по КВЖД, увязывая их с вопросом вывода частей Красной Армии из Монголии. Советская позиция заключалась в признании суверенитета Китая над территорией КВЖД и признании Монголии частью Китая, но при этом в отстаивании коммерческих прав собственности в Маньчжурии и права защиты своих интересов в Монголии посредством военного присутствия в регионе. «Хозяин» Маньчжурии генерал Чжан Цзолинь не признал подписанное 31 мая 1924 г. в Пекине советско-китайское соглашение, и советская сторона в сентябре 1924 г. заключила в Шэньяне секретное «Соглашение с правительством Трех Автономных Восточных Провинций КР

в Маньчжурии о КВЖД, судоходстве, редемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях». В середине 1920-х гг. приоритетным направлением советской политики в Китае стало сотрудничество с некоторыми региональными правительствами и их лидерами, в первую очередь с Сунь Ятсеном и Фэн Юйсяном. Относительно стабильные отношения между двумя странами на высшем уровне сохранялись недолго: после налета на Полпредство СССР в апреле 1927 г. советский дипломатический персонал был отозван из Пекина. Во второй половине 1928 г. Пекинское правительство вообще перестало существовать. С новым (гоминьдановским) правительством Китайской Республики в Нанкине Советское правительство не смогло наладить стабильных отношений. В декабре 1928 г. Чан Кайши объявил советско-китайский договор 1924 г. неравноправным.

**ЧЖАН Цзолинь (张作霖, 1875—1928) —
военный и политический деятель Китая**

Родился 19 марта 1875 г. в уезде Хайчэн провинции Фэнтянь (совр. Ляонин) в бедной семье. Собрал небольшую банду. Выходец из маргинализованной среды так называемого «братства зеленого леса». Во время восстания ихэтуаней его группа воевала в императорской армии, в мирное время охраняла торговцев, во время русско-японской войны воевала на стороне японцев за вознаграждение. В 1902 г. поступил на службу в императорскую армию. В последние годы империи поддерживал цинские власти, а затем Юань Шикая. При президенте Юань Шикае был назначен начальником 27-й дивизии. В 1916 г. центральное правительство назначило его военным и гражданским губернатором Ляонина (Фэнтяня). В 1918 г. стал фактическим правителем Маньчжурии, что было признано центральным правительством, которое назначило его генерал-губернатором Трех восточных провинций. Будучи фактически независимым правителем пограничных с Советской Россией трех провинций Северо-Востока, оказывал непосредственное влияние на советско-китайские отношения. В 1920 г. вместе с Чжилийской группировкой сверг Дуань Цижую и его Аньхуйскую клику и захватил контроль над Пекином. В 1922 г. потерпел поражение в Первой Чжили-Фэнтяньской войне, отступил в Маньчжурию. После этого вступил в союз с Дуань Цижую и Сунь Ятсеном против Чжилийской клики. В 1924 г. в результате Второй Чжили-Фэнтяньской войны разбил чжилийцев и снова захватил Пекин. В 1926 г. объявил себя «главнокомандующим Армии успокоения государства», выступил против КПК и коммунизма. В 1927 г. по приказу Чжан Цзолиня полиция Пекина ворвалась в здание советского посольства в Пекине, были арестованы и казнены ряд деятелей КПК, в том числе основатель партии Ли Дачжао. В этом же году объявил себя маршалом сухопутной армии и флота Китайской Республики. В июне 1926 г. войска Чжан Цзолиня захватили Пекин. Через год провозгласил себя Великим маршалом Китайской Республики и возглавил центральное правительство. Но в мае 1928 г. Национальная революционная армия во главе с Чан Кайши нанесла серьезное поражение войскам Чжана, атаковала его войска и заставила их покинуть Пекин. Сам Чжан покинул Пекин на поезде 3 июня. На следующий день поезд был взорван и Чжан Цзолинь погиб. Власть в Северо-Восточном Китае перешла к его сыну Чжан Сюэляну.



Важнейшим фактором советско-китайских отношений на уровне регионов стала работа с китайскими мигрантами, до 100 тыс. человек которых проживали на приграничных территориях. Подавляющее большинство китайцев в СССР оставались гражданами Китая и не связывали свое будущее с Россией. Центральные и местные органы власти окончательно отказались от идеи «китайского самоуправления», к середине 1920-х гг. прекратил свою деятельность «Союз китайских рабочих в СССР». Некоторые функции организации китайцев в СССР взяло на себя созданное в сентябре 1924 г. в Москве на заседании Президиума ВЦСПС Общество «Руки прочь от Китая!», открывшее свои отделения по всему СССР. Довольно устойчивыми и влиятельными на востоке России китайскими организациями оставались так называемые купеческие общества. В середине 1920-х гг. советские органы активизировали свою деятельность по вовлечению китайцев в общественно-политическую жизнь в стране: китайских мигрантов стали привлекать к обучению в губернских совпартшколах. Центром партийно-политической работы с китайцами в СССР, наряду с Москвой, стал Владивосток, где была создана Китайская Ленинская школа⁵¹. Это заведение ориентировалось в том числе на подготовку кадров для работы в Китае. Ухудшение отношений между ВКП(б) и Гоминьданом совпало, а, возможно, и было напрямую связано с началом активного участия китайцев во внутривосточной борьбе в СССР. В 1927 г. начались конфликты между двумя группировками китайских коммунистов на Дальнем Востоке — «южанами-интеллигентами» и «северянами-сибиряками». После переворота Чан Кайши власти стали обращать больше внимания на проведение политико-пропагандистской работы среди китайских рабочих, которая была ориентирована на перспективы новой революции в Китае.

Отдельной проблемой двусторонних отношений стали попытки завоза в приграничные районы рабочей силы из Китая. В сентябре 1928 г. в Хабаровске состоялось «Совещание по вопросу завоза из Китая восточных рабочих на старательские работы для золотопромышленности»⁵², на котором проявились противоречия по данной проблеме. Решение о завозе значительного числа китайских рабочих привело к конфликтной ситуации с властями китайских приграничных регионов и усилению китайской охраны границы. Предпринимались попытки провезти рабочих нелегально, на пароходах, с помощью китайской фирмы, но все завербованные были задержаны китайскими пограничниками, а сотрудники фирмы — расстреляны.

Во второй половине 1929 г. советско-китайские отношения пережили кризис, получивший название «Конфликт на КВЖД». По форме и в значительной мере по сути конфликт носил региональный характер. Наиболее конфликтная ситуация сложилась вокруг КВЖД. 10 июля 1929 г. китайские власти захватили дорогу, арестовали более 200 человек, после чего началось советско-китайское вооруженное противостояние на Дальнем Востоке, участились провокации на границе. С июля по ноябрь 1929 г. было зафиксировано 245 обстрелов советских пограничников, произошло 42 нападения через границу, советские потери составили 56 человек убитыми и 118 ранеными. 17 июля 1929 г. Советское правительство объявило об отзыве всех своих представителей из Китая и предложило китайским дипломатам

⁵¹ См. подробнее: *Дацзышен В.Г.* Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // *Россия и АТР.* 2008. №3 (61).

⁵² Государственный архив Хабаровского края (далее — ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 112. Л. 106.

покинуть территорию СССР. Пограничники и моряки Амурской флотилии получили распоряжения блокировать пограничные реки, уничтожить банды на территории врага, а в начале августа вышел приказ о создании на границе с Китаем Особой Дальневосточной армии.

Показательной представляется реакция на развитие конфликта на местном уровне. В «Протоколе Внеочередного заседания Пленума Благовещенского Городского Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов от 15 июля 1929 г.» было зафиксировано содержание доклада о международном положении и событиях в Китае, в котором, в частности, говорилось: «Возьмем возмутительные безобразия, происшедшие в непосредственной близости от нас, в Северной Маньчжурии. Наглый захват Китайской Восточной железной дороги, разгром общественных организаций, нападения на советские учреждения, арест советских граждан, все это заставляет дать этим возмутительным неслыханным безобразиям должную оценку. Нападения на отдельных советских граждан означают нападение в лице их на Советский Союз... Но пусть китайская буржуазия не убаюкивает себя разговорами о нашей слабости. Советское правительство уже приняло первые решительные меры... Мы не желаем войны, но когда видим, что китайское правительство издевается над интересами Советского Союза, нарушает все договоры и права, глумится над советскими гражданами, то мы должны заявить — довольно терпеть»⁵³.

24 июля весь состав китайского посольства в Москве выехал в Финляндию. Фактический разрыв дипломатических отношений между двумя странами привел к закрытию китайских представительств в Новосибирске и Иркутске. Газета «Советская Сибирь» писала: «Перегруженный богатствами консула грузовик, при выезде из усадьбы особняка, проломил мостик и тротуар... Автомобиль консула около особняка, на углах улиц города и на вокзале был встречен рабочими и комсомольцами, которые со свистом и криком “налетчики поехали домой”, “мы сумеем постоять за наши интересы на КВЖД, за нашу страну советов”, — провожали отъезжавшего консула...»⁵⁴. Интересы Китая и китайских граждан в Сибири в этот период защищало германское консульство в Новосибирске⁵⁵. Кроме того, на востоке СССР сохранились некоторые консульские учреждения, например, не прерывало свою деятельность консульство в Чите. Китайское консульство в столице Сибири было восстановлено лишь в 1934 г. Следует особо отметить, что во время кризиса советско-китайских отношений 1929 г. в Синьцзяне проводилась политика сохранения статус-кво. Несмотря на разрыв дипломатических отношений, все консульские учреждения двух стран в регионе продолжали действовать, а поддерживавший политику Нанкина консул в Алма-Ате в 1929 г. был заменен синьцзянским дубанем (губернатором).

В разных регионах, в первую очередь на границе, были отмечены факты репрессий против китайцев, случаи их выселения из приграничных районов или даже аресты. Вопросы прекращения репрессий и освобождения заключенных под стражу стали предметом переговоров между китайскими консульскими представителями и местными правоохранительными органами. Советско-китайский конфликт определили как классовый, а не межгосударственный. В связи с этим

⁵³ Государственный архив Амурской области (далее — ГААО). Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 79. Л. 34.

⁵⁴ Советская Сибирь. 27 июля 1929 г.

⁵⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. 47. Оп. 5. Д. 100.

проживавшие в СССР китайцы не воспринимались в качестве граждан враждебного государства. Напротив, китайские рабочие виделись наиболее заинтересованной стороной в скорейшем разгроме «белокитайцев».

В октябре-ноябре 1929 г. на разных участках советско-китайской границы части Красной Армии разгромили китайские войска⁵⁶. 19 ноября китайская сторона дала согласие на переговоры. На советскую территорию поступили многочисленные партии военнопленных, часть из которых были поставлены на «хозяйственные работы». 29 ноября 1929 г. в Хабаровске состоялось «Совещание Краевой комиссии по работе среди китайских военнопленных»⁵⁷, решавшее вопрос о кадрах китайских коммунистов, направляемых для работы с военнопленными в Хабаровске, Владивостоке и Чите, и развертывании агитационной работы среди пленных китайцев. На совещании было принято решение об издании газеты «За Советский Союз» для военнопленных в крае.

Попытка китайской стороны решить спорный вопрос в свою пользу военным путем не удалась, и 3 декабря советские представители встретились в Уссурийске с представителями «нового хозяина» Маньчжурии Чжан Сюэляна. 22 декабря 1929 г. дипломатический комиссар МИД Китая в Харбине Цай Юньшэн и уполномоченный НКВД А.А. Симановский подписали «Хабаровский протокол об урегулировании конфликта на КВЖД», восстанавливающий статус-кво в регионе. Намеченные в Москве двусторонние переговоры стали откладываться китайской стороной, 8 февраля 1930 г. нанкинское правительство официально объявило, что не считает себя связанным условием Хабаровского протокола. Прерванные 16 августа 1929 г. дипломатические отношения были восстановлены лишь после того, как в Женеве 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами о восстановлении дипломатических и консульских отношений между СССР и КР. К 1945 г. Китай имел в СССР 10 консульских учреждений — во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Ташкенте, Новосибирске, Чите, Семипалатинске, Алма-Ате, Андижане и Зайсане.

Одновременно с кризисом в советско-китайских отношениях на маньчжурском направлении, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. сохранялась крайне сложная ситуация на западном участке границы. Из Зайсанского погранотряда постоянно докладывали о нападениях на советских пограничников, в том числе производившихся китайскими солдатами. На Алтае пограничники несли потери в борьбе с контрабандистами и «укочевщиками». Со времен гражданской войны, когда китайцы захватили в свои руки водопользование речки Улькун-Уласты в районе Май-Капчагай, на этом участке границы сохранялась напряженность. В 1929 г. обострился конфликт по поводу раздела воды из р. Алкабек. 3 мая 1929 г. произошло вооруженное столкновение между китайскими и советскими пограничниками в районе озера Зайсан, вызванное китайскими территориальными претензиями на местность в районе поселка Май-Капчагай⁵⁸. В апреле 1930 г. местные советские представители провели переговоры с начальником Дзимунайского уезда по этому вопросу.

⁵⁶ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М., 2000. Т. 3.

⁵⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 412.

⁵⁸ Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее — ГВКО). Ф. 788. Оп. 1. Д. 33. Л. 35.

**ЧЖАН Сюэлян 張學良 (1901–2001) —
китайский военный и политический деятель,
правитель Маньчжурии в 1928–1931**

Родился 3 июня 1901 г. в городе Хайчэн провинции Фэнтянь (ныне — Ляонин). Старший сын главы фэнтяньской клики Чжан Цзолия. По окончании гимназии учился в Северо-Восточной военной академии. В 1922 году, сразу же по окончании академии, произведен в чин генерал-майора и назначен на должность командира 2-й образцовой бригады, а спустя два года уже командовал 3-й армией и, кроме того, возглавил Управление авиации и первую в Маньчжурии авиационную школу. После смерти отца в 1928 г. стал сильнейшим милитаристом Маньчжурии. В декабре 1928 г. признал верховную власть Нанкинского правительства Гоминьдана. В 1929 г. принял решение силой захватить КВЖД, в результате потерпел поражение от Красной Армии и подписал Хабаровский протокол от 22 декабря 1929 г., завершивший конфликт. В 1930 г. поддержал Чан Кайши в борьбе против войск захватившего Пекин милитариста Ян Сишаня. В 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию. Войска Чжан Сюэляна отступили в Северо-Западный Китай. В 1933 г. Чжан Сюэлян ушел в отставку и отправился на год



в Европу «на лечение». По возвращении из Европы был восстановлен в должности командующего Северо-Восточной армией. В марте 1936 г. начались секретные переговоры между КПК и Чжан Сюэляном, чья Северо-Восточная армия размещалась неподалеку от коммунистического «Особого района». В декабре 1936 г. вместе с генералом Ян Хучэном арестовывал прилетевшего в Сиань Чан Кайши с целью заставить его согласиться на создание единого фронта с КПК для борьбы с Японией. Под давлением СССР при посредничестве Чжоу Эньлая Чан Кайши был освобожден, а Чжан Сюэлян арестован и посажен под домашний арест. Оставался под ним 40 лет, даже после того, как войска Чан Кайши отошли на Тайвань, увезя его с собой. После смерти Чан Кайши в 1975 г. свобода передвижений Чжан Сюэляна все еще была ограничена, лишь в 1991 г. президент Ли Дэнхуэй разрешил ему покинуть остров. Чжан Сюэлян переехал в Гонолулу, где и скончался в 2001 г. от пневмонии на 101-м году жизни.

В 1930-х гг. двусторонние отношения осложнились из-за интернирования бойцов китайских воинских частей. Воспользовавшись так называемым «инцидентом 18 сентября», японские войска к концу 1931 г. оккупировали Маньчжурию, «Всеманьчжурское совещание», организованное японцами в начале марта 1932 г., провозгласило создание марионеточного государства Маньчжоу-го. В сентябре 1932 г. против японцев в Маньчжурии выступили китайские войска — «Армия спасения Родины» во главе с генералом Су Бинвэнем. Однако войска, не поддержанные центральным правительством Китая, были разбиты.

На территории Сибири 4–6 декабря 1932 г. было интернировано более 4 тыс. китайских генералов, офицеров, солдат и бежавших с ними от японских

оккупантов гражданских лиц⁵⁹. Газета «Правда» в начале декабря 1932 г. сообщала: «ЧИТА, 4 декабря. (Роста). Сегодня со станции Манчжурия прорвались на 86-й разъезд и дальше на советскую территорию отдельные части и группы из армии генерала Су Бинвэня. Часть бежавших на территорию СССР проникла пешим ходом, другая же часть, захватив силой вагоны и паровозы, двинулась на советскую территорию эшелонами. Все бегущие на нашу территорию китайские солдаты, так же как и офицерский состав, разоружаются и интернируются. Всего интернировано около тысячи человек»⁶⁰. Позднее китайские войска подверглись этому и на других участках советско-китайской границы⁶¹. Планировалось перебросить армию Су Бинвэня в Синьцзян, однако мусульманское население китайского и советского Туркестана оценило это как прямую помощь Китаю в борьбе с национально-освободительным движением⁶². Интернированных китайских военнслужащих пришлось временно, до весны 1933 г., разместить в Западной Сибири. Направленные затем все же в Синьцзян интернированные китайские войска приняли участие в политических событиях в этой части Китая. В частности, при их поддержке власть над Синьцзяном на долгие годы захватил генерал из Маньчжурии — Шэн Шицай. Небольшая часть перешедших через границу китайских солдат и партизан были размещены против воли в разных районах Сибири⁶³. Интернированные китайцы не мирились со своим новым статусом несвободных рабочих, но находившееся в Новосибирске консульство Китайской Республики не проявляло активности в решении судьбы сограждан. Эвакуация постоянно откладывалась и так и не была окончательно завершена.

В 1930-х гг., после создания на территории Северо-Восточного Китая японского государственного образования, Маньчжурия выпала из сферы русско-китайских отношений регионального уровня. Наиболее активными и сложными в этот период были отношения между СССР и фактически автономным Синьцзяном. С Советским Союзом активно сотрудничали и китайские власти, и местные сепаратисты. В 1931 г. начался новый этап национально-освободительного восстания в Синьцзяне. Осенью 1933 г. восставшие провозгласили создание Исламской Республики Восточного Туркестана. В ноябре 1933 г. в Синьцзян была отправлена Алтайская добровольческая армия, фактически состоявшая из частей Красной Армии. Летом 1934 г. местные китайские власти с их помощью ликвидировали восстание. Синьцзян долгое время был практически независим от Нанкина, а Шэн Шицай проводил просоветскую политику. Он использовал и белоэмигрантов: летом 1934 г. из их числа он создал «Отдельный Синьцзянский русский конный полк». В 1938 г. Шэн Шицай вступил в ВКП(б) и даже обратился к Москве с просьбой о вступлении в СССР в качестве союзной республики. После нападения фашистской Германии на СССР глава региона повел антикоммунистическую политику, свернул отношения с СССР. В Синьцзяне репрессиям подверглись советские граждане (местные войска не раз открывали огонь

⁵⁹ Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. С. 186.

⁶⁰ Правда. 6 декабря 1932 г.

⁶¹ Приходченко А.И. Вооруженная борьба китайского народа против японской оккупации Маньчжурии // Новое в изучении Китая. М., 1988. С. 116.

⁶² Бармин В. СССР и Синьцзян 1918–1941. Барнаул, 1999. С. 125–126.

⁶³ Отдел документов новейшей истории Государственного архива Республики Хакасия (далее — ОДНИ ГАРХ). Ф. 2 Оп. 1. Д. 249; Центр документации новейшей истории Томской области (далее — ЦДНТО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 15.

по консульским представительствам). В 1944 г. Шэн Шицай распоряжением из Нанкина был снят со своего поста и удален из региона.

Политические репрессии конца 30-х годов не оставили в стороне и китайское население Дальнего Востока, которое, наряду с корейским, рассматривалось здесь как потенциальная «пятая колонна» Японии. Большинство китайцев было депортировано из Приморья. В 1937 г. были приняты решения партийных и государственных органов относительно усиления репрессий по отношению к выходцам из сопредельных государств, в том числе и китайцам. В декабре 1937 — марте 1938 гг. правоохранительные органы провели три операции по аресту притоносодержателей и китайцев-нелегалов в Приморье⁶⁴. Вопрос о депортации и освобождении из-под ареста не избощенных в шпионаже китайских мигрантов решался на переговорах между советским и китайским правительством. В июне-июле 1938 г. из Владивостока пятью эшелонами было выселено 7130 китайцев. Четыре эшелона проследовали через станцию Аягуз в Синьцзян. Не пожелавшие возвращаться и принявшие советское гражданство китайцы пятым эшеленом были выселены в Кур-Урмийский район Хабаровского края⁶⁵.

Во время Второй мировой войны СССР и Китайская Республика были союзниками. Несмотря на непростые отношения, общая победа и близость позиций по многим вопросам создавали перспективу стабильных двусторонних отношений на послевоенный период. 14 августа 1945 г. в Москве был подписан договор о дружбе и союзе между двумя странами. 7 сентября 1945 г. власти Китайской Республики обратились к СССР с просьбой о посредничестве в урегулировании ситуации в Синьцзяне. Еще в ноябре 1944 г. здесь было объявлено о создании Восточно-Туркестанской Республики⁶⁶. Под контролем располагавшегося в приграничной Кульдже правительства ВТР оказалось три из десяти округов Синьцзяна — Илийский, Тарбагатайский и Алтайский. Советское правительство отказалось быть посредником на переговорах, но приняло решение оказывать им всяческое содействие, и вскоре правительства двух стран обменялись нотами по урегулированию отношений в регионе. Под давлением СССР конфликтующие стороны подписали соглашение «О прекращении военных действий и мирном урегулировании спорных политических и экономических вопросов». 1 июля 1946 г. было образовано коалиционное правительство Синьцзяна во главе с опытным политиком, генералом Чжан Чжичжуном, который стал инициатором восстановления дружественных отношений с Советским Союзом. Но советская сторона не приняла предложения об активном сотрудничестве из-за того, что взгляды нового главы Синьцзяна считались в Москве проамериканскими. В 1946 г. узбек Алихан-Тюре Шакирходжаев, бывший глава правительства Восточно-Туркестанской Республики вместе со своим окружением эмигрировал в СССР⁶⁷.

В июне-сентябре 1946 г. с главой Тарбагатайского округа был принципиально решен вопрос о передаче интернированных в Восточном Казахстане бойцов китайских воинских частей и чиновников, перешедших в СССР в июле 1945 г.

⁶⁴ Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Международная научная конференция «Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII—XX вв. / Тез. докл. и сообщ. Т. II. Владивосток, 1993.

⁶⁵ ГАХК. Ф. 1752. Оп. 1. Д. 14. Л. 133.

⁶⁶ См. Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941—1949 гг. Барнаул, 1999.

⁶⁷ Бармин В. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1937—1946 гг. // ПДВ. 2000. № 1.

и содержащихся в лагерях беженцев около Аягуза и Сергиополя, — всего около 1600 человек⁶⁸. В 1946 г. были разработаны планы завоза из Маньчжурии 11 500 китайских рабочих для треста «Амурзолото», которые так и не были реализованы в полной мере⁶⁹.

После капитуляции Японии и начала гражданской войны в КНР все старые проблемы двусторонних отношений вновь обострились. Гоминьдановская пропаганда сообщала о «зверствах советских солдат» над местным населением в Маньчжурии. С другой стороны, советское правительство постоянно обращало внимание на случаи насилия и убийств русских в Китае. Гоминьдановцы говорили о намеренной задержке вывода советских войск из Маньчжурии, были случаи захвата советских солдат и офицеров. 20 марта 1946 г. китайцы отстранили советскую администрацию и железнодорожников от работы на КЧЖД, начальник северо-восточной ставки Чан Кайши заявил, что не может гарантировать безопасность советских граждан. Гоминьдановская пропаганда обвинила СССР в поддержке Монголии во время вооруженного конфликта на спорной территории в горах Байтик в 1947 г., стороны обменялись нотами протеста.

Советский Союз в конце 1940-х гг. вновь втянулся во внутривосточную борьбу в Китайской Республике, и особое место здесь занимали приграничные регионы. Советская сторона на всех уровнях оказывала поддержку прокоммунистическим силам, укрепившимся в северной Маньчжурии и западном Синьцзяне. Размещавшийся в Харбине Народно-демократический Административный комитет — высший исполнительный орган Северо-Восточного Китая — и Объединенная демократическая армия в условиях неудач руководства КПК в 1947 г. в гражданской войне сыграли важнейшую роль в истории Китая этого переходного периода. Приграничное сотрудничество развивалось в регионе практически «автономно». В декабре 1946 г. в Ворошиловске (Уссурийске) завершились переговоры между внешнеторговыми организациями и народно-демократическим Административным комитетом Северо-Восточного Китая. В 1947 г. было налажено сотрудничество в вопросах судоходства на Уссури и Амуре. СССР всячески поддерживал «левые» силы, например, Совмин СССР в 1948 г. распорядился выделить китайским демократическим организациям Северной Маньчжурии 1 млн рублей для оплаты за обучение китайских детей в СССР.

События 1947 г. в приграничных округах Или, Тарбагатай и Алтай, вновь вышедших из-под власти правительства в Урумчи, также были тесно связаны с Советским Союзом. Тем не менее в конечном итоге СССР на всех уровнях поддержал вхождение всего Синьцзяна в состав Китая, а И.В. Сталин предложил в 1949 г. перебросить советской авиацией войска китайских коммунистов в Синьцзян.

Интересной страницей «просоветского регионализма» стал конфликт вокруг руководителя Маньчжурской революционной базы. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 27 июля 1949 г. лидер коммунистов Северо-Восточного Китая Гао Ган взял слово и предложил объявить Маньчжурию республикой в составе СССР, для предотвращения нападения на нее американцев. Члены политбюро встретили предложение аплодисментами, но И.В. Сталин назвал Гао Гана «Товарищ

⁶⁸ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. V. Кн. 1. Советско-китайские отношения в 1946–1948. М., 2005. С. 162.

⁶⁹ ГАХК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 2028. Л. 31.

Чжан Цзолинь», сравнив регионального лидера с традиционным милитаристом, и тем самым не только пресек идею присоединения Маньчжурии к СССР, но и решил дальнейшую судьбу Гао. А осенью 1949 г. произошел еще один «инцидент». Приехавшая в Маньчжурию делегация гонконгских миллионеров выразила недоумение по поводу размещенных в 1948 г. многочисленных портретов И.В. Сталина, за что Чжоу Эньлай рекомендовал исключить Гао Гана из ЦК КПК, а И.В. Сталин телеграммой поддержал решение осудить «линию Гао Гана». В конечном итоге в 1954 г. Гао Ган был помещен под домашний арест, а затем «покончил жизнь самоубийством».

1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика, которую на следующий день официально признал Советский Союз, а 14 февраля 1950 г. между двумя странами был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. СССР взял обязательства досрочного ухода из Маньчжурии, и 31 декабря 1952 г. в Харбине был подписан Заключительный протокол о безвозмездной передаче Советским Союзом правительству КНР всех прав на КЧЖД. 3 августа 1950 г. на станции Пограничная китайским властям передали бывшего императора Маньчжоу-го Пу И и его окружение. В начале 1950 г. при подписании советско-китайского договора стороны подтвердили независимый статус Монгольской Народной Республики.

В декабре 1949 г. в Москву с официальным визитом отправился лидер КНР Мао Цзэдун. Проезжая территорию СССР на поезде, Мао Цзэдун посетил сибирские города и провел переговоры с руководителями регионов. Он осмотрел предприятия, представляющие интерес для двустороннего сотрудничества, встретился с руководством и рабочими Красноярского комбайнового завода. В Советский Союз, в том числе и в приграничные регионы, в 1950-х гг. нанесли визиты многие китайские должностные лица. В ноябре-декабре 1956 г. в Иркутске и Омске побывала делегация Всекитайского Совета Народных Представителей (ВСНП) во главе с Пэн Чжэнем, а в январе 1957 г. сибирские города посетил премьер Чжоу Эньлай.

Организаторами и руководителями двусторонних связей в регионах были партийно-комсомольские структуры и общественные организации, в первую очередь общества российско-китайской и китайско-российской дружбы. Например, в «Справке об интернациональных связях комсомольцев и молодежи Иркутской области»⁷⁰ за подписью секретаря Иркутского обкома ВЛКСМ говорилось, что в 1956 г. по инициативе Иркутского обкома ВЛКСМ установились тесные дружеские связи комсомольцев и молодежи Иркутской области с молодежью Китая. Китайские друзья посещали фабрики, заводы, колхозы, учебные заведения области, в Иркутскую область приезжали туристы, научные, спортивные и другие делегации. Только за полгода по линии Общества советско-китайской дружбы в 1959 г. в Иркутске состоялось более 30 встреч иркутян с группами из КНР. В направленном в 1959 г. из Иркутска в Москву председателю Общества советско-китайской дружбы «Отчете о проведении празднования десятилетия Китайской Народной Республики в Иркутской области»⁷¹ говорилось о массовом характере публикаций и выступлений в местных печатных изданиях, на радио

⁷⁰ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее — ГАНИИО). Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 47–55.

⁷¹ ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–10.

и телевидении. Это сотрудничество продолжилось и в начале 1960-х гг. В 1961 г., возвращаясь из поездки по Советскому Союзу, Иркутскую область посетила делегация молодых передовиков производства КНР, в 1963 г. там побывала делегация общества китайско-советской дружбы провинции Ляонин и города Шэньяня. Делегации из советских регионов также посещали Китай, например, в 1961 г. по линии Общества советско-китайской дружбы 25 передовиков производства из Иркутской области ездили в Шэньян и другие китайские города.

К середине 1950-х гг. в СССР сложилась благоприятная ситуация для активного использования китайского труда, в первую очередь в отдаленных регионах. 17 января 1955 г. Совет Министров СССР принял постановление «О наборе в Китайской Народной Республике рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР»⁷². Китайских рабочих планировалось завезти в 22 российских региона и в Казахстан. Например, в Сибири китайцев ждали предприятия и стройки Иркутской, Читинской, Кемеровской, Томской областей, Красноярского, Алтайского краев и Бурят-Монгольской АССР⁷³. Ответственность за прием китайцев была возложена на партийные организации, которые координировали деятельность местных советских, хозяйственных и профсоюзных структур. Далеко не везде планы по завозу и эффективному использованию китайских рабочих рук были осуществлены, например, в Иркутской области полностью реализовали программу завоза лишь в Усолье-Сибирском, куда прибыло 400 человек. Китайские рабочие были заняты в строительстве жилья, объектов соцкультбыта и промышленных объектов⁷⁴. Присутствие больших групп китайцев в российских городах вызвало заметные противоречия культурно-национального и социально-экономического характера. Тем не менее китайцы несколько лет жили в благоприятной атмосфере советско-китайского сотрудничества. Масштабные планы завоза китайских рабочих в Сибирь в 1950-х гг. в значительной части не были реализованы.

С начала 1960-х гг. произошло ухудшение советско-китайских отношений. Важную роль здесь сыграли проблемы регионального характера. В мае 1962 г. недовольные чинимыми китайскими властями препятствиями к выезду в СССР местные жители напали на здание правительства Или-Казахского автономного округа в Синьцзяне. СССР пришлось закрыть генконсульство и торгпредство в Урумчи, консульство в Кульдже. К середине 1960-х гг. Синьцзян из центра дружбы превратился в «форпост борьбы с ревизионизмом». Не меньше проблем было в Маньчжурии. В 1962 г. китайская полиция блокировала генеральное консульство СССР в Харбине, провела аресты советских граждан. СССР принял решение закрыть генеральное консульство в Харбине и другие учреждения в Маньчжурии. Наиболее напряженная обстановка стала складываться на самой границе. Китайские граждане занимали спорные территории. Так, еще летом 1960 г. по указанию местных властей китайские скотоводы заняли пастбища на советской территории в районе Буз-Айгыр. В 1963 г. было зафиксировано

⁷² Дацышен В.Г. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.

⁷³ ГАХК. Ф. 1728. Оп. 2. Д. 14; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 27. Д. 22; ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 44. Д. 55.

⁷⁴ Хомякова А.А. Китайцы в Усолье-Сибирском. К вопросу об изменении представлений о китайцах в русском обществе. // Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы. Красноярск, 2008. Вып. 3. С. 197.

4 тыс. случаев нарушений границы. Провоцировали ситуацию директивы местных китайских властей по спорным островам, предписывающие местным жителям пахать там землю и рыбачить.

С 1964 г. наиболее сложной проблемой в советско-китайских отношениях становится территориальный вопрос. Между правительством СССР и КНР был произведен обмен топографическими картами, выявление «несогласованных участков», но переговоры оказались бесперспективными. Лидер КНР Мао Цзэдун в неофициальных заявлениях в завуалированной форме выдвинул претензии не только на Приамурье, но и на приграничные территории Средней Азии и Восточного Казахстана, Камчатку и Туву. После начала в 1966 г. в КНР «культурной революции» двусторонние отношения вступили в полосу тяжелого кризиса, а в 1969 г. произошли кровопролитные вооруженные конфликты на советско-китайской границе. После встречи глав правительств в сентябре 1969 г. возобновились переговоры по пограничному вопросу, но напряженность в отношениях сохранилась. В 1974 г., например, было зарегистрировано 1250 случаев нарушения пограничного режима. В годы советско-китайского противостояния двусторонние отношения на границе носили узко служебный характер, осуществлялись по линиям железнодорожных служб, экспедиторских фирм, погранпредставительских встреч.

Налаживаться отношения с Китаем стали после заявления советского лидера Л.И. Брежнева в марте 1982 г., на которое Дэн Сяопин выдвинул три условия для нормализации — вывод советских войск из Афганистана; вывод войск из Монголии и укрепленных районов на границе; вывод Вьетнамом войск из Камбоджи. С 1983 г. начался активный рост объема советско-китайской торговли, возобновился обмен студентами и преподавателями. В том же году Общество советско-китайской дружбы и Общество китайско-советской дружбы восстановили прерванные контакты, стороны обменялись делегациями. Процесс нормализации активизировался с началом в СССР политики «перестройки», и в мае 1989 г. на встрече в Пекине лидеров двух стран было объявлено о полной нормализации советско-китайских отношений.

Локомотивом развития советско-китайских отношений в 1980-х гг. стало межрегиональное сотрудничество. Первое соглашение такого характера, заключение которого в 1988 г. во многом стало возможным благодаря личным качествам председателя Забайкальского райисполкома В.И. Колесникова, получившего разрешение на поездку в Китай, минуя областные структуры, было подписано за два месяца до межправительственного соглашения о межрегиональном сотрудничестве. В апреле 1988 г. на переговорах между делегациями двух стран был подписан «Протокол об учреждении приграничной торговли и организации экономического и технического сотрудничества между Забайкальским районом Читинской области СССР и городом Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия КНР»⁷⁵.

В июне 1988 г. было заключено «Соглашение между Правительством СССР и Правительством КНР об установлении и развитии торгово-экономических связей между союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинциями, автономными районами, городами КНР». В этом же году приграничные регионы обменялись туристическими

⁷⁵ Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

группами, посетившими соседей на безвизовой основе. Большое значение для развития межрегионального сотрудничества имело урегулирование пограничных споров, еще в 1987 г. возобновились переговоры по границе, а 16 мая 1991 г. было подписано соглашение о границе с КНР в восточной части. С 1989 г. началось массовое привлечение китайских рабочих рук в приграничные регионы России. В 1990 г. в СССР работало уже около 15 тыс. китайцев, более половины из которых приехали из приграничного Хэйлунцзяна⁷⁶. Необходимо отметить, что в это время в публикациях появились утверждения о том, что вскоре в Россию приедут миллионы китайцев, без которых якобы невозможно дальнейшее развитие восточных районов страны.

В конце 1980-х гг. местные власти подписали соглашения о сотрудничестве на уровне приграничных регионов. В июне 1988 г. в Чанчуне было подписано соглашение о сотрудничестве между Приморским краем и провинцией Цзилинь. В конце 1988 г. Совет Министров Якутской АССР организовал поездку делегации деловых людей республики в провинцию Хэйлунцзян для изучения возможностей прямого сотрудничества Якутии и КНР. Китайские партнеры, согласно договоренностям, приняли обязательства поставлять современные технологии, предоставлять своих специалистов и обучать специалистов из Якутии в Китае на взаимовыгодных и взаимоприемлемых условиях. В 1989 г. продолжались контакты между Якутией и Китаем, в республике побывало несколько делегаций из китайских регионов. В 1990 г. в Чите было подписано «Соглашение об установлении региональных дружественных связей между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР)», во время визита в Хух-Хото председателя Читинского областного Совета народных депутатов, были заключены «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР)», «Соглашение об установлении межвузовских связей между Читинским педагогическим институтом (СССР) и педагогическим университетом Автономного района Внутренняя Монголия (КНР)», «Соглашение об осуществлении культурных обменов между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР)», «Соглашение о контактах в области физкультуры и спорта между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР)» и др. В июне 1991 г. было подписано «Соглашение о развитии и укреплении торгово-экономических, хозяйственных и культурных отношений между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян». Подобного рода документы подписали власти других регионов. Таким образом, двусторонние отношения на межрегиональном уровне стали важнейшей составляющей складывающейся в последние годы существования СССР новой системы российско-китайских отношений.

Развитие советского китаеведения и налаживание сотрудничества в сфере науки, образования и культуры началось с первых лет становления советско-китайских отношений в российских регионах. Уже в годы гражданской войны встала проблема развития китаеведческого образования, практически отсутствовавшего, за небольшим исключением, в российских регионах. В качестве учебно-вспомогательного учреждения Факультета общественных наук открытого

⁷⁶ Китай. Ежемесячный реферативный журнал. М., 1991. № 3. С. 89.

в 1918 г. Иркутского университета был учрежден Кабинет китайского языка. Весной 1922 г. в Иркутске были открыты также курсы китайского языка. Не обошли своим вниманием данную проблему и советские военные, например, в сентябре 1920 г. в Ташкенте появились Военные курсы востоковедения, преобразованные в Высшую военную школу востоковедения Туркестанского фронта.

Главным центром советского китаеведения на востоке России оставался Владивосток, где на базе Восточного института был создан Восточный факультет Дальневосточного государственного университета. В отчете Далькрайона за 1927/28 учебный год сообщалось, что на китайском разговорном отделении Восточного факультета обучалось 149 человек⁷⁷.

Дальний Восток также был центром образования и культуры для проживавших в России китайцев. С середины 1920-х гг. началась история советско-партийной школы для китайцев во Владивостоке, а в июле 1931 г. президиумом Далькрайисполкома было принято постановление «О пятилетнем плане развития Дальневосточной китайской советско-партийной школы». В документе говорилось: «Существование и развитие китайской совпартшколы, готовящей кадры партийных, советских и профессиональных работников не только для ДВК, но и для других районов СССР, имеет огромное политическое значение и является крупной победой края в деле проведения ленинской национальной политики»⁷⁸. В том же году в Хабаровске был открыт Интернациональный педагогический институт с китайским сектором. В начале 1931 г. были разработаны мероприятия по реорганизации и развитию китайских театров, для того чтобы сделать их проводниками и руководителями революционного и культурного движения среди китайских пролетарских масс. В 1930-х гг. в разных регионах СССР выходили китайские газеты: «Китайский рабочий» во Владивостоке и «Восточный рабочий» в Благовещенске, «За новый алфавит» и «Рабочий путь» в Хабаровске, «Ударник» в Иркутске.

1920–1930-е гг. дают пример интересного и довольно противоречивого русско-китайского культурного сотрудничества и взаимодействия в приграничных регионах. Например, Управление КВЖД сделало самый большой взнос на строительство храма-памятника Конфуцию в Харбине, значительные суммы жертвовали и русские частные предприниматели. С проведения в 1931 г. во Владивостоке первой конференции по латинизации китайской письменности и создания Краевого комитета нового алфавита началась попытка «культурной революции» для китайского населения Советского Союза⁷⁹. Показательно, что русские в Маньчжурии в основной своей массе не воспринимали китайской культуры, не знали китайского языка, но именно «харбинцы» оказались в скором времени на передовых рубежах отечественного китаеведения. Китайская художественная литература и историческая наука зачастую «не замечают» факт существования «Русской Маньчжурии», но Харбин является общепризнанным центром и китайской русистики, и двусторонних экономических связей.

Начало сотрудничества между Советским Союзом и образованной в 1949 г. Китайской Народной Республикой в сфере науки и образования, в том числе и на межрегиональном уровне, было положено обращением КНР с просьбой

⁷⁷ ГАХК Ф. 704. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

⁷⁸ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 11. Л. 300–300об.

⁷⁹ См. подробнее: *Дацышен В.Г.* Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 2008. № 3 (61).

оказать помощь в этой сфере. Первый визит ученых КНР в СССР состоялся уже в 1949 г. Одной из форм сотрудничества был институт советников, в академические институты КНР в этом качестве были отправлены ученые из разных регионов страны. Например, советником по жидкому топливу работал специалист по деструктивной гидрогенизации углей профессор из Иркутска И.В. Калечин. Большое значение для двусторонних отношений имели совместные исследования в приграничных регионах. Например, в 1956 г. начала работу совместная Амурская экспедиция Совета по изучению производительных сил АН СССР и Хэйлунцзянской комплексной экспедиции АН КНР. На территории Внутренней Монголии с 1958 г. вела работы советско-китайская палеонтологическая экспедиция. В 1956–1959 гг. участники Синьцзянской комплексной экспедиции проводили лингвистические и этнографические исследования.

В 1950-х гг. в регионах СССР наблюдался массовый интерес к китайскому языку, открывались курсы в институтах, школах, на предприятиях и заводах. Например, в иркутской газете «Советская молодежь» публиковались уроки «Изучай язык друзей», на 1960-й год было запланировано организовать уроки китайского языка по радио и телевидению⁸⁰. Следует отметить, что становление серьезного университетского китаеведения в Сибири и на Дальнем Востоке обуславливалось, скорее, ухудшением советско-китайских отношений. Восточный факультет в ДВГУ был восстановлен лишь в 1962 г. Введение китаеведения в Новосибирском государственном университете было «спровоцировано» упреком возвращавшегося в 1969 г. из Пекина А.Н. Косыгина руководству СО РАН о том, что ученые плохо помогают политикам. Одним из центров изучения китайского языка на востоке России стала Чита, где традиционно располагалось командование советских войск на китайском направлении.

Одной из важнейших составляющих советско-китайского сотрудничества было обучение китайцев в советских учебных заведениях, воинских частях и на предприятиях. Правда, в сибирских вузах китайцев было мало (например, в 1962 г. в Иркутске обучался всего один китаец-аспирант). Но китайские рабочие и инженеры в 1950-х гг. проходили стажировки на ведущих сибирских заводах. Специалисты-практиканты из КНР оставили о себе добрую память на ведущем сибирском машиностроительном предприятии — Красмаше⁸¹. В 1950-е гг. на Барнаульском котельном заводе стажировались специалисты с Харбинского и Шанхайского котельных заводов⁸². Сотрудничество осуществляли между собой Иркутский металлургический комбинат имени Куйбышева и Уханьский металлургический комбинат. Тесные связи в 1950-е гг. были установлены на уровне вузов, других научных и образовательных структур. Например, Иркутский горно-металлургический институт сотрудничал с горным институтом в Пекине, а Иркутский пединститут наладил тесные связи с Шэньянским пединститутом. Связи с Китаем поддерживал Иркутский госуниверситет и Иркутское отделение АН СССР. Иркутский дом пионеров поддерживал отношения с пионерскими организациями Пекина⁸³.

⁸⁰ ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–6.

⁸¹ См. подробнее: *Дацышен В.Г.* «Не хочу скрывать мою сильную любовь к Вашей Родине, к русским». Письма из Китая. 1956–1961 гг. // Исторический архив. 2009. № 5. С. 3–15.

⁸² Книга почетных посетителей Алтайского Государственного Краеведческого музея «Собственные подписи особ, почтивших посещением своим Барнаульский музей». Л. 8.

⁸³ ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6.

В 1950-х гг. между двумя странами существовали тесные связи в области культуры, сопровождавшиеся обменами творческими коллективами, различными выставками, совместными конкурсами. Не остались в стороне от этого и приграничные регионы. Например, 3 августа 1955 г. начались гастроли Шанхайского театра оперы в Новосибирске. На литературном вечере в Иркутском госуниверситете, приуроченном к 10-летию юбилею КНР, прослушивались грамзаписи китайских артистов, обсуждалась современная китайская литература. В 1959 г. в Иркутском доме политпросвещения были развернуты фотовыставка «Китай сегодня» и выставка китайского изобразительного искусства. В 1961 г. на одной из улиц Шэньяня также проводилась выставка, посвященная строительству Братской ГЭС. Налажено было в это время сотрудничество в сфере физкультуры и спорта. Например, в Иркутске в 1959 г. выступали футбольные команды провинций Цзилинь и Хэбэй, в 1960 г. на Иркутском катке была проведена встреча по конькам между сборной командой молодежи Китая и сборной командой Сибири и Дальнего Востока⁸⁴.

В период советско-китайской дружбы на уровне регионов были установлены гуманитарные контакты различного рода. Например, Якутский республиканский краеведческий музей при посредничестве Общества китайско-советской дружбы начал переписку с проживавшими в китайском Приамурье эвенками и якутами. В 1950-е гг. были установлены теплые отношения между советскими людьми и китайцами на личном уровне, ярким примером чему является многолетняя переписка работницы Иркутской чаеразвесочной фабрики Л. Черниковой с девушкой из Пекина Ма Лан.

В годы напряженности в советско-китайских отношениях связи в гуманитарной сфере были прерваны. В 1960–1970-е гг. было достаточно примеров вандализма по отношению к русской культуре и истории, практиковалось разрушение православных храмов и осквернение памятников и могил. Например, 25 февраля 1975 г. хулиганы надругались над памятником погибшим советским воинам на станции Маньчжурия. Главным центром антирусской пропаганды в китайском Приамурье был и остается до настоящего времени так называемый «Музей напоминания о национальном позоре» в расположенном рядом с Хэйхэ местечке Айгунь, куда до сих пор закрыт доступ русским. Тем не менее, несмотря на напряженность советско-китайских отношений, в наших странах во многом сохранялось уважение к народам двух стран, их истории и культуре. В выходящей в Харбине серии «Советские революционеры» были изданы книги о российских исторических деятелях; в июне 1981 г. в Даляне прошел симпозиум по творчеству А.М. Горького; в 1983 г. на сцене Амурского театра драмы советским режиссером был поставлен спектакль «Тайфун» по пьесе «Ураган» знаменитого китайского драматурга Цао Юй; в 1985 г. в г. Суйфэнхэ прошла выставка коллекций советских марок филателистов Хэйлуңцзяна, и таких примеров можно привести немало.

В конце 1980-х гг. началось активное развитие советско-китайского сотрудничества на межрегиональном уровне в сфере науки, образования, культуры. Уже в 1984 г. делегации отделения Общества советско-китайской дружбы от Амурской области, Хабаровского и Приморского краев побывали на праздничных мероприятиях, посвященных 35-й годовщине образования КНР. Ответная делегация

⁸⁴ ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

приехала из Хэйлунцзяна во Владивосток на празднование 67-й годовщины Октябрьской революции. В 1985 г. в Приморье прибыла делегация Общества китайско-советской дружбы провинции Цзилинь. С этого времени региональные отделения Обществ дружбы в приграничных регионах регулярно обменивались визитами. В 1989 г. в Хух-Хото были подписаны «Соглашение об установлении межвузовских связей между Читинским педагогическим институтом (СССР) и педагогическим университетом АРВМ (КНР)» и «Соглашение об осуществлении культурных обменов между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР)»⁸⁵.

В конце 1988 — начале 1989 гг. было установлено научно-техническое сотрудничество между АН провинции Хэйлунцзян и ДВО РАН. Двусторонние соглашения предусматривали обмен специалистами, создание совместных предприятий. Институт химии ДВО РАН и Институт технической физики АН Хэйлунцзяна создали российско-китайскую лабораторию ядерного анализа. Были установлены прямые связи между институтами Сибирского отделения АН СССР с аналогичными учреждениями КНР. Например, с 1989 г. началось сотрудничество Института вычислительного моделирования Красноярского научного центра СО РАН с Институтом оптоэлектроники Харбинского технологического института. В Китай выезжала официальная делегация ученых Якутского научного центра Сибирского отделения АН СССР, в составе группы, посетившей Харбин, где проходила в то время международная выставка достижений современной науки, техники и новой технологии, были директора Института горного дела и Института физико-технических проблем Севера. Китайские партнеры заявили о своей готовности открыть в Якутске клинику народной китайской медицины, цветное фотоателье высшего класса, ресторан китайской кухни и т.д. Весной 1991 г. сотрудники Научного медико-производственного объединения «Эрчим» при Министерстве здравоохранения Якутской ССР побывали в Институте китайской традиционной и европейской медицины в Хэйлунцзяне, между специалистами было подписано соглашение о творческих контактах, о начале деятельности группы китайских медиков с октября 1991 г. в Якутске и районных центрах республики на основе договоров, в том числе заключаемых с совхозами. Было также заключено соглашение о введении специального курса по китайской медицине на медико-лечебном факультете ЯГУ. В начале 1990 г. документ о сотрудничестве был подписан Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Хэйлунцзянской академией общественных наук. Почти все региональные вузы установили прямые связи с вузами КНР. Уже с 1984 г. начались стажировки студентов и преподавателей Дальневосточного государственного университета в Харбине.

К середине 1980-х гг. возобновились советско-китайские контакты в сфере культуры. В 1984 г. КНР впервые приняла участие в проводимом в Ташкенте Международном кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки. В сентябре 1988 г. по инициативе Амурского областного отделения общества советско-китайской дружбы в Доме культуры Хэйхэ было выставлено 55 работ живописи, графики и скульптуры из Благовещенска. В 1989 г. в Благовещенске состоялась выставка китайских архитекторов. Первая делегация работников культуры Приморского края посетила Харбин в марте 1990 г., а в 1991 г. в Хэйхэ

⁸⁵ См. подробнее: *Тарасов А. П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

была направлена первая группа работников культуры Амурской области. Летом 1990 г. успешно гастролировали в провинции Цзилинь артисты балета Якутского музыкального театра, на следующий год в Якутске и Нерюнгри познакомились с китайским балетом «Девушка Женьшень», в апреле 1991 г. из провинции Цзилинь приехала группа артистов из 75 человек. В 1991 г. в фестивале «Харбинское лето» принял участие ансамбль танца «Вихрь» из Владивостока. Это лишь некоторые примеры развернувшегося в последние годы существования Советского Союза культурного обмена между российскими и китайскими обменами.

Таким образом, российско-китайские связи как в области политико-административной, так и в сфере науки, образования и культуры на уровне регионов всегда были важнейшей составляющей общей системы двусторонних отношений. В отдельные периоды истории региональный аспект становился доминирующим, а связи между приграничными территориями были локомотивом развития отношений между двумя странами и народами.

Приграничные экономические связи до 1917 года

Кяхтинский договор (трактат) 21 октября 1727 г. положил начало качественно новому этапу в отношениях между Россией и Китаем. В нем впервые было зафиксировано положение об установлении регулярной российско-китайской приграничной торговли. Договор определил основные правила ведения российско-китайской торговли на последующие 150 лет. Ст. 4 документа предусматривала перенесение русского частного торгового дела в более удобные для обеих сторон места: из Урги в Монголии и Цицикара (Науна) в Маньчжурии (Северо-Восточном Китае) в два пункта на русско-китайской границе — Кяхту (недалеко от Селенгинска) и Цурухайту (на значительном расстоянии от Нерчинска) и организацию там беспосредственной меновой торговли. На р. Кяхте началась постройка торговой слободы. Первый торг открылся там 25 августа 1728 г.⁸⁶ После подписания Кяхтинского договора произошел подъем российско-китайской приграничной торговли. Она имела значительные преимущества по сравнению с караванной торговлей в Пекине, так как в ней участвовали в основном частные купцы, их главным покупателем было сельское население России. В связи с этим из Китая ввозились не дорогостоящие товары, подобно закупаемым в Пекине, с целью покрытия значительных транспортных расходов, а хлопчатобумажные ткани, чай, табак, ремень.

В 70–80-х годах XVIII в. кяхтинская торговля по структуре заметно отличалась от караванной торговли более раннего периода, в которой почти единственной статьей русского экспорта была пушнина (в основном соболь и чернобурка). В последнюю треть XVIII в., несмотря на то, что вывоз пушнины и возрос в 6–7 раз, видное место в экспорте стали занимать сукна, льняное полотно и другие товары. В 1762 г. на пушнину приходилось около 85% стоимости русского экспорта, а в 1792 г. — 70%. Уменьшилась доля дорогих мехов: вывозили в основном белку, широкий сбыт находили также шкурки горностая, хорька, лисицы, песца.

⁸⁶ Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М., 1958. С. 17–22; *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 146–150.

В товарной структуре импорта из Китая произошли еще большие изменения. Драгоценные камни, серебро и золото, составлявшие основу казенной торговли, стали импортироваться в незначительных размерах. Сократился удельный вес дорогих товаров — шелковых тканей, бархата. Главное место в импорте стали занимать хлопчатобумажные ткани («китайка», «даба»), сахар, кирпичный и байховый чай, табак, румяна. Хлопчатобумажные ткани, шелк и чай в XVIII в. составляли более 90% китайского экспорта в Россию. К 1800 г. импорт чая в Россию достиг почти 30% всей стоимости импорта из Китая⁸⁷. Доля кяхтинской торговли по стоимости составляла около 8,3% всего российского внешнеторгового оборота и более 60% товарооборота России с азиатскими странами. Через Кяхту китайские товары проникали не только в Россию, но и в страны Ближнего Востока, а также в Западную Европу, процент транзитных товаров был довольно высоким.

К концу XVIII в. в российско-китайской торговле появились затруднения, так как на всей достаточно протяженной границе был лишь один официальный торговый пункт — Кяхта-Маймайчэн, хотя стихийно торговые связи уже начинали завязываться в других местах. Неблагоприятное влияние на кяхтинскую торговлю стала оказывать расширявшаяся морская торговля стран Запада с Китаем. Чтобы устранить конкуренцию зарубежных фирм, российское правительство разрешило участвовать в кяхтинской торговле только русским купцам. Кяхта стала единственным рынком России, где не было иностранцев, кроме китайских торговцев.

Меновый характер торговли (без применения денег и векселей) представлял собой первоначальную форму обмена, которая уже не соответствовала развитой в России форме товарного производства. Стоимость обменивавшихся товаров выражалась не в деньгах, а в каком-либо наиболее распространенном товаре. До 1800 г. торговым эквивалентом являлась ткань «китайка», с начала XIX в. — чай. Хотя товары номинально реализовывались путем непосредственного обмена, фактической мерой цен было серебро. Все это замедляло обращение товаров и оборачиваемость капиталов⁸⁸.

Если с китайской стороны в кяхтинской торговле до середины XIX в. безраздельно господствовали купцы из провинции Шаньси, то с русской стороны — купечество центральной части России. В 1768 г. для торга на русско-китайской границе было создано шесть компаний (Московская, Тульская, Архангельская, Вологодская, Тобольская и Иркутская), каждая из которых занималась доставкой в Кяхту определенных товаров⁸⁹. К концу XVIII в., по мере формирования местных капиталов, их активность в российско-китайской торговле возросла. В 1804 г.

⁸⁷ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М., 1987. С. 36–40. Она же. Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале XX в. (обзор) // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000. С. 162–164.

⁸⁸ История Северо-Восточного Китая. XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток, 1987. С. 226–227; Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 99; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений... С. 143.

⁸⁹ Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. — 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают: Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 127; 孟宪章主编 (Мэн Сяньчжан, ред.): 《中苏经济贸易史》 (История китайско-советской торговли), 哈尔滨:黑龙江人民出版社, 1992年, 第38页; 郭蕴深 (Го Юньшэнь): 《中俄茶叶贸易史》 (История китайско-русской чайной торговли), 黑龙江教育出版社 1995年, 第101页.

65,3% всех участников кяхтинского торгова составляли сибирские компании⁹⁰. Главными пунктами, где сосредоточилась преимущественно оптовая продажа китайской продукции и производилась закупка товаров для обмена китайским купцам, были Москва, Ирбитская и Нижегородская ярмарки. Помимо оптовой торговли, кирпичный чай выменивался приграничным населением Забайкалья.

В первой половине XIX в. постепенно изменилась структура экспорта через Кяхту. Удельный вес пушнины, составлявший в 80-е годы XVIII в. около 80%, сократился в 1826 г. до 47,5%, а в 1830 г. — до 28%. Это было связано с истощением пушного промысла, обеднением китайского населения в результате ввоза опиума, а также с ростом ввоза через Кяхту сукон, которые были дешевле мехов. В начале 30-х годов на их долю приходилось около 29% экспорта, а к концу десятилетия — уже более 50%. Главное место среди китайских товаров в первой половине XIX в. занимал чай (к началу 1840 г. — 97% всего импорта России из Китая). Сократился ввоз хлопчатобумажных тканей, составлявших на протяжении второй половины XVIII в. основную статью российского импорта из Китая. Основной причиной этого было развитие соответствующих производств в самой России. Первая «опиумная» война (1840—1842), а затем восстание тайпинов привели к сокращению торговых связей через Кяхту. Объем торговли в Кяхте-Маймачене в 1827—1850 гг. сохранялся на уровне 13—15 млн руб. До заключения Кульджинского договора в 1851 г. в Кяхте было сосредоточено более 95% объема российско-китайской торговли⁹¹. Достигнув апогея к середине XIX в., торговля в Кяхте вступила в полосу углубляющегося кризиса.

Во второй половине XIX в. заселение и хозяйственное освоение российского Дальнего Востока сопровождалось установлением экономических отношений с соседними странами, в том числе с Китаем и его северо-восточными провинциями. Промышленность и сельское хозяйство Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. не удовлетворяли потребности края в промышленных товарах и продуктах питания, что ставило население в значительную зависимость от ввоза многих товаров из европейской части России и импорта из-за границы.

Вплоть до японо-китайской войны 1894—1895 гг. приграничная сухопутная торговля являлась основной формой экономических отношений населения Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Российско-китайская торговля регулировалась Айгуньским договором 1858 г. (ст. 2) и Пекинским — 1860 г. (ст. 4), «Правилами для сухопутной торговли между Россией и Китаем», подписанными в Пекине в 1862 г. на три года и затем подтвержденными в 1869 г., Санкт-Петербургским договором 1881 г. (ст. 18) и «Правилами для сухопутной торговли между Россией и Китаем», принятыми согласно Санкт-Петербургскому договору (ст. 1)⁹².

⁹⁰ Шахеров В.П. Роль русско-китайской торговли в формировании капиталов Юго-Восточной Сибири в конце XVIII — первой трети XIX в. // Проблемы социально-экономического и технического развития стран Востока. Иркутск, 1981. С. 18.

⁹¹ Бунаков Е.В. Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в. // Советское востоковедение. М., 1956. № 2. С. 98—99; Хохлов А.Н. Внешняя торговля Китая с 90-х годов XVIII в. до 40-х годов XIX в. // Государство и общество в Китае. М., 1978. С. 90—92.

⁹² Сборник договоров России с Китаем. 1689—1881. СПб., 1889. С. 111, 162, 164, 192, 211, 236—238; Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 30, 36, 42, 50, 59, 61.

Главными торговыми центрами во второй половине XIX в. были Николаевск-на-Амуре, Благовещенск и Хабаровск. Товары ввозились в край морем через Николаевск-на-Амуре или сухопутным путем через Благовещенск. Оборот российско-китайской торговли на Амуре к концу 60-х годов XIX в. не превышал 500 тыс. руб. в год. Российская торговля характеризовалась постоянным пассивным сальдо⁹³. В последней четверти XIX в. Россия торговала в основном с ведущими капиталистическими странами. Первое место во внешней торговле России занимала Германия, затем следовали Англия, Голландия и Франция, удельный вес Китая в 1891 г. не превышал 3,3% ⁹⁴. Доля России во внешней торговле Китая в 1894 г. составляла 4,1%. В 1895 г. около 74,5% общей суммы российского экспорта в Китай приходилось на Синьцзян, 19,3% — на кяхтинскую торговлю и только 6,2% — на торговлю Дальнего Востока России с Маньчжурией⁹⁵.

Приграничная торговля с Северо-Восточным Китаем в Амурской области велась через г. Благовещенск и находившиеся у границы Айгунь и Сахалинь; в Забайкальской — по р. Аргунь через караулы Абагатуевский, Старо- и Ново-Цурухайтуские; в Приморской области — главным образом через заставы Полтавскую, Хунчуньскую и Верхне-Мангугайскую. Кроме того, переход российско-китайской границы разрешался еще в четырех пунктах: по р. Уссури — в станицах Казакевича, Козловской и Графской, а также по сухопутью — у Турьего Рога. Российский экспорт в Северо-Восточный Китай был представлен как изделиями из Европейской России — хлопчатобумажные ткани, металлы и металлические изделия, керосин, спички, так и дальневосточной продукцией — пушнина, кожа, панты, рыба, морская капуста, трепанг, краб (морепродукты составляли 80% всего дальневосточного экспорта). Кроме российских товаров, в Северо-Восточный Китай с территории Дальнего Востока России шли транзитом товары иностранного производства, а также центральных и южных провинций Китая.

Из Северо-Восточного Китая на территорию Дальнего Востока России ввозились чай, продукты животноводства, птицеводства и растениеводства. Основное место в импорте занимали скот, пшеница, мука, растительное масло. Продукты животноводства по стоимости составляли в среднем 60–66% дальневосточного импорта из Маньчжурии. В зимнее время скот переправлялся на пароходе преимущественно в убойном виде, в летнее — в живом. Транспортировка производилась по р. Сунгари на баржах, буксировавшихся русскими пароходами. Вторым по важности товаром импорта в Приамурский край являлся хлеб (зерно и мука) — около 25–27% стоимости ввоза⁹⁶. Торговый оборот Дальнего Востока России с Северо-Восточным Китаем в 1893–1895 гг. составлял около 3 млн. руб., на Амурскую область приходился 1 млн, на Приморскую — 1,5–2 млн, на приграничную торговлю Забайкальской области — не более 0,1 млн руб.

⁹³ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 69.

⁹⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 264. Л. 27.

⁹⁵ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 340; его же. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953. С. 46, 48, 49.

⁹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 934. Л. 174; Оп. 29. Д. 167. Л. 17; Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм: Торговые связи Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX — начало XX в.) // Россия и АТР. 2006. №3. С. 111; *её же*. Торговые связи России и Китая... С. 175–176; Чжунсу цзинцзи маои ши... С. 171.

Торговля была сосредоточена главным образом в руках крупных фирм «Чурин и К^о» и «Кунст и Альберс», имевших предприятия по всей территории Приамурья и Северо-Восточного Китая. В 1899—1900 гг. в связи с постройкой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), фирма «Чурин и К^о» открыла свои отделения в городах Маньчжурии. Торговый оборот частных российских торговцев составлял свыше 60% внешнеторгового оборота Харбина⁹⁷. С развитием Добровольного флота в конце XIX в. стали осуществляться перевозки (в основном морской капусты и керосина) из Владивостока и Николаевска-на-Амуре в порт Нючжуан (Инкоу), откуда импортировались шелк, бобовые и другая сельскохозяйственная продукция⁹⁸.

С постройкой КВЖД (1897—1903), а также с увеличением численности населения Дальнего Востока торговля с Китаем расширилась. Из портов европейской России в тихоокеанские в 1897—1901 гг. в среднем ввозилось 900 тыс. пудов зерна и муки, в Амурскую и Приморскую области по сухопутной границе в 1897—1900 гг. импортировалось до 400—500 тыс. пудов маньчжурского хлеба ежегодно. Маньчжурский хлеб продавался по более низким ценам, чем отечественный⁹⁹, что способствовало обеспечению продовольствием населения Дальнего Востока России, но в то же время замедляло развитие сельского хозяйства края.

На развитие торговых связей российского Дальнего Востока с иностранными государствами, в том числе и с Китаем, большое влияние оказало установление режима порто-франко сначала в 1828 г. на Камчатке, а затем, в 1862 г., в Приморской области и на острове Сахалин. Режим беспошлинной торговли был введен также на расстоянии 50 верст по обе стороны российско-китайской границы. Однако при всей пользе этого торгового режима указанные льготы имели и негативные последствия. Ежегодная контрабандная утечка золота в Северо-Восточный Китай в конце XIX в. доходила до 100 пудов (более 1,3 млн руб.), контрабанда пушнины и ряда других товаров оценивалась в 1,5—2,0 млн руб. На российскую территорию из Маньчжурии контрабандным путем поставлялись главным образом спирт и опиум¹⁰⁰. Все это наносило существенный ущерб экономике Дальнего Востока.

После окончания строительства Забайкальской железной дороги с 1 января 1901 г. на Дальнем Востоке (кроме о. Сахалина и Камчатки) был отменен режим порто-франко. Основной целью этой акции было поощрение развития в регионе отечественной промышленности.

Позднее, в связи с началом русско-японской войны 1904—1905 гг., на Дальнем Востоке вновь был введен режим порто-франко, просуществовавший до 1909 г. Приамурские генерал-губернаторы неоднократно пытались пресечь контрабанду, но их меры не достигали цели. С 1 января 1913 г. российское правительство было вынуждено отменить статью Санкт-Петербургского договора, предусматривавшую беспошлинную торговлю на расстоянии 50 верст по обе стороны российско-

⁹⁷ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 74; Хуан Динтянь. Чжун-э цзинмао юй вэньхуа цзяюлю ши яньцзю (История торгово-экономических и культурных связей между Китаем и Россией. Харбин, 1999. С. 33.

⁹⁸ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 2. Д. 436. Л. 6, 17.

⁹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 934. Л. 173—174.

¹⁰⁰ Государственный архив Читинской области (далее — ГАЧО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14107. Л. 28—30, 43—44; Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая... С. 179—180.

китайской границы. Таможенные пункты переносились ближе к границе, в это время в регионе уже действовали Владивостокская, Николаевская-на-Амуре и Хабаровская таможи¹⁰¹.

Экспорт российских товаров в Китай невозможно было значительно увеличить до окончания строительства КВЖД. В 1900 г. импорт из Китая превышал российский экспорт туда почти в 7 раз. В 1903 г., по сравнению с 1902 г., стоимостный объем экспорта российских товаров в Китай вырос более чем вдвое (с 9,3 млн до 22,4 млн руб.), а разрыв между импортом из Китая и экспортом из России сократился до 2,5 раз. Удельный вес Китая во внешней торговле России повысился с 3,5% в 1897 г. до 4,7% в 1903 г.¹⁰² КВЖД в значительной мере скорректировала географическое направление российско-китайской торговли. Из общей суммы торгового оборота в 1903 г. в 78,9 млн руб. на сухопутную дальневосточную торговлю (главным образом через Маньчжурию) приходилось около 50%; на Синыцзян — 17%; морская торговля составляла 33%¹⁰³.

Российские фирмы первыми в 1908 г. осуществили экспорт маньчжурских соевых бобов в Европу. Эти торговые операции проводило «Сибирское вывозное общество» при участии Петербургского промышленного банка¹⁰⁴, впоследствии стал активно внедряться и иностранный капитал. Для развития порта Владивосток, по указанию Министерства торговли и промышленности в 1910 г. был составлен проект по его расширению и оборудованию¹⁰⁵. В итоге в 1908–1914 гг. 80–90% грузов Северной Маньчжурии шло с КВЖД по Уссурийской железной дороге на Владивосток с целью транзита на мировой рынок и только 10–20% — на Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД). Маньчжурский транзит способствовал превращению Владивостокского порта в крупнейший экспортный порт Дальнего Востока¹⁰⁶.

Торговый оборот России с Маньчжурией в 1909 г. составлял 66% всего объема российской торговли с Китаем. В 1909–1913 гг. ежегодно для населения Приамурья, помимо произведенного собственными силами, требовалось еще 10–12 млн пудов хлеба. Примерно три четверти дефицита компенсировалось поставками из Северо-Восточного Китая¹⁰⁷. В 1910 г. Китай стоял на втором месте по ввозу иностранных товаров на Дальний Восток России и в Забайкалье; из Германии сюда ввозилось товаров на сумму 5,2 млн руб., из Китая — на 3,9 млн, из Японии — на 2,5 млн руб.¹⁰⁸

¹⁰¹ Троицкая Н.А. Тоска о порто-франко. Из истории таможенной политики на русском Дальнем Востоке // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 4. С. 52; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 87.

¹⁰² РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 524. Л. 37; Оп. 6. Д. 524. Л. 142; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 88.

¹⁰³ ГАЧО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 133. Л. 111; Оп. 1. Д. 220. Л. 25; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 524. Л. 39.

¹⁰⁴ Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934. С. 95; Чжунсу цзинцзи маоин ши... С. 195–196.

¹⁰⁵ Бянкин В.В. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981. С. 212, 218.

¹⁰⁶ Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая... С. 184–185; Хуан Динтянь. Чжун-э цзинмао юй вэньхуа... С. 36.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 64. Л. 63; Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая... С. 137; Лежнин П.Д. Дальний Восток: Богатства Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922. С. 45; Хуан Динтянь. Чжун-э цзинмао юй вэньхуа... С. 33.

¹⁰⁸ Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Ч. 1. Русский Дальний Восток в период империализма (1908 — март 1917 г.). Владивосток, 1968. С. 49.

Первая мировая война 1914–1918 гг. серьезно отразилась на торговле России с Китаем. Экспорт в Китай товаров из европейской части страны резко сократился и состоял на две трети из дальневосточной продукции, импорт в то же время резко увеличился. Транзитные перевозки с Уссурийской железной дороги по КВЖД на Забайкальскую для снабжения мясом Сибири и центральных областей России в период мировой войны выросли почти в 13 раз, перевозки составляли 35% общего грузооборота дороги. Удельный вес России во внешней торговле всего Китая в военные годы вырос — с 7,0% в 1913 г. до 9,1% в 1916 г. КВЖД изменила географическое направление российско-китайской торговли. Если в 1895 г. только 6,2% российского экспорта ввозилось в Китай через дальневосточную границу, то в 1914 г. — уже 56%. Перевозка грузов по КВЖД значительно ускорила темпы роста российско-китайской торговли. С 1902 по 1916 г. товарооборот России с Китаем увеличился с 61,4 до 175,6 млн руб., т.е. почти в 3 раза. КВЖД оказала большое влияние на развитие внешней торговли Северо-Восточного Китая, удельный вес которого во внешней торговле Китая увеличился с 7,5% в 1907 г. до 25% в 1917 г.¹⁰⁹

КВЖД способствовала становлению промышленности Северо-Восточного Китая (как добывающей, так и обрабатывающей). Русскими предпринимателями были начаты разработки Чжалайнорских угольных копей на севере, Яньтайских и Фушуньских — на юге Маньчжурии. Зарождение крупных лесопромышленных предприятий в Северной Маньчжурии также было связано с деятельностью КВЖД. Из отраслей обрабатывающей промышленности наибольшее развитие получило мукомольное дело. Были построены маслобойные, мыловаренные, кожевенные, кирпичные заводы, табачные фабрики. 75% всех крупных предприятий капиталистического типа в Маньчжурии были сосредоточены в Харбине. КВЖД оказала большое влияние на генезис сельского хозяйства Маньчжурии, которое стало специализироваться на производстве товарного зерна и бобовых культур на экспорт, на развитие молочного животноводства и колонизацию Северо-Восточного Китая¹¹⁰.

Миграционные процессы являлись важным фактором освоения Дальнего Востока России. Китайские иммигранты использовались в различных отраслях экономики региона, одной из самых многочисленных групп были рабочие. На рубеже XIX–XX в. приток китайских иммигрантов на Дальний Восток России резко увеличился в связи со строительством Транссибирской магистрали и Владивостока¹¹¹. Первая всеобщая перепись населения, проведенная в Российской империи в 1897 г., зарегистрировала в Приморской области 20,28 тыс. китайцев, составлявших 14,5% жителей, в Амурской — 12,54 тыс. (10,4%), на Сахалине — 0,14 тыс. (0,5%)¹¹².

Прежде всего китайцы занимались неквалифицированным физическим трудом: строительными работами, добычей угля и золота (82,3% в 1914 г.). Больше

¹⁰⁹ Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм... С. 120; Чжунсу цзинци маои ши... С. 197; Го Юньшэнь. Чжундун телу юй чжун-э цзинци маои гуаньси (КВЖД и китайско-российские торговые связи) // Бэйфан вэньсюе. Харбин, 1991. № 2. С. 78–84.

¹¹⁰ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 120–123.

¹¹¹ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 44; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. М., 2009. С. 21.

¹¹² Галлямова Л.И. Китайское предпринимательство в Приморье на рубеже XIX–XX вв. (по данным анкетирования 1904 г.) // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции 18–19 мая 1999 г. Владивосток, 1999. С. 107–108; См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 72. С. 1; Т. 76. С. 1; Т. 77. С. 1.

всего китайских рабочих нанимали казенные ведомства — военное строительное управление и Уссурийская железная дорога (90% китайских рабочих и 10% русских). Из числа частных предприятий наибольшее количество китайских рабочих работало в горнорудной и лесной промышленности. В сельском хозяйстве китайцы в большинстве являлись батраками и арендаторами. Китайские мигранты на российском Дальнем Востоке жили по своим правилам, практически не подчиняясь местной администрации. Стихийно возникшие на приисках китайские слободы управлялись так называемыми «китайскими подрядчиками»¹¹³. Средняя продолжительность рабочего дня китайцев в целом по краю была на казенных предприятиях — 11,5 часа, на частных — до 12 часов. Заработная плата китайских рабочих, как правило, была ниже, чем русских¹¹⁴. Их численное превосходство ставило экономическое развитие края в прямую зависимость от притока в регион иммигрантов.

В сфере золотодобычи к негативным последствиям вела хищническая эксплуатация россыпей, вытеснение с приисков русских рабочих, утайка и скупка золота, которое затем уходило в Китай. Теневая сторона деятельности китайских работников вынудила царское правительство и местную администрацию принять ряд законов, ограничивавших деятельность иностранцев и возможность их оседания на Дальнем Востоке. Они были лишены права селиться в приграничных местностях (1886 г.), приобретать земли в Амурской и Приморской областях (1892 г.), был запрещен наем иностранцев на казенные работы (1910 г.) в Приамурье и Забайкалье¹¹⁵. Повышенное внимание к «желтому труду» (в терминологии того времени) определялось несколькими факторами. С одной стороны, рабочая сила была необходима для освоения слабозаселенного российского Дальнего Востока. С другой — привлечение неограниченного количества дешевого «желтого труда» препятствовало заселению региона русскими. Крайняя дешевизна китайской рабочей силы консервировала техническую отсталость производства, особенно добывающей и обрабатывающей промышленности¹¹⁶.

На российском Дальнем Востоке китайская торговля стала развиваться в 70-е годы XIX в. Благодаря своей энергичности, предприимчивости, трудолюбию, корпоративности китайцы за сравнительно короткое время заняли значительную часть сферы мелкой и средней розничной торговли. Китайская торговля имела целый ряд особенностей, которые давали ей преимущества перед русской: а) широкое кредитование мелких фирм крупными; б) тактика ускоренного оборота при наличии даже меньших прибылей; в) минимальные накладные расходы на жалованье служащих, рекламу, помещение и др. Вследствие этого китайские мелкие торговцы значительно теснили своих российских конкурентов. В 1893 г. во Владивостоке существовало 127 китайских магазинов и только 23 русских, в 1910 г. их было уже 625, русских — 181. Уступая русской по объему торгового оборота, китайская торговля занимала ведущее положение по числу торговых предприятий. Наибольшее число китайских фирм находилось во Владивостоке.

¹¹³ Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: Сборник научных статей. Владивосток, 2000. С. 84—85.

¹¹⁴ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке... С. 47.

¹¹⁵ Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000. С.35. Он же. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта. (Китайцы и кавказцы в Иркутске.) М., 2000. С. 56—57.

¹¹⁶ Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. М., 2000. № 1 (8). С. 74—75.

Китайская торговля приносила большой вред аборигенному населению Дальнего Востока, представители которого поставляли китайским торговцам ценную пушнину, женьшень, панты и другие предметы промысла в обмен на спирт, опиум, дешевые украшения, потребительские товары. Неэквивалентный обмен приносил китайским купцам большую прибыль. Местное население попадало в долговую кабалу к китайским торговцам¹¹⁷. В 1894 г. во Владивостоке работала «Комиссия по вопросам ограничения китайской торговли», предложившая запретить ее вне пределов города Владивостока и обложить китайских торговцев сбором с оборота в 5–10%. Но Приамурский генерал-губернатор признал эти меры «преждевременными»¹¹⁸. В августе 1903 г. на 4-м хабаровском съезде представителей администрации и предпринимателей обсуждались вопросы применения «желтого труда» и влияние «желтой расы» на торговлю в крае. В итоге высказались за «полную свободу торговли на почве естественной конкуренции»¹¹⁹.

Китайское частное предпринимательство начало распространяться в крае в 70-х гг. XIX в. одновременно с развитием торговли. Особое место принадлежало водочному (ханшинному) производству, расширение которого отрицательно влияло на развитие отечественного винокурного дела. Весьма распространенным видом деятельности китайцев на российском Дальнем Востоке являлся каботаж, который начал распространяться в Приморье в 60–70-х годах XIX в. Вблизи крупных городов, таких как Владивосток и Никольск (Уссурийский), китайские земледельцы занимались огородничеством. Значительное количество китайцев промышляло в тайге охотой, звероловством, сбором женьшеня и других лекарственных трав. С 60-х годов XIX в. весьма распространенным занятием китайских отходников в Уссурийском крае был морской промысел — лов трепангов, морской капусты, морского гребешка и крабов¹²⁰.

Приграничные экономические связи в советский период

С установлением советской власти на Дальнем Востоке на его территорию распространилось законодательство РСФСР о монополии внешней торговли. В 1922 г. При Наркомате внешней торговли (НКВТ) была образована Государственная импортно-экспортная торговая контора (Госторг РСФСР), в октябре 1923 г. во Владивостоке открылся оперативный отдел НКВТ Дальгосторг¹²¹ (Государственная торговая импортно-экспортная контора по торговле со странами Дальнего Вос-

¹¹⁷ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке... С. 67; Граев В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. XI. С. 33; Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 3. С. 143–146.

¹¹⁸ Дацишен В.Г. История русско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в. Красноярск, 2000. С. 113.

¹¹⁹ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России. Владивосток, 1998. С. 120–121; его же. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и конце XX в. // Известия РГИА ДВ. Сборник научных трудов. Т. 1. Владивосток, 1996. С. 38–39.

¹²⁰ Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев... С. 94–99; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.) Омск, 1999. С. 86–95, 99–106.

¹²¹ Первое совещание работников Дальнешторга и Дальгосторга 14–8 сентября 1924 г. Хабаровск, 1926. С. 3; Весь Дальний Восток. Справочник на 1925. Хабаровск, 1926. С. 79.

тока), который имел свою контору в городе Харбине¹²². Тем не менее, в 1922 г. 88% всего внешнеторгового оборота Дальнего Востока приходилось на долю частного капитала и только 12% — на долю государственной торговли¹²³.

В начале 20-х годов налаживались экономические связи региона с Китаем и, прежде всего, с его Северо-Востоком, в основном за счет приграничной торговли. Главными предметами дальневосточного экспорта в Маньчжурию были: пушнина, кожевенное сырье, уголь, различные полезные ископаемые, лес и лесоматериалы, рыба и рыбная продукция, а также стекло, нефтепродукты и хлопчатобумажные ткани из европейской части России. Из Северо-Восточного Китая на Дальний Восток России ввозились продукты животноводства и птицеводства, растительная продукция, чай, соль, различные красители, лекарственное сырье, изделия из металла и дерева, хлопчатобумажные товары, шелк и шелковые изделия, лес. В 1924 г. 97% импортированной китайской продукции в СССР поступало из Северо-Востока, а 75% советской продукции экспортировалось в этот регион¹²⁴.

В первые годы советской власти на Дальнем Востоке реэкспортом маньчжурских бобов и соевых продуктов через Владивостокский порт занимались многие иностранные фирмы Северной Маньчжурии: датские, английские, японские и др. В 1922 г. маньчжурский экспорт составлял 88% всего экспорта и 71% общего грузооборота Владивостокского порта. Советское правительство предпринимало радикальные меры, чтобы сосредоточить экспортно-импортные операции а с зарубежными странами в государственных органах. В начале 1922 г. в Харбине была открыта контора Сибирского и Дальневосточного областного управления Наркомвнешторга РСФСР (Сибдальвнешторг), ставшая первой государственной торговой организацией Советской России в Маньчжурии, затем там открылась транспортная контора возрожденного в РСФСР Добровольного флота («Доброфлота»), а в июне 1923 г. было получено разрешение китайской администрации на учреждение в Харбине советского акционерного общества «Дальневосточный банк» (Дальбанк).

Большую роль в развитии торгово-экономических отношений двух стран играло советско-китайское «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой» от 31 мая 1924 г. Для Китайской Республики это был первый после «опиумных» войн равноправный договор с иностранным государством, узаконивший новую форму отношений между народами на основе полного равноправия, уважения государственной целостности, соблюдения взаимных интересов. Помимо вопросов о КВЖД, которая становилась совместным советско-китайским коммерческим предприятием, в этом соглашении была юридически оформлена деятельность на территории Китая советских хозяйственных организаций.

Советское правительство пошло на развитие торговых связей с Китаем без заключения соответствовавшего договора. В 1925 г. в Тяньцзине было открыто Торговое представительство СССР с отделениями в Шанхае и Харбине. В 1924—

¹²² Отчет Дальревкома и Дальэконосо за 1923—24 г. Хабаровск, 1925. С. 228.

¹²³ Весь Дальний Восток. С. 78, 175; Вся Сибирь и Дальний Восток. Справочник-книга на 1926 год. М., 1926. С. 523; «*中苏经济贸易史*» 第263页; Ho Pingyin. A survey of China's trade with the USSR // Chinese economic journal. 1935, Vol. XVI. No 5. P. 441.

¹²⁴ «*中苏经济贸易史*» 第249页.

1925 г. в экспорте российского Дальнего Востока наибольшие доли принадлежали Японии (59%) и Китаю (прежде всего, Маньчжурии) — 31%, остальные страны были представлены слабо. В импорте же в регион преобладающее значение сохранялось за Китаем (в основном, его Северо-Востоком) — 66%, США — 14%, Японией — 12,7% и Германией — 6%.¹²⁵ Малочисленность пограничных застав, неукomплектованность штатов таможен и органов милиции, слабая заселенность приграничных районов способствовали развитию контрабанды. В дореволюционный период оборот контрабанды не превышал 2–3 млн руб. в 1923–1924 гг. он составлял 11,8 млн, а в 1927 г. вырос до 32,9 млн руб.¹²⁶

С целью увеличения транзитных перевозок маньчжурской сельскохозяйственной продукции через Владивосток, по просьбе правления КВЖД Совнарком СССР 24 декабря 1924 г. принял специальное решение «О транзитной перевозке иностранных товаров через Владивостокский порт», в соответствии с которым там создавался особый изолированный район. Чтобы ускорить погрузку пароходов, увеличить пропускную способность Владивостокского порта и превратить его в мощную перевалочную базу, на мысе Эгершельд была специально оборудована «Транзитная часть» («вольная гавань») с пакгаузами, удобными причалами и конвейерными линиями. Для усиления хлебного экспорта из Северной Маньчжурии через Владивосток в 1925–1926 гг. там же была создана Транзитная хлебная биржа. Акционерами стали Дальбанк, Уссурийская железная дорога, Дальгосторг, Совторгфлот, Акционерное общество «Транспорт» и ряд китайских и русских частных экспортных фирм. Между Уссурийской железной дорогой и ЮМЖД шла постоянная конкуренция из-за объемов перевозок сельскохозяйственных грузов Северной Маньчжурии. Владельцы, предпочитавшие отправлять свои товары через Владивосток, выигрывали не только экономически, но и во времени. В территориальном отношении 80% торговли СССР с Китаем приходилось на Северную Маньчжурию, около 10% — на Ханькоу, остальные 10% делились между Тяньцзинем и Шанхаем¹²⁷.

Совершенно новым для Дальневосточного края явлением стало практически полное прекращение ввоза маньчжурского хлеба и, наоборот, начало вывоза сибирского хлеба в Северо-Восточный Китай. В 20-е годы значительный объем в экспорте из Приморья в Северную Маньчжурию приходился на сучанский каменный уголь, ввоз которого осуществлялся как для нужд КВЖД, так и для харбинских промышленных предприятий. В Харбине и других городах Северной Маньчжурии китайские фирмы открывали специальные магазины по торговле советскими товарами: пушниной, рыбными изделиями, морепродуктами, тканями и т.д.

Значительного объема достиг реэкспорт соевых бобов через Владивосток на мировой рынок. Основными покупателями были Англия и Япония, а также

¹²⁵ Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950 гг.). Владивосток, 1987. С. 92–94; Владивостокский морской торговый порт. Владивосток, 1925. С. 149, 150, 155; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М., 1977. С. 35–36; 《中苏经济贸易史》第446页.

¹²⁶ Шабельникова Н.А. Особенности борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АМГУ, 2003. Вып. 6. С. 44–45.

¹²⁷ История Северо-Восточного Китая XXII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949. Владивосток, 1989. С. 104–105; Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения... С. 94–96.

Германия, Голландия, Дания. В 20-е годы роль Владивостока радикально поменялась: из преимущественно импортного порта он превратился в порт экспортный. Наибольшее значение в грузообороте КВЖД играл экспорт прежде всего зерновых (соевых бобов и пшеницы), который составлял около 70% грузооборота КВЖД; на грузы местного сообщения и ввоз приходилось около 30%. Хлебные грузы, в которые в Китае включали соевые бобы и соевую продукцию, составляли 85–90% всего экспорта Северной Маньчжурии¹²⁸.

Промышленность Северной Маньчжурии, возникавшая после введения в строй КВЖД, в 20-е годы не получила значительного развития. Основной отраслью обрабатывающей промышленности являлось мукомольное производство, организованное исключительно русскими предпринимателями. После 1917 г. многие российские предприятия, оказавшие большое влияние на формирование современной промышленности Северо-Восточного Китая и сумевшие сохранить свое значение и капитал, были вынуждены поменять владельцев и перейти в собственность граждан других стран, прежде всего, Китая. Особенно быстро этот процесс пошел после отмены права экстерриториальности и консульской юрисдикции иностранных граждан в 1924 г.¹²⁹

После гражданской войны и интервенции количество китайцев в Советской России и на Дальнем Востоке сократилось. Согласно переписи 1926 г. в Дальневосточном крае (без Забайкалья) насчитывалось 65 тыс. китайцев¹³⁰. Большинство из них было сосредоточено в крупных городах. Основную массу иммигрантов составляли рабочие, занятые на предприятиях добывающей промышленности, в строительстве, на железнодорожном и водном транспорте, в кожевенной промышленности. Китайский труд на Дальнем Востоке применялся в широких размерах, однако политика центрального правительства была направлена на его сокращение¹³¹. Численность китайских мигрантов уменьшилась на Дальнем Востоке с 50,1 тыс. в 1923 г. до 24,6 тыс. в 1937 г. Всего в 1938–1939 гг. с Дальнего Востока было выселено 11,2 тыс. китайцев, в том числе из Приморского края — 10,8 тыс. человек¹³².

Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке продолжали развиваться до японской оккупации Маньчжурии. Это в первую очередь относится к приграничной торговле, которая велась до 1933 г. — года полной оккупации Японией Маньчжурии и начавшегося принудительного выселения китайского населения из приграничной полосы. Наибольший удельный вес

¹²⁸ Романова Г.Н. Дальний Восток России — Северо-Восточный Китай: торговые связи, транзит, транспортные коммуникации // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. Tsao L.E. The Chinese Eastern Railway // Chinese economic journal. 1929. Vol. IV. No 4. P. 275.

¹²⁹ Романова Г.Н. Российское предпринимательство в промышленности Северо-Восточного Китая в 20-е годы // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: Тезисы докладов XV Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2006. Ч. 2. С. 46–49.

¹³⁰ Чернулицкая Е.Н. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 135.

¹³¹ Романова Г.Н. Положение китайских рабочих на советском Дальнем Востоке в 20-е гг. XX в. // Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее). Тез. докл. XVI Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25–27 октября 2006 г.). Ч. II. М., 2006. С. 24–25; Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке (1917–1938 гг.). Владивосток. 2009. С. 232–233, 267.

¹³² Чернулицкая Е.Н. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока... С. 143; Ващук А.С., Чернулицкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 80.

в общем объеме внешней торговли Китая Советский Союз имел в 1928 г. — 5,4%, в 1929 г. его доля упала до 3,3%, а в 1933 г. — до 1,4%¹³³. С 1935 г., после перехода КВЖД в собственность Маньчжоу-го и прекращения железнодорожных связей Северо-Восточного Китая с Приморьем и Забайкальем, торговая деятельность советских организаций в Маньчжурии почти полностью прекратилась. Осталось лишь одно торговое представительство СССР — отделение советского торгпредства в Японии в Дайрене (Дальнем). Экспорт СССР в Северо-Восточный и внутренний Китай почти полностью прекратился. В Китай вывозилось лишь сырье для китайской народной медицины (панты, женьшень и др.). 16 июня 1939 г. между СССР и Китаем был подписан торговый договор, предусматривавший решение на правах взаимности всех вопросов торговой деятельности и мореходства¹³⁴. После завершения Второй мировой войны произошло расширение советско-китайских торгово-экономических отношений. К концу 1945 г. в Даяне (Дальнем), Харбине, Мукдене были созданы отделения торгпредства СССР, а в Гирине появилось агентство торгпредства¹³⁵.

14 августа 1945 г. был подписан советско-китайский Договор о дружбе и союзе. Одновременно были заключены соглашения о Китайско-Чанчуньской железной дороге (КЧЖД), становившейся совместно управляемой собственностью СССР и Китайской Республики сроком на 30 лет; об использовании Порт-Артура в качестве совместной военно-морской базы, закрытой для других государств, оборона которой на 30 лет вверялась СССР, и о порте Дальнем, объявленным свободным портом, открытым для торговли и судоходства всех стран под совместным управлением обеих сторон.

Большую роль в восстановлении хозяйственного потенциала Северо-Восточного Китая и, прежде всего, районов, находящихся под управлением КПК, играла внешняя торговля с СССР. Взаимные поставки товаров осуществлялись по железной дороге в двух направлениях — забайкальском (Маньчжурия-Забайкальск) и приморском (Пограничная-Гродеково), а в период навигации — также по рекам Амур и Сунгари. Товарооборот между СССР и Северо-Восточным Китаем с 1947 по 1949 г. увеличился более чем в 2 раза (с 413,8 до 915,9 млн руб.). В течение 1947–1949 гг. удельный вес торговли с СССР во внешнеторговом обороте «освобожденных районов» Северо-Востока составлял 92,7%. В 1947 г. 72% импортируемых из СССР в Северо-Восточный Китай товаров предназначались для военных нужд, 28% — были товарами народного потребления¹³⁶.

Советские организации оказали содействие новым властям Северо-Востока в налаживании внутренней торговли и финансов. Советское акционерное общество «И.Я. Чурин и К» взаимодействовало с правительственной фирмой «Тунсин». В 1948–1949 гг. из импортируемых обществом советских товаров на промышленные машины, удобрения, электроаппаратуру приходилось 50%, на товары народного потребления — 30%, на специализированные товары — 20%. С весны 1947 г.

¹³³ *Ho Pingyin*. A survey of China's trade with the USSR // *Chinese economic journal*. 1935. Vol. XVI. No 5. P. 455.

¹³⁴ *Романова Г.Н.* Советско-китайские экономические отношения... С. 99–101; *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений... С. 113; 116, 145, 133–134.

¹³⁵ *Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. М, 1984. С. 298.

¹³⁶ *Романова Г.Н.* КЧЖД и ее значение. Советско-китайские торговые связи на Дальнем Востоке // *История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв.* Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. Владивосток, 2004. С. 58–59. «*中苏经济贸易史*» 第352–355、358页.

при содействии гражданской администрации и Советской Армии на Ляодунском полуострове стали возникать на паритетных началах советско-китайские акционерные компании по производству и сбыту товаров — «Дальэнерго», «Ляодунрыба», и в 1951 г. «Совкитсудострой» (на базе крупнейшей даляньской судовой верфи «Дальдок»). Помимо налаживания работы важных для региона предприятий, акционерные компании ставили своей целью подготовку китайских специалистов, которые в дальнейшем смогли бы самостоятельно обеспечить их управление¹³⁷.

Период с 1949 г. по конец 1950-х гг. характеризовался дружбой и всесторонним сотрудничеством между Советским Союзом и Китаем. Взаимодействие с СССР в этот период сыграло большую роль в создании основ индустриальной базы КНР. Большое значение для упрочения международного положения КНР имел Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанный 14 февраля 1950 г., который заложил прочный фундамент для развития всестороннего экономического сотрудничества. Было заключено соглашение о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, предусматривавшее после подписания мирного договора с Японией, но не позднее чем в конце 1952 г., безвозмездную передачу КНР всех прав на КЧЖД со всем принадлежащим советской стороне имуществом; передачу правительству КНР сооружений военно-морской базы Порт-Артура с возмещением СССР затрат по восстановлению и строительству сооружений после 1945 г.; Советское правительство также согласилось передать в течение 1950 г. КНР все имущество, находившееся в городе Дальнем во временном пользовании или аренде у советской стороны¹³⁸.

Советские специалисты участвовали в восстановлении северо-восточных и северных железных дорог. Учитывая народнохозяйственные потребности обеих стран, СССР и КНР в январе 1951 г. подписали соглашение о порядке плавания на пограничных участках рек Амура, Уссури и озера Ханка. 14 марта 1951 г. было заключено соглашение о прямом железнодорожном сообщении, предусматривавшее прямую перевозку пассажиров, багажа и грузов¹³⁹. В общей сложности при содействии Советского Союза в КНР было построено 256 крупных промышленных предприятий, цехов, объектов, оснащенных новейшим оборудованием. Среди них такие, как Аньшаньский металлургический комбинат, Чанчуньский автомобильный завод, электромашиностроительный, турбинный и котельный заводы в Харбине, ряд электростанций и других объектов. С помощью СССР в КНР были созданы отрасли промышленности — авиационная, автомобиле- и тракторостроительная, радиотехническая, различные отрасли химического производства, введены в действие крупные мощности в металлургической, энергетической и других отраслях промышленности. Многие предприятия были размещены в промышленно развитой северо-восточной части страны.

В 50-е годы успешно развивалась советско-китайская торговля. Товарооборот, равный 518,9 млн руб. в 1950 г., достиг к 1959 г. 1849 млн руб., что составляло свыше 50% общего внешнеторгового оборота КНР и около 20% — СССР¹⁴⁰.

¹³⁷ Романова Г.Н. Советско-китайские акционерные компании в Северо-Восточном Китае во второй половине 40-х годов: история и оценка // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 3. С. 72–73; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений... С. 177–181.

¹³⁸ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимоотношений. М., 2004. С. 467.

¹³⁹ Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд. М., 1980. С. 45–46, 51.

¹⁴⁰ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений... С. 203–204, 251–252.

Важная роль в развитии экономических отношений между Советским Союзом и КНР в 1950-е гг. отводилась дальневосточному региону СССР и северо-восточным провинциям Китая. Северо-Восток получал с советского Дальнего Востока машины и оборудование, а также различные материалы, необходимые для строительства промышленных предприятий. Заказы для КНР выполняли многие дальневосточные заводы: «Амурсталь», «Энергомаш», «Амурлитмаш», «Амуркабель», завод имени Горького, «Дальсельмаш», «Комсомольский нефтеперегонный завод», Свободненский завод автодеталей, «Амурский металлист» и др. Кроме промышленных товаров, экспортировались также нефтепродукты, лес. Предприятия советского Дальнего Востока получали из северо-восточных провинций главным образом сырье для переработки: завод «Амурсталь» — чугун с Аньшаньского металлургического комбината, стройки региона — китайский цемент, Хабаровский и Уссурийский масложиркомбинаты — соевые бобы и т.д.¹⁴¹

В процессе экономического сотрудничества двух сопредельных регионов устанавливались различные формы производственных связей: обмен технической информацией и документацией; направление советских специалистов на китайские предприятия для передачи опыта непосредственно на рабочих местах, оказания помощи по вводу в действие нового оборудования, для консультаций; стажировки и производственно-техническая практика молодых китайских специалистов (геологов, горняков, обогатителей, лесоводов и др.) на предприятиях Дальнего Востока. Обмен передовыми производственными приемами, рационализаторскими предложениями, лучшими методами организации производства был налажен в различных отраслях промышленности. Плодотворно сотрудничали коллективы завода «Амурсталь» и Аньшаньского металлургического комбината, Хабаровского «Энергомаша» и Харбинского турбостроительного завода. Китайские специалисты — геологи, горняки, обогатители приезжали на производственно-техническую практику. Лесоводы из Китая изучали опыт лесоустройства в горных лесах Хабаровского края, посещали лесные хозяйства и лесобработывающие предприятия дальневосточного региона.

Во второй половине 50-х годов хозяйственные связи между сопредельными территориями вышли на новый уровень — производственной кооперации. Так, чугун с Аньшаньского металлургического комбината поступал на завод «Амурсталь», а сталь с завода «Амурсталь» отправлялась на Даляньский судоремонтный завод.

Большой вклад в развитие экономических связей советского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая внесли работники морского, речного и железнодорожного транспорта. Амур с притоками Сунгари, Уссури и Зеей, являясь удобной и дешевой транспортной коммуникацией, связывал города двух регионов. В Китай по Амуру доставляли нефть, нефтепродукты, прокат черных металлов, лес; из Китая — коксующийся каменный уголь, цемент, зерно, фрукты. Важную работу выполняли моряки Дальневосточного морского пароходства (ДВМП),

¹⁴¹ Клим Л.И. Участие советского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая в развитии экономических отношений между СССР и КНР в 50-е годы. Владивосток, 1990. С. 6–10; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. Владивосток, 2004. С. 99–100; Романова Г.Н. Торгово-экономические отношения СССР и Китая в 50–80-е гг.: тенденции, динамика // Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании: опыт, проблемы, перспективы. Материалы и тезисы докладов к Международному научно-исследовательскому семинару. Владивосток, 2008. С. 206.

перевозившие народохозяйственные грузы в КНР. В 1951 г. этим было занято 20 судов ДВМП, из них 5 работало во фрахте между КНР и иностранными портами. Тесные производственные связи установились между моряками ДВМП и судоремонтниками города Даляня. Более 100 специалистов парокходства принимали участие в восстановлении Даляньского судостроительного завода, в его реконструкции и модернизации. Труд многих дальневосточников был отмечен наградами КНР. В 1955—1960 гг. осуществлялись заходы судов ДВМП в крупнейшие порты Китая, в том числе в Дальний. В Китай они вывозили главным образом металл и металлоизделия, всевозможные машины, минеральные и строительные материалы, химические товары, растительный и китовый жир, марганцевую и другую руду.

Высокой результативностью и массовостью отмечались связи двух сопредельных регионов в области сельского хозяйства. Происходил постоянный и регулярный обмен делегациями и группами специалистов с целью изучения вопросов, представляющих взаимный интерес: организации сельскохозяйственного производства, эффективного использования техники, селекционной работы, проводились различные консультации по повышению урожайности зерновых культур, эффективности животноводства. Работники сельского хозяйства советского Дальнего Востока изучали опыт возделывания сои, овощей, работу тепличных хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Северо-Восточного Китая, а китайцы изучали вопросы механизации в сельском хозяйстве, развития молочного животноводства в колхозах и совхозах Дальнего Востока СССР. Сельскохозяйственные организации двух стран обменивались высокоурожайными сортами семян, лучшими породами скота и пшеницы, оказывали взаимную помощь техникой, что способствовало повышению эффективности сельскохозяйственного производства.

Расширялись и приграничные торговые связи. Дальневосточный регион СССР был основным потребителем поступающих из КНР свежих и консервированных овощей, фруктов, мяса и мясопродуктов, яиц, соевых бобов и т.п. Помимо централизованных операций, проводившихся на основе межправительственных соглашений, приграничная торговля осуществлялась непосредственно местными организациями сопредельных территорий. Осуществлялась приграничная торговля в основном по линии кооперативов через следующие пункты: с советской стороны — Гродеково и Забайкальск, с китайской — станции Суйфэньхэ и Маньчжурия¹⁴².

Провинция Хэйлунцзян начала развивать внешнюю торговлю с 1953 г., ее главными торговыми партнерами были СССР и страны Восточной Европы, торговля носила бартерный характер. В 1953 г. из общей суммы экспорта в 230 млн юаней 220 млн приходилось на СССР. В 1957 г. в Хэйхэ была создана торговая компания, которая установила торговые связи с Амурской областью. Объем приграничной торговли провинции Хэйлунцзян с СССР и, прежде всего, с советским

¹⁴² Клим Л.И. Участие советского Дальнего Востока... С. 10—19; История Северо-Восточного Китая... С. 100—103; Романова Г.Н. Торгово-экономические отношения... С. 207—209. Она же. Советско-китайские торгово-экономические отношения на Дальнем Востоке в конце пятидесятых — середине шестидесятых годов XX века // Северо-Восточная Азия: Проблемы регионального взаимодействия (История и современность). Владивосток, 2003. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Сер. Востоковедение; Т. 12. С. 48—49.

Дальним Востоком составлял 68 тыс. руб. В 1958 г. были установлены связи между торговыми организациями Хабаровского, Приморского краев, Амурской области и провинцией Хэйлунцзян. Максимальный объем торговли между советским Дальним Востоком и Северо-Восточным Китаем был достигнут в 1960 г. и равнялся почти 15 млн руб.¹⁴³

Основу научно-технического сотрудничества советского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая составило участие дальневосточных структур в изыскательских работах на приграничных реках. Научным центром, координирующим все работы на Дальнем Востоке, стал Дальневосточный филиал (с 1970 г. — Дальневосточный центр) АН СССР. Ставилась задача исследовать проблему гидроэнергетических ресурсов Амурского бассейна, целесообразности строительства гидроэлектростанций на Нижнем и Среднем Амуре¹⁴⁴.

1960—1970-е гг. отмечены существенным сокращением приграничных экономических отношений, что было вызвано ухудшением советско-китайских отношений. В 1966 г. полностью прекратилось научно-техническое и производственное сотрудничество Китая с СССР. Торговля стала практически единственной формой экономических связей. 1970 стал годом минимального товарооборота, который составил всего 42 млн руб. Доля Советского Союза, достигавшая в 1950 г. 50% китайского торгового оборота, составила в 1970 г. всего лишь 1,8%. Тем не менее, в конце 1970-х гг. наметилась тенденция стабилизации двусторонней торговли на уровне 200—300 млн руб.¹⁴⁵

Приграничные и региональные связи в позднесоветский и постсоветский периоды

Экономические связи между соседними территориями Китая и Дальнего Востока СССР были восстановлены в мае 1983 г. Основой для этого послужило советско-китайское соглашение о возобновлении приграничной торговли¹⁴⁶, в соответствии с которым торговля должна была осуществляться между пров. Хэйлунцзян, Синьцзян-Уйгурским автономным районом и Внутренней Монголией с китайской стороны и граничившими с ними советскими территориями. Торговлю в форме бартера были уполномочены вести с российской стороны — «Дальинторг», с китайской — Хэйлунцзянская внешнеторговая компания. Расчет производился в швейцарских франках.

Следующие документы, появившиеся уже во второй половине 80-х годов, носили конкретный характер. 16 января 1986 г. был подписан советско-китайский протокол о возобновлении доставки грузов по пограничным рекам. 10 сентября 1986 г. в Пекине был заключен Консульский договор, ставший основой

¹⁴³ 薛君度, 陆南泉主编 (Сюэ Цзюньду, Лу Наньцюань, ред.): 《中俄经贸关系》(Китайско-российские торгово-экономические отношения), 北京, 中国社会科学出版社, 1999年, 第4页; Клим Л.И. Участие советского Дальнего Востока... С. 21—22.

¹⁴⁴ Романова Г.Н. Торгово-экономические отношения... С.48—49.

¹⁴⁵ Кузнецов А.П. СССР—КНР: торгово-экономические отношения // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 68; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений... С. 310.

¹⁴⁶ Соглашение было заключено в апреле 1982 г. посредством обмена письмами между министерствами внешнеэкономических связей двух стран (《中俄经贸关系》(Китайско-российские торгово-экономические связи). 北京, 中国社会科学出版社, 1999年, 第143页.).

для решения об открытии консульства СССР в Шэньяне и КНР — в Хабаровске. В марте 1987 г. было заключено соглашение о разделе ресурсов Амура, Уссури и Аргуни, охватывавшее проблемы рыболовства, сохранения водных ресурсов и предполагавшее даже строительство совместной гидроэлектростанции на Амуре¹⁴⁷. Подписанный 8 июня 1988 г. межправительственный документ¹⁴⁸ регулировал, в том числе, направления и механизмы торговли, привлечения трудовых ресурсов, капиталовложений на региональном уровне.

На рубеже 80–90-х годов было положено начало процессу военной разрядки на советско-китайской границе. В Совместном коммюнике от 18 мая 1989 г. СССР и КНР заявили о своей готовности решать все спорные вопросы путем мирных переговоров, не прибегать к силе или угрозе ее применения в отношении друг друга, а в январе 1990 г. на встрече министров иностранных дел двух стран в Харбине обсуждались вопросы, касавшиеся взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области на советско-китайской границе. Там же была достигнута договоренность об открытии генеральных консульств СССР в Шэньяне и КНР в Хабаровске¹⁴⁹. 16 мая 1991 г. в Москве было подписано «Соглашение о советско-китайской государственной границе на ее восточной части», ставшее основой для демаркации линии границы на местности и предтечей появления ряда документов, связанных с обеспечением режима российско-китайской границы.

История российско-китайских региональных отношений после 1991 г. свидетельствует, что в определенные периоды они выходили из-под контроля центральных и местных властей, приобретали черты стихийности и неуправляемости не только в экономической и гуманитарной областях, но и в сфере региональной политики. Тем не менее было бы преувеличением говорить о самостоятельности двусторонних приграничных связей. Пекин и Москва, формально отдавая эту форму межгосударственных отношений на откуп местным властям, в действительности принимали в них самое активное участие. Именно они формировали политическую и правовую основы приграничного взаимодействия, посредством различных финансово-экономических рычагов влияли на выбор его форм и направлений, инициировали (или тормозили) реализацию крупных межгосударственных проектов, в которые вовлекались и приграничные районы двух стран.

При этом Пекин делал это намного организованнее и успешнее, чем Москва. Если северо-восточные провинции КНР действовали строго в русле общегосударственной стратегии в отношении России, то длительная неоформленность российской политики в отношении КНР порождала волюнцию и разноречивое поведение региональных лидеров, подчинение ими общегосударственных интересов местническим, выдвижение на первый план не проблем стратегического взаимодействия, а рутинных вопросов, в иных обстоятельствах спокойно решаемых техническими средствами. Одной из причин неупорядоченного и малоэффек-

¹⁴⁷ Ellison H. The Soviet Union and Northeast Asia. Univ. Press of America. Lanham. 1989. P. 19.

¹⁴⁸ Полностью документ назывался так: «Соглашение об устройстве и развитии торгово-экономических связей между республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинциями, автономными районами и городами КНР».

¹⁴⁹ Рахманин О. Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997 (обзор основных событий, оценки экспертов. М., 1999. С. 49–50.

тивного для российской стороны развития российско-китайских приграничных связей в 90-е годы XX в. было несовпадение интересов и целей их участников как по горизонтали (между российскими и китайскими приграничными территориями), так и по вертикали (между российским центром, с одной стороны, и краями и областями российского Дальнего Востока и Забайкалья — с другой).

Подходы сторон

В российской политике в отношении Китая приграничные территории неизменно играли роль по нескольким направлениям:

- в сфере обеспечения национальной безопасности России и ее участия в структурах региональной безопасности (демаркация и режим российско-китайской границы; сокращение вооруженных сил и укрепление мер доверия вдоль границы; международная преступность; незаконная миграция);
- исполнение транспортных функций (проект «Туманган», порты и Транссибирская магистраль, пограничные переходы, проекты трубопроводов);
- решение проблем приграничных районов России, поиск путей самообеспечения и экономического развития этих территорий за счет развития региональных торгово-экономических связей.

Приграничные территории как объект и субъект российской политики в отношении Китая и российско-китайских отношений неоднократно фигурировали в ходе разнообразных дискуссий в верхних эшелонах российской власти и появлявшихся по итогам этих обсуждений документах. Одно из первых обсуждений «китайской проблемы» в Государственной думе в апреле 1994 г. завершилось принятием заключения «О проблемах российско-китайских отношений и перспективах их решения». В документе отмечалось, что «развитие отношений с Китаем должно быть тесно связано с государственной стратегией преобразования районов Сибири и российского Дальнего Востока», а среди рекомендаций парламентариев на первое место было поставлено предложение «начать работу над общегосударственной концепцией развития районов Сибири и Дальнего Востока, стимулирования их экономического роста и включения в систему международного разделения труда в АТР»¹⁵⁰.

Одной из целей «Стратегии экономического сотрудничества Российской Федерации с КНР», утвержденной постановлением правительства РФ от 1 ноября 1997 г., было объявлено «содействие экономическому развитию России, прежде всего районам Сибири и Дальнего Востока», «ориентация федеральных органов исполнительной власти, субъектов РФ, прежде всего граничащих с Китаем, предприятий и организаций на экономическое сотрудничество с Китаем». В «Стратегии развития России в АТР в XXI веке», подготовленной в 2000 г. от имени Совета Федерации, записано, что «сотрудничество с Китаем может стать важным фактором не только интеграционных процессов, но и экономического возрождения дальневосточной и сибирской экономики России»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Заключение по итогам парламентских слушаний «О проблемах российско-китайских отношений и перспективах их решения» 25 апреля 1994 г. (Рукопись).

¹⁵¹ Стратегия развития России в АТР в XXI веке. Аналитический доклад. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2000. С. 35.

Эти и другие документы свидетельствуют о понимании политическим руководством России важности китайского фактора для Сибири и особенно Дальнего Востока. Однако дистанция между пониманием вызова и способностью на него реагировать оказалась в то время непреодолимой. Глубоким был разрыв между декларациями и реальными делами центра, хотя причиной его было не нежелание Кремля, Государственной думы, правительства, руководства федеральных структур озаботиться нуждами региона, в чем их нередко обвиняли местные чиновники, политики и пресса, а ограниченные материальные, финансовые и кадровые ресурсы государства.

Пекин, так же как и Москва, на протяжении большей части 1990-х годов не относил связи с приграничными территориями России к числу приоритетных. Это неудивительно, ибо в середине десятилетия российско-китайская приграничная торговля составляла не более 0,3% объема внешней торговли КНР. Руководство КНР не придавало большого значения дальневосточным территориям России в контексте перспектив региональной интеграции в Северо-Восточной Азии. Единственный международный проект, захватывавший российскую территорию и интересовавший Пекин — развитие зоны р. Туманган, — был передан в руки властей провинции Цзилинь. Несмотря на некоторые демонстративные акции китайских политиков, посещавших приграничные с Россией районы и провозглашавших необходимость интенсификации связей с северным соседом, большинство вопросов отношений с Россией регионального характера было передано для решения на местный уровень.

Подходы руководства КНР изменились в конце 1990-х годов, чему послужило несколько причин. В числе основных — завершение демаркации границы и некоторое изменение позиции региональных лидеров Дальнего Востока в отношении Китая, озабоченность сложностями в экономическом развитии провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, возросшая значимость для КНР энергетических и лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Но главная причина лежала все же в сфере «большой политики»: многочисленные проблемы, раз за разом возникавшие в приграничных связях, «тормозили усилия по поддержанию возникающего “стратегического партнерства”».¹⁵² На рубеже веков три проблемы в российско-китайских отношениях более всего волновали Пекин: — «буксующие экономические отношения», пограничное разграничение и неэффективные приграничные связи¹⁵³. Две последние концентрировались вдоль линии границы, первая также имела прямое отношение к приграничным территориям.

Поэтому в Китае в конце 1990-х годов не только активно заговорили о важности дальневосточных территорий для страны в целом, но и предприняли ряд практических шагов. Были произведены перестановки в руководстве северо-восточных провинций. Ученые Пекина получили указание глубже познакомиться с проблемами Сибири и Дальнего Востока. Больше внимание стало уделяться россиеведению на северо-востоке страны.

¹⁵² *Rozman G. Turning Fortresses into Free Economic Zones // Rapprochement or Rivalry?: Russia-China Relations in a Changing Asia / Ed. by Sherman W. Garnett. Washington (D.C.): Carnegie Endowment for International Peace, 2000. P. 177.*

¹⁵³ *Li Jingjie. From Good Neighbors to Strategic Partners // Rapprochement or Rivalry?: Russia-China Relations in a Changing Asia / Ed. by Sherman W. Garnett. Washington (D.C.): Carnegie Endowment for International Peace, 2000. P. 83.*

В конце 1990-х годов были окончательно сформулированы интересы КНР в Сибири и на Дальнем Востоке. Во-первых, в Китае определились, что «хорошие отношения» с пограничными территориями России «жизненно необходимы для обеспечения безопасности» страны. Во-вторых, «с экономической точки зрения», эти территории «дополняют северо-восточный регион Китая... Эти два региона идеально сочетаются для крупномасштабного двустороннего и регионального сотрудничества»¹⁵⁴. В-третьих, регион становится «горячей точкой международного экономического сотрудничества... территорией многообразных международных отношений», где пересекаются интересы не только России и Китая, но и других стран мира, прежде всего США и Японии¹⁵⁵.

В 2003 г. руководство КНР приняло решение о модернизации старой промышленной базы Маньчжурии, в реализации которой приграничным связям с Россией отводится особая роль. В разработанных группой ведущих китайских ученых и представленных на суд Госсовета КНР «Предложениях по возрождению и последовательному развитию Северо-Восточного района»¹⁵⁶, взаимодействие с дальневосточными территориями России рассматривалось как одно из важных условий успешного развития региона.

План возрождения Северо-Востока КНР, разработанный под эгидой Госкомитета по реформе и развитию и обнародованный в августе 2007 г.¹⁵⁷, предполагает привлечение всех возможных ресурсов для реализации программы, прежде всего из Сибири и Дальнего Востока. Следствием этого решения стала активная пропаганда в КНР идеи координации этой программы с российскими планами по развитию Дальнего Востока. «Китай придает особое значение сотрудничеству с сибирскими и дальневосточными территориями в деле активной реализации Программы возрождения старой промышленной базы Северо-Востока, — уверяют китайские ученые. — Преимущества от территориальной близости трех северо-восточных провинций, особенно Хэйлунцзяна, к России очевидны, их производственная структура сопоставима, экономическая взаимодополняемость сильна». Более того, активно стремясь перевести экономические отношения с Россией в современное русло, Пекин стал рассматривать региональные связи как «важнейшее средство для углубления двустороннего торгово-экономического сотрудничества»¹⁵⁸. Настойчивость руководства КНР привела к подписанию

¹⁵⁴ Li Jingjie. Sino-Russian Relations in Asia Pacific // Engaging Russia in Asia Pacific / Ed. by Watanabe Koji. Tokyo: Japan Center of International Exchange, 1999. P. 63.

¹⁵⁵ 李传勋 (Ли Чуаньсюнь): «俄罗斯远东对华关系的回顾与展望» (Ретроспективный взгляд на политику Дальнего Востока России в отношении Китая и виды на будущее) // «求是学刊», 2000 г. 第2期, 第34—37页.

¹⁵⁶ Работа велась по заданию Госсовета КНР и была представлена правительству страны в апреле 2005 г. Текст опубликован в составленной на основе этой работы коллективной монографии (См.: 金凤君, 张平宇等 (Цзинь Фэнцзюнь, Чжан Пинью и др.): «东北地区振兴与可持续发展战略研究» (Изучение стратегии возрождения и последовательного развития Северо-восточных районов) 北京, 商务印书馆, 2006 г., 第1—12页.).

¹⁵⁷ 东北地区振兴规划 (План возрождения Северо-Востока) http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-08/20/content_10905015.htm.

¹⁵⁸ 郭连成 (Го Ляньчэн): «中俄区域经济合作与东北老工业基地振兴的互动发展» (Взаимное развитие китайско-российского регионального экономического сотрудничества и восстановления старой промышленной базы Северо-Востока) // «俄罗斯中亚东欧市场», 2007 г., 第2期, 第1—2页. Много на эту тему и в таком же русле говорили китайские ученые на конференции «Региональное сотрудничество между Китаем и Россией», проведенной в ноябре 2006 г. в Пекине (См.: «中俄区域合作: 现状和前景», (Региональное сотрудничество между Китаем и Россией: состояние и перспективы), 北京, 中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所, 2006).

в октябре 2009 г. в Пекине «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР на 2009–2018 годы», включающей в себя перечень предприятий по обеим сторонам границы, определенных сторонами как первоочередные объекты для экономического и инвестиционного взаимодействия¹⁵⁹.

Структурное оформление регионального взаимодействия: нормативно-правовая база и межгосударственные структуры

В процессе расширения межгосударственного взаимодействия между Россией и Китаем постепенно формировалась инфраструктура межрегиональных связей. Ее ключевыми элементами должны были стать нормативно-правовая база и структуры для организации двустороннего сотрудничества. Нормативно-правовая база регионального взаимодействия создавалась как на межгосударственном уровне (межгосударственные и региональные договоры и соглашения), так и каждой из сторон (нормативно-правовая база РФ и КНР).

Межгосударственные соглашения, подписанные в 80–90-е годы XX — начале XXI в. и сформировавшие договорную базу регионального сотрудничества, делятся на две группы:

1. Документы общего характера, определяющие условия и среду двусторонних отношений и открывающие тем самым возможности для участия регионов в межгосударственных проектах.

2. Конкретные соглашения, непосредственно регулирующие вопросы регионального и приграничного взаимодействия.

В Совместных декларациях, подписанных по итогам визита президента РФ Б.Н. Ельцина в Пекин в декабре 1992 г. и апреле 1996 г., стороны обещали предпринимать «необходимые меры для обменов между центральными и местными органами законодательной, судебной и исполнительной власти, общественными организациями», создавать «благоприятные условия для торговых связей... на основе прямых связей между регионами, в том числе приграничными, а также между предприятиями, организациями и предпринимателями»¹⁶⁰, «прилагать совместные усилия к тому, чтобы такие связи и сотрудничество получали государственную поддержку и продолжали развиваться в здоровом и упорядоченном направлении»¹⁶¹.

Ряд документов из целого комплекса подписанных в декабре 1992 г. межправительственных и межведомственных соглашений предполагали расширение регионального сотрудничества: «О культурном сотрудничестве», «О безвизовых групповых туристских поездках», о научном сотрудничестве Российской академии наук с Академией наук и Академией общественных наук КНР и другие. Важное значение для развития регионального сотрудничества имело межпра-

¹⁵⁹ Разговор о координации стратегии развития российского Дальнего Востока и Восточной Сибири и стратегии возрождения старых промышленных баз СВК В.В. Путин и Ху Цзиньтао начали еще в Москве 26 марта и Хайлигендаме 8 июня 2007 г., однако на достижение договоренностей ушло почти три года.

¹⁶⁰ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 151–152.

¹⁶¹ Там же. С. 333.

вительственное соглашение о принципах сотрудничества между администрациями субъектов РФ и местными правительствами КНР (ноябрь 1997 г.). Оно предоставило местным властям правовую и формальную основы для развития отношений с соседними территориями. Соглашение давало им право «достигать договоренности по вопросам, входящим в компетенцию администраций (правительств)... согласно национальному законодательству каждого из двух государств, и подписывать... соответствующие соглашения, не являющиеся международными договорами»¹⁶².

Дальнейшее укрепление межгосударственной базы регионального сотрудничества произошло в начале нового века. Основой для этого стал «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» (16 июля 2001 г.). Ряд статей договора непосредственно нацелен на решение вопросов регионального и приграничного взаимодействия. Так, статья 6 декларирует стремление сторон «превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы». Статья 7 посвящена укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы. Статья 16 утверждает, что стороны «содействуют развитию приграничного и межрегионального сотрудничества... создают для этого необходимые благоприятные условия»... «всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права». В соответствии со ст. 18, Россия и КНР «предпринимают эффективные меры, гарантирующие законные права и интересы юридических и физических лиц» другой страны на своей территории, «оказывают друг другу необходимую правовую помощь по гражданским и уголовным делам». Статья 19 предполагает сотрудничество двух стран в области охраны окружающей среды и предотвращения трансграничных загрязнений, в «справедливом рациональном использовании пограничных водотоков, живых ресурсов в северной части Тихого океана и бассейнах пограничных рек», их «совместные усилия для защиты редких видов флоры и фауны и природных экосистем в приграничных районах». Наконец, статья 20 предусматривает совместную борьбу с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ, оружия, нелегальной миграцией и другой преступной деятельностью.

План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР на 2005–2008 годы¹⁶³ был призван, в том числе, и стимулировать трансграничные отношения, определял масштабы и перспективы российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества. Более того, он возлагал на Москву и Пекин ответственность за некоторые конкретные действия, такие как подписание нового соглашения о режиме границы, сотрудничество в вопросах международной миграции, обеспечение транзита китайских товаров по российской территории, поддержка преподавания русского и китайского языков, соответственно, в Китае и России. Подобные планы были разработаны в приграничных территориях России. Они представляли собой перечень конкретных действий администраций и различных краевых и областных структур по развитию отношений с Китаем. Планы имели больше символическое

¹⁶² Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. С. 418.

¹⁶³ План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 13–25.

значение, выступали скорее как черта «нового мышления», чем документ, предназначенный для скрупулезного и досконального выполнения.

Вторая группа документов, посвященных регулированию приграничных проблем, еще более многочисленна. Каждый визит на уровне глав государств или правительств сопровождался новыми договорами и соглашениями. Многие из них касались, прежде всего, вопросов приграничного взаимодействия¹⁶⁴. Двустороннее соглашение «О режиме российско-китайской государственной границы» (вступило в силу 3 мая 1995 г.) не только полностью посвящено проблемам пограничных отношений (хотя и относящихся к компетенции центральных правительств), но также содержит разделы «Приграничные экономические связи» и «Порядок сношений в пограничных районах».

К сожалению, по российскую сторону границы большинство из этих документов как бы падали в пустоту. С одной стороны, они оставались неизвестными не только многим непосредственным участникам приграничных связей, но и местным властям. С другой — не получали необходимого финансового и организационного подкрепления для реализации. Налицо был серьезный разрыв в деятельности приграничных органов власти и российского МИДа, тем более что к рассылаемым на места рекомендациям последнего местные руководители прислушивались далеко не всегда.

Наименее обеспеченными нормативной базой были финансовые и банковские отношения между сторонами. Только в середине 2002 г. произошли некоторые реальные сдвиги в этой сфере. В августе того же года было подписано Соглашение между Народным банком Китая и ЦБ РФ о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах. В соответствии с этим соглашением предприниматели России и Китая получили право открывать корреспондентские счета в национальной валюте.

Поведение сторон в процессе приграничного взаимодействия, особенно в торгово-экономической сфере, регулировалось прежде всего внутренним законодательством государств. Каждое из них имело свои «руководства» по внешнеэкономической деятельности, таможенные кодексы, законы о безопасности, иностранных инвестициях и др. и следовало их положениям. Для России были характерны не только периодическое изменение «правил игры» на высшем уровне, но, в ряде случаев, также несоответствие федеральных и местных законов, неподчинение региональных властей общероссийскому законодательству (зачастую сходявшее им с рук).

Например, характер, масштабы, формы приграничной торговли в России определялись законом «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 13 октября 1995 г. (с поправками 1997 и 1999 гг.). Ст. 22 закона ограничивала ведение приграничной торговли кругом лиц, постоянно проживающих на этой территории, и товарами, производимыми в пределах указанной территории. Однако само понятие «приграничная территория» не было расшифровано ни в законе, ни в более поздних документах. Не были определены и те

¹⁶⁴ В качестве примера можно привести такие соглашения и протоколы, как «О международном автомобильном сообщении» (1992), «О сотрудничестве в области туризма» (1993), «О пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе» (1994), «О сотрудничестве в области охраны окружающей среды» (1994), «О сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах» (1994), «О совместной охране лесов от пожаров» (1995), «Об охране тигра» (1997), «О безвизовых групповых туристических поездках» (2000) и др.

административные единицы, которые считались «приграничными», а поэтому понятию «приграничная торговля» придавалось в России очень широкое толкование. Основная линия противоречий по этому вопросу пролегла по линии «центр — субъекты федерации». В Москве стремились свести круг приграничных территорий лишь к тем районам и городам, которые непосредственно примыкали к иностранным государствам, тогда как, например, администрация Приморского края полагала, что вся его территория должна рассматриваться как приграничная.

Базовые принципы политики Китая в области приграничной торговли были определены «Законом о внешней торговле» КНР (гл. 8, ст. 42): «Государство применяет гибкие меры и осуществляет политику преференций в области торговли приграничных городов и поселков с соседними городами и поселками, а также торговли приграничных рынков»¹⁶⁵. Соответственно, эти законодательные и нормативные акты составляли правовую основу приграничных отношений, на которую нанизывались разнообразные центральные и местные акты. В Китае это были различные «Уведомления» государственного совета КНР (например, «По некоторым вопросам расширения приграничной торговли и технико-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с СССР» от 19 апреля 1988 г. или «По некоторым вопросам, связанным с приграничной торговлей» от 3 января 1996 г.). Последнее определяло характер и районы ведения приграничной торговли, а также налоговую политику в этой сфере. В России к числу таких документов относились распоряжения правительства и местные законодательные и нормативные акты.

16 января 1999 г. вступил в силу Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», который определил сферы (торгово-экономическая, гуманитарная, культурная) и содержание международной деятельности регионов, круг их потенциальных зарубежных партнеров (субъекты и административно-территориальные образования иностранных государств, в особо оговоренных случаях — органы их государственной власти, а также международные организации), порядок согласования региональных соглашений с МИД России¹⁶⁶ и фактически завершил десятилетний период формирования правовой базы российской региональной политики в отношении Китая.

Дальнейшее развитие эта база получила в феврале 2001 г., когда правительство РФ утвердило Концепцию приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Концепция определяет цели, принципы, приоритеты и полномочия деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и граждан в сфере приграничного сотрудничества. Долгое время основным, хотя и весьма формальным регулятором для непосредственных участников приграничного взаимодействия были договоры, заключавшиеся на уровне администраций приграничных территорий двух стран. Но о них речь пойдет немного ниже. На основе межгосударственных соглашений СССР/России и КНР создавались и функционировали различные структуры (группы, комитеты, комиссии), должны были играть роль координатора приграничного взаимодействия.

¹⁶⁵ 赵立枝 (Чжао Личжи): «黑龙江省中俄边民互市贸易区优势刍议» (Предложения о преимуществах, которые дают провинции Хэйлунцзян торговые районы китайско-российских приграничных рынков), «黑龙江社会科学», 2000年, 第1期, 第35页.

¹⁶⁶ См.: Российская газета. 16 января 1999 г.

В первой половине 90-х годов продолжала работать Постоянная руководящая группа по вопросам местной и приграничной торговли и экономического сотрудничества между СССР и КНР. В 1997 г. на смену ей был создан Координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству Постоянной рабочей группы по приграничному и межрегиональному сотрудничеству Российско-китайской подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Главной задачей совета стала выработка согласованных рекомендаций для управленческих структур и «компетентных органов» обоих государств по решению актуальных проблем межрегионального взаимодействия.

Координационный совет не афишировал свою деятельность. Краткая информация о результатах его третьего заседания (17–18 мая 2000 г., г. Владивосток), свидетельствует, что «стороны подтвердили взаимную заинтересованность в дальнейшем расширении торгово-экономических связей, производственной кооперации, инвестиционного и технологического сотрудничества на основе совершенствования нормативно-правовой базы»¹⁶⁷. На четвертом заседании (2–3 июля 2001 г., г. Хабаровск) обсуждались такие вопросы, как расширение форм и совершенствование законодательных основ сотрудничества, создание и функционирование приграничных торговых комплексов, экологическое состояние пограничных рек, банковское обслуживание и страховая защита участников взаимодействия, качество товаров и разрешение коммерческих споров, развитие транспортной инфраструктуры, совершенствование визового режима и др.¹⁶⁸ Однако то, как это обсуждение трансформировалось в конкретные действия, можно лишь догадываться. По крайней мере, согласованных действий в решении «актуальных проблем межрегионального взаимодействия» у управленческих структур и «компетентных органов» не наблюдается и по сей день.

Своеобразная оценка многолетней работы по созданию базы двустороннего регионального сотрудничества была дана на первой межпарламентской российско-китайской конференции с участием председателя Совета Федерации РФ С.М. Миронова и председателя Постоянного Комитета ВСНП У Банго, состоявшейся в Москве 25 мая 2004 г. и посвященной, в том числе, проблемам приграничного сотрудничества. Оба председателя выразили удовлетворение существующей законодательной базой межгосударственных отношений, однако отметили, что наполнение этих отношений далеко от идеального. В частности, по словам С.М. Миронова, Россию «не совсем устраивает номенклатура товаров — и Россия, и Китай являются государствами, где развиты высокие технологии, и мы должны торговать не только сельскохозяйственной продукцией и ширпотребом». Он также указал на необходимость законодательного обеспечения регионального и приграничного сотрудничества обеих стран¹⁶⁹. На конференции отмечались неразвитость приграничной инфраструктуры и неблагоприятный инвестиционный климат (с российской стороны).

¹⁶⁷ Информация о состоянии региональных связей Приморского края с сопредельными государствами. — Справка администрации Приморского края.

¹⁶⁸ Протокол 4-го заседания Российско-китайской постоянной рабочей группы по приграничному и межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству (Рукопись).

¹⁶⁹ Российско-китайские парламентарии обсуждают пути расширения торгового сотрудничества двух стран (<http://ria.ru/economy/20040524/596186.html>).

Политика дальневосточных территорий

Мотивы и цели политики

Отношение региональных властей и деловых кругов Дальнего Востока, преимущественно определявших политику своих территорий в отношении Китая, формировавших структуру и формы приграничных связей, определялось целым комплексом противоречивых факторов:

- общими тенденциями политического и экономического развития России и ее регионов на разных этапах трансформации российского общества;
- спецификой региональной экономики в целом; состоянием, структурой, возможностями каждой из территорий;
- эволюцией российско-китайских отношений на межгосударственном уровне, в частности, процессом демаркации российско-китайской границы;
- характером складывавшихся у приграничных территорий отношений с соседними провинциями КНР, влиянием «китайских импульсов» (экономических, демографических, культурных и прочих) на жизнь этих территорий;
- мировоззрением, убеждениями, личными интересами, симпатиями и антипатиями региональных лидеров;
- шаблонами и стереотипами восприятия внешнего мира вообще и Китая в частности, присущими как всему населению региона, так и политической и деловой элите местного общества. Во многом они были основаны на мизерных знаниях о соседней стране, непонимании и отторжении ее культуры, традиций, мировосприятия, искаженном имидже ее жителей. Мало для кого из дальневосточных политиков характерен полный «букет» предрассудков в отношении Китая и китайцев, но каждый из них в той или иной степени был подвержен влиянию негативного восприятия китайского фактора;
- отсутствием опыта международного сотрудничества, неразвитостью нормативно-правовой базы международной деятельности территорий.

Столь противоречивая база для развития отношений обусловила их темпы, характер и результаты. Более того, формирование и эволюция местных политиков (именно политиков, поскольку невозможно говорить об общей и единообразной политике территорий Дальнего Востока и Забайкалья) в отношении Китая практически все эти годы (за исключением, может быть, самого начального периода — 1990—1991 гг.) происходили под воздействием двух противоположных и даже взаимоисключающих сил и тенденций.

С одной стороны, у творцов этих политиков присутствовало искреннее желание развивать всесторонние связи с Китаем, включая различные формы торговли, привлечение китайских инвестиций и рабочей силы, туристический и гуманитарный обмен. С другой — они постоянно стремились ограничить китайское присутствие (как экономическое, так и личностное) на российской территории. Особенно ярко вторая тенденция проявлялась с 1993—1994 гг., по мере того, как реанимиро-

вались идеи национализма и возрождались, казалось бы, канувшие в Лету страхи перед «желтой опасностью», якобы угрожавшей России с Востока. Поскольку все омрачавшие в это время российско-китайские отношения проблемы «наиболее остро ощущались именно на Дальнем Востоке»¹⁷⁰, а общественное мнение, чутко улавливаемое политиками, было настроено не в пользу Китая, региональные лидеры были вынуждены быть осторожными в демонстрации своего отношения к соседям. В итоге «китайская политика» дальневосточных и забайкальских территорий не была единой, последовательной, как-то оформленной.

Приграничные связи имели преимущественно торгово-экономический характер. Именно экономические мотивы являлись мощной силой, толкавшей к сближению. Территориальные, групповые, индивидуальные экономические интересы определяли выбор направлений и форм региональной политики. Гуманитарные, культурные факторы проходили очень отдаленным, глухим фоном и, скорее, препятствовали, чем способствовали развитию отношений. Китайские товары, рабочая сила, прибыль от продажи избыточных ресурсов, скопившихся к началу 1990-х годов на территории Сибири и Дальнего Востока, были для российских чиновников и только зарождавшегося регионального бизнеса главными стимулами к безоглядному броску на незнакомый китайский рынок. Таков был начальный этап взаимодействия на рубеже 1980–1990-х годов: эйфория вседозволенности, отсутствие преград и ограничителей, энтузиазм, открытость, доверчивость, ностальгия о «дружбе» 1950-х годов. Отрезвление наступило довольно скоро.

Непривычный поток китайских граждан, захлестнувший в начале 1990-х годов российское приграничье, непонимание реалий китайской провинции, с которой прежде всего и приходилось иметь дело приграничным властям, наложившись на невнятность российской политики в отношении Китая, непонимание перспектив развития собственных территорий, запутанность вопроса о демаркации границы, узость политического мышления и отсутствие личной заинтересованности местных политиков и чиновников сделали многих из них если не недругами, то, по крайней мере, не сторонниками этой страны. Со второй половины 1993 г. становится заметно, что на их отношение к Китаю прежде всего влияют чувства разочарования, подозрительности, недоверия, страхов, ожившие призраки периода пограничных конфликтов и «холодной войны».

До осени 1993 г. приграничные территории пытались выстраивать свои «внешние политики», в том числе и в отношении Китая, в русле общегосударственных приоритетов, с оглядкой на центр, боязнь кардинальных шагов и инициатив. Расстрел «Белого дома» в октябре 1993 г. стал своеобразным сигналом для местных властей, воспринявших его как косвенное разрешение на свободу действий не только внутри страны, но и на международной арене. Именно с конца 1993 г. дальневосточные территории пытались прямо воздействовать на политику России в отношении Китая. Именно с 1993 г. синдром «желтой опасности» начал серьезно влиять на восприятие Китая местными политиками и властями, как и на избираемую ими тактику в отношениях с соседними провинциями. На первое место была выведена задача сдерживания «китайской экспансии», решавшаяся с разной степенью активности, жесткости и публичности. Число официальных

¹⁷⁰ *Wishnick E.* Mending Fences: the Evolution of Moscow's China policy from Brezhnev to Yeltsin. Seattle and London: Univ. of Washington Press, 2001. P. 191.

встреч с китайскими коллегами, как и соглашений, протоколов о намерениях резко сократилось, что в какой-то степени соответствовало падению объемов российско-китайской торговли.

Обозначившееся с лета 1995 г. резкое сближение России с Китаем, воплотившееся в их «стратегическом партнерстве», заставило региональных чиновников быть более взвешенными в действиях и осторожными в высказываниях, но не изменило их мотивации и не настроило на поиски новых форм отношений с соседями. Подлинное отношение к Китаю лиц, в реальности формировавших «внешнюю политику» приграничных территорий — а таковыми были исключительно первые лица — главы администраций, а потом губернаторы краев и областей Дальнего Востока и Забайкалья, определить непросто. Публично — в выступлениях, интервью, статьях в прессе — они вели себя как искушенные дипломаты, декларировавшие значимость добрососедских отношений с великим соседом. И если и говорили они о «китайской экспансии» и «китайской угрозе», то виновником таковой называли преимущественно не Китай, а Москву (в иной интерпретации — «центр»), по их мнению, не только откровенно игнорировавший интересы Дальнего Востока, но и разбазаривавший его территорию. Ругали также своих предшественников, допускавших бесконтрольное проникновение китайцев на дальневосточные территории. Однако в документах, не предназначенных для широкой публики и, конечно, китайцев, мнения и предложения нередко высказывались исключительно противоположные.

В период пребывания у власти в Приморском крае администрации В.С. Кузнецова (1992—1993) ее деятельность была направлена на максимальное развитие отношений с КНР, что соответствовало настроениям местных политических и деловых кругов. Администрация В.С. Кузнецова декларировала превращение границы Приморья и Китая «в границу взаимного процветания и дружбы» и создание на ней пограничного режима, свободного для «движения людей и капиталов»¹⁷¹. Однако ряд ее инициатив, направленных на расширение региональных связей с Китаем, но требующих решения на более высоком уровне — в правительстве, а также оперативной реакции соответствующих ведомств, не нашел поддержки (хотя и видимого противодействия тоже) в коридорах центральной власти и не был реализован.

Отношение к Китаю следующего главы приморской администрации Е.И. Наздратенко (1993—2001) было заинтересованным, но подозрительным и осторожным. Его подход к Китаю сформировался как вследствие беспорядка в приграничных связях в начале 90-х годов, личного опыта и впечатлений, так и на основе пришедшихся весьма ко времени алармистских прогнозов некоторых политиков, журналистов и ученых. Е.И. Наздратенко, чей имидж «державника» и патриота был создан в ходе кампании против демаркации российско-китайской границы, открыто никогда не выступал против Китая. Весь его обличительный пафос был направлен против российского МИДа и его сотрудников, «отдавших китайцам российскую землю», но никогда — против соседней страны. Отношения с КНР он называл одним из приоритетов внешней политики России на Дальнем Востоке и публично утверждал, что «Китай и Россия «обречены» на экономическое сотрудничество»¹⁷². Однако направленные им

¹⁷¹ Утро России. 28 августа 1992 г.; Far Eastern Economic Review. 1993. January 7.

¹⁷² Владивосток. 21 марта 1995 г.

в правительство РФ «Предложения администрации Приморского края по завершению демаркации российско-китайской границы в пределах Уссурийского и Хасанского районов» были составлены в духе эпохи советско-китайского конфликта и представляли КНР как серьезную военно-политическую и стратегическую угрозу для России.

После подписания в ноябре 1997 г. соглашения о принципах сотрудничества между администрациями субъектов РФ и местными правительствами КНР, предусматривавшего, что органы этого уровня «не имеют права решения вопросов, относящихся к областям внешней политики, обороны, государственной границы, воздушного сообщения и других вопросов, которые находятся в ведении РФ или КНР, затрагивают их государственный суверенитет и территорию, а также не имеют права внесения изменений в соглашения между двумя государствами, их правительствами, центральными министерствами и ведомствами, либо выражения особого мнения по ним»¹⁷³, и завершения процесса демаркации границы политические игры на проблемах пограничного размежевания стали не только бессмысленными, но и опасными для карьеры чиновника. Это обстоятельство резко изменило риторику приморских властей и обозначило их поворот в сторону Китая.

**Евгений Иванович НАЗДРАТЕНКО (р. 1949) —
российский политический деятель**

Родился 16 февраля 1949 г. в городе Северо-Курильск Сахалинской области в семье служащего. В 1975 г. окончил Дальнегорский индустриальный техникум, в 1983 г. — Дальневосточный технологический институт по специальности «экономика» (заочно).



В 1967 г. начал работать электромонтер-монтажником на Сихотэ-Алиньском полиметаллическом комбинате. Служил в Военно-морском флоте на эсминце Тихоокеанского флота (1968—1970). С 1970 г. — сварщик-монтажник, в 1975—1980 гг. — мастер, механик, начальник участка объединения «Бор» (г. Дальнегорск), с 1980 г. — механик, заместитель председателя старательской артели «Восток», с 1983 г. — председатель этой артели. В 1991—1993 гг. — президент компании «Восток» (г. Дальнегорск). В мае 1993 г. назначен главой администрации Приморского края. Избирался народным депутатом РФ (1990—1993). В 1993 г. был избран депутатом Совета Федерации первого созыва. 17 декабря 1995 г. был избран губернатором Приморского

края. 19 декабря 1999 г. переизбран губернатором Приморского края. В 2001 г. ушел в отставку с поста губернатора, назначен председателем Государственного комитета РФ по рыболовству. С 2003 г. — заместитель секретаря Совета Безопасности РФ. В 2004 г. освобожден от должности заместителя секретаря Совета Безопасности.

¹⁷³ Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999 гг. С. 418.

**Сергей Михайлович ДАРЬКИН (р. 1963) —
российский предприниматель и политический деятель,
губернатор Приморского края**

Родился 9 декабря 1963 г. в городе Большой Камень Приморского края. Окончил факультет управления морским транспортом Дальневосточного высшего инженерного морского училища имени адмирала Невельского во Владивостоке. Во время учебы работал в порту докером, матросом. Затем учился в аспирантуре училища, работал на кафедре экономики морского транспорта и морского права. После аспирантуры работал во Владивостокском морском торговом порту грузчиком, начальником смены первого грузового района. В 1989 г. — заместитель директора акционерной компании «Дальлизинг». В 1991 г. создал и возглавил предприятие «Ролиз» (Российский лизинг), которое занималось строительством судов, затем — добычей рыбы. В 1998 г. возглавил Совет директоров Уссурийского масложиркомбината. В декабре 1998 г. стал президентом банка «Приморье». В 1999 г. окончил Дальневосточную государственную академию экономики и управления по специальности «Финансы и кредит». В 2001 г. избран губернатором Приморского края. В 2005 и в 2010 гг. переутверждался на должность губернатора. В 2012 г. ушел в отставку до истечения срока полномочий.



Пришедшая к власти в крае летом 2001 г. администрация С.М. Дарькина представляла собой новую, принципиально отличную от ее предшественников, генерацию управленцев. Ее отношение к Китаю и китайцам основано на прагматизме и экономическом расчете. В ее активе — налаживание прочных связей с властями соседних провинций, детальный анализ работы пограничных переходов, работа по созданию приграничного торгово-промышленного комплекса Пограничный-Суйфэньхэ и ряда других, в комплексе своем нацеленных на превращение Китая в один из источников экономического роста.

Позицию властей Хабаровского края (во главе края с 1991 до 2009 гг. находился В.И. Ишаев) обычно оценивают исходя из резких заявлений губернатора по вопросам пограничного размежевания и китайского присутствия в России. Не случайно, видимо, у китайских экспертов сложилось убеждение, что из всех дальневосточных лидеров В.И. Ишаев «имеет наиболее глубокие сомнения в отношении Китая»¹⁷⁴. Однако публично губернатор всегда ратовал за развитие «здоровых» экономических связей с Китаем. В конце 1994 г., когда стал очевиден кризис в двусторонней торговле, при администрации Хабаровского края была создана рабочая группа по вопросам содействия российско-китайским экономическим связям¹⁷⁵. В своих научных трудах и докладах доктор экономических наук В.И. Ишаев ставил вопрос о формировании единого экономического простран-

¹⁷⁴ 李传勋: «俄罗斯远东对华关系的回顾与展望», 第34—37页.

¹⁷⁵ Приамурские ведомости. 17 марта 1995 г.

ства между российским Дальним Востоком и Китаем, об интеграции Дальнего Востока в АТР через втягивание Китая в экономику Дальнего Востока¹⁷⁶. По его мнению, «тесное взаимодействие с Китаем, использование преимуществ рынка этой огромной страны должны просматриваться на всем протяжении стратегии развития России и Дальнего Востока с Забайкальем в будущем столетии»¹⁷⁷.

**Виктор Иванович ИШАЕВ (р. 1948) —
российский политик и экономист**

Родился 16 апреля 1948 г. в селе Сергеевка Кемеровской области. Трудовую деятельность начал в 1964 г. на Хабаровском судостроительном заводе судосборщиком. В 1971—1973 гг. служил в армии. В 1973—1988 гг. — сварщик, начальник



планового бюро цеха, начальник отдела снабжения, заместитель главного инженера, заместитель директора судостроительного завода в Хабаровске. В 1979 г. окончил Новосибирский институт инженеров водного транспорта. В 1988—1990 гг. — директор Хабаровского завода строительных алюминиевых конструкций. В 1991—2009 гг. — губернатор Хабаровского края. С 2009 г. — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. Доктор экономических наук (1999), профессор (2001), член-корреспондент РАН (2003), академик РАН (2008). Автор трудов по региональному развитию российского Дальнего Востока. Президент Российского национального комитета по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. С 2012 г. — министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока

Достаточно спокойную и последовательную позицию в отношении КНР занимали руководители Амурской и Читинской областей, благополучие которых в значительной степени зависело и зависит от состояния сотрудничества с Китаем. Более того, они неоднократно обращались к президенту и правительству РФ с предложениями по интенсификации российско-китайских региональных связей. Так, еще в сентябре 1992 г. глава администрации Амурской области А.А. Кривченко отправил на имя Б.Н. Ельцина письмо с предложением создать в районе Благовещенска «район интенсивного внешнеэкономического сотрудничества» — единую с КНР таможенную зону с рядом льгот для российского и иностранного предпринимательства. В 1994 г. новый глава области В.П. Полеванов обратился к президенту с просьбой поддержать концепцию создания международной зоны экономического сотрудничества в районе Благовещенск — Хэйхэ. Еще один глава администрации Амурской области А.Н. Белоголов называл развитие отношений с Китаем исключительно важным делом для области, определял

¹⁷⁶ Ишаев В.И. Стратегическое планирование регионального экономического развития. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 115—118; Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Владивосток: Дальнаука. 1998. С. 147—150.

¹⁷⁷ Ишаев В.И. Концепция долгосрочного развития Дальнего Востока России // Дальний Восток на рубеже веков. Материалы научно-практической конференции. Хабаровск, 1998. С. 31.

эти отношения «как конструктивные, партнерские, дружественные...» и заявлял, что с Китаем область связывает свои «самые долгосрочные и взаимовыгодные планы»¹⁷⁸.

Население Читинской области в массе своей не испытывало страха перед «китайской экспансией», местные власти «не рассматривали иммиграцию как серьезную проблему», не преувеличивали значение не разделенного по договору о границе 1991 г. острова Большой, а поэтому в значительно большей степени были расположены к сотрудничеству с Китаем¹⁷⁹.

Естественно, что в условиях демократизации и нескончаемых выборов в 90-е годы местные власти и политики не могли не учитывать настроений общест-венности, складывавшихся преимущественно под влиянием местных средств массовой информации. Хотя, с другой стороны, сама власть (через пресс-центры администраций и подконтрольные им СМИ) активно участвовала в формировании у населения образа Китая и китайцев, используя его отчасти и как средство для отвлечения населения от собственных провалов на ниве экономической и социальной политики. Очевидно, что губернаторов пугала угроза массового китайского присутствия на подчиненных им территориях, всем им больше импо-нировали Япония и Южная Корея, потенциально способные своими инвести-циями стимулировать экономику их территорий, а не Китай, заинтересованный лишь в получении сырья и экспорте своих низкокачественных товаров. Однако их конкретные действия определялись не эмоциями, а экономической целесо-образностью, и главными в выборе политики в отношении соседних китайских территорий являлись экономические стимулы и мотивы.

Принятие закона «О координации международных и внешнеэкономиче-ских связей субъектов Российской Федерации» завершило период формиро-вания российской политики на региональном уровне. Фактически в 1999 г. наступил *третий этап* в политике дальневосточных территорий в отношении Китая — период прагматизма, холодного расчета, подкрепленного соответст-вующей юридической базой. Новым веянием во взглядах дальневосточных поли-тиков в начале XXI в. стало осознание необходимости тесного взаимодействия с Китаем в реализации планов и программ развития региона. Осознание это пришло как на административном уровне, так и в бытовом сознании насе-ления. С самых разных трибун стала выдвигаться идея координации российской программы развития Дальнего Востока и Забайкалья и китайской программы восстановления старой промышленной базы Северо-Востока (то, о чем в Китае говорили с момента начала реализации собственной программы).

С одной стороны, окончательное решение пограничной проблемы освобо-дило местных чиновников и политиков от необходимости демонстрации своего «патриотизма» в отношениях с КНР. Политическая стабилизация и экономиче-ский подъем в России увеличили заинтересованность местного бизнеса в связях с Китаем. Мощный толчок к пониманию неизбежности взаимодействия с КНР дали инициативы президента В.В. Путина по развитию Дальнего Востока: реали-зовать грандиозные задачи и освоить гигантские ресурсы — по меркам Дальнего Востока — регион самостоятельно не сможет.

¹⁷⁸ Океанские вести. 1999. Январь. С. 16–17.

¹⁷⁹ Akihiro Iwashita, The Influence of Local Initiatives on Relations with China: Border Demarcation and Regional Partnership // Acta Slavica Iaponica. 2002. Tomus XIX. P. 10, 15.

С другой стороны, изменились настроения местного населения. Посеянный в начале 1990-х годов страх перед «китайской демографической экспансией» еще остается, но реалии последних десятилетий все более наглядно демонстрируют ущербность и деструктивность ориентации на подобные страхи и фобии. Проведенный летом 2008 г. опрос общественного мнения населения приграничных с Китаем территорий Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Амурская и Еврейская автономные области) показал, что, по мнению его жителей, приоритетными направлениями развития международных связей региона должны быть Китай и Япония (соответственно, 50 и 46% опрошенных выделили их в качестве приоритета), тогда как Европейскую Россию упомянули лишь 26%, а США — 12%. Безусловным приоритетом Китай пользуется у лиц в возрасте от 30 до 40 лет: 59% от числа опрошенных лиц этого возраста заявили, что в первую очередь край должен развивать отношения с КНР, а на второе место поставили Японию (52%)¹⁸⁰.

Китайские подходы

В основу стратегии взаимодействия северо-восточных провинций Китая с Россией положена идея экономической взаимодополняемости соседних территорий. Основа сотрудничества приграничных территорий двух государств виделась китайским специалистам, чьи идеи воспринимали и реализовывали государственные ведомства, в том, что на территории Северо-Восточного Китая производятся продукты питания (зерно, овощи, мясо) и имеется избыточная рабочая сила, в которых нуждается российский Дальний Восток. В то же время приграничные российские территории обладают сырьевыми и энергетическими ресурсами, а также мощной промышленной базой, развитой наукой и техникой, способными найти применение в Китае¹⁸¹. Доступ к богатым природным ресурсам Сибири и Дальнего Востока рассматривается как фактор стратегического характера, поскольку предназначен он для реализации не столько в интересах Северо-Восточного Китая, сколько в целях удовлетворения растущих потребностей всей страны, прежде всего в нефти, газе, энерго- и гидроресурсах.

Не меньшее значение придавалось решению задач тактического свойства, в частности, ослаблению демографического давления и порождаемой им безработицы. Как частичное решение проблемы безработицы рассматривались не только экспорт рабочей силы в Россию, увеличение количества рабочих мест на предприятиях, ориентированных на производство продукции для России и обслуживание российских туристов и предпринимателей, но также деятельность китайских торговцев в Сибири и на Дальнем Востоке.

За прошедшие два десятилетия взгляды и подходы китайских специалистов проделали большую эволюцию: от абстрактных и порой полужанровых идей до конкретных программ и предложений. К концу 90-х годов у них сформировались устойчивые представления о значении России для Северо-Восточного Китая.

¹⁸⁰ См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников (по итогам опроса населения 2008 г.) // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 1.

¹⁸¹ 马书芳 (Ма Шуфан): «中俄两国当前加强经贸合作问题分析» (К вопросу об укреплении китайско-российского экономического сотрудничества на современном этапе) // «东欧中亚研究», 1997年, 第3期, 第64页.

При этом существуют особенности в оценке ситуации, прогнозах и конкретных предложениях у разных провинций Северо-Востока, что позволяет оценивать и специфику подходов к российско-китайским связям каждой из них.

У экспертов провинции Хэйлунцзян установка на ориентацию его экономики на Россию не вызывает сомнений. Большинство специалистов этой провинции уверены в «очень сильной рыночной, ресурсной и технологической взаимодополняемости Китая и России»¹⁸². Озабочены они, главным образом, тем, как максимально использовать преимущества провинции — географические, транспортные, структурно-экономические, исторические, кадровые — для налаживания более эффективных экономических связей с сибирскими и дальневосточными территориями. Реализация концепции «идти вовне» и решение руководства КНР о модернизации старой промышленной базы Северо-Восточного Китая, принятое осенью 2003 г., стимулировали активность провинций региона по расширению экономического плацдарма на территории России. В перечне отраслей, которые Китай считает возможным модернизировать с участием России, — тяжелое и электромеханическое машиностроение, локомотивостроение, судостроение, станкостроение, нефтехимическая, металлургическая, угольная, лесная, фармацевтическая промышленность.

Естественно, что в контексте реализации этих стратегий основное внимание КНР привлекают наиболее населенные (рынок сбыта), богатые природными ресурсами, технически и промышленно развитые (источник сырья и технологий) районы страны: Западная Сибирь, Урал и европейская часть России. Руководители северо-восточных провинций КНР возглавили действия в этом направлении. Летом 2004 г. они четко обозначили интересы и векторы действий своих провинций в отношении России. В начале июня, выступая на конференции во Владивостоке, вице-губернатор провинции Хэйлунцзян Ван Лиминь так сформулировал китайское видение целей провинции в российско-китайском сотрудничестве:

1. Хэйлунцзян — «платформа» и «окно» в торгово-экономическом сотрудничестве с Россией, предоставляющее всем заинтересованным сторонам в Китае и России свою территорию, ресурсы и услуги для установления и поддержания деловых отношений.
2. Совместная с Россией эксплуатация природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока: их добыча, переработка (в том числе до конечного продукта) и транспортировка.
3. Развитие обрабатывающей промышленности в приграничных районах двух стран (бытовая электроника, одежда, автомобили, изделия из дерева), прежде всего на базе совместных торгово-экономических зон («Пограничный — Суйфэньхэ», «Полтавка — Дуннин») и др.
4. Коренное улучшение инфраструктуры торговли (прежде всего, состояния погранпереходов, упрощение таможенных и прочих процедур) и улучшение инвестиционного климата на российской территории¹⁸³.

¹⁸² 李云翔 (Ли Юньсян): «俄罗斯远东地区经济发展趋势及我省开展对俄经贸技术合作的对策» (Тенденции экономического развития дальневосточного региона России и предложения о разрывании торгово-экономического и технического сотрудничества нашей провинции с Россией) // «西伯利亚研究», 1999, 第2期, 第41页.

¹⁸³ Ван Лиминь. Расширять приграничное сотрудничество, повышать уровень сотрудничества // Сборник материалов конференции «Торгово-экономическое сотрудничество приграничных территорий России и Китая». Владивосток: ИАА «Приморье», 2004. С. 62–67.

На этой же конференции вице-губернатор провинции Цзилинь Ли Цзиньбинь высказал намерение развивать сотрудничество в таких областях, как сельское хозяйство, переработка древесины, химическая промышленность, электроника. Он также выразил надежду на создание «межрегионального промышленного парка Хуньчунь — Хасан»¹⁸⁴.

В августе 2004 г. на совещании по итогам инспекционной поездки в приграничные с Россией уезды Хулинь и Жаохэ губернатор провинции Хэйлунцзян вновь подчеркнул «исключительно важное значение торгово-экономической деятельности в отношении России не только для всей провинции, но и для всей страны» и потребовал активизировать работу по всем направлениям.

Для провинции Ляонин российское направление не является столь же важным. Тем не менее на конференции по освоению российского рынка, проведенной в августе того же 2004 г., первый вице-губернатор провинции Сюй Вэйго заявил, что «открытие российского рынка имеет стратегическое значение». После этого группа специалистов провинции была послана в Россию «устанавливать партнерские отношения».

Развитие баз уже существующего экспортного производства, нацеленных на Россию, является приоритетным для провинции Хэйлунцзян. Новым мотивом для ее специалистов стало создание предприятий пищевой, легкой и электронной промышленности на территории российского Дальнего Востока, где «производственное сырье, электроэнергия и помещения относительно дешевы». Часть продукции этих предприятий могла бы удовлетворять потребности российского рынка, а оставшаяся — большая — часть реализовываться на рынках стран АТР.

Аналогичным образом китайская сторона предполагает трансформировать сотрудничество в аграрном секторе. Сегодня оно сводится в основном к экспорту из Китая овощей, фруктов, мяса и птицы. По мнению китайских специалистов, оптимальный выбор — это сочетание обработанной земли и рынка России с китайскими рабочими руками и техникой, что подразумевает создание на территории российского Дальнего Востока баз комплексного развития сельского хозяйства на основах российско-китайской кооперации. Изучается идея создания здесь производства экологически чистых продуктов с последующим экспортом их в Японию и другие страны.

Китайская сторона готова принять самое активное участие в строительстве современной инфраструктуры на Дальнем Востоке: не только пограничных переходов, состояние российской части которых стало притчей во языцех и откровенным позором для России в 90-е годы прошлого века, но и автомобильных дорог, портовых сооружений, жилья и других объектов. Правительство провинции Хэйлунцзян разработало программу строительства 145 объектов провинциальной транспортной инфраструктуры как платформы экономического взаимодействия с Россией, рассчитанную до 2020 г., и готово содействовать российским территориям.

Среди конкретных проектов, которые особенно интересуют Северо-Восток Китая, — железнодорожная ветка Дуннин—Уссурийск, рассматриваемая как второй выход провинции Хэйлунцзян к морю (через порт Восточный), столь необхо-

¹⁸⁴ Ван Лиминь. Расширять приграничное сотрудничество, повышать уровень сотрудничества // Сборник материалов конференции «Торгово-экономическое сотрудничество приграничных территорий России и Китая». Владивосток: ИАА «Приморье», 2004. С. 69–72.

димый ей для расширения связей с внешним миром. Ставится цель увеличить пропускную способность переходов на российско-китайской границе с 7 млн тонн до 20 млн тонн в 2010 г. и до 60 млн тонн в 2020 г.

Со строительством и аграрным сектором связана и идея расширения экспорта китайской рабочей силы в Россию. Тема не акцентируется китайской стороной, видимо, учитывая болезненную реакцию многих россиян на китайское присутствие в России, периодические намеки на коварные замыслы Пекина и алармистские предсказания о заселении китайцами пустующих пространств Сибири и Дальнего Востока. Тем не менее очевидно, что реальная экономическая кооперация с Китаем, нужды восстающей из пепла сибирской и дальневосточной экономики уже в ближайшее время потребуют десятки тысяч рабочих рук. Наконец, провинция намерена укреплять свои позиции как сервисной и информационной базы российско-китайского торгово-экономического взаимодействия, роль посредника в отношениях между центральными и южными провинциями Китая и российскими территориями.

Реализуя перечисленные выше задачи, Хэйлунцзян намеревается:

1. Привлечь финансовые ресурсы из более богатых территорий Китая.
2. Развить современную экономику в наиболее отсталых приграничных районах провинции.
3. Создать в этих районах и на приграничных территориях России значительное количество новых рабочих мест.
4. Получить доступ к сырьевым ресурсам Сибири и Дальнего Востока.
5. Укрепить свои позиции на сибирском и дальневосточном потребительских рынках.
6. Обрести удобные транспортные артерии для выхода на региональный и мировой рынки.

Новым моментом в деятельности властей приграничных территорий стало стремление привлечь российский финансовый и интеллектуальный капитал для решения поставленных задач. В марте 2005 г. администрация пограничного с Россией города Маньчжоули издала *«Некоторые положения об условиях постоянного проживания и трудовой деятельности в Маньчжоули жителей приграничных территорий России и Монголии»*. Документ нацелен на «дальнейшее развитие политики открытости, стимулирование международной торговли и туризма» посредством привлечения капиталов и квалифицированных кадров из-за рубежа и регулирует вопросы проживания, предпринимательской и трудовой деятельности, образования и медицинского обеспечения граждан двух соседних государств¹⁸⁵. Администрации городов Хэйхэ, Суйфэньхэ, Дуннин активно предлагают россиянам дешевое жилье в специально отстраиваемых для иностранцев кварталах.

В начале XXI в. представители органов власти северо-восточных провинций декларировали свое намерение перейти от простой пограничной торговли к «всестороннему, многообластному сотрудничеству глубинного характера»,

¹⁸⁵ Ван Лиминь. Расширять приграничное сотрудничество, повышать уровень сотрудничества // Сборник материалов конференции «Торгово-экономическое сотрудничество приграничных территорий России и Китая». Владивосток: ИАА «Приморье», 2004. 30 марта 2005 г. В соответствии с «Положениями», власти могут лишить иностранцев права на проживание в Маньчжоули только в том случае, если они представляют угрозу безопасности и интересам государства и нарушают законы КНР.

создать единую «пограничную экономическую зону» в составе провинции Хэйлунцзян, Амурской, Читинской и Еврейской автономной областей, Хабаровского и Приморского краев как «одну из важнейших составных частей стратегического партнерства и дружественных добрососедских отношений между Китаем и Россией»¹⁸⁶.

Китайская сторона приступила к реализации «единой открытой пограничной зоны» вдоль российско-китайской границы от Хэйхэ до Суйфэньхэ, и вынашивает идею строительства зоны международного торгово-экономического сотрудничества по линии Харбин—Муданьцзян—Суйфэньхэ—Дуннин, которая рассматривается не просто как район российско-китайского взаимодействия, но как составная часть «Евроазиатского континентального моста». Китай вынашивает амбициозные планы по созданию «самой большой зоны торговли между Китаем и Россией», «самой большой зоны обработки китайско-российских экспортно-импортных товаров», «самой большой зоны торговли и туризма в СВА» и, в конечном итоге, превращения этой территории в «центральную зону международной торговли в Северо-Восточной Азии»¹⁸⁷.

Мэрия соседнего с Благовещенском города Хэйхэ с 2005 г. активно разрабатывает и пропагандирует концепцию «два государства — один город» (*лян го и чэн*). Как утверждает мэр Хэйхэ Чжан Цзинчуань, «обе стороны уже понимают, что развитие Хэйхэ уже не может происходить без развития Благовещенска, развитие Благовещенска также зависит от развития Хэйхэ»¹⁸⁸. В конце 2007 г. китайская сторона представляла этот проект как нашедший полное понимание и поддержку в Амурской области, способный поставить конгломерат Хэйхэ — Благовещенск в центр экономической зоны СВА.

План развития северо-восточного региона, официально опубликованный китайским правительством в августе 2007 г., предусматривает активное развитие внешнеэкономических связей трех провинций. Акцент делается на развитие приграничной торговли, ускоренное строительство районов приграничного экономического сотрудничества, совместных рынков, кросс-граничных экспортных и промышленных районов, активной поддержке создания баз китайского производства и районов торгово-экономического сотрудничества на территории пограничных с Северо-Восточным Китаем государств. Особо выделяется необходимость развития транспортной инфраструктуры для внутренней и внешней торговли на территории Китая и за его пределами (дорог, портов, пунктов пропуска). В числе приоритетных задач значится и «продвижение сотрудничества в районе Большой Тумэньцзян (Туманган)»¹⁸⁹.

¹⁸⁶ 叶晓峰 (Е Сюэфэн): «打造沿边开放带, 促进区域经济发展» (Создать открытую зону в пограничных районах, способствовать развитию районной экономики). 30.07.2006 (http://www.hljz.gov.cn/zehz/zelt/200802/t20080226_261769.htm).

¹⁸⁷ Ли Яосинь. Создание Харбин—Муданьцзян—Суйфэньхэ—Дуннинской экономической зоны китайско-российского сотрудничества для всестороннего сотрудничества и совместного развития. Рукопись доклада. Харбин. 14 июня 2007 г.

¹⁸⁸ 张晶川 (Чжан Цзинчуань): «构建“两国一城” 实现共同繁荣» (Создать концепции «два государства — один город» — достичь совместного процветания). 14.06.2007 (<http://www.hlass.com/public/AA/index.jsp?TemplateName=AA&TemplateXMLName=1&CNumberN=720&ArticleTitleN=1977.>).

¹⁸⁹ 东北地区振兴规划 (План возрождения северо-восточного региона) (http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-08/20/content_10905015.htm).

Становление и развитие межрегиональных отношений: уровни, формы, результаты

Как отмечалось выше, политические основы межрегиональных связей создавались на двух уровнях: в рамках межгосударственных договоров, в той или иной степени затрагивающих и регулирующих вопросы приграничного сотрудничества, и на местах, через подписание протоколов и соглашений между территориями (краями, областями, провинциями, городами двух стран). Создавать договорную базу регионального сотрудничества власти сопредельных территорий начали с 1988 г. Официальным обменам предшествовали полуофициальные визиты на уровне представителей местных отделений обществ советско-китайской и китайско-советской дружбы.

15 апреля 1988 г. в Маньчжоули был подписан первый межрегиональный документ — Протокол об учреждении приграничной торговли и организации экономического и технического сотрудничества между Забайкальским районом Читинской области и городом Маньчжоули¹⁹⁰. 11 июня того же года в городе Чанчунь был подписан «Протокол о намерениях по расширению торгово-экономического сотрудничества Приморского края и провинции Цзилинь», а в июле торгово-экономическая делегация провинции Хэйлунцзян подписала во Владивостоке серию протоколов о намерениях с предприятиями и организациями Приморского края. В июне и сентябре 1990 г. в Хух-Хото были заключены соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Читинской областью и Автономным районом Внутренняя Монголия и договор о дальнейшем развитии сотрудничества¹⁹¹.

Большинство этих и других соглашений, в массовом порядке появившихся на свет в 1990—1993 гг., фиксировали желание сторон развивать торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество (так называемые «протоколы о намерениях») или формально определяли его сферы и направления (рамочные соглашения). Эти документы, как правило, констатировали заинтересованность сторон в развитии отношений, обозначали основные области и направления взаимодействия, предусматривали некоторые меры по реализации достигнутых договоренностей. В развитие таких «протоколов» и соглашений готовились конкретные договоры о сотрудничестве между различными региональными учреждениями и организациями — управлениями торговли, образования, культуры, правоохранительными органами и т.д.

2 июня 1991 г. между администрациями провинции Хэйлунцзян и Амурской областью было подписано «Соглашение о развитии и укреплении торгово-экономических, хозяйственных и культурных отношений». Затем последовала серия из 3 разнообразных соглашений области с округом Хэйхэ¹⁹². В июне-июле 1992 г. состоялись официальные визиты руководства Приморского края на северо-восток Китая, в ходе которых были подписаны соглашения об установлении дружеских связей Приморья с провинциями Хэйлунцзян (21 июня) и Цзилинь (28 июля).

¹⁹⁰ См.: Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. С. 51–55.

¹⁹¹ См. там же. С. 397–401.

¹⁹² Кононкова Н.В. Международные политические связи Амурской области с сопредельными территориями КНР // Вестник АмГУ. 1997. Вып. 2. С. 19–20.

Соседи договорились «развивать всестороннее сотрудничество и взаимные обмены в области промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта... стимулировать развитие экономического сотрудничества, вносить вклад в дело укрепления дружбы между народами Российской Федерации и КНР»¹⁹³. В конце августа этого года во Владивостоке проходили переговоры между заместителем премьера Госсовета КНР Тянь Цзюнем и руководством администрации Приморья по вопросам сотрудничества приграничных территорий¹⁹⁴.

В декабре того же года Хабаровский край заключил соглашение о долгосрочном сотрудничестве с провинцией Ляонин. Целью его было обозначено развитие кооперации в экономической сфере, а приоритетными направлениями были названы машиностроение, радиоэлектроника, разработка рудных месторождений, металлургия, совместная деятельность в лесной отрасли, производство строительных материалов, сельское хозяйство.

Большой интерес к приграничному сотрудничеству проявили в этот период и более отдаленные от границы территории. За 1988–1989 гг. власти Сахалинской области заключили соглашения об установлении прямых связей с провинциями Хэйлунцзян и Ляонин и их административными центрами — городами Харбин и Шэньян. В конце 1993 г. делегация Хабаровского края посетила провинцию Фуцзянь. Перспективы сотрудничества, если судить по характеру и широте обсуждавшихся проблем (от создания совместных производств и открытия своих представительств до культурного и спортивного обмена), выглядели достаточно обнадеживающе¹⁹⁵.

Однако большинство этих соглашений осталось только на бумаге. Документы имели определенное политическое значение, но их практическая ценность была невелика. У российских властей, озабоченных, прежде всего, выживанием собственных территорий, занятых политическими баталиями с центром, демаркацией границы и выявлением китайцев — нелегальных мигрантов, для серьезной организации торгово-экономического сотрудничества с соседними провинциями Китая и даже для выполнения подписанных соглашений не нашлось ни времени, ни умения, ни интереса. Отсутствовали механизмы реализации достигнутых договоренностей, не была персонифицирована ответственность за их исполнение, постоянные перетряски в местных администрациях зачастую сводили на нет усилия десятков людей, налаживавших связи с Китаем, но по тем или иным причинам покинувших органы исполнительной и законодательной власти. Китайская сторона также слабо контролировала выполнение достигнутых договоренностей, весьма пренебрежительно относясь к обещаниям и обязательствам, изложенным на бумаге. Необязательность, неаккуратность, неорганизованность и порожденные этим обиды, обвинения, разочарование были взаимными.

Приграничная торговля осуществлялась в основном бессистемно, стихийно, вне поля заключенных договоров. Хотя в «правительственные» делегации зачастую включались представители предприятий и организаций, заинтересованных в налаживании контактов с соседями, но подбор таких представителей, как правило, велся произвольно, нередко по принципу личных связей и интересов.

¹⁹³ Материалы администрации Приморского края.

¹⁹⁴ *Рахманин О.Б.* К истории отношений... С. 240.

¹⁹⁵ *Уваров В.А.* Свободные экономические зоны Востока России. Хабаровск: Информ-Этнос. 1994. С. 98–101.

Неустойчивость власти и внутривнутриполитические коллизии российских территорий самым прямым образом отражались на характере их политических связей с Китаем. Конкретным проявлением того стали многочисленные повторные «Соглашения о сотрудничестве», которые считали своим долгом заново подписывать с китайскими провинциями приходявшие к власти главы администраций, демонстрируя этим то ли жажду самоутверждения, то ли неизменность курса новой администрации. При этом соглашения в значительной степени повторяли предыдущие, срок действия которых еще не истек¹⁹⁶. Не удивительно, что в политических отношениях на уровне территорий произошло определенное охлаждение, продолжавшееся до 1999 г.

Оживление приграничных связей повлекло за собой появление новой серии договоров. В феврале 1999 г. было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Приморским краем и провинцией Цзилинь, в декабре того же года заключено Соглашение об экономическом, торговом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Читинской областью и Автономным округом Внутренняя Монголия.

Весьма активно развивались межрегиональные связи в рамках Года России в Китае и Года Китая в России. В 2006 г. более 40 субъектов РФ организовали презентации своих территорий в КНР. В Китае побывали пять из семи полпредов Президента России и 65 губернаторов. В России только в течение 2007 г. были проведены презентации 10 провинций, двух городов центрального подчинения и двух автономных районов КНР¹⁹⁷. Всего же с начала 90-х годов было подписано, по подсчетам российского МИДа, более 100 соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня России и Китая. Около 70 субъектов РФ установили прямые контакты с китайскими регионами¹⁹⁸. В апреле 2009 г. было подписано базовое Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян.

Долгое время оставались нереализованными и попытки скоординировать действия всех участников регионального взаимодействия. Уже в 1991 г. руководители Хэйлунцзяна предложили создать постоянную координационную комиссию РСФСР и провинции Хэйлунцзян с включением в нее представителей краев и областей Дальнего Востока, создать представительства провинции в Москве, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и Биробиджане, а советское — в Харбине. В 1992 г. администрация Приморья обратилась к руководству провинций Северо-Восточного Китая с предложением создать постоянно действующий координационный совет между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем, попросив одновременно поддержку российского правительства. Все эти предложения реализованы не были.

¹⁹⁶ Следствием губернаторской чехарды в Амурской области стали ее четыре договора о сотрудничестве с округом Хэйхэ за три года (1992–1994): каждый новый глава администрации считал своим долгом провести ревизию международной деятельности предшественника. Администрация Приморья в июне 1995 г. подписала соглашения «об установлении торгово-экономических и культурных связей» края с пров. Хэйлунцзян и Цзилинь, содержание которых было на 90–95% идентично текстам договоров с этими же провинциями, подписанных тремя годами ранее.

¹⁹⁷ Внуков К.В. Российский медведь и китайская панда: два года вместе // Россия–Китай. XXI век. 2007. Октябрь. С. 11–13.

¹⁹⁸ О российско-китайском межрегиональном и приграничном сотрудничестве (<http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/e8d2a26afd64e83e43256b4c00442aac>).

На более низком уровне подобные задачи решались успешнее. Еще в сентябре 1990 г. власти Читинской области и Автономный округ Внутренняя Монголия договорились создать постоянную координационную группу по торгово-экономическому сотрудничеству между территориями¹⁹⁹. В сентябре 1992 г. в Находке было зарегистрировано представительство народного правительства города Суйфэньхэ, несколько позднее — во Владивостоке. 7 января 1993 г. был подписан договор об открытии представительства по трудовым делам и внешнеэкономическим связям провинции Хэйлунцзян во Владивостоке. Консультативный орган из представителей руководства Амурской области и Хэйхэ, который на проводящихся два раза в год заседаниях обсуждает вопросы приграничного взаимодействия территорий, по мнению секретаря городского комитета КПК Хэйхэ Юй Сяодуна, «сыграл важную роль в узнавании друг друга и укреплении дружбы двух народов», но был малоэффективен во всех остальных отношениях²⁰⁰.

В январе 1998 г. при участии Дальневосточной ассоциации экономического взаимодействия был создан российско-китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству, призванный содействовать территориям Дальнего Востока и Забайкалья в налаживании эффективных связей с Китаем. В совет входили представители от приграничных территорий, а также центральных органов исполнительной власти двух стран, он собирался на свои заседания один раз в год, и работой его руководили попарно и по очереди вице-губернаторы различных территорий²⁰¹.

В ноябре 1999 г. в Харбине было заключено первое межрегиональное российско-китайское соглашение о сотрудничестве в разрешении споров в области приграничной торговли. Документ подписали представители харбинского подкомитета при китайском Комитете содействию международной торговли и торгово-промышленной палаты Приморского края. В соглашении было предусмотрено создание совместного координационного комитета для урегулирования разногласий и споров в вопросах торговли²⁰². В сентябре 2000 г. смешанная комиссия по развитию экономического, торгового и научно-технического сотрудничества была создана администрациями Читинской области и Автономного района Внутренняя Монголия КНР²⁰³.

Преодолению застоя в региональных и приграничных связях России с Китаем способствовала активная позиция китайской стороны, прежде всего провинции Хэйлунцзян. Только в 2000–2001 г. состоялось 10 визитов высокопоставленных руководителей этой провинции (на уровне правительства, Собрания народных представителей и Парткома КПК) на Дальний Восток, главной целью которых была активизация торгово-экономических отношений. В конце июня 2004 г. состоялся 10-дневный визит делегации провинции во главе с ее губернатором Чжан Цзоцзи в Приморский и Хабаровский края и Еврейскую автономную область.

¹⁹⁹ Тарасов А.П. Указ. соч. С. 65.

²⁰⁰ 于晓东 (Юй Сяодун): «关于发展中国黑河与俄罗斯阿穆尔州经贸合作的对策建议» (Предложение о развитии торгово-экономического сотрудничества китайского Хэйхэ и российской Амурской области) // «东欧中亚市场研究», 2001年, 第8期, 第6页.

²⁰¹ В 2000–2001 гг. это были вице-губернаторы Приморского края и пров. Цзилинь, в 2002–2003 гг. — Читинской обл. и автономного района Внутренняя Монголия.

²⁰² Пульс планеты. 19 ноября 1999 г. «АК-9».

²⁰³ Тарасов А.П. Указ. соч. С. 300.

**ЧЖАН Цзоцзи 张左己 (р. 1945) —
государственный и партийный деятель КНР**

Родился в январе 1945 г. в уезде Баянь провинции Хэйлунцзян. В 1966 г. окончил факультет иностранных языков Хэйлунцзянского университета по специальности «русский язык». В 1968—1977 гг. — преподавал в средней школе завода № 123, работал в отделе пропаганды завода, затем — заместителем секретаря парткома партийной школы этого предприятия. В 1977—1991 гг. — на различных должностях в министерствах механической промышленности, оборонной промышленности, труда и кадров. В 1993 г. назначен заместителем министра труда и кадров. В 1994—1998 гг. — заместитель генерального секретаря Госсовета. В 1997 г. избран членом Комиссии по проверке дисциплины КПК. В 1998—2003 гг. — министр труда и социальной защиты. В 2003 г. стал заместителем секретаря провинциального комитета КПК и вице-губернатором провинции Хэйлунцзян, затем — и.о. губернатора и губернатором. С марта 2008 г. — председатель экономического комитета НПКСК.



Активность дальневосточных властей также заметно усилилась в начале нового века. В июне 2001 г. совершил поездку в Хэйлунцзян полпред президента России в Дальневосточном федеральном округе К.Б. Пуликовский. В ходе визита была достигнута договоренность с губернатором Хэйлунцзяна «о создании механизма регулярных встреч руководителей и представителей деловых кругов субъектов Федерации российского Дальнего Востока и китайской провинции Хэйлунцзян»²⁰⁴. В конце февраля 2002 г. четырехдневную поездку в провинции Цилинь и Хэйлунцзян совершила делегация Приморского края во главе с его новым губернатором С.М. Дарькиным. В Чанчуне состоялось первое заседание совместной рабочей группы по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Приморским краем и провинцией Цилинь, одобрен план двустороннего сотрудничества на 2002 г.²⁰⁵ В июне 2004 г. К.Б. Пуликовский, С.М. Дарькин, губернатор Читинской области. Гениатулин участвовали в работе 15-й Харбинской ярмарки.

Начало века отмечено выходом региональных лидеров Дальнего Востока на более высокий уровень взаимодействия с Китаем, чем это было ранее. В сентябре 2000 г. Председатель ПК ВСНП Ли Пэн посетил Владивосток. Это был первый визит члена высшего китайского руководства на Дальний Восток с момента распада СССР. В июне 2002 г. губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев встречался в Пекине с вице-премьером Госсовета КНР У Банго, который подтвердил поддержку со стороны китайского правительства деятельности хэйлунцзянской администрации по углублению и расширению взаимодействия с приграничными российскими территориями²⁰⁶. В июле того же года Владивосток посетил

²⁰⁴ Пульс планеты. 7 июня. 2001 г. «АК-2».

²⁰⁵ Там же. 27 февраля 2002 г. «АК-3».

²⁰⁶ Там же. 19 июня 2002 г. «АК-2».

вице-премьер КНР Ли Ланьцин. В сентябре 2003 г. В составе правительственной делегации РФ в КНР, которую возглавлял глава российского правительства М.М. Касьянов, «вторым номером» шел К.Б. Пуликовский, а третьим — С.М. Дарькин. В мае 2004 г. У Банго начал свой визит в Россию с остановки в Хабаровске, а 29 июня он принял губернатора Хабаровского края В.И. Ишаева в Пекине. Наконец, в составе российской делегации во время визита В.В. Путина в Китай в октябре 2004 г. находились представители краев и областей Дальнего Востока.

В начале февраля 2010 г. В.И. Ишаев в очередной раз приехал в Пекин и встречался с У Банго уже в статусе полномочного представителя президента РФ в Дальневосточном федеральном округе. Его сопровождали губернатор Амурской области О.Н. Кожемяко, вице-губернаторы Приморского и Хабаровского краев, представители крупных компаний, работающих на Дальнем Востоке. В центре обсуждения находилась Программа сотрудничества между регионами Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.

Как оценить вклад местных властей в развитие (или сдерживание) российско-китайских отношений? В какой степени они оказались готовы и способны регулировать процесс связей на местном уровне, влиять на деловые круги, туристический обмен, сдерживать незаконную миграцию, бороться с трансграничной преступностью? Очевидно, что приграничные власти России оказались не только не способными выполнять функции организатора и координатора приграничных отношений, но и вообще большей частью выступали как сторонний наблюдатель за их развитием. Более того, видя в Китае потенциальную угрозу России, они любыми путями стремились избежать экономической зависимости от КНР.

Константин Борисович ПУЛИКОВСКИЙ (р. 1948) — российский военный и политический деятель

Родился 9 февраля 1948 г. в городе Уссурийск Приморского края. Окончил Ульяновское танковое училище в 1970 г., Военную академию бронетанковых войск в 1982 г. 33 года прослужил в Вооруженных Силах СССР и России, занимал командные долж-



ности в частях, соединениях, оперативных и оперативно-стратегических объединениях Вооруженных Сил. Военную службу проходил в Белоруссии, Туркмении, Эстонии, Литве и на Кавказе. В 1996 г. — командующий объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике. В 1996–1997 гг. — заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. 1997 г. — уволился из Вооруженных Сил Российской Федерации. В 1998 г. избран председателем краснодарского краевого отделения всероссийского общественного движения ветеранов «Боевое братство», в том же году стал помощником мэра Краснодара по работе с муниципальными предприятиями, возглавил комитет по благоустройству города. С 2000 г. по 2005 г. — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Дальневосточном федераль-

ном округе. С 2005 по 2008 г. — руководитель Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор). 2008–2011 гг. — советник Председателя Совета Федерации. С ноября 2009 г. — председатель Совета регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Краснодарском крае.

С одной стороны, этим целям служила диверсификация экономических связей территорий, стремление более активно развивать отношения с США, Японией, Южной Кореей. С другой стороны, явно или скрытно торпедировались усилия китайской стороны по большей интеграции приграничных экономик двух стран. Большую часть времени российская сторона действовала по единой схеме: формально поддерживая китайские инициативы, она подспудно возводила барьеры и препятствия для их реализации. Китайские власти также сделали далеко не все, что они могли, чтобы приграничные связи развивались более эффективно. На недостаточное внимание с их стороны жаловались и предприниматели, и торговцы, и ученые.

Кроме того, даже осознавая необходимость регулирования внешнеэкономической деятельности, местные власти не имели всех необходимых рычагов для этого. Хаос, который воцарился в первой половине 90-х годов в приграничных связях России и Китая, стал следствием как слишком широко распахнутой «двери» на границе, так и результатом политической и управленческой дезорганизации в самой России. Накапливая опыт, обе стороны постепенно наводили порядок на границе.

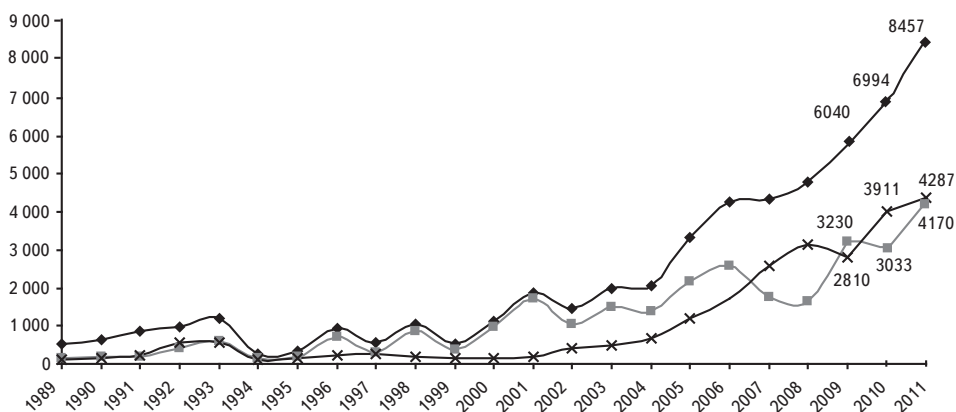
Экономическое пространство

Экономические связи между приграничными территориями России и Китая являются главной формой взаимодействия соседей. В 90-е годы XX — начале XXI в. эти связи преимущественно свелись к торговле и экспорту китайской рабочей силы. Инвестиционное и научно-техническое сотрудничество было предметом обсуждения, но не стало заметной реальностью. Тогда же эти связи переросли традиционные рамки приграничной торговли и обмена и распространились на большую часть территорий двух стран, от западных районов России до южных провинций КНР.

Наиболее характерные черты приграничного торгово-экономического взаимодействия выглядели так:

1. Торговля носила неритмичный (волнообразный) характер (см. рис. 5.1).

Рис. 5.1 Торговля краев и областей Дальнего Востока России с Китаем (в млн. долл США)



Очевидные пики четных (1996, 1998) годов и рост 2000–2001 гг. были обусловлены поставками Китаю самолетов, произведенных на Комсомольском-на-Амуре авиационном предприятии (КНААПО). С 2002 г. начался стабильный рост региональной торговли России с Китаем. В 2006 г. торговля Дальнего Востока с КНР увеличилась в 9,5 раза по сравнению с 1999 г. С 2005 г. прирост шел в основном за счет роста китайского экспорта и происходил в условиях расширения экономических связей Дальнего Востока и Забайкалья с сопредельными странами и территориями. Заметный прирост в торговле 2010–2011 гг. связан прежде всего с увеличением экспорта в Китай нефти и нефтепродуктов.

Доля дальневосточных территорий в российско-китайской официальной торговле в 90-е годы колебалась в диапазоне от 4,9 (в 1994 г.) до 19% (1998 г.). В новом столетии она начала сокращаться, в 2004 г. упала до 10%, а в 2007–2008 гг. до 8–9%. В 2011 г. она составила 10,7% объема российско-китайской торговли

2. Товарная структура российского экспорта была преимущественно сырьевой по характеру, и в то же время нестабильной, зависела от конъюнктуры китайского рынка, а также возможностей каждой из дальневосточных территорий. Разовые закупки отдельных видов продукции резко изменяли структуру торговли. В 2003 г. структура экспорта региона в Китай была следующей: нефть и нефтепродукты (кроме сырых) — 28,64%, лесоматериалы — 22,53%, нефть и нефтепродукты сырые — 13%, продукция самолетостроения — 11,1%, рыба мороженая — 4,74%²⁰⁷. В 2011 г. на долю нефти и нефтепродуктов пришлось 33,7%, рыбы мороженой — 22,1%, лесоматериалов — 13,8%

3. Растущая зависимость экономики Дальнего Востока и Забайкалья от импорта из Китая, хотя эта зависимость была неодинакова у разных территорий. В начале 90-х годов, в условиях товарного кризиса и разрыва хозяйственных связей Дальнего Востока с центром, Китай сыграл ключевую роль в насыщении пустого дальневосточного рынка продуктами питания и товарами широкого потребления. В экспорте Амурской и Еврейской автономной областей китайское направление составило за 1992–1998 гг. около 77%, в их импорте, соответственно, 74,6 и 66,9%. В два раза ниже была зависимость от Китая Хабаровского края (в экспорте 34,3% и в импорте — 30,8%), еще ниже — Приморского края (экспорт — 18%, импорт — 23%). У непограничных территорий Дальнего Востока доля Китая составляла менее 10% объема их внешней торговли.

После кризиса августа 1998 г. значение импорта временно сократилось. Доля Китая в совокупном импорте дальневосточных территорий снизилась с 48% в 1992 г. до 10% в 1998 г. Однако в начале нового столетия экономическое влияние Китая вновь стало возрастать, в ряде краев и областей заметно превышая показатели середины 90-х годов. В 2001–2006 гг. доля китайских товаров в импорте Амурской области колебалась в пределах от 70 до 80%²⁰⁸. В общем объеме внешней торговли Хабаровского края в 2006 г. доля Китая составляла 45,5%, том числе в импорте 57%, в экспорте 43%. В торговле Приморского края Китай играл меньшее, но также важное значение: 32% в его импорте и 51% — в экспорте (рис. 5.2)²⁰⁹.

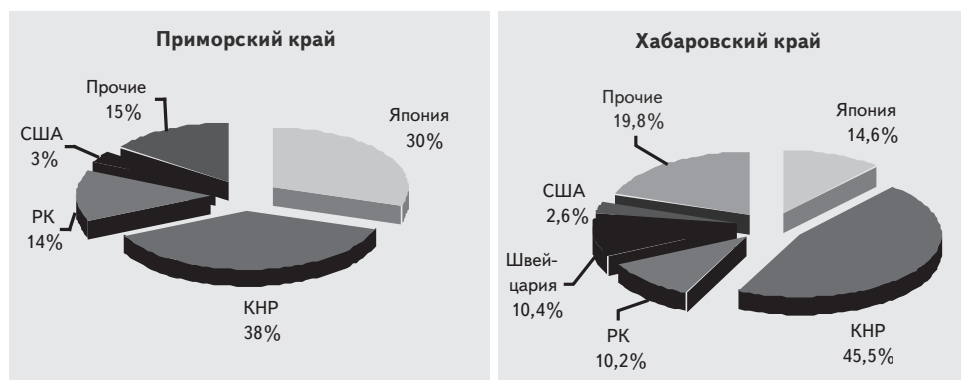
²⁰⁷ Внешнеэкономическая деятельность предприятий Дальневосточного федерального округа за 2003 год (по данным таможенной статистики) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2004. № 1. С. 30.

²⁰⁸ Китайская продукция составляла до 98% ввозившихся Амурской областью из-за рубежа овощей и фруктов, от 80% до 95% одежды, трикотажных изделий, тканей и обуви.

²⁰⁹ Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области, 2006. С. 15–20; Информация о внешнеэкономической деятельности Приморского края за 2006 год. Б.м., б.г. С. 5–8.

Не меньшее значение связи с Китаем имели для Забайкалья. Объем торговли Читинской области с КНР вырос с 1998 по 2006 г. в 9,7 раза, в результате доля Китая во внешнеторговом обороте области увеличилась с 38 до 96%. Во внешнеторговом обороте Бурятии доля Китая в 2006 г. составила 59%. Широкая товарная экспансия Китая на дальневосточный рынок обусловлена разрывом в себестоимости их производства на соседних территориях. В результате рыночная стоимость китайских товаров легкой промышленности в среднем на 50–80% ниже российских²¹⁰.

**Рис. 5.2 Географическая структура внешней торговли
Приморского и Хабаровского краев
(2006 г., в процентах)**



4. Промышленное, технологическое, инвестиционное сотрудничество не смогло занять заметной ниши в российско-китайских экономических связях. Предприятия с китайскими инвестициями имели на Дальнем Востоке и в Забайкалье в основной массе небольшой уставной капитал и работали преимущественно в сфере торговли и обслуживания. Их доля в производстве промышленной продукции по краям и областям составляла часть малозначимую и практически незаметную. В общем объеме накопленных иностранных инвестиций на Дальнем Востоке доля Китая не превышает 1%.

5. Еще хуже обстояло дело с российскими инвестициями на Северо-Востоке Китая. На конец 2006 г. в провинции Хэйлунцзян были зарегистрированы лишь 10 предприятий с российским капиталом (4 СП и 6 чисто российские) с объемом российских вложений 900 тыс. долл. (0,05% всех иностранных инвестиций в провинции)²¹¹. В 18 предприятий в провинции Цилинь российская сторона вложила 2,62 млн долл., в основном в сферу общественного питания и развлечений²¹². Среди 24 стран — основных иностранных инвесторов в провинцию Ляонин, Россия не значится.

²¹⁰ По текстилю разница составляет от 60 до 200%, по продукции сельского хозяйства (не зерновым) — от 60 до 300%, по прочим товарам — от 30 до 180%. См: www.e-russia.com.cn: 2004.8.09.

²¹¹ «黑龙江统计年鉴2007年», 北京, 中国统计出版社, 2007年, 第 447页.

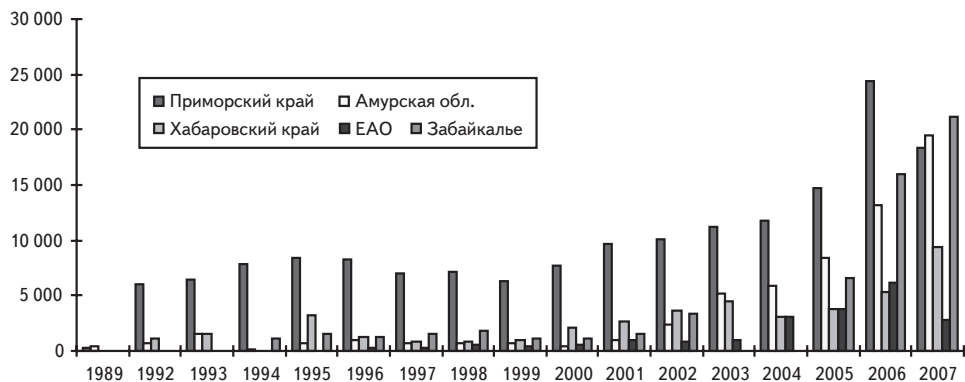
²¹² 迟闯: (Чи Чуан) «扩大吉林省对俄经贸合作对策研究» (Исследование возможностей по расширению торгово-экономического сотрудничества провинции Цилинь с Россией). «西伯利亚研究», 2007年, 第4期, 第29页.

6. Оценки масштабов «челночной» торговли в двусторонних экономических отношениях очень противоречивы. По китайской статистике, в 1998 г. объем «народной торговли» провинции Хэйлунцзян с Россией составил 502,6 млн долл., годом позднее — 640 млн долл.²¹³ В начале XXI в., по китайским данным, российские туристы ежегодно вывозили из этой провинции товаров на сумму в 6 млрд. юаней (750 млн долл.)²¹⁴. «Челночная» торговля являлась не только важным каналом обеспечения населения российских приграничных регионов (в том числе и северных территорий) недорогими (хотя преимущественно некачественными) китайскими товарами, но и давала десятки тысяч рабочих мест, а поэтому играла важную политическую и социальную роль.

7. Использование китайской рабочей силы на Дальнем Востоке России и в Забайкалье носило ограниченный характер. Динамика официального ее применения в экономике региона выглядела, по данным миграционных служб, следующим образом (рис. 5.3):

В начале XXI в. количество контрактных китайских рабочих в России стало быстро расти. Власти и предприниматели, испытывая в условиях постепенного подъема экономики все больший дефицит в трудовых ресурсах, рассматривали привлечение их из-за рубежа как эффективное средство решения этой проблемы. С 2000 по 2007 г. статистика зафиксировала почти шестикратный рост общего числа легальных рабочих из КНР на Дальнем Востоке и в Забайкалье, с 13 до 73 тыс. человек²¹⁵.

Рис. 5.3 Динамика использования китайской рабочей силы на юге Дальнего Востока и в Забайкалье (чел.)



²¹³ «黑龙江年鉴 1999年» (Ежегодник провинции Хэйлунцзян). 1999年, 哈尔滨, 黑龙江年鉴社, 1999年 第 296页; Бао Хайчунь, Ся Хуансинь. Анализ перспектив российско-китайской частной торговли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. С. 280.

²¹⁴ Доступно: www.e-russia.com.cn: 2004.11.11.

²¹⁵ Любопытно, однако, что по китайской статистике в Россию были направлены в 2005 г. всего лишь 21 тыс., а в 2006 г. — 25,5 тыс. рабочих [«中国贸易外经统计年鉴2007» (Ежегодник торговли и внешнеэкономических связей), 北京, 中国统计出版社2007. 第734—742页].

Определенную проблему для российских властей представляла незаконная трудовая деятельность китайских граждан на российской территории, которые часто попадали под определение «нелегальных мигрантов». Китайская «нелегальная миграция» оказывала существенное воздействие на двусторонние отношения в середине 90-х годов, но к началу нового столетия, когда российские власти смогли взять ее под контроль, стала иметь лишь психологическое и пропагандистское значение.

8. Китайские приграничные провинции в разной степени зависели от связей с Россией. Экономика провинции Хэйлунцзян к концу 90-х годов XX в. уже была прочно сориентирована на север, провинциальные власти и бизнес фактически монополизировали региональную торговлю Китая с Россией. В Хэйлунцзяне сформировались не только производственная и торговая зоны, нацеленные на российский рынок (хозяйства по выращиванию овощей и фруктов, оптовые базы, предприятия легкой промышленности), но и сегмент экономически активного населения, ориентированный на российский Дальний Восток. В 2006 г. на Россию пришлось 52% объема внешней торговли этой провинции (20% всей российско-китайской торговли). В конце первого десятилетия нового века в приграничных районах Хэйлунцзяна функционировали 96 торговых баз, ориентированных на российский рынок. Бюджет и благосостояние приграничных городов во многом зависят от результатов приграничной торговли. Например, свыше 80% бюджетных доходов приграничного с Россией уезда Дуннин обеспечивается за счет торгово-экономического сотрудничества с Россией.

Масштабы торгово-экономических связей провинции Цзилинь с Россией были значительно меньше, и значение России для ее экономики было невелико. Более того, в то время как масштабы экономического взаимодействия с другими странами неуклонно росли, торговля с Россией постепенно сворачивалась и доля России во внешнеторговых операциях Цзилинь неуклонно снижалась. Если в 1992–1994 гг. Россия занимала второе место (после Японии) в общем объеме внешней торговли Цзилинь, то в 1998 г. она уже была только на восьмом месте. В 1998–1999 гг. объем торговли Цзилинь с Россией был меньше, чем в 1989 г., а затем вплоть до 2003 г. стагнировал в диапазоне от 57 до 68 млн долл.

Столь же незначительное место занимала Россия в экономических связях провинции Ляонин. К началу нового века объем экономических связей Ляонина с Россией оставался на уровне 1991 г. и был в два с лишним раза меньше, чем у таких далеких от России провинций, как Гуандун и Шаньдун. В 2002 г. Россия занимала только 9-е место среди торговых партнеров Ляонина.

Роль России в экономической жизни трех провинций Северо-Востока КНР в динамике видна из *таблицы 5.1*.

Низкий экспортный потенциал провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономного района Внутренняя Монголия, а также невысокие запросы российской экономики существенно ограничивали возможности этих территорий Китая в торговле с Россией, в которой преобладал ввоз сырья, в значительной части переправлявшегося потом во внутренние районы КНР. Более того, в начале нового века объем экспорта этих территорий в Россию был меньше, чем в середине 90-х годов. Неудивительно, что создание современного производства и наращивание экспортного потенциала приграничных провинций оказались в числе главных задач, поставленных перед их руководством лидерами КНР в начале XXI в.

**Россия во внешней торговле провинций Северо-Восточного Китая
(в млн долл. США и процентах от объема)**

Провинция	Общий объем внешней торговли/торговля с Россией			Экспорт в Россию / доля от общего экспорта провинции			Импорт из России / доля от общего импорта провинции		
	1995	1999	2007	1995	1999	2007	1995	1999	2007
Хэйлунцзян	3 430 / 1 530	2 191 / 917	17 299 / 10 728	855,1 / 41%	231,97 / 24,4%	8 171 / 66,6%	675,1 / 55,3%	684,7 / 55,2%	2 557 / 50,8%
Ляонин	10 990 / 194,4	21 230 / 159,6	59 470 / 1350	127,7 / 1,6%	76,05 / 1,5%	552 / 2,3%	66,7 / 2,4%	83,1 / 1,0%	718 / 3,1%
Цзилинь	2 715 / 174,6	2 217 / 65,2	10 299 / 801,9	84,7 / 6%	8,83 / 0,8%	78,01 / 2,2%	89,9 / 6%	56,4 / 4,7%	723,9 / 11,2%

Источники: Almanac of China's Foreign Economic Relations and Trade 1996/97. Beijing, 1996. P. 324—325, 328—329, 338—339, 346; Чжунго дуйвай цзинцзи маои няньцзянь. 2000 (Ежегодник внешней экономики и торговли Китая. 2000). Пекин: Чжунго дуйвай цзинцзи маои чубаньшэ. 2000. С. 307—308; Ляонин тунцзи няньцзянь 2008. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньше. 2008. С. 435; Цзилинь тунцзи няньцзянь 2008. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньше. 2008. С. 359—360; Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2008. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньше. 2008. С. 454.

Задачи эти успешно решались. Рост их экспорта в Россию начался с 1999 г. В 2003 г. Хэйлунцзян и Цзилинь впервые после российского дефолта получили положительное сальдо в российско-китайской торговле. С 2004 г. в торговле начался резкий подъем, причем исключительно за счет роста китайского экспорта. За четыре года объем торговли провинции Цзилинь с Россией увеличился в 14 раз (с 57,3 млн долл. в 2003 г. до 802 млн долл. в 2007 г.). Россия, по утверждению заместителя руководителя департамента коммерции провинции Вэй Цзяньго, стала самым крупным объектом зарубежных инвестиций провинции и вторым по значимости рынком экспорта рабочей силы²¹⁶. В 2007 г. объем экспорта трех провинций Северо-Востока Китая в Россию вырос по сравнению с 1999 г. в 28 раз.

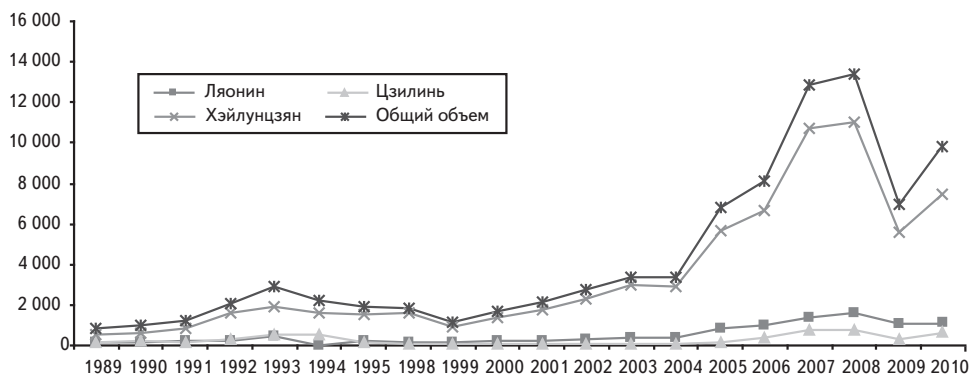
Единственная северная территория Китая, выбившаяся из этого ряда, — Внутренняя Монголия. Во второй половине 90-х годов, когда торговля других провинций с Россией падала, ее экспорт, напротив, увеличился (с 53,5 млн долл. в 1995 г. до 215 млн долл. в 2001 г.), а затем сократился в 2,4 раза, до 88 млн долл. в 2006 г.²¹⁷

В 2008 г. наметилось замедление темпов роста торговли провинций Северо-Восточного Китая с Россией: она выросла всего на 4,5% по сравнению с предшествующим годом, при этом на 2,5% сократился объем экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию. Экономический кризис 2009 г., совпавший по времени с началом непримиримой борьбы российской таможни с челночным бизнесом, привели к сокращению торговли этих провинций с Россией на 48% по сравнению с предшествующим годом, обрушив ее до уровня пятилетней давности (6,9 млрд долл.). Экспорт провинции Хэйлунцзян в Россию сократился за год на 60% (рис. 5.4). Однако с 2010 г. торговый оборот между приграничными регионами двух стран вновь начал расти.

²¹⁶ «俄罗斯中亚东欧市场» 2007年 第11期, 第 54页.

²¹⁷ «内蒙古统计年鉴» 北京, 中国统计出版社, 2003年 第 427页; 2007年, 第 423页.

Рис. 5.4 **Динамика экономических связей провинций Северо-Восточного Китая с Россией**



Источники: Статистические ежегодники провинций Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь.

9. Инфраструктура связей. Всего на восточном участке российско-китайской границы на регулярной основе функционировали 19 переходов. Разговоры об их обустройстве ведутся 15 лет, однако пропускная способность и обустройство большинства из них с российской стороны до сегодняшнего дня не соответствуют даже временным требованиям. В то же время китайские части переходов полностью обустроены. В январе-феврале 2005 г. комиссия из представителей администрации Приморского края, пограничного и таможенного управлений, санитарно-карантинной службы констатировала, что из пяти автомобильных пунктов пропуска в крае в соответствии с законодательством функционировал только один — «Пограничный»²¹⁸. Другим исключением стал новый автомобильный переход с комплексом прилегающих автодорог Забайкальск—Маньчжоули, открытый 1 марта 1998 г. Остальные продолжали работать «по временной схеме» — без соответствующей инфраструктуры и технического оснащения. Между тем, только через автомобильные пункты пропуска в Приморье в 2006 г. было перевезено 1,47 млн пассажиров и 659 тыс. т грузов, границу пересекли 48,5 тыс. автобусов и 63,3 тыс. грузовых автомобилей²¹⁹.

Обмены в гуманитарной сфере

Гуманитарные обмены между представителями двух соседних цивилизаций происходили на разных уровнях, от формализованных визитов деятелей культуры до яростного торга китайского продавца с российским покупателем на рынках Суйфэньхэ, Благовещенска или Южно-Сахалинска. Учитывая масштабы и индивидуализированный характер приграничного взаимодействия, в которое в той или иной степени была вовлечена значительная часть населения приграничной полосы, значение этой формы обмена недооценивать нельзя.

²¹⁸ Шетинин А.А. Развитие автомобильных пунктов пропуска через государственную границу РФ в Приморье // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2005. № 1–2. С. 70.

²¹⁹ Китайские автобусы в 2006 г. на 5% чаще пересекали российскую границу (Приморье): <http://www.regnum.ru/news/769908.html#ixzz1ir0RD8mx>.

Главным двигателем приграничных связей стали преимущественно не настроенные на культурный обмен слои населения, не готовые к восприятию, пониманию, адекватной оценке соседней культуры. Население России ни сознательно, ни психологически не было подготовлено к тесным контактам с представителями иной, разительно отличавшейся от привычных шаблонов и норм цивилизации. Но при этом личностное восприятие представителей этой цивилизации играло исключительно важную роль в характере двусторонних связей, которые были в значительной степени персонифицированы.

Стихийный обмен, шедший преимущественно по линии индивидуальной торговли, туризма и странного симбиоза туризма и торговли — «челночного бизнеса», не только не вел к преодолению цивилизационной пропасти, существовавшей между народами, но еще более углублял ее. На первых порах стремление к тесным контактам было действительно огромным. Но не меньшим был и шок от осознания непохожести китайской бытовой культуры, с которой пришлось столкнуться большинству российских граждан. К концу 90-х годов рост материального благосостояния определенных социальных слоев по обе стороны границы и их желание отдохнуть и «расслабиться» в заграничной среде привели к возрастанию взаимного интереса к чужой культуре, а на этой основе — к расширению масштабов познавательного туризма. Однако это не привело к росту взаимопонимания, к «взаимопроникновению культур и традиций», о котором иногда шаблонно рапортовали российские чиновники.

Другой, формально организованный, уровень гуманитарных обменов осуществлялся в рамках официальных связей в области науки, образования, культуры, медицины, спорта, обмена молодежными, женскими и детскими делегациями. Еще в конце 1988 г. власти поселка Пограничный предложили народному правительству города Суйфэньхэ провести товарищеские встречи по волейболу и баскетболу, обменяться фотовыставками самодельных авторов и визитами молодежных организаций. Этим было положено начало приграничным гуманитарным связям.

Культурные и спортивные контакты осуществлялись преимущественно по линии местных органов власти на основе безвалютного обмена, иногда — по инициативе и при участии отделений Общества советско-китайской (позднее — российско-китайской) дружбы. И если в области экономики предпринимчивее проявляла себя китайская сторона, то в сфере культуры россияне были, особенно на первых порах, не менее активны.

Наиболее регулярно гуманитарные контакты осуществлялись в рамках соглашений о побратимских связях, обязательно предусматривавших культурный и спортивный обмен²²⁰. Основными формами культурного обмена были гастроли профессиональных и самодельных (танцевальных, хоровых, театральных) коллективов, фестивали художественных фильмов, художественные и фотографические выставки. Самостоятельные связи устанавливали учреждения культуры: музеи, театры, картинные галереи. Такую же функцию и нагрузку, по существу, нес обмен в области спорта.

В марте 1990 г. Харбин посетила первая делегация работников культуры Приморского края. Летом 1991 г. 17 школьников поселка Пограничный совершили

²²⁰ В июле 1991 г. Находка установила побратимские связи с г. Цзилинь. В сентябре 1992 г. г. Владивосток подписал соглашение об установлении побратимских связей с г. Далянь. Несколько позднее Уссурийск породнился с Муданьцзяном. Хабаровск породнился с Харбином (1993), Благовещенск — с городами Удаляньчи (2003) и Хэйхэ (2009), Еврейская автономная область — с г. Хэган (1999).

поездку в Суйфэньхэ и Муданьцзян, ансамбль танца «Вихрь» из Владивостока участвовал в фестивале «Харбинское лето», а мастера настольного тенниса из Чанчуня экзаменовали приморских теннисистов в Дальнеморске²²¹. В 1991 г. г. Хэйхэ посетила первая делегация деятелей культуры Амурской области, а в 1992 г. в Благовещенск приезжала делегация работников культуры Харбина²²².

Проследить дальнейшее развитие культурных связей в 1990-е годы достаточно трудно. Ни власти, ни пресса не баловали их своим вниманием. В основном мероприятия носили разовый характер и зачастую были приурочены к немногочисленным памятным датам. Если судить по отчетам соответствующих структур администраций краев и областей региона, отделений Общества российско-китайской дружбы, сообщениям различных государственных структур и ведомств, то перечень проведенных за десять лет культурных мероприятий был невелик, а результативность их никто не оценивал. Хотя винить местные власти за невнимание (или непонимание) важности культурного обмена нельзя: скудные финансовые ресурсы, выделявшиеся на социальную сферу вообще, а на культуру и спорт в частности, существенно ограничивали их инициативу и возможности. То же наблюдалось и с китайской стороны.

Оживление обмена произошло ближе к концу 1990-х годов, что в определенной степени было связано с подготовкой к 40-летию образования КНР. В мае и августе 1998 г. в Суйфэньхэ и Владивостоке прошли совещания руководителей органов культуры городов и уездов провинции Хэйлунцзян и территорий Приморского края, завершившиеся подписанием соглашения о сотрудничестве²²³. Однако финансовый кризис в России «поставил крест» на многих из планов деятелей культуры.

Особую активность проявляла в конце 1990-х годов администрация Амурской области. На рубеже веков в области прошли два российско-китайских фестиваля искусств «Амур — река дружбы». В программу второго фестиваля в 2000 г. были включены обмен самодеятельными коллективами (по 80 человек с каждой стороны) и проведение выставок детского художественного творчества в Москве и КНР. Китайские и российские художественные коллективы давали совместные концерты в Благовещенске и прибрежных районах Амурской области²²⁴.

Контакты в области науки, образования, здравоохранения осуществлялись преимущественно на основе двусторонних соглашений между заинтересованными организациями. Поскольку процесс полностью находился в руках руководства этих организаций, он фактически никем и никак не регулировался и не контролировался и, тем более, не изучался и не обобщался, то и сведения о его существовании и результатах выглядят сегодня достаточно общими и отрывочными. Наиболее интенсивно развивалось сотрудничество в сфере изучения китайского и русского языков. На рубеже 1980–1990-х годов, в пору максимально быстрого развития экономических связей, обнаружилась острая нехватка переводчиков как в России, так и в Китае. В начале 1990-х годов наблюдался бум в изучении

²²¹ Красное знамя. 20 июня; 23 июля; 15 августа 1991 г.

²²² Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск, 1999. С. 191.

²²³ Хрипченко В.В. Культурное сотрудничество — надежный путь к взаимопониманию // Российское Приморье и Китайская Народная Республика на рубеже третьего тысячелетия: современное состояние и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 1999. С. 31.

²²⁴ Амурская правда. 19 сентября; 28 октября 2000 г.

русского и китайского языков в приграничных районах двух стран. Интерес во многом определялся не гуманитарными потребностями, а рыночной конъюнктурой — спросом на переводчиков.

В обмене между вузами двух стран в 1990-е годы очевидны две закономерности: во-первых, с российской стороны сотрудничество развивалось преимущественно с университетами и исследовательскими центрами Северо-Восточного Китая, по своему академическому потенциалу в основном уступавшими российским партнерам. Среди американских, японских, южнокорейских партнеров дальневосточных университетов значились многие столичные и куда более известные в мире учебные заведения. Во-вторых, китайское направление для большинства из них не было приоритетным. Оно было обременительным в плане организации и малоприбыльным в материальном отношении, что для российских вузов, поставленных перед необходимостью поиска средств для выживания, являлось весьма существенным фактором.

Научные учреждения Дальнего Востока, сотрудничая с китайскими коллегами в сфере совместных научных исследований и разработок, ориентировались преимущественно на академии наук и исследовательские центры северо-восточных провинций. Пик активности научных связей Дальневосточного отделения Российской академии наук (ДВО РАН) с китайскими коллегами пришелся на 1989—1993 гг. В этот период руководство отделения подписало более десятка комплексных соглашений и протоколов о научном сотрудничестве с научными учреждениями, управленческими структурами и «научно-техническими компаниями» Северо-Восточного Китая. Соглашения преимущественно имели рамочный характер и обозначали стремление сторон к научному обмену в области биологии, химии и химической технологии, геологии и геофизики, экологии, математики, истории и этнографии, создание автоматических систем управления. Основой их стала взаимная заинтересованность сторон: российской — в промышленной реализации своих научных разработок и продвижении их на китайский рынок, китайской — доступе к российским научным достижениям, использовании интеллектуального потенциала дальневосточных ученых. Самым далеко идущим решением стала договоренность о создании совместной комиссии по координации научной деятельности ДВО РАН и Академии наук провинции Хэйлунцзян от 5 декабря 1992 г.

Тем не менее основной формой сотрудничества стали двусторонние связи институтов ДВО РАН с родственными исследовательскими центрами КНР. Среди подписанных соглашений были как общие, декларировавшие формальные принципы научного сотрудничества между институтами (обмен учеными, литературой, информацией, проведение совместных конференций и др.), так и конкретные, предусматривавшие совместные разработки, морские, геологические и экологические экспедиции.

Серьезным тормозом к реальному научному сотрудничеству в начале 90-х годов была сильная коммерциализация китайской науки, когда члены китайских делегаций раз за разом атаковали своих российских коллег предложениями разнообразных предпринимательских проектов: развитие бартерной торговли, открытие магазинов, ресторанов и гостиниц на базе институтов ДВО. Похоже, что именно это обстоятельство, а также ухудшение финансового положения научных учреждений Северо-Восточного Китая, связанное с резким упадком приграничной торговли, повлекли за собой существенное снижение масштабов сотрудничества в 1994—1995 гг.

Выправление финансового положения научных учреждений приграничных провинций Китая, а также установка правительства КНР на большее внимание к дальневосточным территориям России повлекли за собой некоторый подъем активности в научном сотрудничестве в конце 1990-х годов. Одним из реальных продуктов этого сотрудничества стала российско-китайско-американская программа землепользования и развития бассейна реки Уссури, в которой были задействованы Тихоокеанский институт географии и Институт водных и экологических проблем. Однако серьезных результатов взаимодействие по научной линии так и не принесло.

Миграционные процессы вдоль линии границы

Миграционные процессы и связанные с ними отношения вдоль российско-китайской границы являются исключительно массовыми по количеству их участников. В них вовлечены миллионы людей, от губернаторов и мэров городов до маленьких детей, пересекающих границу на руках своих родителей. Благодаря этому формату (в значительной степени неформальному) двусторонних связей, российско-китайские отношения вышли далеко за пределы политики и экономики, переросли из межгосударственных в межцивилизационные.

По официальным китайским данным, в 2005–2007 гг. в Китае ежегодно бывали от 2 до 3 млн россиян (в 2005 г. — 2,3 млн, в 2007 г. — 3 млн)²²⁵. Россию посещали в эти годы от 700 до 750 тыс. китайцев. Две трети из них перемещались в пределах тысячекилометровой зоны вдоль линии границы: юг Дальнего Востока и Забайкалья с российской стороны, провинции Хэйлунцзян и Цзилинь и автономный район Внутренняя Монголия с китайской. Большинство россиян не покидали пределы провинций Северо-Восточного Китая, подавляющая часть граждан КНР — территорию Приморского края, Амурской и Читинской областей.

По данным миграционной службы, в Приморском крае побывали в 2005 г. 241 тыс., а в 2006 г. — 218,2 тыс. граждан КНР, из них 77 тыс. в качестве туристов²²⁶. Статистические ежегодники провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и автономного района Внутренняя Монголия зафиксировали на их территориях в этом же году в общей сложности 1 млн 602 тыс. туристов из России (что на 200 тыс. больше, чем, по данным Пекина, вообще приезжало в КНР туристов из России)²²⁷. При всех разночтениях в оценках статуса путешествующих через границу россиян и китайцев, речь действительно идет о миллионах человек.

Сегодня жителю Владивостока или Читы выбраться на выходные в Китай так же просто, как москвичу на дачу. Не говоря уже о жителях Благовещенска, который отделяют от Китая лишь 800 м водной глади реки Амур. Дорога в соседний Хэйхэ, даже с учетом прохождения всех процедур на границе, занимает час-полтора.

²²⁵ 《中国贸易外经统计年鉴》(Ежегодник торговли и внешнеэкономических связей).中国统计出版社, 2006年, 第758-761页; 2008年, 第747-751页.

²²⁶ Аналитический отчет о миграционной ситуации в Приморском крае за январь-декабрь 2006 г. С. 3.

²²⁷ 《辽宁统计年鉴2007年》(Статистический ежегодник провинции Ляонин, 2007), 北京, 中国统计出版社, 2007年, 第421页; 《吉林统计年鉴2008》(Статистический ежегодник провинции Цзилинь, 2008), 北京, 中国统计出版社, 2008年, 第367页; 《黑龙江统计年鉴2007年》(Статистический ежегодник провинции Цзилинь, 2007), 北京, 中国统计出版社, 2007年, 第449页.

В 2005 г. через Благовещенский пограничный переход выехали в КНР 362,5 тыс. российских граждан, и 213 тыс. из них — в качестве туристов²²⁸. В 2007 г., по сведениям руководства пункта пропуска Хэйхэ, в Хэйхэ въехали более 500 тыс. иностранцев (преимущественно россиян), а в Россию проследовали свыше 110 тыс. граждан КНР²²⁹. И это при численности населения Амурской области 880 тыс. человек (на 01.01.2006 г.). Около 700 тыс. человек пересекли в том же году российско-китайскую границу в зоне ответственности КПП Суйфэньхэ²³⁰. Жители Приамурья, Приморья и Забайкалья ездят в Китай за одеждой и бытовой техникой, сделать массаж и покататься на лыжах, встретить Новый год и просто развлекаться.

Сегодня Китай для дальневосточников намного ближе, чем Москва и Санкт-Петербург. Опрос, проведенный в 2006 г. среди молодежи Приморского края, показал, что 60% молодых людей хотя бы раз побывали в Китае. Только один из ста опрошенных молодых людей признался, что ему ни разу не приходилось общаться с китайцами. Международный туризм играет в российско-китайских региональных связях совсем не ту роль, которую он выполняет для большей части остального человечества. Здесь он стал организационной формой экономических связей, внося тем самым существенную (хотя и неоднозначную) лепту в расширение приграничного взаимодействия в 90-е годы. Он стал легальным способом свободного перемещения через границу людей и товаров, одним из источников интенсивного социально-экономического развития приграничных территорий Китая и формой прибыльного бизнеса на российском приграничье, каналом пополнения числа нелегальных мигрантов на территории России.

В 90-е годы правительство Хэйлунцзяна активно поддерживало развитие туризма в приграничных и крупных городах провинции. В 1996 г. комитет КПК и правительство провинции приняли решения, в соответствии с которыми туризм должен был стать новым фактором ее экономического роста. Особо поощрялись средние и крупные фирмы, занимавшиеся организацией туризма в Россию (в том числе в ее европейскую часть и Сибирь). В результате до 80% всего международного туризма провинции было связано с российским направлением. Количество российских туристов, ежегодно посещавших Хэйлунцзян, увеличилось с 1990 по 1999 г. в 21 раз, с 13,1 до 280 тыс. человек.

Начало нового века ознаменовалось ростом туризма в Китай с российской стороны. Главной причиной тому стал возросший спрос на дешевые китайские товары. Немалую часть «туристов» составляли так называемые «помогайки» — лица, перевозившие через таможенную партию товара по заказам российских и китайских предпринимателей под видом личного багажа. По некоторым оценкам, 30% выехавших в 2006 г. в Китай из Приморья туристов — это «помогайки»²³¹. Другую часть туристов составляли те россияне, кто предпочитал пополнять свой гардероб без посредничества рыночных торговцев, отправляясь для этого в двух-трехдневную поездку в Суйфэньхэ, Хэйхэ, Фуюань или Дуннин. С учетом того, что стоимость китайских товаров на рынках Владивостока была выше стоимости

²²⁸ Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Амурстат, 2006, с. 51.

²²⁹ Всего на этом пункте пропуска зафиксированы 224 755 пересечений границы гражданами КНР и 1044469 — иностранцами (<http://heilongjiang.mofcom.gov.cn/aarticle/sjdixiansw/200801/20080105327603.html>).

²³⁰ На КПП зарегистрированы 1,39 млн. пересечений границы (<http://unn.people.com.cn/GB/14776/21672/6774460.html>).

²³¹ Зверев Г. Турпоход за здравым смыслом // Золотой Рог. 2007. № 49.

тех же товаров в Суйфэньхэ как минимум в 3 раза, покупка вещей на сумму свыше 100 долл. полностью оправдывала поездку.

Параллельно с этим росли и масштабы познавательного туризма с обеих сторон. Жители Сибири и Дальнего Востока стали посещать не только достопримечательности Харбина²³², Даляня, Пекина, но и отдыхать на озере Цзинбоху в Хэйлунцзяне, курортах Бэйдахэ Бохайского залива и на пляжах тропического острова Хайнань.

С 1997 по 2008 г. количество российских туристов в КНР выросло в 2,6 раза, с 814 тыс. человек до 2,1 млн, что вывело Россию на 1-е место по числу иностранных туристов в Китае²³³. Значительную часть из этого числа туристов (около 90%) составляли жители Дальнего Востока и Забайкалья²³⁴. Борьба против «челночного» и «помогающего» бизнеса, развернутая с начала 2009 г. российской таможней, вкупе с экономическим кризисом обнажили истинное «лицо» российского туризма в Китае: количество туристических поездок из России в КНР сократилось в этом году в 2 раза — до 1 млн. Из Приморского края выезжали в Китай в 3,2 раза меньше туристов, чем в 2008 г., — всего 352 тыс. человек.

До начала нового века слабым был туристический обмен между другими провинциями Китая и российским приграничьем. В Ляонин россияне ездили преимущественно с познавательными целями, а поэтому в этой провинции на долю российских граждан приходилось не более 5% от числа всех иностранных туристов. В провинции Цилинь приграничный город Хуньчунь стал превращаться в центр туристической деятельности только с 2000 г., после обустройства автомобильного перехода Махалино—Хуньчунь. Если в 1999 г. через него в Россию проследовали около 8 тыс. китайских граждан, то в следующем — уже 16,1 тыс., а количество россиян, посетивших Хуньчунь, увеличилось за год с 566 человек до 23,9 тыс.²³⁵

Повышение уровня благосостояния жителей КНР, а также изменение соотношения рубля и юаня в пользу последнего после российского кризиса 1998 г. разбудило интерес китайцев к зарубежному туризму. Для жителей Северо-Востока Китая главными туристическими объектами в России стали Приморский край и Амурская область. В 2000 г. число китайских туристов в Приморском крае увеличилось почти в 2 раза по сравнению с предыдущим годом, с 77,6 до 151,6 тыс. человек, в Амурской области — на 15% (с 64 до 73,7 тыс. человек), что положило начало плавному росту их числа в последующие годы. Однако с 2005 г. поток туристов из КНР стал заметно сокращаться и в 2008 г. снизился более чем в 3 раза по сравнению с 2004 г.²³⁶

²³² Стоимость недельной поездки из Приморья в Харбин колебалась в пределах от 200 до 300 долл. в зависимости от выбора гостиницы, вида транспорта и набора развлечений.

²³³ 2008年 1—12入境旅游外国人人数 (按目的分) (Количество въехавших иностранных граждан с января по декабрь 2008, по целям поездки) (<http://www.cnta.gov.cn/html/2009-2/2009-2-18-9-36-18403.html>).

²³⁴ В течение 2008 г. 1139 тыс. российских туристов выехали в КНР через погранпереходы Приморского края, почти 410 тыс. — Читинской области, 219 тыс. — Хабаровского края, 89 тыс. — Амурской области и 36 тыс. — Еврейской автономной области. Туристы из других районов Дальнего Востока попадали в Китай преимущественно через Приморский край.

²³⁵ «吉林年鉴 2001» (Ежегодник провинции Цилинь, 2001). 长春, [吉林年鉴]编辑部, 2001年, 第347页.

²³⁶ В Приморском крае со 178 тыс. в 2004 г. до 50 тыс. в 2008 г., в Хабаровском крае с 13 тыс. до 1,3 тыс. В Амурской области снижение числа китайских туристов началось еще ранее, с 2001 г., в результате туристический поток сократился с 74,6 тыс. человек в 2000 г. до 9,4 тыс. в 2008 г., что является самым низким показателем с 1991 г. (Амурская область в цифрах. Официальное издание. Благовещенск, 2007. Ч. 1. С. 139; Хабаровский край в 2006 году. Статистический сборник. Хабаровск, 2007. С. 118; Сотрудничество ЕАО и КНР <http://www.eao.ru/?p=87>).

Это падение было обусловлено, с одной стороны, переходом китайской стороны от челночной к оптовой торговле (что произошло уже в 2002–2003 гг.), жесткой борьбой российских властей с нелегальной трудовой деятельностью китайских туристов (посредством сокращения срока пребывания безвизовых туристов в России до 15 суток и наказания туристических фирм, замешанных в махинациях с «липовыми» туристами), с другой — рекомендациями руководства КПК и КНР, высказанными китайским туристам весной 2005 г., воздерживаться от посещения «злачных мест», прежде всего казино, за рубежом.

Ограниченные туристические ресурсы и низкий уровень сервиса (при его крайне высокой стоимости) на Дальнем Востоке России²³⁷ способствовали в этих условиях резкому снижению числа граждан КНР, желающих побывать в приграничных городах России. Помимо этого изменилась и методика учета туристов. С ноября 2002 г. туристические компании, а соответственно, и органы статистики, перестали учитывать в качестве туристов граждан России, выезжающих в Китай «по упрощенной схеме» (на один день без ночевки), как и приезжающих в Россию на один день китайцев. В то же время миграционная служба рассматривала всех пересекающих границу по линии безвизового обмена россиян и китайцев как туристов. Отсюда — существенные расхождения в данных различных ведомств, вводящие в заблуждение исследователей. Наиболее заметно это проявляется в статистике Амурской области. По официальным данным, в 2005 г. в Амурской области побывали 28,6 тыс. туристов из КНР, в то же время только через Благовещенский переход их проследовало 55 тыс. человек. Из Амурской обл. выезжали в КНР 71 тыс. туристов, а только на Благовещенском погранпереходе их зафиксировано в 3 раза больше — 213 тыс. человек²³⁸. В Приморский край въехали в 2006 г. 77,3 тыс. китайских туристов, но зарегистрировались в нем только 54,5 тыс. человек²³⁹. Тем не менее на Приморье и Амурскую область пришлось более половины (56%) общего числа китайских туристов, побывавших в России в 2006 г. (88,6 тыс. из 157,4 тыс. человек).

Экономический кризис 2009 г. сопровождался дальнейшим падением числа китайских туристов на Дальнем Востоке. В Приморский край приехали в этом году только 38 тыс. туристов из КНР. Однако с 2010 г. ситуация стала восстанавливаться.

В принципе, обмен в сфере науки, образования, культуры способствовал формированию слоев населения, более адаптированных к соседней культуре и ориентированных на международное сотрудничество. Однако эти слои по-прежнему остаются очень узкими, и на них, как и ранее, сильно воздействует поток негативной информации, извергаемый псевдопатриотической, националистической и просто «желтой» прессой. Как и в какой степени они влияют на процесс регионального взаимодействия, определить пока невозможно. И в будущем гуманитарному взаимодействию с окружающим миром будет отводиться, видимо, далеко не ведущая роль.

²³⁷ Достаточно сказать, что на всю Амурскую область есть только одна гостиница, имеющая категорию «три звезды».

²³⁸ Амурская область — в цифрах. Официальное издание. Благовещенск, 2007. Ч. 1. С. 139; Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск, 2006. С. 50–51.

²³⁹ Аналитический отчет УФМС по Приморскому краю за 2006 г. С. 3–4.

Основная литература

- Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003.
- Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.
- Анисимов А.Л.* Дальневосточные границы Российской империи в середине XIX века: Проблемы формирования и обеспечения безопасности: Учебное пособие. Хабаровск, 2005.
- Бармин В.А.* СССР и Синьцзян 1918–1941. Барнаул, 1999.
- Бармин В.А.* Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул, 1999.
- Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919). М., 1999.
- Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983.
- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004.
- Дацышен В.Г., Ондар Г.А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2003.
- Дацышен В.Г.* История русско-китайских отношений 1618–1917 гг.: Учебное пособие. Красноярск, 2004.
- Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М., 1998.
- Залеская О.В.* Приграничные отношения между Россией и Китаем на Дальнем Востоке в 1917–1924 гг.: исторический опыт: учебное пособие. Благовещенск, 2004.
- Кузьмин Ю.В.* Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений. Иркутск, 2000.
- Ларин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003;
- Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XIX в.) М., 2005.
- Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Русско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006.
- Лузянин С.Г.* Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1949 гг. М., 2000.
- Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVI–XXI вв. М., 2007.
- Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.
- Моисеев В.А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.
- Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.
- Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996.
- Ощепков В.П.* Россия и Китай в зеркале региональной политики. М., 1998.
- Петров В.И.* Мятежное «сердце Азии». Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.
- Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края. Омск, 1999.
- Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003.
- Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX — нач. XX в.). Благовещенск, 2003.

Хронология основных событий

- 1725** в Иркутске создана школа китайского и монгольского языков.
- 1773** Екатерина II утвердила доклад Правительствующего Сената «Об определении в Иркутской губернской канцелярии для китайского и монгольского языков одного переводчика...».
- 1789** создана Азиатская школа в Омске для детей казачьего сословия, татар и казахов с преподаванием тюркского, маньчжурского и монгольского языков.
- 1868** «Манзовская война» — столкновение русских регулярных войск с выходцами из Китая, занимавшимися незаконной добычей золота, пушнины и женшена на российской территории.
- 1884** Государственный Совет утвердил «Положение об Ургинской и Кульджинской школах для приготовления переводчиков и толмачей».
- 1886** «Желтугинский вопрос» — маньчжурские войска уничтожили «золото-промышленную республику» на китайском берегу Амура.
- 1909** введение Китаем «Временных правил о судоходстве на Сунгари».
- 1917**
- апрель в Петрограде создан Союз китайских граждан в России (в 1918 г. преобразован в Союз китайских рабочих)
- 1919** Сибирская миссия Наркоминдела в Омске утвердила «Союз китайских рабочих в Сибири», открывший свои отделения во всех городах региона.
- 1920** «Протокол заседания представителей Советской республики с представителями Синьцзянской провинции Китая в гор. Кульджа».
- 1920** создание Сибревкомом «Комиссии по переговорам с китайскими представителями Алтайского округа Синьцзяна о выдаче бандитов, перешедших границу».
- 1921** в Благовещенске создан «Амурский областной союз китайских рабочих по защите труда».
- 1921** Договор командования Туркестанского фронта с властями Синьцзяна о вводе Красной Армии на китайскую территорию для совместной ликвидации белых армий.
- 1922** в Чите начала издаваться на китайском языке газета «Пробуждение китайских рабочих» (с 1923 г. она стала печататься во Владивостоке под названием «Рабочий путь»).
- 1922** в Харбине открыта контора Сибирского и Дальневосточного областного управления Наркомвнешторга РСФСР (Сибдальвнешторг).
- 1923** открытие в Харбине советского акционерного общества «Дальневосточный банк» (Дальбанк).
- 1924** «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой».

1929

май вооруженное столкновение между китайскими и советскими пограничниками в районе озера Зайсан, вызванное китайскими территориальными претензиями на местность в районе поселка Май-Копчегай.

октябрь-ноябрь конфликт на КВЖД.

1946

переговоры между внешнеторговыми организациями СССР и народно-демократическим Административным комитетом Северо-Восточного Китая.

1949

лидер коммунистов Северо-Восточного Китая Гао Ган предложил объявить Маньчжурию республикой в составе СССР.

1950

на станции Пограничная китайским властям переданы бывший император Маньчжоу-го Пу И и его окружение.

1952

Заключительный протокол о безвозмездной передаче Советским Союзом правительству КНР всех прав на КЧЖД.

1955

постановление Совета Министров СССР «О наборе в Китайской Народной Республике рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР».

1986

январь подписан советско-китайский протокол о возобновлении доставки грузов по пограничным рекам.

сентябрь

Консульский договор, в соответствии с которым были открыты консульства СССР в Шэньяне и КНР — в Хабаровске.

1987

соглашение о разделе ресурсов Амура, Уссури и Аргуни.

1988

Соглашение между Правительством СССР и Правительством КНР об установлении и развитии торгово-экономических связей между союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинциями, автономными районами, городами КНР.

1990

Соглашение об установлении региональных дружественных связей между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР).

1991

Соглашение о развитии и укреплении торгово-экономических, хозяйственных и культурных отношений между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян.

1993

открыто представительство по трудовым делам и внешнеэкономическим связям провинции Хэйлунцзян во Владивостоке.

1997

соглашение о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР.

1998

январь создан российско-китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству.

1999

соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Приморским краем и провинцией Цзилинь.

1999

первое межрегиональное российско-китайское соглашение о сотрудничестве в разрешении споров в области приграничной торговли.

2000

посещение Владивостока Председателем ПК ВСНП Ли Пэном.

Россия и Китай: четыре века взаимодействия

- 2001** поездка полпреда президента России в Дальневосточном федеральном округе К.Б. Пуликовского в Хэйлунцзян.
- 2002**
июнь встреча вице-премьера Госсовета КНР У Банго с губернатором Хабаровского края В.И. Ишаевым в Пекине.
июль посещение Владивостока вице-премьером Госсовета КНР Ли Ланьцином.
- 2004** Председатель Совета Федерации С.М. Миронов и Председатель ПК ВСНП У Банго присутствовали на международной конференции «Приграничное и межрегиональное сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» в Москве.
- 2005** издание администрацией г. Маньчжоули «Некоторых положений об условиях постоянного проживания и трудовой деятельности в Маньчжоули жителей приграничных территорий России и Монголии».
мэрия соседнего с Благовещенском города Хэйхэ начинает разрабатывать и пропагандировать концепцию «два государства — один город» (两国一城).
- 2009** подписано базовое Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян.
- 2010** посещение Пекина полномочным представителем Президента РФ в ДФО В.И. Ишаевым и его встреча с Председателем ПК ВСНП У Банго.

ГЛАВА 6

Без политики. Отношения России с Тайванем, Гонконгом и Макао

А.В. Иванов

Тайвань, Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь)¹ являются неотъемлемой частью Китая. Такова позиция большинства стран мира, в том числе и России. Однако, так как эти территории в течение длительного времени находились под иностранным контролем, а Тайвань и сегодня управляется властями, считающими себя наследниками Китайской Республики, их отношения с Россией рассматриваются в отдельной главе.

Россия и Тайвань

Первое упоминание Тайваня в российских документах встречается в выписке о границах китайского государства, составленной в Посольском приказе на основании западных источников и предназначенной для ориентации миссии Н.Г. Спафария, направленной в Пекин в 1675 г., как о небольшом по территории, но богатом острове Формоза, которым незадолго до этого завладели голландцы². И хотя эта миссия положила начало достаточно активным дипломатическим и торгово-экономическим контактам с Китаем, Тайвань долгое время оставался вне зоны российского внимания. Правда, в 1863 г. на острове побывал русский корвет «Рында», а в 1874 г. Россия заявляла протесты Японии в связи с планами последней по аннексии острова после высадки на Тайване японского десанта³ в ответ на убийство тайваньскими аборигенами 54 рыбаков с Окинавы, выброшенных на берег Тайваня штормом⁴.

¹ Название «Гонконг» происходит от английской транскрипции звучания китайского названия «Душистая гавань» на гуандунском диалекте — разговорном языке данной местности. «Сянган» — то же слово на «путунхуа» — стандартном китайском языке. Считается, что португальское слово «Макао» происходит от названия монастыря, существовавшего на месте будущей португальской колонии в XVI веке. По-китайски район называется «залив-ворота» и на путунхуа звучит как «Аомэнь». Последнее время Китай в рамках программы распространения путунхуа пытается внедрить названия «Сянган» и «Аомэнь», однако в данной книге используются традиционные названия, все еще более распространенные и понятные в России, да и во всем мире.

² Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. С. 408.

³ Там же.

⁴ «新しい歴史教科書» (Новый учебник истории), 東京, 扶桑社, 2001, 109ページ.

Николай Гаврилович СПАФАРИЙ
(Николае Милеску-Спэтару,
рум. Nicolae Miclesu Spătaru, 1636—1708) —
русский дипломат и ученый.

Родился в 1636 г. в селе Милешть в Молдавском княжестве. Учился в Константинополе и в Падуе. В 1653—1671 гг. находился на государственной службе у молдавских и валахских господарей, выполнял дипломатические поручения в Константинополе, Стокгольме, Париже. Был сторонником политического сближения Молдавии с Россией.



В 1671 г. был направлен иерусалимским патриархом Досифеем в Москву и остался там. Служил переводчиком Посольского приказа. Написал ряд трудов исторического и богословского характера, а также текст «Царского титулярника». Автор первой российской арифметики «Арифмологион». В 1675—1678 гг. возглавлял русское посольство в Китай. Собрал много ценных сведений о Сибири и Китае. О своем путешествии в Китай представил в Посольский приказ три описания на русском языке — «Путешествие через Сибирь до границ Китая», «Путевые заметки», «Описание Китая», в которых содержалось систематическое изложение сведений об этой стране, которые он брал частично из личных наблюдений, частично из книг других авторов и рассказов собеседников. По возвращении в Москву участвовал в переговорах России с Молдавией и Валахией, в 1674 г. выступал посредником в переговорах Молдавии с русским правительством об освобождении княжества от турецкой зависимости. В 1695 г. участвовал в Азовском походе Петра I, затем — в подготовке посольства Ф.А. Головина в Китай. Умер в 1708 г. в Москве.

Намерение японцев прибрать Тайвань к рукам, видимо, возбудило интерес России к этой территории: в том же 1874 г. остров посетила канонерка «Горно-стай», чей командир, капитан-лейтенант В.А. Терентьев, составил подробный отчет о ситуации на острове, в котором не только описал повседневную жизнь островитян в этой бедной китайской провинции, но и отметил бросающуюся в глаза неготовность китайской армии противостоять японским войскам. В конце 1874 — начале 1875 г. на Тайване провел два месяца офицер ремонтировавшейся в Гонконге канонерки «Аскольд», уроженец Эстонии П. Ибис, который составил интересное этнографическое описание острова, опубликованное в Санкт-Петербурге и в Вене и не потерявшее значения и в настоящее время⁵. Однако, несмотря на эти явные признаки роста интереса России к Тайваню, в Санкт-Петербурге, как, видимо, и в других столицах великих держав, этой юго-восточной провинции Китая придавали гораздо меньшее значение, чем северу и северо-востоку страны.

⁵ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. С. 409.

**Пауль (Павел Иванович) ИБИС (1852–1877) —
русский моряк, первый русский исследователь Тайваня**

Родился 16 июня 1852 г. в крестьянской семье в Безенберге (Раквере) Эстляндской губернии. В возрасте 16 лет закончил штурманское училище и начал службу на российском военно-морском флоте. Служил на корвете «Воевода» и фрегате «Адмирал Лазарев». В 1872 г. произведен в кондукторы, переведен на канонерскую лодку «Аскольд» в связи с подготовкой корабля к плаванию на Дальний Восток, в 1873 г. произведен в прапорщики. Когда в начале 1875 г. «Аскольд» пришвартовался в Гонконге, П. Ибис, заинтересовавшийся Тайванем в связи со стремлением Японии его присоединить, с разрешения начальства отправился на остров на парусном судне и путешествовал по нему с конца января до начала марта, изучая жизнь тайваньских аборигенов. Собранные сведения он использовал в статьях о путешествии на Тайвань, опубликованных в 1 и 2 номерах за 1876 г. петербургского журнала «Морской сборник». В 1877 г. эта статья была переведена на немецкий язык и напечатана в немецком географическом журнале «Глобус». В июне 1876 г. тяжело заболел. Лечился в госпитале во Владивостоке, затем, после прибытия «Аскольда» в Кронштадт, отправлен на лечение в Австрию. Умер в апреле 1877 г. в Пизе.

В 1895 г. Россия, Франция и Германия потребовали от победившей в войне с Китаем Японии отказаться от аннексии Ляодунского полуострова. Китайский посол в России Сюй Цзинчэн довел до сведения министра иностранных дел России А.Б. Лобанова-Ростовского, что и жители Формозы тоже желали бы быть принятыми под покровительство великих держав, которые могли бы воспрепятствовать оккупации острова Японией. Однако во избежание дальнейшей конфронтации с Японией Россия, Франция и Германия фактически смирились с японской оккупацией Тайваня, удовлетворившись обязательством Токио обеспечить свободу судоходства в Тайваньском проливе⁶.

Оценки японской оккупации Тайваня разнятся. Так, согласно американскому исследователю Дж. Копперу, «японская колониальная политика может быть описана как благотворная и прогрессивная», а утверждения об экспансионистском и милитаристском характере устремления Токио на Тайване трудно доказуемы⁷. Согласно этому автору, проживавшие на Тайване в период между двумя мировыми войнами 3,5 млн этнических китайцев были настолько довольны своей жизнью, что практически не протестовали против широкомасштабной агрессии Японии в Китае. Более того, тайваньские китайцы воевали в Китае на стороне японской императорской армии и даже участвовали в Нанкинской резне 1937 г.⁸ Высказываются также мнения, что Япония играла на острове цивилизаторскую миссию, способствовала развитию сельского хозяйства и промышленности и повышению жизни местного населения. Уровень калорийности питания приблизился к японскому и превысил китайский, а распространение норм гигиены и внедрение современной медицины способствовали снижению смертности, в том числе от эпидемий, с 33 на 1000 человек в 1906 г. до 19 в 1940 г.⁹

⁶ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. С. 409.

⁷ Copper John F. Taiwan: Nation State or Province? Boulder, Colorado: Westview Press, 2003. P. 37.

⁸ Ibid. P. 43.

⁹ Myers Rahmon H., Peattie Mark R. The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Princeton: The Princeton University Press, 1984. P. 352.

**СЮЙ Цзинчэн 许景澄 (1845—1900) —
политический деятель и дипломат Цинской империи**

Родился в 1845 г. в г. Цзясин провинции Чжэцзян. Получил классическое образование. В 1868 году, сдав экзамены, получил ученую степень «цзиньши». В 1875 г. направлен принимать экзамены в провинцию Сычуань, затем в район современного



Пекина. Затем более 10 лет занимался дипломатической деятельностью. В 1884 г. направлен посланником в ранге министра (大臣) с миссией в пять стран Европы (Франция, Германия, Италия, Голландия и Австро-Венгрия). В 1885 г. — посланник в Бельгии. В Германии изучал военное кораблестроение и предложил цинскому правительству программу строительства флота. В 1887 г. вернулся в Китай, но через три года был вновь направлен с миссией, на этот раз в Россию, Германию, Австро-Венгрию и Голландию. Вел переговоры в связи с китайско-французской (1884—1885) и китайско-японской войнами (1894—1895). С 1892 г. — представитель на переговорах с Россией в связи с конфликтом на Памире, подписал документ, предусматривавший сохранение статус-кво на границе. В 1896 г.

подписал в Санкт-Петербурге с правлением Русско-Китайского банка соглашение со сроком действия 80 лет о предоставлении банку права на постройку железной дороги (КВЖД) через территорию Маньчжурии. В 1897 г. назначен руководителем цзунли ямэня (ведомства, отвечавшего за внешнюю политику) и заместителем руководителя ведомства, занимавшегося государственными работами (гунбу), стал также первым председателем правления КВЖД. Считал, что отставание Китая от Запада можно преодолеть, только выведя страну на путь технического прогресса. Во время восстания «ихэтуаней» выступал против заигрывания императорского двора с повстанцами, критикуя разрушение плодов технического прогресса и опасаясь реакции европейских держав. Вместе с рядом единомышленников из числа крупных чиновников вступил по этому вопросу в конфликт с императрицей Цы Си, в 1900 г. осужден на смерть и казнен (распилен деревянной пилой). Уже через год был полностью реабилитирован и даже объявлен мучеником. В 1923 г. ему как первому председателю правления КВЖД Сюй Цзинчэну в Харбине был сооружен памятник.

Эти мнения контрастируют с оценками, содержащимися в донесениях с Формозы российских представителей. Так, в марте 1897 г. российский консул на Тайване П. Шаберт сообщал в Санкт-Петербург о том, что некоторая часть местных китайцев хотела бы получить защиту России от «японского беззакония». Более поздние доклады, хранящиеся сейчас в российских архивах, рисовали Формозу страдающей под японским оккупационным режимом. Согласно содержащейся в них информации, японцы заняли ключевые посты в банках и промышленности острова, который наводнили дешевые японские продукты. Китайцам и аборигенам для получения более-менее приличной работы нужно было уметь читать, писать и говорить по-японски, при этом за аналогичную работу китайцы получали вполуполу меньше

японцев, а аборигены — вполтину меньше китайцев. Это становилось причиной многочисленных восстаний, которые жестоко подавлялись японскими властями¹⁰.

Упомянутая выше просьба к российскому консулу П. Шаберту была не единственной такого рода. В том же 1897 г. один из руководителей антияпонского восстания на Тайване Линь Личэн, провозглашенный президентом «Тайваньской республики» (Тайван миньчжуго), передал в Пекине российскому послу письмо, в котором описывалась вооруженная борьба тайваньского населения против японцев и содержалась просьба к России «двинуть войска и навсегда принять (Тайвань) в российское подданство»¹¹. Об аналогичных просьбах докладывал капитан российского крейсера «Разбойник» Л.И. Комаров во время его пребывания в Сямэни в марте 1900 г.¹² Однако все они остались без ответа, поскольку, как отмечает А.В. Лукин, «Петербург не был заинтересован в Тайване и полагал, что вмешательство в ситуацию на острове подорвет попытки России защитить свои интересы в Маньчжурии. Эта позиция отражена в докладе российского посла в Пекине Е.К. Бюцова, который в 1874 г. писал, что “интересы наши в Китае могли бы пострадать в очень слабой степени от столкновения между Китаем и Япониею, между тем как если бы последняя была вынуждена удалиться с Формозы, она неминуемо стала искать другое поле деятельности... а это поле будет в нашем соседстве”»¹³.

Евгений Карлович БЮЦОВ (1837–1904) — российский дипломат

Родился в шведской по происхождению семье потомственных русских дипломатов. В 1856 г. в качестве секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве участвовал в переговорах с Китаем, приведших к заключению в 1858 г. Айгунского договора. С 1858 г. перешел на службу в МИД России. С 1862 г. работал в дипломатическом и консульских представительствах в Китае и Японии. В 1862–1865 гг. консул в Тяньцзине, в 1865–1869 гг. — в Хакодате, в 1869–1870 гг. — поверенный в делах в Китае. В 1871 г. стал первым русским консулом в Иокогаме, совместив эту должность с постом поверенного в делах России в Японии. В 1873–1883 гг. — посланник в Цинской империи. Выступал против экспансионистских устремлений в Китае, за возвращение ему Илийского края (Кульджи). 24 февраля 1881 г. подписал от России (вместе с Н.К. Гирсом) русско-китайский Петербургский договор, ликвидировавший длительный конфликт из-за Илийского края. Одновременно было подписано торговое соглашение с Китаем, предоставившее русским купцам целый ряд новых льгот. Находясь в Китае, собирал предметы китайского искусства, которые затем были выкуплены петербургским коллекционером А.А. Половцовым и в настоящее время представлены в составе китайской коллекции Эрмитажа. В 1884–1889 гг. — посланник России в Греции, в 1889–1897 гг. — в Иране. Содействовал проникновению русского капитала в Иран. Благодаря стараниям Е.К. Бюцова правительство Ирана разрешило открыть в этой стране русский Учетно-ссудный банк. В 1897–1904 гг. — посланник при дворе короля Швеции и Норвегии. Скончался в Бадене (Австрия).

¹⁰ *Share M.* Where empires collided. Russian and Soviet Relation with Hong Kong, Taiwan, and Macao. Hong Kong, Chinese University Press, 2007. P. 170–173.

¹¹ *Тодер Ф.А.* Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 240.

¹² Там же. С. 262–263.

¹³ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. С. 410.

Политика «умиротворения» Японии демонстративным отказом от каких-либо посягательств России на Тайвань не помогла избежать войны, поскольку в Токио уже сама российская активность в Сибири и на российском Дальнем Востоке (строительство Транссибирской магистрали), а также в Маньчжурии и на Корейском полуострове рассматривалась как свидетельство агрессивных намерений России в отношении Японии, требовавших по мнению Токио принятия превентивных мер ради защиты независимости страны¹⁴. Но и начало войны с Японией не изменило политику Санкт-Петербурга в отношении Тайваня. Как пишет А.В. Лукин, «даже во время русско-японской войны в Петербурге считали, что попытки использовать тайваньское население против японцев принесут больше вреда, чем пользы. Тогда российский военный агент генерал-майор К.Н. Дессино докладывал о просьбе китайского адмирала отправить российский флот на Тайвань для поддержки антияпонского восстания, но даже в тот момент российское правительство решило не реагировать»¹⁵.

После установления японского колониального господства над Тайванем в 1895 г. в течение долгого времени связи острова с Россией и позднее СССР были минимальными. Он рассматривался как часть японской колониальной империи. К важным событиям в области культурных связей можно отнести работу на Тайване в 1927 г. выдающегося востоковеда Н.А. Невского и посещение острова в 1929 г. всемирно известным биологом Н.И. Вавиловым. Н.А. Невский составил уникальный труд по языку одного из племен тайваньских аборигенов — народа цоу, который до сих пор имеет важное значение и ценится на Тайване, где растет интерес к коренному населению, а других исследований этого языка в то время не проводилось¹⁶. Н.И. Вавилов побывал на острове во время путешествия по странам Восточной Азии с целью изучения мировых географических центров генов культурных растений¹⁷.

Фактически первое после установления японского господства вмешательство в ситуацию на острове произошло в 1938 г. В тот период Советский Союз и контролируемый им Коминтерн оказывали серьезную политическую, моральную, материальную и военную поддержку борьбе китайского народа против японской агрессии. 23 февраля 1938 г., в ознаменование Дня Красной Армии, 12 советских бомбардировщиков, воевавших в рядах китайской армии, совершили налет из города Наньчан в провинции Гуанси на японские военные объекты на Тайване, уничтожив около 40 японских самолетов на летном поле под Тайбэем, трехлетний запас авиационного топлива и потопив или повредив несколько японских кораблей. По случаю успешного выполнения задания, широко освещавшегося в китайской прессе, и возвращения советских пилотов на базу был дан банкет, который посетила супруга Чан Кайши Сун Мэйлин и группа китайских генералов¹⁸. Так как СССР не находился в состоянии войны с Японией, это означало поддержку китайской позиции о принадлежности Тайваня Китаю.

¹⁴ 新しい歴史教科書(Новый учебник истории), 東京, 扶桑社, 2001, 216–223, 238 ページ.

¹⁵ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. С. 410.

¹⁶ Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. М.-Л.: Издательство АН, 1935.

¹⁷ Вавилов Н.И. Пять континентов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962. С. 112–115.

¹⁸ Share M. Where empires collided. P. 178.

**Николай Александрович НЕВСКИЙ (1892–1937) —
русский и советский востоковед,
специалист по восточноазиатским языкам**

Родился 18 февраля (1 марта) 1892 г. в Ярославле. После окончания в 1909 г. Рыбинской гимназии поступил в Санкт-Петербургский технологический институт, но через год перешел на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1914 г. Изучал китайский и японский языки. В 1915 г. Невский направлен на стажировку в Японию на два года, но остался там на гораздо более длительное время из-за революции и гражданской войны в России. Работал преподавателем русского языка в Высшем коммерческом училище в городе Отару на острове Хоккайдо и в Осаком институте иностранных языков, затем читал лекции в Киотоском университете. Во время своей работы в Японии путешествовал по стране, изучал язык и этнографию айнов, коренного населения островов Рюкю. В 1922 г. женился на Еродзуя Исо. Занимался фольклором, этнографией и диалектами островов Мияко (архипелаг Рюкю), которые посетил в 1922, 1926 и 1928 гг. В 1925 г. начал работу по расшифровке тангутских рукописей, найденных в 1909 г. в Хара-Хото П.К. Козловым. В 1927 г. работал на Тайване, позднее опубликовал труд по языку коренной народности цоу. В 1929 г. вернулся в Ленинград, работал в ленинградском Восточном институте, ЛГУ, ЛИФЛИ, Институте востоковедения и в Эрмитаже. 5 января 1935 г. получил степень доктора наук без защиты диссертации. В октябре 1937 г. арестован НКВД и расстрелян. В 1957 г. реабилитирован. В 1962 г. Н.А. Невский посмертно удостоен Ленинской премии за работу «Тангутская филология», изданную в 1960 г.



В этот момент, кстати, послевоенная судьба Тайваня еще не была решена. Лидеры КПК, например, признавали за населением острова право на самоопределение вплоть до обретения полной независимости как от Японии, так и от Китая¹⁹. Но в 1943 г. на Каирской конференции Ф.Д. Рузвельт, У. Черчилль и Чан Кайши договорились о возвращении Тайваня Китайской Республике после разгрома Японии. И.В. Сталин согласился с решением, что было подтверждено на Тегеранской конференции 1943 г. и Потсдамской конференции 1945 г. В сентябре 1945 г. гоминьдановские войска установили контроль над Тайванем, что означало возвращение острова в состав Китайской Республики, главой которой был Чан Кайши. Четыре года спустя Гоминьдан потерпел поражение в гражданской войне. Чан Кайши вместе со своей партией и верными ему войсками эвакуировался на Тайвань, а хозяевами материковой части Китая стали коммунисты. 1 октября 1949 г. они провозгласили образование Китайской Народной Республики, объявив ее правительство единственно законным правительством Китая.

¹⁹ Hsiao Frank S. T., Sullivan Lawrence R. The Chinese Communist Party and the Status of Taiwan, 1928–1943. Pacific Affairs 52. No 3 (Autumn 1979). P. 446–454.

Правительство СССР сразу же признало КНР. Установив с нею дипломатические отношения, советское руководство признало и то, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая. 3 октября 1949 г. гоминьдановское правительство Тайваня разорвало отношения с СССР.

А уже в декабре 1949 г. на встрече в Москве Мао Цзэдун спросил И.В. Сталина, сможет ли тот оказать Китаю помощь в возвращении Тайваня под контроль Пекина, в том числе в форме предоставления летчиков-добровольцев, подготовки тысячи китайских пилотов и предоставления Китаю 200 истребителей и 80 бомбардировщиков.²⁰ И хотя И.В. Сталин опасался, что нападение КНР на Тайвань может спровоцировать войну между СССР и США, СССР оказал Китаю значительную помощь, которая позволила ему не только укрепить оборону своих прибрежных районов напротив Тайваня, но и 23 апреля 1950 г. отбить у Гоминьдана о. Хайнань. Правда, предпринятые в январе того же года попытки захватить расположенные рядом с Тайванем острова Цзиньмэн и Мацзу оказались неудачными. Кроме того, СССР позволил открыть на своей базе ВМФ в Порт-Артуре отделения Тайваньской лиги за демократическое самоуправление, марионеточной «демократической партии», выступавшей за переход Тайваня под контроль КНР²¹.

Корейская война 1950–1953 гг., разгоревшаяся под боком у КНР, отодвинула для Пекина вопрос о возвращении Тайваня на второй план. Однако советские власти продолжали поднимать этот вопрос, в том числе используя трибуну ООН. Так, в сентябре 1950 г. делегат СССР в ООН Я.А. Малик безуспешно пытался добиться включения вопроса о статусе Тайваня в повестку дня Генассамблеи ООН и приглашения на нее представителей КНР. Он также предложил немедленно вывести все американские войска с Тайваня на том основании, что остров является частью Китая, и спросил, почему Тайвань не был возвращен Китаю в соответствии с Потсдамской декларацией, подписанной лидерами СССР, Великобритании и США²². Однако в этот момент ни о какой сдаче Тайваня Китайской Народной Республике речи уже идти не могло. После начала Корейской войны Вашингтон стал рассматривать Тайбэй как важнейшего военного союзника и включил его, наряду с Республикой Корея, Японией, Филиппинами, Австралией и Новой Зеландией, в систему двусторонних и коллективных договоров в области обороны в АТР²³.

В 1952 г. И.В. Сталин сформулировал отношение Советского Союза к Тайваню как к территории Китая, захваченной американцами²⁴. Однако после Корейской войны Москва все больше стала склоняться к политическому, а не военному решению «Тайваньской проблемы», хотя в СССР продолжали называть тайваньские власти «лжецами», «останками Гоминьдана» и «террористами»²⁵.

Советская пресса и научно-политическая публицистика рисовали ситуацию на Тайване исключительно черными красками: население острова «находится

²⁰ *Heinzjg Dieter*. The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance, Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004. P. 277–279.

²¹ *Jian Chen*. Mao's China and the Cold War. Chapel Hill: North Carolina University Press. P. 30–35, 50, 54, 107.

²² *Share M*. Where empires collided. P. 183.

²³ 王帆(Ван Фань): «美国的亚太联盟» (Азиатско-тихоокеанские союзы США), 北京, 世界知识出版社, 2007年, 第4.

²⁴ *Сталин И.В.* Беседа с корреспондентом «Правды» // Госполитиздат. 1952. С. 9–10.

²⁵ *Tucker Nancy B.* Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: Uncertain Friends. New York: Twayne Publishers, 1994. P. 34.

под двойным гнетом — под гнетом американского империализма и банды Чан Кайши», страдает от террора «американо-гоминьдановского гестапо», его положение «значительно ухудшилось даже по сравнению с тяжелым периодом японской оккупации», остров «превратился в огромный концентрационный лагерь, где каждого могут убить, где царит безудержная инфляция и повышаются цены, где имущество народа становится достоянием американских империалистов или используется шайкой гоминьдановских бандитов в военных целях», гоминьдановский режим «существует исключительно на подачки империалистов США», а «клика Чан Кай-ши» не в состоянии содержать свою огромную армию и административный аппарат, «даже вводя многочисленные налоги и поборы с населения»²⁶.

Окончание Корейской войны позволило Пекину снова переключить свое внимание на Тайвань. В сентябре 1954 г. китайская артиллерия начала обстрелы принадлежащих Тайваню островов Цзиньмэнь и Мацзу, надеясь таким образом удержать Тайвань от подписания с США Договора о взаимной обороне. Однако 2 декабря 1954 г. договор был подписан. Чан Кайши, считая, что захват островов Китаем станет первым шагом к захвату Тайваня, и демонстрируя готовность защищать острова любой ценой, разместил там 100-тысячный воинский контингент. А США подтянули в тот район ракеты Matador, способные нести ядерные боеголовки²⁷. Более успешными для КНР оказались обстрелы островов Чжоушань. Они вынудили тайваньцев оставить острова и прекратить мешать китайскому судоходству в районе Шанхая.

Москва поддержала обе эти акции Пекина. Председатель Президиума Верховного Совета СССР маршал К.Е. Ворошилов назвал заключение американо-тайваньского договора об обороне попыткой США установить контроль над всей территорией Китая, а МИД СССР выступил с заявлением в поддержку требований КНР о выводе с Тайваня всех американских войск. При этом на неофициальном уровне глава МИД СССР В.М. Молотов выразил озабоченность по поводу того, что такие инциденты могут спровоцировать большую войну²⁸.

Президент США Д. Эйзенхауэр и госсекретарь Дж.Ф. Даллес не верили, что Москва играла ведущую роль в ходе кризиса в Тайваньском проливе или жаждала войны²⁹. Да и, по мнению некоторых китайских экспертов, советское руководство, вероятнее всего, рассматривало кризис в Тайваньском проливе как локальный инцидент и стремилось к тому, чтобы уменьшить вызванную им напряженность в отношениях с США³⁰.

Тайвань и сам давал немало поводов для обвинений в nepозволительном поведении, в частности, устраивая нападения на суда советского блока. Наибольшую известность получил инцидент с захватом в июне 1954 г. гоминьдановцами советского танкера «Туапсе», следовавшего из Владивостока в Гуанчжоу, и задержанием его команды из 49 человек. Правда, четверым морякам удалось сбежать, они вернулись в СССР и 18 июня 1954 г. на пресс-конференции в Москве

²⁶ Цит. по: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. С. 414.

²⁷ Christensen Thomas J. Useful Adversaries: Grand Strategy, Domestic Mobilization, and Sino-American Conflict, 1947–1958. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. 198–199.

²⁸ Share M. Where empires collided. P. 185.

²⁹ Soman Appu K. Double-Edged Sword: Nuclear Diplomacy in Unequal Conflict: The United States and China, 1950–1958. Westport, CT: Praeger, 2000. P. 146.

³⁰ Chang Gordon H. To the Nuclear Brink: Eisenhower, Dulles, and the Quemoy-Matsu Crisis // International Security. No 4 (Spring 1988). P. 96–123.

обвинили тайваньские власти в жестоком обращении с захваченными членами экипажа танкера. Характерно, что и в этом случае, как и в других аналогичных, советское правительство заявило протесты в ООН и США, а не напрямую администрации острова. В апреле 1955 г. был взорван самолет компании Air India, на котором через Гонконг в Бандунг летела на конференцию неприсоединившихся стран высокопоставленная китайская делегация. Погибли все члены экипажа и пассажиры, среди которых только по чистой случайности не оказалось премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. В прессе писали, что взрыв могли устроить агенты тайваньских спецслужб³¹.

Москва внимательно следила за развитием ситуации в Тайваньском проливе. В январе 1958 г. заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В. Андропов подготовил доклад о Тайване, в котором говорилось, что США, желая ужесточения позиции Гоминьдана в отношении КНР, тайно поддерживают гоминьдановского лидера Чэнь Чэна. В докладе предсказывалось обострение борьбы за власть в Гоминьдане между Чэнь Чэном и сыном Чан Кайши Цзян Цзинго после смерти генералиссимуса, а также утверждалось, что непомерные военные расходы создают серьезные экономические проблемы на острове, выживание которого невозможно без обильных финансовых вливаний из США³². Двумя неделями позже Москва получила подробный доклад своего посольства в Пекине, в котором также говорилось, что контроль над Тайванем выскальзывает из рук Чан Кайши, и, чтобы поддержать режим, США вынуждены направлять на остров дополнительные войска, корабли и ракеты. При этом, однако, отмечалось, что Вашингтон пытается удержать Чан Кайши от опрометчивых шагов, т.е. от попыток предпринять агрессию против материкового Китая, и для этого уменьшает размеры оказываемой Тайваню финансовой помощи, вынуждая Чан Кайши увеличивать и без того раздутый оборонный бюджет, обостряя экономический кризис на острове. От внимания советских дипломатов, изучавших тайваньскую и гонконгскую прессу, не укрылись статьи, сообщавшие в январе 1958 г., что командующий вооруженными силами США на Тайване вице-адмирал А.К. Дойл заявил: США имеют и готовы применить для защиты Тайваня от коммунистического вторжения ракеты с радиусом действия 600 миль с ядерными боеголовками. Обсуждая во время встречи в Пекинском аэропорту 5 апреля 1958 г., как далеко США могут пойти в защите Тайваня, посол СССР П.Ф. Юдин и премьер Чжоу Эньлай отметили бросавшуюся в глаза краткость (всего 2 часа) последнего визита на Тайвань госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса, не позволявшую всерьез обсудить важные вопросы, а также то обстоятельство, что Чан Кайши нервничал во время этой встречи. Собеседники пришли к выводу, что все это могло свидетельствовать о снижении уровня американской поддержки Тайваню³³.

Не исключено, что именно этот вывод подтолкнул руководство КНР к тому, чтобы возобновить обстрелы островов Цзиньмэнь и Мацзу. Когда именно было принято такое решение, сказать сложно. Во всяком случае, во время визита Н.С. Хрущева в Пекин 31 июля 1958 г., в ходе которого обсуждался отказ

³¹ China marks journalists killed in premier murder plot 50 years ago (http://news.xinhuanet.com/english/2005-04/11/content_2815170.htm).

³² *Share M.* Where empires collided. P. 186.

³³ *Ibid.* P. 187.

Мао Цзэдуна принять советское предложение о создании совместного подводного флота и радиостанции, глава КНР ни словом не обмолвился о планах относительно Тайваня или прилегающих к нему островов, что позднее вызвало гнев Н.С. Хрущева³⁴. Однако, как вспоминал впоследствии Ф.В. Мочульский, находившийся в 1958 г. в Пекине в качестве советника посольства СССР, незадолго до возобновления обстрелов островов, пришедшихся на 23 августа 1958 г., пекинские власти поставили напротив советского посольства щиты в рост человека с надписями на китайском языке «Мы обязательно освободим острова Цзиньмэнь» и «Мы обязательно освободим острова Мацзу»³⁵. Сотрудники посольства не только заметили щиты, но и доложили о них в Москву. Официальным поводом для обстрелов островов Цзиньмэнь и Мацзу китайские власти назвали чувство солидарности с арабским народом, обострившееся после того, как в июле 1958 г. в Ираке был свергнут режим короля Фейсала II, после чего войска США высадились в Ливане, а Великобритания направила свои войска в Иорданию³⁶.

Несмотря на уже заметно испортившиеся отношения с Мао Цзэдуном, в том числе и из-за отказа последнего поддержать предложение о подводном флоте, Н.С. Хрущев с началом второго кризиса в Тайваньском проливе оказал КНР существенную помощь, в частности, предоставив дальнобойную артиллерию, зенитные ракеты, амфибии и самолеты³⁷. 5 сентября 1958 г. газета «Правда» открыто предупредила США о том, что СССР окажет КНР любую помощь в случае агрессии против нее: «Советский Союз не может относиться безучастно к тому, что происходит у границ или на земле его великого союзника. Советский Союз не будет спокойно наблюдать за военными приготовлениями США в Тихом океане, воды которого омывают и советские берега. Связанный узами братской дружбы и взаимной помощи с Китайской Народной Республикой, советский народ окажет своему брату — китайскому народу помощь всеми средствами, чтобы обуздать обнаглевших и зарвавшихся авантюристов — провокаторов войны.

Вдохновители и организаторы новой военной авантюры на Дальнем Востоке не могут рассчитывать на то, что ответный удар ограничится районом прибрежных островов и Тайваньским проливом. Они получают такой сокрушительный отпор, который положит конец империалистической агрессии США на Дальнем Востоке»³⁸.

В тот же день глава МИД СССР А.А. Громыко прибыл с секретным визитом в Пекин. По одним данным, он получил от Чжоу Эньлая заверения в том, что КНР не собирается вторгаться на острова Цзиньмэнь и Мацзу, не говоря уже о Тайване, а затем проинформировал китайского премьера, что СССР намерен 8 сентября направить президенту США Д. Эйзенхауэру срочное письмо, в котором будет выражена поддержка позиции КНР³⁹. По другим сведениям, «китайские руко-

³⁴ *Taubman William*. Khrushchev: The Man and His Era. New York: W.W. Norton & Co., 2003. P. 389–392.

³⁵ *Мочульский Ф.В.* Критические годы (рукопись статьи, предоставленная А.Ф. Мочульским). С. 2.

³⁶ *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб., Издательство СПбГУ, 2010. С. 93.

³⁷ *Soman Appu K.* Double-Edged Sword: Nuclear Diplomacy in Unequal Conflict: The United States and China, 1950–1958. P. 183.

³⁸ *Обозреватель.* Военная авантюра империалистов США на Дальнем Востоке // *Правда*. 5 сентября 1958 г. С. 5.

³⁹ *Westad Odd A. (ed.).* Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963. Washington: Stanford University Press, 1998. P. 274.

водители убеждали Громыко, что они больше не могут мириться с ситуацией, когда чанкайшистские военные корабли плавают у самого китайского материка. «Мы обязательно должны освободить острова Цзиньмынь и Мацзу», — заявляли они. — И это звучало убедительно»⁴⁰.

8 сентября 1958 г. Н.С. Хрушев направил президенту США Д. Эйзенхауэру послание, в котором возложил на Вашингтон вину за обострение ситуации в Тайваньском проливе: «Главная причина создавшегося напряженного и, надо прямо сказать, весьма и весьма опасного положения состоит в том, что США вооруженной силой захватили исконную китайскую территорию — остров Тайвань с островом Пэнхуледао, продолжают оккупировать эти территории, прикрывая эту оккупацию ссылками на свою поддержку предателя китайского народа Чан Кай-ши, а также пытаются расширить свою агрессию на прибрежные китайские острова». Далее, намекнув, что перебрасываемые в зону конфликта американские корабли станут легкой мишенью «для соответствующих ракет», Н.С. Хрушев открыто предупредил: «Нападение на Китайскую Народную Республику, которая является великим другом, союзником и соседом нашей страны — это нападение на Советский Союз. Верная своему долгу, наша страна сделает все для того, чтобы совместно с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира на Дальнем Востоке, интересы мира во всем мире». В том же письме Н.С. Хрушев вновь озвучил советскую позицию по тайваньской проблеме: «Есть одно Китайское государство и оно находится в Китае и нигде больше, а Тайвань и другие китайские острова, где сейчас засели чанкайшисты, — часть Китая»⁴¹.

Американский взгляд на ситуацию в Тайваньском проливе был изложен в ответе Д. Эйзенхауэра Н.С. Хрущеву, отправленном 12 сентября 1958 г. В нем, в частности, говорилось: «Я не согласен с Вами относительно источника опасности этого положения. Нынешнее положение напряженности в районе Тайваня было создано непосредственно действиями китайских коммунистов, а не действиями Китайской Республики или Соединенных Штатов... Территория, о которой идет речь, никогда не находилась под контролем коммунистического Китая. Напротив, Китайская Республика, — несмотря на те характеристики, которые Вы даете ей по идеологическим соображениям, — признана большинством суверенных государств, и ее правительство осуществляет юрисдикцию над территорией, о которой идет речь». Д. Эйзенхауэр подчеркнул, что вооруженные силы США находятся в районе Тайваня «с тем, чтобы помочь в оказании отпора агрессии, а не для того, чтобы совершить агрессию. Никакое превратное изображение действительности, подобное тому, что содержится в Вашем письме, не может изменить этого факта»⁴².

Повторное письмо советского лидера американскому президенту от 19 сентября продемонстрировало отсутствие малейших намеков на возможность сближения позиций сторон по Тайваньской проблеме.

«Получив Ваше письмо от 12 сентября, и изучив его, я был огорчен тем, что Вы, как мне кажется, не поняли сути моего послания к вам. А суть этого послания

⁴⁰ Мочульский Ф.В. Критические годы. С. 3.

⁴¹ Послание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева Президенту США Д. Эйзенхауэру // Правда. 9 сентября 1958 г. № 252. С. 1.

⁴² Письмо Президента США Д. Эйзенхауэра Н.С. Хрущеву от 12 сентября // Правда. 20 сентября 1958 г. № 263. С. 2.

ния заключается в том, чтобы показать человечеству всю опасность, которая грозит человечеству, если Соединенные Штаты Америки не откажутся от своей агрессивной политики». Затем Н.С. Хрущев повторил содержавшееся в первом его письме к Д. Эйзенхауэру предупреждение о том, что СССР, верный своему союзническому долгу, окажет Китаю любую помощь⁴³.

Днем ранее, 18 сентября 1958 г., на XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава МИД СССР А.А. Громыко выступил с критикой США, которые «грозятся пустить в ход свои вооруженные силы для того, чтобы помешать законным действиям КНР, направленным на освобождение этих прибрежных островов». А.А. Громыко отметил, что США, «по всей видимости, не отдают себе отчета в том, что, действуя таким образом, они еще более укрепляют решимость великого китайского народа освободить Тайвань — свою неотъемлемую территорию. А что китайский народ сделает это, — так же неизбежно, как и то, что за ночью следует день». Затем советский министр процитировал слова Н.С. Хрущева о том, что нападение на Китай — это нападение на Советский Союз⁴⁴.

А 22 сентября на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке А.А. Громыко заявил, что «остров Тайвань с прибрежными островами представляет собой неотъемлемую часть китайской территории, незаконно захваченной Соединенными Штатами Америки и ожидающую своего освобождения»⁴⁵.

События в Тайваньском проливе не могли не беспокоить советское руководство. Как вспоминал Ф.В. Мочульский, утром 1 октября 1958 г. посол СССР в Пекине посетил Мао Цзэдуна и передал ему послание Н.С. Хрущева, в котором выражалось беспокойство в связи с ростом напряженности в проливе и «высказывалось мнение, что советская сторона могла бы договориться с американцами, чтобы они убедили чанкайшистов ради сохранения мира в регионе уйти с островов Цзиньмынь и Мацзу и тем самым устранить угрозу возникновения ядерной войны»⁴⁶. Ответ на это послание, который Мао Цзэдун дал в своем выступлении на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1958 г. по случаю образования КНР, вызвал удивление у советской стороны: в заявлении Мао Цзэдуна говорилось, что Китай не заинтересован в освобождении островов Цзиньмэнь и Мацзу, поскольку это может повредить контактам с соотечественниками на Тайване, и со 2 октября 1958 г. вводит новый порядок в отношении названных островов, т.е. будет обстреливать их через день⁴⁷.

6 октября 1958 г. Хрущев еще раз заявил, что «Советский Союз придет на помощь Китайской Народной Республике, если на нее будет совершено нападение извне, говоря конкретнее, если США нападут на КНР»⁴⁸.

Тем не менее обстрелы островов спровоцировали ситуацию, которую некоторые эксперты описывают как «самый опасный международный кризис в истории

⁴³ Послание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева Президенту США Д. Эйзенхауэру от 19 сентября // Правда. 20 сентября 1958 г. № 263. С. 1–2.

⁴⁴ Выступление министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 сентября 1958 года // Правда. 19 сентября 1958 г. № 262. С. 5.

⁴⁵ Восстановить законные права Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. Выступление министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 22 сентября // Правда. 24 сентября 1958 г. № 267. С. 5.

⁴⁶ Мочульский Ф.В. Критические годы. С. 3.

⁴⁷ Там же. С. 4.

⁴⁸ Филиппов А.В. Новейшая история России. 1945–2006 гг. (<http://www.prosv.ru/umk/istoriya/2.html>).

холодной войны»⁴⁹. В помощь союзнику США направили в Тайваньский пролив мощный флот, подтвердив устами президента и госсекретаря твердую решимость защитить Тайвань. Это заставило Пекин постепенно свернуть акцию.

Уже после того как кризис благополучно завершился, во время визита в Пекин в октябре 1959 г. Н.С. Хрущев, пытаясь, видимо, выяснить подоплеку возникновения второго кризиса в Тайваньском проливе, сказал Мао Цзэдуну, что если вы обстреливаете острова, вы должны их захватить, а если вы не собираетесь их захватывать, то нет смысла и обстреливать их⁵⁰. По мнению некоторых ученых, советский лидер подозревал Мао в попытке подтолкнуть СССР к войне с США⁵¹. Но были и другие версии относительно того, что же подтолкнуло Мао Цзедуну на опасную авантюру. Как считает китайский ученый Чэнь Цзянь, руководству КНР необходимо было отвлечь массы от внутренних проблем, вызванных политикой «большого скачка» и проведенной в связи с нею беспрецедентной массовой мобилизацией. Напряженность в проливе могла придать видимость обоснованности этой мобилизации⁵². Высказывались также предположения, что Мао стремился ослабить влияние Гоминьдана на Тайване, наглядно продемонстрировав при помощи военной провокации неспособность гоминьдановского правительства защитить себя; что КНР была намерена воспользоваться тем, что США и Британия на Ближнем Востоке завязли в Ливане и Иордании; что Мао Цзедун желал укрепить свои позиции в коммунистическом движении⁵³. Заслуживает внимания и версия о том, что Мао Цзедун спровоцировал кризис в проливе, стремясь подорвать хрущевскую политику мирного сосуществования с Западом, в первую очередь с США⁵⁴. Наконец, можно допустить и то, что, идя на обострение ситуации в Тайваньском проливе, Мао Цзедун стремился вести собственную игру с США, без участия СССР, «обострить ситуацию ради ее последующего урегулирования на выгодных условиях»⁵⁵. В пользу этой версии говорит то, что, когда в сентябре 1958 г. Москва предложила созвать международное совещание для обмена мнениями в связи с ростом напряженности в Тайваньском проливе, оно было отвергнуто китайской стороной⁵⁶.

Не все, однако, ясно с позицией по тайваньскому кризису Москвы. Как отмечалось выше, советское руководство всерьез опасалось, что кризис может вылиться в войну между СССР и США. Однако Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях утверждал, что Советский Союз полностью одобрял планы Мао Цзедуну по вторжению на Тайвань в конце 1950-х гг., обеспечивал армию КНР необходимыми боеприпасами и даже был недоволен, когда китайские коммунисты решили не «освобождать» острова Цзиньмэнь и Мацзу⁵⁷. Цитировавшие выше жесткие заявления Москвы побудили американскую разведку представить руководству

⁴⁹ *Chen Jian*. Mao's China and the Cold War. Chapel Hill: North Carolina University Press. P. 202.

⁵⁰ *Harrison Hope M.* Driving the Soviets up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. P. 132–135.

⁵¹ *Zubok Vladislav M.* The Mao-Khrushchev Conversations, 31 July — 3 August 1958 and 2 October 1959 // Cold War International History Project (CWIHP) Bulletin. Issues 12/13. Fall/Winter, 2001. P. 246.

⁵² *Chen Jian*. Mao's China and the Cold War. P. 175.

⁵³ *Share M.* Where empires collided. P. 188.

⁵⁴ *Taubman William.* Khrushchev: The Man and His Era. P. 392.

⁵⁵ *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. С. 93–94.

⁵⁶ Там же. С. 97.

⁵⁷ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 60–61.

страны доклад, в котором в качестве возможного сценария рассматривалась передача Советским Союзом Китаю ядерного оружия в том случае, если США, защищая Тайвань, нанесут ядерные удары в глубине прибрежной зоны. В докладе отмечалось, что если эти удары будут представлять угрозу существованию КНР, то СССР не остановится перед риском начать третью мировую войну⁵⁸. Один из британских дипломатов, словно в опровержение появившихся на Западе слухов о том, что во время визита в Пекин Н.С. Хрущев пытался умирить воинственный пыл Мао Цзэдуна, в сообщении из Москвы в середине сентября 1958 г. отмечал ужесточение тона пишущих о тайваньском кризисе советских газет, подчеркивающих, что СССР будет рассматривать любое нападение на Китай равноценным нападению на себя, и характеризующих усилия КНР вернуть себе острова как «законные меры самообороны, соответствующие Уставу ООН»⁵⁹. Неудивительно, что и тайваньские власти рассматривали Советский Союз как врага или как минимум считали его главным виновником своих проблем и следовали лозунгу Чан Кайши «Бороться против коммунизма, сопротивляться России»⁶⁰.

В то время как в США и тем более в Великобритании, в 1950 г. официально признавшей КНР, начал постепенно расти интерес к прощупыванию возможности выстраивания отношений с обеими китайскими администрациями, и на материке, и на Тайване, СССР вынужден был следовать принципу «одного Китая», потому что любые намеки на отклонение от него в пользу принципа «двух Китаев», становившегося все более привлекательным в глазах прагматичной части элиты США и Великобритании, вызывали недовольство Пекина. В июле 1958 г. на встрече в Пекине заместителя главы отдела Международных организаций МИД СССР и представителя МИД КНР китайская сторона заявила, что КНР собирается выйти из всех международных организаций, в которых представлен Тайвань, и попросила содействия Москвы в организации встречи представителей всех коммунистических стран для обсуждения проблемы «двух Китаев», в составлении списка организаций, в которых был представлен Тайвань, а также в том, чтобы убедить подразделения ООН прекратить печатание материалов, составляемых Тайванем. В заключение, поблагодарив Советский Союз за проведение жесткой линии в отношении вопроса «двух Китаев» и выразив надежду на ее продолжение, китайский дипломат намекнул, что в Китае находят нынешнюю советскую позицию по этому вопросу не столь бескомпромиссной, сколь хотелось бы⁶¹. Тревогу в Пекине вызывало и то обстоятельство, что в 1957 г. СССР выступил с инициативой допустить членство в ООН одновременно Северной и Южной Кореи и Северного и Южного Вьетнама как равноправных «государств». Кроме того, СССР установил дипломатические отношения с ФРГ. Все это вызывало в Пекине опасения, что Москва может поддержать и идею членства в ООН одновременно и Тайваня, и КНР.

Показательным стал скандал, о котором упоминает М. Шэр. Летом 1958 г., когда в Москве под эгидой ООН проводилась Международная геологическая конференция, приглашенная на нее делегация КНР решила бойкотировать

⁵⁸ *Soman A.K.* Double-Edged Sword: Nuclear Diplomacy in Unequal Conflict: The United States and China, 1950–1958. P. 183.

⁵⁹ *Share M.* Where empires collided. P. 190.

⁶⁰ Современный Тайвань // Иркутск. 1994. С. 4.

⁶¹ *Share M.* Where empires collided. P. 193.

мероприятие, узнав, что в нем примут участие и тайваньцы. Когда глава советской делегации Д. Пушкин попытался воззвать к здравому смыслу китайских товарищей и поучаствовать в конференции вместе с их тайваньскими коллегами, они обвинили Москву в «двуличности» и пожаловались на Д. Пушкина в ЦК КПСС, поинтересовавшись, не искажает ли советский ученый официальную линию советского правительства или правительство поддерживает принцип «двух Китаев»? Д. Пушкин получил выговор и принес китайской стороне извинения. Москва заверила Пекин, что подобное больше не повторится, а МИД СССР в специальном документе вновь подтвердил, что официальная линия советского правительства состоит в признании КНР единственным китайским государством, представляющим весь Китай, а Тайвань — его неотъемлемой частью⁶².

А в октябре 1959 г. во время очередного визита в Пекин Н.С. Хрущев проинформировал Мао Цзэдуна о своей встрече с Д. Эйзенхауэром, в ходе которой советский лидер объяснил президенту США, почему Москва находит возможным установить дипломатические отношения с ФРГ, не разрывая отношений с ГДР, и допускает существование двух корейских и двух вьетнамских государств, но при этом признает в качестве единственного китайского государства Китайскую Народную Республику. По мнению Н.С. Хрущева, разделение Германии, Кореи и Вьетнама было результатом войны и признано на международных конференциях. При этом советский лидер заверил главу КНР, что считает Тайвань неотъемлемой частью Китая. В то же время, несмотря на то, что официально Москва заявляла о своей твердой приверженности принципу «одного Китая», но прагматичные соображения все чаще заставляли сомневаться в его полезности, что выражалось в различных предложениях. Так, в 1961 г. советник посольства СССР в Пекине Ф.В. Мочульский и третий секретарь Г.В. Киреев в документе, направленном в Москву, высказывались по поводу нереалистичности позиции КНР, не желавшей даже пытаться вступить в ООН и ассоциированные с нею организации, пока их членом остается Тайвань, а на его территории находятся иностранные войска. Дипломаты предлагали посоветовать китайскому руководству изменить эту позицию, имея в виду, что вступление КНР в ООН значительно укрепило бы позиции мира социализма в его соревновании с капиталистами⁶³. При этом официальная позиция Москвы в отношении тайваньской проблемы оставалась неизменной. Так, в конце 1962 г., выступая перед Верховным Советом СССР, Н.С. Хрущев заявил: «Надо, наконец, восстановить законные права Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций, надо вернуть Китайской Народной Республике ее исконную землю — Тайвань»⁶⁴.

В тот же период ряд исследователей отмечают контакты СССР с тайваньской оппозицией: националистами — сторонниками независимости острова. В 1962 г. посол СССР в Японии В.М. Виноградов переслал в Москву письмо, полученное от Организации тайваньцев за рубежом (Taiwan Overseas Organization), в котором ее руководство призывало Советский Союз оказать народу Тайваня, изнывающему под гнетом иностранной оккупации, содействие в обретении независимости

⁶² Ibid. P. 188.

⁶³ Ibid. P. 200.

⁶⁴ Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза. Доклад товарища Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 года // Правда. 13 декабря 1962 г. № 347. С. 4.

в соответствии с правом наций на самоопределение. Аналогичная просьба, на этот раз от президента токийской Ассоциации Формозы (Formosan Association), была передана послу СССР в Токио в 1965 г. Таким образом, советское руководство как минимум знало о наличии на Тайване движений, выступающих за независимость острова как от КНР, так и от проамериканского Гоминьдана. Однако на официальном уровне Москва продолжала упорно придерживаться прежней линии. В апреле 1963 г. СССР отказался признавать подпись Китайской Республики под международным соглашением о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе, мотивировав свое решение в письме государственному департаменту США тем, что «клика Чан Кайши не представляет никого» и «не имеет права действовать от имени Китая». В письме подчеркивалось, что «в мире есть только один Китай — КНР»⁶⁵. В течение 1960-х гг. СССР и страны социалистического лагеря неоднократно выражали протесты по поводу участия Тайваня в международных мероприятиях или вступления его в международные организации, такие, например, как Метрическая конвенция, Правовая конвенция, Всемирный почтовый союз и пр.

В конце 1960-х гг. отношения между СССР и КНР значительно ухудшились, в то время как между Пекином и Вашингтоном наметилось потепление, выразившееся, в частности, в прекращении операций Седьмого флота США в Тайваньском проливе с ноября 1969 г.⁶⁶ В этой обстановке Москва и Тайбэй начали искать пути установления двусторонних контактов. Ради облегчения этой задачи в октябре 1968 г. Чан Кайши распорядился проявлять сдержанность в официальных заявлениях и статьях, касающихся Советского Союза, и открыто призвал к объединению международных антимаоистских сил, включая СССР. Работавший в то время в газете «Вашингтон пост» журналист Ф. Баттерфилд сообщил, что член Национальной ассамблеи Тайваня и Академии наук Гу Юйсю посетил международную научную конференцию в Москве, хотя и по американскому паспорту, но явно с разрешения тайваньских властей⁶⁷.

В 1968 г. в Тайбэй из Токио прибыл под именем «Ван Пин» советский журналист В.Е. Луи, использовавшийся властями СССР для неофициальных контактов и выполнения разного рода деликатных поручений. По данным тайваньских СМИ, он встречался с тайваньскими официальными лицами, в том числе с Цзян Цзинго, который в то время занимал пост министра обороны. В.Е. Луи пообещал тайваньскому руководству не только нейтралитет Советского Союза в случае нападения Тайваня на КНР, но даже и ограниченную помощь в виде советских бомбардировщиков для уничтожения ядерных объектов КНР в Синьцзяне. Речь шла также о гарантиях того, что Гоминьдан не допустит создания американских военных баз на своей территории, о возможности создания за пределами КНР антимаоистской коммунистической партии и даже об обмене секретной информацией о положении на материковом Китае. Кстати, по данным Ло Чжи, занимавшего в 1960-е гг. пост заместителя директора тайваньского Информационного управления правительства, в период с 1968 по 1969 г. между спецслужбами Тайваня и СССР состоялись порядка 30 контактов, имеющих отношение к обмену

⁶⁵ *Michael Share M. Where empires collided. P. 196, 200–201.*

⁶⁶ *Tucker Nancy Bernkopf. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: Uncertain Friendship. P.102.*

⁶⁷ *Share M. Where empires collided. P. 196, 200–201, 209.*

разведывательной информацией о КНР. В Тайбэе В.Е. Луи позиционировал себя в качестве представителя некоей «ястребиной» фракции в советском руководстве, которая настаивала на жестких действиях против Мао Цзэдуна. Он сообщил, что СССР готов предоставить Тайваню оружие, но потребовал комиссионных, чем привел тайваньских партнеров в замешательство. Кроме того, В. Луи предлагал организовать доставку тайваньских представителей в СССР на переговоры на советской подводной лодке. Он побывал на Тайване 3 или 4 раза и привозил письма от советских родственников жены Цзян Цзинго Ф.И. Вахревой⁶⁸. Визиты В.Е. Луи в Тайбэй вызвали недовольство Пекина: газета «Жэньминь жибао» откликнулась на них статьей под красноречивым заголовком «Советские ревизионисты расширяют сговор с бандитской шайкой Чан Кайши»⁶⁹.

Виталий Евгеньевич ЛУИ
(Виктор Луи, Виталий Левин, англ. Victor Louis (1928–1992) —
российский и британский журналист

Родился 5 февраля 1928 г. в Москве. С 1944 г. работал в составе обслуживающего персонала различных иностранных посольств в Москве. В 1946 г. арестован и приговорен Особым совещанием к 25 годам заключения по обвинению в шпионаже.



В 1956 г. освобожден и реабилитирован. Работал в московском бюро CBS, затем — помощником московского корреспондента американского журнала «Look» Э. Стивенса и корреспондентом британских газет «The Evening News» (до 1980 г.) и «The Sunday Express» (с 1980 г.). По мнению многих, выполнял задания КГБ. В октябре 1964 г. в сенсационной публикации написал об отставке Н.С. Хрущева раньше, чем об этом было официально объявлено. В 1965 г. женился на гражданке Великобритании. Владел квартирой в сталинской высотке, шикарной дачей, несколькими дорогими иностранными автомобилями. Отснял и передал за границу фильм о жизни Н.С. Хрущева на даче после отставки, а после его смерти — пленки с записями воспоминаний бывшего советского лидера по

просьбе сына Н.С. Хрущева Сергея. В 1967 г. без разрешения автора продал за границу рукопись дочери И.В. Сталина С.И. Аллилуевой «Двадцать писем к другу». В 1968 г. также без разрешения автора переправил на Запад рукопись «Ракового корпуса» А.И. Солженицына. В 1968 г. ездил на Тайвань, где вел неофициальные переговоры с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго. 17 сентября 1969 г. в «Evening News» появилась статья В. Луи, в которой говорилось о возможности нанесения Советским Союзом превентивного ядерного удара по КНР. В 1971 г. Луи также неофициально ездил в Израиль, с которым у СССР не было дипломатических отношений. В 1977 г. Луи первым сообщил о взрыве в московском метро. В 1984–1986 гг. продал западным СМИ несколько видеозаписей А.Д. Сахарова в ссылке в Горьком, явно отснятых КГБ. Видеозапись противоречила распространявшейся тогда информации о голодовке протеста А.Д. Сахарова. Умер в 1992 г. в Лондоне от сердечного приступа. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

⁶⁸ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations: current state, problems, and prospects of development // Occasional Papers / Reprint Series in Contemporary Asian Studies. 1996. No 2 (133). P. 3–4.

⁶⁹ *Share M.* Where empires collided. P. 196, 200–201, 211.

**ЦЗЯН Цзинго 蔣經國 (1910–1988) —
старший сын Чан Кайши,
Президент Китайской Республики (1978–1988)**

Родился 27 апреля 1910 г. в городе Фэнхуа провинции Цжэцзян. В 1925 г. Цзян Цзинго был приглашен И.В. Сталиным на учебу в СССР в целях укрепления связей советского правительства с Гоминьданом. В Москве взял имя Николай Владимирович Елизаров.

Учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в Казанском танковом училище, в Военно-политической академии РККА имени Толмачева в Ленинграде. Работал в качестве простого станочника на московском заводе «Динамо», в период с 1931 по 1932 г. принимал участие в коллективизации сельского хозяйства в селах Зарайского района Московской области Большое Жоково и Большое Коровино. В 1932 г. прибыл в Свердловск, где работал на заводе «Уралмаш», в 1934 г. стал редактором заводской газеты «За тяжелое машиностроение», затем был заместителем заведующего орготделом горсовета Свердловска. В 1935 г. женился на Фаине Ипатьевне Вахревой (на Тайване более известна под именем Цзян Фанлянь). В 1936 г. вступил в ВКП(б).



В марте 1937 г. во время улучшения отношений между Москвой и Гоминьданом вернулся с женой в Китай. В 1945 г. как специалист по советской системе в составе правительственной делегации был направлен в Москву для ведения переговоров о новом договоре с СССР. После отступления сил Чан Кайши на Тайвань возглавил министерство внутренних дел. С 1955 по 1960 г. занимался дорожным строительством. С 1965 по 1969 г. — министр обороны, затем вице-премьер и премьер. После смерти Чан Кайши в 1975 г. избран председателем ЦИК Гоминьдана, а в 1978 г. — Президентом Китайской Республики, в 1984 г. переизбран на второй президентский срок. В последние годы жизни осуществил меры по либерализации политической системы. Умер 13 января 1988 г.

В марте 1969 г. с полуофициальным визитом в СССР побывал заместитель министра образования Тайваня⁷⁰. И хотя, как отмечали некоторые тайваньские СМИ, вторжение советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. нанесло существенный удар по имиджу СССР на Тайване, контакты тайваньских и советских представителей продолжились, а член тайваньского парламентского Комитета по делам соотечественников за рубежом Се Жэньчжао опубликовал серию статей, в которых отстаивал необходимость развития отношений с СССР и призывал перестать смотреть на эту страну как на врага⁷¹.

⁷⁰ *Copper John F.* Taiwan's Options // *Asian Affairs*. No 5 (May-June 1979). P. 290.

⁷¹ *Share M.* Where empires collided. P. 211–212.

Неофициальные контакты между советскими и тайваньскими представителями имели место и за пределами Тайваня. В начале 1970-х гг. тайваньский представитель в Вашингтоне, внебрачный сын Цзян Цзинго Чжан (Цзян) Сяоянь (John Chiang) неоднократно встречался с советскими официальными лицами в Вашингтоне⁷². А в начале 1990-х гг. глава МИД Тайваня Цянь Фу (Fredrick Chien), который с 1983 по 1988 г. представлял интересы Тайваня в США, сказал в интервью российским журналистам: «В мою бытность в Вашингтоне я поддерживал тесные отношения с послом Добрыниным...»⁷³

**ЦЗЯН (Чжан) Сяоянь (蔣 (章) 孝嚴, John Chiang) (род. 1941) —
политик и государственный деятель Тайваня**

Родился 2 мая 1941 в Гуйлине. Незаконный сын Цзян Цзинго и его любовницы Чжан Яжо (1913–1942). Вместе со своим братом-близнецом Чжан Сяоцы получил фамилию матери (Чжан), хотя первый иероглиф имени обоих (Сяо) говорил



о родстве с законными детьми Цзян Цзинго. Мать умерла через год после рождения братьев, и они выросли в семье своего дяди (брата матери) и его жены, которые до 2002 г. официально считались их родителями. Переехал на Тайвань с бабушкой во время гражданской войны, учился в Сучжоуском университете на Тайване и Джорджтаунском университете (США). В 1974–1977 гг. работал в посольстве Китайской Республики в Вашингтоне, затем в МИД в Тайбэе, занимался отношениями с государствами Северной Америки. В 1986–

1990 гг. — заместитель министра иностранных дел по административным вопросам, а в 1990–1993 гг. по политическим вопросам. Активно выступал за восстановление и развитие отношения с Россией. В 1992 г. находился в Москве с неофициальным визитом, вел переговоры о развитии двусторонних связей. В 1993–1996 гг. — председатель Комитета по делам соотечественников за рубежом (в ранге министра). С 1993 г. — член ЦИК Гоминьдана. В 1996 г. избран в Национальное собрание. В 1996–1997 гг. — министр иностранных дел, в 1997 г. — вице-премьер и генеральный секретарь президентской администрации. В 2000 г. рассматривался как возможный кандидат в вице-президенты от Гоминьдана, но вынужден был временно покинуть политику из-за сексуального скандала. С 2002 по 2011 г. — член Законодательного юаня (парламента), председатель Комитета по международным делам. В 2005 г. официально поменял имя с Чжан на Цзян. В 2006 г. баллотировался в мэры Тайбэя от партии Гоминьдан, но снял свою кандидатуру.

⁷² «聯合報» 1990年11月3日, 第2版.

⁷³ Захарько В., Михеев В. И в России возможно экономическое чудо / Министр иностранных дел Тайваня Фредерик Чень отвечает на вопросы иностранных корреспондентов «Известий» // Известия. 14 апреля 1992 г. № 90. С. 7.

В целом же, по выражению российского исследователя П.М. Иванова, в 1960–1970 гг. состояние между СССР и Тайванем можно было охарактеризовать как «отношения без отношений»: стороны пытались влиять друг на друга, не вступая в контакт. Советская пропаганда рисовала Гоминьдан и Тайвань черными красками, советские дипломаты не жалели сил на то, чтобы добиться исключения Китайской Республики из ООН, а Тайвань в свою очередь внимательно следил за международной деятельностью СССР и развитием внутренней ситуации в стане врага⁷⁴.

Осенью 1971 г. Москва, несмотря на ухудшение отношений с Пекином, проголосовала за то, чтобы КНР заняла место Тайваня в ООН и Совете Безопасности. На этот раз этот шаг поддержали и США. А в феврале 1972 г. президент США Р. Никсон побывал в КНР с визитом, завершившимся подписанием американско-китайского «Шанхайского коммюнике», в котором США признали существование одного Китая, частью которого является Тайвань, и пообещали постепенно, по мере снижения уровня напряженности, снизить свое военное присутствие, а затем и вывести с острова свои войска. Стремительное улучшение американско-китайских отношений стало дополнительным стимулом для поиска Москвой и Тайбэем почвы для сотрудничества. В марте 1972 г. министр иностранных дел Тайваня Чжоу Шукай призвал Гоминьдан развивать торговые, экономические и другие отношения со странами социалистического лагеря и даже подумать о возможности проведения секретных переговоров с СССР, что прозвучало как неприкрытая угроза в адрес США⁷⁵. И хотя вскоре после этого по настоянию Чан Кайши Чжоу Шукай был снят с должности и даже оказался в политической ссылке, длилась она не долго: в 1975 г., после смерти Чан Кайши сменивший его на посту президента Тайваня его сын Цзян Цзинго сделал Чжоу Шукай своим советником по внешней политике.

Как отмечал М. Шэр, американская разведка считала в то время, что «решимость выжить» в условиях улучшения отношений между США и КНР подталкивала Тайвань к развитию торгово-экономических отношений с СССР и странами социалистического лагеря. Ради этого тайваньское руководство даже было готово к разделению политики и экономики. Однако руководство СССР, хотя и готово было отказаться от старых стереотипов в восприятии Тайваня, не решалось открыто отступить от принципа «одного Китая». Когда 7 января 1972 г. тайваньская внешнеторговая компания Consul Industrial Corporation, к тому моменту уже 28 лет представлявшая на острове многочисленные иностранные компании, направила советской стороне запрос о возможности установления торговых отношений с рядом советских внешнеторговых компаний, таких как «Автоэкспорт», «Станкоимпорт», «Союзнефтеэкспорт», «Союзхимпром», «Медэкспорт» и «Экспортхлеб», советский МИД рекомендовал всем им воздержаться от сотрудничества на том основании, что СССР «рассматривает Тайвань в качестве неотъемлемой части КНР и не имеет никаких отношений с тайваньским режимом»⁷⁶. На Тайване тоже опасались, что чрезмерное сближение с СССР вызовет недовольство как материкового Китая,

⁷⁴ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 6–7.

⁷⁵ *Kirby William C., Ross Robert S., Li Gong.* Normalization of US-China Relations: An International History. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2005. P. 239–240.

⁷⁶ *Share M.* Where empires collided. P. 213.

так и США, поэтому в июне 1973 г. Цзян Цзинго заверил посла США в том, что Тайбэй твердо придерживается антикоммунистической политики и не задумывается об установлении какого-либо понимания или отношений любого рода с Советским Союзом⁷⁷. По той же причине в 1970 и в 1976 гг. Тайвань отверг поступившие от Москвы просьбы об использовании Пескадорских островов для заправочной базы советского военно-морского флота⁷⁸.

Новый стимул искать возможности для сближения с СССР руководству Тайваня дало установление дипломатических отношений между США и КНР 1 января 1979 г., ставшее для руководства Тайваня шоком. Для Москвы же это не стало неожиданностью. В документах ЦК КПСС еще от 30 августа 1978 г. говорилось, что президент США Дж. Картер решил осуществить до конца года полную нормализацию отношений с КНР, зная, что китайское руководство разрешило Соединенным Штатам продолжить торговое и военное содействие Тайваню, организовать бюро в Тайбэе для координации американо-тайваньских отношений и даже пообещало воздержаться от попыток присоединить Тайвань силой⁷⁹.

Советское руководство внимательно изучало аналитические доклады о Тайване, поступавшие из советских посольств со всего мира. Их суть сводилась к следующему: экономика острова растет со скоростью 8,5% в год; средний доход на душу населения в 10 раз выше, чем в КНР; Тайвань развивает торговые отношения со всеми восточноевропейскими странами, включая членов Варшавского блока, при этом получение виз в эти страны не составляет труда для тайваньских бизнесменов. Получив такие доклады, МИД СССР попросил Министерство внешней торговли составить подробный отчет о торгово-экономических связях между Тайванем и социалистическими странами⁸⁰.

Изменения во взглядах на Тайвань происходили и в КНР. В 1979 г. Дэн Сяопин заявил американским конгрессменам: «Мы более не употребляем термин «освобождение Тайваня». Сколько времени ни заняло бы возвращение Тайваня в лоно Родины, мы будем с уважением относиться к существующим там реалиям и системе»⁸¹. В 1981 г. председатель ПК ВСНП маршал Е Цзяньин выдвинул программу мирного присоединения Тайваня⁸². В 1983 г. Дэн Сяопин сформулировал права автономии особого административного района Тайвань⁸³, а в 1984 г. — выдвинул идею «одно государство — две системы»⁸⁴.

Отмечая подобные заявления руководителей КНР и реакцию на них Тайваня, чаще всего негативную, как к «коммунистической пропаганде», в своих отчетах, направляемых в Москву, советские дипломаты выражали уверенность в том, что Тайвань никогда не согласится на мирное воссоединение с КНР, которой придется прибегнуть к военной силе⁸⁵. Учитывая ревностное отношение

⁷⁷ *Share M.* Where empires collided. P. 214–215.

⁷⁸ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 5.

⁷⁹ Evaluation by the Soviet Party Central Committee of the Normalization of US-Chinese Ties. August 30, 1978. Cold War International History Project Virtual Archive.

⁸⁰ *Share M.* Where empires collided. P. 216–217.

⁸¹ Энциклопедия Нового Китая. М., 1989. С. 186–187.

⁸² *Галенович Ю. М.* Москва—Пекин, Москва—Тайбэй. М.: Изографус, 2002. С. 561.

⁸³ Энциклопедия Нового Китая. С. 181–182.

⁸⁴ *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. С. 118–122.

⁸⁵ *Share M.* Where empires collided. P. 218.

Пекина к любым контактам стран, имеющих дипломатические отношения с КНР, с Тайванем, советское руководство особо интересовалось опытом выстраивания отношений таких стран одновременно и с КНР, и с Тайванем. В частности, в подробном отчете, присланном в Москву из советского посольства в Нидерландах в марте 1984 г., говорилось, что Нидерланды официально признают лишь одно китайское государство — КНР. Крупные нидерландские транснациональные компании, такие как Shell, Philips и Unilever, рассматривают КНР как огромный потенциальный рынок сбыта, и правительство Нидерландов готово способствовать скорейшему заключению контрактов между этими компаниями и КНР. С другой стороны, неофициально Амстердам признает существование и второго Китая, т.е. Тайваня, с которым Нидерланды имеют многочисленные экономические связи. В отчете отмечалось, что Тайвань, наряду с Гонконгом, Сингапуром и Южной Кореей, является одной из наиболее быстро растущих экономик Азии и может быть хорошим торговым партнером не только капиталистического, но и социалистического мира. На Тайване низкие затраты на оплату труда, там производятся высококачественные товары, которые в СССР могли бы использовать так же, как это делают в Голландии. Далее авторы отчета подчеркивали: Нидерланды понимают риски, связанные с развитием политических связей с Тайванем. Такие связи окажут серьезное негативное влияние на отношения с КНР, что непременно в более отдаленной перспективе нанесет ущерб их интересам, поскольку со временем экономические связи с КНР станут более важными, чем с Тайванем. Поэтому Нидерланды стараются поддерживать хорошие отношения как с КНР, так и с Тайванем⁸⁶. Этот документ явно имел целью подтолкнуть советское руководство к мысли о необходимости и возможности развития торгово-экономических отношений с Тайванем, сулящих несомненную экономическую выгоду.

Во второй половине 1980-х гг. на Тайване, как и в Советском Союзе, начал набирать обороты процесс демократизации, что постепенно привело к пересмотру списков врагов и друзей. 23 февраля 1988 г. премьер-министр Тайваня Юй Гохуа объявил о либерализации торговли с восточноевропейскими странами⁸⁷, которая, однако, не распространилась на СССР. Это вызвало недовольство тайваньских предпринимателей, заявивших о намерении отправить делегацию в СССР, чтобы выяснить возможности расширения двустороннего торгового сотрудничества. Однако 23 марта 1988 г. заместитель министра экономики Тайваня Ли Мо подтвердил неизменность позиции правительства, связав запрет на торговлю с СССР с существованием ограничений на торговые связи с КНР⁸⁸.

Несмотря на нежелание правительства Тайваня поступаться принципами, выработанными еще в эпоху холодной войны, Торговая палата продолжила подготовку к визиту в СССР. Она получила поддержку полуофициального тайваньского совета по развитию внешней торговли (CETRA) и уже в марте 1988 г., подготовив списки делегации, уведомила министерство экономики о готовности делегации отправиться в СССР в середине сентября. Неожиданно парламент не только одобрил поездку, но и включил в состав делегации двух своих представителей. Следующим важным шагом стало получение в мае 1988 г. согласия на визит со стороны США. А вот благосклонного отношения Москвы к идее визита

⁸⁶ Ibid. P. 218.

⁸⁷ «聯合報», 1988年10月14日, 第2, 13版.

⁸⁸ «中央日報», 1988年3月24, 第3版.

удалось добиться во многом благодаря тому, что в августе 1988 г. тайваньские власти отправили в СССР трех моряков танкера «Туапсе», пожелавших вернуться на Родину. И хотя сразу после прибытия в Москву моряки, к удивлению тайваньских властей, выступили с заявлениями о жестоком обращении с ними на острове, в целом факт их возвращения сыграл позитивную роль.

2 октября 1988 г. делегация Торговой палаты Тайваня отправилась в Москву через Бангкок, предварительно получив от специально прибывшего в Тайбэй гонконгского представителя «Аэрофлота» подробные инструкции об особенностях путешествия по СССР. Делегация посетила Москву, Ленинград, Киев и Минск. Этот визит положил начало времени, которое тайваньская пресса окрестила периодом «страстной влюбленности в СССР»⁸⁹. Впрочем, уже тогда некоторые тайваньские эксперты, признавая пользу установления торговых отношений с СССР для диверсификации экспортного рынка и доступа к дешевому сырью, призывали не ждать чересчур многого. Они отмечали отсутствие на Тайване точной информации об экономической ситуации в СССР, который, по их мнению, не обладая достаточными запасами валюты, будет настаивать на бартерных обменах, т.е. практике, не очень принятой на Тайване⁹⁰. По возвращении в Тайбэй члены делегации объявили о намерении учредить ассоциацию содействия тайваньско-советской торговле. Визит получил хорошие оценки в тайваньской прессе и критические — в прессе КНР: тайваньская сторона обвинялась в попытках добиться чего-то большего, нежели просто налаживания деловых связей. Со своей стороны представители консервативного крыла тайваньских парламентариев критиковали инициаторов поездки за нарушение тайваньских законов, запрещающих прямую торговлю с СССР⁹¹.

В это время в Советском Союзе вопрос об отношениях с Тайванем также стал предметом битвы, правда, не между консерваторами и реформаторами, а между инициировавшим реформирование советской системы М.С. Горбачевым, провозгласившим курс на перестройку, ускорение и гласность, и оппозицией, требовавшей еще более радикальных изменений. Демонстрируя повышенный интерес к Тайваню, оппозиция критиковала традиционную московскую политику поддержки «мирового социализма» и призывала к переориентации советской дипломатии на развитие сотрудничества с демократическим Западом и другими странами, которые раньше Москва считала враждебными. Однако эти призывы долгое время не срабатывали. Хотя советское руководство под давлением общества и в соответствии с курсом «перестройки» установило отношения с такими странами, как Израиль, Южная Корея и ЮАР, М.С. Горбачев не торопился сделать аналогичный шаг и в отношении Тайваня, считая своим крупным внешнеполитическим достижением нормализацию отношений с КНР и боясь нанести им ущерб. Вероятно, тут сказывалось и влияние президентского окружения. Во время подготовки визита М.С. Горбачева в Пекин директор Института Дальнего Востока АН СССР М.Л. Титаренко отметил, что в КНР внимательно отслеживают и не одобряют любые советские контакты с островом, а директор Института мировой экономики и международных отношений РАН академик Е.М. Примаков в интервью тайваньской газете «Чжунго шибао» заявил, что установление

⁸⁹ *Ivanov Peter M. Russian-Taiwanese relations. P. 9.*

⁹⁰ «自由時報», 1988年9月20日, 第3版.

⁹¹ *Ivanov Peter M. Op. cit. P. 9–13.*

отношений с Тайванем невозможно до объединения Китая под властью КНР⁹². И сам М.С. Горбачев во время визита в Пекин в мае 1989 г. вновь подтвердил приверженность Москвы принципу «одного Китая»⁹³. Совершенно очевидно и то, что Москва вынуждена была действовать в отношении Тайваня, стараясь не вызвать недовольство Пекина. Вот лишь один показательный пример. В сентябре 1989 г. правительство Тайваня после долгих дебатов согласилось дать въездные визы группе советских журналистов, готовившихся к поездке по Восточной Азии, однако советская сторона неожиданно отменила визит под давлением Пекина⁹⁴.

Тем не менее контакты между СССР и Тайванем множились, что позволяло тайваньцам составить лучшее представление о происходящем в Советском Союзе. Иногда это приводило к некоторому разочарованию. Так, выяснялось, что советские реформы находятся на начальном этапе, а это затрудняло составление инвестиционных планов; советская экономика значительно милитаризирована, а качество советских товаров очень низкое. Стала очевидна нехватка в СССР современных средств связи, затруднявшая торговые операции, монополизированность советской внешней торговли японскими и финскими фирмами, что затрудняло конкуренцию. Осознание подобных проблем подтолкнуло некоторых деятелей Гоминьдана к мысли, что развитие связей с СССР может принести Тайваню если не экономические, то политические выгоды, например, поможет держать в узде КНР⁹⁵.

Надежды на скорое сближение с Россией возродили интерес тайваньцев к русскому языку. В 1989 открылся Институт России в университете Даныцзян. Тайваньские студенты стали выезжать на языковую практику в СССР⁹⁶.

В марте 1990 г. законодательное собрание Тайваня наконец сняло запрет на прямую торговлю с СССР, одновременно значительно упростив визовые процедуры для советских граждан. После этого советское руководство немедленно заверило Пекин, что оно не имеет намерения трансформировать неофициальные торговые отношения в официальное признание Тайваня. И когда месяц спустя, в апреле 1990 г., в Москву прибыл премьер Госсовета КНР Ли Пэн, то по итогам визита стороны приняли совместное коммюнике, подтверждавшее полную поддержку Советским Союзом позиции Пекина по Тайваню⁹⁷.

Первыми отменой запрета на торговлю воспользовались тайваньские предприниматели, посетившие международную компьютерную выставку COMTEC'90 в Москве в марте 1990 г. А 30 марта CETRA открыла выставочный зал в Москве, где свою продукцию выставили более 300 тайваньских компаний⁹⁸. Этот прорыв в отношениях настолько впечатлил тайваньцев, что министр иностранных дел Лянь Чжань, выступая перед Контрольной и Законодательной палатами 17 и 28 апреля 1990 г. с докладом о текущем состоянии отношений с СССР и восточноевропейскими странами, даже не исключил возможности установле-

⁹² «中國時報», 1989年5月14日, 第3版; 1989年5月15日, 第3版.

⁹³ Горбачев М.С. Новый этап в советско-китайских отношениях // Правда. 1989. С. 2.

⁹⁴ Ivanov Peter M. Russian-Taiwanese relations. P. 15.

⁹⁵ 星島日報, 1989年6月21日, 第2版.

⁹⁶ Лю Валентин. Российско-тайваньские отношения в 1991–2011: ретроспективы и перспективы (I) // Тайваньская панорама/ 06.01.2011 (<http://taipanorama.nat.gov.tw/fp.asp?xItem=167775&ctNode=192>).

⁹⁷ Ivanov Peter M. Russian-Taiwanese relations. P. 8–13.

⁹⁸ «經濟日報», 1990年3月16日, 第10版; «中國時報», 1990年3月31日, 第5版.

ния дипломатических отношений с Москвой, хотя и подчеркнул, что главной целью Тайбэя является развитие торгово-экономического сотрудничества⁹⁹.

В мае 1990 г. на Тайвань по приглашению газеты «Чжунго жибао» приехал только что избранный депутатом Моссовета российский китаевед А.В. Лукин. Будучи хорошо знакомым с позицией СССР по тайваньскому вопросу, он попытался убедить тайваньскую сторону не ждать быстрого прорыва в политических отношениях и начать активно развивать партнерство первоначально на муниципальном и провинциальном уровне¹⁰⁰. А в начале июня 1990 г. на конференции в Нью-Йорке заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС А.С. Грачев подчеркнул важность того, чтобы торговое сотрудничество между Тайванем и СССР было отделено от других видов отношений¹⁰¹.

Трезво оценивая складывающуюся ситуацию, новый министр иностранных дел Тайваня Цянь Фу признал, что советско-тайваньские отношения в принципе отличаются от советско-южнокорейских, поскольку Республика Корея имеет признанный международным сообществом статус разделенной страны. Министр выразил надежду, что успешные тайваньские инвесторы смогут в будущем повлиять на людей, принимающих решения в России, и это будет способствовать развитию двусторонних отношений¹⁰².

Летом 1990 г. состоялась целая серия визитов на Тайвань советских делегаций. В октябре 1990 г. председатель Московского городского совета народных депутатов (Моссовет) Г.Х. Попов предложил главе МИД Тайваня Цянь Фу, чтобы Москва и Тайбэй обменялись своими представительствами. Согласно сообщениям прессы, он не исключал возможности установления дипломатических отношений, напоминая при этом, что всему свое время, и предлагая планы экономического сотрудничества. Одним из результатов визита в Тайбэй делегации, возглавляемой Г.Х. Поповым, стал последовавший вскоре за ним приезд на Тайвань представителей российской компании «Русский Дом», заказавшей тайваньской текстильной корпорации «Чжунсин» («Chung Hsing Textile Group») товаров на 8 млрд долл. США. Вскоре, однако, оказалось, что «Русский Дом» не имеет финансовых ресурсов. Как отмечал П.М. Иванов, этот инцидент подействовал отрезвляюще на всех тех на Тайване, кто мечтал быстро заработать на торговле с Советским Союзом¹⁰³.

Визит Г.Х. Попова в Тайбэй оказал негативное влияние и на отношения Москвы с Пекином. Возглавлявший оппозиционный горбачевскому руководству Моссовет Г.Х. Попов не только не согласовал свой визит с Кремлем и не попытался придать ему неофициальный характер, но и намеренно пошел на конфронтацию с Пекином, посетив в тайбэйской больнице одного из лидеров антиправительственных выступлений китайских студентов в 1989 г. Уркеш Давлет (Уэр Кайси)¹⁰⁴. Такое поведение не осталось без последствий. Пекинские власти отменили визит Г.Х. Попова в Пекин и заморозили муниципальные связи между Москвой и китайской столицей.

⁹⁹ «青年日報», 1990年4月17日地2版; «聯合報», 1990年4月29日, 第4版.

¹⁰⁰ «中國時報», 1990年5月11日, 第1版; 5月12日, 第4版; 5月13日, 第5版; 5月17日, 第1版.

¹⁰¹ «經濟日報», 1990年6月6日, 第3版.

¹⁰² «中國時報», 1990年6月9日, 第1版.

¹⁰³ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 20–21.

¹⁰⁴ *Савенков Ю.* Эхо визита Г.Х. Попова в Тайбэй // Известия. 4 ноября 1990 г., С. 3.

**Гавриил Харитонович ПОПОВ (род. 1936) —
российский экономист,
государственный и общественный деятель**

Родился 31 октября 1936 г. в Москве. В 1959 г. окончил экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Применение информационных машин в экономике». В 1963—1971 гг. — доцент кафедры планирования народного хозяйства, заведующий лабораторией управления производством. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Методологические проблемы теории управления общественным производством». Профессор (1971). В 1971—1988 гг. — заведующий кафедрой управления экономического факультета МГУ, В 1978—1980 гг. — декан экономического факультета МГУ. В 1973—1974 гг. одновременно заведовал отделом Института информации по общественным наукам при АН СССР. В 1980-е гг. — профессор экономического факультета МГУ. В 1988 г. избран главным редактором журнала «Вопросы экономики», который возглавлял до 1992 г. В 1989 г. избран народным депутатом СССР, в 1989—1991 гг.



был сопредседателем Межрегиональной депутатской группы. В 1990 г. избран депутатом Моссовета, затем председателем Моссовета. В октябре 1990 г. в качестве главы Москвы посетил Тайвань, чем способствовал развитию связей с островом, однако вызвал резкую реакцию Пекина. В 1991 г. избран первым мэром Москвы. В 1992 г. ушел в отставку. С 1991 г. — президент Международного Союза экономистов. С 1992 г. — президент Международного университета в Москве. С сентября 2011 г. — советник мэра Москвы С.С. Собянина. Автор нескольких сот научных и публицистических работ. Президент Федерации греческих общин «Понтос» (1989). Почетный доктор университета Южная Юта (США) и Даулинг колледжа (Нью-Йорк). Почетный гражданин Токио, Сеула, штата Мэрилэнд (США).

В начале января 1991 г. на Тайване побывала делегация депутатов Моссовета, в которую также входили представители бизнес-кругов, в частности Союза предпринимателей и арендаторов СССР. Делегация заняла более реалистичную позицию, объясняя, что российско-тайваньское сотрудничество необходимо начинать с экономики, не раздражая Пекин. Тем не менее из КНР звучали утверждения, что развитие отношений Тайваня с СССР является частью хитрого заговора Тайбэя, стремящегося повысить уровень отношений с Москвой, и предупреждения, что все это может крайне негативно отразиться на советско-китайских отношениях. Реагируя на эти угрозы, в конце 1990 г. ряд официальных советских лиц, в том числе глава МИД РСФСР А.В. Козырев, министр финансов В.С. Павлов, председатель Комитета по международным делам ВС СССР А.С. Дзасохов выступили с заявлениями, суть которых сводилась к следующему: политические факторы мешают полномасштабному советско-тайваньскому экономическому сотрудничеству, Российская Федерация готова развивать связи

с Тайванем, но не за счет отношений с КНР, а все визиты на Тайвань советских официальных лиц являются незаконными¹⁰⁵.

Несмотря на это, советско-тайваньские отношения продолжали развиваться. В январе 1991 г. глава МИД Тайваня Цянь Фу представил парламенту доклад «Как развивать наши связи со странами СНГ в бывшей Советской России», в котором реально оценивалась сила позиций КНР и слабость позиций Тайваня в странах СНГ и предлагалось делать упор на страны Балтии: осуществлять обмены представительствами и визитами, развивать сотрудничество в экономике, науке, образовании и культуре, а также оказывать гуманитарную помощь странам СНГ и приглашать их студентов для изучения китайского языка на Тайване.¹⁰⁶

В январе 1991 г. парламент Тайваня решил создать Межведомственную исследовательскую группу по отношениям с СССР при тайваньском МИДе, которая в марте того же года была реорганизована в Рабочую группу по отношениям с СССР. К этому моменту Тайвань уже установил контакты не только с официальными лицами РСФСР, но и с руководителями некоторых других союзных республик, с которыми хотел развивать экономическое сотрудничество.

Активизировались попытки установления деловых контактов. В январе 1991 г. Тайбэй посетил председатель исполкома Научно-промышленного союза СССР, народный депутат СССР А.П. Владиславлев. Как сообщила 5 января газета *The China News*, А.П. Владиславлев заявил, что СССР надеется основать на Тайване «Тайваньско-советский фонд предпринимательства» (Taiwanese-Soviet Enterprise Foundation), чтобы объединить уважаемые деловые сообщества и создать атмосферу для успешных экономических и деловых отношений¹⁰⁷. Тайваньские СМИ сообщали, что «Советский Союз собирается потратить один миллион долларов США на учреждение частного «Фонда экономических обменов между СССР и Китайской Республикой» (ROC-Soviet Economic Exchanges Foundation), чтобы помочь тайваньским бизнесменам расширить торговые и деловые отношения с СССР... По мнению Министерства экономики Тайваня, Фонд поможет тайваньским предпринимателям понять советскую экономику, рынок и политическую ситуацию. Фонд будет играть, главным образом, роль «советника» и «посредника»...». Сообщалось, что во время второго визита на Тайвань в июне 1991 г. А.П. Владиславлев предлагал сделать этот фонд основным каналом связи между СССР и Тайванем и настаивал на наделении его правом выдавать визы. Вместе с президентом Международной предпринимательской группы «Хун Пан» Хуан Шанхуэем А.П. Владиславлев подписал соглашение об учреждении Фонда дальневосточных обменов, предусматривавшего создание двух его отделений — на Тайване и в СССР. Сообщая об этом событии, тайваньская пресса отмечала, что Фонд поможет наладить бартерный обмен тайваньских компьютеров и потребительских товаров на советскую нефть, алюминий и лесоматериалы. Но CETRA воздержалась от участия в проекте, не будучи уверенной, что он пользуется однозначной поддержкой советских властей. В сентябре Фонд начал торговлю лесом,

¹⁰⁵ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 22–23.

¹⁰⁶ *Лео Валентин.* Российско-тайваньские отношения в 1991–2011: ретроспективы и перспективы (<http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=173768&CtNode=1517>).

¹⁰⁷ *Soviets Betting A Million On USSR-ROC Trade Future With // Taiwan today.* 14.01.1991 (<http://www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=10902&CtNode=122>).

обсуждались совместные проекты по освоению природных ресурсов в районе Иркутска, но вопрос о наделении Фонда правом выдачи виз или правом заниматься развитием двусторонних советско-тайваньских отношений в более широком смысле не поднимался¹⁰⁸.

Между тем советское правительство безуспешно пыталось решить проблему, связанную с болезненной реакцией Пекина на советско-тайваньские контакты. В мае 1991 г., во время визита в Москву Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя, советская сторона предложила включить в совместное коммюнике пункт о том, что Пекин не возражает против развития неофициальных торговых, научных и культурных связей между СССР и Тайванем. Но это предложение вызвало резкие протесты китайской стороны. В результате в коммюнике было включено лишь положение, подтверждавшее признание Москвой существования «одного Китая»¹⁰⁹. На этом этапе Пекин пытался препятствовать развитию Москвой даже неофициальных отношений с Тайванем при условии признания его неотъемлемой частью Китая, хотя он не возражал против таких отношений с Тайбэем других стран мира¹¹⁰.

Распад СССР, уход КПСС с активной политической арены и снятие ее идеологического и политического контроля над всеми видами деятельности, в том числе внешнеполитической и внешнеэкономической, открыл новые возможности в развитии российско-тайваньских отношений. В их пользу работало и то обстоятельство, что в этот момент отношения России с КНР все еще оставались достаточно прохладными, а в новом руководстве России усилилось влияние прозападно настроенных политиков, считавших, что Москва должна ориентироваться не на «тоталитарный Китай», а на развитые демократические страны. Анализируя новую ситуацию, П.М. Иванов писал: «Падение коммунистического режима в СССР причинило серьезные неудобства руководству Пекина. Прежде всего, произошел демонтаж идеологического партнерства с Москвой. Теперь «братская» преданность делу объединения Китая под покровительством КНР не могла больше служить причиной воздержания СССР/России от развития неофициальных контактов с Тайванем. Конечно, стратегическая важность дружественных отношений с КНР не испарилась вместе с падением советского коммунизма, но Москва определенно обрела большую гибкость»¹¹¹. Однако, как сказал в интервью тайваньской газете «Цзыли цзаобао» заведующий сектором Института Дальнего Востока АН СССР С.Н. Гончаров, изменение политического режима в СССР хотя и открыло новые возможности для сотрудничества с Тайванем, его сдерживало то обстоятельство, что часть чиновников новых независимых государств, возникших на постсоветском пространстве, была неискушенна в дипломатии, а часть не имела представления о степени сложности отношений между КНР и Тайванем¹¹².

Дипломатическая неопытность нового российского руководства и влияние на него различных политических и экономических групп приводило к «шараханью» из стороны в сторону во внешней политике, в том числе и в отношениях

¹⁰⁸ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 24–25.

¹⁰⁹ «中央日報», 1992年3月31, 第3版.

¹¹⁰ «中國時報», 1991年4月4日, 第6版.

¹¹¹ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 26.

¹¹² Tzu-lih Tsao-pao (The Independence Morning Post). August 25, 1991. P. 5.

с КНР и Тайванем. Вот что писал по этому поводу российский исследователь А.Г. Ларин: «За годы существования Российской Федерации в отечественной политике и политологии, говоря обобщенно, было выработано три модели взаимоотношений с Китаем, каждой из которых соответствовал свой подход к Тайваню.

Первая модель сформировалась и в значительной мере была воплощена в жизнь сразу после образования нового российского государства. В тот период во внешней политике Москвы господствовали наивные ожидания бескорыстного, романтически благородного отношения к России со стороны США и других стран Запада — как бы в награду за то, что страна покончила с коммунистической властью... Свою главную внешнеполитическую цель новые деятели видели в скорейшем включении страны в политические и экономические структуры Запада, в налаживании «стратегического партнерства» с США... Неудивительно, что в этих обстоятельствах отношения с Китаем оказались отодвинутыми далеко на задний план. ...На Китай начали поглядывать как на идеологического оппонента... Предполагалось, что Россия будет противостоять Китаю совместно со странами Запада, тем самым укрепляя политические, а также военные связи с ними.

...Что же касается России и Тайваня, то их отношения развивались в совершенно ином ключе. Как раз в те годы Россия и Тайвань, быстро сломав лед прежней вражды, переживали период небывалого сближения и больших надежд.

Описанная модель российско-китайских отношений — назовем ее «атлантической» — функционировала несколько лет... После чего она, можно сказать, тихо скончалась, поскольку абсолютно не оправдала себя: Запад отказался пожать руку, протянутую Россией для «стратегического партнерства», и в этих условиях отдаление от Китая, не слишком разумное само по себе, стало выглядеть попросту безрассудным... В целом явно неудачная для России, эта модель российско-китайских отношений имела по крайней мере одно положительное последствие. А именно, она оставила после себя стабильные, имеющие хорошую перспективу, хотя и ограниченные известными пределами связи между Москвой и Тайбэем.

...Если предлагаемый российскими левыми блок России и Китая против США мало что оставил бы от связей между Россией и Тайванем, то сбалансированный вариант российско-китайского партнерства... ни в коем случае не перекрывает возможности поддержания и развития таких связей. И вот почему.

Во-первых, Тайвань уже стал для России одним из наиболее крупных торгово-экономических партнеров в АТР.. Во-вторых, в России существуют опасения, что в связке с Китаем она может, вследствие своей внутренней слабости, попасть в положение ведомого, а подобные ситуации воспринимаются российским общественным мнением весьма болезненно. На этом фоне отношения между Москвой и Тайбэем могут приобрести характер символа, свидетельствующего о самостоятельности Москвы, и это придает им дополнительную ценность в глазах российских политиков»¹¹³.

¹¹³ Ларин А.Г. Три модели российско-китайских отношений и место в них Тайваня // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива (материалы конференции). М., 1997. С. 25–34.

**МИН Цзи 明驥 (род. 1926) —
тайваньский государственный и общественный деятель,
эксперт по СССР, России и государствам СНГ**

Родился 24 января 1926 г. в деревне Люцзяхэ провинции Хубэй. После окончания средней школы в 1942 г. поступил на юридический факультет университета Чаоян, однако, не закончив учебы, ушел в армию. Участвовал в антияпонской, затем — в гражданской войне в армии Гоминьдана. В 1949 г. эвакуировался на Тайвань с отступающими войсками. Окончил училище иностранных языков при Школе политработников по специальности «русский язык». Был кандидатом в члены ЦК Гоминьдана, заместителем председателя комиссии ЦК Гоминьдана по культуре, теле- и радиовещанию (в ранге министра). Имеет воинское звание генерала. В 1973—1978 гг. — директор Китайской киностудии и заместитель генерального директора Китайской кинематографической корпорации (крупнейшей на Тайване государственной компании по производству фильмов). В 1978—1984 гг. — генеральный директор Китайской кинематографической корпорации. В 1988—1998 гг. — декан факультета русского языка, с 1991 г. — директор института России Университета китайской культуры (Тайбэй). Внес большой вклад в пропаганду изучения русского языка, истории и литературы СССР и России на Тайване, в развитие неофициальных связей Тайваня с Россией и другими государствами бывшего СССР. Организовал первые визиты на Тайвань депутатов Моссовета и руководителей ведущих российских вузов. Автор ряда книг по внешней политике СССР и советско-китайским отношениям. Академик Международной славянской академии наук (1999, Киев, Украина).



Первые месяцы после отставки М.С. Горбачева ознаменовались ростом активности в двусторонних контактах. В октябре 1991 г. Тайвань для участия в открытии тайбэйского представительства финансовой компании «Eurasco» посетил председатель Центрального банка СССР В.В. Геращенко, который на встрече с министром экономики Цзян Бинкунем заявил о возможности, по прошествии некоего начального периода в развитии двусторонних отношений, открытия в тайваньской столице российского офиса по выдаче виз. В декабре председатель тайваньского Национального научного совета (ННС) при Исполнительном юане (правительстве) Ся Ханьминь посетил СССР, чтобы оценить возможности практического использования его научно-технического потенциала. В декабре 1991 г. при посредничестве А.В. Лукина на III съезде Демократической партии России (ДПР) побывал декан факультета русского языка Китайского университета культуры, в прошлом влиятельный функционер Гоминьдана, профессор Мин Цзи. В своем выступлении на съезде он, в частности, объявил о принятом на Тайване решении о предоставлении стипендий российским студентам и научным работникам для посещения острова¹¹⁴. В том же месяце в Москве под названием «Московское отделение тайбэйского центра международной торговли» открылось представительство

¹¹⁴ Мин Цзи. Выступление на заседании Третьего съезда Демократической партии России (ДПР) // Мин Цзи. Одинокая чайка. Taipei. Chinese Culture Univeristy Press, 1998.

Китайского (тайваньского) совета по развитию внешней торговли (СЕТРА). И хотя даже в это время отношение советских властей к визитерам с Тайваня оставалось крайне непоследовательным, тайваньская сторона смотрела на перспективы развития связей с СССР с большим оптимизмом, ожидая открытия прямого воздушного и морского сообщения между СССР и Тайванем, расширения и укрепления сотрудничества между банками и введения советскими властями льготных налогов на тайваньский импорт в Советский Союз. В свою очередь российские предприниматели и политики, слабо представлявшие себе реалии российско-китайских отношений и политической ситуации на Тайване и характер его взаимоотношений с США, начали строить не вполне реалистичные планы сотрудничества, например, о поставках на остров российского оружия. В частности, в начале 1992 г. бывший командующий Тихоокеанским флотом В.В. Сидоров нанес частный визит на Тайвань, после чего контакты российских и тайваньских представителей, имевших отношение к оборонному комплексу и силовым структурам, стали довольно частыми¹¹⁵. По данным П.М. Иванова, предложения на эти закупки Тайванем российского оружия, сделанные российской стороной, вызвали в Тайбэе определенный интерес. Тайваньские СМИ начали обсуждать возможные российско-тайваньские оружейные контракты как нечто само собой разумеющееся. Министр обороны Тайваня Чэнь Лиань даже консультировался по этому вопросу с главой МИД Цянь Фу, однако в январе 1992 г. тот отверг какую-либо возможность переориентации Тайваня, вооруженные силы которого на 85% укомплектованы американским оружием, на военно-техническое сотрудничество с Россией¹¹⁶. Препятствием на пути развития российско-тайваньского военно-технического сотрудничества стала в то время и позиция МИД России. Так, в 1994 г. по настоянию российского внешнеполитического ведомства были свернуты контакты между заинтересованными тайваньскими лицами и авиастроительной корпорацией «Сухой» в Комсомольске-на-Амуре¹¹⁷. Но российские оружейные компании, как мы увидим дальше, не оставят попыток продвинуть свою продукцию на Тайвань.

В начале 1990-х гг. тайваньские власти стремились использовать любые возможности для расширения экономического сотрудничества с Россией, не оставляя надежды на получение от ее «демократического» руководства политического и дипломатического признания. В апреле 1992 г. в Москву приехал занимавший в то время пост заместителя министра иностранных дел Тайваня Чжан Сяоянь. Несмотря на частный характер визита, Чжан Сяоянь встретился с председателем Экспертного совета при правительстве Российской Федерации О.И. Лобовым и подписал с ним протокол о создании Тайбэйско-Московской и Московско-Тайбэйской координационных комиссий по экономическому и культурному сотрудничеству (ТМК и МТК). 2 сентября 1992 г. возглавляемый О.И. Лобовым Экспертный совет при правительстве был переподчинен президенту. Подписывая у Б.Н. Ельцина соответствующие бумаги, О.И. Лобов убедил президента одобрить создание МТК и ТМК¹¹⁸. Правда, оценивая это событие, вице-премьер России А.Н. Шохин в разговоре с ока-

¹¹⁵ «俄罗斯曾同意向台湾出售基洛潜艇与S300导弹» (Россия в свое время была согласна продать Тайваню подводные лодки «Кило» и управляемые ракеты S-300), «航空世界», 2008 г. 8月14日 (<http://mil.news.sina.com.cn/p/2008-08-14/0913516480.html>).

¹¹⁶ *Ivanov Peter M. Russian-Taiwanese relations.* P. 29.

¹¹⁷ «俄罗斯曾同意向台湾出售基洛潜艇与S300导弹».

¹¹⁸ Москва и Тайбэй договорились об обмене неофициальными миссиями // Известия. 10 сентября 1992 г. С. 1; Кондрашов С. Частная дипломатия вокруг Тайваня // Известия. 17 сентября 1992 г. С. 6.

завшился в Москве в начале сентября 1992 г. министром экономики Тайваня Цзян Бинкунем посоветовал не ждать никакого особого прорыва в российско-тайваньских отношениях¹¹⁹. Однако буквально через пару дней О.И. Лобов в интервью газете «Известия» заявил, что в МТК должны были войти представители «государственных структур», а также что сотрудники комиссий получают определенные квази-дипломатические привилегии и право выдавать дорожные документы, под которыми явно подразумевались визы¹²⁰. Как отмечал А.В. Лукин, подобные заявления О.И. Лобова, как и то обстоятельство, что его переговоры с Чжан Сяоянем шли без предварительного уведомления КНР, что следовало бы сделать в соответствии с неформальным пониманием, сложившимся между Москвой и Пекином, вызвали сильную обеспокоенность китайского руководства. 12 сентября 1992 г. посол КНР в Москве Ван Цзиньцин сделал официальный запрос о статусе комиссии на встрече с министром иностранных дел А.В. Козыревым, отметив, что подписание соглашения о комиссиях нарушает соглашения по тайваньской проблеме, достигнутые на консультациях по подготовке визита российского президента в Китай, намеченного на конец 1992 г., А.В. Козырев, дав объяснения по этому поводу, заявил, что российская позиция в отношении Тайваня остается неизменной¹²¹.

Деятельностью О.И. Лобова, воспользовавшегося близкими отношениями с президентом¹²², но не имевшего большого влияния на достаточно прозападно настроенное правительство России, был недоволен не только Пекин. Его критиковал и ряд влиятельных фигур российской политики, в частности, первый вице-премьер и государственный секретарь Г.Э. Бурбулис, чье соперничество и вражда с О.И. Лобовым были хорошо известны¹²³, а также многие российские правительственные учреждения, в том числе МИД, Служба внешней разведки, Министерство обороны, Государственная дума, хорошо понимавшие важность отношений с КНР и возмущенные тем, что их фактически исключили из процесса принятия решений по важным вопросам международных отношений. Благодаря их вмешательству, а также активным протестам Пекина, Б.Н. Ельцин был вынужден притормозить инициативу О.И. Лобова. 15 сентября 1992 г. президент подписал указ № 1072 «Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем». В документе подтверждалась приверженность Москвы принципу «одного Китая»: «...Существует только один Китай. Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай», неотъемлемой частью которого является Тайвань. Все российские представительства на Тайване и тайваньские в России объявлялись строго неправительственными, они не могли претендовать на статус, компетенцию, привилегии и льготы, присущие государственному органу, или иметь в своем составе правительственных служащих. Использование государственной символики «Китайской Республики» и самого ее названия было запрещено в государственных органах России, и Министерству иностранных дел давались полномочия по выполнению указа и по внесению в правительство предложений по приостановке деятельности учреждений и наказанию государственных служащих,

¹¹⁹ «聯合報», 1992年9月7日, 第4版.

¹²⁰ Захарько В. Россия и Тайвань становятся ближе друг к другу. Интервью с О.И. Лобовым // Известия. 11 сентября 1992 г. С. 6.

¹²¹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. С. 431.

¹²² О.И. Лобов работал в Свердловском обкоме КПСС под руководством Б.Н. Ельцина.

¹²³ Ivanov Peter M. Russian-Taiwanese relations. P. 37.

его нарушающих. Открытие постоянных представительств МТК в Тайбэе и ТМК в Москве и назначение персонала МТК откладывалось до согласования с МИДОм¹²⁴. По сути, указ передал реальный контроль над ведением дел с Тайванем МИДУ, который должен был использовать для этих целей специально созданную общественную организацию, что является обычной мировой практикой в отношениях с островом¹²⁵.

**Олег Иванович ЛОБОВ (род. 1937) —
российский политический деятель и предприниматель**

Родился 7 сентября 1937 г. в Киеве. В 1960 г. окончил факультет Промышленного и гражданского строительства Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта по специальности инженер-строитель. В 1960—1972 гг.



работал в проектных организациях Свердловска — Уральском государственном институте по проектированию заводов основной химической промышленности и Уральском научно-исследовательском и проектно-конструкторском институте, занимался проектированием промышленных объектов. Прошел путь от инженера до главного инженера. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1972 г. — заместитель, с 1975 г. — заведующий отделом строительства Свердловского областного комитета КПСС. В 1976—1982 гг. — начальник треста «Главсредуралстрой» Министерства тяжелой промышленности СССР. С 1982 г. — секретарь Свердловского обкома КПСС по строительству, с 1983 г. — 2-й секретарь обкома.

В 1985—1987 гг. — председатель Свердловского облисполкома. В 1987—1989 гг. — инспектор ЦК КПСС, затем заместитель Председателя Совета Министров РСФСР. В 1989—1991 гг. был 2-м секретарем ЦК Компартии Армении. Избирался народным депутатом СССР (1989—1991), членом Верховного Совета СССР (1990—1995). На XXVIII съезде партии был избран членом ЦК КПСС (1990—1991). С апреля по ноябрь 1991 г. — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР. В 1992—1993 гг. возглавлял Экспертный Совет при Председателе Правительства РФ. С апреля по сентябрь 1993 г. — первый заместитель Председателя Правительства РФ, министр экономики РФ. С сентября 1993 г. по июнь 1996 г. — секретарь Совета Безопасности РФ, с августа 1995 г. был также Полномочным представителем Президента РФ в Чеченской Республике. С 18 июня 1996 г. до 9 августа 1996 г. — первый заместитель Председателя Правительства. С 14 августа 1996 г. по 1 апреля 1997 г. — заместитель Председателя Правительства РФ. С уходом в 1997 г. из Правительства РФ возглавил Ассоциацию международного сотрудничества, организовал две компании: Республиканская инновационная компания «РИНКО» и ЗАО «ЦентрЭКОММАШ». председатель Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству с момента ее создания в 1992 г.

¹²⁴ Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем. Указ президента РФ // Российская газета. 19 сентября 1992 г. С. 5.

¹²⁵ Цит. по: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. С. 432.

Анализируя скандальную ситуацию в отношениях Москвы с Пекином и Тайбэем, возникшую вследствие инициативы О.И. Лобова, обозреватель «Известий» С.Н. Кондрашев, процитировав некоторые высказывания лоббиста, которые могли быть истолкованы как свидетельство наличия между Россией и Тайванем официального межправительственного диалога, обвинил О.И.Лобова в том, что тот, используя свои связи, «приватизировал» отношения с Тайванем, не считаясь с последствиями. Причинами этого инцидента, ответственность за который журналист возложил на «работающую через пень-колоду» машину российской дипломатии, он назвал не только «обычное недомыслие любителей», которые своим невежеством наносят ущерб государству и подрывают его престиж, но и «чей-то личный интерес». Намекая на оказание тайваньцами финансовой помощи некоторым российским политикам, С.Н. Кондрашев писал, что «Тайвань играет по-крупному. Из своих свободных капиталов он готов раскошелиться, зная, как у нас тяжело с валютой и как падки на нее россияне». Далее он делал вывод: «Как бы то ни было, сближение Москвы с Тайбэем не должно достигаться ее удалением от Пекина. Хорошо, что президентский указ не допускает в этом вопросе двусмысленного толкования»¹²⁶.

Появление указа российского президента (кстати, совпавшее с прибытием О.И. Лобова в Тайбэй для подписания с тайваньской стороной меморандума о понимании по поводу туризма и авиасообщений) по оценке П.М. Иванова «не блокировало российско-тайваньского диалога. В некотором смысле декрет от 12 сентября 1992 г. послужил как руководящее указание к институализации. Установленные указом ограничения диктовались логикой современных российско-китайских отношений и помогли избежать ненужного конфликта с Пекином. В то же время указ не исключал никакого прогресса в российско-тайваньском сотрудничестве». По мнению П.М. Иванова, появление документа облегчило задачу президента РФ Б.Н. Ельцина по улучшению отношений с КНР во время его первого визита в Пекин в декабре 1992 г. Он сумел убедить китайскую сторону, что отношения России с Тайванем не выйдут за пределы неофициальных контактов. В «Совместной декларации об основах отношений между Россией и КНР», подписанной в Пекине Б.Н. Ельциным и Председателем КНР Ян Шанкунем, снова заявлялось, что Россия признает правительство Китая и Тайвань в качестве неотъемлемой части Китая и берет обязательство не устанавливать официальных связей с Тайванем и не обмениваться официальными визитами. С другой стороны, в декларации упоминалось и стремление России развивать экономические, научно-технологические, культурные и другие связи с Тайванем исключительно на неофициальной основе¹²⁷.

Этот эпизод позволил западным экспертам сделать вывод о том, что после распада СССР в подходах новой России к Тайваню не произошло принципиальных изменений. Они по-прежнему основывались на «четырех нет»: 1 — «нет» признанию независимости Тайваня; 2 — «нет» признанию концепции двух Китаев; 3 — «нет» участию Тайваня в любых международных организациях, членство в которых ограничено только суверенными государствами; 4 — «нет» поставкам оружия на Тайвань¹²⁸.

¹²⁶ Кондрашев С. Частная дипломатия вокруг Тайваня // Известия. 17 сентября 1992 г. С. 6.

¹²⁷ Ivanov Peter M. Russian-Taiwanese relations. P. 40.

¹²⁸ Mann Stephanie. International Reaction to Taiwan's Election // Voice of America. March 19, 2000. Federation of American Scientists: News (<http://www.fas.org/news/taiwan/2000/000319-taiwan2.htm>).

Эта оценка, однако, не учитывала таких «непринципиальных изменений», как открытие представительства ТМК в Москве в июле 1993 г. и офиса МТК в Москве в августе того же года. 19 августа 1993 г. газета «Известия» охарактеризовала МТК как международный неправительственный орган, созданный для координации двусторонних связей и защиты интересов российских граждан и организаций. П.М. Иванов назвал эту характеристику «примером непонимания, причиной которого стала двусмысленность статуса МТК. Она не была международной организацией и, если она была неправительственной, как она могла защищать российские интересы на Тайване?»¹²⁹ Как это противоречие разрешалось на практике показывает высказывание о работе МТК министра иностранных дел Тайваня Цянь Фу: «Если вы спрашиваете их, они отвечают, что отношения всегда были «неофициальными», но если не задавать вопросов, то отношения оказываются вполне официальными»¹³⁰.

Правда, МТК долго не удавалось открыть свое представительство в Тайбэе, хотя разговоры об этом велись на разных уровнях с 1993 г. Позднее среди причин задержки называли, например, противодействие «когорты Лобова», не заинтересованного в появлении в Тайбэе чиновников МИД России, которым смогут стать известны некоторые сомнительные транзакции, осуществляемые людьми МТК¹³¹. Но были и еще две причины: укрепление российско-китайских отношений, начавшееся в первой половине 1990-х гг., и усиление позиций антизападных сил в российской законодательной власти после парламентских выборов 1995 г.¹³²

Некоторое негативное влияние на развитие российско-тайваньских отношений оказала и череда разоблачительных публикаций в СМИ, портивших позитивный имидж Тайваня. В 1993 г. в «Известиях» и «Комсомольской правде» появились статьи об обнаружении пестицидов в партии риса, поступившего в Россию с Тайваня в виде гуманитарной помощи, ставшие поводом для разбирательств в законодательном собрании Тайваня¹³³. В 1994–1995 гг. появились сообщения о том, что российское Министерство атомной энергетики (Минатом), надеясь пополнить свой бюджет, в обстановке секретности провело переговоры с Тайваньской государственной электрической компанией о возможности захоронения тайваньских ядерных отходов в России. Сделка не состоялась из-за шума, поднятого в российских СМИ¹³⁴, который, естественно, не способствовал улучшению образа Тайваня.

Повод для скандальных публикаций давали российским СМИ и российские политики. Так, в начале 1994 г., через несколько месяцев после того, как Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) получила на выборах в Госдуму более 20% голосов, ее лидер В.В. Жириновский неожиданно пригласил в Москву на съезд партии президента Тайваня Ли Дэнхуэя. В.В. Жириновский утверждал, что российский МИД готов выдать тайваньскому президенту визу, если он приедет как частное лицо. Предложение политика прозвучало по национальному российскому телевидению и «было воспринято российской

¹²⁹ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 41.

¹³⁰ «立法院公報», 民國82年 (1993, No. 15 (1993), 頁184.

¹³¹ «中央日報», 1995年6月12, 第4版.

¹³² *Ivanov Peter M.* Op. cit. P. 44.

¹³³ Ibid. P. 41.

¹³⁴ *Скосырев В.* Тайвань хотел бы захоронить свои ядерные отходы в России // Известия. 3 марта 1994 г. С. 3; *Агафонов С.* Тайваньская помойка среди русских берез? // Известия. 1 ноября 1995 г. С. 3.

общественностью как анекдот»¹³⁵. В итоге Ли Дэнхуэй отклонил приглашение, возможно, выяснив истинную позицию российского правительства, которое не могло одобрить такой визит, поскольку он нанес бы серьезный удар по отношению Москвы с Пекином.

Несмотря на все эти проблемы, в 1993–1995 гг. российско-тайваньские отношения развивались довольно активно. 4 мая 1993 г. международная финансово-промышленная корпорация Taroco Enterprises Inc., контролирующая ряд производств в Юго-Восточной Азии и США, начала реализацию своего первого крупномасштабного проекта в России «Обувь для всей семьи» (Family shoes), предполагавшего поставки обуви, произведенной крупными тайваньскими компаниями под европейскими марками, такими как Marcello Di Roma, Lanice De Paris и Wings USA. Реализации проекта в значительной мере способствовало то обстоятельство, что с февраля 1993 г. таможенные пошлины на тайваньские товары были приравнены к пошлинам на китайские товары, т.е. составили половину базовой ставки. По данным газеты «Коммерсантъ», в России Taroco присутствовала с 1988 года, занимаясь экспортно-импортными операциями и налаживанием корреспондентских отношений между Asia Bank N.A (входит в состав Taroco) и рядом коммерческих банков. В начале 1993 г. в Москве при участии Taroco был создан российско-американский Транскапиталбанк¹³⁶. Осенью 1993 г. Тайвань посетил бывший председатель комитета по международным делам Верховного Совета России Е.А. Амбарцумов.

В 1994 и 1995 гг. состоялись визиты в Москву руководителей следственного бюро министерства юстиции Тайваня, способствовавшие развитию двустороннего сотрудничества в правоохранительной сфере¹³⁷. В декабре 1995 г. мэр Тайбэя Чэнь Шуйбянь посетил Москву и Петербург, где встретился с вице-мэром В. Путиным и инициировал «дипломатию городов». В ее рамках 22 августа 1996 г. было установлено побратимство между Тайбэем и Улан-Удэ¹³⁸.

Однако, как считает П.М. Иванов, в 1990-е гг. оба субъекта российско-тайваньских отношений преследовали совершенно разные цели. «Говоря коротко, российский подход был нацелен на максимальные экономические достижения, не сопровождающиеся сдвигами в политической сфере», в то время как целью Тайваня было «ускорить инкорпорирование страны в мировое сообщество, добиться международного признания Китая разделенной страной, состоящей из двух равных политических объектов, и увеличить число наций, имеющих устойчивые и дружеские отношения с Китайской Республикой. Проще говоря, Тайвань преследовал серьезные политические цели, а все остальные цели играли подчиненную роль»¹³⁹. Среди других факторов, затруднявших российско-тайваньские отношения на начальном этапе, П.М. Иванов отметил то обстоятельство, что «Пекинское лобби» в российских властных структурах оказалось намного влиятельнее «Тайваньского лобби»¹⁴⁰.

¹³⁵ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 50.

¹³⁶ Первый крупный проект с Тайванем. Taroco Enterprises привлекает в Россию капиталы из Юго-Восточной Азии // *Коммерсантъ*. 08.05.1993 (<http://www.kommersant.ru/doc/47376?isSearch=True>).

¹³⁷ «中國時報», 1995 г. 9月20日, 第6版; «聯合報», 1994 г. 9月3日, 第4版.

¹³⁸ *Лю Валентин*. Указ. соч.

¹³⁹ *Ivanov Peter M.* Op. cit. P. 46–47.

¹⁴⁰ *Ibid.*

**ЛИ Дэнхуэй 李登輝 (р. 1923 г.) —
политический деятель Тайваня,
Президент Китайской Республики (1988–2000)**

Родился 15 января 1923 г. в деревне Саньчжи города Синьбэй тайбэйского уезда острова Тайвань, который в то время был японской колонией, в семье хакка. В 1940 г., во время учебы в средней школе в рамках кампании по смене имен



на японские взял имя Ивасато Масао, которое носил до конца войны. В 1943 г. после окончания средней школы высшей ступени был направлен в Императорский университет в Киото, где учился на факультете сельского хозяйства. В 1944 г. поступил добровольцем в японскую армию, где служил в звании младшего лейтенанта до поражения Японии в войне. В 1946 г. окончил университет в Киото. После перехода Тайваня под контроль Китая поступил на факультет экономики сельского хозяйства Тайваньского государственного университета, который окончил в 1949 г. В это время заинтересовался марксизмом и в 1946 г. вступил в КПК, однако оставался в ней недолго. Вскоре он отправился на учебу в Университете штата Айова в США, где в 1953 г. получил степень

магистра по экономике сельского хозяйства. Вернувшись на Тайвань, работал аналитиком в Управлении лесного и сельского хозяйства провинции Тайвань, затем — в Кооперативном банке и Китайской совместной комиссии по возрождению сельского хозяйства, занимался преподавательской работой. В 1961 г. крестился (член Пресвитерианской церкви Тайваня). С 1965 по 1968 г. учился в Корнельском университете (США), где получил степень доктора по экономике сельского хозяйства. После возвращения на Тайвань преподавал в Тайваньском государственном университете. В 1971 г. вступил в Гоминьдан и был назначен членом кабинета министров без портфеля. С 1978 г. — мэр города Тайбэй. С 1981 г. — губернатор провинции Тайвань. С 1984 г. — вице-президент, в 1988–2000 гг. — Президент Китайской Республики. В годы пребывания у власти Ли Дэнхуэя были установлены отношения между Тайванем и Россией на неправительственном уровне и открыты неофициальные представительства Тайбэя в Москве и Москвы в Тайбэе. После ухода в отставку фактически поддерживал идею независимости Тайваня и выступал против кандидатов Гоминьдана на выборах.

Ярким свидетельством слабости «Тайваньского лобби» стала неудача, которой обернулась предпринятая ЛДПР в 1997–1998 гг. попытка провести через Думу федеральный закон об отношениях с Тайванем, инициатором которого был ведущий эксперт партии по международным делам А.В. Митрофанов. Хотя к середине 1990-х гг. объективные и субъективные трудности и определяемые ими пределы возможного в экономическом сотрудничестве с Тайванем стали очевидными, А.В. Митрофанов продолжал утверждать, что Тайвань в одиночку способен предоставить инвестиционный капитал, необходимый России для экономических реформ, и что, «учитывая разветвленные связи Тайваня с мировым сообществом, наше присутствие в обеих частях Китая — КНР и Тайване — обеспечит необходи-

мый баланс стратегических интересов России относительно США и Японии как в целом мире, так и в соответствующих его регионах»¹⁴¹.

В апреле 1997 г. возглавлявшийся А.В. Митрофановым Комитет Государственной Думы по геополитике, в котором преобладали члены ЛДПР, разработал проект закона «О развитии сотрудничества Российской Федерации с Тайванем». Документ достаточно подробно расписывал деятельность и задачи МТК и предусматривал наделение персонала этой формально неправительственной организации всеми правами госслужащих, включая «привилегии и иммунитеты», т.е. фактически и юридически превращая тайбэйское представительство МТК в российское консульство. Однако, когда через год ЛДПР попыталась внести законопроект на рассмотрение Думы, большинство депутатов даже не согласились включить вопрос о законопроекте в повестку дня. Критики законопроекта предупреждали, что не нужно провоцировать Пекин, принимая особый закон по Тайваню, в то время как юридические рамки для отношений с островом уже установлены указом Б.Н. Ельцина¹⁴². Опасения по поводу возможной негативной реакции Пекина тормозили иногда и реализацию уже принятых российско-тайваньских соглашений о сотрудничестве. Например, несмотря на то, что соглашение об открытии компаниями «Трансаэро» и «Чайна Эйрлайнз» прямых авиарейсов между РФ и Тайванем вступило в силу еще 3 сентября 1997 г., открытие воздушного сообщения затянулось, и первые авиарейсы Тайбэй–Владивосток–Тайбэй были выполнены лишь 30 апреля — 1 мая 2001 г. компанией «Владивосток Авиа»¹⁴³. Более удачно складывались дела в области морского сообщения: 9 января 1998 г. стороны подписали «Протокол обмена мнениями по вопросам регулирования судоходства между портами России и Тайваня», который обеспечил российским судам возможность захода в порты Тайваня, а тайваньским — в порты России¹⁴⁴.

Не принес прорыва в российско-тайваньских отношениях и трехдневный визит В.В. Жириновского на Тайвань в октябре 1998 г. в компании 40 российских политиков, журналистов и предпринимателей, в ходе которого российская делегация встретила с президентом Ли Дэнхуэем и другими высшими тайваньскими политиками. Зато визит вызвал формальный протест со стороны китайских властей, охарактеризовавших его как «акцию, которая может привести к формированию «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня» и, таким образом, «идет вразрез с ясными обязательствами России, взятыми по Тайваню»¹⁴⁵. В целом негативную оценку визит В.В. Жириновского получил и в российских СМИ, которые, в частности, сообщали, что официальный представитель МИДа интересовался, кто финансировал эту поездку на специально арендованном делегацией самолете, и высказывали предположение, что визит оплатила тайваньская сторона¹⁴⁶.

Главные причины торможения российско-тайваньского практического сотрудничества в первой половине 1990-х годов состояли в сложности российского налогового законодательства и системы выдачи лицензий, несовершенстве

¹⁴¹ Митрофанов А.В. Шаги новой геополитики. М.: Русский вестник, 1997. С. 217, 219.

¹⁴² Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом, с. 455.

¹⁴³ Лю Валентин. Указ. соч.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Zhirinovsky in Taipei. Monitor 4. No 193 (October 1998). The Jamestown Foundation ([http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=17061&tx_ttnews\[backPid\]=212](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=17061&tx_ttnews[backPid]=212)).

¹⁴⁶ Чудодеев А.Ю. Жириновский летит к внуку Чан Кайши // Сегодня. 17 октября 1998 г. С. 2.

законодательства, отсутствии элементарной безопасности. Это отбивало охоту у тайваньских инвесторов сотрудничать с Россией. В 1995 г. министр экономики Тайваня Цзян Бинкунь заявил, что Россия не может рассматриваться как место, безопасное для тайваньских инвестиций, и порекомендовал тайваньским предпринимателям ограничиться активностью в сфере торговли¹⁴⁷.

Не имея возможности или не желая радикально улучшить инвестиционный климат в России, российские власти ограничивались развитием межведомственных контактов на разных уровнях. В 1999 г. депутаты Госдумы РФ учредили «Общество дружбы России и Тайваня», а члены Законодательного юаня — «Общество дружбы парламентариев КР и РФ», что привело к активизации взаимных обменов группами парламентариев, судей и местных властей¹⁴⁸.

Россию и Тайвань сближали не только радости, но и горести. В сентябре 1999 г. Россия направила на остров отряд МЧС, который принял участие в спасательных работах после сильного землетрясения в центральной части Тайваня. Для помощи в восстановлении домов жители Приморья прислали на Тайвань 3000 кубометров древесины. Как отмечает В. Лю, «российская помощь жертвам землетрясения 21 сентября 1999 г. имела важные психологические последствия, сильно растопив «лед недоверия» к России, десятилетиями воспринимавшейся тайваньцами в роли идеологического врага и пособника китайских коммунистов. Кроме того, к концу 1990-х Россию посетили десятки тысяч тайваньских туристов и бизнесменов, лично увидевших жизнь страны «ледяного неба и снежной земли»¹⁴⁹. Осенью 2000 г. тайваньская сторона выделила 200 тыс. долл. США в качестве гуманитарной помощи семьям погибших членов экипажа АПЛ «Курск».

«В целом, — считает В. Лю, — к концу 1990-х гг. стороны накопили немалый опыт, позволявший ощутить качественные пределы количественного роста российско-тайваньских отношений. Тайваньцы окончательно оставили надежды превратить их в некую альтернативу официальным отношениям Москвы и Пекина. Россияне также оставили иллюзии о притоке крупных тайваньских инвестиций и огромном потенциале тайваньского капитала в развитии экономики РФ. Обе стороны осознали, особенно после азиатского кризиса 1998 г., нереальность развития российско-тайваньских отношений без учета китайского фактора и зависимость этих отношений от связей в треугольнике Москва—Пекин—Тайбэй». В 2000—2001 гг. посещавший Москву советник президента Ли Цзайфан открыто признавал: «Тайваню нужны не политические или официальные связи, а взаимовыгодные торгово-экономические связи», не вредящие отношениям между РФ и КНР. Ли призвал создать новое «Экономическое сообщество Северо-Восточной Азии» (СВА) с участием Тайваня, России, Северной Кореи и Монголии. После создания такого сообщества, утверждал Ли, в него естественно вступит Южная Корея, а потом и Япония с КНР. В русле этих планов Тайбэй намерал открыть представительство во Владивостоке и призывал власти РФ «проявить инициативу в организации во Владивостоке конференции по экономическому развитию СВА». Но эта идея не вызвала отклика названных стран. Не были услышаны и призывы о привлечении Тайваня к программе ООН

¹⁴⁷ *Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations. P. 47.

¹⁴⁸ Лю Валентин. Указ. соч.

¹⁴⁹ Там же.

по Тумангану. Выполненный в 2001 г. авиарейс Тайбэй—Владивосток—Тайбэй стал единственным перелетом по этому маршруту. Открытие представительства Тайваня во Владивостоке также не осуществилось»¹⁵⁰.

Серьезным испытанием для отношений России и Тайваня стал мини-кризис в Тайваньском проливе, возникший в марте 1996 г., в период подготовки очередных президентских выборов на Тайване. Вооруженные силы КНР провели военную демонстрацию (150 тыс. войск) в непосредственной близости острова, устроив учебные пуски боевых ракет в зоне Тайваньского пролива. Целью акции было оказать давление на тайваньских избирателей и помешать сторонникам независимости Тайваня добиться успеха на выборах. Акция КНР была с тревогой воспринята на Тайване и в США. Вашингтон выступил с осуждением действий Китая. Ответной силовой демонстрацией стала отправка американских боевых кораблей в зону Тайваня. Однако до настоящего кризиса дело не дошло. Американские корабли не были введены в пролив, оставаясь в непосредственной близости от него.

Президент Тайваня Ли Дэньхуэй проявил сдержанность в вопросе провозглашения независимости. Но он подверг ревизии прежний подход тайваньской дипломатии относительно того, что существует «только один Китай». Тайваньское руководство стало подчеркивать фактическое существование КНР и Тайваня в качестве равных субъектов. Не отвергая объединения с КНР в будущем, Тайбэй говорил о продолжении этапа «двух Китаев», и о том, что формула «существует только один Китай» не соответствует содержанию этого этапа¹⁵¹. 12 марта 1996 г. вышло официальное заявление российского МИДа по поводу кризиса в Тайваньском проливе. В нем подчеркивалось, что позиция России не изменится, Тайвань — это часть Китая и Москва выступает за мирное решение данного кризиса¹⁵².

Занятая Россией позиция в целом встретила понимание в среде тайваньского экспертного сообщества. Оценивая сложившуюся ситуацию, тайваньский эксперт Чжэн Шупин писал: «Что касается России, то она, помимо экономических интересов, заинтересована в приобретении безопасного тыла в отношениях с США и другими странами НАТО. Китай также, помимо экономических интересов, в отношениях с государствами Юго-Востока (Китайская Республика на Тайване), Востока (США и Япония), Юга (все государства — члены АСЕАН, с которыми у Китая ведутся споры по поводу прав на острова и акваторию Южно-Китайского моря) хочет иметь безопасный тыл. Это и есть точки соприкосновения России и КНР, их общие интересы. Исходя из своих государственных интересов, Россия не может позволить себе быть вовлеченной в какие-либо территориальные конфликты и споры. Это решило то, что Россия при конфликте в Тайваньском проливе в 1996 г. придерживалась “фактического нейтралитета”»¹⁵³.

¹⁵⁰ Лю Валентин. Указ. соч.

¹⁵¹ Богатуров А.Д. Международные отношения в Восточной Азии // Торкунов А.В. Современные международные отношения. М.: РОССПЭН, 1999. Разд. II. Гл. 3. С.352.

¹⁵² Сюй Жуйвэнь. Кризис в Тайваньском проливе (1996 год) и политика России в отношении Тайваня // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Древо жизни, 1997. С. 55.

¹⁵³ Чжэн Шупин. Факторы международной обстановки и проблема отношений двух берегов Тайваньского пролива // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива (материалы конференции). М., 1997. С. 12.

Несколько иное объяснение дал российский исследователь Л.П. Делюсин: «Что же касается России, то в силу объективных условий ее роль представляется мне незначительной, и не только потому, что ее политические и экономические интересы в этой части света несравнимо меньше, чем у США. В то же время России не безразлично, как будет реализована политика воссоединения, ибо она, как страна, имеющая свой интерес в АТР, выступает за поддержание мира и безопасности в Азии, хотя, повторю, вопрос о Тайване для нее не является столь чувствительным, как для США и Японии»¹⁵⁴.

**Лев Петрович ДЕЛЮСИН (род. 1923) —
советский и российский ученый-китаевед,
общественный деятель**

Родился 16 ноября 1923 г. в Москве. В 17 лет начал свою трудовую деятельность библиотекарем детской библиотеки имени Герцена, затем работал счетоводом в колхозе в Челябинской области (1941–1942), где семья была в эвакуации. Принимал



участие в боевых действиях, войну закончил в 1945 г. в Прибалтике. В 1950 г. окончил китайское отделение Московского института востоковедения. В 1950–1958 гг. — корреспондент в Китае, обозреватель газеты «Правда». В 1958–1959 гг. — редактор-консультант международного коммунистического журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага, Чехословакия). В 1959 г. — в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС, с 1960 г. — референт-консультант Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Работал под руководством Ю.В. Андропова. В 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Классовая борьба в деревнях Центрально-Южного Китая в период аграрных преобразований (1950–1952)». С 1965 г. — заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. С 1966 г. —

заместитель директора Института международного рабочего движения АН СССР. В 1967–1990 гг. — заведующий Отделом Китая Института востоковедения АН СССР. В 1970–1972 гг. — директор Института научной информации по общественным наукам АН СССР. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК: 1921–1928 гг.». Профессор. После начала китайских реформ активно выступал против линии Отдела ЦК КПСС, направленной на сдерживание советско-китайских связей, за всестороннее развитие сотрудничества с Китаем. С 1990 г. главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований, затем (после слияния) — Института экономики РАН. Автор многочисленных работ по современной истории Китая, советско-китайским и российско-китайским отношениям. После событий 1989 г. ряд работ посвятил проблеме прав человека в Китае. Член редакционного совета журналов «The China Quarterly» и «Contemporary China» и художественного совета Московского театра драмы и комедии на Таганке.

¹⁵⁴ Чжэн Шунин. Факторы международной обстановки и проблема отношений двух берегов Тайваньского пролива // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива (материалы конференции). М., 1997. С. 14–15.

Память о кризисе в Тайваньском проливе 1996 г. заставила Москву занять критическую позицию по поводу избрания президентом Тайваня в 2000 г. и переизбрания в 2004 г. одного из лидеров демократической оппозиции Чэнь Шуйбяня, активного сторонника провозглашения независимости Тайваня. Оба эти события были расценены российским руководством как не отвечающие интересам тайваньского народа¹⁵⁵.

Позиция России по «тайваньскому вопросу» была зафиксирована в Статье 5 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 17 июля 2001 г., составившего основу дальнейшего развития отношений между Москвой и Пекином: «Российская Сторона подтверждает неизменность своей принципиальной позиции по тайваньскому вопросу, изложенной в политических документах, подписанных и принятых главами обоих государств в период с 1992 по 2000 г. Российская Сторона признает, что в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме»¹⁵⁶. Эта позиция была подтверждена в Совместной декларации РФ и КНР от 2 декабря 2002 г.: «Российская Сторона подтверждает, что Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, и что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Россия не будет устанавливать официальных отношений с Тайванем и поддерживать с ним официальные контакты. Россия неизменно признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая. Китайская сторона поддерживает усилия Российской Стороны по борьбе с чеченскими террористами и сепаратистами»¹⁵⁷.

В марте 2005 г. Госдума приветствовала принятие сессией Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Закона против сецессии, направленного на блокирование попыток отделить Тайвань от КНР, провозгласив: «Россия выступает против «независимости Тайваня» в любой форме и отвергает концепцию «двух Китаев» или «одного Китая, одного Тайваня»¹⁵⁸. 14 марта 2005 г. с официальным заявлением по тому же поводу выступило Министерство иностранных дел России. В заявлении отмечалось, что принятый на сессии ВСНП Закон против сецессии посвящен, «судя по его содержанию, путям и методам решения “тайваньского вопроса”. Россия неизменно придерживается в этом вопросе принципиальной позиции, считает, что в мире существует только один Китай, неотъемлемой частью которого является Тайвань. Исходя из этого, Россия выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме, не приемлет концепций “двух Китаев” или “одного Китая и одного Тайваня”. Российская сторона рассматривает тайваньский вопрос как внутреннее дело Китая и с пониманием

¹⁵⁵ *Bevin Chu*. The Big Lie of Taiwan's Election: A Lie Heard Halfway around the Word. January 25, 2004, Pravda.ru Online (<http://english.pravda.ru/news/russia/25-01-2002/25758-0/>).

¹⁵⁶ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, 17 июля 2001 г. (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256a8c004d1562!OpenDocument>).

¹⁵⁷ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 2 декабря 2002 г. (http://archive.kremlin.ru/interdocs/2002/12/02/0000_type72067_30569.shtml?type=72067).

¹⁵⁸ *Russian Lawmakers: China Has Right to Safeguard Territorial Integrity* // Xinhua News Agency. March 16, 2005. China Daily Online (http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-03/16/content_425530.htm).

относится к мотивам, побудившим Всекитайское собрание народных представителей принять данный закон». В заявлении также подчеркивалось, что в принятом законе «закреплена главная установка правительства КНР — безусловный приоритет мирных методов объединения родины в рамках политики “одно государство — две системы” и заявлено о готовности проявить во имя этого максимум доброй воли»¹⁵⁹.

Поддержку китайской стороне в связи с принятием Закона против сепаратизма выразил 17 марта 2005 г. начальник Генерального штаба ВС РФ Ю.Н. Балугецкий, прибывший в Пекин с официальным дружественным визитом. Он охарактеризовал принятие китайским руководством решения о недопустимости действий сепаратистских сил как «законное право Китая». В тот же день посол России в Китае И.А. Рогачев отметил, что принятие Закона против сепаратизма создало юридическую основу для решения тайваньского вопроса, что Закон демонстрирует искренность материковой части Китая в стремлении к мирному решению проблемы¹⁶⁰. Во всех российских комментариях отмечалось стремление КНР к мирному решению проблемы, что свидетельствовало о нежелательности для Москвы возникновения вооруженного конфликта вокруг Тайваня. В то же время Пекин постоянно подчеркивал свое право на любые средства решения конфликта.

В Пекине Ю.Н. Балугецкий провел переговоры с членом Центрального военного совета (ЦВС), начальником Генштаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Лян Гуанле¹⁶¹. Они обсуждали, среди прочего, детали совместных российско-китайских маневров сухопутных сил, авиации и военно-морского флота, которые должны были пройти в сентябре-октябре 2005 г. на северо-востоке Китая и в акватории Желтого моря¹⁶². В интервью СМИ Ю.Н. Балугецкий заверил, что учения не направлены против третьих стран¹⁶³. Однако буквально в тот же день, т.е. 17 марта, журналисты газеты «Коммерсантъ» высказали мнение, что «армии двух стран будут фактически репетировать захват Тайваня». Это утверждение основывалось на двух обстоятельствах. Во-первых, китайская сторона отказалась проводить совместные антитеррористические учения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, предложенном Россией как место, близкое к региону Центральной Азии, где есть угроза терроризма. Взамен Пекин предложил провести учения в провинции Чжэцзян на морском побережье. Однако российские военные отвергли этот вариант, поскольку проведение учений тут выглядело бы провокационным ввиду близости Тайваня. По их настоянию место учений перенесли на Шаньдунский полуостров, но китайская сторона пред-

¹⁵⁹ Заявление официального представителя МИД России А.В. Яковенко в связи с принятием китайским парламентом «Закона о противодействии деятельности по расколу страны», 14 марта 2005 г. (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc3256fc4003623c8!OpenDocument>).

¹⁶⁰ Китай—Россия, 2005 г.: хроника двусторонних отношений (<http://russian.china.org.cn/russian/187544.htm>).

¹⁶¹ В Пекине состоялись переговоры между начальниками Генштабов КНР и РФ, «Жэньминь жибао» (он-лайн, <http://russian.people.com.cn/31521/3252774.html>).

¹⁶² Россия и Китай подтверждают планы провести этой осенью первые совместные военные учения // Первый канал. Новости. 17 марта 2005 г. (<http://www.ltv.ru/news/world/51831>).

¹⁶³ Балугецкий Ю.: первые китайско-российские учения не направлены против третьих стран (портал CHINA.ORG.CN, <http://russian.china.org.cn/russian/164177.htm>).

ложила расширить формат учений и привлечь к ним морскую пехоту, большой десантный и большой противолодочный корабли, так что получалось, что на антитеррористических учениях должна была отрабатываться высадка морского десанта для захвата территории¹⁶⁴.

Тайвань официально на учения не отреагировал. А позднее, 9 октября 2009 г., в интервью корреспонденту «Газеты.RU» Ю. Зайнашеву глава московского представительства ТМК Чэнь Цзюньсянь заявил: «Эти учения России и Китая проходили преимущественно в районе Хабаровска, на северо-западе Китая и не были нацелены на Тайвань. Это не является предметом нашей озабоченности»¹⁶⁵.

Тем не менее администрация Тайваня использовала любые действия Пекина, которые можно было бы истолковать как угрозы и запугивание, для ограничения контактов между островом и материком. Так, 29 января 2006 г. президент Тайваня и лидер правящей Демократической прогрессивной партии Чэнь Шуйбянь предупредил, а 27 февраля 2006 г. объявил об упразднении Совета по вопросам национального воссоединения, созданного в 1990 г. в качестве консультативного органа при гоминьдановском правительстве Тайваня и служившего символом того, что Тайбэй хочет мирного объединения Китая. Свое решение Чэнь Шуйбянь мотивировал тем, что материковый Китай «не прекращает угрозы и тактику военного запугивания Тайваня». Пекин назвал ликвидацию СНВ «в высшей степени опасным шагом», который «не только означает полное политическое банкротство Чэнь Шуйбяня, но и явно раскрывает его замысел продолжить свою сепаратистскую деятельность»¹⁶⁶.

Россия также осудила эти действия Чэнь Шуйбяня. В сообщении для печати МИД РФ «О тайваньской проблеме» от 6 февраля 2006 г. говорилось, что «изложенные 29 января с.г. Чэнь Шуйбянем в обобщенном виде идеи»... «прямо противоречат им же ранее сделанным обещаниям и взятым обязательствам. Обозначенное им намерение ликвидировать Совет национального воссоединения и отказаться от программы национального воссоединения свидетельствует об отсутствии у нынешней тайваньской администрации заинтересованности в реальной работе по налаживанию конструктивного диалога с материком и может расцениваться как постепенное движение к независимости Тайваня. Такие шаги, как нам известно, входят в противоречие с чаяниями большинства жителей Тайваня. Они вызвали негативную реакцию в мире. В обстановке, когда необходимы настойчивые усилия по возрождению диалога между двумя берегами Тайваньского пролива, последние заявления тайваньской стороны выглядят провокационными. Они не только не отвечают интересам поддержания мира и стабильности в данном субрегионе, но и чреваты самыми серьезными последствиями для АТР в целом». Далее сообщалось о неизменности позиции России по вопросу единства КНР¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Сафронов И.И., Иванов А.В. Тайваньское стало явным. Китай хочет использовать российскую армию в своих целях // Коммерсантъ. 17 марта 2005 г. № 46 (3130) (<http://www.kommersant.ru/Doc/555212/Print>).

¹⁶⁵ «Я призываю российский и тайваньский бизнес доверять друг другу» // Газета. 9 октября 2009 г. № 190 (<http://www.intaiwan.ru/taiwan/glava-predstavitelstva-tajvanya-v-rossii-antonio.html>).

¹⁶⁶ Самохоткин Александр. Тайваньские власти упразднили воссоединение Китая // Время новостей. 28.02.2006 (<http://www.vremya.ru/print/146449.html>).

¹⁶⁷ 165. О тайваньской проблеме. Сообщение для печати. 06.02.2006. <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325710d006192ee!OpenDocument>

О приверженности России принципу «одного Китая» говорилось и в «Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики», принятой 21 марта 2006 г. в Пекине во время визита президента РФ В.В. Путина. В пункте 4 этого документа говорилось следующее: «Российская Сторона будет и впредь проводить политику “одного Китая”, признавая правительство Китайской Народной Республики единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона не поддерживает с Тайванем официальных отношений и не вступает с Тайванем в официальные контакты, выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме, включая “независимость де-юре”, не приемлет концепций “двух Китаев”, либо “одного Китая и одного Тайваня”, выступает против участия Тайваня в ООН и других международных организациях, членами которых могут быть только суверенные государства, не будет поставлять оружие Тайваню.

Российская Сторона с пониманием относится к усилиям Китайской Стороны по мирному объединению страны на основе положений Закона КНР о противодействии деятельности по расколу государства и считает тайваньский вопрос внутренним делом Китая. Внешние силы не вправе в него вмешиваться»¹⁶⁸.

Россия была заинтересована в стабильности в зоне Тайваньского пролива и улучшении отношений между берегами пролива. Это давало бы России возможность и дальше развивать взаимовыгодные экономические отношения как с материковым Китаем, так и с Тайванем. Между тем в 2008 г. новым раздражающим фактором в отношениях между Тайбэем и Пекином стали попытки президента Чэнь Шуйбяня, терявшего популярность перед президентскими выборами из-за неудачной экономической политики и постоянного провоцирования Пекина, которое вызывало раздражение деловой элиты острова и населения, провести референдум о вступлении в ООН под именем «Тайвань». План этот был неосуществим, но попытки его реализации могли поставить Тайбэй и Пекин на грань вооруженного конфликта. Россия, по понятным причинам, не была заинтересована в таком развитии событий и поэтому выступила с резкой критикой политики Чэнь Шуйбяня. Отвечая на вопрос РИА «Новости», первый заместитель министра иностранных дел А.И. Денисов заявил: в России с тревогой наблюдают «за подготовкой к проведению на Тайване так называемого референдума о вступлении в ООН под именем “Тайвань”. По нашему глубокому убеждению, эта политическая авантюра, упорно продвигаемая властями острова, несет в себе огромный деструктивный заряд. Она способна оказать и уже оказывает масштабное дестабилизирующее влияние на политический климат в АТР, ставит под угрозу интересы мира и развития»¹⁶⁹.

Несмотря на давление со стороны международного сообщества, Чэнь Шуйбянь не отказался от проведения референдума. Он был проведен 22 марта 2008 г. одновременно с президентскими выборами, на которых победил кандидат

¹⁶⁸ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc3257139002ea173!OpenDocument>).

¹⁶⁹ Ответ первого заместителя министра иностранных дел России А.И. Денисова на вопрос РИА «Новости» в связи с планами проведения референдума на Тайване. 19.03.2008 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc3257411005fc9a!OpenDocument>).

от Гоминандана Ма Инцзю, обещавший приложить усилия к улучшению отношений с Пекином. Из-за низкой явки избирателей референдум был признан несостоявшимся¹⁷⁰. Его провал и победа Гоминандана создала принципиально новую ситуацию на Тайване, в том числе и новые, более благоприятные условия для развития российско-тайваньских деловых связей.

Несмотря на напряженность отношений между Тайбэем и Пекином в период правления Чэнь Шуйбяня, торгово-экономические отношения между островом и Россией стабильно развивались. Это было связано с тем, что в России росло понимание важности развития неофициальных связей с Тайванем. Еще в 2004 г. российский дипломат К.М. Барский отметил, что неофициальные российско-тайваньские связи должны рассматриваться как неотъемлемая часть всей политики России в отношении Китая, суть которой состоит в укреплении российско-китайского стратегического партнерства на основе Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2001 г. Понятно, что МИД сохраняет строгий контроль за неофициальными контактами с Тайванем. Вскоре после нормализации межгосударственных отношений в начале 1990-х гг. Москва и Пекин достигли взаимопонимания по поводу рамок неофициальных российско-тайваньских связей, установив то, что можно было бы назвать «правилами игры»: оговорив, что запрещено и что не запрещено в отношениях с Тайванем. Россия строго следует этому кодексу поведения. С одной стороны, Россия не потерпит никакой двусмысленности в отношении суверенитета и территориальной целостности Китая. С другой стороны, будучи абсолютно искренней и открытой в переговорах с Пекином, Москва обеспечивает твердые гарантии гладкого развития взаимовыгодного сотрудничества с островом. К.М. Барский заметил также, что усилия многочисленных энтузиастов российско-тайваньских обменов нарастили плоть и кровь на костяк сотрудничества между Россией и «Прекрасным островом», так что сегодня оно охватывает такие области, как торговля, инвестиции, банковское дело, транспорт, наука и технологии, образование и культура. Эти практические связи поддерживаются соответствующими организациями и законной инфраструктурой¹⁷¹.

Устойчивый рост параметров обменов и сотрудничества между Россией и Тайванем происходил, по мнению М. Шэра, отчасти из стремления тайваньской стороны пересмотреть парадигму ее отношений с Россией, чему было несколько причин. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. тайваньская экономика столкнулась с трудностями. Они были вызваны тем, что по США и Японии, двум важнейшим экономическим партнерам Тайваня, очень сильно ударила глобальная рецессия, вынудив Тайвань к диверсификации своих экономических связей и поиску новых торговых партнеров. В списке этих партнеров Россия стояла на первом месте, поскольку она располагалась не столь уж далеко от Тайваня, и к тому же обе экономики дополняли друг друга. Как отмечает М.Шэр, стабилизация политической и экономической ситуации в России и экономический рост, достигший 6—7%, вызвал рост интереса к российскому рынку в тайваньском деловом сообществе. В то же время опыт отношений с Россией в 1990-е гг. способствовал формированию в тайваньской элите понимания несбыточности

¹⁷⁰ Тайвань провалил референдум (http://www.gazeta.ru/politics/2008/03/22_kz_2674667.shtml).

¹⁷¹ Цит. по: *Share M. Where empires collided*. P. 224—225.

надежд за счет экономических посулов и подарков добиться от России сдвигов в политической области. Тайбэйские власти справедливо рассудили, что только настоящая торговля и возможности реальных инвестиций могут убедить российские деловые круги в том, что сотрудничество с Тайванем имеет хорошие перспективы¹⁷². По данным МИД России, с 1990 по 2004 г. объем двусторонней российско-тайваньской торговли вырос со 119 млн долл. США до приблизительно 3 млрд долл. США в год. Тайвань стал четвертым российским торговым партнером в Азии после КНР, Японии и Южной Кореи. Значительным шагом в развитии двустороннего сотрудничества стали визиты в Россию в 2003, 2004 и 2005 гг. делегаций Тайваньско-российской ассоциации во главе с генеральным секретарем ДПП и бывшим премьером Чжан Цзюньсюном. Созданная в июне 2002 г. ассоциация фактически стала средством налаживания связей с Россией для руководства Чэнь Шуйбяня.¹⁷³ Поначалу попытавшись наладить политические контакты, новое руководство быстро поняло невозможность этого. Основным партнером ассоциации в России стал Российский союз промышленников и предпринимателей. Во время визита в 2003 г. Чжан Цзюньсюн поднял ряд вопросов: разработка соглашений о защите инвестиций и об избежании двойного налогообложения, организация прямого авиарейса между Тайбэем и Москвой, открытие на Дальнем Востоке представительства Московско-Тайбэйской комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству. Тогда же были подписаны контракты на сумму 42 млн долл. США. Прошедший в рамках визита делегации двусторонний деловой форум в Москве свел вместе более 30 представителей крупнейших тайваньских корпораций и их российских партнеров, а также законодателей и ученых обеих сторон. Результатом форума стало подписание пяти торговых соглашений, установление контактов и появление новых идей в области сотрудничества.

Сумма подписанных контрактов в 2004 г. составила 250 млн долл. США. В 2005 г. делегация во главе с Чжаном Цзюньсюном заключила с РСПП соглашение о намерениях, обещающее новые контракты на десятки миллионов долларов, в частности, по сотрудничеству в банковской сфере. Возглавляемая экс-премьером делегация приняла участие в Форуме российско-тайваньского сотрудничества в области банковского дела и энергетики, ставшим еще одним примером дальнейшего расширения двусторонних связей.

Растущее число тайваньских компаний посылало свои миссии в Москву, Санкт-Петербург, Сибирь и на Дальний Восток, где они открывали свои представительства. С 2002 г. тайваньский Эксимбанк осуществлял программу низкопроцентных займов. Тайвань открыл для 5 российских банков кредитную линию для финансирования импорта произведенного на Тайване оборудования. Более 20 тайваньских предпринимателей, постоянно работающих в Москве, объединились и зарегистрировали себя как Тайваньскую торгово-промышленную ассоциацию. Каждый год более 10 тыс. тайваньских туристов посещали Россию. В 2004 г. в Москве и Санкт-Петербурге учились около 120 тайваньских студентов.

¹⁷² Share M. Where empires collided. P. 225–226.

¹⁷³ Rigger Shelley. The Taiwan Issue and the Sino-Russian Strategic Partnership // Bellacqua James A. The Future of China-Russia Relations: Asia in the New Millennium. Lexington: The University Press of Kentucky, 2010. P. 318; Деловые итоги года: Россия–Тайвань (<http://www.taiwanembassy.org/ru/fp.asp?xItem=4488&ctNode=1861&mp=237>).

Росла российская община на Тайване. В 2000 г. там жили около 200 россиян, включая исследователей, приглашенных на работу в тайваньские лаборатории, предпринимателей, университетских профессоров и студентов.

Тайвань неоднократно заявлял о неизменной поддержке присоединения России к ВТО. 17–18 ноября 2004 г. в ходе 16-го министерского совещания АТЭС в Чили состоялась встреча министров экономики России Г.О. Грефа и Тайваня Хэ Мэйюэ, которые подписали двусторонний протокол по товарам и услугам в рамках присоединения России к ВТО.

В июне 2006 г. было принято решение об открытии представительства ТМК во Владивостоке для облегчения сотрудничества Тайваня с восточными регионами России, однако оно так и не было реализовано. В январе 2007 г. руководитель тайбэйского представительства МТК С.Н. Губарев в статье, опубликованной в журнале «Тайбэйская панорама» по случаю 10-летия открытия представительства МТК в Тайбэе, отмечал, что уже более 20 тайваньских компаний, включая такие, как ASUSTek, Acer, BenQ, имеют свои представительства в Москве и успешно ведут бизнес в России. Летом 2006 г. компания Evergreen учредила совместное предприятие с российскими партнерами в Санкт-Петербурге¹⁷⁴.

В октябре 2007 г. одна из крупнейших тайваньских компаний Hon Hai Precision Industry Co., Ltd. подписала контракт на строительство в районе г. Колпино Ленинградской области завода по производству персональных компьютеров и жидкокристаллических мониторов. Инвестиции тайваньской стороны в этот проект составили более 50 млн долл. США¹⁷⁵. По данным ТМК, летом 2010 г. начала работать линия по производству ноутбуков.

22 марта 2008 г., как было сказано выше, на Тайване произошло событие, которое имело большое значение для будущих отношений между островом и материком: на президентских выборах на острове победил лидер занимающего более умеренную позицию по отношению к КНР Гоминьдана Ма Инцзю. Уже на следующий день на пресс-конференции он заверил, что не поддерживает независимость Тайваня де-юре и высказался за радикальное улучшение отношений с КНР¹⁷⁶. Сразу после инаугурации Ма Инцзю приступил к реализации своих предвыборных обещаний. Благодаря публичному признанию президентом так называемого «консенсуса 1992 г.» был возобновлен диалог между организациями, созданными еще в 1991 г. Пекином и Тайбэем для ведения двустороннего диалога: Ассоциацией за развитие связей между берегами Тайваньского пролива и Фондом обменов через Тайваньский пролив. В результате двух встреч представителей этих организаций, состоявшихся в 2008 г. в июле в Пекине и в ноябре в Тайбэе, было подписано шесть соглашений, касающихся чартерных рейсов через Тайваньский пролив, туристических поездок на Тайвань жителей материковой части Китая, прямого воздушного и морского сообщения, почтового сотрудничества и обеспечения безопасности продуктов питания. Также в течение лета 2008 г. на Тайване были предприняты некоторые односторонние инициативы, служащие цели облегчения транспортного

¹⁷⁴ Губарев С.Н. Российскому представительству на Тайване — 10 лет // Taiwan Today. 01.01.2007 (<http://taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=25484&ctNode=1517>).

¹⁷⁵ Откуда возникла тайваньская проблема. 22.05.2004 (<http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/twwt/t118056.htm>).

¹⁷⁶ Ма Инцзю заявил, что не поддерживает «независимость Тайваня де-юре». 24.03.2008 (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-03/24/content_602316.htm).

сообщения между двумя берегами Тайваньского пролива и стимулирования торгово-экономических связей между материком и островом¹⁷⁷.

Москва, внимательно следившая за развитием отношений новой администрации Тайваня с материковым Китаем, отреагировала на новые контакты очень позитивно. В комментарии Департамента информации и печати МИД России 8 ноября 2008 г. по поводу встречи руководителей организаций, отвечающих за связи между берегами Тайваньского пролива, по итогам которой были достигнуты важные договоренности, в том числе об открытии прямого почтового, воздушного и морского сообщения, а также о продовольственной безопасности, отмечалось: «Стороны, преодолевая непростые наслоения прошлого в своих взаимоотношениях, сумели выйти на прямые взаимовыгодные контакты. Это важное событие будет способствовать укреплению мира и безопасности в районе Тайваньского пролива»¹⁷⁸.

Одним из первых заметных результатов потепления отношений между Пекином и Тайбэем, ставшего следствием прихода к власти на Тайване выступающего против независимости острова Гоминьдана, стало выступление Ма Инцзю с изложением видения тайваньской политики на страницах российской прессы. 12 января 2009 г. «Новые известия» опубликовали статью Ма Инцзю «Мы призывали Пекин к благоразумию», в которой новый лидер Тайваня рассказал о своих усилиях по нормализации отношений с Пекином¹⁷⁹. И хотя в статье ни слова не говорилось о российско-тайваньских отношениях, публикация, несомненно, была нацелена на то, чтобы повысить благосклонность Пекина к контактам между Москвой и Тайбэем, даже если уровень этих контактов будет расти.

С 30 сентября по 6 октября 2008 г. Тайвань посетила делегация государственной корпорации «РОСНАНО» во главе с ее руководителем А.Б. Чубайсом. Она приняла участие в российско-тайваньском круглом столе по вопросам развития нанотехнологий, на котором тайваньские коллеги поделились опытом по созданию инновационных промышленных разработок и коммерциализации нанотехнологий, и посетила Тайваньский институт изучения промышленных технологий, расположенный на территории научно-технического парка в городе Синьчжу, где ее члены были ознакомлены с инновационными разработками с использованием нанотехнологий, доведенными до стадии коммерциализации и являющимися основой возможной реализации совместных проектов. Состоялись переговоры о совместной работе с компанией «ТЕКО Нанотек». В числе направлений будущего сотрудничества стороны определили наноэлектронику, нанобиотехнологии, фотовольтаику, композитные материалы¹⁸⁰.

По данным Министерства экономического развития России, торговля между Россией и Тайванем выросла до 3,6 млрд долл. США в 2008 г., при российском

¹⁷⁷ Лексютина Я.В. Политика США по отношению к Тайваню в контексте американо-китайских отношений в начале XXI в. Интернет-сайт журнала «Политическая экспертиза»: <http://www.politex.info/content/view/546/30/>.

¹⁷⁸ Комментарий Департамента информации и печати МИД России по тайваньскому вопросу. 08-11-2008 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32574fb0046f4ec!OpenDocument>).

¹⁷⁹ Президент Китайской Республики на Тайване Ма Инцзю: «Мы призывали Пекин к благоразумию» // Новые известия. 12 января 2009 г. (<http://www.newizv.ru/print/103989/>).

¹⁸⁰ Россия и деловые круги Тайваня готовы к развитию взаимовыгодного сотрудничества в сфере нанотехнологий — Чубайс // ИТАР-ТАСС. 6.10.2008 г. (<http://army.lv/ru/nanotechnologii/901/14738>).

экспорте в 2,7 млрд долл. США и импорте из Тайваня — 0,9 млн долл. США Основу российского экспорта составляли сырье и полуфабрикаты (металлы, сплавы, металлопродукция, минеральные ресурсы), а тайваньского — поставка компонентов, деталей и узлов бытовой и оргтехники, электроники, электротехники, изделий легкой промышленности. Рост товарооборота в 2008 г. составил 33,2%¹⁸¹.

В настоящее время у Москвы и Пекина сложилось взаимопонимание о том, что контакты российских и тайваньских официальных лиц возможны, если они не превышают определенного уровня. 11 июня 2010 г. в тайбэйском отеле Гранд-Хайят прошел прием по случаю Дня России, организованный тайбэйским представительством МТК, на котором присутствовали заместители министра иностранных дел Тайваня Шэнь Люсюн и Хоу Циншань, заместитель министра обороны Ян Няньцзу, заместитель министра финансов Цзэн Минцзун. В приветственной речи Хоу Циншань отметил как позитивный шаг в развитии двусторонних отношений значительное снижение Россией стоимости виз для граждан Тайваня, выразив уверенность в том, что это, вместе с восстановлением обеих экономик после кризиса, должно привести к значительному увеличению туристических обменов и будет способствовать укреплению дружбы, коммерческих отношений и взаимопониманию между двумя народами. А 16 июля главу представительства МТК в Тайбэе В.Н. Добровольского принял президент Тайваня Ма Инцзю, который выразил надежду на то, что новые исторические условия (в том числе и улучшение отношений между Тайбэем и Пекином) помогут дальнейшему укреплению двусторонних российско-тайваньских связей и сотрудничества в сферах экономики, культуры и образования. Отметив позитивный эффект, который может иметь для развития двусторонних отношений снижение стоимости оформления российских виз, Ма Инцзю сказал, что в случае введения двустороннего безвизового режима и открытия прямого авиасообщения стороны могли бы еще больше укрепить взаимные контакты между тайваньцами и россиянами. Основным фактором развития российско-тайваньских отношений Ма Инцзю назвал новый поворот в диалоге сторон на двух берегах Тайваньского пролива, подписавших в конце июня экономическое соглашение: «Я надеюсь, что в будущем, в новых исторических условиях, между Россией и Тайванем станет возможным дальнейшее укрепление отношений в сферах экономического и культурного сотрудничества. В будущем мы могли бы приложить больше сил для введения безвизового режима или открытия прямого авиасообщения, а также развивать двусторонние контакты в культуре, экономике и образовании». Ма Инцзю особо поблагодарил В.Н. Добровольского за содействие, которое российская сторона оказала первой леди Тайваня Чжоу Мэйцин, посетившей Москву в ходе июньского «театрального турне». Как отметил Ма, этот культурный визит можно считать успешным, поскольку на Международном театральном фестивале имени А.П. Чехова спектакли тайваньского хореографического театра «Заоблачные врата» получили положительный отклик от московской публики¹⁸².

¹⁸¹ Экономическое сотрудничество со странами Азии и Африки // сайт Министерства экономического развития Российской Федерации (<http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/economicAA/>).

¹⁸² Президент Тайваня Ма Инцзю встретился с главой представительства РФ на Тайване Василием Добровольским, сайт ТМК в Москве, Обзор прессы, 19.07.2010 (<http://www.taiwanembassy.org/ct.asp?xItem=150900&ctNode=1866&mp=237>).

В интервью радиостанции «Голос России» 11 июня 2010 г. Чжоу Мэйцин выразила восхищение Москвой и московской публикой, тепло принимавшей тайваньских танцоров. Руководитель труппы Линь Хуайминь рассказал, что первая леди Тайваня оказывает артистам «очень сильную моральную поддержку» во время этих гастролей. А сопровождавшие Чжоу Мэйцин лица подчеркнули, что визит супруги президента в Москву «носит сугубо неполитический характер»¹⁸³.

Несколько иная оценка первого в истории визита в Москву первой леди Тайваня появилась в сингапурском интернет-издании «Ляньхэ цзаобао» в статье Ци У «Закулисная сторона визита в Москву супруги Ма Инцзю». Предложив рассматривать это событие как классический пример «дипломатии жен», автор предположил, что если бы Ма Инцзю смог использовать супругу для установления контактов с российскими торговцами оружием, это позволило бы ему, во-первых, через закупку российского оружия получить поддержку Москвы; во-вторых, вовлекая в конкуренцию за тайваньский оружейный рынок российские компании, повысить свои ставки на оружейных переговорах с США и сбить цены на американское оружие; в-третьих, визит Чжоу Мэйцин в Москву способствовал бы развитию экономических обменов и сотрудничества между Тайванем и Россией. В заключение автор порекомендовал Китаю «насторожиться» по поводу попыток России «взбодоражить ум Тайваня» и влезть в отношения между островом и материком¹⁸⁴.

Тема закупки Тайванем российского оружия всплыла в статье Ци У, видимо, не случайно. Судя по китайской и тайваньской электронной прессе, во второй половине первого десятилетия нового века некоторые российские оборонные компании снова активизировали попытки по продвижению своей продукции на тайваньский рынок. В частности, в 2007 г. в газете «Чжунго шибао» появилось сообщение о том, что Россия попыталась принять участие в тендере на поставку Тайваню систем позиционирования и управления артиллерийским огнем, предложив демпинговую цену на свою продукцию. Эта информация вызвала шок в Тайбэе. Тайваньские власти воспрепятствовали осуществлению сделки, опасаясь, что она не только поставит остров в зависимость от России в сфере обороны, но и повредит военно-техническому сотрудничеству с США и Европой. По аналогичным причинам были сорваны переговоры с Россией о поставке на Тайвань российских зенитно-ракетных комплексов С-300¹⁸⁵.

По данным МИД РФ, товарооборот между Россией и Тайванем в 2010 г. составил 3,45 млрд долл. США. К этому моменту основными статьями российского экспорта на Тайвань стали лес, металлопродукция, черные и цветные металлы, в то время как с острова в Россию импортировали преимущественно товары машиностроения и электронной промышленности.

В июле 1999 г. вступило в действие соглашение о сотрудничестве по линии торгово-промышленных палат, в соответствии с которым ТПП России осуществляла обмены с Тайваньской ассоциацией международного экономического сотрудничества. В сентябре 2002 г. был подписан Меморандум о взаимопонима-

¹⁸³ *Денисов Игорь*. «Шепот цветов» на фоне московского лета // Интернет-сайт радиостанции «Голос России», 11.06.2010: <http://rus.ruvr.ru/2010/06/11/9633239.html>.

¹⁸⁴ 七犀鳥 (Ци Сиу), 馬英九夫人訪問俄羅斯的背後 (Закулисная сторона визита в Москву супруги Ма Инцзю), 《聯合早報網》, 2010年6月7日 (http://www.zaobao.com/forum/pages2/forum_tw100607a.shtml).

¹⁸⁵ «Россия будет продавать Тайваню оружие по низкой цене натолкнувшись на отказ» 《航空世界》 2008年8月14日 (<http://mil.news.sina.com.cn/p/2008-08-14/0913516478.html>).

нии между МТК и ТМК о принципах сотрудничества в сфере малого и среднего бизнеса. Россия и Тайвань плодотворно взаимодействовали в рамках АТЭС. В частности, тайваньская делегация приняла активное участие в состоявшихся 4–12 сентября 2002 г. во Владивостоке 7-м инвестиционном симпозиуме и 3-й ярмарке АТЭС. В рамках форума АТЭС в Чили 19 ноября 2004 г. Россия и Тайвань подписали двустороннее соглашение о вступлении России в ВТО.

По состоянию на 2001 г. около 200 тайваньских и более 250 российских студентов обучались в вузах России и Тайваня. Все большее распространение на Тайване получал русский язык, который изучали в трех крупнейших вузах острова. В июле 2002 г. на Тайване была создана «Тайваньско-российская ассоциация» (ТРА) — общественная организация, в задачи которой входило развитие двусторонних торгово-экономических связей, сотрудничества в области науки и технологий, а также культуры. Начиная с 2003 г. ТРА организовывала в России форумы российско-тайваньского сотрудничества, привлекая к участию в них представителей различных секторов тайваньской экономики. Так, в 2003 и в 2004 гг. по линии ТРА состоялись визиты в Россию крупных делегаций представителей деловых кругов Тайваня, во время которых был подписан ряд соглашений. В частности, в 2004 г. сумма контрактов составила 250 млн долл. США. А в сентябре-октябре 2005 г. во время очередного визита делегации ТРА в Россию были заключены контракты с российскими партнерами на сумму около 350 млн долл. США. По линии Ассоциации была также направлена материальная помощь пострадавшим от землетрясения на Алтае в 2003 г. и жертвам теракта в Беслане в 2004 г.

Активизации российско-тайваньских обменов в сфере науки и техники, образования и культуры способствовало то обстоятельство, что в ноябре 2004 г. в Москве между Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Центром научной и технологической информации ННС Тайваня был подписан Меморандум о сотрудничестве по ряду направлений в сфере науки и технологий, а также достигнута договоренность о совместном финансировании двусторонних проектов в области фундаментальных исследований. Аналогичное соглашение о предоставлении совместных грантов на гуманитарные исследования было достигнуто между ННС и Российским гуманитарным научным фондом. В 2006 г. МТК и ТМК подписали Меморандум о научно-техническом сотрудничестве, которое в 2011 г. охватывало 54 совместных проекта.

В сентябре 2009 г. в Москве состоялся очередной, 5-й по счету, форум российско-тайваньского сотрудничества. Тайваньскую делегацию возглавлял председатель правления ТРА У Жунъи. Повестка дня форума включала две основные темы: перспективы сотрудничества в сфере «зеленой» энергетики, связанной с освоением возобновляемых энергоресурсов, и развитие торгово-экономических связей в областях, связанных с инновационными технологиями. 15 сентября делегация ТРА посетила научные учреждения и промышленные предприятия в Особой экономической зоне «Зеленоград» в Москве, а 16 сентября прибыла в Томск, где приняла участие в инновационно-технологическом форуме, а также посетила Томскую особую экономическую зону технико-внедренческого типа. В ходе сентябрьского визита делегации ТРА в Россию было подписано четыре меморандума о сотрудничестве: между ТРА и TAITRA (Taiwan External Trade Development Council), с тайваньской стороны, и Московской и Томской торгово-промышленными палатами, с российской стороны. Как отметил У Жунъи, «Тайвань и Россия обладают своими

сильными сторонами и достижениями, которые могут удачно дополнять друг друга; соединение их преимуществ создает “ситуацию обоюдного выигрыша”»¹⁸⁶.

В соответствии с упомянутым выше меморандумом и в целях развития сотрудничества, в 2010 г. Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) объявил конкурс на организацию в 2011–2012 гг. двусторонних научных симпозиумов, проводимых в России или на Тайване, по таким актуальным направлениям исследований, как, например, систематика и исследование исторических процессов, которые могут быть ответственными за современные географические распределения людей, молекулярное отображение, магнитно-резонансный контроль ишемии мозга и терапия рака, возобновляемые источники энергии, интеллектуальные транспортные системы, природные катастрофы, нанотехнологии и ядерная безопасность¹⁸⁷.

Тайвань начал демонстрировать заинтересованность во взаимодействии с Россией в сфере инвестиций в отдельные регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Особый интерес у тайваньского бизнеса вызывала возможность участия в реализации крупномасштабных строительных программ на Юге и Дальнем Востоке России, прежде всего, связанных с сочинской Олимпиадой 2014 г. и саммитом АТЭС во Владивостоке в 2012 г. В качестве примера можно привести контракт на сумму 270 млн долл. США, заключенный с тайваньской компанией «Грин Кантри» на строительство океанариума на о. Русский в рамках мероприятий по подготовке саммита АТЭС-2012. В 2010 г. вступил в строй завод по производству компьютеров в г. Колпино Ленинградской области, построенный тайваньской корпорацией «Фосхонн».

В 2011 г., по оценкам экспертов МИД России, в завершающую стадию вступила подготовка соглашения о прямом авиационном сообщении по маршруту Москва — Тайбэй, велись переговоры между «Трансаэро» и «Чайна Эйрлайнз» о продолжении сотрудничества между компаниями.

В 2011 г. в Academia Sinica¹⁸⁸, технопарке «Синьчжу» и других научных заведениях и университетах Тайваня работали по контрактам более 50 российских ученых. Тайваньская делегация, сформированная базирующимся в Тайбэе Китайским обществом инноваций и открытий, приняла активное участие в проходившем с 5 по 8 апреля 2011 г. 14-м Московском международном салоне изобретений и инновационных технологий «Архимед», собравшем более 500 организаций и предприятий из 18 стран мира. Инновационные разработки тайваньских изобретателей удостоились гран-при «Золотой Архимед», двух специальных наград, присужденных им Национальной академией наук Украины и Польской ассоциацией изобретателей, а также 17 золотых, 20 серебряных и 9 бронзовых медалей. Одной из тайваньских разработок, привлечших к себе всеобщее внимание в Москве, были женские туфли со сменными каблуками, созданные доцентом Факультета делового администрирования Университета Чжунхуа в Синьчжу Чжуан Иншэнь и ее студентами: легким поворотом крепежного шипа обладательница таких туфель может заменить, например, каблук-небоскреб «Тайбэй 101» на каблук-башню

¹⁸⁶ 5-й тайваньско-российский форум, Тайваньская панорама, 11.01.2009 г. (<http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xitem=82520&ctnode=192&mp=18>).

¹⁸⁷ Конкурс на проведение совместных российско-тайваньских симпозиумов 2011/2012 годов (портал РФФИ, http://www.rfbr.ru/rffi/ru/news/o_17491).

¹⁸⁸ Тайваньская академия наук.

Эйфеля. Глава московского представительства ТМК Чэнь Цзюньсянь выразил глубокое удовлетворение по поводу того, что инновационно-креативная мощь Тайваня вновь получила признание на международной арене¹⁸⁹.

В середине апреля 2011 г. с лекцией в МГУ выступил бывший президент Academia Sinica, лауреат Нобелевской премии по химии Ли Юаньчжэ, приехавший в Москву по приглашению Российской академии наук (РАН) в качестве «выдающегося химика современности»¹⁹⁰. Еще одним примером активизации российско-тайваньского научно-технического сотрудничества стало участие российской делегации в организованном ННС Тайваня Глобальном форуме лидеров науки и технологии, состоявшемся 25–26 апреля 2011 г. в тайбэйском отеле «Grand Formosa Regent». В этом форуме, посвященном вопросам развития «зеленой» энергетики, биотехнологий и информационных технологий, приняли участие более 300 ведущих ученых и руководителей научно-технологических учреждений из 31 страны, включая США, Японию и Канаду. О значении, которое форуму придавало руководство администрации Тайваня, свидетельствовало присутствие на его открытии президента Ма Инцзю и председателя Исполнительного юаня (премьера) У Дуньи. Российскую делегацию возглавляли председатель Совета Российского гуманитарного научного фонда, заместитель министра образования и науки России В.Н. Фридлянов и член Совета Российского фонда фундаментальных исследований, президент Московского государственного университета геодезии и картографии В.П. Савиных. Российские ученые провели двустороннюю встречу с руководством ННС, посетили Синьжуский научный парк и ряд исследовательских центров. Они дали высокую оценку уровню развития науки и технологии на Тайване и высказались за дальнейшее расширение и укрепление связей и сотрудничества между Россией и Тайванем в сфере науки и технологии¹⁹¹.

Активно развивались обмены в области культуры, чему в немалой степени способствовало подписание в 2007 г. МТК и ТМК Меморандума о сотрудничестве в области образования и культуры. На острове регулярно бывали с гастролями крупные коллективы, в том числе оркестры и балетные труппы, а также известные российские исполнители.

Контакты в области спорта оставались не столь активными вследствие малого развития профессионального спорта на Тайване. Тем не менее в начале 2011 г. в Тайбэе прошли показательные теннисные матчи с участием известных российских теннисистов М.М. Сафина и М.М. Южного.

Конец первого десятилетия XXI в. был отмечен расширением туристических обменов. В 2010 г. Россию посетили около 10 тыс. жителей Тайваня, а число россиян, побывавших на Тайване в течение года, достигло примерно 3 тыс. человек¹⁹².

¹⁸⁹ «Креативный потенциал Тайваня продемонстрирован в Москве и Женеве» // Тайваньская панорама. 01.06.2011 (<http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?ctNode=192&xItem=167770&mp=18>).

¹⁹⁰ «Форумы лидеров мировой науки в Тайбэе и Москве» // Тайваньская панорама/ 01.06.2011 (<http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?ctNode=192&xItem=167772&mp=18>).

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Данные предоставлены МИД России.

Хронология основных событий:

- 1675** Тайвань впервые упоминается в российских документах.
- 1874** Россия заявила протест Японии в связи с планами последней по аннексии Тайваня. Тайвань посетила российская канонерская лодка «Горноста́й», чей командир, капитан-лейтенант В.А.Терентьев, составил подробный отчет о ситуации на острове.
- 1874 — начало 1875** морской офицер П. Ибис составил этнографическое описание острова.
- 1897** российский консул на Тайване П. Шаберт сообщал в Санкт-Петербург о том, что некоторая часть местных китайцев хотела бы получить защиту России от «японского беззакония».
- 1938** 12 советских бомбардировщиков, воевавших в рядах китайской армии, совершили налет на японские военные объекты на Тайване.
- 1943** на Каирской конференции Ф.Д. Рузвельт, У. Черчилль и Чан Кайши договорились о возвращении Тайваня Китайской республике после разгрома Японии.
- 1949** гоминьдановское правительство Тайваня разорвало отношения с СССР.
- 1952** И.В. Сталин сформулировал отношение Советского Союза к Тайваню как к территории Китая, оккупированной США.
- 1954** захват тайваньскими властями следовавшего из Владивостока в Гуанчжоу советского танкера «Туапсе» с командой из 49 человек. Власти Тайбэя подписали с США Договор о взаимной обороне.
- 1958** Н.С. Хрущев направил президенту США Д. Эйзенхауэру послание, в котором возложил на Вашингтон вину за обострение ситуации в Тайваньском проливе.
- 1963** СССР отказался признавать подпись Китайской Республики (Тайваня) под международным соглашением о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе.
- 1968** Чан Кайши распорядился проявлять сдержанность в официальных заявлениях и статьях, касающихся Советского Союза, и открыто призвал к объединению международных антимаоистских сил, включая СССР. в Тайбэй из Токио для установления неофициальных контактов между советскими и тайваньскими властями прибыл советский журналист В.Е. Луи.
- 1971** СССР проголосовала за то, чтобы КНР заняла место Китайской Республики в ООН и Совете Безопасности.
- 1972** министр иностранных дел Тайваня Чжоу Шукай призвал Гоминьдан развивать торговые, экономические и другие отношения со странами социалистического лагеря и даже подумать о возможности проведения секретных переговоров с СССР.
- 1984** Дэн Сяопин выдвинул идею «одно государство — две системы».
- 1988** СССР посетила делегация Торговой палаты Тайваня.

1990

Март законодательное собрание Тайваня сняло запрет на прямую торговлю с СССР и упростило визовые процедуры для советских граждан. Китайский (тайваньский) совет по развитию внешней торговли (CETRA) открыл выставочный зал в Москве.

Октябрь визит на Тайвань Председателя Моссовета Г.Х. Попова.

Январь визит на Тайвань делегации депутатов Моссовета, в которую также входили представители бизнес-кругов, в частности Союза предпринимателей и арендаторов СССР.

1991

Октябрь Тайвань для участия в открытии тайбэйского представительства финансовой компании «Eurasco» посетил председатель Центрального банка СССР В.В. Герашенко.

Декабрь в Москве под названием «Московское отделение тайбэйского центра международной торговли» открылось представительство CETRA.

1992 президент РФ Б.Н. Ельцин подписал указ № 1072 «Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем».

1993 открытие в Москве представительства Тайбэйско-московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (ТМК).

1996 открытие в Тайбэе представительства Московско-тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (МТК).

1997 соглашение об открытии компаниями «Трансаэро» и «Чайна Эйрланз» прямых авиарейсов между РФ и Тайванем.

1998 подписан «Протокол обмена мнениями по вопросам регулирования судоходства между портами России и Тайваня».

1999 депутаты Государственной Думы РФ учредили «Общество дружбы России и Тайваня», а члены Законодательного юаня — «Общество дружбы парламентариев КР и РФ».

2004 министры экономики России Г.О. Греф и Тайваня Хэ Мэйюэ подписали двусторонний протокол по товарам и услугам в рамках присоединения России к ВТО.

Россия и Гонконг

К моменту появления первых русских в Гонконге и Макао в середине XIX в. эта некогда китайская территория уже принадлежала Великобритании. В 1537 г. первые португальские купцы получили от китайских властей разрешение устроить склады в местечке Макао на побережье Южно-Китайского моря. Следуя примеру португальцев, в 1699 г. британская Ост-Индская компания получила право построить факторию и склады в расположенном в 60 км от Макао городе Гуанчжоу. Основным предметом британского импорта из Китая был чай, в качестве платы за который китайцы соглашались принимать лишь серебро, отвергая все прочие британские товары за их ненужностью для огромной и богатой китайской империи. Когда запасы серебра в британской казне иссякли, Лондон начал контрабандно ввозить в Китай опиум, выращивавшийся в британской колонии — Индии. К первой половине XIX в. потребление опиума привело к деградации населения Китая и истощению запасов серебра. Цинский двор наложил запрет на ввоз опиума, а все его запасы в Гуанчжоу были уничтожены. В 1839 г. британцы под предлогом защиты свободы торговли начали против Китая войну, которая в 1842 г. завершилась поражением Китая и подписанием Нанкинского договора, по которому Великобритания получила право на свободный ввоз в Китай опиума и Гонконг, оккупированный британцами еще в 1841 г. В 1843 г. на острове был основан город Виктория, а территория получила официальный статус британской колонии.

В июне 1853 г. в Гонконге на две недели останавливался по пути в Японию российский адмирал Е.В. Путятин, чтобы отдохнуть и подготовиться к дальнейшему путешествию. В 1854 г. после начала Крымской войны именно из Гонконга британская эскадра отправилась в поход для нанесения ударов по российским территориям на реке Амур и на Камчатке. Но там объединенная англо-французская эскадра понесла большие потери, и Гонконг оказался неприкрытым перед лицом угрозы вторжения российской эскадры. Для отражения удара британцы в спешном порядке соорудили на острове посты, которые могли бы своевременно сообщить о появлении неприятеля. И хотя российская эскадра так и не напала на Гонконг, слухи о ее приближении заставили обитателей колонии изрядно поволноваться.

В 1858 г. в России было опубликовано одно из первых описаний Гонконга. Оно содержалось в главе о Шанхае и Гонконге приобретшей большую популярность книги известного писателя И.А. Гончарова «Фрегат Паллада», в которой в двух томах описывалось его кругосветное морское путешествие. Сразу после окончания Крымской войны Россия поспешила установить с Гонконгом коммерческие и дипломатические связи. Ей удалось добиться для российских купцов тех же условий, что немногим ранее были предоставлены британцами французам и американцам. А в апреле 1859 г. российский МИД заявил о желании открыть в Гонконге консульство. Это произошло в 1860 г. Первым российским консулом в Гонконге был американец Сайлас Барроуз, который прежде всего занялся делами российских моряков, захваченных британцами в плен во время Крымской войны и интернированных в Гонконг. До конца XIX в. Россию в Гонконге представляли не русские, а американцы и немцы, большая часть из которых имели в Гонконге свои коммерческие интересы. Лишь в апреле 1900 г. российское

консульство в Гонконге возглавил российский подданный М.М. Устинов. В 1903 г. его сменил К.Ф. Бологовский, затем — П.Г. Тидеман, а с 1910 по 1920 г. последним консулом российской империи здесь служил В.О. фон Этинген.

Удаленность Гонконга от России затрудняла развитие прямых коммерческих связей. Лишь в 1909 г. в колонии открылось представительство российской торговой компании «Восток», но еще долгое время русский бизнес на этой территории был представлен, в основном, ресторанами¹⁹³.

Российское консульство в Гонконге, помимо выдачи виз, занималось информированием российского правительства о состоянии дел, регулярно посылая в Санкт-Петербург переводы из англоязычной и китайской прессы, а также отчеты, в том числе по таким проблемам, как ситуация с курением опиума или вспышки чумы и других эпидемий.

Британцы пристально наблюдали за действиями российского представительства, подозревая Россию в намерении при случае вытеснить Британию из Гонконга. Чтобы рассеять эти подозрения, в 1872 г. Гонконг на императорской паровой яхте «Светлана» в сопровождении нескольких российских адмиралов посетил великий князь Алексей Александрович, которого принимал губернатор сэр Артур Кеннеди. Однако этот визит не слишком уменьшил подозрения британцев по поводу намерений России воспользоваться слабой защищенностью Гонконга, захватить его и устроить здесь прекрасную базу для российского военно-морского флота. Очередной приступ страха перед российским вторжением британцы испытали в 1885 г. во время обострения разногласий между Санкт-Петербургом и Лондоном по поводу Афганистана, что проявилось, в частности, в ускорении строительства фортификационных сооружений в Гонконге и высылке из колонии двух предполагаемых российских шпионов¹⁹⁴.

В октябре 1890 г. в Гонконге по дороге с Сахалина побывал русский писатель А.П. Чехов, который восторженно отзывался об острове и порядках, введенных там британцами, и раскритиковал российскую дальневосточную политику и администрацию. В письме А.С. Суворину 9 декабря 1890 г. писатель замечал: «Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерихче, т.е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?»¹⁹⁵

В апреле 1891 г. в рамках большого турне по Восточной Азии на борту крейсера «Память Азова» в Гонконг прибыл цесаревич Николай, будущий российский император Николай II. Визит, ознаменовавший очередное потепление в российско-британских отношениях, был позднее описан в книге сопровождавшего цесаревича известного российского общественного деятеля и дипломата Э.Э. Ухтомского

¹⁹³ *Share M.* Where empires collided. P. 20.

¹⁹⁴ *Ibid.* P. 24.

¹⁹⁵ А.П. Чехов. Письмо Суворину А.С. 9 декабря 1890 г. Москва // Письма. Январь 1890 — февраль 1892. М.: Наука, 1975. С. 138–141 (<http://chegov.niv.ru/chegov/letters/1890-1892/letter-861.htm>).

«Путешествие на Восток наследника цесаревича»¹⁹⁶. Потепление, однако, длилось недолго. В 1891 г. началось строительство Транссибирской железной дороги, что было воспринято Лондоном как свидетельство стремления России укрепить свои позиции в Восточной Азии. Рост подозрительности в отношении России привел к активизации усилий гонконгской полиции в охоте на русских шпионов, что вызывало протесты со стороны российского консульства. Подозрения и страхи подогревались публикациями в англоязычных гонконгских газетах «Чайна мэйл» и «Гонконг дэйли пресс», которые живописали перспективы российского или совместного российско-французского вторжения в Гонконг¹⁹⁷, а также возможностью для британцев воочию видеть российское оружие, доставлявшееся во Владивосток через гонконгский порт. В 1898 г. Великобритания взяла у Китая в аренду на 99 лет так называемые Новые территории для размещения на них растущего населения Гонконга. В 1902 г. Великобритания и Япония создали альянс, одной из целей которого было противодействие усилению российского влияния в Восточной Азии. Этот альянс не предусматривал вступления Британии в войну на стороне Японии в случае ее конфликта с Россией. Поэтому, когда в 1904 г. русско-японская война началась, исполняющий обязанности администратора Гонконга Франсис Генри Мэй подтвердил политику нейтралитета и закрыл колонию как для российских, так и для японских военных кораблей. Правда, позднее британцы нарушали нейтралитет в пользу Японии, позволяя контрабандой провозить нужные японцам, хотя и включенные в список запретных, товары, в частности динамит.

**Эспер Эсперович УХТОМСКИЙ (1861–1921) —
российский государственный деятель, дипломат, публицист, поэт**

Родился 14 августа 1861 г. в Ораниенбауме. Потомок древнего княжеского рода. После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета поступил на службу в департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства иностранных дел. В 1890–1891 гг. сопровождал цесаревича, будущего Николая II, в его путешествии на Восток на крейсере «Память Азова». Свои путевые впечатления и наблюдения он описал в книге «Путешествие на Восток наследника цесаревича». Коллекция буддийских древностей, собранная Э.Э. Ухтомским, получила золотую медаль на выставке в Париже в 1900 г. Во время визита Ли Хунчжана в Россию в 1896 г. по распоряжению С.Ю. Витте отвечал за его встречу и проводы. В 1897 г. посетил Китай в качестве «чрезвычайного посланца». С 1896 г. — председатель правления Русско-китайского банка и член правления КВЖД. С 1896 г. по февраль 1917 г. был издателем газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В публицистических работах высказывал мнение, что судьба России неразрывно связана с Азией, выступал за союз с Китаем. После февраля 1917 г. жил в Царском Селе, работал в различных музеях и архивах. Умер в 1921 г. от воспаления легких.



¹⁹⁶ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. В 3 т. СПб.; Лейпциг: Тип. Ф.А. Брокгауза в Лейпциге, 1893–1897.

¹⁹⁷ В 1891–1893 годы был заключен русско-французский союз.

Несмотря на явные симпатии к Японии, британские корабли и суда принимали участие в спасении российских моряков с кораблей, потопленных японцами во время Цусимского сражения, и доставили их в Гонконг для оказания медицинской помощи и отдыха. Поражение России в русско-японской войне вынудило ее снизить активность на Дальнем Востоке и переключить свое внимание на Европу, где начала ощущаться угроза российским интересам со стороны Германии. Это немедленно сказалось на потеплении российско-британских отношений. В 1907 г. губернатор Гонконга Фредерик Лугард в письме, направленном Николаю II по случаю его именин, отметил «рост дружбы между двумя нациями» и «окончание древним основаниям для непонимания между Россией и Британией»¹⁹⁸. В том же году Россия и Британия подписали двустороннюю конвенцию, призванную положить конец соперничеству в Азии. А с началом Первой мировой войны в августе 1914 г. две страны стали союзниками. К союзу Антанты — России, Великобритании и Франции — подключилась Япония, увидевшая в участии в войне против Германии прекрасную возможность поживиться за счет германских колоний в Индокитае. Снижение угрозы для Гонконга со стороны России и Германии позволило Великобритании значительно сократить численность своих вооруженных сил в этой колонии. При этом Гонконг стал играть важную роль порта, из которого в воюющую Европу — через Японию и далее по Транссибирской железной дороге — доставлялись сырье, топливо и боеприпасы, а также зерно, овощи, соль, мясо, сахар и другие продукты. Единственное, что омрачало успешное сотрудничество, это казавшаяся российскому консулу в Гонконге В.О. фон Эттингену непозволительной в военное время свобода местной прессы, публиковавшей информацию не только о временных неудачах российской армии на полях германской войны, но и о перемещениях и вооружении российского флота в Тихом океане, а также деталях российских военных заказов, размещенных на предприятиях в Японии. Но все попытки консула добиться запрета на подобные публикации наталкивались на один и тот же ответ британских колониальных властей: в Гонконге нет закона, ограничивающего свободу прессы в военное время¹⁹⁹.

Как оказалось позднее, России следовало опасаться не чересчур свободной гонконгской прессы, а совсем другого. После Февральской революции 1917 г. и создания в марте Временного правительства, немедленно признанного Великобританией, В.О. фон Эттинген был возведен ранг генерального консула и получил инструкции Петрограда обеспечить возвращение на родину политических эмигрантов. В результате гонконгский порт стал основным каналом возвращения на родину из эмиграции нескольких тысяч революционеров и заговорщиков всех мастей, которые в немалой степени способствовали радикализации революционных настроений в России.

После прихода к власти в России большевиков британские власти, чтобы минимизировать риск проникновения в метрополию и в колонии опасных подрывных элементов, ввели новый порядок въезда русских в Гонконг, требовавший предъявления паспорта и визы первой зарубежной страны, откуда претендент начал свое движение в сторону Гонконга. При этом власти колонии не препятствовали возвращению в Россию тех, кто хотел примкнуть к борьбе против боль-

¹⁹⁸ Цит. по: *Share M. Where empires collided*. P. 31.

¹⁹⁹ *Share M. Where empires collided*. P. 37.

шевики. Среди этих людей самым заметным был адмирал А.В. Колчак, добравшийся через Гонконг на российский Дальний Восток.

В 1918 г. Гонконг сыграл роль транзитного пункта при пересылке во Владивосток британских войск, которые вместе с их канадскими и американскими союзниками должны были не допустить не только захвата этого важного портового города большевиками, но и возможности захвата принадлежащих белой армии и союзникам складов с 700 тыс. тонн военного оборудования и боеприпасов союзными японскими войсками²⁰⁰. Консул В.О. фон Эттинген не принял Октябрьскую революцию и фактически стал безработным. Поскольку Великобритания не признала большевистского правительства, британские власти Гонконга продолжали относиться к В.О. фон Эттингену как законному представителю России. В 1920 г. В.О. фон Эттинген, поняв невозможность реставрации в России ни монархии, ни временного правительства, закрыл консульство. В 1921 г., когда победа большевиков в гражданской войне стала совершенно очевидной, бывший консул покинул Гонконг и отправился во Францию. Перед этим он продал принадлежавшие консульству недвижимость и все имущество, за исключением архивов, которые он поместил на хранение в Русско-Азиатский банк. Когда в начале 1924 г. после установления дипломатических отношений между Великобританией и Советской Россией Москва потребовала возвращения архивов и другой собственности консульств Российской империи, из Гонконга пришло сообщение, что выяснить местонахождение архивов не удалось. Советский полпред в Лондоне Я.А. Берзин проинформировал британцев о том, что советскому руководству известен факт передачи архива российского консульства в Гонконге в Русско-Азиатский банк. На это ему было заявлено, что если архив действительно находится в банке, то он должен быть возвращен советскому правительству. Сделать это помешал фактический разрыв отношений между Москвой и Лондоном, причиной которого стал скандал с публикацией так называемого «письма Зиновьева». В 1926 г. Русско-Азиатский банк самоликвидировался, а архивы российского консульства были помещены на хранение в Колониальное казначейство. Москва вновь попросила вернуть архивы, и в марте 1927 г. британская сторона согласилась выполнить эту просьбу, однако, по данным М. Шэра, пытавшегося найти архивы, было это сделано или нет, и где в настоящий момент они находятся, неизвестно²⁰¹.

Проблемы в отношениях между Великобританией и Советской Россией, отражением которых стали описанные выше перипетии поисков архива российского консульства в Гонконге, не могли не сказываться отрицательным образом на развитии контактов новых российских властей с этой британской колонией. Британские власти стремились помешать попыткам Москвы нарастить свое влияние в южном Китае, особенно видя, какие усилия большевики предпринимают для «советизации» революционного движения в Китае путем расширения сотрудничества Коминтерна с Гоминьданом и Коммунистической партией Китая. Чтобы оградить Гонконг от «большевистской угрозы», британцы старались свести к минимуму влияние тут Гоминьдана и КПК. Кроме того, они перекрыли канал поставки советского оружия Гоминьдану и китайским коммунистам, которые в середине 1920-х гг. могли осуществляться главным образом через Гонконг в Гуанчжоу. Советские суда просто не пускали в гонконгский порт, ссылаясь на их

²⁰⁰ *White John Albert*. The Siberian Intervention. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1950. P. 221.

²⁰¹ *Share M.* Where empires collided. P. 46–48.

несоответствие требуемым санитарным стандартам. Однако, несмотря на усилия британских властей, уже в начале 20-х годов XX в. Коминтерн имел в Гонконге сеть агентов, получавших до 40 золотых рублей в месяц²⁰². Коминтерн настаивал на активизации революционной работы в Гонконге. В то же время МИД Советской России призывал к сдержанности, полагая, что ставшая вполне реальной в 1923 г. нормализация отношений с Великобританией позволит расширить советское влияние в Гонконге и южном Китае²⁰³. Эти надежды были связаны с тем, что гораздо более либеральные, чем в материковом Китае, порядки, введенные британцами в Гонконге, действительно открывали значительно большие возможности для действия там коммунистических и прочих левых партий. Не случайно советский дипломат и активист Коминтерна А.А. Иоффе в письме к заместителю народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахану называл Гонконг слабым звеном в капиталистическом мире²⁰⁴.

В 1923 г. Коминтерн организовал в Гонконге местную компартию и профсоюзы, однако партия была немногочисленной и не пользовалась влиянием, а члены профсоюзов не проявляли интереса к идеям пролетарской революции или объединения Китая и больше прислушивались не к агентам Гоминьдана или КПК, а к местным боссам триад, и были озабочены главным образом борьбой за повышение зарплат²⁰⁵. Что касается непосредственно советского влияния, то оно вообще было незначительным, поскольку британские власти выдавали гонконгские визы советским гражданам крайне редко, да и то лишь транзитные.

Шанс расширить свое влияние в Гонконге представился Коминтерну в 1925 г. 30 мая китайские и индийские полицейские под командованием британских офицеров расстреляли демонстрацию в международном селтльменте в Шанхае, убив 11 человек. Возмущение китайцев вылилось во всеобщую стачку, начавшуюся 19 июня в Шанхае и Гуанчжоу. 23 июня войска под британским командованием открыли огонь по толпе демонстрантов в англо-французской концессии на острове Шамянь в Гуанчжоу, убив 52 и ранив сотни китайцев, в основном студентов. По многим китайским городам прокатились демонстрации протеста с требованиями положить конец дискриминации китайцев проживающими в стране иностранцами. В Гонконге стачка носила ярко выраженный антибританский характер. Власти Гонконга ввели блокаду также охваченного протестами Гуанчжоу, в который перебралось руководство профсоюзного и коммунистического движения британской колонии. Поскольку Гуанчжоу и прилегающие китайские провинции в значительной мере зависели от продовольственных и топливных поставок из Гонконга, эта мера британских властей могла бы стать сильным ударом по левому правительству юга Китая.

СССР тут же организовал крупные поставки продовольствия и керосина морем из Владивостока в Гуанчжоу и Шанхай. Выходящие в Пекине китайские газеты сообщили, что советские суда доставляют из Владивостока в Гуанчжоу не только продовольствие, керосин и оружие для Объединенного фронта, но и опиум, однако в СССР это решительно опровергали. Поставки из СССР, а также бойкот британских товаров населением этих городов привели к тому, что объем

²⁰² *Share M.* Where empires collided. P. 57.

²⁰³ *Keeble Curtis.* Britain, the Soviet Union, and Russia. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 84–101.

²⁰⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. 1920–1925. М.: Буклет, 1994. С. 110.

²⁰⁵ *Share M.* Where empires collided. P. 58–59.

торговли в Гонконге упал на 80%. Правительство Гонконга забило тревогу, потребовав от прозападного китайского правительства в Пекине ликвидировать поддерживаемый Единым фронтом КПК и Гоминьдана режим в Гуанчжоу, положить конец советским поставкам оружия и продовольствия Гоминьдану, и даже приготовилось выделить около 100 миллионов гонконгских долларов на свержение левого правительства в Гуанчжоу.

Впрочем, перспектива выхода ситуации из-под контроля не устраивала ни гонконгское правительство, ни нашедших временное убежище в Гуанчжоу гонконгских рабочих, продолжавших стачку, ни шанхайское отделение Гоминьдана, ни СССР, поэтому в апреле 1926 г. начались переговоры о сворачивании стачки, что и было сделано в том же месяце. Британия сменила губернатора Гонконга Реджинальда Стаббса, не проявившего должной гибкости, на Сесила Клементи, который тут же восстановил отношения с гоминьдановским правительством Гуанчжоу.

После завершения стачки СССР восстановил поставки оружия, топлива и других товаров для правительства Гоминьдана в Гуанчжоу через Владивосток. Поскольку порт Гуанчжоу был недостаточно глубоким, до 80% судов вынуждены были разгружаться в Гонконге, что давало возможность британским ВМС останавливать советские суда для досмотра. Это вызывало протесты со стороны советского правительства и побудило его обратиться к властям Гуанчжоу с предложением о постройке нового порта. Идея встретила сопротивление правительства Великобритании, но поддержку США, которые симпатизировали Гоминьдану. Общим итогом гонконгской стачки стало усиление гоминьдановского правительства в Гуанчжоу, созданного Чан Кайши 1 июля 1925 г.²⁰⁶

В марте 1926 г. Чан Кайши впервые выступил против своих союзников-коммунистов. В апреле 1927 г. верные Чан Кайши войска в Шанхае и других находившихся под их контролем городах выступили против коммунистов и левых организаций. В Гуанчжоу в результате антикоммунистического рейда было арестовано около 3 тыс. коммунистов и активистов, из которых около 200 были казнены. Левые отвечали стачками и демонстрациями, а 11 декабря 1927 г. с согласия и при содействии Коминтерна и советского консульства в Гуанчжоу подняли вооруженное восстание и захватили город²⁰⁷. Однако уже 13 декабря войска Гоминьдана подавили восстание и развернули «белый террор», в ходе которого были убиты несколько тысяч участников, а также многие сотрудники советских представительств. Масштабы репрессий, устроенных гоминьдановцами, шокировали британцев, и они согласились выдать спасшимся советским гражданам специальные визы для въезда в Гонконг.

В начале 1930-х годов СССР отказался от попыток ослабить британское влияние в Южном Китае и Гонконге. Осознание угрозы со стороны Германии на Западе и Японии на Востоке, а также потребность в поставках из Великобритании оборудования, необходимого для реализации программы индустриализации, заставили И.В. Сталина увидеть в сохранении и даже укреплении британских позиций в этой части Азии благо, что привело к радикальному изменению советской политики в отношении Гонконга²⁰⁸. Движению в этом направлении

²⁰⁶ *Share M.* Where empires collided. P. 65–68.

²⁰⁷ *Isaacs Harold.* The Tragedy of the Chinese Revolution. Stanford (CA): Stanford University Press, 1966. P. 369, 379.

²⁰⁸ *Share M.* Where empires collided. P. 88–89.

способствовало и ослабление значения Гуанчжоу и Гонконга как базы революционного движения в Китае, ставшее следствием успешного Северного похода Чан Кайши, провала коммунистического восстания в Гуанчжоу и значительного ослабления влияния местного отделения КПК в Гонконге.

При этом Гонконг не потерял для Коминтерна значения колыбели революции в Азии. Это объяснялось тем, что, спасаясь от репрессий на материке, в Гонконг, слывший самой свободной территорией в Юго-Восточной Азии, хлынули тысячи китайских коммунистов. Сюда же стекались революционеры из других стран региона, прельщенные возможностью продолжать борьбу со своими правительствами и колонизаторами на безопасном удалении от них. В декабре 1929 г. в Гонконг прибыл в качестве представителя Коминтерна Хо Ши Мин. Под его руководством 3 февраля 1930 г. вьетнамские революционеры провели конференцию, на которой было принято решение о создании Вьетнамской коммунистической партии по образцу ВКП(б) и полном разрыве с Гоминьданом. В октябре 1930 г. там же состоялось и первое заседание Центрального комитета новой партии. Как правило, съехавшиеся в Гонконг революционеры разных восточноазиатских стран не нарушали либеральных гонконгских законов, что делало практически невозможной их выдачу требовавшим этого властям различных стран, в частности Франции, в которой Хо Ши Мин был заочно приговорен к смертной казни. Власти Гонконга два раза арестовывали его, но так и не нашли оснований для выдачи Франции. В итоге в 1933 г. Хо Ши Мин с помощью коммунистического подполья выехал из Гонконга в Китай, а оттуда — в СССР. Вернулся он в Китай лишь в 1938 г.²⁰⁹

Вся эта революционная активность, хоть и не направленная против властей Гонконга, вызывала у них раздражение, побудив в 1930 г. создать в структуре Королевской полиции Гонконга специальное антикоммунистическое подразделение²¹⁰. В то время в правоохранительных органах Гонконга, особенно в подразделении по борьбе с морским пиратством, значительную роль сыграли имевшие богатый боевой опыт ветераны российской Белой армии, «белые русские»²¹¹. Однако ни их заслуги, ни резкое снижение активности «красных русских», связанных или подзреваемых в прокоммунистической деятельности, ни рост потока различных товаров из СССР, таких как соль, сода, нафталин, пиломатериалы, рыбные консервы, минеральная вода и многое другое, не изменили настороженного отношения гонконгских властей к СССР, поэтому они не разрешили открыть в Гонконге постоянное советское торговое представительство.

Беспокоила власти колонии и советская экономическая активность. Когда в сентябре 1932 г. советские граждане П. Либанов и Г.А. Равю запросили в британском консульстве в Шанхае недельную визу в Гонконг по делам, связанным со строительством в колонии хранилища нефтепродуктов, им было отказано из тех соображений, что конкуренция со стороны советской компании может негативно сказаться на деятельности British Asiatic Petroleum Company, подразделения Royal Dutch-Shell. И хотя вскоре гонконгские власти объявили, что не имеют возражений

²⁰⁹ *Chan Lau, Kit-Ching*. From Nothing to Nothing: The Chinese Communist Movement and Hong Kong, 1921–1936. London: Hurst, 1999. P. 189.

²¹⁰ *Crisswell Colin, Watson Mike*. The Royal Hong Kong Police, 1841–1945. Hong Kong: Macmillan, 1982. P. 123.

²¹¹ *Sinclair Kevin*. Asia's Finest Marches on: Policing Hong Kong from 1841 into the 21st Century: An Illustrated Account of the Hong Kong Police. Hong Kong: Kevin Sinclair Associates, 1997. P. 46.

против хранилища, принимая во внимание уже ставший фактом значительный рост советского импорта керосина, разрешение на строительство хранилища так и не было дано. Сыграло роль и соображение о том, что советское представительство может быть использовано для коммунистической пропаганды и шпионажа. Таким образом, констатирует М. Шэр, британские власти не сумели разглядеть изменения в подходах Москвы к Гонконгу, который с конца 1920-х гг. стал рассматриваться советским руководством не столько как опорная база для революционного движения в Азии, сколько как место, где можно вести прибыльный бизнес²¹².

С начала японской агрессии против Китая в 1931 г. и особенно после ее расширения в 1937 г. Гонконг, чье население удвоилось за счет беженцев с материка и превысило миллион человек, превратился в базу борьбы против японской оккупации Китая. Здесь собирались деньги, медикаменты и оружие для китайских войск, воюющих с японцами, и даже велся набор добровольцев из числа молодых жителей.

В 1934 г., почувствовав рост угрозы со стороны Японии, британские власти активизировали работы по укреплению фортификационных сооружений Гонконга, прилегающих островов и новых территорий на южном побережье Китая. На основе донесений о ходе этих работ, которые по разным каналам поступали в Москву, там высказывались опасения, что все эти меры недостаточны, запаздывают и не позволяют достаточно эффективно отразить японскую агрессию. По мнению М. Шэра, это говорило о том, что к этому моменту в СССР перед лицом осознаваемой общей угрозы отказались от былого отношения к Великобритании как к врагу²¹³.

Опасения, к сожалению, оправдались: 25 декабря 1941 г. Гонконг капитулировал, спустя всего две недели после начала его штурма японцами. К этому моменту Москва и Лондон уже были союзниками в борьбе с германским фашизмом. Однако распространить их сотрудничество на Юго-Восточную Азию и помочь британцам отстоять Гонконг — важнейший порт, через который СССР поставлял оружие сражавшимся с японцами армиям и Чан Кайши, и Мао Цзэдуна, — мешало не только тяжелейшее положение, в котором оказался СССР в первые месяцы войны с Германией, но и пакт о нейтралитете, заключенный Советским Союзом с Японией в апреле 1941 г.²¹⁴

«Белые русские» из Королевской полиции плечом к плечу с британцами обороняли Гонконг и затем, после его оккупации японцами в декабре 1941 г., делили с ними лишения в заключении в лагере для военнопленных Стэнли в южной части острова Гонконг. По свидетельству очевидцев, русские, имевшие суровый опыт мытарств на пути из России в Гонконг после разгрома Белого движения, оказались наиболее приспособленными к тяготам японского плена и почти все выжили, несмотря на крайне тяжелые условия²¹⁵.

После разгрома Японии в 1945 г., большой вклад в который вложил и Советский Союз, встал вопрос о судьбе освобожденного от японцев Гонконга. Президент Китайской Республики Чан Кайши, помня о поддержке в этом вопросе со стороны президента США Ф.Д. Рузвельта и главы СССР И.В. Сталина в годы войны, потребовал «возвращения всех территорий, включая Гонконг, потерянных

²¹² *Share M.* Where empires collided. P. 95–96.

²¹³ *Share M.* Where empires collided, p. 99.

²¹⁴ *Overy Richard, Wheatcroft Andrew.* The Road to War. London: Macmillan, 1989. P. 252.

²¹⁵ *Criswell Colin, Watson Mike.* The Royal Hong Kong Police, 1841–1945. P. 181.

в предыдущие столетия «унижения» серией «неравных договоров», чтобы восстановить приличествующее Китаю место в мире»²¹⁶.

Однако к 1945 г. ситуация изменилась. Г. Трумэн, ставший президентом США после смерти Ф.Д. Рузвельта, не был склонен ссориться с Великобританией из-за Гонконга, поэтому в сентябре 1945 г. британцы послали к своей колонии эскадру и восстановили контроль над Гонконгом. Чан Кайши был заинтересован в том, чтобы британцы как можно быстрее восстановили функционирование порта, и вообще в британской поддержке в противостоянии коммунистам, и вынужден был смириться с тем, что его мечта не стала реальностью.

Зато СССР активно выступил против возвращения Гонконга Великобритании. В советской прессе появились статьи о том, что продолжение британского владения Гонконгом нарушает принципы Атлантической хартии, поддерживающей право народов на самоопределение, что Китай стремится вернуть свою суверенную территорию и отменить несправедливые договоры и что Гонконг был аванпостом британской экономической агрессии и памятником несправедливым опиумным войнам²¹⁷. Единственным позитивным, с точки зрения Москвы, моментом в сложившейся ситуации представлялось то, что продолжение британского владения Гонконгом будет мешать развитию отношений между Великобританией и Китаем²¹⁸.

Такая позиция Москвы не могла не вызывать раздражения Лондона и не сказываться негативно как на советско-британских отношениях в целом, так и на отношениях СССР с Гонконгом в частности. Британия отказывалась выдавать советским гражданам въездные визы в Гонконг, в том числе и потому, что чуть ли не в каждом претенденте на визу подозревала шпиона. Действительно, с распространением холодной войны на Азию, после образования в 1949 г. КНР Гонконг превратился в место сосредоточения западных спецслужб, в первую очередь американских и британских, занятых сбором информации о материковом Китае²¹⁹, и со стороны американцев и британцев было бы логично предположить, что и советские спецслужбы оценят достоинства Гонконга как плацдарма для своей деятельности. Но в короткий период с 1945 по 1949 г. особых оснований бояться активности советской разведки в Гонконге ни у британцев, ни у американцев не было. После войны в Гонконге постоянно жили всего 27 советских граждан, которые находились под постоянным контролем гонконгской полиции, и еще примерно полторы сотни эмигрантов из России или их потомков, не имевших вообще никакого гражданства, которых трудно было заподозрить в симпатиях к СССР. Но в Лондоне и Вашингтоне были уверены, что Москва активно использует в качестве агентов своей разведки этнических китайцев. Список из 10 таких предполагаемых советских агентов в сентябре 1946 г. был отправлен американским консульством в Гонконге в Вашингтон²²⁰. Появлялись сообщения о том, что СССР якобы открыл в Гонконге секретное представительство Коминформа — наследника Коминтерна²²¹, однако определить степень достоверности этой информации весьма трудно.

²¹⁶ *Steve Tsang Yui-sang*. Hong Kong: An Appointment with China. London: I.B. Tauris, 1997. P. 34–35.

²¹⁷ Требование о возвращении Гонконга, Кулуна и Амоя Китаю // Правда. 16 февраля 1946 г. С. 4.

²¹⁸ Газета «Цзиньваньбао» требует возвращения Гонконга Китаю // Правда. 15 мая 1946 г. С. 4.

²¹⁹ *Share M.* Where empires collided. P. 107.

²²⁰ *Ibid.* P. 110.

²²¹ Communist Network in Far East: Headquarters in Hong Kong // The Guardian. 22.09.1950.

Британские власти ограничивали и возможности официальной работы советских учреждений в Гонконге. В 1948 г. они закрыли представительство единственного к тому моменту советского учреждения Внешнеторгового объединения «Экспортхлеб», работавшего в колонии еще с довоенных времен. Правда, в том же году в Гонконг с материка, где бушевала гражданская война между коммунистами и гоминьдановцами, было переведено Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС). ВОКС, как ранее и «Экспортхлеб», ввозил в Гонконг советские книги, а также печатал и распространял в 100 тыс. экземпляров стостраничный журнал «Свободная культура» на китайском языке, в котором печатались статьи китайских авторов о советской культуре и общественной жизни. Кроме того, ВОКС демонстрировал советские фильмы и устраивал фотовыставки о культуре в СССР. Вся эта деятельность воспринималась британцами как свидетельство сохранения интереса Москвы к Гонконгу с точки зрения торговли и пропаганды, а также ее стремление восстановить свое влияние. Но даже проведение культурных мероприятий сталкивалось с множеством трудностей, связанных с запретом на массовые собрания, проблемами с переводом на китайский язык и тем, что пропагандистские материалы об СССР принимали к печати лишь в коммунистических газетах, имевших очень небольшой тираж²²². Хотя значение Гонконга для СССР как плацдарма влияния в Восточной и Юго-Восточной Азии в первые послевоенные годы значительно снизилось по сравнению с 1920–1930 гг., важность гонконгского порта для торговли с южными районами Китая сохранялась. Она даже возросла, когда Гонконг после 1949 г. оказался чуть ли не единственным крупным портом, связывающим КНР с некоммунистическим миром.

После прихода к власти в Китае коммунистов И.В. Сталин стал пытаться убедить Мао Цзедуна вернуть Гонконг военной силой. Советский лидер ссылаясь на данные разведки, свидетельствовавшие о готовности США смириться с переходом Тайваня под власть коммунистов, что вселяло уверенность, что американцы не вступятся и за Гонконг²²³. Стремление И.В. Сталина решить проблему Гонконга руками китайцев подпитывалось опасением, что эта территория станет плацдармом для пропаганды и тайных операций Запада не только против КНР, но и против СССР. И хотя во многом эти опасения были не беспочвенными, в конце концов советское руководство вынуждено было смириться с нежеланием Мао Цзедуна воевать за Гонконг, который представлял для прагматичного руководства КНР значительную ценность и под контролем Великобритании как источник выгодного приобретения дешевых западных товаров и иностранной валюты²²⁴. Именно этот прагматизм заставил руководство КНР уведомить Лондон о том, что НОАК не собирается силой возвращать Гонконг²²⁵.

Вплоть до середины 1950-х гг. легальная активность СССР в Гонконге ограничивалась упомянутыми выше культурно-пропагандистскими мероприятиями. Но 29 мая 1956 г. советское правительство обратилось к Лондону с официальной просьбой об открытии в Гонконге постоянного торгового представительства. Это было связано с тем, что ухудшение советско-китайских отношений проявилось к этому времени, в том числе и в том, что КНР практически полностью

²²² *Share M.* Where empires collided. P. 112.

²²³ *Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950, P. 299.

²²⁴ *Share M.* Where empires collided. P. 120.

²²⁵ *Steve Tsang Yui-sang.* Hong Kong: An Appointment with China. P. 70.

прекратила делиться с Москвой разведывательной информацией о ситуации в Гонконге. Видимо, понимая, что советское торгпредство будет использоваться и в таких далеких от торговли целях, Британия, поразмышляв в течение года о том, в какой форме и какое ведомство должно будет довести отказ до сведения Москвы, в мае 1957 г. уведомила торгового представителя СССР в Лондоне В.А. Каменского об отказе на том основании, что советские спецслужбы часто занимаются «нежелательной» деятельностью как раз под прикрытием торговых представительств. Как считает М. Шэр, враждебность Британии в отношении любого нового советского представительства в Гонконге объяснялась еще и тем, что до 1958 г. СССР поддерживал позицию КНР, состоявшую в том, что Британия силой отняла Гонконг у Китая в результате опиумных войн, впоследствии навязав несколько неравноправных договоров.

В 1957 г. в журнале «Физкультура и спорт» был опубликован флаг Гонконга, в углу которого расположен британский «Юнион джек», что подразумевает признание колониального статуса Гонконга. В ответ на вызванную этой публикацией просьбу китайских официальных властей к главе МИД СССР прояснить позицию Москвы по поводу статуса Гонконга, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко заявил, что Гонконг исторически является китайской территорией, которая была оккупирована в девятнадцатом столетии англичанами в соответствии с неравноправными договорами. Правительство КНР считает Гонконг китайской территорией и верит, что она должна быть объединена с Китаем. Однако Китай не требует ее возвращения открыто и силой. КНР не хочет ухудшать свои отношения с Британией в свете текущей мировой политической ситуации. Принимая во внимание появление неправильных представлений о том, что Гонконг является территорией, которая принадлежит Британии, советские учреждения и организации, которые имеют то или иное отношение к вопросу о статусе Гонконга, должны иметь в виду позицию китайского правительства, отметил далее А.А. Громыко²²⁶.

Примерно в то же время Москва, несмотря на уже наметившееся ухудшение отношений с Пекином, поддержала протесты КНР против появившейся в Гонконге идеи добиться статуса самоуправляемой территории, поскольку это могло не только отсрочить или сделать невозможным возвращение этой территории под юрисдикцию КНР, что не устраивало Пекин, но и закрепить эту территорию в орбите влияния Запада, что не устраивало и Москву²²⁷. В начале 1960-х гг. советское руководство демонстрировало готовность с пониманием отнестись к тому, что Пекин не проявляет решимости вернуть Гонконг, как и Макао, под юрисдикцию КНР. Так, в декабре 1962 г. Н.С. Хрущев на сессии Верховного Совета СССР заявил по проблеме Гонконга и Макао буквально следующее: «Но разве будет кто-то осуждать Китайскую Народную Республику за то, что эти осколки колониализма остаются нетронутыми. Было бы неправильно толкать Китай на какие-то акции, которые он считает несвоевременными. Если правительство Китайской Народной Республики терпит Макао и Гонконг, то к этому, видимо, есть веские причины. Поэтому было бы нелепо обрушиваться на него с обвинениями, будто это уступка английским и португальским колонизаторам, будто это примиренчество. Может быть, это отступление от марксизма-ленинизма? Ничего подобного. Это означает, что правительство Китайской Народной Республики учитывает

²²⁶ Share M. Where empires collided. P. 133.

²²⁷ Ibid. P. 134.

действительную обстановку, реальные возможности. Но придет час, и китайские друзья признают такое положение нетерпимым и скажут колонизаторам полным голосом: «Убирайтесь вон!» И мы будем приветствовать такой шаг»²²⁸.

Обострение противоречий с Пекином заставило Москву постепенно менять отношение к Гонконгу и к китайской политике в этом анклав. Во-первых, Москва стала рассматривать Гонконг как территорию, в которой было бы удобно заниматься разведывательной деятельностью против КНР. Во-вторых, именно в 1960-е гг., в период начавшегося бурного экономического развития Гонконга, в СССР выросло осознание важности этой территории как торгово-экономического партнера. Однако реализации этих устремлений мешало по-прежнему враждебное отношение со стороны Великобритании. Кроме того, Лондон не хотел нарушать сложившееся с Китаем негласное соглашение о том, что Гонконг никогда не будет слишком уж явно использоваться как база антикитайских сил. Эта политика прекрасно сработала, например, в годы Корейской войны 1950–1953 гг., когда британские власти закрывали глаза на то, что гонконгские компании нарушают введенное американцами эмбарго на поставки в КНР многих товаров²²⁹.

Это дало СССР повод для критики политики руководства КНР в отношении Гонконга. Так, 29 апреля 1964 г. газета «Известия» писала: «Можно понять, почему гонконгские бизнесмены не тревожатся за свое будущее. Китайские руководители рассматривают Гонконг как своего рода лазейку в мир капитализма»²³⁰. А менее чем через месяц «Правда» обвинила Китай в том, что он использует британскую колонию как центр пропаганды против СССР: «В этой английской колонии издаются на средства Пекина две крупные газеты — «Дагун бао» и «Веньвэй бао»²³¹, которые систематически выступают с антисоветскими материалами. В клевете на Советский Союз им вторит ряд журналов, толстых и тонких, о которых здесь говорят, что они оплачиваются Пекином... У Гонконга всегда была недобрая слава... Ныне он становится важнейшим зарубежным центром клеветнической пропаганды и подрывной деятельности Пекина против Советского Союза, против международного коммунистического движения»²³². В той же статье авторы объясняют причины отказа Пекина от намерений освободить Гонконг от британского колониального владычества: «Какая может быть речь о классовой борьбе, революционной непримиримости, если в Гонконге капитал КНР мирно сотрудничает с английским и американским капиталом в совместной эксплуатации трудящихся?» Авторы приводят также интересное высказывание живущего в Гонконге британца: «Наши власти чувствуют себя спокойно, не может быть и речи, чтобы красный Китай решился захватить Гонконг. Он слишком ему выгоден, именно такой, как сейчас — “колониальный”», и дополняют эту оценку многочисленными примерами капиталистических инвестиций КНР в Гонконг²³³. В советской прессе также звучали обвинения в том, что Пекин пользуется колониальным статусом Гонконга для получения валюты и контактов со странами или территориями, с которыми КНР не имеет дипломатических отношений, например с США, Японией, Южной Африкой и Тайванем. Не могло не раздражать Москву и то, что территория Гон-

²²⁸ Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза. С. 3.

²²⁹ *Share M.* Where empires collided. P. 122.

²³⁰ *Попов Ю.* Блеск и нищета Гонконга // Известия. 29 апреля 1964 г. № 103. С. 2.

²³¹ Гуандунское произношение названия «Вэньхуэй бао».

²³² *Домогацких М., Почивай Л.* Недобрая слава Гонконга // Правда. 27 мая 1964 г. № 148. С. 6.

²³³ Там же.

конга используется американцами для ремонта или заправки военных кораблей, направлявшихся к берегам Вьетнама в годы войны, и отдыха их экипажей, и что американское ЦРУ превратило Гонконг в черный рынок для получения и обмена валюты для оплаты своих операций в Восточной Азии²³⁴, а британская разведка использует эту территорию для снабжения воюющих с вьетнамскими коммунистами сил британским оружием, в том числе напалмом, и разведывательной информацией, использовавшейся для перехвата вьетнамских судов и нанесения бомбовых ударов по территории на севере Вьетнама²³⁵.

В целом выработка объективной позиции Москвы по поводу Гонконга, как и адекватного понимания ситуации в этой британской колонии, затруднялась нехваткой информации. Ввиду отсутствия советского представительства в Гонконге информация о ситуации там после закрытия советского консульства в Гуанчжоу в конце 1950-х гг. поступала из советских посольств в ряде стран Юго-Восточной Азии и в Лондоне. Ярким примером того, насколько сильно отличались донесения по Гонконгу, поступавшие из Лондона и из ЮВА, могут служить отчеты о масштабных волнениях и беспорядках, охвативших Гонконг в 1967 г. В сообщениях на эту тему из Бангкока главной причиной волнений называлась подстрекательская деятельность китайской агентуры и пропекинских элементов, имевшая политические и пропагандистские цели, в том числе оказать давление на Британию, активно поддерживающую США в войне во Вьетнаме; показать Лондону, что он располагает в Гонконге куда меньшим влиянием, чем Пекин; и наконец, отвлечь народ КНР от внутренних проблем, в том числе массового голода, возникших по причине начатой Мао Цзэдуном культурной революции. В этой информации из советского посольства в Бангкоке говорилось также, что Пекин оказывал гонконгскому восстанию не только политическую, но и финансовую поддержку, причем, по мере ужесточения действий гонконгской полиции, ежедневные выплаты каждому из участников волнений выросли в шесть раз — с 15 гонконгских долларов до 10–15 долл. США. В этих сообщениях почти полностью игнорировались внутренние факторы, спровоцировавшие волнения, и утверждалось, что большинство простых гонконгцев, «имевших про-британские и про-тайваньские взгляды», поддерживали правительство Гонконга, подавлявшее волнения силой. В противоположность этим докладам в донесениях из советского посольства в Лондоне основной причиной гонконгских волнений назывались условия жизни местных рабочих и другие экономические факторы. При этом, правда, признавалась и подстрекательская роль Пекина, критиковалась попытка китайских СМИ представить разгон манифестаций полицией с применением слезоточивого газа и резиновых пуль как «фашистскую резню патриотически настроенных студентов, учителей и других патриотов, вооруженных только идеями Мао»²³⁶. Советская пресса также использовала гонконгские волнения как повод для критики позиции Пекина по Гонконгу. В частности, 16 сентября 1967 г. газета «Известия» в редакционной статье «История одного предательства» отмечала: «Забастовки в Гонконге угрожали экономической жизни колонии, что было прямым ударом по валютным поступлениям клики Мао Цзэ-дуна... Под оглуши-

²³⁴ Aldrich Richard J. The Hidden Hand: Britain, America, and Cold War Secret Intelligence. London: John Murray, 2001. P. 310.

²³⁵ Dorril Stephen. MI6: Fifty Years of Special Operations. London: Fourth Estate, 2000. P. 719–720.

²³⁶ Share M. Where empires collided. P. 145–146.

тельную трескотню о борьбе против английского империализма пекинское руководство начало вставлять палки в колеса организованного выступления рабочего класса Гонконга. Оно рассчитывало воспользоваться борьбой трудящихся для того, чтобы добиться своего большего участия в прибылях колонии и сделать английские власти податливыми, как этого удалось недавно добиться в другой колонии на территории КНР — Макао, принадлежащей Португалии. Если бы китайские руководители думали о благе своих соотечественников, стонущих под английским гнетом, то они бы поддержали борьбу гонконгского пролетариата. На практике же маоисты осудили забастовочную борьбу этих обездоленных. Они предложили им выходить в свободное от работы время на улицы и размахивать красными цитатниками Мао Цзэ-дуна. У гонконгского пролетариата была таким образом выбита из-под ног база его борьбы — требования улучшения материальной жизни. Пекин сделал его борьбу бесцельной. Это было не чем иным, как предательством. Даже либеральная печать колонии не постеснялась сказать это слово в адрес Пекина, разбирая его политику в отношении бастовавших трудящихся»²³⁷.

Советское руководство попыталось использовать события 1967 г. в Гонконге для сближения с Британией. Москва предложила Лондону наладить обмен военной разведывательной информацией о КНР. В июне 1967 г. советский военный атташе в Пномпене полковник Н. Балакирев посетил своего британского коллегу, который затем доложил в Лондон: «Балакирев сказал, что ситуация в Гонконге серьезная для нас и может стать хуже. Он сказал, что знает, что 42-й корпус китайской армии находится в части Китая, граничащей с Гонконгом. Затем он заметил, что Советский Союз очень озабочен получением военной информации о Китае. В наибольшей степени СССР интересуется сосредоточением любых войск на севере напротив советской границы». Британское посольство в Пномпене сообщило о советском предложении в МИД Великобритании, который это предложение отверг со следующими словами: «Глава МИД Джордж Браун питает отвращение к любому предлагаемому сотрудничеству с Советами в военной разведке по Китаю, считая, что мы получим мало или ничего»²³⁸.

Подобные конфузы, вызванные сохраняющейся враждебностью Лондона, не помешали советскому руководству разглядеть в середине 1960-х годов экономический рост Гонконга и понять выгоды от расширения торгово-экономического сотрудничества с ним. С 1962 по 1969 г. импорт из Гонконга в СССР вырос с 11,8 тыс. гонконгских долларов до 2,6 млн гонконгских долларов, а экспорт — с 4,9 млн до 23,7 млн²³⁹. В ноябре 1971 г. по данным газеты «Гонконг стэндард» советский экспорт в Гонконг вырос до 58,4 млн долл. США. Это, по мнению экспертов, свидетельствовало о росте потребности СССР в получении твердой валюты²⁴⁰.

С середины 1960-х годов, столкнувшись с ростом числа гонконгцев, желающих совершить туристические или деловые поездки в СССР, советский монополист авиаперевозок «Аэрофлот», не имея представительства в Гонконге, начал активно искать там партнеров, которые могли бы продавать билеты «Аэрофлота». Поскольку речь шла о сотрудничестве с компаниями, зарегистрированными на территории,

²³⁷ История одного предательства // Известия. 16 сентября 1967 г. № 220. С. 3.

²³⁸ *Share M. Where empires collided.* P. 148–149.

²³⁹ В то время один доллар США обменивался на пять гонконгских долларов.

²⁴⁰ *Share M. Where empires collided.* P. 150–151.

чей статус СССР не признавал, «Аэрофлот» постоянно консультировался с советским МИД, который в 1967 г., давая разрешение на заключение соглашений о партнерстве с рядом гонконгских компаний, поставил условие, что соглашения должны оставаться только коммерческим документом и не должны содержать формулировок, которые можно было бы интерпретировать как признание статуса Гонконга как английской колонии или отдельной от Китая территории. Вслед за «Аэрофлотом» партнерство с гонконгскими компаниями на тех же принципах в 1967 г. установили различные советские внешнеторговые организации, в том числе «Разноэкспорт» и «Медэкспорт», а также «Интурист». А «Аэрофлот» вскоре начал сотрудничать с основным гонконгским авиаперевозчиком Cathay Pacific.

Как отмечает М. Шэр, препятствием на пути расширения советско-гонконгского делового сотрудничества были как упомянутая выше необходимость постоянно консультироваться с МИД СССР по поводу возможности заключения контрактов с теми или иными гонконгскими компаниями, так и сохраняющиеся у Лондона опасения по поводу того, что Советский Союз будет использовать свои представительства в Гонконге для прикрытия разведывательной деятельности против Британии или КНР. Однако гонконгские власти, заинтересованные в сотрудничестве с СССР, доказывали, что подобные опасения по большей части беспочвенны²⁴¹. Однако в Лондоне, видимо, так не считали, поэтому, например, когда в 1966 г. СССР достиг договоренности с Гонконгом о возможности ремонта советских судов в гонконгских доках, британские власти поставили условие, что команды судов смогут гулять по городу группами по 10 человек, не более 6 часов, только в дневное время и только в сопровождении эскорта²⁴². Несмотря на эти меры, в конце 1960-х — начале 1970-х имели место несколько скандалов, связанных с распространением советскими моряками в Гонконге пропагандистских материалов, например, посвященных советско-китайским пограничным столкновениям 1969 г., а также с вовлеченностью советского персонала в разведывательную деятельность²⁴³. Подобные инциденты служили для Лондона убедительным оправданием его нежелания идти навстречу неоднократно высказывавшимся советской стороной просьбам об открытии в Гонконге советского консульства, постоянного представительства ТАСС и других постоянных некоммерческих представительств, а также практики долгого и тщательного рассмотрения всех запросов о гонконгских визах для советских граждан. В частности, летом 1971 г. Лондон отказал в гонконгской визе трем советским членам секретариата ЮНЕСКО, желавшим лететь из Токио в Париж через Гонконг, на том основании, что, с точки зрения британцев, этот маршрут был вызван не необходимостью, а стремлением к получению удовольствия и коммерческой выгоды. В октябре того же года в гонконгской визе отказали корреспонденту ТАСС в Ханое Б. Бубнову. Но буквально через месяц по личной просьбе гонконгского губернатора Дэвида Тренча визы были предоставлены 30 артистам Московского театра «Варьете», собиравшимся в Гонконг на гастроли. Этот случай стал одним из немногих исключений из обычной практики Лондона, состоявшей в непредоставлении гонконгских виз советским гражданам. М. Шэр высказывает три

²⁴¹ *Share M.* Where empires collided. P. 154.

²⁴² There's Something about Soviet Labor // *The Economist*. 27.02.1971.

²⁴³ Подробнее об этом смотрите: *Share M.* Where empires collided. Russian and Soviet Relation with Hong Kong, Taiwan, and Macao. P. 155–157.

соображения по поводу длительного существования такой практики. Во-первых, британские власти были очень подозрительны и не собирались разрешать Советскому Союзу открыть постоянное представительство в Гонконге. Во-вторых, даже запрос на выдачу индивидуальной визы в Гонконг от советских граждан вызывал споры между несколькими британскими ведомствами. В-третьих, причины отказа в визах советским гражданам объяснялись не только подозрительностью британцев, но и их опасениями, что наплыв советских граждан в Гонконг или открытие там постоянного советского представительства вызовут подозрения и недовольство правительства КНР, которое может предпринять шаги, способные дестабилизировать ситуацию в Гонконге²⁴⁴.

То, до какой степени власти Гонконга боялись любого усиления советского влияния на их территории, показывает эпопея с входящим в так называемые «Новые территории» островом Лантау (Ланьтоу). В 1973 г. сингапурский предприниматель Эдвард Вонг (Хуан Юнсян) начал строить в заливе Дискавери на острове курорт с роскошным отелем, теннисными кортами и площадками для гольфа. Через некоторое время он разорился, и тут оказалось, что в числе инвесторов был располагавшийся в Сингапуре советский «Московский народный банк». В 1977 г. банк подал на предпринимателя в суд, заявив о своих правах на его фирму Hong Kong Resort. Опасаясь, что фирма и территория под строительство курорта попадет в руки советского банка, после чего там может появиться пункт слежения за Гонконгом и КНР, секретарь «Новых Территорий» Дэвид Экер-Джонс без уведомления гонконгского Исполнительного совета договорился о продаже Hong Kong Resort пропекинскому олигарху Ча Цзиминю²⁴⁵. Олигарх, вместо роскошного курорта, построил на острове Лантау многоквартирные дома, опасность проникновения СССР была ликвидирована, но упущенная выгода Гонконга составила порядка 20 млн долларов США²⁴⁶. Спустя 30 лет Д. Экер-Джонс в своих мемуарах объяснил свои действия, нанешие Гонконгу существенный материальный ущерб, стремлением помешать «России стать чрезвычайным владельцем большой полосы холмов Гонконга» и назвал олигарха Ча Цзиминя подлинным патриотом Гонконга и Китая²⁴⁷.

Отношение администрации и политической элиты Гонконга к СССР/России начало меняться в лучшую сторону лишь после начала демократических преобразований на территории «одной шестой части суши». В определенной мере прорывным для российско-гонконгских отношений стал 1994 год. Тогда в Гонконге было вновь открыто Генеральное консульство России, а в Москве — представительство Совета по развитию торговли Гонконга, официального внешнеторгового органа, учрежденного еще колониальными властями Великобритании в 1966 г.²⁴⁸

²⁴⁴ *Share M.* Where empires collided. Russian and Soviet Relation with Hong Kong, Taiwan, and Macao. P. 161.

²⁴⁵ *Lau C.K.* When the Cold War Hit Discovery Bay // South China Morning Post. 11.12.2004 (<http://72.14.2003.104/search?q=cache:dzQ8cqUjhucJ>).

²⁴⁶ *Murphy Colum.* Spy Fear Led to Disco Bay // The Standard. 13.01.2005 (http://www.thestandard.com.hk/news_detail.asp?pp_cat=&art_id=1369&sid=&con_type=1&d_str=20050113&sear_year=2005). См. также: Michael Ng. Disco Bay fiasco won't be repeated // Hong Kong Standard. 19.05. 2005 (http://www.thestandard.com.hk/news_detail.asp?pp_cat=&art_id=8170&sid=&con_type=1&d_str=20050519&sear_year=2005).

²⁴⁷ *Aker-Jones David.* Feeling the Stones: Reminiscences. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2004. P. 70.

²⁴⁸ Бизнес в Гонконге — архивный выпуск программы Время предпринимать, Радио Финанс ФМ (<http://artishev.com/gosudarstvo/biznes-v-gonkonge.html>).

А в октябре 1995 г. в Москве была создана Ассоциация делового сотрудничества «Россия—Гонконг». Она была основана рядом российских компаний, заинтересованных в торгово-экономических связях с Гонконгом, в том числе группой компаний «САВВА», концернами «Ростекстиль» и «Рослегпром» при участии Совета по развитию торговли Гонконга²⁴⁹. К концу первого десятилетия XX в. эта ассоциация оставалась фактически единственным неправительственным образованием, достаточно успешно занимающимся поддержанием и развитием торгово-экономических отношений между Россией и Гонконгом. 1 декабря 2010 г. в рамках 11-го Гонконгского форума Ассоциация была награждена премией Всемирной федерации ассоциаций двустороннего сотрудничества с Гонконгом в номинации «Лучшая инициатива» за успешную организацию и проведение российско-гонконгского бизнес-семинара «Гонконг: Ваш идеальный партнер в Азии» во Владивостоке в мае 2010 г.²⁵⁰

Новый импульс развитию российско-гонконгских отношений дал переход Гонконга под юрисдикцию КНР, состоявшийся 1 июля 1997 г. В соответствии с лозунгом «одна страна — две системы» Гонконг получил статус Специального административного района (САР) КНР. Это означает, что помимо внешнеполитической деятельности и вопросов обороны, которыми занимается правительство КНР, САР Гонконг обладает полной самостоятельностью в управлении внутренними делами. Высший орган законодательной власти, Законодательное собрание, первый раз было избрано еще до передачи Гонконга — в марте 1996 г. Первым главой администрации САР Гонконг КНР стал крупный гонконгский бизнесмен Дун Цзяньхуа²⁵¹.

Мнение российского бизнеса о значении этих перемен для России и российского бизнеса на страницах газеты «Коммерсантъ» высказал управляющий «Международным промышленным банком» С.А. Веремеенко. Он выразил надежду на укрепление позиций российского бизнеса в Гонконге после его возвращения под юрисдикцию Китая и поделился планами «Межпромбанка» относительно открытия представительства в Гонконге и участия в создании там ряда фирм, связанных с транспортными перевозками²⁵².

А уже в сентябре 1997 г. в Гонконг для участия в сессии Совета управляющих МВФ отправился А.Б. Чубайс, занимавший в тот момент должность первого заместителя председателя правительства Российской Федерации. По сообщению газеты «Коммерсантъ», в Гонконге А.Б. Чубайс провел переговоры с премьер-министром КНР Ли Пэном, на которых была достигнута предварительная договоренность о том, что российским банкам будет разрешено оперировать юанями и открывать представительства в Пекине²⁵³.

²⁴⁹ Ассоциация делового сотрудничества «Россия—Гонконг» (<http://russiahk.ru/main.php?id=22>).

²⁵⁰ Ассоциация делового сотрудничества «Россия—Гонконг» удостоена премии «Лучшая инициатива», 01.12.2010 г. (<http://russiahk.ru/main.php?id=1&nid=21>).

²⁵¹ Различие в написании гонконгских и китайских имен и фамилий обусловлено использованием в Гонконге гуандунского диалекта китайского языка. Таким образом, имя звучит по-разному на стандартном китайском языке и гуандунском диалекте. Кроме того, многие жители Гонконга имеют неофициальное английское имя, по которому их называют за рубежом и в англоязычной прессе Гонконга.

²⁵² Ганкин Л. Пекин не должен резать курицу, несущую золотые яйца // Коммерсантъ. 28.06.1997 (<http://www.kommersant.ru/doc/180169?isSearch=True>).

²⁵³ Левин К. Чубайс и МВФ. Русское экономическое чудо // Коммерсантъ. 23.09.1997 г. (<http://www.kommersant.ru/doc/184427?isSearch=True>).

ДУН Цзяньхуа
(англ. Tung Chee Hwa, кит. 董建華) (род. 1937) —
Глава администрации Гонконга в 1997—2005 гг.

Родился 29 мая 1937 г. в Шанхае в семье крупного предпринимателя Дун Чжаожуна. В 1947 г. семья переехала в Гонконг. В 1960 окончил Ливерпульский университет, получил специальность морского инженера, затем работал в США в компании «Дженерал электрик» и семейном бизнесе. В 1969 г. вернулся в Гонконг и работал в компании отца. В 1982 г. после смерти отца унаследовал семейный бизнес — компанию Orient Overseas Container Line (OOCL). В 1985 г. компания оказалась на грани краха, но в 1986 г. была спасена финансовыми вливаниями со стороны правительства КНР. В 1985—1990 гг. член консультативной комиссии по выработке основного закона (конституции) Гонконга. В 1992—1996 гг. — член исполнительного совета (правительства) Гонконга. В 1997 г. стал первым после перехода территории под управление КНР главой администрации Гонконга. В 2005 г. из-за потери популярности ушел в отставку, не закончив второго срока. С 2005 г. — заместитель председателя ВК НПКСК.



Увеличение числа российских туристов, желающих посетить Гонконг, побудило китайские власти облегчить для россиян правила получения виз. 18 января 1999 г. иммиграционная служба Гонконга ввела систему ускоренной выдачи виз российским туристам, находящимся в КНР, одновременно снизив визовой сбор²⁵⁴. В январе 2001 г. вступила в силу инструкция Банка России, предоставившая россиянам возможность легально открывать счета за рубежом и переводить на них новые суммы. В списке стран и территорий, в которых можно открывать счета, значился и Китай (Сянган)²⁵⁵.

В июне 2002 г. Гонконг посетил глава МИД России И.С. Иванов. В ходе его встречи с главным министром администрации Гонконга Дун Цзяньхуа были обсуждены вопросы сотрудничества между Россией и Гонконгом, включая сферы экономики и торговли, культуры, перспективы наращивания гонконгских инвестиций в российскую экономику, а также возможности двустороннего взаимодействия в рамках АТЭС. И.С. Иванов призвал гонконгских партнеров активнее осваивать российский рынок, шире развивать взаимовыгодное сотрудничество с регионами России. Стороны высказались за налаживание сотрудничества в области противодействия терроризму, в частности в деле борьбы с финансированием терроризма как в двустороннем формате, так и в рамках соответствующих международных структур²⁵⁶.

Вероятно, в некоторой степени приток российских туристов и предпринимателей в Гонконг сдерживала дороговизна этой территории. В 2002 г. компания Mercer

²⁵⁴ *Иванов А.* Гонконг стал доступнее. Для россиян, путешествующих по Китаю // Коммерсантъ. 19.01.1999 (<http://www.kommersant.ru/doc/250984?isSearch=True>).

²⁵⁵ *Буза В.* День открытых счетов // Коммерсантъ. 01.10.2001 (<http://www.kommersant.ru/doc/285046?isSearch=True>).

²⁵⁶ *Игорь Иванов* передал приглашения посетить Россию главам исполнительной власти Макао и Гонконга. «РИА Новости», 31.07.2002 (<http://ria.ru/politics/20020731/200446.html>).

Human Resource Consulting признала Гонконг самым дорогим городом мира²⁵⁷. А спустя год препятствием на пути россиян, желающих посетить Гонконг, как и ряд других китайских регионов и городов, стала вспышка в КНР атипичной пневмонии, побудившая главного государственного санитарного врача России Г.Г. Онищенко направить в регионы письмо «О дополнительных противоэпидемических мероприятиях» с предложением запретить руководителям учреждений и прежде всего турфирмам направлять граждан в деловые и туристические поездки в Китай²⁵⁸.

Чуть ранее, в мае 2004 г., Москву посетил главный секретарь администрации Гонконга (второе лицо в правительстве) Дональд Цанг (Цзэн Иньцюань). Это был первый визит в Россию гонконгского чиновника столь высокого ранга. 17 мая Д. Цанг открыл в здании московского отеля «Марриотт» фотовыставку, посвященную Гонконгу, принял участие в ланче с представителями российских деловых кругов, на которой представлял Гонконг как ворота, открывающие дорогу на рынок Китая. 18 мая на встрече с главой МИД РФ С.В. Лавровым Д. Цанг обсудил перспективы наращивания гонконгских инвестиций в российскую экономику, возможности двустороннего взаимодействия в рамках АТЭС и получил от российской стороны приглашение главному министру администрации Гонконга Дун Цзяньхуа посетить Россию с официальным визитом²⁵⁹.

В ноябре 2004 г. агентство «Росбизнесконсалтинг» провело в Гонконге инвестиционную конференцию, для участия в которой в САР приехала внушительная российская делегация, в составе которой были советник президента РФ по экономике А.Н. Илларионов, заместитель министра промышленности и энергетики И.С. Матеров, председатель совета директоров НК «ЮКОС» В.В. Геращенко. Открывая пленарное заседание конференции «Экспансия капитала: от национальной экономики к транснациональной», А.Н. Илларионов отметил важность для России опыта Гонконга как абсолютного мирового лидера по темпам роста в экономике, которые стали возможными благодаря сверхлиберальному таможенному и налоговому режиму, предсказуемому поведению государства в инвестиционных вопросах, прозрачной монетарной политике, осуществляемой без участия отсутствующего в Гонконге Центрального банка, и низкому уровню социальных расходов. Он также отметил эффективность иммиграционной политики Гонконга, состоящей, по его мнению, в привлечении рабочей силы из-за рубежа без социальных гарантий и пособий, и призвал Россию, следуя примеру Гонконга, снять ограничения на иммиграцию²⁶⁰.

В августе 2007 г. во время посещения провинции Хэйлунцзян Дональд Цанг заявил, что рассматривает эту провинцию как посредника в сотрудничестве с Россией, с которой он готов вести масштабное торгово-экономическое сотрудничество. При этом Д. Цанг признал, что до сих пор контакты гонконгских бизнесменов с Россией были немногочисленными²⁶¹.

²⁵⁷ Гонконг — самый дорогой город // Коммерсантъ. 01.08.2002 (<http://www.kommersant.ru/doc/334615?isSearch=True>).

²⁵⁸ Российские санитары не пускают соотечественников в Китай // Коммерсантъ. 11.04.2003 (<http://www.kommersant.ru/doc/376371?isSearch=True>).

²⁵⁹ Иванов А. В Китай через Гонконг // Коммерсантъ. 19.05.2001. № 88 (2927) (<http://www.kommersant.ru/doc/475435/print>).

²⁶⁰ Бутрин Д. Гонконг узнал о проблемах ЮКОСа и планах России по удвоению ВВП // Коммерсантъ. 09.11.2004 (<http://www.kommersant.ru/doc/523117?isSearch=True>).

²⁶¹ Глава администрации Сянганя заявил о готовности вести масштабное торгово-экономическое сотрудничество с Россией // «Жэньминь жибао» он-лайн, 08.12.2007 (<http://russian.people.com.cn/31518/6236834.html>).

ЦЗЭН Иньцюань
(кит. 曾蔭權, англ. Donald Tsang Yam-kuen) (р. 1944) —
Глава администрации Гонконга

Родился 7 октября 1944 г. в Гонконге в семье полицейского. Учился в католической школе. Работал в фармацевтической корпорации Файзер. С 1967 г. — на различных должностях в администрации Гонконга. В 1977 г. в течение года



работал в Азиатском банке развития в Маниле, занимался проектами в области железнодорожного транспорта и водного хозяйства на Филиппинах и в Бангладеш. В 1981—1982 гг. учился в Школе государственного управления имени Дж. Кеннеди Гарвардского университета, получил степень магистра. С 1984 г. — заместитель генерального директора администрации Гонконга по торговле, с 1985 г. — заместитель секретаря (министра) по общим вопросам, с 1989 г. — директор администрации, с 1991 г. — генеральный директор по торговле и главный переговорщик по торговым вопросам, с 1993 г. — секретарь казначейства, с 1995 г. — секретарь по финансам, с 2001 г. — главный секретарь администрации (второе лицо). В 2005 г., после ухода в отставку Дун Цзяньхуа стал

вторым главой администрации САР Гонконг и оставался в этой должности до 2012 г. Активно выступал за развитие торгово-экономических связей с Россией. Посещал Россию с визитом в 2004 и 2010 гг. (первые визиты второго и первого лица администрации Гонконга в Россию). В период его пребывания у власти Гонконг впервые в истории посетил лидер России (Д.А. Медведев), был отменен визовый режим.

23 апреля 2009 г. представители России и Гонконга подписали в Пекине соглашение о взаимной отмене виз, согласно которому находиться без визы в регионе можно в течение 14 дней. Посол РФ в Китае С.С. Разов, подписавший соглашение с российской стороны, отметил, что отмена виз будет способствовать развитию двусторонних отношений: «Несмотря на мировой финансовый кризис, объем товарооборота между Россией и Китаем составил 1,7 миллиарда долларов. Успешно осуществляется культурный и гуманитарный обмен: в 2008 г. Гонконг посетили более 37 тысяч россиян».²⁶² Соглашение об отмене виз вступило в силу 1 июля 2009 г.

Прорывом в сфере экономического сотрудничества стало проведение 21 января 2010 г. крупнейшей российской корпорацией Объединенная компания «Российский Алюминий» («Русал») первичного публичного размещения акций (ИПО) на Гонконгской бирже. Стоимость размещения составила 2,24 млрд долларов²⁶³. В интервью

²⁶² Россия и Гонконг договорились об отмене виз. Lenta.ru, 23.04.2009 (<http://www.lenta.ru/news/2009/04/23/hongkong/>).

²⁶³ Гладунов О. Дерипаска продал «Русал» в Гонконге // Свободная пресса. 22.01.2010 (<http://svpressa.ru/economy/article/20069/>).

газете «Коммерсантъ» президент Гонконгской фондовой биржи Р. Аркулли рассказал, что переговоры с «Русалом» о проведении IPO начались еще в 2008 г., но были прерваны мировым финансовым кризисом, и возобновились в 2009 г. Отвечая на вопрос корреспондента, как опыт проведения IPO «Русала» поможет бирже работать с компаниями из России и будет ли он полезен российским компаниям, Р. Аркулли сказал: «Последние 10–15 лет мы фокусировались на работе с материковым Китаем. КНР продолжает оставаться нашим приоритетом, но в последние два-три года мы начали изучать возможности и в других регионах мира, и Россия стала для нас важной целью. Это огромная страна с колоссальными запасами минеральных ресурсов, а Гонконг расположен между двумя гигантскими экономиками, испытывающими ресурсный голод,— Китаем и Индией. И я всегда объясняю российским компаниям, что даже если они не собираются размещаться у нас на бирже, им все равно следует заходить в Гонконг и закрепляться здесь»²⁶⁴.

Успешное размещение в январе 2010 г. акций Объединенной компании «Русал» на Гонконгской фондовой бирже (ГФБ) стало несомненным подтверждением важности и перспективности этой азиатской площадки для российского бизнеса. В октябре 2010 г. второй российский эмитент IRC Ltd. (дочернее предприятие золотодобывающей компании «Петропавловск») провел листинг в Гонконге, и, несмотря на то что у компании по итогам года ожидался убыток, ей удалось привлечь около 230 млн долларов США²⁶⁵.

С 1 по 4 ноября 2009 г. в рамках участия в 5-й Неделе культуры российских и китайских женщин и 3-м Форуме женщин России и Китая Гонконг посетила делегация во главе с заместителем председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.Ю. Орловой, которая встретилась с официальными лицами Бюро по финансовым услугам и казначейству САР Гонконг КНР, а также представителями некоторых ведущих политических партий Гонконга. А 26–28 января 2010 г. в Гонконге побывал Чрезвычайный и Полномочный посол России в КНР С.С. Разов, который встретился с секретарем по финансам Джоном Цангом (Цзэн Цзюньхуа) и официальными лицами Гонконгской фондовой биржи²⁶⁶.

5 мая 2010 г. президент РФ Д.А. Медведев подписал Федеральный закон № 73-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики о воздушном сообщении», которое было подписано еще в январе 1999 г., но не ратифицировано в связи с тем, что закон «О международных договорах РФ» не предусматривал подписание международных договоров между Россией и субъектом, входящим в состав какого-либо государства. После внесения соответствующих изменений в законодательство Россия получила возможность заключать международные договоры не только с государствами или международными организациями, но и с иными образованиями, обладающими правом заключать такие договоры. Помимо общих положений об организации воздушного сообщения между Россией и Гонконгом, Соглашение включает нормы, предусматривающие избежание двойного налогообложения

²⁶⁴ Габуев А. «Русал» делал все, что в его силах // Коммерсантъ. 21.01.2010. № 9 (4309) (<http://www.kommersant.ru/doc/1307261>).

²⁶⁵ Данные предоставлены МИД России.

²⁶⁶ События. Сайт Генерального консульства России в САР Гонконг КНР (<http://www.russia.com.hk/node/37>).

доходов, полученных авиапредприятиями сторон от эксплуатации и отчуждения воздушных судов, используемых в международных перевозках, а также капитала и имущества, принадлежащих таким авиапредприятиям²⁶⁷.

В мае 2010 г. секретарь по финансам администрации Гонконга Джон Цанг специально посетил Владивосток с ознакомительной поездкой, чтобы изучить инвестиционные возможности в этом регионе. Его сопровождали более 20 руководителей крупных компаний, специализирующихся в самых различных сферах — банковско-финансовой деятельности, инфраструктуре, логистике, информационных технологиях и еще ряде сфер²⁶⁸. Однако, по свидетельству обозревателя газеты «Коммерсантъ» А.Т. Габуева, принимавшего участие в освещении той поездки, пригласивший гонконгскую делегацию вице-премьер России А.Л. Кудрин не приехал встречать гостей, а приморские чиновники общались «с приехавшими на простом туристическом автобусе людьми в джинсах и дешевых часах» с «неохотой и снисхождением». И это несмотря на то, что «в группе был наследник огромной промышленной империи, созданной британской семьей Свайер в XVIII веке». Согласно А.Т. Габуеву, «Группа John Swire & Sons владеет двумя авиакомпаниями, является дистрибьютором Coca-Cola в Азии, на нее трудятся 120 тыс. человек по всему миру. Но в похожем на Гарри Поттера молодом человеке, скромно раздававшем визитки с надписью «Сэм Свайер, генеральный менеджер по Китаю авиакомпании Dragon Air», наследника семьи опознать было сложно, поэтому особого внимания ему никто не уделил». «Никто из чиновников не мог толком ответить на самые базовые вопросы — о налоговом законодательстве и вообще правовом режиме, ограничениях для иностранных инвесторов, гарантиях сохранности инвестиций. И никто не говорил ни слова по-английски,— делился вчера воспоминаниями с «Ъ» один из участников поездки.— Потенциал у территории огромный, но вкладывать в таких условиях просто глупо. На свете есть много других мест»²⁶⁹.

Новым шагом в развитии отношений между Россией и Гонконгом стал визит в Россию главы администрации Гонконга Дональда Цанга в августе-сентябре 2010 г., в ходе которого состоялись его встречи с президентом России Д.А. Медведевым, первым заместителем председателя правительства А.Л. Кудриным, заместителем председателя Совета Федерации С.Ю. Орловой и другими официальными лицами. Накануне визита Д. Цанг дал интервью российским СМИ. В интервью газете «Коммерсантъ» он отметил, что гонконгских инвесторов интересуют в России модернизационные проекты президента Д.А. Медведева, в том числе и проект «Сколково», хотя для принятия окончательных решений гонконгские предприниматели хотели бы получить разъяснения по поводу экономической политики России и убедиться, что это «стабильная страна и хорошее место для инвестиций». Д. Цанг также выразил уверенность в стремлении гонконгских бизнесменов принять участие в приватизации российских государственных активов в соответствии с принятой российским правительством

²⁶⁷ Терешина А. Неофициально об официальном про Гонконг // Midland Consult», 03.12.2010 (http://midlandconsultblog.com/?category_name=hk).

²⁶⁸ Абулхатин М. Рай для шопинга, финансистов и птиц // Российская газета. №5273 (194) (<http://www.rg.ru/printable/2010/08/30/svyazi-poln.html>).

²⁶⁹ Габуев А. Дмитрий Медведев вышел на гонконгскую биржу // Коммерсантъ. 18.04.2011 (<http://www.kommersant.ru/doc/1623694/print>).

программой, при условии наличия уверенности в стабильности инвестиционного климата в России. Он предложил использовать Гонконг как площадку для продажи пакетов акций российских госкомпаний в ходе приватизации как альтернативу Лондону и как идеальный трамплин для проникновения российского бизнеса в КНР²⁷⁰. А в интервью «Российской газете» и агентству ИТАР-ТАСС, касаясь сотрудничества в научной сфере, Дональд Цанг заявил о возможности сотрудничества гонконгских исследовательских центров ASTRI (Applied Science and Technology Research Institute) и NAMI (Nano and Advanced Materials Center), занимающихся работами в области информационно-коммуникационных технологий и разработкой наноматериалов, с российскими компаниями и НИИ, специализирующимися на таких направлениях, как беспроводные оптические линии связи, разработка интегральных схем, производство полупроводников, фотогальванических систем и нанотехнологии. Он также обратил внимание российской стороны на возможность сотрудничества в сфере информационно-коммуникационных технологий, в которой правительство Гонконга осуществляет программу «Цифровая стратегия XXI», нацеленную на превращение мегаполиса в ведущий центр цифровых технологий. В качестве перспективного рынка для гонконгских инвестиций Дональд Цанг назвал Дальний Восток России, и в том числе Владивосток, в котором реализация почти 40 проектов в сферах энергетики и транспорта в рамках подготовки к саммиту АТЭС в 2012 г. открывает гонконгским компаниям возможности для бизнеса, особенно в области финансов, логистики, недвижимости²⁷¹.

31 августа Д. Цанга принял президент России Д.А. Медведев. По мнению экспертов, повышенное внимание высшего руководства России к визиту главы САР Гонконг объяснялось тем, что накануне визита Д. Цанг в качестве одной из его целей назвал изучение возможности инвестиций в РФ в рамках объявленной президентом Д.А. Медведевым модернизации²⁷². Во время встречи в Кремле Д. Цанг отметил, что прибывшие вместе с ним в Москву гонконгские бизнесмены «представляют основные сферы: банковские услуги, безопасность, ценные бумаги, страхование, логистику — и другие виды деятельности» и «хотят установить коммерческие связи с Россией». «Надеюсь, мы откроем друг другу двери и сможем объяснить важность, полезность и, возможно, уникальность Гонконга для российских бизнесменов», — заявил Д. Цанг²⁷³.

На переговорах отмечалось, что после отмены визового режима двусторонний пассажиропоток возрос вдвое, все больше инвесторов и бизнесменов прибывают из Гонконга в Россию и в обратном направлении, и что это, безусловно, будет содействовать растущему взаимному экономическому интересу, из чего с очевидностью следует активный рост числа совместных проектов и бизнес-контактов. Было сказано также, что после того, как «Русал» разместил свои акции для публичной продажи на фондовой бирже Гонконга, ни для кого уже не секрет, что в дальнейшем все больше и больше компаний будут пользоваться этим инструментом для выхода на рынок Китая. Стороны особо подчеркнули, что

²⁷⁰ *Габуев А.* Чтобы была прибыль, должны быть беспощадные суды // Коммерсантъ. 31.08.2010. № 159 (4459) (<http://www.kommersant.ru/doc/1495882/print>).

²⁷¹ *Абулхатин А.* Рай для шопинга, финансистов и птиц.

²⁷² Там же.

²⁷³ Встреча с Дональдом Цангом. 31.08.2010 (<http://www.kremlin.ru/news/8787>).

«российский бизнес уже использует биржевые и общеэкономические механизмы Гонконга для привлечения капиталовложений и обращения своих ценных бумаг в мировой финансовой системе, а также для работы на рынке Китая»²⁷⁴.

Вместе с главой администрации Гонконга в Россию приехала внушительная делегация представителей гонконгского делового сообщества, в которую входили топ-менеджеры крупнейших банков, в том числе главы гонконгских отделений Банка Китая, Deutsche Bank, HSBC и ICBC, глава казначейства Гонконга К.С. Чан (Чэнь Цзяцян), президент Гонконгской фондовой биржи Р. Аркулли, глава биржевого регулятора SFC Эдди Фонг (Фан Чжэн) и глава листингового комитета биржи Тереза Ко (Гао Юйсянь)²⁷⁵.

Визит широко освещался в российских СМИ. В частности, газета «Известия» в статье «Гонконгу нужны русские деньги» от 3 сентября 2010 г. сообщила, что «Гонконг хочет перенаправить к себе поток российских зарубежных инвестиций». На встрече с российской деловой элитой Д. Цанг обосновал достоинства размещения средств и акций в Гонконге наличием там свободно конвертируемой валюты, безупречной репутации, низких налогов, опыта создания хороших условий для ведения бизнеса, соглашения о свободной торговле с континентальным Китаем, преимущества по которому получают и иностранные компании, если они зарегистрированы в Гонконге, а также собственного международного арбитража для решения бизнес-споров, неподкупных судей и свободных от коррупции чиновников. Настоящей жемчужиной Гонконга Д. Цанг назвал местную фондовую биржу с капитализацией всех обращающихся на ней акций в 2,3 млрд долларов США, оптимально подходящую для проводки на ней IPO. Генеральный директор инвестиционной компании «Ренессанс Капитал» С. Дженнингс предположил, что «в ближайшие пять лет Гонконг может стать крупнейшей площадкой для проведения IPO российских компаний». При этом, по мнению некоторых российских предпринимателей, российским бизнесменам в Гонконге интересна даже не столько биржа, сколько возможность легкого доступа на необъятный внутренний рынок «большого Китая», а также возможность привлекать там иностранные инвестиции, как финансовые, так и технологические²⁷⁶.

В конце сентября 2010 г. Гонконг посетила делегация общественной организации предпринимателей «Деловая Россия». Со 2 по 5 ноября 2010 г. с визитом в Гонконге побывал губернатор Приморского края С.М. Дарькин во главе делегации правительственных и деловых кругов. В ходе встречи делегации с министром финансов Дж. Цангом обсуждались вопросы расширения инвестиционного сотрудничества и привлечения гонконгских компаний к реализации инфраструктурных проектов в Приморье.

С 1 по 5 ноября 2010 г. в Гонконге состоялся Российско-азиатский инвестиционный форум, проведенный компанией «РосБизнесКонсалтинг». В рамках форума прошла презентация торгово-экономических возможностей Костромской области, которую представлял губернатор территории И.Н. Слюнявин. В середине ноября 2010 г. компания «Ренессанс Капитал» провела в Гонконге 1-ю ежегодную

²⁷⁴ Встреча с Дональдом Цангом. 31.08.2010 (<http://www.kremlin.ru/news/8787>).

²⁷⁵ *Габуев А.* Дмитрий Медведев прорубит окно в Азию // Коммерсантъ-Online. 31.08.2010 (<http://www.kommersant.ru/doc/1496024?isSearch=True>).

²⁷⁶ *Арабов П.* Гонконгу нужны русские деньги // Известия. 03 сентября 2010 г. (<http://www.izvestia.ru/economic/article3145730/>).

конференцию инвесторов на развивающихся рынках, собрав более 400 инвесторов и представителей крупнейших компаний²⁷⁷.

В целом в 2010 г. Гонконг и Россия продолжали работу над проектами двусторонних соглашений. Прежде всего, это проекты всеобъемлющего соглашения об избежании двойного налогообложения, которое российская сторона предложила заключить взамен соглашения об избежании двойного налогообложения в области морских перевозок, а также соглашения о передаче лиц, осужденных к лишению свободы. Рассматривался вопрос о достижении договоренностей о сотрудничестве в таможенных делах. Был подготовлен к подписанию парафированный 24–29 ноября 2008 г. в Гонконге по итогам консультаций между российскими экспертами и представителями Департамента юстиции Гонконга проект Договора о взаимной правовой помощи.

Товарооборот САР с Россией в 2010 г. составил 2,48 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 62,6%. Совокупный экспорт продукции из Гонконга в Россию составил 1,48 млрд долл. США, российские экспортные поставки возросли до 996 млн долл. США.

По данным, предоставленным МИД России, основной номенклатурой российского экспорта в Гонконг к 2011 г. стали нефтепродукты, алюминий, различные виды проката, химические препараты, драгоценные камни, электротехническое оборудование, металлоконструкции, строительные материалы, меха, а импорта — компьютеры и оргтехника, электробытовые приборы, медицинское оборудование, мебель, пластиковые заготовки, сувениры, ювелирные изделия, косметика, продукты питания, оптика, меховые изделия, телекоммуникационное оборудование, аудио- и видеоаппаратура, спортивные товары, игрушки, туристические товары. Российский бизнес в Гонконге был представлен рядом дочерних фирм крупнейших российских компаний: «Норильский никель», «Магнитогорский металлургический комбинат», АК «АЛРОСА», «Аэрофлот», АТС Air Service Ltd., отделение Дальневосточного морского пароходства FESCO.

16 апреля 2011 г. президент России Д.А. Медведев, направлявшийся на саммит БРИКС в город Санья китайской провинции Хайнань, посетил в Гонконг во главе торговой делегации с двухдневным визитом. Это был первый визит российского лидера в Гонконг за все время существования территории. 17 апреля состоялись переговоры российского президента и главы администрации Гонконга Д. Цанга, в ходе которых стороны обсудили возможности расширения сотрудничества. Д.А. Медведев отметил стремительное развитие двусторонней торговли и обмена туристами в последние годы. Подчеркнув намерение России развивать собственные финансовые услуги, используя богатый опыт Гонконга, Д.А. Медведев выразил надежду, что еще больше российских компаний разместят свои акции на Гонконгской фондовой бирже, а гонконгские компании активно примут участие в развитии экономики России. Стороны согласились активизировать консультации по заключению соглашений об избежании двойного налогообложения и о поощрении и защите инвестиций и договорились укреплять сотрудничество в научно-технической, культурной и образовательной областях, включая сотрудничество между вузами²⁷⁸.

²⁷⁷ События (<http://www.russia.com.hk/node/37>).

²⁷⁸ Сянган и Россия усиливают сотрудничество в различных областях (<http://russian.cri.cn/881/2011/04/18/1s378697.htm>).

**Дмитрий Анатольевич МЕДВЕДЕВ (род. 1965) —
российский политический деятель,
Президент России (2008—2012)**

Родился 14 сентября 1965 г. в Ленинграде. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета в 1987 г. и аспирантуру ЛГУ в 1990 г. Кандидат юридических наук, доцент. В 1990—1999 гг. — на преподавательской работе



в Санкт-Петербургском государственном университете. Одновременно в 1990—1995 гг. — советник председателя Ленинградского городского совета, эксперт Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга. В 1999 г. — заместитель Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации. В 1999—2000 гг. — заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации. С 2000 г. — первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации. В 2000—2001 гг. — председатель Совета директоров ОАО «Газпром», в 2001 г. — заместитель председателя Совета директоров ОАО «Газпром», с июня 2002 г. — председатель Совета директоров ОАО «Газпром». С октября 2003 г. — Руководитель Администрации Президента Российской Федерации. В ноябре 2005 г. назначен Первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации.

ской Федерации. Возглавлял оргкомитет по проведению Года России в Китае (2006) и Года Китая в России (2007). В 2008—2012 гг. — Президент Российской Федерации. С мая 2012 г. — Председатель Правительства Российской Федерации.

После встречи с Дональдом Цангом Д.А. Медведев посетил Гонконгскую фондовую биржу, которую открыли для него, несмотря на выходной день. Президент отметил, что Гонконгская биржа интересует Россию как источник капитала, сообщив, что вслед за «Русалом» на нее в ближайшее время планируют выйти еще четыре-пять российских компаний. А президент биржи Р. Аркулли заверил, что готов активно помогать России в создании Международного финансового центра и делиться своими знаниями. Более того, он намекнул, что в будущем, возможно, Гонконгу и России «удастся создать какую-то синергию». По мнению газеты «Коммерсантъ», «проблема синергии начала особенно заботить руководство биржи после того, как ее конкуренты по всему миру начали стремительно объединяться». «Нам нужен партнер на глобальном рынке, который бы занимал отчасти похожую нишу — обеспечение капиталом сырьевых компаний из развивающихся стран. Возможно, московская биржа ММВБ могла бы быть одним из этих партнеров», — процитировал «Коммерсантъ» слова неназванного источника в руководстве Гонконгской фондовой биржи. Правда, прибывший в Гонконг вместе с президентом глава рабочей группы по созданию Международного финансового центра в Москве А.С. Волошин отметил, что пока еще не созданная московская объединенная биржа, которая должна возникнуть после слияния ММВБ и РТС, сливаться с Гонконгской биржей пока не собирается. А глава гонконгского

биржевого регулятора SFC Э. Фонг пояснил, что большинству российских компаний, пытающихся выйти на гонконгскую биржу, предстоит преодолеть сложные юридические барьеры, воздвигнутые Москвой. В частности, Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР) больше года никак не может подписать с SFC меморандум о взаимопонимании, без которого гонконгский регулятор опасается пускать на свою биржу компании из России²⁷⁹.

Комментируя визит Д.А. Медведева в Гонконг, А.В. Лукин в интервью гонконгской газете «Вэньхуэй бао» отметил, что основной его целью было «лично ознакомиться с этим центром инновационного развития, лучше изучить его опыт догоняющей модернизации и понять, какие его элементы можно использовать в России». Российский эксперт пояснил: «Поставленная президентом Д.А. Медведевым задача модернизации российской экономики необычайно важна для нашей страны... Сможет ли президент реализовать свои цели — сказать пока трудно, но в любом случае любое содействие и полезный опыт сегодня российским реформаторам крайне необходим. ...Быстрое экономическое развитие Гонконга объясняется, в частности, тем, что он является одним из ведущих мировых технологических и инновационных центров. Гонконг уникален тем, что в нем очень легко вести бизнес. Местные и иностранные компании действуют на равноправной основе, здесь честная и прозрачная система регулирования. Город занимает лидирующие места в мире по таким показателям, как конкурентоспособность, развитость финансовой системы и технологий. По данным Всемирного банка, Гонконг, в частности, занимает 3-е место в мире по легкости ведения бизнеса, 2-е — по легкости торговли и 1-е — по легкости получения разрешений на строительство. Торговля и логистика — одна из основ экономики города. Это один из крупнейших логистических центров Азии. Во всех этих областях здесь опыт Гонконга трудно переоценить»²⁸⁰.

Немаловажным, по мнению А.В. Лукина, является и развитие собственно российско-гонконгских торгово-экономических связей САР с Россией: «Даже в условиях мирового финансового кризиса торгово-экономические отношения между Россией и Гонконгом развивались поступательно. Объем товарооборота по итогам 2008 г. увеличился на 31,7% по сравнению с 2007 г. и составил рекордные 1,674 млрд долл. США (0,2% от совокупного объема торговли территории). Импорт из Гонконга вырос до 1,1 млрд долл. США и составил 0,3% от объема общего экспорта территории (по сравнению с 2007 г. увеличение на 18,45%). Впервые объем экспорта из России в Гонконг вырос в 2008 г. сразу на 34,6% — до 574 млн долл. США (0,1% от общего объема импорта Гонконга). С 2005 г. по 2009 г. двусторонний торговый оборот рос в среднем на 12,5% в год»²⁸¹.

Новым свидетельством интереса России и Гонконга к расширению двустороннего сотрудничества стало участие в состоявшемся с 16 по 18 июня 2011 г. Петербургском международном экономическом форуме гонконгской делегации во главе с министром финансовых услуг и казначейства К.С. Чаном, главным исполнительным директором «Hong Kong Monetary Authority» Н. Чаном (Чэнь

²⁷⁹ *Габуев А.* Дмитрий Медведев вышел на гонконгскую биржу.

²⁸⁰ «總統歷史性訪港取經推動俄羅斯改革». 專訪俄羅斯著名學者盧金 (Исторический визит президента в Гонконг: изучение чужого опыта для продвижения реформ в России. Эксклюзивное интервью с известным специалистом Лукиным). 香港文彙報 2011 年 4 月 15 日.

²⁸¹ Там же.

Дэлинь) и председателем гонконгской фондовой биржи Р. Аркулли. В интервью российским СМИ Р. Аркулли отметил, что российские компании «начинают понимать, что на карте есть такое место — Гонконг», где есть «возможностей масса — это и размещение акций, и использование нашей площадки как источника фондирования с весьма привлекательными ставками». Он отметил также, что для перевода значительной части расчетов между Россией и Китаем в их национальные валюты, чтобы не страховать валютные риски, связанные с колебанием доллара, и не терять на конвертации, «потребуется значительный источник юаневой ликвидности, и ее можно будет найти в Гонконге, поскольку в материковом Китае существует довольно жесткий режим валютного контроля. Это как рынок евродолларов, который существовал в Лондоне пару десятилетий назад. И для российских финансовых институтов эта площадка может оказаться довольно интересной: они смогут предоставлять своим клиентам в России гораздо больший объем услуг»²⁸².

Активно развивались в последние годы и российско-гонконгские связи в области культуры, науки и спорта. 6 июня 2009 г. в рамках Года русского языка в Китае в Гонконге был проведен День русского языка, приуроченный к 210-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. Участие в нем могли принять все желающие вне зависимости от возраста, рода деятельности, национальности и уровня владения русским языком. «Прорывом» в расширении интереса к русскому языку в Гонконге стало введение в сентябре 2009 г. русского языка в программу Линнаньского университета Гонконга в качестве «официального» предмета изучения, а также включение русского языка в перечень иностранных языков, изучение которых может частично финансироваться гонконгским правительством. В 2010 г. значимым событием явилось введение базового курса русского языка в качестве факультатива в международной средней школе South Island School. Важным фактором распространения информации о России стало начало трансляции телеканала «Russia Today» кабельным телевидением Гонконга.

В октябре 2009 г. в Гонконге с успехом прошли концерты Симфонического оркестра Гонконга под управлением выдающегося российского дирижера Г.Н. Рождественского. В марте 2010 г. Мариинский театр представил в Гонконге балет «Дон Кихот» и оперу «Поворот винта», а симфонический оркестр Мариинского театра выступил под руководством В.А. Гергиева. В июле-августе состоялись гастроли Центрального театра кукол им. С.В. Образцова, а в октябре — российской пианистки С.М. Гуляк, получившей в 2009 г. первую премию и золотую медаль на одном из самых престижных в мире музыкальных конкурсов — конкурсов пианистов в Лидсе (Великобритания). Тогда же Гонконг посетил директор Русского музея В.А. Гусев, который провел переговоры по возможному сотрудничеству с заместителем министра по делам гражданской администрации САР Гонконг КНР С. Йан, курирующей вопросы культуры и искусства, а также управляющим директором Администрации «Культурного района Западный Коулун» Г. Шефилдом.

²⁸² Габуев А. Нам есть чему поучиться друг у друга // Review Санкт-Петербургский экономический форум. Приложение. 20.06.2011. № 109/П (4650).

В середине ноября 2010 г. компания «Линк» провела в Гонконге международный конкурс детской живописи, для участия в мастер-классе которого были приглашены российские школьники — лауреаты международных конкурсов живописи Д. Семенова, Н. Чехович и Р. Оганесян, а в конце месяца с успехом прошли гастроли Санкт-Петербургского филармонического оркестра под руководством Ю.Х. Темирканова. В декабре 2010 г. в Гонконге состоялись концерты Государственной академической симфонической капеллы России под руководством В.К. Полянского, а в июне 2011 г. в «Hong Kong City Hall» состоялся концерт «Великие русские песни», организованный благотворительной организацией «Ассоциация по развитию музыкального творчества имени Д. Лаи Чо Тина». Были исполнены романсы на русском языке, а также русские народные песни на путунхуа.

Приезжали в Гонконг и российские спортсмены. В январе 2011 г. там прошел традиционный теннисный турнир «Tennis Classic 2011». Российская команда в составе Е.А. Кафельникова, М.Ю. Кириленко и В.И. Звонаревой одержала весомую победу в ходе турнира. А 25–27 марта в Гонконге состоялся международный турнир по регби «Hong Kong Sevens», в котором сборная команда России дошла до четвертьфинала.

В последние годы неуклонно росло число россиян, посещавших Гонконг. Если в 2006 г. их было 29 200 человек, в 2007 г. — 33 607, в 2008 г. — 37 727, в 2009 г. — 45 809, а в 2010 г. уже 89 912 человек.

Хронология основных событий:

- 1842** переход Гонконга под власть Великобритании в результате Первой опиумной войны.
- 1853** в Гонконге по пути в Японию остановился российский адмирал Е.В. Путятин.
- 1860** открытие российского консульства в Гонконге.
- 1872** Гонконг на императорской паровой яхте «Светлана» посетил великий князь Алексей Александрович.
- 1890** в Гонконге по дороге с Сахалина побывал А.П. Чехов.
- 1891** в Гонконг в рамках большого турне по Восточной Азии на борту крейсера «Память Азова» прибыл цесаревич Николай (будущий российский император Николай II).
- 1909** в Гонконге открылось представительство российской торговой компании «Восток».
- 1920** последний консул Российской империи в Гонконге В.О. фон Эттинген закрыл консульство.
- 1994** в Гонконге открыто Генеральное консульство России, а в Москве — представительство Совета по развитию торговли Гонконга.
- 1995** в Москве создана Ассоциация делового сотрудничества «Россия — Гонконг».
- 1997** переход Гонконга под контроль КНР. Образование Специального административного района (САР) Гонконг.
- 1999** иммиграционная служба Гонконга ввела систему ускоренной выдачи виз российским туристам, находящимся в КНР.
- 2002** визит в Гонконг главы МИД России И.С. Иванова.
- 2004** Москву посетил заместитель главного секретаря администрации Гонконга Дональд Цанга (Цзэн Инъюаня).
- 2009** представители России и Гонконга подписали в Пекине соглашение об отмене визового режима.
- 2010** Объединенная компания «Российский алюминий» («Русал») провела публичное размещение акций (ИРО) на Гонконгской бирже.
- 2010** президент РФ Д.А. Медведев подписал Федеральный закон № 73-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики о воздушном сообщении».
- 2010** Москву посетил глава администрации Гонконга Дональд Цанг (первый визит в Россию руководителя Гонконга).
- 2011** Гонконг посетил президент РФ Д.А. Медведев (первый в истории визит в Гонконг руководителя России).

3. Россия и Макао

Территория в районе острова Макао была освоена китайцами задолго до новой эры. А первые европейцы появились тут лишь в XVI в. В 1553 г. свою торговую факторию здесь основали португальцы. Россия проявила интерес к Макао лишь в XIX в.

Вероятно, первыми русскими, посетившими эту территорию, были экипажи кораблей «Надежда» и «Нева». В ноябре 1805 г. в Макао остановился шлюп «Надежда» И.Ф. Крузенштерна, через две недели к нему добавился шлюп «Нева» Ю.Ф. Лисянского, совершавшие кругосветное плавание согласно высочайшему соизволению императора Александра Первого. Одной из основных целей экспедиции был поиск возможностей морской торговли с Китаем из Сибири и Русской Америки, т.е. Аляски. Китайские хроники свидетельствуют, что русские вели себя очень учтиво и завоевали симпатии местных властей. Несмотря на запрет цинского правительства на контакты с иностранцами, в декабре 1805 г. двум российским кораблям позволили проследовать в Гуанчжоу, где они разгрузились и продали свой груз российских товаров²⁸³.

В 1853 г. в Макао по пути в Японию заехал Е.В. Путятин. В 1880 г. российский фрегат «Морж» Тихоокеанского флота заходил в Макао и Гуанчжоу, чтобы проверить китайскую оборону на случай войны, которая могла разразиться между Россией и Китаем из-за нежелания последнего ратифицировать подписанный в 1879 г. Ливадийский договор.

В августе 1881 г. Россия и Китай подписали Санкт-Петербургский мирный договор, что стимулировало Португалию надавить на слабеющую Цинскую династию и заключить в декабре 1887 г. договор в Тяньцзине, окончательно гарантировавший Португалии суверенитет и контроль над Макао²⁸⁴.

В апреле 1891 г. на территории готовился торжественный прием путешествующего на императорской яхте цесаревича Николая, будущего императора России. Однако в последний момент от князя А.И. Барятинского из управления императорского двора пришла телеграмма, в которой он извинялся и говорил, что ценит гостеприимство, но ввиду ограниченного времени цесаревич сможет провести в Макао всего несколько часов на пути из Гонконга в Гуанчжоу. Униженные португальские власти вынуждены были перекраивать и сокращать программу встречи²⁸⁵.

Первое упоминание о Макао в российских архивах относится к 1910 г., когда в Португалии произошла революция. Король Мануэль Второй отрекся от престола, а новое республиканское правительство Португалии предписало всем монахам и монахиням покинуть Макао, что вызвало гнев населения, поскольку монахи содержали много школ, приютов и больниц анклава. Консул России в Гонконге П.Г. Тидеман послал в российскую миссию в Пекине подробный и враждебный отчет о влиянии португальской революции на ситуацию в Макао, описав, в частности, что португальский гарнизон анклава заставил консула Э. Маркеса выслать из колонии

²⁸³ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» (http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/147867/Kruzenshtern_-_Puteshestvie_vokrug_sveta.html).

²⁸⁴ *Lamas Rosmarie*. History of Macao: A Student's Manual. Macao: Institute of Tourism Education, 1998. P. 56.

²⁸⁵ *Share M.* Where empires collided. P. 237.

весь многочисленный религиозный персонал монастырей, выражая недоумение этим актом, поскольку монахи, особенно иезуиты, делали очень много хорошего, и осудил губернатора за закрытие благотворительных больниц и школ²⁸⁶.

После этого инцидента губернатор Э. Маркес подал в отставку и покинул Макао, его пост занял верховный судья, который, однако, через несколько недель отбыл в Лиссабон, а губернатором Макао стал бывший секретарь Э. Маркеса А. Мачадо, которого признала Россия. 1 ноября 1911 г. А. Мачадо посетил Гонконг, где встретился с П.Г. Тидеманом, который попросил визу в Макао и получил ее 14 ноября.²⁸⁷

В период между Первой и Второй мировыми войнами, совпавший с фашистской диктатурой в Португалии, и без того ограниченная активность России в Макао упала почти до нуля. Впрочем, там было немало белоэмигрантов, но они не занимались политикой, а занимались бизнесом или просто пытались выжить.

После того как в 1926 г. в Португалии установился фашистский режим генерала А. Салазара, власти Макао начали выискивать коммунистических агитаторов. В октябре 1931 г. шеф полиции Ж.Г. Андраде распорядился принять меры против коммунистов и сочувствующих им учителей и студентов. Власти стремились «искоренять» коммунистическую деятельность и поэтому запретили торговлю с СССР и выслали всех советских граждан. При этом нет свидетельств того, что СССР, поддерживавший левое движение в Гонконге, поддерживал беспорядки трудящихся в Макао.

Тем не менее в марте 1937 г. министр колоний Португалии послал из Лиссабона во все португальские колонии циркуляр, запрещающий проезд дополнительных русских во все португальские колонии, который отменили лишь после окончания режима Салазара в 1974 г. Поэтому с 1937 г. необходимо стало запрашивать у Лиссабона окончательного решения по поводу разрешения на въезд в Макао каждому конкретному русскому. Это правило распространялось даже на случаи, когда русский хотел сочетаться браком с гражданином Макао. Длительную процедуру получения разрешения на въезд в Макао был вынужден проходить даже архиепископ Русской православной церкви Д.М. Успенский, когда хотел съездить туда на несколько дней на святую неделю 1938 г. С началом Второй мировой войны эти правила были ужесточены.

Поскольку Португалия сохраняла нейтралитет во время Второй мировой войны, Япония не оккупировала Макао, куда потянулись беженцы, среди которых было много белоэмигрантов и известный в Гонконге и Макао художник-акварелист Г.В. Смирнов²⁸⁸. После окончания войны многие эмигранты, в том числе русские, покинули территорию²⁸⁹.

После образования КНР советские представители стали внимательно следить за событиями в Макао и Гонконге. Первый подробный отчет советских дипломатов по Макао относится к 1950 г. Он описывает ситуацию в анклав во время Второй мировой войны. В нем говорится, в частности, что в 1931 г. Макао обороняли 511 солдат и 21 офицер. Во время холодной войны МИД СССР стал получать отчеты чаще, иногда по несколько раз в год. Отчеты описывали

²⁸⁶ *Share M.* Where empires collided. P. 238.

²⁸⁷ *Ibid.* P. 239.

²⁸⁸ *Pons Philippe.* Macao. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2002. P. 94.

²⁸⁹ *Lamas Rosmarie.* History of Macao: A Student's Manual. P. 103.

политическую ситуацию, в том числе интриги Гоминьдана, давали анализ финансовой ситуации, военного бюджета, информацию о торговле. Большинство таких отчетов были составлены органами разведки южных провинций КНР и слово в слово переведены на русский.

В середине 1950-х гг. отчеты китайской разведки и МИД КНР особо выделяли продолжающееся ухудшение экономической ситуации в Макао, связывая это с введенным США эмбарго во время Корейской войны, с социальной и политической нестабильностью, вызванной деятельностью гоминьдановских террористов, подозреваемых во взрывах нескольких зданий, с политической коррупцией и некомпетентностью португальских чиновников.

В 1953–1954 гг. многие коррумпированные португальские чиновники были отосланы домой, среди китайских служащих португальского гарнизона Макао началось дезертирство, гонконгские торговцы протестовали против того, что товары из Гонконга обложены новыми пошлинами, поскольку американцы убедили власти Макао в том, что многие из этих товаров на самом деле произведены в Китае и контрабандой ввезены в Гонконг, чтобы избежать эмбарго. Эти меры наносили дополнительный вред и без того расстроенной экономике. В советских отчетах отмечался рост потенциала антиколониальной революции на территории. Китайские и советские отчеты отмечали, что американское эмбарго ударило не только по Макао, но и по экономике Южного Китая. Чтобы продемонстрировать власть, правительство Португалии решило отметить 400-летие присоединения Макао, которое в СССР уничижительно называли вторжением. Во время этого события активисты Гоминьдана взорвали несколько ресторанов и театров, принадлежавших китайцам, симпатизировавшим КНР.

После ухудшения советско-китайских отношений СССР не мог больше доверять китайским разведывательным отчетам о Макао и был вынужден собирать информацию об анклав самостоятельно, что породило необходимость иметь собственных оперативников на местах. Однако свидетельств того, было ли это сделано, нет.

Статус Макао и Гонконга стал орудием в борьбе между СССР и КНР. СССР обвинял КНР в политической непоследовательности на том основании, что Китай, критикуя политику мирного сосуществования с Западом, выдвинутую Советским Союзом, сам использовал эти регионы для торговли с Западом.

Любопытно, что советские консульства и посольства по всему миру собирали подробную информацию о восстании в Гонконге в 1967 г., но игнорировали беспорядки в Макао, что, вероятно, свидетельствовало об отсутствии советской заинтересованности.

Став в 1971 г. членом ООН и войдя в состав Совета Безопасности, Китай представил в Специальный комитет ООН по деколонизации документ, озаглавленный «Меморандум 8 марта», в котором содержалось требование исключить Гонконг и Макао из списка территорий, находящихся под колониальным господством. «Гонконг и Макао являются частью китайской территории, оккупированной Британией и Португалией. Решение вопроса Гонконга и Макао находится целиком в пределах китайского суверенитета»²⁹⁰. Китай не хотел, чтобы Британия, США или какая-либо другая страна использовали трибуну ООН для подталкивания к постепенному приданию независимости какой-либо ее территории.

²⁹⁰ *Lamas Rosmarie. History of Macao: A Student's Manual. P. 108.*

Требование Китая было выполнено, и СССР поддержал его, признав, что Китай имеет право считать Макао не колонией Португалии, а китайской территорией под португальской оккупацией.

В апреле 1974 г. португальские военные свергли режим Антониу Салазара. Новые власти Португалии попытались сразу же вернуть территорию Китаю, но в КНР не спешили. По мнению советских китаистов, причиной были деньги. Как и в случае с Гонконгом, Китаю выгоднее было иметь Макао под контролем Португалии²⁹¹.

6 января 1975 г. МИД Португалии признал Тайвань неотъемлемой частью Китая, а КНР — законным правительством Китая. Вслед за этим португальцы постарались уверить обеспокоенных китайских резидентов Макао, пообещав им обеспечить их права на будущих переговорах с правительством КНР.

Годом позже, 17 февраля 1976 г., Португалия предоставила Макао широкую автономию. Территория отныне рассматривалась не как неотъемлемая часть Португалии (буквально, провинция Португалии), а как китайская, под португальской администрацией. Другими словами, Китай снова получил формальный суверенитет над Макао, что сделало статус последнего совершенно отличающимся от статуса Гонконга, который официально оставался колонией британской короны. 8 февраля 1979 г. Португалия и КНР установили дипломатические отношения.

В СССР считали, что Китай совершил ошибку, отказавшись принять Макао. В СССР соглашались с тем, что будущее Макао должно остаться делом Китая и Португалии, но Москве приходилось балансировать. С одной стороны, СССР постоянно заявлял, что Макао является анахроничной колонией, которая должна быть возвращена Китаю. С другой — СССР имел очень близкие связи с революционным правительством Португалии.

В СССР верили, что Китай рассматривал статус Макао как связанный с более широким вопросом Гонконга. Основное отличие было в том, что Китай не имел конфликта с Португалией из-за Макао, подобный тому, что он имел с Британией из-за Гонконга. В 1975 г. соглашение между КНР и Португалией провозгласило территорию частью Китая, а в отчетах советских дипломатических представительств, направлявшихся в Москву в 80-е годы, отмечалось, что Китай был доволен тем, что Макао является открытым свободным портом, частью международной капиталистической системы. Эта ситуация, писали советские дипломаты, чрезвычайно выгодна для Китая, так как он имеет значительную собственность в Макао, включая отели, банки, казино и даже бордели. Существенная часть китайской торговли шла через регион, в том числе, как отмечалось в советских отчетах, контрабандную, нелегальную торговлю, например опиумом, от которой, по советским данным, Китай получал 50 млн долл. США ежегодно²⁹². Поддерживать эту торговлю и при этом сохранять Макао как территорию под администрацией Португалии было очень важно для Южного Китая. Он мог использовать территорию как канал для получения более тесных отношений с Западной Европой.

В 1979 г. Дэн Сяопин, сформулировавший концепцию «Одна страна, две системы», сказал: «Если Гонконг и Тайвань не получают гарантий того, что они смогут жить, как и прежде, капитализм, стабильность и процветание в этих местах подвергнутся опасности, и мирное решение будет вне вопроса»²⁹³. Хотя

²⁹¹ *Share M.* Where empires collided. P. 249.

²⁹² *Ibid.* P. 250.

²⁹³ *Lamas Rosmarie.* History of Macao: A Student's Manual. P. 114.

в той речи Дэн Сяопин не упомянул Макао, вскоре он заверил этот анклав, что он получит те же гарантии, что и Гонконг с Тайванем.

После долгих и трудных переговоров Британия и КНР в 1984 г. подписали совместную декларацию, определившую будущее Гонконга. А в мае 1985 г. президент Португалии Р. Эанеш посетил Китай и обсудил будущее Макао с премьером Госсовета Чжао Цзяном. Китайско-португальские переговоры по Макао шли с июня 1986 г. по март 1987 г. и проходили более гладко, чем переговоры по Гонконгу. Уже тогда советские специалисты предсказывали, что через 20 лет эти территории станут экономическим центром КНР и ЮВА²⁹⁴.

Совместная декларация между КНР и Португалией была официально подписана во время визита в Китай 11–17 апреля 1987 г. премьер-министра Португалии К. Сильвы. Документ был почти идентичен китайско-британской совместной декларации по Гонконгу. Португалия согласилась вернуть Макао Китаю 20 декабря 1999 г. Гонконг и Макао должны были стать китайскими Специальными административными районами и получить широкую автономию во всех вопросах, за исключением международных дел и обороны. Как и Гонконгу, Макао гарантировалось, что экономическая система и законы территории останутся нетронутыми в течение 50 лет, а Макао сможет продолжать быть представленными в различных международных организациях, включая ВТО. Как и Гонконгу, Макао было позволено продолжить свободное движение капиталов и сохранить собственную валюту.

Только под конец португальского правления Макао и СССР подписали формальный договор о расширении торговли. В 1989 г. губернатор Макао К. Мелансия установил первые официальные контакты с СССР, которые открыли беспрецедентные возможности для торговли. Со стороны Макао торговлю в основном составлял текстиль. 30 апреля 1990 г. между Макао и СССР было подписано соглашение о сотрудничестве, нацеленное на развитие торговли и взаимных инвестиций. Однако его выполнение столкнулось с трудностями после распада СССР и конца португальского правления в Макао.

Интерес к региону проявляла не только официальная Москва. По некоторым данным, в начале 1990-х гг. он стал одним из центров притяжения интересов российских криминальных группировок, занимавшихся игорным бизнесом, проституцией и торговлей наркотиками²⁹⁵. В 1990-е гг. Макао наряду с США, Канадой и Израилем оказалось в списке стран, с которыми русская мафия и организованная преступность имеет связи, представленном главой МВД России президенту Б.Н. Ельцину²⁹⁶. К 2002 г. территория считалась также одним из центров российской международной торговли наркотиками²⁹⁷. В 1997 г. Associated Press сообщало о том, что Макао теперь — место назначения «женщин из Украины и России»²⁹⁸.

²⁹⁴ *Share M.* Where empires collided. P. 251.

²⁹⁵ *Lintner Bertil.* The Russian Mafia in Asia. February 3, 1996; Asia Pacific Media Services Limited (http://www.asiapacificms.com/articles/russian_mafia/).

²⁹⁶ *Nicaso Antonio.* The Fire within Russia's Gang Warfare: Part 11 — Organized Crime Reaches Gigantic Proportions in Yeltsin Territory // Tandem Online Magazine. June 24, 2001 (<http://www.tandemnews.com/viewstory.php?storyid=92&page=1>).

²⁹⁷ Russian, Ukrainian Crime Groves Set to Corner Global Drug Market. April 8, 2002 (<http://www.network54.com/Forum/155335/thread/1018288558/last-1029543413/Russian,+Ukrainian+Crime+Groups+Set+to+Corner+Global+Drug+Market>).

²⁹⁸ *Isachenkov Vladimir.* Soviet Women Slavery Flourishes // Associated Press. November 6, 1997. Factbook on Global Sexual Exploitation: Macao (<http://www.uri.edu/artsci/wms/hughes/macau.htm>).

**Хэ Хоухуа (кит. 何厚鏞, порт. Edmund Ho Hau Wah) (род. 1955) —
Глава администрации Макао (1999–2009)**

Родился 13 марта 1955 г. в Макао. В 1969 г. закончил среднюю школу в Канаде, а в 1978 г. получил диплом по управлению бизнесом в Йоркском университете (Торонто, Канада). В 1981 г. сдал экзамены и получил лицензию бухгалтера и аудитора. В 1982–1983 гг. работал



в бухгалтерских фирмах в Индии и США. В 1983–1986 гг. — занимал посты в ряде компаний в Макао. В 1986 г. стал членом НПКСК, а в 1988 г. — ВСНП от Макао. В 1988–1999 гг. — заместитель председателя Законодательного совета Макао. После перехода Макао под контроль КНР в 1999 г. стал первым главой администрации САР Макао. С 2009 г. — заместитель председателя ВК НПКСК. За время своей карьеры занимал важные посты в различных промышленных, деловых, финансовых, благотворительных и образовательных структурах в Макао и других частях Китая.

Разумеется, контакты между Макао и Россией не ограничивались лишь криминальной и полукриминальной сферой. В 1994 г. территория вошла в консульский округ открытого в Гонконге российского генерального консульства. На церемонии передачи Макао в 1999 г. присутствовал заместитель министра иностранных дел России Г.Б. Карасин, что символизировало интерес России к развитию связей с этой территорией. В июле 2002 г. туда приехал глава МИД России И.С. Иванов, где встретился с новым главой администрации Эдмундом Хо (Хэ Хоухуа). В ходе беседы стороны затронули вопросы расширения прямого торгово-экономического сотрудничества, развития туристических обменов, межрегиональных связей. Было высказано общее мнение о наличии значительного потенциала сотрудничества, в том числе в сфере малого и среднего бизнеса. Глава Макао высказал значительный интерес к использованию российского опыта в области технологических разработок²⁹⁹.

14 ноября 2009 г. в рамках Года русского языка в Китае состоялось открытие Русского центра в Межуниверситетском институте Макао (Macau Inter-University Institute). В церемонии открытия приняли участие ректор Межуниверситетского института Макао Рубен Кабрал, епископ Макао Жозе Лаи, исполнительный директор фонда «Русский мир» В.А. Никонов и генеральный консул России в Специальном административном районе Гонконг С.Н. Грицай. Центр, созданный по инициативе фонда «Русский мир», должен способствовать популяризации русского языка и культуры в Китае и оказывать поддержку преподавателям и студентам, изучающим русский язык. В Русский центр в Межуниверситетском институте Макао фондом «Русский мир» было передано более 1000 наименова-

²⁹⁹ Игорь Иванов передал приглашения посетить Россию главам исполнительной власти Макао и Гонконга.

ний художественной, образовательной, учебно-методической, научно-популярной литературы, а также словари русского языка, справочные издания, энциклопедии, коллекции мультимедийных материалов³⁰⁰.

**Игорь Сергеевич ИВАНОВ (род. 1945) —
российский дипломат,
министр иностранных дел России**

Родился 23 сентября 1945 г. в Москве. Окончил Московское суворовское военное училище (1963) и Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза (1969). В 1969—1973 гг. — научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. С 1973 г. — в системе МИД. В 1973—1983 гг. — второй секретарь 1-го Европейского отдела МИД СССР, старший инженер торгпредства в Мадриде, первый секретарь, советник, советник-посланник Посольства СССР в Испании. В 1983—1984 гг. — эксперт 1-го класса Европейского отдела МИД СССР. В 1984—1986 гг. — советник группы при МИД СССР, помощник министра иностранных дел СССР. В 1986—1991 гг. — заместитель начальника, начальник Общего секретариата МИД СССР. В 1991—1995 гг. — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР/России в Испании. В 1995—1998 гг. — первый заместитель министра иностранных дел России. В 1998—2004 гг. — министр иностранных дел России. В 2004—2007 гг. — Секретарь Совета Безопасности России. С 2007 г. — профессор МГИМО(У) МИД России, председатель Комитета по стратегии и инвестициям Совета директоров ОАО «ЛУКОЙЛ». С 2011 г. — Президент Российского совета по международным делам. Доктор исторических наук. Герой Российской Федерации (1999), награжден орденами и медалями России и зарубежных стран. Автор ряда книг о российской внешней политике.



В сентябре 2010 г. в САР Макао состоялся показательный теннисный турнир, в котором принял участие Н.В. Давыденко.

В 2010 г. Россия и Макао вели активные переговоры о безвизовом режиме, однако до конца десятилетия соглашение не было достигнуто.

³⁰⁰ В Макао открылся Русский центр. Информационный портал «Фонд Русский мир». 14.11.2009 (<http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/news/fund/news0182.html>).

Хронология основных событий:

- 1553** основание португальской торговой фактории в Макао.
- 1805** в Макао остановился шлюп «Надежда» И.Ф. Крузенштерна, через две недели к нему добавился шлюп «Нева» Ю.Ф. Лисянского.
- 1853** в Макао по пути в Японию побывал Е.В. Путятин.
- 1880** в Макао зашел российский фрегат «Морж» Тихоокеанского флота, чтобы проверить китайскую оборону на случай войны между Россией и Китаем.
- 1891** в Макао с кратким визитом побывал цесаревич Николай.
- 1931** власти Макао запретили торговлю с СССР и выслали всех советских граждан в рамках кампании по искоренению коммунистической деятельности на территории.
- 1937** министр колоний Португалии прислал в Макао циркуляр, запрещающий приезд русских.
- 1950** первый подробный отчет советских дипломатов по Макао.
- 1976** Португалия предоставила Макао широкую автономию.
- 1987** Португалия согласилась вернуть Макао Китаю в 1999 г.
- 1990** Макао и СССР подписали соглашение о сотрудничестве, нацеленное на развитие торговли и взаимных инвестиций.
- 1999** заместитель министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасин присутствовал на церемонии передачи Макао КНР.
- 2002** визит в Макао главы МИД России И.С. Иванова.
- 2009** в рамках Года русского языка в Китае состоялось открытие Русского центра в Межуниверситетском институте Макао.

Основная литература

На русском языке:

- Бажанов Е.П.* Движущие силы политики США в отношении Китая. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1982.
- Галенович Ю.М.* Москва—Пекин, Москва—Тайбэй. М.: Изографус, 2002.
- Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988.
- Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949—1991). СПб.: Издательство СПбГУ, 2010.
- Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток-Запад, 2007.
- Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Древо жизни, 1997.
- Современный Тайвань. Иркутск: Улис, 1994.
- Тодер Ф.А.* Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.

На китайском языке:

- 王帆 (Ван Фань): 《美国的亚太联盟》(Азиатско-тихоокеанские союзы Америки), 北京, 世界知识出版社, 2007年.

На английском языке:

- Bazhanov E.P.* Russia and Taiwan. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und International Studien (BIOST), 1996, № 29.
- Bellacqua James A.* The Future of China-Russia Relations: Asia in the New Millennium. Lexington: The University Press of Kentucky, 2010.
- Copper John F.* Taiwan: Nation State or Province? Boulder, Colorado: Westview Press, 2003.
- Ivanov Peter M.* Russian-Taiwanese relations: current state, problems, and prospects of development. Occasional Papers. Reprint Series in Contemporary Asian Studies. 1996. No 2 (133).
- Myers Rahmon H., Peattie Mark R.* The Japanese Colonial Empire, 1895—1945. Princeton: The Princeton University Press, 1984.
- Pons Philippe.* Macao. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2002.
- Share Michael.* Where empires collided. Russian and Soviet Relation with Hong Kong, Taiwan, and Macao. Hong Kong: Chinese University Press, 2007.
- Tucker Nancy B.* Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945—1992: Uncertain Friends. New York: Twayne Publishers, 1994.

На японском языке:

- 新しい歴史教科書 (Новый учебник истории), 東京, 扶桑社, 2001.

ГЛАВА 7

Россия и Китай сегодня и завтра

А.В. Лукин

За последние 30 лет Китай совершил исторический рывок от отсталости к современному развитому обществу. В стране еще много проблем, но одно ясно: Китай из бедной, политически нестабильной страны, сотрясаемой различными неурядицами, превращается в мощное государство, способное оказывать значительное влияние не только на региональную, но и на мировую политику. За тот же период Россия значительно ослабла; по сравнению с советским временем ее вес в мировом сообществе снизился, хотя она и остается крупным и влиятельным государством.

Таблица 7.1

Некоторые показатели развития России и КНР (2010)

	Россия	КНР
ВВП (номинал, МВФ, млн долл. США)	1,476,912 (10 место)	5,745,133 (2 место)
ВВП (ППС, МВФ, млн долл. США)	2,218,764 (6 место)	10,084,369 (2 место)
ВВП на душу населения (ППС, МВФ)	16,161 (53 место)	5,943 (97 место)
Индекс развития человеческого потенциала (ПРООН, место)	65	89
Темпы роста ВВП, в %	4	10,3
Структура ВВП, в (%), в т.ч. сельское хозяйство	4%	10,2%
Промышленность	36,8%	46,9%
Услуги	59,1%	43%
Протяженность железных дорог (км) (по срав. с 2007)	87 000 (87 000)	91 000 (78 000)
Валютные резервы (млрд долл. США)	545,012 (сентябрь 2011)	3 044 (апрель 2011)
Внешнеторговый оборот (млрд долл. США)	648,415	2 972, 8
в т.ч. экспорт	400,018	1 577, 9
Импорт	248,397	1 394,8
Инфляция, в %	8,8	3,5

История российско-китайских отношений знает периоды, когда Китай, по крайней мере, в регионе соприкосновения с Россией, был более мощным государством. Так было с XVII до первых десятилетий XIX века. Однако с тех пор почти два столетия (считая и советский период) Россия превосходила Китай в военном, политическом и экономическом отношении, и россияне привыкли к этому. Нынешний исторический поворот в пользу Китая нарушает сложившиеся представления и потому многими россиянами воспринимается болезненно. Но такова реальность, кто бы в ней ни был виноват, с ней россиянам придется жить. В российском экспертном сообществе эту реальность понимают, но оценивают ее по-разному. Мнения и прогнозы можно разделить на две группы: алармистские и прагматические. Алармисты считают, что сильный Китай представляет угрозу для нашей страны, что китайские лидеры, говоря о дружбе, в действительности вынашивают планы отторгнуть от России территории Сибири и Дальнего Востока, для чего проводят политику «демографической экспансии», т.е. поощряют заселение этих территорий китайскими гражданами, используют для развития собственной экономики российские природные ресурсы, которые получают по дешевой цене, скупают на российской территории недвижимость, поощряют развитие преступных сообществ, якобы также действующих в интересах Китая. Они утверждают, что сегодняшняя политика Китая основана на традиционном китаецентристском подходе к миру, в рамках которого Срединная империя должна играть доминирующую роль, а все прочие «варвары» приносить ей дань и признавать ее первенство.

Есть и те, кто, по причинам идеологического или иного характера, склонен идеализировать Китай, призывать к копированию его экономического и даже политического опыта. Это чаще всего те, кто тоскует о советском прошлом и верит, что пойдя советские коммунисты по китайскому пути, распада СССР удалось бы избежать. Иногда к идеализации Китая ведет превратно понятый профессионализм китаеведа, когда в стране, изучению которой отданы долгие десятилетия, буквально все начинает видиться в розовом цвете.

В отличие от представителей двух этих групп, прагматики полагают, что ускоренное развитие Китая создает для России возможность использовать экономическую мощь соседа для нужд собственного развития, особенно для поднятия восточных регионов России. Они отмечают, что китайская внешняя политика на данном этапе не является агрессивной, Китай занят собственными проблемами, а не внешними авантюрами, демонстрируя практицизм и жестко отстаивая свои интересы. При верном, сбалансированном подходе успехи Китая могли бы быть использованы на пользу России. Для понимания того, какая из этих позиций в большей степени отвечает реальности и интересам России, необходимо сначала коротко остановиться на роли Китая в современном мире.

Китай в начале XXI века: успехи и проблемы ускоренного развития

Китайская Народная Республика (КНР) на наших глазах превращается в одну из мощнейших держав мира. Основа этой мощи — успешное и стабильное экономическое развитие последних тридцати лет. С начала реформ в конце 70-х годов XX в. экономическое развитие стало символом веры китайского руководства. Только в этом контексте можно понять высказывание Ху Цзиньтао на прошед-

шем в октябре 2007 г. XVII съезде КПК о том, что «наипервейшим по важности содержанием концепции научного развития является само развитие»¹. Результатом экономических реформ, начатых руководством Дэн Сяопина в 1978 г. (так называемая программа «четырёх модернизаций»), стало превращение Китая в мощную современную державу, благодаря стабильному росту ВВП, который на протяжении трех десятилетий составлял в среднем около 10% в год и даже в кризисном 2009 г. снизился всего до 8,7%.

Модернизация в Китае проходила постепенно и была основана на коренном изменении основ функционирования национальной экономики и активном привлечении передовых зарубежных технологий, иностранных инвестиций и приоритетном развитии экспортных отраслей. Ее лозунгом стало выражение «реформы внутри страны — открытость внешнему миру». Полностью огосударствленная экономика советского типа была переведена на рыночные рельсы, но не единовременно, а постепенно, путем первоначального создания нового частного рыночного сектора параллельно государственному и в соревновании с ним. В результате крупные государственные предприятия не умерли от «шока», но постепенно перестраивались на рыночные рельсы, учась работать по-новому, а частный сектор возник не за счет приобретения лицами, имевшими на то возможность, госсобственности, а вырос из мелких и средних предприятий, создавая дополнительные производственные мощности и услуги. При этом старый партийно-государственный аппарат не был разрушен или заменен на новый, но был заинтересован руководством страны в реформах. Для этого использовалась соответствующая кадровая политика: продвигать по службе стали руководителей, не наиболее преданных делу коммунизма, но тех, кто обеспечивал наибольший рост ВВП и уровень ВВП на душу населения в своем регионе, осуществил там наиболее успешные рыночные преобразования.

Новые, передовые производства возникали первоначально в специальных экономических зонах (СЭЗ) и особых районах, где были созданы благоприятные условия для иностранных инвестиций: предприятия освобождались от налога на первые три года, а затем платили сниженные налоги, государство обеспечивало всю необходимую инфраструктуру и особое регулирование (первоначально в некоторых зонах даже действовал особый режим въезда и выезда). Распространение новых методов работы шло постепенно, опытным путем. Поначалу было создано четыре СЭЗ в районах около промышленно развитых Гонконга, Макао и Тайваня, затем действие льгот было распространено на более обширные приморские районы, позднее зоны развития различного типа стали создаваться уже по всей стране. Постепенно специальный характер зон практически сошел на нет: вся страна, благодаря реформе администрации и законодательства, стала благоприятна для бизнеса, и в особых условиях нужда отпала.

Результат экономической политики китайского руководства впечатляет. В 2009 г. ВВП Китая составил 4,9 трлн долл. США. В 2010 г. Китай опередил по этому показателю Японию и вышел на второе место в мире, уступая только США. По размеру экспорта КНР вышла на вторую позицию в мире в 2008 г., а еще раньше стала обладателем самых крупных золотовалютных запасов в мире. Китай последовательно сокращает технологическое отставание от развитых

¹ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст) (http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_7.htm).

держав, продолжает модернизацию ключевых отраслей народного хозяйства, армии, быстро улучшает инфраструктуру, приближает к мировому уровню науку и образование. Он начал подготовку к переводу экономики на интенсивный, а в перспективе и на инновационный путь развития. Если нынешние темпы роста китайской экономики сохранятся и не снизятся существенно, в ближайшие 8–12 лет по объему ВВП, измеренному по паритету покупательной способности, Китай догонит США. При этом за счет огромного населения уровень подушевого дохода все еще будет значительно отставать от развитых стран.

Во многом движущей силой китайского роста стал внешнеэкономический фактор. С 1998 г. по 2005 г. производство промышленной продукции в США росло в среднем на 5% ежегодно, тогда как внутренний спрос увеличился на 35%, а импорт на 80%. То есть США за счет роста производства своей промышленной продукции не могли удовлетворять растущий спрос. Именно Китай обеспечил соответствующее предложение, прежде всего в сегменте низкотехнологичной трудозатратной продукции, повышая при этом технологический уровень своего экспорта сначала в США, а потом и в другие страны мира. Многие западные компании перенесли свои предприятия на территорию Китая, чтобы снизить издержки производства. Сыграли свою роль и внешние инвестиции. С 2001 г. зарубежные компании вложили в КНР около 600 млрд долларов. Большой профицит в течение длительного времени явился для Китая уникальным позитивным фактором, предоставляя возможности решать задачи нового уровня: резко наращивать строительство, повышать благосостояние народа, увеличить финансирование военных расходов.

В то же время акцент на экономический рост привел к некоторым проблемам социального характера. Возник серьезный разрыв в доходах и уровне развития между городами и деревнями, реформированными прибрежными и медленнее развивающимися внутренними районами, между богатыми и беднейшими слоями населения. Такое положение грозило серьезными социальными катаклизмами. Социальная напряженность уже начала сказываться. Хотя последствия серьезнейшего кризиса 1989 г. были в целом преодолены за счет успешного экономического роста, во внешне монолитном Китае ежегодно происходит значительное количество социальных акций и волнений, в основном экономического характера. Пренебрежение социальной политикой, принесенной в жертву ускоренному экономическому росту, привело к тому, что в стране была свернута большая часть социальных программ (которые и в годы расцвета социализма значительно уступали, например, советским), образование и медицина стали платными, работники частного сектора лишились пенсий. В общем, в социалистическом Китае от социализма осталась одна власть компартии. Согласно официальной статистике, сегодня в стране 20% беднейшей части населения располагают 4–7%, а 20% наиболее зажиточных — более 50% суммарного дохода. Начало расти недовольство, участились выступления против местных властей, забастовки. Так, число «массовых инцидентов», к которым власти относят забастовки, демонстрации, сидячие забастовки, блокады транспорта и захваты зданий, увеличилось с 8700 в 1993 г. до 87 000 в 2005 г.² В 2010 их стало уже 180 000³.

² Bergsten C. Fred, Gill Bates, Lardy Nicholas R. and Mitchell Derek. China: The Balance Sheet: What the World Needs to Know about the Emerging Superpower. New York: Public Affairs, 2006. P. 40.

³ Protests and Demonstrations in China; the Tensions and Methods Behind them (<http://factsanddetails.com/china.php?itemid=305&catid=8>).

Руководство страны во главе с Ху Цзиньтао (ушедшим со своего поста в 2012 г. в порядке ротации) понимало эти проблемы и с самого прихода к власти в 2002 г. принимало меры по их решению. Прошедший во второй половине октября 2007 г. XVII съезд КПК принял развернутую программу, направленную на преодоление трудностей и создание условий для дальнейшего роста экономики. Центральными положениями доклада генерального секретаря ЦК Ху Цзиньтао были «научное развитие» и создание «гармоничного общества». Оба эти понятия связаны с отходом от или, вернее, совершенствованием модели развития, которая сложилась в стране в предшествующий период. По мнению руководства страны, хотя Китай уже более двух десятилетий бурно развивается, растет благосостояние населения, мощь государства, влияние страны на международной арене, развитие до сих пор шло за счет недостаточно современных и эффективных методов, что создало определенные трудности и проблемы.

Китай не ставит недостижимых задач. На данном этапе целью развития является построение к 2020 г. «общества среднего достатка» на основе увеличения к этому времени уровня ВВП на душу населения в четыре раза по сравнению с показателями 2000 г. С учетом нынешних темпов роста ВВП эта задача отнюдь не кажется невыполнимой. Однако достичь этой цели можно, лишь изменив экономическую политику. По мнению китайского руководства, экономика должна постепенно отходить от сформировавшейся в 1990-е гг. экспортно-ориентированной модели, направленной на увеличение вывоза дешевых товаров из КНР и привлечение иностранных инвестиций в развитие производства в Китае на основе сравнительно дешевой рабочей силой. Вместо этого в докладе ставится задача «создавать государство инновационного типа», увеличивать капиталовложения в инновации и сделать упор на прорыв в области ключевых технологий⁴. Фактически речь идет о том, чтобы почти полностью устранить зависимость Китая от импорта передовых технологий. Для этого Ху Цзиньтао предложил увеличить финансирование фундаментальных исследований, а также ускорить доведение их результатов до производства путем создания цепочек, объединяющих вузы, НИИ и предприятия. Китайский лидер призвал укреплять национальную экономику за счет роста внутреннего потребления. Наконец, концепция научного развития не обходит вниманием еще одну крайне важную для Китая проблему, которой часто пренебрегали ранее для обеспечения ускоренного роста, — загрязнение окружающей среды.

Китай уже давно начал активно позиционировать себя как страну, поощряющую науку и инновации. Еще в 1995 г. была принята специальная государственная программа развития высоких технологий, в которой приоритетными отраслями объявлялись электроника, информатика, аэрокосмическая и оптоволоконная связь, энергосберегающие технологии и т.д. В эту программу инвестировано более 10 млрд юаней. Китай стал третьей в мире космической державой. Государство активно вкладывает средства в инфраструктуру университетов. Что касается построения «гармоничного общества», то в переводе на привычный для нас язык это означает усиление социальной политики, направленное на смягчение общественных противоречий, обострившихся в период ускоренных реформ предшествующего периода.

⁴ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст) (http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_10.htm).

В результате с приходом к власти Ху Цзиньтао политика была изменена, впервые китайские коммунисты стали проводить более «социалистическую линию» в ее современном понимании: был отменен налог на крестьянские хозяйства, увеличилось финансирование медицины и образования, были приняты государственные программы ускоренного развития отсталых западных регионов и восстановления старой промышленной базы Северо-Востока страны. По мнению властей КНР, такие меры должны были стабилизировать ситуацию в стране, расширить социальную базу режима. На это расширение направлена и принятая еще руководством Цзян Цзэминя концепция «трех представительств», согласно которой коммунисты представляют не отдельные классы, а все слои общества. Практический из нее вывод — разрешение вступать в КПК предпринимателям-капиталистам.

Политика

Китайское руководство активно пропагандирует не только экономические, но и политические реформы. Действительно, сегодня политическая система уже не та, что в XX веке: в 50-е годы классического сталинизма или 60-е годы революционного маоизма. Поставлена задача создания «правительства обслуживающего типа», в рамках осуществления которой чиновников призывают считать себя не хозяевами жизни, а нанятыми работниками, обязанными обслуживать интересы граждан. Китайские государственные службы стали более открытыми, чувствительными к критике и общественному мнению.

В то же время призывы развивать «социалистическую демократию», низовую демократию (например, реальные выборы в представительные и административные органы низшего звена) и «власть народа», во многом остаются декларативными. Политическая система остается жестко авторитарной. Вся реальная власть в стране принадлежит партийно-государственному аппарату, реальные руководители в центре и на местах — лидеры организаций КПК. В стране действует парламент — Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), но он полностью подчинен руководству КПК, к тому же его члены не избираются даже формально (как это было в СССР), а делегируются нижестоящими СНП, члены которых отбираются довольно сложным образом, а по сути назначаются КПК. Единственные прямые выборы, которые иногда проводятся в Китае, — выборы поселковых и деревенских руководителей, но и в отношении их справедливости есть серьезные сомнения, к тому же на этом уровне у избранных чиновников нет реальной власти. Несколько «демократических партий» даже официально работают под руководством КПК и обладают совещательным голосом в рамках системы политических консультативных советов. Армия, правоохранительная и судебная системы полностью подчинены административной власти. Конечно, по сравнению с прошлым, репрессивный характер режима несколько упорядочен, судебная система усовершенствована и по неполитическим вопросам может защитить интересы граждан. В то же время любое политическое несогласие жестко карается, критики режима, религиозные активисты проводят долгие годы в тюремных стенах. Жестко контролируется печать и Интернет.

Пожалуй, дальше всего политическая реформа продвинулась в самой партии. Здесь больше нет непререкаемых лидеров, все вопросы решаются путем

консультаций широкого круга руководителей. Упорядочен и процесс передачи власти, причем жестко действует возрастной принцип — пожилые руководители должны уходить на пенсию, при этом их смена готовится заранее. Так, на XVII съезде КПК новая линия — линия Ху Цзиньтао — была закреплена кадровыми решениями. Из руководства были выведены те лидеры, которых считали членами так называемой «шанхайской группы», т.е. сторонники прежнего лидера — Цзян Цзэминя (официально — в связи с преклонным возрастом). В то же время в число членов высшего органа партии — Постоянного комитета политбюро были включены новые, более молодые члены. Особенно были интересны два из них, по словам представлявших их Ху Цзиньтао, «сравнительно молодых товарища». Сын известного деятеля КПК первого поколения, сторонника реформ Си Чжунсюня Си Цзиньпин (1953 г.р.) был назначен на место первого секретаря шанхайского горкома, после того как его предшественник попал под следствие из-за финансовых нарушений. Это назначение интерпретировали как замену сторонника Цзян Цзэминя человеком, близким к Ху Цзиньтао. Еще более близок к Ху Цзиньтао Ли Кэцян (1955 г.р.) — сын крестьянина из бедной провинции Аньхуэй, поступивший в престижный Пекинский университет и начавший карьеру в комсомоле под руководством нынешнего лидера КПК. Эти два деятеля и возглавили руководство страны. Си Цзиньпин в ноябре 2012 г. был избран Генеральным секретарем ЦК КПК и председателем Центрального военного совета ЦК КПК. 15 марта 2013 г. на I сессии ВСНП 12-го созыва он стал Председателем КНР. Тогда же Ли Кэцян был утверждён в должности премьера Государственного совета КНР.

Экономика и мировой финансовый кризис

Как и все страны с экспортно-ориентированной экономикой, Китай серьезно пострадал от мирового кризиса, начавшегося в 2008 г. Спад зарубежного спроса на товары, производимые «всемирной фабрикой» (как уже давно окрестили Поднебесную), нанес серьезный удар по его экономике, уникально высокий рост которой обеспечивался во многом за счет экспорта, дававшего около 40% ВВП. Таков был план экономического рывка, намеченный еще в конце 70-х годов прошлого века Дэн Сяопином, исправно работавший до конца 2008 г., но из-за кризиса потребовавший корректировки.

Кризис затронул наиболее развитые, образцовые районы Китая, в особенности южное побережье, куда десятилетиями развитые державы мира переносили промышленное производство, сами превращаясь в центры сервиса и финансов. Именно сюда из деревень внутренней части страны ехали миллионы людей в поисках работы. Предприятия здесь закрывались, и люди были вынуждены возвращаться в родные места, где нет работы и где их явно не ждали. Такая обстановка была чревата социальным взрывом.

Китайские власти поняли опасность ситуации и с самого начала кризиса разрабатывали меры по его обузданию. Для этого у Китая были необходимые средства. Многолетний положительный торговый баланс дал возможность накопить огромные валютные резервы, размер которых составлял около 2 трлн долл. США, из них более 600 млрд хранилось в казначейских облигациях США. Эти резервы можно

было использовать на поддержку антикризисных мер. Интересно, что средства эти, несмотря на снижение экспорта, не уменьшились. Одна из причин — падение импорта, опережавшее сопровождающее падение экспорта. Таким образом, несмотря на антикризисные меры, профицит китайского бюджета сохранился.

Уже осенью 2008 г. китайское правительство объявило, что потратит на антикризисные меры 586 млрд долл. в течение двух лет. Эти средства пошли на развитие инфраструктуры, в том числе аэропортов, железных дорог, метро в крупных городах, атомных электростанций и т.п., а также на здравоохранение, образование, жилищные субсидии, выплаты социальных пособий, в частности пособий по безработице. Ставилась очевидная цель — создать новые рабочие места и условия для дальнейшего развития экономики. Ускоренное развитие социальной сферы, на которую в предыдущие годы не обращалось необходимого внимания, правительство планировало давно, и кризис лишь стимулировал его. Давно планировалось и снижение темпов роста, поэтому его падение в 2009 г. до 8,7% лишь отвечало планам Пекина.

Первоначальный дотационный план дал свои результаты. Возросли объемы банковских кредитов, началась реализация новых крупных инфраструктурных проектов, в частности, строительство жилья в Шанхае и провинции Шэньси, железных дорог в провинции Шаньдун. Тем не менее, правительственный план был подвергнут критике рядом экономистов, утверждавших, что инфраструктура страны и так в нормальном состоянии, поэтому ее развитие может не дать нужного эффекта. Они призывали к мерам стимулирования внутреннего спроса как альтернативы внешнему.

В результате была принята государственная программа стимулирования внутреннего потребления из 10 пунктов, предусматривающая такие меры, как повышение минимальных закупочных цен на зерно, увеличение государственных ассигнований на приобретение техники и инвентаря, повышение прожиточного минимума, повышение пенсий бывшим работникам госпредприятий и других социальных пособий. Кроме того, с 1 декабря 2008 г. началась кампания по распространению на селе бытовой электроники, покупки которой на 13% дотируются из госбюджета. Правительства некоторых городов и провинций, по примеру ряда государств Восточной Азии, пошли также на прямую раздачу потребительских ваучеров населению (например, ваучеры на покупки к китайскому новому году, на турпоездки и т.п.).

Выступая 3 февраля 2010 г. на семинаре высокопоставленных руководящих работников, Ху Цзиньтао сформулировал позицию руководства страны в отношении причин и последствий мирового кризиса. Он подчеркнул, что кризис — не только удар по темпам роста, но по сути — удар по сложившейся в предшествующий период модели экономического развития страны, которая нуждается в изменении. Китайский лидер заявил о необходимости структурных преобразований и совершенствования социальной политики и призвал к созданию инновационной экономики, повышению эффективности использования энергетических и других ресурсов, борьбе с загрязнением окружающей среды, созданию более оптимального баланса между экономической и социальной политикой, развитию индустрии культуры, изменению модели внешней торговли⁵.

⁵ 胡锦涛在省部级干部落实科学发展观研讨班上讲话，2010年02月03日。（ выступление Ху Цзиньтао на семинаре руководителей провинциального и министерского уровня о внедрении мировоззрения научного развития） (<http://politics.people.com.cn/GB/1024/10923860.html>).

Этот курс был подтвержден на прошедшем в середине октября 2010 г. 5-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва. В коммюнике пленума подчеркивалась необходимость совершенствования системы базовых социальных услуг, которая должна соответствовать реалиям страны, носить устойчивый характер и охватывать как города, так и деревни. КПК заявила о готовности содействовать трудоустройству населения и выстраиванию «гармоничных трудовых отношений», «обоснованно урегулировать распределение доходов». Было заявлено о необходимости увеличения доли доходов населения при распределении национального дохода, а также доли оплаты труда при первичном распределении. Провозглашалась необходимость усовершенствования системы социального обеспечения, которая должна охватывать как город, так и деревню, и ускорения реформы здравоохранения⁶.

Экономические интересы за рубежом

Решая социальные проблемы, Пекин думает и о будущем. Правительство стремится воспользоваться падением цен на основные природные ресурсы, которых так не хватает Китаю, чтобы обеспечить их стратегические запасы для нового экономического рывка. Китай использовал мировой кризис для укрепления своих международных позиций, увеличивая объемы зарубежных инвестиций и кредитования, расширяя культурное и образовательное присутствие. Только за 2008 г. внешние инвестиции Китая выросли на 60%, достигнув 52 млрд долл. Так, в начале февраля 2008 г. было объявлено о строительстве восьми хранилищ стратегических запасов нефти. Китай активно работает в Африке и на Ближнем Востоке, откуда он импортирует большую часть нефти, а также осуществляет стратегические инвестиции в России. По некоторым оценкам, окончательно согласованный во время визита вице-премьера И.И. Сечина в Китай в феврале 2009 г. китайский кредит в 25 млрд долл. США российским «Роснефти» и «Транснефти» на строительство идущего в Китай ответвления от магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан» и наполнение его сырьем коммерчески не особенно выгоден КНР. Но он призван решить две важные задачи: стратегическую (обеспечить дополнительный источник нефти и диверсифицировать ее импорт) и социальную (не допустить массовой безработицы на нефтеперерабатывающих предприятиях северо-восточного города Дацин, где иссякает собственное нефтяное месторождение).

Закупается не только само сырье, но и активы добывающих кампаний. Так, 12 февраля 2009 г. было объявлено о том, что государственная Китайская алюминиевая компания (Chinalco) становится крупным акционером британо-австралийской горнодобывающей корпорации Rio Tinto. Китайский производитель алюминия, который уже владеет 9% акций Rio Tinto, купил еще 18% акций компании и облигации на сумму 7,2 млрд долл., а также доли в проектах по добыче меди, железной руды и алюминия на общую сумму 12,3 млрд долл. Для китайского бизнеса это самая дорогая зарубежная инвестиционная сделка. Примерно тогда же китайская компания «Укуан» (Minmetals) объявила о покупке за \$1,7 млрд второй в мире компании по добыче цинка, австралийской Oz Minerals. Это лишь наиболее яркие примеры. Многие китайские компании активно скупают доли

⁶ На пленуме ЦК КПК одобрены рекомендации по 12-му пятилетнему плану социально-экономического развития (<http://russian1.peopledaily.com.cn/31521/7169842.html>).

в энергетических и сырьевых компаниях в разных частях света: в Африке, Азии, Австралии и в Латинской Америке.

Вместе с тем Китай продолжал вносить самый весомый вклад в поддержание на плаву американской экономики, оставаясь крупнейшим кредитором США. При этом китайское руководство откровенно критиковало американскую экономическую политику, поддерживало идею альтернативной доллару резервной валюты, призывало к созданию новой системы глобального финансового управления, которая отразила бы возросшую роль крупных развивающихся экономик.

Внешняя политика

С самого начала реформ руководство Дэн Сяопина определило, что коренным изменениям должен подвергнуться и внешнеполитический курс страны. Внешняя политика КНР прошла несколько этапов. В 1950-е годы она определялась в основном стратегическим и идеологическим союзом с СССР и была направлена на содействие Москве в ее борьбе с мировым империализмом. Китаю была предоставлена некоторая автономия в Азии и Африке, он поощрялся на роль лидера дружественных социализму государств «третьего мира». В период разрыва с СССР и особенно «культурной революции», Пекин, руководствуясь революционным догматизмом, пытался взорвать азиатский континент, поддерживая там радикальные антизападные движения. В 1970-е годы, после сближения с США на антисоветской основе, Мао Цзэдуном была выдвинута теория «трех миров», в рамках которой Китай объявлялся лидером развивающихся государств «третьего мира». Главной опасностью объявлялся «второй мир» во главе с «социалимпериалистическим» СССР, в борьбе с которым можно было взаимодействовать с менее опасным «первым миром», возглавлявшимся США. Идеи создания единого фронта против СССР просуществовали до конца 1970-х годов. Затем необходимость серьезно заняться внутренними реформами и нормализация отношений с Москвой заставили постепенно от них отказаться.

На XII съезде, проходившем в сентябре 1982 г., была сформулирована концепция «независимой и самостоятельной внешней политики», смысл которой сводился к невступлению в союзнические отношения с какой-либо из «сверхдержав», т.е. к уравниванию СССР и США как партнеров или противников, но главное — к подчинению внешней политики целям экономического развития страны. Эта концепция официально определяет внешнеполитический курс Пекина сегодня и сводится к следующим пунктам:

1. Китай всегда придерживается независимых и самостоятельных принципов. Исходя из коренных интересов китайского народа и народов мира и реальных событий, Китай вырабатывает свою позицию и политический курс по всем международным вопросам; он не подчиняется никакому внешнему давлению, не устанавливает никаких стратегических отношений с крупными державами или блоками стран, не участвует в гонке вооружений, не проводит военную экспансию.

2. Китай выступает против гегемонизма и защищает мир во всем мире. Китай считает, что государства — не крупные и малые, не сильные и слабые, не богатые и бедные, а являются равноправными членами международного сообщества. Разрешение конфликтов между странами осуществляется мирным путем;

не надо прибегать к оружию и угрожать друг другу силой, нельзя ни под какими предложениями вмешиваться во внутренние дела других стран. Китай никогда не навязывает другим странам свой социальный порядок и идеологию и не позволяет другим странам навязывать их социальный строй и их идеологию Китаю.

3. Китай активно содействует созданию справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка. Китай считает, что новый порядок должен отражать требования развития истории и векового прогресса, должен выражать общие пожелания и интересы народов всего мира. Пять принципов мирного сосуществования и другие общепринятые правила международных отношений должны стать основой для создания нового международного политического и экономического порядка.

4. Китай желает создать и развивать дружественное сотрудничество со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования, а именно: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования⁷.

В реальности с начала 1980-х годов Китай стремится создать условия для экономического развития путем налаживания хороших рабочих отношений со всеми странами мира, особенно с теми, кто может оказать ему в этом деле наибольшее содействие, предоставить инвестиции и новые технологии. Особое внимание уделяется соседям, с которыми Китай всемерно, в том числе и за счет компромиссов, стремится решить территориальные и другие споры ради развития торгово-экономического сотрудничества, в том числе в приграничных районах. Обозначив коренные интересы, которыми он не может поступиться (признание Тайваня и Тибета, а ранее — Гонконга и Макао частью КНР, другие вопросы территориальной целостности), Пекин по прочим вопросам ведет себя скромно, не вмешивается в международные конфликты, которые прямо его не касаются, чтобы зря не расходовать ресурсы, и обычно ограничивается лишь высказыванием по ним своей точки зрения.

В последние годы, однако, ситуация начала несколько меняться. Сама логика развития вынуждает Пекин занимать более активную роль в мировой политике. Во-первых, в результате успешного экономического развития последних десятилетий мощь страны настолько усилилась, что без участия Пекина трудно представить себе решение многих экономических, да и политических проблем, касающихся всего мира. Во-вторых, модель экономического развития Китая, основанная на бурном росте и экспорте, ведет к нехватке ресурсов, прежде всего сырья, и необходимости искать новые рынки сбыта. И то и другое находится за пределами территории КНР. Наконец, проблемы с окружающей средой, избыточной рабочей силой и ряд других внутренних проблем Китая начал непосредственно затрагивать другие страны, прежде всего соседние.

Пытаясь теоретически обосновать усиление роли КНР на мировой арене, а также рассеять страхи за рубежом относительно возможной угрозы, которую новый мощный Китай может представлять миру, в 2003 г. ведущие идеологи страны выдвинули теорию «мирного подъема», которую взяли на вооружение и лидеры страны. Ее суть заключалась в том, что усиление КНР не несет вреда

⁷ Независимая и самостоятельная мирная внешняя политика Китая (<http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wjzc/jbzc/t1992.htm>).

окружающему миру, что в стране основное внимание уделяют росту, причем говорилось, что этот рост даже выгоден соседям, так как будет способствовать и их развитию. Одним из средств мирного возвышения, хотя и не основным, провозглашалась культура.

Несмотря на благие намерения авторов, идея подъема, пусть и мирного, вызвала неоднозначную реакцию в мире, а некоторых даже напугала. В результате китайское руководство сняло эту концепцию в качестве официальной, поначалу вернувшись к идее «мирного развития», выдвинутой еще Дэн Сяопином, а затем сменив ее на термин «гармоничный мир», к созданию которого теперь официально стремится Пекин.

Впервые о необходимости «совместного построения гармоничного мира» китайский лидер Ху Цзиньтао заявил в апреле 2005 г. в Джакарте на Саммите стран Азии и Африки. На праздновании 60-летия ООН в сентябре того же года китайский лидер предложил создать «гармоничный мир совместного процветания». В своем выступлении в Йельском университете в апреле 2006 г. Ху Цзиньтао заявил, что для Китая всегда была важна социальная гармония, теперь же КНР приступает к строительству гармоничного общества внутри страны и одновременно «стремится использовать достижения других цивилизаций для продвижения к миру и развитию через сотрудничество, стремится играть свою роль в строительстве гармоничного мира, длительных мирных [отношений] и общего процветания»⁸. На XVII съезде КПК идея «гармоничного мира» не только прозвучала в докладе Ху Цзиньтао, но была внесена в устав партии. Китайский лидер говорил: «Мы выступаем за то, чтобы народы всех стран общими усилиями продвигали создание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием. Поэтому нужно в соответствии с преамбулой и принципами Устава ООН, а также на основе строгого соблюдения международного права и общепризнанных норм международных отношений развивать в этих отношениях дух демократии, согласия, сотрудничества и взаимного выигрыша. В политическом плане друг друга уважая и друг с другом равноправно консультируясь, совместно продвигать демократизацию международных отношений. В экономическом — друг с другом сотрудничая и друг друга дополняя имеющимися преимуществами, совместно продвигать развитие экономической глобализации в сторону равномерного, для всех выгодного и выигрышного развития. В культурном — учась друг у друга, находя общее при наличии расхождений и уважая многообразие мира, вместе стимулировать процветание и прогресс человеческой цивилизации. В плане безопасности — друг другу доверяя и усиливая сотрудничество, твердо стоять на том, чтобы решать международные споры мирным путем, а не посредством войны, сообща защищать мир во всем мире и поддерживать стабильность. В плане охраны окружающей среды — друг другу помогая и вместе продвигая это дело, сообща оберегать общий дом человечества — нашу планету Земля»⁹.

По сути, это та же программа независимой и самостоятельной внешней политики в новых условиях. Ее смысл: успокоить мир относительно целей китайского развития, показать, что роль КНР в мире конструктивна, его усиление даже выгодно остальным. Это мирное наступление Пекина, его умелое

⁸ http://www.yale.edu/opa/hu/download/transcript_Hu_20060421.doc.

⁹ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст) (http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_21.htm).

использование «мягкой силы» дало определенные результаты. Смена администрации в США с конфронтационной Дж. Буша-младшего на более конструктивную Б. Обамы и успешный выход Китая из кризиса заставил многих по-новому оценить его роль в мире.

В начале 2009 г. два мэтра американской внешнеполитической мысли Зб. Бжезинский и Г. Киссинджер выступили со своими предложениями, как решать мировые проблемы в новой ситуации, по сути сформулировав предложения вновь избранному американскому президенту Б. Обаме по изменению внешнеполитического курса США. Несмотря на ряд разногласий, они сошлись в одном: стабильное будущее мира зависит от того, смогут ли США и Китай, отложив разногласия, наладить конструктивное сотрудничество.

В начале января 2009 г. советник по национальной безопасности президента-демократа Дж. Картера (1977–1981) Зб. Бжезинский съездил в Китай и выступил там с несколькими речами. На основе одной из них он написал статью, которая была опубликована 13 января в газете «The Financial Times» под заголовком «Группа двух, которая может изменить мир»¹⁰. Статья, в которой фактически предлагается американо-китайский стратегический союз или, по крайней мере, очень тесное сотрудничество, естественно, вызвала бурную реакцию в самих США, в Китае и во многих других заинтересованных государствах, в частности в России, где некоторые восприняли ее как план, направленный против интересов Москвы.

Согласно Зб. Бжезинскому, администрация Б. Обамы должна продолжить политику Дж. Картера: осуществить сближение с Пекином, которое позволит решать многие стоящие перед США международные задачи. По его мнению, Китай может способствовать решению северокорейской ядерной проблемы, помочь США бороться с мировым кризисом, прямо участвовать в американском диалоге с Ираном, стать посредником в индо-пакистанском конфликте и даже подключиться к урегулированию на Ближнем Востоке. Китай вместе с США должен участвовать в решении проблем изменения климата, участвовать в создании крупных миротворческих сил ООН для их дислокации в «недееспособные государства», в укреплении режима нераспространения ядерного оружия путем стимулирования неядерного выбора государствами мира. В заключение Зб. Бжезинский предлагает расширить «Группу восьми» до 14 или 16 членов с принятием туда Китая и других важнейших государств мира, а также создать «Группу двух» из США и Китая по примеру диалога США с Европой и Японией.

Автор поворота американской политики к Китаю в начале 70-х годов прошлого века, государственный секретарь в республиканской администрации Р. Никсона Г. Киссинджер ответил в статье «Мир должен сформировать новый порядок, или он погрузится в хаос», опубликованной 20 января 2009 г. в лондонской «The Independent». Смысл его рассуждений сводится к следующему. В условиях, когда мировой кризис подорвал веру многих в мире не только в американские политические рецепты, но и в американский проект мировой экономической системы, поведение Вашингтона на мировой арене должно стать более скромным. От этой скромности будет зависеть американское влияние в мире, где каждой стране придется оценить свою роль в кризисе, постараться в наибольшей степени освободиться от тех обстоятельств, которые к нему привели, но где

¹⁰ Brzezinski Zbigniew. The Group of Two that could change the world // The Financial Times. January 13, 2009 (<http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html>).

в то же время каждый будет понимать, что решить свои проблемы можно только совместными усилиями. В этой ситуации США необходимо «изменить чувство праведности, которым характеризовалось слишком большое количество американских подходов, особенно после распада СССР. Это событие и последующий период почти безостановочного глобального роста заставил слишком многих приравнять мировой порядок к принятию американских планов, в том числе наших внутривнутриполитических предпочтений. Результатом стало некое присущее нам стремление к односторонним действиям, на которое всегда жалуются наши европейские критики, другими словами, настойчивый совет, согласно которому странам предлагалось доказать свою способность стать частью международной системы путем подчинения американским рецептам»¹¹.

Согласно Г. Киссинджеру, новая роль США в мире должна заключаться в содействии превращению общих опасений большинства стран и всех основных держав по выходу из экономического кризиса и борьбе с «джихадистским» терроризмом в стратегию. Основой этой стратегии должно стать понимание того, что новые проблемы, связанные с распространением ОМУ, энергетикой и климатом, не могут быть решены на национальном и региональном уровне. В качестве основного (и единственного упомянутого в статье) объекта исторического компромисса, отношения с которым должны выйти на новый уровень, Г. Киссинджер указывает на Китай. Именно от характера взаимодействия США с Китаем, по его мнению, будет зависеть глобальный мировой порядок будущего. Разочарованный Китай может отдать предпочтение замкнутой региональной структуре, зародыш которой американский аналитик видит в концепции «АСЕАН плюс три», а усиление протекционизма в США или превращение Китая в долгосрочного соперника подорвет становление мирового порядка и разделит мир на соревнующиеся региональные группы с опасными для мира последствиями. Чтобы не допустить такого хода событий, Г. Киссинджер предлагает новому поколению американских лидеров строить отношения с Поднебесной на основе чувства общей судьбы, во многом так, как строилось межатлантическое взаимодействие после Второй мировой войны.

Предложения известных политологов были вызваны рядом причин. Во-первых, это общее понимание неудачи внешнеполитического курса прежней администрации и желание его изменить. Во-вторых, признание того, что в результате кризиса не только американские политические подходы, но и экономические модели потеряли популярность в мире, а альтернативные идеи, наоборот, ее приобрели. Одной из таких моделей является китайская, которую сами же западные экономисты окрестили «пекинским консенсусом» (по аналогии с «вашингтонским консенсусом», которому он противостоит). В-третьих, это признание возросшей роли Пекина в мировой политике, вызванное как его реальными экономическими достижениями, так и ожиданиями того, что из кризиса Китай выйдет с меньшими потерями, чем многие другие крупные экономики.

Впрочем, к 2010 г. настроения на Западе изменились. В мире стали широко обсуждать новые тенденции во внешней политике Пекина. По мнению ряда наблюдателей, экономические успехи Китая последних десятилетий привели

¹¹ Henry Kissinger: The world must forge a new order or retreat to chaos. The Independent, January 20, 2009 (<http://www.independent.co.uk/opinion/commentators/henry-kissinger-the-world-must-forge-a-new-order-or-retreat-to-chaos-1451416.html>).

к более «самоуверенному» (assertive) подходу к внешнему миру, стремлению проявлять большую жесткость в отношениях с партнерами, меньшую склонность к уступкам, стремлению отвечать ударом на удар, давлением на давление. Говорят, что эта тенденция особенно усилилась в результате успешного, по мнению китайских властей, выхода из мирового финансового кризиса, во время которого Китай понес меньшие потери, чем другие ведущие экономики мира. Ведь даже в годы кризиса китайская экономика показывала 8–10-процентный рост. В качестве примеров приводят жесткую позицию Китая по тибетскому вопросу, его упорное нежелание идти на соглашение с Далай-ламой, немотивированно жесткие приговоры некоторым диссидентам, антизападную позицию по вопросу глобального потепления, отказ от давления на северокорейский режим с целью побудить его выполнить резолюции Совета Безопасности ООН, за принятие которых Пекин сам же проголосовал ранее.

Один из наиболее ярких примеров этой тенденции — серьезное ухудшение отношений Пекина с Вашингтоном. В отличие от двух предыдущих администраций, демократической У. Клинтона и республиканской Дж. Буша-младшего, которые приходили к власти под лозунгами ужесточения китайской политики, новый американский президент Б. Обама с самого начала заявлял о стремлении искать партнеров во всем мире, в том числе и в Пекине. Он не акцентировал внимания на «правах человека» и подчеркивал взаимную зависимость двух стран, необходимость сотрудничества в борьбе с мировым финансовым кризисом. Известные американские политологи Зб. Бжезинский и Г. Киссинджер даже выдвинули идею формирования «группы двух»: американо-китайского стратегического партнерства по решению ряда глобальных и международных проблем. И несмотря на ее очевидную нереализуемость, недоучет многочисленных противоречий между Пекином и Вашингтоном, на то, что ее сразу же отвергли в Пекине, многие восприняли идею «двойки» как один из признаков сближения двух стран.

Позднее ряд американских наблюдателей счел, что стремление США к сотрудничеству пекинские лидеры восприняли как слабость и решили, что созрел момент для выдвижения ряда новых требований. В результате процесс улучшения отношений, который начался с приходом власти новой администрации США, грозит смениться своей противоположностью.

Новое обострение началось с официального объявления Вашингтоном планов о продаже очередной значительной партии оружия Тайваню на сумму 6,4 млрд долл. Формально спор вызван разной интерпретацией двусторонних документов. США не признают Тайвань в качестве государства с 1979 г., а КНР не возражает против развития Вашингтоном неофициальных отношений с островом. В коммюнике 1982 г. США согласились постепенно снизить уровень военных поставок на Тайвань в обмен на то, что Пекин назвал стремление к мирному решению Тайваньского вопроса своей «фундаментальной политикой». В то же время Пекин никогда полностью не отказывался от права присоединить Тайвань военным путем, а США не обещали вовсе не продавать ему оружия. Более того, принятый Конгрессом США в 1979 г. «Акт об отношениях с Тайванем» (Taiwan Relations Act) обязывает администрацию обеспечивать Тайвань оружием оборонительного характера. КНР, естественно, хотела бы принудить США к полному отказу от поставок оружия.

Списки претензий двух стран не ограничились американско-китайским военным сотрудничеством. США недовольны растущей международной активностью Китая, а также его экономической экспансией как вблизи, так и вдалеке от собственных границ, например, в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке, позицией Китая по глобальному потеплению, где он позиционирует себя как лидер развивающихся стран, стремящихся переложить всю ответственность за изменения климата на развитый мир. Однако, пожалуй, наибольшее разочарование в Вашингтоне и европейских столицах вызывает упорное нежелание Пекина идти на повышение курса юаня. Заниженный курс китайской валюты рассматривается в США и Западной Европе как скрытое субсидирование экспорта, что способствует росту и без того огромного внешнеторгового дефицита большинства стран Запада с Китаем. Не удовлетворены в США и позицией Китая по ряду региональных проблем, в частности по северокорейской ядерной проблеме. Как считают в Вашингтоне, Пекин проявляет недостаточную активность в оказании давления на Пхеньян. То же касается и иранской ядерной проблемы, по которой Пекин вместе с Москвой проводит линию на смягчение санкций, предлагаемых Западом. В последнее время в результате «перезагрузки» американско-российских отношений позиция Москвы по иранской ядерной проблеме сблизилась с американской. В Пекине же стремятся либо вообще не применять санкции, либо смягчать их, выхолащивая содержание.

Такую позицию Китая часто объясняют коммерческими интересами Пекина в Иране и потребностью в импорте иранской нефти. Иран действительно является одним из крупнейших экспортеров нефти в Китай. Растущие потребности Китая в энергоносителях, вызванные беспрецедентным экономическим ростом, и его огромные валютные резервы требуют хороших отношений с Тегераном, обладающим вторыми в мире запасами нефти и остро нуждающимся в инвестициях для их разработки. Мощные китайские государственные нефтяные и газовые компании заняты в крупных проектах на территории Ирана и приобрели значительные доли в некоторых из них. Однако дело не только в экономических интересах, но и в политических, как их видят нынешние пекинские лидеры.

Казалось бы, Китай как ядерное государство, обладающее сравнительно небольшим количеством ядерных зарядов, должен проявлять особенное беспокойство по поводу распространения ОМУ, так как это серьезно девальвирует его относительную ядерную мощь, причем в гораздо большей степени, чем, например, мощь США и России, где ядерных боеголовок на порядок больше. Более того, поддержка Ираном исламских экстремистов также должна вызывать озабоченность Китая, где в Синьцзяне остро стоит проблема радикального исламизма, дающего идеологическую основу сепаратизму и терроризму. Однако подобные чисто геополитические расчеты пока не определяют политику Пекина. Здесь гораздо большую роль играют идеология и основанные на ней иные политические расчеты.

Хорошие отношения с Ираном укрепляют позиции Пекина при обострении разногласий с США, увеличивая тем самым стратегический вес Китая. Для авторитарного Китая иранский режим мулл вовсе не политический антагонист, а лишь одна из национальных форм правлений стран «третьего мира», лидером которого позиционирует себя Пекин, не лучше и не хуже многих других. Более того, Китай как государство, ранее подвергавшееся воздействию санкций,

как и Иран, относится к ним с большой настороженностью, усматривая в них стремление Запада оказать давление с целью сменить политический режим.

Вероятно, по тем же причинам в Китае оказывают лишь весьма мягкое давление на своего традиционного союзника — КНДР, открыто провозгласившую себя ядерным государством. Ведь даже ядерные испытания в Индии, с которой у Пекина крайне сложные отношения, не вызвали у него жесткой реакции. Китай ограничился словесным осуждением и, в качестве ответа, фактически не возражал против проведения ядерных испытаний соседним Пакистаном. Что уж говорить об Иране, который провозглашает свою ядерную программу исключительно мирной, во что в Китае предпочитают верить, уверяя себя, что Иран вряд ли сможет создать ядерное оружие в ближайшее время, поэтому с ним не стоит ссориться.

В Пекине также проявляют недовольство по поводу политики Вашингтона по целому ряду вопросов. Кроме продолжающегося военно-технического сотрудничества с Тайванем, это и давление на Пекин по экономическим вопросам, и «вмешательство во внутренние дела» Китая по вопросу соблюдения прав человека, и встреча Б. Обамы с Далай-ламой, которого в Пекине считают «сепаратистом».

Все эти разногласия существовали и раньше, но, тем не менее, после избрания президентом Б. Обамы обе стороны демонстрировали заинтересованность в конструктивном диалоге и не заостряли на них внимания. Почему же вскоре разногласия вышли на первый план? В большой степени это связано с внутривнутриполитическими причинами в обеих странах.

Партнерство с Китаем, как и с другими странами, в США видели в довольно своеобразном свете. По мнению Вашингтона, словесное выражение дружбы должно было побудить Пекин к ряду уступок, в то время как сам Вашингтон не был готов идти ему навстречу. Поэтому официальный визит Б. Обамы в Китай в ноябре 2009 г. не принес желаемых для Вашингтона результатов. В Пекине отказались идти на односторонние уступки. Это усилило позиции тех групп США, которые традиционно выступают против американско-китайского сближения. Это и сторонники традиционных для США союзов из правого лагеря, и борцы за права человека, и представители военно-промышленного комплекса, получающие выгоду от продаж оружия в другие страны. Под их давлением и столкнувшись с упорством китайской администрации, пришлось изменить позицию в сторону большей жесткости. В результате, по словам известного американского специалиста по Китаю Д. Шамбо, время от государственного визита Б. Обамы в Китай в ноябре 2009 г. до начала 2011 г. было «вероятно, худшим периодом за два десятилетия отношений после инцидента на площади Тяньаньмэнь в 1989 году».

Во время визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в США в январе 2011 г., по словам Д. Шамбо, «обе стороны воспользовались случаем для «перезагрузки» тона отношений». Американский эксперт выразил надежду, что новый тон может привести к реальному сотрудничеству, но тут же отметил, что основные противоречия в обозримом будущем не исчезнут, так как «в обеих странах существуют мощные бюрократические группировки, которые сохраняют недоверие друг к другу с огромными бюджетами, предназначенными для финансирования противодействия друг другу. Различия в политических ценностях и системах — барьер в отношениях, взрывоопасный национализм в Китае остается непредсказуемым,

экономический протекционизм, выражающийся в низком курсе жэньминьби¹² и недостаточной конкуренции, не исчезает, стратегические цели двух стран в Азии совпадают лишь частично, а китайская военная модернизация продолжает менять региональный баланс сил. Взгляды на мир каждой из сторон различны, а глобальные интересы все в большей степени конкурируют друг с другом»¹³.

Анализируя причины нестабильности в отношениях, необходимо сказать, что она касается отношений между Пекином и Москвой. Хотя в современном многополюсном мире уже нет необходимости говорить об отношениях в треугольнике Вашингтон—Москва—Пекин, определявшем мировую ситуацию в 70—80-е годы XX в., глобализация ведет еще к большей взаимозависимости в международных отношениях. Конечно, российско-китайские отношения гораздо стабильнее американско-китайских. Между Москвой и Пекином нет особых политических противоречий, разветвленный механизм сотрудничества имеет под собой твердую основу совпадающих интересов. Однако сегодня уже не стоит и исходить из того, что любое ухудшение отношений между двумя углами треугольника обязательно на руку третьей. Действительно, многие китайские опасения относительно внешнеполитических амбиций США разделяет и Россия. Но с другой стороны, рост «самоуверенности» политики Китая, в случае, если он будет происходить на основе национализма, может затронуть не только интересы США, но и в первую очередь китайских соседей, в том числе и Россию.

Китай и Россия

Две трети территории России лежит в Азии, но согласно опросам общественного мнения, ее жители, даже с побережья Тихого океана и китайской границы, ощущают себя европейцами¹⁴. Большинство россиян — действительно европейцы, чья судьба и история забросили на азиатский континент. Но раз забросили, нужно делать выводы. Не в смысле экзотических евразийских теорий об азиатской сущности россиян, а в том смысле, что от отношений с азиатскими соседями, от подхода к ним во многом зависит будущее страны.

Россияне не первые, кто столкнулся с необходимостью пройти подобный путь изменения чисто европейского сознания. Ранее его пришлось проделать целому ряду стран и народов: еще в XIX веке бывшие испанцы, попавшие в Латинскую Америку, должны были свыкнуться с тем, что они — часть жизни этого континента, в XX в. белому южноафриканскому меньшинству надо было привыкать, что их страна находится на африканском континенте со всеми его проблемами, а австралийцам и новозеландцам — к тому, что их страны далеко от Европы и гораздо ближе к Азии, с государствами которой необходимо вести основное экономическое сотрудничество. Такое изменение сознания вовсе не означало отказа от таких «европейских ценностей», как демократия и права человека, и не навязывало культурную и даже военно-политическую ориентацию на Запад, но подразумевало признание необходимости быть не активным членом

¹² Китайский юань.

¹³ *Shambaugh David*. US-Chinese Relations Take a New Direction? Part I. YaleGlobal. 24 January 2011 (<http://yaleglobal.yale.edu/content/us-chinese-relations-new-direction-part-i>).

¹⁴ См.: *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: С. 312—322.

западного клуба, а скорее представлять «западные» ценности на других континентах, способствовать их распространению, одновременно активно интегрируясь экономически в свои регионы.

Китай для России — важнейший из азиатских соседей. Его значение определяется и масштабами, и протяженностью общей границы, и возможным влиянием на будущее развитие России, в особенности ее восточной части. Сегодня российско-китайские отношения находятся на пике своего развития. Их новый уровень был закреплён в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. В двустороннем плане между Россией и Китаем не существует проблем, подобных тем, что мешают отношениям Москвы с другими странами региона: ни территориальных (как с Японией), ни политических (как с КНДР). Проблемы пограничного разграничения на всей протяженности границы, долгие годы остававшиеся причиной разногласий, полностью решены на основе принципов международного права. Выстроен стройный механизм двусторонних связей от ежегодных официальных встреч лидеров двух стран до контактов на региональном и муниципальном уровнях.

Официально признано, что Россию и Китай связывают «отношения стратегического партнерства и взаимодействия». Эта и подобные формулировки не пустой звук или следствие амбиций лидеров. Российско-китайское сотрудничество основано на реальных национальных интересах двух стран.

И Россия, и Китай крайне заинтересованы в сотрудничестве на международной арене. Китай разделяет российский взгляд на будущее устройство мира, которое выражено понятием «многополярность». Реально это означает, что обе страны хотели бы видеть мир, в котором не доминирует одна сила, а несколько центров влияния взаимодействуют между собой, руководствуясь международным правом и уставом ООН. За идеалом «многополярности» скрывается простая реальность — Россия и Китай, так же как и некоторые другие государства мира, достаточно велики, чтобы иметь собственные интересы и подходы к проблемам регионального и мирового развития. Мир, в котором полностью доминирует одна сила, не учитывающая их интересы, их не устраивает. Но их вполне устраивает послевоенная структура мира и сложившаяся система международного права, в рамках которой высшим авторитетом является Совет Безопасности ООН. Статус постоянных членов Совета Безопасности ставит их в равное положение с США, государством во всех других отношениях более мощным и, естественно, стремящимся эту сковывающую его систему видоизменить.

И Россия, и Китай по внутренним причинам отрицательно относятся к советам извне относительно своего внутривнутриполитического устройства, называя их «вмешательством во внутренние дела», а также поддерживают друг друга в борьбе с сепаратизмом (Россия поддерживает Китай по тайваньскому, тибетскому и синьцзянскому вопросам, а Китай Россию — по чеченскому). Именно поэтому Россия и Китай все последние годы выступают за сохранение принципов международного права и статуса ООН, координируют голосование в ООН по основным мировым проблемам, выступают с единой позицией на переговорах по Ирану, Южной Корее, Косову, многим другим острым вопросам мировой политики. В этом смысле и Россия, и Китай являются скорее консервативной силой в современной системе международных отношений, в то время как США — революционной (эта тенденция особенно явно

была видна в период пребывания у власти республиканской администрации Дж. Буша-младшего).

В то же время и в Москве, и в Пекине прекрасно понимают значение конструктивных партнерских отношений с Западом, которые крайне необходимы обеим странам как для обеспечения целей укрепления своего положения на международной арене, решения важных международных задач (например, в области нераспространения ОМУ), так и задач экономического развития. Именно поэтому и в Москве, и в Пекине выступают против создания антизападного военного союза. Таким образом, тесные конструктивные отношения сотрудничества, не впадающие в такие крайности, как враждебность, так и союзничество, полностью соответствуют интересам России и Китая.

Характер нового российско-китайского стратегического сотрудничества хорошо (хотя и в традиционном китайском стиле) определил заместитель генерального секретаря Китайского общества военных наук генерал-майор Ло Юань: «Китайско-российское партнерство — это союз интересов, союз морали и справедливости, направленный против гегемонизма. Он не похож на союз времен «холодной войны», созданный в условиях конфронтации между Востоком и Западом. Внем нет главных и подчиненных, но есть только общие интересы. Когда интересы совпадают, мы можем принимать общие меры, когда не совпадают — мы занимаем разные позиции. Поэтому это довольно свободный союз, все оценивается с точки зрения государственного суверенитета и национальных интересов»¹⁵.

Зачем Китай России?

Хорошие отношения с Китаем нужны России как по политическим, так и по экономическим причинам. Китай — важный стратегический партнер России, именно благодаря связям с ним (как и другими странами Азии) российская политика способна стать менее односторонней, приобрести собственное лицо, а Россия — превратиться в один из центров мирового влияния. Тот, кто хочет видеть Россию более самостоятельной и мощной, должен поддерживать развитие ее отношений с Китаем, конечно, не доводя дела до военного союза, которого не хочет и сам Китай, так же как и Россия, заинтересованный в тесном сотрудничестве с другими государствами, прежде всего Западом. Китай — один из важнейших экономических партнеров России, сотрудничество с ним необходимо для развития Сибири и Дальнего Востока. Китай — важный региональный партнер России, в рамках Шанхайской организации сотрудничества он совместно с нашей страной способствует решению общих задач в Центральной Азии — борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, поддержанию там светских режимов, экономическому и социальному развитию государств региона.

Новая тема российско-китайского партнерства, возникшая как реакция на мировой экономический кризис конца первого десятилетия XX в., — стремление реформировать международную финансовую систему, сделать более справедливой систему управления МВФ и Мировым банком, искать альтернативу доллару

¹⁵ 罗援：中俄联手是形势所迫，目前尚不足以遏制美国霸权（Ло Юань：Российско-китайское сотрудничество диктуется обстановкой, но в настоящее время его недостаточно, чтобы сдерживать гегемонизм США）。2012年02月14日(<http://military.people.com.cn/GB/17111297.html>)。

как мировой валюте. Здесь Китай полностью поддерживает предложения и цели России.

Большое значение имеет сотрудничество с Китаем в новой, динамичной группе БРИКС. Как единственная участница и «группы восьми», и БРИКС, Россия находится в особо выгодном положении. Ее сотрудничество с Западом быстро и конструктивно развивается, и речь идет не о занятии ею антизападной позиции «одионого плавания». Напротив, Россия, играя активную роль в обеих группах, может стать мостом между миром западным и незападным, развитым и развивающимся. К этому ее зовет ее географическое положение, смешанная культура, многонациональное население и современная геополитическая реальность. А для того чтобы играть эту роль, тесное взаимодействие с Китаем, как одним из лидеров незападного мира, крайне необходимо. В целом сотрудничество с Китаем по широкому спектру направлений объективно усиливает позиции России на международной арене в качестве независимого центра силы.

Как справедливо отметил В.В. Путин, «китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка. Будем продолжать оказывать друг другу поддержку на международной арене, сообща решать острые региональные и глобальные проблемы, наращивать взаимодействие в Совете Безопасности ООН, БРИКС, ШОС, «двадцатке» и других многосторонних механизмах»¹⁶.

Зачем Китаю Россия?

Россия также нужна Китаю и как геополитический, и как экономический партнер, хотя следует признать, что Россия в ее нынешнем состоянии играет в китайской политике гораздо меньшую роль, чем Китай в российской. Тем не менее, по ряду причин Китай заинтересован в стабильной и сильной (хотя, возможно, и не слишком мощной) России. Стабильная Россия, способная стать независимым центром силы, интересует Пекин как определенный противовес в его сложных партнерско-конкурентных отношениях с США и Западной Европой, как один из гарантов проведения им «независимой и самостоятельной» внешней политики. Стабильная ситуация на границе с Россией, так же как и с другими соседями, важна для экономического развития Китая, т.е. для осуществления основной цели, поставленной нынешним руководством страны. Наконец, Россия для Китая является важнейшим источником некоторых товаров, которые он не может приобрести у других стран либо вообще (например, вооружение), либо в достаточном количестве (например, нефть, лес и другие виды сырья). Именно поэтому Пекин все последние годы настойчиво и конструктивно подходит к решению проблем — пограничных, миграции и двусторонней торговли. Китай хотел бы видеть Россию стабильной и экономически развитой, он готов конструктивно содействовать развитию приграничных российских регионов, и российские опасения относительно его намерений в сочетании с бездействием в решении собственных проблем ему непонятны.

¹⁶ Путин В.В. Россия и меняющийся мир. «Московские новости». 27.02.2012 (<http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>).

Проблемы реальные и мнимые. Миф о демографической экспансии

Уже более полутора десятилетий в России, то усиливаясь, то затухая, идут разговоры об угрозе китайской «демографической экспансии». Газеты пишут о переселившихся в Россию то ли сотнях тысяч, то ли миллионах китайских мигрантов; о том, что китайское руководство якобы такое переселение поощряет, вынашивая планы заселения российских территорий и последующего их захвата; что Китай субсидирует выезд своих граждан в Россию; что китайская мафия, также руководимая из Пекина, контролирует Россию; что Китай овладевает нашими стратегическими ресурсами, вооружается современным российским оружием, с тем чтобы потом применить их против России.

Такое представление распространяется не только на российском Дальнем Востоке, но и в Москве. В 2003 г. СМИ заполнились рассказом бывшего тогда председателем комитета Государственной Думы по международным делам Д.О. Рогозина о некоей дальневосточной пенсионерке, якобы фиктивно вышедшей замуж за 84 китайцев, чтобы те получили российское гражданство¹⁷. В 2006 г. его бывший соратник по партии экономист М.Г. Делягин собрал «круглый стол», на котором сообщил, что Китай провел маневры в России, и в связи с этим нужно срочно вооружаться на Дальнем Востоке. Он же утверждал, что, даже по сомнительным данным переписи 2002 г., в России проживает 300 тыс. китайцев, а реально то ли 2, то ли 3 миллиона (действительные данные переписи — 34 577 человек)¹⁸. Но превзошел всех советник председателя Конституционного суда В.С. Овчинский, выпустивший целый труд, основное содержание которого сводится к тому, что китайская мафия уже контролирует большинство стран мира и близка к полному захвату России. И эти примеры можно продолжить¹⁹.

Несмотря на очевидное несоответствие действительности, страшные рассказы о китайском нашествии популярны в обществе и некоторых политических кругах как «либеральных», так и «патриотических». В исследовательском сообществе сложилась своеобразная «антикитайская фоменковщина» — серьезные исследователи и эксперты, занимающиеся Китаем, не всегда находят время отвечать на каждую нелепицу, а при этом существуют люди, распространяющие бездоказательные утверждения, цитирующие друг друга, выдающие нелепости за общеизвестные факты и, тем не менее, пользующиеся определенным доверием в обществе.

Одна из причин — отсутствие точной информации о том, сколько в России китайцев, как, впрочем, и представителей других национальностей. Государственные органы, отвечающие за миграцию и правопорядок, пока не располагают такими данными, а меньше всего знакомы с ситуацией те, кто обязан владеть ею по должности, — правоохранительные органы.

¹⁷ Угрожает ли России китайское нашествие? // Комсомольская правда. 11 ноября 2003 г. (<http://omsk.kp.ru/daily/23153/24559/>).

¹⁸ Китай в XXI веке: стратегический партнер или стратегическая угроза? / Стенограмма дискуссионного клуба «Модернизация России: Новый вектор», заседание 17-е (17 окт. 2006) (<http://www.viperson.ru/wind.php?ID=263119&soch=1>).

¹⁹ *Синь Янь, Яблоков Н.П.* Борьба с мафией в Китае; *Овчинский В.С.* Мафия XXI века: сделано в Китае. М.: Норма, 2006.

Представляется, что данные переписи близки к реальным цифрам: в нашей стране постоянно проживают максимум несколько десятков тысяч китайцев — никак не сотни тысяч и тем более не миллионы. Между прочим, по данным той же переписи 2002 г., в России корейцев больше, чем китайцев, в пять раз, таджиков — в четыре раза, поляков — в два раза, а финнов примерно столько же.

Совершенно естественно, что в каждый данный момент в России находится значительное количество китайцев, а в Китае — россиян, поскольку Россия и Китай — дружественные соседние страны, экономическое сотрудничество между которыми растет год от года. По данным ФМС России, приведенным главой этой службы К.О. Ромодановским на совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах, прошедшем 3 июля 2010 г. в Благовещенске, на тот период на территории России одновременно находилось 248 тысяч граждан КНР, из них около 86 тысяч на Дальнем Востоке. Отвечая на вопрос проводившего совещание Д.А. Медведева, К.О. Ромодановский отметил, что эти данные могут не учитывать лишь тех, кто въехал в Россию до конца 2008 г. и оставался на нелегальном положении. Но таких лиц не может быть очень много. Оценивая состояние китайской миграции, глава ФМС отметил: «Я не вижу здесь никаких страшных моментов, угрожающих Российской Федерации. Этим нужно просто постоянно и эффективно заниматься... Мы ситуацию контролируем, она ясна и понятна»²⁰. Эти официальные цифры не противоречат данным переписи, так как в них, кроме постоянно проживающих, входят все одновременно находящиеся в стране, в том числе туристы, бизнесмены и лица, приехавшие с частными визитами.

Из тех китайцев, которых можно встретить на улицах Москвы, Новосибирска, Хабаровска или Владивостока (по сравнению с другими крупными городами мира их число относительно невелико), практически никто не попал в Россию в результате незаконного перехода российско-китайской границы, хорошо охраняемой еще с советских времен; никто из них не переплыл Амура и не пришел окольными тропами по Уссурийской тайге (в этом большое отличие от эмиграции в государства ЕС из Африки и от эмиграции в Россию из стран СНГ, когда границу многие пересекают незаконно в связи с тем, что она плохо охраняется или не охраняется вовсе).

Китайцы в России

Китайцев в России можно разделить на несколько групп. Во-первых, это туристы, приехавшие на короткий срок. В результате успешных экономических реформ в Китае появилось довольно много состоятельных граждан, и, естественно, многие жители Поднебесной захотели посмотреть мир.

При туристических поездках чаще всего используется коллективная виза (все члены группы въезжают и выезжают одновременно)²¹. По таким визам въезжают около 50% всех китайцев, прибывающих в Россию. Срок пребывания по такому

²⁰ Стенографический отчет о совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах. 3 июля 2010 года, 10:40, Благовещенск (<http://pda.kremlin.ru/transcripts/8278>).

²¹ См.: Турпоездка в Китай подогревается «Годом Китая» в России (http://www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/rcc/info/Article.jsp?col_no=713&a_no=68095).

документу ранее был до 30 дней, но в 2006 г. он был сокращен до 15. В начале 90-х годов XX в. участники таких групп, случалось, не возвращались в срок, но сегодня эта проблема практически решена: строгие санкции в отношении турагентств привели к тому, что с 1997 г. процент выехавших вовремя не опускался ниже 98 (это не означает, что два процента остаются; большинство из тех, кто по какой-то причине отстал от группы, выезжают позднее).

Китай занимает одно из первых мест по количеству туристов, ежегодно приезжающих в Россию. Однако поток китайских туристов, по сравнению с серединой первого десятилетия нового века, уменьшился. Это связано с дороговизной российского сервиса, неразвитостью туристической инфраструктуры, низким уровнем правопорядка, в результате чего все больше китайских туристов стали предпочитать поездки в другие страны Европы, которые к тому времени получили статус стран, разрешенных для посещения.

Таблица 7.2

**Въезд иностранных туристов в Россию в 2003–2010 гг.
Пять основных стран (поездки)**

№	Страна	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003
1	Германия	347 214	333 892	332 822	345 708	328 583	313 547	351 099	288 551
2	Китай	158 061	115 870	127 155	129 749	157 361	204 192	283 839	203 264
3	Финляндия	139 216	149 884	142 017	153 139	148 153	175 557	242 816	242 075
4	США	162 383	183 293	185 888	172 356	224 970	156 737	181 721	125 553
5	Польша	25 616	26 358	32 919	42 932	234 073	133 096	353 986	956 188

Источник: Статистика выезда из России и въезда в Россию, 2002–2010 гг. (<http://profi.travel.ru/stats/inout.html>).

Для сравнения приведем данные о поездках российских туристов в Китай, которых туда ежегодно приезжает в несколько раз больше, чем в Россию китайцев. Это не случайно: КНР с ее развитой туристической индустрией, дешевыми гостиницами и высоким уровнем сервиса занимает одно из первых мест по туристической привлекательности для россиян, уступая лишь Турции и, в отдельные годы, Египту (см. табл. 7.3). Часть россиян, особенно жителей Дальнего Востока, используют туристические визы для поездок за покупками, но это не меняет сути дела.

Во-вторых, это рабочие, официально приглашаемые на строительные, сельскохозяйственные и другие работы по квотам субъектов федерации. Количество китайских контрактников последние годы составляло около 20 тыс. Значительная их часть трудится на Дальнем Востоке, однако последние годы все больше китайцев стало привлекаться для работы на объектах в Москве и других регионах европейской части России. Контрактники остаются в России на более длительный срок (до окончания контракта, обычно один год) и выезжают после его окончания.

**Выезд российских туристов за границу в 2002–2010 гг.,
пять основных стран (тыс. поездок)**

№ в 2010 г.	№ в 2009 г.	№ в 2008 г.	№ в 2007 г.	№ в 2002 г.	Страна	2010*	2009*	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002
1	1	1	1	1	Турция	2367,6	1966,7	2212,8	1923,4	1475,6	1562,7	1445,9	1038,6	690,1
3	3	2	2	3	Китай	1440,4	999,2	2059,3	1651,8	1307,0	1151,6	941,0	687,5	617,1
4	4	4	4	5	Финляндия	709,0	556,3	666,9	657,1	562,6	391,3	377,1	327,3	406,2
2	2	3	3	6	Египет	2198,3	1615,4	1426,7	1255,4	902,8	695,7	586,4	368,4	239,7
5	5	8	10	8	Германия	470,8	363,3	330,3	231,3	225,7	231,1	256,0	278,1	209,0

Примечание: * предварительные данные Росстата.

Источник: Статистика выезда из России и въезда в Россию, 2002–2010 гг. (<http://profi.travel.ru/stats/inout.html>).

В-третьих, это бизнесмены. Большинство из них получают визы сроком до двух месяцев (ими пользуются около 45 проц. всех китайцев). Даже те из них, кто бывает в России регулярно и имеет в нашей стране бизнес или недвижимость, все равно вынуждены каждые месяц или два возвращаться в Китай для оформления новой визы. Визы на более длительный срок (до трех, шести месяцев или одного года) выдаются единицам.

В-четвертых, это студенты, некоторые из которых в действительности занимаются бизнесом. Занятие деятельностью, отличной от предусмотренной визой, естественно, является нарушением, которое может наказываться вплоть до высылки из страны. Но, во-первых, это нарушение не приводит к оседанию нарушителей в России. По окончании срока действия визы им все равно приходится покидать Россию. Во-вторых, если и китайское правительство проявит здесь строгий подход, то ему придется наказывать десятки тысяч россиян, которые, приезжая в Китай по туристической визе, в действительности занимаются бизнесом.

Всего китайцев ежегодно в Россию въезжает 700–800 тыс. человек, причем это число последнее время не растет (2007 — 815 тыс.; 2008 — 765 тыс.; 2009 — 719 тыс.; 2010 — 747 тыс.). Все перечисленные группы трудно назвать иммигрантами в полном смысле, но это 90 проц. китайцев, находящихся в России. Настоящие (легальные) иммигранты — это те, кто получил вид на жительство или гражданство. Таких на российской территории довольно мало (те данные, которые получены в ходе переписи, вероятно, и есть суммарное количество китайцев, постоянно проживающих в России на законных основаниях). Это объясняется нежеланием большинства китайцев постоянно жить в России (согласно опросам, они считают российский климат неблагоприятным, жалуются на запутанность законодательства, враждебное отношение властей и населения, а также коррупцию). Большинство хочет заработать и вернуться в Китай, где для людей с деньгами жизнь сегодня гораздо комфортнее и спокойнее.

Таблица 7.4

**Число поездок иностранных граждан в Россию по целям в 2010 г.
(из стран дальнего зарубежья; тысяч)**

	Всего	в том числе по целям				
		служебная	туризм	частная	транзит	обслуживающий персонал ¹
Число поездок — всего	8 266	3 035	2 025	2 174	49	983
в том числе из стран:						
Финляндия	1 013	519	139	292	2	62
Эстония	475	342	35	65	2	31
Китай	747	203	158	258	1	126
Литва	759	377	23	282	1	77
Германия	611	167	347	51	11	35
Латвия	569	357	34	104	1	73
Польша	395	308	26	18	1	42
США	262	62	162	27	0,6	11
Великобритания	213	63	127	13	0,4	10
Италия	198	53	123	14	0,2	7

Источник: Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/lssWWW.exe/Stg/d1/10-13.htm).

Есть, конечно, и те, кто живет в России нелегально — без регистрации, просрочив визу, в вагончиках на рынках, в китайских общежитиях и на съемных квартирах, боясь выйти на улицу и встретить представителя власти. Но таких никак не сотни тысяч. К тому же их постоянно задерживают и высылают на родину. Присутствие китайцев вовсе не носит характера массовой миграции. Это совершенно нормальная ситуация для стран-соседей, просто многим россиянам, привыкшим к закрытой границе с Китаем, трудно приспособиться к новой ситуации.

Таким образом, страхи относительно Китая надуманны: никогда, даже в самые сложные годы советско-китайских отношений, на официальном уровне Китай не предъявлял нашей стране никаких официальных территориальных претензий, не существует никаких доказательств поощрения миграции в Россию со стороны китайских властей. Напротив, руководство Китая постоянно рекомендует своим гражданам, находящимся в нашей стране, как и в других странах, соблюдать местные законы и способствовать их экономическому развитию.

**Число поездок российских граждан за границу по целям в 2010 г.
(в страны дальнего зарубежья; тысяч)**

	Всего	в том числе по целям			
		служебная	туризм	частная	обслуживающий персонал ¹
Число поездок — всего	25 487	1 133	12 231	10 188	1 936
в том числе в страны:					
Финляндия	3 386	161	709	2077	439
Турция	3 012	37	2 368	466	141
Египет	2 540	7	2 198	226	109
Китай	2 284	353	1 440	295	195
Эстония	1 495	25	12	1404	54
Германия	1 002	105	471	368	59
Литва	714	41	58	497	118
Италия	583	21	451	77	34
Испания	518	9	411	70	27
Греция	485	3	387	67	28

Источник: Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/lssWWW.exe/Stg/d1/10-14.htm).

Говоря о китайцах в России, нельзя не коснуться того, что в Китае тоже немало россиян. Ежегодно их приезжает в Китай в 3—4 раза больше, чем китайцев в Россию (см. табл. 7.5). Приграничные китайские города наполнены российскими туристами и торговцами, некоторые из которых там живут постоянно или приезжают по несколько раз в месяц. По сообщениям печати, в приграничные китайские города Хэйхэ, Суйфэньхэ и другие переезжают многие россияне из соседних российских городов, в частности пенсионеры: жилье там стоит в два-три раза дешевле, качество его лучше, а после продажи квартиры в России у пожилого россиянина останется еще значительная прибавка к пенсии, да и до родных мест недалеко. Китайские курорты Далянь, Бэйдайхэ и даже отдаленный остров Хайнань превратились в русские анклавы: россияне владеют там ресторанами, магазинами, клубами, турфирмами, квартирами и коттеджами. В центре Пекина на знаменитом оптовом рынке Ябаолу все торговцы говорят по-русски, а россиянам принадлежит несколько ресторанов, гостиниц и десятки транспортных предприятий. Большинство крупных российских компаний открыли в Китае свои представительства. Только в одной русскоязычной социальной сети «В контакте» зарегистрировано около 100 тыс. пользователей, находящихся в Китае. И хотя не все из них россияне (есть и граждане других стран СНГ, и знающие русский язык китайцы), россиян, конечно, большинство, и цифра впечатляет. Так что китайцы могли бы по меньшей мере с тем же основанием беспокоиться об угрозе россий-

ского нашествия. Но они предпочитают использовать деньги российских гостей для развития экономики и строительства новых городов и создают условия для того, чтобы из России приезжало как можно больше туристов.

Антикитайские чувства в России имеют давнюю историю. Сегодня у них есть как психологические, так и политические причины. Как показано в предыдущих главах этой книги, были времена, когда китайцев в России было действительно много. В начале XX в. китайцы составляли треть населения Владивостока; там, а также в Хабаровске действовали специальные подразделения полиции, укомплектованные китайцами. Тогда в России впервые возник страх перед китайским «демографическим нашествием». Но сегодня чувства не связаны с реальными цифрами. На Дальнем Востоке неприязненное отношение к китайцам отражает недовольство населения политикой федерального центра, который, как там считают, бросил этот регион на произвол судьбы перед лицом быстро развивающегося южного соседа. По крайней мере, в 90-е годы XX в. антикитайские настроения активно подогревались администрациями некоторых приграничных регионов, стремившихся свалить неспособность улучшить жизнь населения на Москву и на китайцев, которые якобы все украли и заняли все рабочие места.

В европейской России действуют иные механизмы. Антикитайские настроения порой подогреваются некоторыми представителями правоохранительных органов, стремящимися, как и региональные власти, отвлечь внимание от собственной некомпетентности, а также политики, пытающиеся заработать очки на национализме или радикальном «западничестве». Не случайно и то, что волна разговоров о китайской угрозе поднимается всякий раз, когда серьезные китайские компании делают России выгодные предложения. Так случилось в конце 2002 г., когда Китайская национальная нефтяная корпорация (КННК) предлагала купить российскую часть «Славнефти». Тогда в мощную и хорошо организованную кампанию под лозунгом «не отдадим стратегические ресурсы иностранцам, тем более китайцам» включились и Б.Е. Немцов²², и традиционные «патриоты», и Госдума в целом. В результате «Славнефть» попала в руки «своих» — «Сибнефти» и ТНК, а бюджет недосчитался 1–2 млрд долларов.

Следующий всплеск кампании приходится на вторую половину 2006 г. Именно тогда Россия приняла окончательное решение относительно маршрута будущего нефтепровода из Сибири к Тихоокеанскому побережью с ответвлением в Китай, а «Роснефть» и КННК подписали соглашение о создании СП «Восток-Энерджи», которое, в частности, должно было заниматься совместной разведкой и разработкой нефтяных месторождений на российской территории, строительством нефтеперерабатывающих мощностей и продажей их продукции в Китай. Речь шла о крупных инвестициях и серьезной попытке диверсификации поставок российских энергоносителей, что, естественно, многим не понравилось. Прежде всего этим были недовольны многие международные корпорации, которые до недавнего времени играли доминирующую роль на российском рынке, а также некоторые западные политики, стремящиеся навязать российскому энергетическому комплексу свои условия, пользуясь тем, что практически все российские трубопроводы до этого шли в западном направлении.

²² Явлинский Г., Немцов Б. Радио «Свобода». 02.01.2003 (<http://www.yavlinsky.ru/news/index.php?id=873>).

Закрытие в 2009 г. Черкизовского рынка в Москве вызвало новый всплеск статей и разговоров об огромном числе китайских нелегалов в России. Какое-то количество на рынке их действительно было, кто-то просрочил визу, кто-то «отстал» от туристической группы. Но большинство китайских торговцев использовали там законно выданные российские визы, а если и занимались торговлей контрабандным товаром, то это — вопрос не миграции, а несовершенства российского законодательства и коррупции в правоохранительных органах. К тому же на рынке работали отнюдь не только китайцы.

Складывается впечатление, что не последнюю роль в раздувании мифа о «китайской угрозе» играют экономическое лоббирование и борьба политико-экономических группировок, представляющих интересы крупных энергетических компаний. В более широком плане антикитайская кампания, по сути, идет на пользу неэффективным российским руководителям, отвлекая внимание населения от реальных проблем страны и неспособности властей с ними справиться.

Отношения между Россией и Китаем действительно отягощены рядом проблем, только проблемы эти — скорее российские, чем китайские. Коррупция на российской таможне позволяет китайским фирмам скупать за бесценок российский лес и использовать «серые» и «черные» схемы для ввоза товаров. Взяточничество в органах внутренних дел, где закрывают глаза на несоблюдение правил регистрации, позволяет китайским гражданам (как, впрочем, и гражданам других государств) обходить российское законодательство. Мафия (не китайская, а российская) действительно контролирует рынки, на которых работают китайцы, и общежития, где они живут. Депопуляция России действительно происходит, а в приграничных с Китаем территориях идет ускоренными темпами, что вызывает нехватку рабочих рук. При этом китайцы действуют по тем правилам, которые им предложены, и если россияне не могут их изменить, то следует говорить не о китайской, а о российской угрозе. Не Китай угрожает России, а те российские власти, которые не хотят или не могут решать проблемы страны, и недостаточно активное население, которое не стремится исправить положение дел.

Миф о китайской угрозе в сочетании с неэффективностью как региональных, так и федеральных властей серьезно сдерживает развитие российских Сибири и Дальнего Востока. Достаточно проехать вдоль российско-китайской границы, чтобы увидеть, что на месте небольших деревушек с китайской стороны за последние двадцать лет выросли современные города, а с российской — ситуация по сравнению с советским временем стала только хуже. Если в ближайшее время российский подход к развитию восточных регионов страны и возможной роли Китая (как и других государств региона) в этом процессе коренным образом не изменится, Россия упустит историческую возможность, которая открылась благодаря китайскому экономическому чуду. Неспособность создать в Сибири и на Дальнем Востоке благоприятные условия для жизни и труда людей и таким образом остановить отток населения действительно грозит потерей этих регионов, потому что, как говорил П.А. Столыпин в связи с той же проблемой, «природа не терпит пустоты»²³.

²³ Столыпин П.А. Речи в Государственной Думе (1906–1911). Пг.: Типография МВД, 1916. С. 132–133.

Миф о российско-китайской борьбе за сферы влияния в Центральной Азии

Одна из довольно распространенных как в России, так и за рубежом теорий — постулат о неизбежности российско-китайского соперничества за сферы влияния в Центральной Азии. Появившись на Западе с легкой руки политологов-геополитиков типа Зб. Бжезинского или С. Хантингтона, строящих абстрактные схемы типа «шахматных досок», «больших игр» и «борьбы цивилизаций», они получили довольно широкое распространение в научных кругах на постсоветском пространстве. Популярность подобных идей в США, где, кстати, вовсе не являются доминирующими, можно объяснить стремлением антироссийски и антикитайски настроенных консерваторов выдать желаемое за действительное: по их понятиям, конфликты и борьба между Москвой и Пекином были бы Вашингтону на руку. Что касается постсоветского пространства, то здесь распространенность идеи неизбежного российско-китайского соперничества частично основана на ученическом пиетете к западным теориям, частично — на политических подходах. В России, в частности, об опасности Китая обычно говорят крайние «западники», желая тем самым стимулировать ориентацию на США и Европу, а также крайние националисты, считающие, что России угрожают все на свете, в том числе и Китай.

Теория российско-китайского соперничества в Центральной Азии (ЦА) принимает различные формы. Одна из них — сомнения в выгодности для России участия в Шанхайской организации сотрудничества, которая рассматривается как некий китайский проект по подчинению России интересам Пекина. Ряд российских экспертов утверждал, что в ШОС якобы доминирует КНР, которая решает в рамках организации свои стратегические задачи за счет партнеров, прежде всего России. Так, сотрудник Института Дальнего Востока РАН Ю.М. Галенович писал, что соглашения о мерах доверия для КНР — «шаг по пути осуществления ее стратегии восстановления так называемой исторической справедливости, “возрождения нации чжунхуа”, что предполагало возвращение в состав Китая как якобы когда-то отторгнутых у него территорий, так и частей ныне разделенных национальных общностей, которые, с точки зрения Пекина, являются насильственно разорванными частями китайской нации»²⁴.

Исходя из такого понимания китайской стратегии, Ю.М. Галенович заключает: «В условиях подавляющего преимущества Пекина в обычных вооружениях, в обычных вооруженных силах, в потенциальной численности армии, в условиях, когда наша страна ослаблена, это выгодно только Пекину»²⁵. Он утверждает, что китайский подход к переговорам с Россией в данном вопросе — это «ультиматум врагу, побежденному в войне», «месть за выдуманное прошлое», «упорное следование тезису об угрозе, которая якобы всегда существовала со стороны нашей страны континентальному Китаю», и делает вывод, что, согласившись на ограничение войск в приграничной зоне глубиной в 100 км, Россия пошла на «ущемление своего суверенитета, причем в сфере обороны, и допустила инспекции иностранцев, представителей армии соседнего государства»²⁶.

²⁴ Галенович Ю.М. Москва—Пекин, Москва—Тайбэй. М.: Изографус, 2002. С. 130.

²⁵ Там же. С. 134.

²⁶ Там же. С. 141.

Профессор Института стран Азии и Африки МГУ В.Г. Гельбрас также отмечал, что для Китая «добрососедство», «сотрудничество» стали синонимами согласия с «игрой в одни ворота»²⁷. Он писал: «Россия входит в число исторических обидчиков китайской нации. И Пекин занял активную наступательную позицию в отношении Москвы, последовательно и предельно настойчиво добиваясь от нее все новых и новых уступок»²⁸. Создание ШОС, в которой Китай занял «руководящие позиции», В.Г. Гельбрас рассматривает как пример успеха этого «добрососедского» и «дружеского» натиска: «Например, образование Шанхайской организации сотрудничества, чуть ли не воспетой всеми ее участниками, на деле означает, что Россия и ее партнеры по СНГ публично политически признали расширение сферы жизненных интересов Китая на всю Центральную Азию. Тем самым объективно они внесли посильный вклад в «великое возрождение нации Китая». В.Г. Гельбрас утверждал, что «для недоверия к Китаю основания искать не приходится», и что «с первых же дней существования ШОС для отношений стран-участниц характерно отсутствие взаимного доверия», в качестве доказательства чего он приводит создание Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)²⁹.

Анализируя российский подход к Центральной Азии, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН В.В. Михеев отмечает, что на политику Москвы в этом регионе в значительной степени влияет китайский фактор. При этом КНР рассматривается Россией и как «политическая карта», которую можно разыгрывать для ограничения влияния США в ЦА, и как конкурент в борьбе за политическое доминирование в ЦА, который к тому же стремится ослабить российский контроль над энергоресурсами этого региона. По мнению В.В. Михеева, поскольку эти устремления к лидерству в ЦА Китай реализует, в том числе, и за счет укрепления своих позиций в ШОС, России в своей политике в регионе приходится делать ставку не на ШОС, а на ОДКБ и ЕврАзЭС, в которых КНР не присутствует. По этой же причине, полагает автор, России не выгодно укрепление ШОС в ущерб повышению конкурентоспособности стран Северной Евразии через их участие в ЕврАзЭС и ОДКБ. По его мнению, в Москве складывается «понимание того, что в дальнейшем российско-китайские отношения в ШОС будут приобретать все более сложный характер» и «формируется потребность видеть основные вызовы и угрозы, исходящие от Китая России и ШОС»³⁰. Далее исследователь приводит список российских опасений по поводу роли Китая в ШОС. Как он отмечает, в России считают (при этом не уточняется, кто именно), что не все китайское руководство позитивно настроено в плане сотрудничества с РФ в ШОС, что у двух стран есть расхождения в стратегии развития этой организации, что Китай может использовать к своей выгоде трения в отношениях России со странами ЦА по вопросам освоения энергоресурсов данного региона³¹. Однако и в Пекине, поясняет В.В. Михеев, озабоченность вызывают попытки Москвы использовать ШОС для контроля поведения Китая в ЦА, растут сомнения в дееспособности этой организации и разочарование работой уже созданных органов ШОС³².

²⁷ Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной миграции. М.: Муравей, 2004. С. 25.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Там же. С. 24–25.

³⁰ Михеев В.В. Китай–Япония: Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО, 2009. С. 182.

³¹ Там же.

³² Михеев В.В. Китай–Япония: Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО, 2009. С. 202.

Вместе с тем, полагает автор, несмотря на «настороженность» России в отношении китайской активности в ЦА, «чем сильнее будет экономическое проникновение Китая в ЦА в рамках ШОС, тем больше собственных выгод в этом может увидеть российский бизнес и, в итоге, смягчить негативную первоначальную реакцию на китайскую активность»³³. В.В. Михеев считает вполне вероятным такой вариант развития ситуации в ЦА, при котором Россия и КНР сумеют договориться и объединить усилия для проведения «скоординированной и прозрачной политики развития Центральнoазиатского региона». «Стратегической задачей» он называет превращение Китая из фактора, порождающего проблемы, противодействие и «игры на противоречиях», в фактор «регионального соразвития»³⁴.

Вышеприведенные мнения российских экспертов не имеют под собой реальной базы, а в ряде компонентов основаны на явных ошибках. Относительно мер доверия на бывшей советско-китайской границе можно сказать следующее. Во-первых, все меры, предусмотренные соглашениями 1996 и 1997 гг., являются взаимными, так что об односторонности здесь речи идти не может. Во-вторых, соглашениями по мерам доверия, ограничивающими размеры вооруженных сил в тех или иных районах (в том числе приграничных), Россия связана не с только Китаем (как это утверждает Ю.М. Галенович). Это обычная международная практика, сопутствующая улучшению отношений между государствами. Например, до недавнего времени Россия была связана целой системой мер доверия со странами НАТО в рамках подписанного в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ); меры доверия и взаимного контроля сопровождали советско-американские договоры о стратегических вооружениях, заключаемые с 70-х годов прошлого века. Наконец, что самое главное, именно в связи с тем, что российские обычные вооруженные силы по внутренним причинам были подвергнуты сокращению и их реальная численность в 100-километровой зоне на момент подписания соглашений уже была ниже предусмотренных договорами лимитов, эти договоренности гораздо выгоднее для России, чем для Китая. Ведь именно Китай способен превысить эти лимиты, т.е. только Китай в реальности они и ограничивают.

Для большинства специалистов очевидно, что, учитывая экономическую и демографическую ситуацию в России, а также состояние ее обычных вооруженных сил, в случае любого конфликта в обозримом будущем ее сильной стороной будут не обычные вооружения, а ядерное оружие, по которому Китай отстает на порядок. В более общем плане можно сказать, что Ю.М. Галенович, как и другие сторонники подобных взглядов, пока не привели никаких доказательств наличия агрессивных планов со стороны Китая в отношении России или других членов ШОС. Не случайно Ю.М. Галенович не ссылается на документы, а рассуждает в общем плане. Документы и реальность говорят об обратном. Например, Пекин в одностороннем порядке отказался иметь какие-либо вооруженные силы в 100-километровой зоне, за исключением пограничных, он никогда не предъявлял к России (или СССР) официальных территориальных претензий и признал нерушимость существующей границы с Россией по договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г.

³³ Михеев В.В. Китай—Япония: Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО, 2009. С. 184.

³⁴ Там же. С. 191.

Что касается доминирования Китая в ШОС и его якобы руководящей роли в организации, то свидетельств этому также нет. Порядок занятия руководящих должностей в ШОС предусматривает периодическую ротацию представителей стран-членов. Вклад России в бюджет ШОС равен китайскому. Члены ШОС согласились на размещение Секретариата ШОС в Пекине потому, что Китай предложил лучшие условия. В то же время другой важнейший орган ШОС — РАТС, как указано выше, работает в Ташкенте. Да и вообще место расположения штаб-квартиры мало о чем говорит. Нельзя же утверждать, что США доминируют в ООН, на том основании, что большинство органов ООН расположены в Нью-Йорке. Скорее наоборот, США относятся к ООН как к неизбежному злу, а находящиеся в Нью-Йорке Совет Безопасности и особенно Генеральная Ассамблея часто занимают позиции, весьма отличные от американских.

Конечно, экономический и политический вес в ШОС такого мощного государства, как КНР (так же как и США в ООН), велик. Но именно поэтому членство в ШОС, все документы которой говорят о равноправии членов, выгодно более слабым, так как уравнивает их в правах с сильнейшими, так же как членство в СБ ООН уравнивает политический вес России (и других его членов) в этой организации с США, что, кстати, часто вызывает недовольство Вашингтона. Доказательств взаимного недоверия в ШОС, по крайней мере, между Россией и Китаем, тоже нет.

Что же касается ОДКБ, то хотя формально его устав был принят на несколько месяцев позднее Хартии ШОС, военное сотрудничество между его членами началось значительно раньше, еще в 1992 г., когда был подписан сам Договор о коллективной безопасности. ШОС тогда не было даже в проекте. Кроме того, процессы создания ОДКБ и ШОС между собой никак не связаны — первый явился развитием кооперационных процессов в СНГ, второй вырос из переговоров о советско-китайской границе. Здесь как раз, наоборот, скорее можно говорить о пересечении полномочий и функций, некоторой несогласованности действий, а вовсе не о реакции недоверия.

В Центральной Азии ШОС не рассматривается ни как антиамериканская организация, ни как выражающая интересы какой-либо одной страны. Так, по мнению бывшего государственного секретаря Киргизской Республики И. Абдуразакова, ШОС должна стать лишь одним из четырех инструментов обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии, наряду с антитеррористической коалицией в Афганистане, Договором о коллективной безопасности стран СНГ и программой «Партнерство ради мира». В перечисленных структурах участвуют и США, и Россия, и Китай, и их роль явно видится из Центральной Азии как взаимодополняющая, а не конкурирующая. По мнению И. Абдуразакова, «чрезвычайно важно, чтобы США, Россия и Китай в своих взаимных отношениях пришли к адекватному пониманию обстановки и сняли возможные моменты недоверия в отношении своих намерений как в регионе, так и в более широком плане»³⁵. По мнению эксперта из Узбекистана Ф.Ф. Толипова, сценарий превращения ШОС в антизападный альянс «не может быть привлекателен прежде всего с точки зрения долгосрочных интересов государств-членов ШОС. Антизападная установка как раз сыграла бы на руку тем политическим силам на Западе, которые

³⁵ *Абдуразаков И.* Дилемма в эпоху глобальной неопределенности. Может ли ШОС привести к новой парадигме сотрудничества? В сб.: Ситуация в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Сборник материалов конференций. Шанхайский институт международных отношений. Шанхай, 2003. С. 228–229.

продолжают рассматривать Российскую Федерацию и КНР в качестве своих традиционных и перманентных врагов, не говоря уже о том, что и Россия, и Китай объективно заинтересованы в развитии сотрудничества с Западом»³⁶.

Можно согласиться с выводом известного китайского исследователя Чжао Хуашэна о том, что центральноазиатские государства не заинтересованы в противоборстве великих держав в этом регионе, так как не хотят стать жертвами такого противоборства, они не желают, чтобы другие государства использовали их территорию с целью противоборства, так как это поставит их в невыгодное положение. «Этот фактор в очень большой степени предотвращает превращение взаимоотношений между Китаем, Россией и США в регионе ЦА в разрушительное противоборство», — заключает Чжао Хуашэн³⁷.

В Китае также существуют скептические оценки работы ШОС, но они в основном обусловлены беспокойством о том, что организация слишком медленно разворачивает экономическое сотрудничество. Там обращают внимание на пассивность России в вопросах экономического сотрудничества в ШОС, на ее стремление развивать сотрудничество с государствами Центральной Азии исключительно в рамках ЕврАзЭС. Беседы с китайскими экспертами по ШОС, близкими к руководству КНР, а также содержание их выступлений на ряде конференций, посвященных тематике ШОС, позволяют сделать вывод о серьезном разочаровании китайской стороны состоянием дел в этой организации и позицией России по ряду вопросов. Так, профессор шанхайского университета Тунцзи Цю Хуафэй отмечает: «Мероприятия ШОС многочисленны, но остаются на уровне деклараций. Несмотря на речи Генерального секретаря и создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в Ташкенте, деятельность в области многосторонней безопасности находится в стадии зарождения. Очевидно отсутствие координации между государствами-членами, желание обмениваться информацией ограничено, финансовых средств серьезно не хватает, а бюрократическая структура слаба. Вдобавок, недостаток реальной общей юрисдикции в большинстве сфер и механизмов осуществления конкретных проектов существенно снижает возможности действовать»³⁸.

Вопросы у китайской стороны вызывает, прежде всего, отсутствие заинтересованности России в углублении многостороннего экономического сотрудничества в рамках ШОС. Китайские эксперты высказывают мнение, что Россия взяла курс на широкомасштабную экономическую интеграцию в рамках ЕврАзЭС и утерjala интерес к экономической составляющей ШОС. С их точки зрения, Россия должна определиться относительно роли ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС в своей внешней политике³⁹.

³⁶ Абдуразаков И. Дилемма в эпоху глобальной неопределенности. Может ли ШОС привести к новой парадигме сотрудничества? С. 228–229.

³⁷ Чжао Хуашэн. Новая ситуация в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Ситуация в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. Сборник материалов конференций. С. 250.

³⁸ Qiu Huafei. International System and China's Asia-Pacific Strategy // Contemporary International Relations. Jan./Feb. 2010. Vol. 20. No 1. P. 66.

³⁹ Эти позиции четко сформулировал, в частности, заместитель председателя Китайского национального исследовательского центра ШОС, бывший посол КНР в России Ли Фэнлинь на семинаре «Россия и Китай в новой международной среде», проведенном Советом по внешней и оборонной политике 21–22 марта 2009 г. в Москве) (<http://www.rodong.org/polit-091009104944>).

Эти тенденции в китайских оценках деятельности ШОС замечают российские эксперты. Так, член-корреспондент РАН В.В. Михеев отмечает: «Заглядывая в будущее ШОС, Пекин исходит из того, что современные тенденции развития ШОС не благоприятны для Китая. ШОС — на деле — остается малоэффективной организацией, не способной реагировать на обострение политической ситуации в ЦА. Россия не заинтересована в ускоренном развитии ШОС и видит в усилении ШОС за счет активной роли Китая угрозу своим интересам в ЦА. Страны ЦА, с одной стороны, продолжают испытывать «исторический страх» перед Китаем, а с другой — нацелены на использование в своих национальных интересах соперничества Китая и России за лидерство в ШОС. В этих условиях Китай оказывается перед дилеммой: либо согласиться с медленным и малоэффективным развитием ШОС, либо попытаться собственными усилиями превратить ее в реально действенную организацию. В случае если ШОС будет развиваться по первому сценарию, Китай сможет рассчитывать на ограниченные (но все же какие-то) дипломатические, экономические и политико-пропагандистские дивиденды, однако, как представляется, этот вариант не позволит решить стратегические задачи в области безопасности Китая, увеличить его политическое и экономическое влияние в ЦА. Второй вариант действий больше отвечает стратегическим задачам «возвышения Китая», однако потребует от Китая крупных финансовых затрат и несет в себе риски: а) усиления антикитайских настроений в ЦА, б) недовольства России и США китайской экспансией в ШОС, в) их ответных действий по сдерживанию Китая. В перспективе именно от политики Китая — пассивной или активной — зависит, станет ли ШОС реально жизнеспособной организацией. При этом в случае проведения Пекином пассивной политики — в условиях слабой дееспособности ШОС — каждое обострение политической ситуации в ЦА будет провоцировать Китай на спонтанные односторонние, заранее не подготовленные действия. Негативные последствия таких действий состоят как в их малой результативности, так и в отрицательной реакции на них России и центральноазиатских стран — членов ШОС, а также и США»⁴⁰.

Чтобы избежать описанной В.В. Михеевым ситуации, когда судьба ШОС будет зависеть исключительно от Китая, а его активные действия вызывать лишь отрицательную реакцию, Москве необходимо активно добиваться большей эффективности ШОС вместе с Пекином. Однако этого, особенно в экономической области, пока не происходит.

Что касается опасений по поводу того, что экономическое влияние Китая в Центральной Азии будет расти, а российское — снижаться, то это и так происходит. Однако причина этого кроется как раз в нежелании Москвы теснее взаимодействовать с Пекином, что порой приводит к ненужной конкуренции. В то же время активное взаимодействие с Китаем в Центральной Азии в экономической области создаст возможность для согласованной политики, взаимного учета интересов, в том числе российских — Китаем.

Распространяемая некоторыми СМИ теория о том, что Китай якобы старается экономическими методами «прибрать к рукам» Центральную Азию в ущерб интересам России, не соответствует реальности. Китай, как Россия и другие члены ШОС, прежде всего, заинтересован в политической стабильности и эконо-

⁴⁰ Михеев В.В. Роль Китая в глобализирующемся мире // Отечественные записки. 2008. № 3 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1228614480>).

мическом развитии государств Центральной Азии. Реальные китайские торговые интересы здесь минимальны. Не следует забывать, что доля России и государств Центральной Азии, вместе взятых, во внешнеторговом обороте Китая — менее 3%. Даже захват всех рынков Центральной Азии целиком особенно много китайской экономике не прибавит.

Кроме того, отказ от экономического сотрудничества с Китаем в Центральной Азии усилит отставание и России, и Китая как торгово-экономических партнеров государств этого региона от внерегиональных игроков, прежде всего от ЕС и его отдельных членов. Таким образом, объективно теория «китайской угрозы» в Центральной Азии ведет к укреплению здесь позиций Запада, а основанная на ней политика имеет явный отпечаток односторонней прозападной дипломатии начала 90-х гг. XX века.

В Китае действительно склонны преувеличивать роль торговли в развитии и поддержании стабильности. Настойчивость Китая в этой области связана, в частности, и с тем, что за экономическое сотрудничество с ШОС здесь отвечает Министерство коммерции, занимающееся внешней торговлей. Китайским партнерам, естественно, необходимо разяснять социальные и политические опасности, к которым может вести поспешное открытие рынков государств Центральной Азии. В то же время, учитывая вступление в ВТО России и перспективу вступления туда других ещё остающихся за рамками организации государств — членов ШОС, можно предполагать, что вопросы тарифных барьеров постепенно отпадут сами собой.

Интерес Пекина к Центральной Азии имеет в основном не экономический, а стратегический характер, но не в плане установления контроля, а устранения исходящих отсюда угроз нестабильности и терроризма для самого Китая. Ведущий китайский эксперт Ли Фэнлинь отмечал: «Китай придает большое значение ШОС, рассматривает ее как одну из стратегических опор для развития страны. Интересы Китая заключаются в следующем: создание благоприятных условий для развития страны, предоставление для северо-западного региона Китая мирной, безопасной и стратегической внешней среды, в том числе в борьбе против «трех зол», обеспечение открытости региона; создание и поддержание отношений вечной дружбы и добрососедства со странами-членами ШОС, развертывание сотрудничества во всех областях — в политике, экономике, безопасности, гуманитарной области, продвижение региональной интеграции, минимизирование негативного влияния от процессов глобализации, достижение гармоничного развития и общего процветания членов ШОС в целом; повышение международного влияния Китая, чтобы вместе со странами-членами ШОС внести нового мирового политического и экономического порядка»⁴¹. Большая часть этих вопросов имеет отношение к безопасности, а не к экономике.

В объемном труде «Дипломатия Китая в Центральной Азии» Чжао Хуашэн выстраивает иерархическую систему интересов Пекина в этом регионе: на первое место он выдвигает борьбу с терроризмом и обеспечение энергетических интересов, на второе — экономику и ШОС, на третье — геополитические интересы и безопасность границ⁴². Естественно, китайские исследователи рассматривают ШОС

⁴¹ Семинар «Россия и Китай в новой международной среде» (ШОС). 22 марта 2009 г. (<http://www.rondon.org/polit-091009104944>).

⁴² 赵华胜 (Чжао Хуашэн): «中国的中亚外交» (Китайская дипломатия в Центральной Азии), 时事出版社2008年版, 第85页.

как средство обеспечения интересов собственной страны. Чжао Хуашэн поясняет: «Большое внимание Китая к ШОС очевидно, она является важнейшей опорой китайской дипломатии в ЦА и имеет для Китая существенное значение. Но в ШОС как составной части китайских интересов в ЦА есть некоторый субъективный элемент, ее функция должна быть инструментальной, по сути, обслуживающей по отношению к интересам безопасности, обеспеченности энергоресурсами и другим. Поэтому, хотя экономические интересы и ШОС относятся к важнейшим стратегическим интересам Китая в ЦА, на шкале китайских стратегических интересов они находятся ниже по сравнению с борьбой с «Восточным Туркестаном» и энергоресурсами, занимают вторую ступень в системе китайских интересов в ЦА»⁴³.

Такой подход является естественным и не должен вызывать беспокойства в России, пока коренные интересы России и Китая в Центральной Азии совпадают. По мнению большинства китайских экспертов, Пекин согласен учитывать традиционные российские интересы в этом регионе. Отвечая на российские опасения относительно усиливающейся роли Китая в Центральной Азии, Ли Фэнлинь прямо заявляет: «У Китая нет намерения стать лидером ни на региональном, ни на глобальном уровне. Китай с пониманием относится к стремлению России сохранить свое традиционное влияние в Центральной Азии». В то же время Пекин не намерен проявлять пассивность только в силу того, что Россия здесь недостаточно активна. Как справедливо отметил Ли Фэнлинь, Китай не против того, когда говорят, что «Центральная Азия — это как бы “задний двор” России. Правильно. Мы это понимаем, но за двором-то надо ухаживать, цветочки поливать, чтобы он не зарос сорной травой»⁴⁴.

По мнению Чжао Хуашэна, стратегические интересы России и Китая в Центральной Азии близки или совпадают по следующим вопросам: поддержание безопасности существующих границ, борьба с терроризмом, поддержание региональной стабильности, геополитическое взаимодействие, направленное, прежде всего, на ограничение военного присутствия в регионе США и НАТО, противодействие американскому курсу на «демократические реформы», ведущему к «цветным революциям»⁴⁵. Несмотря на сомнительность некоторых пунктов этой панорамы сотрудничества, в частности, идеи совместного противодействия «цветным революциям», вызванной китайской тенденцией повсюду видеть козни Вашингтона, в целом она верна.

В то же время подход к ШОС лишь как к дополнительному инструменту обеспечения стратегических интересов в Центральной Азии ряда китайских экспертов во многом связан с недостаточной эффективностью этой организации. В результате реальное сотрудничество с Россией в Центральной Азии часто приходится вести вне ее рамок. Цю Хуафэй также тесно связывает китайскую политику в Центральной Азии с расширением сотрудничества с Россией. По его мнению, отношения Пекина с Центральной Азией «направлены на легитимацию китайской позиции по основным международным вопросам, укрепление отношений с Россией и призваны служить противовесом власти и влиянию США»⁴⁶.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Семинар «Россия и Китай в новой международной среде» (ШОС). 22 марта 2009 г. (<http://www.rondon.org/polit-091009104944>).

⁴⁵ 赵华胜:《中国的中亚外交》,第308—310页.

⁴⁶ Qiu Huafei. International System and China's Asia-Pacific Strategy. P. 66.

Представляется, что интересы Китая в регионе Центральной Азии совпадают с российскими, а также с интересами других крупных игроков, как минимум, по следующим трем компонентам:

1. Поддержание политической стабильности (никто не хочет политического взрыва, который может привести к власти радикальные исламистские движения).
2. Сохранение у власти светских режимов.
3. Ускоренное экономическое развитие государств региона, которое только и может стать основой политической стабильности.

Эти три направления поддерживают и в Москве, и в Пекине, и в Дели, и в Вашингтоне, и в Брюсселе. В этом смысле экономическую и культурную активность каждой из этих сторон в ЦА не стоит воспринимать (как это порой делается консерваторами, живущими представлениями холодной войны) как угрожающую интересам других стран. Если ЕС или Китай инвестирует в экономику ЦА, поддерживает там культурную и научно-исследовательскую деятельность, это не значит, что интересы России страдают. Ведь эти усилия в конечном счете ведут к экономическому и культурному развитию этих стран. Противодействие подобной деятельности выглядит глупо, как позиция «ни себе, ни людям», раздражает жителей ЦА, да и вряд ли оно осуществимо в современном мире. Другое дело, что России самой надо проявлять большую расторопность и не жалеть средств на подобные программы.

Конечно, совпадение коренных государственных интересов не означает отсутствия экономической конкуренции между отдельными компаниями различных стран. Многие из них, в том числе и крупные государственные корпорации, в частности энергетические, безусловно, конкурируют здесь за рынки. Порой их поддерживают свои правительства. Однако экономическую конкуренцию между отдельными компаниями нельзя смешивать с борьбой между самими государствами. Такая конкуренция часто возникает между самыми тесными союзниками. Вспомним, например «картофельную войну» между США и Канадой 1982–1983 гг., «банановую войну», затрагивающую интересы США, Великобритании, ЕС и ряда государств Латинской Америки, постоянные торговые противоречия между США и Японией. Это были острые экономические конфликты, но они не привели к ухудшению политических отношений, основанных на солидной, союзнической базе. В обязанности российского правительства входит защита интересов национальных компаний, в том числе и в ЦА, но это вовсе не должно приводить к политическим конфликтам там, где коренные государственные интересы сходятся.

Именно отказ от согласованного многостороннего экономического сотрудничества в рамках ШОС и приведет к результату, которого так опасаются противники расширения экономического сотрудничества в ШОС, — значительному усилению роли Китая в этом регионе за счет российских интересов. У Китая есть для этого все необходимые экономические средства, и он легко сможет их применить, если окончательно разочаруется в возможности согласованного сотрудничества с Россией.

Во второй половине первого десятилетия нового века Китай уже выделил льготных кредитов для центральноазиатских членов ШОС на сумму, превышающую 1 млрд долл., а в 2009 г. заявил о планах выделить еще 10 млрд. И для Китая это отнюдь не предел. В созданный им совместно с Японией и Южной Кореей Азиатский антикризисный фонд, направленный прежде всего на укрепление

сотрудничества этих стран с государствами АСЕАН, взнос Пекина составил 38,4 млрд долл., а размер самого фонда — 120 млрд долл. Жестокая историческая вражда, иррациональные страхи усиливающегося Китая, обостренное чувство суверенитета, характерное для молодых государств, — все это было преодолено странами Восточной и Юго-Восточной Азии ради экономического развития и процветания.

В какой-то мере выделение крупных кредитов в одностороннем порядке — свидетельство того, что в Пекине устали ждать, когда Москва всерьез возьмется за экономическое сотрудничество в ШОС, и решили действовать самостоятельно. Активная линия Китая на развитие сотрудничества с государствами Центральной Азии способствует созданию здесь обстановки социальной стабильности и экономическому развитию региона, что отвечает интересам России. Однако, если Москва и дальше будет медлить с подключением к финансированию многосторонних экономических программ, ШОС действительно будет рассматриваться в Центральной Азии как организация, в которой доминирует Китай, с которым и имеет смысл иметь дело, по крайней мере, в области экономического сотрудничества.

В 2009–2010 г. начал активно обсуждаться вопрос расширения ШОС. На саммите в Астане в 2011 г. было закончено создание формальной базы для приема новых членов, приняты все соответствующие документы. На этом направлении наиболее активной стороной выступает Россия, поддерживающая кандидатуру Индии. Эта поддержка стремления Индии стать полноправным членом ШОС зафиксирована в тексте совместной российско-индийской декларации об углублении стратегического партнерства, подписанной главами двух государств во время официального визита в Россию премьер-министра Республики Индии М. Сингха по приглашению президента Д.А. Медведева в декабре 2009 г.⁴⁷

Эта позиция России представляется заслуживающей поддержки. Принятие в организацию такой крупной и в целом успешно развивающейся страны, как Индия, серьезно увеличило бы международный авторитет и влияние ШОС. Этому способствовал бы международный вес и масштабы этой великой страны, благодаря которой ШОС стала бы самой крупной международной организацией в мире после ООН по совокупному населению ее членов. Значительно увеличился бы ее политический вес, а также экономическая привлекательность среди развивающихся стран за счет добавления к успешной китайской модели развития, возможно, не менее успешной индийской.

В то же время на нынешнем этапе главным оппонентом идеи приема Индии в ШОС выступает КНР. При этом выдвигается ряд аргументов. Первый из них сводится к тому, что в сравнительно молодой ШОС в результате приема такой крупной страны возникнет много организационных проблем, которые трудно будет решать, полностью изменится ее лицо и будет еще более затруднен и так непростой процесс принятия решений. С этим аргументом ранее соглашалась и Россия, впоследствии изменившая свою позицию.

Реальная причина сомнений Китая — сложные двусторонние отношения с Индией. Однако в последнее время на этом направлении наметилось улуч-

⁴⁷ Совместная декларация между Российской Федерацией и Республикой Индией об углублении стратегического партнерства с целью противодействия глобальным вызовам 7 декабря 2009 г. (http://www.rusembassy.in/index.php?option=com_content&view=article&id=1761:-----7--2009-&catid=6:2010-01-21-11-02-17&directory=1&lang=ru).

шение. А работа этих двух великих азиатских держав в одной международной организации будет способствовать и интенсификации конструктивного двустороннего диалога.

В более широком плане России и Китаю, которые просто из-за своих масштабов считаются лидерами ШОС, конечно, придется поделиться влиянием в организации. Но здесь необходимо принять стратегическое решение. Что важнее: собственное влияние внутри ШОС или рост международного авторитета организации в целом? Представляется, что второе гораздо более значимое. Ведь, если для страны важнее исключительно собственное влияние, зачем вообще вступать в международные объединения. Между тем, увеличение влияния международной организации, в которой то или иное государство состоит, ведет и к росту международного престижа самого этого государства.

Именно так рассуждали в большинстве наиболее влиятельных международных объединений, принимая решение об их расширении: в НАТО, ЕС и АСЕАН. Расширение в них действительно принесло некоторые проблемы: увеличилась бюрократия, сложнее стало добиться консенсуса при принятии решений, несколько снизился уровень управляемости и оперативности, изменилось соотношение сил внутри организаций, часто не в пользу их основателей. Тем не менее, во всех трех упомянутых организациях было принято решение о расширении, так как позитивные результаты перекрывали негативные. Значительно увеличилось их международное влияние, расширилась зона ответственности, ликвидировалась система разделительных линий, порожденных «холодной войной», бывшие соперники становились союзниками и партнерами. Естественно, все эти организации расширялись не за счет любого желающего, существовали строгие критерии членства, которые теперь есть и в ШОС.

Реальные точки потенциальных расхождений

И Китай, и Россия строят свою политику исходя из собственных интересов. В связи с этим некоторые их подходы к международным проблемам и вопросам двустороннего сотрудничества расходятся или не полностью совпадают. Вот несколько примеров.

Китай не планирует подключаться к соглашениям по сокращению ядерных вооружений, считая, что Россия и США должны первыми сократить свои ядерные арсеналы до некоего низкого уровня, который не уточняется. Это на каком-то этапе может затормозить переговоры по сокращению ядерных арсеналов. В целом, поддерживая российский курс на многополярность, Китай не может поддержать признание Абхазии и Южной Осетии. Больше того, само возникновение этого вопроса крайне раздражает Пекин, так как для него самая проблема территориальной целостности является крайне болезненной, особенно в свете событий 2008 г. в Тибете и 2009-го — в Синьцзяне. Китай не стремится ограничивать количества ракет среднего и малого радиуса действия, стремясь приобрести их как можно больше на случай боевых действий против Тайваня.

Как крупнейший производитель товаров, Китай является естественным сторонником либерализации рынков и «свободной торговли», за которую он

выступает в АТЭС, ШОС и других международных организациях. В этом вопросе он является скорее союзником Запада и «Севера», чем развивающегося «Юга» и, в какой-то степени, России, где все больше говорят о «защите отечественного производителя».

Китай конкурирует с Россией как потребитель иностранных инвестиций, а также в развитии приграничных районов (Дальний Восток России и Северо-Восточный Китай). В Китае заинтересованы в России прежде всего как в поставщике сырья и рынке сбыта продукции. В то же время Россия заинтересована в использовании китайской рабочей силы, капиталов и технологий для развития своих дальневосточных районов, а также поставках в Китай не только сырья, но и продукции машиностроения, технологий. Сегодня продукция китайского и российского машиностроения по ряду товаров находится в прямой конкуренции на российском рынке (например, по автомобилям).

Все перечисленные вопросы не являются проблемами, способными вызвать коренное ухудшение отношений, как, например, идеологические расхождения в 60-е годы XX в. Сегодняшняя база российско-китайского стратегического партнерства настолько прочна, что любые расхождения можно эффективно решать, используя существующий механизм консультаций в духе конструктивного сотрудничества.

Корейский полуостров

В настоящее время позиции Пекина и Москвы по проблемам Корейского полуострова близки или совпадают. Политика Москвы далеко ушла от давних советских времен, когда она практически безоговорочно, а затем с оговорками, поддерживала военные авантюры Пхеньяна. Ушла она и от игнорирования КНДР и односторонней поддержки Запада.

Президент В.В. Путин, формулируя новую, взвешенную позицию России, отметил, что Россия «оказывала и будет оказывать содействие мирному урегулированию корейской проблемы»⁴⁸ и «готова использовать потенциал отношений и с Южной, и с Северной Кореей для содействия межкорейскому урегулированию»⁴⁹. В то же время, выступая в южнокорейском парламенте 28 февраля 2001 г., российский президент сформулировал пять российских позиций по этому вопросу: 1) мирный процесс и сотрудничество между Севером и Югом должны развиваться на принципах, согласованных самим корейским народом, самими корейскими руководителями, без вмешательства извне; 2) все проблемы должны решаться исключительно мирным, дипломатическим путем в духе совместной декларации Юга и Севера от 15 июня 2000 г.; 3) Россия будет приветствовать процесс создания мирного единого корейского государства, дружественного России и другим странам; 4) Россия будет поддерживать безъядерный статус Корейского полуострова; 5) Россия заинтересована в осуществлении с участием стран Северо-Восточной Азии, в том числе двух Корей, проектов,

⁴⁸ Пресс-конференция по итогам российско-корейских переговоров. 27.02.2001 (<http://2002.kremlin.ru/events/171.html>).

⁴⁹ Путин В.В. Выступление в Национальном собрании Республики Корея. 28.02.2001 (<http://2002.kremlin.ru/events/172.html>).

направленных на экономическое развитие региона и на создание прочного фундамента для стабильности на Дальнем Востоке⁵⁰.

Эти позиции в целом разделяются и Пекином и послужили основой сближения России и Китая по корейскому вопросу. Такое сближение объясняется как геополитическими подходами обеих стран, так и их положением как ближайших соседей корейских государств. И Москва, и Пекин выступают за безъядерный статус полуострова, так как наличие ядерного оружия может привести к аварии или ядерному конфликту, который непосредственно затронет территории соседних стран. Но они также крайне опасаются попыток решать здесь конфликты военным путем, так как война может привести к дестабилизации ситуации, потокам беженцев в соседние страны, сворачиванию проектов сотрудничества с Южной Кореей и другим негативным последствиям. И Китай, и Россия возлагают вину за периодическую эскалацию конфликта как на Пхеньян, так и на Вашингтон и готовы сыграть активную роль в разрешении проблемы.

В то же время в подходах Москвы и Пекина в более широкой перспективе можно найти и различия. Россия может лишь с оптимизмом смотреть на тенденции к нормализации отношений между Сеулом и Пхеньяном и на перспективу объединения Кореи. Результатом нормализации будет стабилизация военно-политической ситуации на полуострове, что отвечает интересам России, перед которой стоит задача ускоренного экономического развития, возможного только в условиях спокойствия на границах и дружественного сотрудничества с соседями. Возникновение единого корейского государства выгодно России. Это государство в политическом и экономическом плане, безусловно, будет в большей степени походить на нынешнюю Южную Корею, чем на КНДР. В экономическом плане это означает, что Россия получит еще более крупного и активного торгового партнера, а также потенциального инвестора. Такой партнер крайне необходим в особенности соседним с Кореей дальневосточным районам России, задача экономического подъема которых сегодня стоит крайне остро.

С геополитической точки зрения возникновение более сильной Кореи также отвечает интересам России. Как известно, у России есть серьезные территориальные проблемы с Японией, сдерживающие развитие отношений. Некоторые круги в Москве и на востоке страны опасаются, что бурно развивающийся сегодня Китай в перспективе может стать геополитической угрозой для России. Подобных проблем с Кореей у России нет, и можно ожидать, что единая Корея с точки зрения Москвы будет представлять полезный противовес японскому и китайскому влиянию в регионе. Учитывая сложную историю корейско-японских и корейско-китайских отношений, нужно полагать, что и для единой Кореи отношения с Россией будут иметь аналогичное геополитическое значение. В то же время от единой Кореи, перед которой к тому же не будет постоянно висеть угроза агрессии, можно будет ожидать более самостоятельной внешней политики, роль Вашингтона здесь, вероятно, несколько снизится, хотя ведущая роль США в современном мире, а также соседство с более мощными государствами будет способствовать сохранению тесного сотрудничества между единой Кореей и Вашингтоном.

⁵⁰ Выступление Президента России В.В. Путина в Национальном собрании Республики Корея. 28.02.2001. Сеул (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/58954e9b2d194fed432569ea00360f06/432569d80022638743256a060045e60e!OpenDocument>).

Таким образом, можно предположить, что отношения между Москвой и объединенной Кореей будут самыми дружественными, причем их состояние не будет зависеть от внутривнутриполитических факторов, смен режимов и идеологий правящих элит, так же как это происходит в отношениях Москвы и Дели. Поэтому любое реалистично мыслящее руководство в Москве будет и далее заинтересовано играть активную и конструктивную роль в межкорейском диалоге и, насколько позволяют довольно ограниченные российские ресурсы, способствовать объединению Кореи.

Есть в России и консерваторы, сторонники биполярной конфронтации. Они считают, что Москва по-прежнему должна поддерживать Пхеньян как антиамериканскую силу, так как интересы США всегда противостоят российским. Но их позиции нереалистичны, и потому вряд ли смогут оказывать решающее влияние на выработку внешнеполитического курса.

Что касается Китая, то здесь отношение к возможному объединению Кореи более сложное. В Китае никогда не возражают официально, но на экспертном уровне часто высказываются опасения, что объединенная Корея станет экономическим конкурентом и останется в системе союзов с США и Японией, тем самым укрепив их. Кроме того, для китайских руководителей, среди которых многие помнят Корейскую войну, отказаться от поддержки Северной Кореи, признать ее исторический крах было бы равносильно отказу от многих коренных внешнеполитических идеалов и установок. На героизме китайских «добровольцев», проявленном во время войны с «американским империализмом», воспитывались поколения китайской молодежи, многих принимали в пионеры у памятников павшим на той войне. К тому же КНДР — одно из немногих оставшихся «социалистических» государств. Отказ от всего этого наследия психологически труден, его было бы сложно объяснить своему народу, и он неизбежно повлек бы за собой ненужные вопросы о судьбах коммунистических режимов в целом. Поэтому, вполне отдавая себе отчет о характере пхеньянского режима, который многие китайские эксперты открыто называют «феодальным», выражая недовольство авантюристическим курсом северокорейского режима, Пекин все же проявляет крайнюю осторожность в давлении на него, опасаясь его коллапса.

Внешняя политика Пекина: возможны ли коренные изменения?

Новую внешнеполитическую «самоуверенность» можно воспринимать спокойно, как стремление крупной и успешной державы активно отстаивать свои интересы. Об этом пишет М.Л. Титаренко: «Возвышение Китая будет иметь неизбежно серьезный внешнеполитический эффект. Это выразится не только в значительном росте авторитета, престижа и влияния Китая, но и может вызвать возрастание вовлеченности КНР в решение глобальных мировых проблем, а следовательно, и рост бремени ответственности, которую до последнего времени Пекин стремился ограничивать, ссылаясь на то, что страна относится к категории развивающихся государств и занята прежде всего решением внутренних проблем модернизации. Этот акцент выдержан и в документах XVII съезда КПК»⁵¹.

⁵¹ Титаренко М.Л. Возвышение Китая и российско-китайское партнерство // Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 225.

Против таких изменений в китайской внешней политике, действительно поддерживающихся в официальных документах пекинских властей, вряд ли кто-то будет возражать. В то же время нельзя не отметить, что успешное экономическое развитие последних десятилетий и укрепление международных позиций Китая привели здесь к росту национализма среди элит.

В конце первого десятилетия нового века в Китае стали открыто издаваться статьи и книги, в которых говорится, что Пекин должен активно, в том числе с использованием армии и флота, обеспечивать свои экономические интересы по всему миру, и даже контролировать мировые ресурсы и их распределение. В вышедшей в начале 2009 г. книге «Китай недоволен», ставшей бестселлером, достаточно голословно утверждается, что китайцы якобы лучше всех в мире распоряжаются природными ресурсами, которых стране не хватает, поэтому в будущем Пекин должен взять под контроль мировые ресурсы, чтобы управлять ими на благо человечества. Китайская армия, по мнению авторов, должна активно поддерживать борьбу Китая за ресурсы за его пределами⁵². Ранее один из авторов книги Ван Сяодун уже писал о том, что главная проблема Китая — нехватка «жизненного пространства»⁵³. Официальные китайские представители и эксперты обычно разъясняют, что пропагандируемые группой журналистов-авторов книги «Китай недоволен» идеи — лишь частные мысли граждан, однако в более откровенных разговорах признавались, что подобные националистические теории поддерживаются определенными кругами в силовых структурах.

Впрочем, этот секрет Полишинеля полностью раскрылся после публикаций в 2010 г. нескольких книг и статей ряда официальных военных аналитиков, в которых высказывались сходные мысли. Так, в сразу приобретшей большую популярность книге «Китайская мечта»⁵⁴ профессор Университета обороны (принадлежащего системе министерства обороны) старший полковник Лю Минфу полагает, что в XXI в. Китай должен стремиться стать первой по мощи державой мира. В противном случае усилиями США, борьба, а может быть, и война за лидерство с которыми неизбежна, он будет отброшен на обочину мирового развития. Перечисляя все отмеченные выше американские обиды (торговля, Тибет, права человека, Тайвань), Лю Минфу утверждает, что причина американской враждебности — не идеология, а геополитика, и «даже если Китай станет более капиталистическим, чем США, США все равно будут полны решимости его сдерживать». По мнению Лю, борьба Китая и США — это соревнование за то, кто станет мировым лидером и «чтобы спасти себя, спасти мир, Китай должен готовиться стать его кормчим». «Если Китай не поставит целью превзойти по военной мощи США и Россию, то он обречет себя на судьбу третьеразрядной военной державы», — пишет Лю Минфу, призывая: «Превратите несколько мешков с деньгами в патронташи»⁵⁵.

⁵² 宋晓军, 黄纪苏, 宋强, 刘仰 (Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзисе, Сун Цян и Лю Ян): «中国不高兴: 大时代、大目标及我们的内忧外患» (Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние трудности). 南京, 江苏人民出版社, 2009年, 第80–81, 98–99, 106–108页.

⁵³ 王小东 (Ван Сяодун): «当代中国民族主义论» (Теория современного китайского национализма). «战略与管理» 2000年第5期.

⁵⁴ 刘明福 (Лю Минфу): «后美国时代的大国思维: 中国梦» (Великодержавное мышление пост-американского мира: китайский сон). 北京, 中国友谊出版, 2010年.

⁵⁵ China PLA officer urges challenging U.S. dominance (<http://www.reuters.com/article/idUSTRE6200P620100301>).

В другой книге с характерным названием «Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления», написанной полковником ВВС НОАК и известным военным журналистом Дай Сюем, встречаются все те же аргументы. Согласно Дай Сюю, при общей координации США Китай окружают плотным военным полукольцом соседи: Япония, Вьетнам, Индия и сами США в Афганистане. Как утверждает автор, Китай всегда вел борьбу за существование с великими державами: в XIX в. с европейцами, возглавляемыми британцами, в первой половине прошлого века — с Японией, во второй — с СССР, и вот теперь — с США. Война с ними практически неизбежна, и Китаю, чтобы обеспечить выгодные позиции, необходимо укреплять армию, прежде всего авиацию и флот⁵⁶.

Один из возможных путей такого развития с целью противодействовать «окружению» — создавать, по примеру США, военные базы за рубежом. Призывы создавать зарубежную инфраструктуру НОАК, активно действовать за пределами КНР широко распространились среди рекомендаций военных аналитиков. Например, в ноябре 2009 г. директор Института стратегии Университета обороны контр-адмирал Ян И заявил: «Мы должны уверенно и открыто сказать Соединенным Штатам и другим государствам: Китаю необходимо усилить военную мощь за рубежом, что вызвано... зарубежными национальными интересами»⁵⁷. А в начале 2010 г. острую реакцию за рубежом вызывало размещенное на официальном интернет-сайте министерства обороны интервью отставного адмирала Инь Чжо, в котором он предложил создать китайскую военно-морскую базу в Аденском заливе для обеспечения операций китайского флота по борьбе с морскими пиратами.

Подобные заявления привлекли пристальное внимание потому, что они противоречили как официальной доктрине, так и практике китайского военного строительства. После провала китайского «кровавого урока» во Вьетнаме в 1979 г. китайская армия не проявляла активности за рубежом, за исключением участия в миротворческих операциях ООН и учениях, проводившихся в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Основной целью НОАК всегда считался Тайвань. Именно в сторону Тайваня, по мнению экспертов, и была направлена модернизация вооруженных сил и основные закупки вооружений.

Китайская дипломатия также всеми силами пыталась показать, что цели Китая исключительно мирные, его внешняя политика направлена на обеспечение условий для внутреннего развития, Пекин старательно избегал говорить о каких-либо интересах за пределами его территории и не вмешивался в международные конфликты, ограничиваясь устным формулированием своей позиции, которая обычно сводилась к призывам все споры решать мирно и путем переговоров. Официально этот курс остается неизменным, однако сегодня ясно видно, что у него появились многочисленные критики, многие из которых носят погоны НОАК. Прямо не отвергая линию политического руководства, они фактически создают новую идеологию внешней и оборонной политики, противоречащей разработанному в конце 1970-х годов Дэн Сяопином курсу, лозунгом которого в этой

⁵⁶ 戴旭 (Дай Сюй): «С型包围——内忧外患下的中国突围» (Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления). 山海, 文汇出版社, 2010, 第3—4页.

⁵⁷ South China Morning Post. November 28 2009.

сфере была «скромность». «Не нужно хвалиться, чем больше мы развиваемся, тем скромнее надо быть», — призывал китайский лидер в 1989 г.⁵⁸

Основные элементы этой идеологии можно свести к следующему:

1. Исторически Китай всегда и все обижали: Британия, Россия, Франция, Япония, затем СССР и США — отбирали территорию, грабили богатства, не считались с его интересами.

2. Китай всегда, даже в имперское время, был мирной державой, никого не захватывал, все народы присоединялись к нему по собственной воле, а Китай всегда оказывал им помощь и способствовал их развитию.

3. Сегодня враг Китая — США, а все остальные страны — их марионетки, которые под дудку Вашингтона окружают его со всех сторон, пытаясь лишить права защищать законные интересы.

4. Китай бурно развивается, его основная проблема — нехватка природных ресурсов. Мир будущего — мир жесткой борьбы за ресурсы, и китайская армия должна быть готова к защите интересов Китая в любом регионе мира.

5. Китай обладает древней культурой и эффективной экономикой, которые показали себя выше и эффективней, чем культура и экономика других стран. Поэтому именно Китай должен показать миру дорогу к будущему, распределять ресурсы в интересах всех, спасти мир от узурпаторских поползновений других держав, прежде всего США. Для этого ему надо стать самой мощной державой мира.

Уровень дискуссии

В этой новой националистической идеологии поражает не только сама ее направленность, но и общий уровень аргументации. Приведем несколько фраз из книги «Китай недоволен»:

«С точки зрения эффективного управления более значительными мировыми ресурсами, наш нынешний огромный профицит торгового баланса показывает, что эффективность нашего управления выше, чем в других странах... Мировые ресурсы в руках китайцев получили лучшее распределение и использование»⁵⁹. «Судя по практическим успехам в истории цивилизации, китайцы гораздо лучше евреев...»⁶⁰. «Поэтому мы должны торговать с мечом в руках, мы хотим вести торговую войну, а не настоящую войну, но чтобы хорошо вести торговую войну, у нас в руках обязательно должен быть меч... Подумайте, как будто вы проститутка, получаете деньги за продажу тела, разве вам не нужна защита мафии?.. По сути, многие европейские страны занимаются этим...»⁶¹

Читая эти строки, чувствуешь, что подобное пустое бахвальство, примитивная ксенофобия и упрощенный подход к мировым процессам (оказывается, отношения между армией и внешней торговлей крупнейшей державы мира должны походить на отношения между проституткой и ее «крышей») хорошо знакомо из истории. Что-то подобное можно было прочитать у идеологов европейского

⁵⁸ «邓小平文选》第三卷 (Избранные сочинения Дэн Сяопина. Т. 3) 北京, 人民出版社, 1993第320页.

⁵⁹ «中国不高兴», 第98—99页.

⁶⁰ «中国不高兴», 第144页.

⁶¹ «中国不高兴», 第108页.

национализма второй половины XIX — первых десятилетий XX в: одни народы лучше других, одни страны эффективнее других распределяют ресурсы, наша культура древнее и справедливее вашей, поэтому вы должны подчиняться нам. В современном мире подобные идеи считаются неприличными, в некоторых за их распространение можно угодить в тюрьму, там это называется пропагандой национальной розни. Но не в современном Китае, где их легко можно встретить в подцензурной печати.

Эта идеология, основанная на повышенной национальной гордости, вызванной к жизни сочетанием традиционных представлений о мире и гордостью за действительно впечатляющие экономические успехи последних лет, крайне опасна как для мира, так и для самого Китая. Она очень напоминает идеологию других ревизионистских держав, например, мифологию крайне правых в Германии после Первой мировой войны или идеи спасительной японской миссии в Азии того же периода. Даже простое ее распространение приведет к серьезным опасениям в мире и заставит многие государства, прежде всего соседей Китая, всерьез подумать о собственной безопасности. Если же в Китае на каком-то этапе она станет официальной, то миру придется иметь дело с огромным государством-акселератором, наиболее передовая военная и технологическая мощь которого явно не соответствует политическому сознанию, застывшему на уровне начала прошлого столетия. Это весьма взрывоопасная смесь.

Внешняя политика, основанная на националистической идеологии, прежде всего, нанесет значительный ущерб китайской экономике. Сегодня Китай, в отличие, например, от СССР периода «холодной войны», явно недостаточно силен ни в военном, ни в экономическом отношении, чтобы начать глобальное соревнование с США. А ведь даже СССР в конце концов надорвал свои силы в этом противостоянии, перерасходовал ресурсы и в результате исчез с лица земли. Кроме того, сегодня США и Китай зависят друг от друга, их экономики теснейшим образом взаимосвязаны. В то же время США объективно сильнее и экономически, и, что немаловажно, политически. США выстоят без Китая, американцам лишь придется слегка подтянуть пояса. В Китае же, не способном развиваться без западных рынков, серьезные экономические санкции могут привести к социальным волнениям и крушению режима.

Кроме того, стремление Китая значительно активизировать деятельность вооруженных сил, посылать их за рубеж для защиты экономических интересов будет замечено не только в Вашингтоне. Такая политика увеличит опасения в Европе, где также страдают от огромного торгового дефицита, в государствах ЮВА, где велики китайские диаспоры, в Японии (что укрепит американо-японский союз), в Индии, имеющей весьма сложные отношения с Пекином, в России, где стремления Пекина контролировать мировые природные ресурсы вызовут естественное беспокойство.

Всего этого не могут не понимать в Пекине. Вероятно, поэтому его официальные представители постоянно заявляют, что мнения, подобные описанным выше, не выражают точки зрения правительства и являются частными. То же обычно говорят и сами авторы. В Пекине остро реагируют на беспокойство в мире. Например, после критики за рубежом интервью Инь Чжо быстро исчезло с сайта министерства обороны, военные заявили, что он высказал личное мнение, а китайские газеты, в особенности англоязычные, заполнились комментариями официальных

лиц на тему «Китайская армия никому не угрожает». То же несколько лет назад случилось и с фактически получившей официальное признание концепцией «мирного подъема» Китая. После того как за рубежом стали высказываться серьезные опасения относительно того, будет ли подъем действительно мирным, сам термин сняли, а ему на смену в качестве целей китайской внешней политики пришло «мирное развитие» и содействие созданию «гармоничного мира».

В то же время явно неубедительно звучат утверждения о том, что многократное высказывание мнений, не совпадающих с линией политического руководства страны, находящимися на действительной службе довольно высокопоставленными военными является делом частным. Это было бы странно в любой стране, а тем более в стране жесткой цензуры, где ни одна книга или статья не может быть напечатана без одобрения свыше, многие зарубежные интернет-сайты заблокированы, а со своих нежелательная информация слетает через несколько минут после ее появления. Здесь возможно два объяснения: либо политическое руководство в полной мере не контролирует армию, либо оно (или его влиятельная часть) в действительности разделяет эти мнения, вбрасывая пробные шары для зондажа реакции внутри страны и за рубежом.

На верность первой версии указывает тот факт, что политическое руководство предпочитает открещиваться от наиболее радикальных предложений националистов, но при этом количество опубликованных высказываний националистического характера не только не сокращается, но даже растет. В пользу второй версии говорит то, что описанные выше признаки осуществления некоторых предложений националистов уже можно обнаружить во внешней политике Пекина, которая и получила в мировой печати название «самоуверенной» или «напористой».

Оба варианта довольно опасны, так как чреваты победой новой идеологии, которая приведет к гораздо более плачевным последствиям для Китая и мира, чем описанные выше. Миллионные жертвы Второй мировой войны, судьбы Германии и Японии об этом ярко свидетельствуют. Широкое распространение нового китайского национализма вскоре приведет к тому, что пекинское руководство встанет перед выбором: поддаться этим настроениям и пересмотреть основы внешней политики или продолжить прежнюю линию и проводить осторожный и взвешенный курс, стараясь не подорвать отношений с партнерами, не вмешиваться в конфликты, непосредственно не угрожающие безопасности страны и проявлять твердость только в двух-трех вопросах, затрагивающих фундаментальные национальные интересы страны.

Сегодня ясно, что в китайском обществе и руководстве ведутся серьезные дискуссии и даже борьба по поводу будущего внешнеполитического курса. Часть из них отрицают, что китайская внешняя политика стала более наступательной, и утверждают, что Китай просто должен более ясно высказывать свои позиции по ключевым проблемам и отстаивать свои позиции. Относительно вышеупомянутых книг сторонники этой линии обычно заверяют, что они не оказали сколь угодно серьезного влияния на умонастроения граждан КНР, поскольку вообще почти не были замечены китайскими читателями. По их словам, усиление влияния КНР на мировой арене вплоть до получения возможности контролировать мировые сырьевые ресурсы является не более чем мечтой китайцев, о воплощении которой они всерьез не думают, что в целом китайцы не поддерживают идеи

книги «Китайская мечта» и не стремятся к превращению КНР в сверхдержаву. Они заверяют, что быстрое развитие Китая вовсе не означает неизбежности войн и что Китай придерживается мирного способа развития. Согласно этой позиции, нынешний мир отличается от прежнего, в котором быстрое развитие одной из стран приводило к войнам, поскольку сейчас глобальное развитие подразумевает сотрудничество, и пример тому — сотрудничество КНР и России. Китаю нужна сильная Россия и, наоборот, России нужен сильный Китай.

По мнению умеренных аналитиков, сегодня перед КНР стоят две группы проблем: старые проблемы (безопасность, целостность территории и суверенитета, вопрос границ, тайваньский вопрос, низкая роль КНР на международной арене) и новые проблемы (рост инвестиций за пределы Китая, рост числа выезжающих, вовлеченность КНР в процессы глобализации, проблема ресурсов). И все эти проблемы надо решать через сотрудничество и повышение экономической интеграции КНР, в том числе с Россией.

Эксперты, придерживающиеся этой линии, говорят, что о нацеленности КНР на международное сотрудничество, а не на конфронтацию свидетельствует и то обстоятельство, что Китай прилагает большие усилия для преодоления мирового кризиса, в том числе за счет увеличения взносов в МВФ. На встрече с представительной делегацией российских экспертов в ноябре 2010 г. в Шанхае известный китайский военный теоретик, бывший заместитель начальника Генерального штаба НОАК генерал Сюн Гуанкай в инициативном порядке рассказал, что в 2010 г. два китайских военных аналитика опубликовали книги о китайской стратегии, с содержанием которых он не согласен. Он пояснил, что имеет в виду книги «Китайская мечта» и «Дугообразное окружение». По его словам, идея о том, что Китай должен стать ведущей страной в мире во всех отношениях, в том числе и в военном, руководством страны и большинством экспертного сообщества не разделяется, и большинство экспертов в Китае не считает, что их страна должна даже в далекой перспективе стать первым в мире по всем параметрам. По ВВП на душу населения Китай сегодня является развивающейся страной (4 тыс. долл. на душу населения). Лишь к 2020 г. он рассчитывает достичь уровня «среднего достатка», а к 2050 г. — нынешнего минимального уровня развитых стран в 10 тыс. долл. на душу населения. Однако к тому времени критерий для развитых стран, возможно, повысится. В связи Сюн Гуанкай согласился с идеей, высказанной министром иностранных дел КНР Ян Цзечи, о том, что Китай в перспективе может стать лишь одним из полюсов многополярного мира.

Относительно китайских национальных интересов Сюн Гуанкай пояснил, что сегодня можно говорить о «коренных», «важных» и «обычных» аспектах национальных интересов. Только «коренные» интересы Китай готов защищать всеми имеющимися у него средствами, в том числе военными. Однако о выходе «коренных» интересов за пределы границ можно говорить лишь в том плане, что здесь существуют не только сухопутные, но и морские границы. Что касается интересов китайского бизнеса, защиты прав граждан за рубежом и т.п., то они относятся к «обычным» интересам. Их китайское государство, конечно, тоже должно защищать, но только дипломатическими средствами, путем переговоров, опираясь на международное право. Эти интересы имеют подчиненное по отношению к «коренным» значение.

В целом по результатам беседы можно сделать вывод о том, что Сюн Гуанкай имел четкую установку довести до сведения российской делегации, что китайское

руководство отрицательно относится к идеям, высказываемым близкими к военным кругам китайскими националистами. Это может свидетельствовать об обеспокоенности китайских руководителей реакцией, которую подобные идеи вызывают в России. Кроме того, ясно, что в китайском руководстве и экспертном сообществе идет острая дискуссия относительно будущего внешнеполитического курса страны, в которой сам Сюн Гуанкай занимает относительно мягкую позицию.

Однако существует и другая точка зрения. Интересна в этом случае позиция ряда исследователей из Центральной партийной школы КПК, где еще в ноябре 2003 г. была выдвинута наделавшая много шума концепция «мирного возвышения» Китая. Сформулированная в выступлении проректора Центральной партийной школы КПК Чжэн Бицзянем (занимавшим в 1990-е годы пост заместителя руководителя отдела пропаганды ЦК КПК) и подхваченная на самом высоком уровне, эта концепция была затем снята из-за опасений относительно «возвышения» (пусть и мирного) Китая со стороны многих стран мира.

Во время встречи автора в ноябре 2010 г. с Дин Куйсуном, вице-председателем Китайского форума реформ⁶², китайским специалистом была выдвинута идея, что своим развитием КНР способствует мировому развитию. При этом, однако, эксперт сделал два замечания, заслуживающих особого внимания. По его мнению, между двумя упомянутыми концепциями никаких различий нет. Единственная причина снятия концепции «мирного возвышения» состоит в неудачной терминологии. Термин «возвышение» является «западным», и в Китае, желая объяснить, что это возвышение никому не угрожает, механически добавили к нему характеристику «мирное». Дин Куйсун весьма пренебрежительно и неодобрительно отметил, что термин вызвал критику «всяких там ученых из Академии общественных наук», поэтому его пришлось снять и заменить на «мирное развитие», а затем на «гармоничное общество», на создание которого сегодня направлена внешняя политика страны.

Говоря об упоминавшихся книгах, в частности о книге «Китайская мечта», Дин фактически не стал ее критиковать или говорить о том, что ее мало кто заметил, а лишь пояснил, что ее автор высказал одно из мнений в рамках общей дискуссии о «мирном возвышении», т.е. фактически книга стала частью этой вполне официальной дискуссии. Кроме того, он отметил, что с точки зрения политики национальные интересы Китая «вышли за его пределы» — т.е. фактически поддержал автора книги. Другое дело, какими методами эти интересы обеспечивать. По мнению Дина, эти методы должны быть исключительно мирными, все вопросы должны решаться путем переговоров и согласования интересов с другими заинтересованными государствами.

Таким образом, по вопросу о том, как использовать растущую мощь Китая во внешней политике, в Китае идет дискуссия и сформировались, по меньшей мере, две позиции. Те, кого можно назвать «умеренными», выступают за продолжение в обозримой перспективе курса Дэн Сяопина на скромную внешнюю политику, направленную исключительно на обеспечение интересов внутреннего развития. По их мнению, более активные, напористые действия на международной арене могут вызвать отторжение внешнего мира, что отрицательно скажется

⁶² Структура Центральной партийной школы ЦК КПК, созданная для удобства развития связей с зарубежными учеными, прежде всего, из государств Запада. Председателем форума является реальный руководитель ЦПШ, первый проректор Ли Цзинтянь.

на внешнеэкономических связях КНР и на его развитии в целом. Им противостоят «радикалы», считающие, что национальные интересы Китая, благодаря его растущей мощи, вышли за его географические пределы и их необходимо защищать, в том числе и с помощью более активной дипломатии, а также, в некоторых случаях, вооруженных сил.

Пока политическое руководство страны заявляет о продолжении прежнего курса. Об этом свидетельствует, например, выступление премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на прошедшей в марте 2010 г. сессии 3-й сессии ВСНП 11-го созыва, а затем на пресс-конференции по ее итогам в марте этого года. Хотя китайский премьер и отверг требования США повысить курс юаня и возложил на Вашингтон ответственность за ухудшение отношений, в целом его слова звучали миролюбиво. Он доказывал, что повышение курса юаня все же постепенно осуществляется, назвал отношения с США самыми важными во внешней политике Пекина, и намекнул, что военные усилия Пекина по-прежнему сконцентрированы на решении проблемы Тайваня. По словам Вэня, Китай привержен пути мирного развития, которое не окажет негативного влияния на другие страны, он никогда не стремился и не будет стремиться к гегемонии по мере возрастания собственной мощи⁶³.

Остается надеяться, что пекинское руководство не выберет путь, который предлагают сторонники «самоуверенности». Настороженное отношение к стране за ее пределами не будет способствовать решению Китаем экономических проблем, которых в стране, несмотря на успехи, все еще предостаточно. По сути, Китай — заложник экономического роста. По прогнозам экспертов, рост ВВП ниже восьми процентов в год создаст в Китае серьезные проблемы в обществе из-за роста безработицы, которые могут вызвать социальные катаклизмы. А для роста ориентированной на экспорт китайской экономики нужны рынки сбыта, которые скорее обеспечат не базы за границей, но стабильные отношения с основными импортерами.

Рост национализма в Китае и России

Россия чаще всего не рассматривается китайскими националистами в качестве участницы всеобщего окружения Китая. Но порой и к ней предъявляются многочисленные претензии, причем довольно абсурдного характера. Для примера можно привести рассуждения одного из популярнейших гонконгских военных аналитиков, занимающего несколько официальных должностей и в официальных структурах КНР, Ма Диншэна. Критикуя утверждение, что между Россией и Китаем на протяжении 400-летней истории отношений не было ни одной крупной войны, он пишет, что оно является отражением «зависти падающей России к экономически взлетающему Китаю, а также признанием того, что на проходящей в этом году в Шанхае Всемирной ярмарке представлены только бесполезные экспонаты, не представляющие никакого интереса». Ма Диншэн выставляет

⁶³ Полный текст доклада премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва (http://russian.news.cn/dossiers/2011-03/15/c_13779466.htm); Chinese premier Wen Jiabao Prss Conference, full-text, March 2010 (<http://www.maximsnews.com/news/20100318ChinaWenJiabopress11003180101.htm>).

России традиционный исторический счет по захвату территорий и военных действий на территории Китая в царский период и тут же переходит к современности. Оказывается, «Россия хочет использовать ШОС, чтобы втянуть Китай в помощь объединенным силам Запада для переброски в Афганистан невоенных грузов». Кроме того, она якобы требует от Китая отказаться от оккупированного Индией Южного Тибета (так в Китае называют часть индийского штата Аруначал Прадеш, на которую претендует Китай). В целом, пишет Ма Диншэн, если, как показывают опросы общественного мнения, более половины китайцев считают Россию наиболее дружественным государством, «то они, безусловно, не знают о том, что русский медведь смотрит на китайского дракона свысока»⁶⁴.

Интересно, что подобные взгляды высказывают не только сторонники официального национализма, но и борцы за демократию. Так, известный диссидентский публицист Цао Вэйлу в размещенной на одном из зарубежных интернет-сайтов статье недавно писал: «С Нового времени Китаю наибольший ущерб нанесли не Япония, и тем более не США, но Россия и СССР. Не говоря уже о том, что Россия разными способами отхватила от Китая более 1,5 млн квадратных километров территории, во время Второй мировой войны СССР заставил Китай бросить все силы государства на то, чтобы стать для него орудием в противостоянии с Японией, спровоцировал внутренние беспорядки, устроенные КПК, сверж законное правительство, устроил в Китае бесчисленные коммунистические бедствия, одним словом, их преступления нет счета». Цао Вэйлу тоже не нравятся данные о том, что значительная часть населения Китая считает Россию наиболее дружественной страной: «Насколько я знаю, — пишет он, — только КПК испытывает добрые чувства по отношению к России и СССР, обычные же китайцы презирают их и крайне недовольны ими, ненавидят их больше, чем японских чертей»⁶⁵.

Интересно в этих высказываниях не то, что все в них перепутано, а российская позиция представлена неверно. Важно то, как отозвалось в китайской общественности известное высказывание Мао Цзэдуна об отторжении Россией у Китая «земли к востоку от Байкала», за что еще «счет не погашен», и как сегодня оцениваются старые российские «прегрешения». Как теперь доказано на основе документов, Мао сказал эти слова в беседе с японскими представителями 10 июля 1964 г. с тем, чтобы оказать давление на советскую сторону на проходивших тогда пограничных переговорах. Впоследствии он многократно разъяснял, что не собирался требовать эти территории назад. Соответственно, Китай никогда не выдвигал СССР или России официальных территориальных претензий. Более того, во время переговоров с М.С. Горбачевым в мае 1989 г. китайский лидер Дэн Сяопин заявил по этому поводу: «Исторические счета предъявлены, и все эти проблемы канули в небытие»⁶⁶.

Решенность пограничного вопроса, последние проблемы в котором были сняты в 2004 г., — одна из основ нынешних двусторонних отношений. Сегодня, согласно официальной позиции обеих стран, российско-китайские отношения стратегического партнерства и взаимодействия являются поистине равными

⁶⁴ 俄国熊眼里的中国龙，任人鱼肉以和谐为贵 (Китайский дракон глазами российского медведя превращает людей в пушечное мясо ради согласия) (http://blog.sina.com.cn/s/blog_470071c90100grf2.html).

⁶⁵ <http://www.fireofliberty.org/article/6425.asp>.

⁶⁶ Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй. «Пограничный вопрос» закрыт навсегда // Азия и Африка сегодня 2004. № 8. С. 6—11.

и взаимовыгодными, исторические же события (китайская интерпретация которых вызывает серьезные сомнения) не должны омрачать настоящего. Но так в теории. В писаниях же идеологов китайского национализма между обидами со стороны царской России, СССР (порой вымышленными, а порой — реальными) и нынешней российской политикой проводится прямая связь, а Россия ставится в ряд прочих государств, которые только и желают Китаю зла.

Что в связи с этим должна делать сама Россия? Некоторые считают, что усиление позиций Китая в мире, его более активная военная политика, направленная на укрепление вооруженных сил, и даже определенное присутствие НОАК за рубежом — естественное следствие экономических успехов страны, общего роста китайской мощи, и с этим нужно считаться и относиться с пониманием. С этим мнением можно согласиться, но при одном условии — если такая политика будет проводиться действительно для укрепления мира и международной стабильности. В случае победы националистической идеологии на высшем уровне, на смену этим благим целям, могут прийти другие — захват мировых ресурсов для их распределения для нашего же блага, борьба за мировое господство с целью спасения мира по-китайски, восстановление «исторической справедливости», в том числе в территориальном смысле и т.п.

В этом случае соседям, особенно России, придется задуматься над рядом вопросов. А где, собственно, эти ресурсы, которыми хотят в наших же с вами интересах распоряжаться некоторые в Китае? Стоит ли нам участвовать в американо-китайской борьбе за мировое господство, подливая масла в огонь продажами Пекину новейшего оружия? До какого предела России стоит сокращать количество ядерных боеголовок на переговорах с США, с учетом того, что пока Китай к ним подключаться отказывается? И вообще, хотим ли мы жить в мире, спасенном по рецепту КПК, или как-то сами разберемся со своим будущим и ресурсами? Одним словом, здесь, возможно, необходимо будет пересматривать весь комплекс российско-китайских отношений и основы российской внешней политики в целом.

Укрепление националистических настроений в Пекине необходимо будет компенсировать развитием отношений с другими игроками как в регионе (Япония, Южная Корея, страны АСЕАН), так и в мире (США, ЕС, Индия). Во многих государствах АТР сильно беспокоит относительно Китая. В Сеуле особые опасения вызывает проявившийся в последнее время явный уклон позиции Пекина к большей поддержке КНДР и фактический отказ Пекина от давления на Пхеньян в сторону выполнения им резолюций СБ ООН. В Токио же царит паника после вынужденных уступок Пекину в деле об аресте капитана китайского траулера в сентябре 2010 г. Там опасаются, что США как демократическая держава достаточно спокойно воспримет переход лидирующих позиций к Китаю, однако результат этого процесса будет иметь негативные последствия для других стран АТР, в частности для Японии. В Японии достаточно распространено ощущение дискомфорта, вызванное осознанием того факта, что соседняя с японскими островами держава, демонстрирующая высокие темпы развития, отличается от Японии по политическому и общественному устройству и не разделяет с ней демократических ценностей. Многие там считают, что в случае усиления КНР и превращения ее в регионального или, тем более, мирового лидера, Китай рано или поздно не удержится от соблазна навязывать соседним странам свои

ценности и свой образ жизни, и начнет силой решать территориальные споры. В этом плане и в Сеуле, и в Токио усиливается интерес к сотрудничеству с Россией. Характерно высказывание «правого» японского специалиста по России С. Хакамады: «Я думаю, что частные оценки России как страны, которая необходима Японии, являются правильными. Россия не смотрит на Японию с такой враждебностью, как Китай, она не желает поработить Японию. Конечно, нельзя отрицать, что Россия, рассматривая Японию как маленькую страну, проводит угрожающую внешнюю политику. Но она является более предпочтительной, чем повторяющий злобные высказывания Китай. Имеющиеся у Китая сырьевые ресурсы есть и у России. И даже если считать огромный рынок Китая важным для Японии, то страной, к которой Японии следовало бы «прилепиться» в первую очередь, является Россия»⁶⁷.

Крайне обеспокоены усилением Китая и в Индии. Так, по мнению экспертов Индийского совета по международным делам, стремление Китая к континентальной гегемонии и морская гегемония США способны привести к образованию двухполюсного мира. В этих условиях такие страны региона, как Япония, Корея, Индия и Австралия, вынуждены будут сделать выбор между союзом с Китаем и союзом с США. По мнению индийских экспертов, оба эти варианта не отвечают интересам достижения баланса сил в регионе, поскольку США теряют влияние в регионе, а Китай имеет с рядом стран региона территориальные и пограничные споры. Поэтому Индия и Россия могут и должны стать третьим полюсом, стабилизирующим ситуацию в АТР⁶⁸.

История и будущее

С вопросами взаимного доверия связаны и проблемы освещения истории и «негосударственных» радикальных взглядов на российско-китайские отношения. Суть их заключается в следующем. Позиция официальных китайских историков выражается в том, что в XIX в. Россия захватила значительные китайские территории. Об этом пишется в учебниках, соответствующим образом составляются географические карты, несмотря на то, что вопрос этот, как показано в главе 1 данной книги, мягко говоря, спорный. Больше того, несмотря на дружеские отношения, даже известные острова Курильской гряды, на которые претендует Япония, на китайских картах изображаются как «оккупированная СССР» часть территории Японии. В то же время в Китае крайне остро относятся к попыткам Японии пересмотреть историю Второй мировой войны.

Ряд российских экспертов и особенно журналистов делают вывод, что Китай претендует или в будущем может претендовать на эти территории. Действительно, чтение материалов китайского Интернета, до которых не доходят руки цензуры или на которые она не обращает внимания, показывает, что убеждение в том, что царская Россия захватила китайские территории, действительно, глубоко сидит в китайском массовом сознании. Пока власти, заинтересованные в хороших отношениях с Москвой, сдерживают дискуссии о том, надо ли «вос-

⁶⁷ 青山学院大学教授・袴田茂樹 領土返還要求は単なる建前か.

⁶⁸ Лукин А.В., Иванов А.В. Перспективы российско-индийских отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 320.

становить справедливость». Описывая подобные настроения в российском обществе, Е.П. Бажанов приводит следующие аргументы тех, кто опасается будущего развития событий: «Нет, однако, гарантии, что в будущем китайское правительство не возобновит старые территориальные требования, чтобы «вернуть исторические долги и восстановить справедливость». Такое развитие событий может явиться следствием дальнейшего укрепления мощи КНР и возрастания великодержавных и националистических амбиций этого государства. Или, напротив. Китайские власти захотят использовать территориальный вопрос для отвлечения внимания населения от внутренних трудностей. Спор вокруг территорий способен разгореться и в условиях ухудшения российско-китайских отношений по другим причинам, как это имело место в 1960-х годах. О территориях в КНР почти неизбежно заговорят в случае демократизации этой страны — там немедленно появятся националистические партии с экстремистскими платформами»⁶⁹. По мнению Е.П. Бажанова, о такой возможности свидетельствуют события периода проведения кампании «Пусть процветают сто цветов» во второй половине 50-х годов XX в., когда получившие возможность свободно высказываться авторы некоторых статей в китайской прессе заговорили и о «захваченных Россией территориях»⁷⁰. На нее же указывают и периодически возникающие в крупных городах страны антияпонские волнения, которые, по мнению одних, инспирируются, а по мнению других, сдерживаются центральным правительством⁷¹, а также вспышки крайне националистических настроений как реакции на волнения в национальных регионах (Тибет, Синьцзян, Внутренняя Монголия).

Такое развитие событий, вероятно, соответствовало бы желаниям многих американских наблюдателей, которые также постоянно его предрекают. Так, в предисловии к книге, выпущенной по результатам специального исследования российско-китайских отношений Центра Карнеги, известный специалист по внешней политике Ш. Гарнетт, признавая, что Россия и Китай скорее всего будут углублять сотрудничество, пишет: «Тем не менее, долговременные ограничители сдерживают развитие торговли, сужают серьезное сотрудничество в области безопасности до торговли оружием и выражения идеологической солидарности и создают региональные проблемные точки, которыми обе стороны должны заниматься. В этом контексте партнерство сохраниться, но сможет развиваться только в рамках этих ограничений. Рано или поздно эти две нации со своими различными сильными сторонами и перспективами столкнутся с массой проблем, возникших вдоль старой китайско-советской границы. В этих столкновениях Россия, скорее всего, обнаружит, что она больше не в состоянии поддерживать равное партнерство с Китаем. Китаизация российского Дальнего Востока или более самоуверенная китайская позиция в Центральной Азии, безусловно, станут вызовом для взглядов тех, кто больше всех выступает за развитие стратегического партнерства с Китаем. В случае возникновения таких проблем и напряженности, ни одна из сторон не будет заинтересована в возвращении к вооруженной конфронтации». Согласно

⁶⁹ Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. С. 305–306.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См., например: Моргулов И.В. А теперь и между Пекином и Токио // Международная жизнь. 2005. № 6. С. 94–101.

Ш. Гарнетту, в этом случае Россия встанет перед выбором «уступить растущей китайской мощи, став младшим партнером во все более неравных взаимоотношениях, или попытаться сбалансировать ее отношения с Китаем, обратившись к другим азиатским и глобальным партнерам»⁷².

Этот составленный более десятилетия назад сценарий (а скорее, пожелание тех, кто хочет, чтобы к ним «обратились») пока не реализовался. Нет ни китаизации Дальнего Востока, ни проблем на границе, ни жесткого соперничества в Центральной Азии. Напротив, положение в России стало несколько стабильнее, чем в конце 90-х, что привело к углублению сотрудничества. Тем не менее, читая эти строки, в Пекине должны хорошо себе представлять, к чему может привести излишне «самоуверенный» внешнеполитический курс.

Отношение к Китаю в мире уже стало меняться. Влиятельный специалист по внешней политике России и Китая Б. Ло в конце 2010 г. писал, что «попытки Китая представить себя благородной и великодушной страной все менее убедительны. Успешный выход Пекина из финансовой бури в то время, когда почти все другие экономики «Большой двадцатки» находились в свободном падении, вышел ему боком. Китайские лидеры продолжают настаивать на том, что Китай — «развивающаяся страна», но в это по сути уже никто не верит. Окно «стратегических возможностей», открытое в течение 20 лет, когда Пекин мог пользоваться благоприятной международной обстановкой, чтобы решать свои внутривнутриполитические задачи, резко захлопнулось. В мире усиливается представление о КНР как о паразитической и надменной державе. Если когда-то имидж Китая был лучше, чем у России, то в течение последних 12 месяцев ситуация заметно изменилась». По мнению Б. Ло, еще одна проблема состоит в том, что у Китая «стирается граница между экономическими интересами, с одной стороны, и военно-политическим влиянием — с другой. Здесь есть две проблемы: усиливающееся восприятие Китая как любителя загребать жар чужими руками, а также подозрения ведущих игроков, включая Россию, что Пекин использует экономические активы для получения геополитической выгоды. Даже если у китайских лидеров нет таких намерений, остаются опасения, что усиление экономического влияния Китая само по себе создает новые стратегические реалии»⁷³.

На сегодня все вопросы, связанные с прохождением границы, решены двумя странами. Поэтому по историческому вопросу нет смысла вдаваться в политические дискуссии. Пока Россия и Китай придерживаются принципа нерушимости существующих границ, Россия должна занимать логичную позицию: «Кто бы у кого что и ни захватил в прошлом, к нынешней признанной обеими сторонами линии границы это не должно иметь никакого отношения. Исторические же вопросы нужно оставить историкам, которые и должны в них разбираться». Исторически значительные территории на всех континентах переходили из рук в руки, и попытки начать «восстанавливать справедливость» могут привести к войне всех против всех.

⁷² *Garrett Sherman. Limited Partnership // Sherman Garnett (ed.). Rapprochement or Rivalry? Russia-China Relations in a Changing Asia. Washington (D.C.): Carnegie Endowment for International Peace, 2000. P. 30–31.*

⁷³ *Бобо Ло. «Постоянная перезагрузка» Китая. Пекин перед лицом психологической модернизации // Россия в глобальной политике. Сентябрь–октябрь 2010 (<http://www.globalaffairs.ru/number/Postoyannaya-perezagruzka-Kitaya-15017>).*

Стабильность

Проблемы для России может принести и дестабилизация Китая. Сегодня Китай предстает бурно и успешно развивающейся, стабильной страной. Но в исторической перспективе ей неизбежно предстоит пережить политические изменения. Причем если при демократии смена власти обычно проходит безболезненно, в соответствии с законом и общепринятыми процедурами, то при авторитаризме возможны и серьезные беспорядки. Китайское общество меняется, множество китайцев ездит за границу, видит жизнь там, смотрит зарубежное телевидение, пользуется Интернетом. Исторический опыт, в частности события 2011 г. в арабских странах, показывает, что в этих условиях даже экономически весьма успешные режимы могут вызывать серьезное недовольство граждан. Замедление экономического развития в такой сложной стране, как Китай, будь то из-за нехватки сырьевых ресурсов, падения спроса на китайскую продукцию или просто неудачных экономических мер, может усугубить ситуацию. Концентрация власти в руках одной партии или элитной группы, с одной стороны, создает видимость стабильности, но с другой — направляет общественное недовольство всеми, даже самыми мелкими проблемами, без которых не обходится ни одно общество, на систему в целом. В этом плане некоторые российские эксперты, рассматривая различные сценарии будущего развития Китая, в качестве возможных вариантов предусматривают серьезные внутренние конфликты и даже распад «на несколько фактически, а затем и юридически независимых государств»⁷⁴.

Китайское руководство хорошо понимает все эти угрозы и старается их не допустить, решая стоящие перед обществом проблемы. Тем не менее, выстраивая курс в отношении Китая, нам в России, наверное, необходимо их учитывать. Но учитывать как варианты, маловероятные и весьма отдаленные. Поэтому, на наш взгляд, нет смысла, как это делают некоторые, тратить время на предсказание того, как могут повлиять на будущее российско-китайских отношений отдаленные и маловероятные сценарии развития внутривнутриполитической ситуации в обеих наших странах, которые могут и не реализоваться. Строить же практическую политику необходимо, исходя из существующих реалий и открыто обсуждая с китайскими коллегами любые сложности и проблемы. Необходимо хорошо понимать, что в настоящее время Китай — мощное и дружественное России государство, желающее ей успехов и готовое оказывать содействие в решении ее экономических проблем, но имеющее собственные интересы, не всегда совпадающие с российскими.

Экономика

Как показано в главе 4, российско-китайское экономическое сотрудничество динамично развивается. Но это развитие также сопровождается рядом проблем. В основном, эти проблемы касаются России. К ним можно отнести: 1) недоста-

⁷⁴ *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимодействий. М.: Муравей, 2004. С. 514; *Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в трех томах. Т. 2. М.: Научная книга, 2002. С. 456.

точно высокий объем товарооборота; 2) растущий торговый дефицит России; 3) доминирующие позиции сырьевых товаров в российском экспорте и крайне низкая доля машин и оборудования при постоянно растущей доли машин и оборудования в российском импорте из Китая. Ключ к решению всех этих трех проблем находится в состоянии российской экономики. Действительно, Китай легко может увеличить товарооборот за счет экспорта, все зависит от емкости российского рынка. России же трудно наращивать экспорт, поскольку в ней мало что производится, кроме сырья. Тем не менее отрадно, что во всех этих вопросах Китай не занимает эгоистическую позицию, а внимательно относится к российским проблемам и сотрудничает в их решении.

В Китае тоже обращают внимание на ряд проблем экономического сотрудничества с Россией. Китайские опасения вызваны как общими проблемами (коррупция, непонятное и противоречивое законодательство), так и отношением в обществе к самим китайцам. Российское население, да и чиновники плохо знают современный Китай. Многим он еще представляется бедной и отсталой страной (достаточно вспомнить абсурдные высказывания Б.Е. Немцова, будто в Китае чуть ли не полстраны живет в нищете⁷⁵). Действительно, в Китае еще много бедных регионов, но это совсем не та нищета, что была ранее: там нет голодных и нуждающихся в одежде. Значительная же часть страны — это районы с высокоразвитой современной экономикой. Кроме того, в Китае появилось много состоятельных людей, которые, приезжая в Россию, с удивлением поглядывают на бедность и неустроенность в регионах, граничащих с Китаем. Их также удивляет незаинтересованность в китайских предложениях российских чиновников, которые разговаривают с ними совсем по-другому, чем с западными бизнесменами. Им непонятно, почему дружественный Китай признается в России страной повышенной миграционной опасности, а пригласить китайского партнера в Россию гораздо труднее, чем гражданина другой страны.

Обращают в Китае внимание и на то, что в России многие опасаются расширения партнерства с Китаем, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири. Так, странный ажиотаж в российских СМИ вызвало принятие Программы сотрудничества на 2009—2018 гг. между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-востока КНР, в которой предусматриваются крупные взаимные инвестиции в ряд проектов на территории обеих стран. Говорилось, что именно они приведут к превращению России в сырьевой придаток Китая.

Естественно, что определенная часть объектов на российском Дальнем Востоке и в Сибири — это месторождения полезных ископаемых. Однако опасность заключается отнюдь не в том, что эти месторождения будут разработаны с использованием китайских инвестиций, а в том, что полученные доходы могут быть вновь разбазарены, а не использованы на создание в России инновационной экономики, о необходимости которой сейчас так много говорят. Но в этом будет повинен отнюдь не Китай.

В то же время следует признать, что значительному расширению российско-китайского торгово-экономического сотрудничества и развитию его в благоприятном для России направлении препятствует не отсутствие двусторонних мер, которые как раз принимаются, а общее состояние российской экономики

⁷⁵ Приморский край: Главная проблема региона заключается в его репутации (<http://www.allmedia.ru/newsitem.asp?id=687683>).

и инвестиционного климата в России. При нынешнем уровне коррупции и неэффективности органов государственной власти работать в подобном климате могут только мощные корпорации, готовые к стратегическим капиталовложениям на длительную перспективу и обладающие достаточным влиянием, чтобы противостоять корыстным поползновениям чиновников хотя бы низкого и среднего ранга. В Китае таких корпораций пока немного, а те, что есть, предпочитают работать на других, более благоприятных рынках.

В отношениях Китая с Западом мощная структура торгово-экономических связей часто поддерживает и даже корректирует политические взаимоотношения (так, за последние годы уже несколько американских администраций постепенно смягчали антикитайскую риторику под давлением экономических интересов). В отличие от этого, в российско-китайских отношениях, наоборот, высокий уровень политических контактов и согласие по политическим проблемам выступает стимулом (иногда эффективно, а иногда нет) развития торгово-экономических связей.

Китайский общественный строй и Россия

Один из вопросов, который часто поднимается и сегодня, но особенно бурно обсуждался в нашей стране в 90-е годы прошлого века, — возможно ли стабильное и долгосрочное сотрудничество между государствами со столь различными общественным строем и политическим режимом. Действительно, российский и китайский политические режимы значительно отличаются друг от друга. Российские власти провозглашают свою страну демократическим государством в западном понимании этого слова. В конституции же КНР Китай назван «социалистическим государством демократической диктатуры народа». Может ли различие режимов послужить препятствием для развития двусторонних отношений и как следует относиться к китайской политической реальности? Эти вопросы тесно связаны с более широкими представлениями о целях общественного развития.

Что важнее — свобода или достаток? Этот вопрос издавна обсуждается философами и политиками. Конечно, хотелось бы и того и другого, но бывает так, что свобода не ведет к достатку, а достаток — к большей свободе. В западном мире сложилось представление, что свобода ценна сама по себе. Это мнение (а скорее, вера) основано на длительном развитии политической и философской мысли, корни которой — в теории «естественных прав», зародившейся в западном христианстве много веков назад. Если свобода самоценна, если она — «естественное право» человека, с которым он рожден, то нет смысла обсуждать, нужна ли она, и если да, то в какой степени. Более того, ею нельзя жертвовать ради чего бы то ни было: стабильности, порядка, достатка. «Те, кто готовы пожертвовать насущной свободой в обмен на немного временной безопасности, недостойны ни свободы, ни безопасности», — эта фраза, приписываемая Бенджамину Франклину, выражает суть современного западного подхода к свободе. Но что значит — не заслуживают? А если не хватает элементарной пищи? В мире, не затронутом западнохристианской традицией, тем более в странах бедных и нестабильных, такой веры часто не понимают, и подходят к свободе инструментально: полезна ли свобода

для чего-то, например, для экономического развития, государственного строительства и т. п.

Вопрос о соотношении достатка и демократии, т.е. политического режима, в наибольшей степени обеспечивающего политическую свободу, крайне актуален для многих современных государств, в том числе для России и Китая. В обеих странах необходимость демократии в принципе никто не оспаривает, говоря лишь об их особенностях. В России в период второго президентства В.В. Путина «партия власти» Единая Россия выдвинула теорию «суверенной демократии». Президент Д.А. Медведев больше говорил о единстве основных демократических принципах во всем мире и о молодости и несовершенстве демократии российской⁷⁶. Лидер КНР Ху Цзиньтао подчеркивает необходимость совершенствования социалистической демократии, при этом укрепляя руководящую роль КПК, придерживаясь «правильной политической ориентации» и задавая «верное направление общественному мнению»⁷⁷.

Вообще называть себя противником демократии в сегодняшнем мире не принято. Демократия превратилась в популярный лозунг, демократами называют себя все: от Ким Чен Ына до Б. Обамы. Вопрос лишь в том, какая демократия нужна данному конкретному обществу: та ли, что обеспечивает политическую свободу и права личности, или какая-то другая.

Китайская история сложилась так, что свобода в этой стране часто приводила к смуте или еще более жесткому деспотизму. В 1912 г. Китай стал первой в Азии республикой, однако антимонархическая революция вызвала распад страны на регионы, контролируемые милитаристскими группировками. Коммунисты, пришедшие к власти в 1949 г. под лозунгом «народной демократии», установили жесточайшую диктатуру. Начавшаяся в 1966 г. «Великая пролетарская культурная революция», выплеснувшая на улицу «энергию масс», сопровождалась такими зверствами и массовыми беспорядками, что руководству пришлось обузывать эту энергию с помощью вооруженных сил. Наконец, студенческие демонстрации с требованием установить западную либеральную демократию в 1989-м парализовали на несколько дней жизнь в Пекине и других крупных городах.

Учитывая этот исторический опыт, нынешнее китайское руководство опасается, что разбуженная свободными выборами инициатива масс может вызвать новые беспорядки и свернуть страну с пути успешных экономических реформ. Его коренное убеждение — реформы и повышение уровня жизни населения возможны только в условиях политической стабильности. Трудно сказать, до какой степени это реальное опасение за судьбу страны, а до какой — за собственную власть, которой не хочется делиться. Китайские лидеры уже научились в соответствии с определенными процедурами передавать личную власть более молодым наследникам их линии. Это уже большое изменение по сравнению с другими коммунистическими режимами. Но открытая конкуренция между партиями, которая может привести к уходу от власти КПК в целом, — пока звучит как преступная идея, сторонник которой может получить длительный срок тюремного заключения.

⁷⁶ Медведев Д.А. Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идем вперед (<http://kremlin.ru/news/9599>).

⁷⁷ 胡锦涛考察军报社：坚持正确政治方向与舆论导向 (Ху Цзиньтао посетил редакцию военной газеты: придерживаться правильной политической ориентации и задавать верное направление общественному мнению). (http://news.xinhuanet.com/politics/2006-01/03/content_4003750.htm).

В результате китайские лидеры активно ищут формулу демократического режима, который не предполагал бы смену у власти правящей партии. Западную демократию иногда характеризуют как определенность процедур при неопределенности результатов. Китайским властям это явно не подходит. Им, как и другим авторитарным лидерам, требуется другая демократия — демократия неопределенности процедур при определенности результатов.

Именно поэтому китайские коммунисты с большим интересом следили за развитием в России дискуссии о «суверенной демократии». С поисками «другой демократии» связаны многие официальные трактовки демократического режима в Китае. Согласно одной из них, в современном западном обществе приоритет отдан гражданским правам и свободе личности, потому что «западная демократия возникла в процессе борьбы буржуазии с феодальным абсолютизмом». Китайская же демократия «возникла в ходе борьбы китайского народа с империалистической агрессией и порабощением, в условиях революционной борьбы за национальную независимость и освобождение народа», поэтому она отличается «организованностью, тем, что она концентрирована, направляема», а логика ее осуществления заключается в том, что «полномочия государства приоритетны по сравнению с правами граждан, а права личности подчинены интересам развития страны»⁷⁸. Согласно другой идее, в китайской демократии нет проблемы выбора режима, потому что выбор в пользу руководства КПК уже был сделан на «несколько тысяч лет вперед»⁷⁹. Третья идея заключается в том, что «народной демократии» необходим авангард, чтобы указывать народу, к чему стремиться. Наконец, заслуживает внимания теория официальных китайских политологов о том, что права личности могут быть обеспечены только по мере экономического и общественного развития. В Китае, например, сначала нужно было укрепить суверенитет (это уже сделано), затем создать определенный уровень достатка и социального равенства (это делается сейчас), а уже потом расширять права личности, которые в условиях голода и развала страны все равно осуществлены быть не могут⁸⁰. С этим непосредственно связана официальная китайская концепция прав человека, согласно которой главное из них — «право на жизнь», т.е. обеспечение основных материальных потребностей человека, без чего другие права теряют смысл.

Российские эксперты по-иному оценивают китайский режим. Фундаментальный коллективный труд российских политологов «Политический атлас современности», в котором приняли участие ученые МГИМО и российского Института общественного проектирования, предлагает уникальную методику классификации мировых политических систем. В соответствии с этой методикой, учитывающей беспрецедентно большое число факторов, в рейтинге стран мира по институциональным основам демократии Китай и Россия занимают соответственно 178-е и 93-е место; в рейтинге государственности — 12-е и 27-е (т.е. здесь Россия уступает); в рейтинге наличия внешних и внутренних угроз — 78-е и 81-е, в рейтинге потенциала международного влияния — 2-е и 7-е, а в рейтинге качества жизни —

⁷⁸ *Фан Нин*. Путь демократической политики китайского образца // Россия и Китай на пути реформ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. С. 87–89.

⁷⁹ *Чэнь Хутай*. Основной опыт демократического пути с китайской спецификой // Китай и Россия: Демократическое строительство в международном контексте // Китайско-российский форум политологов. Сборник статей. Пекин: Сент, 2007. С. 55.

⁸⁰ См.: *Фан Нин*. Опыт китайской демократии. С. 49–53.

95-е и 73-е⁸¹. В другом исследовании, выполненном академиком РАН В.М. Полтеровичем и профессором Российской экономической школы В.В. Поповым, на основе, в том числе, и китайского материала делается вывод о том, что демократизация в странах со слабым правопорядком ведет к замедлению экономического роста, а с сильным — к его ускорению⁸².

Так нужна ли в свете всех этих исследований Китаю реальная политическая реформа? Представляется, что некоторые аргументы китайских властей заслуживают внимания хотя бы потому, что своими успехами в экономической области они доказали, что являются серьезными политиками, возможно, наиболее успешными в современном мире. Это не означает, что с ними во всем нужно соглашаться и определять однопартийную диктатуру как демократию. Но в то же время для тех, кто наблюдает за развитием Китая и России последних десятилетий, ясно, что вопрос о том, не подорвет ли поспешная демократизация стабильность, необходимую для продолжения успешной экономической политики, по меньшей мере, заслуживает обсуждения.

У американцев есть пословица: «Если что-то не сломано, не нужно это чинить». Возможно, в сегодняшнем Китае ситуация во многих отношениях не идеальная, но она, безусловно, наилучшая за долгие десятилетия и даже столетия. Зачем же подвергать ее опасности взрыва, который может отразиться и на нашей стране (достаточно представить себе массы эмигрантов, бегущих от политической нестабильности)? Вот когда (и если) экономическое положение станет хуже или относительно хуже, когда нынешняя власть не сможет обеспечивать потребности развития и удовлетворять растущие ожидания населения, тогда жители Китая, возможно, и задумаются о демократизации. Именно тогда в Китае может произойти переход к более свободной системе, как это случилось уже во многих соседних странах и регионах, избравших сходную модель развития, — в Южной Корее, на Тайване, в Индонезии, на Филиппинах. Нам остается лишь надеяться, что прежде чем до этого дойдет дело, уровень достатка, правопорядка и правосознания в Китае станет достаточным, чтобы демократизация стимулировала, а не подрывала общественную стабильность и экономический рост.

В России, как и в Китае, несколько попыток демократизации оказались безуспешными. Некоторые связывают это с привычками, выработанными тоталитарным режимом, другие — с более старыми российскими культурными традициями. В любом случае, опросы общественного мнения показывают, что современные россияне, за исключением незначительного меньшинства, не особенно озабочены ущемлением своих политических прав. В то же время жители нашей страны очень хотели бы сохранить некоторые неpolitические права и возможности, полученные ими в результате краха советской системы — право на неприкосновенность личной жизни и жилища, право выбора занятия и работы, право владеть собственностью, которые обеспечивались бы заботливым патерналистским государством⁸³. А это означает, что только режим, отвечающий таким

⁸¹ Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007. С. 161–175.

⁸² См.: Полтерович В.М., Попов В.В. Демократия, качество институтов и экономический рост (<http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/Democracy-2006DEC-Russian.pdf>).

⁸³ См., например, исследование Аналитического центра Юрия Левады «“Демократия” в России», проведенное в декабре 2006 г. (<http://www.levada.ru/files/1188918122.doc>).

чаяниям, а не абстрактным либеральным схемам, может быть стабилен на данном этапе развития политического сознания. Общество, не желающее большей свободы, не может быть более свободным, чем оно есть: ведь свобода возникает как результат длительной борьбы за нее и лишь там, где она считается необходимой.

Интересно, что политическая «стабилизация» в России радует как китайских консерваторов, так и сторонников политических реформ. И те и другие считают, что хаос и политическая нестабильность соседа не в интересах Китая, так как в условиях нестабильности непонятно, с кем иметь дело, с кем развивать экономическое сотрудничество. Консерваторы довольны тем, что западная модель демократии не приживается в бывшем центре мирового социализма, и указывают на это своим оппонентам, говоря, что и в Китае у нее нет перспектив, а последствия могут быть еще более разрушительными, чем у соседа. Реформаторы, напротив, утверждают, что улучшение ситуации в России в первой декаде XXI в. обусловлено либеральными реформами 90-х годов, которые, в конце концов, дали результат.

Как бы то ни было, и России, и Китаю для нужд экономического развития и укрепления международного статуса необходимы тесные отношения друг с другом, независимо от их политического строя. Тот факт, что в первое десятилетие XX века наметилось сближение характера российского и китайского политических режимов, служил дополнительным, но не решающим фактором укрепления взаимопонимания, причем только на уровне государственного руководства. Если эта тенденция в России сменится в пользу более гибкой политической системы, это никак не повлияет на характер взаимоотношений Москвы с Пекином.

Политическая культура, политическое сознание меняются, но меняются медленно. Возможно, и в России, и в Китае экономическое развитие, рост частной собственности подтолкнул политические изменения, а более глубокое знакомство с зарубежным опытом и недовольство собственным бесправным положением приведут к тому, что граждане осознают пользу независимого суда, разделения властей, что, в свою очередь, вызовет потребность в расширении политических свобод. Этот процесс уже начался. С начала второго десятилетия власти в обеих странах под давлением обстоятельств выступили за либерализацию политической системы. В России на волне общественного недовольства, вызванного методами проведения и результатами выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. и президента в марте 2012 г., их поддержал уходящий со своего поста президент Д.А. Медведев. В Китае в то же время в руководстве возникли явные разногласия по поводу того, как подходить к острым проблемам страны: социальному неравенству, коррупции, росту преступности. В результате заигрывавший с левыми маоистскими лозунгами и символикой времен «культурной революции» член Политбюро и секретарь комитета КПК одного из крупнейших городов страны Чунцина Бо Силай лишился своего поста, а подвергший его критике премьер Госсовета Вэнь Цзябао, выступая на пресс-конференции по окончании 5-й сессии ВСНП 11-го созыва, заявил, что с проблемами, сопутствующими экономическим реформам, надо бороться путем углубления реформ политических, а не скатываясь назад в прошлое, из которого были извлечены горькие уроки. «Хотя мы и приняли решение по некоторым историческим вопросам после разгрома «банды четырех» и проводили реформы и открытую политику, но окончательно не освободились от влияния ошибок «культурной революции» и феодализма. Экономическое развитие вновь породило

такие проблемы, как несправедливость в распределении, нехватка честности, коррупция, взяточничество и проч. Я отлично понимаю, что для решения этих проблем необходимо реформировать не только экономическую, но и политическую систему, в особенности систему партийного и государственного руководства. Сейчас реформа вступила в решающий этап, без успешной реформы политической системы невозможно довести до конца и реформу экономической системы, кроме того, достигнутые результаты могут быть утеряны, вновь возникшие социальные проблемы также невозможно решить коренным образом, а историческая трагедия Великой культурной революции может и повториться. Все ответственные члены партии и руководящие кадры должны чувствовать насущность этой проблемы», — заявил китайский премьер⁸⁴.

Ухудшение экономического положения, которое время от времени происходит везде, может дать дополнительный толчок политическим переменам. Но если это и произойдет, то, вероятно, не так уж скоро. А до той поры специалисты и с российской, и с китайской стороны на различных конференциях будут с большим интересом обсуждать сравнительные достоинства «суверенной демократии» и «правильной политической ориентации».

Опыт китайских реформ и Россия

Спор о китайских реформах и о том, нужно ли России что-то заимствовать из китайского опыта, идет уже больше двух десятилетий. Множество исследований посвящено тому, какие экономические меры привели Китай к бурному подъему экономики, а Россию — к десятилетнему спаду. Однако основное различие реформ в наших странах — в роли государственной власти, которая в обоих случаях была их инициатором.

Государственная власть, приступающая к серьезным реформам, должна:

- поставить задачи по реформированию существующей системы;
- наметить пути их решения;
- использовать рычаги государственной власти для осуществления намеченного;
- вносить необходимые коррективы по ходу реформ.

По всем этим пунктам реформы в КНР проводились более эффективно и последовательно.

Существует довольно распространенный миф, будто китайские реформы начались с экономики, а советские — с политики. В действительности и те и другие начались с идеологических дискуссий, в ходе которых были сформулированы цели реформ. В Китае группировка во главе с Дэн Сяопином, пришедшая к власти вскоре после смерти Мао Цзэдуна, пытаясь разобраться, почему страна находится в таком плачевном положении, провела целый ряд идеологических собраний, дискуссий, научных совещаний, в результате которых возникла теория, идеологически обосновавшая необходимость реформ и их характер.

⁸⁴ 温家宝2012年3月14日答中外记者问(全文) (Ответы Вэнь Цзябао на вопросы китайских и иностранных журналистов 14 марта 2012 года. Полный текст) (http://news.ifeng.com/mainland/special/2012lianghui/content-3/detail_2012_03/14/13190724_0.shtml).

Прежде всего, была сохранена основная цель развития страны, стоявшая перед ней с конца XIX в. — превращение Китая в мощное государство. Это была общая линия всех китайских реформаторов и революционеров, включая Мао Цзэдуна, пытавшихся вывести Китай из униженного положения, в котором он оказался во второй половине XIX — начале XX в. Кроме того, социализм в понимании марксистов предполагал более высокий, по сравнению с капитализмом, уровень развития производительных сил. Левацкая политика Мао (которому в Китае отдавали должное за политическое объединение страны), сводившаяся к немедленному введению коммунизма и огосударствлению всей экономики, потерпела очевидный крах, приведя к разрухе. Поэтому при сохранении общей цели было решено действовать по-иному. Предложенный реформаторами метод — ограниченное допущение рыночных механизмов в целях обеспечения экономического роста — не был новым для коммунистической идеологии. Он применялся в СССР в период нэпа, и И.В. Сталин даже рекомендовал его китайским коммунистам, когда те пришли к власти, считая, что Китай недостаточно развит для немедленного обобществления всех средств производства.

Тот этап развития, которого Китай достиг к концу 1970-х, новые лидеры страны определили как «начальный этап строительства социализма», предполагавший возможность развития рыночных отношений. Интересно, что вместо коммунистического идеала общества без частной собственности (в конфуцианстве этому обществу соответствовало бы понятие *датун* — великое единение, великое равенство), Дэн Сяопин для обозначения непосредственной цели развития использовал другой конфуцианский термин *сяокан*, т.е. «малое благосостояние» (общество, где возможно неравенство)⁸⁵. В этом выборе, как отмечал еще А.В. Меликсетов, сказалось, по-видимому, тайваньское влияние: термин *сяокан* несколько ранее взял на вооружение Чан Кайши на Тайване с той же целью — обосновать допустимость развития неравенства и частной собственности на определенном этапе общественного развития⁸⁶. В то же время общество *сяокан* в КНР понималось как социалистическое, что означало сохранение власти коммунистической партией, но не обязательно предусматривало активную социальную политику. В китайской терминологии это формулировалось как строгое следование «четырем базовым принципам»: социализму, диктатуре пролетариата, партийному руководству и идеологии марксизма-ленинизма, а также идеям Мао Цзэдуна.

В СССР первоначально также ставилась цель реформировать социализм. Однако вместо создания мощной державы (державой и так была мощной, и никто не предвидел возможности ее распада) реформы скорее ассоциировались с большей гласностью и налаживанием экономического развития, причем обе цели почти с самого начала предполагали ослабление государственного контроля («командно-административной системы», т.е. власти КПСС). Как и в Китае, хотя и не сразу, были предприняты шаги для развития рыночных отношений и частного сектора в качестве дополнительного по отношению к государственному, в частности, был принят закон о кооперативах (1988). Однако, столкнувшись с сопротивлением партийно-государственного аппарата и трудностями в реализации нового закона, советское руководство отступилось и фактически свернуло его действие. В СССР

⁸⁵ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного развития Китая. М.: Политиздат, 1988. С. 70.

⁸⁶ Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М.: Наука, 1977. С. 237.

государству не хватило воли провести в жизнь собственные решения, и в этом главное политическое отличие китайских реформ от советских.

Китайский успех был обеспечен не только и не столько конкретными мерами — меры часто менялись, неэффективные корректировались или отменялись, взамен вводились новые. Главное в том, что в Китае для продвижения реформ удалось использовать существующий коммунистический партийно-государственный аппарат. Дэн Сяопин и его сторонники сумели заинтересовать чиновников как в центре, так и на местах в создании рыночных механизмов. Некоторые черты социализма были соединены с капиталистическими элементами: рынок вводился по-коммунистически. Даже социалистическое соревнование удалось превратить в капиталистическое. Возникла новая система продвижения по службе: если раньше повышение получали те чиновники, кто больше кричал о коммунизме и выявлял классовых врагов, то при Дэне выдвигаться стали те, кто более эффективно обеспечивал проведение экономических реформ в своем уезде, в своей провинции. Ярчайший пример — премьер Чжао Цзянь, получивший свою должность за успешное проведение аграрной реформы в провинции Сычуань. Сегодня эта система сохраняется; повышение получают те руководители, которые смогли обеспечить большой рост ВВП и привлечь более значительные иностранные инвестиции в своих регионах. На интернет-сайте любой китайской провинции и даже маленького городка можно найти данные о ВВП на душу населения, о том, сколько привлечено иностранных инвестиций, каков был экономический рост в прошлом году. Изменился принцип кадровой работы, но структура власти не была разрушена — она эволюционировала, превратившись из тормоза в мотор реформ.

В СССР аппарат также представлял собой препятствие для реформ. Не сумев заинтересовать номенклатурную верхушку в реформах, М.С. Горбачев поначалу решил обойти аппарат: отсюда гласность, а затем попытка создать новую, президентскую вертикаль. В результате началась открытая борьба за власть внутри правящей элиты как в центре, так и между центром и регионами, что привело к крайней неразберихе в системе управления. Руководство потеряло контроль над ситуацией, а после путча 1991 г. старый аппарат и вовсе развалился. Реформы стало некому осуществлять.

К чему привели два различных пути? В настоящее время в Китае продолжает править авторитарный режим, однако его аппарат смог обеспечить грандиозный, один из самых быстрых в истории экономический рост. С другой стороны, однобокий упор на рост привел ко многим проблемам — серьезным различиям в уровне развития между регионами, между городскими и сельскими жителями, к росту социального неравенства, загрязнению окружающей среды, обнищанию крестьян бедных регионов, за счет которых в основном и осуществлялся промышленный подъем. Аппарат власти вновь превращается в тормоз реформ. Чиновники на местах в личном плане уже, кажется, получили все, что могли, и дальнейшее развитие частного предпринимательства, укрупнение компаний угрожает политической власти аппарата на местах. Эти проблемы в Китае сейчас широко обсуждаются, китайские власти их понимают и пытаются решать. Основная линия политики руководства Ху Цзиньтао — смягчение социальных противоречий и борьба с коррупцией.

Что касается России, то в ельцинский период государство лишилось какого-либо инструмента государственной политики, государственный аппарат распался на кланы и группы. После прихода к власти В.В. Путина ликвидация хаоса пошла

по традиционному пути возвращения к авторитаризму. Однако к восстановлению действенного государственного аппарата это не привело. Сложившаяся система все более походит на классический авторитаризм «третьего мира»: правящая группа достаточно сильна, чтобы наказывать — вплоть до применения жестких карательных мер — особо раздражающих ее субъектов, но не способна проводить последовательную политику и добиваться выполнения собственных решений, так как государственный механизм погряз в коррупции и не работает эффективно.

Таким образом, заимствовать главное достижение китайских реформаторов — умение заинтересовать государственный аппарат проведением реформ — в России уже поздно. Сегодня Россия нуждается в другом — в восстановлении эффективной системы государственной власти. Тем не менее, как это ни парадоксально, в наши дни перед Россией и Китаем стоит и ряд сходных задач. В новых условиях развитого рынка эффективность государственного аппарата уже не может быть обеспечена только административными методами: и для борьбы с коррупцией, и для более эффективного исполнения решений, и для привлечения лучших кадров на государственную службу необходимы прозрачность и подотчетность одних органов госаппарата другим, и всех их вместе — обществу, а также правовое государство с подлинным, а не декларативным разделением властей, реальными полномочиями представительной власти, органов местного самоуправления и т.п.

Экономический рост сдерживается в России не отступлением от правильной экономической политики, а неэффективностью госаппарата, включая правоохранительные органы, налоговые службы, армию, суд и т.п. Однако создание правового государства и в Китае, и в России наталкивается на серьезные препятствия, поскольку неизбежно приводит к потере власти наиболее влиятельными группами. Поэтому в обеих странах этот процесс постоянно тормозится, несмотря на финансовые возможности. Вероятно, он станет возможным только при ухудшении экономического положения, а точнее, как показывает мировая практика, при возникновении разрыва между ожиданиями населения и способностью государственной власти отвечать этим ожиданиям. Нарастающее недовольство способно привести к осознанию необходимости реформ как обществом в целом, так и большей частью правящей элиты. Между тем в обозримом будущем подобная перспектива не просматривается ни в той, ни в другой стране ввиду благоприятной экономической ситуации, хотя ее причины в России и Китае различны.

Проблемы взаимопонимания

Лидеры России и Китая сходятся во мнении, что отношения между нашими странами находятся в лучшем состоянии за долгие годы. В то же время и в России, и в Китае, как среди широких слоев населения, так и среди образованной публики, укоренились мифы относительно соседа; в прессе господствуют стереотипы, многие из которых подогреваются определенными кругами и группами заинтересованных лиц — по политическим или экономическим причинам — в их существовании. Но встречаются и искренние заблуждения.

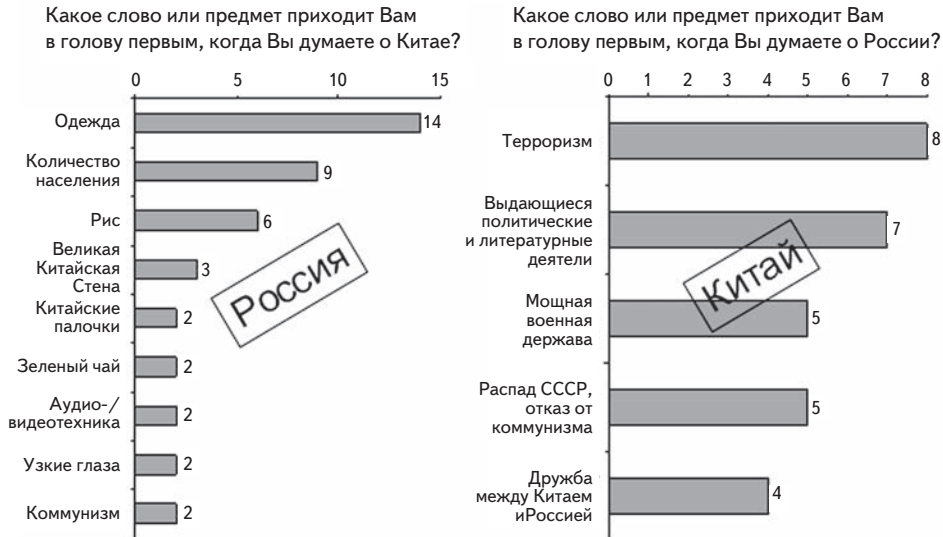
Взять хотя бы популярное определение Китая — «наш великий восточный сосед». А ведь достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что Китай расположен вовсе не на востоке, а на юге от наших границ. На этот факт всегда указывают

эксперты из регионов российского Дальнего Востока, не без оснований считают, что европоцентристски мыслящие жители западной части России отвергают очевидный факт: сама Россия — не только европейская, но и великая азиатская, т.е. «восточная», держава.

А вот пример из прошлого — определение советско-китайских отношений в 50-е годы XX в. как «братских». Дело в том, что носителями русского языка «братские» отношения воспринимаются как равные и родственные, т.е. необычайно тесные. В китайском же языке, как и во многих других восточных языках, отсутствует само слово «брат», есть только «старший брат» и «младший брат». Русское понятие «братские отношения» переводятся на китайский язык как «отношения между старшим и младшим братом», причем «старшим братом» называли СССР. Естественно, такие отношения не могли восприниматься как равные.

Представления россиян о Китае и китайцев о России в значительной мере стереотипные и устаревшие. Так, по данным опроса РОМИР, проведенного совместно с китайской компанией «Horizon Research» 2004–2005 гг., при упоминании о Китае россиянам приходят в голову, прежде всего, такие слова, как «одежда» (14%), «количество населения» (9%), «рис» (3%), «Великая китайская стена» (3%), а также «китайские палочки», «зеленый чай», «аудио- и видеотехника», «узкие глаза» и «коммунизм» (по 2%). Практически никто из россиян не вспомнил о бурном экономическом росте соседа, о его научно-технических или культурных достижениях. Из выдающихся деятелей Китая в России хорошо знают только Мао Цзэдуна (см. Рис 7.1), и лишь некоторые называют других политических деятелей и актеров. Великие китайские писатели, поэты, философы (за исключением Конфуция) в России вообще практически неизвестны (см. Рис. 7.2).

Рисунок 7.1



* За исключением затруднившихся ответить и ответов, которые назвали менее 2% респондентов.

Источник: Милехин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире // Россия–Китай. XXI век. Ноябрь 2005. С. 25.

Рисунок 7.2



* За исключением затруднившиеся ответить.

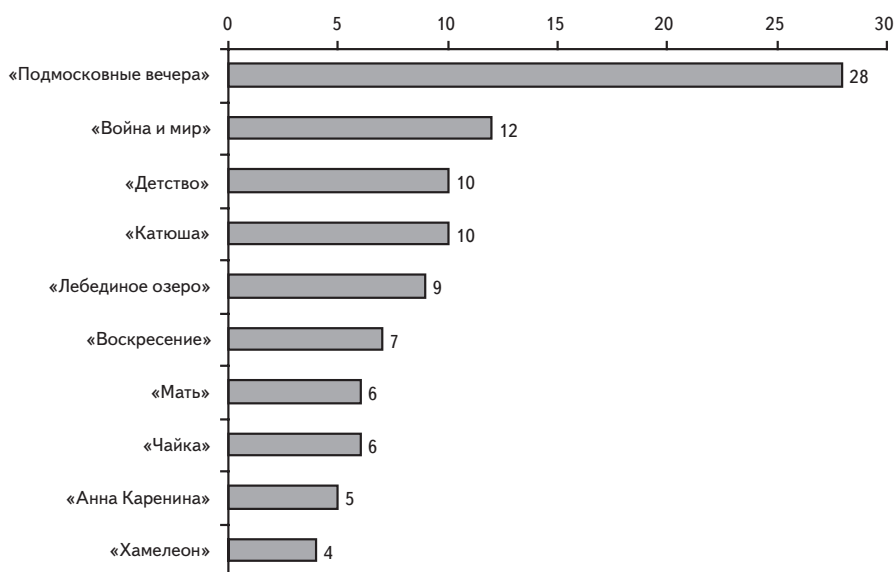
Источник: Милехин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире // Россия—Китай. XXI век. Ноябрь 2005. С. 25.

Согласно опросу Фонда общественного мнения (ФОМ), проведенному в июле 2008 г., «представления россиян о культуре этой великой страны довольно аморфны и приблизительны. У половины респондентов открытый вопрос «Скажите, пожалуйста, что первое Вам приходит в голову, какие мысли, образы, ассоциации возникают, когда Вы слышите слова “культура Китая”?» вызвал затруднения, а ответы остальных образуют множество статистически мало представительных суждений, что позволяет говорить об отсутствии в массовом сознании устойчивых стереотипов и смысловых доминант, связанных с китайской культурой. Чаще всего респонденты воспроизводили гастрономические ассоциации (не всегда, впрочем, имеющие отношение к китайской кухне: «суши»; «едят змей»; «лягушек едят»; «они режут все мелко, люблю китайскую кухню»; «собачатина»; «китайский зеленый чай»; «еда рисовыми палочками» — 7%), высказывали свои представления об этосе китайского народа («соблюдение традиций»; «вежливое отношение к пожилым»; «дружно работают, стараются» — 6%), стиле жизни простых людей («живут единой семьей, детей воспитывают в патриотическом духе, лишнего не позволяют» — 4%), а также называли образы китайского искусства (6%) и архитектуры (5%). Довольно часто (5%) упоминались китайские товары, иногда с оценкой их качества — как высокой, так и низкой: «китайские полотенца»; «термосы, свитера»; «компьютерная техника дешевая китайская»; «одежда одноразовая»; «автомобили хорошие»... Редкими были упоминания о китайской философии, религии и эстетике (4%), воздушных змеях, драконах и фонариках (4%), боевых искусствах и необычной одежде, великих китайских изобретениях, предстоящей Олимпиаде и пр. (по 1–3% ответов)⁸⁷.

⁸⁷ Шмерлина И. Образ Китая. 31.07.2008. Опрос населения (<http://bd.fom.ru/report/cat/az/0-9/china/d083021>).

В Китае российские реалии знают лучше, чем в России — китайские, однако не все из этих знаний позитивны. Так, согласно одному из упомянутых опросов, китайцам при упоминании о России пришли на ум следующие слова и явления: «терроризм» (8%), различные выдающиеся политические и литературные деятели (7%), «мощная военная держава» (5%), «распад СССР, отказ от коммунизма» (5%), «дружба между Китаем и Россией» (4 проц.)⁸⁸. Китайцы довольно хорошо знают российских политиков и деятелей культуры, и даже целый ряд литературных произведений (см. Рис. 7.2, 7.3, 7.4).

Рисунок 7.3 Какие произведения литературы и искусства России Вы могли бы назвать? (%)*

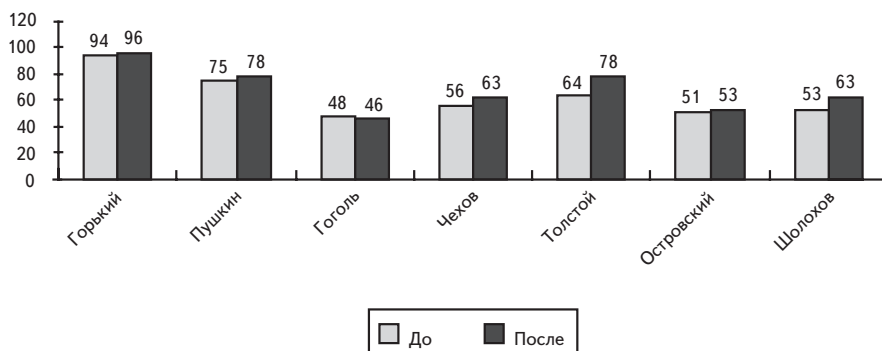


Источник: Милехин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире // Россия–Китай. XXI век. Ноябрь 2005. С. 25.

Оценка уровня развития и привлекательности партнера также неоднозначна. Большинство россиян (более 50-процентов) относятся к Китаю позитивно, считают его дружественной страной. В то же время довольно значительная их часть (15–25%) видит в Китае государство недружественное и даже врага России (хотя в этом отношении Китай значительно уступает США и НАТО (см. Рис. 7.5, табл. 7.1, 7.2).

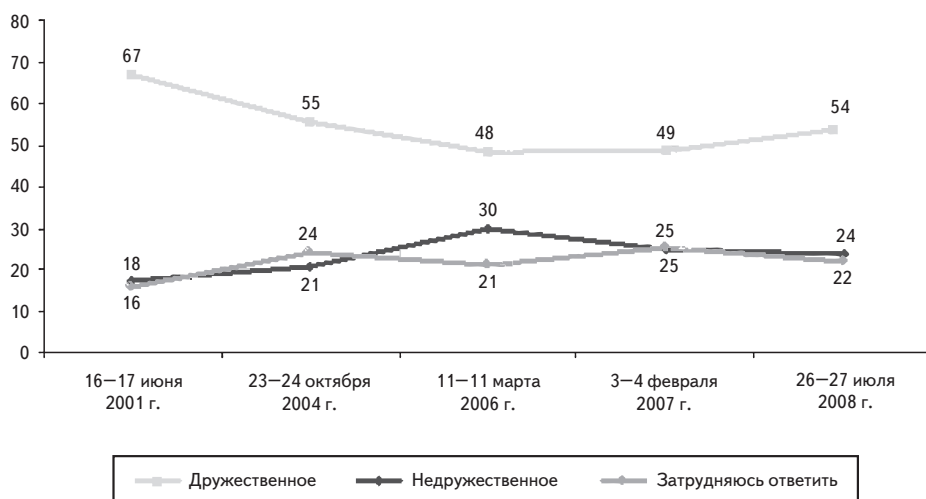
⁸⁸ Милехин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире // Россия–Китай. XXI век. Ноябрь, 2005. С. 25.

Рисунок 7.4 Каких известных российских писателей Вы знаете?
(Данные до и после проведения Года Китая в России)



Источник: 东民, 王浩 (Дун Минь, Ван Цзе). «“中国俄罗斯年”对中国社会的影响» (Влияние Года России в Китае на китайское общество). 中国社会调查所. 2006. 底稿. (По-видимому, Н.А. Островский).

Рисунок 7.5 Как Вы считаете, Китай — это дружественное или недружественное по отношению к России государство?



Источник: ФОМ. Образ Китая. 31.07.2008. Опрос населения (<http://bd.fom.ru/report/cat/az/0-9/china/d083021>).

Таблица 7.1

**Назовите пять стран, которые считаете наиболее близкими друзьями,
союзниками России**

	2005	2006	2007	2009	2010	2011
Беларусь	46	47	38	50	49	35
Казахстан	20	33	39	38	32	33
Украина	17	10	11	3	20	21
Германия	23	22	24	17	24	20
Китай	12	24	19	18	16	18

Источник: Аналитический центр Юрия Левады. Общественное мнение — 2011. Ежегодник. М., 2011. С. 212 (<http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2011>).

Таблица 7.2

Кого бы Вы назвали врагами России? (от тех, кто считает, что враги есть)

	2008 июль	2009 август	2011 январь	2011 август
Чеченские боевики	45	47	48	50
США	51	51	40	29
Бывшие союзные республики СССР (Прибалтика, Украина, Грузия и т.д.)	27	38	18	26
НАТО	39	34	32	26
Исламисты, сторонники фундаментального ислама	17	15	27	21
Определенные политические силы Запада	28	19	30	19
Олигархи, банкиры	19	19	20	15
Сепаратисты внутри России	13	10	15	11
Те, кто сегодня стоит у власти	7	7	7	10
Китай	8	13	13	9
Затруднились ответить	5	5	3	8
Сионисты	5	4	8	6

Источник: Аналитический центр Юрия Левады. Общественное мнение — 2011. Ежегодник. М., 2011. С. 211 (<http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2011>).

Согласно всероссийскому опросу ВЦИОМ, проведенному 25–26 августа 2007 г., Китай впервые обошел Белоруссию и занял первое место среди стран, с которыми в ближайшие 10–15 лет у России будут наиболее дружественные отношения (21 проц.), при этом лишь 3 проц. опрошенных заявили, что отношения

с ним будут враждебными, напряженными. Китай обошел Белоруссию (12 проц. и 2 проц. соответственно) и Германию (12 проц. и 0 проц.) (см. табл. 8). В 2006 г. Белоруссия считалась самой дружественной (19%), а Германия занимала второе место (14%)⁸⁹.

Таблица 7.3

Россия: ее друзья и ее враги

Страна	С какими странами, по вашему мнению, у нашей страны будут складываться наиболее дружественные отношения в ближайшие 10–15 лет? (Открытый вопрос, до пяти ответов)	А с какими странами у России будут складываться наиболее напряженные, враждебные отношения в ближайшие 10–15 лет? (Открытый вопрос, до пяти ответов)
Китай	21	3
Белоруссия	12	2
Германия	12	0
США	10	24
Япония	7	3
Индия	6	—
Казахстан	6	—
Украина	6	7
Франция	6	1
Страны Евросоюза	4	1

Источник: Россия, ее друзья и враги. Пресс-выпуск № 756. ВЦИОМ. 2007. Авг. 30.

Для сравнения, по данным сходного опроса, проведенного в феврале 2001 г. группой monitoring.ru (открытый вопрос «Назовите врагов и друзей России»), Китай назвали страной, проводящей «дружественную политику в отношении России», лишь 2% россиян. Больше голосов получили Белоруссия (15%) и Германия (4%), а Индия и Украина — столько же. В то же время Китай занял второе место среди «врагов» России (5%), больше получили только США (27 проц.)⁹⁰. По опросам РОМИР-мониторинг 2004–2005 гг. Китай занял лишь пятое место среди дружественных стран (5%). Выше были Украина (15%), Белоруссия (14%), Германия (13%), Франция (8%), США (6%). Среди недружественных государств Китай поделил с Афганистаном 5-е и 6-е места (3%) после США (34%), Грузии (10%), Ирака (6%), Латвии (4%).⁹¹

⁸⁹ Россияне полюбили Китай. 30.08.2007 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1188448020>).

⁹⁰ Цуладзе А. Одинокая Россия: Врагов у нашей страны больше, чем друзей // Сегодня. 2001. Март 15. С. 4.

⁹¹ Милехин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире... С. 26.

В то же время общая ориентация россиян остается во многом европейской и направленной в сторону бывших собратьев по СССР. Если сравнить их мышления относительно того, куда в целом должна быть направлена российская внешняя политика, то первые места неизменно занимают страны Европы и СНГ (см. табл. 7.4).

Таблица 7.4

На сотрудничество с какими странами, по Вашему мнению, России прежде всего следует ориентироваться в своей внешней политике?

	2001	2003	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Германия, Франция, Великобритания, другие страны Западной Европы	49	51	54	53	46	49	45	50	48
Украина, Беларусь, Казахстан, другие страны СНГ	53	38	49	48	44	48	42	46	43
Индия, Китай	22	21	21	24	26	28	32	29	23
США	31	27	30	24	15	18	15	30	32
Япония	27	23	26	20	19	24	22	23	22
Арабские страны, Куба, Северная Корея	11	11	7	7	11	12	12	9	8
Затруднились ответить	10	15	15	16	16	17	18	15	16

Источник: Аналитический центр Юрия Левады. Общественное мнение — 2011. Ежегодник. М., 2011. С. 210 (<http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2011>).

Те из россиян, кто позитивно относится к Китаю, чаще всего объясняют свои чувства положительными качествами китайцев (дружелюбием, работоспособностью, взаимной поддержкой), быстрым развитием китайской экономики и ростом благосостояния населения, техническими достижениями, экспортом в Россию необходимых товаров. Некоторые, хотя и немногие, вспоминают годы дружбы советского времени. Те, кто плохо относится к Китаю, опасаются наплыва китайцев и китайских товаров в Россию, обвиняют китайцев в скупке российских ресурсов и даже в стремлении захватить Россию. От половины до двух третей россиян считают, что Китай развивается более успешно, чем Россия, а более 40% — что эта страна в ближайшие десять лет займет лидирующее положение в мировой политике и экономике. В то же время большинство россиян (60–70%) полагает, что на сегодня Россия имеет большее влияние в мире⁹².

Немногие россияне выражают желание поехать в Китай (и это несмотря на то, что в реальности Китай — одно из трех наиболее посещаемых россиянами государств!). Согласно опросу ВЦИОМ 2011 г., лишь 4% хотели бы поехать туда с туристическими целями (десятое место после Франции, Италии, Германии,

⁹² ФОМ. Образ Китая.

Турции, Египта, Испании, США, Великобритании и Греции), лишь по 1% — на учебу и работу (девятое место)⁹³. Значительное число россиян (30–40%) выступает за ограничение проживания китайцев в России (см. табл. 7.5).

Таблица 7.5

Следует ли ограничить проживание на территории России людей следующих национальностей?

	2004 VIII	2005 VIII	2006 VIII	2007 VIII	2009 VIII	2010 VIII	2011 VII
ДА:							
Вьетнамцев	39	42	35	34	24	33	21
Евреев	15	18	13	10	6	11	8
Выходцев с Кавказа	44	50	42	44	38	37	39
Китайцев	39	46	41	41	34	36	30
Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР	31	31	23	25	20	27	26
Украинцев	8	8	7	6	7	6	5
Цыган	32	30	29	25	22	30	18
Всех наций, кроме русской	14	11	11	10	16	16	17
Нет, не следует вводить ограничения на проживание людей каких бы то ни было национальностей	21	20	25	23	19	21	17
Затруднились ответить	5	5	6	8	14	12	15

Источник: Аналитический центр Юрия Левады. Общественное мнение — 2011. Ежегодник. М., 2011 (<http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2011>).

Что касается отношения китайцев к России, то здесь ситуация также неоднозначна. Так, согласно упомянутому опросу РОМИР (2004–2005) Россия заняла первое место среди друзей Китая (26%). Ниже с большим отрывом шли КНДР и Гонконг (по 8%) и Сингапур, США и Южная Корея (по 3%). Среди недружественных стран Россия была третьей (1%), значительно уступая США (54%) и Японии (15 проц.)⁹⁴.

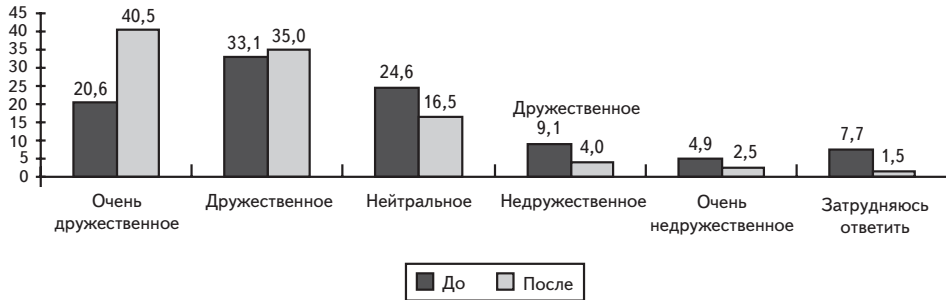
По данным Китайского института опросов общественного мнения, количество китайцев, относящихся к России «очень дружелюбно», за время проведения Года России в Китае (2006) увеличилось с 20,6 до 40,5%, «дружелюбно» — с 33,1 до 35% (см. Рис 7.6). В то же время тех, кто недружелюбно относится к России, также довольно велико⁹⁵.

⁹³ ВЦИОМ. Россия. Америка, Западная Европа — где лучше жить, работать и учиться? Пресс-выпуск № 1793. 06.07.2011 (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111736>).

⁹⁴ Милехин А.В. Указ. соч. С. 26.

⁹⁵ Опросы Китайского института опросов общественного мнения проводятся среди жителей 10 крупных городов.

Рисунок 7.6 Изменение отношения к России до и после проведения Года России в Китае



Источник: 东民, 王浩 (Дун Минь, Ван Цзе). «“中国俄罗斯年”对中国社会的影响» (Влияние Года России в Китае на китайское общество). 中国社会调查所. 2006. 底稿.

Согласно другому опросу того же института, подавляющее большинство китайских респондентов с энтузиазмом выступает за близкие отношения с северным соседом. Так, по его данным, в 2008 г. на вопрос «Как, Вы считаете, Китай и Россия должны вести себя перед лицом глобальных вызовов и угроз?» 75,8% опрошенных высказали мнение, что две страны должны объединить усилия, 10,1% — «противостоять вызовам и угрозам по отдельности», а 10,8% — «соблюдать определенную дистанцию между собой».

В то же время Россию примером для развития своей страны считает лишь незначительное число китайцев, в то время как «китайская» модель привлекает в России довольно многих, уступая лишь «американской» и «германской» (см. Рис. 7.7).

Рисунок 7.7 Примеры для подражания



Источник: Romir-monitoring. Россия и Китай в меняющемся мире. М., 2004.

Отношение китайцев к политическим и экономическим реалиям российской жизни не столь однозначно. Так, в 2008 г., оценивая политическую ситуацию в России, лишь 2,9% китайских респондентов назвали ее «очень стабильной», 41,9% — «стабильной», 23,4% — «нестабильной» (28,2% затруднились ответить). 37,9% китайских респондентов посчитали, что основу российской экономики составляет «оборонная промышленность», 30,5% — «промышленность», 15,4% — сельское хозяйство, 15% — «сфера обслуживания (включая торговлю)». 39,5% описали российскую экономику как «открытую рыночную», но 10,2% все еще посчитали ее «закрытой плановой». При этом лишь 13,4% посчитали, что она более открыта, чем китайская, а 33,8% высказали обратное мнение. В целом лишь 20% респондентов отметили, что российская экономика развивается «очень быстро», а 28,6% — «очень медленно», причем 22,2 — думает, что она развивается быстрее китайской, а 31,2 — что медленнее. Интересно, что 13,2% опрошенных жителей крупных городов отметили, что у них в семье есть товары, произведенные в России, 3% — что имеют деловые связи с Россией (а с родственниками и знакомыми таких даже 7,9%), а 2,4% утверждали, что знают русский язык⁹⁶.

Желающих посетить Россию в Китае в процентном отношении гораздо больше, чем россиян, желающих посетить Китай (несмотря на то, что в реальности Китай ежегодно посещает в 3–4 раза россиян, чем китайцев — Россию). В 2008 г. примерно половина (49,4%) опрошенных жителей крупных китайских городов заявили о желании открыть в России дело, а 54,6% — посетить соседнюю стану в качестве туристов. В то же время 57% посчитали уровень туристического обслуживания в России «средним», и лишь 9,5% — очень хорошим, а 28,7 — «довольно хорошим»⁹⁷.

Таким образом, несмотря на общее положительное отношение к России в Китае и в Китае к России, у населения сохраняются значительное количество стереотипных и устаревших представлений. Есть и объективные причины для негативных оценок: рост ксенофобии в обеих странах, неразвитость отдельных секторов российской экономики, далекий от идеального инвестиционный климат. Немало для стереотипизации соседа делают СМИ. Так, во время опроса ФОМ 2006 г. на открытый вопрос о том, какую именно информацию они слышали или читали в СМИ за последние месяцы, многие российские респонденты вспомнили не только «развитие китайской экономики» (7%), но и «нелегальную миграцию китайцев в Россию, угрозу отторжения российских территорий» (3%), «аварию на химзаводе» (3%), импорт китайских товаров низкого качества (2%), птичий грипп (2%), развитие спорта (2%), проблему перенаселенности Китая (2%), и лишь по 1% упомянули информацию о российско-китайском сотрудничестве, политической ситуации, повышении уровня жизни и быстром развитии⁹⁸. Неудивительно, что в 2008 г. специалисты ФОМ, отмечая, что, согласно новому опросу, 29% респондентов высказали хорошее отношение к Китаю, констатировали, что 56% участников опроса охарактеризовали свое отношение как «безразличное» (этот ответ особенно типичен для сельских жителей и жителей мегаполисов, а также для людей в возрасте до 35 лет — 61 и 62% в этих группах соответственно). О «плохом» отношении к Китаю заявили 9% респондентов (6% затруднились

⁹⁶ 同上, 第7, 10, 11, 13, 20 页.

⁹⁷ 同上, 第14, 18 页.

⁹⁸ ФОМ. Генпроект: Китай. 16.03.2006. Опрос населения (<http://bd.fom.ru/report/map/dd061123>).

ответить на данный вопрос). Авторы констатировали нарастание индифферентного, отстраненного отношения россиян к Китаю (в 2001 г. «безразлично» относились к этой стране 47%, в 2006 г. — 51% опрошенных).

С другой стороны, в Китае интерес к России довольно высок. Согласно опросу жителей крупных городов 2008 г., 81,4% респондентов высказали желание больше знать о России и лишь 17,5 — безразличие к информации о соседней стране. При этом 3,9% отметили, что «очень внимательно следят» за политической ситуацией в России, 21,7% — «внимательно следят» и 21,1% — просто «следят» (34,2% — «не особенно следят, а 19,1% — «не следят»). Это означает, что большинству жителей крупных китайских городов небезразлично, что происходит в России. При этом большая часть (54,2%) пояснили, что черпают информацию о России из газет и телевидения, 16,6% — из книг, 16,1% — из Интернета, 10,9% — от родственников, друзей и коллег, а 2,1% — из других источников⁹⁹. Итак, СМИ остаются основным источником информации друг о друге для жителей двух стран, и характер этой информации во многом формирует их представления.

Таким образом, усилия руководства обеих стран дают определенные позитивные результаты, однако взаимопонимания между двумя народами еще недостаточно. По данным опросов, улучшению отношений между простыми гражданами в значительной степени способствует интенсификация практических контактов и взаимодействия на низовом уровне. Это уже происходит в приграничных регионах нашей страны, где, по свидетельству экспертов, опасения относительно «китайской угрозы» практически сняты с повестки дня: люди заняты каждодневным практическим сотрудничеством с соседом, и мифы им ни к чему¹⁰⁰. Те же процессы отмечаются во многих частях Китая, где простые жители, каждодневно общаясь с россиянами, относятся к ним не как к «старшим братьям» или сторонникам «гегемонизма», а буднично-практически и вполне дружелюбно. Можно надеяться, что с расширением практического сотрудничества на всех уровнях взаимопонимание между народами наших стран будет расти, и это станет прочной основой для зрелых дружественных отношений, какие и должны быть между близкими соседями. А дружественные отношения между двумя крупнейшими государствами Азии, двумя ядерными державами, двумя постоянными членами СБ ООН, безусловно, станут важным фактором глобального мира и стабильности.

Выводы

Бурное развитие Китая, конечно, поставило перед Россией серьезную проблему, и российское руководство понимает ее. Как заявил В.В. Путин, говоря о нуждах российского Дальнего Востока 21 июля 2000 г. в Благовещенске, «если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, то тогда даже исконно русское

⁹⁹ 中国人眼中的俄罗斯. 第3, 6页.

¹⁰⁰ Так, согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в августе 2007 г., жители Дальневосточного федерального округа более позитивно относятся к использованию китайской рабочей силы, чем россияне в целом. См.: Китайские рабочие в России: Демографическая угроза или экономический ресурс? // Пресс-выпуск № 773. ВЦИОМ. 2007. Сент. 20 (<http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8844.html?cHash=aab5deae1c>).

население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках»¹⁰¹.

Действительно, если Китай будет развиваться гораздо быстрее России, то когда-то это может создать крайне невыгодный для нашей страны контраст — современные развитые, густонаселенные, богатые территории пограничного Китая окажутся вблизи российских слабозаселенных, неразвитых, бедных окраин. Но проблема эта — не китайская, а российская.

Быстрое развитие и усиление Китая — это факт, объективная реальность, которую нельзя изменить. Мы не знаем, что случится в будущем, но реальная политика не может строиться на основе предположений, хотя и должна учитывать все возможности. Поэтому нужно не бороться с реальностью, не критиковать ее, а постараться использовать в своих интересах. Если ваш сосед живет хорошо, разумным будет не сжечь его дом или бесконечно расстраиваться по этому поводу, но постараться научиться у него чему-то, подружиться, хотя бы для того, чтоб одолжить инструменты или деньги. Но и самому надо работать. В случае с Китаем такое отношение как раз и будет заключаться, как писал В.В. Путин, в активном выстраивании новых кооперационных связей «сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, задействуя — разумеется, с умом — китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока». При этом необходимо учитывать, что «своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование»¹⁰².

На основании изучения опыта развития КНР и современного состояния взаимодействия России и Китая для углубления и развития российско-китайских отношений и решения накопившихся в них проблем необходимо продолжить линию на развитие стратегического партнерства, при этом всемерно укрепляя собственную экономику, развивая собственные регионы. И это будет единственно верным ответом на китайский вызов. «Мы должны следить за тем, как развивается Китайская Народная Республика, и делать определенные выводы, — отмечал Д.А. Медведев, — потому что нам, во-первых, в чем-то есть с чего брать пример, хотя каждая страна уникальна, а я только что сказал, что у России свой путь в рыночную экономику и, конечно, в демократию. Мы не должны допустить того, чтобы некоторые проблемы у нас решались хуже, чем в Китае. Вы знаете, я прямо могу сказать, когда я приезжаю, например, в Амурскую область и вижу, как блестяще развивается сопредельный регион Китайской Народной Республики, я понимаю, что мы обязаны делать то же самое, иначе это будет очень плохо отражаться на позициях России. Вот в этом, конечно, вызов»¹⁰³.

Конкретные направления российской политики на обозримый период могли бы выглядеть так:

1. Углубление конструктивного сотрудничества по международным вопросам, представляющим взаимный интерес, прежде всего координацию позиций в Совете Безопасности ООН и по региональным проблемам.

¹⁰¹ Путин В.В. Выступление на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». 21.06. 2000. Благовещенск (<http://2002.kremlin.ru/events/50.html>).

¹⁰² Путин В.В. Россия и меняющийся мир.

¹⁰³ Медведев Д.А. Интервью газете «Файнэншл таймс». 20.06.2011 (<http://news.kremlin.ru/transcripts/11630>).

2. Интенсификация конструктивного сотрудничества с КНР в сфере двусторонних отношений. Особое внимание уделить расширению взаимодействия правоохранительных органов: миграционных, таможенных и пограничных служб, органов внутренних дел для решения проблем взаимного пребывания граждан на территории другой страны. В ходе переговоров необходимо активнее поднимать вопросы реадмиссии (перенаправления граждан другой страны, высланных из третьих стран, в страну гражданства), торговли людьми (прежде всего, незаконным удерживанием российских граждан на территории КНР для работы в увеселительных заведениях), преступности в отношении российских граждан.

3. Работа с органами внутренних дел, пограничной и таможенной службами, направленная на исключение случаев необъективного и «особого» отношения к китайским гражданам при пересечении российской границы и в период пребывания на территории России. Необходимо строго наказывать за вымогательство взяток сотрудниками пограничной, таможенной и миграционной служб.

4. Повышение независимости судов в регионах (как от административной власти, так и от негосударственных групп интересов), имея в виду, что независимость и беспристрастность суда при рассмотрении хозяйственных и других споров с участием иностранных граждан — важнейший фактор улучшения инвестиционного климата.

5. Выработка критериев ускоренного предоставления российского гражданства и вида на жительства некоторым категориям китайских граждан, желающих этого (уровень образования, профессия, возраст и т.д.).

6. Принятие мер для улучшения инвестиционного климата в России, прежде всего за счет налаживания работы местных органов власти и управления. Необходимо обязать местные органы власти издавать ясные документы относительно инвестиционных правил в данном регионе, в том числе на иностранных языках, а также с результатами развития за предшествующий период, которые были бы доступны на их интернет-сайте. Создание условий для карьерного роста руководителей тех регионов, которые обеспечили наибольший экономический рост и приток инвестиций в своем регионе.

7. Показателем положительной динамики развития торгово-экономического сотрудничества с КНР (как и с другими странами) должен стать не рост объема торговли (тем более импорта), а объем привлеченных инвестиций, прежде всего, в развитие производства в машинотехнической и инновационной сферах, рост этих сфер и экспорта на их основе, а также рост занятости и налоговых поступлений, обусловленных инвестициями из КНР.

8. Средства массовой информации могли бы более активно освещать положительный китайский опыт в сфере экономического развития, китайской культуры, спорта и т.п.

9. Необходимо расширить преподавание китайского языка, китайской политики и экономики в российских вузах, в том числе негуманитарной сферы: целенаправленно готовить инженеров, физиков, нефтяников, газовиков, финансистов и т.д. со знанием китайского языка с направлением их на стажировку в КНР. Обеспечить приток специалистов по КНР в органы власти и управления различных уровней, вплоть до самого высшего.

10. Для сохранения российского культурного и политического влияния в КНР принципиально расширить работу по улучшению имиджа России в КНР.

С другой стороны, работа на развитие отношений с Китаем не должна ограничивать российские усилия на других направлениях. Опасения относительно намерений Пекина в странах АТР, даже если они и преувеличены, объективно создают для России благоприятную возможность для развития более тесного сотрудничества с такими важными партнерами, как Япония, Южная Корея, Индия, государства АСЕАН. В этой обстановке необходимо, не ослабляя усилий на китайском направлении, активно развивать экономическое и политическое сотрудничество с другими крупными державами АТР, в том числе США, Японией, Южной Кореей и Индией, которые не заинтересованы в резком изменении баланса сил в регионе в результате быстрого усиления Китая и ослабления России. Эти державы могли бы по этой причине предоставить России технологии и инвестиции, разумеется, при наличии уверенности в том, что эти средства будут использованы рационально и по назначению. Представляется целесообразным начать стратегический диалог по развитию международной обстановки в АТР в формате Россия—Япония—Республика Корея, либо Россия—Япония—Республика Корея—Индия, основным содержанием которого было бы согласование усилий на фоне роста мощи КНР. В связи с остротой данного вопроса начать такой диалог можно было бы на экспертном уровне.

Кроме того, Россия могла бы поддержать инициативы других стран или выступить с собственной инициативой создания в АТР новой многосторонней системы безопасности, возможно, регионального международного формирования, которое обеспечивало бы игру по общим и одинаковым для всех участников правилам в регионе, учет и уважение интересов все сторон, выработало бы общие для всех меры доверия.

Учитывая разногласия в КНР относительно будущего внешнеполитического курса, необходимо ориентировать российское экспертное сообщество на открытое и откровенное высказывание в беседах с китайскими коллегами опасений относительно роста националистических настроений в Китае. Аргументация могла бы сводиться к тому, что активизация деятельности китайской дипломатии и, особенно, НОАК за рубежом по обеспечению китайских экономических интересов вызовет отторжение многих государств, которые могут принять согласованные меры защитного характера, что крайне неблагоприятно отразится на развитии самого Китая, нуждающегося в сотрудничестве с внешним миром.

В целом из складывающейся ситуации можно сделать следующие выводы. В настоящее время Китай бурно развивается, однако в стране существует множество проблем. По оценкам экспертов, в краткосрочной перспективе (10–15 лет) экономический рост и внешнеполитическое укрепление Китая продолжится. В более долгосрочной перспективе возможно как продолжение нынешних тенденций, так и замедление роста, который может привести к сложностям и даже политическому кризису. Теоретически, России необходимо иметь сценарии действия при всех вариантах развития событий. Однако, если говорить об обозримом будущем, то подход должен быть прагматическим. Исходя из этого, смыслом российской политики должно стать сочетание двух линий: 1) всемерное развитие инфраструктуры сотрудничества, направленное на увеличение заинтересованности в нем и включенности в него Пекина, а также на разумное использование мощного потенциала Китая для содействия российскому экономическому росту; 2) строительство системы отношений с соседями Китая и другими государствами с целью создания баланса отношениям с Пекином и ухода от односторонней зависимости от него.

Основная литература

На русском языке:

- Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007.
- Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в трех томах. Т. 2. М.: Научная книга, 2002.
- Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. М.: Восток-Запад, 2011.
- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимодействий. М.: Муравей, 2004.
- Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной миграции. М.: Муравей, 2004.
- Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. Моск. Центр Карнеги. М., 2005.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай—Россия — 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
- Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
- Михеев В.В.* Китай—Япония: Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире.
- Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008.

На китайском языке:

- 巴扎诺夫 (Бажанов Е.П.): 俄罗斯 - - 中国: 走向战略协作伙伴关系的曲折之路 (Россия—Китай: тернистый путь к стратегическому партнерству). 哈尔滨, 黑龙江大学出版社, 2010.
- 赵华胜 (Чжао Хуашэн): «中国的中亚外交» (Китайская дипломатия в Центральной Азии), 时事出版社2008年版.

На английском языке:

- Lo Bobo.* Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 2008.
- Bellacqua James A.* The Future of China-Russia Relations: Asia in the New Millennium. Lexington: The University Press of Kentucky, 2010.

ОБ АВТОРАХ

**БАЖАНОВ Евгений Петрович —
ректор Дипломатической академии МИД России,
доктор исторических наук**

Родился в 1946 г. во Львове, в 1970 г. окончил Московский государственный институт международных отношений, в 1972 г. — аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР, в 1981 г. — Дипломатическую академию МИД СССР. В 1969—1970 гг. учился в Наньянском университете (Сингапур) по специальности «Китайская философия и лингвистика». В 1970—1985 гг. — на дипломатической работе. В 1970—1973 гг. — сотрудник МИД СССР; в 1973—1979 гг. — вицеконсул Генерального консульства СССР в Сан-Франциско (США); в 1981—1985 гг. — советник Посольства СССР в КНР. С 1985 г. — ответственный сотрудник Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, с 1988 г. — Международного отдела ЦК КПСС. В 1991—2011 гг. проректор по научной работе и международным связям, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. С 2011 г. — ректор Дипломатической академии. Автор 40 монографий и свыше тысячи научных и публицистических статей по общим проблемам международных отношений, внешней политике и внутреннему положению России, США, Китая, Северной и Южной Кореи, Японии, государств АСЕАН, Европы, Ближнего и Среднего Востока. Труды опубликованы в 22 странах мира, некоторые из них удостоены международных премий. Заслуженный деятель науки России, почетный доктор Народного университета (Пекин, КНР) и нескольких научно-образовательных учреждений России, Киргизии, Тайваня (Китай), член ряда международных академий; лауреат журналистских и научных премий СССР (России), Южной Кореи, США, Австрии, Австралии.



**ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич —
заведующий кафедрой всеобщей истории
Гуманитарного института Сибирского федерального университета,
доктор исторических наук**



Родился в 1964 г. в Красноярске. В 1989 г. окончил с отличием исторический факультет Красноярского государственного педагогического института и был принят на кафедру всеобщей истории для чтения восточноведческих курсов. В 2001 г. защитил в Иркутске докторскую диссертацию «Российско-китайские отношения в 1881—1903 гг.» по специальности «всеобщая история». Прошел стажировки в Институте востоковедения РАН и ряде других институтах России и за рубежом. В 2005 г. возглавил вновь образованную кафедру

всеобщей истории Красноярского государственного университета (после вхождения в 2006 г. КГУ в состав Сибирского федерального университета — кафедра всеобщей истории Гуманитарного института СФУ). Ведет курсы по истории Китая и русско-китайских отношений в различных университетах Сибири и Дальнего Востока, а также в Пекинском педагогическом университете. Сотрудничает с институтами АОН КНР, китайскими провинциальными АОН, АН Монголии, центрами научных исследований в различных университетах Китая, Японии, стран Европы и СНГ. Автор 14 монографий, многочисленных научных статей и разделов в коллективных монографиях, опубликованных как в России, так и за рубежом.

**ДЕНИСОВ Андрей Иванович —
Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации
в Китайской Народной Республике,
кандидат экономических наук**

Родился в 1952 г. в Харькове. В 1974 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 1973–1974 гг. — стажер Торгового представительства СССР в КНР. В 1974–1977 г. — аспирант Института экономики мировой социалистической системы АН СССР.



В 1978–1981 гг. — экономист Торгового представительства СССР в КНР. С 1981 г. — в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, с 1988 г. — Международном отделе ЦК КПСС (референт, заместитель заведующего сектором, руководитель группы). В 1991–1992 гг. — эксперт Секретариата Президента СССР. С 1992 г. — в системе МИД СССР, занимал различные дипломатические должности в центральном аппарате министерства и за рубежом. В 1992–1997 гг. — советник, старший советник, советник-посланник Посольства России в КНР. В 1997–2000 гг. — директор Департамента экономического сотрудничества. В 2000–2001 гг. — посол России в Арабской Республике Египет. В 2001–2004 гг. — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации.

В 2004–2006 гг. — Постоянный представитель Российской Федерации при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке и представитель Российской Федерации в Совете Безопасности ООН. С 2006 г. — первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. С 2013 г. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике. Отмечен рядом государственных наград. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

**ИВАНОВ Андрей Владимирович —
старший научный сотрудник Центра исследований
Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) МИД России,
кандидат политических наук**

Родился в 1957 г. в Ярославле. В 1983 г. окончил факультет научно-технической информации Московского историко-архивного института. В 1983—1990 гг. работал программистом в вычислительном центре Совета Министров СССР.



В 1992—1995 гг. работал корреспондентом журнала «Япония сегодня». В 1994—1995 гг. по приглашению Японского фонда вел исследования в области СМИ Японии в Институте социо-информационных исследований Токийского университета. В 1995—1997 гг. работал обозревателем отдела внешней политики еженедельника «Новое время», а в 1997—2008 гг. — корреспондентом отдела внешней политики газеты «Коммерсант». В 2007—2008 гг. был заместителем главного редактора ежемесячного журнала «Россия-Китай. XXI век». В 2008—2010 гг. работал редактором отдела внешней политики еженедельника «Эхо планеты» (ИТАР-ТАСС).

С 2011 г. — шеф-редактор интернет-сайта на японском языке ФГУ РГРК «Голос России». Автор многочисленных статей по российско-японским и российско-китайским отношениям, проблемам АТР. Владеет английским, японским, китайским и корейским языками. В 2010 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Российско-японские отношения на современном этапе».

**ЛАРИН Виктор Лаврентьевич —
директор Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
доктор исторических наук**

Родился в 1952 г. во Владивостоке. В 1974 г. окончил Восточный факультет Дальневосточного государственного университета. В 1974—1991 гг. — преподаватель, в 1986—1991 гг. — декан восточного факультета ДВГУ, с ноября 1991 г. — директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Профессор Дальневосточного федерального университета. Стажировался в Сингапурском и Фуданьском университетах (Шанхай), Японском институте международных отношений. Почетный доктор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР (2000), почетный профессор Цзинаньского университета (КНР, 2009 г.)



Специалист в области востоковедения и международных отношений в АТР. Автор более 170 научных работ (в том числе 8 монографий) по проблемам истории Китая, российско-китайских отношений, международных отношений в Восточной Азии и АТР. Главный редактор журнала «Россия и АТР», член редколлегий ряда научных журналов, ответственный редактор информационно-справочного бюллетеня «У карты Тихого океана».

**ЛУКИН Александр Владимирович —
проректор Дипломатической академии МИД России
по научной работе и международным связям,
директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института
международных исследований МГИМО(У) МИД России,
доктор исторических наук**

Родился в 1961 г. в Москве. В 1984 г. окончил факультет международных отношений МГИМО МИД СССР. Проходил стажировку на философском факультете Пекинского университета (КНР). Работал в МИД СССР, Посольстве СССР в КНР, Институте



востоковедения АН СССР. В 1990 г. был избран депутатом Моссовета, возглавлял подкомиссию по межрегиональным связям. В 1997 г. получил степень доктора философии по специальности политика в Оксфордском университете (Великобритания), в 2007 г. — доктора исторических наук в Дипломатической академии МИД России. Работал в Гарвардском университете и Институте им. Брукинса (США), в 1999—2007 гг. — доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО(У), в 2000—2006 гг. — ассоциированный исследователь Института европейских, российских и евразийских исследований Университета им. Дж. Вашингтона (США). С момента основания в 2004 г. возглавляет Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) МИД России. Член редколлегии журналов «Asian Politics and

Policy» (США) и «Международные проблемы» (Сербия), главный редактор журнала «Россия—Китай. XXI век» (2005—2008), почетный исследователь Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян (КНР). Автор ряда книг и многочисленных статей о политической ситуации в России, странах Восточной Азии и российской внешней политике, публиковавшихся в научных журналах и периодической печати на русском, английском и китайском языках. В 2009 г. Председателем КНР Ху Цзиньтао награжден медалью за «Выдающийся вклад в развитие китайско-российских отношений», в 2012 г. — медалью «10 лет Шанхайской организации сотрудничества» за вклад в становление и развитие ШОС.

**ПИСАРЕВ Александр Андреевич —
профессор Института европейских исследований
и Факультета русского языка и литературы
Даньцзянского университета (Тайвань),
доктор исторических наук**

Родился в 1950 г. во Владивостоке. В 1974 г. окончил Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, затем преподавал в этом институте. С 1984 г. — доцент, с 1994 г. — профессор кафедры истории Китая ИСАА. С 1996 г. — профессор Института России, затем — Института европейских исследований Даньцзянского университета (Тайвань). В 1997–2003 гг. — декан факультета русского языка и директор Института России Даньцзянского университета. Автор более 150 работ по проблемам политической и социальной истории Китая XX века, советско-китайских отношений, а также истории политических реформ и внешней политики современной России.



**РОМАНОВА Галина Николаевна —
старший научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
кандидат исторических наук**

Родилась в 1947 г. в Комсомольске-на-Амуре, в 1970 г. окончила Дальневосточный государственный университет. В 1980 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «История русско-китайских экономических отношений на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.». С 1970 г. работает в Институте истории ДВО РАН. Преподавала внешнюю политику Китая, экономику КНР, российско-китайские экономические отношения, страноведение Китая, геополитику, китайский язык в Дальневосточном государственном университете, Дальневосточном государственном техническом университете, Владивостокском государственном университете экономики и сервиса и других вузах. Автор более 150 работ, издававшихся в России и Китае, в том числе монографии «Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в.» (1987).



**САМОЙЛОВ Николай Анатольевич —
заведующий кафедрой теории общественного развития
стран Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор исторических наук**

Родился в 1955 г. в Ленинграде. В 1977 г. с отличием окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета по специальности «История Китая». С 1980 г. работает на Восточном факультете ЛГУ/СПбГУ. Преподает



новую и новейшую историю Китая, историю российско-китайских отношений, историю общественной мысли Китая, ведет спецкурсы и спецсеминары по проблемам современной исторической науки и истории христианства в странах Восточной Азии. Проходил научную и языковую стажировку в Пекинском университете (1984–1985 и 1991–1992). С 2013 г. — заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки. Читал лекции и выступал с научными докладами и сообщениями в университетах Китая, Японии, США, Германии, Финляндии, Италии, Чехии, Швеции. Участник многих международных научных конференций и симпозиумов. Заместитель директора Санкт-

Петербургского филиала Института Дальнего Востока, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корреспондент Лиссабонского географического общества. Автор более 120 научных публикаций по истории Китая, истории российско-китайских и российско-японских отношений, международным отношениям на Дальнем Востоке, а также по теоретическим вопросам востоковедения.

Список биографических врезок

АРХИПОВ Иван Васильевич	271
БАЙКОВ Федор Исаакович	421
БИЧУРИН Никита Яковлевич — см. Иакинф	
БЛЮХЕР Василий Константинович	140
БОРОДИН Михаил Маркович	139
БУДОГОССКИЙ Константин Фаддевич	412
БЮЦОВ Евгений Карлович	517
ВАН Мин	159
ВИТТЕ Сергей Юльевич	56
ВЛАДИСЛАВИЧ-РАГУЗИНСКИЙ Савва Лукич	33
ВОЙТИНСКИЙ Григорий Наумович	136
ВОЛЬСКИЙ Аркадий Иванович	317
ГАНТИМУР	410
ГАО Ган	228
ГОЛОВИН Федор Алексеевич	27
ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич	273
ГРОДЕКОВ Николай Иванович	418
ГРУЗЕНБЕРГ — см. Бородин	
ГУН, Великий князь	46
ДАЙ Хунцы	66
ДАРЬКИН Сергей Михайлович	481
ДЕЛЮСИН Лев Петрович	554
ДЖУГАШВИЛИ — см. Сталин	
ДЗЕВАЛТОВСКИЙ — см. Юрин	
ДОРЖИЕВ Агван Лобсан	68
ДУАНЬ Цижуй	125
ДУН Цзяньхуа	588
ДУХОВСКОЙ Сергей Михайлович	416
ДЭН Сяопин	267
ЕЛЬЦИН Борис Николаевич	301
	699

ЖУКОВ Александр Дмитриевич	349
ЗАРХИН — см. Войтинский	
И Шань.	411
ИАКИНФ	96
ИБИС Пауль	515
ИВАНОВ Игорь Сергеевич.	607
ИГНАТЬЕВ Николай Павлович	47
ИОФФЕ Адольф Абрамович	124
ИШАЕВ Виктор Иванович.	482
КАПИЦА Михаил Степанович	236
КАРАХАН Лев Михайлович	130
КАФАРОВ Петр Иванович — см. Палладий	
КОВАЛЕВ Иван Владимирович	231
КОЗЫРЕВ Андрей Владимирович	300
КОЛЧАК Александр Васильевич.	133
КОНШТАДТ фон — см. Шиллинг	
КОСЫГИН Алексей Николаевич	251
КУНАДЗЕ Георгий Фридрихович	305
ЛАНГ Лоренц	37
ЛЕВИН — см. Луи	
ЛИ Дэнхуэй	550
ЛИ Ланьцин.	295
ЛИ Пэн.	292
ЛИ Фэнлинь	224
ЛИ Хунчжан.	55
ЛИ Хуэй	355
ЛИ Цзинцзе	323
ЛИ Цзяо	414
ЛОБОВ Олег Иванович	546
ЛУИ Виталий Евгеньевич.	530
ЛЮ Гучан	331
ЛЮ Шаоци	209
МАО Цзэдун	218
МЕДВЕДЕВ Дмитрий Анатольевич	596

МЕЛИКСЕТОВ Арлен Ваагович	197
МИКОЯН Анастас Иванович	201
МИЛЕСКУ-СПЭТАРУ – см. Спафарий	
МИН Цзи	543
МОРГУЛОВ Игорь Владимирович	318
МУРАВЬВ-АМУРСКИЙ Николай Николаевич	43
МЯСНИКОВ Владимир Степанович	20
НАЗДРАТЕНКО Евгений Иванович	480
НЕВСКИЙ Николай Александрович	519
ПАЛЛАДИЙ	99
ПАНЮШКИН Александр Семенович	170
ПОПОВ Гавриил Харитонович	539
ПОТАНИН Григорий Николаевич	427
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Николай Михайлович	65
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	369
ПУЛИКОВСКИЙ Константин Борисович	494
ПУТИН Владимир Владимирович	327
ПЭН Дэхуай	234
РАЗОВ Сергей Сергеевич	346
РАХМАНИН Олег Борисович	235
РОГАЧЕВ Игорь Алексеевич	321
РОССОХИН Илларион Калинович	94
СЕМЕНОВ Григорий Михайлович	126
СПАФАРИЙ Николай Гаврилович	514
СТАЛИН Иосиф Виссарионович	221
СТАРЦЕВ Алексей Дмитриевич	426
СУН Цзывэнь	181
СУНЬ Ятсен	137
СЮЙ Цзинчэн	516
ТИТАРЕНКО Михаил Леонтьевич	359
ТИХВИНСКИЙ Сергей Леонидович	205
ТРОЯНОВСКИЙ Олег Александрович	287
У И	348
УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ фон, Роберт Николай Максимилиан	128

УХТОМСКИЙ Эспер Эсперович	572
ФЕДОРЕНКО Николай Трофимович	226
ХОРВАТ Дмитрий Леонидович	132
ХРУЩЕВ Никита Сергеевич	230
ХУ Цзиньтао	339
ХЭ Хоухуа	606
ЦЗИНЬ Юн – см. ШЭН Шицай	
ЦЗО Цзунтан	52
ЦЗЭН Иньцюань	590
ЦЗЭН Цицзэ	53
ЦЗЯН Цзеши – см. ЧАН Кайши	
ЦЗЯН (Чжан) Сяоянь	532
ЦЗЯН Цзинго	531
ЦЗЯН Цзэминь	311
ЦЯНЬ Цичэнь	265
ЧАН Кайши	141
ЧЖАН Дэгуан	366
ЧЖАН см. Цзян Сяоянь	
ЧЖАН Сюэлян	439
ЧЖАН Цзолинь	435
ЧЖАН Цзоцзи	493
ЧЖОУ Эньлай	219
ШИЛЛИНГ Павел Львович	423
ШИШМАРЕВ Яков Парфеньевич	425
ШЭН Шицай	173
ЮРИН Игнатий Леонидович	434
ЯН Шанкунь	307
ЯНЬ Хуэйцин	154

**Из выступлений участников презентации монографии
«Россия и Китай: четыре века взаимодействия»,
состоявшейся в Дипломатической Академии МИД России 30 мая 2013 г.**

«Вышедший в свет новый научный труд, вне всякого сомнения, раздвигает горизонты отечественного китаеведения и в целом... науки о международных отношениях... Появление подобных фундаментальных научных исследований, безусловно, вносит серьезный вклад в дело углубления дружественных связей между нашими странами... Авторы не только показывают отношения между Россией и Китаем в их сложной динамике, но и рисуют поистине стереоскопическую панорамную картину... Мы сегодня имеем перед собой книгу, которая будет иметь очень широкий резонанс».

*И.В. Моргулов
Заместитель Министра иностранных дел
Российской Федерации*

«Что касается этой книги, это как раз тот прорыв, это фундаментальная работа, на основе которой подготовка нынешнего поколения китаеведов будет более систематизированной, более направленной в конкретное русло, поскольку этот труд с точки зрения объективного анализа отношений наших двух великих стран является первым за последние очень долгие годы».

*И.И. Абылгазиев
Директор Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова*

«Эта книга — “Россия и Китай: четыре века взаимодействия” — является результатом кропотливой работы многих известных китаеведов, историков и специалистов по международным отношениям. В ней дан всесторонний анализ динамики развития китайско-российских отношений, обобщен опыт укрепления дружбы и сотрудничества. Это помогает всем нам, в частности, представителям молодых поколений, понять, насколько нам дороги сегодняшние китайско-российские отношения».

*Ли Хуэй
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Китайской Народной Республики
в Российской Федерации*

«Книга...очень интересная... Это вообще знаменательное событие — появление этой монографии. Книга будет очень интересна и тем, кто только начал заниматься российско-китайскими отношениями».

*В.Ф. Потапенко
Главный советник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике*

«Эта книга — “Россия и Китай: четыре века взаимодействия” — является очень важной фундаментальной научной работой. Для того, чтобы в одной книге затрагивались 400 лет, нужен не только большой ум, нужна и большая смелость».

*Ли Юнцюань
И.о. Директора института России, Восточной Европы и Центральной Азии
Китайской академии общественных наук*

«В этой книге 400-летний исторический срез, исторический формат дан совершенно блестяще. Это и академический стиль, и одновременно интересно, популярно изложенный материал... Этот том — очередной кирпич в то здание, которое все мы строим, и чем больше таких кирпичей будет, тем крепче будет здание нашего стратегического партнерства и сотрудничества».

*С.Г. Лузянин
Заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук*

«Новый учебник — очень важная книга, и мы на Западе и везде должны обратить внимание на то, что здесь написано. Этот новый учебник даст читателям полную картину развития отношений. Нет другой книги на любом языке, которая сравнима с этой книгой».

*Г. Розман
Профессор Принстонского университета (США)*

Россия и Китай: четыре века взаимодействия

**История, современное состояние и перспективы развития
российско-китайских отношений**

Под редакцией *А.В. Лукина*

Редактор *О.А. Зимарин*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Верстка: *Н.А. Кузнецова*

Корректор *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 06.05.2013 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC

Формат 70 x 100 1/16. Усл. печ. л. 56,76

Тираж 1000 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»

125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».

Тел./факс: (495) 276-02-92

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством электронного оригинал-макета

В ОАО «Первая Образцовая типографии», филиал «Дом печати — ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 978-5-7777-0548-8



Китай стал для современной России важнейшим партнером. Это реальность. Как и то, что для большинства наших сограждан он продолжает оставаться страной загадочной и не многим более понятной, чем «китайская грамота» участникам первого русского посольства в Пекин в XVII веке. Авторы этой книги — ведущие российские ученые-китаеведы — рассказывают о перипетиях четырех столетий взаимодействия двух великих народов.

Российская и китайская державы, осваивая все новые территории, встретились на пространстве Евразии. Тогда Китайская империя по уровню развития превосходила Европу и считала все остальные народы варварами. А на рубеже XIX—XX веков Россия вместе с другими бывшими «варварами» занялась разделом сфер влияния в Поднебесной. Советский Союз поначалу видел в Китае и его народе резерв «мировой революции». Советники из СССР учили жить и бороться как китайских коммунистов, так и националистов. Военспецы командовали китайскими армиями, а советские летчики сбивали японские самолеты и топили японские корабли. Помощь Москвы воевавшему с Японией Китаю превосходила поддержку ею республиканской Испании в 30-е годы XX века.

Полон драматизма раздел, посвященный непростым отношениям Никиты Хрущева и Мао Цзэдуна. Для многих читателей станет открытием рассказ о том, почему Москва и Пекин, еще недавно «друзья навек», превратились во врагов, и какую в действительности роль в этом сыграл секрет атомной бомбы. Поучительна непростая история примирения двух держав, начавшаяся на исходе существования СССР. Важное значение в этом процессе имело развитие региональных связей, о чем на страницах исследования академического уровня написано впервые. Книга освещает и непростую историю отношений России с такими китайскими территориями, как Тайвань, Гонконг и Макао.

Книга обращена не только к тем, кто изучает Китай и международные отношения, но и к широкому кругу читателей.

